Kostomarov

Polon.

127 e

Минская Городская
Библиотека
им.
Л. Н. Толстого

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

940 К72
№3392.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ

Минская Городская Библиотека им. Л. Н. Толстого
СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ * ЗУБАКИНЪ *
Ин. 1982

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

Второе изданіе.

Библіотека
Сергѣя Пэтровича Зубакина
С 3

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО. УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

9.11.5176

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Библіотека
Сергѣя Петровича Зубакина

ИСТОЧНИКИ.

Для избѣжанія повтореній въ текстѣ, авторъ приводитъ полныя заглавія какъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ и матеріаловъ, такъ и сочиненій, заключающихъ въ себѣ мѣста изъ непосредственныхъ источниковъ, на основаніи чего составленъ имъ настоящій трудъ. Источники и сочиненія размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ, съ краткимъ указаніемъ относительнаго ихъ достоинства.

1. Angenberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques, concernant la Pologne, 1762—1862. Paris. MDCCCLXIII.

2. Annexa do szęści pierwszey relacyi w materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynioney w Warszawie. (Приложенія къ книгѣ подъ № 96. Важное собраніе дѣловыхъ бумагъ, взятыхъ у архіерея Садковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя только описаны, другія приведены въ польскомъ переводѣ цѣликомъ).

3. Blum, Karl Ludwig. Ein russicher Staatsman. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschiche Russlands. 4 t. Leipzig und Heidelberg. 1857 г. (Для нашего предмета особенно важна третья часть этого сочиненія, гдѣ приведены письма Сиверса къ дочери и нѣкоторыя донесенія правительству: въ нихъ есть очень любопытныя и важныя свѣдѣнія о переговорахъ его съ королемъ и о всемъ ходѣ гродненскаго сейма равнымъ образомъ важенъ взглядъ самого дипломата на окружавшіе его предметы и событія).

4. Бродовскаго, Ѳеодосія. Историческія Записки. Львовъ. 1860. Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej. (Сообщаются свѣдѣнія о тревогѣ происходившей въ 1789 г. по поводу разнесшихся слуховъ о начинающемся возстаніи въ Украинѣ и о жестокостяхъ, совершенныхъ при этомъ поляками надъ православными).

5. Bulletin national hebdomadaire. Warszawa. 1794. Эта еженедѣльная газета начала издаваться съ 26 мая, по закрытіи провизоріальнаго совѣта продолжалась до половины октября того же года и прекратилась послѣ Мацѣевичскаго пораженія.

6. Bunt Żelieźniaka i Gonty (въ Сборн. Рачинскаго. Obraz Polaków i Polski).

7. Castera. Histoire de Cathérine II, impératrice de Russie. Paris. 3 v. an VIII.

8. Correspondance diplomatique du maréchal Malachowski 1790—1792 (рук. Импер.

Публ. Библ. заключаетъ въ себѣ письма маршала Малаховскаго къ племяннику своему, находившемуся на посольствѣ въ Дрезденѣ, и письма короля къ тому же лицу; послѣднія очень важны, нѣкоторыя писаны цифрами.

9. Co się też dzieje z nieszczęśliwą oyczyzną naszą. Wiadomości poświęcone prawdzie i przyszłości. Warszawa. 1791.

10. Co to teraz Polak myśli? Warszawa. 1792. (Размышленіе объ опасностяхъ угрожавшихъ Польшѣ со стороны России).

11. Czartoryski. Żywot Juliana Niemcewicza. Paryż. 1860.

12. Czasy Stanisława Augusta Poniatowskiego przez jednego z posłów wielkiego sejmu napisane. Poznań. 1867. (Въ Сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Любопытное изложеніе всего царствованія Станислава Августа. Со времени Тарговицкой конфедераціи, разсказъ дѣлается подробнѣе. Приводятся нѣкоторые документы въ текстѣ).

13. Dąbrowskiego Henryka wyprawa do Wielkiej Polski w roku 1794 przez niego samego opisana z jedną mappą tudzież wyjątek z autobiografii jego wydane przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań. 1839. (Подробное описаніе военныхъ дѣйствій въ Великой Польшѣ во время послѣдней борьбы Польши за свое существованіе при Костюшкѣ).

14. Деречинской библіотеки рукопись, принадлежащая Виленской Публичной библіотекѣ, заключающая въ себѣ разные отрывки, касающіеся событій 1792—1795 годовъ.

15. Diariusz seymu ordynaryjnego, 1788 odprawionego (рукоп. Импер. Публ. Библ. Не оконченъ).

16. Diariusz ważniejszych rzeczy od dnia 23 Lipca 1793 przezemnie Jana Zarzyckiego (рукоп. Импер. Публ Библ. Мало заключаетъ въ себѣ важнаго).

17. Допросы Костюшкѣ, Нѣмцевичу, Вавржецкому и др. и ихъ показанія (въ Чтеніяхъ Импер. М. Общ. Ист. и Древн. 1866—1867).

18. Дѣла польскія, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ (рукописные рапорты, депеши, вѣсти, присылаемыя отъ русскихъ посланниковъ, рескрипты Государыни, предписанія канцлера, копіи съ сеймовыхъ дневниковъ и разныхъ актовъ).

19. Дѣла военныя, хранящіяся въ Архивѣ военно-топографическаго Депо (рукописныя реляціи о битвахъ, рапорты, предписанія, планы, сраженія, сообщенія).

20. Dzieło kongregacyi generalney obrządku starożytnego greckiego oryentalnego z mocy prawa na seymie w roku 1791 agitującym się zapadłego w przytomności J. W. pana Michała Korwina-Kochanowskiego posła wojewodztwa sandomirskiego przez Nayiaśniejszego krola J. M. Stanisława Augusta y Nayiaśniejszey Rptey stany delegowanego kommisarza w mieście Rzeczy Pospolitey wolnym Pińsku roku 1791, die 15 czerwca odbytey, porządek dla monasterów i cerkwi oraz członków tegoż obrządku przepisujące.

21. Dziennik czynności seymu Głównego ordynaryjnego warszawskiego pod związkiem konfederacyi oboyga narodow agitującego się. 10 т. 1788—1792. (Не оконченъ. Останавливается на половинѣ 1790 г. Не изложены секретныя засѣданія сейма).

22. Dziennik podróży króla J. Mci Stanisława Augusta na Ukrainę i do innych ziem koronnych roku 1787 dnia 23 Lutego rozpoczętey. Warszawa. 1788. (Подробенъ, но не касается вовсе того, что было дѣйствительно важнаго въ королевскомъ путешествіи).

23. Dziennik literacki. Lwów (газета тысяча восьмисотъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, со множествомъ разсѣянныхъ отрывковъ, относящихся къ эпохѣ паденія Польши).

24. Falkenstein, Taddeus Kościuszko nach seinen oeffentlichen und häuslichen Leben geschildert. Leipzig 1834. Есть невѣрности и вымыслы, обличенные въ книгѣ Pisma peryodyczne biblioteki Ossolińskich.

25. Ferrand, A. F. Ch. Les trois démembrements de la Pologne. Paris 1865 (въ высшей степени пристрастное сочиненіе, съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложенія).

26. Gazette de Cologne, 1788—1798.

27. Gazeta krajowa 1794.

28. Gazeta narodowa y obca 1791—1792 (издавалась въ Варшавѣ партіей новой конституціи съ 1 января 1791 и прекращена торговицкою конфедераціею въ половинѣ 1792 г.) Излагаетъ въ подробности сеймовыя засѣданія, приводитъ узаконенія, сообщаетъ о событіяхъ въ Польшѣ, но старается представить въ преувеличенномъ видѣ сочувствіе польской націи къ конституціи и нравственную силу послѣдней.

29. Gazeta rządowa, 1794 (сообщаетъ подробно распоряженія и дѣйствія тогдашняго революціоннаго правительства).

30. Gazeta Warszawska 1791—1793. (Органъ партіи противной конституціи 3 мая). Во время господства конституціи отличалась уклоненіемъ отъ всякихъ сужденій о политическихъ дѣлахъ Польши и упоминала объ нихъ коротко.

31. Gazeta wolna warszawska 1794 (революціонный органъ). Начала издаваться съ 26 апрѣля 1794 г., прекратилась въ ноябрѣ того же года. Сообщаетъ распоряженія высочайшаго совѣта, воззванія Костюшки и описанія битвъ и пр.; въ послѣднемъ случаѣ крайне невѣрна, ибо желая поддержать духъ революціи, преувеличаетъ успѣхи и скрываетъ неудачи.

32. Gąsionowskiego Pamiętniki z 1791—1794. Lwów. 1857. (Авторъ разсказываетъ, что послѣ сейма въ Гроднѣ 1793 г. онъ, въ числѣ другихъ, былъ посланъ Костюшкою возбуждать обывателей къ возстанію и описываетъ свои похожденія по этому поводу. Онъ одинъ изъ всѣхъ писавшихъ объ этой эпохѣ сообщаетъ, будто Костюшко былъ инкогнито въ Гроднѣ во время сейма. Имъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію, потому что онъ дѣлаетъ промахи и показываетъ незнаніе общеизвѣстныхъ обстоятельствъ того времени, что, впрочемъ, могло происходить отъ забывчивости, такъ какъ записки эти писаны имъ уже въ старости по прошествіи многихъ лѣтъ.

33. Geschichte der Polnichen Staatsveränderung von 3 May 1791. Warszawa. 1791. (Нѣтъ ничего особеннаго и новаго противъ свѣдѣній, содержащихся въ тогдашнихъ газетахъ).

34. Giornale della dieta del 1793 a Grodno (рукопись принадлеж. Археогр. Ком.)

Кромѣ итальянскаго названія, весь этотъ дневникъ написанъ на французскомъ языкѣ, какъ видно, не природнымъ французомъ.

35. Häusser, Ludwig, Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des heutigen Bundes. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. Berlin. 1861. t. I. (Важно по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ прусскаго государственнаго Архива.)

36. Hermann, Ernst, Geschichte des Russischen Staaten, VI Band. Gotha. 1860 (Авторъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ депешъ саксонскаго министра Эссена, а также и другихъ посланниковъ, бывшихъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII в).

37 Hermann, Ernst, Der Oestreichisch-preussische Allianz. vom 7 Febr. 1792, und die zweite Theilung Polens. Ein Streit-Schrift gegen Prof. Sybel. Gotha, 1861.

38. Hermann, Ernst, Geschichte des Russischen Reiches Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. 1791—1797 Gotha. 1866 (Въ числѣ многихъ другихъ документовъ есть относящіеся къ Польшѣ: это все донесенія разныхъ посланниковъ).

39. Historya konfederacyi Barskiey od roku 1768 до 1771 i inne pisma z tejże okoliczności (рукоп. Имп. Публ. Библ. Важная въ особенности по включеннымъ въ нее письмамъ и документамъ. Къ событіямъ, въ ней описаннымъ, относится только введеніе настоящаго сочиненія).

40. Jurnal zaczęty dnia 4. Czerwca 1794. w obozie pod Utratą (рук. Имп. Публичн. Библ. Собраны всѣ распоряженія Костюшки, тайные пароли, выдаваемые ежедневно).

41. Kaminieckiego w zapiskach naleziony: Dzień 17 i 18 Kwietnia 1794 r. w Warszawie przez naocznego świadka opowiedziany. Poznań. 1866. (въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Короткій разсказъ поляка о событіяхъ при возстаніи Варшавы въ 1794 г.).

42. Kampania oddziału woysk polskich pod Jenerałem Sierakowskim 1794 r. odbyta (рук Имп. Пуб. Библ).

43. Karpińskiego. Pamiętniki. Poznań. 1844. (Автобіографія извѣстнаго польскаго поэта Карпинскаго, обнимаетъ большое пространство времени отъ 1741 до 1822 года, заключаетъ много любопытныхъ чертъ о воспитаніи, нравахъ и характерѣ общества. Есть извѣстія, впрочемъ короткія, о послѣднихъ событіяхъ въ Рѣчи-Посполитой.)

44. Kilińskiego, Jana, szewca a rasem pułkownika 20 regimentu, Pamiętniki. Poznań. 1860 (Въ сборникѣ Pamiętniki z XVIII w.). Авторъ одинъ изъ виновниковъ возстанія 1794 года. Записки его поэтому важны, но пользоваться ими можно только съ большою осторожностью, потому что авторъ много хвастаетъ и явно прилыгаетъ. Сами его товарищи по возстанію признавали за нимъ эти качества.

45. Kilińskiego Jana z pamiętnikow (Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. 1868). Изданы Крашевскимъ. Килинскій написалъ записки, напечатанныя въ Pamiętnikach z XVIII wieku, писалъ еще и другіе также о событіяхъ 1794 года съ добавленіями.

45. а. Kilka dokumentów do hystoryi Tadeusza Kościuszki. (Тамъ же. Есть подробности о королѣ Станиславѣ-Августѣ передъ взятіемъ Варшавы русскими въ октябрѣ 1794 г.

46. Kitowicza Księdza Jędrzeja. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. 4 t. Petersburg. 1855. (Описаніе польской жизни во всѣхъ отношеніяхъ).

47. Kitowicza Księdza Jędrzeja pamiętniki do panowania Stanisława Augusta. Poznań. 1845. 3 t. (Сборникъ разныхъ отрывковъ, касающихся послѣднихъ лѣтъ царствованія Станислава Августа). Здѣсь, между прочимъ, помѣщены свѣдѣнія о личности Ксаверія Браницкаго, о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ четырехлѣтняго сейма, о непримѣнимости его постановленій, напр. налога на кожи, кое-что изъ корреспонденціи во время Тарговицкой конфедераціи, о Гродненскомъ сеймѣ, извѣстія, касающіяся эпохи революціи 1794 года, о возстаніи города Вильны и обратнаго ея завоеванія русскими, о битвахъ Сѣраковскаго, о битвѣ подъ Мацѣевицами, о взятіи Суворовымъ Праги и о пребываніи его въ Варшавѣ.

48. Kołłontaja, Hugona. Stan Oświecenia w Polszcze (въ сборникѣ Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski). Важное для насъ изображеніе способа и строя ученія въ польскихъ школахъ въ XVIII в. и вліянія воспитанія на жизнь.

49. Kołłontaja, Hugona. O Ustanowieniu i upadku konstitucyi polskiey 3 Maja 1792. (Пристрастное сочиненіе человѣка партіи).

50. Kołłontay w rewolucyi kościuszkowskiej. Leszno i Gniezno 1856. Здѣсь приводится List do przyjaciela, гдѣ дѣйствія Коллонтая и его характеръ изображаются съ дурной стороны. Письмо это принадлежитъ, какъ видно, Линовскому, одному изъ пословъ четырехлѣтняго сейма, а потомъ не послѣднему дѣятелю революціи.

51. Kuryer Petersburgski; czyli intrygi moskiewskie od panowania Jana Olbrachta czyli Alberta ciągnące się. Warszawa. 1791.

52. Komarzewsky, Coup d'oeil rapide sur les causes réelles de la décadence de la Pologne. (Генералъ Комаржевскій, вѣрный сторонникъ короля, мало касается внутреннихъ причинъ паденія Польши, а ищетъ ихъ въ столкновеніи обстоятельствъ въ ближайшее время. Сообщаетъ постановленія войсковой коммиссіи во время войны въ 1792 году).

53. Копіи писемъ польскихъ посланниковъ, бывшихъ при разныхъ европейскихъ дворахъ въ 1790 — 1792 годахъ: Анквича, Кохановскаго, Потоцкаго, Яблоновскаго, Букатаго и другихъ лицъ (рукописи, принадлежащія П. А. Муханову).

54. Kopcia Józefa Brygadjera Dziennik. Berlin, 1862. (Авторъ, служившій въ польскихъ войскахъ, расположенныхъ въ южной Руси вмѣстѣ съ русскими, разсказываетъ, какъ распространился заговоръ въ польскомъ войскѣ, въ 1794 г., и какъ онъ самъ съ своею бригадой пробивался на соединеніе съ Зайончкомъ, описываетъ битву подъ Холмомъ, стараясь показать, что поляки тамъ выиграли; нѣкоторыя подробности о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Варшавою и битву подъ Мацѣевичами, гдѣ онъ самъ вмѣстѣ съ другими былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ оканчивается первая часть его дневника. Вторая посвящена пребыванію автора въ ссылкѣ въ Камчаткѣ и замѣчаніямъ объ этой странѣ.

55. Korrespondent Warszawski 1792. (газета).

56. Korrespondent krajowy i zagraniczny, 1793, (газета).

57. Korrespondent narodowy i zagraniczny, 1794, (газета). До апрѣльской революціи носила названіе Pismo periodyczne korrespondenta. Газета эта продолжалась и послѣ взятія Варшавы Суворовымъ и сообщаетъ распоряженія назначеннаго Суворовымъ надъ Варшавою начальникомъ Буксгевдена.

57. a. Kosmowskiego Stanisława Pamiętniki. Poznań, 1860. (Мемуары офицера королевской гвардіи сообщаютъ не подробныя, но не лишенныя интереса свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ царствованія Станислава-Августа, начиная съ путешествія въ Каневъ.

58. Koźmiana, Kajetana. Pamiętniki 3 t. Poznań. 1858. (Къ нашей эпохѣ относится первая часть этого сочиненія. Авторъ разсказываетъ свою жизнь, вспоминаетъ о разныхъ встрѣчахъ и по этому поводу представляетъ вѣрное и живое изображеніе нравовъ, обычаевъ, воспитанія, увеселеній, отправленія сеймиковъ, судопроизводства и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій конца XVIII вѣка).

59. Кречетникова, Михаила Николаевича, генералъ-аншефа, Дневныя Записки о движеніи и дѣйствіяхъ россійскихъ войскъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, 1792. (Въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Об. Исторіи и Древн. 1863 г.).

60. Krzysztopora Adama, O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań. 1859. (Здѣсь есть историческій обзоръ юридическаго состоянія въ Польшѣ крестьянъ).

61. Lichnickiego Filipa, prezydenta miasta Krakowa w roku 1794. Pamiętniki. Poznań. 1862. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Очевидецъ описываетъ возстаніе въ Краковѣ, положившее начало всей польской революціи въ 1794 году. Неблаговолитъ къ революціи.)

62. Lobarzewski. Respect à la tête couronnée, ou exposé historique, politique et moral des grands événements relatifs à la Pologne. St.-Pétersbourg. 1818. (Апологія въ защиту Станислава Августа, противъ тѣхъ обвиненій, которыя возникли по поводу поведенія короля въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-Посполитой. Мало новаго и важнаго.)

63. Łukaszewicza. Historya szkół w Koronie i Wielkiem Xięstwie Litewskiem 5 t. Poznań 1850. (Одно изъ лучшихъ ученыхъ сочиненій въ польской литературѣ, сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о состояніи школъ въ Польшѣ, о способахъ воспитанія, о мѣрахъ предпринятыхъ эдукаціонною коммиссіею къ улучшенію воспитанія и пр.)

64. Łukaszewicz. Zakłady naukowe w Koronie i Wielkiem xięstwie Litewskiem. Poznań. 1851.

65. Łukaszewicza. Powstanie Kościuszki z pism autentycznych sekretnych dotąd drukiem nieogłoszonych wydane. Poznań. 1846. (Собраніе разныхъ писемъ, объясняющихъ подробности эпохи революціи 1794 года.)

66. M. Portret Moskwy czyli odpowiedź na pytania co jest Moskwa? i w jakim dziś znajduje się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polszce? i dla czego polska poszła z Moskwą w rozwody. W Warszawie. 1790. (Брошюра эта замѣчательна

какъ образчикъ польскихъ политическихъ соображеній, такъ какъ въ то время Россія принуждена была воевать разомъ съ турками и шведами, то авторъ нашелъ, что она на краю гибели въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и потому онъ приглашаетъ поляковъ отомстить за всѣ несправедливости, которыя Россія причинила Польшѣ. Онъ обвиняетъ ее въ томъ, будто она первая затѣяла раздѣлъ Польши и подманила къ тому другія государства, что она своими поджигательствами произвела бунтъ Залізняка и Гонты. Польша, по его выраженію, разводилась съ Россіею и соединялась союзомъ съ Пруссіею, надѣясь на прусскаго короля, благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго монарха, безкорыстно желающаго добра полякамъ.)

67. Makulskiego, Franciszka. Bunty Ukraińskie. Warszawa. 1790. (Авторъ представляетъ картину отягощенія народа въ Украинѣ подъ властію владѣльцевъ и поссесоровъ и ихъ экономовъ и дозорцевъ, враждебный къ полякамъ духъ народа, и указываетъ мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли-бы успокоить край.

68. Mémoire sur la révolution de la Pologne. St. Pétersbourg. 1792. (Написано въ опроверженіе отвѣта польскаго сейма на русскую декларацію, представляетъ несправедливыя дѣйствія сейма и незаконность конституціи 3 мая).

69. Mercure français (газета, 1788—1789.)

70. Michałowskiego, Bartłomeja. Pamiętniki, przez autora Listopada. 3 t. Petersburg i Mohilew, 1857.

71. Michałowskiego, Bartłomieja do roku 1786 do 1815 ogłoszone przez Henryka hr. Rzewuskiego. 5 t. Warszawa, 1857 (есть любопытныя и вѣрно схваченныя черты польскаго общества въ XVIII в. и свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ того времени. Сочиненіе въ духѣ крайне консервативномъ и аристократическомъ.)

72 Moszczeński. Pamiętniki do historyi polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III. i pierwszych Stanisława Augusta. Poznań. 1858.

72. a. Mowy posłow seymu Grodzieńskiego, r. 1793. (Безъ года и мѣста напечатанія.)

73. Narrative of facts relative to the late dismembrement of Poland. London. 1794.

74. Naruszewicza. Dyariusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę w roku 1787 (касается болѣе внѣшняго характера путешествія короля, хотя очень подробенъ).

75. Niemcewicza J. U. Pamiętniki czasów moich. Dzieło pośmiertne. Poznań. 1868. (Любопытныя свѣдѣнія о состояніи Польши при Станиславѣ Августѣ, о четырехлѣтнемъ сеймѣ, на которомъ самъ авторъ былъ посломъ, о несчастной для поляковъ битвѣ при Мацѣевичахъ, гдѣ авторъ былъ взятъ въ плѣнъ, и о пребываніи его въ плѣну у русскихъ. Взгляды автора, какъ принадлежавшаго къ партіи не чуждой пристрастія и злобы къ Россіи.)

76. Niemcewicza S. U. Powrót posła, komedya 1855. (Эта пьеса, написанная съ политическою цѣлію, имѣла большое вліяніе на умы)

77. Niewiadomskiego. List pewnego obywatela polskiego do wspólobywateli swoich i narodu całego. 1794. (Авторъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ не подда-

ваться внушеніямъ Костюшки, не приставать къ революціи и держаться союза съ императрицею).

78. Notices extraordinaires. Paris 1789—91. (газета).

79. Nufers, Friedrichs, königlich-preussischen Feld-proviant-commissarius. Schicksale während und nach seiner Gefangenschaft in Warschau unter den Polen und Russen. Posen. 1795. (Нуферъ въ 1794 г. взятъ былъ въ плѣнъ польскими повстанцами въ Великой Польшѣ и за то, что назвалъ передъ ними недавно присоединенныя къ Пруссіи земли южною Пруссіею, приговоренъ къ повѣшенію. Какая-то проѣзжавшая мимо знатная госпожа упросила даровать ему жизнь. Онъ былъ отосланъ въ Варшаву и содержался въ плѣну до взятія Варшавы Суворовымъ. Сообщаетъ много любопытныхъ чертъ эпохи; описываетъ, между прочимъ, событія совершавшіяся въ Прагѣ).

80. Ochockiego, Jana Duklana. Pamiętniki, 4 t. Wilno. 1857. Въ первыхъ двухъ томахъ автобіографія поляка, жившаго въ концѣ XVIII вѣка, очень наглядно и живо рисующая строй домашней и общественной жизни и нравы. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ явленіяхъ того времени, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, напр. о днѣ 3-го мая, о Гродненскомъ сеймѣ и пр. Вмѣстѣ съ Китовичемъ и Козьмяномъ Охоцкій принадлежитъ къ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мемуаристамъ польскимъ этого времени. Въ двухъ послѣднихъ томахъ помѣщены записки Букара и аббата Охоцкаго, также любопытныя во многихъ отношеніяхъ. Есть между прочимъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ лицахъ того времени, напр. о Щенсномъ Потоцкомъ.

81. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Dokumenta do Historyi drugiego i trzeciego podziału. Wydał Władysł. Kalinka. Poznań. 1868. (въ сборникѣ Pamiętniki z. XVIII wieku). Здѣсь помѣщены письма короля Станислава Понятовскаго къ Кицинскому о свиданіи съ Екатериною и Іосифомъ II въ 1787 году, переписка Станислава Августа съ Екатериною о политическихъ дѣлахъ, переписка Екатерины съ Потемкинымъ, изъ которой открываются планы государыни и взгляды ея на Польшу, письма короля къ Букатому, польскому посланнику въ Лондонѣ, о событіяхъ происходившихъ въ Варшавѣ, и переведенный съ русскаго дневникъ Булгакова, веденный въ 1791 и 1792 годахъ, гдѣ излагаются замѣчанія о тогдашнихъ дѣлахъ во многомъ сходныя съ тѣми, которыя находятся въ донесеніяхъ этого посланника къ своему правительству.

82. Pistora. Pamiętniki o rewolucyi Polskiéj w roku 1794 (въ сборн. Pamiętniki z XVIII wieku). Писторъ, французъ по происхожденію, служилъ въ русской службѣ и былъ генералъ-квартирмейстеромъ во время начальства Игельстрома надъ русскимъ войскомъ въ Варшавѣ. Онъ подробно и отчетливо описалъ по-французски возстаніе Варшавы въ апрѣлѣ 1794 года, а также и нѣкоторыя военныя дѣйствія въ теченіи того же года и составилъ при этомъ карту Польши съ обозначеніемъ мѣста нахожденія войскъ и планъ тогдашней Варшавы съ указаніемъ пунктовъ, гдѣ находились русскія и польскія войска и гдѣ между ними происходили свалки. Въ своемъ описаніи Писторъ старается выставить себя отличнымъ знатокомъ военнаго дѣла и свалить неудачи на ошибки русскихъ генераловъ).

83. Полеваго, Николая, Исторія генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. 1858.

84. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Т. XXIII.

85. Polens-Untergang. Ein charakteristisches Gemälde dieser Adels-Nation. Cölln, 1808. (Авторъ проводитъ оригинальную, хотя недоказанную, мысль: польское шляхетство и польскій народъ происходили не изъ одной и той же расы. Польское шляхетство, по его мнѣнію, сарматы, а простой народъ славяне. Онъ излагаетъ дурныя стороны польскаго строя, пренебреженіе средствами защиты, злоупотребленія въ судопроизводствѣ, дурное воспитаніе, вліяніе іезуитовъ, порчу нравовъ. Книжка замѣчательно умная: въ немногихъ словахъ авторъ съумѣлъ сказать много справедливаго).

86. Protokoł konfederacyi generalney oboyga narodów w roku 1792, w Targowicy urządzony (Рук. Имп. Публ. Библ.).

87. Protokoł konfederacyi generalney obojga narodów w roku 1792, dnia 11 Września, w Brześciu Litewskim urządzony. (Рук. Имп. Публ. Библ.).

88. Protokoł konfederacyi koronney 1793 w Grodnie 12 apr. sporządzony (Рук. Имп. Публ. Библ. Она, какъ и предъидущія двѣ, заключаетъ дѣла конфедераціи, учрежденной сначала въ Тарговицѣ, потомъ пересенной въ Брестъ-Литовскій, наконецъ въ Гродно. Санциты, универсалы, предписанія, отношенія, распоряженія и вообще вся переписка).

89. Przestrogi dla Polski 1790 (Сочиненіе Станислава Сташица. Авторъ указываетъ на пороки и недостатки польской націи и польскаго общества и возбуждаетъ, между прочимъ, къ измѣненію участи крестьянъ).

90. Raumers, Polens-Untergang. Leipzig. 1832.

91. Recueil de papiers concernant le troisième démembrement de la Pologne. (Рукоп. Имп. Публ. Библ., заключающая собраніе разныхъ документовъ и оригинальныхъ писемъ, относящихся ко всему періоду царствованія Станислава Августа, между прочимъ черновыя копіи конференцій, бывшихъ между поляками и саксонскимъ княземъ-избирателемъ по поводу избранія послѣдняго преемникомъ Станислава Августа по конституціи 3 мая, процессъ Угромовой и проч.)

92. Regestr paków zabranym archiwum dyplomatycznym z Warszawy miesiąca lutego 1795 (Рук. Имп. Публ. Библ.).

93. Relacya deputacyi do examinowania sprawy o buntu oskarżonych na seymie 1790 roku uczyniona. Część pierwsza, w Warszawie (Изданіе важное для исторіи православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ. Свѣдѣнія объ архіереѣ Викторѣ Садковскомъ).

94. Rżewuskiego Sewerynа. O sukcessyi tronu polskiego rzecz krótka. 1790 (Сочиненіе польнаго гетмана Ржевускаго, одного изъ главныхъ творцевъ тарговицкой конфедераціи, написанное съ тѣмъ, чтобъ возбуждать поляковъ противъ мысли о введеніи наслѣдственнаго правленія)

95. Schlossers, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts. B. V. Heidelberg, 1840.

96. Schmitta Henryka (Pogląd na żywot i pisma księdza Hugona Kołłontaja podkanclerzego korronnego. Lwów, 1860). Сочиненіе это написано съ цѣлью оправдать

Коллонтая отъ обвиненій, которыя сыпали на эту личность, и сыпали не только враги его по убѣжденіямъ и политическому направленію, но и сомышленники. Отличается обиліемъ риторики, но излагаетъ любопытные факты о дѣятельности Коллонтая вообще.

97. Seume S. G. Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen. Leipzig. 1796. (Извѣстный въ нѣмецкой литературѣ поэтъ, служилъ въ молодости въ русской военной службѣ и въ 1794 съ другими офицерами былъ взятъ въ плѣнъ въ Варшавѣ, гдѣ и содержался до освобожденія Суворовымъ. Онъ описываетъ свои приключенія и сообщаетъ много интересныхъ чертъ о возстаніи города Варшавы, о положеніи русскихъ плѣнныхъ и о состояніи умовъ въ то время).

98. Smitt, Friedrich, Suworow und Polens-Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858. (Авторъ касается между прочимъ дѣлъ Польши только до 1793 года. Подробно описываетъ военныя дѣйствія 1792 года. Исторія эта отличается ясностію изложенія, отчетливостію работы и правильными взглядами).

99. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся къ жизни Александра Васильевича князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. Москва. 1814 г.

100. Соловьева, Сергѣя, Исторія паденія Польши. Москва. 1863 г.

101. Sułkowskiego Józefa, Życie i pamiętniki historyczne, polityczne i woskojwe o rewolucyi polskiéj w latach 1792—1793. Poznań. 1864. (въ сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Это переводъ съ французскаго. Для насъ важны здѣсь свѣдѣнія о войнѣ съ русскими въ Литвѣ въ 1792 году).

102. Surowiecki, O upadku premysłu i miast w Polszcze. w Warszawie (безъ года). (Авторъ приводитъ много любопытныхъ статистическихъ данныхъ для показанія различія между цвѣтущимъ состояніемъ городовъ въ давнее время и ихъ жалкимъ положеніемъ въ XVIII вѣкѣ, однако преувеличиваетъ достоинства процвѣтанія. Онъ указываетъ причины такого упадка и распространяется о средствахъ, которыми можно было, по его соображеніямъ, поднять польскіе города).

103. Sybel, Heinrich, Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795 4 t. Düsseldorf. 1865.

104. Traktaty, konwencye handlowe y graniczne wszelkie publiczne umowy między rzecząpospolitą polską y obcemi poselstwami od roku 1764 dotąd to jest do roku 1791 za panowania Stanisława Augusta zawarte w swych originalnych językach zebrane i dla wygody powszechney podane do druku. Warszawa. 1791.

105. Treskow, Der Feldzug der Preussischen in Jahre 1794. Berlin. 1807. (Подробное спеціально-военное описаніе прусской кампаніи въ Польшѣ въ 1794 г.).

106. Тучкова, Вильно въ 1794. (Библ. для Чтенія т. XIII — Повѣствованіе очевидца и военнаго русскаго дѣятеля о возстаніи Вильны противъ русскихъ и о ея взятіи русскими снова).

107. Untersuchung über die Rechtmässigkeit der Theilung Polens. Warszawa, 1794.

108. Фукса, Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, 2 т. 1811.

109. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego. 1789. (Сочиненіе извѣстнаго, въ свое время, ученаго Станислава Сташица. Авторъ касается вопросовъ, относящихся непосредственно къ своему времени. Книга эта имѣла большое вліяніе на умы).

110. Wegnera Leona. Dzieje dnia trzeciego i piątego Maja 1791. Poznań. 1865. (Предпославши взглядъ на ходъ историческихъ событій и на состояніе дѣлъ внутри Польши и въ сосѣднихъ государствахъ, авторъ описываетъ устроеніе конституціи 3 мая, приводитъ рѣчи въ подробнѣйшемъ видѣ, чѣмъ они были напечатаны въ современныхъ газетахъ. Къ книгѣ этой приложены объяснительные документы: предварительныя основанія, поданныя на сеймѣ ранѣе конституціи, самый текстъ конституціи, разныя современныя мнѣнія о ней и протесты противъ нея).

111. Wegnera Leona, Sejm Grodzieński ostatni. Ustęp od 26 sierpnia do 23 września 1793. Poznań. 1866. (Подробное описаніе того періода гродненскаго сейма, гдѣ поляки боролись противъ необходимости уступить Пруссіи требуемыя по второму раздѣлу польскія земли. Сходно съ дневникомъ, но пространнѣе. Ему предшествуетъ обозрѣніе политическихъ дѣйствій по первому и второму раздѣлу, а за нимъ помѣщается изложеніе дипломатической исторіи третьяго раздѣла, при чемъ авторъ руководствуется Зибелемъ).

112. Wegnera Leona, Konfederacya województw wielkopolskich Poznańskiego, Kaliskiego, Gnieźnieńskiego i Ziemi Wschowskiéj dnia 20 Sierpnia 1792 r. w mieście Środzie zawiązana. (Въ сборн. Roczniki towarzystwa Przyjaciół nauk Poznańskiego. 1836. — Семьдесятъ два документа, относящіеся къ временамъ тарговицкой конфедераціи).

113. Wiener Zeitung 1788 — 1794.

114. Wojdy, Pamiętniki o rewolucyi 1794 roku. Poznań. 1866. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Войда былъ членомъ варшавскаго магистрата и составилъ описаніе такихъ событій, которыхъ самъ былъ близкимъ очевидцемъ. По его извѣстіямъ, увлеченіе революціею вовсе не такъ было всеобщимъ, какъ воображали и хотѣли другихъ увѣрить патріоты. Есть подробности о казняхъ, произведенныхъ въ Варшавѣ. Записки Войды писаны были по-нѣмецки).

115. Wolskiego Mikołaja, Obrona Stanisława Augusta (Въ сборникѣ Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego, w Paryżu, 1868. Сочиненіе это имѣетъ специальную цѣль опровергнуть сочиненіе: «O ustanowieniu i upadku konstytucyi 3 Maia» и защитить короля отъ обвиненій революціонной партіи. Въ сочиненіи этомъ много важныхъ данныхъ, объясняющихъ эпоху четырехлѣтняго сейма, Тарговицкой конфедераціи и послѣдней революціи. Она написана умно, но не безъ пристрастія. Обличая удачно и справедливо несостоятельность патріотовъ, авторъ слишкомъ превозноситъ достоинства своего короля).

116. Volumina Legum. 8 t. S.-Petersburg. 1857.

117. Voyage en Pologne et en Allemagne par un Livonien. 2 t. Bruxelles. 1809. (Драгоцѣнная и рѣдкая книга. Наблюдательный авторъ представляетъ живую и подробную картину Польши конца XVIII вѣка во всѣхъ отношеніяхъ Вѣрность передаваемыхъ свѣдѣній подтверждается отзывомъ объ этой книгѣ Михаила Чацкаго, бывшаго посломъ въ Варшавѣ и очевидцемъ описываемыхъ событій).

118. Wspomnienia z roku 1788 po r. 1792. Poznań. 1862. (Авторъ, по всему видно, Михаилъ Чацкій, членъ четырехлѣтняго сейма, сообщаетъ интересныя подробности о событіяхъ своего времени, о лицахъ, принимавшихъ важное участіе въ явленіяхъ политической и общественной жизни и о состояніи общества въ Варшавѣ).

119. Wybickiego Józefa, Pamiętniki (Въ сборн. Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski. Авторъ былъ посломъ на сеймѣ 1768 г., за сопротивленіе подвергался преслѣдованію отъ русскихъ, участвовалъ въ Барской конфедераціи; послѣ перваго раздѣла участвовалъ вмѣстѣ съ Замойскимъ въ составленіи новаго кодекса законовъ. Онъ ведетъ свое повѣствованіе далѣе паденія Польши и довольно подробно описываетъ возстаніе 1794 г.).

120. Zajączek Józef, Histoire de la revolution de la Pologne en 1794, par un témoin oculaire. Paris. (Авторъ, польскій генералъ, впослѣдствіи при Александрѣ I намѣстникъ, описываетъ событія, въ которыхъ участвовалъ самъ и игралъ не послѣднюю роль, начиная Гродненскимъ сеймомъ и кончая взятіемъ Праги).

121. Zbiór wszelkich czynności powstania narodu polskiego w dniach 17 и 18 kwietnia z przemocy Moskiewskiey y despotyzmu pruskiego od dnia 24 Marca do 19 Czerwca 1794 ułożony Warsz. 1794.

122. Zbiór uniwersałów i urządzeń od Tadeusza Kościuszki naywyższego siły zbrójnej naczelnika i od kommissyi porządkowey woiewództwa Krakowskiego od czasu aktu powstania narodowego wyszłych. Warszawa 1794.

123. Zbiór wszystkich pism urzędowych od zapisania aktu powstania narodowego w Krakowie i innych do niego się siągających okoliczności. Krakow. 1794. (Здѣсь помѣщены документы изданные въ Краковѣ).

124. Żywot Tomasza Ostrowskiego ministra Rzeczy pospolitej późniéj prezesa senatu Xięstwa Warszawskiego i Królewstwa Polskiego oraz wypadków krajowych od roku 1763 do 1817. Paryż. 2 t. 1836.

125. Энгельгардта, Льва Николаевича, Записки. Москва, 1859.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русь и Польша. — Историческая борьба ихъ за владѣнія.

Съ X-го вѣка обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ. Въ 981 г., Владимиръ отнимаетъ у Польши червенскіе города: Червень, Перемышль и др. Этимъ, сколько намъ извѣстно. открылась великая кровавая драма, которая съ тѣхъ поръ разыгрывалась до нашего времени. По смерти Владимира, польскій король Болеславъ Храбрый воспользовался междоусобіями въ родѣ великихъ князей, принялъ сторону Святополка Окаяннаго и въ 1017 г. овладѣлъ Кіевомъ. Поставленный его помощью князь долженъ былъ сдѣлаться его подручникомъ. Эта попытка къ овладѣнію Руси, однако, не была прочна. Не только Русь освободилась отъ зависимости, но Ярославъ, въ 1031 г., пользуясь слабостью Польши, при наслѣдникѣ Болеслава, Мечиславѣ Лѣнивомъ (Гнусномъ), опять овладѣлъ червенскими городами. При его преемникахъ, междоусобія на Руси снова подали Польшѣ поводъ вмѣшаться въ ея дѣла. Болеславъ Смѣлый, помогая кіевскому князю Изяславу Ярославичу, овладѣлъ Кіевомъ, подобно своему дѣду. Но и на этотъ разъ не удалось Польшѣ. Русь осталась независимою отъ Польши, хотя поляки, какъ показываютъ ихъ историки, и возъимѣли посягательство считать южно-русскія области подручными Польшѣ. Удѣльный строй ослабилъ центральную власть великаго князя на Руси; Польша разбилась на части. Вплоть до Казимира Великаго, въ XIV вѣкѣ русскіе и польскіе князья между собою тоároднились, то дрались, и, вѣроятно, русскія и польскія земли со своими князьями и вѣчами смѣшались бы въ одинъ федеративный строй, если бы различіе вѣръ не положило между Русью и Польшею сильной исторической грани.

Четырнадцатый вѣкъ былъ эпохою великаго переворота въ судьбахъ славянскаго міра. Какъ въ Руси, такъ и въ Польшѣ, является стремленіе къ собранію раздробленныхъ областей и къ

образованію единаго государства. Въ Польшѣ начало этому положено Владиславомъ Локеткомъ.

Сынъ его, Казимиръ Великій, въ 1340 г., присоединилъ къ Польшѣ Червонную Русь. Остальная Русь потянула къ двумъ центрамъ: Литвѣ и Москвѣ. Литовскіе князья успѣли составить изъ русскихъ земель обширное государство, и въ 1386 году литовскій князь Ягелло, принявши, съ рукою королевы Ядвиги, польскую корону и римско-католическое крещеніе, въ первый разъ соединилъ это государство съ Польшею подъ однимъ главой. Преемники его оспаривали у Москвы Русь; Витовтъ прихватилъ къ Литвѣ пространство русскихъ земель по рѣку Угру. При Казимирѣ Ягеллоновичѣ предстояла важная задача. Новгородъ, силясь охранить свою удѣльную независимость противъ Москвы, отдавался Литвѣ. Но тамъ не съумѣли воспользоваться важною минутою. Новгородъ, со всѣмъ сѣверомъ нынѣшней Россіи, достался Москвѣ. Съ тѣхъ поръ успѣхъ за успѣхомъ слѣдовалъ для Москвы. При Василіѣ Ивановичѣ оторванъ былъ отъ Литвы Смоленскъ; при Иванѣ Васильевичѣ—Полоцкъ. Между тѣмъ Литва, въ теченіи двухъ вѣковъ, постепенно прирастала къ Польшѣ, и наконецъ, въ половинѣ XVI вѣка (1569), соединилась съ нею во единое тѣло. Всѣ ея историческія задачи перешли на Польшу, и борьба съ Москвою за Русь, возникшая съ самаго образованія двухъ центровъ—Москвы и Литвы, сдѣлалась теперь призваніемъ и Польши. Образовавшаяся изъ двухъ государствъ Рѣчь-Посполитая, принявъ въ себя, по отношенію къ русскому міру, прежнія отдѣльныя, какъ польскія, такъ и литовскія историческія преданія, продолжала оказывать покушенія овладѣть остальною Русью, принадлежавшею Москвѣ; съ своей стороны Москва, возрастая и укрѣпляясь, предъявляла свои права на русскія области, принадлежавшія польско-литовской Рѣчи-Посполитой.

Оттого Московское государство и польско-литовская Рѣчь-Посполитая безпрестанно дрались между собою, пріостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совѣщались, какъ бы имъ уладиться и помириться, то ни на чемъ не могли сойтись, оттого, что, какъ тѣ, такъ и другіе, хотѣли захватить себѣ какъ можно болѣе русскихъ земель. Еще задолго до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, Иванъ III, объявляя себя государемъ всей Руси, считалъ справедливымъ, чтобы всѣ древнія русскія земли, захваченныя прежде Литвою, подчинились бы Москвѣ, также точно, какъ ей недавно подчинился Великій Новгородъ. Въ областяхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, была партія, пріятствующая московскому государю: она состояла изъ православныхъ князей и бояръ, недовольныхъ столкновеніями

съ латинствомъ, которое исповѣдывалъ ихъ литовскій государь. Заключивъ перемиріе со своимъ зятемъ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, московскій государь приказывалъ объяснять свои политическіе замыслы и виды своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею такимъ образомъ: «Великому князю нашему съ литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какіе у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить». Эти многознаменательныя слова и на все будущее время имѣли значеніе. Прочнаго мира не было и быть не могло; и та и другая сторона безпрестанно собирались съ силами и помышляли, какъ бы одолѣть другъ друга. При Василіѣ Ивановичѣ, когда Герберштейнъ, императорскій посолъ, прибылъ въ Москву, для устройства перемирія между Москвою и Литвою, московскіе бояре прямо объявили ему, что государь ихъ хочетъ всей отчины русской, которою владѣли его прародители: Кіева, Полоцка, Витебска и пр. Прочный миръ оказался также невозможнымъ при Василіѣ, какъ при Иванѣ. Во время малолѣтства Ивана IV, срокъ заключеннаго перемирія окончился; опять вспыхнула война, а послѣ нея опять заключено перемиріе на пять лѣтъ. Въ 1549 году, Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ. Царь Иванъ далъ такой знаменательный отвѣтъ: «за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу». И дѣйствительно, послѣ того заключались перемирія на сроки; по истеченіи сроковъ, продолжали ихъ на дальнѣйшіе сроки, а прочнаго мира все-таки не заключали. Царь Иванъ, сознавая, что миръ не можетъ состояться иначе, какъ съ присоединеніемъ русскихъ земель, предлагалъ-было покончить дѣло миролюбиво и хотѣлъ жениться на сестрѣ Сигизмунда-Августа, съ которымъ, по его бездѣтности, прекращалась мужеская линія Ягеллонова дома, и, такимъ образомъ, наслѣдница Сигизмунда-Августа, сдѣлавшись московскою царицею, могла перенести всѣ свои родовыя права на мужа и своихъ дѣтей. Различіе вѣры, бывшее главною причиною розни между народами, помѣшало болѣе всего и этой связи.

По истеченіи перемирія, нерѣшенное дѣло опять втянуло оба государства въ войну, и бояре, въ переговорахъ съ польско-литовскими послами, говорили: «не только что русская земля

вся, но и литовская земля вся—вотчина государя нашего». Когда, послѣ того, счастіе въ войнѣ обратилось на сторону Москвы, и царь Иванъ овладѣлъ Полоцкомъ (въ 1564 г.), литовскіе послы пріѣхали въ Москву предлагать миръ; бояре прямо запросили Кіева, Волыни, Подоліи, Галича: безъ этого не могъ состояться вѣчный миръ, и опять заключили перемиріе, съ оставленіемъ при Москвѣ того, что было завоевано ею въ послѣднее время. Скоро предстоялъ случай опять порѣшить роковой споръ мирнымъ образомъ. Домъ Ягеллоновъ, съ кончиною Сигизмунда-Августа, прекратился. Въ Литвѣ возникъ замыселъ избрать на престолъ Рѣчи-Посполитой московскаго государя. Паны, соображая, что Москва ни за что не оставитъ своихъ притязаній быть главою всей Руси, и, слѣдовательно, не перестанетъ угрожать польско-литовской державѣ нескрываемымъ намѣреніемъ отнять у нея русскія земли, нашли выгоднымъ для себя такое избраніе: они не только могли на извѣстное время избавиться отъ этой грозы, но еще сдѣлать обратное тому, чего хотѣла Москва; вмѣсто отдачи своихъ русскихъ земель, можно было имѣть въ виду присоединить къ Рѣчи-Посполитой Московское государство, такъ какъ, постояннымъ выборомъ одного за другимъ литовскихъ князей на польскій престолъ, поляки успѣли уже соединить воедино два государства: Польшу и Литву. Въ такомъ видѣ, въ какомъ предлагалась корона Ивану Васильевичу, не Москва, а Рѣчь-Посполитая должна была получить первенство.

Замыселъ не состоялся: во-первыхъ, поляки не съумѣли направить согласно своихъ усилій къ этой великой цѣли; во-вторыхъ, царь Иванъ понялъ, куда это можетъ вести, и потому выразился, что ему было бы пріятнѣе, если бы его выбрали литовцы на престолъ великаго княжества Литовскаго, отдѣльно отъ Польши, слѣдовательно покушался разорвать недавно устроенную *унію* Литвы съ Польшею. Это было сообразнѣе съ завѣтными стремленіями Москвы собрать подъ собою русскія области. Избранный королемъ польскимъ Стефанъ Баторій, въ 1578 г., отправилъ въ Москву пословъ уговориться о вѣчномъ мирѣ, котораго уже не было болѣе столѣтія. Но Москва опять потребовала Кіева, Витебска и прочихъ земель, которыя называла отчиною своихъ царей. Этого мало: Иванъ заявлялъ, что все великое княжество Литовское и даже самое Польское королевство должны достаться ему по праву наслѣдства, послѣ прекращенія литовскаго царственнаго дома, который онъ выводилъ отъ полоцкихъ князей. Слѣдствіемъ такого отвѣта была опять война, но на этотъ разъ несчастная для Московскаго государства; она окончилась, при посредствѣ папскаго легата Антонія Поссевина,

іезуита, въ 1582 г. Запольскимъ перемиріемъ на двѣнадцать лѣтъ. Москва уступила всѣ свои послѣднія пріобрѣтенія. Вѣчнаго мира все-таки не было. При всѣхъ своихъ неудачахъ, московская политика не хотѣла отказываться отъ того, что считала давнимъ вѣковымъ правомъ Москвы. Москва надѣялась, рано или поздно, возвратить себѣ достояніе старыхъ русскихъ князей. Въ предупрежденіе этого, поляки изыскивали средства овладѣть Московскимъ государствомъ [1]).

При наслѣдникѣ Ивана IV, Ѳеодорѣ, въ 1586 году, посолъ Стефана Баторія Гарабурда пріѣхалъ въ Москву предлагать уладить вѣковую распрю такимъ образомъ: «Если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля и потомковъ у него не останется, то корону польскую и великое княжество Литовское соединить съ Московскимъ государствомъ подъ государскую руку; Краковъ противъ Москвы, Вильну противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то Московскому государству быть подъ рукою нашего государя». Но поляки напрасно надѣялись выиграть, разсчитывая на недалекость ума тогдашняго московскаго царя; московскій государственный умъ не затмился отъ слабоумія носившаго корону; политика была все та же, и вѣковыя преданія не забывались. Московскихъ бояръ вовсе не прельщала мысль о такомъ соединеніи съ Польшею; они нашли такую отговорку: «неприлично при живомъ государѣ дѣлать договоры на случай его смерти»; «нашъ государь—прибавили они—у вашего проситъ искони вѣчной вотчины своей Кіева, съ уѣздомъ и пригородами, и прочихъ вотчинъ своихъ». Эти переговоры кончились ничѣмъ, какъ и переговоры прежнихъ лѣтъ.

Баторій умеръ. Безкоролевіе дало опять литовцамъ виды на рѣшеніе спора съ Москвою посредствомъ выбора въ короли московскаго государя; а Москва опять показала, что неизмѣнно держится прежней политики, что на первомъ планѣ у ней завѣтное желаніе соединить подъ своею властью русскія земли, а не пріобрѣтать чужія государства. Москвѣ отнюдь не хотѣлось возлагать польскую корону на голову своего государя; они пытались, напротивъ, разорвать унію Литвы съ Польшею. Посланный въ Литву московскій дворянинъ Ржевскій пытался расположить литовскихъ пановъ избрать московскаго государя на великое княжество Литовское отдѣльно отъ Польши. «Вы знаете—говорилъ онъ по наказу своего правительства—поляки вѣруютъ съ христіанами розно, а вы, паны-рада литовская, и вся земля

[1]) Говоря — поляки, разумѣемъ и литовцевъ, соединенныхъ тогда во единое тѣло съ поляками.

литовская съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, и вы бы пожелали себѣ государя нашего.» Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилось литовцамъ на видъ, что, соединившись съ Москвою, нужно будетъ вмѣстѣ отнять у Польши тѣ русскія области, которыя, по акту соединенія короны польской съ великимъ княжествомъ, причислены непосредственно къ Польшѣ, а не къ Литвѣ. «Начальное государство кіевское—говорили они—отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ литовскаго государства оторвано къ коронѣ польской; и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, литовцевъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ; такъ государю нашему, какъ всего этого у поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству московскому не присоединить»? Но поляки въ это время уже значительно успѣли въ дѣлѣ слитія литовско-русскаго дворянства съ польскимъ; число ярыхъ противниковъ единства съ Польшею рѣдѣло; московскій дворянинъ не въ силахъ былъ произвести раскола между литовцами и поляками; напрасно литовскіе паны получали отъ нѣкоторыхъ московскихъ бояръ письма съ увѣщаніями въ такомъ же родѣ; они соглашались на избраніе московскаго государя не иначе, какъ вмѣстѣ съ Польшею. Правда, они были не прочь вмѣстѣ съ московскими людьми побранить поляковъ, но отважиться на рѣшительный разрывъ они не могли, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакихъ къ этому поводовъ. Литовскіе паны совѣтовали отправить московскихъ пословъ на общій избирательный сеймъ. Москва уступила; но когда на сеймѣ стали выбирать короля и большинство было за московскимъ государемъ, Москва осталась вѣрною себѣ. Поляки хотѣли поставить дѣло такъ, чтобы за ними осталось первенство, требовали, чтобы московскій государь короновался въ Краковѣ, носилъ корону польскую сверхъ шапки Мономаховой и обѣщалъ соединить греческую церковь въ Россіи съ римскою. Послы объявили, что московскій государь хочетъ оставаться непоколебимъ въ православной вѣрѣ, короноваться на королевство въ Москвѣ, а не въ Краковѣ, шапку Мономахову носить сверхъ польской короны и въ титулѣ писаться сперва царемъ всея Руси, а потомъ уже королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Эти наружные признаки первенства, за которые такъ упорно стояла Москва, имѣли тотъ простой и прямой смыслъ, что Москва не иначе согласна на соединеніе съ Польшею и Литвою, какъ только при такомъ условіи, когда Польша и Литва получатъ значеніе земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, или поступившихъ подъ ея первенство. Москва хотѣла, чтобы ея царь владѣлъ русскими землями не иначе, какъ на основаніи стариннаго дѣдичнаго права

надъ всей Русью, а не въ силу добровольнаго порученія ему власти тѣми, которые фактически, а не легально, владѣли тогда этими землями. Притомъ же, польская вольность и московское самодержавіе были несоединимы, какъ масло съ водою. Въ Москвѣ понимали, что если московскій государь и будетъ избранъ на польскій престолъ, то не удержится на немъ, а если удержится самъ, то не въ силахъ будетъ утвердить власть за наслѣдниками; поэтому на самое согласіе принять польскую корону Москва смотрѣла только, какъ на способъ оторвать отъ Польши русскія земли и присоединить ихъ къ Московскому государству. Поляки, напротивъ, если рѣшалась на избраніе московскаго государя, то единственно съ цѣлью утвердить за собою покрѣпче русскія земли и распространить свою власть на остальную Русь. Они избрали шведскаго принца, а съ московскимъ государемъ опять заключили перемиріе, на этотъ разъ на пять лѣтъ. Вѣчнаго мира и теперь невозможно было заключить: Москва не думала оставлять своихъ притязаній.

Но вотъ и въ Москвѣ сталось тоже, что было назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ въ Литвѣ: царствовавшая династія прекратилась; на московскій престолъ сѣлъ потомокъ татарскаго мурзы, готовясь открыть собою новую династію. Москва не считала свои права на русскія земли исключительнымъ достояніемъ династіи Рюриковичей; они были ей прирождены въ силу стремленія соединить Русь въ единое политическое тѣло.

Въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ, Москва походила на папскій Римъ. Могло сидѣть на папскомъ престолѣ такое, или иное лицо, того или другого происхожденія, съ такимъ или другимъ характеромъ, образованіемъ, поведеніемъ, склонностями, но въ стремленіяхъ главенства надъ церковью, въ коренныхъ понятіяхъ о вѣрѣ и церкви, въ главныхъ чертахъ и способахъ дѣйствій, церковный Римъ оставался все тотъ же; вѣка не измѣняли основъ его строя; съ неизмѣнною логикою, съ неутомимымъ терпѣніемъ, онъ преслѣдовалъ одни и тѣ же цѣли, пріостанавливаясь въ своей дѣятельности передъ противными обстоятельствами, ни на волосъ не отступая въ своихъ требованіяхъ отъ своего ученія; такова была и московская политика въ дѣлѣ собиранія Руси и созданія единаго русскаго государства, которое положило себѣ задачею. Предложеніе *вѣчнаго* мира, привезенное въ Москву при Борисѣ посланникомъ польско-литовскимъ Львомъ Сапѣгою, не состоялось отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ прежнія времена. Историческій процессъ Руси съ Польшею оставался неоконченнымъ; и потому ограничились *перемиріемъ*, правда двадцатилѣтнимъ, но все-таки перемиріемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, скоро наступили для Московскаго государства смутныя времена. Поляки, въ это время, пропитавшись значительно іезуитскимъ воспитаніемъ, избрали, по отношенію къ Москвѣ, путь интригъ и коварства и приводили на московскій престолъ бродягъ, называвшихся именемъ убитаго царевича, въ тѣхъ видахъ, чтобъ посаженные такимъ образомъ на престолъ сдѣлались подручниками Польши. Эти средства не удались; тогда, пользуясь расшатаннымъ состояніемъ Московскаго государства, они овладѣли посредствомъ оружія его столицею, заставили для вида избрать въ цари польскаго королевича, а въ самомъ дѣлѣ хотѣли присоединить Московское государство къ Польшѣ. И это имъ не удалось, не смотря на то, что счастіе имъ во многомъ благопріятствовало. Въ самой Польшѣ уже значительно созрѣли внутренніе признаки будущаго ея разложенія. Опустошивши Московское государство, поляки не въ силахъ были остановить противодѣйствующей имъ народной силы, и послѣ истощительной борьбы въ 1619 году Деулинскимъ перемиріемъ должны были отказаться отъ покушенія на Московское государство и ограничиться пріобрѣтеніемъ только части его: областей Смоленской и Сѣверской и Велижской волости. Московское государство осталось, правда, съ потерями, но выиграло тѣмъ, что отстояло свое существованіе. Какъ ни было оно разорено, но политика его не разставалась съ сознаніемъ своихъ правъ на русскія земли.

По окончаніи перемирія, въ 1632 г., вспыхнула опять война. Она была крайне несчастна для Москвы и въ 1634 году окончилась *вѣчнымъ* миромъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Поляновскаго*. Этотъ миръ былъ въ свое время событіемъ чрезвычайно важнымъ, потому что собственно мира у Москвы съ Польшею не было со времени Ивана III: «такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли», говорили заключившіе его польскіе коммиссары. Но замѣчательно, что никакія домогательства не могли у москвичей вынудить условій, чтобы царь не писался царемъ *всея* Руси; поляки совершенно справедливо видѣли въ этомъ удержаніи титула притязанія на русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ. Москвѣ нужно было оставить за своимъ царемъ такой титулъ, потому что, уступая несчастнымъ обстоятельствамъ, она не отрекалась отъ своего права при лучшемъ положеніи дѣлъ.

Вѣчный миръ просуществовалъ ровно двадцать лѣтъ. Повидимому, этимъ миромъ Москва затормозила себѣ ходъ къ собиранію русскихъ областей; но сама судьба освободила ее отъ необходимости самой начинать вновь уже законченный процессъ. На этотъ разъ не Москва искала русскихъ земель, принадлежа-я

шихъ Рѣчи-Посполитой, а эти русскія земли сами обратились къ Москвѣ. Въ половинѣ XVII вѣка вспыхнуло казацкое возстаніе, ужаснѣйшее въ лѣтописяхъ возстаній. Поляки успѣли ополячить и окатоличить русскіе высшіе классы, но не успѣли сдѣлать того же съ южнорусскимъ народомъ, не успѣли истребить его національности, и этотъ-то народъ, подъ фирмою казачества, поднялся на Польшу и втянулъ Московское государство въ свое кровавое дѣло. Успѣхъ для Москвы былъ большой: южная Русь отдавалась московской державѣ добровольно, Литва была завоевана, московскій государь овладѣлъ ея столицею, Вильною. Вслѣдъ за тѣмъ на Польшу напало разомъ нѣсколько враговъ. Шведскій король овладѣлъ обѣими польскими столицами; польскій король бѣжалъ изъ государства; въ эту эпоху былъ заявленъ проектъ перваго раздѣла Польши. Шведскій король хотѣлъ овладѣть Великою Польшею, Ливоніею и Гданскомъ. Бранденбургскому князю-избирателю, вассалу Польши, должны были достаться прусскія владѣнія Польши; Малая Польша и Литва — семиградскому князю Ракочи, а южная Русь должна была сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ подъ властью Хмельницкаго. Проектъ не состоялся; противъ него встала Москва. Алексѣй Михайловичъ, получивъ обѣщаніе пріобрѣсти, по смерти царствующаго короля Яна-Казимира, польскую корону, явился защитникомъ Польши. Вѣковой вопросъ о русскихъ областяхъ, казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ. Но обстоятельства повернулись иначе. Война за Малороссію возобновилась и затянулась на долго. Янъ-Казимиръ отрекся отъ престола, предоставилъ эту войну кончать своимъ преемникамъ и произнесъ знаменитое пророчество, которое въ слѣдующемъ столѣтіи сбылось съ удивительною точностью. «Надобно опасаться—говорилъ онъ на сеймѣ—что наша Рѣчь-Посполитая сдѣлается добычею сосѣдей. Москвитяне захотятъ взять себѣ все Великое Литовское княжество, всѣ земли по Бугу и Нарову, а можетъ быть и по самую Вислу. Бранденбуржецъ замыслитъ пріобрѣсть Великую Польшу и другія пограничныя воеводства. Домъ австрійскій покусится на Краковъ и на прилежащія къ нему воеводства».

Кровопролитная борьба за Малороссію, пріостановившись Андрусовскимъ перемиріемъ, покончилась уже въ 1686 году миромъ опять *вѣчнымъ*, по которому Польша уступила Россіи Смоленскъ, Украину лѣваго берега Днѣпра, и на правой сторонѣ Кіевъ съ Васильковымъ, Триполіемъ и Стайками, а остальная правобережная Украина со всѣми русскими землями на правомъ берегу Днѣпра осталась за Польшею. Миръ этотъ былъ

постыднымъ для Россіи; она упустила изъ своихъ рукъ то, чего добивалась цѣлое столѣтіе и что̀ еще недавно отдавалось ей добровольно; миръ этотъ вызванъ былъ дѣлами Украины: истощаясь въ борьбѣ съ внѣшними давленіями, эта страна разрывалась внутренними междоусобіями, склонялась то къ Россіи, то къ Польшѣ, то къ Турціи, думая добыть себѣ независимость. Допустить ее до независимости казалось въ равной степени неудобно, какъ для Москвы, такъ и для Польши: Москва хотѣла подчинить себѣ русскія земли, а не дѣлать ихъ самобытными; Польшѣ выгоднѣе было уступить сосѣднему государству половину своей провинціи, чѣмъ потерять всю, признавъ ее независимой; притомъ самое это стремленіе къ независимости едва ли могло быть достигнуто по внутренней несостоятельности, и, не доставаясь ни Польшѣ, ни Москвѣ, Украина могла достаться Турціи. Уничтожить эти стремленія въ Украинѣ только и можно было разрывомъ страны между двумя государствами.

Но московская политика и послѣ этого мира не оставила своихъ завѣтныхъ цѣлей, а только измѣнила способъ достиженія. Прежде прямо требовалась отдача Москвѣ прародительскихъ земель: на этомъ основаніи цѣлые вѣка не допускался вѣчный миръ, а только, для отдыха, соглашались на перемиріе; теперь Россія стала налегать вообще на всю Польшу и мало-по малу ставила ее въ зависимое положеніе. Петръ I, въ качествѣ союзника, впуталъ посаженнаго съ его помощью на престолѣ короля Августа II въ Сѣверную войну. Никогда еще Польша не была въ такомъ разстроенномъ положеніи, какъ въ то время; сдвинутая такъ-сказать съ своего фундамента казацкими возстаніями, въ эпоху Сѣверной войны она совсѣмъ расшаталась. Шведскій король, разбивъ своего соперника, поставилъ въ Польшѣ другого короля, Станислава Лещинскаго. Поляки, вмѣсто того, чтобы, сохраняя свое достоинство, отрѣшить обоихъ королей: перваго за самовольное и вредное вмѣшательство въ войну безъ воли націи, второго за принятіе короны по волѣ чужого государя, — стали колебаться между тѣмъ и другимъ королемъ, переходить отъ одного къ другому, измѣнять тому и другому, продавать себя тому и другому. Развилась чрезвычайная деморализація. Августъ утвердился на престолѣ съ русскою помощью, ввелъ въ Польшу саксонскія войска и хотѣлъ править страною самовластно, не собирая даже сейма; поляки возстали противъ него, составили конфедерацію и обратились къ Петру. Волею, или неволею, Августъ также долженъ былъ принять посредничество русскаго царя. Посланный царемъ въ Польшу князь Долгорукій, въ 1717 году, начерталъ для обѣихъ сторонъ примирительныя правила. Они

утверждены были сеймомъ. Важнѣйшее изъ этихъ правилъ было то, что въ Польшѣ не должно быть войска болѣе 18-ти тысячъ, а власть военачальника (гетмана) сдѣлалась независимою отъ короля и подлежала только одному сейму. Но сеймы въ Польшѣ обыкновенно не доходили до конца, а *срывались*, потому что каждый изъ сеймовыхъ пословъ (депутатовъ) могъ своимъ несогласіемъ не допускать проекты обращаться въ законы. Поэтому, гетманъ могъ властвовать надъ войскомъ по произволу. Съ этого времени, русскій посланникъ въ Варшавѣ сталъ имѣть прямое вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла Польши. Августъ II былъ обязанъ русскому царю тѣмъ, что удержался на престолѣ; онъ тяготился этимъ положеніемъ и прибѣгалъ къ разнымъ коварствамъ, но ничего не могъ сдѣлать: Россія могла всегда расшевелить противную ему партію въ самой Польшѣ.

Августъ II безъ отвращенія слушалъ замыслы прусскаго короля, вредные для Польши. Бывшій бранденбургскій князь-избиратель, нѣкогда вассалъ Польши, а теперь независимый король, думалъ, какъ его предшественникъ при Янѣ-Казимирѣ, расширить свое небольшое королевство насчетъ Польши. Еще въ 1710 году онъ предлагалъ, черезъ своего совѣтника Ильгена, Августу II раздѣлъ польскихъ провинцій: предполагалось уступить Петру I-му Ливонію; Фридрихъ I бралъ себѣ Пруссію и Жмудь; а остальная Польша предоставлялась Августу II въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія на такихъ же правахъ, на какихъ онъ владѣлъ Саксоніей; иными словами, за удовлетвореніемъ Пруссіи и Россіи, Польша присоединялась къ Саксоніи. Проектъ этотъ очень понравился Августу II, но онъ очень не понравился Петру I, до свѣдѣнія котораго доведенъ косвеннымъ образомъ.

Впослѣдствіи, въ 1721 году, прусскій еврей Леманъ пріѣзжалъ къ Августу II отъ имени Пруссіи съ предложеніемъ раздѣла Польши. Но когда стали спрашивать объ этомъ Пруссію, то прусскій министръ показалъ видъ, что такого порученія еврею не дѣлалось. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Пруссія подсылала этого еврея къ Августу, или онъ самъ затѣялъ такіе планы. Какъ бы то ни было, Петръ былъ рѣшительно противъ всякихъ поползновеній къ раздѣлу. Не для чего было Россіи дѣлиться съ нѣмцами, когда Польша шла по такому пути, что, рано или поздно, должна была подпасть подъ власть Россіи.

Россія оставляла на будущее время рѣшеніе этого вопроса, а между тѣмъ старалась удерживать Польшу на пути къ зависимости. Для этого у ней было орудіе въ продажности поляковъ. Стоило только подкупить нѣсколько сенаторовъ и пословъ, чтобы

они употребили свое право срывать сеймы, и никакое постановленіе, противное видамъ Россіи, не могло состояться. Такъ русскіе посланники постоянно и поступали.

Въ 1732 году, Августъ, желая упрочить хоть что-нибудь изъ польскихъ владѣній для своей фамиліи, самъ предлагалъ уступку польскихъ областей сосѣдямъ за то, чтобы получить остальное въ наслѣдственное владѣніе. Августъ обратился съ этимъ къ прусскому королю, такъ какъ зналъ, что этотъ король скорѣе, чѣмъ всякій другой, увидитъ въ этомъ предложеніи свою пользу. Онъ отдавалъ прусскому королю Курляндію, польскую Пруссію и часть Великой Польши, и совѣщался, какими бы способами ублажить Россію и Австрію. Австріи предполагалось дать староство Списское и еще прибавить кое-что, если она не будетъ довольна; Россіи же предполагалось отдать часть Литвы, но безъ Вильны. Король Фридрихъ-Вильгельмъ давалъ совѣты, какъ принудить Россію къ бездѣйствію, въ случаѣ, если она ни за что не согласится на предложенную, по договору, часть; онъ указывалъ для этого на соглашеніе съ Турціею, которую можно было, въ случаѣ надобности, напустить на Россію и отвлечь отъ Польши. Но эти соображенія не обратились тогда въ дѣло.

По смерти Августа II, въ 1733 году, въ Польшѣ сдѣлалось волненіе. Противники Россіи провозгласили королемъ Станислава Лещинскаго, а Россія, вмѣстѣ съ Австріей, поддерживала сына покойнаго короля. Воцарился послѣдній подъ именемъ Августа III, съ помощью вооруженной русской силы.

Если въ предшествовавшее время теченіе дѣлъ въ Польшѣ зависѣло во многомъ отъ Россіи, то новый король былъ уже почти ея подручникомъ. Многіе знатные паны, имѣвшіе за собой большія партіи, были противъ него; Россія всѣхъ ихъ принудила признать его королемъ, кого подарками и обѣщаніями, а кого страхомъ. Августъ процарствовалъ 30 лѣтъ, проживая бо̀льшею частью въ Дрезденѣ, и оставляя Польшу на произволъ судьбы, только пользовался ея доходами, насколько удавалось. При немъ не было доведено до конца ни одного сейма, не составлялось законовъ, не повѣрялась администрація; отдавать отчетовъ было некому, потому что главные сановники, управлявшіе различными вѣдомствами, должны были отдавать ихъ одному сейму, а сеймы всѣ срывались; подскарбіи (министры финансовъ) распоряжались по произволу казною; канцлеры подписывали беззаконные акты; въ судахъ и трибуналахъ происходили буйства; паны съ вооруженною силою разгоняли судилища; полиціи въ Польшѣ не было никакой, и господствовало полное право сильнаго: существовали, правда, великіе и надворные маршалы но,

не занимались своимъ дѣломъ; въ Польшѣ не чеканилось монеты: король началъ чеканить польскую монету въ Дрезденѣ и ввозить эту монету изъ-за границы, но, вслѣдъ затѣмъ, за нею полилось въ Польшу громадное количество фальшивой монеты изъ Пруссіи. Торговля упала. Войска въ Польшѣ едва могло набраться до 8-ми тысячъ, но и то было неспособно къ дѣлу. Польша потеряла всякое значеніе и уваженіе въ Европѣ; не было даже польскихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Голосъ русскаго посланника въ Варшавѣ сталъ всемогущъ. Русскія войска вступали въ Польшу и квартировали, какъ въ своей землѣ, брали съ жителей поборы и очень часто дозволяли себѣ всякія своеволія; поляки же находили въ этомъ квартированіи у себя чужестранныхъ войскъ даже пользу, потому что сбывали имъ свои сельскія произведенія на провіантъ и фуражъ.

Польша была на краю паденія, когда Августъ III, въ 1763 году, скончался.

II.

Народный характеръ польскій. — Польша древнихъ временъ. — Золотой вѣкъ. — Введеніе іезуитовъ.

Внутреннія условія, доведшія Польшу до разложенія, сложны и были предметомъ множества соображеній, догадокъ, заключеній и выводовъ. Пытались поставить на первый планъ то одно, то другое явленіе, указывали на избирательное правленіе, на чрезмѣрную силу магнатовъ, на своеволіе шляхты, на отсутствіе средняго сословія, на религіозную рознь, на упадокъ и порабощеніе земледѣльческаго класса. Намъ кажется, что эти признаки польскаго политическаго строя, при своихъ дурныхъ сторонахъ, не представляли еще стихій неизбѣжнаго паденія и разложенія государства. Избирательное правленіе существовало въ Германіи, и, однако, Германія не разложилась, и ее не завоевали другіе; и тамъ были своевольные и несогласные магнаты: князья и герцоги, да и вездѣ въ Европѣ они были; сельскій классъ не въ одной Польшѣ былъ преданъ произволу высшаго, угнетенъ и забитъ: вездѣ въ Европѣ онъ мало чѣмъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, а иногда и ничуть не въ лучшихъ; въ Польшѣ были религіозныя волненія и преслѣдованія: и въ остальной Европѣ они проявлялись, и западная Европа представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе картинъ раздоровъ, смутъ и кровопролитій. Польское устройство не хуже было устройства другихъ странъ, а выработкою свободныхъ формъ стояло выше многихъ. Понятно,

что Жанъ-Жакъ Руссо, которому давали на разсмотрѣніе польское устройство на бумагѣ, отозвался о немъ съ похвалою, хотя и замѣтилъ его недостатки. Самое liberum veto, парализовавшее въ Польшѣ движеніе къ полезнымъ перемѣнамъ, имѣло и свои хорошія стороны, насколько могло останавливать хитрости, козни партій; въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда могло идти дѣло о коренныхъ переворотахъ государства, liberum veto, въ благоразумныхъ размѣрахъ, предоставленное посламъ сейма, со строгою отвѣтственностью передъ судомъ за нечистое и корыстное его употребленіе, могло приносить пользу, удерживая порывы увлеченія, способные овладѣвать большинствомъ. Причины паденія Польши не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія жизни, поражающія насъ своимъ разрушительнымъ характеромъ, мы найдемъ все то же, что̀ было и въ другихъ странахъ, но мы не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противодѣйствующихъ дурному, началъ, которыя въ другихъ странахъ Европы давали движеніе къ улучшеніямъ въ общественномъ строѣ и къ торжеству здравыхъ убѣжденій.

Корень паденія Польши въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ; восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни.

Конечно, нѣтъ ничего труднѣе объяснить, отчего образовался такой или иной народный характеръ, хотя онъ и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта истекаетъ оттого, что начала его обыкновенно восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній. Такъ трудно бываетъ углѣдить причины образованія характера человѣка въ отдѣльности — онѣ кроятся въ впечатлѣніяхъ нѣжнаго возраста; первобытныя ощущенія до того вліятельны, что слагаютъ существо человѣка на всю его послѣдующую жизнь, и только сильные перевороты въ жизни могутъ измѣнить опредѣлившееся въ дѣтствѣ направленіе способностей. Въ то время, когда дитя начинаетъ лепетать слова и различать предметы, неуловимые случаи производятъ на молодые нервы вліяніе, дающее подкладку для его способностей. То же совершается въ жизни племенъ и народовъ. Мы застаемъ историческіе народы въ тѣ періоды развитія, когда у нихъ уже опредѣлились первобытныя

свойства; послѣдующія историческія судьбы даютъ намъ только возможность прослѣдить, какъ развивались они, а самое зарожденіе свойствъ отъ насъ ускользаетъ.

Въ чемъ же состоятъ первобытныя свойства поляка, опредѣлившія его историческій характеръ? Кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что польскій народъ, какъ и все славянское племя, въ большей или меньшей степени, представляетъ избытокъ и господство сердечности надъ умомъ. Начиная отъ временъ Болеслава Храбраго, и кончая послѣдними судорожными порывами къ утраченной самобытности, полякъ всегда дѣйствовалъ преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому влеченію и часто парализовались имъ. Народныя добродѣтели и пороки объясняются этимъ свойствомъ; полякъ легко воспламеняется, когда затрогивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце отъ утомленія начинаетъ биться тише, легко довѣряется тому, что̀ льститъ желанію его сердца и легко теряетъ довѣріе, когда слышитъ что-нибудь непріятное сердцу, и въ обоихъ случаяхъ легко попадается въ самообольщеніе и обманъ: голосъ холоднаго здраваго разсудка, хотя бы самый дружескій, ему противенъ; увлекаясь чувствомъ, онъ считаетъ возможнымъ невозможное для его силъ, затѣваетъ великое дѣло и не кончаетъ его, дѣлается несостоятельнымъ, когда для дѣла оказывается недостаточно сердечныхъ порывовъ, а нужно холодное обсужденіе и устойчивый трудъ; онъ способенъ къ чрезвычайной дѣятельности, но не надолго, и можетъ скоро впасть въ лѣнь и апатію; онъ добръ до безпредѣльности и способенъ на величайшія самопожертвованія въ пользу добраго дѣла въ минуту увлеченія, но рѣдко способенъ вести его съ постоянствомъ, можетъ бросить его на полудорогѣ, легко сдѣлаться свирѣпымъ, жестокимъ, но также по увлеченію сердца и не надолго. Не въ натурѣ поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первомъ непріятномъ на его сердце впечатлѣніи, онъ разсорится съ вѣрнѣйшимъ другомъ, измѣнитъ ему, но за то легко протянетъ руку заклятому врагу, если тотъ удачно польститъ его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до унынія; отъ этого онъ часто бываетъ чрезмѣрно кичливъ и заносчивъ, но часто падаетъ духомъ и унижается въ несчастіи, то чрезвычайно храбръ, то чрезвычайно труслив, то черезчуръ бурливъ и неугомоненъ, то черезчуръ податливъ. Этими свойствами объясняются тѣ многочисленные рокоши и конфедераціи, которыя, послѣ шума и треска, оканчивались примиреніемъ и покорностію власти. Сигизмундъ III, Августъ II надѣлила Польшѣ много дурного; противъ нихъ возставали, состав-

ляли конфедераціи, но ихъ не выгоняли, какъ выгоняли французы своихъ Бурбоновъ, или англичане своихъ Стюартовъ; поляки, пошумѣвши, побурливши, побившись, наконецъ, между собою изъ-за этихъ королей, мирились съ ними самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Паны безпрестанно между собою ссорились и дрались, но Капулетти и Монтекки въ Польшѣ не бывало; родовая вражда не въ духѣ поляковъ; надѣлавши другъ другу пакостей, въ порывѣ сердечной злости, они часто мирились и запивали венгерскимъ свои недоразумѣнія. Въ исторіи польскихъ войнъ есть примѣры изумительной рыцарской отваги и храбрости; но бывали случаи, когда все польское войско, безъ боя, разбѣгалось по лѣсамъ и бросало оружіе, какъ это было, между прочимъ, подъ Пилавцами въ войнѣ съ Хмельницкимъ. Гостепріимство и радушіе, въ чемъ едва-ли какой народъ сравнится съ поляками, истекали изъ той же безграничной и безразсудной сердечности; природѣ поляка нужно было веселое общество, какъ воздухъ, и онъ легкомысленно ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ для удовлетворенія этой потребности. Польское легкомысліе вошло у всѣхъ въ пословицу, но никто не скажетъ, чтобы оно происходило отъ врожденной тупости и недостатка способностей; напротивъ, поляки народъ очень даровитый, но сердечность увлекала ихъ за предѣлы разсудка, вводила въ ошибочные взгляды, приводила къ промахамъ; и только горькій опытъ, охлаждающій сердечныя увлеченія, заставлялъ ихъ увидѣть истину; отсюда и польская пословица: «мудръ полякъ послѣ бѣды»; но самый опытъ рѣдко исцѣлялъ поляка; при первомъ случаѣ онъ впадалъ въ новое самообольщеніе. Таже легкомысленная сердечность увлекала поляка незамѣтно къ порокамъ, несправедливостямъ, низостямъ и преступленіямъ; сердечность, располагавшая пановъ къ гостепріимству и веселой жизни, приводила ихъ къ потребности увеличивать свои средства, а не пріучивъ себя думать надъ тѣмъ, чего сердцу хочется, панъ не обращалъ большого вниманія на то, что эти средства доставались ему крайнимъ угнетеніемъ его подданныхъ, захватомъ чужой собственности и даже продажею чести и отечества. Послѣднее, такъ позорившее Польшу передъ концомъ ея существованія, происходило болѣе отъ необдуманности, чѣмъ отъ разсчетливаго презрѣнія къ отечеству. Полякъ, часто готовый на все дурное, изъ корысти, готовъ былъ, по влеченію сердца, безкорыстно раздѣлить свое состояніе съ другими. Панъ, у котораго отъ безалабернаго управленія тысячи крестьянъ доведены были до крайней нищеты, до униженія человѣческаго достоинства, часто въ сущности былъ добродушный человѣкъ, держалъ въ своемъ дворѣ толпу бѣдной шляхты, за-

щищалъ и выводилъ въ люди своихъ кліентовъ, не жалѣлъ для ихъ пользы ни денегъ, ни заботъ. Поляки съ поконъ-вѣка кричали о свободѣ, но свобода у нихъ была только сердечная, а никакъ не разумная; послѣдняя стремится къ тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побужденія каждаго лица подчинялись потребности общаго добра, идеалъ ея, — порядокъ, гармонія; при свободѣ сердечной, неуправляемой умомъ, мало думаютъ, или совсѣмъ не думаютъ о томъ, что̀ прямо не соприкасается съ побужденіями сердечной жизни. Человѣкъ, въ сущности добродушный, желаетъ, чтобы было хорошо только тѣмъ, кого онъ часто видитъ и съ которыми дѣлитъ свои сердечныя ощущенія, а до тѣхъ, съ кѣмъ соединяетъ его только идея, ему мало дѣла. Такъ, подчасъ польскому пану, живущему въ Великой Польшѣ, кормившему и одѣвавшему десятки или даже сотни шляхетскихъ семей, которыхъ довольство ему доставляло безкорыстное наслажденіе, мало прилегала къ сердцу судьба соотечественниковъ, терпѣвшихъ разореніе отъ татаръ гдѣ-нибудь на Волыни. Свобода сердечная ищетъ только удовлетворенія частныхъ склонностей и симпатій; идеалъ ея — безпорядокъ, потому что безъ всеуравнивающаго ума, дающаго всему мѣсто и время, размѣръ и границы, невозможно согласить разнообразія личныхъ свойствъ и побужденій. Польша это сознавала и, впродолженіи вѣковъ, не затруднялась говорить открыто, что она существуетъ безпорядкомъ (nierządem Polska stoi). Мы не знаемъ, существовалъ ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ. Гдѣ такая свобода, свобода безпорядка, тамъ непремѣнно должна была образоваться крайняя аристократія, неравенство сословій и порабощеніе однихъ другими. Въ Польшѣ такъ и было: сначала, сословіе леховъ или шляхты поработило сословіе кметей или хлоповъ, а потомъ и среди его образовалось неравенство, которое было тѣмъ уродливѣе, что существовало фактически подъ легальнымъ признаніемъ равенства.

Въ глубокой древности, польскіе славяне, какъ и всѣ вообще славяне, не составляли государства, но жили раздѣльными обществами, подъ управленіемъ старѣйшинъ. Зародышъ неравенства существовалъ еще въ тѣ отдаленныя времена; нѣкоторые роды выдвигались изъ ряда другихъ съ бо̀льшимъ значеніемъ и силою. Польское государство, точно также, какъ и Моравское, и наше Русское (въ двукратномъ его составленіи въ Новгородѣ и Москвѣ) образовалось вслѣдствіе потребности во взаимной защитѣ составившихъ его частей, и въ отбоѣ отъ натиска иноплеменниковъ. Этими иноплеменниками были нѣмцы,

устремлявшіеся на славянъ со временъ Карла Великаго. Послѣ паденія Моравской державы, явились въ западной славянщинѣ одна за другою Чешская и Польская; обѣ выдерживали борьбу съ нѣмцами; обѣ входили съ ними въ компромиссы, и въ крайности отстаивали свое существованіе признаніемъ надъ собою главенства императоровъ, чѣмъ думали оградить себя отъ совершеннаго покоренія и поглощенія, что̀ случилось съ другими ихъ соплеменниками. Болеславъ Храбрый былъ настоящимъ творцомъ польскаго государства и далъ толчокъ политическому бытію Польши на многіе вѣка. Но внутренней крѣпости въ немъ оказывалось мало съ самаго начала. Элементы разложенія дали о себѣ знать тотчасъ послѣ смерти Болеслава. Лехи не повиновались королевской власти, ссорились между собою и не отдавались на волю государя, а по смерти слабаго Мечислава, сына Болеслава, прогнали его вдову съ малолѣтнымъ сыномъ. Государство распалось. Но тѣ же лехи, желая освободиться отъ королевской власти, желали сами властвовать надъ сословіемъ кметей, земледѣльцевъ, тогда еще лично свободныхъ, но, по условіямъ быта, уже нерѣдко подпадавшихъ подъ насиліе леховъ. Кмети стали отстаивать свои права, поднялись на леховъ; начались безпорядки, междоусобія; къ этой бѣдѣ присоединилось еще и то, что на Польшу напали чехи и венгры. Польшѣ, лишенной государственной цѣлости, приходилось сдѣлаться добычею другихъ. Такія обстоятельства привели леховъ снова къ сознанію необходимости государства; они призвали изгнаннаго наслѣдника прежнихъ государей, Казимира, и разрушенное государство опять сложилось. Казимиръ, одолженный лехамъ своимъ водвореніемъ, всю жизнь долженъ былъ потакать имъ и удерживать подъ ихъ властью кметей: на это преимущественно и былъ онъ призванъ. Сынъ его, отважный Болеславъ Смѣлый, взялъ, напротивъ, сторону кметей, думалъ, опираясь на ихъ громаду, утвердить монархическую власть, но, послѣ многихъ промаховъ, принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Братъ его и преемникъ, Владиславъ-Германъ, долженъ былъ дѣлать все по волѣ леховъ и духовенства, надѣленнаго имѣніями и потому, по единству интересовъ, державшагося за одно съ лехами. Также поступалъ и сынъ его, Болеславъ Кривоустый. Передъ смертью своею, въ 1139 году, онъ раздѣлилъ государство между сыновьями и открылъ періодъ удѣльнаго раздробленія; въ этотъ періодъ значеніе леховъ возвысилось. Княжества образовывались и дробились; князья Пястова дома истощались въ безпрерывныхъ дракахъ между собою; каждый въ своемъ княжествѣ нуждался въ помощи богатыхъ и высокород-

ныхъ леховъ, и поэтому они всѣ давали своимъ лехамъ привилегіи, усилившія это сословіе. Такимъ образомъ, они освобождали ихъ отъ установленныхъ прежде даней, подворныхъ, мостовыхъ, торговыхъ и пр., отъ участія въ постройкѣ городовъ и военныхъ становъ, отъ военной службы, если она не отправлялась внутри края, наконецъ, отъ суда своего и своихъ намѣстниковъ. Тутъ-то положенъ былъ легальный фундаментъ той шляхетской вольности, которою, впослѣдствіи, всегда такъ дорожили поляки. Безурядица, разбои, своеволіе господствовали въ странѣ непрерывно два вѣка. При крайней слабости центральнаго главенства въ Краковѣ, не выработавши себѣ прочныхъ федеративныхъ формъ, которыя связывали бы раздѣльныя части между собою, растрепанная Польша только потому не досталась чужимъ, что нѣмецкіе императоры были отвлечены въ другую сторону, а Русь сама истощалась въ усобицахъ и покорена была татарами, однимъ словомъ, оттого, что у Польши въ тѣ времена не было сосѣдей, которымъ было бы удобно овладѣть ею. Тогда нѣмецкая стихія начала всасываться въ Польшу инымъ способомъ. Въ опустѣлые отъ междоусобій города польскіе князья начали накликать нѣмцевъ, и давали имъ право пользоваться устройствомъ, управленіемъ и законами, принесенными изъ нѣметчины, не подчиняться законамъ края, и за апелляціею въ своихъ дѣлахъ относиться за предѣлы Польши въ Галле и Магдебургъ. Этимъ положено начало тому строю городовъ, который до послѣднихъ временъ назывался магдебургскимъ правомъ, или просто Магдебургіею. Такимъ образомъ, пришельцы-нѣмцы, живя въ Польшѣ, составляли какъ бы малыя республики, чуждыя славянскому населенію страны, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ. Это естественно разрывало внутреннее единство народа. Люди, занимавшіеся въ Польшѣ торговлей и ремеслами, тѣмъ, что̀ составляетъ душу обыденной жизни, были люди другого происхожденія и языка, тянули не къ Польшѣ, а внѣ Польши; у шляхты же образовалось такое понятіе, что торговля и ремесло—занятіе вовсе не идущее къ поляку и унижающее шляхетское достоинство; что-же касается до простого народа, то нѣмцы всячески не допускали его до выгодныхъ занятій ремеслами и торговлей, и черезъ то способствовали его большему упадку, обнищанію и порабощенію. Это-то призваніе нѣмцевъ содѣйствовало онѣмеченію Силезіи и отпаденію ея отъ Польши. Внѣдреніе нѣмцевъ въ города рѣзко свидѣтельствуетъ о свойствѣ польской натуры дѣйствовать по сердцу, не справляясь съ разсудкомъ, и не разсчитывая на будущее. Еще бо̀льшихъ бѣдствій надѣлалъ въ этомъ отношеніи

Конрадъ III, мазовецкій князь, призвавшій, для борьбы съ язычниками пруссами, нѣмецкихъ рыцарей крестоносцевъ. Онъ подарилъ имъ польскія земли, загородилъ на будущія времена для Польши море и, главное, привилъ къ Польшѣ чужеядное растеніе, которое современемъ, разросшись, вытянуло изъ нея кровь и соки.

Въ началѣ XIV вѣка, Владиславъ Локетекъ соединилъ Малую и Великую Польшу подъ своимъ правленіемъ и короновался королемъ. Мазовія состояла подъ управленіемъ своихъ князей. Силезія была раздѣлена на мелкія владѣнія и уже признавала главенство чешской короны: сынъ Владислава, Казимиръ Великій, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ перешедшаго отъ отца къ нему государства, долженъ былъ пожертвовать этой землею искони польскою, и уступилъ ее навсегда чешскому королю. На другомъ концѣ онъ уступилъ крестоносцамъ Поморье и земли Хелминскую и Михаловскую. То былъ, можно сказать, первый раздѣлъ Польши за много вѣковъ до того, который произошелъ въ XVIII столѣтіи, и притомъ раздѣлъ не завоеванныхъ Польшею, а коренныхъ польскихъ земель, заселенныхъ испоконъ вѣка польско-славянскимъ племенемъ. Непрочность политическаго зданія Польши стала оказываться ясно, когда отъ него такъ легко отпадали составныя части. Оно было близко даже и къ тому, чтобы подпасть подъ власть чужихъ всецѣло. Уже при жизни Казимира, короли венгерскій и чешскій составляли между собою планы овладѣть Польшею и раздѣлить ее; уже въ тѣ времена, какъ бывало впослѣдствіи, въ ожиданіи кончины бездѣтнаго короля, являлись разные кандидаты, заискивавшіе престолъ посредствомъ составленія партій; уже и тогда, какъ бывало въ послѣднія времена, польскіе вельможи получали пенсіоны отъ иностранныхъ государей. Такъ, Спытекъ и канцлеръ Сбигневъ получали ихъ отъ венгерскаго короля, и такого рода путемъ обязанъ былъ Людовикъ короною послѣ Казимира. Какъ не узнать здѣсь, въ XIV столѣтіи, той Польши, какую мы знаемъ въ XVII и XVIII-мъ.

Участіе леховъ въ правленіи въ удѣльныя времена выражалось мѣстными вѣчами. Со временъ соединенія удѣловъ, и вѣча соединялись въ одинъ сеймъ. Первое такое общее собраніе мы встрѣчаемъ при Владиславѣ Локеткѣ въ 1331 году. Казимиръ созывалъ шляхту въ Вислицу, гдѣ были учреждены земскіе суды, введена администрація, заложены такія формы, которыя, впослѣдствіи, оставались надолго непоколебимыми въ главныхъ чертахъ. Казимиръ обобщилъ и распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты тѣ привилегіи, которыя въ удѣльныя времена отъ разныхъ князей получали знатные вель-

можи изъ леховъ. Ему нужно было содѣйствіе шляхты, чтобы сдѣлать послѣ себя преемникомъ своего племянника. За шляхетствомъ, въ которомъ помѣщался классъ землевладѣльцевъ, слѣдовали кмети. Судьба ихъ во времена удѣловъ подвергалась коловороту обстоятельствъ. Нѣкогда они были собственниками земель, на которыхъ жили, а впослѣдствіи или разнымъ способомъ потеряли свои земли и жили на шляхетскихъ земляхъ на условіяхъ, или же съ своими землями подчинены стали шляхтѣ. Въ удѣльныя времена не достигли они совершеннаго порабощенія. Кмети, хотя и часто подвергались произволу владѣльцевъ, но часто и убѣгали отъ нихъ къ другимъ владѣльцамъ изъ одного княжества въ другое. Съ объединеніемъ Польши такіе побѣги стали затруднительнѣе, и кмети подпали бо́льшей зависимости. Казимиръ Великій прикрѣпилъ ихъ къ землѣ владѣльцевъ съ нѣкоторыми исключеніями изъ общаго правила. Дозволялось изъ одной деревни выходить только одному и никакъ не болѣе двухъ. Сверхъ того кмети могли уходить отъ своего владѣльца въ тако́мъ случаѣ, когда послѣдній находился подъ церковною клятвою, но это установлено только потому, что тогда кметь, живя у владѣльца, въ случаѣ смерти, лишался христіанскаго погребенія, такъ какъ въ имѣніяхъ пораженнаго церковною клятвою прекращалось богослуженіе: это была уступка церкви, когда права мірскія сталкивались съ церковными. Другой случай, когда кметы могли оставлять владѣльца, былъ тотъ, когда владѣлецъ насиловалъ ихъ женъ и дѣвицъ. И здѣсь уступка церкви, которая заботилась о правильности семейныхъ связей. Былъ еще третій случай — кметь могъ убѣгать по жестокости господина, лишавшаго его средствъ къ пропитанію, но этотъ законъ находилъ себѣ противовѣсъ въ другомъ, по которому кметь, страшась возвратиться къ жестокому господину (si propter austeritatem seu rancunem domini sui redire timens), все-таки платилъ ему три гривны пени и годовой чиншъ. Такимъ образомъ, выходило, что если господинъ оберетъ кметя, то кметь можетъ отъ него освободиться, заплативъ ему, но какъ же кметь можетъ откупиться, когда его уже прежде оберутъ? Въ другомъ мѣстѣ того же законодательства говорится, что кметь не иначе могъ покидать своего господина, какъ оставивъ ему все свое имущество: а это большею частію должно было равняться запрещенію. Притомъ же кметь могъ пользоваться этими правами тамъ, гдѣ дѣйствовало польское право, а кромѣ польскаго, многіе владѣльцы ввели у себя право нѣмецкое, и послѣднее крѣпче польскаго держало кметя во власти владѣльца. При Казимирѣ же постановлено, чтобы тамъ, гдѣ введено было нѣмецкое право, руко-

водствовались имъ, такъ какъ и польскимъ, тамъ, гдѣ послѣднее оставалось въ силѣ. Въ тѣ времена шляхта ссылалась на нѣмецкое право, когда ей то было выгодно, а при случаѣ обращалась къ польскому, хотя законъ и требовалъ избрать одно какое-нибудь. Замѣтимъ, что замашки сильныхъ земли обходить законъ и криво толковать его въ свою пользу находили достойный примѣръ въ самомъ великомъ законодателѣ Польши. Этотъ король, большой женолюбецъ, соблазнилъ одну чехиню (Рокицану) и, чтобъ обмануть ее, устроилъ фальшивый бракъ; подкупленный священникъ совершилъ обрядъ неправильно, и король со спокойною совѣстію покинулъ ее, когда она ему надоѣла. Этотъ поступокъ польскаго землестроителя очень многознаменателенъ. Въ угоду другой любовницѣ, іудеянкѣ Эсѳири, онъ надавалъ льготъ іудеямъ и прежде внѣдрявшимся въ страну. Этотъ народъ, еще менѣе чѣмъ нѣмцы, могъ слиться съ туземцами, и всегда оставался въ Польшѣ особою корпораціею, захвативъ въ свои руки торговлю и промыслы, не давая хода природнымъ жителямъ, подмѣчая слабыя стороны общества и всячески обращая ихъ въ свою пользу. Вообще въ государственной организаціи, устроенной Казимиромъ, мы мало видимъ здоровыхъ началъ; напротивъ, Казимиръ потакалъ тому, что̀, впослѣдствіи, составляло вредныя и дурныя ея стороны: возвышенію шляхты, порабощенію кметей, отдачѣ въ руки чужеплеменниковъ экономическихъ силъ края и легкому обращенію съ закономъ.

При Людовикѣ Венгерскомъ королевская власть пошатнулась. Шляхетскому произволу расширилась дорога. Чтобъ побудить шляхту признать наслѣдницею въ Польшѣ одну изъ дочерей своихъ, онъ Кошицкимъ договоромъ уволилъ шляхту отъ податей, отъ службы и повинностей, кромѣ платежа двухъ серебрянныхъ грошей съ каждаго лана земли и всеобщаго ополченія въ случаѣ вторженія непріятеля войною въ страну; если же потребуется вести военную силу шляхты за границу, то король обязывался вознаграждать шляхтѣ убытки, понесенные отъ такого похода. Королю, кромѣ двухъ грошей, оставались для доходовъ *столовыя* имѣнія. Собственно привилегія, данная Людовикомъ, не составляла новости; главныя черты льготъ существовали еще во времена удѣловъ для знатныхъ леховъ или пановъ; Казимиръ ихъ распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты, а Людовикъ ихъ подтвердилъ, уяснилъ и расширилъ.

Равенство шляхетскаго сословія тогда уже подрывалось силою богатыхъ и знатныхъ вельможъ. При Людовикѣ, а еще болѣе въ послѣдовавшее за нимъ безкоролевіе, знатные роды вели между собою распри, а низшая шляхта служила имъ и за нихъ дра-

лась между собою. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя литовскаго Ягелла съ польскою королевою Ядвигою, великое княжество Литовское, съ вошедшими въ его составъ русскими землями, очутилось подъ однимъ коронованнымъ главою съ Польшею и, такимъ образомъ, явилось въ Европѣ пространнѣйшее государство; за уступкою Казимиромъ Силезіи и Поморья, теперь польскій король сталъ владѣтелемъ пространства на востокъ до Угры и Сулы, а на югъ до Чернаго моря. Мало было сплоченія въ этомъ государствѣ. Литва управлялась отдѣльно королевскими родственниками въ качествѣ намѣстниковъ. Добродушный, но недалекій по уму, Ягелло не устроилъ порядка, а скорѣе расшаталъ его. Въ 1413 году онъ, по желанію поляковъ, распространилъ права польскаго шляхетства на Литву, но не иначе какъ на ту часть, которая приняла римско-католическую вѣру — на православныхъ русскихъ это не простиралось. Такимъ образомъ, онъ расширилъ стихію своевольства, лежавшую въ этихъ правахъ, и лишивши послѣдователей одной вѣры того, что̀ далъ послѣдователямъ другой, возбудилъ между ними рознь и вражду. По смерти Ядвиги онъ удержался на польскомъ престолѣ единственно угодничествомъ шляхтѣ и допущеніемъ всякаго произвола. Въ концѣ царствованія (1431 г.) онъ подтвердилъ все, что̀ уступлено было шляхтѣ Казимиромъ и Людовикомъ, еще къ тому и расширилъ ея права: онъ обязался никого не арестовать безъ суда, далъ обѣщаніе не бить монеты безъ согласія шляхты и ничего вообще не предпринимать безъ совѣщанія съ нею. Во внѣшнихъ дѣлахъ при Ягеллѣ проявилось характерное качество поляковъ начинать и недоканчивать, успѣвать, но не пользоваться въ пору успѣхами и пропускать удобное время. Въ 1410 г., поляки разбили на-голову крестоносцевъ, пущенныхъ неблагоразумными предками на свою землю, заклятыхъ враговъ своихъ, а потомъ помирились съ ними и даже не отобрали своихъ исконныхъ земель.

Ягелло умеръ, и, по поводу преемничества, возникли смуты и междоусобія, не смотря на то, что сынъ его, Владиславъ, еще при жизни родителя, признанъ его наслѣдникомъ. Громада шляхты шла за знатными фамиліями: Леливчиками, Ястржембцами, Налэнчами и пр. Другъ на друга нападали, другъ у друга грабили и сожигали имущества; къ этому присоединилась религіозная смута; одни были противъ короля, другіе за короля, и составили конфедерацію, то есть сотворили въ государствѣ государство. Это явленіе, чрезвычайно разъѣдавшее Польшу въ послѣдующія времена, было и тогда уже не чуждо ей; и въ этомъ отношеніи Польша XV в. походила на Польшу XVII и XVIII. Съ помощію конфедераціи, король утвердился. Онъ умножилъ и расширилъ

шляхетское сословіе, распространивъ его привилегіи на Южную Русь, чтобъ привязать ее къ Польшѣ.

Въ Литовскомъ великомъ княжествѣ также были раздѣленіе и смуты. По покореніи русской земли языческими князьями, побѣдители раздавали покоренныя земли и города своей роднѣ и своимъ боярамъ, природнымъ литовцамъ, которые водворялись въ назначенныхъ мѣстахъ съ дружинами и держали въ порабощеніи русскихъ. Древніе русскіе княжескіе и боярскіе роды, подъ гнетомъ побѣдителей, теряли свою силу и значеніе. Литовскіе князьки, замѣнившіе русскихъ, сидя въ русскихъ городахъ, зависѣли отъ великаго князя, своего верховника. Такимъ образомъ, возникла на Руси новая родовитость, родъ феодаловъ, налегавшихъ на порабощенную Русь. Правда, уцѣлѣло нѣсколько и русскихъ княжескихъ родовъ, сохранившихъ свои владѣнія посредствомъ покорности и связей, но они видимо уже занимали второстепенное значеніе въ сравненіи съ литовскими. Однако Литва и Русь не могли долго оставаться враждебными сторонами, потому что литовцы, по слабости собственныхъ гражданственныхъ началъ, соприкасаясь съ русскими, принимали ихъ языкъ, народность и вѣру. Безъ сомнѣнія, еще полвѣка, и литовскіе князья, разселенные по Руси, забыли бы о своемъ происхожденіи, какъ забыла о своемъ та Русь, которая въ IX вѣкѣ пришла въ Новгородъ и Кіевъ съ поморья варяжскаго. Но крещеніе Ягелла въ римско-католическую вѣру, а за нимъ крещеніе въ ту же вѣру остававшихся въ язычествѣ и переходъ отъ греческой къ римской не твердыхъ новичковъ христіанства, произвели двѣ партіи — литовскую и русскую. Къ первой принадлежали принявшіе католичество, ко второй—православные. Послѣдніе, отвращались отъ соединенія съ Польшею; первые хотя также хотѣли удержать автономію Литвы, но, по единству вѣры, наклонялись къ болѣе или менѣе тѣсной связи съ Польшею. При Ягеллѣ, управлявшій Литвою двоюродный братъ его, Витовтъ, хотя и соблазнялся предложеніями короны отъ императора, но колебался и не рѣшался посягнуть на ущербъ достоинства Ягелла и Польши, тогда какъ родной братъ Ягелла, Свидригелло, православной вѣры, открыто и смѣло поднялъ оружіе противъ соединенія съ Польшею. При сынѣ Ягелла, преемникъ Витовта Сигизмундъ, католикъ, призналъ польскаго короля государемъ Литвы и былъ убитъ православнымъ княземъ Чарторыскимъ. По смерти Сигизмунда, въ Литвѣ посаженъ былъ отдѣльно княземъ сынъ Ягелла, Казимиръ, а когда польскій король Владиславъ палъ въ бою противъ турокъ (1444 г.), то поляки пригласили на престолъ Казимира. Литовцы не хотѣли пускать его и пустили не иначе, какъ съ

условіемъ, чтобъ Польша возвратила Литвѣ Волынь и Подоль (присоединенныя къ Польшѣ при Ягеллѣ наравнѣ съ Червонною Русью, захваченною еще Казимиромъ Великимъ). Семь лѣтъ Казимиръ Ягеллоновичъ уклонялся отъ присяги на соблюденіе правъ шляхетскихъ, вопервыхъ оттого, что въ этой присягѣ было обѣщаніе охранять за Польшею земли, которыя она считала своимъ достояніемъ, слѣдовательно Волынь и Подоль; во-вторыхъ оттого, что онъ, какъ государь литовскій, пользовался большею властью, чѣмъ польскій король; но послѣ семилѣтняго упрямства, онъ, наконецъ, присягнулъ, подтвердилъ всѣ права и вольности шляхетства, и далъ обѣщаніе сохранять всѣ владѣнія Польши и расширять ихъ. Православная Русь и обрусѣвшая Литва не очень любили Казимира, католика, угодника поляковъ; они не имѣли расположенія быть въ связи не только съ Польшею, но и съ Литвою, и стали обращаться къ Москвѣ, которая вслѣдъ затѣмъ и начала заявлять права̀ на главенство надъ всею Русью. Отъ этого Литва, получившая отъ Польши римско-католическую вѣру, хотя все еще не переставала думать объ автономіи, но стала болѣе склоняться къ Польшѣ, по мѣрѣ того, какъ начала опасаться, чтобъ Русь православная не отдалась Москвѣ.

Со времени Казимира Ягеллоновича въ Польшѣ начались правильные постоянные сеймы или шляхетскія собранія, отправлявшіяся въ разныхъ мѣстахъ. Владѣльцы сдѣлались полными государями въ своихъ имѣніяхъ, присвоили себѣ право судить своихъ подданныхъ, отнюдь не допускали короля вмѣшиваться въ свое управленіе. Шляхетство стало ревниво за свои привилегіи и подозрительно къ королю, боялось, чтобы король, какъ-нибудь, не нашелъ средствъ и силы ограничить его: семилѣтнее упрямство Казимира и нежеланіе подтвердить шляхетскія права подавали поводъ этимъ опасеніямъ. Боязнь, чтобъ король не забралъ въ свои руки военныхъ силъ, и съ помощью ихъ не ослабилъ шляхетской вольности, не допускала шляхту рѣшаться на выгодныя внѣшнія предпріятія, къ которымъ сама судьба призывала Польшу: черта, обычная въ польской исторіи до конца польскаго государства. Оттого внѣшнія событія Казимирова царствованія дали много шума и блеска, но менѣе успѣховъ для будущаго, чѣмъ сколько можно было ожидать. Пруссія, недовольная правленіемъ крестоносцевъ, отдавалась польскому королю: слѣдствіемъ этого была многолѣтняя война. Король долженъ былъ вести ее на свой счетъ; польское шляхетство мало помогало ему своими средствами, Литва вовсе не помогала. Война, однако, кончилась къ пользѣ поляковъ, но съ страшнымъ опустошеніемъ Пруссіи, происшедшимъ оттого, что шляхта оказывала мало содѣйствія. Польша

возвратила утраченныя земли (Хелминскую, Михаловскую и Варминскую). Орденъ призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши, но сохранилъ свое существованіе. Сосѣди искали союза и единенія съ Польшею. Чехи, по смерти короля своего Юрія Подѣбрада и венгры по смерти Матѳея Корвина, избрали на престолы свои Казимирова сына, но изъ этого не вышло для Польши ничего. Новгородъ отдавался Казимиру, и поляки не съумѣли воспользоваться этимъ. Открытіе для Польши теченія Вислы и ея устья оживило торговлю съ ганзеатическими городами: въ край притекали произведенія европейской промышленности; усилился сбытъ туземныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась и умственная жизнь; основана была краковская академія, а за нею школы; началась литература, распространилось знаніе латинскаго языка и современныхъ наукъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкія права шляхетства ослабляли королевскую власть, а съ нею благоустройство и порядокъ, развивали своеволіе и политическую безнравственность; богатые польскіе и литовскіе паны играли изъ себя независимыхъ корольковъ; шляхта не давала средствъ на истинныя нужды отечества, слушала и угождала не главѣ государства, а своевольнымъ вельможамъ, кричала о свободѣ, а лакействовала передъ богатыми; сильные не смотрѣли на законъ, въ своихъ спорахъ позволяли себѣ самоуправство, нападали другъ на друга, не обращая вниманія на то, что отъ этого терпѣли невинные жители; по всей странѣ размножились разбойники; въ судопроизводствѣ была путаница и кривосудіе. Этому способствовало то, что въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали различныя права. У однихъ нѣмцевъ магдебургское, у другихъ иное, нѣмецкое же, у русскихъ русское, у мазуровъ мазовецкое. Со временъ Казимира начинаются непрестанныя жалобы на обиліе своевольныхъ людей въ Польшѣ и Литвѣ; противъ нихъ писались законы, но своеволіе не прекращалось. Самое ближайшее знакомство съ Западомъ посредствомъ торговли, развивая въ шляхетскомъ сословіи благосостояніе, вызывало роскошь, порождало мотовство, а затѣмъ, для увеличенія средствъ къ лучшей жизни, и отягощеніе подданныхъ.

При наслѣдникѣ Казимира, Янѣ-Альбрехтѣ, узаконено бо̀льшее порабощеніе кметей, или хло̀повъ. Въ 1496 г., запрещено имъ покидать свое мѣсто жительства и выходить изъ-подъ зависимости отъ владѣльца, исключая одного изъ каждаго села въ годъ. Законъ дозволялъ, однако, одному изъ сыновей кметя увольняться въ ученіе по волѣ пана, а такъ какъ и безъ того судьба хлоповъ была въ волѣ пана, то само собою разумѣется, что это не была привилегія для народа. Подтверждалось, чтобъ хлопъ находился

подъ доминіальнымъ судомъ, иными словами, чтобъ честь, жизнь и имущество находились подъ произволомъ пана. Лицамъ не только хлопскаго, но и мѣщанскаго званія воспрещено владѣть земскими имѣніями. Такимъ образомъ, всѣхъ, непринадлежащихъ къ шляхетскому сословію, стали считать безземельными. До тѣхъ поръ кметь, хоть и обязанъ былъ работою за землю, которую обработывалъ для себя, и на которой жилъ, но, по обычаямъ, она переходила въ его родѣ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Съ этихъ поръ древній обычай не могъ болѣе стѣснять пана, если онъ захочетъ перевести хлопа съ одного грунта на другой, или даже лишить его грунта вовсе. Убѣжавшій и пойманный хлопъ не отвѣчалъ уже предъ судомъ за себя, а отвѣчалъ за него тотъ, кто его передерживалъ. Въ этомъ случаѣ кметь какъ будто переставалъ быть человѣкомъ, а становился наравнѣ съ безсловеснымъ животнымъ, или даже бездушною вещью. Также по всякой жалобѣ на кметя отвѣчалъ не самъ кметь, а его господинъ за него.

Царствованіе двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ (Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа) представляется у поляковъ золотымъ вѣкомъ. Тогда было много наружнаго блеску. Тогда у поляковъ были свои поэты, ученые; Польша произвела величайшаго двигателя научной истины, Коперника. Но въ это же время предразсудки шляхетской породы дошли до крайнихъ предѣловъ и хлопы впали еще въ тягостнѣйшую неволю. Правда, Сигизмундъ I лично былъ человѣкъ добраго сердца, старался облегчить участь хлоповъ, и назначилъ даже количество обязательныхъ дней для работъ на пановъ, но шляхта имѣла слишкомъ много правъ, чтобъ связывать себя постановленіями. Самъ Сигизмундъ I не только не ограничивалъ правъ шляхетства, но подтвердилъ все прежнее. Панскіе подданные были изъяты отъ покровительства короля, наравнѣ также съ панскими плѣнниками и съ тѣми вольными людьми, которые женились на рабыняхъ и поэтому дѣлались рабами. Въ Литвѣ и Руси состояніе хлоповъ было тяжелѣе, чѣмъ въ Польшѣ. По литовскому статуту шляхтичъ, убившій чужого хлопа или даже вольнаго человѣка, но не шляхетскаго званія, наказывался единственно платежемъ головщины. Въ Литвѣ еще болѣе, чѣмъ въ Польшѣ, возвысились знатные роды и подавляли своимъ величіемъ убогую шляхту. Легальное равенство между всѣми, принадлежавшими къ шляхетскому званію, естественно, не могло удержаться на дѣлѣ: не могло быть равныхъ отношеній между паномъ, получающимъ двадцать-сорокъ тысячъ червонцевъ въ годъ дохода и убогимъ владѣтелемъ какихъ-нибудь двухъ волокъ. Въ Литвѣ не было еще сеймовъ при Сигизмун-

дѣ I, и сенаторы не считали за шляхтою право соучастія въ правленіи, а потому и смотрѣли на нее какъ на классъ ниже себя. Хотя въ Польшѣ были сеймы, но сенаторы, происходя изъ знатнѣйшихъ фамилій, обращались съ послами отъ шляхетства, какъ съ своими прислужниками, тѣмъ болѣе, что послы отъ шляхетства, будучи относительно не богаты, по пріѣздѣ на сеймъ, принимали пособія отъ короля или отъ пановъ, и такимъ образомъ уже въ тѣ времена, какъ и впослѣдствіи, послы говорили и дѣйствовали не по собственному убѣжденію, а по волѣ тѣхъ, которые ихъ содержали или платили имъ. Духъ подобострастія, угодничества, продажничества и вмѣстѣ буйства, неповиновенія закону, былъ отличительнымъ свойствомъ тогдашняго шляхетства. Уже тогда срывались сеймы, и довольно часто. Такъ въ 1533, 1537, 1540, 1544 и 1548 годахъ, сеймы разошлись не окончивши своихъ дѣлъ. Явленіе такъ частое въ XVII и въ XVIII в. происходило и въ XVI. Чтобъ провести на сеймѣ какое-нибудь постановленіе, король долженъ былъ склонять пановъ обѣщаніями, лестію, подарками; съ своей стороны паны, если имъ нужно было провести какой-нибудь законъ, подкупали пословъ. Между владѣльцами то и дѣло происходили наѣзды; сосѣдъ разорялъ сосѣда, убивалъ его подданныхъ наравнѣ со скотомъ. Въ такихъ наѣздахъ за знатныхъ пановъ работала шляхта, состоявшая у нихъ на угощеніяхъ и платѣ. Въ судахъ было безчисленное множество процессовъ о такихъ насиліяхъ, но знатные паны не очень боялись суда, и даже сейма. Такъ одинъ панъ, по прозванію Русецкій, обвиняемый за буйства и убійства, прибылъ на сеймъ съ громадою подкупленной шляхты и требовалъ прекращенія процесса надъ собою, и когда король настаивалъ на правосудіи, онъ себѣ уѣхалъ прочь, и не видно, чтобъ его потомъ преслѣдовали. Процессы были обложены большими пошлинами: иногда выигравшій дѣло объ имуществѣ долженъ былъ платить пошлинъ больше, чѣмъ стоилъ искъ, а потому и удобнѣе было управляться самому, когда достанетъ силы. Угождая панамъ и служа имъ изъ выгодъ, шляхта часто поднималась противъ нихъ и противъ короля. Всякъ поставлялъ себѣ цѣлію быть независимымъ и не хотѣлъ ощущать на себѣ какого-нибудь давленія, и потому, кто только могъ, тотъ и буйствовалъ, и ничего не могло быть легче какъ собрать шумный скопъ недовольныхъ. Но смятенія также легко утишались, какъ возбуждались. Королева Бона, большая интриганка, составила около себя партію: дѣлались большія злоупотребленія, установлялись неправильные поборы, продавались должности. Вспыхнуло неудовольствіе. Нѣсколько тысячъ шляхты собралось подъ Львовомъ; шумѣли, кричали, гро-

зили и, удовлетворенные фразами и обѣщаніями, разошлись, ничего не сдѣлавши. Сборъ этотъ остался въ исторіи подъ названіемъ «Куриной войны». Эта эпоха замѣчательна и тѣмъ, что отсюда начинается упадокъ правъ городовъ. До тѣхъ поръ города имѣли право посылать на сеймъ своихъ представителей; но такъ какъ городскіе послы являлись туда въ небольшомъ количествѣ и не могли ничего подѣлать противъ большинства шляхетскихъ пословъ, да притомъ шляхта смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ, то города сами перестали посылать своихъ представителей, и такимъ образомъ, лишались своихъ правъ: впослѣдствіи, уже нельзя было возстановить ихъ. Съ Сигизмунда I, стали отдаваться города подъ надзоръ старостъ — пановъ, получившихъ отъ короля въ пожизненное владѣніе королевскія имѣнія; — въ городахъ существовали выборныя должности: войтъ, райцы и лавники, но въ эти должности выбирались обыкновенно такія лица, какія были угодны старостамъ; магдебургское право не только не отнималось, но еще и вновь раздавалось, однако не защищало города отъ произвола вельможъ и нерѣдко служило къ отягощенію мѣщанъ: нужны старостѣ поборы, выборное правленіе города наложитъ ихъ, по волѣ старосты. Въ Польшѣ тогда уже не было другой системы кромѣ безпорядка. Король подъ-часъ могъ поступать деспотически, сенаторы и его любимцы могли подкупить и направить сеймъ, какъ имъ угодно. Такъ любимецъ Боны, Кмита, стращалъ купцовъ-христіанъ въ городахъ, что онъ подговоритъ на сеймѣ пословъ, чтобъ расширить торговыя права іудеевъ, а послѣднихъ стращалъ тѣмъ, что за ихъ лихоимство и обманы онъ подговоритъ сеймъ лишить ихъ торговыхъ привилегій: и тѣхъ и другихъ держалъ онъ въ страхѣ угрозами направить сеймъ по своимъ видамъ къ ихъ ущербу. Въ другихъ случаяхъ, королемъ играли какъ пѣшкою: такъ Сигизмунду I не дозволяли принять въ соправители сына, а потомъ ставили ему на видъ, что онъ старъ, и требовали, чтобъ онъ передалъ сыну правленіе. Подъ-часъ и сеймовые послы были въ разладѣ съ страною, которой служили представителями. Предъ собраніемъ сейма они получали на сеймикахъ инструкціи, какъ имъ дѣйствовать, а по окончаніи сейма должны были отдавать отчетъ на сеймикахъ, которые назывались въ такомъ случаѣ реляційными, но бывало иногда, что сеймики не одобряли установленнаго послами. Такъ, въ 1540 г., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шляхетство не хотѣло признавать опредѣленій, состоявшихся на сеймѣ.

Царствованіе Сигизмунда-Августа было періодомъ блистательныхъ явленій польской безладицы. Съ самаго начала отъ короля потребовали развода съ женою Варварою изъ дома Радзивил-

ловъ; мать короля, Бона, строила козни противъ невѣстки, а поляки были ея игрушкою. Сигизмундъ-Августъ не поддавался и настоялъ на своемъ; здѣсь поляки очень рѣзко показали свойство своего національнаго характера: сперва горячились, потомъ уступили, и тѣ, которые громче другихъ кричали противъ королевы, потомъ нижайше кланялись ей и заискивали милостей. Однако, королева Варвара не долго прожила послѣ такой передряги, и послѣ ея смерти поляки чуть не покланялись ея памяти. Вообще, замѣтно, что чѣмъ больше утверждалось и узаконялось политическое всемогущество шляхты, тѣмъ она дѣлалась слабѣе: ее можно было водить за носъ; запросивши многаго, она отступалась отъ всего, переходила отъ одной крайности въ другую, отъ заносчивости къ покорности, отъ злобы къ податливости; чѣмъ больше полякъ получалъ свободы, тѣмъ ближе былъ къ тому, чтобы лишиться ея, хотя никакъ не воображалъ, что онъ ея лишается.

Такъ сдѣлалось въ этотъ вѣкъ со свободою совѣсти. Польша пріобрѣла ее въ самомъ широкомъ размѣрѣ и скоро утратила. При Сигизмундѣ I религіозныя нововведенія считались неодобрительными, хотя и не преслѣдовались съ большимъ рвеніемъ; въ Польшѣ существовала инквизиція, сперва въ рукахъ монаховъ, а потомъ, съ 1542 г., въ рукахъ епископовъ. Этой инквизиціи сходило съ рукъ, когда она сжарила двухъ-трехъ незнатныхъ особъ: мѣщанина, продававшаго жиду святые дары, да старую мѣщанку, въ которой отыскали какое-то неправовѣріе въ божество Іисуса Христа. Но шляхетство иначе отнеслось къ этому учрежденію, когда оно стало призывать къ суду людей шляхетскаго званія. Сеймовые послы на воеводскихъ сеймикахъ получили инструкціи стараться объ отмѣнѣ инквизиціи и, послѣ многихъ споровъ на сеймѣ 1552 году, она была временно упразднена, а черезъ десять лѣтъ, въ 1562 году, уничтожена и по имени. Польша стояла открытою для всякихъ вѣроученій и ересей. Самъ Сигизмундъ-Августъ и примасъ польскаго духовенства Уханскій, готовы были отступить отъ папизма и наклонялись къ восточному православію, хотя и не сознавали этого вполнѣ. Сигизмундъ-Августъ отнесся къ апостольской столицѣ съ такими смѣлыми требованіями: чтобъ обѣдня отправлялась не по-латыни, а на живомъ языкѣ, чтобы причащеніе было подъ двумя видами, чтобы въ санъ священника поставляли и женатыхъ, чтобы аннаты, платимые римскому двору, были уничтожены и чтобы былъ учрежденъ въ Польшѣ національный синодъ. Папа Павелъ IV (Караффа) отправилъ въ Польшу легата Липомана укрѣплять короля и поляковъ въ вѣрѣ и убѣждалъ дождаться рѣшенія все-

ленскаго собора, который долженъ былъ умиротворить волнуемую церковь. Король рѣшился дожидаться. Соборъ, на который надѣялись, былъ Тридентскій, какъ извѣстно, освятившій и подтвердившій всѣ папскія притязанія и перемѣны, сдѣланныя папами въ церкви. Въ Польшу былъ отправленъ легатъ Коммендони съ опредѣленіями собора. Примасъ Уханскій готовъ былъ объявить борьбу папѣ, надѣясь сдѣлаться самъ патріархомъ національной церкви. Но Сигизмундъ-Августъ показалъ свою слабую натуру. Оттого ли, что онъ, какъ думаютъ, желалъ развестись съ женою и надѣялся получить отъ папы диспенсъ, или отъ страха совѣсти передъ отеческими преданіями, онъ забылъ свои прежнія требованія, призналъ все, чего хотѣлъ папа. Примасъ также долженъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что епископы не намѣрены были его поддерживать. Впослѣдствіи, самъ примасъ Уханскій не только отрекся отъ своихъ затѣй, но сдѣлался вѣрнѣйшимъ слугой папизма. Съ тѣхъ поръ (1564), хотя въ Польшѣ и Литвѣ оставалась свобода совѣсти, но она уже не могла привиться ни къ чему прочному. Реформаторское движеніе Европы коснулось Польши легко, поверхностно, не входя въ умы, скользя по чувству людей высшаго класса, щекотало его своенравіе и не пускало никакихъ корней въ народной жизни. Была мода на вольнодумство: поляки поддались ей; шляхта бросалась въ кальвинство, лютеранство, аріанство, какъ будто играя своею свободою; явились іезуиты — и шляхта также легко, поверхностно, необдуманно, бросилась въ ихъ объятія и завязла прекрѣпко.

Сигизмундъ-Августъ болѣе всѣхъ Ягеллоновъ усвоилъ польскую національность и ввелъ въ Литву всѣ польскія учрежденія, какихъ тамъ не доставало. Устроивъ правильный сеймъ и такіе суды, какіе были въ Польшѣ, въ 1563 г. отказался отъ наслѣдственнаго права на Литву, устроилъ вѣчное соединеніе Польши съ Литвою. Въ 1566 году, онъ отрекся отъ всѣхъ, даже номинальныхъ, правъ королевской особы вмѣшиваться въ собственность шляхетскую, и тѣмъ самымъ хлопы, уже прежде преданные произволу пановъ, подъ благовиднымъ именемъ доминіальнаго суда, лишились даже надежды на покровительство государя. Для всей массы простого народа въ Рѣчи-Посполитой, короля какъ будто не было. Народъ зналъ своихъ независимыхъ пановъ, которые могли его обдирать, мучить и казнить. Богатства, стекавшіяся въ Польшу черезъ торговлю, подняли роскошь до высокой степени; экономія стала считаться скаредностью. Паны другъ передъ другомъ щеголяли гостепріимствомъ, пиршествами, пышностію въ одеждѣ, постройкою великолѣпныхъ дворцовъ, содержаніемъ многочислен-

ной прислуги, надворнаго войска и тунеядцевъ изъ шляхты, подъ названіемъ резидентовъ; вошли въ моду расточительныя поѣздки за границу. Все это требовало новыхъ доходовъ, а доходы панамъ доставляли ихъ рабы, и на рабовъ наваливали тяжелыя работы: уже не было помина объ урочныхъ дняхъ въ недѣлѣ. Каждый, въ своемъ имѣніи, устраивалъ какъ хотѣлъ быть хлòповъ, и обыкновенно они работали на пана шесть дней, а для ихъ жалкаго прокормленія давалось имъ воскресенье. Въ имѣніяхъ духовныхъ лицъ состояніе хлòповъ отнюдь было не легче, какъ бы ожидать слѣдовало, тѣмъ болѣе, что духовные сами не управляли своими имѣніями, а отдавали ихъ въ поссессію другимъ. Жалобы и стоны подвластныхъ не доходили до превелебныхъ владѣтелей, которые, получая доходы, жили себѣ весело и молились Богу о благоденствіи такой республики. Въ королевскихъ имѣніяхъ состояніе хлòповъ было не лучше, хотя они имѣли право жаловаться на несправедливости старостъ; тягаться хлопу съ паномъ было всегда трудно; старосты же, владѣя имѣніями только пожизненно, не имѣли разсчета щадить хлòповъ, а старались выжимать изъ нихъ все, что̀ можно, до крайности. Въ столовыхъ имѣніяхъ, съ которыхъ доходы шли королю, управители, доставляя въ королевскую казну, по инвентарю, что̀ слѣдовало, старались пріобрѣсти доходы для себя и потому часто были тиранами надъ подданными.

Вѣкъ Сигизмунда-Августа считается золотымъ вѣкомъ литературы и просвѣщенія. Но, не отнимая достоинствъ такихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ писателей, какъ Кохановскій или Рей, надобно сказать, что плоды тогдашней литературы важны только въ кругу своего родного края и далеко не имѣютъ міроваго значенія. Ученѣйшій изъ польскихъ историковъ Лелевель выразился такимъ образомъ объ умственной дѣятельности этого золотого вѣка: «Вообще поляки не имѣли творческихъ способностей, усвоивали легко чужія открытія, а сами почти ничего не создали новаго, только одинъ Коперникъ составляетъ исключеніе». Указывая на это имя, надобно однако же сознаться, что этотъ великій человѣкъ обязанъ Польшѣ своимъ рожденіемъ, а воспитаніе получилъ за границею, и всѣ его ученыя симпатіи обращались внѣ Польши.

Высшее мѣсто образованія — краковская академія — во всѣхъ отношеніяхъ стояла ниже заграничныхъ. Люди способные, желавшіе пріобрѣсти основательныя знанія, спѣшили въ Германію, Италію и Парижъ, а краковская академія оказывалась для нихъ плохою приготовительною школою.

Поверхностный наборъ знаній, риторическая болтовня, от-

сутствіе критики и приложенія знаній къ практикѣ составляли черты польскаго ученія. Правовѣдъ зазубривалъ кое-что изъ римскихъ законовъ и ничего не зналъ о польскомъ правѣ; богословъ не читалъ священнаго писанія, а долбилъ только Liber sententiarum Петра Ломбардскаго; медикъ учился по Галену, незнакомый съ новымъ ходомъ науки и не изучая вовсе человѣческаго тѣла. Юноши выходили изъ академіи круглыми невѣждами, и умные люди находили, что для того, чтобы дѣйствительно чему-нибудь научиться, необходимо прежде было выбить изъ головы ту дребедень, съ которою выходили изъ школы. Одинъ изъ ученыхъ того времени, Горскій, жалуется, какъ бываетъ трудно бросать и забывать знанія, пріобрѣтаемыя въ академіи. «Счастливъ тотъ, говоритъ онъ, кто успѣетъ выкарабкаться изъ этой грязи; но не рѣдко юношескій умъ, забитый отвратительной грубостью ученья, не въ силахъ бываетъ избавиться отъ него безъ тяжелаго труда». Въ обществѣ студентовъ господствовали бездѣльничество, лѣнь, буйство и грязныя шалости. Начальники заведенія жаловались, что къ нимъ поступаютъ юноши, которые въ семейномъ быту, отъ отцевъ и родственниковъ, набираются духа своевольства, лѣни и презрѣнія къ знаніямъ; а имъ, напротивъ, замѣчали, что академія не умѣетъ вести учениковъ и выпускаетъ въ свѣтъ гражданъ съ дурными наклонностями и привычками. Подъ вѣдѣніемъ академіи находились въ разныхъ мѣстахъ Польши школы, или такъ-называемыя колоніи, гдѣ учили читать, писать, немного ариѳметики, латинскому языку и затверживали сентенціи древнихъ философовъ. Этимъ и ограничивалось общественное воспитаніе. Протестантскія школы были нѣсколько лучше, но на нихъ лежалъ исключительный религіозно-сектантскій характеръ.

Вообще школъ было мало, и грамотность не очень была распространена въ Рѣчи-Посполитой; отъ этого одинъ изъ мотивовъ, по которымъ іезуиты скоро пріобрѣли вліяніе на массу, былъ тотъ, что они быстро и успѣшно распространяли грамотность и ученіе.

Іезуиты пришлись какъ нельзя больше по мѣркѣ польскому характеру. Этотъ орденъ, какъ извѣстно, тѣмъ и отличался, что чрезвычайно искусно принаравливался къ особенностямъ страны и пользовался слабыми сторонами того гражданскаго общества, въ которое вступалъ. Польская сердечность и добродушіе встрѣчали въ нихъ самыя привлекательныя качества. Никто столько не показывалъ дѣлъ милосердія и любви какъ іезуиты; ни отъ кого бѣдный и страждущій не видѣлъ такого радушнаго участія и матеріальной помощи, какъ отъ іезуитовъ. Во время моровыхъ повѣтрій іезуиты съ опасностью жизни уха-

живали за больными. Никто такъ не отличался благочестіемъ, скромностью и безкорыстіемъ; никто такъ скоро не выучивалъ отданныхъ въ ученіе дѣтей и не выпускалъ ихъ съ видимыми признаками мудрости; никто съ такимъ даромъ краснорѣчія не умѣлъ вкрадываться въ душу, убѣждать и возвращать въ лоно церкви заблудшихъ овецъ; ни у кого такъ великолѣпно и нарядно не отправлялось богослуженіе. Все, чѣмъ можно было привлечь добродушное и пылкое чувство, подѣйствовать на воспріимчивое воображеніе и опутать нетвердое размышленіе — пустили въ ходъ іезуиты. Никто не могъ превзойти ихъ въ искусствѣ благочестиваго шарлатанства. Съ появленіемъ ихъ въ Польшѣ, эта страна вдругъ сдѣлалась краемъ чудесъ, знаменій, явленій и откровеній: стоитъ только заглянуть въ ихъ годовники (Annuae), чтобы видѣть, какіе это были чудотворы, въ какія фамильярности входили они съ ангелами и святыми, какія дивныя исцѣленія производили своими молитвами: слѣпые прозрѣвали, глухіе слышали, безногіе ходили, люди падали съ крышъ, разбивали головы въ дребезги, и головы склеивались отъ іезуитскихъ молитвъ; и все это записывалось и печаталось съ точностью, указывалось мѣсто, гдѣ случилось чудо, имена и признаки лицъ, съ которыми были чудеса, а также и тѣхъ, кто ихъ производилъ. Какъ было имъ не овладѣть Польшею? Они и овладѣли ею. На счастье, судьба послала имъ такого польскаго короля, какъ Сигизмундъ III: онъ царствовалъ долго и всегда находился въ ихъ рукахъ. Побѣда имъ обошлась не безъ борьбы; противъ нихъ ополчались и православные, и диссиденты (протестанты всякихъ толковъ), и самые католики, недовольные тѣмъ, что іезуиты овладѣли правительствомъ и всѣми дѣлами; даже своя братія—монахи другихъ орденовъ, изъ зависти враждовали противъ нихъ; они все вынесли геройски и остались побѣдителями. Ихъ побѣдить могла только здравая наука и свѣтлый холодный умъ, неувлекаемый воображеніемъ и сердцемъ; а этого полякамъ не доставало паче всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

III.

Періодъ упадка. — Монашеское воспитаніе. — Жизнь въ Польшѣ. — Дворская служба. — Палестра. — Войско. — Сеймики. — Пьянство и кутежи.

Періодъ вступленія Сигизмунда III, у польскихъ историковъ, признается безспорно періодомъ упадка, хотя главнѣйшія свойства польской жизни, въ основныхъ чертахъ, оставались тѣ же, что и прежде были. То же своеволіе, неповиновеніе власти, не-

уваженіе къ закону, та же безладица на сеймикахъ и сеймахъ, путаница въ судахъ, то же непостоянство, легкомысліе, риторство, хвастовство, отсутствіе политическаго смысла во внѣшнихъ столкновеніяхъ; то же высокомѣріе чувства собственной силы, то же самоуниженіе, продажность и лакействованіе слабости, тотъ же добродушный эгоизмъ, происходящій больше отъ необдуманности, чѣмъ отъ черствости сердца, то же подражательное увлеченіе иноземщиной, то же порабощеніе и обезчеловѣченіе низшаго класса. Только въ періодъ упадка, всѣ эти признаки являются въ крупнѣйшихъ формахъ, но въ этомъ отношеніи иногда можетъ вводить насъ въ обманъ то обстоятельство, что о событіяхъ этого періода мы имѣемъ гораздо болѣе подробныхъ свѣдѣній, чѣмъ о раннихъ. При томъ же, многое въ эти времена является въ положительныхъ формахъ, тогда какъ прежде совершались подобные факты безъ легальныхъ формъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, liberum veto — право одного посла на сеймѣ уничтожать рѣшеніе цѣлаго сейма, право, мѣшавшее столько разъ окончанію сеймовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, является какъ положительная форма при Янѣ-Казимирѣ, но мы видимъ, однако, что еще при Сигизмундѣ I сеймы не доводились до конца. Слѣдовательно, сущность этого явленія не принадлежитъ только къ послѣднимъ вѣкамъ, и сеймъ 1652 года, съ котораго Сицинскій, сорвавъ его, открылъ цѣлые десятки такихъ сеймовъ, былъ въ своемъ родѣ не первый, а, сколько извѣстно, семнадцатый. Послѣ него до Станислава Понятовскаго, изъ пятидесяти пяти сеймовъ могло состояться только семь, да и то подъ чужеземнымъ давленіемъ; прочіе были сорваны. Срывать сеймы было для пословъ статьею дохода. Такъ сеймъ 1669 года, какъ говорили, былъ сорванъ Олизаромъ за 600 зл., а сеймъ 1690 года Городинскимъ за 600 талеровъ. Все это свидѣтельствуетъ только о большей степени деморализаціи и легкомыслія, но основныхъ измѣненій противъ прежнихъ вѣковъ не послѣдовало. Вся польская исторія имѣетъ то свойственное ей отличіе, что въ ней, отъ начала до конца, господствуетъ какой-то духъ саморазрушенія. Мы видимъ предъ собою несчастный, болѣзненный организмъ, котораго вся жизнь состоитъ въ развитіи прирожденныхъ злокачественныхъ соковъ, ведущихъ его въ могилу. Даже такія явленія, которыя, по своей внѣшности, должны представляться фактами прогресса силы, политической и гражданской крѣпости, духовной дѣятельности и благосостоянія—въ Польшѣ способствовали только возрастанію того, что̀ обусловливало ея неминуемую смерть. Такъ въ XIV вѣкѣ, Польша собралась въ единое государство, но въ ту же эпоху

утвердилось и укрѣпилось шляхетское своеволіе, послужившее ей въ будущемъ къ гибели. Выработались сеймы и сеймики, но принесли польской націи вредъ, пріучили польскій народъ не къ законности, а къ безправію, не къ гражданской доблести, а къ продажности, не содѣйствовали благодѣтельнымъ учрежденіямъ, согласію и порядку, а препятствовали всякимъ добрымъ намѣреніямъ власти, мѣшали удовлетворенію потребностей страны и тормозили естественный ходъ общественнаго развитія. Такія два блестящія событія, какъ соединеніе съ Литвой и пріобрѣтеніе Пруссіи, должны были создать огромное могучее государство: вышло совсѣмъ не то; эти два событія для Польши отозвались гибелью. Соединеніе съ Литвою и Русью вовлекло ее въ борьбу съ Москвою, и этой борьбы она не умѣла вынести, а пріобрѣтеніе Пруссіи связало ее съ бранденбургскимъ домомъ, который возросъ и окрѣпъ у ней подъ крыломъ, а потомъ наложилъ на нее львиные когти. При Сигизмундѣ III возникла церковная унія; современникамъ она казалась укрѣпленіемъ государственной связи. Были двѣ вѣры между собою несогласныя; теперь онѣ соединялись;—и тутъ послѣдствія вышли совсѣмъ иныя: это событіе повлекло къ ужаснымъ для Польши результатамъ. Польша умѣла обращать во вредъ себѣ даже такія событія, которыя сама судьба слагала въ ея пользу. Такъ, при Сигизмундѣ III, Московское государство, обезсиленное усобицами, доставалось Польшѣ; но Польша не только не съумѣла удержать его, а обратила послѣдствія смутной эпохи Московскаго государства во вредъ самой себѣ. Извѣстно, что тѣ же польскія шайки, которыя разоряли Московское государство, стали потомъ разорять собственное отечество, да къ тому еще эпоха смутнаго времени усилила подъ бокомъ у Польши казачество. Самое это казачество, это воинственное народонаселеніе, оборонявшее окраины Польши отъ хищническихъ стремленій Крыма, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться полезною для государства военною силою, которая могла бы успокоить границы и овладѣть берегами Чернаго моря, поляки съумѣли настроить такъ, что оно содѣлалось враждебнѣйшею для нихъ стихіею. Отъ смерти Сигизмунда III до Станислава Понятовскаго, Польша не показываетъ признаковъ никакой дѣятельной жизни, а ведетъ жизнь страдательную, т. е. испытываетъ то, что́ ей судьба подаетъ, идетъ туда, куда другіе ведутъ ее. Двѣ страшныя эпохи потрясаютъ ее, первая—казацкая революція, вторая — Сѣверная война. Послѣдняя нанесла такой ударъ уже истощенному ея организму, что она стала какимъ-то полуживымъ, полугніющимъ тѣломъ. Неотвратимыя библейскія письмена, видѣнныя когда-то

Валтасаромъ, были начертаны надъ нею во очію всего свѣта. Одни поляки ихъ не замѣчали.

Воспитаніе всему корень. Каково воспитаніе народа, такова и его дѣятельность. Начиная отъ введенія и распространенія іезуитовъ до перваго раздѣла, въ Польшѣ почти все воспитаніе было въ рукахъ монаховъ; исключеніе составляли академическія колоніи, не представлявшія ничего утѣшительнаго. Изъ монашескихъ орденовъ, у которыхъ были школы, наибольшая часть приходилась на долю іезуитовъ; за ними слѣдовали базиліане и піары.

Исторія польскаго просвѣщенія можетъ быть наполнена безчисленными столкновеніями іезуитовъ съ піарами, іезуитовъ съ академіею, іезуитовъ съ епископами и т. д. Одна сторона съ другою тягались судомъ передъ королемъ, передъ папою и сами расправлялись между собою; ученики враждебныхъ училищъ — іезуитскихъ, піарскихъ и академическихъ употребляли въ дѣло кулаки и палки; сами наставники ихъ къ тому подзадоривали; но это отнюдь не была война за какіе-нибудь принципы. То были споры за первенство, за школьную честь, за доходы, за право быть въ томъ или другомъ городѣ: академики ни за что не хотѣли дозволить іезуитамъ заводить свои школы тамъ, гдѣ прежде были академическія. Все это были явленія, соотвѣтствовавшія безладицѣ, господствовавшей въ краѣ, плодъ мелкой зависти, затронутаго самолюбія; изъ всего этого не вырабатывалось ровно ничего, кромѣ вреда ученію и нравственности. Воспитаніе у всѣхъ было одинаково, одинъ и тотъ же духъ, одинаковое шарлатанство. Когда іезуиты сотворили своего святого, Станислава Костку, и величались имъ, академія, чтобы не отстать отъ нихъ и не показаться ниже ихъ передъ Богомъ, сотворила, наконецъ, и себѣ своего академическаго святого, Яна Канта.

Всѣ школы имѣли церковный характеръ, всѣ зависѣли отъ верховной власти папы. Наблюденіе надъ ходомъ просвѣщенія сосредоточивалось въ Римѣ. Академія, правда, подчинилась свѣтской власти, но только по матеріальной части. Порядокъ преподаванія былъ у всѣхъ сходенъ. Іезуитскія школы были образцами. Главный начальникъ ихъ всѣхъ былъ генералъ, а подъ его вѣдѣніемъ были провинціалы. Каждая школа состояла подъ начальствомъ ректора, префекта и наставниковъ. Преподаваніе было двоякое: общее школьное, доступное для всѣхъ, и педагогическое для образованія наставниковъ. Послѣдніе приготовлялись въ такъ-называемомъ новиціатѣ, куда поступали изъ лучшихъ учениковъ; первые два года они говорили не иначе, какъ по-латыни, и упражнялись въ благочестивой практикѣ, а потомъ переводили ихъ на четыре года въ богословское отдѣленіе. Въ школахъ, соб-

ственно такъ-называемыхъ, открытыхъ для всѣхъ, было два рода классовъ: низшіе, или грамматическіе, числомъ три: инфима, грамматика и синтаксисъ, и высшіе или гуманіорумъ, числомъ два: поэзія и риторика. Въ первыхъ, т. е. грамматическихъ, учили латинскую грамматику Альвара и задавали соотвѣтствующія упражненія на латинскомъ языкѣ. Въ высшихъ читали кое-что изъ латинскихъ писателей и отчасти изъ греческихъ, но вообще греческаго языка почти никто не зналъ, и занятіе имъ упало по введеніи іезуитовъ. Тѣмъ обыкновенно кончалось воспитаніе. Въ главной іезуитской школѣ въ Вильнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были еще два высшихъ класса философіи и богословія, гдѣ преподавались этика и физика по Аристотелю, логика, метафизика и по Томасу Аквинейскому богословіе. Немного было такихъ, которые кончали эти высшіе классы.

Обращеніе съ учениками въ школахъ было смѣсью грубости и жестокости съ поблажками. Отцы считали главнымъ побужденіемъ къ ученію розги и усердно просили наставниковъ не щадить ихъ дѣтей. Оттого ксёндзъ-префектъ и наставники пороли ихъ безъ пощады. За идущимъ въ училище патеромъ несли нагайку, называемую мониторомъ, и клали на каѳедру, чтобы ученики имѣли всегда передъ глазами этотъ побудительный символъ. Въ награду за прилежаніе и успѣхи наставники дозволяли прилежнѣйшимъ отсчитать нѣсколько ударовъ лѣнивымъ, и такимъ образомъ внѣдряли въ юные умы понятіе, что тотъ, кто другихъ умнѣе, прилежнѣе, благонравнѣе, тотъ, за эти достоинства, имѣетъ право бить другихъ. Впрочемъ, если приходилось кого-нибудь наказать построже, т. е. раздѣть, положить и высѣчь, то должность палачей исполняли калефакторы — ученики изъ бѣднаго и неблагороднаго званія, обязанные топить печи, носить дрова и воду, прибирать классы: за это, по окончаніи своихъ черныхъ работъ, они могли прислушиваться къ чтенію уроковъ и зачерпнуть на свою долю латинской премудрости, если ставало на это способностей. Эти-то калефакторы сѣкли учениковъ за печкою, не передъ глазами всего класса, для того, что съ трусливыми учениками случались припадки непріятные для зрѣнія. Въ школѣ ученикъ пріучался къ неравенству отношеній между товарищами. На передней скамьѣ сажали такъ-называемыхъ императоровъ; это были сыновья зажиточныхъ отцовъ; имъ оказывали больше послабленія и пріучали обращаться съ бѣдными товарищами высокомѣрно. Дѣти богатыхъ родителей помѣщались на квартирахъ подъ надзоромъ директоровъ, выбранныхъ изъ лучшихъ учениковъ, которымъ за то платилось, а прислуживали имъ мальчики, сыновья бѣдной шляхты, проживав-

шей у ихъ отцовъ на содержаніи или состоявшихъ у нихъ на подачкахъ. Эти мальчики исполняли должность лакеевъ, ходили съ паничами въ школу, носили за ними книги и бумагу и сами учились; нерѣдко они перегоняли въ ученьи своихъ паничей, и послѣдніе за то на нихъ досадовали. Учители оказывали сыновьямъ богатыхъ отцовъ предпочтеніе передъ сыновьями бѣдныхъ, изъ лести; случалось, они имъ посвящали свои сочиненія и въ высокопарныхъ дедикаціяхъ воспѣвали величіе ихъ рода, ихъ собственныя достоинства и будущія доблести, которыхъ ожидаетъ отъ нихъ отечество. Въ самомъ надзорѣ за благонравіемъ была своего рода деморализація: патеры поручали ученикамъ подглядывать за своими товарищами, тайно другъ на друга доносить, вкрадываться другъ къ другу въ дружбу, и выдавать ихъ тайны наставникамъ. По наущеніямъ наставниковъ, ученики задирались не только съ учениками другихъ заведеній, но съ жителями шляхетскаго и мѣщанскаго званія, навлекавшими на себя злобу монаховъ; подущеніе дѣлалось такъ искусно и ловко, что наставники, впослѣдствіи, оставались въ сторонѣ и защищали учениковъ отъ постороннихъ преслѣдованій, извиняя ихъ поступки дѣтскою рѣзвостію. Наружный надзоръ за благонравіемъ былъ обращенъ на мелочи; преслѣдовалась дѣтская рѣзвость, особенно въ церкви; кто во время богослуженія сказалъ слово товарищу или разглядывалъ по сторонамъ, тотъ не миновалъ розогъ, но крупная безнравственность вкрадывалась въ ихъ души безпрепятственно. Примѣръ наставниковъ не укрывался отъ взоровъ питомцевъ, отъ которыхъ вездѣ и всегда труднѣе всего укрывается то, что хотятъ отъ нихъ скрыть старшіе. Пьянство, обжорство, распутство, ссоры между собою были обычными чертами домашней жизни наставниковъ; дѣти брали образецъ съ нихъ на будущее время. Духъ лукавства, пронырства, любостяжанія, угодничества сильнымъ, все, чѣмъ отличались монахи, прививался къ нимъ.

Не должно думать, чтобъ исключительная вина во всемъ этомъ падала на іезуитовъ; они виновнѣе были настолько, насколько были умнѣе, дѣятельнѣе и успѣшнѣе другихъ. Они умѣли лучше другихъ опутать человѣческій умъ, но того же хотѣли и другіе ордена; они энергичнѣе другихъ осуществляли то, чего требовала церковь. Въ цѣляхъ ея было не давать простора человѣческому мышленію, держать душу подъ постояннымъ благочестивымъ страхомъ, въ вѣчномъ ребячествѣ, въ повиновеніи у духовенства. Идеалъ ея былъ человѣкъ нравственно забитый; идеалъ этотъ достигался такою системою воспитанія, какая господствовала въ Польшѣ подъ монашескимъ наитіемъ. Ученики, пропотѣвши нѣсколько лѣтъ надъ Альваромъ, выучивши наизусть кое-что изъ

рѣчей Цицерона и стиховъ Виргилія и Горація, оставляли школы, не зная ровно ничего; кончившій риторику выходилъ въ свѣтъ вполнѣ asinus asinorum in saecula saeculorum—какъ говорилось о лѣнивыхъ ученикахъ и какъ приличнѣе было сказать о самыхъ прилежныхъ. Тѣ немногіе, которые кончили философію и богословіе, пріобрѣтали еще кучу лишнихъ формъ, которыя ни къ чему не годились въ жизни. Отцы-наставники руководились тѣмъ взглядомъ, что для выдѣлки умственныхъ способностей нужны упражненія, а не знанія, формы, а не содержаніе—нелѣпѣйшимъ взглядомъ, какой когда-либо посѣщалъ человѣческій мозгъ.

Такъ какъ воспитаніе было въ рукахъ духовныхъ, то можно было бы предполагать, что, по крайней мѣрѣ, ученики выходили знатоками въ религіозной наукѣ; не тутъ-то было: въ этомъ они были круглые невѣжды и должны были оставаться такими во всю жизнь. Въ другихъ предметахъ имъ не запрещали, по крайней мѣрѣ, по выходѣ изъ школы читать что-нибудь и вычитать какія-нибудь познанія; въ дѣлѣ религіи ихъ всегда сковывали наставленія духовныхъ отцовъ: ихъ воспитали въ той мысли и впослѣдствіи внушали имъ ту мысль, что мірянину не слѣдуетъ самовольно проникать въ область религіи; нужно покоряться наставленіямъ пастырей. Читать св. писаніе запрещалось. Религіозное воспитаніе состояло въ молитвахъ, сочиненныхъ или указанныхъ патерами, въ исполненіи разныхъ благочестивыхъ упражненій, также по приказанію духовныхъ. Отцы-монахи заботились, чтобъ души учениковъ находились подъ страхомъ религіознаго мистицизма, и для этого у нихъ было хорошее орудіе въ рожанцовыхъ братствахъ, куда они вписывали своихъ питомцевъ и гдѣ послѣдніе, попавши туда, оставались навсегда. Это были корпораціи съ обязанностію исполнять различныя благочестивыя упражненія. Часто собственно на ученіе тратилось не болѣе четырехъ часовъ въ день. Кромѣ обычныхъ праздниковъ, праздновались памяти разныхъ святыхъ, уважаемыхъ особенно почему-нибудь орденомъ. Въ большіе годовые праздники устроивались сценическія представленія, символически изображавшія торжество вѣры, а наипаче своего ордена, и отнимавшія много времени на приготовленія къ нимъ. На страстной недѣлѣ совершались представленія страстей Христовыхъ, на Божье-Тѣло студенты ходили за цвѣтами для украшенія алтарей; если случался неурожай или падежъ скота, они ходили за процессіями съ образами. Были частые непредвидѣнные случаи, когда ученіе прерывалось, напр., когда объявлялся гдѣ-нибудь отпустъ или канонизація святого и пр. Патеры заботились, чтобъ учениковъ зани-

мали разные религіозные и церковные случаи, напр. юбилей, пріѣздъ какого-нибудь важнаго сановника, назначеніе новыхъ начальниковъ въ орденѣ, появленіе чудотвореній, знаменій, однимъ словомъ, чтобы все, что́ входитъ въ область піэтизма и вѣрованія, занимало ихъ и было предметомъ ихъ любви и вниманія. Науки математическія и естествознаніе, не только не преподавались, но не одобрялись; ту физику по Аристотелю, какую преподавали въ классахъ философіи, нельзя причислить къ этому разряду наукъ. Ученіе Коперника, поляка по происхожденію, человѣка, которымъ Польша, болѣе чѣмъ всякимъ другимъ, могла гордиться, преслѣдовалось какъ еретическое.

Въ половинѣ XVIII вѣка, Станиславъ Конарскій произвелъ реформу обученія у піаровъ. Сущность ея состояла въ томъ, что вмѣсто открытыхъ школъ для вольноприходящихъ, заведены были конвикты, гдѣ ученики не только учились, но и жили, и, сверхъ того, введены точныя и физическія науки и новые языки. Первый такой конвиктъ заведенъ былъ въ Варшавѣ; по примѣру его, въ другихъ мѣстахъ заводились такіе же и даже у іезуитовъ. Остальныя школы продолжали идти прежнимъ путемъ. Въ самыхъ конвиктахъ на дѣлѣ оказалось мало улучшенія; старыя понятія о воспитаніи стали и въ нихъ господствовать; притомъ, они были доступны только для богатыхъ и въ этомъ отношеніи возбуждали ропотъ небогатыхъ обывателей, привыкшихъ къ даровому іезуитскому воспитанію. Всѣ приверженцы старой рутины подняли крикъ противъ нововведенія. Въ варшавскомъ конвиктѣ воспитаніе дѣйствительно шло лучше, и оттуда выходили дѣятели въ умственной сферѣ временъ Станислава-Августа, но ихъ было немного, въ сравненіи съ массою юношества, осужденнаго, вплоть до эдукаціонной коммиссіи, получать воспитаніе прежнимъ способомъ. Вообще въ предпріятіи Конарскаго благихъ желаній было болѣе, чѣмъ успѣховъ.

Въ академіи, высшемъ ученомъ учрежденіи, господствовало совершенное ничтожество. Своевольные магнаты поотнимали у ней фундуши; средства ея обѣднѣли; не-начто было высылать молодыхъ людей за границу, для дальнѣйшаго образованія. Многія каѳедры оставались пустыми; на тѣхъ, которыя были заняты, помѣщались люди, едва достойные быть преподавателями низшихъ школъ. Медицинскій факультетъ, самый важнѣйшій, по той непосредственной пользѣ, какую долженъ былъ приносить жизни, почти совершенно умеръ. Въ немъ было всего-на-все два доктора, и они не читали лекцій, а за деньги давали званіе врачей шарлатанамъ, уполномочивая ихъ губить человѣческое здоровье. Въ Польшѣ, въ XVIII в., почти не было своихъ природныхъ врачей; лѣченіемъ за-

нимались иностранцы—евреи, нѣмцы, венгерцы: послѣдніе бродили по краю съ походными аптечками, гдѣ, съ разными лѣкарственными каплями, продавались приворотные корешки и талисманы. Если на рѣдкость появлялся изъ поляковъ порядочный врачъ, то онъ непремѣнно получалъ воспитаніе за границею. Въ юридическомъ факультетѣ читались такія права, которыя не имѣли примѣненія къ польской жизни, и студенты выходили оттуда съ полнымъ незнаніемъ польскаго законодательства и судопроизводства, такъ что, когда имъ приходилось вступать на юридическое поприще, то они были какъ въ лѣсу, и кончавшіе курсъ ученія у іезуитовъ, не слушавши никакихъ лекцій о правахъ, на дѣлѣ, поступая въ палестру, оказывались болѣе умѣлыми, чѣмъ студенты академіи и скорѣе послѣднихъ достигали мѣстъ. Философскій факультетъ заявлялъ о своемъ существованіи только панегириками, дедикаціями, ораціями и стиходѣйствіями въ честь магнатовъ, на разные случаи жизни. Богословскій факультетъ былъ значительнѣе другихъ; туда шло болѣе, чѣмъ въ другіе факультеты, ибо докторское званіе давало бенефиціи.

Подъ вѣдомствомъ богословскаго факультета находились семинаріи, но далеко не всѣ: нѣкоторыя зависѣли отъ епископовъ, другія — въ большемъ числѣ — отъ миссіонеровъ, іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Клерики, учившіеся въ семинаріяхъ послѣдняго рода, усвоивали признаки того ордена, подъ вѣдѣніемъ котораго воспитывались. Миссіонерскія считались лучше всѣхъ; тамъ, между прочимъ, преподавались и новые языки. Вообще клерики слушали логику, метафизику и богословіе. Послѣднее преподавалось по какому-нибудь авторитету: у іезуитовъ по Молинѣ и Бузенбаху, у академиковъ по св. Ѳомѣ Аквинейскому, а у миссіонеровъ—по св. Августину. Церковной исторіи не преподавалось;—въ позднѣйшее время стали касаться ее у миссіонеровъ, но въ малыхъ размѣрахъ. Будущій священникъ не долженъ былъ знать много о судьбахъ церкви, чтобъ не подмѣтить человѣческихъ слабостей у прославленныхъ мужей вѣры, чтобъ не потерять увѣренности, что все въ церкви шло подъ видимымъ содѣйствіемъ Божіимъ, сопровождаемымъ чудесами и знаменіями, а наипаче, чтобъ не узнать, что были на свѣтѣ дурные папы, и воображать ихъ всѣхъ святыми, какъ всегда старалась внушать своимъ послѣдователямъ латинская церковь.

Клериковъ преимущественно занимали толкованіемъ символическаго значенія обрядовъ, изученіемъ ихъ правильнаго отправленія и религіозными упражненіями; задавались имъ разныя медитаціи, устраивались диспуты для преуспѣянія въ діалектикѣ, заставляли ихъ сочинять по образцамъ и произносить проповѣди,

Содержаніе ихъ было умышленно скудное. Изъятіе составляли сыновья богатыхъ родителей, которые содержались на собственный счетъ и не заботились о томъ, чтобъ научиться многому, зная, что во всякомъ случаѣ имъ достанутся выгоднѣйшія мѣста. Изъ нихъ многіе отправлялись въ Римъ, проводили тамъ время въ забавахъ, и воротившись домой, принимали высокій санъ.

Священниковъ въ Польшѣ было чрезвычайно много: они помѣщались не только по приходамъ, но въ домахъ обывателей: каждый зажиточный обыватель держалъ у себя домашняго капеллана, который былъ не только его руководителемъ къ небесной жизни, но его домашнимъ секретаремъ, его другомъ, совѣтникомъ и судьею его подданныхъ. Доступъ къ священническому сану былъ открытъ и не-шляхтичамъ, но вообще тѣ, которые происходили изъ мѣщанъ, получали бѣдные приходы, не принимались въ хорошіе домà и постоянно были въ загонѣ: своя же братія, духовные шляхетской породы, смотрѣли на нихъ свысока. Быть учителями народа приходскіе священники были мало приготовлены, по своему невѣжеству; хотя при каждомъ приходѣ слѣдовало имѣть элементарную школу, гдѣ священникъ долженъ былъ учить чтенію, письму и начаткамъ религіи, но это исполнялось кое-гдѣ только по городамъ; въ панскихъ имѣніяхъ господа этого не дозволяли; они находили, что хлòпа учить вредно: чѣмъ онъ невѣжественнѣе, тѣмъ послушнѣе. Проповѣди говорились только по монастырямъ; да и общество относилось съ бòльшимъ уваженіемъ къ монашествующему духовенству, чѣмъ къ приходскому; люди, сознававшіе свою принадлежность къ порядочному классу, исповѣдывались въ монастыряхъ. Такимъ образомъ, положеніе приходскихъ священниковъ было незавидное и доходы скудные. Уніатскимъ приходскимъ священникамъ было еще хуже; они осуждены были имѣть дѣло съ одними сельскими хлòпами да съ мѣщанами невысокаго полета. Что касается до православнаго духовенства, то унижаемое и гонимое, оно нигдѣ не могло получить хорошаго образованія въ Польшѣ; но изъ него отличались сравнительно большею образованностію тѣ, которые окончили ученіе въ Кіевѣ.

Церковь, во всемъ своемъ строѣ, зависѣла не отъ государства, а отъ Рима, и потому была въ Польшѣ status in statu. Все священство судилось своимъ церковнымъ судомъ. Первенствующимъ іерархомъ былъ гнѣзненскій архіепископъ, носившій титулъ примаса, второе лицо послѣ короля, въ ряду всѣхъ сановниковъ Рѣчи-Посполитой. Высшія духовныя особы—архіепископы, епископы, по своему званію сенаторы Рѣчи-Посполитой,

были изъ важныхъ фамилій, получали мѣста по назначенію короля и утвержденію папы. Они были чрезвычайно богаты, и мѣста ихъ сдѣлались для нихъ чистыми синекурами. Жизнь ихъ протекала весело, роскошно, какъ вообще жизнь знатныхъ пановъ, со всѣми свѣтскими удовольствіями, шумными обѣдами, балами, игрою; если они чѣмъ-нибудь занимались, то скорѣе свѣтскими и государственными дѣлами, чѣмъ церковными; они, сохраняя свой духовный санъ, часто назывались военными чинами, напр. ротмистрами кавалеріи; богослуженіе отправляли они рѣдко, а иные и совсѣмъ его не отправляли: на это у нихъ были суфраганы. Духовный судъ по епархіямъ находился въ вѣдомствѣ консисторіи, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго оффиціала.

Около епископа былъ родъ сената изъ прелатовъ и канониковъ, также лицъ знатнаго происхожденія, получавшихъ свои должности по протекціи. Мѣста ихъ въ меньшей степени, какъ епископскія, но въ томъ же смыслѣ, были не болѣе, какъ выгодными синекурами. Сами прелаты и каноники не занимались дѣлами и рѣдко служили въ костелахъ: всю церковную службу несли за нихъ подначальные ксендзы. Монахи, независимые отъ власти епископовъ, со своими начальствами для каждаго ордена, составляли многочисленный и сильный отдѣлъ духовнаго сословія. Въ городахъ, и въ особенности въ столицахъ, было очень мало свѣтскихъ костеловъ; за то всѣ города, а Варшава и Вильна въ особенности, были набиты монастырями. Передъ паденіемъ ордена іезуитовъ, въ Польшѣ было 973 монастыря. Изъ нихъ самое большее количество приходилось на долю доминиканцевъ (161), потомъ іезуитовъ (154), за ними бернардиновъ (132), базильянъ на Руси (118) и францисканъ (86). Остальные распредѣлены были между другими орденами мужскими и женскими. Эти-то корпораціи монашества держали подъ своимъ нравственнымъ гнетомъ и суевѣрнымъ страхомъ всю Польшу: они-то руководили ея умственною дѣятельностью и давали юношеству воспитаніе. Понятно, что знанія, пріобрѣтенныя въ годы ученія, были совершенно непроизводительны. Въ Польшѣ, въ XVIII вѣкѣ, умные люди повторяли то, что говорили ихъ дѣды о краковской академіи до введенія іезуитовъ: для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ, дать ходъ своимъ природнымъ способностямъ, обогатить умъ науками, нужно было прежде всего забыть пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, выбить изъ головы самоувѣренность въ своей учености, переломить въ себѣ привычки, глубоко укорененныя въ тѣ лѣта, когда впечатлѣнія оставляютъ сильные слѣды, разстаться съ предраз-

судками, завѣщанными отъ отцовъ и дѣдовъ, преодолѣть закоренѣлую умственную лѣнь. Сдѣлать это было гораздо труднѣе, чѣмъ начать учиться, ничему не учившись. Здравый разумъ, какъ ни былъ забитъ монашескимъ ученіемъ, иногда прорывался въ полякѣ. Иной, вступая на практическую жизнь, до извѣстной степени разставался съ призраками школьнаго ученія и руководствовался природнымъ умомъ; но на это способны были только натуры особенно умныя отъ природы. Масса шляхетская долго не осмѣливалась желать иного просвѣщенія. Опытъ научалъ, что пріобрѣтенное въ школѣ знаніе не годится ни на что въ жизни, а между тѣмъ всѣ посылали дѣтей своихъ въ школы; всѣ по рутинѣ твердили, что ученіе необходимо. Безъ сомнѣнія, совершенное отсутствіе школъ было бы полезнѣе для Польши, чѣмъ такое просвѣщеніе: тогда по крайней мѣрѣ оставался бы просторъ здравому смыслу. Примѣръ этому видимъ на Россіи. Какъ ни прискорбенъ образъ нашего многовѣковаго невѣжества, но когда сравнишь его съ польскою образованностью, то невольно скажешь, что мы ничего не проиграли, а скорѣе выиграли отъ незнакомства съ латинскими грамматиками. Русскій человѣкъ былъ не ученъ и не зналъ того, что зналъ полякъ, но болѣе его былъ развитъ въ жизненныхъ вопросахъ, обладалъ болѣе его прямымъ взглядомъ на вещи, лучше видѣлъ свою пользу и вообще болѣе сохранилъ въ себѣ способности къ предметному, а не формальному знанію. При столкновеніи съ полякомъ, русскій невѣжда тотчасъ подмѣтилъ, что у поляка умъ забитъ, притупленъ и прозвалъ его, хотя грубо, но мѣтко — безмозглымъ. Русскій человѣкъ созналъ одну истину, которой не созналъ полякъ: онъ созналъ, что за всякое дѣло нужно приниматься съ умѣніемъ, или съ навыкомъ; а такъ какъ дѣло управленія государствомъ нуждается въ умѣніи и навыкѣ, то, чувствуя себя неумѣлымъ, отдавалъ свою судьбу въ руки власти, разсуждая, что какая бы ни была власть, все-таки она лучше безвластія и безначалія. — «Вамъ мила ваша свобода: говорилъ москвичъ поляку въ 1612 году, а намъ лучше наша неволя, потому что у васъ не свобода, а своеволіе.» Нерѣдко русскому приходилось тяжело отъ *началія;* ложились на него всякія нелегкія власти, и самодурныя и крутыя, и чужеземныя и чужеземствующія, и монашествующія и солдатствующія; — онъ все переносилъ, потому, что его здравый умъ говорилъ, что лучше перенести одного Ивана Грознаго, Бирона, Аракчеева, чѣмъ подпасть подъ гнетъ десятка или сотни такихъ разомъ. Полякъ до этого не додумался, напротивъ, считалъ себя очень мудрымъ, и съ головой, набитой латинскимъ синтаксисомъ,

сентенціями, да панегириками святымъ, пускался править своимъ государствомъ. Само собою разумѣется, что получившій тогдашнее воспитаніе полякъ, не въ состояніи былъ выдумать что-нибудь хорошее для улучшенія внутренняго быта страны, или для внѣшней безопасности.

Полякъ, по выходѣ изъ монашеской школы, продолжалъ смотрѣть на монаха. какъ на руководителя. Случалось, сеймовой посолъ, приготовляясь говорить рѣчь въ засѣданіи, нанималъ іезуита или піара написать ему эту рѣчь. Предразсудки, внѣдренные съ младенчества и укрѣпленные въ школѣ, оставались въ полякѣ до гроба и передавались дѣтямъ. Въ школѣ пріучили его сносить побои отъ старшихъ и ему самому позволяли бить слабѣйшихъ; и въ жизни, сообразно школьнымъ примѣрамъ, онъ билъ своихъ хлòповъ, билъ и свою братью шляхту, когда чувствовалъ, что она отъ него зависитъ и вообще слабѣе его, но и самъ, въ свою очередь, позволялъ бить себя какому-нибудь магнату, отъ котораго за побои надѣялся милостей. Въ школѣ ему внушали, что одинъ только католикъ можетъ угодить Богу, а прочіе иновѣрцы всѣ исчадіе діавола; и подъ вліяніемъ такихъ внушеній, онъ показывалъ съ одной стороны презрѣніе къ человѣческому достоинству русскихъ хлòповъ, а съ другой отвращеніе ко всей сферѣ свободныхъ знаній, развивавшихся въ Европѣ не подъ вліяніемъ папизма. Онъ не смѣлъ позволить себѣ читать другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему разрѣшали монахи, его руководители въ царствіе небесное. Въ школѣ онъ пріучался къ дракамъ и своевольствамъ, и эта привычка укрѣплялась въ той сферѣ, гдѣ все кипѣло своевольствомъ; и онъ нападалъ на своего сосѣда, не подозрѣвая, чтобы тутъ было чтò-нибудь дурное. Въ школѣ пріучали его шпіонить за товарищами, добывать себѣ милости у наставниковъ низкопоклонничествомъ и интригами; — и вотъ въ жизни онъ подбивался въ милость знатнаго пана, цѣловалъ ему полы платья и въ то же время копалъ яму подъ своимъ братомъ, такимъ же лакеемъ. Іезуиты и вообще монахи умѣли поселить, укрѣпить и освятить въ питомцахъ эгоизмъ. Они внушали имъ такую мудрость: не привязывайтесь къ землѣ, устремляйте ваши помыслы на небо, не ищите себѣ друзей въ сей юдоли, ищите ихъ на небѣ: Іисусъ Христосъ, Богородица, ангелы, святые — вотъ ваши друзья! Сообразно съ такими внушеніями, сочинялись молитвы съ характеромъ фамиліарности въ обращеніи съ небесными жителями; къ нимъ относились, какъ будто къ короткимъ знакомымъ. Но тутъ-то и сбывались великія слова возлюбленнаго ученика Христова, который называлъ лжецами говорившихъ, что они любятъ Бога,

и нелюбившихъ ближняго. Бога вы никогда не видали, ближняго вы всегда видите, пояснялъ Христовъ апостолъ. Не дружиться ни съ кѣмъ, значило не любить никого, а искать знакомства на небеси — значило быть всегда во власти монаховъ и ксендзовъ, ибо только при ихъ посредствѣ можно было удостоиться знакомства съ небожителями; и выходило, что, переводя монашескую мудрость на языкъ здраваго смысла, это значило быть эгоистомъ, избѣгать всякихъ глубокихъ привязанностей, жить для себя одного, но, для собственной пользы, быть въ послушаніи у монаховъ. Земное отечество не было предметомъ попеченія наставниковъ; нечего было о немъ думать; надобно жить для небеснаго, а это небесное осязательно на землѣ значило церковь, т. е. папу, монаховъ, духовенство. Мудрено ли, что полякъ, усвоивъ такую мудрость, не заботился о своемъ отечествѣ, не дорожилъ имъ, жилъ исключительно для себя, и готовъ былъ продать все, что должно быть святымъ для гражданина: для него оно не было святымъ; его учили, что на землѣ, внѣ церкви, нѣтъ ничего святого. Но въ той же школѣ, гдѣ ему указывали образъ небеснаго отечества, онъ на своихъ наставникахъ видѣлъ примѣры пьянства, разгула, разврата и, будучи въ поэзіи и риторикѣ, отвѣдалъ и самъ исподтишка этихъ прелестей. Правда, его за это пороли отцы-монахи, обыкновенно говорившіе: quod licet Jovi non licet bovi, но изъ этой порки онъ выносилъ такое нравоученіе, что умному человѣку слѣдуетъ одно дѣлать, а другое говорить. Однимъ словомъ, все, чѣмъ отличалось шляхетское общество — униженіе передъ сильными, высокомѣріе надъ слабыми, буйство, бездѣльничество, пьяныя оргіи, отсутствіе гражданской доблести, все это, если не было создано монашескимъ воспитаніемъ первоначально, то развивалось и укрѣплялось имъ.

Женское воспитаніе шло въ параллель съ мужескимъ, но еще болѣе было въ упадкѣ. Публичнаго воспитанія не было вовсе, исключая Кракова. Зажиточные люди отдавали дочерей своихъ учиться въ женскіе монастыри, преимущественно къ визиткамъ и сакраменткамъ. Тамъ ихъ выучивали читать, писать и набивали религіозною экзальтаціею до того, что многія шли въ монахини, а тѣ, которыя выходили замужъ, очень часто оставались на всю жизнь въ духовномъ рабствѣ у монаховъ и ксендзовъ.

Въ такомъ духѣ воспитаніе было удѣломъ всего шляхетскаго званія. Многіе богатые и знатные воспитывали дѣтей дома, но и около нихъ неизбѣжно были монахи и внѣдряли въ питомцевъ свой духъ; кромѣ того у нихъ были гувернеры и учители, а около дочерей гувернантки, обыкновенно изъ иноземцевъ; по-

этому, дѣти магнатовъ выучивались живымъ языкамъ; въ XVII вѣкѣ былъ въ модѣ италіянскій, въ XVIII французскій. Нѣкоторые получали воспитаніе въ Лотарингіи, въ заведеніи, основанномъ для поляковъ Станиславомъ Лещинскимъ. По заложеніи Конарскимъ конвикта, нѣкоторыя лица изъ знатныхъ фамилій одолжены были первоначальнымъ воспитаніемъ этому заведенію. По достиженіи юношескаго возраста, молодыхъ пановъ отправляли за границу, въ Римъ, въ Парижъ, для окончанія воспитанія; но рѣдкій чему-нибудь тамъ научался; обыкновенно они тамъ мотали родительскія деньги, предаваясь необузданнымъ удовольствіямъ и нерѣдко доматывались до того, что родителямъ приходилось спасать ихъ отъ долговой тюрьмы. Возвратившись въ отечество, они туда ничего не приносили изъ путешествія, кромѣ разсказовъ объ интригахъ, объ игорныхъ скопищахъ, о поединкахъ и другихъ принадлежностяхъ свѣтскихъ развлеченій. Съ бѣглостію въ иностранныхъ языкахъ, но съ отсутствіемъ полезныхъ знаній, эти магнаты, чрезъ связи и протекціи, получали важныя государственныя мѣста.

Съ второй половины XVIII вѣка, когда во Франціи распространилась новая антирелигіозная философія, многіе поляки стали возвращаться изъ путешествія деистами и атеистами. Изъ всѣхъ народовъ, поляки были самыми легкими адептами ученія Гольбаха, Вольтера, Дидро и Даламберта. Такой рѣзкій переходъ отъ рожанцовыхъ братствъ былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Полякъ ѣхалъ за границу совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ религіи; а потому, какъ только касалась его свободная критика, сопровождаемая тонкими насмѣшками надъ его простодушною вѣрою, какъ только онъ, кромѣ того, замѣчалъ, что въ Европѣ стало модою между образованными людьми не вѣрить, тотчасъ и переходилъ въ противный лагерь: онъ болѣе всего на свѣтѣ заботился о томъ, чтобъ его считали образованнымъ человѣкомъ. Этотъ переходъ къ безвѣрію совершался также быстро и необдуманно, какъ его дѣды въ XVI вѣкѣ переходили къ лютеранству или аріанству. Были даже примѣры, что польскіе паны обращались въ іудейскую вѣру. Такъ поступилъ Мартинъ Любомирскій, связавшійся съ извѣстнымъ Франкомъ, основателемъ секты, надѣлавшей шуму въ іудейскомъ мірѣ, въ XVIII вѣкѣ. Другой знатный панъ, Радзивиллъ, носившій титулъ короннаго крайчаго, такъ любилъ іудеевъ, что каждую пятницу устраивалъ для нихъ пиры, а наконецъ открыто сдѣлался іудеемъ. Но его родственники ускорили надъ нимъ опеку, признавая его безумнымъ.

Большинство шляхетскаго юношества, не ѣздя за границу,

искало себѣ карьеры въ отечествѣ, по выходѣ изъ ученія. Коронной службы въ Польшѣ было мало. Многіе опредѣлялись въ такъ-называемую дворскую службу — къ знатнымъ панамъ; тамъ имъ давали занятія по ихъ достоинству, по протекціи или по капризу властелина. Однихъ приставляли къ собакамъ, другихъ къ лошадямъ; однихъ допускали смотрѣть за панскими платьями, другихъ за панскимъ буфетомъ; тѣхъ удостоивали стоять съ тарелкою за кресломъ пана или пани; другіе сидѣли въ канцеляріи и писали панскіе счеты; иные, удостоенные панскаго довѣрія, отправлялись въ панскія деревни экономами, диспозиторами, провентовыми писарями и пр. Нѣкоторые ничего ровно не дѣлали, жили, какъ говорилось, на респектѣ, и развлекали властелина, если на это были способны, или же составляли панскія команды, и если панъ вздумаетъ сдѣлать заѣздъ на сосѣда, или на судъ, то отправлялись на геройскіе подвиги. Не всѣхъ къ дворской службѣ побуждала корысть, не всѣ служили на жалованьи: люди зажиточные, владѣвшіе собственными имѣніями, отдавали своихъ сыновей во дворъ, чтобы они набрали тамъ лоску (poloru). У пани было также много шляхетныхъ дѣвицъ, которыхъ онѣ часто выдавали замужъ и снабжали приданымъ. Такой благородной дворни въ Польшѣ были тысячи. Поляки кичились своею свободою, называли рабами другіе народы, у которыхъ было монархическое правленіе, но сами не считали унизительнымъ добровольное холопство. Бить и сѣчь благородныхъ шляхтичей было въ обычаѣ; наблюдалось только, чтобы экзекуція происходила на коврѣ.

Другіе, окончившіе ученіе, предпочитали идти въ такъ-называемую палестру. Это была корпорація молодыхъ людей, посвятившихъ себя юриспруденціи. При трибуналахъ, при городскихъ и земскихъ судахъ, при ассесоріяхъ, консисторіяхъ, терлись они подъ названіями меценасовъ, адвокатовъ, патроновъ, пленипотентовъ и пр. Все это были ходатаи по разнымъ дѣламъ и кандидаты на должности, которыя можно было получить въ свое время, при помощи связей и протекцій. Иные находили себѣ въ этомъ занятіи средства существованія, но зажиточные поступали въ палестру только для практическаго изученія судопроизводства и умѣнья ворочать законами. Народъ, составлявшій палестру отличался буйными нравами.

Иные изъ молодежи поступали въ военную службу. Въ XVIII вѣкѣ, войско въ Польшѣ представляло что-то до крайности комическое. Послѣ сейма 1717 года, постановлено было число войска до 18-ти тысячъ; его на дѣлѣ было гораздо меньше и едва доходило до восьми тысячъ. Польское войско раздѣлялось на два

отдѣла: польскій и нѣмецкій. Въ первомъ команда была по-польски, въ другомъ по-нѣмецки: первый состоялъ изъ конницы; туда входили гусары, панцерные и легкая кавалерія; во второмъ была конница и пѣхота; къ нему принадлежала и коронная гвардія, пѣшая и конная. Въ первомъ отдѣлѣ всѣ служащіе были непремѣнно шляхетскаго происхожденія, въ послѣднемъ же только офицеры. Служить въ пѣхотѣ считалось унизительнымъ для обывателя, гордившагося своимъ происхожденіемъ. Ученія и экзерцицій не бывало. Военные чины гетмановъ, региментарей, полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ были синекуры въ родѣ такихъ, какія были въ духовномъ званіи; за нихъ исправляли должность поручики, да и тѣмъ нечего было дѣлать. Ротмистръ кавалеріи всегда былъ знатное лицо. Кавалеріи приходилось разъ или два въ годъ собраться въ рыцарское коло, пощеголять своими мундирами, блескомъ вооруженія, породою лошадей; тамъ говорились витіеватыя рѣчи, восхвалялись польское мужество и храбрость, воспоминались имена Жолкѣвскихъ и Ходкѣвичей, величали своихъ начальниковъ, сравнивая ихъ съ Александромъ Македонскимъ, или Юліемъ Цезаремъ, пировали, пѣли, плясали и потомъ расходились по домамъ. Каждый жилъ, гдѣ хотѣлъ—въ своемъ имѣніи или у какого-нибудь пана. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ войска бо̀льшая часть офицеровъ была также постоянно въ отпуску. Полки раздѣлялись на хоругви и были вообще малолюдны, до 200 чел. и даже менѣе; только въ пѣшей королевской гвардіи считалось до 1,000 челов. Страсть къ чинамъ побуждала обывателей зачисляться въ военную службу, чтобы носить мундиръ, ничего не дѣлать, а между тѣмъ получать повышенія. Отъ этого въ полку бывало такое же количество офицеровъ, какъ и солдатъ. Такъ при Августѣ III, въ одномъ конномъ полку состоявшемъ изъ 180 человѣкъ и раздѣлявшемся на 6 хоругвей, было въ каждой хоругви по тридцати офицеровъ. Пѣшія войска набирались посредствомъ вербунки изъ людей развратныхъ, пропившихся, проигравшихся. Они не оставляли своихъ качествъ въ военной службѣ, а еще преуспѣвали въ нихъ. Другіе, бѣдные, были насильно завербованы; нападутъ вербовщики на молодца, накинутъ на него солдатскій плащъ, надѣнутъ киверъ и нѣтъ ему спасенія: будутъ говорить, что пошелъ охотою; и такіе въ обществѣ развратныхъ скоро усвоивали ихъ нравы. Въ особенности пѣшая кавалерская гвардія славилась обиліемъ мошенниковъ, воровъ, игроковъ и забіякъ. Со времени Сѣверной войны, поляки почти ни съ кѣмъ не воевали до самаго Станислава-Августа; только неугомонный южно-русскій народъ не покидалъ завѣщанной Хмельницкимъ вражды къ ляхамъ и на-

дежды на освобожденіе; онъ безпрестанно бунтовалъ подъ именемъ гайдамаковъ, подкрѣпляемыхъ выходцами изъ запорожской сѣчи. Противъ нихъ-то ходили на брань польскія военныя силы и рѣдко успѣвали ихъ ловить; гайдамаки убѣгали въ Сѣчь, а свирѣпыя казни, приготовленныя для нихъ, постигали крестьянъ, по подозрѣнію въ сочувствіи гайдамакамъ.

Наконецъ, значительная часть окончившихъ курсъ ученія поселялась въ своихъ имѣніяхъ и жила дѣдовскимъ обычаемъ, широко и весело. Молодой обыватель женился, праздновалъ свадьбу на славу, заживалъ семейною жизнью и, вѣрный наставленіямъ своихъ родителей, не переставалъ думать о небесахъ, а потому и держалъ у себя каплана, духовнаго отца, посредника въ сношеніяхъ со святыми, друга и совѣтника. Нерѣдко и дѣти его походили на духовнаго отца. Кромѣ того, къ нему въ домъ ѣздили за подаяніями и съ благословеніемъ всякихъ орденовъ монахи, ихъ всегда кормили, поили, ласкали; самъ обыватель ѣздилъ въ монастыри пировать, или въ гости къ сосѣдямъ на имянины, крестины, свадьбы, или созывалъ сосѣдей къ себѣ; на святкахъ и отпустахъ ѣздилъ на шумныя и веселыя кулиги, какъ назывались зимнія катанья изъ двора во дворъ, иногда засѣкалъ до смерти или вѣшалъ своихъ хлопóвъ, ссорился съ сосѣдями, выходилъ съ ними на поединки, или велъ съ ними тяжбы за какое-нибудь неосторожное слово, утучнялъ черезъ то меценасовъ и адвокатовъ, а не то—употреблялъ въ дѣло brachium militare, т. е. собиралъ хлопóвъ и подпоенную загоновую шляхту, нападалъ или посылалъ нападать на дворъ своего противника, а тотъ, въ свою очередь, если былъ предувѣдомленъ, собиралъ изъ своихъ хлопóвъ и подпоенной шляхты corpus defensivum: кто одолѣвалъ, тотъ былъ правъ. Для оправданія такихъ поступковъ у поляковъ было юридическое латинское названіе: отнять у другого собственность называлось пріобрѣтать via facti. Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, обыватели мирились, и это называлось кончать дѣло per bona officia. И тутъ-то шли пиры на радости примиренія.

Но нигдѣ польская жизнь не проявлялась въ такомъ блескѣ, какъ на сеймикахъ. Сеймики собирались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ (это было различно) для избранія пословъ на сеймъ и составленія имъ инструкцій, а по окончаніи сейма—для слушанія отчета отъ пословъ (въ послѣднемъ случаѣ сеймики назывались реляційными). Кромѣ того, сеймики собирались для избранія депутатовъ на трибуналъ и назывались депутатскими и сверхъ того, для разсужденія о дѣлахъ своего воеводства земли или повѣта, и назывались господарскими. Такимъ образомъ сей-

мики были часты. Въ старину только владѣвшіе недвижимыми имуществами могли участвовать на сеймикахъ, но мало-по-малу стала допускаться шляхта, жившая на панскихъ земляхъ. Сеймики въ Польшѣ были игрушкою пановъ. Обыватели зажиточные, но не магнаты, менѣе чѣмъ кто-нибудь могли имѣть тамъ вліяніе.

Въ Польшѣ было много мелкой шляхты, такъ-называемой загоновой. По жизни и по образованію она ничѣмъ не отличалась отъ хлòповъ; даже по одеждѣ и наружному виду походила на послѣднихъ. Разница была та, что у шляхтича при бокѣ висѣла постоянно сабля (karabela) въ знакъ его благородства. По старымъ шляхетскимъ понятіямъ, для человѣка благороднаго происхожденія предосудительно было заниматься ремесломъ, промысломъ, или торговлею; но шляхтичъ не стыдился лакействовать, продавать свою совѣсть, нищенствоватъ, а при случаѣ грабить и воровать. Гордый своимъ званіемъ, онъ смотрѣлъ свысока на всякаго непринадлежавшаго къ шляхетству, а панскихъ хлòповъ за людей не считалъ. Когда подобный шляхтичъ на кованой повозкѣ или верхомъ на тощей клячѣ ѣхалъ по дорогѣ, встрѣчные мужики бросались отъ него въ сторону, потому что, столкнувшись съ мужикомъ, шляхтичу ничего не стоило потянуть его нагайкою ни за-что, ни про-что. Наглость была безмѣрная, за то и безмѣрное униженіе изъ-за выгодъ. Каждый такой шляхтичъ былъ самъ по себѣ нуль, но въ громадѣ они составляли силу. Случалось, говоритъ современникъ Козьмянъ, встрѣтится такой шляхтичъ съ обывателемъ, и понравится шляхтичу на обывателѣ шапка, онъ безъ церемоніи снимаетъ ее, примѣритъ себѣ на голову и говоритъ: не правда-ли, ваша шапка идетъ ко мнѣ? Обыватель долженъ сказать: возьмите ее себѣ навсегда. Иначе, если онъ этого не сдѣлаетъ, то шляхтичъ припомнитъ ему и настроитъ противъ него свою братью шляхту. Какъ истые поляки, этого рода шляхтичи любили пожить весело и нанимались у пановъ служить ихъ произволу, не тайными убійствами, какъ итальянскіе bravi, а явнымъ буйствомъ и держаніемъ стороны своихъ патроновъ, тамъ гдѣ нужно. Задумаетъ панъ сдѣлать пакость другому пану, стóитъ ему собрать пановъ-братію, какъ они назывались, подпоить и подкормить ихъ, дать впередъ по два, по три червонца, да обѣщать вдвое или втрое, и тогда они отправлялись въ заѣздъ, готовые вступить въ свалку со шляхтою, набранною другимъ паномъ. Эта всегда падкая на пьянство и обжорство толпа, со словами гонора на устахъ, пользовалась своими правами свободнаго гражданина для того, чтобы продавать ихъ панамъ на сеймикахъ. Какъ только

приближался сеймикъ, панъ сговаривался со шляхтою, набиралъ ее и везъ въ своихъ повозкахъ въ городъ, гдѣ долженъ быть сеймикъ. Иногда шляхту, такимъ образомъ свезенную, размѣщали по монастырскимъ дворамъ, иногда на выгонѣ передъ городомъ; тамъ ее угощали, кормили до-сыта, поили до-пьяна и посылали на сеймикъ дѣлать и говорить по приказанію пана. Сеймики происходили иногда въ самомъ костелѣ, иногда близъ костела. Между тѣмъ, въ другомъ монастырѣ, или на другомъ выгонѣ около того же города, панъ, противникъ перваго, угощалъ шляхту изъ другой околицы и, напоивши, посылалъ на сеймикъ дѣлать и говорить по-своему. Когда открывался сеймикъ, одна шляхта кричала vivat своему пану, а другая своему. Неизбѣжно происходила свалка. Шли въ дѣло сабли. Безъ кровопролитія ни одинъ сеймикъ не обходился. Поляки такъ привыкли къ этому, что считали такія происшествія неотвратимымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. На которой сторонѣ было больше разбитыхъ носовъ, подбитыхъ или выбитыхъ глазъ, изрубленныхъ рукъ или ногъ, чья сторона, не выдержавши боя, бѣжала, тà проигрывала. Плѣнныхъ не брали; поваливши на землю побѣжденнаго витязя, отбирали у него деньги, поясъ, шапку, кунтушъ. Побѣдители, удержавъ за собою поле битвы, голосовали, и все, что угодно было нанявшему ихъ пану, постановлялось; выбирались такіе послы на сеймъ и депутаты въ трибуналъ, какихъ онъ назначалъ; писались инструкціи, какія онъ сочинялъ; утверждались распоряженія, какія онъ придумывалъ. Иногда такія драки и кровопролитія происходили въ самомъ костелѣ; доставалось даже ксендзу, если онъ вздумаетъ разнимать драку. Случалось станетъ передъ ними священникъ съ распятіемъ, или съ ковчегомъ: пьяная толпа выбьетъ у него изъ рукъ распятіе, или ковчегъ, и пальцы ему обрубитъ, а потомъ костелъ запечатаютъ до новаго освященія. По окончаніи сеймика, побѣдителей опять кормили, поили и расплачивались съ ними по договору, а затѣмъ развозили по домамъ, иногда же этого не дѣлали, а заплативши что нужно, предоставляли возвращаться домой, какъ кому угодно; тѣмъ же, которые вышли изъ битвы съ ранами, накидывали какой-нибудь лишній червонецъ на вылѣчку. Всегда почти, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, было нѣсколько такихъ, которые объѣдались и опивались до смерти. Что же касается до побѣжденной стороны, то ободранные, избитые, искалѣченные и уступившіе поле битвы не смѣли уже просить своего пана о наградѣ, а развѣ какъ-нибудь сами себя вознаграждали: нападали на мѣщанъ, на ихъ домы и лавки, и грабили ихъ. Вообще сеймики плодили калѣкъ въ Польшѣ. Повсюду можно было встрѣ-

тить героевъ съ выколотыми глазами, хромыхъ, безрукихъ, а иные носили на себѣ такіе рѣзкіе слѣды участія на сеймикахъ, что изуродованныя лица ихъ пугали слабонервныхъ женщинъ.

Чтобы видѣть образчикъ нравовъ этихъ свободныхъ гражданъ Рѣчи-Посполитой, укажемъ на описаніе сеймика въ Люблинѣ, оставленное современникомъ Козьмяномъ въ его запискахъ. «Наши сеймики — говоритъ онъ — отправлялись лѣтомъ, или раннею осенью; у моего отца нанимался домъ за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхтѣ, и съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ, а ѣли они въ монастырскихъ переходахъ, гдѣ можно было помѣстить заразъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, поэтому собесѣдниковъ смѣняли однихъ другими: тутъ не обходилось безъ дракъ и сценъ. Столы застилались простыми скатертями. Сперва тарелки и ложки были оловянныя, но такъ какъ шляхта ихъ ломала, или брала себѣ, то замѣнили ихъ жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти; поэтому столы стали покрывать полотномъ и прибивать гвоздиками. Однажды, во время такого обѣда, вошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капишономъ, и, протѣснясь къ столу, кричалъ: — паны-братья! Вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня не ѣлъ! — А зачѣмъ не пришелъ раньше, кричали ему. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную мису съ горячими рубцами (фляками); шляхтичъ бросается на мису, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, тѣ рвутъ у него изъ рукъ мису, тѣ дергаютъ за капишонъ, а тѣ кричатъ ему: «насыщайтесь, когда не ѣли», и цѣлую мису горячаго кушанья выкладываютъ ему въ капишонъ. Шляхтичъ, обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ; собесѣдники бросаются на него съ вилками, хотятъ достать рубцы изъ капишона, не попадаютъ и колютъ шляхтича-забіяку; наконецъ, срываютъ съ него капишонъ, выкладываютъ рубцы опять въ мису и ѣдятъ. Подобный случай видѣлъ я на другомъ сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣжалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ, наполненный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который приходился лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ, продолжавшійся до свѣчъ; повару пришло въ голову потчивать гостей компотомъ изъ вишенъ. Сперва паны-братья ѣли, а потомъ надоѣло имъ выбирать

косточки и они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленною. Тутъ прибыла новая шляхта и думала, что происходила драка и всѣ хватились за сабли. Предводительствовалъ ими шляхтичъ изъ села Собѣщанъ, по фамиліи Ходковскій, большой рубака. Между селами Тарновкою, Старовесью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовесьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій, видя, что война идетъ только на вишняхъ, закричалъ: паны-братья, перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились. — А! вы насъ учить! закричали Тарновка и Старовесь, — мы васъ научимъ, когда такъ! И погасивши свѣчи, они бросились на него съ саблями. Ходковскій, неустрашимый и сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе, обнажаетъ палашъ и, опершись плечомъ объ окно, машетъ своимъ орудіемъ, обрубливаетъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. На этотъ разъ брызжетъ ужъ не вишневый сокъ. Нѣкоторые принесли свѣчи, кричали: братья-шляхта! не проливайте крови! и пытались разнять свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, раненые плачутъ. У Сцибора и у Собѣщанъ не стало пальцевъ, другіе пріобрѣли порядочныя царапины по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, а то шляхта изрубила бы его въ куски. На счастье, не было на этой сценѣ шляхтича изъ Старовеси, Домoрадскаго. При немъ буря не такъ бы скоро успокоилась. Этотъ шляхтичъ не умѣлъ ни читать, ни писать, за то силенъ былъ, какъ Геркулесъ, широкоплечъ, жиловатъ, средняго возраста, уже съ просѣдью; своею физическою силою, способностью много выпить и умѣньемъ обращаться съ саблею, сталъ онъ извѣстенъ на ярмаркахъ и сеймикахъ. Отецъ мой держалъ его у себя какъ ассистента, далъ ему должность лѣсничаго, жалованье, пару платья на каждый годъ, и бралъ съ собою на сеймики. Люблинская шляхта не смѣла его зацѣпить, а напротивъ, выбрала его себѣ ватажкомъ. Таскаясь по ночамъ между шляхтою, завелъ онъ ссору съ Луковскою шляхтою, которая не смѣла на него броситься открыто, а задумала отомстить ему коварнымъ способомъ. По окончаніи сеймика, Луковская шляхта сдѣлала на него засаду, въ переходахъ у доминиканцевъ; одни занимали его разговоромъ въ костелѣ, чтобы онъ не вышелъ оттуда вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, а другіе ждали его за дверьми костела. И только-что Домoрадскій перешагнулъ черезъ порогъ костела, какъ раздался крикъ: попался молодецъ! и бросились на него съ обнаженными саблями. Нашъ Геркулесъ обнажилъ свой палашъ и уже нѣсколькихъ порядочно намѣтилъ,

какъ вдругъ у него переломился клинокъ. Шляхта рубитъ безоружнаго; онъ закрываетъ себя шапкою отъ ударовъ; раны нанесли ему неглубокія, но кровь все-таки течетъ. Неустрашимый Домoрадскій схватилъ поперегъ одного шляхтича, который задорнѣе всѣхъ лѣзъ впередъ, и началъ имъ обороняться. Бѣдный шляхтичъ получилъ за него нѣсколько ранъ, кричалъ своимъ «оставьте», а самъ, какъ держалъ въ рукѣ саблю, такъ и продолжалъ ею отчаянно махать и защищалъ отъ ранъ своего же врага. Наконецъ, Доморадскій увидалъ приставленный къ стѣнѣ столъ, покинулъ шляхтича, залѣзъ подъ столъ, приподнялъ его на голову и сталъ пробиваться впередъ. Шляхта продолжала бросаться на него съ саблями, но удары доставались столу, и Доморадскій, пробившись, такимъ образомъ, на улицу, упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Тутъ на выручку ему прибѣжала шляхта Люблинская и разогнала его непріятелей. Моего отца извѣстили, что Доморадскій лежитъ безъ дыханья на улицѣ. Мой отецъ отправлялся тогда на званый обѣдъ и тотчасъ послалъ двухъ своихъ ассисентовъ, далъ два червонца на доктора и фельдшера и приказалъ отвезти Доморадскаго въ госпиталь «милосердныхъ дѣвицъ». Но каково же было его удивленіе, когда онъ черезъ нѣсколько часовъ, вернувшись съ обѣда, увидѣлъ передъ собою Доморадскаго. Онъ былъ, правда, весь въ крови, но съ хмѣльною головою, обклеенною бѣлыми бумажными лентами, которыми залѣпилъ себѣ раны. Доморадскій пропилъ посланные ему два червонца и готовился разсчитаться со шляхтою, но отецъ мой отправилъ его поскорѣе къ себѣ въ имѣніе».

На такомъ-то народцѣ опирался республиканскій строй Польши. Средней руки обыватели должны были ладить съ этой шляхтою, мѣряться съ знатными панами имъ было не подъ стать, потому что знатный панъ имѣлъ въ рукахъ своихъ болѣе силы и могъ стереть съ лица земли строптиваго обывателя. Опираясь на громаду загоновой шляхты, знатный панъ менѣе всего могъ имѣть нужды въ обывателяхъ, а потому послѣдніе должны были угождать магнатамъ еще болѣе, чѣмъ загоновая шляхта.

Главнымъ характеромъ польскаго общества было обжорство и пьянство, доходившее до размѣровъ, передъ которыми остановится самое гомерическое воображеніе. Шляхта, собираясь на попойки, пила буквально бочками. Кружокъ пьяницъ прикатитъ къ себѣ бочку, говоря, что если хлопецъ безпрестанно будетъ ходить за пивомъ, то сапоги истопчетъ; садятся вокругъ бочки и даютъ себѣ урокъ непремѣнно ее опорожнить, пьютъ съ утра до поздней ночи и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что бочка оказывается пустою. Отъ послѣдняго шляхтича до знатнаго пана вся

Рѣчь-Посполитая пила безъ просыпу. Не пить — считалось порокомъ; тѣ, напротивъ, которые могли много выпить, пріобрѣтали себѣ славу. Были такіе, приводящіе въ ужасъ, шляхетскіе желудки, что поглощали въ себя заразъ [1]) цѣлый гарнецъ пива. На пирахъ у поляковъ наблюдался такой обычай. Когда хозяинъ давалъ званый обѣдъ, то самъ долженъ былъ показывать другимъ примѣръ, и пить здоровье гостей за каждою перемѣною кушаньевъ. Сначала, послѣ перваго блюда, онъ вставалъ, пилъ за здоровье всѣхъ поочередно, называя знатнѣйшихъ по именамъ, а тѣхъ, которые не пользовались большимъ почетомъ, титуловалъ вашей милостью или васаномъ. Въ гостепріимствѣ соблюдалось строгое отличіе достоинства гостей; хлѣбосолъ-панъ, хотя поилъ и кормилъ и богатаго и бѣднаго, но обращался съ ними различно. Всѣ должны были вставать и пить за здоровье тѣхъ, которыхъ именовалъ хозяинъ, и произносить ихъ имена; само собою разумѣется, что при этомъ происходилъ безобразнѣйшій крикъ. Это былъ приступъ къ попойкѣ; за вторымъ блюдомъ хозяинъ пилъ изъ большого кубка здоровье перваго, по значенію, гостя и давалъ ему въ руки кубокъ; гость вставалъ и пилъ за здоровье хозяина и всѣ гости должны были вставать. Такимъ же образомъ хозяинъ бралъ другой кубокъ, пилъ за здоровье другого гостя, и отдавалъ ему въ руки. Служители наливали; гость вставалъ, пилъ здоровье хозяина, и снова всѣ вставали. Точно также поступали и съ третьимъ, и четвертымъ и т. д., но только съ тѣми гостьми, которыхъ, по знатности, уважалъ хозяинъ; прочіе довольствовались тѣмъ, что ихъ поминали въ имени званія, къ которому они принадлежали. Послѣ тостовъ за отдѣльныхъ лицъ, пили за здоровье и благосостояніе званій, напр. здоровье духовенства, безъ котораго не обходился ни одинъ пиръ, здоровье войсковыхъ, палестры, дамъ, дѣвицъ и пр. Принуждали непремѣнно осушать кубокъ однимъ духомъ; а если кто не выпивалъ, тому тотчасъ доливали: для этого одна прислуга стояла сзади за гостьми, а другая залѣзала подъ столъ, такъ что, если гость, держа кубокъ, поднималъ его вверхъ, то стоявшій за нимъ слуга тотчасъ наполнялъ, а если гость опускалъ кубокъ внизъ, то слуга, сидѣвшій подъ столомъ съ бутылкою, спѣшилъ влить туда вина. Послѣ этихъ заздравныхъ чашъ, пили за процвѣтаніе разныхъ отвлеченныхъ понятій, выражаемыхъ по-латыни, напримѣръ: за благосостояніе отечества, за славу его и т. д. Послѣ обѣда, когда, по обычаю, молодежь танцовала, пожилые люди сидѣли за столами, осушали и передавали изъ рукъ въ руки

[1]) Четыре кварты, около 5 бутылокъ.

кубки съ обряднымъ выраженіемъ: вамъ въ руки (w ręce pana). Хозяинъ-полякъ, точно такъ, какъ и нашъ москвичъ въ старину, поставлялъ себѣ честь въ томъ, чтобы гости, подъ конецъ пира, были безъ языка и безъ ума. Иной, нагрузившись до-зѣла, выходя изъ дому, падалъ въ грязь или снѣгъ, а иной разбивалъ себѣ носъ, соскользнувши съ лѣстницы. Нерѣдко хлѣбосолы употребляли насиліе надъ гостьми, особливо, если гости были невысокаго достоинства: ихъ заставляли пить угрозами. Китовичъ, въ своемъ «Описаніи польскихъ обычаевъ временъ Августа III», разсказываетъ о знаменитомъ въ свое время Адамѣ Малаховскомъ. Много было несчастныхъ, которыхъ судьба завлекала къ нему въ гости: они принуждены были пить до того, что тутъ же засыпали вѣчнымъ сномъ. Было у него страшилище: кубокъ, съ вырѣзанными тремя сердцами и съ надписью «Corda fidelium»; туда входило полгарнца. Кто бы къ нему ни пріѣхалъ — такой ли знатный панъ, какимъ онъ былъ самъ, простой ли шляхтичъ, жидъ, или посыльный слуга, — хозяинъ кормилъ его по достоинству завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени пріѣзда гостя, а потомъ приказывалъ подать «Corda fidelium» и заставлялъ пить залпомъ; если же гость, какъ случалось, не выпивалъ, слуга немедленно доливалъ до тѣхъ поръ, пока гость не сваливался безъ чувствъ, или не испускалъ дыханія. Всѣ обѣгали Бонкову-гуру, какъ называлось его имѣніе, и если кого онъ звалъ къ себѣ въ гости, то гостю прежде нужно было взять отъ него salvum conductum, съ присягою въ томъ, что гость не подвергнется испитію роковаго «Corda fidelium». «Я самъ — говоритъ разсказчикъ — едва избавился отъ этой бѣды и убѣжалъ безъ сабли, шапки и лошади. Панъ Малаховскій хвалился, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы выпилъ залпомъ «Corda fidelium». Но нашелся одинъ бернардинъ, смѣло пріѣхалъ въ домъ Малаховскаго и, подвергнутый пыткѣ питья, нѣсколько разъ отпивалъ кубокъ, и послѣ нѣсколькихъ доливаній, однимъ залпомъ опорожнилъ «Corda fidelium». Другой знаменитый обжора и пьяница, панъ Борейко, созывалъ къ себѣ разныхъ орденовъ монаховъ, запирался съ ними на нѣсколько дней, поилъ до безобразія и заставлялъ пьяныхъ отправлять урочныя дневныя богослуженія. Онъ построилъ близъ своего двора часовню святого Яна Непомука, уставилъ ее лавками и скамьями, велѣлъ приносить туда значительное количество вина, пива и водки, самъ садился въ часовню съ четками и молитвенникомъ, и останавливалъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогѣ, какого бы званія они ни были: монахъ ли, жидъ, обыватель или хлопъ — все-равно; панъ Борейко выходилъ изъ своей часовни, распра-

шивалъ, кто такой, куда ѣдетъ, зачѣмъ, выпивалъ за его здоровье вина, предлагалъ ему и поилъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сваливался съ ногъ. Панъ Борейко не приневоливалъ къ испитію кубковъ залпомъ, а позволялъ пить съ роздыхомъ. Его обжорство вошло въ такую славу, что составилась поговорка: «а чтобъ ты такого чорта съѣлъ, какъ панъ Борейко съѣстъ!»

Въ Люблинскомъ краѣ, какъ сообщаетъ Козьмянъ, былъ подобный гуляка Михаилъ Грановскій: у него былъ такой обычай, что когда подопьетъ, то раздѣнется до-нага и гостямъ велитъ тоже дѣлать, а кто не хотѣлъ, того раздѣвали насильно. «Я американецъ», кричалъ онъ при этомъ. Было у него два завѣтныхъ кубка, одинъ въ пять бутылокъ вмѣстительности и назывался орломъ, а другой назывался уткою и вмѣщалъ три бутылки. Однажды въ Люблинѣ въ трибуналѣ онъ выигралъ процессъ и собралъ къ себѣ на пиръ членовъ трибунала; только президентъ не поѣхалъ къ нему потому, что былъ нездоровъ. Подпивши хорошенько, панъ Грановскій закричалъ «я американецъ; кто меня любить, пусть дѣлаетъ то, что я». Вслѣдъ затѣмъ, онъ мгновенно раздѣлся и выскочилъ на улицу. Въ угодность ему раздѣвались гости и выскакивали за нимъ. Небогатые шляхтичи пустились бѣжать, потому что имъ было стыдно показать, что у нихъ бѣлье не въ отличномъ порядкѣ. Гайдуки и лакеи догоняли бѣглецовъ и съ помощью гостей, хотѣвшихъ угодить панской фантазіи, раздѣвали ихъ. Передъ крыльцомъ на улицѣ, по данному прежде приказанію, стояла огромная запряженная бричка съ двумя бочками вина. Былъ въ числѣ гостей нѣкто Бадовскій, славный обжора: онъ за завтракомъ выпивалъ четыре бутылки портеру, потомъ съѣдалъ цѣлое блюдо зразъ, каши и два каплуна, и запивалъ все это четырьмя бутылками вина. Этотъ чудакъ сѣлъ на бочку, представляя изъ себя Бахуса, огромной разливательной ложкою черпалъ вино и наливалъ въ кубки, которые подставляли идущіе около брички нагіе собесѣдники. Было ихъ числомъ человѣкъ восемдесятъ; всѣ они страшно кричали, пѣли, плясали, а нѣкоторые, не выдержавши огромнаго количества пойла, принятаго въ себя, падали на землю и извергали поглощенное. Такая толпа бросилась на домъ, гдѣ жилъ президентъ, выломала запертыя двери, стащила съ постели больного президента и хотѣла вести за своею процессіею. Насилу онъ умолилъ ихъ оставить его въ покоѣ.

Выходки подобнаго рода были тогда въ большой модѣ. Духовныя особы не отставали въ этомъ отъ свѣтскихъ. Тотъ же Козьмянъ разсказываетъ, что въ его время въ Люблинѣ былъ ксендзъ Ленчевскій, носившій титулъ Абдеритскаго епископа,

большой любитель и даватель пировъ. Однажды онъ давалъ пиръ по случаю полученія ордена и, когда уже всѣ подпили, пьяный епископъ закричалъ: «я кавалеръ! пойдемъ на улицу съ музыкой». Всѣ вышли на улицу, гости пляшутъ: епископъ впереди подплясываетъ и припѣваетъ «дай мнѣ ночку ночевать, смочилъ меня дождикъ! А потомъ вскрикиваетъ: я кавалеръ!» Монахи были большіе кутилы. Въ монастыряхъ умѣли приготовлять отличные меды, наливки и старая водка; монаховъ приглашали даже въ обывательскіе домы, какъ спеціалистовъ приготовлять напитки. Всегда радушный и хлѣбосольный монастырь, только по наружности прикрывался аскетизмомъ; монахи на виду народа, въ церкви, корчили постныя лица, а между тѣмъ обители ихъ были открыты для веселыхъ поклонниковъ Бахуса[1]), и повсюду въ обывательскихъ домахъ монахи были самыми веселыми собесѣдниками. «Я видалъ, говоритъ Козьмянъ, какъ одна гостепріимная пани держала за поясъ монаха, а другой рукой наливала ему вина; онъ же, въ угоду ей, прыгалъ, представляя медвѣдя на цѣпи». Всѣ подобныя выходки, хотя и были непристойны, по крайней мѣрѣ не заключали въ себѣ ничего жестокаго; были случаи, когда панъ-озорникъ, пріучившись не сдерживать себя въ пьяномъ видѣ, позволялъ себѣ выходки не слишкомъ добродушнаго свойства. Къ такому разряду иногда принадлежалъ наменитый Карлъ Радзивиллъ, извѣстный подъ названіемъ «Panie Kochanku», особенно въ своей молодости. Почти всегда пьяный, расточительный до безпредѣльности, поставлявшій себѣ первымъ удовольствіемъ кормить и поить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго изъ шляхетскаго званія, въ случаѣ, когда кто-нибудь не потакалъ его пьяному капризу, тотчасъ выпускалъ тигровые когти. Однажды его собесѣдникъ, такой же кутила, какъ и онъ, панъ Пацъ, поссорился съ нимъ за пирушкой. Причина была та, что Радзивиллъ позволялъ себѣ дурачиться со всякимъ, не считая никого равнымъ себѣ; точно также началъ онъ обращаться и съ Пацомъ и задѣлъ его гоноръ. Пацъ вызвалъ его на поединокъ. Радзивиллъ кликнулъ людей, приказалъ Паца заковать въ кандалы и посадить въ тюрьму. На утро объявили ему смертную казнь и вывели одѣтаго въ саванѣ на середину двора. Палачъ стоялъ съ орудіемъ. Ксендзъ приготовилъ къ смерти осужденнаго. Тогда окружающіе бросились къ ногамъ Радзивилла и умоляли пощадить пріятеля. Радзивиллъ былъ непреклоненъ. Пацъ при видѣ смерти умолялъ, чтобы ему позво-

[1]) Только нѣкоторые строгіе ордена, какъ напр. Камедуловъ или Траппистовъ составляли исключеніе.

лили поправить что-то на исповѣди. Радзивиллъ тогда закричалъ: «вотъ я тебя теперь лучше напугалъ, чѣмъ ты меня вчера поединкомъ». Съ этими словами, онъ взялъ Паца за руку и повелъ въ свой палацъ; но бѣдный Пацъ, избѣжавши смерти отъ палача, умеръ на третій день отъ вина. Николай Потоцкій, староста Канёвскій, прославился самыми разнообразными подвигами пьянства и озорничества. Убить человѣка для него ровно ничего не значило. Онъ забавлялся надъ іудеями, убилъ у сосѣдняго пана іудея и въ замѣнъ привезъ ему цѣлый возъ іудеевъ, наклавши ихъ одного на другого и придавивши сверху гнетомъ, какъ снопы; приказывалъ женщинамъ лазить на деревья, кричать ку-ку и стрѣлялъ ихъ мелкою дробью въ задъ; заставлялъ доминиканцевъ, въ ихъ бѣлой одеждѣ, пролѣзать сквозь дегтяную бочку, разстрѣливалъ каждаго, чья физіономія ему не нравилась, сѣкъ судей, которые судили его за безчинство, положивши ихъ на утвержденный ими приговоръ, а подъ старость построилъ церковь въ Почаевѣ, проживалъ иногда въ монастырѣ, но и осудивъ себя на покаяніе, подчасъ не оставлялъ своихъ пьяныхъ выходокъ. Другой такой же забіяка Шанявскій, староста Малогосскій, дѣлалъ наѣзды на сосѣдей, убивалъ и мучилъ людей; не было ни одной каденціи трибунала, гдѣ бы не состоялось надъ нимъ приговора за его преступленія, и никто не былъ въ состояніи его усмирить: у него была многочисленная дворня; множество загоновой шляхты служило его дикому произволу. Но думая, что онъ ни въ комъ не нуждается, сталъ онъ обижать и эту шляхту; тогда противъ него составился заговоръ: затѣвали убить его. Раздраженныхъ противъ него было такъ много, что онъ понялъ невозможность устоять противъ нихъ со своими силами. Онъ бѣжалъ изъ своихъ имѣній, но не за границу, какъ бы можно было ожидать, а въ Варшаву, зажилъ себѣ въ своемъ домѣ на Грибовѣ и, увѣнчанный трибунальскими приговорами, продолжалъ среди столицы свои дикія выходки; люди боялись ходить по улицѣ мимо его дома; иногда слышали крики тѣхъ, кого онъ мучилъ для забавы. Жена его, промучившись съ нимъ нѣсколько лѣтъ, убѣжала отъ него подъ покровительство королевы, и только при ея содѣйствіи выхлопотала разводъ, но не рѣшалась оставаться въ мірѣ, боясь его мщенія, а пошла въ монастырь. Эти факты показываютъ, до какой степени своевольство въ Польшѣ оставалось безнаказаннымъ, и противъ дикихъ выходокъ магнатовъ не было ни полиціи, ни суда, ни власти.

Когда поляки до такой степени предавались пьянству, обжорству и своевольству, польки увлекались до безумія танцами и увеселеніями. Были въ Польшѣ богатыя пани, которыя всю

жизнь безпрестанно устроивали у себя кулиги, театры, балы и разныя забавы. Тогда, какъ мужья ихъ приневоливали пожилыхъ гостей пить до безчувствія венгерское, жены приневоливали молодежь танцовать мазурку до потери ногъ и рукъ. У веселой госпожи были безпрестанные съѣзды подъ разными предлогами, то чьи-нибудь имянины, то дни рожденія, то годовщина брака, то просто праздники, а тутъ еще у нихъ были кліентки, панны-резидентки, жившія у нихъ, или сосѣднія обывательскія дочки, которымъ онѣ покровительствовали; онѣ знакомили съ ними посѣщавшихъ ихъ молодыхъ людей и устраивали свадьбы; и вотъ являлся новый предлогъ къ танцамъ.

Точно какъ панъ Борейко или панъ Малаховскій затаскивали къ себѣ гостей для попойки, такъ охотницы до плясокъ и забавъ ловили всюду плясуновъ и дамскихъ угодниковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ мѣстечкѣ Белжицахъ была такая госпожа, по фамиліи Коссовская, сама очень богатая по наслѣдству, жена богатаго пана, державшая мужа подъ властью. Въ ея мѣстечкѣ факторы изъ іудеевъ, ради прибыли, для угожденія пани, подмѣчали такихъ проѣзжихъ, которые, по наружному виду, показывались порядочными людьми; одни хватали лошадей и задерживали экипажъ, другіе бѣжали въ панскій дворъ и давали знать, а вслѣдъ за ними выбѣгали служители и резидентъ, насильно заворачивали въ панскій дворъ и приводили плѣнника въ панскій палацъ на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько недѣль. Не помогали ни жалобы, ни просьбы, ни изложеніе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ни даже клятвы и обѣщанія скораго пріѣзда; иногда самъ супругъ просилъ отпустить плѣнниковъ, «но неумолима была польская Цирцея—говоритъ современникъ Козьмянъ—и превращала своихъ плѣнниковъ въ танцоровъ и угодниковъ своихъ шалостей и вакхическихъ утѣхъ». Какъ только гости пообѣдаютъ вкусно и сытно да погрѣютъ себя венгерскимъ, такъ являются двадцать четыре музыканта, начинаются танцы, и продолжаются далеко за полночь. Случалось, кто-нибудь выбьется изъ силъ, убѣжитъ изъ залы, забьется въ какой-нибудь закоулокъ и заснетъ мертвецки: замѣтитъ хозяйка его отсутствіе, дастъ приказаніе; отыщутъ бѣглеца, иногда раздѣтаго, несутъ съ постелью въ залу, обливаютъ водой, сѣкутъ розгами и заставляютъ плясать. При страсти къ забавамъ и гостепріимству, паны очень мало заботились объ удобствахъ для своихъ гостей. Плясуны и питухи спали какъ попало; женщинамъ не было пристойныхъ помѣщеній: каждое утро послѣ баловъ тѣснота, безпорядокъ, нечистота царствовали въ панскомъ домѣ. За множествомъ гостей, невозможно было всѣхъ помѣщать въ домѣ и

во флигеляхъ, которые обыкновенно окружали главное зданіе панскаго жилища, и гости помѣщались въ грязныхъ іудейскихъ корчмахъ вмѣстѣ съ толпою прислуги, которая пьянствовала и безчинствовала въ мѣстечкѣ въ то время, какъ ея господа пили и плясали въ панскомъ палацѣ. Очень часто танцы доводили до поединковъ, особенно было въ модѣ спорить до поединка за первую пару въ полонезѣ. Рѣдко, впрочемъ, поединки кончались смертію. Во всѣхъ такихъ собраніяхъ не было и тѣни умственной жизни, тамъ нельзя было услышать разговоровъ ни о политикѣ, ни о благоустройствѣ отечества, ни о литературѣ, ни объ искусствѣ. Безпрестанныя оргіи отучили польскія головы отъ мысли, сердце отъ любви къ труду, пристрастили къ суетѣ, пріучили смотрѣть легко на священнѣйшія обязанности человѣка. Семейныя связи не имѣли твердости; разводы сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ; поляки не задавали себѣ труда удерживать преходящія побужденія и подчинять ихъ разсудку. До какой степени даже сознаніе объ истинно нравственномъ исчезло въ польскомъ обществѣ, спившемся съ круга, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мемуаристовъ того времени, Охоцкій, безъ зазрѣнія совѣсти разсказываетъ о себѣ, какъ онъ вошелъ въ связь съ актрисою и помогъ своему другу жениться на ней, скрывъ отъ него свои прежнія къ ней отношенія. Авторъ, сообщая объ этомъ, даже не подозрѣваетъ, что онъ дѣлалъ гнусное дѣло.

Представленный нами короткій обзоръ польскаго воспитанія и нравовъ польскаго общества достаточно показываетъ, въ какое невылазное, смрадное болото попала несчастная Польша. Никакая реформа учрежденій, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Гибель ея лежала въ глубинѣ польскаго характера, который былъ способенъ усвоить и полюбить такую жизнь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе народа, но такое перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другого поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія, оно всесильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но, чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и могло создать новое польское общество, для этого нужно было много времени. Исторія не ждетъ опоздавшихъ.

IV.

Избраніе Станислава Понятовскаго. — Диссидентское дѣло. — Барская конфедерація. — Покушеніе на короля. — Первый раздѣлъ Польши.

По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи, Чарторыскихъ и Огинскихъ, стали враждебно одна противъ другой. Обѣ заискивали помощи у Россіи. Сильная партія Чарторыскихъ, во главѣ которой стояли два брата—канцлеръ Михаилъ и русскій воевода Августъ, отправила въ Петербургъ племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго, сына умершаго мазовецкаго воеводы.

Это, можно сказать, былъ типъ поляка XVIII вѣка, соединявшій въ себѣ коренныя свойства національнаго характера со свойствами европейской знатной особы своего времени.

Отъ природы онъ получилъ счастливую память, живое воображеніе, блестящій, но никакъ не глубокій умъ, способенъ былъ на остроумныя выходки, бѣгло и складно говорилъ, особенно въ томъ кругу, гдѣ ему вѣрили и цѣнили его слова, — въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, читалъ и просматривалъ много книгъ, много видалъ во время своего путешествія по Европѣ, посѣщалъ общества тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей, и потому въ высокой степени набрался того лоску (poloru), за которымъ польскіе паны ѣздили по Европѣ. Поэтическаго уклада въ его натурѣ не было; но онъ любилъ до страсти искусства и зналъ въ нихъ толкъ, насколько наслышался и начитался о нихъ; еще болѣе онъ былъ любитель и цѣнитель прекраснаго пола и въ отношеніи къ нему отличался чрезмѣрнымъ непостоянствомъ и вѣтренностію. До сихъ поръ въ Лазенковскомъ дворцѣ, имъ построенномъ, показываютъ цѣлую стѣну портретовъ любовницъ послѣдняго польскаго короля. Перемѣняя ихъ какъ наряды, онъ былъ, однако, внимателенъ къ ихъ услугамъ, и, уволивъ ихъ отъ своего сердца, давалъ имъ большіе пенсіоны и тѣмъ увеличивалъ свои расходы и долги. Вообще въ немъ не было ни тѣни скупости; щедрый для другихъ и расточительный для себя, онъ любилъ самъ пожить въ свое удовольствіе, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыя и довольныя лица.

Нравомъ онъ былъ мягокъ и кротокъ; не видно въ немъ было того самодурства, которымъ такъ часто отличались и даже чванились польскіе паны, избалованные своимъ богатствомъ и

раболѣпствомъ предъ собою другихъ: воспитанный до шестнадцатилѣтняго возраста подъ надзоромъ матери, онъ носилъ на себѣ тотъ отпечатокъ женственности, который часто остается на тѣхъ, которые въ отрочествѣ испытывали сильное вліяніе матушекъ и тетушекъ; притомъ же европейскія привычки, усвоенныя въ путешествіи, не дозволяли въ немъ укорениться полуазіатскимъ признакамъ польской мужественности. Въ обращеніи онъ былъ до того любезенъ, что принцъ де-Линь призналъ его любезнѣйшимъ паче всѣхъ государей своего времени. Эта любезность не мѣшала ему въ тоже время быть двоедушнымъ, хитрымъ, недовѣрчивымъ; за то въ затруднительныхъ положеніяхъ для своего ума и воли онъ былъ даже черезъ-чуръ довѣрчивъ. Обладая свойствомъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, онъ не умѣлъ привязывать ихъ, не въ силахъ былъ возбуждать ихъ и управлять ими, напротивъ, самъ подчинялся нравственному могуществу другихъ и всегда почти зависѣлъ отъ окружающей его среды. Никогда не показывалъ онъ ни запальчивости, ни злобы, не терпѣлъ ссоръ и всегда старался примирять другихъ и улаживать недоразумѣнія и борьбу страстей, выдумывая какую-нибудь середину на половинѣ. Чувство мщенія ему было незнакомо; его иногда обижали такъ, что доводили до слезъ; все сносилъ онъ и готовъ былъ первый протянуть руку заклятому врагу. Онъ не могъ ни къ чему глубоко и сильно привязаться; поверхностность, лживость и слабодушіе—обычныя качества охотниковъ до женскаго естества, отражались въ его поступкахъ; свои убѣжденія онъ мѣнялъ почти также какъ любовницъ, и съ трудомъ могъ возвыситься до общей идеи, подъ которую подходили бы его понятія и поступки; у него всегда на первомъ планѣ были частныя отношенія: его занимали желанія и планы удовлетворить ту или другую сторону, поставить себя въ извѣстное положеніе къ такимъ-то лицамъ, узнать: какъ думаютъ тотъ или другой, и въ какихъ отношеніяхъ находятся они между собою. Дѣятельность его была чрезвычайная, но почти всегда обращалась на второстепенные предметы, и въ ней недоставало крѣпкой нити, связующей ея направленія. Въ своихъ сужденіяхъ онъ нерѣдко отличался здравымъ взглядомъ и находчивостію, когда предметъ обсужденія не требовалъ особенной дальнозоркости и глубокомыслія, но всегда высказывался съ нѣкоторымъ колебаніемъ и часто подчинялся мнѣнію другихъ, когда видѣлъ противъ себя упорство. Онъ склоненъ былъ приставать къ смѣлымъ и отважнымъ предпріятіямъ, но безъ увлеченія, и менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ геройски противостать обстоятельствамъ и легко склонялся подъ ихъ гнетомъ; за то былъ хвастливъ, приписывалъ

себѣ вчинаніе такого дѣла, въ которомъ онъ слѣдовалъ за другими, такія мысли, которыя онъ заимствовалъ отъ другихъ, и величался такими доблестями, какихъ у него не было. Таковъ былъ этотъ послѣдній польскій король, поставленный Екатериною съ тѣмъ, чтобъ служить ей послушнымъ орудіемъ.

Владѣя изумительною способностію узнавать людей, Екатерина не обманывалась въ немъ никогда, и дѣлая его королемъ, не надѣялась отъ него твердой и незыблемой преданности; она, безъ сомнѣнія, предвидѣла его двоедушіе и коварство въ отношеніи къ ней, но это не мѣшало ея планамъ, напротивъ, скорѣе вело къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать изъ того, что, впослѣдствіи, императрица нѣсколько разъ внушала своимъ министрамъ въ Польшѣ не полагаться на постоянство короля, нравъ котораго, какъ она писала, ей давно извѣстенъ.

Русская императрица составляла по характеру діаметральную противоположность съ польскимъ королемъ, ея подручникомъ. Насколько онъ былъ мало способенъ сосредоточить себя всего для идеи, настолько она только и существовала для сознанной и предвзятой идеи. Правда, и въ ней можно было замѣтить пороки вѣка, которыми заражена была бо̀льшая часть вѣнчанныхъ особъ: чувственность и нѣкоторая суетность и ей были нечужды, но за то въ ней былъ геніальный умъ и геніальная воля. Нѣмка по происхожденію, призванная судьбою на престолъ русскаго государства, она охватила во всей цѣльности его историческое значеніе, усвоила его прошлыя завѣтныя преданія, глубоко и разносторонно постигла его тогдашнее положеніе, предвидѣла и устроивала его будущее. Величіе и благосостояніе Россіи было ея идеаломъ; она хотѣла сдѣлать Россію сильнѣйшею державою въ свѣтѣ, а потому поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а, если будетъ нужно, и уничтожить ее; она думала ниспровергнуть турецкую имперію, освободить славянъ и грековъ, ослабить Швецію, привязать Австрію и Пруссію и поставить ихъ въ необходимость быть, такъ сказать, на буксирѣ у Россіи, и въ тоже время создать изъ Россіи внутри благоустроенное государство, развить промышленность, торговлю, благосостояніе и просвѣщеніе. Въ ней было столько же твердости и послѣдовательности, сколько въ Станиславѣ-Августѣ мягкости и слабодушія, но въ то же время въ ней не было увлеченія; она боролась съ препятствіями только до тѣхъ поръ, пока несомнѣненъ былъ успѣхъ; ея смѣлыя и широкія предпріятія сдерживались благоразуміемъ и осторожностью; она умѣла остановиться на полдорогѣ, чтобы выждать время и при удобномъ случаѣ начать снова прерванный путь; за то, когда была надежда на успѣхъ

дѣла, ее уже не останавливали никакія частныя отношенія, никакіе посторонніе виды, ни кровь, ни бѣдствія поколѣній не принимались у ней въ разсчетъ, когда нужно было достигнуть цѣли — черта общая истиннымъ людямъ идеи. Она умѣла привлекать къ себѣ людей, не такъ, какъ польскій король, который выигрывалъ только то, что его называли любезнымъ; она привязывала ихъ такъ, что они дѣлались ея орудіями и служили, часто даже невольно, ея видамъ. Политика ея была нерѣдко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушіе, которое почти никогда не покидало польскаго короля. Екатерина прибѣгала къ нему только тогда, когда оно было необходимо для ея цѣлей и преимущественно тогда, когда приходилось бороться съ врагомъ его же оружіемъ; безъ нужды она была пряма и искренна.

Она не прощала зла и измѣны такъ любовно, какъ Станиславъ Понятовскій; она или презирала ихъ вовсе, когда не считала важными, или же мстила безъ послабленія, когда они ей мѣшали. Понятно, что съ такою покровительницею Польшѣ было плохо: у поляковъ не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія настолько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать; но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала, и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца.

Избраніе Понятовскаго не обошлось безъ сильныхъ смутъ. Но русскія войска разогнали всѣхъ его противниковъ. Составился конфедераціонный сеймъ. Дядя Понятовскаго, Августъ Чарторыскій, сдѣланъ былъ его маршаломъ. Предводители противной партіи, старый гетманъ Браницкій и Карлъ Радзивиллъ бѣжали изъ Польши со своими единомышленниками. Станиславъ-Августъ былъ избранъ 7 сентября 1764 года.

Чарторыскіе, овладѣвъ дѣлами, старались произвести въ Польшѣ нѣкоторыя реформы и ввести новыя учрежденія, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли обновить Польшу. Шляхта упорно стояла противъ всякихъ перемѣнъ, но Чарторыскіе нашли себѣ лазейку: покровительствуемые силою русскаго оружія, они успѣли устроить сеймъ въ образѣ конфедераціи: по обычаямъ конфедераціи, законъ принимался не единогласіемъ, а большинствомъ голосовъ, и такого сейма уже нельзя было сорвать; затѣмъ они склонили значительное число голосовъ подкупомъ и страхомъ. Такимъ образомъ, имъ удалось ограничить власть гетмана и подскарбія: до сихъ поръ эти важные сановники не отдавали никому отчета кромѣ сейма, который обыкновенно никогда не кончался; теперь устроили четыре коммисіи: войсковую,

скарбовую (финансовъ), полиціи и судопроизводства. Положили увеличить войско и доходы; сдѣлано было нѣсколько распоряженій относительно городовъ, пришедшихъ въ упадокъ, въ особенности оттого, что на городскихъ земляхъ помѣщались дома шляхетства, духовенства и монастырей, не подчинявшихся городскимъ повинностямъ; постановлено, чтобы сеймики отправлялись большинствомъ голосовъ, — установлены таможенныя пошлины, которыхъ въ Польшѣ не было. Эти распоряженія сдѣланы были на сеймѣ, предшествовавшемъ избранію, и должны были утвердиться избраннымъ королемъ. Станиславъ-Августъ горячо поддерживалъ ихъ: они обратились въ законъ къ большой досадѣ многихъ. Хотѣли даже уничтожить вовсе liberum veto, но этотъ проектъ никакъ не могъ быть принятъ: польское шляхетство привыкло называть liberum veto зеницею шляхетской вольности; притомъ русскій и прусскій посланники заявили неудовольствіе насчетъ перемѣнъ коренныхъ постановленій Рѣчи-Посполитой. Прусскій король всѣми силами не допускалъ въ Польшѣ коренныхъ реформъ, которыя бы утвердили въ ней монархическую власть. Въ его видахъ было поддерживать анархію, слабость, истощеніе, однимъ словомъ, все то, что̀, впрочемъ, и безъ него не могло измѣниться въ Польшѣ. Фридрихъ II уже предположилъ расширить свою территорію насчетъ Польши, а потому побуждалъ и убѣждалъ Екатерину держаться той же системы. Также не былъ принятъ проектъ объ увеличеніи податей и умноженіи войска; шляхетство издавна не любило, чтобы объ этомъ даже говорили. Россія тогда не показывала намѣренія мѣшать во что̀ бы то ни стало такимъ улучшеніямъ въ Польшѣ. Проектъ Чарторыскихъ о реформѣ былъ прежде предъявленъ русскимъ посланникамъ, Кейзерлингу и Рѣпнину; Россія только хотѣла, при этомъ соблюсти свои интересы и свою безопасность. Посланникъ императрицы объявилъ, что Россія соглашается на увеличеніе войска до 50,000, но только съ тѣмъ, чтобы Польша съ Россіею заключила тѣснѣйшій союзъ. Поляки стали упираться противъ союза; даже самые Чарторыскіе, до сихъ поръ дѣйствовавшіе подъ покровительствомъ Россіи, боялись, что, такимъ образомъ, Польша подпадетъ въ бо̀льшую зависимость отъ Россіи. Русскій посланникъ Рѣпнинъ получилъ приказаніе не входить въ сношеніе съ поляками объ ихъ перемѣнахъ, безъ заключенія союза съ Россіею, и подалъ ноту, гдѣ императрица требовала даровать гражданскія права въ Польшѣ не-католикамъ — православнымъ и диссидентамъ. То же требованіе заявлялъ Польшѣ, съ своей стороны, прусскій король. Но послы, воспитанные въ фанатизмѣ, отвергли это требованіе съ шумомъ и вол-

неніемъ. Такимъ образомъ, поляки, при самомъ воцареніи короля, поставленнаго Россіею, раздражали противъ себя Россію и Пруссію, двѣ сильныя сосѣднія державы, съ которыми они, по своей слабости, бороться были не въ состояніи.

Русскія войска тотчасъ расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Король, слыша около себя ропотъ, хотѣлъ угодить полякамъ и показать, что онъ не намѣренъ быть орудіемъ Екатерины, а желаетъ царствовать самостоятельно; онъ вступилъ въ тайное сношеніе съ Турціей, жаловался на Россію, что она поступаетъ съ Польшею, какъ съ подвластною страною, располагаетъ свои войска на польскихъ земляхъ безъ воли націи, хочетъ, какъ видно, держать въ Польшѣ постоянный гарнизонъ. Турціи, ненавидѣвшей Россію, ничего не стоило изъявить сочувствіе къ Польшѣ, но она ничѣмъ ей не помогла, а между тѣмъ Екатеринѣ стали извѣстны сношенія короля съ Турціею, она испытала слишкомъ скоро коварство своей креатуры; ясно стало, что русская императрица не можетъ имѣть къ польскому королю довѣріе.

Дѣло о не-католикахъ въ Польшѣ было не таково, чтобъ русская императрица могла бросить его. Православные уже много вѣковъ обращались къ Россіи. Еще Иванъ III ссорился за нихъ съ зятемъ своимъ Александромъ. Алексѣй Михайловичъ велъ за нихъ кровопролитную и разорительную войну. Въ статьяхъ мирнаго договора 1686 г., польскій король обязывался съ своей стороны содержать православныхъ по давнимъ правамъ и во всякихъ свободахъ. Со временъ этого договора, когда Кіевъ навсегда отошелъ къ Россіи, православное духовенство продолжало получать рукоположенія отъ кіевскаго митрополита, а потомъ, по основаніи святѣйшаго синода, обращались къ нему какъ къ верховному учрежденію своей вѣры. Поляки, по отношенію къ православнымъ жителямъ Рѣчи-Посполитой, не соблюдали договора съ Россіею, заключеннаго въ 1686 году; униженіе православной религіи, принужденія къ уніи, неистовства, которыя позволяли себѣ дѣлать надъ православными своевольные фанатики, были обыкновенными явленіями; православные безпрестанно обращались къ Россіи и просили ходатайства за нихъ; всѣ русскіе государи по этимъ просьбамъ вели сношенія съ Польшею. Петръ много разъ обращался къ своему союзнику Августу II, послѣ того, какъ къ нему приходили жалобы отъ православныхъ съ длинными реестрами разныхъ оскорбленій, нанесенныхъ католиками. Эти неоднократныя требованія оставались всегда безъ удовлетворенія, такъ что русскій государь, наконецъ, сталъ грозить и въ 1722 году выразился такъ: «Если, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію,

удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Короткое царствованіе Екатерины I не обошлось безъ просьбъ, полученныхъ въ синодѣ изъ Бѣлорусской епархіи и безъ ходатайства за православныхъ со стороны Россіи. При Аннѣ православные обращались съ жалобами къ россійскимъ посланникамъ и резидентамъ въ Варшавѣ и императрица вмѣняла послѣднимъ въ обязанность домогаться, «чтобъ православные люди греческаго исповѣданія въ безпрепятственномъ пользованіи принадлежащихъ имъ вольностей безъ малѣйшаго утѣсненія оставлены были». Трудно было такимъ домогательствамъ и представленіямъ имѣть въ Польшѣ силу, когда тамъ и сеймы не кончались и короля не слушали.

Елисавета энергически и, подобно своему родителю, съ угрозами, заступалась за православныхъ: «чтобъ вельможи (писала она) предписали кому слѣдуетъ крѣпкими указами, чтобы по трактату и привилегіямъ королевскимъ въ прежней свободности и безъ всякаго препятствія и насилія, какъ въ совѣсти, такъ и въ строеніи и поправленіи церквей безъ помѣшательства благочестивые въ покоѣ оставлены были. Въ противномъ случаѣ, таковой неправедной и безотвѣтной съ польской стороны поступокъ уничтоженія и презрѣнія нашего на толь многихъ безпрекословныхъ правахъ основаннаго участія въ ихъ жалобахъ не иначе, какъ явно показуемое намъ самимъ озлобленіе признавать можемъ и за упомянутыхъ утѣсняемыхъ людей вступаться и имъ вспомоществовать всемѣрно обязанными себя признаваемъ, и при дальнѣйшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и важнѣйшіе способы употреблять напослѣдокъ принуждены будемъ, имѣя паче надежду на другія державы, которыя для своихъ подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ и ради утѣсненія оныхъ въ томъ общія съ нами обязательства имѣютъ къ нашимъ мѣрамъ къ тому приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы». Съ тѣхъ поръ каждый годъ, а иногда и не одинъ разъ въ годъ, русскіе министры въ Варшавѣ дѣлали представленія о православныхъ, но эти представленія напоминаютъ басню о Поварѣ и Котѣ, потому что вслѣдъ за ними, святѣйшій синодъ заваливался новыми жалобами православныхъ, присылаемыми изъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Даже и шестимѣсячное правленіе Петра III не обошлось безъ обычнаго представленія польскому правительству о судьбѣ православныхъ. Екатерина, въ своихъ домогательствахъ въ пользу православныхъ, не показала ничего новаго, необычнаго; она шла по слѣдамъ прежнихъ государей, но она выше ихъ была по уму и дѣятель-

ности: естественно, что при ней дѣло пошло иначе, не такъ какъ шло оно при ея предшественницахъ.

Поляки, въ 1764 г., отвѣчали на домогательства Россіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ привыкли отвѣчать прежнимъ русскимъ государямъ, даже еще рѣзче и неуважительнѣе, чѣмъ бывало прежде. Но скоро они увидали, что этого имъ не простятъ. Въ слѣдующемъ 1765 году, по желанію Екатерины, бѣлорусскій архіепископъ Георгій Кониссkій отправился въ Варшаву и тамъ, передъ королемъ, произнесъ рѣчь, ссылался въ ней на привилегіи, данныя православнымъ прежними королями, жаловался на утѣсненія и оскорбленія, просилъ возвратить православнымъ первобытную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ объяснить, что прошеніе его поручила ему принести всероссійская императрица, «яко особливая вѣры нашей заступница».

Въ Варшавѣ, возненавидѣвъ Конисскаго, начали умышленно тянуть его дѣло; стали, по его жалобамъ, наводить справки, а онъ, между тѣмъ, въ ожиданіи, безъ нужды проживался въ столицѣ. Узнала объ этомъ императрица и приказала своему министру, Рѣпнину, устроить такъ, чтобы на будущемъ сеймѣ 1766 года, дѣло о православныхъ и диссидентахъ было непремѣнно рѣшено въ ихъ пользу. Екатерина не домогалась, чтобъ ихъ допускали въ сенатъ и къ высшимъ мѣстамъ, но хотѣла, чтобъ они были допущены къ выборамъ въ трибуналы, могли получать провинціальныя должности, и чтобы въ число членовъ сейма, изъ каждаго воеводства, при двухъ католикахъ помѣщался третій — не-католикъ. Черезъ-чуръ трудно было согласить поляковъ на установленіе такихъ законовъ; они отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ получили убѣжденія, что, кромѣ католика, всѣ иновѣрцы — еретики, проклятые Богомъ, и ихъ ни въ чемъ нельзя поставить на одну доску съ католиками. Это заранѣе предвидѣла Екатерина и предписала Рѣпнину, въ случаѣ когда сеймъ не согласится даровать не-католикамъ права, собрать православныхъ и диссидентовъ и составить конфедерацію, которая бы просила помощи у Россіи; тогда предполагалось, какъ будто уступая ея просьбамъ, послать въ Польшу русскія войска и провести дѣло силою. «Пусть поляки знаютъ и удостовѣрятся — писала она — что мы не допустимъ успокоить это дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности?»

Король Станиславъ-Августъ говорилъ, что это требованіе — громовый ударъ для него и для всей страны, писалъ къ императрицѣ, умолялъ ее оставить это дѣло, сообщалъ, что на прошломъ сеймѣ, когда онъ заговорилъ объ этомъ, то поднялся страшный крикъ и шумъ, и чуть было не умертвили примаса въ при-

сутствіи короля. Самъ Рѣпнинъ, видя безпредѣльный фанатизмъ въ Польшѣ, пытался отклонить государыню отъ ея намѣренія; но Екатерина была не податлива, твердо рѣшившись такъ или иначе довершить то, чтó ея предшественники начинали и покидали.

Большая сумятица была тогда въ Польшѣ. Король былъ уже въ разладѣ со своими дядями Чарторыскими, которые признали его королемъ только въ надеждѣ держать его подъ своею опекою. Короля тяготила эта опека. Чарторыскіе хотѣли сохранить созданную ими конфедерацію, чтобъ, посредствомъ ея, властвовать надъ Польшею; король, напротивъ, хотѣлъ ее уничтожить. Но это не умножило его друзей. Противники Чарторыскихъ, которыхъ было много, ненавидѣли *фамилію*, какъ называли тогда Чарторыскихъ и всю ихъ партію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не любили короля, возведеннаго на престолъ съ чужою помощію. Послѣднія измѣненія на сеймѣ произвели ропотъ въ Польшѣ. Учрежденіе коммиссій возбудило неудовольствіе безотчетныхъ до того времени министровъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ, которые пользовались выгодами при прежнемъ управленіи; учрежденіе таможенныхъ пошлинъ, увеличивъ дороговизну, вооружило противъ короля обывателей и купцовъ. Приморскій городъ Гданскъ, снабжавшій Польшу привозными товарами, былъ особенно недоволенъ. И безъ того король прусскій въ Маріенвердерѣ бралъ пошлины съ плывущихъ по Вислѣ польскихъ судовъ; теперь, съ прибавкою польскихъ пошлинъ товары значительно вздорожали. Но болѣе всего приводилъ въ ужасъ поляковъ вопросъ о допущеніи къ правамъ не-католиковъ. Епископы, краковскій Солтыкъ, каменецкій Красицкій, виленскій Масальскій (будущій приверженецъ Россіи), распустили по приходамъ пастырскія посланія: предписывали священникамъ молиться въ костёлахъ объ отвращеніи бѣды, грозящей римско-католической религіи и древнимъ постановленіямъ Рѣчи-Посполитой, вопіяли противъ общенія съ еретиками и схизматиками, противъ введенія пагубныхъ новшествъ. Кармелитъ, по имени Марко, исцѣлявшій больныхъ наложеніемъ рукъ и сообщавшій водѣ цѣлительное свойство, ходилъ между народомъ и призывалъ защищать св. вѣру. Съ каѳедръ въ костёлахъ загремѣли огненныя проповѣди противъ вѣротерпимости. Вѣрная шляхта приглашалась не допускать во чтò бы то ни стало обращенія въ законъ ужаснаго проекта.

Когда приближалось время сейма, Рѣпнинъ объявилъ, что если не захотятъ даровать православнымъ и диссидентамъ правъ, то сорокъ тысячъ русскаго войска войдутъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Такой рѣшительный тонъ еще сильнѣе взволновалъ

поляковъ. Съ религіознымъ фанатизмомъ зашевелилось оскорбленное національное самолюбіе: поляки тяжело почувствовали, какъ низко упали они въ государственной жизни. Епископы повторили свои воззванія на зло русскому послу. Король говорилъ, что готовъ умереть за вѣру и свободу. А между тѣмъ этотъ фанатизмъ вооружалъ противъ Польши половину Европы. Требованіе о дарованіи правъ послѣдовало не отъ одной Россіи, а также и отъ Пруссіи; въ видѣ добраго совѣта ходатайствовали о томъ же Данія и Англія.

Собрался сеймъ. Королю прежде всего хотѣлось установить законъ, чтобы, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся войска и финансовъ, принималось рѣшеніе большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ. Въ виду у него было умноженіе войска и податей; онъ считалъ это первою необходимостію для возрожденія отечества. Но какъ только онъ сказалъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ панамъ и посламъ, — они оказались противниками такихъ нововведеній, поспѣшили сообщить объ этомъ Рѣпнину и представить ему, что король затѣваетъ противное націи. Разнеслась о желаніи короля вѣсть между другими прибывшими въ столицу сеймовыми послами и встрѣтила всеобщее неодобреніе. Подозрѣвали, какъ это уже часто случалось при прежнихъ короляхъ, что король имѣетъ замыселъ усилить монархическую власть и ограничить золотую шляхетскую вольность. Рѣпнинъ и прусскій посланникъ Бенуà явились къ нему и объявили, что дворы ихъ не допустятъ въ Польшѣ дѣлать того, что̀ противно желаніямъ націи, а потому они протестуютъ противъ намѣренія увеличить число войска и размѣръ податей. Король упалъ духомъ и горько заплакалъ. Оказалось, что если нація дѣйствительно огорчена и раздражена противъ Россіи за покровительство не-католикамъ, то таже нація была противна всякимъ преобразованіямъ болѣе, чѣмъ сама Россія, которая, какъ выше было сказано, была готова содѣйствовать полезнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, но только заручившись, для своей безопасности, крѣпкимъ и твердымъ союзомъ съ нею.

Чарторыскіе, какъ увидѣли, что преобразованія, которымъ они сами же положили починъ, не удаются, тотчасъ стали опять сближаться съ Рѣпнинымъ, заискивать черезъ него милостей императрицы и вооружали пословъ сеймовыхъ. Это еще болѣе убивало Станислава-Августа. Самъ ярый епископъ Солтыкъ, ненавидѣвшій и короля, и Чарторыскихъ, и русскихъ, сближался съ Рѣпнинымъ черезъ референдарія Подосскаго и льстилъ его согласіемъ съ своей стороны на компромиссъ по дѣлу о диссидентахъ. Но то была только интрига. Епископъ заискивалъ у рус-

скаго министра для того, чтобъ надѣлать непріятностей королю и, въ особенности, мѣшать проекту о большинствѣ голосовъ. Когда онъ увидалъ, что и безъ того всѣ противъ этого проекта и онъ пройти ни въ какомъ случаѣ не можетъ,—тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Въ засѣданіи 11-го ноября на сеймѣ заговорили о дѣлѣ не-католиковъ; поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ вопило, что ни за что̀ не допустятъ нарушить права религіи. Одинъ изъ пословъ, Гуровскій, сталъ было говорить за свободу не-католиковъ, но ему угрожали саблями, кричали на короля за его планы ввести рѣшеніе посредствомъ большинства голосовъ. «Ни за что не позволю большинства—кричалъ посолъ Чацкій,—съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанъ къ сейму, и хлоповъ нашихъ уволятъ отъ подданства!» Король ушелъ. Послы кричали, ругались, потомъ разошлись. Конфедерація, устроенная Чарторыскими, уничтожилась.

Послѣ этого, оставалось прибѣгнуть къ средству рѣшительному, которое заранѣе государыня приказала употребить въ случаѣ крайности — составить другую конфедерацію въ пользу не-католиковъ. На Рѣпнина возложено было это трудное порученіе. Оно казалось даже почти невозможнымъ. Поляки-католики были очень фанатичны и если въ чемъ-нибудь непродажны, такъ именно въ дѣлѣ вѣры; не-католики были не многочисленны въ высшемъ классѣ: охотниковъ до такой конфедераціи могло найтись мало, а вѣдь только о высшемъ классѣ могла идти рѣчь, когда шло дѣло о дарованіи политическихъ правъ. Но въ такомъ разлагающемся обществѣ, каково было польское, убѣжденія были второстепенными двигателями событій; главное мѣсто занимали личные интересы. Шляхту всегда можно было взволновать: не нужно было говорить за что̀ или противъ чего надобно подниматься, а стоило указать ей только лица или фамиліи, за которыхъ или противъ которыхъ приходилось постоять, да главное, нужно посулить при этомъ ей выгоды. У Чарторыскихъ недруговъ было много; ихъ сила возбуждала зависть и соревнованіе. У знатныхъ пановъ, стоявшихъ къ нимъ непріязненно, были сторонники—обыватели и шляхта. Короля не любили, и думали, что онъ все еще за одно съ Чарторыскими, хоть онъ и поссорился съ ними. Паны надѣялись его низложить; были такіе, что подумывали сѣсть сами на его мѣсто; другіе надѣялись выбрать болѣе подходящаго для себя и держать его въ рукахъ. Собрать все недовольное Чарторыскими и королемъ, поманить обѣщаніями и привязать къ этому дѣло, о свободѣ не-католиковъ — такой планъ замыслилъ референдарь Подосскій, сообщивъ его Рѣпнину, и самъ взялся работать. По-

доссkiй былъ давнiй врагъ короля; по смерти Августа III, онъ уговаривалъ поляковъ избрать сына покойнаго польскаго короля. Это не удалось. Екатерина посадила Станислава-Августа, — Подосскiй сталъ врагомъ Россiи; теперь же, когда уже Россiя стала недовольна посаженнымъ королемъ и Рѣпнинъ намекалъ на возможность низложить его, Подосскiй сдѣлался вѣрнымъ орудiемъ Россiи. Рѣпнинъ обѣщалъ ему доставить мѣсто примаса. Съ Чарторыскими не считали нужнымъ церемониться; они увивались около Рѣпнина, кричали передъ нимъ противъ короля и противъ уничтоженiя liberum veto, которое уничтожить прежде сами хотѣли; имъ не вѣрили, потому что они ничего не дѣлали въ угоду Россiи для дѣла не-католиковъ. Ихъ двуличность была очевидна.

Поляковъ только дурачили, говоря имъ о низложенiи короля. Екатерина не хотѣла его низлагать, а разсчитывала наказать его за то, что, во время прошлаго сейма, онъ не только не старался дѣлать угодное императрицѣ, а еще угождалъ епископамъ и самъ подавалъ полякамъ примѣръ упрямства. Подосскiй началъ собирать враговъ короля и фамилiи (Чарторыскихъ), Рѣпнинъ издалъ декларацiю, гдѣ объяснялъ, что императрица желаетъ полякамъ добра и спокойствiя, и поэтому вынуждена послать во владѣнiя Рѣчи-Посполитой войско для защиты слабыхъ противъ могущественныхъ. При этомъ, именемъ своей государыни онъ ручался за цѣлость и нераздѣлимость Польши. Къ декларацiи прилагалось письмо Панина, завѣдывавшаго въ Россiи иностранными дѣлами: оно приглашало поляковъ соединиться дружно за свою свободу и права. Декларацiя съ письмомъ была разослана по всей Польшѣ на разныхъ языкахъ. Въ тоже время болѣе тридцати тысячъ русскаго войска вошло въ Польшу. Былъ планъ устроить разомъ на различныхъ концахъ Польши и Литвы конфедерацiи, а потомъ соединить ихъ въ одну, и маршаломъ этой конфедерацiи учинить Карла Радзивила (Panie kochanku), бѣжавшаго послѣ неудачнаго сопротивленiя при избранiи въ короли Понятовскаго, за границу. Онъ проживалъ въ Дрезденѣ, и находился разомъ подъ опалою русской императрицы и польскаго короля.

Подосскiй пригласилъ въ Варшаву знатнѣйшихъ пановъ: тутъ были кiевскiй воевода Салерiй Потоцкiй, другой Потоцкiй, крайчiй, надворный маршалъ Мнишекъ, великiй коронный подскарбiй Вессель, великiй коронный кухмистръ Вельогурскiй, литовскiй стражникъ Поцѣй, Оссолинскiй, Тарло и другiе, все непрiятели Чарторыскихъ. Старый гетманъ Браницкiй самъ не прiѣхалъ, а прислалъ уполномоченнаго; здѣсь были даже главные и упорнѣйшiе враги вѣротерпимости—епископы Красинскiй и Сол-

тыкъ. На общемъ совѣщаніи, 10-го мая 1867, Рѣпнинъ предложилъ устроить конфедерацію и изложить требованія и мнѣнія для водворенія и обезпеченія порядка. Ненависть къ королю и Чарторыскимъ, боязнь за свои права и вольности, на которыя король и Чарторыскіе посягали своими реформами, заставили забыть другіе виды на время. Надѣялись низвергнуть короля. Рѣпнинъ не обѣщалъ имъ этого прямо, а говорилъ двусмысленными выраженіями: «конфедерованная нація получитъ все, чего захочетъ отъ императрицы». Паны разумѣли подъ этимъ обѣщаніе избавить ихъ отъ Понятовскаго, и этого было довольно; съ своей стороны всѣ обѣщали содѣйствовать общему дѣлу и разъѣхались. И вслѣдъ за тѣмъ, по всей Польшѣ и Литвѣ, возникли конфедераціи.

Кіевскій воевода сконфедеровалъ русскія провинціи Волынь и Подоль; Мнишекъ Великую Польшу; Красинскій воеводство Равское, Мазовецкое и Лэнчицкое; Вессель Краковское; Тарло Люблинское; Оссолинскій Сендомирское; Браницкій Подлясье. Собственно диссидентскія конфедераціи составились въ Торунѣ и Слуцкѣ; къ послѣдней примкнули православные и въ ихъ числѣ архіепископъ Конисскій, которому обѣщано мѣсто въ сенатѣ: это было только возвращеніе прежняго права; русскіе добились этого права еще въ XVII вѣкѣ, но поляки его нарушили. Когда диссидентская конфедерація прислала своихъ депутатовъ къ королю, Станиславъ-Августъ не хотѣлъ принимать ихъ; онъ боялся этимъ самымъ узаконить требованія конфедераціи. Рѣпнинъ настоялъ, чтобъ онъ ихъ принялъ. Король покорился и оставилъ за собою такую уловку, будто онъ принимаетъ этихъ господъ не такъ, какъ полномочныхъ отъ конфедераціи, а какъ простое собраніе людей, пришедшихъ къ нему за совѣтомъ.

Въ Польшѣ и Литвѣ состоялось тогда сто-семьдесятъ-восемь собраній, и на нихъ подписалось восемьдесять-тысячъ особъ; и все это сдѣлалось въ теченіи мая 1767, въ продолженіи какихъ-нибудь восьми или десяти дней. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что въ Польшѣ издавна обыватели и шляхта привыкли слушаться знатныхъ пановъ; во всякомъ околодкѣ былъ свой королекъ; къ нему тянуло шляхетство, ему угождало; и теперь стоило этимъ королькамъ скликать въ назначенное мѣсто обывателей и шляхту и предложить, что̀ угодно. Такъ вездѣ и сталось. Повсюду громада шляхты приступала къ конфедераціи въ пьяномъ видѣ, послѣ пирушки, которую ей устраивалъ королекъ; никто не думалъ о вѣротерпимости, напротивъ, всѣ были воспитаны и укрѣплены въ исключительномъ фанатизмѣ и ужаснулись бы, еслибъ тогда же узнали, что дѣло идетъ о дарованіи

правъ схизматикамъ и еретикамъ; имъ выставлялось, что король и Чарторыскіе хотятъ нарушить древнія шляхетскія вольности, а русская императрица ихъ защищаетъ. Отъ разныхъ конфедерацій присланы были въ Варшаву, по заданному заранѣе плану, къ Рѣпнину одинакія заявленія: уничтожить недавно учрежденныя коммиссіи, отнюдь не допускать рѣшенія дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, сохранить зеницу шляхетской вольности liberum veto, не дозволять умноженія податей и увеличенія войска и просить императрицу принять на себя гарантію ненарушимости польскаго правленія.

Между тѣмъ Рѣпнинъ снесся съ Радзивилломъ. Ему, отъ имени императрицы, обѣщано примиреніе и забвеніе прошлаго, возвращеніе всѣхъ правъ, снятіе секвестра съ имѣній, все это съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ на себя званіе маршала общей конфедераціи, заявилъ себя защитникомъ свободы совѣсти, не притѣснялъ бы въ своихъ имѣніяхъ православныхъ и диссидентовъ, возвратилъ бы имъ церкви и позволилъ строить новыя. Ему внушали, что защищая разновѣрцевъ, онъ ничего не сдѣлаетъ преступнаго противъ собственной римско-католической религіи, которая остается по прежнему господствующею въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ него, въ числѣ условій, потребовали, чтобъ онъ впередъ велъ себя скромно и благообразно. Такое условіе было необходимо, потому что Panie kochanku былъ большой руки самодуръ. Легкомысленный, расточительный до безразсудства, вѣчно веселый и вѣчно пьяный, равно добродушный и буйный, этотъ панъ-забулдыга, по ограниченности ума, былъ всегда склоненъ къ тому, чтобъ его водили за носъ, но всегда былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ, какъ самому хочется, и ему казалось, что все кругомъ его слушается. Партія его въ Литвѣ была чрезвычайно велика; никто щедрѣе его не кормилъ и не поилъ братью-шляхту, никто не способенъ былъ дороже купить ее для своихъ прихотей. Радзивиллъ передъ тѣмъ, въ видахъ низложенія Екатерины, покровительствовалъ самозванкѣ Таракановой, но, получивъ дружелюбныя предложенія отъ Россіи, оставилъ претендентку и прибылъ въ Литву.

3-го іюня 1767 онъ вступилъ въ Вильну. Духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными восклицаніями; съ нимъ былъ не покидавшій его русскій полковникъ Карръ. Русскія войска будто для почета провожали его. Выстрѣлы русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія вмѣстѣ съ гуломъ виленскихъ колоколовъ. «Да будетъ благословенъ возвратъ твой — кричала шляхта—ты приносишь намъ свободу и миръ»! Радзивиллъ подписалъ свой акцессъ къ общей конфедераціи. Дѣло конфедераціи

съ этой минуты въ Литвѣ стало твердо: куда Радзивиллъ, туда и большая половина Литвы.

Изъ Вильны Радзивиллъ поѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ засталъ стараго гетмана Браницкаго, короля и Чарторыскихъ. Гетманъ очень ненавидѣлъ, но, въ тоже время, боялся Россіи и потому колебался. Пріѣздъ Радзивилла придалъ ему твердости. Онъ поѣхалъ въ Варшаву и былъ обласканъ Рѣпнинымъ. Онъ надѣялся авось-либо, по низложеніи короля Станислава-Августа, корона достанется его сѣдой головѣ.

Радзивиллъ отправился къ сопровожденіи русскихъ войскъ въ Радомъ. Тамъ Рѣпнинъ назначилъ сборное мѣсто для соединенія всѣхъ конфедерацій, которыя туда выслали своихъ совѣтниковъ. Русскій посланникъ сообразилъ, что если оставить поляковъ на свободѣ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ, то они перепьются, передерутся и ничего не постановятъ, а потому приказалъ полковнику Игельстрому окружить Радомъ русскимъ войскомъ. Когда эти мѣры были приняты, полковникъ Карръ, сопровождавшій Радзивилла, словно дядька, потребовалъ, чтобъ всѣ единогласно порѣшили собрать чрезвычайный сеймъ и на немъ узаконить допущеніе къ правамъ православныхъ и диссидентовъ и принять отъ Россіи гарантію правленія Рѣчи-Посполитой. Это значило, иными словами, поступить законно подъ зависимость отъ Россіи. Поляки протрезвились. Въ собраніи поднялся ропотъ. Изъ восьмидесяти восьми членовъ, присланныхъ представителями разныхъ конфедерацій, только шесть безпрекословно пристали къ требованію Карра. Всѣ прочіе шумѣли; но Карръ хладнокровно объявилъ имъ, что всякій свободенъ противиться какъ ему угодно; пусть только, при этомъ, знаетъ, что императрица поступитъ съ тѣмъ, какъ съ своимъ врагомъ и съ возмутителемъ общественнаго спокойствія въ его собственномъ отечествѣ. Нельзя было вести много разговоровъ въ такой обстановкѣ, въ какой находилась конфедерація. Поневолѣ всѣ должны были согласиться въ виду окружавшаго ихъ русскаго войска. Каменецкій епископъ Красинскій, сильнѣйшій противникъ вѣротерпимости, далъ такой многознаменательный іезуитскій совѣтъ: «Если хотите выпутаться изъ бѣды, то будьте во всемъ послушны и подписывайте. Чѣмъ больше зла намъ сдѣлаютъ, тѣмъ больше способовъ у насъ будетъ». О низложеніи короля нельзя было толковать. Впрочемъ, самъ Радзивиллъ былъ противъ этого и изъявилъ желаніе признать его королемъ, когда уже случилось такъ, что онъ избранъ и коронованъ. «Насъ подманили словно пташекъ на клей—говорили послѣ спохватившіеся поляки — обольстили, ослѣпили отдаленными надеждами на перемѣну главы государства. Хотѣли мы оборонять

свою вольность, а стали невольниками, хотѣли охранить св. вѣру и нарушаемъ ее. Такая подлость у насъ господствуетъ: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки несомнѣнно пагубны, однако, не стыдимся самымъ гнуснѣйшимъ образомъ привыкать къ рабству».

Король въ Варшавѣ, между тѣмъ, сошелся съ русскимъ посломъ. Рѣпнинъ представилъ ему, что восемьдесятъ тысячъ подписей ясно показываютъ, какъ не твердо онъ сидитъ на своемъ престолѣ, и какъ легко дѣлать съ поляками такія вещи, которыя съ перваго вида казались невозможными. Станиславъ-Августъ сообразилъ, что его судьба въ рукахъ Россіи, и согласился на все. «Хотя бы всѣ ваши партизаны были у васъ отняты — сказалъ онъ Рѣпнину — а я буду держаться съ вами и безъ изъятія стану дѣлать все, чего потребуетъ отъ меня государыня по дѣлу о диссидентахъ и о гарантіи». Это говорилъ онъ вовсе не искренно, но, тѣмъ не менѣе, Россія не находила нужнымъ потакать врагамъ его болѣе. Рѣпнинъ теперь явно и открыто сталъ всѣмъ говорить, что императрица отнюдь не дозволитъ лишить короны Станислава-Августа. Онъ даже не велѣлъ перемѣнять обычныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ, какъ случалось въ Польшѣ, во время конфедерацій. За то и король, въ угодность Рѣпнину, не противорѣчилъ назначенію примасомъ Подосскаго. Высокая награда, которую этотъ человѣкъ получилъ за преданность Россіи, должна была и другихъ ободрять къ вѣрности и доброжелательству Россіи. Употребляя въ дѣло враговъ Чарторыскихъ, Рѣпнинъ относился ласково къ самымъ Чарторыскимъ. — «Вы, господа — говорилъ онъ Августу Чарторыскому — можете приставать и не приставать къ конфедераціи: какъ вамъ угодно; только въ послѣднемъ случаѣ извольте оставаться нейтральными. Императрица никого не принуждаетъ, но будетъ почитать за злодѣевъ тѣхъ, которые противъ нея дѣйствовать будутъ». Въ хорошихъ отношеніяхъ Рѣпнинъ былъ съ сыномъ Августа, княземъ Адамомъ, но еще въ лучшихъ съ его женою, Изабеллою, урожденной Флеммингъ. Современники говорятъ, что и въ пользу короля лично настроила Рѣпнина эта госпожа, бывшая недавно въ нѣжной связи съ королемъ, а теперь перешедшая въ объятія русскаго посланника. Рѣпнинъ, большой любитель прекраснаго пола и свѣтскихъ удовольствій, легко сживался съ поляками и усвоивалъ польскіе взгляды на человѣческія отношенія. Это не мѣшало ему, однако, оставаться русскимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ исполнялъ вѣрно и точно повелѣнія своего верховнаго правительства и дѣйствовалъ съ равною энергіею и тогда, когда требованія правительства расходились съ его сочувствіями, какъ и тогда, когда они съ ними совпадали. Когда приходилось дѣлать,

Рѣпнинъ дѣлалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался. Рѣпнинъ былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи-Посполитой была почти исключительно достояніемъ простого народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, что̀ годится только для черни. Рѣпнинъ не видалъ православныхъ между знатными, родовитыми и богатыми господами. Въ своихъ мнѣніяхъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, Рѣпнинъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы домогательства правъ для не-унитовъ и диссидентовъ не нарушали преимуществъ господствующей римско-католической религіи, чтобъ не показалось, что Россія желаетъ распространенія православія. Для Рѣпнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи-Посполитой католичество и унія распространялись съ насиліями, что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многовѣковой борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками — поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами. Когда Россія требовала, чтобы православные епископы засѣдали въ польскомъ сенатѣ, ея посланникъ ходатайствовалъ передъ русскимъ правительствомъ не за православныхъ, а за уніатовъ: онъ даже изъявлялъ боязнь, чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то русскіе бары, вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтныя преданія своихъ предковъ. Краковскій епископъ приступилъ также къ конфедераціи, но имѣлъ осторожность оговориться, что приступаетъ съ условіемъ неприкосновенности правъ и цѣльности отечества и съ тѣмъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до излишнихъ желаній. Послѣ того, какъ совершилось засѣданіе Радомской конфедераціи подъ русскимъ оружіемъ, онъ услышалъ отъ Рѣпнина, что права, для не-католиковъ, требуемыя императрицею, состоятъ именно въ томъ, чтобы православный архіерей засѣдалъ въ сенатѣ, а православные люди и диссиденты имѣли съ католиками равное гражданское значеніе. Тогда онъ засадилъ пятнадцать секретарей и заставилъ ихъ день и ночь писать списки пастырскаго посланія къ правовѣрнымъ католикамъ: онъ приглашалъ вѣрныхъ дѣтей церкви молиться, чтобъ на нихъ низошелъ святой Духъ, и далъ имъ силу бороться съ невѣрными схизматиками и диссидентами.

Уже и безъ того, послѣ Радомской конфедераціи, по всей Польшѣ кричали, что Россія обманываетъ поляковъ, что ихъ насильно заставили подписать противное святой вѣрѣ. Посланіе Солтыка должно было подлить масла въ огонь. Напрасно Рѣпнинъ, черезъ примаса Подосскаго, старался укротить краковскаго архипастыря. — «Скорѣе тѣло свое отдамъ на разсѣченіе, чѣмъ соглашусь на уравненіе правъ не-унитовъ и диссидентовъ съ католиками» —говорилъ Солтыкъ. Рѣпнинъ предвидѣлъ, что этотъ человѣкъ и другіе заклятые фанатики надѣлаютъ шуму на сеймѣ и станутъ мѣшать устроенному Россіею дѣлу. Онъ истребовалъ отъ императрицы разрѣшеніе арестовать тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ.

Стали собираться сеймики. Посланіе Солтыка и наущенія фанатиковъ дали такое направленіе шляхетству, что на сеймикахъ слѣдовало ожидать большихъ бурь. Въ этихъ видахъ Рѣпнинъ размѣстилъ русскія войска на тѣхъ пунктахъ, гдѣ надѣялся больше шума, и навязывалъ сеймикамъ проектъ инструкціи, гдѣ было показано, чего должны домогаться на будущемъ сеймѣ послы, по волѣ своихъ избирателей: они должны были требовать удовлетворенія желаній не-католиковъ и гарантіи установленныхъ въ Польшѣ законовъ со стороны Россіи. Были напередъ посланы даже имена тѣхъ, кого Рѣпнину хотѣлось имѣть послами. Король приложилъ къ этому дѣлу руку.

Такъ какъ вездѣ на виду были русскія ружья и штыки, то поневолѣ въ невоинственной Польшѣ сеймики составили такія инструкціи, какія имъ велѣли составить, и выбирали пословъ, какихъ хотѣлось русскимъ. Проскакивало кое-гдѣ сопротивленіе, но было усмирено. На одномъ сеймикѣ былъ арестованъ обыватель Чацкій за смѣлыя рѣчи. Въ Каменцѣ, гдѣ чувствовалось вліяніе епископа Красинскаго, два русскіе офицера, прибывшіе съ инструкціями были прогнаны и самый привезенный ими проектъ изрѣзанъ саблями. По закрытіи сеймиковъ, кое-гдѣ написаны были протесты и занесены въ градскія книги, но Рѣпнинъ приказалъ ихъ вырѣзывать оттуда и уничтожать.

Чтобы однимъ разомъ не дать силы и значенія подобнымъ протестаціямъ, Рѣпнинъ, передъ открытіемъ сейма, потребовалъ отъ конфедераціи постановленія объ уничтоженіи всѣхъ такихъ протестовъ. Тогда поднялся противъ этого одинъ изъ членовъ конфедераціи, Кожуховскій. Рѣпнинъ тотчасъ велѣлъ его арестовать. Конфедераты зашумѣли сильнѣе. Папскій нунцій возбуждалъ поляковъ именемъ вѣры, хотя въ своихъ донесеніяхъ отзывался о нихъ съ крайнимъ презрѣніемъ и называлъ развращенною и глупою націею (la traviata ed imbecile nazione). Конфе-

дераты сошлись у Радзивилла, кричали, что всѣ готовы на мученичество за святую вѣру. Рѣпнинъ внезапно явился къ нимъ, и обращался съ ними, словно учитель съ буйными школьниками; онъ говорилъ имъ: «Перестаньте шумѣть, а не то, какъ я заведу шумъ, такъ мой будетъ посильнѣе вашего». — «Освободить Кожуховскаго», кричали конфедераты.—«Крикомъ у меня ничего не возьмете—сказалъ Рѣпнинъ,—будете шумѣть—ничего не сдѣлаю; а попросите тихо и учтиво, такъ можетъ быть и сдѣлаю вамъ удовольствіе». Тогда Радзивиллъ подошелъ къ нему, и попросилъ его учтиво, отпустить Кожуховскаго. Рѣпнинъ тотчасъ исполнилъ его просьбу. Зная, что всякому упорству виною Солтыкъ, Рѣпнинъ послалъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго епископа; солдаты разоряли магазины, забирали и истребляли всякую движимость, принадлежавшую епископу. Приблизился сеймъ.—Солтыкъ зналъ, или, можетъ быть, догадывался, что у Рѣпнина насчетъ его есть рѣшительныя приказанія. Онъ составилъ завѣщаніе, въ надеждѣ быть высланнымъ, какъ онъ думалъ, въ Сибирь, и установилъ викаріевъ на мѣсто себя для управленія епархіею.

Сеймъ открылся (23 сентября) 4 октября. Порядокъ, выдуманный Рѣпнинымъ, былъ таковъ: сеймъ долженъ былъ выбрать изъ своей среды делегацію, уполномочить ее согласиться на все, чего требуетъ русскій посланникъ, и тѣмъ покончить все дѣло. Въ такомъ смыслѣ долженъ былъ податься проектъ на первомъ засѣданіи.

Солтыкъ не допустилъ чтенія этого проекта на первомъ засѣданіи. «Послы—говорилъ онъ—будучи сами выбранными, не имѣютъ права устраивать делегаціи и передавать ей одной власть, принадлежавшую имъ всѣмъ. Съ россійскимъ посланникомъ вовсе нѣтъ нужды вести трактаты. Обыкновенно трактаты ведутся по поводу заключенія мира послѣ войны, или по поводу союзнаго договора. Но императрица объявляетъ, что она желаетъ, чтобы оказано было правосудіе не-католикамъ, обратившимся къ ней съ жалобой; намъ, поэтому, предстоитъ прямой легальный путь, назначить коммисію для изслѣдованія: справедливы ли жалобы тѣхъ, которые обращались къ императрицѣ»? Обратившись къ королю, Солтыкъ сказалъ: «Ваше величество обѣщались и обязались проливать свою кровь за вѣру; вотъ теперь пришло время дать намъ доказательство искренности вашихъ чувствованій и показать собою примѣръ всему народу».

За нимъ говорилъ старый Вацлавъ Ржевускій, краковскій воевода, человѣкъ стараго времени, строгій консерваторъ, ненавистникъ всякихъ реформъ и нововведеній, откуда бы они ни исхо-

дили. Онъ, прежде всего, распространился въ похвалахъ своимъ предкамъ и совѣтывалъ поступать по ихъ примѣру. «Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь—сказалъ онъ,—такого рода, что отъ него произойдетъ, или свобода, или зависимость Польши. Наши предки установили законъ не иначе принимать важные проекты, какъ обсудивши ихъ. Нельзя принимать такого проекта необдуманно: это значитъ самому голову въ ярмо вкладывать. О насъ скажутъ: вотъ дѣти недостойные отцевъ своихъ; это уже не поляки».

Послѣ этой рѣчи король закрылъ засѣданіе, а Рѣпнинъ на другой же день отправилъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго воеводы.

На слѣдующій день, въ засѣданіи, выступилъ кіевскій епископъ Іосифъ Залусскій, знаменитый собиратель рукописей и книгъ, основатель публичной библіотеки. У него въ рукахъ были два папскія бреве, взывающія къ католикамъ, чтобы они не поддавались внушеніямъ, противнымъ вѣрѣ. Чтеніе ихъ произвело поражающее впечатлѣніе.

Выступилъ сынъ Вацлава Ржевускаго, молодой Северинъ, посолъ подольскій. «Я, сказалъ онъ:—выбранъ свободно; доказательствомъ служитъ мое постоянное сопротивленіе и чувства свободныхъ обывателей, именемъ которыхъ я обязанъ произнести слово; я, поэтому, готовъ терпѣть всякаго рода притѣсненія и самую смерть. Многіе изъ пословъ, напротивъ, выбраны русскими. Обольщенные, они сдѣлались врагами свободы. Ихъ не ужасаетъ то, что всѣ провинціи терпятъ безмѣрныя утѣсненія; до ушей короля не доходятъ вопли народа».

Король, чтобы остановить дальнѣйшую тревогу, возбужденную на сеймѣ этой рѣчью, опять закрылъ засѣданіе.

По желанію Рѣпнина, слѣдующее засѣданіе отложено на шесть дней. Рѣпнинъ поджидалъ еще одного заклятаго противника, каменецкаго епископа Красинскаго. Послѣ радомскаго совѣщанія, онъ уѣхалъ въ свои имѣнія, лежавшія на турецкой границѣ. Знакомый лично съ хотинскимъ пашею, онъ спряталъ у него свои сокровища и отправилъ въ Константинополь каноника армянина Анкевича съ извѣщеніемъ, что русская императрица возбуждаетъ грековъ и черногорцевъ къ мятежу противъ Турціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изложилъ жалобы на самовольства, какія позволяетъ Россія въ Польшѣ. Скоро онъ получилъ отвѣтъ, чрезвычайно лестный: его извѣщали, что турки готовы объявить войну Россіи за Польшу, лишь бы Австрія не мѣшала, и кромѣ того обѣщаютъ дать полякамъ взаймы денегъ. Красинскій былъ въ восторгѣ и поѣхалъ въ Варшаву съ великими на-

деждами. Онъ не зналъ того, что Рѣпнину были извѣстны его сношенія. Его-то Рѣпнинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы взять вмѣстѣ съ другими и отправить, куда слѣдуетъ, подалѣе.

Услышавъ, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, Рѣпнинъ послалъ ему на встрѣчу конвой провожать его до столицы, какъ будто для почета. Но Красинскій догадался въ чемъ дѣло, и за нѣсколько верстъ отъ Варшавы переодѣлся стрѣлкомъ, бросилъ свой экипажъ и убѣжалъ. Онъ пробрался между русскими войсками, которые окружали тогда всю Варшаву, прибылъ въ Прагу и тайно послалъ къ Солтыку совѣтъ, чтобы онъ не противился, не подвергалъ себя напрасно опасности; лучше пусть ожидаетъ благопріятнаго времени; есть большія надежды на турокъ. «Не бѣда, если и весь сеймъ уступитъ императрицѣ: пусть только одинъ смѣлый посолъ найдется, чтобы протестъ записать; а потомъ мы составимъ конфедерацію. Пусть послы сдѣлаютъ все угодное силѣ, а потомъ идутъ въ конфедерацію, только тайно до поры до времени; пусть каждый дастъ клятву не разглашать этого, а въ свое время защищать вѣру и свободу, жертвуя за нихъ жизнью».

Солтыкъ послалъ къ нему Іосифа Пулавскаго, похвалилъ его предпріятіе и велѣлъ сказать: «Каждый изъ насъ пусть ищетъ средствъ къ спасенію отечества, сообразно своему характеру. Я съ своей стороны желаю принудить москалей поступить со мной явно потирански. Зло, которое они мнѣ сдѣлаютъ, принесетъ пользу отечеству».

И дѣйствительно, Солтыкъ принялъ намѣреніе дразнить Рѣпнина и доводить его до крайнихъ поступковъ. Послѣ открытія засѣданій, онъ предложилъ Избѣ потребовать отъ Рѣпнина объясненія: на какихъ основаніяхъ онъ себѣ позволяетъ брать подъ арестъ обывателей, разорять имѣнія, насиловать убѣжденія и предписывать законы полякамъ?

Это произвело одобреніе. Король сейчасъ закрылъ засѣданіе.

У Солтыка въ домѣ происходило совѣщаніе. Тамъ даже поговаривали: нельзя ли устроить надъ не-католиками чего-нибудь въ родѣ Сицилійскихъ вечерень, или Варѳоломеевской ночи. Рѣпнина объ этомъ тайно извѣстили. Тогда Рѣпнинъ рѣшился успокоить неугомоннаго епископа и его горячихъ товарищей по оппозиціи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е октября, полковникъ Игельстромъ арестовалъ Солтыка въ домѣ великаго короннаго маршалка Мнишка, гдѣ краковскій епископъ ужиналъ.—Знаете ли, что я князь, сенаторъ и духовное лицо», сказалъ епископъ.—Васъ-то и приказано арестовать, сказалъ Игельстромъ. «Я думалъ — сказалъ Солтыкъ — что меня арестуютъ въ моемъ домѣ и нарочно оставилъ

золотую табакерку въ подарокъ тому, кому поручатъ такую коммисію».

Залускаго взяли въ то время, когда онъ стоялъ на молитвѣ и держалъ въ рукѣ распятіе. При видѣ русскихъ, онъ гласно возопилъ къ Богу о прощеніи тѣмъ, которые его оскорбляютъ.

Арестовали Ржевускихъ, отца и сына. За конвоемъ, состоящимъ изъ 200 конныхъ, ихъ всѣхъ отправили въ Калугу.

Три сенатора, отъ имени короля, пріѣхали требовать у Рѣпнина объясненія. Онъ отвѣчалъ: «Я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ. Арестованные не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не будетъ все сдѣлано, согласно волѣ императрицы.»

Послѣ такихъ энергическихъ поступковъ, все пошло какъ по маслу. Назначили делегацію изъ шестидесяти пословъ, а изъ нихъ выбрали четырнадцать человѣкъ и положили рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, судьба Рѣчи-Посполитой отдавалась восьми лицамъ. Совѣщанія происходили въ присутствіи русскаго посланника и министровъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Поодаль сидѣлъ бѣлорусскій архіепископъ Кониссвій. Очень много разсуждать и разглагольствовать нельзя было. — «Я требую не толковъ, не объясненій—говорилъ Рѣпнинъ—а послушанія.» — 19 ноября рѣшено допустить православныхъ и диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства. Римско-католическая религія все-таки осталась господствующею, а при смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны были исповѣдывать религію того изъ родителей, къ полу котораго сами принадлежали.

При всей рѣзкости своего обращенія, происходившей по предписанію своей власти, Рѣпнинъ не только, не былъ врагомъ Польши, но ходатайствовалъ за нее передъ императрицею. Госпожа, владѣвшая его сердцемъ, настраивала его: онъ хвалилъ своей государынѣ Станислава-Августа, увѣрялъ въ его преданности Россіи и доказывалъ, что Россія должна безкорыстно помогать Польшѣ устроить у себя порядокъ, а не поддерживать въ ней анархіи, и потому допустить уничтожить liberum veto. По увѣренію Рѣпнина, всѣ благомыслящіе люди въ Польшѣ этого хотѣли. Императрица отвѣчала, что нѣтъ необходимости не дозволять сосѣдямъ пользоваться «индифферентнымъ и спокойнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, когда такой порядокъ можно обратить на пользу Россіи. Политика Екатерины не направлялась умышленно къ тому, чтобы препятствовать благоустройству Польши, но настолько, насколько можно было заручиться увѣренностію, что благоустройство не мѣшаетъ Россіи». Такъ, на сеймѣ 1768 г.

(продолженномъ съ 1767 г.), постановлено было, съ благословенія Россіи, чтобъ въ теченіи времени, когда сеймъ бываетъ въ сборѣ, первыя три недѣли онъ занимался экономическими дѣлами, и эти дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, а другія двѣ государственными, и по дѣламъ этого рода рѣшеніе должно происходить посредствомъ единогласія. Екатерина находила несвоевременнымъ допустить господство большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ. Пользуясь давнею привычкою шляхты угождать панамъ, какой-нибудь знатный панъ могъ собрать значительную партію, добыть себѣ большинство и такимъ образомъ проводить замыслы безпокоить Россію и вредить ей. Да и безотносительно къ Россіи уничтоженіе liberum veto не водворило бы въ Польшѣ благоустройства, а скорѣе усилило бы въ ней анархію. Если оно до тѣхъ поръ препятствовало хорошимъ замысламъ, то препятствовало также и худымъ. Легко было предвидѣть, что̀ могло явиться съ его уничтоженіемъ въ такомъ продажномъ и деморализованномъ обществѣ, какимъ было польское. Знатный и богатый панъ, за одно съ своею роднею и пріятелями, пригонитъ на разные сеймики подпоенную и подкупленную шляхту, выберетъ въ послы своихъ подручниковъ, составитъ себѣ большинство голосовъ, постановитъ такіе законы, какіе ему угодно, и захватитъ власть, раздѣливъ ее съ своею партіею. Противъ него поднимется другой панъ, также съ своими близкими, разсыплетъ еще болѣе червонцевъ между шляхтою и напоитъ ее еще усерднѣе чѣмъ первый, и большинство перейдетъ на его сторону. Страсти, разумѣется, усилились бы и ожесточились кровопролитія, опустошенія страны были бы неминуемыми послѣдствіями такой перемѣны. Въ Польшѣ существовали уже образцы устройства съ большинствомъ голосовъ — это конфедераціи, всегда производившія тревогу и перетасовку общественныхъ отношеній, всегда почти сопровождаемыя междоусобіями и кровопролитіемъ. Допустить большинство голосовъ, значило устроить Польшу такъ, чтобы въ ней не переставали конфедераціи, чтобы вѣчно новая ниспровергала старую, а иногда, появлялось бы разомъ нѣсколько конфедерацій, противныхъ другъ другу. Ошибались тѣ, которые, видя дурныя стороны liberum veto, думали, что уничтоженіе этого закона принесло бы отечеству счастіе, силу и спокойствіе: оно бы, напротивъ, ввергнуло его еще глубже въ омутъ безурядицы.

Кромѣ закона о голосахъ, на этомъ сеймѣ, подъ вліяніемъ Россіи, издано было нѣсколько законовъ, дѣйствительно показывавшихъ стремленіе къ улучшенію и возрожденію. Такимъ образомъ, отнято было у пановъ право жизни и смерти надъ своими

хлопами, и послѣдніе судились уже общимъ для всѣхъ судомъ, а не доминіальнымъ судомъ своего господина. Этимъ возвращалась имъ хоть часть человѣческаго достоинства. За убійство хлопа, господинъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ, какъ за свободнаго человѣка; положили ввести въ войскѣ строжайшую дисциплину; запрещалось панамъ дѣлать наѣзды другъ на друга; виновнымъ въ этомъ угрожала кара. Этихъ полезныхъ учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукѣ русскаго посланника они были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная рука нужна была и для того, чтобъ новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ.

Вѣчная гарантія Россіи была утверждена этимъ сеймомъ и получила значеніе основного закона. Польша уже не только фактически, но и легально поступила въ зависимость отъ Россіи. Гарантія эта казалась оскорбительною для патріотическаго чувства поляковъ; но, въ сущности, ихъ щекотало болѣе слово, чѣмъ смыслъ дѣла; Польша и безъ того зависѣла прежде и отъ Россіи и отъ каждаго сильнаго сосѣда, и собственными усиліями не могла сдѣлаться независимою. Ея ровному и спокойному перевоспитанію и развитію могла содѣйствовать правильная и законная зависимость отъ какой-нибудь внѣшней силы, которая бы сдерживала сколько-нибудь и успокоивала внутреннія стихіи разрушенія. Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, и могла обуздывать самоуправство и безпорядокъ. Безъ этого условія не предвидѣлось никакихъ средствъ къ скорому и успѣшному перерожденію націи. Какія бы усилія внутри страны ни предпринимались для этой цѣли, противъ нихъ всегда бы враждебно стояли разрушительныя начала, тѣмъ болѣе страшныя, что опирались на привычку и эгоизмъ — два важнѣйшія препятствія въ исторіи человѣческаго прогресса. Если бы въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патріотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно, приблизиться къ возможности быть независимою. Такъ именно и смотрѣлъ Подосскій, который, хотя и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свое собственное возвышеніе, но говорилъ справедливо, что, при всей грубости русскаго вмѣшательства, видитъ въ немъ средство воздвигнуть отечество изъ упадка. Были и другіе, думавшіе также, особенно при дворѣ, но проницательность и разсчетливость не въ духѣ польскаго характера:

полякъ всегда предпочиталъ поступать такъ, какъ ему говоритъ сердце, а не разсудокъ.

Каменецкій епископъ, его братъ Михаилъ, Іосифъ Пулавскій съ тремя сыновьями составили въ Барѣ конфедерацію противъ сейма 1768 г., всѣхъ перемѣнъ, узаконенныхъ на немъ и, главное, противъ дарованія правъ не-католикамъ и противъ русской гарантіи. Они отправили своихъ посланцевъ въ Турцію; самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію, Парижъ: вездѣ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества, умолялъ о дарованіи помощи Польшѣ противъ насилія. Составленная конфедерація, между тѣмъ, быстро разрослась. За сборищемъ въ Барѣ въ другихъ мѣстахъ появились такія же сборища. Образовалось военное ополченіе. Русскія войска вступили съ нимъ въ борьбу. Война была партизанскаго характера. Край пришелъ въ смятеніе; торговля останавливалась, мирное сообщеніе задерживалось; вербунки въ войско конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ городской и сельскій.

Тогда фанатическая злоба конфедератовъ обратилась на православныхъ: отъ нихъ сталось униженіе Польшѣ, за нихъ, какъ за единовѣрцевъ, заступалась Екатерина; они вызвали ея вмѣшательство своими безпрестанными жалобами и просьбами въ Петербургъ. Въ Южной Руси, гдѣ вѣками укоренилась вражда къ полякамъ и католичеству, русскій народъ сталъ покидать унію и переходить къ вѣрѣ праотцевъ; приходъ за приходомъ присоединялись къ православію; въ однихъ сами священники подавали примѣръ; въ другихъ прихожане принуждали священниковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, прогоняли и на мѣсто ихъ выбирали другихъ. Центромъ православной пропаганды сдѣлался мотронинскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ дѣятельный Мельхиседекъ Значко̀-Яворскій, напутствуемый въ своихъ подвигахъ переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ[1]). Онъ съѣздилъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ у императрицы заступничество и въ Варшавѣ получилъ отъ короля привилегію на неприкосновенность своего монастыря. Своевольный фанатизмъ не хотѣлъ знать никакихъ привилегій. «Мы и тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобъ онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ!» говорили ему поляки. Особеннымъ фанатизмомъ отличался официалъ уніатскаго митрополита Мокрицкій, насильственно обращавшій къ уніи тѣхъ, которые въ послѣднее время возвратились къ православію. Священниковъ для поруганія запрягали въ плуги, били ихъ кіями, сѣкли терновыми розгами, насыпали въ голе-

[1]) О дѣятельности этого лица см. Архивъ Югозапад. Росс. ч. I, т. II, III.

ница горячихъ углей, забивали въ колоды, морили тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ все достояніе и пускали искалѣченныхъ по-міру. Поймали самого Мельхиседека, ругались надъ нимъ и держали въ тюрьмѣ. Барскіе конфедераты, не въ силахъ будучи ничего подѣлать Россіи, мстили ей на православномъ народѣ, подвластномъ Польшѣ. Отсчитывая усердно удары плетей по плечамъ священниковъ и мірянъ, обратившихся изъ уніи въ православіе, или нехотѣвшихъ принимать унію, они приговаривали: «это тебѣ за государыню, а это за короля, а это за архіерея, а это за вся православные христіаны!» На всю Украину навело тогда страхъ варварское истязаніе мліевскаго ктитора Данила Кушнира за то, что онъ не отдалъ уніатамъ гробницы (плащаницы). Его обвязали паклею, привязали къ дереву и сожгли. Но въ Украинѣ имя Богдана Хмельницкаго было извѣстно и старому и малому, извѣстно не изъ книгъ, а изъ живого преданія, передаваемаго отъ родителей къ дѣтямъ; украинскія матери за панскою пряжею пѣли дѣтямъ пѣсни о томъ, какъ нѣкогда ихъ предки казаки гатили гребли панскими трупами. Тайная надежда на освобожденіе *зъ ляцькои неволі* не покидала русскій народъ, какъ Израиля во дни плѣненія. Онъ искалъ и ждалъ спасенія отъ единовѣрной Россіи, гдѣ плѣняло и ободряло его господство той вѣры, которая въ его отечествѣ нашла названіе собачей. Взоры народа устремились на сѣверъ къ великому-свѣту-матушкѣ, какъ называлъ онъ Екатерину. Ему показалось, что пришло время отмщенія за вѣковыя страданія. Онъ поднялся, какъ нѣкогда поднимались его дѣды.

Начало возстанію положилъ Максимъ Залізнякъ, запорожецъ. Онъ оставилъ уже войсковое житье, находился на послушаніи въ монастырѣ и готовился поступить въ иноческій чинъ. Поруганіе православной вѣры, избытокъ людскихъ беззаконій, вызвали его въ міръ. Онъ явился подъ мотронинскимъ монастыремъ и заложилъ станъ на урочищѣ Холодный-Яръ. Онъ огласилъ, что у него есть грамота императрицы, призывающая народъ къ возстанію. Мотронинскіе монахи благословили его предпріятіе. Самъ Мельхиседекъ долго держалъ народъ въ предѣлахъ повиновенія и терпѣнія; теперь же, послѣ испытанныхъ надъ собою поруганій, благословилъ предпріятіе, какъ гласитъ преданіе. Впрочемъ, остается еще нерѣшеннымъ: участвовалъ ли Мельхиседекъ въ этомъ возстаніи?

Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ Залізняку. Монахи и изгнанные изъ приходовъ священники, терпѣвшіе отъ уніатовъ истязанія, ходили по селамъ и возбуждали къ возстанію. Разомъ явилось нѣсколько предводителей шаекъ: Неживый,

Уласенко, Бондаренко, Шило, Тимченко и другіе. Начали рѣзать панскихъ управителей и жидовъ. Обреченные на смерть народнымъ правосудіемъ бѣжали въ укрѣпленныя мѣста и въ глубину Польши. Отдѣльныя шайки присоединяются къ Залізняку. Разсылается воззваніе къ освобожденію панскихъ хлоповъ. «Коронные обыватели — было сказано въ этомъ воззваніи — живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! Наступило время выбиться изъ неволи, освободиться отъ ярма и тягостей, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія. Прибывайте къ тѣмъ, которые хотятъ учинить васъ свободными и надѣлить правами и вольностями. Теперь-то пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдирательства. Посылаемъ къ вамъ предводителей. Вѣрьте имъ и идите за ними съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ! Покидайте домы ваши, женъ и любезныхъ дѣтей. Не будете жалѣть объ этомъ, когда опять съ ними увидитесь! Богъ намъ дастъ побѣду и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродіе пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь! Вы прежде намъ не вѣрили, когда мы къ вамъ озывались, а теперь можете вѣрить, когда братія ваша на Украинѣ и Подоли счастливо начала выбиваться изъ ярма. Призовите Бога на помощь и прибывайте къ намъ»!

На знакомый украинскому сердцу призывъ поднялись тысячи: Залізнякъ объявлялъ возстановленіе гетманщины, всѣхъ сообщниковъ называлъ казаками. Онъ напалъ на Лисянку: тамъ заперлась шляхта съ жидами. Мѣстечко было хорошо укрѣплено, но русскіе жители его сочувствовали возстанію и потребовали отъ начальника своего, Кучевскаго, сдачи. «Все равно — говорили ему — гетманщина будетъ: не устоишь! Лучше тебѣ добровольно сдаться: живъ останешься!» — Кучевскій отворилъ ворота. Казаки положили ему на спину сѣдло, садились на него верхомъ и заставляли возить себя, а потомъ закололи. Всѣхъ католиковъ и жидовъ, искавшихъ спасенія въ замкѣ и сбѣжавшихся туда изъ околицъ, перебили. Надъ дверьми костела францисканскаго монастыря повѣсили ксендза, жида и собаку, а сверху надписали: «ляхъ, жидъ та собака: усе віра однака!» То была, кажется, не новая выдумка, а подражаніе старинѣ: русскіе этимъ поступкомъ явно мстили за то, что поляки называли православіе песьею вѣрою. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь стеклось шляхты и жидовъ въ Умани, принадлежавшемъ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Залізнякъ на-

правился туда. Управляющимъ или *губернаторомъ* въ Умани отъ Потоцкаго, былъ Рафаилъ Младановичъ. Въ городѣ была панская надворная команда изъ казаковъ, подъ начальствомъ Обуха, а отъ него зависѣли сотники; въ числѣ ихъ былъ нѣкто по фамиліи Гонта: онъ пользовался милостями пана владѣтеля Умани. Младановичъ отправилъ этихъ воиновъ противъ возстанія, но Гонта передался къ Залізняку, а по его примѣру и другіе казаки.

Въ Умани, народу было биткомъ-набито, а воды не было; приходилось утолять жажду вишневкою да медомъ, и потому всѣ перепились и стали неспособны къ оборонѣ. Младановичъ былъ не храбраго десятка и потерялъ духъ. Ксендзы приготовляли всѣхъ къ смерти. Гонта вызвалъ Младановича на разговоръ, объявилъ, что идетъ съ товарищами по приказанію Екатерины и ея именемъ требовалъ покорности.

Одинъ изъ товарищей Младановича, Ленартъ, сказалъ: просимо на хлібъ-на-сіль! Но другой, Рогашевскій, закричалъ: стрѣлять шельму! Младановичъ не дозволилъ стрѣлять и самъ въ страхѣ убѣжалъ въ костелъ. Гайдамаки ворвались въ городъ и вторгнулись въ костелъ, куда, вслѣдъ за Младановичемъ, вбѣжала шляхта толпою искать спасенія въ молитвѣ. Увидя входящихъ казаковъ, поляки падали на землю и просили пощады и милосердія. «Гарненько ляшеньки просяться: треба перепустити!» сказалъ одинъ казакъ. «А що зъ тобою буде, якъ имъ перепустимо!» отвѣчалъ Гонта. Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всѣхъ: ихъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Инымъ обрубливали ноги и руки и оставляли мучиться, не внимая ихъ моленіямъ докончить ихъ. Прокалывали насквозь дѣтей и подымали вверхъ на копьяхъ. Ксендзовъ запрягали въ ярма, гоняли по улицамъ, уложеннымъ трупами, потомъ приводили въ церковь, заставляли читать «вѣрую» и за чтеніемъ били по щекамъ, а потомъ выводили изъ церкви и убивали. Перерѣзали въ базиліанскомъ монастырѣ духовныхъ и учениковъ находившейся тамъ школы. Изъ сосѣднихъ селъ сбѣжались хлопы и потѣшались надъ муками и гибелью ляховъ. Ругались надъ римско-католическою святынею, одѣвались въ богослужебныя одежды и передразнивали богослуженіе, плевали на распятія и образа, разсыпали изъ ковчега и топтали ногами св. дары, приговаривая: «ото Богъ ляцькій!» Немногихъ, въ томъ числѣ дѣтей, пощадили, но заставили принять православіе и совершали надъ ними обрядъ крещенія, какъ бы непризнавая римско-католической вѣры за христіанскую. Тѣла убитыхъ свалили въ одинъ глубокій колодецъ. Поляки увѣряютъ, будто ихъ погибло въ Умани до двадцати

тысячъ, число, безъ сомнѣнія, чрезвычайно преувеличенное, можетъ быть въ десять разъ.

Послѣ такой расправы, провозгласили возстановленіе гетманщины. Залізнякъ назвался гетманомъ, Гонта уманскимъ полковникомъ. Но русскій генералъ Кречетниковъ, узнавъ, что̀ творилось въ Умани, послалъ къ новообразованной гетманщинѣ русскаго офицера съ отрядомъ донскихъ казаковъ. Офицеръ, по прозванію Кривой, пригласилъ ихъ вмѣстѣ съ русскими войсками воевать противъ барскихъ конфедератовъ, а набившуюся въ Умань толпу просилъ распустить. Залізнякъ и Гонта довѣрились и согласились. Тогда Кривой предложилъ имъ, передъ выходомъ изъ Умани, сдѣлать прощальную пирушку, и когда они перепились, приказалъ ихъ перевязать и доставить въ русскій лагерь. Оттуда Залізняка отправили въ Сибирь, наказавъ, какъ говорятъ, кнутомъ, а Гонту съ другими товарищами выдали польскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ за одно съ русскими противъ конфедератовъ. Въ мѣстечкѣ Сербахъ, по распоряженію регimentaря Ксаверія Браницкаго, съ Гонты сняли со спины двѣнадцать полосъ кожи. Испытывая такую казнь, Гонта говорилъ: «отъ казали: буде боліти, а воно ні кришки не болить, такъ наче блохи кусають!» Въ заключеніе его четвертовали.

Другія гайдамацкія шайки свирѣпствовали въ разныхъ мѣстахъ, въ одно время съ Гонтою и Залізнякомъ. События, подобныя уманскимъ совершались въ Дашовѣ, Грановѣ, Гайсинѣ, Монастырищѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и другихъ мѣстахъ. Но послѣ взятія Залізняка и Гонты, убѣдившись, что императрица совсѣмъ не благословляетъ возстанія, народъ утишился. Послѣ того, ограждаемые отъ мести русскаго народа русскою государынею, поляки думали навести страхъ на русскій народъ и учредили военный судъ подъ названіемъ: Judicium statarium. Предсѣдательствовалъ на этомъ судѣ полковникъ Стемпковскій, получившій отъ короля неограниченное право меча (jus gladii), право казнить и искоренять мятежъ. Мѣстопребываніе этого суда было въ мѣстечкѣ Коднѣ. Туда приводили подозрительныхъ по доносамъ. Чуть-кто неосторожно подастъ на себя подозрѣніе въ буйномъ духѣ, того сейчасъ и тащутъ въ Кодню, а изъ Кодни никто не ворочался здоровымъ: иныхъ вѣшали, другихъ четвертовали, а менѣе виновнымъ обрубливали руки или ноги и пускали скитаться и ползать по міру, чтобъ своимъ видомъ внушать русскому народу страхъ и повиновеніе. Еще въ концѣ XVIII вѣка можно было видѣть калѣкъ, просившихъ милостыни стариковъ, носившихъ на себѣ слѣды посѣщенія Кодни. Въ

Украинѣ долго оставалась поговорка: «а щобъ тебе святая Кодня не минула!» Такъ говорили, разсердясь другъ на друга.

Гайдамацкое возстаніе подало случайно поводъ къ важнымъ переворотамъ въ политическихъ дѣлахъ. Одинъ изъ гайдамацкихъ начальниковъ, Шило, преслѣдовалъ поляковъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на тогдашней турецкой границѣ. Поляки убѣжали за рѣку Кодыму въ турецкія владѣнія. Шило погнался за ними; турки стали ихъ защищать; Шило разбилъ турокъ, напалъ на татарское селеніе Галту и перебилъ скрывавшихся въ ней поляковъ.

Туркамъ въ это время нуженъ былъ только поводъ, чтобъ придраться къ Россіи. Конфедерація давно уже умоляла ихъ о помощи; Турція только манила ихъ сочувствіемъ до тѣхъ поръ, пока, потерпѣвши отъ русскаго оружія, конфедераты не подали Турціи надежды пріобрѣсти отъ Польши Подоль съ Каменцемъ и Волынь, въ благодарность за объявленіе войны Россіи. И вотъ нападеніе гайдамаковъ дало ей предлогъ къ этому. Напрасно Россія объясняла, что нападеніе на турецкія владѣнія сдѣлано не русскими войсками, а своевольными шайками гайдамаковъ, польскихъ подданныхъ. Турція изъявляла притязанія, зачѣмъ Россія вводитъ войска свои въ Польшу и распоряжается ея внутренними дѣлами. Турція объявила Россіи войну, начавъ непріязненныя дѣйствія заключеніемъ въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Обрѣзкова.

Война эта, какъ извѣстно, прославила русское оружіе блистательными побѣдами, открыла Россіи путь къ обладанію Чернымъ моремъ, ослабила Турцію, заронила въ восточныхъ христіанахъ надежду на свободу. Но для Польши она не принесла пользы; напротивъ, заступничество Турціи надѣлало ей одного вреда и приблизило къ гибели. Конфедераты терпѣли пораженія за пораженіями. Русскій полковникъ Древичъ, отличавшійся въ войнѣ лютостью и свирѣпостью, взялъ Баръ; до тысячи двухъ сотъ плѣнныхъ было отправлено въ глубину Россіи: въ ихъ числѣ былъ кармелитъ Марко, чудотворъ, воспламенявшій поляковъ своимъ даромъ. Казимиръ Пулавскій былъ стѣсненъ въ бердичевскомъ монастырѣ и сдался на капитуляцію, обѣщавъ отстать отъ конфедераціи, а потомъ убѣжалъ въ Турцію. Въ Литвѣ Радзивиллъ присталъ къ конфедераціи, но русскіе прогнали его и взяли его укрѣпленный Несвижъ. Литовская конфедерація поступила подъ маршальство Паца.

Но въ нѣдрѣ конфедераціи происходили раздоры. Потоцкій вошелъ въ непримиримую вражду съ старымъ Іосифомъ Пулавскимъ. Первый держался Турціи и на ея вмѣшательство пола-

галъ всѣ надежды, будучи увѣренъ заранѣе въ ея блестящихъ побѣдахъ надъ москалями, а Пулавскій обращался къ Австріи и думалъ расположить къ Польшѣ императора Іосифа. Потоцкій оговорилъ Пулавскаго передъ турецкимъ правительствомъ; по этому оговору послѣдняго взяли въ Константинополь и тамъ онъ умеръ въ тюрьмѣ. По примѣру главныхъ начальниковъ второстепенные также ссорились между собою, одинъ подъ другимъ подрывался. Безпрестанно появлялись отдѣльныя конфедераціи, и бывало такъ, что на званіе маршалка такой-то конфедераціи является двое претендентовъ, и они спорятъ между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не схватитъ другого не засадитъ въ тюрьму, или даже не убьетъ.

Отъ турокъ конфедераты не увидали себѣ великаго уваженія. Когда турки замѣтили, что между конфедератами нѣтъ ни лада, ни порядка, то стали обращаться съ ними презрительно, и въ присутствіи начальниковъ визирь насмѣхался надъ поляками. — «Знаете-ли, говорилъ онъ своимъ пашамъ: — что̀ такое польская вольность? У нихъ въ томъ вольность состоитъ, чтобъ не знать надъ собою никакого закона». Недовольные Турціею конфедераты перебрались въ Венгрію, а потомъ въ Силезію, подъ защиту Австріи, которая дозволила имъ на своихъ земляхъ содержать генеральное управленіе и тѣмъ дѣлала угрожающую демонстрацію Россіи, но въ самомъ дѣлѣ уже составляла планъ воспользоваться на счетъ падающей Польши. Оттуда конфедераты врывались въ Польшу и Литву, давали движеніе и ободреніе мелкимъ конфедератамъ, которые безпрестанно появлялись тамъ-и-сямъ. Составлялись шайки, избирали предводителей или маршалковъ, нападали на русскихъ; когда одну такую шайку разобьютъ, ея остатки бѣгутъ къ другой и вновь появляются въ полѣ. Разсчитывали всегда напасть на русскихъ въ расплохъ. Иногда дѣйствуя такимъ образомъ имѣли успѣхъ. Казимиръ Пулавскій подъ Брестомъ-Литовскимъ разбилъ русскій отрядъ; но потомъ снова былъ самъ разбитъ на-голову и потерялъ въ бою брата своего Франциска. Отважнѣе, удалѣе, смышленнѣе другихъ предводителей конфедерацій оказывался Шимонъ Коссаковскій. Онъ съ необычайною быстротою леталъ съ одного края въ другой, пробѣгалъ большія пространства въ короткое время, преодолѣвая утомленіе и неудобства дорогъ и непогоды, нападалъ на русскихъ неожиданно, когда никто не воображалъ, чтобъ онъ былъ близко, отнималъ у нихъ запасы. Кромѣ его славились своими партизанскими нападеніями Моравскій, Заремба, Сава. Но при ихъ раздорахъ между собою они не могли имѣть важныхъ успѣховъ. Заремба былъ во враждѣ съ Пулавскимъ, счи-

тая себя выше его чиномъ, не хотѣлъ повиноваться ему и дѣйствовалъ врознь. Конфедераты, разбитые, давали на себя такъназываемые реверсы, то-есть отреченіе отъ конфедераціи, но потомъ не считали безчестнымъ нарушать данное обѣщаніе. Ксендзы имъ это разрѣшали; война для нихъ была святая, потому что шла за нетерпимость. Самъ Пулавскій показалъ на себѣ примѣръ такого нарушенія реверса, продолжая участвовать въ конфедераціи, послѣ того, какъ въ Бердичевѣ обязался не участвовать въ ней. Эти поступки раздражали русскихъ и оттого-то нѣкоторые позволяли себѣ жестокости. Такими были полковникъ Ренъ и упомянутый выше майоръ Древичъ. Послѣдній обрубливалъ руки и ноги такимъ конфедератамъ, которые, нарушивъ данное отреченіе, попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Король и окружавшіе его паны колебались и виляли между Россіею и конфедераціею, выжидая, какая сторона возьметъ верхъ, чтобы къ той пристать въ свое время. Россія, казалось, дѣлалась мягче и уступчивѣе. Вмѣсто энергическаго и рѣзкаго Рѣпнина, прислали въ Варшаву князя Волконскаго—человѣка умнаго, но мягкаго и кроткаго. Онъ давалъ знать панамъ, что, для сохраненія тишины въ Польшѣ, Россія не прочь сдѣлать нѣкоторыя уступки относительно диссидентовъ, но только тогда, когда сами диссиденты обратятся къ ней и заявятъ желаніе отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ. Пытаясь подвинуть Польшу къ войнѣ противъ Турціи, Волконскій обѣщалъ Польшѣ Молдавію и Бессарабію. Такія рѣчи, при чрезвычайно почтительномъ обращеніи, возгордили короля; паны также подняли голову, воображали, что Россія уже ослабла, боится Европы и заискиваетъ расположенія Польши; выводили изъ этого, что вѣрно въ Европѣ есть намѣреніе заступиться за Польшу. Около короля составился совѣтъ: въ немъ были великій канцлеръ Млодзіевскій, бравшій отъ Россіи пенсію, готовый брать ее отъ кого угодно и за что бы то ни было, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не считавшій дурнымъ дѣломъ интриговать противъ тѣхъ, съ кого бралъ деньги, вице-канцлеръ Боркъ, вице-канцлеръ литовскій Пршездзѣцкій, коронный маршалъ Любомирскій, Андрей Замойскій, Ходкѣвичъ, Хребтовичъ. Главными заправщиками были Чарторыскіе, опять получившіе власть надъ племянникомъ, королемъ. Чарторыскіе ненавидѣли Россію, увѣрившись, что Россія не слишкомъ намѣрена помогать ихъ планамъ устроенія Польши и сама болѣе всего заботится о собственныхъ видахъ. Они старались сохранить съ Россіею наружно, доброе согласіе, а тайно дѣйствовали противъ нея. Въ составившемся около короля сенатскомъ совѣтѣ затѣвали отправить въ разныя страны Европы—въ Ан-

глію, Голландію, Францію посольства съ жалобами на Россію, а въ Петербургъ послать литовскаго гетмана Огинскаго съ требованіемъ уничтожить трактатъ 1768 года, то-есть, расширеніе правъ диссидентовъ и россійскую гарантію. Король осмѣливался заявлять объ этомъ желаніи русскому послу. Волконскій, исполняя полученныя свыше предписанія, перемѣнилъ тонъ, сталъ говорить рѣзче и напоминалъ королю, что на престолъ возвела его императрица и онъ можетъ удержаться на немъ только при ея содѣйствіи и благосклонности къ нему, упрекалъ его въ коварствѣ за то, что онъ тайно хочетъ сноситься съ Франціею и мирволитъ конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, король, соображая, что конфедерація, разрастаясь, можетъ взять верхъ, заранѣе какъ будто подготовлялъ себѣ возможность сблизиться съ нею и давалъ регментарю Браницкому тайныя приказанія не дѣйствовать противъ конфедератовъ. Но Браницкій, человѣкъ случая, служилъ болѣе Россіи чѣмъ королю. Волконскій началъ требовать отъ короля, чтобъ онъ удалилъ отъ себя Чарторыскихъ и прочихъ совѣтниковъ: епископъ виленскій Масальскій составлялъ планъ образовать реконфедерацію, и предложилъ этотъ планъ русскому посланнику. Волконскій старался привлечь къ ней Мнишка и другихъ пановъ, непріязненныхъ Станиславу-Августу. Онъ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и былъ отозванъ.

Мѣсто его, временно, занималъ генералъ Веймарнъ, а въ 1771 году присланъ въ Варшаву посланникомъ Сальдернъ, человѣкъ энергическій, но до крайности раздражительный. Планъ реконфедераціи развивался. Виленскій епископъ Масальскій, первый подавшій мысль о ней, былъ хотя человѣкъ хитрый, но облѣнившійся сибаритъ, любившій прежде всего весело проводить обыденную жизнь и до страсти преданный игрѣ въ карты; энергичнѣе его былъ приставшій къ плану примасъ Подосскій, состоявшій у Россіи на пенсіи, изворотливый и пронырливый; сообщниками ихъ стали: калишскій воевода Твардовскій, Подляшскій, Годскій, великій кухмистръ Понинскій,—люди продажные, перемѣнчивые и лукавые, бравшіе отъ Россіи пенсіоны и готовые при случаѣ обмануть ее; къ нимъ присоединились: поморскій воевода Флеммингъ, Рогалинскій и два брата Островскіе—епископы куявскій и познанскій,—этотъ кружокъ пытался было, при помощи Россіи, низвергнуть Станислава-Августа и дать корону саксонскому принцу.

Но такая перемѣна совсѣмъ была не въ видахъ Екатерины; она хотѣла поддержать того короля, кого сама поставила; да еслибы пришлось посадить на престолъ другого, Екатерина никогда ни дозволила бы отдавать короны какому бы то ни было

чужому принцу: это значило отдать Польшу иностранному вліянію, и выпустить ее изъ-подъ своей власти. Намѣренія патріотической уніи, раболѣпствовавшей передъ Россіею, въ сущности, сходились съ духомъ конфедераціи. Конфедераты въ это время заручились покровительствомъ Франціи. Управлявшій дѣлами во Франціи герцогъ Шуазёль прислалъ имъ генерала Дюмурье и съ нимъ хорошихъ инженеровъ и офицеровъ. Находясь въ Бѣльскѣ, въ Силезіи, конфедерація объявила короля Станислава-Августа измѣнникомъ, а тронъ его вакантнымъ и уничтожала постановленія предшествовавшаго сейма. Послѣ этого королю не оставалось ничего болѣе, какъ тѣснѣе примкнуть къ Россіи, и онъ далъ письменное обязательство дѣйствовать во всемъ согласно волѣ императрицы, никого не награждать, не наказывать безъ ея одобренія, не раздавать безъ ея согласія никакихъ должностей и вообще находиться у ней въ зависимости. Заручившись такимъ образомъ покорностью короля, Сальдернъ покончилъ съ патріотическою уніею; онъ обличалъ ее въ двоедушіи, напалъ больше всего на Подосскаго, укорялъ въ передѣлкѣ составленной русскимъ посланникомъ деклараціи, и рѣзкимъ обращеніемъ довелъ до того, что Подосскій уѣхалъ изъ Варшавы въ свои имѣнія; но Сальдернъ приказалъ привести его назадъ за конвоемъ и приставилъ къ нему стражу въ его домѣ. Онъ освободилъ его только тогда, когда императрица это приказала, давши за то выговоръ своему посланнику. Поступокъ этотъ возбудилъ ропотъ, но и навелъ страхъ; всѣ затѣи патріотической уніи рушились и сама она исчезла.

20 іюня 1771 года, Сальдернъ издалъ грозную декларацію, въ которой объявилъ всѣхъ конфедератовъ разбойниками, и объявлялъ, что впередъ русскія войска не будутъ считать ихъ военно-плѣнными, а станутъ взятыхъ въ плѣнъ вѣшать. Самъ Веймарнъ, главнокомандующій русскими войсками въ Польшѣ, устрашился энергіи Сальдерна и попросилъ увольненія. На его мѣсто назначенъ генералъ Бибиковъ. Грозный посланникъ былъ имъ также недоволенъ; онъ находилъ его черезчуръ мягкимъ и притомъ легко поддающимся вліянію женщинъ, а этимъ, надобно сознаться, страдали русскіе начальники и посланники въ Польшѣ: угрюмый Сальдернъ, какъ и впослѣдствіи Суворовъ, былъ безчувственъ къ обаянію прекраснаго пола.

Поправленная Дюмурье конфедерація начала было дѣлать успѣхи и захватила въ свои руки крѣпости, лежавшія около Кракова: Тынецъ, Боброкъ, Ландскорону. Успѣхи ея оживили духъ возстанія повсюду, но противъ нея сталъ лицомъ къ лицу великій Суворовъ, только что начавшій свое блистательное по-

прище полководца. Находясь въ чинѣ генералъ-маіора и квартируя въ Люблинѣ, въ апрѣлѣ 1771 года, онъ вышелъ изъ этого города и подъ Урженловымъ разбилъ конфедератовъ подъ начальствомъ казака Савы. Этотъ Сава, по прозванію Цалинскій, былъ сынъ запорожца, который передался полякамъ и за то былъ убитъ запорожцами. Воспитанный въ уніи, преданный Польшѣ, Сава былъ одинъ изъ замѣчательныхъ предводителей конфедератскихъ отрядовъ. Послѣ пораженія Суворовымъ, русскіе преслѣдовали его по пятамъ, догнали подъ Шренскомъ на прусской границѣ, разбили и взяли въ плѣнъ. Несмотря на ласковый пріемъ русскихъ, на заботы о его здоровьи, на уваженіе, которое побѣдители оказывали къ его храбрости, Сава не принималъ никакой помощи, ни лекарствъ и умеръ.

Поразивши Саву, Суворовъ двинулся по направленію къ Волыни, разбилъ партію Новицкаго, потомъ повернулъ въ противоположную сторону къ Кракову, подъ Ландскороною разбилъ самого Дюмурье, а потомъ повернулъ къ Замостью, разбилъ Казимира Пулавскаго и отнялъ у него всѣ орудія. Дюмурье, негодуя на конфедератовъ за то, что у нихъ не было ни согласія, ни послушанія, оставилъ поляковъ, о которыхъ получилъ самое дурное мнѣніе.

Суворовъ, сдѣлавъ свое дѣло подъ Краковымъ, прибылъ обратно въ Люблинъ. Въ это время возстаніе въ Литвѣ приняло широкіе размѣры. Великій гетманъ литовскій Огинскій до тѣхъ поръ хотя и мирволилъ конфедераціи, но не участвовалъ въ ней открыто. Понадѣявшись на ея успѣхи и не зная, что съ нею уже расправился Суворовъ, онъ объявилъ себя на сторонѣ конфедераціи и сталъ предводительствовать войскомъ противъ русскихъ. Сначала ему повезло. Онъ разбилъ нѣсколько небольшихъ русскихъ отрядовъ. Дошло это до Суворова. Онъ просилъ главнокомандующаго позволить ему идти на Огинскаго. Бывшій тогда главнокомандующимъ Веймарнъ строго запретилъ ему. Суворовъ не послушался своего начальника, написалъ ему: «пушки впередъ, и Суворовъ за ними», и только съ тысячью человѣкъ бросился изъ Люблина. Онъ шелъ такъ быстро, что прошелъ 200 верстъ въ теченіи четырехъ дней, и нагналъ Огинскаго за Слонимомъ въ Столовицахъ, ночью 11-го (22-го) сентября 1771 года. Огинскій, старый сибаритъ, проводилъ ночь съ какой-то француженкою и, при внезапной тревогѣ, едва успѣлъ сѣсть на коня и убѣжать. Его казна, имущество, гетманская булава достались русскимъ. Генералъ Бѣлякъ вздумалъ было остановить Суворова, сражался храбро, но принужденъ былъ уступить. Огинскій со срамомъ убѣжалъ въ Кролевецъ (Кёнигсбергъ). Суворовъ

былъ подвергнутъ суду за непослушаніе, но императрица освободила его: побѣдителя нельзя было судить.

Конфедерація, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству — овладѣть королемъ, котораго объявила лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3-го на 4-е ноября н. с. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ, въ сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдуковъ и нѣсколькихъ человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собою по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи, такъ что онъ находился въ срединѣ, а впереди, сзади и по бокамъ шли толпою заговорщики и громко говорили между собою по-русски. Жители домовъ, услышавшіе выстрѣлы, отворяли окна, и спрашивали: что тамъ такое, а заговорщики по-русски отвѣчали имъ, что они русскіе солдаты, поймали бѣглаго и ведутъ. Потомъ, короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонтѣ, подъ Варшавою, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, бо̀льшая часть заговорщиковъ успѣла отъѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе, и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему, и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля, и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ

Пулавскій, между тѣмъ, изъ Ченстохова приближался къ

Варшавѣ, во-первыхъ для того, чтобы выманить оттуда русское войско и облегчить заговорщикамъ взятіе короля, во-вторыхъ, чтобы принять плѣнника, когда заговорщикамъ удастся добыть его. Первое ему удалось: русскія войска вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ, но короля не пришлось ему увидѣть.

Такой поступокъ сильно возмутилъ противъ конфедератовъ сосѣднія державы. Императрица Марія-Терезія, король прусскій Фридрихъ II, императрица Екатерина прислали къ нему свои дружескія поздравленія. Тогда-то поданъ былъ благовидный предлогъ, какъ бы, въ наказаніе полякамъ, обрѣзать ихъ государство.

Самъ король Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ всецѣло, хотя все-таки не искренно, отдался Россіи. Онъ увидалъ, что не только его корона, но и безопасность жизни зависитъ отъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это происшествіе охладило его къ католичеству. Обстоятельства его похищенія тому содѣйствовали. Провожавшіе его гайдуки были протестанты. Хозяинъ-нѣмецъ, къ которому привезли его въ Маримонтѣ, былъ также протестантъ. Напротивъ, ксендзы участвовали въ заговорѣ и благословляли покушеніе. Оно казалось плодомъ того же фанатизма, который нѣкогда руководилъ кинжаломъ Равальяка. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ, Станиславъ-Августъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему: «Вотъ слѣдствія благословенія, которое вы дали Пулавскому.»

Весною слѣдующаго 1772 года, Суворовъ доканалъ конфедерацію. Преемникъ Дюмурье, прибывшій изъ Франціи съ французами, Віомениль успѣлъ овладѣть Краковомъ очень хитро и искусно: французы пробрались черезъ подземную трубу, устроенную для стока нечистотъ. Неосторожный русскій комендантъ Штакельбергъ, позволившій водить себя за носъ какой-то полькѣ, былъ захваченъ въ расплохъ. Но недолго утвердились тамъ французы. Явился Суворовъ и обложилъ Краковъ. Коссаковскій прибѣжалъ было на выручку, но Суворовъ разбилъ его «черныхъ витязей» въ пухъ. Лишенный продовольствія, Краковъ сдался. Французы со своимъ предводителемъ взяты военноплѣнными. Этимъ окончилась конфедерація.

Вслѣдъ за тѣмъ наступилъ такъ-называемый *первый раздѣлъ Польши*, т. е. отторженіе нѣсколькихъ воеводствъ, прилегавшихъ къ Пруссіи, Австріи и Россіи. Мысль обрѣзать Польшу была подана прусскимъ королемъ. Россіи эта мысль совсѣмъ была некстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что, при такомъ ходѣ обстоятельствъ, вся Польша соединится съ Россіею въ одно поли-

тическое тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король, и для пользы своего государства рѣшился, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Еще въ 1770 году, Фридрихъ II пригласилъ на свиданіе въ Нейштадтъ австрійскаго императора. Совѣщаніе происходило 3-го сентября. На этомъ засѣданіи былъ и австрійскій министръ Кауницъ. Монархи порѣшили, что ихъ собственная безопасность и равновѣсіе Европы требуютъ принять мѣры, чтобы остановить чрезмѣрное расширеніе и усиленіе Россіи, которая уже наложила желѣзную руку на Польшу, и замышляетъ въ тоже время разрушить Турцію. Положили не допускать Россіи одной овладѣть слабою сосѣдкою, а если Польша оказывается неспособною быть самостоятельнымъ государствомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, обогатитъ и усилитъ собою не одно государство. Вслѣдъ затѣмъ, прусскій король занялъ прилегавшее къ Пруссіи Вармійское епископство, а Австрія Спискую землю, которая въ 1412 году подарена была Польшѣ Людовикомъ Венгерскимъ. Теперь Австрія требовала ее назадъ къ Венгріи съ прибавкою. Кордонъ, который отмѣрила себѣ Австрія, включалъ до 500 селъ и, кромѣ того, богатыя соляныя копи Бохни и Велички.

Надобно было склонить Россію. Пруссія и Австрія воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія вела войну съ Турціею; отъ нея требовали мира и отреченія отъ Молдавіи и Валахіи, завоеванныхъ русскимъ оружіемъ, а въ вознагражденіе военныхъ издержекъ предлагали ей взять на свою долю часть Польши. Съ 1769 по осень 1772, русскій кабинетъ отдѣлывался отъ настойчивыхъ проектовъ Пруссіи, которые были сообщаемы съ разными видоизмѣненіями черезъ королевскаго брата, принца Генриха, нарочно пріѣзжавшаго въ Петербургъ, и чрезъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Сольмса. Въ сентябрѣ 1771 года, прусскій король сообщалъ Россіи, что Австрія рѣшительно пристанетъ къ союзу съ Турціей, что за Турцію Франція, и поэтому, если Россія станетъ продолжать войну съ Турціею, то встрѣтится съ двумя стами тысячъ европейскихъ союзниковъ Турціи; Россія не будетъ въ состояніи сладить съ такою коалиціею и потеряетъ свои пріобрѣтенія въ Турціи, а потому ей благоразумнѣе будетъ, по крайней мѣрѣ, заранѣе вознаградить себя насчетъ Польши, тѣмъ болѣе, что самая война съ Турціею возникла по поводу Польши. Такъ представлялъ дѣло прусскій король, прикидываясь другомъ и союзникомъ Россіи.

Въ тоже время Австрія, не разрывая наружно дружественныхъ отношеній къ Россіи, дѣйствительно заключила тайный договоръ съ Турціею, по которому получала отъ Турціи значительную сумму (22 милліона гульденовъ), часть Валахіи и выгодныя

торговыя условія, а за то обѣщала содѣйствовать возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею у Турціи. Такимъ образомъ, Россія очутилась въ такомъ положеніи, что ей по неволѣ приходилось согласиться на предлагаемый обрѣзъ Польши, иначе она могла опасаться воевать съ нѣсколькими врагами разомъ, или должна была заключить съ Турціею крайне невыгодный миръ. Австріи, однако, въ тоже время хотѣлось, въ глазахъ поляковъ и цѣлаго свѣта, свалить съ себя всю нравственную тягость этого дѣла на Пруссію и Россію и показать видъ, будто она приступила къ нему нé-хотя, и какъ будто по необходимости. Императрица Марія-Терезія вздыхала надъ судьбою Польши, вопіяла противъ беззаконія, съ какимъ поступаютъ съ бѣдной страною и, какъ будто послѣ долгаго упорства, исполнила желаніе сына Іосифа и министра Кауница и дала свое согласіе. За это соболѣзнованіе къ Польшѣ, Австрія наградила себя лучшими и плодороднѣйшими землями польскими. Прусскій король выдумывалъ причины для оправданія своего поступка: онъ объяснялъ полякамъ, будто польскіе короли овладѣли землями, принадлежавшими поморскимъ князьямъ, а онъ за собою считалъ право наслѣдства послѣ давно угасшихъ поморскихъ князей. Ему хотѣлось включить въ отбираемыя владѣнія важнѣйшіе торговые города: Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ); но русскій министръ Панинъ, въ переговорахъ объ этомъ съ Сольмсомъ, упорно настоялъ оставить за Польшею эти города, представляя, что отдача ихъ прусскому королю стѣснитъ и убьетъ польскую торговлю и приведетъ Польшу къ крайнему упадку и разоренію. Россія должна была удовольствоваться пріобрѣтеніемъ того, что замѣняло ей потерю Молдавіи. Страннымъ должно показаться, что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ, въ теченіи вѣковъ, не хотѣло мириться съ поляками. Россія заняла Бѣлоруссію, пространство заключавшее 2200 кв. миль и до полутора милліона жителей: то была самая худшая часть всего польскаго государства, какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству; Пруссія взяла 700 кв. миль съ 900,000 жителей—восточную Пруссію. Австрія взяла 1,600 кв. миль и 2,500,000 жителей — Галицію. Австріи достался самый лакомый кусокъ.

Всему этому нужно было придать видъ добровольнаго согласія со стороны Польши. Слѣдовало собрать сеймъ; этотъ сеймъ долженъ назначить, изъ среды себя, уполномоченную делегацію, а послѣдняя вступитъ въ переговоры съ представителями трехъ

державъ и подпишетъ уступку польскихъ земель. Это не трудно было устроить, такъ какъ между польскими панами большинство было такихъ, что готовы были продать свое отечество за выгоды, за пенсіоны и даже просто изъ трусости. Въ этомъ случаѣ, самымъ щекотливымъ дѣломъ было принять на себя должность маршалка, или руководителя такого сейма. Жребій этотъ принялъ на себя князь Адамъ Понинскій: ему дали по 3,000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Онъ долженъ былъ убѣждать и настраивать пословъ къ уступкѣ земель; у него былъ одинъ аргументъ: невозможно противиться силѣ и потому остается только ей повиноваться. Званіе это онъ принялъ по желанію тогдашняго русскаго посланника Штакельберга, замѣнившаго Сальдерна, и черезъ то навлекъ на себя всеобщее омерзѣніе, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и поплатился за это. Литовскимъ маршаломъ на сеймѣ былъ Михаилъ Радзивиллъ.

Большая часть пословъ была подкуплена; жалованье имъ было разное: за то, чтобъ молчать, платили отъ 200 до 300 червонцевъ въ мѣсяцъ, а тѣмъ, которые должны были отличаться краснорѣчіемъ, поболѣе. Многіе послы, взявши деньги, уклонились вовсе отъ присутствія на этомъ сеймѣ, такъ что подаваемыхъ голосовъ было только 33 сенаторскихъ и 96 посольскихъ, тогда какъ всѣхъ по комплекту было болѣе трехсотъ.

Такъ какъ обычный сеймъ отправлялся съ единогласіемъ и не было естественной возможности провести проектъ объ уступкѣ земель безъ того, чтобы кто-нибудь не закричалъ veto, то рѣшили конфедеровать сеймъ и отправлять дѣла большинствомъ голосовъ. Два посла Рейтанъ и Корсакъ стали было кричать противъ конфедераціи, но ихъ исключили изъ числа пословъ и отдали подъ судъ.

Король долженъ былъ добровольно признать конфедерацію, послѣ того, какъ Штакельбергъ объявилъ ему, что если онъ не признаетъ ее, то 50,000 русскаго войска войдетъ въ Польшу. Было рѣшено, что этотъ сеймъ не долженъ прекратиться и по прошествіи опредѣленнаго срока, но можетъ оставаться въ видѣ конфедераціи до тѣхъ поръ, пока не покончитъ внутренняго устройства Польши. На делегацію, которой предоставлялось право уступки земель, возлагалось и устроеніе правительства, порядка и благоустройства Польши, съ тѣмъ, что все составленное ею будетъ отдано на утвержденіе полнаго сейма. Такое полномочіе очень безпокоило короля и людей его партіи. Они чувствовали, что делегація потребуетъ такихъ формъ и учрежденій, которыя, сколько возможно, стѣснятъ королевскую власть и предадутъ судьбу Рѣчи-Посполитой въ руки чужимъ властямъ.

Король и преданные ему паны стали было противиться, но русскій посланникъ сталъ стращать ихъ введеніемъ войска, не только въ Польшу, но въ самую столицу. Когда на эти угрозы, со стороны поляковъ, послѣдовали отговорки и уловки, Штакельбергъ далъ приказаніе войску входить въ Варшаву и занимать всѣ дворы, не исключая и дворовъ королевскихъ родственниковъ. Этимъ онъ припугнулъ сенаторовъ и пословъ; они знали, что если допустить солдатамъ хоть на день размѣститься въ городскихъ домахъ, то оттого произойдутъ громадные убытки; солдатчина все перебьетъ, перепортитъ и жителямъ надѣлаетъ оскорбленій и насилій, тѣмъ болѣе, что, введя войско въ столицу съ цѣлью принудить сеймъ къ уступкамъ, русскій посланникъ, ужъ конечно, не сталъ бы принимать мѣръ къ спокойствію горожанъ; напротивъ, чѣмъ нахальнѣе и оскорбительнѣе поступали бы солдаты въ Варшавѣ, тѣмъ это было полезнѣе для видовъ трехъ державъ. Итакъ, не смотря на всѣ усилія короля, сеймъ 17-го мая 1773 года назначилъ делегацію, и Штакельбергъ приказалъ войску тотчасъ отступить отъ города.

Выбравши делегацію, сеймъ временно закрылся до 15-го сентября.

Делегаціи нечего было долго разсуждать объ уступкѣ земель; нужно было только согласиться на то, что̀ велятъ. Поэтому, трактатъ о раздѣлѣ безъ затрудненій былъ составленъ и поданъ на утвержденіе сейму въ септябрѣ. Но затѣмъ оставалось еще устройство правленія и порядка, и по этому вопросу, сеймъ не закрывался цѣлыхъ два съ половиною года. Делегація нарочно медлила: главные заправщики извлекали себѣ личныя выгоды изъ того, чтобы это дѣло какъ можно долѣе тянулось. По польскимъ обычаямъ, когда въ краѣ объявлялась конфедерація, тогда временно закрывались всѣ обычные суды, и судопроизводство поручалось коммиссіямъ, зависящимъ отъ конфедераціи. Понинскому, великому канцлеру Млодзѣевскому, и ихъ товарищамъ это было подъ-руку. Они назначали въ судьи кого хотѣли и выигрывали въ судахъ, что̀ угодно. Кромѣ того, въ то время, папа Климентъ XIV уничтожилъ іезуитскій орденъ. Богатыя и многочисленныя имѣнія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ обращались на фондъ, предназначенный для воспитанія юношества. Но способъ пріобрѣтенія доходовъ съ этого фонда лежалъ на делегаціи, которой сеймъ передалъ свою власть. Положили сдѣлать всѣмъ поіезуитскимъ имѣніямъ люстрацію, т. е. описать ихъ состояніе и доходы, и на этомъ основаніи отдать за плату въ наслѣдственное пользованіе желающимъ. Король хотѣлъ, напротивъ, чтобы ихъ отдавали въ наслѣдственное пользованіе безъ

люстраціи, просто съ торговъ, потому что это избавило бы отъ лишнихъ расходовъ и принесло бы гораздо болѣе дохода. Но король въ этомъ случаѣ ничего не могъ подѣлать съ делегатами, увидѣвшими для себя возможность обогатиться; король уступилъ, но съ тѣмъ, чтобы раздача имѣній происходила не черезъ коммиссію, а черезъ посредство королевскихъ привилегій. Делегація постаралась найти для люстраціи преданныхъ себѣ особъ, которыя оцѣнили доходы съ этихъ имѣній сколько возможно дешевле (по свидѣтельству саксонскаго министра, въ 300,000 злотыхъ, тогда какъ при іезуитахъ они давали до полутора милліона), и по этому можно было получить ихъ чрезвычайно выгодно за малую плату въ казну. Понятно, что делегаты старались, чтобы эти имѣнія, такимъ образомъ, доставались имъ, или тѣмъ, которымъ они покровительствовали. Кромѣ того, Понинскій и Млодзѣевскій съ братіею постарались тогда захватить въ свои руки на значительныя суммы серебра, золота и вообще движимаго имущества іезуитовъ. Наконецъ, для большаго обогащенія себя, они назначили себѣ пенсіоны. Постановлено также всѣ староства, послѣ кончины тогдашнихъ владѣльцевъ, отдать на 50 лѣтъ въ пользованіе на основаніи эмфитеутическаго права: такъ называлось право получать казенное имущество на извѣстный срокъ, для приведенія въ устройство. Делегаты постарались захватить въ свои руки нѣсколько староствъ. Короля сперва возмущало это безправіе, но его успокоили. Ему дали четыре староства и тѣмъ увеличили его доходы, да сверхъ того, дали пять староствъ для раздачи тѣмъ, кому онъ пожелаетъ: изъ нихъ два, Бѣлоцерковское и Богуславское, онъ отдалъ Ксаверію Бранецкому, перемѣнившему свою фамилію въ Браницкаго. Этотъ человѣкъ нѣкогда оказалъ Станиславу-Августу большую услугу въ Петербургѣ. Во время барской конфедераціи онъ находился при русскихъ войскахъ, дѣйствовалъ противъ конфедератовъ и заслужилъ благосклонность Екатерины. Но больше всего возвысило его то, что онъ женился на племянницѣ Потемкина, дѣвицѣ Энгельгардтъ, и черезъ то постоянно пользовался сильнымъ покровительствомъ Потемкина: онъ получилъ санъ великаго коронного гетмана. Другія староства король отдалъ своимъ племянникамъ. Во вниманіе къ тому, что король потерялъ столовыя имѣнія въ земляхъ, отошедшихъ по раздѣлу къ сосѣдямъ, королю назначено четыре милліона злотыхъ въ годъ, кромѣ доходовъ отъ оставшихся за нимъ столовыхъ имѣній, приносившихъ въ годъ до трехъ милліоновъ, и не считая вновь данныхъ четырехъ староствъ. Этимъ-то успокоили короля. Онъ надѣялся, что послѣ всѣхъ уступокъ ему останутся незагражденными пути

ко введенію полезныхъ учрежденій и къ осуществленію его любимѣйшей мысли—утвердить и расширить воспитаніе народа.

Делегація, сообразно желанію посланниковъ, особенно русскаго, Штакельберга, начертала образъ правленія для Польши. Рѣчь-Посполитая оставалась по прежнему съ избирательнымъ правленіемъ, съ liberum veto, съ сенатомъ и сеймомъ. Постановлено, чтобъ только природный полякъ изъ рода Пястовъ, имѣющій шляхетское достоинство и владѣющій въ Польшѣ недвижимыми имѣніями, могъ быть избранъ въ короли; дѣти и внуки бывшаго короля не могли быть тотчасъ послѣ него выбираемыми. Это правило включено въ число коренныхъ или, такъ-называемыхъ, кардинальныхъ законовъ: они состояли изъ прежнихъ съ прибавкою новыхъ, каковы напримѣръ, признаніе свободы и правъ православныхъ и диссидентовъ. Шляхтичъ, убившій или ранившій хлопа долженъ былъ быть судимъ въ судѣ, какъ и за шляхетнаго человѣка, и за убійство подвергаться смертной казни, а помѣщикъ лишался права судить и наказывать своихъ крестьянъ, но долженъ былъ отдавать ихъ суду. Около короля установленъ совѣтъ, называемый постояннымъ (conseil permanent, nieustająca rada). Онъ состоялъ изъ тридцати шести членовъ: изъ нихъ восемнадцать выбирались изъ сенаторовъ, но въ число ихъ входили министры, безъ выбора, по своимъ должностямъ принадлежавшіе къ этому совѣту, а восемнадцать изъ шляхетства. Выборы производились въ сеймѣ секретными голосами. Этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ значеніе верховнаго правительства. Король предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не могъ поступать противъ воли большинства голосовъ. Король не могъ самовольно назначать епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и коммиссаровъ въ правительственныхъ коммиссіяхъ, но за нимъ оставалось право назначать въ другія должности по прежнему. Постоянный совѣтъ наблюдалъ за всѣмъ механизмомъ внутренняго управленія, правосудіемъ, военною силой и велъ сношенія съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого онъ раздѣлялся на пять департаментовъ: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) правосудія, 4) скарбовый (казначейство), 5) войсковый. Подъ вѣдомствомъ этихъ департаментовъ были коммиссіи, завѣдывавшія, ближайшимъ образомъ, соотвѣтствующими ближайшими вѣтвями управленія; войсковая, скарбовая, маршалковская (полицейская), ассесорская (надъ городами). Но однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій этого времени была эдукаціонная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго: она должна была завѣдывать ходомъ просвѣщенія и всѣми учебными заведеніями въ Рѣчи-Посполитой. Только съ этихъ поръ воспитаніе, находив-

шееся въ рукахъ монаховъ и духовенства, зависящаго отъ папы, получило правильный ходъ и надзоръ со стороны правительства и могло сдѣлаться національнымъ. Число войска положено увеличить до тридцати тысячъ. Установлены правила о военной дисциплинѣ, обращено вниманіе на то, чтобы солдатъ не допускать до своевольства надъ жителями. Положено увеличить государственные доходы до тридцати милліоновъ злотыхъ и съ этой цѣлью установлена генеральная классификація подымнаго, собираемаго въ городахъ, сообразно значенію городовъ и по качеству облагаемыхъ податью домовъ, а также чоповаго и шеленжнаго съ производства горячихъ напитковъ. Установлена подать съ гербовой бумаги. Установлены покровительственныя правила для производства отечественныхъ мануфактуръ и съ этою цѣлью уволены отъ пошлинъ матеріалы, привозимые изъ-за границы для фабрикъ; поручено королю выдавать привилегіи и льготы обывателямъ и компаніямъ, учреждающимъ фабрики, а скарбовой коммиссіи вмѣнено въ обязанность поощрять составленіе компаній для отысканія металловъ и другихъ земляныхъ богатствъ. Были покушенія вообще облегчить судьбу простого народа. Одинъ изъ пословъ, Орачевскій, говорилъ за простой народъ такую рѣчь: «Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей отечества, которые доставляютъ вамъ обиліе и благополучіе; допустите въ ожесточенныя сердца ваши мысль, что вашъ убогій работникъ не получаетъ никакой награды за свой трудъ, кромѣ новаго труда для себя; ему суждено трудиться для пользы рода человѣческаго и не думать о своемъ собственномъ улучшеніи; онъ работникъ на васъ съ дѣтства, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, пока у него силъ стаетъ, и за все это въ дряхлости онъ часто долженъ питаться отъ милосердія другихъ, и нерѣдко, не находя состраданія, мерзнетъ и голодаетъ, и все-таки жалуется не на васъ, а на горькую судьбу свою». Но эта рѣчь осталась только памятникомъ краснорѣчія и благородства оратора. Для простого народа не сдѣлано ничего болѣе, кромѣ того, что еще прежде вынуждено было Россіею. Обыватели раздражались при одной мысли о стѣсненіи своихъ правъ надъ хлопами. Возстановлены были трибуналы и суды, закрытые во время конфедераціи; установленъ сеймовый судъ изъ членовъ сената, не находящихся въ постоянномъ совѣтѣ и пятидесяти четырехъ членовъ изъ шляхетства—высшая инстанція. Изданы нѣкоторыя полезныя узаконенія по гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, о заведеніи книгъ для долговъ въ градскихъ судахъ, объ отчетахъ опекуновъ надъ имѣніями малолѣтныхъ; установлены болѣе строгія правила относительно

взысканія долговъ, введено вексельное право и производство по векселямъ и т. д. Ни одинъ сеймъ не оставилъ послѣ себя такихъ важныхъ перемѣнъ и учрежденій; никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти. Наконецъ, принята гарантія трехъ державъ. Утвержденный на сеймѣ порядокъ со всѣми учрежденіями охранять приняла на себя одна Россія; другія двѣ державы только гарантировали цѣлость государства. Такимъ образомъ, Россія приняла на себя обязанность надзора и наблюденія за внутреннимъ составомъ и теченіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Сеймъ окончилъ свои работы и закрылся въ мартѣ 1775 года.

V.

Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи. — Ходъ воспитанія. — Неудачный проектъ Андрея Замойскаго. — Оппозиція противъ короля.

Съ этихъ поръ русскій посланникъ, которымъ до 1791 года былъ Штакельбергъ, являлся въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Независимость Польши исчезла. Рѣчь-Посполитая фактически уже принадлежала Россіи и время должно было сдѣлать эту принадлежность опредѣленнѣе и тѣснѣе. Одинъ изъ современниковъ [1]) такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи-Посполитой: «Россійскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли постоянный совѣтъ. Рѣчь-Посполитая сдѣлалась для русскихъ войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особенное право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобъ королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ протекціи отъ Россіи. Россійскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, становить въ необходимость искать у него покровительства», и пр. Изъ министерскихъ бумагъ не видно, чтобы такой планъ умышленно веденъ былъ Россіею, да и не было необходимости. Факты происходили сами собою. Россіи не нужно было заводить и интригъ; оставалось только пользоваться тѣмъ, что̀ поляки дѣлали сами, по своей

[1]) Pam. XVIII. W. VII, 85.

давней безурядицѣ. Далѣе тотъ же современникъ говоритъ: «Смѣшно подумать, что ни одно значительное дѣло въ градскихъ и земскихъ судахъ, трибуналахъ, коммиссіяхъ, консисторіяхъ (особенно въ дѣлахъ по разводамъ) не обходилось безъ того, чтобы россійскій посланникъ не давалъ протекціи; не было провинціи, гдѣ бы онъ не указывалъ кандидатовъ въ послы и не поддерживалъ ихъ на сеймикахъ, и гдѣ бы не исключали тѣхъ, которые были ему неугодны. Послѣ каждаго сейма, путемъ аппеляціи шли жалобы въ Петербургъ на россійскаго посланника, что онъ не умѣлъ угодить тому или другому магнату, что слишкомъ мирволитъ королю, что поддерживаетъ не надлежащее дѣло и т. п. Дошло до того, что Петербургъ сдѣлался нашею столицею, а Варшава стала главнымъ городомъ губерніи, принадлежавшей Россіи, гдѣ вѣжливымъ образомъ, но всѣмъ распоряжалась Москва: губернаторъ этой губерніи назывался посланникъ; московское правительство — гарантіею, губернскій совѣтъ — постояннымъ совѣтомъ, а предсѣдатель этого совѣта — королемъ; и въ этомъ совѣтѣ изъ тридцати шести членовъ большинствомъ голосовъ приводилось въ исполненіе то, что̀ приказывалъ посланникъ. Императрица была неограниченная повелительница и принимала на себя всѣ сношенія Польши съ иностранными державами. Никакому государству нельзя было входить съ нами въ переговоры, иначе какъ при посредствѣ Россіи; нельзя было подать ноты иностранному министру, не спросясь у русскаго посланника. Такимъ образомъ, въ Польшѣ настало великое затишье: честные обыватели молчали и запрятались въ домахъ, а все, что̀ было знатнаго и сильнаго, лѣзло въ Петербургъ; тамъ было можно увидѣть и министровъ, и сенаторовъ, и должностныхъ лицъ, и даже дамъ; все это считало нужнымъ побывать при своемъ петербургскомъ дворѣ». Все это было такъ, но за все это нечего было оскорбляться національному самолюбію, когда польское государство, въ прошедшіе вѣка, если не вслѣдствіе своей исторической мудрости, то вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, играло важнѣйшую роль на сѣверѣ Европы, имѣло всѣ данныя, чтобы удержать это значеніе и, только по причинѣ своей деморализаціи, сдѣлалось къ этому неспособнымъ и подпало подъ власть того государства, которое за два вѣка передъ тѣмъ Польша топтала побѣдоносною ногою. Но это былъ въ то же время наилучшій исходъ для Польши. Польша только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно имъ было сознаваться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ

въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается, однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи, неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде. Liberum veto не было употреблено ни разу. «Со стыдомъ приходится сознаться, но сообразно съ историческою правдою, что присутствіе россійскаго посланника, который для политики своего двора не нуждался тогда въ смутахъ, наиболѣе способствовало удержанію въ границахъ общественнаго порядка» [1]).

Причины очевидны. Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смутъ въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло—сильное государство, а иное—благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство, во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенной страною могла только подъ иностранною верховною властію. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ, даже содѣйствовала этому. Собственно, Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія поэтому не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобъ Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другого.

Періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма былъ временемъ составленія полезныхъ проектовъ, изданія хорошихъ законовъ, а всего болѣе благихъ желаній и порывовъ. Со стороны Россіи оказывалось желаніе умиротворить неурядицу, мѣшавшую приведенію въ исполненіе добрыхъ намѣреній. Въ 1776 году, составилась противъ короля партія, главою ея сталъ гетманъ Браницкій. Оба дяди короля, послѣ раздѣла, умерли. Главою партіи Чарторыскихъ сталъ князь Адамъ, человѣкъ тщеславный и недалекій, но умѣвшій ослѣплять глаза панскимъ блескомъ и патріотизмомъ. Съ нимъ за одно былъ молодой племянникъ Браницкаго, Сапѣга и братья Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ. Они

[1]) Wstyd wyznać, co jednak przyznać prawda historyczna nakazuje, że przytomność w stolicy ambassadora Rossyi, który pod ten czas nie potrzebował dla swego dworu polityki zamieszania w Polsce najwięcej przyczyniało do utrzymania w karbach porządku publicznego, etc.

примкнули къ Браницкому. Партія эта надѣялась на Потемкина по родству его съ Браницкимъ и задумывала было устроивать конфедерацію противъ короля; но Штакельбергъ, опиравшійся при своемъ дворѣ на значеніе Панина, прекратилъ всѣ эти затѣи, пославши русское войско разогнать начинавшуюся конфедерацію. Толпа подкупленныхъ Чарторыскимъ и Браницкимъ пословъ явилась на сеймѣ, но король, съ помощью Штакельберга, конфедеровалъ сеймъ, и всѣ послы, приведенные оппозиціею, были исключены. Сеймовымъ маршаломъ выбранъ Мокроновскій, человѣкъ нелюбившій Россіи. На этомъ сеймѣ уничтожена раздавательная коммисія поіезуитскихъ имѣній, прекращены злоупотребленія, которыя она себѣ дозволила, расширена власть короля надъ арміею, и ограниченъ произволъ гетмановъ надъ войскомъ. Андрею Замойскому поручено составить кодексъ законовъ и представить на разсмотрѣніе будущему сейму. Чтобы умиротворить партіи, Штакельбергъ постарался ввести въ постоянный совѣтъ Чарторыскихъ, Игнатія Потоцкаго и другихъ пановъ ихъ партіи.

Главнымъ двигателемъ возрожденія Польши было воспитаніе. Злоупотребленія, допущенныя при раздачѣ поіезуитскихъ имѣній, дѣлали недостаточными средства эдукаціонной коммиссіи. Въ 1780 году, постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія упущенія. Предсѣдатель коммиссіи, Масальскій, заимообразно бралъ изъ кассъ коммиссіи деньги, и проигрывалъ ихъ. Ему за это не сдѣлали ничего, какъ всегда въ Польшѣ злоупотребленія магнатовъ оставались безъ наказанія; назначены только надежные кассиры и доходы коммиссіи, приведенные въ порядокъ, возвысились до 2.311,000 злотыхъ. Коммиссія раздѣлена была на отдѣлы: Великопольскій, Малопольскій, Мазовецкій, Полѣсскій, Литовскій, Украинскій, Волынскій, Жмудскій и Піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гугонъ Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ устарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессорà составляли программы своего преподаванія и подавали деканамъ, указалъ на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ

за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и усилили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый Почобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для наполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный. Академіи были не только высшими училищами, но и начальственными мѣстами надъ школами, которыя были подчинены академическимъ совѣтамъ. Послѣдніе наблюдали надъ системой правильнаго преподаванія и посылали визитаторовъ по школамъ. Вообще въ школахъ введено и усилено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Вмѣсто латинскаго языка предписали преподавать науки на польскомъ и внушать дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школы преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобъ дѣти получали понятіе о землѣ, ея свойствахъ, разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія механики и архитектуры. Наконецъ, положено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ былъ ощутителенъ крайній недостатокъ учебныхъ книгъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принималъ особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хребтовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ.

Реформы коснулись и духовныхъ училищъ; между прочимъ, опредѣлили ввести преподаваніе церковной исторіи.

Но величайшій недостатокъ эдукаціонной коммиссіи состоялъ въ томъ, что она оставила воспитаніе женщинъ въ пренебреженіи; не сдѣлано было никакихъ распоряженій о заведеніи женскихъ школъ и о способѣ въ нихъ ученія. Женщины, по прежнему, должны были получать воспитаніе у визитокъ или сакраментокъ, или въ своихъ семьяхъ отъ иностранныхъ гувернантокъ. Безъ этого, великая цѣль перевоспитанія народа не могла быть достигнута: образованіе половъ шло въ разрѣзъ одно съ другимъ. Это въ особенности чувствовалось въ Польшѣ, гдѣ женщина во всѣхъ видахъ имѣла сильное вліяніе на мужчину, а нерѣдко и власть надъ нимъ.

Блистательнѣе всего въ Польшѣ казалось воспитаніе въ кор-

пусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Изъ этого-то заведенія вышли Костюшко, Нѣмцевичъ и вообще кружокъ людей, отличавшихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность на самоотверженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ вовсе не внушали благоразумной осторожности и сдержанности. Имъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности, подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей; но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельности и нуждается въ нравственномъ пересозданіи, которое могло совершиться только вѣками. Юноши привыкали видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ, и воображали, что стòитъ только пышными фразами пробудить въ своихъ соотечественникахъ временно-усыпленныя благородныя побужденія, и поляки покажутъ свѣту величайшія доблести, тогда какъ то, чтò они считали только усыпленнымъ, на самомъ дѣлѣ было мертво; полякамъ нужно было не пробужденіе, а воскрешеніе: нужно было иныхъ поколѣній, иного времени. Такимъ образомъ, воспитаніе въ этой такъ-называемой рыцарской школѣ страдало кореннымъ недостаткомъ польскаго характера: воспитанниковъ пріучали смотрѣть на дѣло отечества сердцемъ, а не умомъ. Хорошихъ послѣдствій отъ такого рода воспитанія не могло быть. Перевоспитаніе польской націи въ томъ и должно было состоять, чтобы пріучить новое поколѣніе смотрѣть на вещи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, подчинять горячность сердечныхъ побужденій холоду разсудка. А такъ какъ этого не было, то получившіе воспитаніе въ рыцарской школѣ бросались на смѣлыя предпріятія, съ увѣренностью, что вся Польша раздѣляетъ ихъ увлеченія и готова всѣмъ жертвовать для великихъ дѣлъ; этого на самомъ дѣлѣ не оказывалось. Они думали спасти Польшу революціями, а революціи могли приводить ее къ окончательной гибели, чтò и сталось; ей нужны были не агитаторы, а учители, не борцы съ внѣшними завоевателями, а скромные, трудолюбивые дѣятели, устроители внутренняго порядка, проповѣдники правды собственными поступками въ гражданской обыденной жизни, предпріим-

чивые промышленники, заботливые сельскіе хозяева, разумно-честные собиратели капиталовъ; ей нужно было сознаніе первыхъ правъ человѣка, свобода крестьянина, его прочное благосостояніе и просвѣщеніе, — а прежде всего и паче всего полякамъ нужно было поменьше пить и плясать, а побольше работать. Ко всему этому могло привести одно только благоразумное воспитаніе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, безъ всякихъ политическихъ увлеченій.

Но вообще воспитаніе, такъ красиво начертанное въ уставѣ эдукаціонной коммиссіи, не такъ-то легко осуществлялось на дѣлѣ Преподаватели въ училищахъ не легко отставали отъ прежней рутины. Пока могли воспитаться и подготовиться молодые наставники, ихъ мѣсто занимали старые, болѣе всего ксендзы и эксъ-іезуиты. Введеніе польскаго языка казалось польскому обществу униженіемъ науки. Отцы скорбѣли о томъ, что дѣти теперь будутъ хуже знать латынь, и слѣдовательно, хуже будутъ обучены: закоренѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ латынь казалась альфою и омегою человѣческой мудрости. Сама коммиссія должна была дѣлать уступки и допустить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по-латыни. Введеніе естественныхъ наукъ казалось польской публикѣ чѣмъ-то страннымъ. Надъ нимъ отпускали глупыя и невѣжественныя насмѣшки. «Вотъ — говорили — учатъ нашихъ дѣтей, что коня ведутъ за поводъ спереди, а не за хвостъ сзади; да это всякій пастухъ знаетъ»! Не смотря на строгія приказанія коммиссіи, отнюдь не употреблять варварскихъ наказаній, розги и нагайки медленно выводились изъ школъ. Дѣдовскія привычки вездѣ брали верхъ. Монахи и ксендзы настраивали общество противъ новаго воспитанія, жаловались на упадокъ благочестія; большинство вздыхало объ іезуитахъ, желало и требовало ихъ возвращенія, находило, что, съ прекращеніемъ господства монашескаго воспитанія въ Польшѣ, наступило невѣжество и нечестіе. Многіе обыватели не хотѣли отдавать дѣтей въ школы, боясь, что они тамъ потеряютъ благочестіе, и воспитывали ихъ дома, или у монаховъ. Понятно, что такая важная реформа, какую предначертала эдукаціонная коммиссія, не могла совершиться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, поляки, учившіеся въ школахъ, устроенныхъ на новый ладъ, все-таки выходили съ бо̀льшимъ запасомъ полезныхъ знаній и съ лучшими нравственными задатками, чѣмъ ихъ отцы и дѣды. Въ нѣкоторыхъ школахъ и дѣтей били меньше; отъ этого молодымъ паничамъ, по возвращеніи домой, не казалось совершенно хорошимъ дѣломъ безчеловѣчное битье хло-

повъ, и несчастные рабы начинали уже находить себѣ въ этихъ паничахъ ходатаевъ и защитниковъ передъ грубыми отцами.

Обращено вниманіе на искусства. Основана въ Варшавѣ школа живописи, и Польша скоро имѣла замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена также школа музыки. Молодые люди посылались за границу для усовершенствованія въ изящныхъ искусствахъ. Основанъ публичный театръ въ Варшавѣ, и поляки показали, что природа одарила ихъ способностями къ этому роду искусства. Варшавская сцена заблистала истинными талантами, каковы были: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжавскій, Трускуловская и пр. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще отечественная поэзія всѣхъ родовъ украсилась произведеніями Игнатія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика, автора, между прочимъ, нравоописательнаго романа «Панъ Подстоличъ», — неглубокаго, но даровитаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимановскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличались: Нарушевичъ — авторъ «Исторіи польскаго народа», Альбертранди, Китовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Ѳедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, только-что начавшій свое учено-литературное поприще. По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалинскаго; астрономовъ Почобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхами отечественной литературы былъ не великъ; большинство польской публики оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали: въ любомъ гостепріимномъ и открытомъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Канцлеръ Андрей Замойскій, которому сеймъ поручилъ составить кодексъ законовъ, внесъ въ него проектъ въ пользу крестьянъ. Онъ не рѣшался тотчасъ освободить ихъ отъ власти пановъ, а хотѣлъ доставить имъ свободу постепенно, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и для этого, во-первыхъ, обязывалъ владѣльцевъ заводить въ своихъ селахъ для крестьянъ школы, а во-вторыхъ, непремѣнно дозволять изъ каждой крестьянской семьи увольнять

мальчиковъ въ ученіе, за исключеніемъ двухъ, которые должны оставаться при землѣ. Проектъ Замойскаго оканчивался такими словами: «Хлопство наше живетъ въ грубой простотѣ, не имѣетъ никакихъ понятій объ обязанностяхъ къ Богу, къ себѣ самому и ближнему: они всѣ плохіе христіане и нерачительные хозяева; религія и общественное благо требуютъ не оставлять народъ въ такомъ невѣжествѣ». Сверхъ того, объявлялись лично свободными тѣ крестьяне, о которыхъ законно могло быть извѣстно, что они нѣкогда поселились на владѣльческихъ земляхъ на условіяхъ: они могли уходить отъ помѣщика, исполнивши эти условія. Какъ ни малы были льготы, предоставленныя крестьянамъ этимъ проектомъ, но шляхетство увидало въ немъ посягательство на свои права и тайное намѣреніе лишить его власти надъ крестьянами, если не тотчасъ, то въ будущее время. Сначала проектъ, представленный на сеймѣ 1778 года, былъ отложенъ до будущаго сейма въ 1780 году. Замойскій на этотъ послѣдній сеймъ представилъ свой проектъ снова, и негодованіе противъ него доходило до того, что составителя открыто называли измѣнникомъ отечества. Кодексъ, составленный Замойскимъ, былъ отвергнутъ цѣликомъ, ради того, чтобъ удалить вопросъ о крестьянствѣ. Для соблюденія приличія, Замойскаго, однако, поблагодарили за трудъ, но нашли его неудобнымъ къ принятію. Семидесятилѣтній канцлеръ удалился отъ дѣлъ въ свои имѣнія. Занимавшійся при немъ, въ качествѣ секратаря, Выбицкій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ самъ послѣ того пріѣхалъ въ Великую Польшу, то его жизнь была въ опасности. «Они—кричала шляхта—хотѣли у насъ отнять хлоповъ, обратить шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту». Достойно замѣчанія, что подобныя остроты отпускали поляки при Владиславѣ IV, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, обвиняя своего короля въ намѣреніи присвоить самодержавную власть, опираясь на хлоповъ.

Вліянію русскаго посланника никакъ нельзя приписать неудачъ на этомъ сеймѣ. Штакельбергъ именно въ то время вовсе не мѣшался въ дѣла, и Россія какъ будто предоставила полякамъ полную свободу. Даже русскія войска были выведены изъ Польши. Штакельбергъ получалъ инструкціи, которыя заставляли его оставаться непричастнымъ: происходило-ли это, какъ думаютъ, иностранцы, оттого, что при петербургскомъ дворѣ ослабѣло вліяніе Панина и взялъ верхъ Потемкинъ, или же оттого, что сама Екатерина сочла нужнымъ, въ видахъ своей политики, не налегать слишкомъ на Польшу и предоставить полякамъ самимъ устраиваться — пусть рѣшаютъ другіе, а для насъ несомнѣнно то обстоятельство, что въ это время полякамъ никто не мѣ-

шалъ, и они показали свою несостоятельность въ дѣлѣ реформы. На этомъ же сеймѣ, когда конченъ былъ отчетъ объ устройствѣ арсенала и литейнаго завода, то по скупости, съ какою поляки открывали свои карманы для общихъ нуждъ, король изъ собственныхъ суммъ выдалъ 701,491 злотыхъ. «Этотъ сеймъ—говоритъ саксонскій министръ Эссенъ—доказалъ, что громада поляковъ питаетъ отъявленное отвращеніе ко всему, что только отзывается улучшеніемъ и правосудіемъ».

Жалуясь на политическую тираннію Россіи надъ собою, поляки хотѣли быть у себя дѣйствительными тиранами. Тѣмъ не менѣе духъ времени невольно бралъ свое. Нѣкоторые паны, проникнутые свободомысліемъ вѣка, дѣлали въ своихъ имѣніяхъ облегченія для своихъ крестьянъ, и учреждали новые порядки. Андрей Замойскій, племянникъ короля Станиславъ Понятовскій, Чарторыскіе увольняли своихъ крестьянъ отъ панщины и замѣняли эту повинность денежнымъ оброкомъ. Это былъ уже прогрессъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Оригинальнѣе поступилъ Іоакимъ Хребтовичъ: онъ приказалъ всѣ свои пахатные грунты порѣзать на четвероугольники, вмѣщавшіе каждый по волокѣ, и подѣлилъ ихъ по достоинству на три рода. Каждый четвероугольникъ составлялъ отдѣльный участокъ; всѣ ихъ отдалъ онъ крестьянамъ, предоставивъ на выборъ платить за нихъ работою, или натуральными произведеніями. На этихъ участкахъ приказано крестьянамъ поселиться, такъ что все имѣніе Хребтовича представляло видъ шахматницы. Нельзя не замѣтить здѣсь того духа реформъ XVIII вѣка, которымъ проникались тогда многіе, думавшіе, что можно устроивать счастіе людей теоріями и распоряженіями, не спрашиваясь съ теоріями и пріемами текущей жизни. Прелатъ Бржостовскій сдѣлалъ въ своемъ имѣніи подобіе Рѣчи-Посполитой; онъ даровалъ подданнымъ привилегіи, подобно тому, какъ давали короли городамъ, устроилъ суды съ присяжными и, вдобавокъ, ввелъ военныя упражненія, а самъ величался, какъ бы въ санѣ короля, надъ созданной имъ республикой. Безъ всякихъ подобныхъ затѣй и выходокъ, отличался гуманностью обращенія съ крестьянами и заботливостью о ихъ благѣ панъ, который впослѣдствіи навлекъ на себя, болѣе чѣмъ кто-нибудь, проклятія прогрессивной польской партіи—то былъ Щенсный Потоцкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ въ Украинѣ. Онъ былъ постоянный приверженецъ старо-шляхетской вольности и безправія. Съ одной стороны, онъ не обладалъ выходящимъ изъ обычнаго уровня умомъ и не получилъ хорошаго образованія, которое могло бы освѣжить въ немъ прадѣдовскую затхлость, съ другой, былъ слишкомъ пански себя-

любивъ, честолюбивъ и избалованъ, чтобъ пожертвовать завѣтными предразсудками; за то отъ природы былъ очень добраго сердца и поэтическаго воображенія. Въ молодости онъ самъ перенесъ страшный ударъ отъ панскаго самодурнаго деспотизма своихъ родителей. Сынъ высокомѣрнаго магната, кіевскаго воеводы Салерія Потоцкаго, онъ страстно полюбилъ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь сосѣда обывателя, хотя не послѣдняго по происхожденію, но въ глазахъ Потоцкаго никакъ недостойнаго чести породниться съ знатными родами. Молодой Щенсный женился тайно, и до поры до времени оставлялъ жену въ домѣ ея родителей. Вдругъ узнали объ этомъ отецъ и мать и послали довѣренныхъ схватить ее: у стараго воеводы была мысль засадить ее въ монастырь, и при помощи своей панской силы вытребовать разводъ. Довѣренные схватили молодую Потоцкую, повезли ее по осенней колоти, ночью встрѣтили обозъ чумаковъ и чтобъ жертва не закричала и не завопила о помощи, стали ее душить подушками и задушили, а потомъ бросили трупъ ея въ прудъ, откуда, впослѣдствіи, случайно вытащилъ ее мельникъ. Молодой Потоцкій былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, но потомъ предался волѣ родителей и вступилъ въ бракъ съ дѣвицею изъ фамиліи Мнишковъ. Эта была женщина пустая, тщеславная, болтливая и вѣтренная; Потоцкій не любилъ ее, но, по мягкосердію, нерѣдко находился подъ ея вліяніемъ. Потоцкій принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя не ищутъ развлеченій въ перемѣнныхъ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ, но для которыхъ необходима всегда женская опека. Онъ никогда не могъ забыть первой любви; на груди у себя носилъ онъ изображеніе своей первой жены, и на всемъ характерѣ его остались до гроба слѣды глубокой меланхоліи. Неразговорчивый, задумчивый, онъ не раздѣлялъ общей всѣмъ панамъ страсти къ шумнымъ пирамъ и кутежамъ. Высокомѣрный съ равными, онъ былъ добродушенъ и привѣтливъ съ низшими и подвластными. По свидѣтельству знавшихъ его, печальная катастрофа въ молодости содѣйствовала этой чертѣ его характера[1]). Обыкновенно паны раздавали свои имѣнія въ поссессіи, мало обращая вниманія на то, кто ихъ бралъ и наблюдали свои выгоды болѣе чѣмъ благосостояніе крестьянъ. Потоцкій выгналъ изъ своихъ имѣній всѣхъ поссессоровъ и коммиссаровъ, на которыхъ къ нему поступали жалобы отъ народа; половину своихъ мѣстностей роздалъ въ поссессіи такимъ лицамъ, на которыхъ вполнѣ надѣялся, а дру-

[1]) Мы распространяемся объ этомъ лицѣ потому, что оно играетъ очень важную роль въ исторіи этого времени.

гую принялъ въ собственное управленіе, раздѣлилъ ихъ на фольварки или округи, заключавшіе по нѣскольку селъ, ввелъ между крестьянами громадское управленіе, не требовалъ отъ нихъ повинностей, кромѣ одного дня панщины въ мѣсяцъ, двѣнадцати дней такъ-называемаго шарварка и двѣнадцати-лѣтнихъ дней покоса и жатвы, разводилъ и побуждалъ крестьянъ разводить лучшіе роды хлѣбнаго зерна, выписалъ лучшую породу рогатаго скота изъ Венгріи и Италіи и поправилъ домашній рогатый скотъ, первый завелъ въ Украинѣ мериносовъ, насаживалъ сады и огороды. Доступный своимъ подданнымъ, внимательный къ ихъ нуждамъ, онъ не думалъ просвѣщать крестьянъ, но не мѣшалъ ихъ благоденствію въ той сферѣ, въ какой они находились; его села блистали бѣлыми хатами посреди роскошныхъ садовъ, окруженные изобиліемъ скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, воловъ, овецъ, пчелъ и пр. У него не слышно было о нищетѣ; крестьяне его не знали европейскихъ одеждъ, за то не было у нихъ недостатка въ произведеніяхъ домашней мануфактуры, потому что женщины, необремененныя панскою работою, имѣли время прясть, ткать и шить для себя и своихъ семей. Вездѣ было довольство и веселіе, вездѣ жили по старинѣ. Щенсный терпѣть не могъ перемѣны обычаевъ, какъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, возможность такого управленія зависѣла отъ того, что Потоцкій былъ чрезмѣрно богатъ и получалъ до 80,000 червонцевъ въ годъ. Но онъ не могъ служить образцемъ для всѣхъ, ни даже для своихъ собственныхъ дѣтей и наслѣдниковъ. Притомъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя не состояли подъ его непосредственнымъ управленіемъ, а отданы были въ поссессіи, положеніе крестьянъ было хуже. Вообще же возстаніе Гонты и Залізняка мало вразумило поляковъ.

Современникъ-полякъ, писавшій въ 1790 году, представляетъ южно-русскій народъ страдающимъ подъ страшнымъ произволомъ необузданнаго деспотизма поссессоровъ и коммиссаровъ. Крестьянъ изнуряли произвольною работою; съ нихъ брали тяжелыя подати; оффиціантъ производилъ экзекуціи, ѣздилъ съ казаками и гайдуками съ нагайками въ рукахъ, мучилъ безъ состраданія и обиралъ хлоповъ: такъ, напримѣръ, нужно съ крестьянина получить корецъ жита (въ четыре четверика), а онъ беретъ съ него шесть четвериковъ и, такимъ образомъ, вмѣсто трехъ сотъ корцевъ, слѣдуемыхъ пану или поссессору, получаетъ до четырехъ сотъ и болѣе. И лишнее обращается, разумѣется, въ его пользу. Случится неурожай — крестьянину нѣтъ льготы; онъ сбываетъ жиду за безцѣнокъ вола, овецъ, продаетъ свою послѣднюю ветошь, чтобы купить и

везти овесъ или рожь въ панскіе магазины. «Мы несчастные», вопили хлопы, «работаемъ, не переводя духъ; не даютъ намъ собрать собственнаго хлѣба; гніемъ въ дыбахъ (колодахъ), умираемъ подъ канчуками». Украинскіе хлопы, не смотря на неудачу возстанія, все еще продолжали надѣяться на Россію. По извѣстію одного поляка (Bunty ukraińskie), матери, сидя за пряжею, пѣли своимъ дѣтямъ завѣтныя пѣсни о временахъ Хмельницкаго, а при случаѣ украинскій хлопъ, подпивши, осмѣливался сказать ляху: «о, мы и не такихъ різали»; на это полякъ отвѣчалъ ему: «а мы и не такихъ вішали». Хотя въ послѣднее время законъ запрещалъ помѣщику убивать крестьянъ, но такого рода своевольства продолжались по прежнему; нужно было, чтобы убійца при свидѣтеляхъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; судьи всегда были готовы защищать обывателя, чтобы не дать потачки посягательству на шляхетскія права. Ограниченіе работъ не имѣло силы; очень часто помѣщикъ, или поссессоръ, по старинѣ томилъ крестьянъ панщиною цѣлую недѣлю, оставляя для крестьянской работы одно воскресенье; крестьянинъ не имѣлъ права ничего купить и продавать иначе, какъ жиду-арендатору, и вообще въ это время крестьянинъ у большинства пановъ продолжалъ имѣть значеніе вещи. За то вездѣ, исключая Украины, гдѣ вѣялъ казацкій духъ, польскій крестьянинъ былъ такъ забитъ, что и не помышлялъ о возможности свободы. Крестьяне въ староствахъ имѣли право жаловаться на злоупотребленія старостъ, но не пользовались этимъ правомъ, потому что было напрасно искать его: старосты всегда умѣли остаться правыми. Въ имѣніяхъ духовныхъ состояніе хлоповъ ничуть было не легче. Они всѣ почти были отданы въ поссессіи и находились въ крайнемъ утѣсненіи.

Являлись попытки къ водворенію фабричной и заводской промышленности. Въ этомъ отличился особенно Тизенгаузъ, получившій въ управленіе столовыя королевскія имѣнія близъ Гродны. Онъ устроилъ тамъ нѣсколько фабрикъ, обращая однако вниманіе на предметы роскоши, проводилъ черезъ дикіе лѣса дороги, но забылъ интересы сосѣднихъ обывателей, и раздражилъ ихъ своимъ обращеніемъ: самъ онъ былъ человѣкъ пьяный, буйный и своевольный; поднялись противъ него жалобы, а между тѣмъ, при дворѣ старались ему вредить другіе паны, между прочимъ Радзивиллъ и Чарторыскіе. Онъ не умѣлъ также поладить и со Штакельбергомъ. Король отнялъ у него управленіе столовыми имѣніями и поручилъ Ржевускому. Затѣи Тизенгауза остались безъ послѣдствій. Въ другихъ мѣстахъ, однако, также проявлялись признаки фабричной дѣятельности. Въ Корцѣ дѣлали фарфоръ, въ Ловичѣ полотна, въ Слуцкѣ пояса. Нѣсколько позже

въ русскихъ земляхъ отличался Протъ Потоцкій: въ Махновкѣ основалъ у себя разныя заведенія и скупалъ крестьянскія произведенія, черезъ то возвышалось благосостояніе сельскаго класса въ Польшѣ и Литвѣ.

Торговля въ Польшѣ и Литвѣ должна была подняться послѣ вырытыхъ двухъ каналовъ: Огинскаго между Припетью и Нѣманомъ, и Мухавецкаго между Припетью и Бугомъ. Но торговля не могла идти хорошо: прусскій король стѣснялъ торговый путь по Вислѣ, взималъ большія пошлины и задерживалъ польскія суда; эти распоряженія совпадали съ постояннымъ намѣреніемъ Пруссіи не допускать Польшѣ приходить къ благоустройству и благосостоянію. Кромѣ того, успѣхамъ торговли мѣшало отсутствіе честности въ исполненіи договоровъ. «Ни купецъ, ни дворянинъ — писалъ саксонскій министръ Эссенъ — не въ силахъ истребовать отъ польскаго магната денежной уплаты; суды отказывали въ экзекуціи. У поляковъ, хотя и введено вексельное право, но польскій дворянинъ разрываетъ вексель, представленный ему купцомъ для уплаты, а правосудіе не преслѣдуетъ такихъ должниковъ и не заботится о тѣхъ, которыхъ они разоряютъ. Несмотря на мѣры къ искорененію корыстолюбія и неправды, установленныя предшествовавшими сеймами, все обращается къ прежнему варварству».

Въ 1784 г., этотъ саксонскій министръ изобразилъ черными красками нравственный уровень поляковъ высшаго класса. По его наблюденіямъ, Польша, при Станиславѣ-Августѣ, вмѣсто того, чтобы поправиться, еще болѣе впадала въ деморализацію. «Двадцатилѣтнее царствованіе короля (говоритъ онъ), оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что честно, прилично и уважительно, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ, близъ короля, при его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, мальтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала: «вы у меня украли часы; небольшой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемдесятъ червонцевъ». А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли назадъ (писано 1 мая 1784 г.). Есть въ республикѣ министръ, который съ своимъ камердинеромъ пошлетъ

въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе, а потомъ начинаетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебра, не платитъ денегъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полгода опять у него служитъ. А вотъ другой министръ — несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностію. Министръ подалъ апелляцію въ постоянный совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной проигрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія между солдатами и крестьянами, на которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного воеводу потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекался отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей: такую непріятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупщикъ, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за съумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имѣніе залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого стращаетъ императорско-королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осьмой — коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца-врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминалъ только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраиваютъ у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ всѣ, что̀ за ними водится. Стало быть саксонскій маршалъ (Marechal de Saxe — извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ не правъ, сказавши, что полунегодяй (demi-coquin) въ Германіи будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту понадобилось, чтобъ я указалъ ему

три честныя и прямыя личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, говорятъ поляки, ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія, великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ постоянномъ совѣтѣ, въ скарбовой коммиссіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей, а все-таки, несмотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ отставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь должность министра. Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple [1].»

Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно-грязномъ свѣтѣ, для того, чтобъ возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія своего князя-избирателя. Такія происшествія, какъ оспариваніе подлинности и законности векселей, отреченіе отъ собственной подписи, бываютъ вездѣ и могутъ быть слѣдствіемъ недоразумѣній; чтобы обвинить за это кого-нибудь, нужно выслушать съ его стороны доказательства. Но за то другіе признаки, какъ напр. наѣзды на имѣнія, карточныя продѣлки, продажа небывалаго имѣнія — все это факты, о которыхъ мы узнаемъ и изъ польскихъ источниковъ того времени, и это только даетъ нравоописанію Эссена достоинство достовѣрности, несмотря на его пристрастный тонъ. Самый горячій патріотъ того времени, Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: «Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействахъ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость». Но, слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ тотъ вѣкъ много можно найти

[1]) Hermann. VI, Anhang. III, 190.

примѣровъ безнравственности въ аристократическихъ обществахъ другихъ странъ Европы, а потому было бы несправедливо взваливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ. Для насъ важно не столько то, что за поляками водились дурныя дѣла, и Польша изобиловала темными сторонами, какія можно было видѣть въ другихъ странахъ, сколько то, что у поляковъ почти не видно было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми, при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ сферъ, обладали другія націи.

VI.

Оппозиція противъ короля. — Процессъ Угромовой. — Сеймъ 1786 года.

Съ 1780 г. до четырехлѣтняго сейма (1788 г.) король боролся съ внутренними противниками, которыхъ соединяли противъ него разнородныя побужденія. Оппозиція эта вначалѣ, какъ было сказано, вертѣлась около личности Адама Чарторыскаго. Къ нему примкнули два брата Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ, хотѣвшіе играть роль реформаторовъ и передовыхъ вожаковъ своей націи. Оба воспитывались сначала въ конвиктѣ піаровъ, потомъ получили образованіе за границей, усвоили новыя европейскія понятія о перестройкѣ обществъ и хотѣли примѣнить ихъ въ Польшѣ, задавались мыслью о возрожденіи своего отечества, о прогрессѣ воспитанія, о равноправности гражданъ, о внутренней силѣ и внѣшней независимости своей страны. Игнатій прежде готовился къ духовному званію, и для этой цѣли получилъ высшее образованіе въ Римѣ, а въ Польшу воротился въ видѣ моднаго аббата того вѣка, но потомъ раздумалъ и оставилъ это поприще. Оба брата женились на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ богатаго короннаго маршала, князя Любомирскаго, находившагося подъ вліяніемъ жены своей, урожденной Чарторыской, которая, по своимъ огромнымъ средствамъ и по умѣнію держать себя съ пышностью, пользовалась во всей Рѣчи-Посполитой большимъ значеніемъ. Игнатій былъ человѣкъ даровитый, обладалъ превосходною памятью, много читалъ, но блисталъ болѣе краснорѣчіемъ, остроуміемъ и свѣтскимъ лоскомъ, чѣмъ глубокомысліемъ и основательностью, не чуждъ былъ склонности къ интригамъ и думалъ быть великимъ политикомъ, хотя постоянно въ этомъ дѣлалъ промахи. Станиславъ былъ основательнѣе своего брата, ослѣплялъ поляковъ своимъ краснорѣчіемъ, но былъ очень занОсчивъ. Современники находили въ Станиславѣ болѣе

эгоизма; Игнатій былъ его задушевнѣе и безкорыстнѣе любилъ родину; его замашка хитрить и интриговать болѣе происходила отъ воспитанія и обстоятельствъ, чѣмъ отъ характера. Они склонялись къ демократическимъ идеямъ, хотя не смѣли еще выявлять ихъ рѣзко, но въ то же время задушевнымъ желаніемъ обоихъ было — возвышеніе и блескъ своей фамиліи. Около нихъ собирались люди съ меньшимъ значеніемъ по роду и богатству, также знакомые съ европейскими современными идеями, пропитанные мыслью о поднятіи своего отечества. Къ нимъ стали склоняться и сердца молодежи, получавшей воспитаніе въ корпусѣ кадетъ. Эта прогрессивная партія была въ то время во враждѣ съ королемъ и это обстоятельство соединило ее съ гетманомъ Браницкимъ; и онъ также кричалъ о возрожденіи отечества, вопіялъ противъ короля, указывалъ на него, какъ на причину, замедлявшую въ Польшѣ улучшенія. По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ казакъ и по характеру подходилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малоруссовъ, въ родѣ Выговскихъ, Бруховецкихъ, Мазепъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицѣ. Веселаго нрава, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками — онъ имѣлъ много такого, что̀ могло привязать къ нему толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый, не терпѣлъ короля и Штакельберга, и куролесилъ противъ нихъ, надѣясь на протекцію Потемкина, дяди жены своей. Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ *москалей*, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды. Его огромныя имѣнія лежали въ Украинѣ, и въ случаѣ непокорности Россіи, могли быть тотчасъ захвачены. Екатерина знала это, понимала его, ласкала и берегла на случай, потому что онъ былъ способенъ сдѣлаться для нея какимъ угодно орудіемъ, когда окажется крайность употребить его въ дѣло. Съ нимъ былъ заодно племянникъ его, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, сынъ бывшей любовницы короля, женщины нѣкогда веселаго поведенія, а потомъ ханжи и отъявленной интригантки: она любила дѣлать разныя каверзы и козни на сеймикахъ и трибуналахъ, подкупала судей для рѣшенія несправедливыхъ тяжбъ, въ Варшавѣ устраивала великолѣпные балы и домашніе театры, но для этого занимала деньги и безстыдно ихъ не платила: въ числѣ ея заимодавцевъ была одна французская принцесса, у которой она заняла пять тысячъ червонцевъ и не хо-

тѣла платить; тогда графъ Верженъ говорилъ, что нужно издать королевскій ордонансъ, запрещающій французамъ давать въ долгъ деньги полякамъ. Сынъ ея, находившійся долго подъ ея вліяніемъ, былъ повѣса, кутила, забіяка, самолюбивый и пустой, корчившій изъ себя оратора и гражданина и безпрестанно рисовавшійся. Къ нимъ присталъ Северинъ Ржевускій, польный гетманъ, сынъ того, который былъ сосланъ Рѣпнинымъ въ Калугу, товарищъ отцовскаго изгнанія; это былъ человѣкъ до безумія самолюбивый, высокомѣрный, взбалмошный, горячій, о которомъ даже близкіе его говорили подчасъ, что у него мозгъ не въ порядкѣ. Съ ними сошелся Вельогорскій, большой любитель всего французскаго, щеголявшій сладкими манерами, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо, любовникъ жены Станислава Потоцкаго. Къ этому кружку принадлежали и даже управляли имъ знатныя женщины. Первая изъ нихъ была гетманша Огинская (урожденная Чарторыская), богатая и чрезвычайно гостепріимная госпожа, умѣвшая соединять около себя общество; это была, такъ сказать, вѣщая жена оппозиціи. Другая была Изабелла Чарторыская, жена Адама, урожденная Флеммингъ; прежде она была любовницею короля, потомъ находилась въ связи съ Рѣпнинымъ и такъ обирала его, что русскій посланникъ былъ весь въ долгу, и Екатерина должна была выручать его; перебывавши со многими въ короткихъ отношеніяхъ, она расточала свои ласки Ржевускому. Патріоты, плѣняемые широкимъ гостепріимствомъ въ ихъ домѣ, смотрѣли на нее, какъ на божество. Дочь ея была отдана за принца Виртембергскаго и мать замышляла, вмѣсто Понятовскаго, посадить на тронъ своего зятя, тогда какъ Огинская замышляла то же для своего мужа. Третья была княгиня Любомирская, также бывшая нѣкогда любовницею короля, женщина властолюбивая и чрезвычайно богатая; ея зятья, Потоцкіе, зависѣли отъ нея и пользовались ея благодѣяніями, потому что состояніе Потоцкихъ, хотя немалое, было недостаточно для такой открытой жизни, какую надо было вести въ Польшѣ, для того, чтобы имѣть вліяніе. Любомирская была большая непріятельница короля, но не покровительствовала новымъ идеямъ и была сторонницею прежняго шляхетскаго порядка, тогда какъ Чарторыская, вмѣстѣ съ мужемъ, возбуждали свое общество къ новизнѣ и реформамъ. Четвертая была княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора; она въ то время дышала свирѣпою ненавистью противъ короля. Пятая была Коссаковская, каштелянша каминская, большая интригантка. Бывшія любовницы короля и покинутыя имъ, теперь сходились вмѣстѣ, чтобы мстить за свои женскія оскорбленія. Въ Польшѣ все за-

висѣло отъ знатныхъ домовъ, гдѣ можно было ѣсть, пить и плясать; эти женщины, устраивая у себя веселыя сборища, двигали всѣмъ дѣломъ и давали направленіе всей Польшѣ; у каждой изъ нихъ были родные, пріятели, поклонники, секретари, пленипотенты, резиденты и, наконецъ, такъ-называемые гермки, слуги изъ шляхты: всѣ эти люди, по инціативѣ госпожъ, кричали противъ короля, возбуждали къ нему неудовольствіе.

Между всѣми важными лицами оппозиціи было мало общаго въ основаніяхъ. Теперь ихъ соединяла непріязнь къ королю, но когда обозначились политическія стремленія, то многіе изъ этихъ лицъ стали враждебно другъ къ другу. Теперь, пока они были между собой согласны и за каждымъ изъ нихъ была толпа обывателей и шляхты: оппозиція представляла единство и силу. Они дѣйствовали обычнымъ въ Польшѣ порядкомъ, т. е. подпаивали шляхту на сеймикахъ и выбирали такихъ пословъ, которые за полученныя деньги или обѣщанія, кричали и поступали на сеймахъ такъ, какъ имъ велѣли господа.

На сеймѣ 1782 года эта оппозиція стала перечить во всемъ королю. Вражда открылась по поводу дѣла объ арестованіи краковскаго епископа Солтыка, котораго умственныя способности пришли въ разстройство; король отдавалъ доходы епископства плоцкому епископу, своему брату; и хотя братъ короля былъ такъ остороженъ, что отказывался отъ этихъ доходовъ, но оппозиціи нуженъ былъ предлогъ. Въ засѣданіи сейма Браницкій кричалъ, что король хочетъ присвоить абсолютную власть, ропталъ на деспотизмъ и говорилъ, что шляхтѣ приходится работать уже не языкомъ, а саблею. Ржевускій дошелъ до того, что сказалъ: «Польская шляхта не нѣмецкая, и если польскій король хочетъ сообразить, до чего можетъ дойти польскій народъ, защищая свою вольность, то пусть припомнитъ судьбу англійскаго короля Карла I». Шумъ и безурядица на сеймѣ достигли того, что скоро пошли бы въ дѣло сабли; но этому положилъ предѣлъ Штакельбергъ. Онъ объявилъ: «Ея величество императрица вовсе не желаетъ, чтобы Польшу волновали партіи; она будетъ поддерживать порядокъ и законныя формы существующаго въ Польшѣ правленія; конечно, никому не запрещается говорить о сохраненіи своихъ правъ и привилегій; но я желаю, чтобъ несогласія ваши были принесены въ жертву нуждамъ отечества, чтобъ предложенія отъ трона были подвергаемы надлежащему и спокойному обсужденію». Это заявленіе успокоило сеймъ. Крики перестали, но сеймъ, составленный изъ подкупленной толпы, ничего не сдѣлалъ важнаго.

Король, послѣ этого, прильнулъ тѣснѣе къ Россіи и про-

силъ императрицу, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, устроить между Польшею и Россіею тѣснѣйшій дружественный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ долгахъ, просилъ поручиться за него въ новомъ займѣ. Императрица благодарила за желаніе союза и заявила, что когда будетъ нужда, тогда пусть Польша покажетъ свою дружбу къ Россіи; что-же касается до займа, то императрица напомнила королю, что еще прежде занятыя суммы подъ доходъ съ королевскихъ экономій, за поручительствомъ Россіи, не выплачены, и потому она не приметъ на себя гарантіи въ новомъ займѣ, а прикажетъ своему посланнику, чтобы, на предстоящемъ сеймѣ, были приняты мѣры къ уплатѣ королевскихъ долговъ. Требовать этой уплаты отъ сейма казалось тѣмъ законнѣе, что король тратилъ занятыя суммы на общественныя постройки и на предметы государственныхъ нуждъ.

Слѣдующій сеймъ отправлялся въ Гродно въ 1784 году необыкновенно спокойно. Императрица приказала посланнику внушить Браницкому, чтобы онъ велъ себя благоразумнѣе и не буянилъ на сеймѣ, а лучше пусть не является туда вовсе. Браницкій повиновался. Съ другой стороны, княгиня Любомирская, которая въ это время склонялась къ покою, не пустила туда своего зятя Ржевускаго, злѣйшаго крикуна, и даже, какъ говорятъ, обѣщала ему за то семь тысячъ червонцевъ. Сеймъ состоялъ изъ пословъ, преимущественно подобранныхъ сторонниками Штакельберга—Рачинскимъ въ Великой Польшѣ и Радзивилломъ въ Литвѣ. Король, передъ созваніемъ сейма, съѣздилъ самъ лично въ Нѣсвижъ. Panie Kochanku видѣлъ, что самолюбіе его удовлетворилось, принялъ короля съ большими почестями, и съ тѣхъ поръ сдѣлался его приверженцемъ. Стоило одного слова этого магната, чтобы вся литовская шляхта была за короля. На сеймѣ положили принять въ уплату королевскій долгъ—семь милліоновъ, разложили его на десять лѣтъ, со взносомъ ежегодно по семисотъ тысячъ. Но королю не удалось склонить пословъ увеличить налоги и, тѣмъ самымъ, дать средства къ умноженію военныхъ силъ. Поляки, по слѣдамъ отцовъ своихъ и дѣдовъ, не любили давать денегъ на общественныя нужды.

Вслѣдъ за сеймомъ 1784 г., произошло событіе, связанное съ оппозиціею. Какая-то Угромова, англичанка, жена русскаго офицера, сперва доносила, черезъ посредство королевскаго камердинера Рикса и генерала Комаржевскаго, будто Чарторыскіе и Тизенгаузъ подкупали ее отравить короля, повторяла этотъ доносъ трижды, и была отвергаема, наконецъ, король запретилъ принимать отъ нея доносы. Тогда она явилась къ Чарторыскому и объявила, что королевскій камердинеръ Риксъ уговаривалъ ее

отравить Чарторыскаго. Послѣдній сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ Любомирской, а та поручила приняться за это дѣло зятьямъ своимъ Потоцкимъ. Станиславъ, вмѣстѣ съ Тэйлоромъ, обанкрутившимся купцомъ, схватилъ Рикса въ квартирѣ Угромовой и привезъ къ Любомирской. Игнатій составилъ оффиціальный искъ. Показывали, будто слышали, какъ Риксъ предлагалъ Угромовой пять тысячъ червонцевъ за поручительствомъ Комаржевскаго.

Началось дѣло въ маршалковскомъ судѣ. Король приказалъ вести его какъ можно открытѣе и публичнѣе и допустилъ истцовъ выбрать съ своей стороны ассессоровъ, которые бы сидѣли въ судѣ и участвовали въ сужденіи. Къ удивленію многихъ, такимъ ассессоромъ былъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ истцовъ. Процессъ возбуждалъ вниманіе всей Польши. Повсюду въ домахъ нѣсколько времени только и рѣчей было, что объ удивительномъ дѣлѣ; многіе нарочно пріѣхали изъ имѣній въ столицу слѣдить за процессомъ. Враги силились опозорить короля и его придворную партію. Любомирская, Чарторыскій, Огинская, Браницкій потратили большія суммы, разсыпали ихъ не только въ Варшавѣ, но въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, чтобъ задобрить въ свою пользу иностранные дворы и найти пути къ благосклонности государей. Императора Іосифа удалось имъ такъ заинтересовать, что, по выраженію его министра въ Варшавѣ, онъ столь горячо принималъ къ сердцу это дѣло, какъ будто бы шло о пріобрѣтеніи новыхъ областей. Но Екатерина и Фридрихъ II сразу поняли, что́ все это значитъ, и называли поднятую въ Варшавѣ кутерьму интригою оппозиціи противъ короля. Дѣло Угромовой окончилось въ пользу короля. Оппозиція, просадивши огромныя суммы, осталась побѣжденною и осрамленною. Угромова была присуждена къ позорному столбу, а потомъ къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ. Замѣчательно, что Тэйлоръ потерпѣлъ шестимѣсячное заключеніе за оскорбленіе Рикса, но зато потомъ награжденъ былъ отъ Любомирской имѣніемъ; Потоцкіе же не потерпѣли наказанія за оскорбленіе Рикса. Адамъ Чарторыскій, за ложный доносъ, подвергся кондемнатѣ, т. е. лишенію чести и изгнанію, но это замѣнено денежною пенею. Впрочемъ, безъ этого, явное безчестіе падало, въ глазахъ всей Европы, какъ на Чарторыскаго, такъ и на братьевъ Потоцкихъ. Съ ихъ ли наущенія стала Угромова доносить о намѣреніи отравить Чарторыскаго, или они только воспользовались этимъ случаемъ—несомнѣнно то, что они хотѣли обратить этотъ случай во вредъ королю нечестными средствами. Другіе корифеи оппозиціи—Браницкій, Вельгорскій, Ржевускій,

поддерживали ихъ. Королевская партія твердила, что Угромова была только жалкое орудіе заранѣе придуманной интриги.

Чтобъ очистить себя отъ понесеннаго срама, оппозиція хотѣла, во чтобы то ни стало, торжествовать на будущемъ сеймѣ. Ей необходимо было устроить такой составъ сеймовой Избы, который бы всецѣло находился у нея во власти и безусловно служилъ ея видамъ. И вотъ, оппозиціонные паны стали дѣлать у себя многочисленныя сборища, привлекать всѣми мѣрами обывателей и настраивать общественное мнѣніе противъ короля жалобами на упадокъ отечества. Съ враждою къ королю сливалось патріотическое стремленіе къ возрожденію отечества. Дѣло принимало видъ политическаго заговора. Главныя сборища были у княгини Огинской: въ ея имѣніи Сельцахъ, въ теченіи мѣсяца каждый день обѣдали человѣкъ двѣсти и больше. Два брата Потоцкіе, Браницкій, Сапѣга, Чарторыскій были двигателями на этихъ собраніяхъ. Къ нимъ присталъ тогда и Щенсный-Потоцкій, богатый и потому сильный. Тогда поляки надѣялись, что имъ придетъ спасеніе изъ Австріи: тамъ надобно было искать нѣжнѣйшаго участія и безкорыстной помощи; восхваляли милосердіе и справедливость Іосифа II; прославляли величіе и могущество его державы. Въ Сельцахъ, подъ вліяніемъ хлѣбосольства, обыватели усвоивали враждебное настроеніе противъ короля и разъѣзжались домой, готовые поддерживать, на сколько могли и умѣли, дѣло оппозиціи; коноводы поспѣшили въ разные края подготовлять подпоемъ и подкупомъ сеймики. Браницкій и Сапѣга взяли на себя подготовку Великой Польши, да сверхъ того Сапѣга еще и Бреста-Литовскаго: Браницкій хвалился, что уже заплатилъ подымное за три тысячи шляхты. Чарторыскій взялъ на себя Подоль и Холмъ, Пнинскій и Липскій—Люблинъ, Огинскіе Литву, Щенсный-Потоцкій Украину; на Волынѣ принялись работать Сангушко, Чапскій и другіе.

Паны, по обычаю, повезли шляхту на сеймики. Трата денегъ и вина была чрезмѣрная. Два сеймика, говорятъ, стоили Чарторыскому сто тридцать тысячъ червонцевъ. Не обходилось безъ кровавыхъ сценъ. Современникъ Нѣмцевичъ, приживалецъ Чарторыскихъ, разсказываетъ, что въ Каменцѣ, противодѣйствуя Чарторыскимъ, собиралъ въ доминиканскомъ монастырѣ шляхту князь Нассау-Зигенъ, нѣмецъ, получившій право шляхетства (индигенатъ) въ Польшѣ. Взяла верхъ большинствомъ партія Чарторыскихъ, и шляхта этой партіи напала на пьяную, лежавшую безъ чувствъ на валу крѣпости, шляхту противной партіи. Загнувъ лежавшимъ полы кунтушей и жупановъ кверху, надѣлали имъ саблями насѣчки на заднихъ мягкихъ частяхъ тѣла.

Чарторыскій, узнавъ объ этомъ, по своему великодушію, послалъ на свой счетъ жидовъ-цирюльниковъ зашивать дратвою израненныхъ противниковъ. Это была милая шутка онаго времени.

Но король также не остался безъ дѣла. Расположенные къ нему паны работали на сеймикахъ и, по ихъ наущенію, выбирались такіе послы, которые шли съ тѣмъ, чтобъ защищать короля. Притомъ оппозиція ошиблась въ разсчетѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ пословъ, которые были ею выбраны и на которыхъ она надѣялась, не рѣшались стоять за нее, когда Штакельбергъ началъ склонять ихъ къ смиренію. Только Чарторыскому удалось привести на сеймъ человѣкъ шестьдесятъ задорныхъ, тогда, когда всѣхъ пословъ было сто восемьдесятъ, а съ принадлежащими къ сенаторской Избѣ всего 338. Изъ остальныхъ пословъ, хотя значительная часть были согнана на сеймъ оппозиціею, но они тотчасъ готовы были отступить изъ страха.

Сеймъ открылся. Браницкій, въ посольской Избѣ, первый поднялъ противъ короля голосъ. Онъ не обратилъ вниманія на предостереженія Штакельберга и даже не счелъ нужнымъ, по отношенію къ нему, исполнить долгъ вѣжливости и отвѣчать на письмо его. За Браницкимъ заговорилъ Чарторыскій; за нимъ заорала толпа подкупленныхъ пословъ. Но приверженцы короля, также подговоренные и подкупленные его партіею, силились перекричать противниковъ. Тутъ потушили свѣчи. Сенаторы и министры бѣжали, послы стали между собой ругаться и схватились за сабли. Сеймовая Изба, говорятъ современники, стала похожа на жидовскую корчму. Но король поспѣшилъ окружить ее гвардіею, а Штакельбергъ объявилъ Браницкому, что если онъ сдѣлаетъ малѣйшее поползновеніе къ ниспроверженію гарантированнаго императрицею порядка, то посланникъ императрицы приметъ рѣшительныя мѣры. Это внушеніе прохолодило и Браницкаго и его соумышленниковъ.

На другой день, по вліянію Штакельберга, большинство исключило изъ своей среды толпу пословъ, неправильно выбранныхъ и навезенныхъ Чарторыскимъ; такимъ образомъ, сто тридцать тысячъ червонцевъ ушли изъ его кармана понапрасну.

На этомъ сеймѣ, по протекціи Потемкина, русскій посланникъ долженъ былъ объявить желаніе императрицы, чтобъ имя Браницкаго было вычеркнуто изъ процесса Угромовой. По ходатайству императора Іосифа, Екатерина желала, чтобъ и Чарторыскій былъ освобожденъ отъ приговора. Король съ своей стороны также заявилъ желаніе, чтобъ Чарторыскій и всѣ замѣшанные въ этотъ процессъ были очищены отъ безчестія. Это великодушіе, однако, не помѣшало ему наслушаться отъ Ржеву-

скаго такихъ оскорбленій, послѣ которыхъ послѣдняго заставили у короля просить прощенія. Сеймъ этотъ, не сдѣлавши ничего важнаго, разошелся.

Чарторыскій, нѣсколько разъ осрамленный, удалился въ свое имѣніе, Пулàвы, и тамъ зажилъ роскошно, въ качествѣ покровителя искусствъ, литературы и патріотическихъ стремленій. Такъ какъ затѣи его не удавались, главнымъ образомъ, отъ Россіи, то онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ ея и распространялъ вражду къ ней между своими гостьми и блюдолизами. Сестра его, Любомирская, съ досады уѣхала изъ Польши и проживала въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ.

Итакъ, во все время отъ перваго раздѣла, поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли. Впослѣдствіи, они говорили, что виною этому была Россія, умышленно поддерживавшая духъ раздоровъ и мѣшавшая водворенію благоустройства. Мысль исторически невѣрная. Польское войско не простиралось болѣе 18,000, а на дѣлѣ было его меньше, тогда какъ Россія не только не препятствовала его увеличенію, но побуждала увеличить его до тридцати тысячъ. Поляки не только не старались объ усиленіи его, но даже портили то, что прежде у нихъ было хорошаго; напр., король приглашалъ въ польское войско иностранцевъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ; оппозиція, чтобъ только досадить королю, провела на сеймѣ 1786 года законъ о предоставленіи доступа къ высшимъ военнымъ чинамъ однимъ лицамъ шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, Польша оставалась съ ограниченнымъ числомъ войска, въ то время, когда ея опасная сосѣдка, Пруссія, нѣкогда зависимая отъ Польши, имѣла до 200,000 войска. Доходы Польши не возвышались до 18-ти милліоновъ злотыхъ или 3 милліоновъ талеровъ, тогда какъ доходы той же Пруссіи, которая все еще была гораздо меньше Польши, простирались до 28 милліоновъ талеровъ. Этому причиною отнюдь была не Россія. Со стороны императрицы не видно никакихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы не допустить Польшу до увеличенія налоговъ. Императрица, мы видѣли, даже облегчила полякамъ занятія по этому предмету, допустивъ рѣшеніе экономическихъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, вмѣсто единогласія. Причина недостатка финансовъ въ Польшѣ была одна и таже, что и въ былыя времена. Поляку казалось удобнѣе пропить или проиграть деньги, чѣмъ внести на предметъ государственной пользы. Судопроизводство не улучшалось—та же путаница, то же кривосудіе, то же угодничество силѣ господствовало въ судахъ, какъ и прежде; сеймики представляли по прежнему безобразное зрѣлище пьянства,

подкупа и дракъ, а сеймы, если не срывались, то, единственно, благодаря русскому посланнику. Положеніе хлоповъ улучшалось только у немногихъ пановъ; не смотря на законныя воспрещенія, обыватели, также какъ и прежде, судили ихъ и тиранили. Богатые паны также, какъ и прежде, держали у себя вооруженные отряды; повсюду происходили по прежнему своеволіе и самоуправство. Безнравственность, пьянство, продажничество, бездѣльничество не только не уменьшались, но увеличивались. Законъ 1775 года, дозволивъ въ городахъ каждому заводить шинки, усилилъ пьянство въ народѣ. Польза, которую принесла эдукаціонная коммиссія, по наружности казалась важнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Люди новаго воспитанія были очень немногочисленны въ сравненіи съ громадою шляхетства, коснѣвшаго въ прежнихъ предразсудкахъ, съ прежнимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ потребностей вѣка, съ прежнею умственною лѣнью и съ неизбѣжнымъ колебаніемъ при столкновеніи съ современными вопросами. Самые люди новаго воспитанія отличались легкомысліемъ, увлекались французскими идеями, непереваренными и непережеванными и мало приложимыми къ польской общественной почвѣ. Были въ Польшѣ люди, по легкомыслію не вѣрившіе въ Бога, кощунствовавшіе надъ религіей, которой однако основательно не знали, и несравненно болѣе было людей, вздыхавшихъ также легкомысленно объ іезуитахъ, вѣрившихъ въ приходящихъ изъ чистилища мертвецовъ и считавшихъ схизматика хуже собаки. Небреженіе къ воспитанію женскаго пола приводило къ тому, что люди, хлебнувшіе новаго ученія, легко теряли и хорошіе плоды его въ сообществѣ своихъ женъ, любовницъ, сестеръ. Величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическая сила государства: все прочее въ ихъ глазахъ было только средство къ этой цѣли; иными словами, они хотѣли не того, надъ чѣмъ можно было потрудиться хотя долго, но все-таки съ успѣхомъ, а того, что̀, при всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было рѣшительно недостижимо. По ихъ соображеніямъ, важнѣйшее зло для Польши было избирательное правленіе, и, поэтому, возникло въ Польшѣ желаніе ввести правленіе наслѣдственное. Но такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то имъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы;

естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи. И вотъ патріоты стали искать спасенія сперва у Австріи, потомъ у Пруссіи. «Я предвижу,—писалъ саксонскій министръ Эссенъ,—что сеймъ 1786 года сдѣлается зародышемъ великаго броженія—эпохою, съ которой начнется сильное разстройство Польши, по мѣрѣ того, какъ въ Петербургѣ будутъ созрѣвать проекты противъ Турціи. Оппозиціонная партія образовалась вполнѣ; видимо составилась факція, которая будетъ слѣдовать за иностранными внушеніями.»

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Путешествіе Екатерины на югъ. — Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ. — Проектъ союза Польши съ Россіею.

Въ сосѣдствѣ съ Польшею возникали важные замыслы, происходили приготовленія къ великому перевороту. Екатерина съ большимъ рвеніемъ принялась за свою давнюю мысль освобожденія восточныхъ христіанъ отъ мусульманской власти. Ослабѣло вліяніе Панина, державшагося союза съ Пруссіей; предпріимчивый и смѣлый Потемкинъ поддерживалъ въ императрицѣ намѣреніе рѣшить судьбу Востока. Еще въ 1782 году заключенъ былъ тайный договоръ съ Іосифомъ II о взаимномъ дѣйствіи противъ турокъ. Замышляли уничтожить турецкую имперію. Россія пріобрѣтала себѣ только берега Чернаго моря. Іосифъ II отмежевывалъ себѣ полосу, начиная отъ Хотина, съ маленькою землею для прикрытія Галиціи и Буковины, часть Валахіи по правому берегу Алюты, а отъ устья этой рѣки, противъ Никополиса, по теченію Дуная до Бѣлграда, лѣвый берегъ его, съ пространствомъ въ три мили на правомъ берегу, и слѣдовательно, города: Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ; отъ Бѣлграда, по самой прямой и кратчайшей линіи, до залива Дрины въ Адріатическомъ морѣ; слѣдовательно, часть Сербіи, Босніи и Герцеговину, да еще къ тому и венеціянскія владѣнія въ Далмаціи, съ прилежащими островами. Венецію хотѣли вознаградить Критомъ, Кипромъ и еще кое-чѣмъ изъ Архипелага; вдобавокъ им-

ператоръ хотѣлъ пріобрѣсти въ Италіи, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ морской портъ; затѣмъ, изъ остальной Валахіи и Молдавіи предполагали составить государство, подъ именемъ Дакіи, для раздѣленія границъ трехъ имперій. Изъ всѣхъ прочихъ турецкихъ владѣній предполагали возстановить греческую имперію и на престолъ ея посадить великаго князя Константина, внука Екатерины. Россія обязывалась оставить новосозданную имперію въ совершенной отъ себя независимости; Константинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить русской короны, и никогда двѣ имперіи, россійская и греческая, не должны быть соединены подъ единою властью.

Собирали силы. Ожидали удобнаго времени, предоставляя туркамъ самимъ начать непріязненныя дѣйствія. Разрывъ былъ на волоскѣ въ 1787 году, когда императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда приглашала на свиданіе и союзника своего, Іосифа II.

Это путешествіе совершалось со всѣмъ блескомъ, обычнымъ XVIII вѣку. Императрица ѣхала до Кіева цѣлый мѣсяцъ январь. Каждая перемѣна лошадей требовала ихъ до 500 штукъ подъ экипажи, сопровождавшіе государыню; для этого, изъ отдаленныхъ провинцій Россіи, сгоняли ямщиковъ и лошадей. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ разсчитано было останавливаться государынѣ для ночлега, обѣда, или завтрака—построены были дворцы, со всѣми внутренними удобствами, богатою мебелью и коврами по лѣстницамъ. Свита и прислуга императрицы такъ обильно угощалась, что всѣ были постоянно на-веселѣ. Ночью, отъ станціи до станціи, на извѣстныхъ разстояніяхъ, зажигались смоляныя бочки; если же государынѣ приходилось въѣзжать ночью въ какой-нибудь городъ, то народъ становился на протяженіи версты или двухъ по обѣимъ сторонамъ дороги, съ зажженными свѣчами. Городскіе обыватели обязаны были красить крыши и стѣны домовъ, и заборы, и часто терпѣли черезъ то убытки и нужду; иная семья должна была нѣсколько дней голодать, истративъ деньги на покраску и поправку своего дома и заборовъ къ пріѣзду государыни. Въ разныхъ мѣстахъ устраивались тріумфальныя ворота. Дворянство спѣшило представляться государынѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Нужно было, чтобы все носило признаки удовольствія, обилія, роскоши; народъ заставляли пѣть пѣсни; только дурно одѣтыхъ, нищихъ и голодныхъ гоняли прочь, чтобы они своимъ видомъ не нарушали общей милой картины; а нищихъ и голодныхъ на Руси въ то время было множество, по причинѣ неурожая. Такъ, шествуя въ торжественномъ величіи, императрица прибыла 29 января въ Кіевъ. Тамъ встрѣтило

ее, при звукѣ колоколовъ, духовенство, за отсутствіемъ больного, въ то время, митрополита Самуила, предшествуемое переяславскимъ епископомъ Викторомъ, кіевскій генералъ - губернаторъ, фельдмаршалъ Румянцевъ, множество дворянъ и вся кіевская магдебургія со своими средневѣковыми отличіями. Въ Кіевѣ императрица рѣшилась остаться до весны въ нарочно-устроенномъ для нея деревянномъ дворцѣ. Съ нею были могучій Потемкинъ, тогдашній ея фаворитъ Мамоновъ, вице - президентъ адмиралтействъ-коллегіи Чернышевъ, канцлеръ Безбородко, оберъ-камергеръ Шуваловъ, извѣстный весельчакъ и острякъ своего времени оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Барятинскій, генералъ-адъютантъ князь Ангальтъ, генералъ Левашевъ и иностранные посланники, австрійскій — графъ Кобенцель, англійскій—Фрицъ-Гербертъ и французскій—графъ Сегюръ. Туда съѣхалось нѣсколько знатныхъ иностранцевъ, искавшихъ расположенія Екатерины и службы у нея: принцъ де-Линь, оставившій записки объ этомъ времени, принцъ Нассау-Зигенъ, славный своими путешествіями по свѣту и приключеніями, испанецъ Миранда и пр. Тихій, уединенный Кіевъ вдругъ зашумѣлъ невиданною жизнью: придворные балы, фейерверки, всевозможныя свѣтскія увеселенія. Туда съѣхались польскіе паны и наперерывъ съ русскими щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ прислуги шляхетскаго происхожденія.

И король Станиславъ-Августъ отправился на свиданіе съ императрицею. Это свиданіе условлено было въ Каневѣ, послѣ открытія плаванія по Днѣпру.

Послѣднія событія должны были внушать королю, что для него и для Польши не было иного пути, кромѣ отдаться всецѣло Россіи и устроить тѣмъ или другимъ способомъ соединеніе съ этой державою. Хотя договоръ Екатерины съ Іосифомъ и заключенъ былъ втайнѣ, но всѣ уже соображали, что между Россіею и Турціею произойдетъ разрывъ скоро. Король и люди его партіи разсчитывали, что если когда, то именно при такихъ обстоятельствахъ, союзъ съ Россіею можетъ быть для Польши полезенъ. Принять участіе въ турецкой войнѣ, помогать Россіи въ ниспроверженіи оттоманской имперіи, вслучаѣ успѣха, значило дать Польшѣ возможность возвратить потерянное къ себѣ уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить Россію въ необходимость, ради собственныхъ выгодъ, содѣйствовать укрѣпленію Польши: для Россіи тогда выгодно будетъ, если Польша образуетъ у себя значительное войско; оно послужитъ къ увеличенію ея собствен-

ныхъ силъ; равнымъ образомъ, Россія никакъ не станетъ препятствовать внутреннему устроенію Польши, коль скоро поляки подадутъ ей увѣренность въ томъ, что они навсегда примкнутъ къ ней и будутъ съ нею въ союзѣ и соединеніи. Тогда Польша могла бы избавиться отъ притязаній и покушеній со стороны Пруссіи и Австріи: первая не была бы настолько сильна, чтобъ не уважать Россіи и Австріи; вторая, удовольствовавшись пріобрѣтеніями насчетъ Турціи, при помощи Россіи, связанная съ послѣднею взаимными выгодами, едва ли пошла бы наперекоръ своей союзницѣ. Лучше для Польши было зависѣть отъ одной державы, чѣмъ отъ трехъ разомъ. Сама по себѣ война могла быть полезна для Польши; для новообразованнаго войска она была бы школою; король, получивъ начальство надъ войскомъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. Наконецъ, война, оконченная счастливо, могла даровать Польшѣ территоріальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла: можно было надѣяться, что Польшѣ возвратится Галиція, если Австрія удовлетворится за нее пріобрѣтеніями отъ Турціи, и заставятъ и Пруссію отдать взятое у Польши, или какимъ-нибудь инымъ способомъ замѣнятся понесенныя Польшею отъ Пруссіи утраты. Такъ помышляли, въ то время, король и его партія. Примкнуть къ Россіи казалось наиболѣе подходящимъ дѣломъ уже и потому, что, по первому раздѣлу, Россіи достались земли, о которыхъ Польша менѣе могла сожалѣть, чѣмъ о тѣхъ, которыя достались Австріи и Пруссіи. Въ то время король и его партія не прочь были, въ крайнемъ случаѣ, не только отъ временного союза, но и отъ вѣчнаго соединенія съ Россіею. Они уже опасались, чтобъ Польша, находясь въ неопредѣленной зависимости отъ трехъ державъ, вслучаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не сдѣлалась примирительною жертвою для водворенія между ними согласія. Если случился одинъ раздѣлъ, то могъ случиться и другой и и третій, пока Польшу не раздерутъ до конца. Въ такомъ случаѣ, значительная часть ея должна была достаться Россіи, и тогда ужъ нельзя будетъ помышлять о какихъ-нибудь договорахъ: надобно будетъ отдаваться на милость побѣдителей; такъ лучше же было предупредить возможность раздѣла и, отрѣзавшись отъ Пруссіи и Австріи, цѣликомъ отдаться Россіи, улучивъ время, когда Россія могла дорожить дружбою съ Польшею; тогда можно, соединившись съ нею, сохранить государственную цѣлость. Не даромъ Жанъ-Жакъ Руссо, идолъ тогдашнихъ модныхъ мечтателей, за нѣсколько времени предъ тѣмъ говорилъ полякамъ: «Скоро будетъ опять война между Россіею и Турціею;

васъ будутъ звать; не колебайтесь: идите смѣло; не упускайте случая сдѣлать улучшенія въ своемъ отечествѣ.»

Подъ такими соображеніями король и его партія склонялись тогда къ союзу и, если неизбѣжно будетъ, къ соединенію съ Россіею; они только этимъ путемъ надѣялись избавиться и отъ ненавистной оппозиціи, которая не переставала строить козни.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 28 февраля и останавливался въ разныхъ мѣстахъ. Обыватели являлись къ нему на поклонъ. Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, онъ прибылъ въ Каневъ и тамъ оставался до мая, ожидая свиданія съ русскою императрицею. Въ маленькомъ Каневѣ у него образовался временно дворъ. Съ нимъ были паны, его сторонники: Мнишекъ съ женою, королевскою племянницею, Дзѣдушицкій, правитель его собственной канцеляріи, Тышкевичъ, женатый на другой его племянницѣ, генералъ Комаржевскій, Плятеръ, польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи и племянники короля—Іосифъ и Станиславъ. Близъ него былъ и Штакельбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Король, черезъ Штакельберга, заранѣе сообщилъ императрицѣ на письмѣ свои желанія подъ титуломъ: Souhaits de roi, и ждалъ отвѣта.

Оппозиція успѣла забѣжать впередъ, увивалась около русскаго двора въ Кіевѣ, лѣзла изъ кожи, чтобы пріобрѣсть вниманіе и милость государыни. Кромѣ Браницкаго и Щенснаго Потоцкаго тамъ были Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, жившіе у Браницкаго въ домѣ, двое Любомирскихъ—Михаилъ и Іосифъ, Северинъ Потоцкій, Бинскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, Мошинскій и другіе. Екатерина была очень милостива къ Браницкому и женѣ его, но не подавала ему надеждъ на свою помощь въ борьбѣ съ королемъ. Самъ Потемкинъ, хотя любилъ Браницкаго до слабости, но вмѣсто того, чтобъ принимать со вниманіемъ и участіемъ его наговоры на короля, дружески совѣтовалъ ему помириться съ Станиславомъ-Августомъ и не раздражать его болѣе. Когда Браницкій вздумалъ-было упрямиться, Потемкинъ кричалъ на него и даже махалъ ему подъ носомъ кулакомъ. Въ другой разъ, при Браницкихъ, у Потемкина случился нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго стала съ нимъ обходиться не любезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу.

Браницкаго хотѣли во что̀ бы то ни стало помирить съ королемъ, дѣлали ему внушенія, нравоученія, а все-таки дорожили имъ и ласкали его; многое прощали ему, потому что вѣрили въ его готовность служить покорно Россіи и берегли его на слу-

чай. Но рекомендація и заступничество этого самаго Браницкаго ни къ чему не послужили другимъ членамъ оппозиціи; Игнатій Потоцкій имъ самимъ представленъ былъ императрицѣ: Екатерина отвернулась отъ него и не сказала ему ни одного слова. Такой пріемъ глубоко огорчилъ его самолюбіе. Императрица считала его человѣкомъ пустымъ, безчестнымъ, со зловредными понятіями. Его никуда не приглашали. Также дурно принятъ былъ Сапѣга, хотя Браницкій усильно добивался, чтобъ императрица почтила его вниманіемъ. Императрица возненавидѣла этихъ двухъ господъ. Угождая своей государынѣ, Потемкинъ, когда пріѣзжалъ къ Браницкому обѣдать, то заранѣе объявлялъ, что не хочетъ встрѣчаться съ Потоцкимъ и Сапѣгою. Игнатія онъ называлъ мерзавцемъ (scélérat), а Казимира-Нестора лгунишкою и другимъ нелестнымъ именемъ (ce prince menteur et pisseur). Разсерженный Игнатій обратился къ французскому посланнику Сегюру, поддѣлывался къ нему разными способами и наговаривалъ ему на своего короля: онъ увѣрялъ Сегюра, будто король прибылъ на свиданіе съ императрицею нарочно для того, чтобъ возбуждать ее на Турцію. Эти обстоятельства объясняютъ, почему эти два пана, Потоцкій и Сапѣга, впослѣдствіи дышали такою злобою противъ Россіи. Другіе члены оппозиціи также не удостоились милостей императрицы; Бинскій думалъ-было выпросить себѣ булаву полнаго гетмана, но на него такъ сурово посмотрѣли, что онъ убѣжалъ изъ Кіева. Только Щенсный Потоцкій, хотя и находился въ оппозиціи, былъ принятъ лучше. Государыня изумительно умѣла узнавать людей, подмѣчать ихъ слабыя стороны, оцѣнивать ихъ способности и умѣнье быть ей полезными. Щенсный понравился Екатеринѣ. Она сразу сообразила, что изъ этой личности, тщеславной и высокомѣрной, но вмѣстѣ прямой и сердечной, бѣдной разсудкомъ и богатой имѣніями и деньгами, можно все сдѣлать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенснаго, но надавала ему двусмысленныхъ надеждъ. «На васъ, не на кого другого, я полагаю упованіе спасенія Польши»—говорила она. У Потоцкаго закружилась голова отъ такого счастья, и онъ былъ долго внѣ себя отъ восторга. Михаилъ Чацкій разсказываетъ, что, впослѣдствіи, вспоминая о свиданіи съ Екатериною, онъ восклицалъ:—«Что̀ за женщина! Боже мой! Что̀ это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Паны королевской партіи, представляясь въ Кіевѣ государынѣ, удостоились отъ нея ласковаго пріема. Епископа Нарушевича, историка, Екатерина особенно полюбила, какъ человѣка ученаго и

назначила ему пенсію въ тысячу пять сотъ рублей, отъ которой онъ, впослѣдствіи, какъ говорятъ, отказался. Большое вниманіе было оказано коронному маршалку Мнишку и женѣ его. Императрица пожаловала этой дамѣ орденъ св. Екатерины и, когда пригласила ее вмѣстѣ съ мужемъ къ столу, то приказала Браницкой уступить высшее мѣсто Мнишковой, какъ племянницѣ польскаго короля. Также ласково были приняты племянники короля, Понятовскіе.

Съ Потемкинымъ король видался, еще не доѣхавъ до Канева, въ Хвостовѣ, куда также пріѣзжалъ и Браницкій. Оставшись наединѣ съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ сталъ ему жаловаться на Браницкаго и на всю оппозицію.—«Вы, конечно, слыхали—говорилъ онъ—что̀ я перенесъ въ послѣдніе годы понапрасну. Я не мстителенъ и не хочу дѣлать вреда никому, но долженъ стараться, чтобъ не дѣлали вреда странѣ моей и не преслѣдовали близкихъ мнѣ людей и вѣрныхъ моихъ слугъ.»

— Я считаю—сказалъ Потемкинъ—надворнаго маршала Игнатія Потоцкаго самымъ негоднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Русскій воевода Щенсный Потоцкій — подъ властію у жены, а она большая интригантка. Гетманъ же Браницкій, право, добрый человѣкъ, полезный вашему величеству; да вотъ бѣда, что онъ поддается дурнымъ людямъ; хоть онъ и обѣщалъ мнѣ исправиться, однако, я боюсь—онъ опять попадетъ въ сѣти.

— Да—сказалъ король—человѣкъ онъ военный, а выгналъ изъ службы иностранцевъ и старыхъ инвалидовъ, все только для того, чтобы мнѣ досадить и обидѣть тѣхъ, кто мнѣ вѣренъ.

— Правда—сказалъ Потемкинъ—это очень не хорошо; но я его буду отводить отъ дурныхъ связей.

Болѣе нечего было говорить королю. Онъ ясно видѣлъ, что Потемкинъ желаетъ поставить въ границы буйство Браницкаго, но не пожертвуетъ имъ для короля.

Король обратилъ рѣчь на соединеніе съ Россіею и сказалъ:

— Вы пріобрѣтете себѣ вѣковую славу и благодарность потомства, если будете содѣйствовать соединенію въ политическую связь русскихъ и поляковъ, двухъ народовъ и безъ того уже близкихъ между собою по вѣрѣ, языку и коренному происхожденію.

Потемкинъ, съ видимымъ сочувствіемъ, слушалъ слова короля и обѣщалъ содѣйствовать его желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ разговоръ на соединеніе церквей—любимый свой конекъ. Въ молодости, думая вступить въ монашество, и мечтая о достиженіи архіерейскаго сана, Потемкинъ до смерти удержалъ

охоту толковать о церковныхъ вопросахъ. Заговоривъ теперь объ уніи, Потемкинъ сказалъ королю:

«О происхожденіи св. Духа никто ничего не понимаетъ; а вотъ, что̀ касается до главенства папы, такъ нужно поболѣе снисходительности со стороны папы. Къ сожалѣнію, нашъ уніатскій архіепископъ Лисовскій просилъ папу дозволить уніатамъ приблизиться своими обрядами къ нашимъ, но папа не соглашался, и сказалъ: надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга. Папа пѣтушится, выставляется, дурачится, объ существенномъ не помышляетъ.»

Король, какъ правовѣрный католикъ, защищалъ папу и началъ жаловаться на православнаго переяславскаго епископа и слуцкаго архимандрита Садковскаго, называлъ несправедливыми его безпрестанныя жалобы на притѣсненія, оказываемыя православнымъ католиками и уніатами отбираніемъ у нихъ церквей, и просилъ назначить съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ для разсмотрѣнія: къ какому исповѣданію принадлежитъ та или другая церковь? Король показывалъ на Садковскаго, что онъ насильно принуждалъ къ православію поселившихся въ польскихъ владѣніяхъ старообрядцевъ и требовалъ, чтобъ Садковскій произнесъ присягу на вѣрность Рѣчи-Посполитой.

Потемкинъ нашелъ послѣднее требованіе короля справедливымъ.

Браницкій съ досадою увидѣлъ, что тотъ, на кого онъ единственно полагалъ надежды, обходится съ королемъ почтительно. По выраженію короля, онъ сталъ тогда похожъ на мокраго волка. Но Браницкій не думалъ съ королемъ мириться и разсчитывалъ, что рано-ли поздно Станиславъ-Августъ, по своей измѣнчивой натурѣ, доведетъ Россію до того, что она будетъ нуждаться въ Браницкомъ, какъ въ орудіи противъ короля.

Въ Каневѣ къ Станиславу-Августу пріѣзжали русскіе сановники: сынъ фельдмаршала Румянцова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и канцлеръ Безбородко. Послѣдняго представилъ королю Штакельбергъ и сказалъ: «рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!» Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Безбородко. «Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ»,—сказалъ Безбородко.

«Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія».

Канцлеръ отвѣчалъ: «намѣренія вашего величества вполнѣ

извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени привести ихъ въ исполненіе».

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ для возможности, посредствомъ большинства голосовъ, провести такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

— Пока, я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моимъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего.

Безбородко отвѣчалъ: «Противъ этого уже приняты и впередъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей»!

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

— Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать! Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить.

— Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтоватъ государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ.

Императрица смотрѣла на конфедерованный сеймъ какъ на обоюду-острое орудіе. Большинство могло послужить и въ пользу и во вредъ ея планамъ, смотря потому, какъ это большинство составится. Притомъ же, прежде чѣмъ допускать конфедерованный сеймъ для устроенія большинства голосовъ, нужно было сообразить и окончательно условиться, для какого рода договора Польши съ Россіею потребуется большинство голосовъ. Станиславу-Августу Екатерина мало довѣряла, полякамъ вообще еще менѣе. У ней на то были важныя основанія. Дѣйствительно, король предлагалъ союзъ съ Россіею, но неопредѣленно, не выяснялъ, какой именно союзъ долженъ заключиться: то казалось, онъ готовъ былъ на вѣчное политическое соединеніе съ Россіею, то какъ будто хотѣлъ съ нею союза только на случай предстоящей войны. Съ русской стороны подозрѣвали, что онъ теперь льнетъ къ Россіи для того, чтобъ получить отъ государыни право расширить свою власть, увеличить войско и взять его подъ свою команду, чтобъ имѣть возможность осуществлять свои планы, которые непремѣнно пошли бы въ разрѣзъ съ видами Россіи.

Станислава-Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлѣзаетъ къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемничество престола за своимъ племянникомъ. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ безусловно.

Вниманіе русскаго двора къ панамъ королевской партіи достаточно показывало, однако, членамъ оппозиціи, что Россія не намѣрена мирволить послѣдней. Это подѣйствовало на Щенснаго Потоцкаго. Онъ явился къ королю, почтительно извинялся передъ нимъ за прошлое и приглашалъ короля къ себѣ въ гости въ Тульчинъ. Король обѣщалъ. Императрица послала Станиславу-Августу письменный отвѣтъ на его Souhaits de roi, но король никому не показывалъ его и держалъ у себя въ шкатулкѣ.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Екатерины. Императрица прибыла въ Каневъ, въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Комаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моравскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами Уисвортсомъ и Мэсоннэ, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ, при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицею, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ ней крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе—Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ, играли въ карты, учатсвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

— Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?

Потемкинъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

— Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

— Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на

мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству—сказала Екатерина.

Этимъ окончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. Бѣдный король!— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь — за три мѣсяца онъ истратилъ три милліона злотыхъ, только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженіи трехъ часовъ. Въ утѣшеніе ему, Безбородко, относительно поданной имъ записки, сказалъ: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся, только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбудить противъ себя сосѣдей».

Поляки приводятъ одну изъ поданныхъ королемъ записокъ императрицѣ въ такомъ видѣ:

«Благодарность короля къ императрицѣ и обязанности его по отношенію къ отечеству, побуждаютъ его представить, какъ важно, чтобы два народа — русскій и польскій — были между собою на вѣки соединены охранительнымъ союзомъ. Пока въ Европѣ господствуетъ миръ, и Россія ни съ кѣмъ не ведетъ войны кромѣ Порты, до тѣхъ поръ настоящее состояніе Польши мало вредитъ Россіи. Но положеніе поляковъ до крайности невыносимо, по причинѣ частыхъ утѣсненій, испытываемыхъ отъ могущественныхъ сосѣдей; а оно тотчасъ измѣнится, какъ только Польша соединится съ Россіею формальнымъ союзомъ. Когда же начнется въ Европѣ война, или Порта получитъ помощь отъ какого-нибудь сосѣда Польши, тогда Россія поздно пожалѣетъ, что не обратила вниманія на представленныя королемъ предложенія. Сосѣдъ Польши, поссорясь съ Россіею, создастъ себѣ въ Польшѣ партію, и эта партія станетъ препятствовать всѣмъ соглашеніямъ, какія бы пожелала Россія учинить съ польскимъ королемъ и народомъ.

«Чтобы предотвратить такого рода печальныя событія, вредныя для обоихъ государствъ (тѣмъ болѣе, что Польша въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ ужасамъ междоусобной войны) неизбѣжно заключить поскорѣе формальный союзъ и заблаговременно сдѣлать Польшу полезною для Россіи въ каждомъ случаѣ. Для этого необходимо:

«1) Подготовить себѣ вѣрное вліяніе пріобрѣтеніемъ несомнѣннаго большинства. Это намѣреніе требуетъ времени и средствъ, потому что, послѣ раздѣла, каждый изъ сосѣдей сталъ имѣть на

нее вліяніе, по мѣрѣ богатства и ловкости особъ, сдѣлавшихся разомъ подданными двухъ государствъ, сопредѣльныхъ между собою, и по мѣрѣ связей, которыя легко могутъ найти для себя подданные этихъ двухъ государствъ. Но такъ какъ Россія можетъ быть по опыту убѣждена въ неизмѣнности правилъ короля, постоянно привязаннаго къ системѣ исканія блага для себя и для своего народа единственно въ союзѣ съ нею, то это государство не должно было бы препятствовать его вліянію на страну, напротивъ, должно допустить, чтобъ нѣкоторыя неумѣстныя учрежденія, производящія гибельную безурядицу, были устранены, а королю возвращено было данное ему, по силѣ условій принятія короны (Pacta conventa), право выбора и назначенія особъ на разныя государственныя должности. Россіи легче будетъ соглашаться съ однимъ королемъ, чѣмъ отдѣльно съ особами, которыя прибѣгаютъ къ ней съ своими заявленіями только для того, чтобъ имѣть за собою ея сильную рекомендацію для достиженія своихъ превратныхъ цѣлей.

«2) Такъ какъ формированіе войска требуетъ времени, то нужно, чтобъ Россія пожелала помочь поставить его на приличную степень. Что касается до числа войска, до управленія имъ и обученія его, то каждая изъ трехъ провинцій: Великая Польша, Малая Польша и Литва могли бы поставить, по крайней мѣрѣ, по двѣнадцати тысячъ, усиливая уже существующіе корпусы и включая сюда королевскіе полки и артиллерію: это увеличило бы количество войска, годнаго къ бою, до тридцати шести тысячъ, исключая батальонъ полиціи, скарбовыхъ, трибунальскихъ компаній и проч., которые всѣ не содержатъ въ себѣ болѣе четырехъ или никакъ не болѣе пяти тысячъ и не могутъ причисляться къ военной силѣ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Польша могла бы обязаться, въ силу своего союза съ Россіею, доставлять двадцать пять или тридцать тысячъ войска на время войны, съ условіями насчетъ жалованья. Фондъ на снаряженіе этого войска и на его содержаніе въ мирное время можетъ быть придуманъ и найденъ въ Польшѣ, еслибъ только Россія позволила искать его на конфедерованномъ сеймѣ, потому что на сеймѣ вольномъ никакъ нельзя этого сдѣлать. Хотя трактатомъ 1775 года и дозволяется Польшѣ на вольномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ возвысить поборы до суммы 33 милл., однако, опытъ показалъ какъ нельзя лучше, что всѣ усилія къ этому обращаются въ ничто и противъ этого отыскиваютъ тысячи предлоговъ и поводовъ, которые самая форма вольныхъ сеймовъ подаетъ зложелателямъ. Если же выраженное мною и не заслуживаетъ принятія, то пусть, по крайней мѣрѣ,

эта записка останется памятникомъ добрыхъ мыслей короля и желанія быть полезнымъ для Россіи сосѣдомъ. Такія чувствованія, кажется, заслуживаютъ того, чтобъ остатокъ дней его былъ избавленъ отъ непріятностей. Это совершенно въ рукахъ императрицы.»

Изъ этой записки, однако, мы узнаемъ не все, что̀ предлагалъ Екатеринѣ Станиславъ-Августъ, заискивая покровительства и союза. Саксонскій министръ доносилъ своему правительству, будто въ Каневѣ были дѣйствительно постановлены условія между королемъ и императрицею, по которымъ Польша заключала съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ, обязывалась доставлять, въ случаѣ каждой войны, двѣнадцать тысячъ войска, съ платою со стороны Россіи этому войску жалованья, Россія же обѣщала давать Польшѣ каждогодно сто тысячъ червонцевъ; король, при этомъ, имѣлъ право перемѣнять министровъ, утверждать и не утверждать опредѣленія сеймовъ, могъ увеличить свои доходы на два милліона; его долги должны быть заплачены, а его роднымъ даны староства и пр. Намъ, однако, кажется, что Эссенъ сообщилъ невѣрные слухи; по крайней мѣрѣ, послѣдующія событія ни мало не показываютъ, чтобъ къ Каневѣ заключено было что̀-нибудь подобное. Гельбигъ, саксонскій министръ въ Петербургѣ, увѣряетъ, будто въ Каневѣ король хлопоталъ, чтобы преемникомъ ему былъ племянникъ его Станиславъ. И на это нѣтъ никакихъ подтвержденій. По ходу послѣдующихъ обстоятельствъ кажется, что Станиславъ-Августъ, желая, во что̀ бы то ни стало, пріобрѣсть полное довѣріе императрицы и найти въ ней опору противъ всякихъ враждебныхъ движеній на будущее время, предлагалъ ей тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіею и соглашался, чтобы, на случай его кончины, Екатерина назначила ему преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. По крайней мѣрѣ, въ 1792 году, когда король открыто просилъ Екатерину дать Польшѣ въ короли великаго князя Константина, онъ, по этому поводу, просилъ также императрицу вспомнить о томъ, что̀ онъ подалъ ей на письмѣ въ Каневѣ на галерѣ. При этомъ, онъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, то-есть въ 1792 году, исполненіе такого плана удобнѣе, чѣмъ было прежде. Къ этому какъ нельзя болѣе подходятъ и загадочныя слова Безбородки о томъ, что не слѣдуетъ, до поры до времени, разглашать какихъ-то намѣреній, чтобъ не возбудить сосѣдей. Была ли приведенная нами записка послана прежде свиданія, или же во время свиданія подана императрицѣ, утвердительно рѣшить нельзя, но только въ это время со стороны Станислава-Августа было предлагаемо не только то, что̀ находится въ этой

запискѣ, а еще и другое, что̀ онъ держалъ въ большомъ секретѣ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находились дѣла Россіи, отъ императрицы можно было ожидать только того, что̀ она сдѣлала: она похвалила Станислава Августа за изъявленія дружбы и оставила исполненіе его предположеній до будущаго времени. Еще война съ Турціею не начиналась, а въ видахъ императорскихъ дворовъ не было самимъ дѣлать вызова; дожидались, чтобъ Турція сама начала, формальный же союзъ съ Польшей, съ условіями о войнѣ, былъ бы явною воинственною выходкою противъ Турціи. Еще менѣе императрица расположена была раздражать Европу: преждевременный союзъ съ Польшею встревожилъ бы не только прусскаго короля, но самаго союзника Екатерины, Іосифа II, и вообще скорѣе принесъ бы Россіи вредъ, чѣмъ пользу. Въ искренность короля, какъ выше сказано, императрица не вѣрила, да кромѣ того король, если бы даже поступалъ искренно, то въ этомъ дѣлѣ не значилъ всего. Нужно было еще удостовѣриться въ расположеніи поляковъ; Екатерина же знала, что, по первомъ оглашеніи такого союза, враждебныя Россіи силы тотчасъ возстановятъ противъ нея всю Польшу.

Оставивши Каневъ, Станиславъ-Августъ въ Корсунѣ встрѣтился съ Іосифомъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ. Іосифъ, чрезъ королевскаго племянника Станислава Понятовскаго, далъ знать королю, что желаетъ пріѣхать къ нему. Увидавши въ первый разъ польскаго короля, нѣмецкій императоръ обнялъ его, какъ давняго знакомца. Двери за ними заперли. Іосифъ сѣлъ на канапэ по лѣвую руку отъ Станислава-Августа. Разговоръ продолжался часъ съ четвертью. Польскій король старался наговорить ему какъ можно болѣе любезностей.

— Я бы могъ, говорилъ Іосифъ — воспользоваться моимъ саномъ для того, чтобъ имѣть побольше удовольствій, но я предпочелъ посвятить себя благу моего отечества и потомства. Отъ этого я сталъ нововводителемъ и много предразсудковъ пришлось мнѣ побѣждать. Главное уже сдѣлано, но еще довольно затрудненій предстоитъ мнѣ преодолѣвать.

Польскій король при этомъ, по собственному его выраженію, подкадилъ ему.

— И вы также, продолжалъ императоръ — хотѣли тоже дѣлать, положили много хорошихъ началъ, но обстоятельства для васъ были противны и ужасны; меня особенно удивляетъ распространенное опасеніе насчетъ проектовъ, которые вамъ приписываютъ.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ, сказалъ польскій король — что эти опасенія притворны; есть двѣ причины ихъ выдумывать. Первая, чтобъ имѣть благовидный предлогъ оправдывать несправедливую ненависть и козни противъ меня; вторая — нужны видимыя причины всякій разъ, когда обращаются къ вамъ за помощью.

— Я сомнѣвался въ этомъ, сказалъ Іосифъ. — Надобно согласиться, что ходитъ невѣроятное множество лживыхъ слуховъ, опасныхъ потому, что они внушаютъ безпокойство и недовѣріе. Вамъ сообщали объ нихъ, вѣроятно, въ послѣднее время.

— Такъ какъ вы объ этомъ говорите, сказалъ Станиславъ Августъ — то я не отрицаю, мнѣ сообщали много такого, что мнѣ было чувствительно, и только вы можете меня освободить отъ этихъ непріятностей.

Императоръ съ живостію взялъ короля за руку, потрясъ ее и сказалъ:

— Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я ничего не хочу отъ Польши; понимаете — ничего, — ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была уже васъ увѣрить.

Поговоривъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, о воспитаніи женскаго пола, насчетъ чего императоръ обѣщалъ прислать свой уставъ, Іосифъ опять навелъ разговоръ на дѣла Польши.

— Я не хотѣлъ, сказалъ онъ — отнимать у Польши ни одного дюйма земли, но Россія и покойный прусскій король сказали мнѣ: мы рѣшились взять себѣ по куску Польши; предлагаемъ тоже и вамъ, если угодно вамъ сойтись съ нами, а не хотите, такъ мы будемъ воевать съ вами. Нечего дѣлать; надобно было брать нашу долю; и вы бы на моемъ мѣстѣ также поступили.

Польскій король не сталъ ему возражать и промолчалъ.

— Зачинщикъ всему дѣлу прусскій король, продолжалъ императоръ.

Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что прусскій король себя выгораживаетъ отъ этого. Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. Когда императоръ сѣлъ уже въ карету, Станиславъ-Августъ подбѣжалъ къ ней и закричалъ:

— Дайте мнѣ еще разъ вашу руку.

— Отъ всего сердца! сказалъ Іосифъ и протянулъ ему изъ кареты руку.

Многіе польскіе паны представлялись въ разныхъ мѣстахъ Іосифу. Былъ въ числѣ ихъ и Игнатій Потоцкій. Іосифу онъ не

понравился; нѣмецкій императоръ отвернулся отъ него также, какъ и русская императрица, и сказалъ: c'est un brouillon! Отвергнутый, осрамленный двумя монархами, пораженный въ самое сердце, Потоцкій рѣшился всецѣло отдаться третьему, но послѣ того, какъ придется и отъ третьяго испытать еще что̀-нибудь похуже, чѣмъ отъ двухъ первыхъ, ему ничего не останется, какъ сдѣлаться демократомъ.

Станиславъ-Августъ отправился въ Тульчинъ. Щенсный Потоцкій принялъ короля съ такимъ радушіемъ, что, казалось, миръ между ними водворился. Щенсный сказалъ: «На память радостнаго пріѣзда ко мнѣ короля моего, я увольняю отъ подданства здѣшній городъ и отдаю его въ юрисдикцію ассессорскаго суда». «А я — сказалъ королевскій племянникъ — по этому поводу увольняю не только отъ панщины, но и отъ всякаго оброка двадцать пять новобрачныхъ въ Корсуни».

Король подъ вліяніемъ пріема, оказаннаго ему Щенснымъ Потоцкимъ, писалъ къ своимъ пріятелямъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что русскій воевода добрый человѣкъ, честный и желаетъ добра отечеству; мы съумѣемъ его приголубить къ себѣ».

Въ Тульчинѣ во время пріѣзда короля произнесъ присягу на вѣрность архіерей Викторъ Садковскій.

Послѣ примиренія съ Потоцкимъ оставалось королю примириться съ Чарторыскими; люблинскій подкоморій Длускій хотѣлъ устроить это примиреніе и обратился къ королю. Станиславъ-Августъ сказалъ ему: «Послѣ прошедшаго сейма я принялъ князя Адама любезно; онъ съ своей стороны это понялъ. Но пришла княгиня съ суровымъ видомъ, и я напрасно старался смягчить ее. Я все сдѣлалъ съ моей стороны; теперь спокойно и терпѣливо буду ждать времени, когда они опомнятся и сами поймутъ, что на меня не за что̀ дуться. Но напрашиваться самому — мнѣ неудобно и нѣтъ пользы. Знаю, что князь Адамъ лично не желалъ мнѣ зла, какъ и я ему, но вижу, что ему трудно освободиться изъ сѣтей женскаго пола.» Король жаловался, что Чарторыская оговариваетъ его передъ императоромъ, въ службѣ котораго находился ея мужъ.

Король надѣялся, что уже разувѣрилъ въ свою пользу Іосифа, что Екатерина была къ нему милостива, что, наконецъ, Потемкинъ, которымъ его стращали, расположенъ къ нему и теперь уже не страшны ему враги. Правда, съ Браницкимъ ему не удалось сойтись: въ Каневѣ король говорилъ съ нимъ очень дружелюбно и пытался возстановить прежнее согласіе, которое когда-то между ними было. «Вы меня знаете тридцать лѣтъ — говорилъ ему Станиславъ-Августъ — я не мстителенъ и не завистливъ; я лучше люблю вспоминать о томъ добрѣ, которое мнѣ

когда-то оказывали, чѣмъ о томъ злѣ, которое мнѣ причиняли впослѣдствіи, даже если и не перестаютъ его причинять. Князь Потемкинъ желаетъ, чтобъ вы со мною сблизились, мое сердце не заперто для васъ. Рѣшеніе зависитъ отъ вашего поведенія.» Браницкій отвѣчалъ королю, какъ послѣдній выражался, сеймовымъ слогомъ, запирался во многомъ, что ему король ставилъ въ вину, и сказалъ: въ Польшѣ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и стоять за свободу и справедливость. «Я король, — сказалъ ему Станиславъ-Августъ—я вамъ протянулъ руку, я вамъ отворилъ двери, вы не хотите входить. Теперь мнѣ говорить съ вами нечего болѣе. Пусть вашъ дядя, вашъ отецъ будетъ судьею вашего поведенія.» Обратившись послѣ того къ Потемкину и разсказавши ему о разговорѣ своемъ съ Браницкимъ, король получилъ такой отвѣтъ: — «Я думаю, Потоцкій и Чарторыская его околдовали, онъ ихъ боится и не смѣетъ дѣлать и говорить такъ, какъ слѣдуетъ. Извините, простите, государь, я вамъ обѣщаю, что исправлю его.»

И на этомъ обѣщаніи основывался пока Станиславъ-Августъ.

II

Положеніе и виды Пруссіи.—Партіи въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.—Приготовленія къ сейму.—Избраніе маршала [1]).

Лѣтомъ 1787 г., война между Россіею и Турціею вспыхнула. Подстрекаемая французскимъ и прусскимъ послами, Турція объявила ее Россіи и начала свои непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что русскаго посланника Булгакова засадила въ Семибашенный замокъ. Іосифъ объявилъ Турціи войну въ февралѣ 1788 года.

Война эта взволновала Европу. Шведскій король Густавъ III объявилъ Россіи войну.

Пруссія заключила союзъ съ Англіею и Голландіею противъ замысловъ Россіи и Австріи. Прусскій главный министръ Герцбергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II, дѣлами при слабомъ и женолюбивомъ преемникѣ его Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, не имѣлъ намѣренія вводить Пруссію въ дѣйствительную войну съ кѣмъ бы то ни было и предпочиталъ дѣйствовать интригами, пугать Россію и Австрію, но не выступать противъ нихъ рѣшительно и всегда показывать имъ желаніе сойтись, но не иначе, какъ съ особенными выгодами для Пруссіи. Пруссія съ Портою вступала

[1]) См. выше, Источники: №№ 12, 18, 36, 81, 109, 96, 100, 58, 80, 118, 23.

въ союзъ, но не думала ей помогать оружіемъ, а только наблюдала, чтобъ Россія и Австрія не взяли у Турціи слишкомъ много; за уступки, которыя Турція сдѣлаетъ Россіи и Австріи, и вообще за пріобрѣтенія, которыя получатъ какимъ бы то ни было образомъ двѣ послѣднія державы, Пруссія хотѣла захватить что̀-нибудь для себя. Это желанное пріобрѣтеніе для Пруссіи могло быть только въ Польшѣ. Ближайшіе виды Пруссіи были на Гданскъ и Торунь съ ихъ округами: овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосою земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; даже Пруссія предполагала сдѣлать это пріобрѣтеніе, выговоривши отъ Австріи уступку для Польши отнятой Галиціи. Но при бо̀льшихъ успѣхахъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсть насчетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней. Такимъ образомъ, когда Россія и Австрія искали расширенія своихъ предѣловъ, подвергаясь опасностямъ и непостоянству войны, наживая себѣ новыхъ враговъ, Пруссія составляла планъ получить пріобрѣтенія болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ: другіе будутъ тратить милліоны и жизнь своихъ поданныхъ, —Пруссія будетъ работать съ малыми издержками. Но императрица русская поняла этотъ разсчетъ и рѣшилась противодѣйствовать прусской дипломатіи въ Польшѣ своею дипломатіею, однако не доходить до открытой вражды съ Пруссіею, и всегда была готова сойтись съ нею на обоюдныхъ условіяхъ, если будетъ необходимо.

Въ то время, когда польскій король, вслѣдствіи канѐвскаго свиданія, началъ подготовлять своихъ пановъ къ мысли о союзѣ съ Россіею, прусскій министръ въ Польшѣ Бухгольцъ и генералъ Гольцъ стали вооружать поляковъ противъ Россіи и налегли на оппозиціонную партію: это имъ было подручно, послѣ того какъ братья Потоцкіе и Сапѣги кипѣли злобою за оскорбленія, нанесенныя въ Кіевѣ ихъ самолюбію. Екатерина знала все и поняла, что такого рода политика со стороны Пруссіи, впослѣдствіи, принесетъ Россіи, вмѣсто вреда, пользу. Когда министръ Іосифа, Кауницъ, предлагалъ Россіи дѣлать въ Польшѣ то же, что̀ дѣлаетъ Пруссія: вооружать поляковъ противъ Пруссіи и обѣщать имъ возвращеніе земель, отнятыхъ Пруссіею по первому раздѣлу, Екатерина не согласилась на это. Король Станиславъ-Августъ, въ виду предстоявшаго сейма, послалъ къ императрицѣ проектъ о главныхъ предметахъ совѣщаній на этомъ сеймѣ, и въ этомъ проектѣ предлагалъ отобрать отъ Пруссіи земли, захваченныя по

первому раздѣлу, такъ какъ прусскій король явно намѣревается дѣлать пріобрѣтенія насчетъ Польши. На польскіе совѣты Екатерина еще меньше поддавалась, чѣмъ на австрійскіе. По этому поводу, императрица писала Штакельбергу: «Не надобно отнюдь возбуждать жадности въ другихъ такою же съ своей стороны; не отрицаю: быть можетъ, прусскій король хочетъ еще распространить свои предѣлы насчетъ Польши, но мы не желаемъ заключать съ Польшею договоровъ, предосудительныхъ для прусскаго короля». Отстраняясь отъ возможности поссориться съ Пруссіею изъ-за Польши, императрица, не дозволяла и внутри Польши чего-нибудь такого, что̀ могло ослабить зависимость Польши отъ Россіи. Польскій король, въ томъ же проектѣ, указывалъ на необходимость пересмотра правленія, составленнаго послѣ 1772 года. Императрица, по этому поводу, писала Штакельбергу: «Пусть этотъ сеймъ занимается сперва только дѣлами союза съ Россіею.» Выгоды Россіи требовали допустить въ Польшѣ радикальныя измѣненія только послѣ того, когда можно было увѣриться, что Польша связана съ Россіею настолько, что перемѣны въ ней не повлекутъ за собою возможности сдѣлаться орудіемъ враговъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица понуждала скорѣе сформировать польское войско, чтобъ послать его дѣйствовать противъ турокъ вмѣстѣ съ русскимъ, и обѣщала на него триста тысячъ червонцевъ, уплачивая эту сумму по пятидесяти тысячъ въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія сейма, Бухгольцъ усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи: онъ объяснялъ имъ, что союзъ съ Россіею не можетъ состояться и навлечетъ на Польшу бѣду; Пруссія не допуститъ Польшу до этого союза и начнетъ, въ случаѣ упорства поляковъ, дѣйствовать противъ нихъ энергическими мѣрами. Внушенія прусскаго министра поддерживалъ и англійскій Гэльсъ. Они оба увѣряли поляковъ, что въ Европѣ уже составился тайный союзъ противъ поползновеній двухъ императорскихъ дворовъ. Англія, Швеція, Голландія, Порта, Пруссія и нѣмецкіе владѣтели образовали этотъ союзъ для поддержанія равновѣсія въ Еяропѣ. Къ этому союзу слѣдуетъ приступить Польшѣ; теперь-то ей пришла такая пора, какой до сихъ поръ не бывало — выбиться изъ-подъ русской опеки и возвратить себѣ прошлое значеніе и независимость; прусскій король — ближайшій сосѣдъ Польши и искреннѣйшій ея другъ; онъ ей поможетъ; онъ станетъ ее защищать, еслибъ Россія вздумала оказать противъ нея какія-нибудь насильственныя дѣйствія. Обстоятельства давали вѣру прусскимъ внушеніямъ. Поляки соображали, что Россія не выиграетъ въ предпринятой войнѣ: у ней одна только союзница

Австрія, а за турокъ, какъ ихъ увѣряли, заступится вся Европа. Уже шведскій король и началъ войну съ Россіей; уже силы Россіи раздѣлены, и она должна вести войну на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ своего государства. Уже первыя военныя дѣйствія обоихъ императорскихъ войскъ не представляли много блеска. Іосифъ II, начавши самъ лично воевать противъ турокъ, оказался плохимъ полководцемъ; генералы у него были не превосходные, и войско, сражавшееся на берегахъ Дуная, терпѣло отъ болѣзней и дурныхъ распоряженій. Русскія силы имѣли у себя геніальнаго Суворова, но послѣ блестящей побѣды подъ Кинбурномъ, началась продолжительная и въ высшей степени изнурительная для войска осада Очакова. Все подавало надежду полякамъ, что война съ Турціею не послужитъ къ усиленію Россіи, а потому теперь-то и слѣдуетъ имъ пользоваться тѣмъ. Россія не въ состояніи обратить своего оружія для удержанія Польши въ зависимости; слѣдуетъ не терять удобнаго времени и расположенія Европы, свергнуть съ себя гарантію Россіи, уничтожить постановленія и учрежденія, навязанныя ею, создать военную силу, устроить государственный механизмъ и гражданскій порядокъ, сдѣлать, однимъ словомъ, Польшу благоустроенною державою, которая бы, впослѣдствіи, могла выдержать борьбу за свою независимость противъ покушеній Россіи. Но слабой, истощенной Польшѣ нуженъ союзникъ: этотъ союзникъ, сильный, благородный, великодушный и безкорыстный, явился полякамъ въ особѣ прусскаго короля. Игнатій Потоцкій, братъ его Станиславъ, Чарторыскіе, Сапѣга сдѣлались корифеями партіи, обращавшей взоры упованія на Пруссію. Къ нимъ присталъ старый Станиславъ Малаховскій, человѣкъ очень богатый, не бойкаго разсудка, но добродушный и честный, а послѣднее составляло большую рѣдкость между польскимъ панствомъ. Онъ искренно желалъ добра своему отечеству и былъ готовъ на всякія реформы; не смотря на его старыя лѣта, въ немъ было много юношеской живости; по своей доброй натурѣ, онъ довѣрился всему, что̀ слышалъ отъ прусскаго министра и, вслѣдъ за братьями Потоцкими, началъ видѣть въ прусскомъ королѣ спасителя Польши. Передъ тѣмъ онъ, какъ и братъ его, который сдѣлался канцлеромъ‘ не былъ врагъ Россіи и даже горячо говорилъ за союзъ съ нею‘ находилъ полезнымъ, еслибъ два близкіе славянскіе народа соединились во-едино; но ему успѣли представить въ черномъ цвѣтѣ деспотизмъ и коварную политику Россіи, которая не допуститъ ни за что̀ полезныхъ измѣненій въ Польшѣ: и такъ, онъ склонился на прусскую сторону. Братъ его остался навсегда сторонникомъ Россіи. На Станислава Малаховскаго мѣтили, какъ на

будущаго маршала сейма, не только люди расположенные къ Пруссіи, но и пріязненные къ Россіи, даже самъ русскій посланникъ, который долго не зналъ о перемѣнѣ убѣжденій и склонностей Малаховскаго и долго считалъ его преданнымъ человѣкомъ.

Бывшая оппозиція раздѣлилась. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій не пристали къ прусской партіи. Браницкій кричалъ о возрожденіи отечества, поддѣлывался къ патріотамъ, говорилъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія, но держался императрицы, ибо разсчиталъ, что судьба Польши и, слѣдовательно, его собственная, зависитъ отъ нея. У него была большая партія, партія эгоистовъ, подобныхъ ему, у которыхъ первою цѣлію въ жизни было пожить весело, какими бы средствами ни пріобрѣталось такое житье; свои узкіе виды для нихъ были дороже отечества, и потому они льнули туда, гдѣ чуяли силу и гдѣ ожидали для себя выгодъ. Эгоисты часто видятъ вещи прямѣе, чѣмъ тѣ, которые способны увлекаться идеями: эгоисты чуютъ, гдѣ имъ будетъ лакомо и чутьемъ идутъ туда, какъ звѣри на запахъ добычи. Отъ этого люди продажные, преданные себѣ самимъ, склонялись къ Россіи, какъ будто предчувствуя, что такъ ли или иначе поворотятся въ Европѣ обстоятельства, а для Польши сильнѣе Россіи не будетъ державы. Польскіе историки и публицисты называютъ этого рода людей русскою, или какъ они выражаются, московскою партіею. Собственно, партіею назвать ихъ нельзя. Это были люди, думавшіе только о своихъ выгодахъ и готовые служить и Россіи, и Пруссіи и кому угодно, но такихъ въ Польшѣ было безчисленное множество. Изъ нихъ были люди стоявшіе на высокой степени государственнаго сановничества, и они получали отъ Россіи деньги, но также точно готовы были получить ихъ отовсюду.

Щенсный Потоцкій не принадлежалъ къ разряду такихъ людей. Его любящая и поэтическая душа увлеклась величественнымъ образомъ Екатерины; онъ полюбилъ ее и благоговѣлъ предъ нею; онъ вѣрилъ въ нее, въ ея благодушіе, и искренно думалъ, что она только можетъ спасти его отечество. Щенсный желалъ Польшѣ добра, но допускалъ для ея возрожденія только то, что́ сходилось съ его традиціями и предразсудками. Подобно ему, думали обыватели стараго покроя: по ихъ понятіямъ, Рѣчь-Посполитая должна была не вводить что-нибудь новое, а поправлять старое, воскресить забытое; ихъ идеалы были не впереди, а назади; они хотѣли не сотворить изъ Польши европейское государство въ современномъ вкусѣ, а воротить ее къ тому блестящему періоду старинныхъ доблестей и добродѣтелей, которыми, по ихъ лживому мнѣнію, полна была польская исторія.

Впрочемъ, кромѣ Щенснаго Потоцкаго, который былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія, хотя и превратнаго, трудно различить, кто принадлежалъ къ такому разряду консерваторовъ, а кто былъ просто продажнымъ и безчестнымъ эгоистомъ.

Король, его братья, родственники и кружокъ болѣе или менѣе ему преданныхъ людей, составляли въ Польшѣ партію, которую противники окрестили именемъ дворской. Это были люди, которые находили, что вся бѣда Польши происходитъ отъ дурного воспитанія, отъ ослабленія монархической власти и безпорядковъ въ управленіи. Эти люди, поэтому, заботились о воспитаніи, думали усилить королевскую власть, ограничить произволъ пановъ, установить законность, уничтожить liberum veto. Партія эта въ то время разсчитывала, что Польшѣ единый исходъ — быть въ союзѣ съ Россіею, и потому она хотѣла угождать Екатеринѣ съ тѣмъ, чтобъ заслужить съ ея стороны вниманіе и получить отъ нея дозволеніе произвести въ Польшѣ перемѣны. Они думали, что избирательное правленіе для Польши источникъ бѣдствій, хотѣли ввести наслѣдственное, и, чтобъ склонить къ этому Екатерину, готовы были утвердить его за такимъ домомъ, за какимъ угодно будетъ ей. Однимъ словомъ, цѣль ихъ была вести Польшу къ благоустройству въ дружбѣ съ Россіею. Нельзя сказать, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ любили Россію и искренно были ей преданы, напротивъ, каждый изъ принадлежавшихъ къ этой партіи всегда готовъ былъ отшатнуться отъ Россіи, еслибъ только предстояла возможность и Россія перестала имъ быть опасною; такъ многіе изъ нихъ и поступили впослѣдствіи. Люди этой партіи, какъ и король самъ, вообще не могли похвалиться твердостію, напротивъ, отличались легкомысліемъ и поверхностною податливостію въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, а кромѣ того всѣ, болѣе или менѣе, соразмѣряли свои политическія убѣжденія съ своими личными выгодами. Между ними по уму, дарованію, отличались Іоакимъ Хребтовичъ, Кицинскій, генералъ Комаржевскій. Два послѣдніе занимали видное мѣсто между людьми этой партіи при дворѣ. Братъ короля, примасъ Михаилъ Понятовскій, по знатности занимаемаго имъ сана, стоялъ виднѣе всѣхъ. Намѣренія этой партіи сходились съ видами прогрессистовъ, уклонившихся къ Пруссіи, но разница между ними была та, что одни хотѣли опираться на Пруссію, возбуждавшую поляковъ противъ Россіи, а другіе пока до времени держались Россіи.

Въ августѣ 1788 г. разосланы были универсалы на сеймики для выбора пословъ, на предстоящій сеймъ, который заранѣе объявлялся конфедерованнымъ. Императрица, въ видахъ заклю-

ченія союза съ Россіею, согласилась, чтобъ онъ былъ конфедерованъ. Король и его партія хотѣли, также какъ и прусская партія, чтобъ маршаломъ предстоящаго сейма былъ Малаховскій. Его считали столько же честнымъ, сколько податливымъ, и чрезъ него надѣялись имѣть вліяніе на сеймъ; сеймовый маршалъ былъ важное лицо: онъ давалъ движеніе работамъ на сеймѣ, направлялъ пренія, соблюдалъ порядокъ, имѣлъ право прекращать засѣданія. Соперникомъ Малаховскаго былъ Щенсный Потоцкій. Уже въ самомъ взглядѣ на конфедерованіе сейма видно было, какъ будетъ вести сеймъ тотъ и другой, сдѣлавшись маршаломъ. Щенсный Потоцкій не хотѣлъ знать никакихъ другихъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставили предки; онъ желалъ составленія конфедераціи, такъ какъ она составлялась въ былыя времена, то-есть, составить конфедераціи по воеводствамъ и повѣтамъ и потомъ соединить ихъ въ одну общую. При такомъ устройствѣ конфедераціи, сообразно древнему обычаю, прекратились бы всѣ суды, перемѣнились бы должностныя лица; всѣ должны были произнести присягу конфедераціи. Отъ нея бы зависѣло все управленіе страны, правосудіе, финансы, войско. Противники его замѣчали, что поступить такимъ образомъ—значитъ умышленно возбудить мятежъ и безпорядки. Цѣль конфедераціи была ни болѣе, ни менѣе, какъ только устранить единогласіе и допустить рѣшеніе дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ, и поэтому нужно было выбрать обычнымъ образомъ на сеймикахъ пословъ на сеймъ; эти послы съѣдутся въ Варшаву, и тамъ тотчасъ объявятъ сеймъ сконфедерованнымъ, не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ ходѣ управленія, оставляя власть по прежнему во всѣхъ текущихъ отправленіяхъ. Малаховскій только съ этимъ условіемъ соглашался принимать званіе сеймоваго маршала. Щенсный Потоцкій говорилъ, что онъ не иначе сдѣлается маршаломъ сейма, какъ тогда, когда избранъ будетъ единогласно. Всѣ партіи, по извѣстному обычаю, принялись дѣйствовать на сеймикахъ и подготовлять себѣ силу на будущемъ сеймѣ. Штакельбергъ узналъ тогда, что Пруссія разослала своихъ агентовъ по Великой Польшѣ для внушенія на сеймикахъ полякамъ мысли о томъ, что теперь пришла пора освободиться отъ московскаго ига, что никакъ не слѣдуетъ заключать договора съ Россіею, а надлежитъ заключить союзъ съ прусскимъ королемъ—онъ истинный другъ Польши и защитникъ: нечего полякамъ бояться Москвы; пусть она нападаетъ на Польшу — прусскій король защититъ ее. Императрица писала Штакельбергу: «Берлинскій дворъ составляетъ противъ насъ партію въ Польшѣ; слѣдуетъ и намъ отложить всякое уваженіе и искать утвердить нашу силу въ Польшѣ, воспол-

зоваться тѣмъ расположеніемъ, какое теперь многіе имѣютъ.» Императрица приказывала своему министру увѣрять поляковъ, что Россія хочетъ тѣсной связи съ Польшею, но вмѣстѣ и сохраненія за нею независимости въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; Россія не иначе вмѣшается въ польскія дѣла, какъ только тогда, когда Польша сама этого захочетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Штакельбергу поручалось указать полякамъ на непристойность дѣйствій прусскаго короля, увѣрять ихъ, что Пруссія ихъ обманываетъ и хочетъ поссорить Польшу съ Россіею, чтобъ изъ этой ссоры извлечь себѣ выгоды въ ущербъ Польшѣ.

Въ Польшѣ приготовлялись къ сейму съ великими ожиданіями. Небывалое волненіе умовъ сдѣлалось въ польскомъ обществѣ. Одна за другою появлялись книжечки, съ размышленіями, соображеніями и воззваніями о необходимости приступить къ кореннымъ реформамъ, исправить злоупотребленія, отмѣнить устарѣлыя учрежденія и замѣнить ихъ иными, сообразными съ требованіями вѣка; книжечки эти распространялись всѣми способами.

Видное мѣсто между этими книжечками занимало въ свое время напечатанное два года предъ тѣмъ сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Авторъ говоритъ менѣе всего о Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще о всѣхъ предметахъ общественнаго устроенія, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія, излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время, при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями,— говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если ужъ никакъ нельзя ввести наслѣдственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, избираютъ въ короли изъ своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ предлагалъ такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ пан-

щины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученье и втеченіи пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и коммиссаровъ управляли бы ими офицеры. Онъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ къ участію въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожалъ сословное различіе гражданскихъ правъ. Картину печальнаго состоянія крестьянъ въ то время Сташицъ изображаетъ, заставляя крестьянина разсказывать собственную біографію. Указывая на кучу книгъ, содержащихъ законы Рѣчи-Посполитой, польскій крестьянинъ говоритъ: «Въ этой кучѣ только нѣсколько тысячъ жителей находятъ для себя правосудіе, а нѣсколькимъ милліонамъ нѣтъ въ нихъ спасенія, и я изъ ихъ числа. Я сохранялъ Божіи заповѣди, жилъ по правиламъ религіи, считалъ свою судьбу волею Провидѣнія — меня гоняли на тяжелыя работы, посылали въ путь по дурнымъ дорогамъ, я терялъ свои заработки, и ни на кого не жаловался; никто мнѣ не могъ оказать правосудія, кромѣ моего пана, а я его не видалъ и никто изъ его подданныхъ не знавалъ его лично. Мой панъ запутался въ долгахъ и продалъ свое имѣніе шляхтичу. Новый владѣлецъ былъ намъ хуже тираномъ, чѣмъ прежніе экономы; онъ не зналъ надъ собой господина. Было у меня два сына: одинъ получилъ землю, другой безъ земли, безъ хлѣба остался и ушелъ учиться ремеслу. Панъ стращалъ меня суровыми наказаніями и приказывалъ доставить ему моего сына; меня посадили въ тюрьму и не выпускали, пока я не заплатилъ нѣсколько сотъ злотыхъ за моего сына. Меня, по этому, сочли богачемъ, и надѣясь взять съ меня еще болѣе, приказали забить въ колодку и держали до тѣхъ поръ, пока я не доставлю своего сына. Я жаловался на несправедливое обращеніе со мною: это сочли дерзостью, велѣли забрать у меня изъ дома все, мучили меня, ковали въ кандалы и запирали въ хлѣвъ. Я убѣжалъ изъ тюрьмы, но мнѣ нѣтъ правосудія въ здѣшнемъ краѣ: кто меня мучитъ, тотъ же мнѣ единственный судья. Въ вашихъ законахъ человѣкъ моего званія не находитъ обороны болѣе, чѣмъ скотъ.» По отношенію къ сосѣдямъ, Сташицъ благоволитъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впущеніе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля. Сочи-

неніе Сташица вызвало противъ себя появленіе толстой книжечки подъ названіемъ «Размышленія надъ размышленіями». Авторъ проводитъ ту мысль, что корень зла надобно искать не въ учрежденіяхъ, а въ деморализаціи, и думаетъ, что многія учрежденія сами по себѣ не дурны и совсѣмъ не были бы вредны, еслибъ исправились нравы. Онъ сторонникъ избирательнаго правленія. «Многіе кричатъ противъ него — говоритъ онъ — толкуютъ о превосходствѣ наслѣдственнаго, а я питаю къ послѣднему прирожденное омерзѣніе; я не хочу считать выше себя того, кто не имѣетъ надо мною ни физическаго, ни нравственнаго превосходства, безгласнаго копронима, обвернутаго въ пурпурныя пеленки. Кому изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царственныхъ домовъ отдавать польскую корону, когда они всѣ выродились и испортились? Высокомѣріе, упрямство, нетерпѣливость стали ихъ врожденными качествами; едва ли между ними найдется одна личность, которая бы обладала внутреннимъ сознаніемъ человѣчности. Говорятъ, элекціи нашихъ королей порождали междоусобія, безпорядки, кровопролитія. Но въ другихъ краяхъ споры за наслѣдство производили еще больше кровопролитій.» Онъ никакъ не соглашается допустить къ сеймамъ не-шляхетскія сословія. «Если, —говоритъ онъ,—эти земледѣльческія поселенія съ кучами крытыхъ соломой хижинъ, называемыя у насъ городами, допустить къ публичнымъ совѣщаніямъ, то отъ этой толпы, забитой неволею и нищетою, незнающей даже своихъ мѣстныхъ интересовъ, не имѣющей никакого понятія о политическихъ и гражданскихъ правахъ, можно ожидать не разумныхъ размышленій, а рабскаго молчанія, либо скотскаго мычанія. Мало-по-малу предводители кружковъ будутъ усиливать свои партіи ихъ голосами». Авторъ противится и освобожденію крестьянъ на томъ основаніи, что они не приготовлены къ принятію свободы. «Дать — говоритъ онъ — свободу народу, забитому и униженному до скотоподобія, значитъ большую часть полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Онъ требуетъ подготовки даже и для того, чтобы замѣнить панщину оброкомъ. «Были примѣры — говоритъ этотъ публицистъ — что этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панщины, а потомъ нужно было воротиться снова къ панщинѣ, потому что хлопъ не хотѣлъ давать легкаго оброка и совсѣмъ опускался, такъ что нужно было владѣльцу спасать его отъ гибели.» Такими благовидными аргументами отстаивали обыватéли свою власть надъ рабочею силою хлопа. Достойно замѣчанія, что этотъ публицистъ дѣлается защитникомъ бранденбургскаго дома противъ Сташица. Нé за что, по его мнѣнію, нападать на него такъ ожесточенно за то, что онъ хочетъ распро-

странить свои владѣнія; всѣ такъ поступали, когда могли; сама польская Рѣчь-Посполитая въ былыя времена не чужда была подобныхъ стремленій.

Очень важное значеніе въ ряду появлявшихся тогда брошюръ имѣли письма анонима къ будущему маршалу предстоявшаго сейма, вышедшія въ свѣтъ перваго августа 1788 года. Авторъ ихъ —извѣстный Гугонъ Коллонтай, коронный референдарій. Здѣсь съ обильною риторикою излагаются совѣты, какъ вести сеймъ и какого рода измѣненія и улучшенія предстоитъ сдѣлать въ Польшѣ. Письма эти важны потому, что многое, предначертанное Коллонтаемъ, дѣйствительно было постановлено на сеймѣ такъ, что письма эти въ извѣстной степени были и программою дѣйствій сейма. Только въ совѣтахъ, какъ вести себя на сеймѣ, авторъ совершенно не имѣлъ успѣха: на перекоръ нравоученіямъ Коллонтая, послы отличались впослѣдствіи тѣми именно пороками, отъ которыхъ онъ ихъ предостерегалъ: Коллонтай убѣждалъ ихъ не предаваться хвастливой и безплодной болтовнѣ, не лѣниться, не отвлекаться отъ главныхъ вопросовъ и не развлекаться мелочами, не задирать самолюбія товарищей, не заводить изъ-за этого ссоръ и не проводить ночей на пирахъ и на балахъ. Коллонтай не является сторонникомъ ни Россіи, ни Пруссіи, а хочетъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая опиралась сама на себя. Онъ предполагаетъ увеличить войско до 60,000, именно, до того числа, до котораго сеймъ, намѣтивъ число крупнѣйшее, долженъ былъ спуститься; онъ требуетъ также увеличенія податей и при этомъ предлагаетъ простѣйшую систему налоговъ. По его плану, Рѣчь-Посполитая должна представлять федерацію изъ воеводствъ, которыя слѣдуетъ, какъ только возможно, округлить и сдѣлать похожими одно на другое по величинѣ, раздѣливъ каждое на четыре повѣта. Каждое воеводство должно на своемъ сеймикѣ выбирать себѣ судей и должностныхъ лицъ. На этихъ сеймикахъ выбираются и послы на великій сеймъ: имъ даются инструкціи, отъ которыхъ они не должны отступать; они только органы націи, передатчики воли ея, а не самобытные законодатели. Мелкая шляхта не допускается па сеймики, и этимъ отнимается у богатыхъ и знатныхъ пановъ возможность ворочать сеймиками; тамъ могутъ участвовать и подавать голоса только тѣ, которые владѣютъ землею не менѣе $7\frac{1}{2}$ волокъ (до 150 нашихъ десятинъ), или платятъ до 500 злот. налога съ капитала. Кромѣ шляхты допускались на сеймики представители разныхъ корпорацій и уполномоченные отъ городовъ. Сеймъ долженъ быть соединительнымъ центромъ федераціи воеводствъ и состоять изъ двухъ Избъ: въ высшей были сенаторы и послы отъ шляхетства изъ вое-

водствъ (по два сенатора и по четыре посла отъ каждаго воеводства); во второй, низшей—послы городовъ, но выбранные не самими городами, а на воеводскихъ сеймикахъ, гдѣ были уполномоченные отъ городовъ (по три посла отъ каждаго воеводства). Для крестьянъ Коллонтай вымышлялъ трибуновъ, числомъ трехъ: одинъ изъ нихъ былъ бы маршаломъ низшей Избы. Ихъ обязанность была заступаться за интересы простого сельскаго народа; они выбирались шляхетскими послами на сеймѣ изъ особъ шляхетскаго званія. Понятно, что въ случаѣ столкновенія шляхетскихъ интересовъ съ крестьянскими, эти лица могли быть плохими заступниками послѣднихъ. Мѣщане хоть и допускались на сеймъ, но Коллонтай хотѣлъ поставить ихъ такъ, чтобъ шляхетство имѣло надъ ними преимущество; такимъ образомъ, послы городскіе выбирались не въ самыхъ городахъ, не безъ участія шляхетства, были въ числѣ меньшемъ противъ числа пословъ шляхетскаго званія, и, сверхъ того, низшая Изба была отстранена отъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, наприм. выбора министровъ и посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, заключенія договоровъ и всякихъ сношеній съ иностранными державами. Возведеніе въ шляхетское достоинство было также дѣломъ одной высшей Избы. Послы выбирались на шесть лѣтъ. Сеймъ дѣлался постояннымъ: на него возлагали не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Единогласіе уничтожалось; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; королевское достоинство было наслѣдственно, но всѣ должностныя лица выборные, какъ по государственному управленію, такъ и по воеводствамъ. Прежній постоянный совѣтъ уничтожался, а вмѣсто него около короля составлялся совѣтъ изъ министровъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилось пять правительственныхъ коммиссій: скарбовая, войсковая, заграничная (иностранныхъ дѣлъ), полицейская и эдукаціонная. Коллонтай указывалъ на злоупотребленія, происходившія при раздачѣ королевщинъ въ староства, и совѣтовалъ всѣ такія имѣнія пустить въ продажу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить старостинскіе и градскіе суды, замѣнивъ ихъ общими для всѣхъ земскими: мѣра эта, какъ извѣстно, была впослѣдствіи предпринята сеймомъ. Коллонтай врагъ титуловъ и княжескихъ и графскихъ, но особенно ненавидитъ тѣ, которые нѣкогда получили начало въ придворной службѣ и въ послѣднее время не имѣли ровно никакого смысла, но щекотали суетность и тщеславіе. «Не понимаю — говоритъ онъ — какъ честолюбіе свободнаго обывателя можетъ плѣняться титуломъ честника (czesnik), мечника, крайчаго, подчашаго, ловчаго, пивничнаго, кухмистра. Все это или награды невольникамъ

за ихъ службу, или занятія частныхъ лицъ, приспособительно къ ремесламъ и заработкамъ. Честникъ долженъ подавать кушанья [1]), мечникъ оправлять саблю, ловчій смотрѣть за псарнею, крайчій кроить и шить платье, подчашій и пивничный наблюдать надъ погребомъ и напитками, кухмистеръ готовить яства и т. д. Въ другихъ странахъ такія должности относятся только ко двору государя, а у насъ каждое воеводство, каждая земля, каждый повѣтъ, да еще къ тому отдѣльно, Корона и Литва, имѣютъ свои такого рода почетные чины. Уничтожимъ эти подобія и памятники монархической власти, не оставляя слѣда для узурпатора и приманки для тѣхъ, которыхъ низкій вкусъ влечетъ къ тому, чтобы получить значеніе въ воеводствѣ по признакамъ значенія при дворѣ!» Но Коллонтай, при своей нелюбви къ неравенству въ высшемъ сословіи, стоитъ, однако, за преимущества шляхетства: его будущая Польша все-таки шляхетская Рѣчь-Посполитая, только онъ хочетъ открыть къ шляхетству болѣе правильный доступъ: воинъ, получившій на сраженіи раны или отличившійся храбростію, гражданинъ спасшій жизнь ближнему или оказавшій какую-нибудь пользу отечеству, должны были награждаться допущеніемъ къ шляхетскому достоинству. Коллонтай заступается за хлоповъ: — «Нашъ земледѣлецъ—говоритъ онъ—въ шляхетскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещію владѣльца и вопреки очевидному гласу природы, пересталъ быть личностію. Онъ отданъ на произволъ пана, связанъ легально неволею, сравненъ со скотомъ, запроданъ въ руки жида, погруженъ въ пьянство, въ невѣжество, въ нищету... Если почему, то по состоянію подданныхъ нашихъ можно сообразить, что̀ такое польская свобода; и кто-жъ меня убѣдитъ, чтобы человѣкъ, который знаетъ и любитъ преимущества свободы, который содрогается предъ насиліемъ и беззаконіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на порабощеніе равнаго ему человѣка?» Но Коллонтай, однако, предоставляетъ крестьянину личную свободу—и только. «Хлопъ—говоритъ онъ—не требуетъ большихъ жертвъ. Не требуетъ онъ напраснаго міроправленія (gminowładstwa), онъ желаетъ только естественнаго и гражданскаго правосудія. Отдадимъ ему то, что̀ мы у него святотатственно похитили, въ чемъ мы нарушили божественное и человѣческое право, отдадимъ ему свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обработываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись крѣпко къ землѣ, обогатитъ наше общество, увеличитъ наши доходы, полюбитъ отечество, сознаѐтъ, что оно истинное его отечество, то-

[1]) Честовать, частовать (малорос.).

гда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтай приглашаетъ сеймъ обратить особенное вниманіе на русскія земли, гдѣ такъ часто происходили явленія, которыхъ одно воспоминаніе приводило въ ужасъ поляковъ. Онъ совѣтуетъ припомнить гадячскій договоръ, который нарушила Рѣчь-Посполитая, и поправить ошибки предковъ въ этомъ отношеніи. Ему нравится въ этомъ памятникѣ XVII вѣка особенно то, что тогда постановлено было завести для Руси два университета. Коллонтай хочетъ, чтобы приняты были мѣры къ образованію русскаго духовенства, которое, съ своей стороны, будетъ стараться о просвѣщеніи народа.

Такой смыслъ имѣли эти письма одного изъ первыхъ виновниковъ переворота, наступившаго въ послѣдующее время.

Люди консервативной партіи выпускали также съ своей стороны брошюры. Изъ нихъ нельзя не обратить вниманія на одну подъ названіемъ: «Соображенія о политическихъ обстоятельствахъ по поводу обывательскаго задора;» она замѣчательна по вѣрному взгляду на вещи и благоразумному предвѣдѣнію будущаго.

«Всѣ наши сосѣди—говоритъ авторъ—занялись войною, которая теперь въ самомъ разгарѣ ведется въ отдаленныхъ странахъ; только одинъ изъ сосѣдей сохраняетъ спокойствіе, никуда не вмѣшивается, а выжидаетъ, пока другіе ослабѣютъ. Но этотъ сосѣдъ не утратилъ желанія увеличивать свои владѣнія, онъ только поступаетъ осторожно (авторъ разумѣетъ Пруссію). Можно ли допустить, чтобъ, въ то самое время, когда чужая политика созрѣетъ въ грозномъ для насъ образѣ, мы сдѣлались орудіемъ собственной нашей погибели, по причинѣ нашего безразсуднаго увлеченія? Торопливый задоръ взялъ у насъ верхъ надъ видами спасительной политики. Мы слѣдуемъ за побужденіями той непріязни и ожесточенія, которыя внѣдрило въ насъ вліяніе чуждой власти, вмѣшивавшейся въ наше внутреннее управленіе (авторъ разумѣетъ Россію); но мы не обращаемъ вниманія на то, что эта власть хочетъ только нашей политической слабости, а не погибели; напротивъ, для нея, болѣе чѣмъ для кого другого, нужно наше существованіе; мы поддаемся сердечному отвращенію къ ней и слушаемъ подущеній нашихъ прирожденныхъ непріятелей (нѣмцевъ); мы отвергаемъ все, что̀ эта власть, ко взаимному нашему интересу, можетъ намъ присовѣтовать, отвергаемъ всѣ способы, которые она хочетъ подавать намъ для нашего сохраненія; для насъ всѣ другія опасности не кажутся страшными, и мы обратимся всецѣло къ тому, чтобъ ей показать, какъ глубоко врѣзалась въ наше сердце память тѣхъ обидъ, которыя она намъ причинила, и насильно навязанной намъ зависимости. Что же ей, запутанной теперь въ войны съ разными сторо-

нами, останется предпринять? Она отречется отъ мысли беречь насъ для своей пользы, и гнѣвъ противъ насъ и необходимость выпутаться изъ войны продиктуютъ ей иные виды: она или отдастъ насъ на жертву другимъ, или же съ охотою приметъ предлагаемую ей долю нашего отечества. До сихъ поръ отъ полнаго завоеванія насъ охраняетъ единственно то, что чужіе до этого не допускаютъ. Несчастные мы: будемъ знать, что торгъ идетъ не съ нами, а объ насъ!»

Кромѣ печатныхъ брошюръ, знатные паны, имѣвшіе по всей Польшѣ большія связи и кліентства, писали письма къ обывателямъ, указывали на многозначительность настоящаго времени, излагали важность предстоявшаго сейма, убѣждали содѣйствовать на сеймикахъ ихъ планамъ: составлять инструкціи въ указанномъ духѣ, выбирать подходящихъ пословъ, а къ тѣмъ, которыхъ хотѣли видѣть послами, писали приглашенія быть кандидатами. Обыватели, занятые своими пирами и ссорами, мало думавшіе о политикѣ и землестроеніи, теперь какъ будто отъ сна пробуждались, стали читать газеты, слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ; въ ихъ обществѣ поднялись толки о судьбѣ отечества; полученныя письма и брошюры открывали имъ, что Польша находится въ такомъ положеніи, что ей приходится выбирать что-нибудь либо одно, либо другое: съ одной стороны, Россія, ведя вмѣстѣ съ Австріею войну противъ Турціи, приглашала Польшу къ союзу съ собою; съ другой—нѣсколько европейскихъ державъ вооружали Польшу противъ Россіи и приглашали къ союзу съ собою. Смотря по тому, отъ кого получались письма, къ кому имѣли читатели болѣе довѣрія, такъ и настраивались. Однихъ заставляли всего лучшаго ожидать отъ Россіи, другихъ увѣряли, что Россія есть древній врагъ Польши, хочетъ лишить ее независимости и даже уничтожить; что Польшѣ слѣдуетъ пользоваться временемъ и примкнуть къ европейской коалиціи противъ Россіи. Всѣ чувствовали себя наканунѣ чего-то рѣшительнаго: предстоящему сейму заранѣе навязывали долгъ совершить великія перемѣны. Всѣ кричали объ улучшеніяхъ (poprawach), но въ чемъ состояли эти улучшенія, это не сознавалось ясно и согласно; только сходились на томъ, что нужно умножить войско, ибо возникшая по сосѣдству война требуетъ предосторожности, и опытъ перваго раздѣла научилъ поляковъ, что̀ значитъ не имѣть войска. Вообще же и на этотъ разъ волненія умовъ носили характеръ прежней неопредѣленности и необдуманности. Оппозиція стекалась въ Куровъ къ братьямъ Потоцкимъ, и еще болѣе въ Пулавы къ Чарторыскимъ.

Козьмянъ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ составился въ то время сеймикъ въ Люблинѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ,

потому что оттуда вышли послы, отличавшіеся на сеймѣ дѣятельностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Адамъ Чарторыскій съ своею супругою въ Пулавахъ задавали шумные и блестящіе пиры. Къ нимъ съѣзжались братья Потоцкіе—Игнатій и Станиславъ, Северинъ и Янъ Потоцкіе, Петръ Потоцкій, Длускій, Витославскій, Северинъ Ржевускій, множество обывателей и духовныхъ. Хотѣли заманить Щенснаго Потоцкаго: онъ былъ тогда въ апогеѣ своей славы; онъ подарилъ Рѣчи-Посполитой 12 пушекъ и обѣщалъ снарядить на свой счетъ цѣлый полкъ; вся Польша кричала, что онъ великій патріотъ. Въ честь его въ Пулавахъ приготовили театръ и хотѣли играть пьесу «Мать спартанка», но Щенсный не пріѣхалъ къ большой досадѣ всѣхъ гостей. Пропировавши и протанцовавши нѣсколько дней, обыватели, размягченные гостепріимствомъ хозяевъ, обѣщали выбрать Чарторыскаго посломъ. Гости, будучи навеселѣ, нѣсколько соблазнились тѣмъ, что онъ надѣлъ мундиръ австрійской службы, но панъ Витославскій объяснилъ, что Чарторыскій имѣетъ обычай нѣсколько разъ въ день наряжаться въ разные костюмы. Въ угоду гостямъ, Чарторыскій тотчасъ надѣлъ воеводскій мундиръ и выпилъ чашу венгерскаго за здоровье люблинскихъ обывателей. Послѣ обѣда и взаимныхъ объятій съ гостями, хозяинъ сталъ у камина, турокъ подалъ ему трубку съ богато украшеннымъ длиннымъ чубукомъ и зажегъ вѣткою изъ алоэ. Тутъ ему подвернулся на глаза между обывателями нѣкто Янъ Дмоховскій, буянъ на сеймикахъ, королевскій пленипотентъ. Князь, глянувъ на него, приказалъ подать себѣ кубокъ шампанскаго, выпилъ за здоровье пріятелей, и отдавая Дмоховскому, сказалъ: «панъ Дмоховскій, можетъ быть ты задумалъ стоять противъ меня на сеймикахъ? Смотри же, помни сударь, я не Дмоховскій». Это было предвѣстіемъ ссоры, но подбѣжала княгиня и сказала мужу: «иди спать, ты буянишь когда выпьешь», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала убрать бутылки и кубки. Князь разсмѣялся, наговорилъ всѣмъ вѣжливостей и ушелъ. Подпившіе гости у него въ домѣ окончательно порѣшили, кого слѣдуетъ выбрать.

Настало время сеймиковъ. Козьмянъ разсказываетъ, какъ онъ пріѣзжалъ тогда на сеймикъ съ отцомъ своимъ. «Когда мы проѣзжали черезъ люблинскую греблю—говоритъ онъ—насъ поразилъ огромный обозъ, словно татарское кочевье, на урочищѣ Татарахъ, на правой сторонѣ отъ плотины. Мы увидали бѣлые шатры на жердяхъ, покрытые кусками матеріи, шалаши изъ хворосту; передъ нами пылали костры, рѣзали воловъ и пекли на рожнахъ огромные куски мяса; у столовъ и у стульевъ сидѣла кучами шляхта и пожирала кушанье; другіе припали къ бочкамъ

съ пивомъ, медомъ, горѣлкою, черпали оттуда напитки сткляницами, гарнцами, жбанами и кричали: виватъ! Иные сбились въ кружки, пробовали свои палаши и рубились между собою. Табунъ лошадей пасся между ними; нѣсколько сотъ подлясскихъ повозокъ въ одну лошадь, съ поднятыми въ верхъ оглоблями, окружали обозъ и образовали таборъ. «Что это такое»? спросилъ мой отецъ, встрѣтивъ нѣсколько шляхтичей на плотинѣ. — Это подлясская партія нашего князя, сказали ему. Мы поѣхали на предмѣстье къ доминиканамъ и встрѣчали по дорогѣ бродящія толпы шляхты, въ капотахъ и епанчахъ, съ саблями, и съ трудомъ могли добраться до каменнаго строенія. Едва мой отецъ успѣлъ перемѣнить платье, какъ къ нему пришло нѣсколько обывателей, городскихъ и сельскихъ, съ жалобою, что нѣтъ никакой безопасности въ городѣ; головы нельзя высунуть на улицу — отрубятъ; въ городѣ и на Жидахъ (часть Люблина) заперли лавки; шляхта ихъ отбиваетъ и товары грабитъ. Пьяные напали на почтеннаго обывателя Янишевскаго и изранили его, вообразивъ, что это Дмоховскій, потому что онъ былъ рыжій и низкорослый, хотя одинъ изъ нихъ ходилъ прямо, а другой хромалъ; его, раненаго, чуть спасъ братъ и унесъ домой. На люблинскаго хорунжаго Понятовскаго напали на улицѣ и хотѣли сорвать съ него саблю съ богатою рукояткою; дошло до свалки, да отважный старикъ сталъ противъ нихъ смѣло и крѣпко; тутъ пріятели его прибѣжали и разогнали назойливую сволочь. Меценасу и осѣдлому въ городѣ обывателю выбили окна: онъ было сталъ имъ выговаривать, что непристойно шляхтѣ дѣлать насилія и грабежи; а они ему отвѣчали каменьями и ранили его въ голову. Обыватели просили моего отца ходатайствовать у князя, чтобъ онъ приказалъ вывести изъ города эту полудикую орду, запретилъ поить ее и впускать въ городъ. Въ день сеймика всѣ пошли въ костелъ. Хотя въ то время и не ожидали буйства и все, казалось, должно было обойтись покойно, однако я увидѣлъ, что одинъ только Чарторыскій былъ въ парикѣ, въ шляпѣ и въ мундирѣ люблинскаго воеводства, а другіе паны, которыхъ выбирали въ послы: Станиславъ Потоцкій, Ржевускій, Сангушко, надѣли на голову шапки туго настеганныя ватою и, вмѣсто шпагъ, привѣсили палаши на перевязяхъ. Вся толпа не могла помѣститься въ костелѣ, не малая часть шляхты оставалась на лугу надъ Быстрицею, у шатровъ и у бочекъ; другая наполняла корридоры и дворъ монастыря; ея хвостъ волочился по улицамъ. Сеймикъ окончился, однако, спокойно; единогласно выкрикнули всѣхъ кандидатовъ, и къ нимъ присоединился стольникъ Выбрановскій, сѣдой и почтенный обыватель люблинскаго воеводства;

шляхта принесла его и другихъ передъ маршальскій столъ; князь въ короткихъ словахъ поблагодарилъ братію за выборъ. Тутъ я въ первый разъ услышалъ выразительную, произнесенную безъ подготовки, рѣчь Станислава Потоцкаго. По выходѣ изъ костела, всѣ обыватели отправились обѣдать къ князю. По приготовленіи Laudum (постановленія) и инструкціи для выбранныхъ пословъ, стали разъѣзжаться и развозить шляхту; исчезъ таборъ съ луга, но еще цѣлую недѣлю послѣ того по городу шатались повѣсы съ саблями. На этомъ сеймикѣ, какъ обыкновенно бывало на каждомъ, два-три шляхтича опились, другіе, пьяные, слетѣли со второго яруса и убились или разшиблись.»

Эти краснорѣчивые факты показываютъ, что, для начала преобразованій, о которыхъ толковали, употребляли старые пріемы. На этотъ сеймъ, послѣдній въ исторіи Рѣчи-Посполитой, составленный не по волѣ чужой власти, послы выбирались не по сознательной волѣ гражданъ, а посредствомъ подкупа и подпоя шляхетской толпы, точно также, какъ и на всѣ предшествовавшіе сеймы въ теченіи вѣковъ. Это одно затрудняло и даже дѣлало почти невозможнымъ истинное возрожденіе націи. Инструкціи, опредѣлявшія дѣйствія пословъ, писались по волѣ могучихъ пановъ, какъ и прежде дѣлалось. Тогда какъ въ люблинскомъ воеводствѣ заправляли выборами паны прусской партіи, въ южнорусскихъ краяхъ подбирали партію Щенсный Потоцкій и Браницкій, и они также обсыпали золотомъ и опаивали виномъ шляхту, настраивая ее выбирать людей противнаго направленія.

Современникъ Охоцкій говоритъ, что, подъ вліяніемъ Щенснаго Потоцкаго, на брацлавскомъ сеймикѣ въ инструкціи посламъ были заявленія объ улучшеніи участи хлоповъ: вопросъ этотъ всегда обходило шляхетство, и только Щенсному, при его силѣ, возможно было произвести такое необычное дѣло. Самъ Щенсный руководился въ этомъ случаѣ вліяніемъ извѣстнаго тогда поэта Трембицкаго, который проживалъ у него.

Браницкій, черезъ посредство Потемкина, хлопоталъ у Екатерины, чтобъ ему было дозволено составить конфедераціи и потомъ соединить ихъ во единую. Въ этомъ духѣ Потемкинъ подавалъ государынѣ проектъ. Въ немъ доказывалось, что дозволить въ Варшавѣ составить конфедерацію опасно. Внушалось опасеніе, что въ конфедерацію, составленную такимъ образомъ послѣ съѣзда сеймовыхъ пословъ, войдутъ люди убѣжденій, противныхъ Россіи, и такая конфедерація не будетъ оставаться въ зависимости отъ русскаго двора, а подвергнется вліянію иностранныхъ министровъ, станетъ препятствовать военнымъ операціямъ Россіи и сдѣлается вообще болѣе вредною для

ней, чѣмъ полезною: король не станетъ служить видамъ Россіи, а будетъ преслѣдовать свои собственные виды. Гораздо безопаснѣе составить конфедерацію изъ отдѣльныхъ лицъ, которые не посмѣютъ нарушать обязательствъ къ Россіи, изъ опасенія навлечь на себя страшный для нихъ ея гнѣвъ. Нужно при этомъ стараться, чтобъ въ конфедерацію не входили люди нерасположенные къ Россіи; для этого нужно собрать войско подъ начальствомъ Браницкаго и Потоцкаго, присоединить къ нему, для усиленія войска, часть россійскаго и тогда составить конфедерацію изъ тѣхъ, на которыхъ можно понадѣяться, а для того, чтобъ купить такихъ людей, нужно получить отъ Россіи двѣсти тысячъ червонцевъ. Проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно осуществился, но не теперь, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1792 г.; тарговицкая конфедерація существовала въ теоріи еще въ 1788 году: это показываетъ, что въ свое время она вытекала изъ необходимости и была неизбѣжна какъ явленіе, сложившееся прежними обстоятельствами. По плану Потемкина, конфедерація, составленная подъ принужденіемъ со стороны Россіи, заключила бы союзъ Польши съ Россіею и сдѣлала бы короля и все правительство орудіемъ Россіи; но тогда Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій, Валевскій и проч. правили бы всею Рѣчью-Посполитою, учредили бы свои суды, давали бы, кому хотѣли, должности, распоряжались бы произвольно казною и вообще поступали такъ, какъ только можно въ анархіи и какъ дѣлалось во время конфедерацій. Екатерина отвергла этотъ проектъ, потому что не видѣла необходимости въ то время возбуждать и поддерживать смуту въ Польшѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Потемкина императрица выразилась, что для Россіи нѣтъ пользы, чтобы Польша сдѣлалась активнѣе, и потому хотѣла, чтобъ дѣятельность предстоявшаго сейма ограничилась заключеніемъ союза съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она требовала, чтобы конституція, уже существовавшая, оставалась непоколебимою, ибо она была гарантирована императрицею. По ея соображеніямъ, эта конституція была достаточна для того, чтобъ въ Польшѣ могли происходить внутреннія улучшенія, не вредныя для Россіи. По плану Екатерины, слѣдовало собрать чрезвычайный сеймъ; этотъ сеймъ долженъ конфедероваться, а потомъ изъ среды своей выбрать делегацію, которая была бы уполномочена заключить союзъ съ Россіею. «Составленіе въ Польшѣ конфедерацій по провинціямъ, говорила императрица, имѣетъ видъ бунта, и такой образъ дѣйствія можетъ прежде всего прусскому королю подать поводъ составить съ своей стороны другую конфедерацію, или по крайней мѣрѣ, поддерживать ту, которую устроятъ поляки. Подоб-

ные внутренніе бунты должны будутъ отвлечь въ Польшу часть русскаго войска для ихъ усмиренія». Екатерина отдавала справедливость приватнымъ лицамъ, о расположеніи которыхъ намекалось въ проектѣ, но замѣчала, что она не думаетъ, чтобъ король забылъ долгъ благодарности и собственную безопасность, и склонился бы къ видамъ, противнымъ Россіи. Поэтому Штакельбергъ получилъ предписаніе содѣйствовать тому, чтобъ сеймъ въ Варшавѣ сконфедеровался, чтобъ онъ также, какъ сеймъ, рѣшившій первый раздѣлъ, продолжался не болѣе шести недѣль и былъ лимитованъ (временно закрытъ), а потомъ возобновленъ по надобности для учрежденій.

Послы собрались въ октябрѣ 1788 года, и Штакельбергъ, до тѣхъ поръ считавшій Станислава Малаховскаго преданнымъ Россіи, увидалъ, что онъ заурядъ съ братьями Потоцкими чаетъ спасенія отъ Пруссіи. Это парализировало русскаго посланника. Онъ хотѣлъ препятствовать избранію его въ маршалы, сталъ покровительствовать Щенсному Потоцкому, но уже было поздно. На первомъ засѣданіи, маршалъ предшествовавшаго сейма огласилъ выборъ новаго маршала. Нѣсколько голосовъ изъ Литвы и Руси закричало: Щенснаго Потоцкаго! Но шестьдесятъ голосовъ королевской партіи въ свою очередь закричали: «Нѣтъ на то согласія. Пана Станислава Малаховскаго коронпаго референдарія просимъ маршалкомъ!» За ними закричали: Малаховскаго! великополяне, а потомъ послы литовскіе и русскіе увлеклись въ пользу Малаховскаго и измѣнили Щенсному. Въ это время Петръ Потоцкій староста Щержецкій, какъ бы ради поддержанія чести рода Потоцкихъ, предложилъ себя въ кандидаты на маршальство. Но то была только комедія. Этому пану хотѣлось разыграть передъ всѣми великодушнаго и благороднаго человѣка. Онъ былъ панъ съ кредитомъ, а поэтому нашелъ кружокъ пановъ, преимущественно изъ Подлясья. Они стали поддерживать его, измѣнивъ Малаховскому. Засѣданіе разстроилось. На другой день нужно было рѣшить споръ баллотировкою. Тогда Петръ Потоцкій объявилъ, что, изъ уваженія къ такой почтенной личности, какъ панъ Малаховскій, онъ отступается отъ своей кандидатуры. Въ награду ему посыпались похвалы его аристидовской доблести. Малаховскій единогласно сдѣлался маршаломъ. Щенсный, проглотивъ оскорбленіе, показывалъ видъ, что не чувствуетъ его и отправился къ Малаховскому съ поздравленіемъ. Маршаломъ литовскимъ или литовской конфедераціи на сеймѣ избранъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга.

III.

Открытіе сейма. — Прусскія внушенія. — Увеличеніе войска. — Уничтоженіе военнаго департамента. — Учрежденіе военной коммиссіи.

По избраніи маршала, обѣ Избы: сенаторская и посольская, соединились въ одну сеймовую. Засѣданія съ 7-го октября стали отправляться въ большой залѣ, въ лѣвой сторонѣ варшавскаго замка (отъ главныхъ воротъ съ Краковскаго предмѣстья). Король приходилъ въ засѣданіе, торжественно предшествуемый четырьмя маршалами (двумя великими и двумя коронными) и окруженный сенаторами, и садился на тронѣ. Сенаторы засѣдали въ креслахъ, послы на лавкахъ. Въ залѣ, по бокамъ, за лавками и на хорахъ толпились арбитры, то-есть, посторонніе посѣтители; ихъ было очень много; тогда въ Варшаву наѣхали обыватели съ тѣмъ, чтобъ слѣдить за дѣлами сейма: это не были безгласные зрители; напротивъ, они своими знаками одобренія или порицанія, рукоплесканіями или шиканьями давали направленіе и перевѣсъ сеймовымъ преніямъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ публики были дамы, владѣвшія сердцами пословъ. Когда шла рѣчь о дѣлахъ иностранной политики, требующихъ секрета, арбитровъ удаляли, но они не всегда слушались. Въ важныхъ случаяхъ проекты разсматривались предварительно на провинціальныхъ засѣданіяхъ, которыя отправлялись коронными послами у сеймоваго маршала Малаховскаго, а литовскими—у Сапѣги или Радзивилла.

Намѣреніе короля было предложить сейму союзъ съ Россіею, но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею, и прусскій министръ Бухгольцъ отъ 1 (12) октября подалъ ноту, которая, съ перваго раза, преградила возможность выступить съ проектомъ союза съ Россіею. Нота эта была такого содержанія:

«Въ концѣ августа текущаго года, графъ Штакельбергъ, россійскій посланникъ, оффиціально сообщилъ нижеподписавшемуся, что императрица россійская вознамѣрилась на предстоящемъ сеймѣ предложить заключеніе союза съ королемъ и Рѣчью-Посполитою, котораго цѣлію будетъ безопасность и цѣлость Польши и оборона противъ общаго непріятеля. Нижеподписавшійся доложилъ объ этомъ своему государю, и вслѣдствіе полученнаго приказанія отвѣчалъ графу Штакельбергу, что его величество, король его, также предлагаетъ возобновить издавна существующіе между Пруссіею и Польшею договоры, потому что выгоды этой сосѣдней націи интересуютъ его королевское величество не

менѣе, какъ и другія государства. Такъ какъ предполагаемый между Польшею и Россіею союзъ имѣетъ главною цѣлію сохраненіе цѣлости Польши, то его величество прусскій король не видитъ ни пользы, ни нужды въ такомъ союзѣ, потому что цѣлость Польши достаточно обезпечена послѣдними договорами. Нельзя предполагать, чтобъ договоры эти могли быть нарушены россійскою императрицею или римскимъ императоромъ. Съ своей стороны, его величество прусскій король приглашаетъ благомыслящую часть польскаго народа засвидѣтельствовать о неизмѣнной его пріязни къ этому народу. Его величество прусскій король вынужденъ торжественно протестовать противъ намѣреній такого союза, если бы онъ былъ обращенъ противъ его королевскаго величества, и въ такомъ случаѣ не можетъ не видѣть, что онъ замышляется съ цѣлію разорвать доброе согласіе и доброе сосѣдство, утвержденное торжественными договорами между Пруссіею и Польшею. Если же этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ общаго врага, то-есть, противъ Оттоманской Порты, то этимъ нарушается карловицкій миръ, и каждый благоразумный полякъ легко пойметъ, какъ трудно было бы охранить отечество отъ близкаго, многочисленнаго и счастливаго въ войнѣ непріятеля. Поэтому онъ полагаетъ, что тѣ, которые бы старались о заключеніи союза противъ Порты, подобнымъ поступкомъ увольняли бы короля, по силѣ шестой статьи договора 1773 г., отъ гарантіи цѣлости областей Рѣчи-Посполитой, потому что въ этомъ договорѣ ясно исключенъ случай войны между Польшею и Портою. Его величество отнюдь не противится, чтобъ Рѣчь-Посполитая возвела свою военную силу на высшую степень значенія. Прусскій король надѣется, что наияснѣйшіе чины Рѣчи-Посполитой, для блага своихъ владѣній, пожелаютъ не разрывать узы искреннѣйшей дружбы, постояннаго и вѣчнаго мира. Если жъ бы, вопреки ожиданію, пожелали приступить къ заключенію вышеупомянутаго союза, то, въ такомъ случаѣ, его величество прусскій король предлагаетъ наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой отъ бсея такой же союзъ и возобновленіе существующихъ между Польшею и Пруссіею договоровъ. Его королевское величество считаетъ себя въ состояніи обезопасить собственность Рѣчи-Посполитой въ такой же степени, какъ и всякое другое государство. Его величество прусскій король приглашаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ обывателей польскихъ соединиться съ нимъ, въ видахъ отвращенія отъ Польши взаимными средствами тѣхъ великихъ несчастій и бѣдствій, которыя ей угрожаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество прусскій король обѣщаетъ дать имъ

всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухгольцъ сообщилъ секретно ноту Оттоманской Порты. Въ ней, отъ имени султана, изъявлялась жалоба на Россію за то, что она не допускаетъ поляковъ устроить въ своемъ государствѣ перемѣны. Россія хочетъ держать поляковъ въ качествѣ своихъ невольниковъ. Неслыханное дѣло — было сказано въ турецкой нотѣ — чтобъ народъ народу препятствовалъ составлять планы для своего управленія. Вотъ несомнѣнное доказательство, что Россія хочетъ распространить свое могущество на всѣхъ своихъ сосѣдей; поэтому, если Польша станетъ просить для своего избавленія отъ притѣсненій Россіи помощи, то султанъ съ великимъ удовольствіемъ исполнитъ обязанности дружбы, существующей между Польшею и Портою, и покажетъ себя опорою слабыхъ и бичемъ высокомѣрныхъ, потому что Богъ далъ ему право охранять слабыхъ и взывающихъ о помощи и защитѣ. Бухгольцъ добавлялъ словами то, что̀ изложилъ въ своей нотѣ, и увѣрялъ пановъ, что Пруссія немедленно пошлетъ сорокъ тысячъ войска для охраненія Польши, если только Россія вздумаетъ мстить ей за сверженіе съ себя зависимости. Англійскій и шведскій посланники также возстановляли поляковъ противъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ съ Россіею казался рѣшительно невозможнымъ дѣломъ. Заключить его — значило вооружить противъ себя Европу. Польша, казалось, должна была подвергнуть себя въ такомъ случаѣ немедленно вторженію непріязненныхъ войскъ. Турція, Швеція, а потомъ и Пруссія, послали бы противъ нея свои силы. Такимъ образомъ и тѣ, которые искренно желали этого союза, должны были пріостановиться и мало-по-малу склоняться къ инымъ убѣжденіямъ. Предложенія враговъ Россіи оказывались гораздо выгоднѣе и надежнѣе. Императрица хотѣла только союза, но не изъявляла желанія дозволить полякамъ производить перемѣны въ своемъ государствѣ, выходя изъ предѣловъ, данныхъ имъ въ основы правленія, тогда какъ Пруссія заохочивала ихъ къ кореннымъ преобразованіямъ, предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, и пока не только ничего для себя не требовала, но еще безкорыстно обѣщала помощь. Число сторонниковъ Пруссіи возрасло мгновенно. Нѣкоторые паны и послы, до сихъ поръ колебавшіеся, открыто заявляли себя на сторонѣ Пруссіи. Въ числѣ ихъ былъ Радзивиллъ, *Panie Kochanku*, который, по своему обычаю, вѣчно пьяный, сапѣлъ и дремалъ въ избѣ, сидя въ сенаторскомъ креслѣ, щеголяя краснымъ бархатнымъ кунтушемъ съ брилліантовою застежкою, посреди которой сверкалъ крупный карбункулъ,

богато оправленной карабелею, и большими усами. За нимъ его многочисленные кліенты, каждый день опивавшіеся у него въ палацѣ, стали превозносить Пруссію и бранить Россію.

При такомъ настроеніи, сеймъ далъ слѣдующій отвѣтъ прусскому министру чрезъ своихъ маршалковъ:

«Нижеподписавшіеся, по приказанію короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой, въ настоящемъ конфедерованномъ сеймѣ, честь имѣютъ сообщить г. фонъ-Бухгольцу, послу е. в. короля прусскаго, отвѣтъ, сообразно чувстованіямъ его королевскаго величества прусскаго короля, изложеннымъ въ декларацiи отъ 12-го октября. По прочтеніи означенной декларацiи, все собраніе чиновъ прониклось чувствомъ живѣйшей и искреннѣйшей благодарности, подобающей великодушному образу мыслей короля, сосѣда и друга, который, охраняя цѣлость Польши, укрѣпляетъ особеннымъ увѣреніемъ прочность союза и утверждаетъ существующее въ народѣ мнѣніе о немъ, какъ о могущественнѣйшемъ и добродѣтельнѣйшемъ государѣ! Проектъ союза между Польшею и Россіею не находится въ совѣтѣ, не представленъ на сеймѣ сконфедерованнымъ чинамъ государства, не сдѣлался цѣлію настоящей конфедерацiи, которая, сообразно всеобщей волѣ народа и поданнымъ отъ трона предложеніямъ, обратитъ всѣ труды свои и усилія къ увеличенію податей и умноженію войска Рѣчи-Посполитой, не съ наступательною, но съ оборонительною цѣлію, дабы Рѣчь-Посполитая могла защищать и поддерживать свое достояніе и свое свободное правительство. Если-жъ бы, въ ряду сеймовыхъ работъ для вышеозначенныхъ цѣлей, подано было предложеніе и проектъ какого-либо союза, то Рѣчь-Посполитая, по существу сеймовыхъ занятій обязанная въ дѣйствіяхъ своихъ идти явными шагами, не можетъ и не желаетъ скрывать своего поведенія, всегда сообразуясь съ независимостію, приличною своей самостоятельности, съ указаніями публики и священнаго для ней права, съ правилами осторожности и должнаго вниманія къ дружескимъ чувствованіямъ его величества прусскаго короля; а такъ какъ народная воля, всегда справедливая и явная, руководитъ занятіями настоящаго сейма, то собранные чины Рѣчи-Посполитой нераздѣльно и единогласно приложатъ всяческое усиліе, чтобы въ мнѣніи его королевскаго величества заслужить лестное одобреніе своему просвѣщенному патріотизму.»

Король Станиславъ-Августъ предостерегалъ сеймъ, убѣждалъ не раздражать Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Сосѣди наши заняты войной — говорилъ онъ — и вы хотите, слѣдуя сердечнымъ побужденіямъ, оскорблять Россію, которая совсѣмъ не хочетъ нашего уничтоженія; вы отдаетесь съ довѣріемъ державѣ, кото-

рая уклоняется отъ войны единственно съ желаніемъ собрать силы, чтобы, въ удобное время, сдѣлать насчетъ насъ новыя пріобрѣтенія. Мы можемъ надѣлать Россіи затрудненій, но это доведетъ ее до того, что она принуждена будетъ отдать насъ на жертву судьбѣ нашей, или принять отъ другихъ предложенную ей часть нашего отечества». Братъ короля, примасъ, говорилъ противъ Пруссіи еще рѣзче и вспоминалъ разныя несправедливости, испытанныя Польшею отъ этой сосѣдней державы. Противъ него сильно кричали, восхваляли Пруссію и бранили Россію Сухоржевскій, Суходольскій и Кублицкій, люди, всѣ, впослѣдствіи, служившіе Россіи. Бухгольцъ, услышавъ, что̀ происходитъ на сеймѣ, написалъ ноту, гдѣ выразилъ надежду, что государственные чины не увлекутся внушеніями духа пристрастія, надѣвающаго личину патріотизма съ цѣлью отвлечь Рѣчь-Посполитую отъ прусскаго короля, ея давняго и искренняго союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій министръ, отъ имени своего короля, побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформой.

Первымъ дѣломъ было умноженіе войска. Лэнчицкій посолъ Ермановскій говорилъ: «Значеніе Польши упало въ ряду европейскихъ державъ съ тѣхъ поръ, какъ уменьшилось наше войско. Иноземныя войска проходили черезъ наши земли, назначали себѣ здѣсь стоянки; насъ никто не призывалъ на помощь, никто не дорожилъ союзомъ съ нами, упалъ духъ старопольскаго мужества, не стало охоты къ военному дѣлу. Поляки праздно и лѣниво проводили время. Только обладаніе военною силою можетъ насъ поднять». Но другіе представляли неудобства проистекающія для страны отъ содержанія большого войска, вспоминали какъ въ старину реестровое войско возбуждало жалобы шляхетства, какъ жолнеры наѣзжали на шляхетскіе домы, брали подводы, не щадили ни шляхетскихъ, ни духовныхъ имѣній. Увеличеніе войска однако не производило слишкомъ горячихъ споровъ. Въ засѣданіе, 20-го октября, рѣшено было увеличить войско до ста тысячъ. Но такое число легко было только написать. Надобно было содержать это войско. Нужны были средства. До сихъ поръ на войско Рѣчи-Посполитой тратилось шесть милліоновъ злотыхъ, теперь по смѣтѣ находили, что нужно было сорокъ милліоновъ; слѣдовало отыскать недостающіе тридцать четыре милліона. Не меньше того нужно было установить и правильное начальство надъ войскомъ. Сверхъ того, по обычнымъ понятіямъ, нужно было еще, чтобы войско не сдѣлалось опаснымъ орудіемъ для ограниченія свободы Рѣчи-Посполитой. Прежнее уменьшеніе войска въ Польшѣ было слѣдствіемъ ревнивой

осторожности и боязни за шляхетскую свободу. Поляки издавна опасались, чтобы у королей не было въ распоряженіи военной силы; теперь повторялась таже извѣстная пѣсня. Прежде опасеніе оправдывалось тѣмъ, что польскіе короли были чужестранные принцы, не связанные съ Польшею ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Теперь, хотя на престолѣ царствовалъ природный полякъ, но его считали подручникомъ и орудіемъ Екатерины. Когда зашла рѣчь о начальствѣ, холмскій посолъ Суходольскій предложилъ уничтожить военный департаментъ, установленный конституціею 1775 года, какъ отдѣлъ постояннаго совѣта. Это было первое посягательство на конституцію, данную Россіею и гарантированную ею. Король былъ противъ. Еще смѣлость противъ Россіи не шагнула слишкомъ далеко; еще не всѣ были увѣрены, что Россія ослабѣвала. Когда начали собирать голоса, то шестьдесятъ голосовъ были съ королемъ за сохраненіе военнаго департамента. Но когда, потомъ, сдѣлана была секретная баллотировка, то число защитниковъ спало до семи. Очевидно, что многіе хотѣли того же, чего и другіе, да не были слишкомъ смѣлы. Эта двуличность такъ поразила короля, что онъ сдѣлался нездоровъ. Споръ о начальствѣ шелъ нѣсколько дней. Патріоты ни за что не хотѣли допустить ни короля, ни гетмановъ къ начальству надъ войскомъ, чтобы не было, какъ говорили они, государства въ государствѣ. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій предложилъ учредить коммиссію, которая зависѣла бы не отъ короля, а отъ сейма. Его единомышленники развивали мысль, чтобъ въ этой коммиссіи гражданское начало брало верхъ надъ военнымъ. Рѣзкимъ противникомъ ихъ былъ тогда черскій каштелянъ Островскій. Главнымъ неудобствомъ принять проектъ Потоцкаго онъ выставлялъ то обстоятельство, что эта коммиссія въ промежуткѣ отъ одного сейма до другого будетъ оставаться безъ всякаго надзора. Послѣ многихъ споровъ, 3-го ноября, большинствомъ восемнадцати голосовъ, рѣшено было подчинить военную силу верховной власти войсковой коммиссіи. Въ случаѣ, еслибъ эта коммиссія употребила во зло свою власть, она отвѣчала передъ сеймовымъ судомъ, который долженъ быть составленъ изъ шести сенаторовъ, четырехъ министровъ (маршала, гетмана, печатника и подскарбія) и двадцати четырехъ пословъ, по ровному числу выбранныхъ отъ каждой изъ трехъ провинцій: малопольской, великопольской и литовской. Военный департаментъ уничтоженъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, русскій посланникъ Штакельбергъ представилъ, 5-го ноября, ноту на сеймъ такого содержанія: «Нижеподписавшійся, чрезвычайный уполномоченный посолъ ея император-

скаго величества императрицы всероссійской, хотѣлъ оставаться въ молчаніи и потому не дѣлалъ никакихъ съ своей стороны заявленій относительно учиненныхъ свѣтлѣйшими чинами Рѣчи-Посполитой постановленій, которыя, хотя и нарушили конституцію 1776 года, заключенную съ тремя дворами, но еще не разорвали прямо акта гарантіи 1775 года. Повелѣнія ея императорскаго величества всегда дышали чувствами дружбы къ народу польскому, такъ что нижеподписавшійся желалъ бы не быть приведеннымъ къ непріятной необходимости протестовать противъ нарушенія формы правленія, освященнаго торжественнымъ актомъ гарантіи 1775 года. Но мысль, заключающаяся въ разныхъ проектахъ, имѣющая цѣлью полное ниспроверженіе правительства, предписываетъ нижеподписавшемуся потребность объявить, что ея величество, съ сожалѣніемъ отказываясь отъ дружбы, которую питала къ королю и Рѣчи-Посполитой, не можетъ смотрѣть на малѣйшую отмѣну конституціи 1775 года иначе, какъ на нарушеніе дружелюбныхъ отношеній и договора между Польшей и Россіей.»

Эта нота произвела взрывъ негодованія на сеймѣ. Тутъ кстати были получены рапорты о дурномъ поведеніи квартировавшихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ. Король сталъ опять говорить за Россію. «Не соблюдать—говорилъ онъ—трактатовъ, значитъ вызывать на себя и слѣдствія этого несоблюденія. Богатыри, которые нарушали трактаты, тогда только получали черезъ то славу и уваженіе, когда у нихъ было достаточно не только отваги, но и умѣнья и средствъ вести дѣло, и обстоятельства имъ благопріятствовали. У насъ же нѣтъ силъ сопротивляться и мы можемъ сдѣлаться добычею чуждыхъ интригъ. Нѣтъ государства, которому бы наши выгоды были менѣе противны, какъ Россіи, и если бы я не былъ королемъ, а только родился полякомъ, то и тогда, изъ любви къ отечеству, долженъ былъ бы желать и совѣтовать поступать осторожно и уважительно съ Россіей». Попытки соблюсти доброе согласіе съ Россіею произвели такое смятеніе на сеймѣ, что нѣкоторые брались за сабли. Прусскій министръ, между тѣмъ, въ своихъ свиданіяхъ съ членами сейма, подстрекалъ ихъ выступать какъ можно энергичнѣе противъ Россіи, заявлять свою самостоятельность и рѣшительно потребовать выступленія русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ. Въ случаѣ мщенія со стороны Россіи, онъ снова ободрялъ ихъ надеждою, что прусскій король пришлетъ имъ войска, когда нужно.

10-го ноября, поданъ королю адресъ: требовалось продолжить сеймъ до 22-го ноября съ правомъ продолжить его и на дальнѣйшее время, до тѣхъ поръ, пока не окончатся всѣ занятія,

лежавшія на обязанности сейма, не закрывать сеймовыхъ засѣданій безъ согласія членовъ и просить императрицу вывести русскія войска изъ Польши, а въ случаѣ отказа выгнать ихъ силою; для этого обратиться къ сосѣднимъ иностраннымъ державамъ съ жалобами на пребываніе иностранныхъ войскъ въ земляхъ Рѣчи-Посполитой и на угрозы русскаго посланника. Какъ ни горячились, однако отвѣтъ на ноту Штакельберга былъ написанъ княземъ Чарторыскимъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Рѣчь-Посполитая давала замѣтить, что она держава независимая и имѣетъ право распоряжаться своимъ внутреннимъ строемъ; изъявлялась надежда, что россійская императрица окажетъ великодушіе и пріобрѣтетъ право на благодарность польской націи: просили о выводѣ русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ.

24-го ноября, Штакельбергъ отвѣчалъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ; есть только незначительное число солдатъ, охраняющихъ магазины, которые, находясь въ Польшѣ, приносятъ жителямъ пользу, давая имъ возможность сбывать сельскія произведенія. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ австрійскій уполномоченный нотою отъ 27-го ноября на словесное сообщеніе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, которыя причиняли австрійскіе солдаты польскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, прусская интрига устроила начало разрыва Польши съ Россіею. 19-го ноября, Бухгольцъ написалъ ноту, гдѣ еще разъ побуждалъ поляковъ къ произведенію реформъ въ своемъ государствѣ и обѣщалъ содѣйствіе своего короля въ случаѣ нужды. «Прусскій король—говорилъ онъ— понимаетъ гарантію 1775 года не иначе, какъ въ смыслѣ огражденія независимости Рѣчи-Посполитой, а вовсе не такъ, чтобы эта гарантія давала право стѣснять свободу сужденій и вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны». Такое заявленіе подбодрило патріотовъ, усилило ненависть къ Россіи и преданность къ Пруссіи. Первой приписывались всякіе зловредные умыслы противъ Польши, второй всевозможнѣйшія доброжелательства. Сторонніе безпристрастные люди въ то самое время провидѣли, однако, что Пруссія играетъ Польшею. «Если Польшѣ — писалъ тогда саксонскій министръ Эссенъ —придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, не думаю, чтобы дворъ берлинскій сталъ тогда поддерживать польскій энтузіазмъ. Не можетъ же Пруссія вдругъ измѣнить прежней политики и стремленій къ расширенію». По замѣчанію того же Эссена, между самими поляками были люди, которые сомнѣвались, чтобъ ихъ новые законодатели и землестроители оказались лучшими Ликургами и Солонами, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Польша опять сдѣлается театромъ раздоровъ

и междоусобій и все кончится тѣмъ, что сосѣди согласятся установить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, и Польша сдѣлается добычею миротворцевъ. Немногіе такъ здраво судили. Патріоты добродушно довѣрялись ласковымъ выраженіямъ и, что̀ всего было гибельнѣе, считали написанное ими на бумагѣ также твердымъ, какъ будто уже оно было приведено въ дѣйствіе

29-го ноября, по предложенію Залѣскаго, принято было единогласно продолжить сконфедерованный сеймъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, этотъ сеймъ сдѣлался постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ объ умноженіи войска повлекъ ко многимъ проектамъ; недѣли проходили безполезно, послы пускались въ мелочи, щеголяли краснорѣчіемъ, величались доблестями и сбивались съ прямой дороги, отклоняясь къ постороннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, толкуя о составѣ Войсковой Коммиссіи, свернули на вопросъ о взаимныхъ правахъ Польши и Литвы. Великопольскіе послы держались централизаціи, смотрѣли на Литву, какъ на страну совершенно единую съ Польшею и не хотѣли допустить въ устройствѣ Коммиссіи особенностей въ пользу автономіи Литвы. Литовскіе послы, напротивъ, добивались какихъ-нибудь, хотя формальныхъ, отличій. Ихъ сторону держали нѣкоторые послы изъ Малой Польши. Такъ, холмскій посолъ Суходольскій выразился, что унія Литвы и Польши есть дѣло священное, и онъ, какъ посолъ изъ Короны, долженъ стоять за преимущества Великаго литовскаго княжества. «Недостаточно-ли — возражали ему — сохранится унія Литвы съ Польшею уже и потому, что оба гетмана, коронный и литовскій, будутъ засѣдать въ Коммиссіи»? Подольскій посолъ Ржевускій предложилъ, чтобы, для угожденія національному самолюбію поляковъ и литовцевъ, Коммиссія производила четыре года свои дѣла въ Коронѣ, а два въ Литвѣ. Литовскіе послы, напротивъ, требовали, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ. «Но Литва—возражали имъ великополяне—не платитъ половины государственныхъ доходовъ въ казну, слѣдовательно нѣтъ основанія, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ». «Мы теряемъ напрасно время», сказали наконецъ нѣкоторые; и тогда прочіе, замѣтивши, что, въ самомъ дѣлѣ время теряется, торопливо принялись за дѣло и порѣшили, чтобы Коммиссія была постоянно при сеймѣ, а въ промежуткѣ между сеймами, два года она должна находиться въ Польшѣ, а третій въ Литвѣ. Этимъ думали удовлетворить федеративной особности Литвы; но представители послѣдней съ неохотою должны были признать пер-

венство Польши, допустивъ для пребыванія Войсковой Коммиссіи въ Польшѣ два года, и только одинъ для пребыванія въ Литвѣ.

Споръ этотъ въ сущности не имѣлъ смысла: дворянство литовское, по языку, воспитанію и нравамъ, не отличалось отъ польскаго.

Нѣсколько засѣданій прошло въ толкахъ о томъ, какая одежда должна быть въ войскѣ. Подавали проектъ, чтобы мундиры были изъ туземнаго сукна; на это возражали, что польскія фабрики плохи и не въ силахъ доставить потребнаго количества одежды; да если бы такой законъ издать, то фабриканты будутъ дѣлать плохое сукно. «Прежде», сказалъ подольскій посолъ Красинскій, «выбьемся изъ неволи, возвратимъ Польшѣ независимость, укоренимъ воспитаніемъ въ юношествѣ чувства, которыми дышали предки, а потомъ уже будемъ разсуждать объ одеждѣ». 27 ноября рѣшено было, чтобы войска ходили въ польской одеждѣ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, въ примѣръ другимъ, снялъ съ себя парикъ и европейскій кафтанъ и нарядился въ брошенную одежду предковъ. Она была ему очень къ лицу, когда онъ, выставя правую ногу впередъ и опершись лѣвою рукою на саблю, разсыпалъ перлы своего краснорѣчія. Затѣмъ, нѣкоторые другіе послы и литовскій гетманъ Огинскій надѣли старинный польскій костюмъ.

Занялись вопросомъ о средствахъ къ содержанію войска. Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось. Сухоржевскій предложилъ, чтобы владѣльцы и посессоры заплатили одно подымное, и чтобы, сверхъ того, была открыта подписка для добровольныхъ пожертвованій. Положили во всѣхъ гродскихъ канцеляріяхъ, въ приходахъ, въ судейскихъ кагалахъ, въ ремесленныхъ цехахъ открыть добровольные сборы: всякій могъ вносить, сколько хотѣлъ; коматоры должны были собирать внесенное и доставлять въ скарбовыя коммиссіи — коронную и литовскую. Нѣкоторые богатые паны тотчасъ же показали свою тароватость. Канцлеръ Малаховскій пожертвовалъ двѣнадцать пушекъ. Волынскій посолъ Гулевичъ обѣщалъ снарядить на свой счетъ эскадронъ изъ двухсотъ-пятидесяти человѣкъ. Разными приношеніями набрали до 80,000 злотыхъ. Дамы жертвовали свои брилліанты. Щенсный Потоцкій по этому поводу говорилъ о своей женѣ: «Вотъ гражданка, мать девяти дѣтей, хочетъ украшаться только однѣми добродѣтелями и лишаетъ себя драгоцѣнностей на пользу республики; эта гражданка — жена моя; цѣнность приносимыхъ ею пожертвованій равняется цѣнности десяти тысячъ ружей, которыя я самъ отъ себя сдамъ въ арсеналъ Рѣчи-Посполитой». Этотъ панъ, стараясь показать, что не имѣетъ пред-

почтенія ни къ Россіи, ни къ Пруссіи, взывалъ къ соотечественникамъ такъ: «Народъ нашъ ни на кого не долженъ надѣяться кромѣ самого себя, пока у него есть руки и металлъ, изъ котораго дѣлаютъ оружіе. Клянусь Богомъ, я никогда не буду служить чужимъ монархамъ; и если жестокая судьба и пороки Рѣчи-Посполитой погубятъ ее, если я буду такъ несчастливъ, что вмѣстѣ съ нею не похоронятъ и меня — я покину отечество и за морями, въ другомъ полушаріи, съ моими девятью дѣтьми пойду дышать вольнымъ воздухомъ. Разобьемъ наши оковы, забудемъ несогласія, возненавидимъ козни. Да погибнетъ память тѣхъ, которые призывали чужое войско для пролитія крови соотечественниковъ и открывали чужестранцамъ входъ въ Рѣчь-Посполитую». Эта рѣчь въ устахъ будущаго автора тарговицкой конфедераціи, главнаго разрушителя, съ чужестранною помощью, всѣхъ сеймовыхъ затѣй, многознаменательна, какъ образчикъ того, въ какой степени пышныя патріотическія фразы сходились съ поступками и насколько тогдашній полякъ могъ надѣяться самъ на себя. Нѣкоторые, не увлекаясь блескомъ фразъ, сопровождавшихъ пожертвованія, замѣчали, что стотысячное войско не можетъ содержаться на счетъ дамскаго туалета.

Увлеченіе охладѣвало, когда надобно было толковать не о добровольныхъ пожертвованіяхъ каждаго, а о наложеніи обязательныхъ податей въ пользу войска. Владѣльцы обширныхъ маетностей и посессоры королевщинъ старались, чтобы имъ пришлось платить какъ можно меньше. Англійскій министръ въ Польшѣ, Гэльсъ, писалъ въ отечество: «Нельзя не удивляться легкомыслію поляковъ: они рѣшились на увеличеніе войска, а содержать его нечѣмъ. Страна не имѣетъ ни торговли, ни промысловъ, народонаселеніе уменьшается; Польша не въ состояніи поднять издержекъ и на половину того количества войска, какое поляки признаютъ нужнымъ».

Проектъ о наложеніи подымнаго встрѣтилъ сопротивленіе. Виленскій посолъ Романовичъ кричалъ: «Мы еще не въ такой большой опасности, чтобы намъ отягощать шляхетскія имѣнія. Издержки на войско могутъ покрыться доходомъ съ поіезуитскихъ имѣній». Извѣстно, что доходы съ этихъ имѣній давно уже были обращены на народное воспитаніе. Брестскій посолъ Матушевичъ устранялъ на этотъ разъ совсѣмъ этотъ щекотливый вопросъ, доказывая, что прежде слѣдуетъ устроить правительство, а войско безъ твердаго правительства будетъ только на пагубу. Щенсный Потоцкій, такъ щедро раздававшій на войско брилліанты жены своей, былъ противъ наложенія подымнаго, на томъ основаніи, что это только временная мѣра, а для со-

держанія войска нужны постоянныя средства. Этотъ панъ предложилъ еще на свой счетъ поставить тысячу человѣкъ. За нимъ Panie Kochanku предложилъ отъ себя 600 человѣкъ; но оба хотѣли, чтобы власть надъ этимъ войскомъ оставалась за ними.

Но тутъ случились событія, которыя побудили Избу къ большей дѣятельности и рѣшимости. Получено извѣщеніе отъ командующаго польскимъ войскомъ въ Украинѣ, что русскіе не только не выводятъ войскъ изъ Польши, но еще три новые полка проходятъ черезъ Украину и вербуютъ людей. Это подало поводъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ Россіи.

Прусскій министръ послалъ 2 декабря на сеймъ еще одну одобрительную ноту, восхвалялъ поляковъ за ихъ смѣлость и увѣрялъ въ расположеніи прусскаго короля. Съ новыми надеждами на покровителя и благодѣтеля, сеймъ, въ своемъ отвѣтѣ прусскому министру, вознося до небесъ великодушіе и умѣренность прусскаго короля, жаловался на Россію, что она злоупотребляетъ правами гарантіи и просилъ Пруссію защищать Польшу отъ Россіи. Затѣмъ разнеслись слухи, что русскій народъ въ Украинѣ начинаетъ волноваться: это безъ дальнихъ размышленій приписали,козням москалей. Сухоржевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи такъ усердно искалъ милости императрицы, теперь кричалъ на сеймѣ такъ: «наияснѣйшій король, если хочешь увидѣть поляковъ, готовыхъ умирать за достоинство твоего престола,—пусть они услышатъ изъ твоихъ устъ желанный голосъ: будемъ бить москалей! Наияснѣйшій король, если хочешь видѣть единодушное согласіе всего народа, произнеси одно слово: бить москалей!» Въ томъ же духѣ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а подольскій посолъ Красинскій припоминалъ о неисчислимыхъ могилахъ Украины, свидѣтельствовавшихъ о старыхъ бунтахъ хлопскихъ, которые, по его мнѣнію, начиная отъ Хмельницкаго и до позднихъ временъ, всѣ были возбуждены москалями. Возбужденіе противъ Россіи имѣло за собою желаніе показать свѣту сознаніе самостоятельности и ниспровергнуть тѣ условія, которыя казались унизительными. До сихъ поръ Польша, по волѣ Россіи, не смѣла держать при иностранныхъ дворахъ своихъ посланниковъ.

9 декабря, брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій подалъ проектъ объ учрежденіи Депутаціи иностранныхъ дѣлъ и о назначеніи къ иностраннымъ дворамъ посланниковъ. «Мы народъ слабый — говорилъ онъ — народъ попираемый, презираемый, покрывшій себя стыдомъ; лучше намъ вовсе не существовать, чѣмъ питать гордость какого-нибудь чужого владыки». Проектъ его

былъ принятъ, назначены были къ иностраннымъ дворамъ послы и учреждена Депутація иностранныхъ дѣлъ [1]).

Въ январѣ 1789 г. покусились на уничтоженіе постояннаго совѣта. Этотъ совѣтъ былъ особенно ненавистенъ, тогда какъ нежеланіе выводить русскія войска изъ Польши чрезвычайно волновало умы, а въ предыдущіе годы дозволеніе на проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу давалось не сеймомъ, а Постояннымъ Совѣтомъ. Проектъ уничтоженія представленъ люблинскимъ посломъ Станиславомъ Потоцкимъ. Король, подъ страхомъ навлечь немилость Екатерины, сталъ-было защищать Постоянный Совѣтъ. «Вотъ — говорилъ онъ — скоро четыре мѣсяца, какъ мы стараемся раздражить противъ себя императрицу; мы нарочно дѣлаемъ то, что̀ ей противно, и умышленно не дѣлаемъ того, что̀ ей угодно. Подумайте: уничтоженіе Постояннаго Совѣта будетъ конечнымъ нарушеніемъ мирнаго договора съ Россіею». Но этого именно нарушенія и хотѣли патріоты: Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой-нибудь порядокъ Польшѣ. Поляки порывались его уничтожить именно потому, что онъ созданъ былъ Россіею. Удерживать его, казалось, значило бояться Россіи и повиноваться ей, а полякамъ хотѣлось показать всему свѣту и самимъ себѣ, что они болѣе не зависятъ отъ Россіи. «Если мы будемъ бояться Россіи, то лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами», говорили патріоты. Опасно было заикнуться за удержаніе Совѣта; задорные прогрессисты готовы были пустить въ дѣло сабли. Сторонники прежняго порядка прибѣгли-было къ хитрости; подъ видомъ еще крайнѣйшаго патріотизма они говорили: «Если уничтожать Постоянный Совѣтъ, такъ уничтожимъ же разомъ всѣ ненавистныя постановленія сейма 1775 года». Но у многихъ пановъ права собственности на имущество опирались на постановленія и приговоры именно этого сейма. Противники реформы, прикидываясь ея поборниками, хорошо понимали, что такого повальнаго уничтоженія всѣхъ постановленій означеннаго сейма состояться не можетъ, и разсчитывали, что подобными заявленіями можно добиться до того, что патріоты охладѣютъ въ своемъ задорѣ и оставятъ въ покоѣ сеймъ

[1]) Въ ней были надворный литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, куявскій епископъ Рыбицкій, бецкій каштелянъ Зелинскій, черниковскій посолъ Михаилъ Чацкій, сѣрадскій посолъ Любенскій, варшавскій посолъ Соболевскій, брестскій Матушевичъ и ливонскій Забѣлло. Къ иностраннымъ дворамъ назначали: въ Вѣну Войну, въ Берлинъ Чарторыскаго (но вмѣсто его посланъ былъ Яблоновскій), въ Лондонъ Букатаго, въ Константинополь Мажецкаго (посланъ былъ Петръ Потоцкій), въ Петербургъ хотѣли послать Щенснаго-Потоцкаго, но послали Деболи.

1775 года, а тѣмъ самымъ и учрежденный на немъ постоянный совѣтъ будетъ существовать. Но Казимиръ-Несторъ Сапѣга противопоставилъ этой уловкѣ другую, ей равную: онъ привелъ силу закона 1775 года, по которому не дозволялось на сеймъ вносить предложеній, заключающихъ нѣсколько предметовъ разомъ, а здѣсь представлялось разомъ множество вопросовъ: по силѣ приводимаго закона, ихъ слѣдовало раздѣлять особно. Онъ доказывалъ, что Постоянный Совѣтъ и безъ того уже лишился своего значенія, по уничтоженіи двухъ его департаментовъ и по замѣненіи ихъ Войсковою коммиссіею и Депутаціею иностранныхъ дѣлъ; уничтожить остальное вовсе не такъ было важно, какъ казалось: дѣло состояло больше въ одномъ имени. Станиславъ Потоцкій сказалъ: «Выкинемъ самое имя Постояннаго Совѣта изъ нашихъ учрежденій. Если мы не вычеркнемъ перомъ, то оно вычеркнется саблею». Предложили балотировку. Примасъ, нѣсколько сенаторовъ и тридцать пословъ объявили, что не участвуютъ въ балотировкѣ; она тѣмъ не менѣе состоялась и Постоянный Совѣтъ, въ засѣданіи 19 января 1789 года, былъ уничтоженъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 12.

Говорятъ, наканунѣ этого дня, Штакельбергъ видѣлся съ маршаломъ Малаховскимъ и замѣчалъ ему, что онъ не умѣетъ обуздывать многословія и увлеченія пословъ. «Я—сказалъ Малаховскій—свою обязанность знаю, нельзя зажать рта послу, если бы онъ позволилъ себѣ сказать даже что́-нибудь и лишнее. Вѣдь онъ имѣетъ равное со мною достоинство». Это было сообщено нѣкоторымъ посламъ и побудило ихъ съ досады поспѣшить поступкомъ, который будетъ непріятенъ Россіи. «Черезъ-чуръ занеслись поляки — сказалъ тогда Штакельбергъ—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ спѣсь». Онъ намекалъ на крестьянскіе бунты православнаго народа, такъ часто пугавшіе и потрясавшіе шляхетскую республику. Штакельбергъ въ своихъ донесеніяхъ выражалъ полнѣйшее презрѣніе къ польской націи и называлъ сеймовую избу «роемъ дураковъ». Онъ зналъ, замѣчаетъ саксонскій министръ Эссенъ, что имперіалы и рубли все передѣлаютъ въ свое время. Впрочемъ, расходы на пенсіоны отъ Россіи въ это время были не велики и простирались до 41,638 червонцевъ. Намъ извѣстно, что Понинскій и Гуровскій получали по 2,400 червонцевъ, маршалъ Рачинскій и епископъ Коссаковскій по 1,500, каштелянъ Островскій 2,000, Мястковскій 4,000, пани Гумецкая 1,200, агентъ Боскампъ 500, каштелянъ Лобачевскій 240 и. пр. Другіе, напр., полковникъ Островскій, Іозефовичъ и пр. получали по-мѣсячно червонцевъ

по десяти. Нѣкоторые изъ пословъ получали отъ императрицы квартиру и содержаніе.

Поляки, чтобы показатъ свое геройство, тотчасъ сообщили объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта всѣмъ дворамъ. Пруссія, Англія и Швеція восхвалили ихъ мужество и рѣшимость, но французскій министръ въ Польшѣ Оберъ сообщилъ имъ не совсѣмъ лестную отвѣтную ноту французскаго правительства. Въ ней, правда, говорилось о давней дружбѣ между Франціей и Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано: его величество французскій король надѣется на благоразуміе польскаго народа и полагаетъ, что, трудясь надъ устройствомъ управленія, поляки будутъ избѣгать всего того, что̀ можетъ повести къ недоразумѣніямъ съ какимъ бы то ни было государствомъ, помня, что нельзя исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ того, что̀ нарушено и искажено вѣками, а потому взвѣшивать обстоятельства и сохранять умѣренность, дабы не сдѣлать изъ себя печальнаго зрѣлища разрушенія, въ надеждѣ возвратить отечеству прежнюю крѣпость и блескъ.

21-го января, прошелъ единогласно проектъ о денежномъ займѣ на 10 милліоновъ для Короны и на три для Литвы черезъ Генуюи Голландію. Заемъ этотъ поручено было устроить Петру Потоцкому, заводившему тогда свой банкъ, и варшавскимъ банкирамъ Тепперу, Шульцу, Арнту, за что имъ дозволяли пріобрѣтать въ Польшѣ земскія имѣнія. Но заемъ этотъ могъ бы принести пользу тогда, когда бы дали денегъ тѣ, на кого надѣялись, а дать могли бы только тогда, когда бы имѣли довѣріе къ Польшѣ.

Для покрытія займа опять принялись за вопросъ о налогахъ и, 26-го января, рѣшили устроить особый налогъ двойного подымнаго подъ названіемъ протунковой подати, т. е. временной — pro tunc, пока не установится постоянной. Сначала шляхетные послы хотѣли все свое сословіе освободить отъ этой тягости и навалить ее исключительно на жидовъ. Ливскій посолъ Кублицкій возсталъ противъ такой несправедливости надъ іудейскимъ племенемъ и доказывалъ, что несправедливо отягощать народъ, который не имѣетъ за себя представителей на сеймѣ. Порѣшили, чтобы всѣ дѣдичи (владѣльцы-собственники) поссессоры, чиншовники, духовныя имѣнія и пр. заплатили два раза за годъ подымное съ тѣмъ, чтобъ разлагать его на дворы, а не на земледѣльцевъ. Освобождалась та шляхта, которая имѣла только по одному дому, а также бѣдные монастыри и священники. На евреевъ накладывалось двойное поголовное. Споры о средствахъ установленія прочныхъ постоянныхъ налоговъ шли около двухъ мѣсяцевъ, и только 24-го марта 1789 года сеймъ порѣшилъ это дѣло. Наслѣдственныя дворянскія имѣнія должны были заплатить десять процентовъ со

своего дохода, духовенство двадцать процентовъ, но тѣ изъ духовныхъ, которые получали дохода не свыше 2,000 злотыхъ, и монастыри, имѣвшіе школы съ тремя учителями подвергались платежу десяти процентовъ; тѣ же, которые получали не болѣе 500 зл. дохода вовсе не платили ничего. Король отъ своего дохода пожертвовалъ 80,000 злотыхъ. Тѣ же, которые владѣли королевщинами, должны были заплатить болѣе для образованія войска: старосты половину дохода, а владѣвшіе подъ другими наименованіями (экспектанты, эмфитеуты)—болѣе. Такимъ образомъ, казна должна была получить $48^1/_2$ милліоновъ злотыхъ. На евреевъ налагали разныя статьи акциза. Крестьяне исключались отъ этой подати. Налогъ этотъ назывался вѣчнымъ пожертвованіемъ (ofiara wieczysta). Для произведенія люстраціи доходовъ имѣній и сбора налога назначались коммиссіи по воеводствамъ изъ множества коммиссаровъ. Они должны были истребовать отъ владѣльцевъ свѣдѣнія о доходахъ подъ присягою. Въ случаѣ же недоставки свѣдѣній или ихъ неправильности коммиссіи сами дѣлали изслѣдованія и назначали размѣръ налога. Установлена была штемпельная бумага для всякаго рода контрактовъ и актовъ, съ тѣмъ, что съ этихъ поръ всякое владѣніе основанное не на документѣ, писанномъ на штемпельной бумагѣ, признавалось недѣйствительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена плата за привилегіи, или грамоты на чины и достоинства.

Послѣ этого сеймъ шагнулъ далѣе, съ цѣлію задирать Россію. Негодованіе противъ нея съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не довольствовались требованіемъ вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ; потребовали отъ фельдмаршала Румянцова удалить отъ границъ Рѣчи-Посполитой отряды, расположенные отъ границъ Молдавіи по кіевской дорогѣ. Румянцовъ отвѣчалъ генералу артиллеріи Щенсному Потоцкому, что «такое требованіе оскорбительно для достоинства императрицы. Члены сейма люди умные и образованные: какъ они могли подумать, что я соглашусь исполнить такую претензію, противную моимъ обязанностямъ и чести русскаго оружія?» Такой отвѣтъ распалилъ патріотовъ еще болѣе; повторили требованія Штакельбергу о выводѣ войскъ и снова давали знать, что Польша ститаетъ себя независимою державою. Штакельбергъ отвѣчалъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. «Независимость и свобода наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой, — писалъ онъ, — такія несомнѣнныя истины, о которыхъ нечего напоминать. Они не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію.» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что просьба сейма будетъ послана императрицѣ. Ожидая отъ Россіи суроваго отвѣта, Депутація иностранныхъ дѣлъ обрати-

лась къ ходатайству прусскаго и англійскаго министровъ, просила ихъ правительства заступиться за Польшу въ случаѣ грозы отъ Россіи и постараться, съ своей стороны, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши. 16-го февраля, было получена новая нота Штакельберга, умѣренная и кроткая. Онъ извѣщалъ, что императрица, по сосѣдству и дружбѣ, обращалась къ Рѣчи-Посполитой о проводѣ своихъ войскъ чрезъ польскія земли; что за все, нужное для этого войска, платились наличныя деньги; что присутствіе этихъ войскъ оберегаетъ Польшу отъ татаръ и турокъ; что эти войска выведутся, какъ только окончится война, а до того времени строжайше приказано, чтобы отъ русскихъ войскъ не было никакихъ оскорбленій польскимъ жителямъ. На счетъ уничтоженія Постояннаго Совѣта, какъ и на счетъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ вопреки видамъ Россіи, русскій посолъ не дѣлалъ никакихъ намековъ. Онъ и въ разговорахъ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, или какъ будто все совершающееся не касается до Россіи вовсе. Это ободрило поляковъ. Они начали думать, что Россія испугалась ихъ воинственной рѣшимости, что объявленіе о стотысячномъ войскѣ для Россіи не шутка, что, наконецъ, пришла пора Польшѣ раздѣлаться съ Россіею, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Польши будетъ Пруссія и Англія: Россіи не сдобровать. Но въ это время самоувѣренности на сеймъ повѣяло ужасомъ изъ Украины. Пролетѣли знакомые зловѣщіе слухи; южно-русскій народъ опять волнуется; схизматическіе попы поджигаютъ его; москаль посылаетъ къ народу своихъ эмиссаровъ [1]).

IV [2]).

Архіерей Викторъ Садковскій.—Усиленіе православія.—Страхъ крестьянскихъ бунтовъ.—Казни и преслѣдованія.—Арестованіе Садковскаго.—Нота Штакельберга.

Прежде было показано, что русское народонаселеніе областей Рѣчи-Посполитой, при закоренѣлой ненависти къ ляхамъ, всегда обращалось къ Россіи и отъ нея надѣялось перемѣны. Эти надежды, приглушенныя суровостію, съ какой отнеслась Екатерина къ эпохѣ Залізняка и Гонты, опять пробудились сообразно съ

¹) См. Источники: №№ 21 (ч. 1-4) 15. 18. 12. 23. 49. 7. 8. 115. Также протоколы четырехлѣтняго сейма въ Лит. Метрикѣ.

²) См. Источн.: 4. 93. 2. 21. (ч. 4. 18. бум. Штакельберга) 80 (ч. 1 стр. 266—301) 25. (ч. 2. стр. 375). Рапорты сейму 1789 г. хран. въ Лит. Метрикѣ.

обстоятельствами, предшествовавшими сейму. На поприще церковной дѣятельности выступилъ энергическій человѣкъ, Викторъ Садковскій. До 1783 г. онъ былъ священникомъ при посольствѣ въ Варшавѣ, а въ этотъ годъ, по протекціи Штакельберга, получилъ санъ архимандрита Слуцкаго монастыря. Владѣлецъ Слуцка Радзивиллъ—Panie Kochanku—согласился на это. Послѣ перваго раздѣла, когда Бѣлоруссія отошла къ Россіи, православные, въ польскихъ владѣніяхъ, завися въ духовномъ отношеніи отъ россійскаго синода, не имѣли у себя мѣстнаго архіерея. Неутомимый въ ревности къ православію Конисскій, подалъ мысль назначить въ польскія области особаго епископа, который бы жилъ въ Слуцкѣ и былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слуцкимъ архимандритомъ. Санъ этотъ приличнѣе оказалось предоставить кіевскому викарію, съ титуломъ переяславскаго епископа, на томъ основаніи, что кіевскій митрополитъ, духовный начальникъ православной церкви въ Польшѣ, а переяславскій епископъ его намѣстникъ. Выборъ палъ на Садковскаго, и 9-го іюня 1785 г. онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ. Русское правительство положило ему содержаніе 5,900 руб.; онъ долженъ былъ зависѣть отъ верховной власти кіевскаго митрополита и наравнѣ со всѣми епархіальными начальниками, подвѣдомственными синоду, доставлять свѣдѣнія о числѣ и состояніи церквей, метрическія и исповѣдныя книги, вѣдомости о церковныхъ и экономическихъ доходахъ и проч. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить вѣдомость о всѣхъ церквахъ, которыя послѣ 1717 года обращены изъ православія въ унію и которые, по силѣ трактатовъ 1768 и 1771 г., должны быть возвращены православію: для этой цѣли узаконялась особая коммиссія, которая должна была разсмотрѣть, какія изъ церквей слѣдуютъ къ отдачѣ, но эта коммиссія не приводилась въ дѣйствіе. Новому архіерею вмѣнялось не дѣлать никакихъ самовольныхъ присвоеній и дожидаться рѣшенія коммиссіи, въ случаѣ же оскорбленій со стороны католиковъ или унитовъ, обращаться къ русскому посланнику въ Варшавѣ. «Вы должны—писано ему въ указѣ св. синода - внушать своему духовенству, чтобъ оно всѣми мѣрами удерживалось отъ непристойныхъ поступковъ противъ католиковъ и унитовъ и не подавало ни малѣйшаго повода ко враждѣ и раздору, равно удалялось бы отъ неумѣстныхъ диспутовъ и старалось бы съ соотечественниками жить мирно, дабы черезъ то каждый могъ пользоваться свободою своего вѣроисповѣданія во всеобщемъ мирѣ». Ему приказано было обратить особое вниманіе на просвѣщеніе духовенства и вообще православныхъ людей, завести семинарію въ Слуцкѣ, на что̀ ассигновалось ему 1,200 р. въ годъ, и также основать, по возможности, разныя

школы при монастыряхъ и церквахъ. По вступленіи своемъ въ должность, уже въ концѣ 1785 г., Садковскій издалъ пастырское посланіе, извѣщалъ, что онъ сдѣлался пастыремъ въ польскомъ государствѣ по высочайшей волѣ ея императорскаго величества и давалъ своей паствѣ совѣты въ самомъ кроткомъ духѣ. «Мнѣ не безъизвѣстно—писалъ онъ—что вы живете въ утѣсненіи и озлобленіи отъ разновѣрцевъ, и я подаю вамъ спасительный совѣтъ, терпѣть всякое зло, вамъ причиняемое. Всѣмъ вѣдома сила любви и кротости, какъ равно и сила противленія и мести. Вражда возбуждаетъ вражду и одно подозрѣніе влечетъ за собою другое. Не такъ скоро охлаждается желѣзо, брошенное въ воду, какъ злобный человѣкъ, при встрѣчѣ съ кроткою и долготерпѣливой душою». Но злоба противъ православія не могла остыть и отъ десятка такихъ миролюбивыхъ посланій. Новый архіерей слышалъ безпрестанно о насиліяхъ надъ православіемъ. По поводу предстоявшаго сейма, въ числѣ разныхъ соображеній, появилась брошюра подъ названіемъ «Голосъ обывателя», гдѣ авторъ требовалъ уничтоженія и истребленія не только православія, но и самаго уніатства въ областяхъ Рѣчи-Посполитой. «Важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобъ русскаго въ нашемъ краѣ отнюдь не было». Такъ говорилъ этотъ голосъ. «О согласіи толковать нечего; знаемъ, какъ часто по поводу обрядовъ, бывали недоразумѣнія. Соблюденіе постовъ и праздниковъ причиняетъ теперь безпорядокъ. Извѣстно, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ шляхта и паны по большей части обряда латинскаго, а ихъ крестьяне—русскаго. Шляхтичу и пану служатъ его подданные. Поваръ, лакей, конюхъ, земледѣлецъ—русакъ; у нихъ праздники и посты другіе, чѣмъ у пана, которому они служатъ. Какое же изъ этого происходитъ замѣшательство! У пана—пасха, а у слуги только масляница окончилась; у пана праздникъ, у слуги нѣтъ его; у пана постъ,—у слуги или у дворни *усяядница*, и наоборотъ, у слуги великій четвергъ и пятокъ,—у пана вознесеніе, у дворни праздникъ и постъ, а у пана ни праздника, ни поста. Прибавимъ еще, что отъ множества праздниковъ русскаго обряда происходитъ бѣдность и обнищаніе народа. У русскихъ такъ много праздниковъ, что сами священники знать ихъ не могутъ: одинъ приказываетъ соблюдать, а другой не велитъ». Когда этотъ голосъ явился въ печати, Конисскій написалъ на него отвѣтъ и поручилъ Садковскому представить его лично на сеймѣ. Излагая въ немъ историческія права православія и защищая духовенство отъ преувеличенныхъ нападокъ, Конисскій сдѣлалъ автору «Голоса» такое полновѣсное замѣчаніе: «Авторъ «Голоса» забываетъ два важныхъ

обстоятельства, по поводу которыхъ слѣдовало бы дать совѣтъ почтеннымъ чинамъ государства: 1) по уничтоженіи унитовъ, что́ дѣлать съ неунитами и диссидентами, которые пребываютъ подъ защитою сосѣдней сильной державы, любимой почти всею громадою народа русскаго, и какъ преградить этому народу путь къ возвращенію къ неуніи, когда онъ не захочетъ принять латинскаго обряда? 2) По уничтоженіи уніи и по обращеніи на священническіе фонды (римско-католическіе) имуществъ епископскихъ и митрополичьихъ, что́ надлежитъ дѣлать съ самыми епископами и съ митрополитомъ, и куда ихъ дѣть, чтобъ они не искали нигдѣ такой протекціи, при помощи которой имъ могли быть возвращены ихъ каѳедры?» Этими вопросами Конисскій напоминалъ, что латинская ревность безсильна предъ властію Россіи. Его отвѣтъ оканчивался воззваніемъ къ унитскому митрополиту, приглашеніемъ обратиться къ покровительству Россіи. «Вы думали— писалъ онъ — и были убѣждены, что вы составляете истинный образъ неразрывной вѣры и любви христіанской, соединенные во единое тѣло съ римскою церковью такъ, какъ было въ оные святые вѣка: посмотрите же, что́ замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Мы увѣрены, что апостольская столица того не желаетъ, но если она не могла предотвратить вашего униженія, то навѣрно не спасетъ васъ отъ задуманнаго окончательнаго погубленія, которое если не теперь, то на будущее время постигнетъ васъ. Промышляйте же о себѣ заранѣе; поступите такъ, какъ сдѣлали неуниты и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыносимаго и тяжелаго гоненія за вѣру, они искали у высокихъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ тогда раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какъ теперь для васъ: они чрезъ то не перестали быть добрыми гражданами Рѣчи-Посполитой и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивѣйшей императрицы всероссійской, которую наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая признала императрицею всей Руси, а слѣдовательно и всей Руси покровительницею. Предъ вами примѣръ вашего собрата архіепископа полоцкаго: онъ пользуется особымъ покровительствомъ всемилостивѣйшей государыни, и чрезъ то не нарушаетъ послушанія апостольской столицѣ, сообразно данной присягѣ! И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, нерасположеніе къ неунитамъ и неправильное предубѣжденіе, можете содѣлаться орудіемъ и счаст-

ливымъ средствомъ для привлеченія ихъ къ той уніи, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая вселенская церковь римская и греческая ежедневно проситъ Бога.»

Изъ этого отвѣта могли видѣть всю близость опасности: православные признавали уже право русской императрицы быть покровительницею всей Руси вообще, православные склоняли унитовъ къ Россіи, и Садковскій, прибывши въ Варшаву, лѣтомъ 1785 года, жаловался на унитскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ унію, указывалъ что это противно трактату, жаловался на то, что католики называютъ православіе схизмою, обличалъ изданную въ Польшѣ географію, гдѣ восточная церковь названа схизмою. Не богословскіе догматы служили ему оружіемъ; онъ ссылался на трактатъ, по которому слѣдовало не дозволять такихъ презрительныхъ названій восточной церкви. Его приняли въ Варшавѣ очень холодно, какъ и слѣдовало ждать. Отъ него потребовали присяги на подданство Рѣчи-Посполитой. Какъ русскій подданный по рожденію, онъ не давалъ ее, безъ приказанія отъ своего правительства. Король, однако, все-таки выдалъ ему привилегію. Садковскій замѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ, что она была писана еще прошлаго года и была измята — знакъ, что многимъ она была сообщаема, съ цѣлію узнать о ней мнѣнія, и многіе читали ее прежде, чѣмъ тотъ, кому она назначалась. Прождавши все лѣто послѣдней аудіенціи у короля и не дождавшись ее, Садковскій уѣхалъ изъ Варшавы въ октябрѣ 1786 года. Жалоба короля Потемкину на Садковскаго, будто онъ приневоливалъ раскольниковъ къ православію, едва ли не преувеличена. Достаточно было полякамъ видѣть въ этомъ человѣкѣ ревностнаго православнаго духовнаго и преданнаго Россіи, чтобы выдумать на него что̀-нибудь. Въ тогдашнихъ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ ничего указывающаго на это обвиненіе. Присяга на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, произнесенная имъ въ Тульчинѣ, не только не связала, но скорѣе развязала его на первыхъ порахъ. Заручившись подданствомъ королю и Рѣчи-Посполитой, Садковскій выступилъ уже не какъ чужеземецъ, а какъ соотечественникъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой и сталъ смѣлѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ обозрѣлъ южныя провинціи своей епархіи и тамъ возникло поразительное стремленіе народа къ возвращенію отъ уніи къ православію. По изысканіямъ депутаціи, назначенной впослѣдствіи, по дѣлу объ украинскихъ бунтахъ, оказалось, что въ короткое время, вмѣсто девяноста четырехъ приходовъ, явилось триста; всѣ они перешли изъ уніи. Мы навѣрное не знаемъ, въ какой степени это явленіе было дѣломъ

самого Садковскаго. Быть можетъ (и всего умѣстнѣе такъ предположить), если онъ и въ сильной степени этому событію способствовалъ, то все-таки не онъ произвелъ его. Для южно-русскаго народа не нужно было предвзятой пропаганды. Еще послѣ диссидентскаго сейма, мы видѣли, народъ бросился оставлять насильственно навязанную вѣру. Стремленіе его было пріостановлено. Страшныя казни, произведенныя Стемпковскимъ, на многія лѣта навели паническій страхъ на русскій народъ. Переходъ изъ уніи въ православіе въ глазахъ поляковъ былъ преступленіемъ достойнымъ казни, а народъ былъ подъ произволомъ поляковъ и на Россію надежды было мало. Теперь народъ опять почувствовалъ со стороны Россіи благодатное вѣяніе. Путешествіе Екатерины ободрило его. Онъ могъ вблизи увидѣть ея величіе; онъ могъ узнать, какъ его король и могучіе паны-ляхи спѣшили на поклоненіе къ той царицѣ, которая была одной вѣры съ нимъ и имѣла достаточно силы покровительствовать этой вѣрѣ вездѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась надежда, что если ей Богъ поможетъ, то она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только ея единовѣрцы, но еще и русскіе. Изъ писемъ Садковскаго, писанныхъ въ это время, видно, что въ южной Руси было тогда движеніе въ народѣ. Онъ писалъ, что во время его объѣзда украинскихъ монастырей и церквей, множество монаховъ и черницъ скрывалось въ чигиринскихъ, черкасскихъ и смилянскихъ лѣсахъ. Садковскій не думалъ потакать ничему такому, что бы клонилось къ возмущенію народа, которое такъ легко могло вспыхнуть въ этихъ странахъ. Онъ поручалъ губернаторамъ (управителямъ) ловить бродячихъ монаховъ и отправлять въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ монастыри не захотятъ принимать, обривать бороды и обращать на общественныя работы. Но поляки не вѣрили искренности поступковъ схизматическаго архіерея. Привыкши считать русскій народъ безсмысленнымъ стадомъ скотовъ, они не допускали въ этомъ народѣ самобытныхъ побужденій, и когда замѣчали въ немъ признаки народнаго его самосознанія, то всегда искали поводовъ къ этому во внѣшнемъ подстрекательствѣ, либо отъ духовенства, либо отъ коварнаго москаля. Отпаденіе отъ уніи русскихъ было невыносимо для поляковъ. Нѣсколько вѣковъ истрачено ими на то, чтобъ истребить мерзостную схизму. Это стоило Польшѣ многихъ усилій, многихъ пожертвованій, и плоды вѣковыхъ трудовъ, казалось, готовы были исчезнуть въ нѣсколько лѣтъ. Поляки увидѣли, какъ они слабы тамъ, гдѣ казались сами для себя силь-

ными. Отъ этого они до неистовства озлобились не только на православныхъ, но и на унитовъ, за то, что послѣдніе такъ легко оставляли унію. Вмѣстѣ съ этой злобою возникла боязнь, чтобъ не возвратились времена Залізняка и Гонты; тѣмъ болѣе, что передъ колiивщиною происходило такое же обращеніе унитовъ въ православіе. Волынская, подольская и украинская шляхта, въ предупрежденіе бѣды на себя, сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ.

Случилось происшествіе, какъ будто оправдывавшее такое опасеніе народнаго возстанія. Въ селѣ Невѣрковѣ на Волыни зарѣзали помѣщика Вылежинскаго, жену его и нѣсколько человѣкъ домашнихъ, всего, говорили, восемь особъ.

Вѣсть объ этомъ переполошила до того обывателей, что они начали бросать свои имѣнія и бѣжать въ города съ семьями. Впослѣдствіи, оказалось, что убійство совершено было злодѣями изъ-за денегъ, и невѣрковская громада вовсе была непричастна этому дѣлу. Но съ-горяча всѣ были увѣрены, что убійство Вылежинскихъ было починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Случилось другое происшествіе, надѣлавшее шуму. Въ селѣ Куриловкѣ дубенскаго повѣта къ помѣщицѣ Прушинской на праздникъ Рождества Христова подъ окно пришла толпа сельской молодёжи и, по обычаю, запѣла колядки. Пани Прушинская, уже настроенная слухами о томъ, что крестьяне хотятъ бунтовать, испугалась и приказала угостить колядниковъ палками вмѣсто пироговъ, которыхъ малороссы просятъ въ своихъ колядныхъ пѣсняхъ. Одинъ парубокъ, отвѣдавши на своей спинѣ панскаго угощенія, сказалъ: «какая же недобрая наша пани! Надобно на нее Гонтина сына, чтобъ научилъ ее по людски обращаться съ людьми!» Эти слова донесли госпожѣ. Прушинская приказала забить въ колоды нѣсколько десятковъ крестьянъ, всѣхъ кто только показался ей почему-нибудь подозрительнымъ, и отправила ихъ въ Дубно.

Въ это время русскіе покупали много хлѣба для своего войска; обывателямъ это было выгодно. Чтобъ соблюсти порядокъ и сохранить свои выгоды, они учредили изъ среды себя коммиссію для установленія и поддержанія цѣнъ, для закупки и принятія отъ обывателей хлѣба и сѣна и доставки въ русскія руки, а равно и для полученія денегъ за доставленные запасы. Коммиссія эта получила значеніе полицейской; самъ сеймъ поручилъ ей смотрѣть за спокойствіемъ края; но она присвоила себѣ еще и судебную власть. Коммиссія эта разобрала и судила дѣло Прушинской. Нѣсколькимъ изъ присланныхъ ею крестьянъ отрубили головы, другихъ повѣсили, остальныхъ отпороли такъ больно, что

они были чуть живы, и отправили въ Куриловку. Въ какой степени судъ коммиссіи могъ быть справедливъ, можно видѣть изъ характеристики, какую даетъ членамъ коммиссіи въ Дубно и Луцкѣ современникъ, бывшій самъ членомъ такой коммиссіи [1]. Одинъ изъ коммиссаровъ, панъ Рогозинскій—помѣшанный, другой—панъ Требуховскій — спившійся съ кругу, третій—панъ Заленскій — разбойникъ, дѣлавшій наѣзды на сосѣднія имѣнія и убивавшій въ нихъ крестьянъ.

За расправою съ крестьянами Прушинской послѣдовала другая подобная, въ Луцкѣ. Въ имѣніи князя Воронецкаго, Любечъ, былъ поссессоръ Вильчинскій, утѣснявшій крестьянъ. Крестьяне жаловались на него владѣльцу. Князь Воронецкій обѣщалъ имъ свое покровительство, но поссессора отъ нихъ не удалилъ. Начали ходить зловѣщіе слухи о намѣреніи хлоповъ поднять бунтъ. Вильчинскій увидѣлъ удобный случай отомстить тѣмъ, которые на него жаловались. Онъ придрался къ нимъ, что у нихъ есть огнестрѣльное оружіе. Ихъ отправили въ коммиссію въ Луцкъ, а коммиссія одного изъ нихъ повѣсила, другихъ отправила назадъ, распорядившись, чтобъ имъ на пути, въ каждомъ встрѣчающемся селеніи, давали по сту ударовъ. Такимъ образомъ, ихъ привезли домой чуть живыми, а одинъ изъ этихъ крестьянъ, восьмидесятилѣтній старикъ не вынесъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ, въ колодѣ. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и дошли своимъ умомъ къ тому, что все это интриги Россіи и затѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли маркитантами. То были не что иное, какъ офени. Они издавна обыкли ѣздить по южной Руси и продавать полотно, ситецъ, мыло, платки, разную мелочь, женскія украшенія и хозяйственныя орудія, въ томъ числѣ ножи. На нихъ прежде поляки не обращали вниманія, а теперь замѣтили, что ихъ стало ѣздить что-то много, вообразили, что они—тайные агенты Екатерины, и разъѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ возмущать хлоповъ противъ пановъ. Эти такъ-называемые маркитанты, странствуя по селамъ съ товарами, часто приставали къ священникамъ. Отсюда обыватели заключили и сообразили, что черезъ нихъ русскимъ попамъ передаются порученія поджигать хлоповъ къ бунту. Католики злились вообще на русскихъ священниковъ, не только на православныхъ, но и на унитскихъ: въ послѣднее время изъ нихъ такъ много перешло къ православію, что это побуждало считать ихъ

[1] Въ запискахъ архипресвитера Бродовскаго въ книгѣ Widok przemocy.

всѣхъ способными къ отпаденію отъ уніи, а затѣмъ и ко всякаго рода поступкамъ, враждебнымъ Польшѣ и благопріятнымъ Россіи. Пошли ходить изъ устъ въ уста слухи, что у того или другого священника ночевали маркитанты, въ такомъ или другомъ селеніи у крестьянъ въ скирдахъ и стогахъ спрятаны большіе ножи, привезенные нарочно изъ Россіи. Иные говорили, что у великорусскихъ торговцевъ ножи и копья кладутся на исподъ въ возахъ, накладываются товаромъ, и такимъ образомъ, провозятся. Говорили, что они, кромѣ ножей и копей, привозятъ какія-то мучительныя орудія для вырыванія тѣла и внутренностей. Говорили, что уже хлопы, сбираясь въ корчмахъ, пьяные хвалятся, что у нихъ есть московскія деньги, что они только дожидаются, пока придетъ къ нимъ отъ царицы сынъ Гонты, и тогда они всѣ примутся за рѣзню. Такія вѣсти о маркитантахъ и извощикахъ (zwoszczykach) сильно всполошили всю шляхту на Украинѣ, Подоли и Волыни: она съѣхалась въ Житомиръ, Луцкъ и Брацлавъ и совѣщалась, какъ ей защищаться. Она постановила составить милицію, куда должны были войти одни католики, а русскихъ отнюдь не слѣдовало допускать — не только православныхъ, но и унитовъ.

Коммиссіи, руководимыя ксендзами, налегли паче всего на духовенство: забитые, невѣжественные, по необходимости, ради насущнаго хлѣба, привыкшіе ползать передъ панами, унитскіе духовные достаточно заразились общею деморализаціею, и легко было ихъ запугать и найти между ними такихъ, которые, ради собственнаго спасенія, готовы были сдѣлаться покорнымъ орудіемъ шляхетской злобы. По малѣйшему подозрѣнію хватали поповъ, дьячковъ и тащили въ коммиссію. Такимъ образомъ, поймали и привезли въ Луцкъ русскаго священника Лукаевича. На него донесли, что онъ далъ у себя переночевать какому-то такъ-называемому маркитанту. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, Аксакъ, поѣхалъ за нимъ. Попъ этотъ оказался трусъ первой руки; онъ совершенно потерялся отъ страха и сталъ просить пана Аксака научить его, какъ обращаться и что̀ говорить въ коммиссіи. «Не бойся, попъ, сказалъ ему Аксакъ, тебѣ ничего худого не будетъ; ты скажи, что у тебя былъ маркитантъ, подговаривалъ тебя къ бунту и показывалъ письмо отъ царицы, а ты на это не поддался».—«Да этого, пане, совсѣмъ не было—сказалъ попъ—разговоръ у меня съ нимъ былъ о московской войнѣ, что гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то дерется; и о томъ была рѣчь, что поляки собираютъ войска, думаютъ можетъ быть съ кѣмъ-нибудь воевать, а больше ни о чемъ не говорили».—«А этого развѣ мало—сказалъ Аксакъ—маркитантъ говорилъ тебѣ, что москва хочетъ воевать

поляковъ, ты самъ долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать хлоповъ противъ насъ. Какъ привезутъ тебя въ коммиссію, ты скажи, что онъ тебя подговаривалъ и показывалъ тебѣ московское писаніе; а не то — пропадешь и жену и дѣтей своихъ погубишь: мнѣ жаль тебя! На, возьми, попъ: это тебѣ пригодится на прожитье въ Луцкѣ. Если хорошо сдѣлаешь дѣло, такъ и больше получишь»! Онъ сунулъ ему въ руку два червонца. Испуганный и вмѣстѣ обрадованный попъ обнималъ ноги своего благодѣтеля. «А будужъ я на волѣ»? спрашивалъ онъ. «Не только будешь на волѣ—отвѣчалъ Аксакъ—а еще дадутъ тебѣ большое награжденіе за вѣрность».

По пріѣздѣ въ Луцкъ, Аксакъ тотчасъ объявилъ коммиссіи, что теперь уже все открыто. Привели Лукаевича. Съ коммиссарами сидѣли ксендзы. Лукаевичъ, по наученію Аксака, объявилъ, что у него ночевалъ москаль маркитантъ, уговаривалъ попа подущать къ бунту своихъ прихожанъ и показалъ ему какое-то писаніе: прочитать онъ его не могъ, а видѣлъ только, что тамъ подписано: *Екат...* «Маркитантъ, показывалъ Лукаевичъ, говорилъ, что царица такъ желаетъ, а кто ее послушаетъ, тотъ большую награду получитъ!»

«Вотъ, наконецъ-таки по ниточкѣ мы до клубка дошли!» воскликнули обыватели и начали изо-всѣхъ силъ бранить москалей и грозить имъ. «Присягни—сказали попу—что было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь!»

Попъ сначала смутился, испугался, что ему приходится присягать ложно, онъ поглядывалъ на Аксака, а тотъ грознымъ взглядомъ показалъ, что уже теперь отступать нельзя. Трусость за жизнь взяла верхъ надъ совѣстью; священникъ присягнулъ.

«Вотъ — восклицали поляки—нашелся-таки одинъ шляхетный попъ: открылъ заговоръ, устроенный на нашу погибель. О, эти попы все знаютъ: и самъ ихній епископъ вѣрно съ ними въ заговорѣ».

Попъ, какъ говорится, вошелъ во вкусъ, понялъ, что панамъ коммиссарамъ тѣмъ будетъ пріятнѣе, чѣмъ онъ больше имъ наговоритъ, и сказалъ:

«Я было не хотѣлъ пускать на ночлегъ этого маркитанта, да мать моя сказала мнѣ: неужели жиды будутъ милосерднѣе насъ? Они дозволяютъ у себя ночевать прохожимъ; отъ чего же намъ нельзя! Маркитантъ мнѣ такъ говорилъ: поляки хотятъ воевать съ москалями, да наша матушка царица съумѣетъ ихъ усмирить; вотъ она скоро пришлетъ вамъ сына Гонты; тотъ выберетъ куколь изъ пшеницы, всѣхъ собакъ-ляховъ перерѣжетъ, чтобъ не брехали! Я ему сказалъ: чѣмъ же поляки виноваты?

А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки; мясо въ постъ жрутъ! Говорилъ онъ, что такихъ, какъ онъ, маркитантовъ и извощиковъ тысячи три бродитъ по Руси.»

Съ этихъ поръ на Волыни безцеремоннѣе стали хватать духовныхъ и мірянъ, и въ короткое время набрали въ Луцкъ сто тридцать три человѣка, какъ значится въ рапортѣ, представленномъ коммиссіею на сеймъ. Нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ засаживали въ тюрьмы, иныхъ сѣкли нагайками, сперва по спинѣ, а потомъ, перевернувши навзничъ, по груди и животу, такъ что сѣченые распухали; иные отъ такой экзекуціи отдавали Богу душу. Какой-то полусумасшедшій нищій показывалъ, будто москали-маркитанты научали его носить къ разнымъ попамъ записки возмутительнаго содержанія. Онъ объявилъ, что нерозданныя еще имъ записки спрятаны въ селѣ Торчинѣ, въ соломенной кровлѣ хаты крестьянина, его родственника. Крестьянинъ, на котораго онъ показалъ, не призналъ его своимъ родственникомъ; разломали указанную соломенную кровлю — не нашли ничего: нищаго повѣсили, но, по его показанію, продолжали хватать и мучить духовныхъ и мірянъ, думая добраться и по этой нити до клубка.

Въ числѣ такимъ образомъ схваченныхъ былъ священникъ Рубиновичъ. Его подвелъ въ бѣду нѣкто Кржижановскій; рапортъ, посланный объ немъ на сеймъ, именуетъ его австрійскимъ дезертиромъ, а письмо очевидца (приводимое въ запискахъ Бродовскаго), говоритъ, что онъ былъ польскій солдатъ и нарочно сказывался дезертиромъ, чтобъ подвести священника. Пришедши къ нему ночью, онъ просилъ спрятать его и выдалъ себя за поповича, насильно взятаго въ службу и убѣжавшаго. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ москалямъ, что москали, вмѣстѣ съ здѣшними русскими хлопами, будутъ рѣзать поляковъ; не худо — говорилъ онъ — зарѣзать вашего пана и взять его деньги, я знаю такое средство, что всѣ будутъ спать и не услышатъ, какъ къ нимъ подойдутъ. — Попъ былъ пьянъ и не противорѣчилъ. Потомъ Кржижановскаго какъ будто поймали въ качествѣ бѣглаго солдата. Тогда онъ оговорилъ попа, у котораго ночевалъ, и объявилъ, что попъ этотъ показывалъ ему бумагу за подписью русской императрицы, гдѣ попы приглашались возмутить крестьянъ и подвигать ихъ на рѣзню пановъ и жидовъ.

Арестованный по этому наговору попъ сталъ оговаривать другихъ, которыхъ за тѣмъ брали и допрашивали. Такимъ образомъ, по наговору, взяли попа изъ Рафаловицъ — имѣнія пана Олизара, и повели черезъ мѣстечко Чарторыскъ. Увидя толпу русскихъ людей, этотъ попъ закричалъ: «Гвалтъ! ратуйте! Ото

ляхи якъ чорты беруть мене». Это поставили ему въ преступленіе, достойное смерти. «Повѣсить! повѣсить»! кричалъ панъ Требуховскій, одинъ изъ коммиссаровъ; и попа вѣрно повѣсили бы, еслибъ на ту пору не пришло отъ сейма запрещеніе коммиссіямъ казнить смертію.

Не такъ отдѣлался схваченный тогда же великорусскій офеня, котораго оговорилъ Лукаевичъ. Отысканный и доставленный въ коммиссію, онъ объяснилъ, что дѣйствительно показывалъ попу бумагу, но эта бумага была не иное что, какъ его паспортъ, и у него, при обыскѣ, не нашли никакой другой бумаги, кромѣ паспорта.

— «Мы — сказали коммиссары — не будемъ тебя казнить, если ты добровольно сознаешься въ томъ, что императрица послала тебя подговаривать хлоповъ къ рѣзнѣ».

— «Я не куплю себѣ жизни клеветою на свою государыню», сказалъ великоруссъ.

Въ великую пятницу, его привели къ висѣлицѣ, сѣдой монахъ исповѣдывалъ его. Не давъ ему окончить обряда, фанатики закричали: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдывать: онъ его подговариваетъ на рѣзню». Офеню повѣсили. «Напрасно погибаю»! было его послѣднее слово. Къ усугубленію смертной муки осужденныхъ, ихъ вѣшали такъ, что они долгое время томились и медленно удушались! Не умѣли вѣшать!

Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и унитскими духовными, надъ русскими хлопами и россійскими подданными. Шляхта, въ паническомъ страхѣ, ожидала повторенія приснопамятной для нея эпохи 1768 года и спѣшила мстить за новую рѣзню прежде, чѣмъ она началась. Особенно страхъ повсемѣстно обуялъ ее на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли по русскому календарю. Полякамъ представилось, что схизматики выберутъ именно праздникъ пасхи для своего дѣла. И вотъ, въ предотвращеніе ужаснаго событія, запретили въ русскихъ церквахъ отправлять обычныя ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальную заутреню). Въ великую субботу въ городахъ поднималась тревога, и составленная изъ шляхты милиція выѣзжала въ поле во всеоружіи мужественно встрѣчать ужасныхъ маркитантовъ и извощиковъ, которые съ граматами царицы будутъ предводительствовать народомъ, собравшимся рѣзать ляховъ и жидовъ.

Сеймъ былъ заваленъ рапортами изъ разныхъ городовъ русскихъ земель; нѣкоторые были оригинальны до смѣшного. Такъ

напр., изъ Хмельника доносили, что какой-то слесарь дѣлаетъ копья для хлоповъ, и пойманные хлопы сознались, что по Украинѣ ходятъ двѣсти поповъ и носятъ писаніе съ печатью, на которой вырѣзаны копья, ножи и другія принадлежности рѣзни съ надписью: теперь часъ ляхівъ різати! Это писаніе приписывалось русской государынѣ. Писали, что въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ остановили московскихъ маркитантовъ съ ножами. Присылались даже бумажныя выкройки ножей, которыми россійская императрица жаловала русскій народъ для рѣзни ляховъ. Въ Варшавѣ подобныя донесенія принимались за справедливыя. Все общество проникнулось страхомъ. Сеймъ на нѣсколько дней оставилъ всякія другія занятія и обратился исключительно къ вопросу объ опасности со стороны русскихъ хлоповъ. Враги Россіи пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ возбуждать противъ нея умы. Послы въ столицѣ также легко повѣрили въ возможность того, чтобъ императрица посылала своихъ торговцевъ и извощиковъ для возмущенія русскаго народа, какъ и пугливые волынскіе и украинскіе обыватели. Къ пущему раздраженію противъ Россіи, сеймъ получилъ тогда отъ Штакельберга ноту, гдѣ была жалоба на польскую команду, не пропустившую гренадерскаго прапорщика Вахая, который, черезъ земли Рѣчи-Посполитой ввелъ въ Россію семьдесять три турецкихъ плѣнныхъ. Штакельбергъ просилъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая дозволила по прежнему свободный проходъ русскихъ войскъ черезъ ея области и устройство въ этихъ областяхъ военныхъ магазиновъ. Тогда полились одна за другою враждебныя Россіи рѣчи, произносимыя преимущественно такими господами, которые, впослѣдствіи, заискивали у той же Россіи себѣ лично милостей. Кублицкій подалъ совѣтъ обратиться за покровительствомъ и вразумленіемъ къ сердечному другу Польши, прусскому королю, и также выслать къ другимъ иностраннымъ дворамъ посланниковъ съ заявленіемъ о томъ, что́ дѣлаетъ Россія. Сухоржевскій кричалъ, что дружба съ Москвою главная причина всѣхъ несчастій Польши. «У насъ несогласія — говорилъ онъ — дошли до того, что король не вѣритъ народу, народъ королю, отецъ сыну, сынъ отцу, братъ брату — всему этому причиной Россія. Неужели мы пропустимъ очевидно удобную пору для отмщенія оскорбленій, нанесеныхъ намъ Москвою, дозволивши московскимъ войскамъ проходить черезъ наши области, оскорбимъ расположеннаго къ намъ и всегда твердаго въ договорахъ турка, и тѣмъ заслужимъ вѣчное порицаніе историковъ? Возьмемъ примѣръ съ той печати, которую Москва вручила русинамъ на погибель нашу съ надписью: теперь часъ ляхівъ різати! Издадимъ универсалъ, объ-

являющій войну Россіи, и припечатаемъ его печатью, на которой вырѣжемъ слова: «теперь время отмстить Россіи за ея обиды»! Я совѣтую не только выгнать немедленно всѣхъ москалей, какіе теперь у насъ найдутся, съ ихъ маркитантами, извощиками, филипонами, чернецами, но и назначить немедленно сборъ пожертвованій на военную экспедицію противъ Москвы. Теперь, повторяю, пришла пора раздѣлаться съ Москвою, и потому предлагаю выслать пана Штакельберга изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, приставить къ его особѣ караулъ; это полезно и для его безопасности, потому что уже вездѣ говорятъ, что убьютъ его тотчасъ, какъ только услышатъ о рѣзнѣ, учиняемой надъ нашими кровными и пріятелями».

Послѣ задирательной рѣчи Сухоржевскаго, послы бросились толковать о скорѣйшемъ укомплектованіи войскъ въ видахъ объявленія войны Россіи. Одинъ голосъ замѣтилъ, при этомъ, что надобно прежде установить гражданско-военные суды, для огражденія обывателей отъ оскорбленій по поводу рекрутовки.

«Не можетъ быть — сказалъ подольскій посолъ Красинскій — чтобъ у насъ въ странѣ нашелся командиръ, который бы въ такое несчастное время утѣснялъ обывателей!»

За нимъ поднялъ голосъ Суходольскій, произнесъ длинную напыщенную рѣчь, въ которой приглашалъ Избу женить постоянство на осторожности, а въ заключеніе, вооружился противъ тѣхъ, которые находили, что мѣстная шляхта, хватая безъ разбора подозрительныхъ людей и осуждая ихъ, можетъ, раздраживъ народъ, произвести болѣе опасности, чѣмъ самые поджигатели къ бунту. «Пусть кто хочетъ говоритъ — сказалъ онъ — что волынская коммиссія дурно поступила, что какого-нибудь бунтовщика казнила; я скажу: дурно она поступила, что мало ихъ казнила! Почему не поставила разомъ сто висѣлицъ для этихъ конкуррентовъ? Шляхта дѣлаетъ свое дѣло: хватая подозрительныхъ, она охраняетъ страну свою и себя; кто боится шляхты, тотъ уже самъ пересталъ быть шляхтичемъ и полякомъ». Но Кублицкій доказывалъ, напротивъ, что коммиссія — мѣсто полицейское, неправильно присвоила себѣ судебную власть; довольно будетъ, если поймавши подозрительнаго человѣка, она отошлетъ его въ гродскій судъ. За Кублицкимъ въ такомъ же смыслѣ говорили гнѣзненскіе послы, и большинство Избы согласилось съ ними. Волынскій посолъ Стройновскій упросилъ Избу, чтобъ, запретивши коммиссіямъ судить на будущее время, не ставить имъ въ преступленіе прежняго присвоенія судной власти.

Относительно отвѣта на ноту Штакельберга порѣшили прежде

сообщить объ этой нотѣ прусскому двору и испросить его совѣта, а потомъ уже отвѣчать русскому посланнику.

Въ это время пришли новыя угрожающія вѣсти изъ Слуцка. Нѣкто Гротусъ, писарь табачной таможни въ Слуцкѣ, писалъ къ пану Выковскому контролеру, что дизунитскій епископъ Викторъ Садковскій созывалъ схизматическихъ поповъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ и возбуждалъ ихъ къ мятежу. Другое донесеніе оттуда же сообщало діалогъ, происходившій между евреемъ и русскимъ хлопомъ. «Правда ли — спрашивалъ еврей — что въ вашей божницѣ присягали на вѣрность императрицѣ?» — Да, отвѣчалъ хлопъ — мы присягали передъ попами, а попы передъ епископомъ, въ Слуцкѣ. — «А есть у васъ на готовѣ оружіе?» спросилъ еврей. — Пойдемъ всѣ съ чѣмъ попало — отвѣчалъ хлопъ, — кто съ косою, кто со списомъ, кто съ ружьемъ. — «А когда же начнется вашъ бунтъ?» — Если не на пасху, то въ маѣ, — отвѣчалъ хлопъ.

Все это была выдумка. Никакой присяги не происходило; Садковскій, напротивъ, по приказанію своего правительства, внушалъ своей паствѣ повиновеніе королю и Рѣчи-Посполитой. Это видно изъ тѣхъ же самыхъ бумагъ, которыя были собраны для его обвиненія. Но на сеймѣ, безъ всякой критики, признали полученныя донесенія вполнѣ заслуживающими вѣроятія. «И мнѣ — говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, — писалъ воевода виленскій Радзивиллъ, что русскій епископъ — главный зачинщикъ бунтовъ». Тогда Суходольскій предложилъ арестовать православнаго архіерея. Того же потребовалъ инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ, и вся Изба согласилась на эту мѣру.

Отъ 18 апрѣля выданъ былъ универсалъ. «Король и конфедерованные чины Рѣчи-Посполитой — было въ немъ сказано — не могутъ хладнокровно смотрѣть на поведеніе схизматическихъ поповъ, которые проникаютъ въ Польшу, а равно и тѣхъ, которые подъ видомъ маркитантовъ, извощиковъ, филипоновъ, чумаковъ, пробираясь въ государство наше подущаютъ польскихъ хлоповъ схизматической религіи къ бунту противъ католическаго дворянства, что несомнѣнно доказано военными рапортами и слѣдствіями, произведенными въ судахъ». Всѣмъ такимъ иностранцамъ, уличеннымъ, по рапортамъ военныхъ и судебныхъ властей, въ намѣреніяхъ возмущать народъ, велѣно въ теченіи двухъ недѣль оставить Польшу, а тѣ, которые не послушаются этого приказанія, должны быть арестованы, отправлены въ крѣпость и примѣрно наказаны.» Далѣе въ томъ же универсалѣ говорилось: «Такъ-какъ дошло до нашего свѣдѣнія что схизматическіе попы, имѣющіе постоянное жительство въ Польшѣ, до сихъ поръ не

присягнули на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и осмѣливаются молиться за иноземную власть, отвращая этимъ схизматическій народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія, то предписывается всѣмъ духовнымъ схизматической религіи, жительствующимъ въ Польшѣ и желающимъ пользоваться выгодами, сопряженными съ ихъ должностями, въ продолженіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и отнюдь не упоминать въ своихъ молитвахъ иноземныхъ властей, а молиться за короля и за польскую Рѣчь-Посполитую. Кто же станетъ поступать вопреки этому повелѣнію, тотъ лишится своего мѣста и долженъ будетъ оставить Польшу.» Печатные экземпляры этого универсала разосланы по всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, а священникамъ велѣно ихъ читать въ церквахъ. Въ южнорусскій край отправлено войско для усиленія милиціи.

Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Санктпетербургѣ, Деболи, получилъ въ маѣ порученіе подать россійскому двору ноту; тамъ излагалось, что злонамѣренные люди восточной вѣры поджигаютъ хлоповъ къ бунту, сорятъ деньгами, и увѣряютъ грубый, необразованный и склонный къ ослѣпленію народъ, что приходъ русскаго войска будетъ для нихъ сигналомъ всеобщаго возстанія. Поэтому Рѣчь-Посполитая просила государыню, чтобы она приказала своимъ войскамъ, когда они будутъ идти на войну противъ Турціи, обходить владѣнія Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ крайности, чтобъ войско входило не иначе, какъ отрядами не болѣе, какъ въ пятьсотъ человѣкъ; каждый отрядъ могъ бы входить только по выходѣ другого и проходилъ бы черезъ владѣнія польскія въ сопровожденіи коммиссара, да, чтобъ согласно съ этимъ каждый разъ, когда придется такому отряду проходить, россійскій посланникъ испрашивалъ дозволенія, сообщая при этомъ: какіе именно офицеры будутъ находиться при отрядѣ и сколько дней такой отрядъ будетъ проходить; сверхъ того, чтобъ такіе отряды шли не иначе, какъ по одному указанному пути; вслѣдъ за тѣмъ, военные магазины должны быть снесены, а впередъ, для закупки припасовъ, могутъ существовать подрядные магазины. Такъ какъ сеймъ отправилъ ноту Пруссіи, гдѣ жаловался, на поступки Россіи, то прусскій уполномоченный при петербургскомъ дворѣ баронъ Келлеръ съ своей стороны поддерживалъ справедливость польскихъ требованій. Самыя эти требованія въ нотѣ, представленной Деболи, составлены были поляками, такъ сказать подъ диктовку прусскаго министра [1]).

[1]) Нота прусскаго министра въ отвѣтъ на ноту, отъ имени сейма, поданную Чар-

Между тѣмъ новыя вѣсти изъ русскихъ земель съ каждою почтою продолжали еще нѣсколько времени пугать сеймъ. Прислали списокъ триста семидесяти особъ заговорщиковъ, съ обозначенiемъ, сколько ихъ въ какомъ селѣ, нѣкоторыхъ означали по именамъ и

торыскимъ, написана была такъ: «Его величество король прусскій, дружественно принимая къ сердцу судьбу Рѣчи-Посполитой, сосѣдней дружественной державы, съ соболѣзнованіемъ узналъ, что чины означенной Рѣчи-Посполитой встревожены нотою, которую послалъ имъ россійскій посланникъ отъ 6-го апрѣля, по поводу прохода россійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ поражены явными признаками возмущенія крестьянъ греческой религіи, которое легко можетъ вспыхнуть, по поводу прохожденія россійскихъ войскъ.

«Съ чувствомъ принявъ это сообщеніе и довѣріе, которое оказываютъ ему чины Рѣчи-Посполитой, желая его совѣта и его мнѣнія въ такомъ критическомъ положеніи дѣлъ его величество не колеблется изложить свои мысли съ искренностью и откровенностью, какъ всегда считаетъ своею обязанностію поступать.

«Е. В. король прусскій убѣжденъ, что почтенный польскій народъ можетъ съ увѣренностію уповать на доброжелательство и великодушіе россійской императрицы, что эта великая государыня не захочетъ учинить или дозволить произойти чему-нибудь такому, что могло бы нанести разореніе и бѣдствія государству свободному, дружелюбному и находящемуся въ мирѣ съ Россіею: пребываніе и постоянный неограниченный переходъ россійскихъ войскъ черезъ польскія земли, равно какъ и договоръ, который предлагалъ въ этихъ видахъ г. россійскій посланникъ, могли бы произвести неудобства: именно, чрезъ это какъ бы нарушалась независимость и неутральность Рѣчи-Посполитой, оттоманская Порта имѣла бы поводъ желать такой же льготы для своихъ войскъ, отсюда произошли бы отягощенія тѣмъ провинціямъ польскимъ, черезъ которыя проходили бы воюющія войска, и чрезъ то, наконецъ, поддерживался бы духъ мятежа у крестьянъ греческой религіи, живущихъ въ Польшѣ.

«Его величество прусскій король полагаетъ, что можно будетъ обоюдно удалить эти неудобства и вредныя послѣдствія, если Рѣчь-Посполитая обратится къ ея величеству россійской императрицѣ съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ея великодушію, будетъ просить ее избавить польскій народъ отъ опасностей и отягощеній по поводу безпрестаннаго перехода войскъ, избравъ для этого нѣсколько окольный путь; если же случится неизбѣжная необходимость провести нѣкоторыя россійскія войска черезъ Польшу, то чтобъ они проходили малыми командами, и всякій разъ о томъ предваряла ихъ просьба россійскаго посланника, а равно, чтобъ императрица дозволила сопровождать россійскія войска коммиссарамъ Рѣчи-Посполитой, какъ это дѣлается въ областяхъ нѣмецкой имперіи даже и по отношенію къ имперскимъ войскамъ; наконецъ, предложить, чтобы россійскій дворъ отнюдь не устроивалъ новыхъ магазиновъ въ Польшѣ, тѣже, которые уже устроены, должны оставаться подъ надзоромъ нѣсколькихъ коммиссаровъ и небольшого числа людей вооруженныхъ особеннымъ образомъ, и Рѣчь-Посполитая могла бы охранять эту страну и магазины своими войсками. Такія мѣры предосторожности были бы достаточны для показанія и установленія неутральности и независимости Рѣчи-Посполитой, для уменьшенія неудобствъ, происходящихъ отъ устройства магазиновъ и отъ перехода россійскихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ россійскому двору даны будутъ доказательства истиннаго вниманія и доброжелательства Рѣчи-Посполитой къ россійскимъ интересамъ, съ желаніемъ совмѣстить ихъ съ благомъ Рѣчи-Посполитой. Его величество король льститъ себя надеждою, что если чины Рѣчи-Посполитой поручатъ сдѣлать россійской императрицѣ такого рода предложенія, то пресвѣтлѣйшая государыня приметъ ихъ съ тѣмъ великодушіемъ

указали даже сколько каждый изъ нихъ взялъ денегъ отъ Россіи. Назначали даже генеральнаго коменданта этого вымышленнаго заговора: то былъ какой-то попъ Карповецкій. Важнѣйшими заправщиками числились попъ въ Алибкахъ съ какимъ-то Милютою, взявшіе двѣ тысячи злотыхъ на пять сотъ человѣкъ, Василько Кушнировскій въ селѣ Кушнировкѣ, взявшій пять тысячъ злотыхъ на двѣ тысячи человѣкъ, попы въ Чаданцахъ и Рощѣ (w Rozsczu), взявшіе первый три тысячи злотыхъ на 300 человѣкъ, второй тысячу злотыхъ на двѣсти человѣкъ, Шлецюхъ въ селѣ Базасіи, взявшій шесть тысячъ злотыхъ на четыре тысячи человѣкъ, Яцко Швецъ съ братомъ въ селѣ Писановкѣ, взявшій двѣсти злотыхъ на шесть сотъ человѣкъ и т. д. Пинскій посолъ Бутримовичъ читалъ на сеймѣ вѣсти, которыя присылали ему земляки. Разсказывали, что передъ пасхою схизматики сходились ночью въ церквахъ для своего богослуженія (które się u nich nazywa Wsionoczna) и тамъ попы читали имъ письма отъ царицы, побуждающія рѣзать католиковъ и жидовъ; что пинскій игуменъ, прочитавши на такомъ богослуженіи подобное письмо, зазвалъ первѣйшихъ схизматиковъ къ себѣ и показалъ имъ орудія для рѣзни, привезенныя маркитантами и попами; въ городѣ Пинскѣ схватили двухъ москалей-маркитантовъ, продававшихъ десятка два-три ножей, эти ножи были обыкновенные, какіе употребляются въ хозяйствѣ, но ясно казалось, что москали привезли ихъ для рѣзни, потому что, пріѣхавши въ польскій край подъ предлогомъ торговли, не показали ихъ на таможнѣ, особенно, а они прошли заурядъ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Давая вѣру всему этому, Бутримовичъ говорилъ: «Послѣ такихъ извѣстій, полученныхъ изъ моего края, обильнаго лѣсами, неприступными болотами, представляющими пріютъ для злодѣевъ и наполненнаго *дизуніею,* я требую и прошу наияснѣйшихъ чиновъ, чтобы безопасность нашего повѣта была ограждена не только войскомъ, но также скорѣйшею карою преступниковъ, осмотромъ оружія въ монастыряхъ и церквахъ, и отысканіемъ читаннаго попами писанія!» Красинскій подалъ проектъ не пускать схизматиковъ въ Кіевъ для поклоненія печерскимъ чудотворцамъ, но Чарторыскій отклонилъ этотъ проектъ. «Ихъ раздраженный фанатизмъ—говорилъ онъ—можетъ стать причиною большихъ мятежей и раздоровъ». За то было принято предложеніе Суходольскаго: онъ, подъ видомъ человѣколюбія, далъ мысль прощать тѣхъ,

котораго она уже дала доводы, а его величество король равнымъ образомъ готовъ предложить ихъ россійскому двору и поддерживать ихъ согласно его желанію охранять спокойствіе и благосостояніе польскаго королевства».

которые, обвинивъ самихъ себя и указавъ на тѣхъ, кто ихъ подущалъ, сами отступились отъ злого предпріятія. Его поддержалъ Станиславъ Потоцкій. «Я — говоритъ послѣдній — былъ недавно въ Дубно и видѣлъ, какъ тамъ казнили смертію нѣсколько десятковъ разомъ, а по правдѣ семерыхъ изъ нихъ слѣдовало бы успокоить только тѣлеснымъ наказаніемъ.» Средство, одобренное по проекту Суходольскаго, было ужасно: оно развязывало мѣстнымъ судамъ руки; поймавъ какого-нибудь несчастнаго попа или хлопа, объявляли ему, что онъ будетъ помилованъ, если сознается и на другихъ покажетъ; само собою разумѣется, что пойманный искушался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Самъ сеймъ ободрилъ къ этому не только постановленіемъ, но и примѣромъ, наградивъ попа Лукаевича деньгами, медалью и грамотою отъ имени сейма. По такимъ ободреніямъ, въ Луцкѣ Глодовскій, священникъ села Хорупани, налгалъ и на себя и на другихъ, будто онъ видалъ у другого попа консисторскій указъ объ избіеніи ляховъ. По этому дѣлу арестовали одного члена консисторіи, а за тѣмъ происходили казни и варварскія истязанія. Еще болѣе надѣлалъ зла на Подоли Кирилло Пундикъ: отъявленный мошенникъ, приговоренный къ наказанію за воровство, онъ, для избавленія себя отъ наказанія, взялся оговаривать русскій людъ. Множество священниковъ и еще болѣе крестьянъ было, по его указанію, схвачено. Расправа для нихъ была въ Кременцѣ. Ихъ сажали въ тюрьмы, на ночь замыкали нѣсколько человѣкъ въ одну общую колоду, такъ-что имъ нельзя было повернуться, и всю ночь они должны были лежать на одномъ боку. Кормили ихъ самою скверною пищею, и отъ этого иные заболѣли и померли; нестерпимый смрадъ отъ нечистотъ, при большомъ накопленіи народа, душилъ ихъ; умываться имъ не давали и чужеядныя насѣкомыя покрывали не только людей, но землю и стѣны тюрьмы. Въ такомъ положеніи, совершенно невинные страдали многіе мѣсяцы, и когда, наконецъ, прочитывался имъ приговоръ, то тѣ, которыхъ ожидала казнь, слушали это съ истинною радостію; другіе осуждались на работу въ каменецкой крѣпости на нѣсколько лѣтъ. По какимъ поводамъ брали людей и сажали въ такого рода тюрьмы, можно видѣть изъ слѣдующаго приключенія. Въ село Кончу прибылъ какой-то перехожій цыганъ-кузнецъ, и, какъ водится, разбилъ себѣ шатеръ и устроилъ въ немъ кузницу, куда приходили къ нему жители для поправки своихъ домашнихъ орудій. Священникъ того села, въ числѣ другихъ, носилъ ему свои вещи, а между ними, два ножа. Пришелъ къ цыгану, послѣ того, жолнѣръ и заказывалъ себѣ ножъ. Малолѣтная дочь цыгана сказала, что ея отецъ сдѣлалъ хорошій ножъ

священнику. Жолнѣръ сейчасъ донесъ; схватили священника, нѣсколькихъ крестьянъ, которые заказывали себѣ у цыгана работу; самого кузнеца и всѣхъ продержали въ смрадной тюрьмѣ нѣсколько недѣль.

Кромѣ неправеднаго суда, русскіе люди терпѣли повсюду и отъ неудержимаго произвола поляковъ и евреевъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, проѣзжали украинцы, продавшіе свое сало и ворочавшіеся домой. Заѣхали они въ жидовскую корчму, спросили водки и тарелку, на которой хотѣли разрѣзать оселедця (селедку). Еврей не далъ имъ тарелки и еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ на столъ своему товарищу и сказалъ: отъ ту ріжъ! (вотъ здѣсь рѣжь!) Еврей заоралъ во все горло; сбѣжались его соотечественники; корчмарь кричалъ, что хлопы хотѣли рѣзать жидовъ. Хлоповъ связали, повели къ эконому, а тотъ влѣпилъ каждому по пятидесяти батоговъ. Онъ былъ, однако, изъ милосердыхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, не отправилъ ихъ въ городъ, гдѣ бы имъ пришлось протомиться въ тюрьмѣ и можетъ быть даже пойти на висѣлицу; правилъ твердыхъ не было кого выпустить, кого повѣсить—все зависѣло отъ расположенія духа и отъ того, не замѣшивалась-ли тутъ личная вражда. Если кто съ кѣмъ поссорился и хотѣлъ почувствительнѣе насолить врагу, если кто хотѣлъ кого ограбить—оговоръ въ бунтѣ былъ лучшее средство. У священника яблонецкаго, на Волыни, по фамиліи Бубаловича, панъ Богуцкій отнялъ церковныя земли, но по приговору епископскаго суда долженъ былъ возвратить захваченное. Богуцкій оговорилъ священника. Нужны были свидѣтели, чтобъ подтвердить доносъ. Богуцкій пригласилъ къ себѣ пономаря Кабасюка, прочиталъ ему пункты обвиненія и требовалъ, чтобъ Кабасюкъ лжесвидѣтельствовалъ противъ попа. Кабасюкъ сперва отказался, а потомъ согласился, послѣ того какъ Богуцкій завалилъ ему триста розогъ, и объявилъ, что засѣчетъ его до смерти, если онъ не станетъ свидѣтелемъ на попа. Потомъ созвали изъ сосѣднихъ селъ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ, прочитали имъ обвинительные пункты на попа; Кабасюкъ подтвердилъ ихъ, и мужики поставлены были свидѣтелями, быть можетъ, сами не зная въ чемъ дѣло; священникъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, а его дворъ, имущество забралъ Богуцкій, и въ добавокъ его попадью жестоко высѣкли розгами.

Привыкши поступать по настроенію духа въ данную минуту, самые добродушные паны дѣлали варварства. Такъ одинъ изъ волынскихъ пановъ, ротмистръ народовой кавалеріи, Пулавскій, заступался за священниковъ въ судѣ, когда ясно видѣлъ, что они невинны, а въ Корцѣ, подгулявши, приказалъ къ себѣ до-

ставить благочиннаго и его викарія, приложилъ благочинному къ груди пистолетъ и спрашивалъ: «когда у тебя въ приходѣ начнется рѣзня?» Священникъ отвѣчалъ: «на русское духовенство говорятъ напраслину». — «Бросить ихъ въ прудъ!» закричалъ Пулавскій. Панское приказаніе хотѣли исполнить, какъ вдругъ Пулавскій одумался и ограничился тѣмъ, что приказалъ отсчитать благочинному пятьдесятъ, а викарію тридцать ударовъ плашмя. На другой день, добросердечный Пулавскій, протрезвившись, пожалѣлъ о священникахъ и обѣщалъ щедро наградить ихъ, какъ только сами они пожелаютъ.

Шляхта была въ непрерывномъ страхѣ, постоянно на готовѣ къ самооборонѣ; не сегодня—завтра, казалось ей, закипитъ народное возстаніе. По ея соображеніямъ, если схизматики не начали своего страшнаго дѣла на пасху, то, вѣроятно, начнутъ въ другой какой-нибудь праздникъ послѣ пасхи. Боялись — Ѳоминой недѣли, Преполовенія, Вознесенія... Грозные дни проходили; опасеніе не сбывалось; Троицынъ день казался страшнѣе... И этотъ праздникъ наступилъ; схизматики не брались за роковые ножи, спрятанные, какъ воображала себѣ шляхта, въ скирдахъ и погребахъ. Тогда распространилось, что схизматики поминаютъ царицу въ своихъ церквахъ: въ томъ удостовѣряли свидѣтели, слышавшіе это собственными ушами. Шляхта вскипѣла негодованіемъ; казалось, мало висѣлицы для такихъ непокорныхъ, которые, несмотря на поднятую противъ себя грозу, ругались надъ властію и силою шляхетской республики. Но скоро объяснилось, что схизматики въ своихъ церквахъ поминали царицу не россійскую, а небесную, Матерь Божію [1]). Послѣ Троицына дня, шляхта соображала, что вѣрно возстаніе отложено до Петрова дня. Но и этотъ праздникъ прошелъ. Тогда тревога стала уменьшаться; шляхта успокоивалась; рѣже и рѣже стали хватать по подозрѣнію въ намѣреніи производить рѣзню. Офени и чумаки перестали появляться тамъ, гдѣ имъ грозила бѣда. Къ осени все затихло. Русскій народъ вошелъ опять въ обычную колею терпѣливаго рабства.

Увѣренность въ томъ, что россійская императрица подущаетъ, чрезъ своихъ москалей, хлоповъ къ бунту и хочетъ произвести рѣзню, была до того велика, что если бы кто и думалъ иначе, то не смѣлъ заявить объ этомъ гласно, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ шляхетскому дѣлу. Только Щенсный Потоцкій не побоялся высказывать правду. Подкомандные

[1]) Вѣроятно, этому подало поводъ пѣніе на Троицынъ день девятой пѣсни канона пятидесятницы: Радуйся, царице, матеродѣвственная славо!

донесли ему, какъ генералу артиллеріи, что московскихъ *звощиковъ* въ Украинѣ стало больше чѣмъ воловъ, и просили дать приказаніе ловить и выгонять за границу этихъ схизматиковъ. Онъ отвѣчалъ: «Не мудрено: на воловъ былъ падежъ, а на людей мора не было. Нельзя выгонять людей какой бы то ни было религіи: это причинило бы стыдъ нашему правительству; я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ никакой опасности для нашего края. Знаю: распространяютъ слухи, будто Москва подстрекаетъ къ бунту нашихъ хлоповъ. Эти выдумки достойны презрѣнія и надобно убѣждать обывателей въ томъ, что все это ложь.»

Сеймъ, въ большинствѣ увѣренный въ томъ, что слухи о предстоящемъ бунтѣ основательны, вознегодовалъ на Щенснаго Потоцкаго. Суходольскій ставилъ ему въ вину и то, что онъ вѣжливо и дружелюбно сносился съ россійскими командирами и называлъ такіе поступки заговоромъ противъ отечества, достойнымъ кары. Щенсный взялъ отставку отъ должности генерала артиллеріи. Замѣчательно, что на сеймѣ заступался за него человѣкъ совершенно противной партіи, Игнатій Потоцкій, который вообще, во время толковъ, происходившихъ въ Избѣ, о рѣзнѣ, почти не касался этого предмета. Впослѣдствіи, большинство поляковъ думало объ этомъ заговорѣ также, какъ и Щенсный Потоцкій.

Не было никакихъ существенныхъ признаковъ несомнѣнной опасности, тѣмъ не менѣе однако, нельзя сказать, чтобы страхъ поляковъ былъ лишенъ всякаго основанія. Если южнорусскій народъ учинилъ рѣзню въ 1768 г., то могъ сдѣлать тоже въ 1789 г. Преслѣдуя православную вѣру, предавая ее самому крайнему поруганію, поставивши себѣ задачею искоренить ее въ своихъ областяхъ, какъ гибельную заразу, поляки справедливо думали, что умноженіе православныхъ умножитъ число враговъ шляхетской республики. Православные должны будутъ, по единовѣрію, обращаться сердцемъ къ Россіи; кромѣ того, православіе поддерживало русскую народность: въ польскихъ областяхъ кто былъ православнымъ, тотъ уже тѣмъ самымъ былъ русскій. Было вполнѣ естественно русскому народу желать скорѣе присоединиться къ русскому, православному государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужою, католическою, гдѣ, притомъ, онъ на каждомъ шагу слышалъ, что его вѣра — собачья вѣра, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, порабощенный польскимъ и ополяченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, что бы его побуждало быть вѣрнымъ существующей власти. Возвращеніе къ православію пробуждало въ немъ и воспоминаніе борьбы за православіе; несмотря на свою безграмотность,

онъ изъ пѣсенъ и преданій, зналъ свою прошлую исторію настолько, чтобъ стремиться повторить то, что̀ дѣлали дѣды, да и примѣровъ свѣжихъ, недавнихъ было не мало; еще многіе были живы изъ тѣхъ, которые видали Гонту и Залізняка; даже зять Гонты, сельскій священникъ, былъ тогда живъ. Новая коліивщина была вполнѣ желаніемъ народа, и если поляки не ускорили ее своими преслѣдованіями и казнями, если она не вспыхнула, то причины этому были таковы: во-первыхъ, тогда уже не было Запорожья, которое въ 1768 году дало починъ народному дѣлу и поставило для него вооруженный контингентъ, къ которому могли примыкать громады возставшихъ хлоповъ; во-вторыхъ, народъ не смѣлъ уже такъ необдуманно понадѣяться на помощь русской царицы, какъ это дѣлалось прежде: теперь нужно было уже ясно видѣть, что она благопріятствуетъ возстанію; въ-третьихъ, за Днѣпромъ уже не было гетманщины и народъ видѣлъ, что его единоземцы подъ властію Россіи также осуждены работать панамъ, а слѣдовательно, его не могла питать надежда, чтобъ царица освободила его отъ панской власти; въ-четвертыхъ, православное духовенство, исключая, можетъ быть, какихъ-нибудь бродячихъ чернецовъ, вовсе не благословляло народа на кровавое дѣло и проповѣдывало ему терпѣніе. Архіерей Викторъ Садковскій болѣе всего давалъ ему миролюбивый тонъ, и ему много обязаны были поляки тѣмъ, что народъ, возвращаясь къ православію, не смѣлъ браться за ножи. Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условій, народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы, въ свое время, русскій край русской державѣ въ такомъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже *ни ляха, ни жида, ни уніи.*

И между тѣмъ однако, этого Садковскаго поляки считали величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія. По приказанію сейма, его арестовали на дорогѣ. Офицеръ, который схватилъ его, въ своемъ рапортѣ донесъ, что при немъ найдена печатная книжка, гдѣ была напечатана форма присяги духовенства на вѣрность императрицѣ. «Можетъ ли быть,— говорилъ по этому поводу въ засѣданіи сейма Суходольскій — бо̀льшаго доказательства его виновности? По его приказанію попы передъ пасхою исповѣдывали только такихъ, которые пригодны оказывались для рѣзни: стариковъ, женщинъ и дѣтей отгоняли прочь. По этимъ несомнѣннымъ доводамъ, Садковскій не можетъ пользоваться закономъ: neminem captivabimus, будучи пойманъ на самомъ совершеніи преступленія». Между тѣмъ, найденная при Садковскомъ печатная книжка была не болѣе,

какъ книга, изданная въ Россіи, и заключавшаяся въ ней форма присяги на вѣрность императрицѣ не считалась обязательною для паствы Садковскаго, тѣмъ болѣе, когда ему самому россійское правительство уже велѣло присягнуть на вѣрность Рѣчи-Посполитой. Но большинство Избы раздѣляло сужденіе Суходольскаго. Преосвященнаго Виктора Садковскаго сначала привезли въ Несвижъ, въ оковахъ; отсюда онъ написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ о вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой, приказывалъ молиться за короля и за благополучное окончаніе трудовъ сейма, завѣщалъ народу не только поступками, но даже и словами не оказывать противности правительству и своимъ панамъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, церковною клятвою и вѣчною мукою въ будущей жизни. «Во время нашего посѣщенія Украины — было сказано въ этомъ посланіи — и по возвращеніи въ Слуцкъ, мы неоднократно обращали къ своей паствѣ наказанія и напоминовенія сохранять вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и повиноваться панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполнять свою обязанность, не допускать къ себѣ мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе.»

Это не защитило православнаго архіерея. Его привезли въ Варшаву и засадили въ пороховомъ складѣ (w prochownie), съ нимъ были игуменъ Кипріанъ, слуцкій протопопъ, нѣсколько священниковъ, два дьячка и пѣвчіе. Нарядили депутацію для изслѣдованія дѣла объ обвиненіи въ бунтѣ, подъ предсѣдательствомъ маршаловъ сейма [1]).

Когда православнымъ священникамъ велѣли присягнуть, нѣкоторые воспротивились и спасали себя бѣгствомъ. Завися, по прежнему порядку, отъ россійскаго синода, они находили затруднительнымъ, сообразно приказанію сейма, не молиться за власти, находившіяся за предѣлами Рѣчи-Посполитой, когда въ Россіи находилось ихъ духовное начальство, а въ Польшѣ его не было вовсе. Такъ поступилъ, между другими, виленскій игуменъ Варлаамъ Шишацкій, тотъ самый, который, впослѣдствіи, будучи могилевскимъ архіепископомъ, молился за Наполеона въ 1812

[1]) Членами были сенаторы: луцкій епископъ Турскій, каштеляны Пражмовскій и Фелкерзамбъ, и послы, числомъ двѣнадцать, по четыре изъ каждой провинціи: малопольской (Кохановскій, Залѣскій, Длускій и Страшковскій), великопольской (Рожновскій, Тымовскій, Маловѣйскій и Шимановскій), литовской (Грабовскій, Берновичъ, Залѣскій и Бутримовичъ). Черезъ годъ, въ 1790 г., они представили два напечатанныхъ томика своей реляціи, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковскаго: изъ этихъ книгъ, при всемъ стараніи натянуть дѣло во вредъ православному владыкѣ, онъ вполнѣ оказывается невиннымъ предъ судомъ исторіи.

году и за это былъ лишенъ сана. Въ 1789 г. онъ убѣжалъ въ Россію. Также убѣжалъ изъ Украины протопопъ Левандовскій, котораго приказано было схватить и привезти въ Варшаву. Игуменъ Медвѣдовскаго монастыря не успѣлъ убѣжать и былъ доставленъ въ столицу въ кандалахъ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобъ раздражить русскую государыню и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Въ противность тому, 4 іюня, Штакельбергъ подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось желаніе, чтобы подданные Рѣчи-Посполитой дружественно помогли скорѣе и удобнѣе вывезти эти магазины изъ предѣловъ польскихъ.

V.

Виды Россіи. — Процессъ Понинскаго. — Его побѣгъ. — Конституціонная депутація. — Исканіе финансовыхъ средствъ. — Просьба городовъ [1]).

Уступчивость Екатерины закружила головы полякамъ. Патріоты стали выводить, что Рѣчь-Посполитая достигла такого состоянія, когда можетъ заставить себя уважать. Нѣкоторые разсуждали, что этимъ Польша обязана не Пруссіи: прусское ходатайство передъ петербургскимъ дворомъ было слабое; сама Польша, сама своею энергіею, своею блестящею героическою рѣшимостью заставила смириться коварнаго врага, который рылъ подъ нею яму. На самомъ дѣлѣ уступчивость Россіи соединялась съ ея дальновидною политикою. Занятая войною съ Турціею, Россія уступала пока Польшѣ, чтобы избѣгать столкновеній съ европейскими дворами, при увѣренности, что Польша, при всемъ желаніи, не въ силахъ причинить ей зла. Поляки воображали, что ихъ уважаютъ и боятся, а на самомъ дѣлѣ Екатерина разсчитывала тогда уже, что предоставленные самимъ себѣ, поляки будутъ шумѣть, составлять проекты, спорить, ничего не сдѣлаютъ и въ концы концовъ передерутся; какая нибудь-партія непремѣнно обратится къ Россіи: тогда можно будетъ вмѣшаться въ ихъ

[1]) См. Источ. №№ 21, 15, 18, 47. Проток. сейма хран. въ Лит. Метр.

дѣла законнымъ и благовиднымъ образомъ и взять ихъ въ руки такъ крѣпко, какъ они еще не были; противиться же ихъ реформамъ при настоящихъ обстоятельствахъ значило побудить ихъ отдаться преждевременно въ руки прусскаго короля и поставить Россію въ явно враждебныя отношенія къ Пруссіи, а это Россіи было вовсе некстати до окончанія войны.

Продажность государственныхъ людей въ Польшѣ была постояннымъ предметомъ обличенія и смѣлыхъ рѣчей. «Въ Польшѣ— говорилъ посолъ Суходольскій—до того вошло въ обычай брать заграничные пенсіоны, что ихъ помѣщали даже въ завѣщаніяхъ. Да постигнетъ суровое наказаніе тѣхъ, которые говорятъ: «пусть Рѣчь-Посполитая на насъ гнѣвается, а мы будемъ брать гдѣ даютъ и когда даютъ». Послѣ такихъ обличительныхъ выходокъ, членовъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ обязывали произнести присягу, что они не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. «Довольно будетъ—сказалъ по этому поводу Плоцкій епископъ Шембекъ—если они присягнутъ, что не будутъ брать; зачѣмъ же имъ присягать, что не брали»? Онъ зналъ, что иные дозволяли себѣ это прежде.

Тогда, разсердившись на пенсіоны, накинулись на Понинскаго, бывшаго маршалкомъ сейма 1772—1775 годовъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ, въ тѣ времена получая отъ Россіи пенсіонъ, обязался дѣйствовать ко вреду Рѣчи-Посполитой, подъ страхомъ русскаго войска принудилъ избрать себя посломъ противно желанію другихъ пословъ, потомъ заставилъ избрать себя маршаломъ, превратилъ обыкновенный сеймъ въ конфедераціонный, установилъ конфедераціонные суды, наполнилъ ихъ своими подручниками, принялъ званіе короннаго подскарбія и чрезъ то распоряжался казною, и, наконецъ, изъ угожденія иностраннымъ дворамъ, содѣйствовалъ отторженію отъ Польши ея земель. До сихъ поръ Понинскій во время сейма предсѣдательствовалъ въ скарбовой коммиссіи, но когда раздались пламенныя рѣчи Суходольскаго и вооружили патріотовъ противъ продажности, вся злоба ихъ излилась на Понинскаго. Гетманъ Браницкій кричалъ противъ него и требовалъ правосудія, хотя самъ получилъ нѣкогда староства за услуги Россіи. Назначили особый сеймовый судъ. Членовъ его выбрали по жребію: жребій палъ между прочимъ на Браницкаго; такимъ образомъ, человѣка, котораго надобно было судить за то же, за что̀ судили Понинскаго, сдѣлали его судьею. Предложили, предавъ суду, арестовать Понинскаго. Послѣднее казалось беззаконно, потому что по польскимъ законамъ дворянина нельзя было арестовать, не осудивши. Нарушеніе закона Neminem captivabimus предлагалось въ видѣ

исключенія по чрезвычайной важности преступленія. Посолъ Морскій доказывалъ, что этотъ законъ имѣетъ цѣлью ограничивать произволъ короля, а сейма не долженъ стѣснять. На это возражали, что въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ это произошло путемъ единогласія; говорившіе такъ знали, что это было трудно: за Понинскимъ были голоса на сеймѣ. Тогда враги его и обвинители, Суходольскій и Сухоржевскій объявили, что сами идутъ подъ арестъ и подвергнутъ себя наказанію, положенному клеветникамъ, если Понинскій по суду окажется невиннымъ. Выходка эта понравилась большинству, Понинскаго рѣшили арестовать, но содержать прилично его званію. Это уваженіе къ званію было поводомъ къ тому, что Понинскій содержался въ собственномъ домѣ, окруженный всѣми удобствами, даже принималъ посѣтителей. Такимъ образомъ онъ сидѣлъ до 2-го іюля, и тогда убѣжалъ. Вотъ какъ это случилось. У изголовья его постели былъ небольшой шкафъ, за которымъ находилась задѣланная дверь, выходившая въ пустую комнату. Понинскій спалъ въ комнатѣ одинъ, а передъ его спальнею находился карауливший его офицеръ. Слуги отмуровали дверь за шкафомъ, Понинскій сдѣлалъ изъ платковъ, полотенецъ и подушекъ чучело, придавши ему такой видъ, чтобы оно издали казалось закрытымъ человѣческимъ тѣломъ, надѣлъ на него колпакъ, закрылъ одѣяломъ, а самъ исчезъ въ продѣланную дверь. Офицеръ, по имени Напюрковскій, утромъ входилъ къ нему въ комнату освѣдомиться, спитъ ли онъ, потому что его объ этомъ кто-то спрашивалъ, увидалъ, какъ ему показалось, что Понинскій лежитъ подъ одѣяломъ и отошелъ прочь, но потомъ ему стало странно, что Понинскій такъ долго спитъ; онъ вошелъ снова въ спальню, два или три раза назвалъ его по имени, не получилъ отвѣта, открылъ одѣяло и понялъ, что узникъ ушелъ. Донесли сейму. Арестовали офицера и бывшихъ съ нимъ на караулѣ солдатъ. По приказанію сейма, Войсковая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана Огинскаго, оповѣстила, что тотъ, кто схватитъ Понинскаго, получитъ награды тысячу червонцевъ.

Понинскій, выскочивъ изъ своего дома, сѣлъ въ наемную карету, которую для него приготовили заранѣе; съ нимъ сѣли его сынъ и дворецкій. Карета пріѣхала въ Прагу; тамъ бѣглецъ, съ своими товарищами, сѣлъ въ лодку. Лодочника увѣрили, что тотъ, который нанималъ его, хочетъ догнать барку, отправленную въ Гданскъ и непремѣнно долженъ къ слѣдующей ночи достигнуть до Торуня. Это подало лодочнику подозрѣніе; передъ отплытіемъ, онъ сообщилъ о томъ своей женѣ. На другой день, когда по всѣмъ дорогамъ отправили погоню и объявили обѣ-

щанную награду тысячу червонцевъ, жена лодочника смекнула, что ищутъ того, который нанялъ ея мужа, и объявила объ этомъ. Ей дали сорокъ червонцевъ и, такъ какъ жена лодочника объяснила, что бѣглецъ поплылъ до Торуня, то въ погоню на Торунь отправили капитана Рудницкаго съ командою на почтовыхъ лошадяхъ. Себѣ на бѣду, доплывая до Торуня, Понинскій захотѣлъ закусить, вошелъ въ какую-то хатку и послалъ слугу купить водки и закуски. Рудницкій попалъ на слугу, когда тотъ возвращался съ закускою. Слуга, вѣрный своему пану, сталъ-было выдумывать небылицы, но бывшіе тутъ пастухи указали ему на хатку, куда причалила лодка. Рудницкій бросился неожиданно на Понинскаго съ пистолетомъ въ рукѣ. Люди схватили бѣглеца. Рудницкій на почтовыхъ доставилъ Понинскаго въ столицу и, вмѣсто обѣщанныхъ тысячи червонцевъ, просилъ простить офицера Напюрковскаго. Говорили, будто послѣдняго напоили опіумомъ, и оттого онъ заснулъ.

Попытка бѣжать увеличила вину Понинскаго; его засадили въ зданіе казармъ коронной артиллеріи, подъ крѣпкимъ карауломъ; 9-го августа назначили надъ нимъ судную коммиссію. Понинскій хотѣлъ запутать въ дѣло другихъ и особенно Браницкаго, который, будучи соучастникомъ въ дѣйствіи Понинскаго, теперь чернилъ своего пріятеля. Братъ Понинскаго Калликстъ также явился обвинителемъ своего брата, будто изъ патріотизма; но, кажется, для того, чтобы усложнить дѣло и привлечь къ нему болѣе прикосновенныхъ. Чѣмъ болѣе судная коммиссія разбирала подробности, тѣмъ болѣе убѣждалась, что преступленіе Понинскаго раздѣляется многими. Нѣкоторые предлагали покрыть дѣло общею амнистіею; но Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что это будетъ примѣромъ безнаказанности важнѣйшаго преступленія — государственной измѣны. Судная коммиссія устранила прикосновенныхъ отъ разбирательства дѣла и занялась судомъ исключительно надъ Понинскимъ, несмотря на ропотъ многихъ, которые справедливо указывали на неправильность такой постановки суда. Процессъ затянулся на годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ сейма 1789 года было назначеніе, 12-го сентября, конституціонной депутаціи, которая имѣла цѣлью составить проектъ уложенія правительства для Польши и представить его сейму. Она состояла изъ одиннадцати членовъ: пять были назначены королемъ [1]), а шесть выбраны сеймомъ [2]).

[1]) Маршалъ литовскій Игнатій Потоцкій, каменецкій епископъ Красинскій, гетманъ литовскій Огинскій, под-канцлеръ литовскій Хребтовичъ, коронный подскарбій Коссовскій.

[2]) Послы: холмскій Суходольскій, познанскій Дзялынскій, иноврацлавскій Соко-

Во всемъ прочемъ было мало удачи. Поляки скоро сами увидѣли, что написаннаго на бумагѣ стотысячнаго войска нельзя было поставить на ноги; тѣ милліоны, которые казались достаточными для его содержанія, по дальнѣйшемъ соображеніи, едва доставали для шестидесяти тысячъ. Этимъ числомъ сеймъ и принужденъ былъ ограничиться, но и то было трудно поставить. Новые доходы далеко не достигали предполагаемыхъ цифръ и къ концу года, вмѣстѣ со старыми доходами, могли достигнуть только до тридцати восьми милліоновъ злотыхъ. На эту сумму можно было содержать только сорокъ четыре тысячи, слѣдовательно менѣе половины того числа, которое предполагалось сначала. Устройство войска зависѣло отъ войсковой коммиссіи, которая получала деньги отъ скарбовой и поэтому поводу безпрестанно входила съ нею въ недоразумѣніе и должна была за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ сейму; это занимало цѣлыя сеймовыя засѣданія: такимъ образомъ, и въ снаряженіи войска происходила остановка и время, драгоцѣнное для сейма, пропадало въ толкахъ о предметахъ второстепеннаго значенія.

Въ октябрѣ доложили сейму, что у солдатъ нѣтъ ни дровъ, ни свѣчъ, а у государства нѣтъ фондовъ для доставленія того въ Каменецкую крѣпость; арестанты буквально умирали отъ голода и отъ болѣзней, вслѣдствіе дурного помѣщенія. По такому докладу сеймъ предписалъ немедленно скарбовой коммиссіи доставить въ войсковую нужныя средства; но скарбовая коммиссія не могла исполнить предписанія по недостатку денегъ. Наборъ войска вербунками представлялъ невыносимую тягость для народа, давалъ поводъ къ буйствамъ и безчинствамъ: вербовщики не смѣли вторгаться въ шляхетскія имѣнія и брать обывательскихъ хлоповъ, но за то они безъ церемоніи хватали ихъ по дорогамъ и городамъ, куда тѣ пріѣзжали для продажи, или покупки; паны давали своимъ крестьянамъ билеты, по которымъ вербовщики должны были знать, что это люди панскіе и брать ихъ не слѣдуетъ. Но и это не помогало: вербовщики иногда говорили, что не знаютъ панской руки. 12-го октября, Сухоржевскій

ловскій, ливонскій Вейсенгофъ, и браславскіе: Мощенскій и Вавржецкій. Въ постановленіи объ учрежденіи этой депутаціи говорится: «Такъ какъ благосостояніе народа и слава его зависитъ отъ прочнаго правленія, а умноженіе войска и увеличеніе доходовъ безъ неизмѣнныхъ уставовъ и раздѣленіе власти магистратуръ и ихъ между собою связи могутъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ и нарушить внутреннее спокойствіе (которое обезпечить имѣемъ цѣлію), то мы, король, всегда въ соединеніи съ возлюбленнымъ народомъ, желая увѣнчать наши двадцатипятилѣтніе труды для отечества новыми заботами о его счастіи, вмѣстѣ съ конфедерованными чинами назначаемъ» и пр.

свидѣтельствовалъ, что изъ Великой Польши перешло въ прусскія владѣнія до 7,000 семей. Между тѣмъ, новонабранные рекруты получали дурное содержаніе и разбѣгались, а потомъ безчинствовали и грабили жителей, сами военноначальники жаловались, что набравши много рекрутъ не имѣютъ средствъ содержать ихъ и потому, потратившись на вербунку, должны ихъ распускать. Въ ноябрѣ войсковая коммиссія совсѣмъ прекратила рекрутовку по малости суммъ посылаемыхъ ей изъ скарбовой коммиссіи. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, что рекрутовка не удается главнымъ образомъ отъ того, что нѣтъ правилъ, какъ паны должны поступать съ подданными и всякій налагаетъ на нихъ что̀ хочетъ, и сколько хочетъ. На это бецкій каштелянъ Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, еслибъ не зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданныхъ болѣе того, сколько нужно!» Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣковаго патріотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ. Люстрація производилась фальшиво и лѣниво, посланные для собиранія свѣдѣній о доходахъ люстраторы или сговаривались съ владѣльцами и получали отъ нихъ явно фальшивыя свѣдѣнія, или же вступали съ ними въ ссоры; владѣльцы жаловались на люстраторовъ, а люстраторы на владѣльцевъ и нужно было разбирать ихъ; въ такомъ случаѣ владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія спора, ничего не платили. Были староства, о которыхъ всѣ знали, что они даютъ до сорока тысячъ злотыхъ дохода, а старосты показывали только десять и притомъ подъ присягою. Сеймъ назначилъ послѣдній срокъ для собранія вѣковаго пожертвованія 15-го декабря, но потомъ долженъ былъ отложить его до неопредѣленнаго времени. Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи-Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень. Были добровольныя патріотическія пожертвованія отъ дворянъ; такъ Казиміръ-Несторъ Сапѣга подарилъ казнѣ 156,180 злот., которые ему слѣдовало получить за сдѣланныя издержки по военной части въ качествѣ генерала литовской артиллеріи. Но всѣ такіе проблески патріотической щедрости едва могли увеличить доходъ Рѣчи-Постолитой какими-нибудь пятью милліонами, тогда какъ дворянскихъ денегъ уходило за границу ежегодно болѣе ста милліоновъ. Духовные, вмѣсто того, чтобы показать дру-

гимъ примѣры патріотической добродѣтели, отнюдь не отличались ревностью къ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Люди проникнутые духомъ тогдашняго либерализма выражались противъ духовенства весьма рѣзко и говорили: «два несчастія удручаютъ нашихъ бѣдныхъ хлоповъ: жидъ въ корчмѣ и ксендзъ въ костелѣ». Набожные люди старались подмѣчать разные грѣхи за тѣми, которые такъ говорили. Въ то время на сеймѣ отличался нерасположеніемъ къ духовенству сенаторъ Езерскій; его упрекали въ томъ, что онъ былъ когда-то коммиссаромъ въ имѣніяхъ бывшаго примаса Подосскаго, обкрадывалъ своего пана и такимъ образомъ нажилъ себѣ состояніе[1]). Въ октябрѣ состоялось опредѣленіе о продажѣ остававшихся въ Польшѣ имѣній тѣхъ духовныхъ, которые сами отошли по первому раздѣлу въ сосѣднія государства, и потому потребовались вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ и принадлежащихъ къ нимъ движимыхъ имуществахъ. Постановивъ сдѣлать заемъ, хотѣли налечь на города и на городское сословіе: наложить четыре гроша со ста грошей цѣнности домовъ въ городахъ и по этому поводу обязать хозяевъ домовъ сообщить подъ присягой, что̀ стоила имъ постройка этихъ домовъ. Тогда кто-то замѣтилъ: невозможно, чтобы хозяинъ зналъ и помнилъ сколько стоилъ ему домъ, нужно, чтобы онъ сохранилъ всѣ записки во время постройки. «У меня—сказалъ Ржевускій—домъ въ городѣ, но я никакъ не въ силахъ показать, что̀ онъ мнѣ стоилъ». Варшава предлагала пожертвованія 400,000 злотыхъ, то̀лько просила за это нѣкоторыхъ льготъ и выгодъ, и между прочимъ жаловалась на евреевъ и на шляхтичей. Первые сговаривались и установляли цѣны, вторые, живя въ городахъ, не несли мѣщанскихъ повинностей, владѣя въ городской чертѣ дворовыми мѣстами, строили на нихъ шинки, пивоварни, винокурни; вели торговлю своими произведеніями и подрывали мѣщанскую промышленность. Тутъ нѣкоторые изъ пословъ, знакомые съ либеральными идеями того времени, стали заступаться за права мѣщанъ и требовали допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ, въ особенности выступалъ защитникомъ мѣщанскихъ правъ Юліанъ Нѣмцевичъ. «Каждый гражданинъ—говорилъ онъ—долженъ участвовать въ платежѣ податей соразмѣрно выгодамъ, какія онъ получаетъ отъ государства, у насъ есть разныя отличія и преимущества для дворянства, а мѣщанамъ заграждена дорога. Съ нихъ собирается подать на войско, но мѣщанинъ не можетъ быть офицеромъ. Будемъ осторожны и

[1]) Его упрекали также, что онъ употребилъ свой капиталъ на постройку въ Варшавѣ публичныхъ бань въ античномъ вкусѣ, куда сходились веселые люди обоего пола.

предусмотрительны; со временемъ мѣщанинъ потребуетъ принадлежащія ему права природы, потребуетъ отъ тѣхъ, которые у него ихъ отнимаютъ». Противъ Нѣмцевича и его партіи возсталъ Суходольскій: онъ соглашался допускать мѣщанъ въ службѣ къ пріобрѣтенію офицерскихъ чиновъ, но вооружался противъ допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ. «Я не хочу—говорилъ онъ—чтобы мѣщане были рабами, пусть имѣютъ свое представительство, но, какое: пусть представляютъ намъ свои жалобы, а чтобы допустить ихъ до чего-нибудь бо̀льшаго—нужно ихъ сдѣлать прежде шляхтичами. Вспомните упадокъ Даніи съ того времени, какъ города пошли за королемъ — погибла дворянская вольность». Суходольскій требовалъ, чтобъ на Варшаву наложить 800,000 злотыхъ вмѣсто 400,000, которые она сама предлагала. Епископъ Нарушевичъ замѣчалъ, что Варшава послѣднее время чрезвычайно быстро разрослась и разбогатѣла; если начать обременять ее, то купцы и ремесленники оставятъ свои занятія, городское благосостояніе упадетъ, и этотъ упадокъ отзовется на доходахъ самой шляхты.

Всего этого было недостаточно для поправленія финансовъ. Волынскій посолъ Скаржинскій представилъ сейму разсчетъ, что на войско нужно сорокъ восемь милліоновъ, а доходовъ въ настоящее время можно ожидать не 38 милліоновъ, какъ прежде предполагали, а только 26: 16 съ короны и 10 съ Литвы — недостаетъ 22-хъ милліоновъ. Повысили пошлины съ привозныхъ винъ. Посолъ Мадалинскій подалъ проектъ установить налогъ шкурами убитаго скота. Проектъ этотъ послѣ многихъ преній прошелъ 18-го октября большинствомъ 84 голосовъ противъ 30 при 119 отсутствующихъ. (Послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ половина пословъ мало обращала вниманія на свои обязанности). Но установивши налогъ начали толковать о разныхъ изъятіяхъ отъ этого налога; спорили, не сходились и сами замѣчали, что всѣ предполагаемыя изъятія вели только къ отягощенію убогихъ людей и къ стѣсненію промысловъ.

Процедура, которая наблюдалась въ веденіи этихъ вопросовъ, безпрестанно возбуждала жалобы и обличенія самихъ этихъ пословъ. Отложивши въ сторону дѣла важныя, общія, тратили время на то, что̀ могло быть предметомъ обсужденія отдѣльныхъ коммиссій; такъ, напр., толковали объ устройствѣ войска, и цѣлыя засѣданія проходили въ преніяхъ о томъ, кого наначить генераломъ или бригадиромъ. Иногда, напр., вдругъ прекращалось важное государственное дѣло и начинались толки по поводу какого-нибудь староства. «Время проходитъ—говорилъ посолъ Косцялковскій—и въ томъ только наша слава, что мы бол-

таемъ. Пусть каждый справится со своей совѣстью; пусть она ему скажетъ, по какому побужденію онъ болтаетъ и для чего время протягиваетъ. О, еслибы у всѣхъ насъ вдругъ открылись сердца, какими чудовищами мы показались бы другъ другу! Проекты идутъ за проектами, голосованіе за голосованіемъ, и вотъ уже годъ прошелъ, какъ мы здѣсь засѣли и ничего еще не сдѣлали. Воленъ посолъ говорить, оттого и пускается свободно въ безбрежное море многословія, болтаетъ часъ, день, на то онъ вольный посолъ, вольно ему болтать.» «Если мы подобнымъ образомъ будемъ вести дѣла—сказалъ Северинъ Потоцкій—то всѣ наши надежды должны замѣниться отчаяніемъ». Маршалъ Малаховскій, то и дѣло, закрывалъ засѣданія рѣчью подобнаго содержанія, а для эффекта заканчивалъ рѣчь текстомъ изъ Евангелія: «весь день трудились, ничего не поймали». Многіе, подобными жалобами на всеобщую болтовню, хотѣли щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ. Когда двухнедѣльные толки о шкурахъ надоѣли членамъ, они оставили ихъ и принялись толковать о налогѣ на табакъ, перебѣжали къ вопросу о госпиталяхъ, потомъ толковали о средствахъ вспоможенія безприданнымъ дѣвицамъ, а потомъ снова стали толковать о рекрутовкѣ и объ устройствѣ войска.

Занятія вопросомъ о войскѣ повлекли къ устройству, въ 1789 году, воеводскихъ порядковыхъ гражданско-военныхъ коммиссій изъ выбранныхъ на сеймикахъ членовъ, шестнадцати свѣтскихъ и трехъ духовныхъ, которые должны служить безъ жалованья и каждый будній день засѣдать отъ 8 часовъ утра до часу по полудни: ихъ обязанность была наблюдать за состояніемъ войска, назначать имъ квартированіе, препровождать и доставлять рекрутъ, ловить дезертировъ, разбирать недоразумѣнія между военными и гражданскими, снаряжать подводы, вести вѣдомость прихода и расхода, наблюдать за цѣнами, мѣрами и вѣсами, въ случаѣ неурожая не допускать вывоза хлѣба за границу, наблюдать надъ исправленіемъ путей сообщенія и брать пени за неисправность, охранять торговцевъ отъ притѣсненій, доносить скарбовой коммиссіи о состояніи промысловъ, извѣщать о вакантныхъ староствахъ, о пожарахъ, о новыхъ слободахъ и вообще о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, побуждать заводить школы для бѣдной шляхты, учреждать госпитали и вообще наблюдать за дѣлами милосердія. На содержаніе коммиссіи, со всѣхъ платящихъ патріотическое пожертвованіе десятаго гроша, шло по одному шелягу. Это былъ опытъ введенія правильной полиціи въ государствѣ. Относительно комплекта войска, остановились на числѣ шестидесяти пяти тысячъ. Рекрутъ положили поставить съ

дымовъ, съ обязанностью службы на шесть лѣтъ и съ платежемъ поставщиками рекрутскихъ денегъ. Шляхетство старалось, какъ можно болѣе, выгородить свои наслѣдственныя имѣнія. Такимъ образомъ, когда въ имѣніяхъ духовныхъ и въ королевщинахъ постановили давать одного рекрута съ пятидесяти дымовъ, въ наслѣдственныхъ положено давать одного со ста дымовъ.

По поводу затронутаго вопроса о городахъ, обратилъ на себя вниманіе замѣчательный человѣкъ своего времени, варшавскій президентъ городского совѣта Декертъ. Онъ не хотѣлъ, подобно другимъ, въ своемъ положеніи и съ своимъ богатствомъ, добиваться разными происками шляхетскаго достоинства, какъ дѣлали другіе, хотя это и было ему легко: дочь его была за дворяниномъ и сынъ служилъ офицеромъ въ прусской службѣ. Онъ твердилъ своимъ братьямъ-мѣщанамъ, что слѣдуетъ не по одиночкѣ проскакивать въ шляхетство, а, оставаясь въ мѣщанствѣ, добиваться политическихъ правъ для всего сословія. При помощи пріятеля своего Коллонтая, сносился черезъ агентовъ съ разными городами и убѣдилъ прислать разомъ депутацію въ Варшаву и подать на сеймъ коллективную просьбу отъ всего городского сословія въ Польшѣ. На челѣ этихъ прибывшихъ депутатовъ былъ самъ Декертъ. Мимо канцлера, который издавна наблюдалъ надъ городскими дѣлами въ Польшѣ, 17 декабря 1789, онъ подалъ на сеймъ записку, изложилъ очень обстоятельно исторію городовъ, доказалъ документами, что въ старину мѣщане наравнѣ со шляхтою принимали участіе въ законодательствѣ и избраніи королей, что шляхта могла быть мѣщанами, не теряя шляхетскаго достоинства, какъ сдѣлалось послѣ, что мѣщане имѣли право покупать шляхетскія имѣнія, что въ судѣ они пользовались такими же правами какъ шляхтичи, что, однимъ словомъ, мѣщанство встарину было вполнѣ свободнымъ сословіемъ и теперь просило о возвращеніи древнихъ правъ. Это явленіе поразило, какъ громомъ, консерваторовъ. Болѣе всего озлился на города и въ особенности на Декерта канцлеръ Малаховскій. Поступокъ этотъ онъ считалъ личною для себя обидою; мало того, что Декертъ мимо канцлера подалъ на сеймъ записку, онъ еще въ ней отзывался неблагопріятно о канцлерскихъ судахъ. Притомъ въ просьбѣ былъ намекъ на событія, происходившія во Франціи: «до нашихъ ушей — было сказано — доходятъ слухи объ иноземныхъ смутахъ. Невольникъ разрываетъ свои цѣпи, когда властвующій надъ нимъ попираетъ права человѣка и гражданина. Но мы хотимъ оставаться въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и вдохновляемые этимъ желаніемъ, будемъ соразмѣрять съ нимъ наши поступки». — На сеймѣ стали толковать эти слова какъ угрозу,

понимали, что авторъ просьбы хочетъ испугать сеймъ опасеніемъ, чтобы и польскіе мѣщане въ случаѣ отказа не надѣлали того, что̀ произошло во Франціи. Даже наружность, съ какою явились мѣщанскіе депутаты на сеймъ, перетолковали въ другую сторону. Сообразно древнему обычаю, представители городовъ были въ черной нѣмецкой одеждѣ и при оружіи. «Что̀ значитъ этотъ черный нарядъ — говорили тогда на сеймѣ. Этимъ они хотятъ дать намъ понять, что если мы не удовлетворимъ ихъ просьбѣ, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія». Консерваторы не только не хотѣли дать мѣщанамъ такихъ правъ, какихъ послѣдніе домогались, но даже не позволяли имъ чинить у себя раскладку налоговъ, изъ опасенія, что мѣщане станутъ отягощать шляхетскіе домы, построенные въ городахъ. Одинъ только польскій городъ не пошелъ по призыву Декерта, это былъ Краковъ: онъ подалъ особую отъ себя записку совсѣмъ въ другомъ духѣ, не добивался равенства со шляхтою, а просилъ только мѣстныхъ льготъ; самая записка была подана не прямо на сеймъ, а канцлеру. Консерваторы, по наущенію канцлера, домогались, чтобы записка Кракова была прочитана на сеймѣ, а коллективная записка Варшавы и другихъ городовъ отослана къ канцлеру. «Поступить такъ — говорилъ Станиславъ Потоцкій — значитъ дать предпочтеніе средневѣковымъ привилегіямъ передъ требованіями вѣка. Я хвалю Краковъ за его вѣрность, но люблю болѣе его человѣчество; хвалю Краковъ, но зачѣмъ же бросать подозрѣніе на другіе города? У Кракова есть свои привилегіи; но и у другихъ городовъ есть свои. Я не изъявляю желанія допускать мѣщанъ къ участію въ законодательствѣ и къ равенству со шляхтою, но требую законнаго, чтобы просьба городовъ была передана въ конституціонную депутацію, а не канцлеру». За города говорилъ брестскій посолъ Матушевичъ и другіе послы прогрессисты. Іоакимъ Хребтовичъ, указавъ на связь между интересами шляхетства и благосостояніемъ городовъ, далъ дѣлу такой оборотъ: «старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ — и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что̀ дѣлали эти короли, и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всемъ краѣ.» Самъ король былъ за города. Консерваторы, чтобъ заглушить дѣло, начали подавать разомъ множество проектовъ: одинъ совался съ проектомъ коммиссаріата, другіе съ производствами въ чины, и, такимъ образомъ, старались оттѣснить городской вопросъ. Ограничились тѣмъ, что 19 декабря назначили депутаціи для разсмотрѣнія всѣхъ актовъ и привилегій городовъ. Эти депутаціи были подъ предсѣдательствомъ канцлера. Это значило — отложить дѣло въ дальній ящикъ.

VI [1]).

Маркизъ Люккезини.—Первыя основы будущей конституціи.

Выступилъ на сцену человѣкъ, игравшій одну изъ главныхъ ролей въ польской трагедіи: это былъ маркизъ Джероламо Люккезини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій въ 1789 году отозваннаго Бухгольца. Этотъ итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II его домашнимъ библіотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность, которая въ такой степени могла обворожить поляковъ и овладѣть ихъ умами. Это былъ человѣкъ столько же глубокій, сколько остроумный, разносторонно образованный, привлекательный въ пріемахъ, любезный въ обращеніи, вкрадчивый и вмѣстѣ скрытный, умѣвшій понимать съ перваго разу людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ подобіемъ истины и простодушія, и неуклонно стремившійся всѣми возможными путями къ заданной цѣли. Это былъ дипломатъ по идеалу Маккіавели: особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ польскимъ обществомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ сейма и всѣмъ умѣлъ понравиться, а нѣкоторыхъ съ перваго разу приковалъ къ себѣ. Вся прусская партія прильнула къ нему. Онъ увѣрялъ поляковъ въ добромъ расположеніи прусскаго короля, доказывалъ, что польза Пруссіи требуетъ возрожденія Польши, побуждалъ скорѣе вести и кончать дѣло реформы, но въ то же время заявлялъ, что Пруссія воздерживается отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Этимъ замѣчаніемъ онъ еще болѣе располагалъ поляковъ къ себѣ, потому что льстилъ ихъ самолюбію. Онъ показывалъ себя отъявленнымъ врагомъ Россіи, говорилъ, что москали извѣчные враги полякамъ, а Пруссія ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Пруссію побуждаетъ желать устройства Польши то, что она надѣется вести съ нею выгодную торговлю; если Польша достигнетъ цвѣтущаго состоянія, то будетъ доставлять Пруссіи тѣ произведенія, какія теперь доставляетъ Россія, слѣдовательно Польша обогатѣетъ и подымется, а Россія упадетъ. Поэтому Пруссія желаетъ прежде всего заключить съ

[1]) См. Источ. №№ I. 21, 4—8, 18, 26, 47, 78, 110, 104. Проток. сейма, хранящ. въ Лит. Метрикѣ.

Польшей торговый договоръ и предоставить ей значительныя торговыя выгоды; за это Польша должна уступить Пруссіи два города: Гданскъ и Торунь. Уступка эта не будетъ потерею для Польши, а напротивъ выигрышемъ: теперь Пруссія беретъ огромныя пошлины съ польской торговли, а тогда сложитъ ихъ. Такова была теорія соглашенія съ Пруссіей, которая должна была предшествовать тѣснѣйшему политическому союзу. Люккезини объявлялъ полякамъ, что берлинскій дворъ не прежде войдетъ съ Рѣчью-Посполитой въ тѣсный союзъ, какъ тогда, когда Польша установитъ у себя новое законодательство на твердыхъ началахъ и прочный порядокъ: Пруссія должна знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло и въ какой степени Польша можетъ оградить себя отъ Россіи на будущее время. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, переговариваясь съ Люккезини, настаивалъ, напротивъ, чтобы скорѣе былъ заключенъ политическій договоръ съ Пруссіею, ибо тогда дѣло внутренней реформы пойдетъ скорѣе. Другіе паны прусской партіи представляли Люккезини, что республиканское правленіе было до сихъ поръ источникомъ золъ, и что ихъ намѣреніе—передѣлать Польшу въ конституціонную монархію съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Они дѣлали предложеніе вручить по смерти Станислава-Августа саксонскому князю-избирателю. Люккезини говорилъ, что его король оправдываетъ выборъ саксонскаго князя-избирателя; что же касается до наслѣдственности правленія, то въ этомъ прусскій король не станетъ препятствовать, но впередъ обращаетъ вниманіе на то, что такая перемѣна возбудитъ противъ Польши императорскіе дворы и въ самой странѣ произведетъ усобицы, потому что много есть нежелающихъ измѣнить древнее правленіе. Это, однако, говорилось только въ видѣ совѣта: поляки имѣютъ полное право дѣлать какія угодно измѣненія; нужно только поскорѣе установить новый внутренній порядокъ. Англійскій министръ Гэльсъ также вмѣстѣ съ Люккезини подстрекалъ поляковъ къ дѣятельности, возбуждалъ противъ Россіи и совѣтовалъ скорѣе сдѣлать коренной переворотъ въ правленіи. Подъ вліяніемъ этихъ подстрекательствъ конституціонная депутація принялась дѣятельнѣе работать надъ проектомъ. Въ ней, кромѣ упомянутыхъ выше одиннадцати членовъ, заправлялъ работами Коллонтай, котораго Игнатій Потоцкій пригласилъ въ депутацію.

Десятаго декабря 1789 года Игнатій Потоцкій произнесъ на сеймѣ вступительную рѣчь, извѣстилъ объ окончаніи работъ депутаціи. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ прусскому королю и возвѣщалъ, что новый порядокъ устанавливается подъ его покровительствомъ и вліяніемъ. «По волѣ Провидѣнія—

говорилъ онъ—могучій сосѣдъ подаетъ намъ помощь въ эпоху потрясенія нашего законодательства, побуждаетъ насъ укрѣпить наше бытіе національной конституціей. Онъ намъ не говоритъ: я вамъ помогу составить законы и предложу ихъ вамъ, мои министры будутъ вліять на васъ. Нѣтъ. Онъ намъ говоритъ: вы видите у меня порядокъ и крѣпость; желаніе мое таково, чтобы и у васъ было тоже. Одни вы можете устроить свое дѣло, а мнѣ надлежитъ смотрѣть, будетъ ли оно прочно.» Составители проекта не смѣли оффиціально внести въ него мысли о престолонаслѣдіи; тѣмъ болѣе, что и въ самой депутаціи были люди несогласные на такую важную государственную перемѣну. Но прежде подачи проекта на сеймѣ уже знали, что въ депутаціи были хотѣвшіе наслѣдственности престола и потому заранѣе получили предъубѣжденіе противъ того, что̀ подастъ эта депутація. Хотѣли подъ разными предлогами отложить чтеніе проекта, въ особенности потому, что много членовъ сейма разъѣхались; но настойчивость прусскаго посланника подвигала членовъ къ дѣлу. Боявшихся монархизма Люккезини увѣрялъ, что прусскій король ни въ какомъ случаѣ не допуститъ до этого и доказывалъ, что и безъ монархизма можетъ состояться новая конституція, которая дастъ Польшѣ крѣпость и силу; онъ обѣщалъ союзъ и дружбу Пруссіи, съ условіемъ коренной перемѣны въ правленіи Польши и установленія въ ней прочнаго порядка.

16-го декабря 1789 года проектъ былъ прочитанъ. Онъ заключалъ восемь пунктовъ. Въ первомъ въ общихъ чертахъ излагались главныя права націи, которыя состояли въ слѣдующемъ: a) сочинять законы и подчиняться только тѣмъ изъ нихъ, которыя установитъ сама Рѣчь-Посполитая; b) заключать съ иностранными державами договоры и вести войны; c) разбирать дѣйствія исполнительныхъ властей; d) избирать короля, и непремѣнно римско-католической религіи; e) избирать лица въ тѣ общественныя должности, которыя признавались и впередъ будутъ признаваться избирательными. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что нація свои права и власть выражаетъ сеймиками, на которыхъ лица шляхетскаго происхожденія, владѣющія имѣніями и ихъ взрослые сыновья, избираютъ пословъ на сеймъ и даютъ имъ инструкціи и желанія (desideria) относительно своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Въ третьемъ говорится: чтобъ власть Рѣчи-Посполитой могла всегда наблюдать и дѣйствовать, сеймъ долженъ быть составленъ на двухлѣтній срокъ, а именно: по истеченіи срока, назначеннаго для ординарной сеймовой дѣятельности, послы возвращаются домой и на реляційныхъ сеймикахъ даютъ отчетъ о своей дѣятельности; эти послы на такихъ сей-

микахъ или могутъ быть утверждены въ своемъ званіи на дальнѣйшее время, или перемѣнены другими, такъ что во всякомъ случаѣ въ государствѣ остается постоянно «готовый» сеймъ, съ верховною законодательною и учредительною властью и можетъ быть созванъ, но только въ крайнихъ нуждахъ и обстоятельствахъ Рѣчи-Посполитой, а именно: a) въ обстоятельствахъ не терпящихъ отлагательства, касающихся народныхъ правъ, особенно по поводу происходящей по сосѣдству съ Польшею войны; b) по поводу внутреннихъ безпорядковъ и столкновеній между магистратурами; c) въ случаѣ опасности голода; d) въ случаѣ смерти короля или опасной его болѣзни и, въ первомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто конвокаціонныхъ сеймовъ безъ законодательной власти, не вдаваясь въ права, принадлежащія элекційнымъ сеймамъ. Приговоры этого сейма не входятъ въ кодексъ законовъ и обязательны только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій сеймъ ихъ не уничтожитъ. Въ четвертомъ и пятомъ говорится о способѣ голосованія: въ предметахъ, касающихся коренныхъ правъ необходимо единогласіе, въ предметахъ касающихся договоровъ о мирѣ и войнѣ—три части голосовъ, а при выборѣ въ должности и проч. будутъ руководствоваться правилами, которыя укажутся въ будущей конституціи. Въ шестомъ и седьмомъ говорится о верховныхъ магистратурахъ; судопроизводство поручается трибуналу и судамъ, а верховная исполнительная власть королю и учреждаемому при немъ совѣту, подъ названіемъ «стражи», котораго члены не входятъ въ составъ сейма; верховный судъ надъ ними, какъ и вообще надъ государственными преступленіями принадлежитъ сеймовому суду; наконецъ было сказано, что впредь никакимъ образомъ не допускаются конфедераціи.

Этотъ проектъ, составленный, какъ ясно видно, по указанію писемъ Коллонтая къ Малаховскому, не измѣнялъ, какъ нѣкоторые боялись, существеннаго содержанія республиканскаго строя и избирательнаго правленія, а все-таки возбудилъ противъ себя тѣхъ, которые дрожали за шляхетскія преимущества. Ихъ соблазняло то, что право участія на сеймикахъ предоставлялось только шляхтичамъ, владѣвшимъ имѣніями, а не безземельнымъ; слѣдовательно—одно шляхетское званіе не сообщало всѣхъ политическихъ правъ. Отсюда вытекало, что эти права принадлежали не только благородному сословію, но и матеріальному благосостоянію, а отъ этого уже казалось недалекимъ, что современемъ благосостояніе, безъ шляхетскаго званія, будетъ давать право и, такимъ образомъ, шляхетское званіе падетъ. Суходольскій, за нимъ Казиміръ-Несторъ Сапѣга и Валевскій начали

говорить противъ этого длинныя рѣчи. Другіе паны, за ними, дѣлали свои неблагопріятныя замѣчанія. Сеймовый маршалъ, самъ сторонникъ проекта, чтобы не допустить на сеймѣ лишнихъ толковъ, замѣтилъ, что коль скоро существуетъ конституціонная депутація для составленія формы правленія, то всѣ поправки и добавки члены сейма могутъ сообщать депутаціи, не теряя времени въ толкахъ и преніяхъ объ этомъ въ сеймовой Избѣ. Тогда противъ маршала поднялись голоса, во имя шляхетской свободы; ему напоминали, что нельзя удерживать пословъ свободной націи отъ заявленія мнѣній. Другіе послы думали повредить проведенію проекта тѣмъ, что подавали проекты о другихъ второстепенныхъ вопросахъ: тотъ объ устройствѣ коммиссаріата, другой о порядкѣ производства въ чины, третьи о трибуналахъ и т. д. Но потомъ все-таки перешли къ проекту, поданному сеймовою депутаціею. За право участія на сеймикахъ безземельной шляхты стоялъ Браницкій съ своею многочисленною партіею. Его противники видѣли въ этомъ московскую интригу и соображали, что, если допустить безземельную шляхту на сеймики, то магнаты, служащіе Россіи, будутъ подбирать промотавшихся, развращенныхъ, лѣнивыхъ, всякое отребіе въ шляхетскомъ сословіи, чтобъ защищать и проводить такія постановленія, которыя будутъ выгодны ихъ честолюбивымъ и корыстнымъ побужденіямъ въ ущербъ общимъ желаніямъ и потребностямъ. «Если мы — говорилъ Станиславъ Потоцкій — не удалимъ безземельныхъ отъ участія на сеймикахъ, то у насъ повторится рѣпнинскій сеймъ».

«Да и что за польза бѣдной шляхтѣ ходить по сеймикамъ — говорилъ Анквичъ? Вѣдь она тамъ только получаетъ побои и портитъ здоровье, а въ домѣ у нея въ дѣлахъ остановка.»

Прошло нѣсколько засѣданій въ такихъ толкахъ; они были бурны и, въ одномъ изъ нихъ, патріоты грозили выбросить изъ Избы своихъ противниковъ. Король ушелъ изъ собранія и не являлся на другой день. Наконецъ, 30 декабря, большинство порѣшило принять проектъ конституціонной депутаціи и не допускать на сеймики иной шляхты, кромѣ владѣющей имѣніями. Партія Браницкаго и вообще защитниковъ шляхты была побѣждена. Послѣ этого засѣданія сеймъ былъ отложенъ до восьмого февраля.

Въ заключеніе маршалы сейма извѣстили націю универсаломъ по воеводствамъ; расхваливались подвиги сейма: освобожденіе Польши изъ-подъ гарантіи, возвращеніе ей независимости, уничтоженіе постояннаго совѣта, созданіе арміи. При этомъ давалось націи знать, что дѣла сейма заслужили вниманіе и

одобреніе прусскаго короля, наилучшаго друга и благодѣтеля польскаго народа; прибавляли, что и Оттоманская порта съ большой похвалой отзывается о дѣлахъ польскаго сейма.

VII.

Сеймъ въ 1790 году. Финансовыя затрудненія.—Политическій договоръ съ Пруссіею.—Толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Недоразумѣнія Пруссіи съ Австріею.—Письмо прусскаго короля къ польскому.—Рейхенбахская конференція.—Новые толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Законъ о запрещеніи предлагать уступки.—Судьба Понинскаго.—Отозваніе Штакельберга.—Булгаковъ.—Виды Россіи.—Вопросъ о наслѣдственности.—Обращеніе къ народу.—Временное закрытіе сейма [1]).

8-го февраля 1790 года, сеймъ открылся снова. Маршалъ Малаховскій проговорилъ восторженную рѣчь въ пользу Пруссіи и совѣтовалъ пользоваться поскорѣе расположеніемъ добраго сосѣда, чтобы заключить съ нимъ оборонительный договоръ и умножить войско. О стотысячной арміи перестали думать, ограничились комплектомъ 65,000, но на лицо могли собрать только 44,000; на содержаніе ихъ оказывалось нужнымъ 43,421,645 зл. да на амуницію 5,785,350 зл. Этихъ денегъ требовали отъ скарбовой коммиссіи, но скарбовая коммиссія препроводила въ войсковую только 13,000,000. «Дѣла идутъ плохо, полки отдалены отъ границы», говорилъ на сеймѣ Нѣмцевичъ, «отдѣлы ихъ стоятъ въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что при первомъ вторженіи непріятеля должны будутъ разсыпаться. Войску нѣтъ жалованья, а въ казнѣ дефицитъ; о магазинахъ для продовольствія войска никто не думаетъ; между тѣмъ обыватели отправляютъ въ большомъ количествѣ за границу хлѣбъ изъ Польши.»

Обратились снова къ разсужденіямъ о предполагаемомъ займѣ. Безъ залога не давали Польшѣ нигдѣ денегъ; стали думать, какъ бы обезпечить заемъ. Думали поставить на гипотеку десятую часть стоимости королевщинъ, но этотъ проектъ возбудилъ противъ себя сильную оппозицію, потому что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли въ рукахъ своихъ королевщины. Кублицкій предлагалъ умножить раздачу шляхетскихъ дипломовъ за деньги.

«Напрасно искать косвенныхъ источниковъ—сказалъ Станиславъ Потоцкій—ничего не будетъ, пока не устроится хорошо и пропорціонально сборъ податей. Мы установили сборъ десятаго

[1]) См. источн. №№ 21. 18. 81. 1. 53. 115. 104. 113. 78. 26. 25. 14. 36 47. 49. 118. 35. Проток. сейма хран. въ Лит. метрикѣ.

гроша со шляхетскихъ имѣній; и что же? Одинъ мой пріятель говорилъ, что съ имѣнія въ Руси ему приходится платить десять процентовъ, а съ имѣнія въ Мазовіи только два. Надобно уравнять подати.»

Волынскіе и Подольскіе послы поднялись противъ уравненія въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ; они желали взвалить всю тяжесть взносовъ на королевщины.

Патріоты стояли за всеобщее уравненіе. Чарторыскій подалъ проектъ объ этомъ. Въ немъ предлагалось средство для достиженія вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ: ввести опись и оцѣнку дворянскихъ имѣній, тогда какъ прежде, при взиманіи налоговъ или пожертвованій съ дворянскихъ имѣній, довольствовались показаніями владѣльцевъ подъ присягою.

«Я вижу, говорилъ Зелинскій, въ этомъ проектѣ нарушеніе шляхетской вольности, оскорбленіе религіи, попираніе присяги, которая до сихъ поръ считалась достаточною для рѣшенія споровъ; вижу уничтоженіе общественнаго довѣрія и подрывъ гражданскаго спокойствія.»

«Нѣтъ края въ мірѣ—возражалъ Вавржецкій — гдѣ бы при такомъ населеніи и пространствѣ, какъ въ нашей Польшѣ, были такіе ничтожные доходы, какіе показываются нашими обывателями. Если бы у насъ имѣнія въ самомъ дѣлѣ давали такіе скудные доходы, то невозможна была бы никакая торговля, и паны не могли бы держать у себя во дворахъ стольких людей. Ясно, что большею частью доходы показываются фальшиво.»

Защитникъ правъ и чести шляхетскаго сословія, Сухоржевскій говорилъ: «Могутъ быть ошибки въ подачѣ сказокъ о доходахъ, но не умышленныя и не подъ фальшивой присягой. Если бы у насъ было столько играющихъ присягою, сколько неправильно платящихъ подати, то Рѣчь-Посполитая была бы недостойна существованія и благословенія Божьяго.»

Послѣ споровъ о разныхъ подробностяхъ, принятъ былъ проектъ о назначеніи депутаціи для уравненія податей въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ. Она должна была сдѣлать оцѣнку въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, руководствуясь собранными свѣдѣніями за шесть лѣтъ о всякаго рода отчужденіяхъ имуществъ (о продажахъ, залогахъ, контрактахъ и т. д.), вывести изъ нихъ доходъ и по этому доходу наложить подати, принявъ во вниманіе количество доходныхъ статей, указанныхъ самими владѣльцами въ поданныхъ сказкахъ.

«Все это прекрасно—сказалъ 26 февраля король—только законъ объ уравненіи требуетъ времени, а войско нуждается въ жалованьи теперь же. Пополнить казну можно только немедлен-

ными пожертвованіями; не хочу отставать отъ другихъ. У меня нѣтъ въ наличности денегъ, но есть на полмилліона украшеній и драгоцѣнностей, все отдаю въ руки сеймоваго маршала.»

По примѣру короля, маршалъ Малаховскій предложилъ Рѣчи-Посполитой милліонъ злотыхъ безъ процентовъ. Въ томъ соображеніи, что сборъ вѣчнаго пожертвованія десятаго и двадцатаго гроша не можетъ состояться скоро, на предстоящую четверть года наложили въ Великой Польшѣ двойное подымное, въ Малой обыкновенное, а евреи должны были заплатить за цѣлый годъ поголовное не въ счетъ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда король на сеймѣ сдѣлалъ пожертвованіе, онъ былъ встрѣченъ въ театрѣ громкими рукоплесканіями публики. Это былъ важный день для него; патріоты, которые до сихъ поръ относились къ нему враждебно, или по крайней мѣрѣ косились на него, съ этого дня начали съ нимъ сближаться и переставали считать врагомъ отечества.

Люккезини, ѣздившій въ Берлинъ, по возвращеніи, въ концѣ февраля, привезъ отвѣтъ прусскаго короля на предложеніе заключить торговый и оборонительный союзъ съ Польшею. Пруссія предлагала сбавить два процента съ польскихъ продуктовъ, переходящихъ черезъ Силезію и Саксонію, и четыре процента съ тѣхъ товаровъ, которые идутъ по Вислѣ и обѣщала, въ случаѣ нужды, доставлять такое же количество пѣхотнаго войска, какое Польша будетъ доставлять конницею. За это Пруссія требовала уступить ей города Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, а въ вознагражденіе Польшѣ уступала клочекъ польской же земли около озера Гопло въ Куявіи.

Долго не смѣла депутація предложить этого сейму, зная раздраженіе, которое можетъ произвести всякая попытка къ уступкѣ земель. Депутація старалась войти въ соглашеніе съ Люккезини и прибѣгала къ такому извороту: она предложила отдѣлить союзнооборонительный трактатъ (alliance) отъ коммерческаго; такъ какъ уступка Польшею Гданска и Торуня предлагалась въ вознагражденіе торговыхъ выгодъ, предоставляемыхъ Пруссіею, то этотъ щекотливый вопросъ признавался сущностью коммерческаго договора, а не политическаго, слѣдовательно последній могъ быть заключенъ независимо отъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ. Поляки думали, что они этимъ совершаютъ дѣло великой политической мудрости, но можно было предвидѣть, что въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находилась Польша съ Пруссіею, политическій договоръ безъ торговаго былъ безплоденъ; такъ какъ отъ торговаго зависѣло благосостояніе Польши, то поляки неизбѣжно, вслѣдъ за политическимъ, должны были

домогаться торговаго договора, на который Пруссія никакъ не согласилась бы иначе, какъ только получивши отъ Польши новыя владѣнія. Всей Польшѣ было очень тяжело отъ Пруссіи, потому что послѣдняя обложила польскіе товары чрезмѣрными пошлинами, но городу Гданску въ особенности; этотъ городъ, ради собственныхъ выгодъ и спокойствія, готовъ былъ отойти добровольно къ Пруссіи. Въ глазахъ многихъ поляковъ казалось, что уступка Гданска и Торуня скорѣе было пріобрѣтеніе, чѣмъ потеря, если отъ этого выигрывала польская торговля. Люккезини объяснялъ имъ, что Пруссія должна же вознаградить себя за потери, которыя понесетъ, даровавши полякамъ торговыя льготы: прежде Пруссія брала съ товаровъ 12 процентовъ, теперь понижаетъ ихъ на четыре и на два, и черезъ то теряетъ около 200,000 талеровъ: естественно желать ей вознагражденія за эти утраты. Но при существованіи партіи, противной прусскому вліянію, при щекотливости патріотической чести, невозможно было склонить къ этимъ видамъ большинство на сеймѣ: депутацію иностранныхъ дѣлъ обвинили бы въ измѣнѣ. Потому единственнымъ средствомъ къ соглашенію съ Пруссіею казалось отдѣлить коммерческое дѣло отъ политическаго. Люккезини согласился, и по сношеніи со своимъ дворомъ сдѣлалъ замѣчаніе депутаціи, что предложеніе объ уступкѣ Гданска и Торуня дано было только въ видахъ вознагражденія Пруссіи за доставленіе Польшѣ новыхъ торговыхъ видовъ, а никакъ не въ видахъ политической необходимости. Уступая полякамъ, онъ въ тоже время надѣялся мало-по-малу склонить ихъ къ уступкѣ. Говорятъ, что Люккезини тогда интриговалъ между послами, нельзя ли устроить правительственнаго совѣта изъ небольшого числа членовъ, которымъ бы дать власть въ родѣ той, какую имѣлъ недавно уничтоженный постоянный совѣтъ, помѣстить въ немъ благопріятелей Пруссіи и провести дѣло объ уступкѣ городовъ. Но маршалъ Малаховскій, хотя благопріятель Пруссіи, объяснилъ ему однако, что это невозможно, и даже далъ ему тонко замѣтить, что прусскому послу неумѣстно вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны.

Въ то же время Австрія дѣлала попытки отклонить Польшу отъ союза съ Пруссіей и привлечь къ себѣ. Главный министръ Кауницъ говорилъ польскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ Вồйнѣ, что было бы хорошо, если бы Польша заключила союзъ съ Австріею; въ такомъ случаѣ Австрія сбавила бы пошлины съ величковской соли ввозимой въ Польшу; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ освободить подданныхъ австрійской имперіи въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ отъ контрибуціи платимой ими тогда, когда они жительствовали за предѣлами Австрійскаго го-

сударства. Депутація не поддалась на австрійскія обѣщанія и болѣе довѣряла Пруссіи. За Пруссію было вліяніе другихъ иностранныхъ пословъ. Гэльсъ продолжалъ увѣрять поляковъ въ готовности помогать Польшѣ въ случаѣ враждебныхъ столкновеній съ Россіею и Австріею. Еще сильнѣе подстрекалъ тогда депутацію шведскій посланникъ Энгерстромъ, указывалъ ей на честолюбивые виды русской императрицы, хотѣвшей господствовать на всемъ сѣверѣ, представлялъ, что Польшѣ, какъ слабѣйшей, достанется отъ Россіи прежде всѣхъ, и потому ей слѣдуетъ предупредить опасность и вступить въ оборонительный союзъ противъ Россіи съ Пруссіею, Англіею и Швеціею: только общими силами можно сломить опаснаго общаго врага.

15-го марта, депутація объявила сейму, что его величество король прусскій предлагаетъ заключить коммерческій трактатъ и въ видахъ вознагражденія за потери, неизбѣжные для него при дарованіи Польшѣ торговыхъ выгодъ, желаетъ, чтобы Польша уступила ему Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, но узнавъ, что такое соображеніе уже начинаетъ толковаться поляками въ дурную сторону, устраняетъ заранѣе свое требованіе, для облегченія же польской торговли обѣщалъ сбавить 6 процентовъ на форданской таможнѣ; это произвело всеобщее одобреніе. Наканунѣ дня, когда сдѣлано было представленіе сейму, король имѣлъ свиданіе съ Люккезини въ Вилановѣ; прусскій посланникъ обворожилъ его; король въ то время боялся русскихъ козней, хотя въ тоже время не довѣрялъ и Пруссіи. Изъ письма его къ посланнику польскому въ Лондонѣ Букатому видно, что въ то время распространилась вѣсть, будто Россія приказывала всѣмъ православнымъ священникамъ въ польскихъ владѣніяхъ присягать уже не только на духовную зависимость отъ Россіи, но и на подданство императрицѣ. На короткое время опять возникъ было страхъ, подобный прошлогоднему. Такимъ образомъ, послы сейма въ это время, испугавшись Россіи, спѣшили предупредить опасность, ожидаемую отъ нея союзомъ съ прусскимъ королемъ. Въ то же время начали толковать какъ бы сойтись съ константинопольскимъ патріархомъ, подданнымъ Турціи, и поручить ему въ вѣдѣніе православную церковь, избавивъ ее отъ санктпетербургскаго синода. Самъ король, склоняясь къ прусской партіи, въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ увѣрялъ его, что желаетъ заключить съ Пруссіей только торговый договоръ и всѣми силами препятствуетъ политическому, который былъ бы неугоденъ русской императрицѣ.

Подъ вліяніемъ страха русскихъ козней, а особенно возмущенія хлоповъ по интригамъ России, которое не переставало

мерещиться полякамъ, договоръ съ Пруссіею пріобрѣталъ сторонниковъ. Противники его замѣчали, что не слѣдуетъ приступать къ союзнооборонительному трактату иначе, какъ напередъ обезпечивъ себя въ торговлѣ. Прусскіе сторонники возражали на это такъ: положимъ, что нашей торговлѣ не станетъ лучше послѣ союза; но оставаясь безъ союзника, мы все-таки не избавимся отъ прежнихъ тягостей, а еще скорѣе навлечемъ на себя бо́льшія опасности и оскорбленія. Еслижъ мы войдемъ въ союзъ съ Пруссіею, то вмѣстѣ съ нею войдемъ въ союзъ съ Англіею, Голландіею, Швеціею, Турціею и почти со всею нѣмецкою имперіею, и это спасетъ насъ отъ захватовъ, отъ мести, отъ военныхъ переходовъ, отъ усиленія того вліянія, которое снова замышляетъ держать насъ въ зависимости. Въ такомъ союзѣ столько союзныхъ государствъ будутъ защищать наши владѣнія и независимость, и мы постепенно дойдемъ до того значенія въ Европѣ, котораго такъ желаемъ.

Сильнѣе всѣхъ за союзъ раздавался голосъ Игнатія Потоцкаго. «Заключая какой бы то ни было договоръ—говорилъ онъ—слѣдуетъ прежде всего себѣ уяснить: кто тотъ, съ кѣмъ договоръ заключается. Безъ предубѣжденія скажемъ: прусскій король держитъ въ своихъ рукахъ судьбу войны и равновѣсія всего сѣвера. Если мы, вопреки примѣру другихъ государствъ, станемъ медлить союзомъ съ нимъ, если, такимъ образомъ, станемъ отклонять средства, которыя этотъ монархъ готовитъ для своихъ высокихъ цѣлей, то не навлечемъ ли холодности и недовѣрія этого посредника народовъ? Не подадимъ ли тѣмъ, которымъ противно наше возрожденіе, наши труды, замыслы и стремленія, повода считать правительство наше непослѣдовательнымъ, край нашъ годнымъ только для того, чтобъ чужіе могли вознаградить имъ себѣ понесенныя утраты? Сознаюсь, что мнѣ трудно спорить противъ тѣхъ, которые хотятъ торговыхъ выгодъ; но совѣсть говоритъ мнѣ, что я спасаю отечество. Я не желаю себѣ за то никакой награды, кромѣ его благополучія. Моя обязанность для меня выше всего на свѣтѣ. Намъ нельзя оставаться безъ союза, который бы обезпечивалъ существованіе имени и народа польскаго: иначе, это значило бы оставаться жертвою чуждаго могущества, чуждыхъ соображеній, подвергаться тягости приговора, изреченнаго въ св. писаніи словами: vae soli! (горе единому!)

Рѣчь Игнатія произвела энтузіазмъ. Напрасно противники пытались доказывать, что какими превосходными качествами ни обладалъ бы прусскій король, но договоръ заключается не съ лицомъ, а съ государствомъ; напрасно другіе представляли, что

такого важнаго дѣла нельзя рѣшать опрометчиво, и требовали предварительнаго обсужденія (делибераціи): всякое возраженіе патріоты относили къ московскому внушенію и дѣлали на счетъ этого намеки. Проектъ договора былъ принятъ 15 марта.

Депутація иностранныхъ дѣлъ по порученію сейма заключила его 29 марта [1]).

[1]) Его содержаніе таково:

1) Отселѣ да пребываетъ дружба и искреннее постоянное согласіе между его величествомъ королемъ прусскимъ и его наслѣдниками съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ, его преемниками и всею наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою съ другой; въ силу чего высокія договаривающіяся стороны приложатъ всевозможнѣйшее стараніе, чтобы между ихъ государствами и ихъ подданными поддерживалось совершенное дружество и взаимныя добрыя сношенія, почему они обязываются всѣми возможными силами защищать другъ друга и сохранять обоюдно въ мирѣ и согласіи.

2) Вслѣдствіе обязательства указаннаго предъидущею статьею, обѣ высокія договаривающіяся стороны учинятъ всевозможное, дабы упрочить и сохранить ненарушимое обладаніе краями, провинціями, городами и всѣми землями, какими они владѣютъ во время заключенія настоящаго трактата. Эта гарантія существующихъ владѣній не должна однако мѣшать дружелюбному разрѣшенію нѣкоторыхъ недоразумѣній, существовавшихъ прежде заключенія договора о рубежахъ, еще не приведенныхъ въ ясность.

3) Если бы случилось, что одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ была угрожаема непріятельскимъ нападеніемъ отъ кого бы то ни было, то другая сторона безотлагательно употребитъ дѣятельнѣйшее стараніе, чтобы предотвратить непріязненныя дѣйствія, доставить оскорбленной сторонѣ удовлетвореніе и привести спорное дѣло на путь примиренія; если же такое стараніе не произведетъ желаемаго успѣха впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, и если одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ въ это время непріязненно затронута, обезпокоиваема и оскорбляема въ своихъ краяхъ, правахъ и владѣніяхъ, и во всѣхъ своихъ выгодахъ, то другая обязывается безотлагательно помогать своей союзницѣ, чтобы поддержать взаимное обладаніе всѣми краями, территоріями, городами и мѣстами, принадлежавшими имъ до начала непріятельскихъ дѣйствій; почему, если польское королевство потерпитъ нападеніе, то его величество король прусскій доставитъ его величеству королю польскому помощь въ 14,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи съ артиллерійскимъ снарядомъ, соотвѣтственнымъ такому количеству войскъ; а если его величество король прусскій потерпитъ нападеніе, то его величество король польскій и наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая доставитъ ему помощь въ 8,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты съ соразмѣрнымъ артиллерійскимъ снарядомъ: такая помощь должна быть доставлена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая со дня, когда будетъ заявлено требованіе отъ нуждающейся стороны, и это войско будетъ находиться въ распоряженіи послѣдней до окончанія войны. Эта военная сила должна получать жалованье и содержаніе на счетъ требовавшей ее стороны повсюду, гдѣ союзница захочетъ съ нею дѣйствовать, и нуждающаяся въ ней сторона должна безплатно доставлять ей хлѣбъ и фуражъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ обычно даетъ собственнымъ войскамъ. Если же оскорбленная и нуждающаяся сторона предпочтетъ военной силѣ денежную помощь, то въ такомъ случаѣ эта денежная помощь должна имѣть стоимость 20,000 голландскихъ червонцевъ въ годъ на тысячу человѣкъ пѣхоты и 26,666 голл. червон. на тысячу человѣкъ конницы на годъ, или же по соразмѣрному разсчету по-мѣсячно. Если польская Рѣчь-Посполитая предпочтетъ въ такомъ случаѣ

Польскіе патріоты на первыхъ порахъ послѣ заключенія этого договора были въ восторгѣ; имъ казалось, что теперь Рѣчь-Посполитая вдругъ стала изъ слабой державы сильною, и смѣлѣе стали отпускать на счетъ Россіи колкости и угрозы, даже самому Штакельбергу въ глаза, думая досадить ему. Штакельбергъ съ обычной своею сдержанностію и мягкостію въ обращеніи сказалъ: «Императрица далека отъ всякаго мщенія и никакъ не можетъ негодовать и досадовать, если Польша въ самомъ дѣлѣ усиливается и ея правительство укрѣпляется; напротивъ, дружествен-

оказать помощь доставкою въ продовольственные магазины хлѣбнаго зерна, то его величество прусскій король согласится на это, насколько его собственныя выгоды на то дозволятъ, и тогда хлѣбъ оцѣнивается по текущимъ въ Польшѣ цѣнамъ.

4) Въ случаѣ если установленная помощь будетъ недостаточною для защиты нуждающейся стороны, то союзная просимая сторона умножитъ ее сообразно необходимости, и такое умноженіе можетъ доходить со стороны е. в. прусскаго короля до 30,000, а со стороны его величества короля польскаго и наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой до 20,000. Если же, кромѣ того, несмотря на указанное количество вспомогательнаго войска, одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ нуждаться въ пособіи всѣхъ силъ другой, тогда обѣ стороны будутъ совѣщаться о такой чрезвычайной помощи.

5) Войска, доставленныя просимою стороною, будутъ находиться подъ начальствомъ генерала командующаго арміею нуждающейся стороны, но должны оставаться въ сборѣ въ вѣдѣніи собственныхъ генераловъ и офицеровъ; они не должны быть выставляемы на опасность болѣе собственныхъ войскъ и обращеніе съ ними должно быть въ равной степени внимательное, какъ съ собственными войсками нуждающейся стороны.

6) Если какое бы то ни было государство на основаніи какихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ, будетъ присвоивать себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла польской Рѣчи-Посполитой и ея владѣній, въ какое бы то ни было время и какимъ бы то ни было образомъ, его величество прусскій король сначала употребитъ самое дѣятельное стараніе предупредить непріязненныя дѣйствія по отношенію къ такого рода притязаніямъ, но если его старанія останутся безъ успѣха, противъ Польши начнутся непріятельскія дѣйствія, то его величество прусскій король, признавая этотъ случай подходящимъ къ условіямъ союза, заступится за Рѣчь-Посполитую, сообразно содержанію четвертой статьи настоящаго договора.

7) Обѣ договаривающіяся стороны порѣшили, для обоюдныхъ выгодъ, заключить торговый договоръ, но такъ какъ такой договоръ, по своему существу, требуетъ времени, то они не хотѣли, чтобъ чрезъ то происходила задержка въ заключеніи оборонительнаго союзнаго договора, желаемаго равномѣрно обѣими сторонами, однако будутъ продолжать сношенія съ цѣлію открыть и исправить злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдній торговый трактатъ, а равнымъ образомъ для того, чтобы заключить новый договоръ, который долженъ наилучшимъ образомъ утвердить взаимныя торговыя выгоды для благосостоянія обѣихъ націй.

8) Настоящій союзнооборонительный договоръ будетъ одобренъ и ратификованъ е. в. королемъ прусскимъ и е. в. королемъ польскимъ и наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою, а потомъ достодолжнымъ порядкомъ послѣдуетъ выдача и обмѣнъ ратификацій въ продолженіи четырехъ недѣль, или ранѣе, если возможно, считая со дня подписи настоящаго трактата.

ная Россія, заботясь о сохраненіи Польши, можетъ только радоваться мѣрамъ, ведущимъ къ ея прочности.» Въ своихъ депешахъ къ Остерману Штакельбергъ выражался такъ: «Намъ нужно выигрывать время, пока окончится наша война съ Турціею; будемъ пока бросать кости на грызеніе патріотической жадности.» Что касается до Пруссіи, то заключая доворъ съ Польшею, Герцбергъ ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду на ту пору болѣе Австрію, чѣмъ Россію. Вѣрный политикѣ Фридриха II, этотъ министръ держался той системы, что Пруссія при каждомъ удобномъ случаѣ должна не допускать Австрію до возвышенія. Обстоятельства для Австріи стали тогда неблагопріятны. Война съ Турціею шла не такъ удачно какъ предполагалось. Іосифъ II своими реформами возбудилъ противъ себя разнородныхъ подданныхъ своей имперіи. Бельгія была въ открытомъ возстаніи. Чехи и венгры волновались. Шляхетство въ новопріобрѣтенной Галиціи стремилось къ возсоединенію съ Польшею. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Пруссіи выгодно было наброситься на Австрію. Люккезини устроивалъ союзъ съ Польшею; прусскій посланникъ въ Константинополѣ, Діецъ, 31 января, послѣ долгой возни съ турецкою дипломатіею, устроилъ договоръ Пруссіи съ Турціею: по этому договору, слѣдовало принудить Россію уступить Турціи завоеванный Крымъ, а Австрію—Польшѣ Галицію. Герцбергъ былъ недоволенъ этимъ договоромъ; онъ обвинялъ Діеца, что тотъ превысилъ данное ему полномочіе. Герцбергу не хотѣлось выступать по-непріятельски противъ Россіи. Ему даже вообще не хотѣлось втягивать Пруссію въ дѣйствительную войну, онъ разсчитывалъ только застращать Австрію и заставить ее понести потери, съ тѣмъ, чтобы Пруссія при этомъ осталась въ выигрышѣ. За уступку Польшѣ Галиціи, отъ Австріи, прусскій министръ хотѣлъ пріобрѣсти для Пруссіи Гданскъ и Торунь; Герцбергъ сталъ умышленно тянуть ратификацію договора съ Турціею. Между тѣмъ, дѣла стали измѣняться нежданно.

Императоръ Іосифъ II умеръ 20 февраля; преемникъ его, бывшій тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ и правилъ, чѣмъ его покойный братъ. Онъ полагалъ, что преждевременныя и крутыя реформы, упорно проводимыя Іосифомъ II, могутъ довести Австрію до разложенія, а потому, тотчасъ же по принятіи правленія, началъ дѣйствовать обратно: въ Венгріи и Чехіи возвратилъ большую часть отнятыхъ Іосифомъ II привилегій дворянству и духовенству, возстановилъ старинныя учрежденія, уничтоженныя Іосифомъ II, давалъ обѣщанія и надежды такимъ же образомъ успокоить Бельгію, показывалъ себя защитникомъ стараго феодализма и кле-

рикальнаго порядка, хотя въ сущности былъ не таковъ по своимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ, и обратился къ прусскому королю съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что не желаетъ новыхъ пріобрѣтеній, довольствуясь тѣмъ, если Австрія, по отношенію къ Турціи, останется въ границахъ пожаровацкаго мира. Сначала Пруссія не довѣряла ему или показывала видъ, что не довѣряетъ: Герцбергу хотѣлось вовсе не того, чтобъ все утишилось на старинныхъ основаніяхъ, онъ домогался при всеобщемъ успокоеніи пріобрѣсти отъ Польши города. Но тутъ Англія вдругъ заговорила съ Пруссіею инымъ языкомъ и стала предлагать, чтобъ война прекратилась на основаніи statu quo. Англія была недовольна договоромъ, который устроилъ въ Константинополѣ Діецъ. Англія не противилась пріобрѣтенію Пруссіею Гданска и Торуня, но желала бы, чтобъ это произошло добровольною уступкою со стороны Польши, а вовсе не хотѣла раздувать войну на Востокѣ, въ которой она не могла получить прямыхъ выгодъ и должна была тратиться и трудиться на пользу Пруссіи, въ качествѣ ея союзницы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, Герцбергъ пытался склонить Австрію путемъ переговоровъ на уступку Польшѣ хоть части Галиціи, съ тѣмъ, чтобы за это Польша уступила Пруссіи Гданскъ и Торунь, или по крайней мѣрѣ хоть Гданскъ. Леопольдъ былъ непреклоненъ и стоялъ за statu quo. Старанія прусскаго посланника при австрійскомъ дворѣ, Якоби, остались напрасными. Австрійскій министръ Кауницъ былъ еще непреклоннѣе своего государя и изъявлялъ готовность воевать съ Пруссіею, если послѣдней угодно. «Мы вамъ не мѣшаемъ овладѣть Гданскомъ и Торунемъ — говорилъ онъ прусскому посланнику — но зачѣмъ Австрія будетъ терять изъ-за этого?»

Послѣ напрасныхъ усилій достичь желаемаго путемъ переговоровъ, Пруссія рѣшилась принять относительно Австріи угрожающее положеніе, съ цѣлію принудить ее уступить Польшѣ Галицію за Гданскъ и Торунь. Въ концѣ мая, прусскій король отправилъ войска въ Силезію, а въ іюнѣ отправился туда и самъ лично. Корпусъ генерала Калькрейта вступилъ въ Польшу для совмѣстнаго съ поляками вторженія въ Силезію.

Но Англія не допустила до непріятельскихъ дѣйствій. При ея посредствѣ, условились съѣхаться на конференцію въ Рейхенбахѣ.

Между тѣмъ поляки не оказывали желанія сдѣлать угодное своему союзнику мирнымъ путемъ, какъ хотѣла Англія. По заключеніи союзнооборонительнаго договора съ Пруссіею, сеймъ поручилъ королю Станиславу-Августу вести съ прусскимъ

королемъ переговоры о торговомъ трактатѣ. Польскій король написалъ къ прусскому собственноручное письмо. Онъ разсыпался въ похвалахъ Фридриху-Вильгельму. «Много затрудненій—писалъ онъ между прочимъ—пришлось мнѣ преодолѣть въ день 15 марта. Однако, всѣ они исчезли отъ одной мысли, что мы имѣемъ дѣло съ вами, король. Я сказалъ моему народу, что самъ лично обращусь къ вашему величеству и представлю жалобы и желанія моего народа, и сеймъ единогласно воскликнулъ: поскорѣе станемъ союзниками этого короля, истинно великаго, истинно справедливаго: онъ не употребитъ во зло наше довѣріе къ нему. Онъ, конечно, прикажетъ своимъ министрамъ поскорѣе удовлетворить справедливыя жалобы поляковъ; онъ скажетъ: желаю, чтобъ съ этихъ поръ поляки не испытывали напрасныхъ стѣсненій и лишеній; я желаю, чтобъ они были довольны, потому что они объявили себя моими союзниками».

Станиславъ-Августъ лгалъ, увѣряя Фридриха-Вильгельма, будто онъ убѣждалъ сеймъ согласиться на союзъ съ прусскимъ королемъ. Онъ, напротивъ, побаиваясь Россіи, вилялъ и держалъ себя такъ, чтобы, впослѣдствіи, когда окажется нужно, можно было увѣрять всѣхъ, что онъ былъ противъ союза съ Пруссіею. Но прусскій король зналъ это хорошо и написалъ польскому такой отвѣтъ:

«Вы просите меня быть справедливымъ, я готовъ, но прошу также ваше величество и весь польскій народъ быть съ своей стороны справедливымъ и ко мнѣ. Если вы припомните все, что происходило со времени уступки западной Пруссіи, то должны сознаться, что тягости и затрудненія, испытываемыя польскою торговлею на Вислѣ и у Балтійскаго моря, имѣютъ свое начало и источникъ въ томъ, что города Гданскъ и Торунь были исключены изъ уступки, хотя и находятся посреди западной Пруссіи. Обстоятельства въ 1775 году вынудили такую конвенцію между Пруссіею и Польшею, по силѣ которой всѣ товары, отправляемые поляками въ Гданскъ и привозимые изъ Гданска, были облагаемы тою же пошлиною двѣнадцати процентовъ со ста, какая собиралась прежде, при польскомъ владѣніи западною Пруссіею. Если въ сборѣ пошлинъ таможенные чиновники допускали нѣкоторыя злоупотребленія, то я, какъ и король, мой предшественникъ, старался по возможности, исправить ихъ, въ случаѣ, когда возникали жалобы. Сверхъ того, я приказалъ понизить таксу съ польскихъ продуктовъ на пограничной таможнѣ и уменьшить три процента транзитной пошлины со всѣхъ товаровъ, которые поляки провозятъ изъ-за границы черезъ мои земли. Кромѣ того, я сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни одинъ госу-

дарь, и чего даже самъ польскій народъ не могъ домогаться. Я снесъ сборъ пошлинъ и оплаты съ бо̀льшей части продуктовъ и товаровъ, доставляемыхъ литвинами въ мои порты Кролевецъ и Мемель, уничтоживъ таможни, которыя издавна существовали между Пруссіею и Литвою. Я полагаю, что сдѣлалъ все, и даже болѣе того, сколько отъ меня можно было требовать для облегченія польской торговли въ моихъ владѣніяхъ. Торговля эта можетъ производиться безпошлинно до моихъ портовъ Кролевца и Мемля, и съ оплачиваніемъ восьми процентовъ со ста въ моихъ приморскихъ городахъ Эльблонгѣ и Штетинѣ. Если же поляки, желая вести торговлю съ Гданскомъ, обязываются оплачивать свои товары двѣнадцатью процентами, то это естественное и неизбѣжное слѣдствіе существованія давнихъ польскихъ пошлинъ конвенціи 1775 г. и положенія города Гданска. Нельзя по справедливости требовать отъ меня, чтобъ я допустилъ къ такому же тарифу и къ такимъ же льготамъ, какими пользуются мои собственные города, такой городъ, который окруженъ моими владѣніями и не принадлежитъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что контрабанда его жителей и представленія объ этомъ магистрату мнѣ причиняютъ много хлопотъ. Я понимаю, что польскій народъ отъ этого терпитъ, но въ этомъ его собственная вина, а не короля прусскаго, и онъ долженъ былъ бы вспомнить, что не менѣе терпѣлъ и отъ монополіи города Гданска, который присвоивалъ ее еще при польскомъ владычествѣ надъ прусскимъ краемъ, съ ущербомъ прусскихъ городовъ. Это неудобство для торговли поляковъ по Вислѣ не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока города Гданскъ и Торунь останутся отдѣленными отъ моей территоріи, и въ особенности первый изъ этихъ городовъ. Для устраненія такихъ вредныхъ условій, не видя иного средства, я приказалъ предложить вашему величеству и почтенному сейму учинить со мною новую сдѣлку, по которой бы я мо̀гъ уменьшить установленный на Вислѣ двѣнадцати-процентный сборъ на такую цифру, которою народъ польскій могъ быть доволенъ, а потому желалъ, чтобы въ вознагражденіе большихъ убытковъ, долженствующихъ произойти отъ этого въ моихъ доходахъ на таможняхъ, была мнѣ уступлена власть надъ городами Гданскомъ и Торунемъ, принадлежащими, по естественному положенію, къ территоріи западной Россіи и при уступкѣ послѣдней оставленными за Польшею по частнымъ и маловажнымъ причинамъ. Я полагалъ, что сдѣлавши такое предложеніе, я избѣгну несправедливаго обвиненія въ жадности и въ желаніи неправаго завладѣнія, пото̀му что города Гданскъ и Торунь находятся посреди моей территоріи и власть надъ ними прилич-

нѣе всего владѣтелю Западной Пруссіи, и союзнику Польши, который, увеличивая свои силы, сдѣлаетъ ихъ полезными какъ Пруссіи, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Польшѣ; притомъ же обладаніе этими городами не приноситъ никакой пользы, а напротивъ мѣшаетъ Польшѣ и отягощаетъ ея торговлю установленными пошлинами. Я же, безъ пріобрѣтенія Гданска и Торуня, не могу уменьщить этихъ пошлинъ; иначе, я понесу убытка въ годовомъ доходѣ до двухсотъ тысячъ талеровъ. Если бы ваше величество понесли какіе-нибудь убытки въ своемъ годовомъ доходѣ, то, конечно, старались бы вознаградить ихъ для себя. Я не считалъ себя вправѣ надѣяться, чтобъ сеймъ, такимъ образомъ, принялъ мое предложеніе, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобъ государь просвѣщенный и добрый патріотъ сталъ сопротивляться этому, какъ поступили ваше величество. Признаюсь, я ожидалъ другого пріема отъ сейма и потому, какъ скоро увидѣлъ, что предложеніе, въ сущности полезное для Польши, непріятно вашему величеству и сейму, тотчасъ приказалъ моему министру Люккезини ограничиться единственно заключеніемъ союзно-оборонительнаго договора; считаю себя обязаннымъ вашему величеству за то, что предложили своему народу заключеніе этого договора, и вмѣняю себѣ въ честь быть союзникомъ такого благороднаго и мужественнаго народа.

«Не сомнѣваюсь, что этотъ народъ пойметъ, что́ я для него сдѣлалъ, и что́ мнѣ еще остается сдѣлать для пользы и выгоды обѣихъ сторонъ. Если ваше величество желаете отъ меня дальнѣйшихъ соглашеній относительно торговли, я не замедлю содѣйствовать этому со всѣмъ моимъ доброжелательствомъ, но надѣюсь, что съ польской стороны будетъ такая же уступчивость и отъ меня не станутъ требовать того, что́ не умѣстно по самой природѣ вещей даже для самого польскаго народа. Я согласенъ на пересмотръ существующаго торговаго договора и на учиненіе новаго, съ увѣренностію, что скоро будетъ понято, что предложенное мною вознагражденіе мнѣ за уменьшеніе значительной пошлины остается и будетъ оставаться единственнымъ средствомъ къ возрожденію торговли польскаго народа, и что я требовалъ себѣ не уступки, а обмѣна, приносящаго Польшѣ выгоды. Этотъ обмѣнъ уменьшилъ бы мои доходы, но послужилъ бы мнѣ къ загражденію входа въ мои владѣнія и способствовалъ бы моему усиленію, а тѣмъ самымъ далъ бы мнѣ возможность сдѣлаться полезнѣйшимъ союзникомъ Польши. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало войти въ эти подробности и предложить вашему величеству соображенія, которыя въ Варшавѣ не были приняты съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ бы слѣдовало.»

Фридрихъ-Вильгельмъ, такимъ образомъ, давалъ знать поля-

камъ, что ему, во что бы то ни стало, хочется пріобрѣсть Гданскъ и Торунь, и, безъ уступки этихъ городовъ для Польши, ничего не выйдетъ изъ заключеннаго союзно-оборонительнаго договора: англичане, подсмѣиваясь надъ нимъ, называли его договоромъ волка съ бараномъ.

Станиславъ-Августъ продолжалъ вилять: въ бесѣдахъ съ людьми нерасположенными къ Пруссіи, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ дѣлать уступокъ Пруссіи, а въ своихъ интимныхъ письмахъ къ Букатому дѣлалъ соображенія, что Польшѣ приходится уступить Пруссіи по крайней мѣрѣ одинъ Гданскъ безъ Торуня, но съ тѣмъ, чтобы король прусскій снялъ обременительныя пошлины и сверхъ того отдалъ Польшѣ часть торунской территоріи, захваченной покойнымъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, да сверхъ того, чтобъ содѣйствовалъ Польшѣ въ пріобрѣтеніи отъ Австріи Галиціи. Люккезини, освѣдомившись, что Станиславъ-Августъ однимъ говоритъ то, а другимъ иное, замѣтилъ ему въ глаза, что сестры королевскія имѣютъ надъ королемъ вліяніе. «Я глава и первый гражданинъ Рѣчи-Посполитой—сказалъ король—я обязанъ наблюдать какъ торговыя, такъ и политическія выгоды моей націи. Не скрою отъ васъ: меня безпокоитъ то, что, не получивъ отъ васъ торговыхъ выгодъ, мы подвергаемся опасности отъ императорскихъ дворовъ». Этимъ онъ давалъ знать, что понимаетъ безплодность политическаго договора Польши съ Пруссіею, потому что Пруссія не станетъ защищать Польши въ случаѣ опасности, не получивъ отъ нея желаемаго по торговому договору. Люккезини, утѣшая его, сказалъ: «У Пруссіи достаточно войска, чтобъ заступиться за Польшу и защитить ее отъ опасностей».

Польскіе обыватели продолжали испытывать тягость положенія, въ какомъ находилась Польша относительно Пруссіи. Литвины подали на сеймъ жалобу и изложили въ ней, что прусскій король своими распоряженіями въ Кролевцѣ стѣсняетъ ввозъ хлѣба, и отъ этого литовскіе землевладѣльцы несутъ потери доходовъ. Письмо прусскаго короля къ польскому, прочитанное въ Избѣ въ засѣданіи 7 іюля, возбудило неблагопріятныя для прусскаго короля замѣчанія. О пониженной имъ пошлинѣ съ транзитныхъ товаровъ говорили, что это совсѣмъ не благодѣяніе для поляковъ, что и полпроцента было бы достаточно. Вопреки обѣщаніямъ понизить пошлины на форданской таможнѣ, заявленнымъ Люккезини при заключеніи союзно-оборонительнаго договора, тамъ явились такія распоряженія, которыя еще болѣе обременяли торговлю. Плывшимъ по Вислѣ польскимъ судамъ отказывали въ билетахъ для проплытія въ Гданскъ и на-

правляли ихъ на Эльблонгъ (Эльбингенъ). Прусскій король въ своемъ письмѣ называлъ двѣнадцатипроцентную пошлину старинною, существова вшеюеще при польскомъ обладаніи Западною Пруссіею, а члены сейма замѣчали, что такой пошлины прежде не было. «Прусскій король — говорили послы — желаетъ Гданска и Торуня потому, что эти города принадлежатъ Западной Пруссіи, а Западная Пруссія его владѣніе. А что же это за владѣніе? Развѣ это древнее владѣніе? Это печальное слѣдствіе раздѣла, эпохи, о которой воспоминаніе тяжело и нестерпимо для Рѣчи-Посполитой.» Вся Изба, за исключеніемъ самыхъ отъявленныхъ обожателей Пруссіи, была тогда противъ отдачи городовъ.

Тогда патріоты приписывали неудачу заключенія торговаго договора съ Пруссіею русскимъ интригамъ и говорили, что для спокойствія Рѣчи-Посполитой слѣдовало бы удалить изъ Варшавы русскаго посланника и не принимать его вовсе. Такимъ образомъ, ярые сторонники Пруссіи опять готовы были вызывать Россію на войну. Но въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ находились со Штакельбергомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ: маршалъ Потоцкій входилъ съ нимъ даже въ соображеніе о выгодахъ, какія извлечетъ Польша изъ союза съ Пруссіей. «Вотъ — говорилъ онъ—дѣло политической мудрости! Этотъ оборонительный союзъ съ Пруссіей навсегда пресѣкъ Пруссіи путь къ расширенію границъ ея на счетъ Польши, и Польша перестанетъ быть цѣлью ея политическихъ спекуляцій». — «Вы очень обманываетесь, —говорилъ Штакельбергъ: —какой пользы вы можете ожидать отъ Пруссіи, пока Висла въ ея рукахъ. Разрушенія вашей торговли? Развѣ не видите, что ваше обнищаніе будетъ обогащеніемъ Пруссіи. Сложная организація этого государства не можетъ себя поддерживать иначе, какъ уменьшая цѣнность польскихъ произведеній, съ цѣлью обогатить свои магазины дешевой цѣной, а потому она будетъ всегда поддерживать высокія пошлины, которыя вамъ будутъ приносить разореніе.» Штакельбергъ смѣялся надъ политическими соображеніями поляковъ и не давалъ вѣса никакимъ союзамъ Польши съ кѣмъ бы то ни было. Въ апрѣлѣ, когда, повидимому, близко подходило къ тому, что могла возникнуть вражда между Пруссіею и Австріею, Штакельбергъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «нужно только денегъ, да вступленія русскаго корпуса въ польскія владѣнія, и въ Польшѣ составится конфедерація противъ Пруссіи за Австрію».

Въ іюнѣ, прусскій король стоялъ въ воинственномъ строѣ въ Шенвальдѣ, а между тѣмъ въ Рейхенбахѣ собрались прусскіе и австрійскіе дипломаты на совѣщанія при посредствѣ пословъ англійскаго и голландскаго. Тамъ на конференціи съ ав-

стрійскими уполномоченными, Шпильманомъ и графомъ Рейсомъ, Герцбергъ объявилъ, что Пруссія желаетъ пріобрѣсти Гданскъ и Торунь, съ ихъ округами и сверхъ того земли за рѣкою Оброю, отъ ея впаденія въ Варту до предѣловъ Силезіи, и округъ между Нотецою и Вартою до Оборника, а оттуда, по прямой линіи къ Торуни или до впаденія въ Вислу Древеницы; Герцбергъ считалъ на этомъ пространствѣ 120,000 жителей и до 600,000 талеровъ доходу. Отъ Австріи требовали уступки для Польши куска Галиціи, заключавшаго 300,000 жителей и приносившаго 343,000 гульденовъ доходу. Сверхъ того домогались возвращенія Бохни и Велички. Австрійскіе уполномоченные послали въ Вѣну спрашивать рѣшенія. Между тѣмъ пріѣхалъ Люккезини и сообщилъ королю, что поляки ни за что не хотятъ отдавать городовъ. Прусскій король сильно разсердился на поляковъ, упрекалъ ихъ въ неблагодарности, и рѣшился не требовать болѣе отъ Австріи никакихъ уступокъ и соглашался, чтобы все оставалось in statu quo, какъ было до войны съ Турціей. На этомъ, къ досадѣ Герцберга, покончились Рейхенбахскія конференціи. Пруское войско оказалось ненужнымъ въ Польшѣ, и генералъ Калькрейтъ получилъ приказаніе воротиться въ Пруссію. Рейхенбахскій конгрессъ принесъ Польшѣ только ту временную выгоду, что съ тѣхъ поръ Россія принуждена была вести войну съ Турціею одна, безъ Австріи. Герцбергъ не терялъ однако надежды пріобрѣсти Гданскъ и Торунь. «Хотя бы—говорилъ онъ — эти города прикованы были къ облакамъ, все-таки они должны были оторваться и достаться Пруссіи». Маркизъ Люккезини замѣчалъ, что если поляки не понимаютъ своего положенія и путемъ дружелюбнаго согласія отъ нихъ нельзя ничего выиграть, то удобнѣе будетъ доставить Пруссіи желаемое пріобрѣтеніе посредствомъ соглашенія съ императорскими дворами. Такимъ образомъ, союзно-оборонительный договоръ съ Пруссіею не принесъ пока Польшѣ ничего: Польша, желая себѣ покровительства, помощи и выгодъ отъ Пруссіи, ровно ничего не хотѣла дать послѣдней. А Пруссія отъ союза съ Польшею, кромѣ пріобрѣтенія территоріи, ничего и желать не могла.

Въ августѣ опять возникъ вопросъ объ отдачѣ городовъ. Пруссія все-таки снова давала знать, что Польшѣ необходима ея дружба, а эта дружба можетъ быть куплена только цѣною территоріальнаго пожертвованія. Гэльсъ уговаривалъ поляковъ уступить Пруссіи и доказывалъ, что Польша черезъ это не потеряетъ, а выиграетъ. Во-первыхъ, Пруссія не даромъ возьметъ эти города, а за сбавку пошлинъ; во-вторыхъ, онъ отъ имени Англіи предлагалъ Польшѣ такія выгоды, которыя сами по себѣ

покроютъ потерю городовъ: вся торговля Англіи съ Россіею перейдетъ къ Польшѣ. 10-го августа, Гэльсъ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ объ этомъ. «Вамъ извѣстно—сказалъ король—какъ назадъ тому тридцать лѣтъ ваши министры находили, что содержаніе Гибралтара сопряжено съ большими издержками, и готовы были уступить его. Испанія предлагала за него Англіи разныя выгоды, но никто изъ вашихъ министровъ не рѣшился представить этого предложенія на обсужденіе народа, зная, что народъ противъ этого».—«Я понимаю ваше сравненіе—сказалъ Гэльсъ — только мое предложеніе происходитъ не по наущенію Пруссіи, но въ силу того убѣжденія, что, пока прусскій король не овладѣетъ Гданскомъ, до тѣхъ поръ мы, англичане, не въ силахъ склонить его даровать Польшѣ торговыя льготы, а намъ онѣ нужны также, какъ и Польшѣ».—«Я не принимаю предложенія—сказалъ король—не обѣщаю выхлопотать принятія его на сеймѣ, а только предположительно спрошу васъ, можете ли вы выхлопотать намъ, чтобъ и въ Кролевцѣ, какъ и въ Гданскѣ, были уничтожены стѣснительныя постановленія для нашей торговли? Будетъ ли Голландія за одно съ вами? Даруется ли намъ свобода торговли въ Силезіи и торговый транзитъ въ Саксоніи и во всей Германіи? Примутъ ли наконецъ Англія и Голландія на себя гарантію даже до того, чтобы объявить войну прусскому королю, если онъ будетъ стѣснять нашъ транзитъ до Гданска и обратно, и вообще устраивать намъ разныя затрудненія на Вислѣ». На второй и третій вопросы Гэльсъ отвѣчалъ утвердительно, но относительно перваго и четвертаго не могъ дать рѣшительнаго отвѣта безъ предварительнаго соглашенія со своимъ дворомъ. «Англія—сказалъ онъ—дорожитъ торговлею съ Польшей, ей нужно получать дерево для судовъ и мачтъ, ленъ, коноплю, смолу, деготь и желѣзо, словомъ все, что нужно для мореходства по низшей цѣнѣ, чѣмъ эти продукты получаются изъ Россіи, съ которою Англія не хотѣла бы дружить; но торговля съ Польшею не состоится, пока прусскій король не уничтожитъ пошлинъ, пока не получитъ Гданска, вотъ почему Англія и совѣтуетъ вамъ потерять Гданскъ, который безъ того не приноситъ вамъ никакой пользы, а вы за то пріобрѣтете выгоды, какихъ не имѣли.» Король мало-по-малу склонялся къ мысли о необходимости отдать города, по крайней мѣрѣ Гданскъ. «Наша Рѣчь-Посполитая больна—говорилъ онъ на сеймѣ, и лучше ей сдѣлать ампутацію и пріобрѣсть за то дружбу сильнаго сосѣда, чѣмъ упорнымъ отказомъ возбудить въ немъ холодность, а можетъ быть и нажить въ немъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что, по близости, онъ имѣетъ возможность вступить во владѣнія

Рѣчи-Посполитой прежде, чѣмъ далекіе союзники могутъ прійти къ полякамъ на помощь. Намъ предстоитъ что̀-нибудь одно изъ двухъ, или допустить перемѣну въ судьбѣ Гданска и Торуня, или подвергать Рѣчь-Посполитую опасности разрушенія». Маршалъ Малаховскій былъ за отдачу. Игнатій Потоцкій кричалъ, что Польшѣ представляется великое счастье и надобно имъ пользоваться, пока можно уступкою двухъ городовъ купить расположеніе сильнаго сосѣда. Но большинству пословъ казалась противною и страшною одна мысль отдавать что̀-нибудь послѣ того, какъ Польшу насильно принудили къ уступкамъ по первому раздѣлу. Послы твердили, что у поляковъ есть только одинъ приморскій городъ, и ка̀къ съ нимъ разстаться: тогда все море будетъ отъ нихъ отрѣзано. Прусская партія находила смѣшными и дѣтскими такіе доводы. «Странно думать—говорили люди этой партіи—о приморскомъ городѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго государства». Были и такіе, которые были во всемъ прочемъ за одно съ Игнатіемъ Потоцкимъ, но на отдачу Пруссіи городовъ ни за что не соглашались. Наконецъ, 5-го и 6-го сентября, на сеймѣ состоялся законъ, по которому впредь запрещалось дѣлать какія бы то ни было предложенія объ уступкахъ или обмѣнахъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Этому закону назначали заранѣе мѣсто въ числѣ коренныхъ законовъ будущей конституціи. Послѣ этого долго никто не смѣлъ заикнуться объ отдачѣ Гданска и Торуня. Изъ лицъ, составлявшихъ полный комплектъ Избы, большая половина отлынула отъ дѣлъ. Въ засѣданіи было не болѣе 130 человѣкъ, и тѣхъ бо̀льшая часть слѣдовала за нѣкоторыми крикунами. Прусской партіи не удалось на этотъ разъ перекричать противныхъ ей крикуновъ. Масса пословъ не хотѣла входить въ размышленія о выгодахъ или невыгодахъ такой отдачи, а просто по чувству національнаго самолюбія волновалась при одной мысли уступать что-нибудь изъ польской территоріи.

Князь Понинскій сдѣлался тогда истиннымъ «козломъ отпущенія грѣховъ», тяготѣвшихъ на многихъ. Процессъ его тянулся до сентября 1790 года. Его выпустили изъ-подъ ареста и отдали на поруки иноврацлавскому послу Лещинскому. Когда, по поводу Гданска и Торуня, сеймъ вообще былъ раздраженъ противъ уступокъ въ чужія руки польскихъ земель, налегли на него, какъ на виновнаго въ подобномъ дѣлѣ въ былое время. Понинскій, предвидя, что ему не сдобровать, убѣжалъ снова изъ Варшавы на почтовыхъ лошадяхъ, но случилось, что тотъ самый офицеръ, который въ первый разъ упустилъ его, встрѣтился съ нимъ въ Гнѣвошевѣ, ѣдучи по дѣламъ службы, задержалъ и

доставилъ въ Варшаву. Это второе покушеніе ускорило приговоръ надъ нимъ. Черезъ нѣсколько дней, Понинскаго присудили къ лишенію всѣхъ титуловъ и шляхетскаго достоинства и къ изгнанію изъ отечества. Самое фамильное прозваніе у него было отнято. Для примѣра и назиданія современникамъ и потомкамъ, его хотѣли-было водить по варшавскимъ улицамъ при звукѣ трубъ, со всенародными возгласами: «вотъ измѣнникъ»! Но члены его семейства просили избавить ихъ фамилію отъ такого поношенія: ходатайство ихъ было уважено тѣмъ болѣе, что одна изъ сестеръ его была за братомъ курляндскаго герцога. Преступника отправили за городъ въ каретѣ, подъ прикрытіемъ военнаго караула, съ тѣмъ, чтобъ черезъ четыре недѣли его уже не было въ границахъ Рѣчи-Посполитой. Но Понинскій, какъ бы въ насмѣшку надъ судомъ и надъ цѣлымъ сеймомъ, прибылъ въ свое имѣніе не далеко отъ Варшавы, и тамъ задалъ великолѣпный пиръ, надѣвши мундиръ русскаго генерала и навѣсивъ русскіе ордена. Его осужденіе не помѣшало многимъ съѣхаться къ нему по его приглашенію; онъ все-таки былъ вельможа, покровительствуемый Россіею. Понинскій удалился въ Галицію, гдѣ у него были имѣнія.

Въ сентябрѣ, Штакельбергъ попрощался съ Польшею. Екатерина была недовольна этимъ старымъ и осторожнымъ слугою, въ особенности за совѣты примириться съ Турціею. Вмѣсто него прибылъ Яковъ Булгаковъ, бывшій посломъ въ Константинополѣ и при началѣ войны засаженный тамъ въ Семибашенный зѝмокъ. Система дѣйствій, предписанная ему, была система выжиданія и видимаго невмѣшательства. «Я мыслю—писала ему Екатерина— что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ; развѣ откроется впередъ случай такой, гдѣ съ пристойностью къ тому приступить могу, котораго не уступлю конечно». Императрица приказывала приласкать поляковъ, замѣчать: «если они сходны къ реконфедераціи и обнадеживать доброжелающихъ, но не ходить за ними и не показывать, что сіе нужно, либо на сердцѣ лежитъ». Екатерина считала поляковъ продажными, была увѣрена, что всегда можно будетъ подкупить вліятельныхъ лицъ, и оставляла рѣшеніе своихъ плановъ до будущаго времени. Наклонность къ Пруссіи она объясняла исключительно подкупомъ. «Пусть поляки поживутъ на счетъ короля прусскаго», писала она. Игнатія Потоцкаго она почитала вполнѣ продажнымъ и выражалась о немъ въ письмѣ къ Булгакову такъ: «Понеже надворный маршалъ Потоцкій, несмотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ, гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ слу-

чаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу». Россіи непріятна была связь Польши съ Пруссіею, а равно и замыслы ввести наслѣдственное правленіе. Булгаковъ долженъ былъ мѣшать и тому и другому. Канцлеръ Остерманъ объ этомъ предметѣ такія писалъ наставленія Булгакову: «Надо стараться всѣми силами, чтобы выборъ не палъ ни на котораго изъ принцевъ прусскихъ, ниже на кого либо изъ преданныхъ двору тамошнему; сего-то событія отвращеніе ея императорское величество поручаетъ бдѣнію и попеченію вашему.... И потому остерегать благомыслящихъ поляковъ и умѣющихъ о пользѣ своей разсуждать отъ такого хитраго берлинскимъ дворомъ ихъ уловленія. Вы можете изъяснить, что при выборѣ кандидата, надобнаго сему двору, Польша подвергнется тому жребію, каковый постигъ республику Голландскую, по принятіи королемъ прусскимъ въ дѣлахъ ея участія подъ предлогомъ свойства со статгальтеромъ, и надежнымъ пріятелямъ внушать словесно, коль не основательно удостовѣреніе соотчичей ихъ въ великодушіе и безкорыстіе двора берлинскаго, приводя имъ на память учиненное республикѣ о уступкѣ ему городовъ Торуня и Гданска предложеніе и всѣ происходившіе въ Рейхенбахѣ переговоры, гдѣ не столько настояло дѣло о выгодѣ его союзниковъ, сколько о распространеніи его собственныхъ областей, и хотя онъ объявилъ, что отъ требованія своего на тѣ города отрицается, однако извѣстно, что присвоеніе ихъ и нынѣ не упускаетъ изъ вида». При этомъ Остерманъ поручилъ Булгакову показать, кому нужно, письмо русскаго посланника Алопеуса въ Берлинѣ, доказывающее, что прусскій король такъ или иначе, а все-таки помышляетъ о пріобрѣтеніи Гданска и Торуня.

Булгаковъ, пріѣхавъ въ Польшу, нашелъ, что тамъ въ публикѣ господствуетъ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. «Всѣ почти чуждаются насъ — писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ; — быть врагомъ Россіи сдѣлалось модою; иной и не чувствуетъ къ ней вражды, а притворяется человѣкомъ прусской партіи». Враждебное настроеніе къ Россіи нѣсколько ослабѣло послѣ рейхенбахскаго конгресса, но осенью опять усилилось. «Причина та — писалъ Булгаковъ, — что Пруссія пожертвовала тогда 150,000 червонцевъ для раздачи посламъ, поручивъ раздавать ихъ Игнатію Потоцкому [1]). Оттого, по замѣчанію Булгакова, внезапно появилось въ Польшѣ множество прусской монеты. Поляковъ манили обѣщаніями, что Пруссія соединяется съ

[1]) Трудно рѣшить, въ какой степени справедливо это извѣстіе, не имѣвъ подъ рукою секретныхъ прусскихъ дѣлъ.

Австріею; другія европейскія страны пристанутъ къ союзу; всѣ пойдутъ на Россію за Польшу и отнимутъ у Россіи Бѣлую Русь, Кіевъ и пр. «Теперь — писалъ Булгаковъ — послы прожились и разорились, и многіе только и живутъ что прусскими деньгами; не безъ основанія можно думать, что всѣ падки на деньги и продадутъ себя тому, кто дороже заплатитъ.»

Вопросъ о наслѣдственности престола долго не смѣлъ появляться въ сеймовой Избѣ, но давно уже кружился въ обществѣ; у маршала Малаховскаго и у Игнатія Потоцкаго часто совѣщались объ этомъ. Въ началѣ 1790 года, поляки, толкуя объ этомъ вопросѣ, сами недоумѣвали, откуда онъ явился; иные говорили, что мысль эта навѣяна отъ Россіи: ее считали плодомъ честолюбивыхъ замысловъ Потемкина, которому, какъ утверждали, хотѣлось быть государемъ или княжества, составленнаго изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, или же Польши. Указывали на гетмана Браницкаго, что онъ, по свойству съ Потемкинымъ, распространялъ эту мысль. Браницкій, чтобъ снять съ себя это обвиненіе, тотчасъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ наслѣдственности. Сченсный Потоцкій и Ржевускій показали себя ярыми врагами этого замысла, и оба удалились изъ Варшавы. Ржевускій, проживая въ Дрезденѣ, напечаталъ брошюру, гдѣ порицалъ наслѣдственность и защищалъ избирательное правленіе. Браницкій распространялъ въ Польшѣ это сочиненіе въ тысячахъ экземпляровъ. Сторонники стараго порядка полагали, что мысль о наслѣдственности внушилъ Люккезини, въ надеждѣ, что поляки выберутъ на престолъ принца изъ прусскаго дома, и Пруссія такимъ образомъ современемъ, если не тотчасъ, овладѣетъ Польшею. Король Станиславъ-Августъ старался уклоняться отъ этого вопроса, а когда его наводили на разговоръ объ этомъ, то онъ соображался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и прогрессистамъ онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, упадокъ Польши начался со введеніемъ избирательнаго правленія. Штакельбергъ при всякомъ случаѣ, сообразуясь со своими инструкціями, отклонялъ короля и пановъ отъ этой мысли. Главный аргументъ его состоялъ въ томъ, что Польша никакъ не можетъ избѣжать войнъ, которыя будутъ для нея разрушительны. «Но ужъ если поляки рѣшатся ввести у себя наслѣдственное правленіе—говорилъ онъ—то пусть вводятъ не иначе, какъ съ согласія императорскихъ дворовъ, и дадутъ корону тому, на чей выборъ оба двора будутъ согласны. Штакельбергъ думалъ-было воспользоваться ссорою, которая произошла между Игнатіемъ Потоцкимъ и Казимиромъ-Несторомъ Сапѣгою и нѣсколько времени занимала весь городъ, но не успѣлъ ни въ чемъ. Люккезини такъ настроилъ пановъ-патріотовъ, что они,

если и не ладили между собою, то все-таки не выходили изъ-подъ влiянiя прусскаго посланника. Люккезини, однако, не давалъ имъ прямыхъ совѣтовъ ввести наслѣдственное правленiе и прямо говорилъ, что прусскiй король не потерпитъ его, какъ только увидитъ въ немъ небезопасность для спокойствiя Пруссiи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настраивалъ ихъ на введенiе такихъ перемѣнъ, которыя шли въ разрѣзъ съ избирательнымъ правленiемъ. Въ Петербургѣ понимали дѣло такъ, что мысль о наслѣдственности считали внушенiемъ прусскаго двора, желавшаго посадить на польскiй престолъ своего принца. Послѣ отъѣзда Штакельберга, Булгаковъ, сначала видя, что все настроено противъ Россiи, посыпалъ русскими полуимперiалами и тѣмъ открылъ себѣ путь къ дружескимъ бесѣдамъ съ послами. «Вѣдь прусскому королю — говорилъ онъ полякамъ — хочется обмануть васъ, вы отдадите ему города, онъ свое возьметъ и покинетъ васъ». Отвѣдавши русскихъ денегъ, нѣкоторые послы начали сильнѣе кричать противъ прусской жадности и двоедушiя.

Работы по разсмотрѣнiю конституцiи шли чрезвычайно вяло, и для внутреннихъ улучшенiй сеймъ не сдѣлалъ ничего. Финансы не поправлялись: обыватели не вносили исправно установленныхъ сеймомъ налоговъ. Налогъ на шкуры потерпѣлъ великое посрамленiе. По распоряженiю правительства учрежденные для этого писаря брали шкуры отъ мясниковъ и доставляли въ нарочно устроенные по городамъ сараи: постройка сараевъ, жалованье чиновникамъ, перевозка шкуръ, ихъ размѣщенiе потребовали сразу значительныхъ затратъ. Отъ плохого присмотра шкуры портились и наполняли воздухъ въ городахъ заразительнымъ смрадомъ. Отъ порчи множества шкуръ цѣны на кожевенные товары возвысились. Они вздорожали еще и оттого, что для удобства продажи изъ казны опредѣлено было продавать ихъ только тѣмъ, которые покупали не менѣе 60-ти шкуръ за-разъ. Большая часть ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкою шкуръ, были люди бѣдные и не могли дѣлать большихъ закупокъ; поэтому шкуры покупали въ казнѣ евреи и высылали ихъ за границу, или продавали по одиночкѣ очень дорого. Такимъ образомъ, дороговизна кожевенныхъ издѣлiй дошла до того, что простые мужичьи сапоги стоили никакъ не менѣе 12 злотыхъ, что по тогдашнимъ цѣнамъ было неслыханно дорого. Казна сама почувствовала скоро неудобство своихъ операцiй: войско нуждалось въ обуви, въ конской сбруѣ и вообще въ разныхъ принадлежностяхъ изъ кожи, и скарбовая коммиссiя понуждала ремесленниковъ доставлять въ войско необходимыя издѣлiя; тогда ремесленники доставляли заказы изъ дурного матерiала и отговаривались тѣмъ, что изъ

казны получаютъ испорченныя шкуры. Правительство нашло, что писаря, учрежденные для отбиранія у мясниковъ шкуръ, дѣлаютъ злоупотребленія, а это еще болѣе умножило неудобство, потому что потребовалось содержаніе новыхъ чиновниковъ. Съ дороговизною на кожи возникла дороговизна на мясо: за фунтъ платили 10 гр., скотъ, напротивъ, дешевѣлъ. Много мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ лишились средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой по разсчету прибыли десяти милліоновъ, казна не получила и трехъ; за то эта мѣра возбудила всеобщій ропотъ и негодованіе. Въ то время носилась молва, будто оставшіеся безъ куска хлѣба рабочіе производили пожары. Дѣйствительно, въ теченіи лѣта 1790 года, по всѣмъ областямъ Рѣчи-Посполитой было множество пожаровъ, но надобно принять во вниманіе, что лѣто было чрезвычайно сухое, горѣли лѣса и болота.

Установленная, 10-го сентября 1789 года, депутація для составленія проекта формы правленія подала часть своего проекта, о сеймикахъ; противъ нея поднялись голоса. Находили, что депутація не соблюдаетъ предписаній сейма. Ей предписано было изложить кардинальные законы Рѣчи-Посполитой, обязанности верховныхъ магистратуръ и ихъ отношенія между собою. Депутація умышленно проминула кардинальные законы. Это сдѣлано было потому, что въ число кардинальныхъ законовъ входило избирательное правленіе, а большинство членовъ депутаціи склонялось къ наслѣдственности. Тогда въ публикѣ болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости замѣнить избирательное правленіе наслѣдственнымъ или, какъ говорилось, ввести избирательное правленіе по фамиліямъ, а не по лицамъ. Депутація думала, что, подавая проектъ по частямъ, она успѣетъ обратить въ законъ многое касающееся управленія, а кардинальные законы оставитъ на послѣдокъ, а между тѣмъ, умы болѣе подготовятся, и освоятся съ мыслію о наслѣдственности. Но этого ей не удалось. Сеймъ предписалъ ей изготовить проектъ начиная съ кардинальныхъ правъ. Въ іюнѣ, онъ постановилъ продолжать свою дѣятельность до 1-го марта 1791 года, въ тѣхъ видахъ, что много изъ старыхъ учрежденій уничтожено, новыя еще не установлены, или не приведены въ дѣйствіе, а чтобъ не стали говорить, что сеймъ самовольно захватываетъ въ свои руки верховную власть на многіе годы, безъ воли націи, то многіе тогда заявляли мысль просить собранные сеймики выбрать новыхъ пословъ и присоединить къ старымъ, такъ, чтобы сеймъ былъ въ двойномъ числѣ. Присутствіе старыхъ въ сеймовой Избѣ представлялось необходимымъ потому именно, что много важныхъ

дѣлъ, ими начатыхъ, оставалось не оконченными; казалось благоразумнымъ, чтобъ ихъ кончали непремѣнно прежніе, которые начали, хотя и вмѣстѣ съ новыми. Въ августѣ, депутація для составленія проекта формы правленія подала вновь свой проектъ и прибѣгла къ другого рода увертвѣ. Ей предписывали начать съ кардинальныхъ правъ, но сдѣлать такъ значило заранѣе объявить кардинальными правами такіе законы, которыхъ измѣненія они домогались, поэтому она представила конституціонныя права, обозначивъ въ рубрикѣ: права конституціонныя, въ число которыхъ входятъ и кардинальныя. Такимъ образомъ, депутація предоставляла сейму порѣшить, что признавать кардинальнымъ; между тѣмъ по дѣламъ, касающимся, такъ-называемыхъ, конституціонныхъ законовъ необходимо было двухъ третей голосовъ, для измѣненія же кардинальныхъ нужно было единогласіе. При извлеченіи кардинальныхъ законовъ изъ представленной массы конституціонныхъ, выступилъ наружу вопросъ объ избирательности и наслѣдственности престола, и сдѣлался предметомъ преній. Но потомъ оставили его и начали заниматься другими, составлявшими также сущность кардинальныхъ законовъ. Въ сентябрѣ коснулись религіи. Сперва сеймъ рѣшилъ принять господствующими три вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-уніятское и дизунитское (православное); но черезъ нѣсколько дней, 25 сентября, сеймъ сдѣлалъ измѣненіе, призналъ господствующею одну римско-католическую религію обоихъ обрядовъ: латинскаго и греко-славянскаго; православная религія наравнѣ съ протестантствомъ допускалась только въ качествѣ терпимой. Одинъ изъ кардинальныхъ законовъ долженъ былъ опредѣлить, должна ли законодательная власть Рѣчи-Посполитой сосредоточиваться исключительно въ шляхетскомъ сословіи? Тогда отъ прогрессивной партіи послѣдовало новое домогательство даровать городамъ право посылать представителей, но еще разъ было отвергнуто. Такое неблагопріятное для городовъ настроеніе произошло также и оттого, что въ Варшавѣ въ это время случились безпорядки. Какой-то портной поймалъ на улицѣ шедшаго съ работой еврея, не записаннаго въ цехъ и слѣдовательно, не имѣвшаго права заниматься ремесломъ. Онъ потащилъ его въ цехъ. Евреи стали отбивать своего единовѣрца и прибили портного. Тогда толпа ремесленниковъ бросилась на евреевъ, грабила ихъ домы и бросала въ колодцы ихъ пожитки. Городская маршалковская стража бросилась унимать свалку, мѣщане прогнали ее и кидали на нее каменьями, это дало на сеймѣ поводъ указывать неодобрительно на мѣщанское сословіе вообще и находить, что мѣщане недостойны чести, какую имъ хочетъ дать прогрессивная партія.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ домѣ маршала Малаховскаго, а также и въ собраніяхъ, бывшихъ у разныхъ пословъ, членовъ сейма, разговоры и пренія всѣ сходились къ одному вопросу о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе? Сторонниковъ наслѣдственнаго становилось все болѣе и болѣе, но между ними еще не составлялось единогласія, относительно выбора лица, достойнаго открыть рядъ наслѣдственныхъ польскихъ королей. Игнатій Потоцкій расположенъ былъ отдать польскую корону прусскому принцу или даже самому прусскому королю. Однажды, находясь въ домѣ княгини Сангушковой, гдѣ часто собирались лица высшаго круга, Потоцкій проповѣдуя свои идеи говорилъ: «Ахъ, если бы намъ убѣдить прусскаго короля принять польскую корону; это трудно, потому что онъ боится отважиться на войну, которая послѣдуетъ съ Россіею и Австріею. Ахъ, если бы можно было успѣть въ этомъ! Вотъ былъ бы наилучшій для насъ исходъ. Польша соединилась бы съ Пруссіею, какъ нѣкогда соединилась съ Литвою, съ равнымъ правомъ, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, покупать въ Польшѣ и Пруссіи имѣнія, занимать мѣста и должности, съ открытіемъ свободной торговли между обѣими соединенными странами. Можно, мнѣ кажется усыпить Россію и Австрію, дозволя имъ расширить свои владѣнія насчетъ Турціи, а со временемъ, когда мы окрѣпнемъ, можно будетъ войной отнять тѣ земли, которыя отъ насъ отторгнули эти государства. Европа не будетъ препятствовать соединенію Пруссіи съ Польшей. Напротивъ, царствующій въ Европѣ духъ свободы встрѣтитъ хорошо идею соединенія двухъ государствъ подъ конституціоннымъ правленіемъ». Ему замѣчали, что невозможно согласить на это польское дворянство. «Правда— отвѣчалъ Потоцкій—но въ крайнемъ случаѣ мы поднимемъ мѣщанъ и освободимъ крестьянъ». Но слова остались словами. Дѣло было черезъ-чуръ трудное, и самъ Потоцкій остановился бы, когда бы встрѣтился въ области дѣла съ тѣмъ, что льстило его воображенію. Надобно было, во-первыхъ, принять во вниманіе, что прусскій король былъ протестантъ и по отношеніямъ, привязывавшимъ его къ своей наслѣдственной странѣ, не могъ сдѣлаться католикомъ; этого уже было достаточно, чтобы поляки отвергли его кандидатуру; во-вторыхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ властвовалъ въ своемъ государствѣ неограниченно, и ужъ конечно былъ склоненъ скорѣе въ Польшѣ властвовать такимъ же образомъ, чѣмъ вводить въ свое государство что-нибудь новое, похожее на польское, какъ того хотѣлъ Потоцкій, выражаясь о соединеніи Польши и Пруссіи подъ однимъ конституціоннымъ правленіемъ. Что же ка-

сается до поднятія мѣщанъ и крестьянъ, то на это недостало бы у Игнатія Потоцкаго дѣятелей; а если бы возможно было начать такое волненіе, то оно ничего не подѣлало бы противъ организованныхъ войскъ сосѣднихъ государствъ, которыя тотчасъ бы наводнили Польшу.

Другіе говорили, что Польшѣ лучше всего слѣдуетъ пріобрѣсть союзъ съ сильной Англіей, и выбрать въ наслѣдственные короли англійскаго принца. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось самымъ здравымъ предположеніемъ, но оно не имѣло за собою популярности; не находилось охотниковъ взяться энергически за эту мысль. Притомъ было два препятствующихъ обстоятельства: во-первыхъ, англійскому принцу надобно было перемѣнять вѣру, во-вторыхъ, онъ былъ бездѣтенъ. Король Станиславъ-Августъ думалъ еще объ одномъ кандидатѣ — о внукѣ Екатерины; объ этомъ у него, какъ кажется, и было говорено съ государынею еще въ Каневѣ, но въ тѣ времена трудно было рѣшиться заговорить объ этомъ, да и король сталъ не тотъ, что былъ прежде. Большинство склонялось къ выбору въ преемники Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя, родственника покойнаго польскаго короля Августа III, католика по вѣрѣ, знавшаго даже по-польски. Этотъ принцъ болѣе чѣмъ всякій другой казался подходящимъ; притомъ поляки думали, хотя ошибочно, что берлинскій дворъ не будетъ препятствовать его выбору; даже тѣ, которые ни за что не хотѣли наслѣдственнаго правленія, готовы были признать его преемникомъ Станиславу-Августу, въ качествѣ будущаго избирательнаго короля. Когда объ этихъ вопросахъ толковали у Малаховскаго, то казалось, дѣло о наслѣдственности брало верхъ. Подъ вліяніемъ хлѣбосольства послы снова потакали рѣчамъ о преимуществѣ наслѣдственнаго правленія; другіе, покрайней мѣрѣ, уклонялись отъ рѣзкихъ возраженій, но какъ скоро начали говорить объ этомъ въ сеймовой Избѣ, тотчасъ оказывалось, что большинство стоитъ за сохраненіе старины. Какъ лучшій и законнѣйшій исходъ этого дѣла, предлагали обратиться къ народу съ вопросомъ о преемничествѣ и спросить на сеймикахъ все польское шляхетство, желаетъ ли оно назначить преемникомъ Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя Фридриха Августа. Противъ этого стали-было возражать, что такое обращеніе несообразно съ законами государства, недозволявшими открывать сеймиковъ въ то время, когда сеймъ собранъ или находится въ дѣйствіи. Брестскій посолъ Матушевичъ далъ такую мысль: надобно прекратить дѣятельность сейма на ту пору, когда соберутся сеймики, и въ такомъ случаѣ нужно считать сеймъ распущеннымъ. Предложили выбрать на сеймикахъ новыхъ пословъ и на сеймъ,

и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить на дальнѣйшій срокъ представительство за старыми такъ, чтобы сеймъ отправлялся двойнымъ числомъ голосовъ. Король согласился на это изъ первыхъ, и вообще старался въ то время заслужить расположеніе прогрессивной партіи, не объявляя впрочемъ себя рѣшительно за наслѣдство, и постоянно твердя, что онъ соображаетъ свои убѣжденія съ волею народа.

Кіевскій посолъ Трипольскій, говоря противъ намѣренія назначать польскому королю преемника при жизни царствующаго лица, привелъ анекдотъ о каноникѣ, который заранѣе составилъ завѣщаніе въ пользу своихъ родныхъ и служителей, а они за это ускорили его кончину. «Я люблю отечество болѣе самого себя и потому не боюсь ничего подобнаго», сказалъ король, и заслужилъ одобреніе прогрессистовъ за хорошую фразу. Послѣ восьмидневныхъ споровъ и горячихъ криковъ, наконецъ, 20 сентября, порѣшили открыть сеймики для выбора новыхъ пословъ, которые бы составляли сеймовую Избу вмѣстѣ съ прежними, и предложить къ обсужденію и рѣшенію вопросъ въ такой формѣ: можно ли при жизни настоящаго короля избрать ему преемника въ особѣ князя-избирателя. Нѣкоторые прогрессисты долго боялись этого; они знали, что̀ такое польскіе сеймики, какъ легко ими руководить богатымъ и ловкимъ панамъ, и какъ крѣпко укоренена была въ шляхетствѣ рутина старо-польской вольности, но потомъ на эту мѣру согласились съ большинствомъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, эта мѣра послужитъ въ пользу и имъ, какъ противникамъ: и они со своей стороны имѣли въ виду разъѣхаться по воеводствамъ, и настраивать сеймики на свою сторону. Формула вопроса о преемникѣ составлена уклончиво: спрашивали только о преемничествѣ, а никакъ не о наслѣдственности; такимъ образомъ можно было въ нѣкоторыхъ воеводствахъ настроить сеймики до того, чтобы они сами, какъ будто по своему произволенію, потребовали наслѣдственнаго правленія; въ другихъ же если не скажется объ этомъ ничего ни за, ни противъ, то потомъ можно будетъ на сеймѣ установить наслѣдство, опираясь на то, что нѣсколько сеймиковъ заявили желаніе, а другіе не заявили своего нежеланія. Такимъ образомъ, маршалъ сейма отъ 8 октября издалъ универсалъ о собраніи сеймиковъ на 16-е ноября, а сеймъ закрывался до 16 декабря, когда долженъ былъ открыться съ двойнымъ числомъ пословъ. Въ универсалѣ не только не было ничего о наслѣдствѣ, но ясно было заявлено, что избирательное правленіе останется ненарушимымъ.

Такое послѣднее рѣшеніе было противоположно совѣтамъ саксонскаго министра Эссена, который говорилъ полякамъ: «установите прежде твердый порядокъ правленія, потомъ уже выби-

райте преемника, потому что вашимъ сосѣдямъ, особенно Россіи, въ вашихъ реформахъ непріятнѣе всего то, что вы пытаетесь вводить наслѣдственное правленіе; избѣгайте преждевременно раздражать сильныхъ, пока вы сами не усилились.» Но полякамъ казалось, что они достаточно сильны: уже они заручились союзомъ съ Пруссіею, посланникъ польскій въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій, заключилъ въ концѣ года договоръ съ Турціею. Въ немъ, кромѣ статей въ сущности не важныхъ, были три статьи такого содержанія: такъ какъ Россія захватила владѣнія Порты и Польши, и Порта ведетъ войну съ Россіею, то Польша въ согласіи съ прусскимъ королемъ, который со своей стороны нападетъ на Россію, будетъ всѣми силами вести противъ Россіи войну. Ведущія взаимно войну государства будутъ сообщать другъ другу военныя операціи и направленія своихъ войскъ, какъ условились между собою Порта и Пруссія. Обѣ договаривающіяся стороны не будутъ заключать ни перемирія, ни мира безъ предварительнаго сообщенія прусскому королю и безъ участія этого государя, но будутъ продолжать войну неутомимо, пока оба государства, Порта и Польша, не получатъ отъ Россіи полнаго удовлетворенія, и пока при участіи прусскаго короля не будетъ заключенъ постоянный и твердый миръ; если же послѣдній не состоится, то оба государства никакъ не перестанутъ вести войну противъ Россіи. Прусскій король, какъ союзникъ Польши и Порты, приглашается обѣими договаривающимися сторонами приступить къ настоящимъ условіямъ, почему настоящій договоръ и сообщался прусскому министру, находящемуся въ Константинополѣ.

Понадѣявшись на заключенный прежде оборонительный союзъ Пруссіи съ Портою, Потоцкій впуталъ въ свой договоръ прусскаго короля; а между тѣмъ прусскій король уже измѣнилъ свои планы, прекратилъ недоразумѣнія съ Австріею и сближался съ Россіею: послѣдняя, будучи принуждена воевать противъ Турціи одна, соглашалась на примиреніе при посредствѣ Пруссіи. Прежній другъ Польши, Люккезини, отправился въ Турцію примирителемъ и хлопоталъ о томъ, что̀ шло въ разрѣзъ съ желаніями и видами Польши. Онъ уговаривалъ турокъ уступить требованіямъ Россіи. Въ видахъ Пруссіи было устроить этотъ миръ для того, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ Россіею пріобрѣсть на счетъ Польши тѣ выгоды, которыхъ Пруссія не могла получить добровольно по причинѣ упрямства поляковъ; не зная этого, поляки хлопотали о продолженіи войны, мечтали не только обезопасить отъ Россіи свое государство, но напомнить «москалямъ» былыя побѣды, унизить, наказать, потоптать враждебную Москву. Этотъ договоръ съ Портою сдѣлался впослѣдствіи самымъ благовиднымъ

предлогомъ для Россіи. Россія не показывала непріязненныхъ дѣйствій къ Польшѣ, вывела свои войска изъ польскихъ владѣній по требованію сейма, удерживалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Екатерина предвидѣла, что поляки сами объявятъ ей вражду. Ожидать пришлось недолго. Безсильная держава легкомысленно задирала сильную и, конечно, должна была ожидать себѣ за то возмездія.

VIII.

Варшавское общество и нравы во время сейма [1]).

Характеръ сейма — медленность въ работахъ, широкіе замыслы и узкое пониманіе способовъ ихъ осуществленія, богатство затѣй и скудость средствъ, мало дѣла и много словъ, все — чѣмъ отличался тогдашній сеймъ, шло какъ нельзя болѣе въ уровнѣ съ образомъ жизни пословъ за предѣлами сеймовой Избы и съ характеромъ общества тогдашней польской столицы. Живой и легкій нравъ поляковъ располагалъ ихъ къ тому, чтобы начинать и не кончать, спѣшить къ цѣли и внезапно останавливаться на полдорогѣ, и, главное, убѣгать тяжелаго труда, когда послѣдній долженъ былъ смѣнять краснорѣчіе. У поляковъ всегда, гдѣ только собиралось большое общество, являлись кутежи, пиры и битье въ баклуши. Никогда еще Варшава не видала въ стѣнахъ своихъ такого стеченія шляхетства, и никогда не предавалась съ такою забывчивостью широкому разгулу. Въ прежнія времена Варшава не славилась шумнымъ обществомъ; паны не любили жить въ столицѣ, какъ и вообще польское дворянство не жаловало городовъ. Дѣдовскія привычки располагали пановъ предпочитать городамъ свои наслѣдственные палаццы въ имѣніяхъ, гдѣ жилось имъ такъ весело; если же кто чувствовалъ однообразіе такой жизни, тотъ ѣхалъ не въ польскій городъ и не въ польскую столицу, а куда-нибудь во Францію, или Италію, гдѣ поляки своею расточительностью и податливостью всякому надувательству произвели даже пословицу: «far viaggio alla Polacca» — странствовать по-польски. Только во время сеймовъ, въ продолженіи шести недѣль, Варшава оживлялась, когда съѣзжались туда послы, а за ними всякіе любопытные обыватели и евреи, которымъ только въ это время дозволялось торговать въ Варшавѣ; отовсюду привозились товары для прельщенія пан-

[1]) См. Источники: № 117, 118, 89, 80. 75, 47.

скихъ глазъ. Неудивительно, что вообще Варшава, въ былыя времена, казалась скучнымъ и заброшеннымъ городомъ. Съ Августа III, она начала мало-по-малу оживляться, но блистательное ея положеніе наступило при Станиславѣ-Августѣ. Городъ расширялся, пролагались цѣлыя новыя улицы, воздвигались зданія за зданіями, обновлялись ветхія и пришедшія въ упадокъ отъ долгаго небреженія. Заброшенный дворецъ Яна-Казимира, на Краковскомъ предмѣстьи, былъ возобновленъ, украшенъ и отданъ подъ корпусъ кадетъ. Королевскій замокъ, на который мало обращали вниманіе при Августахъ, жившихъ больше въ Дрезденѣ, былъ отдѣланъ, наряженъ и украшенъ картинами художниковъ, пользовавшихся покровительствомъ польскаго короля. Построены красивыя казармы для гвардіи и артиллеріи. Явилось нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей: кармелитскій монастырь, двѣ протестантскія церкви и уніятскій монастырь на Медовой улицѣ; выстроено зданіе публичнаго театра на площади Красинскихъ; за городомъ распространенъ дворецъ въ Бѣлянахъ и построены великолѣпныя Лазенки съ прекраснымъ садомъ: король особенно объ нихъ заботился. Подражая ему, паны начали поправлять свои палаццы и воздвигать новые; сдѣлалось модою содержать ихъ въ столицѣ, щеголять ими и проживать въ нихъ отъ времени до времени, расточая свое гостепріимство. Такой характеръ Варшавы дошелъ до своего апогея въ эпоху конституціоннаго сейма; какъ будто чувствуя, что надъ Польшей виситъ роковой приговоръ судьбы, всѣ спѣшили пожить, какъ можно необузданнѣе и размашистѣе; всеувлекающее, всеопьяняющее веселье охватило польскую столицу.

Если мы перенесемся воображеніемъ въ Варшаву конца XVIII вѣка, то не найдемъ въ ней того европейскаго образа, который дѣлаетъ ее теперь похожею на всѣ вообще столицы и большіе города Европы. Несмотря на важныя улучшенія во времена Станислава-Августа, она все еще усѣяна была бѣдными деревянными постройками съ гонтовою крышею, нерѣдко снабженною живописными щелями, обросшими травою, которыя хозяева отъ бѣдности и безпечности не могли починить. Такимъ образомъ, улица Новый-свѣтъ, составляющая продолженіе Краковскаго предмѣстья, красивѣйшей части города, въ то время еще вся почти состояла изъ такихъ зданій. Такъ-называемое «Старое-Място» наполнено было каменными строеніями съ виду поразительно грязными, обыкновенно въ два этажа, но иногда и въ три; дома эти принадлежали торговому классу, внизу были погреба и лавки, вверху лишніе покои отдавались въ наёмъ, и здѣсь гнѣздилась бѣдность и нечистота. Всѣхъ улицъ, большихъ

и малыхъ, считалось тогда 190, но изъ нихъ не болѣе десяти были порядочно вымощены; на остальныхъ, если и была мостовая, то въ такой степени дурно устроенная и плохо содержимая, что скорѣе препятствовала ѣздѣ, чѣмъ способствовала ея удобствамъ. Осенью и во время большихъ дождей, грязь была невылазная; — переходить улицы можно было не иначе, какъ въ большихъ сапогахъ. Впрочемъ, сколько-нибудь зажиточный полякъ не ходилъ по городу, а ѣздилъ въ экипажѣ, или верхомъ, стараясь при этомъ щегольнуть лошадьми. Отъ этого, во время конституціоннаго сейма, въ Варшавѣ была такая безпрерывная ѣзда, что лошадей могло казаться на улицѣ больше, чѣмъ людей, въ особенности потому, что если какой-нибудь господинъ подумаетъ погарцовать по улицамъ столицы верхомъ, то за нимъ ѣхало три, четыре гайдука, а когда выѣзжала знатная дама въ каретѣ, то ее везли восемь и даже двѣнадцать лошадей. Варшавскіе модники, сверхъ того, любили щеголять гоньбою во весь духъ въ кабріолетахъ, запряженныхъ превосходными лошадьми, которыми они въ такомъ случаѣ управляли сами безъ кучера, представляя изъ себя подобіе древнихъ римскихъ авригъ; даже дамы отваживались прокатиться въ такихъ кабріолетахъ и сами управляли иногда шестью, а иногда и восемью лошадьми. Этимъ отличались особы высшаго круга; иногда барыни невысокаго полета, и даже мѣщанки, задумывали тоже дѣлать, но часто имъ это вовсе не удавалось, и лошади у нихъ были хуже, и сами онѣ не имѣли такой ловкости. Зимою такимъ образомъ катались по городу на саняхъ разнообразной конструкціи, съ яркими украшеніями изъ серебра и даже золота, и съ малиновыми или голубыми сѣтками, закрывавшими господъ и госпожъ отъ снѣга, взбиваемаго конскими копытами. Упряжь также, какъ и сани, блистала серебромъ съ насѣчкою изъ золота. Между ними мелькали верхомъ кавалеры, выказывая богатство сѣделъ, сбруй и собственныхъ нарядовъ.

Франтовство одеждою доходило до страсти; старались одѣться какъ можно фигурнѣе и оригинальнѣе; пріѣзжій въ Варшаву европеецъ поражался разнообразіемъ и часто безвкусіемъ видѣнныхъ на улицѣ костюмовъ. Старый польскій нарядъ у знатныхъ пановъ въ XVIII вѣкѣ почти вышелъ изъ употребленія; только немногіе оригиналы, въ родѣ Panie Kochanku, не разставались съ нимъ. Большинство предпочло ему французскіе кафтаны и пудру. Теперь патріоты, которыхъ помышленія направлялись къ прошедшимъ временамъ отечества, стали показываться въ публикѣ въ тафтяныхъ и атласныхъ жупанахъ, застегнутыхъ частыми пуговками и подпоясанныхъ серебристымъ или золотистымъ поясомъ,

въ накинутыхъ сверху кунтушахъ яркаго цвѣта, съ прорѣзными рукавами, откинутыми назадъ, въ четвероугольной народной шапкѣ и со старо-польскою карабелею, оправленною въ золото и камни. Этотъ костюмъ составлялъ противоположность съ костюмомъ франта, одѣтаго въ цвѣтной фракъ, съ длинными до пятъ фалдами, въ расшитомъ золотомъ жилетѣ, на которомъ болтались толстыя золотыя часовыя цѣпи со множествомъ печатей, ключиковъ и побрякушекъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ треуголкѣ на напудренной головѣ, съ толстымъ и высокимъ галстукомъ, завязаннымъ огромнымъ бантомъ въ видѣ розетки. Многіе надѣвали польскій костюмъ для временного щегольства и опять облекались въ европейскій; многимъ хотѣлось быть и поляками и европейцами въ полномъ смыслѣ; отъ этого можно было встрѣтить польскую четвероугольную шапку на напудренномъ французскомъ произведеніи и, наоборотъ, треуголку на бритой головѣ; съ европейскимъ фракомъ сочетались высокіе красные сапоги и польскіе усы, нафабренные до того, что стояли, какъ деревянные.

Среди блеска упряжи, экипажа и нарядовъ, сновали по Варшавѣ многочисленныя толпы бѣдняковъ: исхудалые, чахлые отъ плохой пищи и болѣзней; они были покрыты самыми пестрыми лохмотьями, какіе трудно было увидѣть въ другихъ мѣстахъ Европы, даромъ, что нищихъ, въ XVIII вѣкѣ, было вездѣ вдоволь, благодаря заботамъ тогдашнихъ правительствъ о благосостояніи и воспитаніи народа. То были безобразнѣйшія сшивки различныхъ кусковъ всякихъ тканей, всякихъ цвѣтовъ; кусокъ истертаго малиноваго бархата пришивался къ куску грязнаго полотна или сѣраго сукна; иные бродили босикомъ, иные безъ штановъ. Между ними были женщины съ грудными младенцами, мальчишки и дѣвчонки босые, полунагіе, дрожащіе отъ холода, пискливымъ голосомъ просящіе хлѣба; жиды въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ и ермолкахъ, изъ-подъ которыхъ торчали вьющіеся пейсы, жидовки въ пестрыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ, обшитыхъ галунами; солдаты въ мундирахъ своихъ полковъ и поразительное множество монаховъ и монахинь въ одеждахъ своихъ орденовъ.

Въ массѣ бѣдныхъ и грязныхъ лачугъ возвышались монастыри со своими тѣсно замкнутыми каменными корпусами келій, и панскіе палаццы съ широкими дворами и со множествомъ флигелей и пристроекъ. Наружность ихъ была очень разнообразна; ихъ хозяева хотѣли показать въ нихъ свой вкусъ и свои наклонности. Иной палаццо напоминалъ суровое аббатство, другой греческіе и римскіе портики. На Краковскомъ предмѣстьи ихъ было

одиннадцать: между ними, по величинѣ и богатству, отличались палаццы Браницкихъ, Малаховскаго, Тышкевичей, Радзивилла, краковскаго епископства, примаса и др.; на Сенаторской улицѣ ихъ было тринадцать, и въ томъ числѣ великолѣпный дворецъ Любомирскихъ; на Медовой шесть, и между прочимъ дворецъ банкира Теппера и домъ русскаго посольства; на Долгой—пять; сверхъ того возвышались тамъ-и-сямъ палаццы на другихъ улицахъ и, кромѣ того, было нѣсколько лѣтнихъ, загородныхъ; число всѣхъ панскихъ палаццовъ въ описываемое время доходило до 80.

Эти дворцы, снаружи разукрашенные лѣпною работою, внутри богато омеблированные, блиставшіе позолотою, зеркалами, люстрами, гобленовскими коврами, итальянскими и французскими картинами и статуями, имѣли въ то время громады обитателей. Польскій панъ переселялся въ столицу, какъ владѣтельный принцъ. Отправивъ впередъ громоздкія вещи, значительную часть прислуги и даже цѣлый табунъ лошадей, панъ ѣхалъ въ Варшаву въ сопровожденіи пятнадцати и даже двадцати экипажей. На дорогѣ онъ не останавливался въ гостинницахъ, въ Польшѣ онѣ были грязны до-нельзя, никто объ нихъ не заботился; когда нужно было отдохнуть, разбивали шатры, устраивали спальню, столовую, готовили кушанье, накрывали на столъ, однимъ словомъ, возникалъ походный домъ. По окончаніи отдыха или ночлега, все это убиралось, свертывалось, укладывалось, и панъ слѣдовалъ дальше. Съ нимъ поселялись въ Варшавѣ повара, кучера, лакеи, истопники, музыканты, разные придворные чины, маршалки, подскарбіи, конюшіе, домашніе секретари, врачи, учителя, придворные поэты, резиденты и резидентки, не имѣвшіе никакого опредѣленнаго занятія — все люди шляхетнаго достоинства, потому что, кромѣ истопниковъ и водовозовъ, вся панская прислуга была изъ шляхты.

Пребываніе пановъ въ столицѣ на этотъ разъ было для нихъ истиннымъ разореніемъ. Издержки ихъ превышали безмѣрно не только то, чтò они могли прожить въ собственныхъ имѣніяхъ, но даже то, чтò они могли пропутешествовать за границею. Никогда еще они не были въ такомъ положеніи, какъ теперь; отъ каждаго требовалось показать себя, не только не скупѣе, но роскошнѣе и гостепріимнѣе другихъ. Средства имъ доставлялись изъ имѣній, но ихъ пленипотенты, дозорцы и экономы безжалостно ихъ обманывали, обкрадывали. Въ XVIII столѣтіи въ Польшѣ считался бы пошлымъ дуракомъ тотъ, кто, управляя панскими имѣніями, не съумѣлъ нажить состоянія настолько, чтобы самому купить хорошее имѣнье. У главнаго управляющаго, завѣдывавшаго нѣсколькими селами, были субалтерны, экономы и

дозорцы; изъ нихъ каждый въ своей населенной мѣстности старался обратить панское достояніе въ свою пользу, въ надеждѣ со временемъ купить имѣніе. У послѣднихъ были распорядители изъ панскихъ хлоповъ; и эти слѣдовали общимъ нравамъ и выжимали изъ народа сокъ, такъ чтобы, передавая слѣдуемое экономамъ и пленипотентамъ, что̀ нибудь доставалось и для нихъ. Такой хлопъ, облеченный отъ эконома довѣріемъ, обыкновенно былъ величайшимъ тираномъ надъ своею братіею. Такъ управлялись панскія имѣнія. Панъ старался, чтобъ ихъ было много въ разныхъ воеводствахъ и хвастался тѣмъ, что у него по всей Польшѣ были разсѣяны имѣнія, отъ этого онъ имѣлъ право участія на сеймикахъ разныхъ воеводствъ, и вездѣ у него были кліенты изъ шляхты, подававшіе голоса по его волѣ. Во многихъ имѣніяхъ своихъ онъ не бывалъ никогда и зналъ ихъ только по представленнымъ отчетамъ, въ которыхъ была ложь. Владѣлецъ мало интересовался узнать, какъ идутъ у него дѣла; довольно было съ него и того, что ему присылались доходы, даромъ, что эти доходы составляли менѣе половины того, что̀ въ дѣйствительности получалось. Если ему казались присылаемые доходы уже черезъ-чуръ малыми, то онъ дѣлалъ замѣчанія своимъ пленипотентамъ, и послѣ того ему начинали присылать больше, но писали, что для этого принуждены были наложить на крестьянъ болѣе прежняго тягостей; и въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ обременяли крестьянъ больше прежняго работами и приглашали евреевъ выдумывать новые источники пріобрѣтенія для пана; но это дѣлалось не для того, чтобы имѣть возможность прислать пану столько, сколько онъ требуетъ, а для того, чтобы, за отсылкою того, что̀ онъ требовалъ, не уменьшались воровскіе доходы управлявшихъ и надзиравшихъ за имѣніями.

У польскаго пана, очень богатаго, часто былъ недостатокъ въ деньгахъ; въ Варшавѣ въ описываемое время это бывало почти со всѣми, потому что сколько ни посылалось пану денегъ изъ дохода имѣній, все оказывалось мало, всегда возникали новыя нужды; доставленныя суммы сейчасъ ускользали, и экономія панскаго дома терпѣла недостатокъ; всего было хуже, когда панъ проигрывалъ въ карты, а этою болѣзнью страдали очень многіе: тогда наличныя деньги требовались немедленно и панъ обращался къ банкиру; банкиръ ссужалъ его въ счётъ будущихъ доходовъ, но вычиталъ при этомъ большіе проценты за всю выданную сумму. Такимъ образомъ, кромѣ того, что плутовство управляющаго и эконома лишало пана значительной части слѣдуемыхъ ему доходовъ съ имѣній, онъ много тратился на платежъ процентовъ банкирамъ.

Отъ этого рядомъ съ панскими палаццами въ Варшавѣ выростали пышные дома банкировъ; дѣла ихъ шли такъ хорошо, что они забыли прежнюю мѣщанскую бережливость и стали спорить съ панами въ гостепріимствѣ и мотовствѣ. Изъ нихъ особенно выступали по богатству и роскоши домà Теппера, Бланка и Кобрита. Какъ всегда бываетъ съ выскочками, эти господа чванились своимъ богатствомъ, надувались изъ всѣхъ силъ, чтобы походить на родовитыхъ аристократовъ. Въ первое время дѣятельный, разсчетливый, Тепперъ, разжившись, началъ корчить изъ себя знатнаго пана, пересталъ заниматься дѣлами, оставилъ ихъ на волю своимъ прикащикамъ и дошелъ до того, что вовсе не слѣдилъ за ними, не повѣрялъ ихъ счетовъ, чтобы не навлечь на себя укора въ дурномъ тонѣ, самъ бралъ горстями изъ кассы червонцы и предоставлялъ конторщикамъ записывать сколько угодно; отъ этого его прикащики, получая отъ него жалованья тысячи по двѣ червонцевъ, жили такъ, какъ можно только жить на десять тысячъ. Тепперъ купилъ себѣ за большія суммы дворянство, украсился за деньги мальтійскимъ орденомъ, меблировалъ великолѣпно свой домъ и задавалъ роскошнѣйшіе обѣды и блистательные балы. На обѣдахъ у него бывалъ самъ король. Знатные паны, поневолѣ, должны были дѣлать ему честь потому, что были его должниками. Его дочери до такой степени изнѣжили себя и позволяли себѣ разныя прихоти, что говорили, будто не могутъ пить кофе на польскихъ угольяхъ, а нужно привозить имъ углей изъ Англіи. По примѣру пановъ, Тепперъ былъ любитель прекраснаго пола и содержалъ трехъ любовницъ, которыя ему очень дорого стоили, но его всего болѣе разоряло то, что онъ, подражая родовитому панству, пустился въ карточную игру и потому окончилъ свою карръеру печальнѣйшимъ образомъ: его дворецъ, мебель, картины, лошади, все продано было за долги съ публичнаго торга, и онъ принужденъ былъ ходить по Варшавѣ пѣшкомъ, потому что не на что было нанять извощика. Онъ умеръ въ бѣдности, посмѣшищемъ тѣхъ, которые его обыгрывали, и предметомъ ненависти тѣхъ, которые ввѣрили ему свои капиталы и понесли черезъ то потери. Кобритъ былъ, хотя и природный нѣмецъ, но также поддался обаянію польской жизни и промотался въ пухъ. Бланкъ былъ счастливѣе ихъ. Кромѣ главныхъ банкировъ, въ Варшавѣ было довольно мелкихъ изъ евреевъ; къ нимъ обращались обыватели не первой руки: съ ними было удобнѣе сладить и можно было больше получить подъ залогъ, за то они брали больше процентовъ, чѣмъ первоклассные банкиры, дававшіе взаймы только большія суммы. Проценты брались огромные, именно потому, что банкиръ плохо вѣрилъ въ честь

польскаго дворянина и старался устроить дѣла такъ, чтобы, получивъ нѣсколько разъ проценты на выданный капиталъ, можно было воротить самый капиталъ, такъ, что если съ должника трудно было получить, то заимодавецъ не остался бы въ большихъ убыткахъ. Сверхъ процентовъ брали еще и за коммиссію. Мелкіе ростовщики, какъ и большіе банкиры всѣ, не исключая и евреевъ, увлекались общимъ порывомъ мотовства и какъ только чувствовали, что въ ихъ руки приходитъ много денегъ, тотчасъ пускались жить весело.

Варшавское мѣщанство не отставало отъ шляхетства. Купцы расширили и разукрасили свои домы, задавали обѣды, балы, веселились въ своемъ кругу, пріобрѣтали средства всякимъ обманомъ и неправдою и клонились къ упадку и разоренію.

Тогда въ Варшавѣ было много иностранцевъ, и они-то наживались на счётъ поляковъ. Всѣ предметы роскоши и комфорта приходили изъ-за границы. Мотовство и кутежи увеличили привозъ до чрезмѣрности; вездѣ нуженъ былъ пану иностранный товаръ; дѣлаетъ онъ обѣды—ему нужны иностранныя вина, иностранныя приправы, иностранные сервизы; для украшенія палацца онъ покупаетъ картины за границей; мебель выписываетъ изъ-за границы, или заказываетъ иностранцамъ; одежды—изъ иностраннаго товара, сшитыя иностранцами. Около дѣтей онъ держитъ иностранныхъ гувернёровъ и гувернантокъ, камердинеры у него иностранцы, у пани прислуга—иностранки; наконецъ, у знатныхъ пановъ проживали иностранцы на правѣ резидентовъ, ради суетнаго желанія, чтобы, уѣхавши за границу, они ославляли радушіе, великодушіе, щедрость и великолѣпіе польскихъ пановъ. За все иностранное панъ платилъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ то же самое покупалось нѣмцами и французами; даже когда панъ заводилъ библіотеку, что нужно было для хорошаго тона, онъ и за книги платилъ дороже, чѣмъ они были въ продажѣ.

Когда для панскаго тщеславія нуженъ былъ орденъ—требовались особыя издержки, и панъ давалъ съ этой цѣлью нѣсколько почетныхъ обѣдовъ и баловъ. Въ управленіе своего дома въ Варшавѣ онъ не входилъ, его жена тѣмъ менѣе. Все лежало на маршалкѣ (дворецкомъ): онъ приказывалъ закупать все что нужно было для обѣдовъ, баловъ, освѣщенія, отопленія, содержаніе прислуги, и все это покупалось такъ, что въ карманахъ его субальтерновъ оставалась значительная часть той суммы, которая ставилась пану на счетъ. Прислуги, чѣмъ было больше, тѣмъ это считалось сообразнѣе съ хорошимъ тономъ. Панская челядь отличалась повальною лѣнью и всегда отбивалась отъ дѣла; всякъ, кто чувствовалъ возможность ничего не дѣлать, бѣжалъ въ трак-

БИБЛІОТЕ... Н. ТО...

тиръ, гдѣ пьянствовалъ съ подобною себѣ челядью изъ другихъ дворовъ, и тамъ происходили безпрестанно буйства и драки.

Находясь на сеймѣ, вельможи заботились о томъ, чтобы поддержать свою партію, раздавали пенсіоны менѣе богатымъ посламъ, которые составляли въ Избѣ громаду, не имѣвшую собственныхъ твердыхъ убѣжденій, готовую пристать къ той или другой сторонѣ, смотря по выгодамъ. Исключая знатныхъ, богатыхъ пановъ и немногихъ пословъ съ извѣстными убѣжденіями, всѣ остальные послы составляли такого рода толпу. Съѣхавшись въ Варшаву, они прежде всего думали какъ бы хорошо пожить, повеселиться; имѣнья ихъ не доставляли для этого удовлетворительныхъ средствъ, и вотъ они пополняли этотъ недостатокъ жалованьемъ и подачками отъ знатныхъ пановъ и чужеземныхъ посланниковъ. За это имъ приходилось говорить и поддерживать такое мнѣніе, какого держались ихъ благодѣтели. Наслажденіе было для нихъ цѣлью жизни, какимъ бы образомъ оно ни покупалось, чего бы оно ни стоило впослѣдствіи. Многіе послы прибывали съ семьями; ихъ жены, дочери, сестры требовали денегъ на наряды, балы и спектакли. Еще болѣе требовали денегъ любовницы. Вдобавокъ, въ Варшаву съѣзжалось множество обывателей, не принадлежавшихъ къ сейму и составлявшихъ публику, цѣнившую дѣйствія сейма, такъ-называемые арбитры, посѣщавшіе сеймовыя засѣданія. Ими очень дорожили послы; они были для нихъ все равно, что публика для актеровъ въ театрѣ. Эти арбитры также жили весело, роскошно, приглашали къ себѣ пословъ и были угощаемы послами. Празднества шли за празднествами, обѣды за обѣдами, балы за балами, и съ этимъ всегда соединялись политическіе виды; тутъ составлялись и поддерживались партіи, составлялись замыслы проводить такой или иной проектъ, или не дать пройти противнымъ проектамъ.

Роскошнѣйшій и расточительнѣйшій, высокомѣрнѣйшій и необузданнѣйшій изъ магнатовъ Карлъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, божокъ всей Литвы, преклонявшейся передъ его остроуміемъ, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ лазилъ по снурку на небо и пилъ кофей съ богородицею, приводилъ поляковъ въ благоговѣйное изумленіе своимъ хлѣбосольствомъ; балъ и ужинъ, данные въ день св. Екатерины 1789 года, въ годовщину королевской коронаціи, сдѣлались у нихъ историческимъ событіемъ. Пригласительныхъ билетовъ роздано было четыре тысячи; король, сенаторы, послы, вся знать обоего пола тамъ участвовали. Балъ происходилъ въ огромной залѣ, гдѣ прежде устраивался театръ; король съ курляндской княгинею открылъ его. Въ боковыхъ покояхъ происходила игра. Ужинъ приготовленъ былъ въ трехъ большихъ залахъ, расположенныхъ анфиладою: тамъ че-

резъ всѣ эти три комнаты поставленъ былъ столъ, оказавшійся до того длиннымъ, что съ одного конца нельзя было различить человѣка на другомъ; кромѣ того, четыре боковыя залы заставлены были столами, а пятая назначена была для короля и знатнѣйшихъ дамъ. Стѣны дворца были обиты богатою камкою съ золотыми позументами и кистями. На столахъ блистало множество серебра филигранной работы; кубки, блюда, тарелки припоминали, какъ говорили, времена Ольгерда; до двухъ тысячъ восковыхъ свѣчъ въ богатыхъ старинныхъ подсвѣчникахъ освѣщали залу. Несмотря на огромные столы, гостей набралось такъ много, что третья часть удостоивалась насыщать себя панскою трапезою не иначе, какъ стоя у боковыхъ столовъ, густо уставленныхъ кабаньими головами, всякаго рода дичиною, заливными рыбами и т. п., и всевозможнѣйшими напитками. «Невозможно было, — говоритъ Охотскій—сосчитать выпитыхъ бутылокъ одного шампанскаго, разносимаго слугами, одѣтыми въ желтые атласные жупаны, а сверхъ ихъ въ голубые кунтуши: всѣ они были съ саблями, потому что всѣ были изъ шляхты. Самъ Радзивиллъ безпрестанно ходилъ между гостьми, одѣтый въ пунцовый жупанъ и сверхъ того въ гранатовый кунтушъ, рукоятка его карабели блистала большими брилліянтами, а за поясомъ у него были лосиныя перчатки: издавна велось въ обычаѣ, что каждый шляхтичъ долженъ былъ носить такія перчатки. Подбритая чуприна и большіе висячіе усы придавали Радзивиллу сарматскую наружность, какъ выражались тогдашніе риторы. Хлѣбосольный вельможа безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому: «Panie kochanku ничего не кушаете, и не пьете, какіе вы недобрые!» Чтобы угодить гостепріимному кутилѣ, гости спѣшили въ глазахъ его осушать кубки и кричали: «здоровье пана князя»!

Вожаки партій, паны-патріоты, блиставшіе на сеймѣ краснорѣчіемъ и вчинаніемъ дѣлъ: маршалъ Малаховскій, Казимиръ Сапѣга, братья Потоцкіе, Чарторыскіе, Огинскіе, дѣлали у себя постоянно шумныя собранія, чтобы расположить къ себѣ и привлечь пословъ и публику. У маршала Малаховскаго каждый вторникъ собирались послы и постороннія лица. На эти вторники не посылалось приглашеній; двери гостепріимнаго палацца были отворены всѣмъ безъ разбора, лишь бы только входящій былъ въ приличномъ видѣ. Гостей занимали музыкой, устраивались танцы, производилась игра. Передъ ужиномъ незнакомые обыкновенно расходились; ужинать оставались только знакомые. Казимиръ-Несторъ Сапѣга каждую недѣлю давалъ у себя обѣдъ и балъ. У гетманши Огинской каждый день, съ полудня до ночи, домъ былъ отворенъ для всѣхъ: приходили званые и незваные, обѣ-

дали, послѣ обѣда танцовали или играли въ карты; княгиня не различала кто къ ней входилъ, всѣхъ одинаково радушно принимала. Три знатныя дамы, Ляндскоронская, вдова княгиня Радзивиллъ и княгиня Сангушкова въ своихъ палаццахъ давали балы для огромнаго числа публики, хотя не для всѣхъ безъ различія, какъ Огинская. Ляндскоронская славилась своимъ остроуміемъ и многостороннимъ воспитаніемъ; у ней всегда толпились иностранцы; здѣсь можно было услышать разомъ много языковъ, сюда приходили щеголять тѣ поляки, которые говорили со всякимъ иностранцемъ на его языкѣ также хорошо, какъ на природномъ. Домъ княгини Сангушковой, украшенный старинною красивою мебелью, персидскими коврами и рѣдкими картинами, славился превосходнымъ оркестромъ; здѣсь было сходбище молодыхъ людей обоего пола, мѣсто любовныхъ затѣй; свобода и непринужденность царствовали здѣсь вмѣстѣ съ изяществомъ обращенія. У вдовы Радзивиллъ собирались любители музыки. Ея двѣ дочери блистали красотой и любезностью и превосходно исполняли музыкальныя пьесы; имъ помогали братья и сама мать: все семейство было музыкальное. Княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора, въ своемъ дворцѣ на Новомъ-Мѣстѣ, давала великолѣпные балы и домашніе спектакли. У примаса, королевскаго брата, каждую пятницу происходили собранія, называвшіяся cosetta, и всегда оканчивались роскошнымъ ужиномъ. У сестры короля, которая носила титулъ краковской госпожи (M-me de Cracovie — Pani Krakowska) каждый понедѣльникъ давался обѣдъ, гдѣ былъ самъ король; послѣ обѣда начинались танцы, и домъ ея былъ открытъ для всѣхъ. Туда нарочно приходили всѣ тѣ, которые желали представиться королю или имѣть случай поговорить съ нимъ. Въ восемь часовъ всѣ разъѣзжались; гостямъ оставалось время поспѣть и на другія собранія. Виленскій епископъ Масальскій былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ вельможъ, но въ его домѣ происходила отчаянная игра. Самъ король дѣлалъ часто обѣды для пословъ; лѣтомъ онъ устраивалъ въ Лазенкахъ собранія съ танцами; съѣзжались гости въ полдень, завтракали въ саду, потомъ танцовали, затѣмъ обѣдъ и снова танцы; иностранные послы также давали у себя обѣды, балы и праздники. При всей нѣмецкой экономіи, прусскій посланникъ принужденъ былъ собирать и угощать у себя гостей въ надеждѣ вернуть въ сто разъ затраченное; но всѣхъ гостепріимнѣе были русскіе посланники, особенно Булгаковъ, умѣвшій въ высшей степени обворожить поляковъ роскошью, веселостью и радушіемъ. Въ моменты сильнаго раздраженія противъ Россіи посѣщать русскіе балы и обѣды считалось предосудительнымъ для патріотиче-

ской партіи, но Булгаковъ умѣлъ ладить съ самыми восторженными противниками Россіи. Онъ избѣгалъ разговоровъ о политикѣ и, повидимому, заботился только объ общемъ удовольствіи. Трудно было пересчитать тѣ дома, которые другъ передъ другомъ хотѣли отличиться гостепріимствомъ. Всякій сколько-нибудь видный членъ сейма, всякій состоятельный обыватель, проживавшій въ Варшавѣ въ числѣ арбитровъ, непремѣнно давалъ въ теченіи года обѣды и балы и привлекалъ къ себѣ толпу гостей. Самый скромный праздникъ такого рода обходился не менѣе трехъ тысячъ червонцевъ. На любомъ панскомъ балѣ гостей бывало человѣкъ до восьми сотъ и болѣе. Изобиліе въ кушаньяхъ и питьяхъ, роскошь въ посудѣ, убранство покоевъ — доходили до крайнихъ предѣловъ; считалось нужнымъ, чтобъ не только всего доставало, но чтобъ какъ можно болѣе оставалось, такъ что дворецкіе и служители могли продавать остатки въ свою пользу.

Танцы у поляковъ слѣдовали непосредственно за обѣдомъ; такъ велось издавна и такъ еще соблюдалось въ это время; съ четырехъ часовъ начинался балъ и продолжался до десяти часовъ вечера, а иногда и до полуночи, и оканчивался ужиномъ. Въ огромныхъ серебряныхъ сосудахъ варились кофе и шеколадъ. Прислуга разносила это на серебряныхъ подносахъ, вмѣстѣ съ оржадомъ, лимонадомъ, плодами и всякими лакомствами; въ одной комнатѣ ставились батареи бутылокъ венгерскаго, шампанскаго и другихъ винъ, и туда безпрестанно заглядывали охотники, и вино развязывало имъ языкъ для комплиментовъ или для политическихъ разговоровъ; хотя иностранные танцы и входили въ Польшѣ въ употребленіе, но полонезъ съ его величавостью и мазурка съ ея разнообразною прелестью господствовали въ пляшущемъ свѣтѣ. Иностранцы, видѣвшіе эти танцы, въ одинъ голосъ сознавались, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего изящнѣе польскихъ танцевъ. Тогда въ модѣ было переодѣваться; каждый польскій танецъ требовалъ соотвѣтствующаго наряда, и потому знатные кавалеры и дамы являлись въ одномъ нарядѣ въ полонезѣ, въ другомъ въ мазуркѣ. Для полонеза мужчины надѣвали длинный кунтушъ съ откидными рукавами, дамы длинныя платья съ хвостомъ; напротивъ, для мазурки мужчина надѣвалъ такъ-называемую куртку (кафтанъ съ полами до бедръ), а женщина узкій корсетъ и короткую юбку. Въ тогдашнемъ высшемъ кругу лучшимъ мазуристомъ считался племянникъ короля, Іосифъ Понятовскій. Онъ былъ замѣчательно хорошо сложенъ, въ самой цвѣтущей порѣ жизни, съ большими блестящими глазами, съ густыми усами, придававшими ему воинственный видъ; узкіе панталоны такъ ловко обхватывали его ноги, что нельзя было замѣтить ни

одной складки. Его куртка была расшита узорами и застегнута напереди частыми золотыми пуговицами вплоть до горла. Славу первой мазуристки своего времени пріобрѣла Юлія Потоцкая, жена Яна, извѣстнаго путешественника и археолога, писавшаго ученыя разысканія о скиѳахъ и сарматахъ. Въ то время, какъ супругъ плѣнялъ общество разсказами объ отдаленныхъ краяхъ земного шара, которые онъ посѣтилъ, жена плѣняла всѣхъ мазуркою. «Юлія — говоритъ одинъ очевидецъ—была воплощенная красота; когда въ мазуркѣ ея гибкое тѣло кружилось съ необычайной быстротой, едва прикасаясь землѣ; когда она изъ рукъ одного кавалера бросалась въ руки другого, вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ оборачивалась, а потомъ возвращалась къ первому кавалеру, который обхватывалъ ее и съ быстротою молніи кружился съ нею въ вальсѣ; когда ея прелестная головка, какъ будто утомленная, лѣниво склонялась къ нему на плечо и дыша пыломъ наслажденія, слитаго съ легкою стыдливостью, опускалась на грудь, а глаза, встрѣчаясь съ глазами кавалера, какъ будто выражали одолѣвающую страсть..... зрители, сбившись въ кружокъ, затаивали дыханіе, жадно впивались въ нее глазами, и изъ стѣсненной груди невольно вырывалось восклицаніе: «Боже, какъ прекрасна Юлія!» Но недолго эта красавица очаровывала Варшаву. Ея жизнь кончилась вмѣстѣ съ польскими затѣями о возрожденіи отечества. Другая красавица плѣняла всѣхъ въ менуэтѣ съ Іосифомъ Бѣлинскимъ, какъ Юлія въ мазуркѣ съ Іосифомъ Понятовскимъ: то была Христина, дочь Игнатія Потоцкаго, молоденькая дѣвушка, рѣдкой красоты, прелести и ума: и она недолго пожила на свѣтѣ, и умерла дѣвицей. Кокетство польскихъ свѣтскихъ дамъ въ то время доходило до крайности: въ высшемъ кругу вошло въ моду одѣваться въ греческій костюмъ, нарушавшій скромность. То была тонкая, чуть не прозрачная туника, обыкновенно бѣлаго цвѣта, надѣваемая прямо на тѣло; всѣ формы тѣла ясно обрисовывались; ноги оставались обнаженными въ сандаліяхъ, а на пальцы ногъ надѣвались богатые перстни. Въ такомъ костюмѣ щеголихи являлись въ общество.

Изъ кавалеровъ славился также красотою и любезностью принцъ Виртембергскій, женатый на дочери Чарторыскаго, братъ великой княгини (будущей императрицы русской); онъ получилъ индигенатъ (право дворянства въ Польшѣ), всегда одѣвался по-польски, превосходно танцовалъ и ѣздилъ верхомъ; на балахъ и на улицахъ поляки, глядя на него, восклицали: «ахъ, какой молодецъ!»

Но всѣ эти лица прославились оттого только, что высоко были поставлены въ свѣтѣ; въ варшавскомъ обществѣ было много

неуступавшихъ имъ мужчинъ и дамъ, когда приходилось отличиться въ танцахъ, верховой ѣздѣ и свѣтской любезности. Поляка и польку знатнаго круга воспитывали такъ, какъ будто танцы и веселость были главною цѣлью ихъ земной жизни. Французы и француженки, которымъ они были отданы подъ надзоръ, пріучали ихъ къ суетной и праздной жизни. Дѣвочкамъ матери рано вбивали въ голову кокетство, заставляли ихъ обращать вниманіе, какой нарядъ имъ больше къ лицу, какое положеніе тѣла красивѣе, какъ съумѣть понравиться мальчикамъ, ихъ ровесникамъ; въ десять или двѣнадцать лѣтъ онѣ уже перенимали всѣ пріемы, нужные для того, чтобы блистать въ свѣтѣ. Школою для нихъ были дѣтскіе балы, которые давались съ такою же обстановкою, какъ и балы для взрослыхъ: съ блистательнымъ освѣщеніемъ, съ роскошью угощенія. Взрослые пріѣзжали на дѣтскіе балы не только для того, чтобы посмотрѣть на дѣтей, но чтобъ и самимъ повеселиться; на этихъ дѣтскихъ балахъ франты потѣшали публику такими танцами, которые не принято было танцовать на обыкновенныхъ балахъ. Такъ, въ то время нѣкто панъ Стась Разважовскій прославился въ Варшавѣ умѣньемъ танцовать казачка на дѣтскихъ балахъ.

Сравнивая характеръ свѣтскаго обращенія этого времени съ прежнимъ, можно было сразу замѣтить большое измѣненіе, касавшееся впрочемъ больше наружности. Прежде паны держали себя надменно; въ ихъ гостепріимствѣ всегда слышалось высокомѣріе къ низшимъ себя; теперь современные французскіе пріемы начали входить въ общество; паны, побывавшіе не такъ давно за-границею и хотѣвшіе показать, что они не отстаютъ отъ вѣка, начали изгонять изъ своихъ домовъ старинную чопорность; въ особенности отличались этимъ тѣ, которые говорили съ голоса французовъ о равенствѣ правъ человѣческихъ. У такихъ всякій, кто умѣлъ прилично держать себя, какого бы происхожденія онъ ни былъ, допускался въ домъ господъ уже не въ качествѣ полу-лакея, какъ бывало прежде: съ нимъ обращались, какъ и со всякимъ другимъ гостемъ. Въ такихъ домахъ не важной породы шляхтичъ садился за столъ рядомъ съ княземъ и даже осмѣливался танцовать съ дочерью вельможи, если чувствовалъ, что не ударитъ лицомъ въ грязь передъ другими. Свобода обращенія въ разговорахъ казалась даже странною иноземцамъ; иногда подымались живые споры, и если кому случалось иногда выходить изъ-себя за свои убѣжденія послѣ хорошаго пріема венгерскаго — все прощалось тому, особенно, если хозяинъ раздѣлялъ его убѣжденія. Панамъ нужны были партіи, поэтому, для того, чтобы привлечь къ себѣ пословъ и вліятельныхъ лицъ публики, они были

снисходительны къ своимъ гостямъ. Иногда паны дѣлали обѣды не въ своемъ домѣ, а за-городомъ, особенно когда имѣли дѣло не съ лицами своей партіи. Нужно, напримѣръ, чтобы на слѣдующій день противные голоса не мѣшали проведенію какого-нибудь проекта; панъ пригласитъ человѣкъ двадцать или тридцать за-городъ на обѣдъ и нагрузитъ ихъ до того, что они на другой день дѣлаются неспособными и не являются въ засѣданіе; тутъ безъ нихъ подсунутъ проектъ, и онъ обращается въ законъ за отсутствіемъ оппозиціи. Такъ поступлено было въ дѣлѣ о староствахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Публичный театръ былъ явленіемъ недавнимъ въ Варшавѣ. Поляки, хотя и были охотники до театральныхъ представленій, но устроивали спектакли у себя въ домѣ. Это естественно мѣшало процвѣтанію публичнаго театра; тѣмъ не менѣе мало-помалу стало почитаться требованіемъ хорошаго тона, заглянуть, хотя разъ въ недѣлю, въ театръ; но это дѣлалось не столько ради любви къ искусству, сколько для показа нарядовъ. Самое зданіе, построенное на площади Красинскихъ, было красиво. Обстановка сцены по своему времени безукоризненна. Иностранцы находили, что во многихъ отношеніяхъ варшавскій театръ былъ выше другихъ европейскихъ, но сочувствія въ высшемъ обществѣ было такъ мало, что нерѣдко всѣ ложи были пусты. Кромѣ польскихъ пьесъ, въ которыхъ отличались талантливые актеры, антрепренеръ Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Трускулавская, нѣсколько позже на варшавскомъ театрѣ давались италіянскія оперы. Но нельзя сказать, чтобы итальянская опера была очень хороша, притомъ же примадонны были некрасивы, а это очень отталкивало публику въ такомъ царствѣ прекрасныхъ женщинъ, какимъ была Польша. Тизенгаузъ положилъ начало балету; онъ составилъ труппу изъ своихъ крѣпостныхъ, нанялъ французскаго балетмейстера Леду обучить ихъ, потомъ подарилъ королю, а король отпустилъ ихъ на волю; новая забава очень понравилась варшавской публикѣ. Но вообще знатное панство не очень горячо относилось къ публичнымъ представленіямъ, и предпочитало домашніе спектакли любителей. Юлія Потоцкая очаровывала всѣхъ также на сценѣ, какъ и въ мазуркѣ; кромѣ того, двѣ знатныя дамы, жена Северина Потоцкаго и жена Тышкевича, племянница короля, пріобрѣли славу своимъ драматическимъ талантомъ; но онѣ играли болѣе французскія пьесы. Достойно замѣчанія, что превосходная комедія Бомарше, «Свадьба Фигаро», была сыграна первый разъ варшавскими любителями: ее досталъ у автора князь Нассау, вступившій въ бракъ съ Масальскою и, наравнѣ съ природными поляками, расточавшій гостепріимство въ своемъ богато-убранномъ дворцѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, лѣтомъ происходили шумныя и многолюдныя гулянья въ Саксонскомъ саду и за городомъ, между прочимъ въ Виляновѣ. Эти гулянья имѣли политическое значеніе. Окончивъ засѣданіе, послы собирались тамъ толковать о своихъ дѣлахъ, встрѣчались со знакомыми и направляли ихъ на свою сторону, распространяя такимъ образомъ свои убѣжденія. Зимою два раза въ недѣлю бывали такъ-называемые редуты въ большой залѣ Радзивилловскаго палацца. Это были маскарады, открытые для всѣхъ съ платою нѣсколькихъ злотыхъ за входъ, и съ единственнымъ условіемъ оставлять при входѣ оружіе. Здѣсь царствовала чрезвычайная свобода. Знатныя дамы позволяли себѣ посѣщать эти собранія не иначе, какъ въ маскахъ, а безъ масокъ приходили туда только женщины сомнительной нравственности.

Самое распространенное послѣ танцевъ и самое гибельное по послѣдствіямъ удовольствіе въ Варшавѣ была карточная игра, и она-то чрезвычайно способствовала матеріальному разоренію и нравственному разстройству польскаго общества. Любимая игра того времени была такъ-называемый банкъ фараона. Играли вездѣ, и въ частныхъ домахъ, и въ трактирахъ, и въ редутахъ, и знатные паны, и средней руки обыватели, и епископы, и прелаты, и евреи, и убогая шляхта, бравшая во всемъ примѣръ со своихъ божковъ; прекрасный полъ не отставалъ отъ мужчинъ и часто побуждалъ къ игрѣ и заправлялъ ею. Десятки тысячъ червонцевъ переходили въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки; нерѣдко утромъ богатый, вечеромъ оставался безъ гроша и наоборотъ. Выигравшій не думалъ обогащаться, а спускалъ все на удовольствія также скоро, какъ и пріобрѣталъ; проигравшійся не унывалъ; если нельзя было ему угощать другихъ, то угощался самъ на чужой счетъ и не очень стѣснялся выборомъ средствъ поправить свое положеніе. Это была одна изъ причинъ, почему знатные паны и послы такъ легко могли быть подкупаемы иностранными министрами. Проигравшійся въ пухъ бѣжалъ къ Штакельбергу, Булгакову, Люккезини и продавалъ имъ свое законодательное право, чтобъ можно было еще на нѣсколько времени пуститься въ вихрь наслажденій.

Среди этой лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ упала также низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой; панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе сроднымъ поляку;

онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко ополчался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ. «Между нашими великими панами — говоритъ современникъ (Китовичъ)—почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые бы дѣйствительно принадлежали тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ».

При многолюдствѣ и разгулѣ въ Варшавѣ во время конституціоннаго сейма господствовала большая дороговизна. Необходимость усилить расходы заставила пановъ сбыть въ большомъ количествѣ свои произведенія за-границу по дешевой цѣнѣ; отъ этого въ краѣ сдѣлался недостатокъ, падавшій тяжелыми послѣдствіями на бѣдныхъ людей. Число нищихъ значительно увеличилось. Почти на всѣ потребности цѣны удвоились, а на иныя утроились. Даже дрова были дороги, несмотря на то, что Варшава окружена лѣсами. Обѣдъ въ ресторацiи нельзя было имѣть менѣе шести злотыхъ, что составляло вдвое противъ прежнихъ цѣнъ и втрое противъ того, за сколько можно было имѣть обѣдъ въ Германіи. Наѣздъ пановъ изъ провинцій вздорожилъ квартиры до ужасающей степени. Лучшая отель въ то время была на Тлумацкой площади—гостинница «Бѣлаго Орла», чрезвычайно дорогая; другая, уступавшая ей, но также приличная, считалась «Польская» на Сенаторской улицѣ. Всѣ прочія, кромѣ того, что были дороги, были еще и крайне грязны. Прислуга нанятая получала по червонцу въ день. Всѣ заграничные товары поднялись на 30% выше прежняго. За бутылку обыкновеннаго краснаго вина платили отъ 4-хъ до 8-ми злотыхъ. Дороговизна винъ была очень чувствительна для поляковъ, привыкшихъ потреблять ихъ въ нещадныхъ размѣрахъ. Это вздорожаніе происходило главнымъ образомъ оттого, что другъ и благодѣтель Польши — прусскій король налагалъ огромную пошлину на польскую торговлю.

Какъ скоро мы себѣ ясно представимъ образъ тогдашней варшавской жизни, гдѣ сеймовые послы играли тогда главную роль, станетъ понятно, отчего сеймовыя работы шли такъ вяло и поляки на каждомъ шагу оказывали неспособность подвигать великое дѣло спасенія и возрожденія отечества. Втянувшись въ пустоту забавъ, возненавидѣвъ трудъ, снявши съ себя строгость семейной чистоты, гоняясь за мимолетными удовольствіями и отдавая за нихъ совѣсть и честь, нельзя было вести дѣло иначе, какъ оно велось, нельзя было привести его къ иному концу, кромѣ такого, къ какому оно дошло. Послы не вникали въ дѣла, о которыхъ болтали; имъ приходилось составлять проекты безъ

всякой подготовки и необходимыхъ знаній: не было времени ихъ обдумать и ясно изложить; другимъ приходилось читать эти проекты, имъ некогда было въ нихъ хорошенько вдуматься, оцѣнить и обсудить. Дѣлами законодательства и землестроенія приходилось заниматься за бутылками венгерскаго или на переѣздахъ съ обѣда на балъ, сидя въ коляскѣ и прерывая углубленіе въ государственныя дѣла мыслію о томъ, какъ бы сохранить свою фигуру поинтереснѣе для прохожихъ и проѣзжающихъ, или же въ бесѣдахъ съ дамами: случалось, посолъ, собиравшійся громить противный проектъ, прочтетъ свою демосѳеновскую филиппику дамѣ своего сердца; даму вовсе не занимаетъ такое не-дамское чтеніе; она ему говоритъ то, что̀ ей въ голову взбредетъ, а любезникъ дѣлаетъ поправки, сообразно дамскимъ замѣткамъ, и на другой день представляетъ это на сеймъ. Случалось и такъ, что посолъ приготовитъ проектъ, а тутъ его позовутъ обѣдать и расточаютъ ему знаки вниманія, а между тѣмъ направляютъ его къ противному; голова патріота наполняется винными парами, сердце умягчается отъ фразъ и лести, и патріотъ выходитъ совсѣмъ съ иными намѣреніями и взглядами. Бывало и такъ, что посолъ подаетъ голосъ, самъ не зная о чемъ идетъ дѣло; голова его не въ состояніи освободиться отъ похмѣлья; онъ смотритъ на другихъ и ему кажется, что эти другіе за проектъ, тогда какъ эти другіе противъ проекта, и потомъ уже онъ разберетъ, что ошибался, и тутъ же перемѣняетъ свое мнѣніе. Штакельбергъ, слѣдившій за ходомъ засѣданій, не разъ отзывался, что сеймовая Изба походитъ на домъ умалишенныхъ. Охота блистать риторствомъ была неудержимая, но такъ какъ нужно было все-таки время для того чтобъ составить рѣчь и обдумать ее, а у пословъ за пирами, танцами и картами времени не было, то нѣкоторые заказывали писать рѣчи другимъ, обыкновенно монахамъ, и читали ихъ на сеймѣ съ бумажкою въ рукѣ. Съ однимъ такимъ ораторомъ произошла смѣшная сцена: ему за два червонца написалъ рѣчь піаръ; въ надеждѣ блеснуть краснорѣчіемъ, посолъ потребовалъ у маршала голоса, всталъ и произнесъ обращеніе: «Наияснѣйшій король и вы, почтенные чины Рѣчи-Посполитой», и вслѣдъ затѣмъ полѣзъ въ свой карманъ за рѣчью, — но рѣчи не оказалось; товарищъ, провѣдавши о его продѣлкѣ, утащилъ у него рѣчь изъ кармана. Цицеронъ сталъ втупикъ; поднялся всеобщій смѣхъ; но на счастье оратора вошли въ залу депутаты отъ городовъ и члены обратили на нихъ вниманіе; такимъ образомъ онъ избавился отъ дальнѣйшихъ насмѣшекъ.

Одною изъ особенностей сейма было безпрестанное учрежде-

ніе коммиссій и депутацій; чуть только подастся проектъ о какомъ-нибудь головоломномъ дѣлѣ, члены, чтобы избавить себя отъ труда, поболтавши о немъ нѣсколько времени, назначали коммиссію для разсмотрѣнія его, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Такимъ образомъ въ то время наплодилось такое множество коммиссій, что сама Изба потеряла имъ счетъ.

Всегда почти сеймовая Изба наполнена была арбитрами, которые шумѣли, апплодировали, шикали и вообще оказывали вліяніе на ходъ дѣла. Только тѣ засѣданія, гдѣ разсуждали о сношеніяхъ съ иностранными государями, отправлялись безъ арбитровъ; но и то, что говорилось тамъ, не составляло впослѣдствіи тайны для публики, которая слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ сейма. Въ особенности вопросы о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе, должна ли законодательная власть по прежнему находиться исключительно въ шляхетскомъ сословіи,— занимали умы. Появилось множество брошюръ и въ консервативномъ и прогрессивномъ духѣ. Образцомъ прогрессивной публицистики того времени могутъ служить сочиненія Сташица, того самаго, который въ 1785 г. написалъ «Размышленія о Замойскомъ». Это былъ писатель, чуть ли не единственный въ свое время, происходящій не изъ шляхетскаго, а изъ мѣщанскаго званія и потому болѣе, чѣмъ всякій другой, способный выступить съ духомъ, противнымъ старо-шляхетской исключительности. Въ 1790 г. онъ напечаталъ «Предостереженіе Польшѣ» (Przestrogi dla Polski). Изложивъ ученіе о правахъ человѣка и объ основахъ человѣческихъ обществъ по Жанъ-Жаку Руссо, онъ, переходя къ Польшѣ, обращаетъ вниманіе преимущественно на экономическое состояніе страны, совѣтуетъ отдать въ потомственное пользованіе, за установленную годичную плату, староства, столовыя королевскія имѣнія и имѣнія духовныхъ, замѣнивъ доходы короля и духовенства жалованьемъ изъ казны. Для правильной оцѣнки этихъ имѣній онъ предлагаетъ принимать количество производимаго хлѣба и думаетъ, что такимъ образомъ можно установить на вѣчныя времена правильный налогъ: авторъ забываетъ, что и самая земля отъ лучшей обработки можетъ давать болѣе, отъ худшей менѣе. Въ шляхетскихъ имѣніяхъ онъ совѣтуетъ уничтожить паньщину, даровать крестьянамъ не только личную свободу, но и грунты ихъ, съ опредѣленнымъ платежомъ панамъ, а тамъ, гдѣ найдутъ удобнымъ замѣнить платежъ работою, установить правила для такихъ работъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ былъ огражденъ отъ произвольнаго принужденія къ работѣ. Онъ требуетъ также уничто-

женія, такъ-называемыхъ, женскихъ имѣній, хочетъ совершеннаго равенства въ имущественныхъ правахъ между мужчинами и женщинами, называетъ неравный раздѣлъ между братьями и сестрами варварскимъ обычаемъ, требуетъ также, чтобы жена владѣла своимъ имѣніемъ независимо отъ мужа. Сташицъ вовсе не сторонникъ монархическаго правленія, онъ считаетъ его зломъ, слѣдствіемъ человѣческой неразвитости, но сознаетъ его необходимость до времени и потому требуетъ для Польши наслѣдственной монархіи, ограниченной прочной конституціей, съ тѣмъ, чтобы къ законодательству были допущены, вмѣстѣ съ шляхетствомъ, и мѣщане. Съ большимъ чувствомъ и жаромъ заступается онъ за польскаго крестьянина. «Предъ моими глазами—говорилъ онъ—пять частей польскаго народа; вижу милліоны несчастныхъ твореній, полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, обросшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, безпрестанно задыхающіеся, угрюмые, одурѣлые, оглупѣлые; они мало чувствуютъ, мало думаютъ - едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища, а впродолженіе четверти года одно зелье; пьютъ они воду, да жгучую водку, живутъ въ землянкѣ, или въ хижинѣ, чуть-чуть не вравнѣ съ землею; солнце туда не проникаетъ; смрадъ и дымъ тамъ душатъ человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневнымъ трудомъ, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими ребятишками спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами. Вотъ, добрые поляки, какъ роскошествуетъ та часть вашего народа, отъ которой зависитъ судьба Рѣчи-Посполитой! Вотъ, что такое человѣкъ, который васъ кормитъ!... Привычка заглушила въ вашемъ сердцѣ врожденное чувство состраданія; воспитаніе сдѣлало васъ тиранами; вы отняли у равнаго вамъ человѣка землю и права, и не помышляете объ этомъ и не чувствуете этого. 5,200,000 рабовъ въ вашемъ краѣ: мнѣ стыдно становится, когда я подумаю, что я полякъ. И такая жестокость посреди христіанства, а вы вѣрите, что есть Богъ, и каждый день васъ убѣждаетъ въ томъ что придетъ смерть. Религія васъ учитъ, что вы предстанете на судъ божій. Вы продаете людей, какъ скотъ, промѣниваете, какъ коровъ. Тираны, богохульцы, вы не боитесь, что наконецъ переполняется мѣра беззаконій вашихъ! Долго терпѣло небо, разгнѣвается Богъ и повергнетъ васъ въ самое тяжкое рабство. И теперь уже, для приведенія васъ въ память, Онъ попустилъ суровой рукѣ деспотовъ налечь на васъ. Ни нравствен-

ное ученіе, ни религія уже не въ силахъ возбудить въ васъ любви къ ближнему, и потому онъ приводитъ васъ къ ней грозою иноземнаго могущества.» Касаясь польскаго духовенства, Сташицъ говоритъ: «Нѣтъ,—поругатели, а не учители вѣры Христовой, всѣ священники, которые говорятъ вамъ, что, будучи безчестными и жестокими, вы имѣете возможность соединиться съ Богомъ и содѣлаться участниками милостей Его, Бога, умершаго изъ любви къ человѣку. Искренно говорю вамъ: если Богъ справедливъ, то предъ очами Его не можетъ быть большей мерзости, какъ ваша мерзость!»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Сеймики 1790-го года.— Открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ.— Пьеса Нѣмцевича.—Возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ [1]).

Польскіе сеймики не могли вдругъ переродиться, и на этотъ разъ явились съ прежними нравами. Шляхта привыкла руководиться вліяніемъ сильныхъ пановъ. Обѣ партіи, и старая и новая, основывали на этомъ вліяніи свои надежды и старались овладѣть сеймиками посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ; все зависѣло отъ того, какъ выскажется большинство сеймиковъ по поводу перемѣны въ правленіи и какихъ пословъ выберутъ для составленія Избы въ двойномъ числѣ. Булгаковъ работалъ черезъ своихъ агентовъ. Императрица писала къ нему: «какъ для отвращенія разныхъ вредныхъ новостей, такъ и для умноженія прилѣпляющихъ къ видамъ нашимъ нужно дѣйствовать по провинціямъ, но сіе надлежитъ производить вамъ подъ рукою черезъ посредство друзей вашихъ; для расходовъ въ подобномъ случаѣ потребныхъ назначено отъ меня въ распоряженіе ваше пятьдесятъ тысячъ червонцевъ, на которые кредитивъ при семъ вложенъ, включая въ то число и тѣ двадцать тысячъ червонцевъ, что вамъ отъ князя Григорія Александровича дозволено употребить и коихъ суммы вѣдомству его надлежащія возвратить слѣдуетъ. Имѣвъ опыты вашей бережливости въ казенныхъ издержкахъ, знаю, что вы оную въ полной мѣрѣ соблюсти не оставите». Булгаковъ довѣрялъ друзьямъ своимъ настроивать сеймики такъ, какъ нужно было Россіи, но замѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ правительству, что число этихъ друзей пока не велико, но оно могло увеличиться,

[1]) См. Источн. №№ 8, 15, 18, 21, 28, 35, 36, 76, 78, 81, 94, 118.

потому что много было боявшихся наслѣдственнаго правленія, котораго не хотѣла допустить въ Польшѣ Екатерина, и общіе интересы направляли ихъ къ сближенію съ Россіею. Булгаковъ заранѣе обнадеживалъ такихъ поляковъ помощью Россіи въ случаѣ надобности. «Я не отрекусь — писала государыня — по востребованію нашихъ пріятелей дать такое ручательство, которое вѣрнымъ образомъ обезпечило бы ихъ бытіе, цѣлость владѣній и свободу учреждать ихъ внутреннія дѣла.» Полезнѣйшимъ для Россіи изъ друзей ея былъ гетманъ Браницкій и не даромъ Екатерина щадила его и прощала ему буйныя выходки въ прошлое время, разсчитывая, что онъ со временемъ пригодится ея видамъ. Теперь онъ пригодился. Ему не нужно было давать денегъ: онъ и такъ былъ богатъ по милости Россіи; онъ сорилъ своими деньгами для ея пользы, разослалъ на сеймики своихъ агентовъ волновать шляхту противъ прусской партіи и противъ наслѣдственности. Его жена и сестра, Сапѣга, по замѣчанію Булгакова, много помогали въ этомъ дѣлѣ, несмотря на то, что сынъ послѣдней былъ на враждебной сторонѣ. Тогда Россія боялась болѣе всего замысловъ Пруссіи и Булгаковъ старался главное о томъ, чтобы не выбрали преемникомъ Станиславу Августу прусскаго принца и не утвердили наслѣдственности въ прусскомъ домѣ. Избраніе саксонскаго князя-избирателя не считали дѣломъ опаснымъ: знали, что этотъ кандидатъ не рѣшится идти противъ сильныхъ сосѣдей.

Есть современный разсказъ одного изъ дѣятелей сейма (Михаила Чацкаго), дающій понятіе о томъ, что̀ такое были въ то время сеймики. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ свой край, откуда былъ выбранъ, чтобъ настраивать сеймикъ въ пользу саксонскаго князя-избирателя и, если можно, въ пользу признанія за нимъ наслѣдственности. Онъ узналъ, что партія Браницкаго уже обработала шляхту по-своему и успѣла настроить ее противъ нововведенія до того, что паны братья выходили изъ себя и грозили изрубить саблями всякаго, кто осмѣлится говорить за нарушеніе старинныхъ правъ шляхты избирать себѣ королей. Казалось, патріоту трудно было тутъ что̀-нибудь подѣлать. Но ему на помощь подоспѣла нѣкая госпожа Цѣшковская. «Васъ не пустятъ въ сеймовую Избу — сказала она ему — одѣньтесь лакеемъ и станьте на запяткахъ за моею каретою. Мы проѣдемъ такимъ образомъ въ городъ». Посолъ сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтовали: одѣлся въ ливрею, взялъ подъ мышку воеводскій мундиръ и сталъ на запятки. Шляхта партіи Браницкаго стояла у моста при въѣздѣ въ городъ и не пропускала тѣхъ, о которыхъ знала, что они думаютъ не такъ, какъ ея патронъ. Карета счастливо про-

ѣхала посреди этой толпы, стоявшей съ обнаженными палашами на страхъ всякому противнику. Карета завернула къ знакомому обывателю. Тутъ Чацкій проворно сбросилъ съ себя ливрею, надѣлъ воеводскій мундиръ и вскочилъ въ сеймовую Избу. Собравшаяся тамъ шляхта, увидя его зашипѣла, закричала. «А, это онъ! зачѣмъ онъ здѣсь! Онъ хочетъ намъ глаза замыливать! къ чорту съ его электоромъ! Какъ можетъ пропасть liberum veto—зѣница шляхетской вольницы».—«Братья шляхта! я прошу голоса!» сказалъ смѣлый посолъ.—«Нѣтъ согласія! Нѣтъ согласія!» кричали со всѣхъ сторонъ.—«Уваженіе къ праву», сказалъ Чацкій.—Это вдругъ заставило шляхту опомниться; если не дать голоса одному изъ своей среды, особенно уже избранному послу, тогда значитъ и каждому шляхтичу могутъ также зажать ротъ. Шляхта считала своимъ важнымъ преимуществомъ то, что всякій изъ ея сословія имѣетъ право свободнаго голоса посреди своихъ собратій по сословію. Собраніе замолчало. Посолъ началъ изображать несчастныя послѣдствія мнимой вольности избранія королей, приводилъ разные печальные примѣры изъ исторіи. Шляхта, предубѣжденная заранѣе противъ всѣхъ такихъ доводовъ, теряла терпѣніе; ей, наконецъ, надоѣло слушать оратора; взрывъ криковъ и шиканье прервали его. Казалось все пропало. Вдругъ Чацкому пришла счастливая мысль: «Милѣйшіе братья! сказалъ онъ—вспомните, какъ за покойнаго Саса (короля изъ саксонскаго дома) отцы наши спускали *паса»* (отпускали поясъ, т. е. отжирѣли). То была тогда всѣмъ знакомая пословица. На этотъ разъ она была произнесена до нельзя кстати; она понравилась шляхтѣ больше чѣмъ всѣ доводы посла; раздались крики: «да здравствуетъ саксонскій электоръ! Да здравствуетъ будущій король польскій!» пользуясь счастливою минутою, посолъ достаетъ изъ кармана заранѣе изготовленный актъ единогласнаго согласія на введеніе наслѣдственнаго правленія въ саксонскомъ домѣ и подаетъ къ подписи. Дѣло повернулось такъ неожиданно. «Вотъ—замѣтилъ Чацкій на какихъ собраніяхъ почіетъ всевластіе народа!»—Въ этомъ событіи, какъ будто выразилась типически вся польская исторія. Достаточно этого примѣра, чтобъ видѣть, какъ мало можно было по мнѣніямъ сеймиковъ заключить о волѣ націи и какъ трудно узнать, въ чемъ состояла воля націи.

Въ брацлавскомъ и волынскомъ воеводствахъ Щенсный Потоцкій и Ржевускій имѣли вліяніе. Тамъ поднялись яростные крики за старинныя права шляхетской вольности, за избирательное правленіе и liberum veto. Повсюду сеймики были бурны. Въ Цѣхановѣ и Добржинѣ во время засѣданій происходили смертоубійства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увлекались до того,

что опрокидывали алтари въ церкви, когда приходилось присягать новоизбраннымъ посламъ. Браницкій увѣрялъ короля, что не станетъ вовсе мѣшаться въ сеймики, а между тѣмъ его подручники въ разныхъ мѣстахъ работали, чтобъ не допускать перемѣнъ, неугодныхъ Россіи. Также ревностно трудилась, по наказу Булгакова, мать Казимира-Нестора Сапѣги и истощала свое обычное искусство, чтобы повредить дѣлу, за которое такъ отличался въ Избѣ ея сынъ. Адамъ Чарторыскій, по извѣстію Булгакова, истратилъ двадцать тысячъ червонцевъ на подготовку шляхты къ наслѣдственному правленію и къ уничтоженію liberum veto, но мало успѣлъ въ Люблинѣ, гдѣ у него, однако, была партія. Впослѣдствіи поляки увѣряли, будто въ то время большинство сеймиковъ высказывалось за наслѣдство и за реформы, но современныя извѣстія показываютъ не то. По единогласнымъ извѣстіямъ англійскаго посланника Гэльса, русскаго Булгакова и сеймоваго посла Сухоржевскаго только пять сеймиковъ соглашались тогда на введеніе наслѣдственнаго правленія. Король въ письмахъ своихъ къ Букатому въ Лондонъ и къ Малаховскому (племяннику маршала) въ Дрезденъ называетъ три коронные сеймика: краковскій, плоцкій и кіевскій, которые сказались за наслѣдство. Остальные два были литовскіе. Зато многіе выразительно объявили свое желаніе держаться старины и поручили своимъ посламъ наблюдать, чтобъ свято сохранялась зѣница шляхетской вольности—избирательное правленіе. Всѣ сеймики однако, исключая волынскаго, согласились на избраніе преемника Станиславу Августу въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, Фридриха Августа. Задушевная мысль Игнатія Потоцкаго о соединеніи Польши съ Пруссіею подъ единою короною не могла быть оглашена на сеймикахъ. Поляки, жившіе въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ, были такъ мало подготовлены къ тому, что̀ замышлялось въ варшавскихъ кружкахъ, что за подобное заявленіе можно было заплатить головою. Ка̀къ тогдашнее настроеніе шляхетскаго общества было далеко отъ преобразовательныхъ затѣй, которымъ предавались въ Варшавѣ, можно видѣть изъ того, что на многихъ сеймикахъ разомъ раздались желанія о возстановленіи іезуитовъ. Почти во всѣхъ инструкціяхъ были выходки противъ принятой системы воспитанія, нападали на эдукаціонную коммиссію, заявляли мысль, что надобно ее уничтожить, возвратить въ казну фонды, обращенные на воспитаніе и самое воспитаніе юношества отдать снова въ руки монахамъ. Къ этому располагали шляхетство монахи, которые тогда боялись, чтобъ свободомысліе не стало господствовать въ Польшѣ въ такой степени, какъ во Франціи, и не рѣшились бы закрыть монастыри.

Ксендзъ Лускина, передъ началомъ сеймиковъ, помѣстилъ въ варшавской газетѣ соображенія о томъ, что польскіе эксъ-іезуиты примутъ на себя даровое обученіе. Въ подобномъ духѣ говорили бернардины и францисканы и внушали шляхетству опасеніе, что если воспитаніе не возвратится въ руки монаховъ, то охладится религія, распространится зловредное безбожіе. Отцы боялись за дѣтей, за спасеніе ихъ душъ. Прежній способъ обученія у монаховъ имъ казался привлекательнѣе и достойнѣе шляхетнаго званія; они сами, такимъ образомъ, были воспитаны въ свое время.

Новые послы собрались къ назначенному времени. Сеймъ открылся въ удвоенномъ числѣ. Всѣхъ участвовавшихъ, съ сенаторами, по комплекту должно было находиться болѣе 500 человѣкъ. Въ первыхъ дняхъ стало замѣтно склоненіе на сторону Россіи. Тогда многихъ раздражило требованіе Пруссіи объ уступкѣ городовъ и потому они были недовольны Пруссіею, а уступчивость Россіи, оказанная въ послѣднее время, побуждала ихъ вѣрить, что теперь Россія оставила свои прежніе виды на подчиненіе Польши. Большинство новыхъ пословъ было противъ наслѣдственнаго правленія: оно не сходилось съ ихъ завѣтными понятіями о свободѣ; писанія Ржевускаго имъ болѣе приходились по вкусу, чѣмъ доводы прогрессистовъ. Это обстоятельство сближало ихъ на ту пору съ Россіею, о которой знали, что она не хочетъ наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ и благопріятствуетъ старошляхетской свободѣ. Притомъ же и между новыми послами, какъ и между старыми, очень много было падкихъ на чужое золото, готовыхъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что если берутъ деньги, то отъ друзей ихъ отечества и, служа имъ, не дѣлаютъ ничего вреднаго отечеству. «Прежде—писалъ Булгаковъ тотчасъ по открытіи сейма—нужны были деньги для настроенія сеймиковъ; теперь сеймики окончились; полезно употреблять эти деньги для пословъ, коихъ надобно будетъ обращать на истинный путь, а можетъ быть иныхъ и содержать.» Многіе изъ этихъ пословъ, взявши подачку, только тѣмъ и отслуживали ее, что не ходили въ Избу вовсе и, если не помогали, то не мѣшали. Значительное число тогдашнихъ пословъ содержалъ Браницкій у себя въ домѣ; онъ же ихъ и на сеймикахъ выбралъ; нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ, стали, однако, дѣйствовать противъ него впослѣдствіи.

Изъ донесеній Булгакова видно, однако, что русскій посланникъ не очень былъ расточителенъ, какъ говорили о немъ иностранцы. «Нечего бросать деньги въ воду», выражался онъ и не истрачивалъ того, что̀ государыня ассигновала на раздачу за услуги Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, было неблагоразумно платить

деньги за то, что̀ и безъ денегъ достигалось [1]). На польское расположеніе, какъ и на польскую вражду въ то время нельзя было разсчитывать. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было страшное озлобленіе противъ Россіи и склоненіе къ Пруссіи, теперь уже недовольны были Пруссіею и склонялись къ Россіи. Прусскій уполномоченный, замѣнившій временно Люккезини, въ 1790 году, писалъ въ это время къ Герцбергу, что тотчасъ, послѣ удвоенія сеймовой Избы, послы казались расположенны́ми болѣе къ Россіи, чѣмъ къ Пруссіи. «Сходство характеровъ,—писалъ онъ— единство происхожденія, близость языковъ, воспитанія, нравовъ и интересовъ и даже самая религія внушаетъ полякамъ болѣе довѣрія къ русскимъ, чѣмъ къ пруссакамъ. Послѣдніе для нихъ— всегда ненавистные нѣмцы», но какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство могло вдругъ отвратить умы и сердца отъ Россіи, что̀ и сдѣлалось очень скоро. Убѣжденія и симпатіи поляковъ быстро и легко мѣнялись, особенно тамъ, гдѣ имъ недоставало ни основательнаго знанія вещей, ни навыка. Англійскій посланникъ такъ очертилъ новыхъ пословъ: «Многіе изъ нихъ проводили время въ деревенскихъ занятіяхъ; теперь они брошены на необычное для нихъ поле политики. Вслѣдствіе крайняго невѣжества въ дѣлахъ, между ними господствуетъ взаимное недовѣріе, подозрительность и крайняя безтолковщина. Иностранный министръ, имѣющій здѣсь дѣла, долженъ толковать съ тремя или четырьмя стами особъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей собственной страны и объ интересахъ чужихъ краевъ».

Завзятые сторонники Пруссіи стали кричать, что значительная часть новыхъ пословъ подкуплена Россіею. Казимиръ-Несторъ Сапѣга подалъ проектъ, чтобъ члены сейма произнесли присягу въ томъ, что не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. Послы равскаго и брестъ-литовскаго воеводствъ поддерживали его. Но ему возражали: «это недостойно представителей свободной націи, которая должна понимать свои обязанности на основаніи чувства чести, а не по присягѣ. Развѣ страшнѣе нарушить присягу, чѣмъ употребить во зло довѣріе своихъ избирателей? Есть обязанности не для всѣхъ общія, обя-

[1]) Кромѣ разныхъ одновременныхъ подачекъ, въ концѣ 1790 г. Булгаковъ выдалъ полковнику Островскому за полгода 60 черв., королевскому секретарю Фризу, за сообщеніе секретныхъ свѣдѣній, 90 черв., совѣтнику двора Юзофовичу 100 черв. въ треть, гнѣзненскому каштеляну Мястковскому 200 черв., за полгода, г-жѣ Гумецкой 600 черв. за полгода, Боскампу 500 черв. за полгода, Захаркевичу, регенту брестскаго куявскаго суда 280 черв. за сообщеніе разныхъ бумагъ и за сочиненіе брошюры противъ наслѣдственности.

занности служебныя: тамъ понятна присяга. Человѣкъ принимаетъ ихъ на себя и долженъ исполнять ихъ столько, сколько требуетъ долгъ, сопряженный съ ихъ принятіемъ; но есть обязанности общія для всѣхъ и для всѣхъ неизбѣжныя, напр., почитать родителей, не красть и т. д. Можно ли кого-нибудь приводить къ присягѣ въ исполненіи такихъ обязанностей? Это имѣло бы такой смыслъ, что безъ присяги можно дѣлать то, чего нельзя дѣлать давши присягу». Король присталъ къ противникамъ Сапѣги. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 130 противъ 109. Но потомъ поданъ былъ проектъ о томъ, чтобъ тотъ, кто впередъ будетъ брать пенсіоны отъ иностранныхъ дворовъ, подвергался смертной казни. Если проектъ о присягѣ можно было отстранить благовидными соображеніями, то проекта о назначеніи смертной казни за взятіе пенсіоновъ невозможно было недопустить. Онъ обратился въ законъ. Виновный подвергался смертной казни, доноситель награждался восьмою частію его имущества, но подвергался той же казни, если бы доносъ оказался ложнымъ. Этому осужденію не подпадали тѣ, которые отъ иностранныхъ державъ получали пенсіоны за нахожденіе въ службѣ въ этихъ державахъ или же въ видѣ вознагражденія за доходы въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя отошли отъ ней по первому раздѣлу. Это было первое торжество прогрессивнаго направленія въ удвоенной Избѣ. Наступило другое.

Консерваторы стали жаловаться на то, что въ печати появляются статьи предосудительныя для чести нѣкоторыхъ особъ и подняли вопросъ о томъ: можно ли редактору газеты подъ названіемъ «Gazeta narodowa y obca» дозволить печатать рѣчи, произнесенныя на сеймѣ? Примѣръ Франціи оказывалъ вліяніе на умы и въ подражаніе французской гласности вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Въ январѣ 1791 года, въ Избѣ стали толковать: съ чего слѣдуетъ начать разсмотрѣніе проекта новой конституціи: съ правъ кардинальныхъ или съ формъ правленія по частямъ, отдѣльно. Шляхетская партія, трепетавшая за избирательное правленіе и liberum veto, стояла въ этомъ случаѣ за кардинальныя права, и желала, чтобы прежде всего провозглашены были эти два основанія старошляхетской свободы, и далѣе не было бы мѣста толкамъ объ ихъ измѣненіяхъ. Противники доказывали, что прежде всего нужно устроить порядокъ и опредѣлить значеніе сеймиковъ, какъ главнаго рычага законодательства: кардинальныя же права сами собою уяснятся и опредѣлятся, когда будетъ установлена форма правленія. Доказательства патріотовъ взяли верхъ; большинствомъ 174 противъ 89-ти рѣшено было начи-

нать разсмотрѣніе проекта конституціи съ вопроса о сеймикахъ, а не съ вопроса о кардинальныхъ правахъ. Прогрессивная партія еще разъ вышла съ побѣдою. Тоже было и 19-го января по поводу новой комедіи Нѣмцевича, подъ названіемъ «Возвращеніе посла».

Комедія эта съиграна была въ первый разъ 15-го января. Она была написана именно съ цѣлію возбудить въ публикѣ наклонность къ реформамъ и къ уничтоженію liberum veto. Авторъ вывелъ на сцену два типа своего времени: старосту — сторонника старошляхетской рутины и пана Шарманскаго, пустого щеголя, любителя забавъ и амурныхъ дѣлъ. Въ уровнѣ съ послѣднимъ поставлена жена старосты, отгулявшая кокетка, со всею пустотою, легкомысліемъ и безнравственностію модной барыни такого разряда. Имъ всѣмъ въ противоположность выведенъ честный и умный старикъ подкоморій съ доброю супругою, и ихъ сынъ Валерій, посолъ на сеймѣ. Драматизмъ пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій во время лимиты сейма домой посолъ хочетъ жениться на дочери старосты, отъ перваго брака, Терезѣ. Мачиха этому препятствуетъ и хочетъ выдать падчерицу за Шарманскаго; но такъ какъ староста скупъ, а Шарманскій, истасканный женолюбецъ, думаетъ только о приданомъ, то дѣло не клеится и устраивается желанный бракъ Валерія съ Терезою. Содержаніе пьесы бѣдно, но она замѣчательна по современнымъ идеямъ и намекамъ на пороки и предразсудки тогдашняго общества. Староста — представитель тѣхъ началъ, съ которыми приходилось бороться въ Избѣ прогрессивной партіи. «Богъ знаетъ — говоритъ въ пьесѣ это лицо — что это сеймъ выдѣлываетъ? къ чему это правленіе, къ чему эти перемѣны? Развѣ намъ плохо было до сихъ поръ. Развѣ предки наши были безъ ума? Развѣ мы не были сильны подъ ихъ уставами? развѣ мы не благоденствовали при Августахъ? Какой былъ дворъ! Какіе трибуналы! Человѣкъ — ѣлъ, пилъ, ничего не дѣлалъ и карманы его были полны. Теперь все измѣняется, все портится; злодѣи посягаютъ на liberum veto — зѣницу шляхетской свободы. А прежде, безъ всякихъ интригъ, безъ всякой измѣны, каждый могъ прервать ходъ сейма, каждый держалъ въ рукахъ судьбу отечества. А кому отъ этого было дурно? Напротивъ: можно было за это достать нѣсколько деревенекъ. А теперь достанешь? Какъ бы не такъ. Новомодныя головы выдумываютъ какую-то Стражу, какой-то готовый сеймъ. Это чисто поле для деспотизма». Бесѣдуя съ подкоморіемъ о наслѣдственности королевскаго достоинства, староста сказалъ: «Никому не совѣтую заикаться объ этомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ приключеній. Когда я былъ въ трибуналѣ въ Радомѣ, одинъ молодецъ вздумалъ по-

щеголять своимъ просвѣщеніемъ и началъ говорить противъ вольнаго избиранія королей; мы тогда выходили изъ-за стола и бросились на него съ саблями. Насъ было много. Онъ чуть живъ остался, получивъ ударовъ пятнадцать по головѣ, и потомъ жидъ цирюльникъ сшивалъ ему шелкомъ оба уха. Послѣ того уже онъ не совался съ этимъ.» — Хорошъ способъ убѣжденія! сказалъ подкоморій. — «А зачѣмъ же имѣть такія глупыя понятія — сказалъ староста — и желать повергнуть народъ въ рабство посредствомъ наслѣдственнаго правленія. Кому польза отъ наслѣдственнаго правленія? Король сегодня умретъ, а завтра сынъ его вступитъ на престолъ, и все останется спокойно, какъ прежде бывало. Въ элекцію же каждый стоитъ за своего претендента, всѣ садятся на коней; паны составляютъ партіи. Одинъ панъ говоритъ мнѣ: будь со мною, любезный панъ Петръ. Я тебѣ дамъ въ державу деревню. Другой же панъ проситъ, чтобъ я съ нимъ былъ и даетъ мнѣ имѣніе въ заставу. Третій предлагаетъ мнѣ денежную сумму. И вотъ человѣкъ такимъ образомъ разживается. Правда, доходило, бывало, и до волосотрепки: такъ было по смерти Августа II; одни за саксонскаго принца, другіе за Лещинскаго, и жгутъ одни другимъ села. Да чтожъ тутъ за бѣда! Придетъ иностранное войско и все усмиритъ, а потомъ амнистія, и тутъ панамъ булавы раздаютъ и должности, а шляхтѣ войтовство, обѣщанія, ласки»...

Подкоморій, защищая дѣйствовавшій сеймъ, говоритъ:

«Чернить сеймъ вошло уже въ обычай. Онъ не сдѣлалъ столько, сколько могъ бы сдѣлать — это уже всѣмъ извѣстно; но примите во вниманіе множество затрудненій и тогда надобно будетъ благодарить его за то, что̀ имъ сдѣлано. Мы уже болѣе не подчиняемся чуждому владычеству, какъ было года два тому назадъ. Мы были слабы, угнетены, несогласны между собою; иностранцы насъ не знали или не хотѣли знать; теперь же возвращены народу его слава и уваженіе, обыватель съ радостію платитъ подати, свободный союзъ возвратилъ намъ честь; теперь у насъ есть союзникъ, а прежде былъ надъ нами владыка; возрастаетъ наше войско, исполненное благородной отваги: посмотрите на эти почтенные ряды юношества въ вооруженіи; казна наша пополняется золотомъ, арсеналъ орудіями, для Польши наступаютъ блистательныя времена». Подкоморій въ концѣ пьесы произноситъ такія слова: «настоящій день для меня священъ и радостенъ. Пусть онъ ознаменуется счастіемъ тѣхъ, которые насъ кормятъ трудомъ своимъ — честныхъ, земледѣльцевъ; съ настоящаго дня прекращается у меня ихъ зависимость. Я объявляю свободу всѣмъ моимъ крестьянамъ.» Эти послѣднія

слова были воззваніемъ къ дворянству, напоминавшимъ, что пора пришла послѣдовать такому совѣту, внушаемому духомъ времени.

Пьеса была встрѣчена съ восторгомъ. Похвалы сейму и королю вызвали овацію въ честь короля, который находился при представленіи и кланялся изъ ложи народу. На другой день представленіе повторили: когда вошелъ въ ложу маршалъ Малаховскій — раздались продолжительныя рукоплесканія и крики, выражавшіе уваженіе къ его особѣ и признательность за труды. Рѣдки бывали случаи, чтобъ театральная пьеса имѣла такое громадное вліяніе на умы общества, какъ эта. Она сразу перемѣнила многихъ, настроила иначе и обратила помыслы къ прогрессивной сторонѣ. Замѣтно было, что именно съ появленія этой пьесы опять начали ругать москаля, относиться дружелюбнѣе къ Пруссіи и думать высоко о своихъ подвигахъ; распространилась увѣренность, что Польша поправилась и усилилась. Пьеса эта сдѣлала больше, чѣмъ многія рѣчи и убѣжденія. За то упрямые консерваторы съ самаго появленія этой пьесы возненавидѣли ее отъ всей души и Сухоржевскій, въ засѣданіи 18 января, выступилъ противъ нея съ грозною рѣчью. Говорятъ, что тогда нѣкоторые члены сейма подстрекнули его на эту выходку смѣха ради: «я обвиняю автора — говорилъ онъ — за то, что онъ унизилъ и осмѣялъ народное право свободнаго выбора королей и восхвалилъ наслѣдственность престола, т. е. кандалы для всѣхъ насъ. Зачѣмъ тогда, когда расхищали нашъ край, не возбуждали насъ на театрѣ къ защитѣ отечества, къ возрожденію старопольскаго мужества, зачѣмъ не играли тогда комедіи «Мать Спартанка» или другой пьесы «Единственный сынъ»? Когда я поѣхалъ въ Пулавы на спектакль, надо мной смѣялись. Теперь же, когда играется комедія, въ которой восхваляется наслѣдственность правленія, кричатъ: «браво, авторъ!» Обращаюсь къ тебѣ, публика: въ оное тяжелое время, когда капуцинъ говорилъ съ амвона: защищайте отечество, его стащили и посадили въ тюрьму. Зачѣмъ, публика, ты тогда не кричала: браво, проповѣдникъ! а теперь ты кричишь: браво, авторъ! сама суди, публика, справедливъ ли я? Предлагаю огласить врагомъ отечества всякаго, кто станетъ говорить или писать за наслѣдственное правленіе и прошу господъ маршаловъ созвать сеймовыхъ судей для суда надъ авторомъ комедіи: «Возвращеніе посла».

Никто не отозвался одобрительно на эту рѣчь. Не поддержали Сухоржевскаго думавшіе съ нимъ одинаково. Многіе зажимали себѣ ротъ отъ смѣха. Потомъ заявлены были просьбы

къ маршалу обратить совѣщанія Избы къ другимъ дѣламъ. Неудача Сухоржевскаго придала бодрости противной сторонѣ.

22-го февраля удалось литовскому послу Кицинскому провести законъ объ отмѣнѣ постановленія 1768 года, по которому всѣ статьи, слѣдуемыя ко введенію въ законодательство, непремѣнно должны были обсуждаться не иначе, какъ въ полномъ собраніи, а не въ коммиссіяхъ: отъ этого сеймъ занимался мелочами. Сверхъ того, для порядка занятій установили, чтобъ одну недѣлю сеймъ занимался устройствомъ формы правленія, а другую посвящалъ дѣламъ финансовымъ, военнымъ и воспитательнымъ. Съ этихъ поръ, въ назначенныя по этому правилу недѣли, сеймъ принялся за разсмотрѣніе проекта о сеймикахъ.

Пруссія опять начала работать надъ своимъ дѣломъ; прусская дипломатія соперничала въ Варшавѣ съ русскою. Въ пользу Пруссіи распущена была брошюра на французскомъ языкѣ: Mémoire sur les affaires actuelles de la Pologne. Она, какъ говорили, написана была Гэльсомъ. Противники, по наущенію Булгакова, тотчасъ распустили другую брошюру: Examen d'une brochure intitulée mémoire etc. и тамъ доказывали, что полякамъ никакъ не слѣдуетъ отдавать Пруссіи городовъ, особенно приморскихъ. Игнатій Потоцкій всячески старался склонить соотечественниковъ на такую уступку; онъ былъ твердо убѣжденъ и убѣждалъ другихъ, что у Польши былъ только одинъ надежный союзникъ—прусскій король и его надобно во что́ бы то ни стало задобрить. «Медлить намъ не слѣдуетъ — говорилъ онъ — теперь Польша отъ Россіи уже безопасна, Россія занята войною съ Турціей и поэтому находится въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ европейскими державами, намъ нужно этимъ пользоваться». Люккезини былъ въ Турціи; въ Польшу доходили слухи, что этотъ другъ ея старается о водвореніи мира между Россіею и Турціею, а это было противно видамъ прогрессивной партіи. Можно было предвидѣть, что когда Россія помирится съ Турціею, то на Пруссію плоха будетъ надежда, если только Польша не удовлетворитъ ея желанію заранѣе. Такъ разсчитывалъ Игнатій Потоцкій. Прежде онъ былъ закоренѣлый врагъ Станислава Августа, теперь отношенія ихъ измѣнились. Игнатій поддѣлался къ пани Грабовской, а король всегда поддавался вліянію тѣхъ женщинъ, которыми былъ увлеченъ. Былъ у Игнатія еще другой путь сближенія со Станиславомъ Августомъ: у послѣдняго въ милости былъ итальянецъ аббатъ Пьятоли, проповѣдникъ новыхъ идей свободы и равенства, вольнодумецъ, другъ человѣчества. Король очень полюбилъ его: итальянецъ плѣнялъ его своимъ живымъ нравомъ и остроуміемъ. Съ нимъ подружился Игнатій

и они оба направляли чувства и убѣжденія короля. Это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что они, внушая ему свои мысли и предположенія, въ то же время держались такъ, что королю казалось, будто все отъ него исходитъ, будто онъ имѣетъ на нихъ вліяніе, а не они на него. Вмѣстѣ съ королемъ, до извѣстной степени сблизились съ Игнатіемъ и Пьятоли люди королевской партіи. Дѣйствуя въ то же время на кружокъ пословъ прогрессистовъ, Игнатій разсчитывалъ, что силой своего краснорѣчія ему удастся склонить сеймъ къ отдачѣ городовъ; онъ находилъ нужнымъ заранѣе расположить къ Польшѣ прусскаго короля и поселить въ немъ увѣренность, что поляки исполнятъ его желаніе. На посланника Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князя Яблоновскаго, Игнатій не смѣлъ положиться; Яблоновскій былъ тогда влюбленъ въ Стецкую, дочь сѣрадскаго воеводы Валевскаго, который былъ сторонникъ Браницкаго. Этого казалось довольно, чтобъ заподозрить искренность Яблоновскаго. Потоцкій выбралъ для своей цѣли пана Морскаго и поручилъ ему, отправившись въ Берлинъ, довести до свѣдѣнія прусскаго короля, что несмотря на нѣкоторую оппозицію, возбуждаемую Россіею, онъ, Игнатій, доведетъ сеймъ до того, что города Гданскъ и Торунь будутъ отданы Пруссіи. Въ Берлинѣ поняли это совсѣмъ не такъ какъ хотѣлось Потоцкому. Тамъ показалось, что Потоцкій увѣряетъ въ томъ, въ чемъ самъ не увѣренъ, хочетъ обмануть Пруссію льстивыми обѣщаніями и подвинуть на какой-нибудь шагъ въ пользу Польши, а потомъ обѣщаніе можетъ и не исполниться. Въ мартѣ случилось событіе, повредившее надеждамъ Потоцкаго расположить сеймъ въ пользу Пруссіи. Вòйна изъ Вѣны доносилъ, что прусскій посланникъ при императорскомъ дворѣ сообщалъ этому двору, что его король готовъ пособить императору въ пріобрѣтеніи земель и выгодъ насчетъ Турціи, если императоръ съ своей стороны согласится на присоединеніе къ Пруссіи нѣскольких земель отъ Польши. Депутація иностранныхъ дѣлъ, получивъ такое извѣстіе, обратилась за объясненіемъ къ прусскому министру. Гольцъ отвѣчалъ, что въ его инструкціяхъ нѣтъ ничего указывающаго на что-нибудь подобное, и, вѣроятно, Вòйна присылаетъ такія выдуманныя извѣстія съ цѣлью посѣять подозрѣнія въ искренности прусскаго короля. Въ заключеніе онъ обѣщалъ объ этомъ справиться у своего правительства. Пока Гольцъ справлялся, въ публикѣ распространилось извѣстіе, сообщенное Вòйною и возбудило безпокойство и толки. На сеймѣ стали требовать чтенія депеши.

Депутація иностранныхъ дѣлъ отговаривалась тѣмъ, что нельзя давать гласности дипломатическимъ сношеніямъ.

«Какъ!—возражали послы—не давать гласности такому предмету, о которомъ повсюду кричатъ».

Напали на маршала Малаховскаго, которому еще недавно оказывали большіе знаки вниманія, и даже прекращали сеймовыя засѣданія по поводу смерти и погребенія жены его. Теперь его обвиняли за то, что огласилъ слухъ, сообщенный Войною.

«Еслибъ и такъ было — говорили сторонники маршала — то въ этомъ нѣтъ вины: пусть грозящая опасность будетъ всѣмъ извѣстна; тѣмъ лучше: всѣ будутъ осторожны».

«Никакой опасности нѣтъ—говорилъ Малаховскій—никто не затѣваетъ раздѣла Польши; депеши Войны не имѣютъ оффиціальнаго значенія».

«Я не думаю,—сказалъ Игнатій Потоцкій—чтобы мысль о раздѣлѣ могла безпокоить просвѣщенную публику. Извѣстно, что между Пруссіею и Австріею нѣтъ согласія и довѣрія. Слухи о предположеніяхъ насчетъ раздѣла Польши распускаются съ цѣлью отвлечь насъ отъ вѣрнаго и сильнаго союзника».

Малаховскому и Потоцкому удалось успокоить Избу, но не надолго. Въ публикѣ продолжали ходить зловѣщіе слухи и толки. Говорили, что Пруссія хлопочетъ о примиреніи Россіи съ Турціею именно для того, чтобы вмѣстѣ съ Россіею накинуться на Польшу; Россія скопляетъ войска въ Бѣлой Руси; въ Пруссіи также дѣлаются военныя приготовленія. Изъ частныхъ собраній эти толки переходили въ сеймовую Избу. Арбитры, постоянно наполнявшіе залу засѣданія, заставили пословъ своими криками прекратить занятія внутренними дѣлами и приняться снова за политическія пренія. Витебскій каштелянъ Ржевускій требовалъ, чтобъ депутація объявила о содержаніи депеши Войны. Матушевичъ, самъ будучи однимъ изъ членовъ депутаціи, возражалъ ему такъ: «если всѣ получаемыя депеши читать на сеймѣ, тогда нѣтъ нужды и въ депутаціи иностранныхъ дѣлъ. Никакой иностранный кабинетъ не довѣритъ депутаціи тайны, зная, что тайна эта тотчасъ станетъ извѣстна. Я требую, напротивъ, чтобъ члены депутаціи, подъ опасеніемъ смертной казни, хранили ввѣренную тайну».

Игнатій Потоцкій и маршалъ Малаховскій опять увѣряли, что нѣтъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній о раздѣлѣ, и опять превозносили великодушіе и благородство прусскаго короля.

Среди такихъ тревожныхъ толковъ депутація получила отъ Гольца ноту отъ 25 марта, опровергающую слухи о коварствѣ Пруссіи.—«Его величество прусскій король—было сказано въ этой нотѣ—останется навсегда въ дружбѣ съ Польшею и будетъ поддерживать цѣлость ея владѣній». Самъ прусскій король напи-

салъ къ польскому письмо и въ немъ выразился, что не можетъ скрыть своего удивленія: какъ могли поляки съ такимъ довѣріемъ принимать нелѣпые слухи?

Между тѣмъ, къ досадѣ сторонниковъ Пруссіи, извѣстія изъ Вѣны подтверждались извѣстіями изъ Константинополя: оттуда писали, что прусскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Кнобельдорфъ, объявилъ, что Пруссія соглашается на заключеніе мира Турціи съ Россіею безъ вмѣшательства другихъ державъ. Нерасположенные къ Пруссіи члены депутаціи толковали, что тутъ видна со стороны прусскаго короля хитрость, онъ оставляетъ себѣ на будущее время возможность сойтись съ Россіею ко вреду Польши. Друзья Пруссіи указывали на безкорыстіе прусскаго короля, который объявлялъ уже, что никакъ не домогается Гданска и Торуня, иначе какъ только тогда, когда поляки сами найдутъ для себя выгоднымъ отдать эти города.

Между тѣмъ занятія финансовыми вопросами невольно повернули самый сеймъ къ роковому вопросу объ уступкѣ городовъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ имѣла порученіе продолжать сношенія по вопросу о торговомъ договорѣ съ Пруссіею, при посредствѣ англійскаго и голландскаго министровъ, и выхлопотать черезъ нихъ отъ Пруссіи свободный провозъ товаровъ, льготы для склада ихъ и новый тарифъ съ пониженіемъ пошлинъ. Но Гэльсъ и Рээде повторили тоже, что говорили прежде, именно, что заключить договоръ съ Пруссіею, выгодный для Польши въ торговомъ отношеніи, иначе нельзя, какъ съ уступкою городовъ, по крайней мѣрѣ хоть одного Гданска.

31 марта, депутація донесла сейму, что она не можетъ продолжать переговоровъ о торговомъ трактатѣ, такъ какъ уступка Гданска посредствующими сторонами ставится неизбѣжнымъ условіемъ, а депутація уже получила отъ сейма инструкцію ни въ какомъ случаѣ не касаться этого. Въ началѣ апрѣля, вопросъ этотъ занималъ сеймъ нѣсколько дней сряду. Споры доходили до того, что послы стали вызывать другъ друга на поединокъ.

Король боялся слишкомъ раздражать съ одной стороны иностранныхъ министровъ, домогавшихся уступки, а съ другой противниковъ, стоявшихъ за цѣлость и неприкосновенность предѣловъ Рѣчи-Посполитой, и потому былъ ни за уступку, ни противъ уступки. Противники говорили такъ: «уже состоялся законъ, по которому сеймъ лишилъ самъ себя права отчуждать безъ единогласія земли Рѣчи-Посполитой. Этотъ законъ положено включить въ число кардинальныхъ; слѣдовательно толковать нечего: депутаціи остается объявить прямо на чистоту, что уступка Гданска не можетъ служить основою дальнѣйшимъ сношеніямъ».

Члены, хотѣвшіе избрать примирительный путь между двумя противными сторонами, говорили: «пусть послѣднее слово о Гданскѣ отложится на будущее время, а сношенія идутъ своимъ чередомъ: прежде пусть покажутъ намъ, какія выгоды можетъ извлечь Польша изъ торговаго договора съ Пруссіею».

«Нечего толковать, — продолжали противники — мы понимаемъ, что хотятъ умышленно тянуть дѣло, чтобъ рано или поздно сдѣлать по-своему. Нѣтъ, нѣтъ! теперь же надобно отсѣчь иностраннымъ державамъ всякія надежды на увеличеніе своихъ владѣній насчетъ Польши».

«Единственное средство —возражали имъ — соединиться тѣснѣе съ государствами, которыя намъ помогутъ утвердить нашу независимость; и если только уступка Гданска есть цѣна такого союза, не будетъ ли уже Рѣчь-Посполитая вознаграждена тѣми выгодами, какія дадутъ ей новыя связи и договоры»?

Враждебныя стороны стали укорять другъ друга въ томъ, что ихъ настроили чужія державы: сторонники отдачи попрекали противниковъ Россіею, послѣдніе первыхъ Пруссіею. Всего задорнѣе кричали противъ отдачи витебскій каштелянъ Ржевускій и иноврацлавскій посолъ Лещинскій. Послѣдній говорилъ по этому поводу длиннѣйшую рѣчь, производившую въ свое время большое впечатлѣніе: въ ней однако почти не было доводовъ а одна риторика. Онъ оканчивалъ свою рѣчь такими словами: «Поляки, если вы отдадите Гданскъ, убѣдившись коварными доводами, то я скажу, что въ нашемъ народѣ нѣтъ честнаго человѣка.»

Наконецъ, по предложенію брацлавскаго посла Вавржецкаго, рѣшено сообщить депутаціи: пусть она объявитъ иностраннымъ посланникамъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ отъ сейма насчетъ уступки Гданска, но ей поручено продолжать сношенія по торговому договору. Городу Гданску объявлена благодарность за вѣрность и привязанность къ Рѣчи-Посполитой.

Прусскій король, получивши такой рѣшительный отказъ, разсчелъ, что такъ или иначе, а Гданскъ долженъ быть въ его рукахъ, и писалъ къ Гольцу, отъ 25 апрѣля: «Поляки черезчуръ дорожатся своимъ Гданскомъ и уступать его не хотятъ; поэтому, для меня будетъ лучше, когда все останется по старому и они будутъ платить мнѣ высокія таможенныя пошлины, пока сами не убѣдятся въ неправильности своего разсчета. Нечего мнѣ предлагать имъ выгоды за выгодами; я останусь въ нейтральномъ положеніи относительно Польши, если она вступитъ въ войну съ Россіею, тогда пусть себѣ дѣлаютъ что̀ хотятъ: увидятъ, къ чему дойдутъ». Разсказывали, что Фридрихъ - Вильгельмъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Если эти оборвыши

задумаются отдать мнѣ Гданскъ и Торунь, то я свяжу имъ руки и ноги и отдамъ Россіи».

Игнатій Потоцкій болѣе не пытался вести тайныхъ сношеній съ прусскимъ королемъ и боялся, чтобъ Морскій не объявилъ о своихъ прежнихъ порученіяхъ; поэтому Потоцкій поспѣшилъ спровадить Морскаго посланникомъ въ Испанію.

Въ то же время Пруссія побаивалась, чтобы Австрія, ея постоянная соперница, не образовала себѣ въ Польшѣ партіи. Дѣйствительно, въ это время видны были нѣкоторыя попытки къ этому; Австрія ласкала поляковъ въ присоединенной къ ней Галиціи, давала имъ льготы, сбавила пошлины за соль, доставляемую въ Польшу. Въ Вѣнѣ отлично принимали пріѣзжавшихъ туда поляковъ и, при случаѣ, мимоходомъ, давали имъ знать, что императоръ Леопольдъ настолько справедливъ и благожелателенъ, что готовъ возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы другія государства, участвовавшія въ раздѣлѣ, также поступили. Между поляками мало-по-малу образовывался кружокъ, начинавшій чаять спасенія отъ Австріи. Два знатныхъ пана, Ржевускій и Щенсный Потоцкій, находились тогда въ Вѣнѣ и составляли заговоръ противъ прусской партіи, думая опереться на Австрію въ случаѣ неудачи съ Россіею. Княгиня Чарторыская, хотя противныхъ убѣжденій и ревностная сторонница прогрессивной партіи, проживши долго въ Вѣнѣ, въ это время возвратилась въ Варшаву и настраивала тамошнее общество въ пользу Австріи. Именемъ Россіи было сдѣлано косвенное заявленіе въ томъ же родѣ, какъ австрійское. По извѣстію графа Гольца, посланникъ датскаго короля, Буркенъ, сообщилъ Малаховскому и Игнатію Потоцкому, что россійская императрица не прочь возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы она знала напередъ, какое положеніе приметъ Польша въ случаѣ разрыва между Россіею и Пруссіею. Крѣпчайшій и неизмѣнный союзникъ Пруссіи, Малаховскій, напрямикъ отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ Польша будетъ держаться союза съ государствомъ, которому одолжена своею независимостью и тою степенью благосостоянія, какой теперь достигла». Эти простодушныя слова были сказаны въ то время, когда Гольцъ писалъ своему правительству, что, по его соображеніямъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи ничего не оставалось, какъ сблизиться съ Россіею насчетъ Польши: иначе послѣдуетъ сближеніе Россіи съ Австріею, во вредъ Пруссіи.

II.

Устройство сеймовъ. — Мѣщанское дѣло. — Городской уставъ [1]).

Въ Избѣ, съ удвоеннымъ числомъ членовъ, раздавались такія же жалобы на медленность работъ, какъ и въ прежней. «Еслибы — говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ — поляки жили себѣ на уединенномъ островѣ, то имъ можно было бы сказать: пишите свои законы хоть цѣлыя столѣтія, останавливайтесь не только надъ словами, но и надъ буквами; но я вижу, что намъ угрожаетъ опасность отъ чужихъ государствъ и боюсь, чтобы мы не заслужили укора отъ нашихъ собратій и презрѣнія отъ иноземцевъ?» «Никогда — замѣчалъ холмскій епископъ Скаржевскій — такъ много не жаловались на потерю времени, какъ теперь и никогда такъ мало не дѣлали, какъ на настоящемъ сеймѣ.» Важнѣйшими вопросами, которые рѣшилъ сеймъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, были устройство сеймиковъ и устройство городовъ. Депутація, составлявшая проектъ объ устройствѣ сеймиковъ, нѣсколько разъ подавала его и онъ былъ ей возвращаемъ для переправки. Главный предметъ спора состоялъ въ томъ, что проектъ допускалъ къ участію на сеймикахъ только осѣдлыхъ шляхтичей. Старошляхетская партія — послы волынскіе, бресто-куявскіе, минскіе, домогались, чтобы всякій шляхтичъ, по рожденію, имѣлъ на это право. Сначала эта партія взяла-было верхъ и проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 94 противъ 73, а потомъ прогрессисты взяли верхъ и проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 101 секретнаго голоса противъ 64. Изъ этого малаго числа присутствовавшихъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ видно, какъ большинство членовъ мало занималось своими обязанностями. Вопросъ о правахъ городовъ нѣсколько разъ уже появлялся и всегда отступалъ передъ взрывами шляхетской исключительности. Въ тогдашней публикѣ онъ сдѣлался живымъ предметомъ разсужденій впрямь и вкось. Люди консервативные говорили объ немъ такъ: «До сихъ поръ у насъ не представлялось опасности народныхъ смутъ и революціи; нововводители хотятъ подвергнуть Польшу такимъ же несчастіямъ, какія испытываетъ Франція. Слава Богу, теперь одна шляхта имѣетъ доступъ къ законодательству и къ управленію государствомъ. Посольство въ Польшѣ никогда не имѣло правъ и не домогалось ихъ, а потому и не забурлитъ такъ, какъ французское. А какъ

[1]) См. Источники, №№ 18, 28, 36, 81, 113.

дадутъ мѣщанамъ права, такъ и начнутся смуты. Шляхта всегда захочетъ держать верхъ надъ мѣщанами, а мѣщане будутъ стараться показывать, что они такіе же люди, какъ шляхта. Мѣщане будутъ добиваться мѣстъ, а шляхта будетъ стараться оттѣснять ихъ. Вотъ и возникнетъ вражда между шляхетствомъ и мѣщанствомъ; тогда король, котораго на пущую бѣду хотятъ сдѣлать наслѣдственнымъ, увидитъ возможность увеличить свою власть и приметъ сторону мѣщанства; шляхта будетъ стараться сохранить мѣщанскую свободу, а мѣщанство, на зло шляхтѣ, станетъ съ королемъ за самодержавіе и начнется въ Польшѣ ужаснѣйшая междоусобица». Но не такъ разсуждали люди, подпавшіе вліянію современныхъ европейскихъ идей. Сколько противники ихъ старались отстранить вопросъ о реформѣ городовъ, столько прогрессисты пытались выдвинуть его впередъ. Вопросъ этотъ поднятъ былъ снова 29 марта. Первый внесъ его на сеймъ познанскій посолъ Глищинскій: онъ требовалъ распространенія на мѣщанъ закона neminem captivabimus, дозволить имъ засѣдать въ тѣхъ коммиссіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о городскомъ устройствѣ, пріобрѣтать земскія имѣнія, освободить отъ суда старостъ тѣ города, которые этому суду подлежали, наконецъ дозволить городамъ высылать на сеймъ представителей съ правомъ рѣшенія въ предметахъ, касающихся быта городовъ и торговли. За нимъ сталъ говорить Нѣмцевичъ, пріобрѣвшій значеніе передового человѣка въ прогрессивной партіи послѣ блистательнаго успѣха своей комедіи. «Города имѣли прежде нѣкоторыя привилегіи, теперь забытыя; слѣдуетъ отдать имъ то, что̀ у нихъ отнято и чего они желаютъ. Они желаютъ судиться сами собою. Во всѣхъ свободныхъ странахъ первое право, чтобы каждый судился себѣ равными. Они просятъ участія на сеймахъ. Это не новость. Мы видимъ въ древности ихъ представителей на съѣздахъ, трактатахъ, сеймахъ, видимъ ихъ подписи на важномъ и священномъ актѣ уніи народовъ. Мы хвалимъ уставы нашихъ предковъ; мало ихъ хвалить — нужно ихъ и уважать. Мѣщане хотятъ участвовать въ раскладкѣ податей. Представьте, еслибы на васъ налагали подати король и сенатъ — не кричали бы вы, что васъ отягощаютъ безъ вашего участія? Какъ же можетъ быть не противнымъ для мѣщанъ то, что̀ для васъ несносно? Они просятъ дозволить имъ покупать имѣнія. Тутъ нѣтъ ничего дурного. Умножится промышленность, разовьется народная экономія, богатые люди получатъ привязанность къ родному краю: ничто къ нему такъ не привязываетъ, какъ кусокъ владѣемой земли. Не понимаю, почему имъ не дозволить служить въ войскѣ? Отвага и мужество получаются отъ природы, а вы-

рабатываются воспитаніемъ и трудомъ. Всякій можетъ имѣть эти достоинства. Пусть всякій имѣетъ право защищать отечество и умирать за него. Часто люди, называемые неродовитыми, спасали свою страну. Кто знаетъ, кто былъ отецъ Вашингтона и дѣдъ Франклина, а всѣ знаютъ, что Вашингтонъ и Франклинъ освободили Америку! Бросьте взоры на разсѣянные города наши. Это не города, а какія-то развалины.... Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи; стыдъ намъ, когда смотритъ на все это чужеземецъ. Что̀ подумаетъ онъ о нашемъ правленіи и о нашемъ правосудіи? О вы, воздвигающіе Рѣчь-Посполитую изъ упадка и униженія! Неужели оставите безъ вниманія столько тысячъ обитателей, столько городовъ, которые должны быть источникомъ нашего богатства и украшеніемъ нашего края. Вы сами знаете, какъ необходимо, чтобы они привязаны были къ отечеству и къ священнымъ правамъ его свободы. Пусть же охраняютъ они его вмѣстѣ съ нами. Дайте имъ законы, обезпечивающіе ихъ собственность, личность, свободу: увидите, какъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекутся къ вамъ, подъ кроткое ваше правленіе, обитатели честные, промышленные и трудолюбивые и заселятся обширныя степи и дикіе лѣса и болота, до сихъ поръ нетронутые людскою рукой, и зацвѣтутъ у васъ ремесла и искусства, за которыя вы такъ дорого платите иноземцамъ. Въ вашихъ рукахъ заселить и обогатить край, или оставить его навсегда въ запустѣніи и нищетѣ!»

Хитрый епископъ Коссаковскій въ этомъ засѣданіи прервалъ преніе о городахъ, обративъ вниманіе на другой предметъ.

Но 6 апрѣля вопросъ возобновился снова. Секретарь депутаціи, составленной для разсмотрѣнія городскихъ привилегій, Збоинскій, читалъ докладъ этой депутаціи: въ немъ выводилось, что города встарину пользовались правомъ участія въ судопроизводствѣ, законодательствѣ и избраніи королей.

Тутъ начали подаваться разные проекты объ устройствѣ городовъ. Длускій въ своемъ проектѣ совѣтовалъ дозволить мѣщанамъ вступать въ духовное званіе, но только до каноника, а въ военной службѣ дослуживаться только до чина полковника. Платтеръ предлагалъ раздѣлить города на категоріи и каждой категоріи дать разный объемъ правъ. «Не надобно — говорилъ онъ — допускать города до большого возрастанія, чтобы одни другихъ не заглушали, и чтобы поселяне не переходили въ города; иначе отъ этого потерпитъ земледѣльческая служба панамъ». Одинъ изъ коноводовъ шляхетской исключительности, троцкій посолъ Савицкій, доказывалъ, что и безъ того шляхетство оказало много милости городамъ. «Посмотрите — восклицалъ онъ — что̀ дѣлаютъ

города въ благодарность за это. Ввозятся предметы роскоши, вывозятся капиталы; купцы стараются поскорѣе накупить товаровъ, чтобъ ихъ подороже продать. Эти люди служатъ болѣе чужимъ, чѣмъ намъ. Хотятъ притомъ дозволить шляхтѣ заниматься торговлею, ремеслами, торгашествомъ и содержаніемъ шинковъ. Это измѣна рыцарскому званію. Рыцарское сословіе должно вѣдать мечъ да землю и пренебрегать такими низкими занятіями. Законъ, который дозволитъ это шляхтѣ, зловреденъ и достоинъ уничтоженія. Первый основатель Рима отдалъ шляхтѣ землю, а посполитству ремесла и торговлю. У насъ города упали оттого, что торговлю захватили иностранцы. Потолкуемъ о городахъ тогда, когда будемъ говорить о полиціи, а теперь займемся чѣмъ-нибудь другимъ». — «Да — подхватилъ волынскій посолъ Олизаръ — о городахъ толковать безполезно, какъ и вообще объ устройствѣ правленія; лучше всего займемся средствами охраненія государства и его безопасности».

«Да, именно безопасность и охраненіе Рѣчи - Посполитой укрѣпляется мѣщанствомъ», сказалъ познанскій посолъ Браниковскій. — «Политическіе виды заставляютъ насъ обратиться къ этому предмету — сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга: пусть и Польша испытаетъ революцію, но революцію спокойную. Къ такому краю, какъ нашъ, все прихлынетъ, надѣясь на покровительство законовъ и на свободу. Отчего возрасла Пруссія? Оттого, что въ кровавое время изгнанія гугенотовъ изъ Франціи она приняла къ себѣ богатыя фамиліи и такимъ образомъ водворила у себя ремесла и фабрики».

Король, чтобы заставить сеймъ заниматься городскимъ вопросомъ, отъ котораго хитрецы хотѣли отвлечь его, говорилъ: «При вступленіи на престолъ я присягалъ хранить всѣ старыя права и привилегіи; оказывается, что города ихъ имѣютъ; и я, исполняя свою присягу, побуждаю чины государства возвратить мѣщанамъ то, что имъ слѣдуетъ».

Шляхетные консерваторы то пытались навести сеймъ на пренія о другихъ предметахъ, то открыто шли противъ попытокъ, благопріятныхъ мѣщанамъ. Епископъ Коссаковскій, ни разу не сказавшій слова противъ намѣренія расширить права городовъ, два раза заговаривалъ о другомъ, а по поводу городовъ сказалъ: «Я особа духовная и стою паче всего за религію». Другіе подхватили это и распространились насчетъ опасности, грозившей католической религіи отъ того, что въ числѣ мѣщанъ много протестантовъ.

«Города будутъ присылать представителей, а не апостоловъ — сказалъ инфлянтскій посолъ Кублицкій; — Сигизмундъ - Августъ

справедливо сказалъ: «Я король надъ людьми, а не надъ совѣстью людей».

«Мѣщане — говорили противники — начнутъ скупать шляхетскія имѣнія и шляхта останется безземельною; кто же тогда на сеймикахъ будетъ, куда безземельные не допускаются?»

«Да развѣ возможно — возражалъ тотъ же Кублицкій — чтобы шляхетское сословіе лишило себя земли, отъ которой зависитъ дѣйствительное право гражданства?»

«Право владѣть земскими имѣніями — шляхетское право изстари — говорили приверженцы старины; — не слѣдуетъ давать другимъ тѣхъ правъ, которые исключительно принадлежатъ одному шляхетству».

«Эти права не шляхетства, а вельможъ — сказалъ познанскій посолъ Закржевскій — это право немногихъ фамилій, которыя, захвативъ себѣ правленіе въ странѣ, держали шляхту въ порабощеніи для того, чтобы мы въ нихъ нуждались и покорялись имъ. Они-то выдумали для шляхетскаго сословія ограниченія средствъ пріобрѣтать хлѣбъ, привязали его исключительно къ одной нивѣ; шляхетскія имѣнія разбились на малые участки и черезъ то многіе шляхетскіе роды не имѣютъ чѣмъ прокормить себя и должны служить панамъ, а собственность общественная, собственность Рѣчи-Посполитой, доставшись немногимъ, утучняетъ аристократовъ. Пора тебѣ, шляхетское сословіе, обратить глаза на себя и свергнуть иго аристократіи; пора тебѣ оградить себя отъ этихъ вельможъ, угрожавшихъ королямъ, сеймамъ и всему народу.»

Волынскіе послы, во всемъ самые консервативные, не хотѣли допускать мѣщанъ къ требуемымъ правамъ безусловно. Краковскій посолъ Русецкій предлагалъ допустить делегатовъ отъ городовъ только въ нисшихъ юрисдикціяхъ, когда разсматриваются дѣла, касающіяся городовъ, притомъ такъ, чтобы некатолики составляли не болѣе четверти числа всѣхъ делегатовъ. «Право голоса ничего не поможетъ, — сказалъ брацлавскій посолъ Вавржецкій — они имѣли его и покинули потому, что оно для нихъ было безполезно. И узникъ въ кандалахъ имѣетъ такой голосъ — онъ вопіетъ о человѣколюбіи, да развѣ это облегчаетъ его участь! Знаю я, какой это былъ голосъ у мѣщанъ до уніи: они имѣли право представительства на сеймахъ, а сеймы ихъ не слушали, пока, наконецъ, самимъ городамъ надоѣло это право. Были у насъ тяжелыя времена, внутреннія смятенія — войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали край нашъ; шляхта билась съ непріятелемъ — народъ ее не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запи-

рались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая такая свобода, которой лишены милліоны, а защищаютъ только сотни. Соединимтесь всѣ—тогда будемъ свободными. Въ какомъ состояніи нашъ край? Безъ военной силы, безъ магазиновъ, намъ придется упасть подъ бременемъ отчаянія и подпасть новому раздѣлу».

Всѣ проекты передали на разсмотрѣніе депутаціи и поручили представить чрезъ недѣлю.

Патріоты, видя, что противники силятся не допустить пройти мѣщанскому вопросу такъ, какъ бы имъ хотѣлось, устроили планъ овладѣть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ консервативной партіи, Сухоржевскимъ. До сихъ поръ никто горячѣе и неутомимѣе его не стоялъ за шляхетскія преимущества; щеголь въ ораторствѣ, художникъ въ тѣлодвиженіяхъ, недалекаго и мелкаго ума, онъ былъ до крайности самолюбивъ, напыщенъ и хвастливъ, постоянно занятъ самимъ собою; болѣе всего домогался онъ стоять въ челѣ кружка, задавать тонъ, увлекать слабѣйшихъ и любоваться своими достоинствами. Иногда онъ, какъ говорится, и осѣкался, какъ это случилось по поводу комедіи Нѣмцевича, но часто увлекалъ за собою приверженцевъ старопольской вольности. Его слабою стороною вздумали воспользоваться и нашли возможность угодить разомъ и его тщеславію и его предразсудкамъ. Ему внушили, что допущеніе мѣщанъ къ правамъ не только не уронитъ шляхетскаго достоинства, но возвыситъ; его убѣдили, что тутъ нѣтъ нововведенія, а напротивъ, возобновленіе старины, которой защитникомъ вообще онъ всегда хотѣлъ казаться. Но болѣе всего польстили его самолюбію, увѣривши, что мѣщане будутъ смотрѣть на него, какъ на своего покровителя, какъ на человѣка, которому будутъ обязаны своими правами, что имя его будутъ благословлять грядущія поколѣнія. Подъ упоеніемъ такихъ надеждъ, Сухоржевскій поддался обольщенію и написалъ отъ себя проектъ. На сеймъ подано было, такимъ образомъ, два проекта. Одинъ составленъ былъ Хребтовичемъ, на основаніи представленныхъ проектовъ, другой былъ произведеніе Сухоржевскаго. Проектъ послѣдняго отличался отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, при допущеніи уполномоченныхъ отъ городовъ на сеймъ, не давался имъ рѣшающій голосъ наравнѣ съ послами шляхетскаго происхожденія, тогда какъ въ проектѣ Хребтовича и это право предоставлялось мѣщанамъ. Крѣпкошляхетскія понятія Сухоржевскаго не дозволяли ему допустить такого унизительнаго равенства мѣщанъ съ благороднымъ званіемъ; за то Сухоржевскій требовалъ, чтобы уполномоченные на сеймѣ, или ассессоры въ коммиссіяхъ, или служившіе въ военной и кан-

целярской службѣ получали нобилитацію, а равнымъ образомъ и тѣ которые пріобрѣтали земскія имѣнія, дѣлались шляхтичами. Требованіе это, по принципу, не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, во внѣшности, давнему обычаю жаловать шляхетствомъ (нобилитовать); это дѣлалось за военныя и политическія заслуги, притомъ не часто, но вѣдь надобно было самымъ упорнымъ сторонникамъ старины дѣлать уступки вѣку; Сухоржевскій же, будучи заѣдлымъ шляхтичемъ, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ слыть просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Поступокъ Сухоржевскаго повелъ къ самымъ вожделѣннымъ для патріотовъ послѣдствіямъ. Вся шляхетская партія, увидя, что такая первой величины звѣзда склоняется на сторону городовъ, стала за нихъ; многіе, мало привыкшіе вдумываться въ то, что зависѣло отъ ихъ утвержденія или отрицанія, разсудили, что вѣрно такъ слѣдуетъ, когда мудрый панъ Янъ Сухоржевскій такъ рѣшилъ. Несмотря на то, что во всѣ предыдущія засѣданія, какъ только вносился проектъ закона о городахъ, поднималась шляхетская буря, 16 апрѣля всѣ единогласно приняли проектъ, составленный и поданный Яномъ Сухоржевскимъ. Рѣшено было изготовить его въ окончательной редакціи и представить на сеймъ. Это сдѣлано было 18 апрѣля. Тогда послѣдній разъ по этому вопросу поднялась католическая партія и требовала, чтобъ въ городскія должности были допускаемы исключительно исповѣдующіе римско-католическую вѣру. Самъ король тогда произнесъ рѣчь, утѣшительную для ревнителей католичества. «Я думаю—говорилъ король — было бы полезно написать законъ, чтобы въ смѣшанныхъ супружествахъ между католиками и некатоликами дѣти непремѣнно принадлежали къ римско-католической религіи. Это никому не обидно. Лицо, нежелающее видѣть дѣтей своихъ католиками, не изберетъ себѣ жены или мужа римско-католической вѣры. Я надѣюсь, что лѣтъ черезъ тридцать въ Польшѣ не будетъ другихъ жителей, кромѣ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Если разсудите, какая польза произошла бы отъ этого, особенно когда тысячи дизунитскаго хлопства незамѣтно перейдутъ къ уніи». Слова эти произвели самое пріятное впечатлѣніе. Они показываютъ, какъ неискренни были гарантіи иныхъ вѣръ, кромѣ римско-католической, въ особенности относилось это къ православію, всегда ненавистному душѣ каждаго поляка-католика.

Но люди болѣе прогрессивные замѣчали, что недопущеніе некатоликовъ къ должностямъ въ городахъ отобьетъ у иноземцевъ охоту селиться въ Польшѣ. «Уже Польша — говорили они—черезъ свою нетерпимость потеряла Украину, навлекла на

себя чужую гарантію и воспитала внутри себя гражданъ, ищущихъ покровительства у чужихъ государствъ. Римско-католическая религія достаточно обезпечивается въ городахъ большинствомъ осѣдлыхъ тамъ католиковъ». Эти доводы утишили фанатизмъ и потому положено не упоминать о вѣрѣ вовсе въ пунктѣ устава о городскихъ выборахъ.

Проектъ въ окончательной редакціи былъ принятъ единогласно и былъ внесенъ въ число законовъ въ такомъ смыслѣ:

Всѣ королевскіе города признавались свободными, съ равными для всѣхъ правами. Города освобождались отъ всякихъ постороннихъ юрисдикцій: трибунальскихъ, земянскихъ, воеводскихъ, старостинскихъ и пр., управлялись и судились исключительно своимъ выборнымъ магистратомъ и находились всѣ подъ вѣдѣніемъ королевскихъ задворныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ городовъ имѣли аппеляціоные суды, составлявшіе посредствующую инстанцію между магистратами и задворными судами [1]). Изъ этихъ городовъ избирались большинствомъ голосовъ предъ каждымъ сеймомъ уполномоченные по одному человѣку изъ каждаго города, непремѣнно изъ владѣющихъ наслѣдственнымъ имуществомъ въ городѣ. Эти уполномоченные, съѣхавшись вмѣстѣ, въ день открытія сейма представятся маршалу; изъ нихъ на провинціальныхъ засѣданіяхъ избираются делегаты въ коммиссіи: скарбовую, полицейскую и ассессоріи; они будутъ имѣть въ дѣлахъ касающихся городовъ и торговли дѣйствительный голосъ, а въ прочихъ дѣлахъ совѣщательный; сверхъ того они имѣютъ право, по порученію своихъ городовъ, представлять сейму прошенія и, если окажется надобность, просить у сеймоваго маршала голоса въ Избѣ, который имъ и не можетъ быть воспрещенъ. Эти уполномоченные по двухлѣтней службѣ въ своемъ званіи получаютъ дворянское достоинство. На всѣхъ мѣщанъ распространяется законъ neminem captivabimus; имъ предоставляется право служить въ военной службѣ, исключая народной кавалеріи, въ канцеляріяхъ трибуналовъ, коммиссій и всѣхъ судовъ, а дослужившись до чиновъ штабсъ-капитана въ пѣхотѣ, или ротмистра въ полку, они получали дворянское достоинство; равнымъ образомъ они могли, вступая въ духовное званіе, получать прелатуры и канонiи и всякія бенефиціи, исключая такихъ, которыя были назначены исключительно для лицъ шляхетскаго достоинства; наконецъ, они

[1]) Это были въ Малой Польшѣ: Краковъ, Люблинъ, Луцкъ, Житомиръ, Винница, Каменецъ и Дрогичинъ; въ Великой Польшѣ: Познань, Калишъ, Гнѣзно, Лэнчица, Варшава, Сѣрадзъ и Плоцкъ, а въ Литвѣ: Вильна, Гродно, Ковно, Новогродекъ, Минскъ, Брестъ-Литовскій и Пинскъ.

могли избирать и посылать въ гражданско-военныя коммиссіи по 3 депутата. Имъ предоставлялось право покупать земскія имѣнія, а купившіе такое имѣніе, съ котораго вносится подати десятаго гроша не менѣе 200 золотыхъ, получаютъ дворянское достоинство; сверхъ того на каждомъ сеймѣ будутъ допускаться къ возведенію дворянства 30 особъ изъ мѣщанъ, преимущественно отличившихся въ службѣ, или полезною дѣятельностью въ промышленности и торговлѣ. Шляхтѣ дозволялось вступать въ мѣщанское званіе и заниматься промыслами и торговлею безъ нарушенія чести шляхетскаго званія. Всѣ безъ изъятія поселившіеся въ городахъ должны подчиняться городскому управленію.

Мѣщанское сословіе изъявляло чрезвычайную радость и благодарность, когда на сеймѣ рѣшили судьбу городовъ. 18 апрѣля, толпа варшавскихъ и пріѣзжихъ мѣщанъ стояла на улицѣ около зáмка и, какъ только разнеслось, что проектъ принятъ и подписанъ, поднялись восторженныя восклицанія. Выходящаго короля окружили, хотѣли отпречь его карету и везти на себѣ. Малаховскому, Сухоржевскому, Казимиру-Нестору Сапѣгѣ и другимъ защитникамъ городского проекта были сдѣланы самыя радушныя оваціи. Въ тотъ же день вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, а въ саду Красинскихъ горѣлъ разноцвѣтный щитъ съ вензелемъ Малаховскаго. Маршалъ Малаховскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а за ними нѣкоторые сенаторы, послы и обыватели шляхетскаго званія отправились въ ратушу и тамъ записались въ мѣщанскія книги. Толпа мѣщанъ съ музыкою и громкими восклицаніями провожала ихъ, возвращавшихся изъ ратуши пѣшкомъ. Такое невиданное въ Польшѣ явленіе, казалось, пророчило для страны эпоху возрожденія [1]). Безпристрастные наблюдатели иначе смотрѣли на эти явленія. «Можно писать какіе угодно законы,—говорилъ Эссенъ,—надобно еще научиться ихъ исполнять, а для этого нужно нравственное и умственное пере-

[1]) Разсказываютъ, что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ Варшавѣ разыгралось по этому поводу такое сценическое представленіе. У тогдашняго президента Варшавы Декерта родился сынъ, и онъ изъявилъ желаніе, чтобы крестнымъ отцомъ этому ребенку былъ цѣлый сеймъ. Это очень понравилось посламъ. Передъ дверьми ратуши вынесли ребенка и къ его пеленкамъ привязано было множество лентъ. Маршалъ Малаховскій взялъ его на руки, а члены сейма держались за ленты. Одна мѣщанка была кумою. Такъ совершилось крещеніе. Толпы народа были такъ велики, что по нѣскольку червонцевъ платилось за мѣсто, чтобъ видѣть эту оригинальную церемонію, знаменовавшую соединеніе сословій.

Событіе это передается въ запискахъ Бартоломея Михаловскаго; но такъ какъ въ современныхъ газетахъ объ этомъ нѣтъ ничего, то мы оставляемъ его на степени вѣроятія, не давая ему исторической несомнѣнности.

воспитаніе, здѣсь же во всѣхъ сферахъ, по прежнему, господствуетъ безнравственность и безнаказанность. Гнуснѣйшія дѣянія обмана и несправедливости совершаются знатными лицами и находятъ себѣ покровительство въ трибуналахъ. Паны продолжаютъ брать подачки отъ иноземныхъ державъ, и русскій посланникъ Булгаковъ презираетъ тѣхъ, кому даетъ деньги; всѣ они развращены отъ малаго до великаго». Гэльсъ, въ апрѣлѣ 1791 г., находилъ, что Польша не только не возрождалась, но съ каждымъ днемъ приближалась къ паденію. «Все, что будетъ постановлено на сеймахъ—замѣчаетъ онъ— не приметсядаціею и уничтожится на сеймахъ. Учредятъ ли наслѣдственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ—все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею сильнѣйшихъ».

III.

Приготовленія къ перевороту. — День 3-го мая. — Провозглашеніе конституціи.— Торжество въ Варшавѣ [1]).

Послѣ проведенія закона о городахъ сеймъ объявилъ вакацію на двѣ недѣли по поводу наступившихъ дней Пасхи, а вслѣдъ затѣмъ надлежало, поочереди, слѣдующую недѣлю разсуждать объ экономическихъ вопросахъ. Такимъ образомъ совѣщанія о формѣ правленія откладывались на три недѣли. Между патріотами созрѣвала такая мысль: такъ какъ дѣла идутъ чрезвычайно туго и замыслы ихъ встрѣчаютъ сильную оппозицію въ большинствѣ пословъ, преданныхъ старымъ предразсудкамъ, то не лучше ли привести въ исполненіе свои замыслы внезапнымъ переворотомъ (coup d'état)? Объ этомъ шли рѣчи на частныхъ собраніяхъ. Главными двигателями этой мысли были Коллонтай и Игнатій Потоцкій. Маршалъ Малаховскій первый присталъ къ нимъ. За нимъ стали соучастниками замысла Станиславъ Потоцкій, Ѳедоръ Мостовскій, брестскій посолъ Матушевичъ, ливонскіе послы Іосифъ Вейссенгофъ и Юліянъ Нѣмцевичъ, а за ними одинъ за другимъ стали приставать другіе. Король расположенъ былъ къ этому вліяніемъ аббата Пьятоли. Трудности, которыя претерпѣвали прогрессисты по мѣщанскому вопросу въ послѣднее время, внушали имъ опасеніе, что на будущее время консерваторы станутъ дѣлать умышленныя остановки; Коллонтай и Игнатій Потоцкій подали совѣтъ воспользоваться разъѣздомъ большинства членовъ по случаю

[1]) См. источн. №№ 18, 28, 35, 36, 38, 49, 80, 81, 110, 113, 115.

праздниковъ, удержать въ городѣ партію прогрессистовъ и послѣ Пасхи, открывъ засѣданіе съ небольшимъ числомъ членовъ сейма, внезапно провозгласить составленную заранѣе конституцію. Это казалось удобнѣе утомительной процедуры подаванія проектовъ, разсматриванія ихъ въ депутаціяхъ и представленій на сеймъ, гдѣ они подвергались безконечнымъ толкамъ, поправкамъ, остановкамъ. Провозглашенная внезапно конституція могла сдѣлаться основою для послѣдующихъ работъ сейма, какъ главная руководящая нить. Послѣ дарованія ей законной силы, у противниковъ отнялся бы предлогъ ссылаться на прежній законный порядокъ, какъ они постоянно дѣлали для остановки преобразовательныхъ проектовъ. Такимъ образомъ, на домашнихъ совѣщаніяхъ у Коллонтая, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго привлекли къ заговору шестьдесятъ особъ изъ пословъ и сенаторовъ.

Расширенію ново-либеральнаго духа въ тѣ дни способствовало то, что проведеніе закона о городахъ подало поводъ къ празднествамъ и сходбищамъ. Шляхетство, прежде смотрѣвшее на мѣщанъ свысока, теперь стало съ нимъ брататься; городъ устроилъ роскошный обѣдъ въ радзивилловскомъ палацѣ. Дворяне и мѣщане пировали вмѣстѣ; мѣщане восхваляли шляхетское великодушіе, а дворяне, помазанные демократическимъ духомъ, почерпнутымъ изъ французскихъ книгъ, на разные лады величались своими либеральными поступками. При такомъ настроеніи въ обществѣ, пока оно не прошло, удобнѣе было чѣмъ когда-нибудь подобрать охотниковъ на смѣлое предпріятіе. Ихъ особенно привлекали увѣреніями, что изъ депешъ, присылаемыхъ польскими посланниками и дипломатическими повѣренными, видно, что Польшѣ угрожаютъ отъ сосѣдей новые замыслы раздѣла. До сихъ поръ патріоты утѣшали себя надеждою, что Пруссія объявитъ войну Россіи, что Англія будетъ также противъ Россіи за Турцію. Но въ апрѣлѣ распространился слухъ, что англійское правительство намѣрено соблюдать нейтралитетъ, въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіею. Поляки до тѣхъ поръ думали, что имъ будетъ возможно воевать противъ Россіи вмѣстѣ со своими союзниками. «Теперь мы—писалъ маршалъ Малаховскій своему племяннику—по примѣру Англіи, должны держать вооруженный нейтралитетъ». Такъ наивно выражался маршалъ Малаховскій, мало принимая во вниманіе, что вооруженный нейтралитетъ Польши, въ томъ положеніи, въ какомъ она была, ни для кого не имѣлъ значенія. Въ то же время войсковой коммиссіи приказано выдать ордонансъ, чтобы всѣ высшіе и нисшіе чины были при своихъ ротахъ и полкахъ, готовые къ походу, когда потребуется. 30-го апрѣля, маршалъ Малаховскій писалъ своему племяннику:

«Приходятъ вѣсти, что намъ не хотятъ добра; остается намъ у самихъ себя искать обороны; пропускать времени не слѣдуетъ; мы вооружаемся, сколько можно, да поможетъ намъ Богъ». Угрожающіе слухи побуждали патріотовъ спѣшить объявленіемъ конституціи.

Главные заговорщики назначили для переворота день 5-го мая. По ихъ соображеніямъ, разъѣхавшіеся консерваторы тогда еще не успѣютъ съѣхаться; кромѣ тѣхъ пословъ, на которыхъ можно было положиться сообразно ихъ убѣжденію, заговорщики разсчитывали на ту массу членовъ, которая имѣла только количественную важность: ихъ думали поразить чтеніемъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы, грозящихъ Польшѣ скорою бѣдою и новымъ раздѣломъ, и на этомъ основаніи представить имъ крайнюю необходимость поспѣшить объявленіемъ конституціи. Между тѣмъ требовалось подобрать около за̀мка толпу народа, которая бы криками одобренія показывала, какъ весь народъ сильно сочувствуетъ и радуется этому перевороту. Такъ замышляли патріоты, хотѣвшіе до поры до времени сохранить свой замыселъ втайнѣ отъ противниковъ.

Но послѣдняго имъ не удалось....

Король первый проболтался объ этомъ канцлеру Малаховскому, брату маршала. Надменный, закоренѣлый приверженецъ шляхетской старины и притомъ душевно расположенный къ Россіи, онъ съ ужасомъ отвращался отъ мысли о наслѣдственной монархіи и равенствѣ сословій. Онъ сообщилъ русскому посланнику Булгакову о затѣяхъ прогрессистовъ.

Но, вѣроятно, и другіе заговорщики также не слишкомъ строго хранили тайну, потому что дипломатическіе агенты всѣхъ дворовъ въ концѣ апрѣля знали о томъ, что̀ замышляется. Англійскій посланникъ Гэльсъ представлялъ полякамъ необдуманность ихъ затѣй: «Объявленіе вашей конституціи съ наслѣдственнымъ правленіемъ—говорилъ онъ имъ—возбудитъ противъ васъ сосѣднія государства, а ваша страна открыта отовсюду и беззащитна. Переворотъ произведетъ внутреннее броженіе, и государственные чины будутъ безсильны въ виду опасности. Вы объявите наслѣдственное правленіе. Что̀ же изъ этого? Ваша страна не приметъ его; вѣдь прошлое лѣто только четыре или пять сеймиковъ на него согласились; все остальное противъ васъ; вы скоро возбудите противъ себя конфедерацію, а сосѣди тотчасъ воспользуются ею».

На это ему отвѣчали: «теперь три державы заняты другими дѣлами; пока власть королевская избирательна, у насъ не будетъ порядка и крѣпости; установить наслѣдственное правленіе для

насъ — единственное средство спасенія; теперь для этого пришло самое удобное время».

Гэльсъ, прежде настаивавшій на уступкѣ Пруссіи городовъ, и теперь, какъ послѣднее средство сколько-нибудь придать прочность намѣреніямъ прогрессистовъ, совѣтовалъ прежде всего сдѣлать это, по крайней мѣрѣ, угодить прусскому королю и заручиться его помощью. Но уступать какую бы то ни было территорію для поляковъ, за исключеніемъ самаго небольшого кружка, была вещь до того невыносимая, что самый намёкъ на это волновалъ ихъ.

Прусскій уполномоченный Гольцъ провѣдалъ о заговорѣ и обратился съ объясненіями къ маршалу Малаховскому и Игнатію Потоцкому. «Я не могу скрыть своего удивленія—говорилъ онъ— что поляки приступаютъ къ важному дѣлу и сохраняютъ его въ тайнѣ отъ нашего двора, столь расположеннаго къ вамъ. Такой смѣлый шагъ слѣдовало бы вамъ дѣлать не иначе, какъ взвѣсивъ послѣдствія со стороны трехъ дворовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Польши. Притомъ, какъ же вы хотите утвердить наслѣдственное правленіе, а поручаете корону саксонскому князю-избирателю, у котораго одна только малолѣтняя дочь?»

«У насъ—говорилъ ему маршалъ Малаховскій—въ виду соединить Польшу съ Пруссіей». Онъ представлялъ возможность впослѣдствіи выдать саксонскую принцессу, наслѣдницу польскаго престола, за прусскаго принца.

Гольцъ могъ только улыбаться, слыша такія предположенія. Этотъ самый Гольцъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «Въ Польшѣ на другомъ сеймѣ уничтожается то, что̀ постановляется на предъидущемъ; даже тѣ самые, которые въ данное время кажутся горячо убѣжденными въ пользѣ своихъ предпріятій, скоро охладѣваютъ къ нимъ и начинаютъ дѣйствовать въ противномъ духѣ».

Болѣе всѣхъ недоволенъ былъ русскій посланникъ; но онъ не высказывался, не заговаривалъ ни съ кѣмъ изъ прогрессивной партіи и только своимъ молчаніемъ далъ почувствовать, что ему многое извѣстно. За то, 29-го апрѣля, онъ собралъ у себя на совѣщаніе коноводовъ консервативной партіи. Рѣшено было поскорѣе разослать гонцевъ и созвать разъѣхавшихся изъ столицы пословъ, чтобъ такимъ образомъ помѣшать провозглашенію конституціи. Это порученіе взяли на себя епископъ Коссаковскій и гетманъ Браницкій.

Объ этомъ тотчасъ узнали патріоты и, собравшись, порѣшили поспѣшить и вмѣсто 5-го мая назначили для переворота день 3-го мая. Въ воскресенье собрали пословъ въ за̀мокъ и пору-

чали угощать ихъ коронному конюшему Кицкому. Между тѣмъ маршалъ Малаховскій, черезъ своихъ агентовъ, по трактирамъ и шинкамъ поилъ народъ, приготовляя его къ ожиданію важныхъ и полезныхъ измѣненій своей судьбы.

Въ понедѣльникъ собрали пословъ на обѣдъ въ радзивилловскій палацъ. Тамъ прочитанъ былъ проектъ конституціи. Составить его было не трудно: онъ весь почти основывался на тѣхъ мысляхъ, которыя сообщалъ Коллонтай въ своихъ письмахъ къ Малаховскому въ 1788 году. По прочтеніи, присутствовавшіе тутъ члены приглашались къ подписи. Первый подписавшій его былъ каменецкій епископъ Красинскій. На совѣщаніи были и противники, но они молчали.

Всю ночь затѣмъ зачинщики не спали и съ разсвѣтомъ были у короля. Ихъ агенты сзывали и сгоняли народъ къ за̀мку. Весь магистратъ и множество мѣщанъ должны были находиться тамъ и криками одобренія поддерживать провозглашеніе конституціи, чтобы видно было, ка̀къ она по сердцу мѣщанскому сословію и всему народу. Мѣщане были естественно за нее, когда надѣялись отъ дальнѣйшихъ преобразованій расширенія тѣхъ правъ, какія уже получили. Простой народъ бѣжалъ туда потому, что за это давали деньги; другіе валили къ за̀мку просто изъ любопытства. Бо́льшая часть этой толпы и прежде не имѣла никакихъ правъ и отъ новой конституціи не могла ожидать для себя ничего особаго. Ровно ничего не зная и не понимая, каждый готовъ былъ кричать, потому что за это давали по злотому и по два.

Приказано было и войску придвинуться къ за̀мку. Приведемъ здѣсь любопытное описаніе очевидца событія, Охоцкаго:

«Только-что начало свѣтать—пишетъ онъ—лакей экс-воеводы кіевскаго, у котораго я находился, разбудилъ меня и говоритъ: «въ Варшавѣ что̀-то дѣлается. Войска идутъ по краковскому предмѣстію и въ за̀мокъ». Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу; проходитъ полкъ Дзялыньскаго; полковникъ Зелиньскій, мой хорошій знакомый. Что̀ это значитъ? спрашиваю я. —Не знаю, хоть убей, отвѣчаетъ онъ. Въ десять часовъ вечера получили приказаніе идти къ за̀мку и стать на Краковскомъ предмѣстьѣ около бернардиновъ.—За нимъ конная гвардія. Я спрашиваю капитана Орловскаго, своего знакомаго. И тотъ мнѣ тоже отвѣчалъ. Потомъ слѣдуютъ двѣ баттареи и два пѣшихъ полка, а за ними валитъ множество народа. Я побѣжалъ домой, разбудилъ пана экс-воеводу, привязалъ саблю и пустился къ Сигизмунду (памятникъ Сигизмунда). Встрѣчалъ я десятка два три знакомыхъ, спрашивалъ, что̀ это такое? Одни говорили—король

умеръ; другіе—смута какая-то. Расходились самыя странныя вѣсти. Войска заняли Краковское предмѣстье; выставили на подмосткахъ шестьдесятъ пушекъ. Въ краковскую браму вошло два полка гвардіи; на воротахъ зàмка стали караулы. Протѣсниться было невозможно: набилось народу такое множество, что негдѣ было иглѣ упасть. Спрашивали у солдатъ: чѣмъ заряжены ружья? Одни отвѣчали пулями, а другіе—холостыми зарядами. Уже было около часу пополудни, а на улицѣ никто не зналъ, что̀ дѣлается».

Въ это время, въ сеймовой Избѣ происходило засѣданіе—одно изъ важнѣйшихъ во всей польской исторіи.

Король сидѣлъ на тронѣ, одѣтый въ мундиръ корпуса кадетовъ. Около него сенаторы. Послы были на своихъ скамьяхъ. Великій коронный маршалъ ударилъ три раза въ землю жезломъ изъ чернаго дерева, оправленнымъ въ золото. Сеймовый маршалъ Малаховскій, объявивъ засѣданіе открытымъ, сказалъ:

«Исторія поучаетъ насъ, что сильныя государства падаютъ, а слабыя возвышаются. Примѣромъ тому служитъ и Польша. За три вѣка назадъ тому она блистала могуществомъ и равнялась съ другими государствами, а потомъ сдѣлалась жертвою собственныхъ ошибокъ и чужихъ хищеній. Да избавитъ насъ небо отъ новыхъ несчастій, которыя намъ угрожаютъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ донесетъ вамъ, почтенные чины, о важныхъ происшествіяхъ въ сферѣ политическихъ обстоятельствъ».

За нимъ говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ. «Ужаснѣйшій, печальнѣйшій слухъ расходится по столицѣ. Языкъ мой деревенѣетъ, не смѣю выговорить, какое несчастіе готовится отечеству. Король! Для тебя не тайна, что̀ заключаютъ въ себѣ извѣстія, полученныя депутаціею иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ самому писали родные и пріятели изъ разныхъ мѣстъ за границею, что намъ угрожаетъ новый раздѣлъ. Наступаетъ послѣдняя минута. Отечество вопіетъ о помощи. Я съ своего мѣста прошу депутацію сообщить намъ всѣмъ полученныя ею извѣстія и тогда-то мы покажемъ, любимъ ли отечество? Такъ какъ у насъ допускались посторонніе, когда рѣчь шла о Гданскѣ, то я прошу и умоляю, чтобы и теперь они были допущены, когда дѣло идетъ о цѣлой странѣ».

Такова была подготовка. Заговорщикамъ нужны были посторонніе, особенно заранѣе настроенные мѣщане, которые должны были своими криками поддерживать провозглашеніе конституціи. Раздались голоса: «просимъ, просимъ, просимъ.»

Напустили въ залу арбитровъ. Началось чтеніе депешъ изъ Вѣны, Берлина, Петербурга, Парижа. Во всѣхъ этихъ депешахъ

сообщались угрожающія вѣсти о затѣваемомъ сосѣдями новомъ раздѣлѣ Польши. Депеши эти, по согласному извѣстію иностранныхъ агентовъ въ Варшавѣ, были вымышленныя, или подготовленныя, т. е. написанныя за границею министрами Рѣчи-Посполитой по секретнымъ указаніямъ, даннымъ изъ Варшавы. По извѣстіямъ русскаго посланника, Игнатій Потоцкій впослѣдствіи, въ кругу друзей, сознавался въ этомъ. «Я—говорилъ онъ—написалъ въ Вѣну къ Вóйнѣ, къ Деболи въ Петербургъ, къ Орачевскому въ Парижъ, чтобы они донесли, будто ходятъ слухи о новомъ раздѣлѣ Польши. Нужно было, чтобъ эти извѣстія, пришедши въ пору, произвели волненія. Все это обдѣлалось въ тайнѣ. Самъ маршалъ Малаховскій ничего не зналъ объ этомъ, не говоря уже о другихъ; шестьдесятъ человѣкъ, которые предварительно вступили въ заговоръ, все-таки оставались, такъ сказать, учениками. Статья о наслѣдственности, самая щекотливая, не была всѣмъ извѣстна. Я зналъ, что страхъ заставитъ ихъ на все согласиться и потомъ многіе станутъ жалѣть, когда опомнятся, такъ точно, какъ многіе, по увлеченію, пристали къ закону о городахъ, а потомъ сожалѣли, но уже было поздно. Инымъ путемъ нельзя было провозгласить конституціи. За депешами должны были читаться частныя письма, полученныя изъ-за границы, все съ цѣлью перепугать членовъ сейма и, не давъ имъ придти въ себя, заставить ихъ согласиться на конституцію.»

Но прежде, чѣмъ успѣли прочитать депеши, бросился впередъ Сухоржевскій и кричалъ изо всѣхъ силъ: «Голоса! прошу дать мнѣ голоса! я открою страшныя вещи», но маршалы ударяли своими жезлами и заставили его молчать.

Тогда всталъ король и провозгласилъ: «я долженъ объявить и засвидѣтельствовать, что дѣйствительно получены донесенія, которыя необходимо объявить цѣлому сейму и всему обществу; прошу пана маршала, согласно своей обязанности, распорядиться о неуклонномъ чтеніи ихъ».

Раздались крики: «читать! читать!» но раздались и крики противные. Арбитры успѣли заранѣе пройти впередъ и окружить мѣста, занимаемыя послами, своими сторонниками, и противная сторона была оттѣснена и разрознена прогрессистами. Говорятъ, что сторонники Браницкаго взялись-было за оружіе и одинъ изъ нихъ, подойдя къ гетману, сказалъ: «а что, пане Ксаверію, махнемъ!» но Браницкій закричалъ: вара! (прочь)!

Сухоржевскій снова бросился съ своего мѣста на средину и кричалъ: «прошу голоса! дайте голоса»! Его моленія покрывались громкими криками: «читать! читать»! Въ припадкѣ отчаян-

наго самолюбія онъ всталъ на колѣни, сорвалъ съ себя орденъ Станислава, пожалованный ему королемъ за мѣщанскій проектъ, потомъ упалъ на землю и началъ ползти къ трону, махая руками и ногами, какъ будто представляя изъ себя плавающаго, и умолялъ короля дать ему голосъ.

Этотъ чрезчуръ оригинальный пріёмъ обратилъ на себя общее вниманіе. Маршалъ сейма сказалъ, что допускаетъ его къ голосу. Останавливать его долѣе было бы слишкомъ большимъ нарушеніемъ посольскихъ правъ.

Сухоржевскій началъ говорить: «Уже нѣсколько дней ходятъ слухи, что въ сеймовую Избу представится ужасный проектъ уничтоженія свободы; готовится революція на подобіе шведской, чтобы ввести новое правленіе въ странѣ и замѣнить народную свободу рабствомъ. Съ этой цѣлью предпринято читать депеши, угрожающія намъ раздѣломъ. Но о раздѣлѣ были слухи и прежде и мы тогда требовали, чтобъ депутація объявила намъ о своихъ свѣдѣніяхъ. Тогда намъ отвѣчали, что эти слухи не имѣютъ основанія. Теперь же, значитъ, они справедливы. Теперь хотятъ запугать насъ ожиданіемъ несчастія и тѣмъ принудить сеймъ къ принятію проекта, вреднаго для свободы. Мало этого; носятся слухи, будто сговорились противящихся перебить и сдѣлать свое. Я ничего не боюсь. Я готовъ пролить кровь за отечество, но я хочу и защищать отечество. Я свободенъ, но если въ Польшѣ настанетъ деспотизмъ — я презираю ее, объявляю себя врагомъ Польши; я не намѣренъ спасать ее наложеніемъ оковъ на свободныхъ людей. Знаю, и готовъ доказать передъ судомъ, что есть намѣреніе возмутить мѣщанъ противъ несогласныхъ съ этимъ проектомъ; ихъ увѣряютъ, будто мы недовольны дарованными имъ правами и хотимъ возвратить ихъ въ прежнее состояніе; ихъ собрали, чтобы приневолить насъ принять проектъ, который намъ подадутъ. Такъ въ Швеціи употребили одно сословіе какъ орудіе, и наложили оковы на другое. Но я объявляю всѣмъ находящимся здѣсь мѣщанамъ, что какъ мы старались о ихъ благоденствіи, такъ и желаемъ ихъ поддерживать, а кто бы хотѣлъ нарушать ихъ привилегіи, тотъ во всякомъ полякѣ увидитъ врага; если мы не думаемъ расширять этихъ привилегій, то не думаемъ уменьшать ихъ: связь съ мѣщанами усиливаетъ насъ самихъ. А это что за анекдоты? госпожи жены братьевъ Потоцкихъ, великаго литовскаго маршала Игнатія и люблинскаго посла Станислава, лишились чувствъ, когда имъ донесли, что ихъ мужей хотятъ убить»!

Раздался всеобщій смѣхъ. Люблинскій посолъ князь Сангушко сказалъ: «да у пана Игнатія давно нѣтъ жены, а жена

Станислава здѣсь, на балконѣ.» Всѣ взоры обратились туда. Сухоржевскій почувствовалъ, что заврался, смѣшался, а потомъ продолжалъ: «я хотѣлъ сказать, что жена пана Станислава, заботясь о мужѣ, заболѣла. Пусть меня сейчасъ закуютъ въ кандалы: я подъ стражею буду доказывать, требую суда, пусть паны Потоцкіе объявятъ. кто злоумышлялъ на ихъ жизнь.»

Противники спѣшили громкимъ хохотомъ лишить важности рѣчь Сухоржевскаго. Вновь раздались крики: «читать! читать донесеніе»!

Членъ депутаціи, брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ, произнесъ длинную рѣчь. Онъ объяснялъ, что депутація считаетъ обязанностью не безпокоить общественнаго мнѣнія зловѣщими слухами, пока они еще не такъ важны, напримѣръ, когда одинъ только министръ Рѣчи-Посполитой о чемъ-нибудь извѣщаетъ; но когда всѣ министры въ различныхъ мѣстахъ заговорили одно и то же, то этого нельзя скрывать. «Депутація—говорилъ онъ—получила эти свѣдѣнія въ такую пору, когда дѣла Европы приближаются къ развязкѣ, а Польша опоздала дѣломъ своего возрожденія, не окончила устройства правленія, и не имѣетъ достаточныхъ силъ для своей безопасности; поэтому депутація, по долгу служебной обязанности и по данной Богу и вамъ присягѣ, представляетъ вамъ извѣстіе, полученное отъ нашихъ заграничныхъ министровъ». Онъ изобразилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, неблагопріятное для Польши; берлинскій дворъ, по его словамъ, склонялся къ союзу съ Россіей; въ Турціи неудачи польскаго посланника приписать слѣдовало тому, что изъявленная готовность прусскаго посла оказать ему помощь была только наружная, а въ самомъ дѣлѣ онъ втайнѣ дѣлалъ затрудненія. Послѣ рѣчи Матушевичъ началъ читать депешу за депешей. Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Австріи, Война, отъ 16-го апрѣля, доносилъ: «Я слышу и вижу, что здѣсь не радуются умноженію войска и скарба нашего, но еще болѣе не радуются улучшеніямъ, произведеннымъ въ Польшѣ посредствомъ новаго законодательства. Все заставляетъ бояться, что по заключеніи мира сосѣди наши обратятъ свои усилія на то, чтобы помѣшать улучшенію и утвержденію нашего правленія. Министръ Рѣчи-Посполитой въ Парижѣ отъ 8-го и 11-го апрѣля доносилъ, что ему очень прискорбно слышать въ частныхъ разговорахъ и читать въ періодическихъ изданіяхъ предположеніе о томъ, что Польша должна будетъ на свой счетъ вознаградить нѣкоторыхъ участвующихъ въ мирномъ трактатѣ, который окончитъ войну съ турками, насколько другіе участники получатъ пользы отъ турокъ. Польскій министръ изъ Гаги отъ 29-го марта и 12-го апрѣля доносилъ, что вездѣ тол-

куютъ о предстоящемъ раздѣлѣ Польши и сами посланники, русскій и австрійскій, сказали, что Польша недалека отъ опасности. Министръ изъ Дрездена отъ 27-го апрѣля писалъ, что князь-избиратель увѣрялъ его въ расположеніи къ польскому народу; но замѣтилъ, что онъ будетъ безпокоиться о Польшѣ, пока не услышитъ объ утвержденіи въ ней прочнаго образа правленія. Отъ Деболи, польскаго министра въ Петербургѣ, читалась самая длинная депеша. Она излагала ходъ событій отъ перваго раздѣла, указывала на злонамѣренность русской политики противъ Польши; сообщала, что еще въ 1788 году Россія предлагала Пруссіи приступить къ новому раздѣлу Польши, но Пруссія отклонила это предложеніе. «Частые разговоры Потемкина съ прусскимъ посломъ и вѣжливость, оказываемая послѣднему—писалъ Деболи — заставляютъ многихъ думать, что скоро заключится союзъ Москвы съ Пруссіею на погибель Польши. Москва всѣми силами старается не допустить въ Польшѣ порядка и согласія. Отовсюду заграничные министры пишутъ, что у насъ нѣтъ ни системы, ни порядка, а все дѣлается случайно. Одна особа, которая любитъ составлять проекты, говорила, что Польшу нужно раздѣлить на шесть независимыхъ княжествъ и одно изъ нихъ отдать Потемкину. Вы доведете себя до этого вашими безконечными спорами, сказалъ мнѣ этотъ господинъ, вы не оканчиваете того, что̀ начинаете; настоящій сеймъ вашъ это показываетъ».

Прочитавши эти депеши, Матушевичъ сказалъ:

«Видите, наияснѣйшіе чины, въ какомъ положеніи дѣла въ Европѣ. Шагъ сдѣланъ Англіею, отступленіе невозможно. Либо миръ установится, либо всеобщая война возгорится. Если миръ насъ застанетъ неготовыми, то мы и себя и отечество отдадимъ въ непріятельскія руки; если же наступитъ война и приблизится къ нашимъ границамъ, то долго-ли не долго эта война будетъ тянуться, во всякомъ случаѣ она умножитъ издержки и увеличитъ притязанія и алчность воюющихъ сторонъ: для нихъ не можетъ быть ничего выгоднѣе, какъ овладѣть сосѣднимъ пространнымъ краемъ. Мы безъ прочнаго правленія, безъ военной силы; — конецъ нашей Польшѣ, если только любовь къ отечеству не соединитъ наши сердца! Депутація сдѣлала свое дѣло: показала вамъ состояніе, въ какомъ мы находимся; теперь тебѣ, милостивый король и вамъ, наияснѣйшіе чины, остается принять средства, какія вы найдете дѣйствительными для спасенія отечества».

Депеши поразили собраніе. Нѣсколько минутъ оно молчало, наконецъ заговорилъ Игнатій Потоцкій и, послѣ короткаго приступа, сказалъ:

«Носятся слухи, будто меня хотятъ убить. Я знаю благородство польскаго народа и никакой отзывъ о подломъ и предательскомъ поступкѣ не найдетъ доступа къ моимъ мыслямъ. Но смотрю на смерть спокойно и, если она нужна отечеству, желаю ея. Если когда-нибудь, то въ настоящій день годятся для насъ слова Льва Сапѣги, который, по примѣру римлянъ, не разъ совѣтовалъ оставлять неудовольствія въ присѣнкѣ святыни общественныхъ совѣщаній. Насъ предостерегаютъ, намъ указываютъ, что приходитъ пора безотлагательно спасать отечество; пойдемъ же согласно прямою дорогою, ведущею къ цѣли. Мы родились въ равенствѣ; мы простираемъ это равенство не только на права, но и на убѣжденія. При величайшихъ доблестяхъ трудно гражданину пріобрѣсть всеобщее и безграничное довѣріе въ такомъ дѣлѣ, какъ перемѣна и улучшеніе правленія. Почтенные сконфедерованные чины Рѣчи-Посполитой! Строй нашей республики подаетъ намъ способъ, какъ намъ слѣдуетъ поступать. У насъ есть высшее надъ всѣми лицо въ Рѣчи-Посполитой—король. Онъ выше другихъ и личными достоинствами ума и образованія, онъ выше другихъ и добродѣтелями. Дозволяя назначить себѣ преемника, онъ показалъ, что польза отечества для него выше своей собственной. Наияснѣйшій государь! Обращаюсь къ твоему свѣтлому уму, къ твоей добродѣтели; ты думаешь только о благополучіи и счастіи народа—открой же намъ твои виды о спасеніи отечества. Ты первый имѣешь право, желаніе и несомнѣнную способность. Посовѣтуемся прежде о благѣ Рѣчи-Посполитой, а потомъ, если охота будетъ, займемся и личными несогласіями, такъ говорилъ когда-то Петръ Зборовскій Фирлею, коронному маршалку. Я съ своего мѣста скажу: позволь намъ, великій Боже, установить благо Рѣчи-Посполитой и никогда не возвращаться къ личнымъ несогласіямъ!»

Игнатій Потоцкій никогда не чувствовалъ того, что говорилъ о королѣ въ своей рѣчи, исполненной лести. Король, вставъ съ своего мѣста, подозвалъ, по обычаю, министровъ и сказалъ:

«Извѣстныя вамъ теперь донесенія изъ-за границы раждаютъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ, глубокое убѣжденіе, что тянуть дѣло устройства правленія вредно для насъ и полезно для чужихъ, которые одолѣютъ насъ даже безъ особенныхъ усилій, пользуясь только нашими несогласіями и потерею времени. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ думалъ, какъ поступить; скажу вамъ, къ чести благомыслящихъ гражданъ, что меня побуждали, заклинали приступить къ рѣшительному шагу какъ можно скорѣе. Взаимное совѣщаніе, при гражданскомъ довѣріи другъ къ другу, подало намъ согласныя мнѣнія. Изъ нихъ со-

ставленъ былъ проектъ и показанъ мнѣ; многіе предприняли его привести въ исполненіе; когда его прочтутъ, то всѣ его нынѣ же примутъ. Я этого желаю. Онъ намъ поможетъ, а черезъ двѣ недѣли, быть можетъ, уже будетъ поздно. Война ли продолжится, миръ ли настанетъ у сосѣдей, окружающихъ Польшу, одно намѣреніе—держать насъ въ безсиліи, льстить намъ и хвалить то, что̀ давніе предразсудки сдѣлали нашею святынею, но что̀ намъ вредитъ, что̀ насъ почти выбросило изъ ряда народовъ. Въ этомъ проектѣ одного только пункта касаться не считаю себя вправѣ иначе, какъ узнавши волю сейма—наслѣдственнаго правленія; со всѣмъ другимъ соглашаюсь. Прошу васъ, господинъ сеймовый маршалъ, пусть начнется чтеніе проекта». Секретарь прочиталъ проектъ слѣдующаго содержанія:

«1. Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

«2. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями Казимиромъ Великимъ, Людовикомъ Венгерскимъ, Владиславомъ Ягелло и Витовтомъ, братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, а также Владиславомъ и Казимиромъ Ягеллоновичами, Яномъ-Альбрехтомъ, Александромъ, Сигизмундомъ I-мъ и Сигизмундомъ-Августомъ, послѣднимъ изъ рода Ягеллоновъ, утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми. Признаемъ достоинство шляхетскаго званія въ Польшѣ равнозначительнымъ всякому благородному сословію, существующему гдѣ бы то ни было. Вся шляхта равна между собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ

никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium или подъ какимъ-либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

«3. Уставъ, состоявшійся на текущемъ сеймѣ подъ названіемъ: «Наши королевскіе свободные города, въ государствахъ Рѣчи-Посполитой», желаемъ сохранять въ полнотѣ и объявляемъ его частію настоящей конституціи, какъ законъ, дающій свободной польской шляхтѣ, для безопасности ея свободы и цѣлости общаго отечества новую, истинную и дѣйствительную силу.

«4. Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по-одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятыя добровольно владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не только его самого, но и его наслѣдниковъ или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они уже не могутъ самовольно ихъ измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія, не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно съ способами и условіями, какія значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязателенъ навсегда или на срочное время, смотря

по тому, какъ онъ составленъ. Обезпечивъ, такимъ образомъ, владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая, сколько возможно, содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ полную свободу всѣмъ новоприбывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый, или вновь откуда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступитъ ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ и воленъ заниматься какимъ хочетъ промысломъ и гдѣ захочетъ, заключить договоръ на осѣдлость, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно.

«5. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и Стражѣ, и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

«6. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ Избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля.

«Посольская Изба, какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія, должна быть святынею законодательства. Поэтому въ посольской Избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты: 1) законовъ вообще, то-есть конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ предложенія отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, поданныя на разсмотрѣніе, и представленныя Избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся временныхъ налоговъ, качества монеты, общественныхъ долговъ, нобилитаціи и другихъ, по случаю, наградъ, раскладки общественныхъ расходовъ, ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, войны, мира, окончательной ратификаціи союзныхъ и торговыхъ договоровъ, всякихъ дипломатическихъ актовъ и договоровъ, принадлежащихъ къ народному праву, повѣрки исполнительныхъ магистратуръ, и тому подобныхъ статей, соотвѣтствующихъ главнымъ народнымъ потребностямъ, между которыми первенство, въ порядкѣ разсмотрѣнія, принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ Избѣ отъ королевскаго трона.

«Обязанности сенаторской Избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, подъ предсѣдательствомъ короля, имѣющаго право одинъ разъ дать свой голосъ (votum) а другой разрѣшать paritatem (равенство голосовъ) лично или посылкою въ Избу своего мнѣнія, таковы: 1) каждый законъ, который по формальномъ прохожденіи чрезъ посольскую Избу, долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ; и въ первомъ случаѣ, принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ, задержаніе остановитъ его дѣйствіе до будущаго ординарнаго сейма, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то пріостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеизложеннымъ предметамъ, которое посольская Изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою Избою рѣшать большинствомъ голосовъ, а установленное закономъ большинство въ соединенныхъ Избахъ будетъ приговоромъ и волею государственныхъ чиновъ.

«Сенаторы и министры въ предметахъ, касающихся отчетовъ по ихъ должностямъ въ Стражѣ и въ коммиссіяхъ, безъ рѣшающаго голоса (votum decisivum), будутъ въ то время засѣдать въ сенатѣ только для объясненій на вопросы сейма. Долженъ всегда существовать готовый сеймъ. Законодательный и ординарный сеймъ должны возобновляться каждые два года и продолжаться сообразно содержанію закона о сеймахъ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать постановленія только о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія.

«Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ на томъ самомъ ординарномъ сеймѣ, на которомъ постановленъ. Комплектъ сейма будетъ состоять изъ числа особъ, указаннаго нижеписаннымъ закономъ какъ для Избы посольской, такъ и для сенаторской.

«Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установленный на настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы.

«Какъ въ законодательствѣ всѣ не могутъ участвовать и народъ въ этомъ случаѣ изображаетъ себя чрезъ своихъ представителей или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы устанавляемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, должны быть уважаемы, какъ пред-

ставители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе всеобщаго довѣрія.

«Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда.

«Въ предупрежденіе, съ одной стороны, насильственныхъ и частыхъ перемѣнъ народной конституціи, съ другой, сознавая потребность усовершенствованія оной по испытаніи ея послѣдствій для общественнаго благосостоянія, назначаемъ чрезъ каждые двадцать пять лѣтъ пересмотръ и исправленіе конституціи. Такой конституціонный экстраординарный сеймъ будетъ отправляться на основаніи особаго о немъ закона.

«7. Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти. Благополучіе народовъ зависитъ отъ справедливыхъ законовъ, а благія послѣдствія законовъ отъ ихъ исполненія. Опытъ научилъ насъ, что пренебреженіе этою частію правленія преисполнило Польшу несчастіями, почему, обезпечивши для свободнаго польскаго народа власть издавать для себя законы, и право надзора за всякою исполнительною властію и выбора должностныхъ лицъ для магистратуръ, верховную власть исполненія законовъ передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться Стражею законовъ.

«Исполнительная власть строго обязана соблюдать законы и исполнять ихъ. Она должна оказывать свою дѣятельность тамъ, гдѣ дозволено закономъ и гдѣ законы требуютъ надзора, принуждать и даже прибѣгать къ силѣ. Всѣ магистратуры всегда обязаны ей повиновеніемъ, и въ ея рукахъ находится понужденіе непослушныхъ и забывающихъ свои обязанности.

«Исполнительная власть не можетъ установлять законовъ, толковать ихъ, налагать подъ какимъ бы то ни было именемъ податей или поборовъ, дѣлать государственные долги, измѣнять раскладку казенныхъ доходовъ, учиненную сеймомъ, объявлять войну, заключать мирные договоры и окончательно утверждать дипломатическіе акты. Но она можетъ входить во временныя сношенія съ иностранными державами, улаживать потребности, возникающія для безопасности и спокойствія страны, о чемъ обязана доносить ближайшему сеймовому собранію.

«Польскій престолъ навсегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути

вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастіи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ.

«Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость Божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники въ мужескомъ колѣнѣ и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя. Если же нынѣшній князь-избиратель не будетъ имѣть потомства мужескаго пола, то супругъ его дочери, избранный имъ для нея съ согласія государственныхъ чиновъ, начнетъ наслѣдственную линію въ мужескомъ колѣнѣ на польскомъ престолѣ.

«Поэтому мы объявляемъ дочь князя-избирателя Марію Августу Непомуцену польскою инфанткою, оставляя за народомъ никакимъ ограниченіямъ не подлежащее право избрать на престолъ другой домъ, по прекращеніи перваго.

«Каждый король, вступая на престолъ, учиняетъ присягу Богу и народу сохранять настоящую конституцію и условія принятія короны, pacta conventa, которыя будутъ заключены съ нынѣшнимъ саксонскимъ княземъ - избирателемъ, какъ съ назначеннымъ на престолъ и будутъ его обязывать, какъ издавна бывало.

«Особа короля священна и неприкосновенна для всякаго. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому и не отвѣтственъ предъ народомъ ни за что. Онъ долженъ быть не самовластителемъ, а отцомъ и главою народа, и такимъ его признаетъ и объявляетъ законъ и настоящая конституція.

«Доходы, указанные въ условіяхъ принятія короны (pacta conventa) и присвоенные трону преимущества, предоставленныя настоящею конституціею будущему избраннику престола, не могутъ быть нарушаемы.

«Всѣ публичные акты, трибуналы, суды, магистратуры, монета, штемпели должны быть подъ королевскимъ именемъ.

«Королю предоставляется всякая возможность дѣлать добро, и потому дается право помилованія (jus agratiandi) осужденныхъ на смерть, исключая государственныхъ преступниковъ. Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными си-

лами во время войны и наименованіе командировъ войска, однако съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа; право выдавать офицерамъ патенты на чины, назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ, сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣятелей исполнительной власти.

«Придаваемая королю въ помощь Стража для надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ законовъ будетъ состоять: 1) изъ примаса или главы польскаго духовенства и вмѣстѣ презуса эдукаціонной коммиссіи, который можетъ быть замѣненъ въ Стражѣ первымъ по порядку епископомъ, безъ права подписывать резолюціи; 2) изъ министровъ, именно: министра полиціи, министра печати, министра belli (войны), министра скарба (казны) и министра печати для иностранныхъ дѣлъ; 3) изъ двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ будетъ вести протоколъ Стражи, а другой протоколъ иностранныхъ дѣлъ, оба безъ рѣшающаго голоса.

«Наслѣдникъ престола, по выходѣ изъ малолѣтства, давши присягу конституціи, можетъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ Стражи, но безъ голоса.

«Сеймовый маршалъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ Стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если бы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противился этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ окольныя письма, приглашая ихъ собраться на готовый сеймъ и изложивъ имъ поводы такого созванія. Случаи необходимаго созванія сейма могутъ быть только слѣдующіе: 1) въ крайнихъ обстоятельствахъ, касающихся народнаго права, особенно, когда по сосѣдству возникаетъ война; 2) въ случаѣ внутренняго смятенія, угрожающаго странѣ революціею, или когда произойдетъ столкновеніе между магистратурами; 3) когда угрожаетъ опасность всеобщаго голода; 4) если отечество осиротѣетъ отъ смерти короля или отъ опасной его болѣзни.

«Всѣ резолюціи въ Стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ мнѣній, должно имѣть перевѣсъ, дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ; почему каждая резолюція должна выходить изъ Стражи подъ королевскимъ именемъ и за подписью руки его, и сверхъ того должна быть подписана однимъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ Стражѣ; такимъ образомъ подписанная, она будетъ обязательна къ повиновенію ей и будетъ приведена въ исполненіе коммиссіею, или какою-нибудь магистратурою въ тѣхъ однако предметахъ, которые настоящею консти-

туцією не исключены. Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовый маршалъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его.

«Назначеніе всѣхъ министровъ, какъ и призваніе ихъ отъ каждаго правительственнаго отдѣла въ свой совѣтъ и въ Стражу— принадлежитъ королю. Министръ призывается къ засѣданію въ Стражѣ на два года, но король можетъ подтвердить его и на долѣе. Министры, призванные въ Стражу, не засѣдаютъ въ коммиссіяхъ.

«Въ случаѣ, если бы большинство двухъ третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ Избъ сейма пожелало перемѣны министра или въ Стражѣ или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другого.

«Въ тѣхъ видахъ, чтобы Стража народныхъ законовъ обязана была строжайшею отвѣтственностью за всякое ихъ нарушеніе, постановляемъ: если министры будутъ обвинены депутаціею, назначенною для изслѣдованія ихъ дѣятельности, въ нарушеніи законовъ, они должны отвѣчать своею личностью и своимъ имуществомъ. Во всякихъ такихъ обвиненіяхъ собранные чины, рѣшивъ дѣло простымъ большинствомъ голосовъ, отсылаютъ обвиненныхъ министровъ къ сеймовымъ судамъ для справедливаго, соразмѣрнаго ихъ преступленіямъ, наказанія, или, при доказанной невинности, для увольненія отъ суда и наказанія.

«Для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе исполнительной власти учреждаются отдѣльныя коммиссіи, состоящія въ связи со Стражею и обязанныя ей повиновеніемъ. Коммиссары въ эти коммиссіи будутъ избраны сеймомъ для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ. Этихъ коммиссій четыре: 1) воспитанія (эдукаціонная), 2) полиціи, 3) войска и 4) казны (скарбовая).

«Установленные на текущемъ сеймѣ воеводскія коммиссіи для порядка, равнымъ образомъ подчиненныя надзору Стражи, будутъ получать предписанія отъ вышеупомянутыхъ посредствующихъ коммиссій, смотря по предметамъ, принадлежащимъ власти и обязанностямъ каждой изъ нихъ.

«8. Судебная власть не можетъ отправляться ни законодательною властью, ни королемъ, но предоставляется магистратурамъ, на тотъ конецъ установленнымъ и выбраннымъ. Она должна быть привязана къ извѣстнымъ мѣстамъ, такъ чтобы всякій вблизи себя могъ находить правосудіе, а преступникъ вездѣ видѣлъ надъ

Библіотека
Сергѣя Петровича Зубакина

собою грозную руку мѣстнаго правительства. Вслѣдствіе этого установляемъ:

«1) Суды первой инстанціи для каждаго воеводства, земли или повѣта, въ которые судьи будутъ выбираться на сеймикахъ. Суды первой инстанціи всегда должны быть готовы оказывать правосудіе тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Апелляція на эти суды будетъ восходить въ главные трибуналы, учрежденные для каждой провинціи и составленные равномѣрно изъ выбранныхъ на сеймикахъ особъ. Эти суды какъ первой, такъ и послѣдней инстанціи, будутъ *земянскими* судами для шляхты и всѣхъ земскихъ собственниковъ въ ихъ дѣлахъ съ кѣмъ бы то нибыло de causis juris et facti (по поводу права и факта).

«2) Сохраняемъ судебныя юрисдикціи во всѣхъ городахъ, сообразно съ закономъ настоящаго сейма о свободныхъ королевскихъ городахъ.

«3) Оставляемъ для каждой провинціи референдарскіе суды въ дѣлахъ свободныхъ поселянъ, по давнимъ правамъ подчиненныхъ этимъ судамъ.

«4) Сохраняемъ суды задворные, ассессорскіе, реляційные и курляндскіе.

«5) Исполнительныя коммиссіи будутъ имѣть суды по дѣламъ, принадлежащимъ ихъ администраціи.

«6) Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ верховный судъ, называемый сеймовымъ, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (crimina status). Предписываемъ особамъ, назначеннымъ отъ сейма, составить новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

«9. Регентствомъ будетъ Стража, а въ челѣ ея будетъ королева, а въ случаѣ ея отсутствія — примасъ. Регентство можетъ состояться только въ трехъ случаяхъ: 1) при малолѣтствѣ короля; 2) при болѣзни, сопряженной съ умопомѣшательствомъ; 3) еслибы король былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ. Малолѣтство считается до восемнадцати-лѣтняго возраста, а постоянное умопомѣшательство короля не иначе можетъ быть объявлено, какъ по признанію большинства трехъ четвертей противъ одной голосовъ соединенныхъ Избъ готоваго сейма. Въ этихъ трехъ случаяхъ примасъ польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а еслибы примасъ уклонялся отъ этой обязанности, то сеймовый маршалъ разошлетъ окольныя письма къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредитъ очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочитъ королеву заступить мѣсто

короля въ его обязанностяхъ. Когда же король, въ первомъ случаѣ, достигнетъ совершеннолѣтія, или во второмъ — совершенно выздоровѣетъ, или въ третьемъ—возвратится изъ плѣна, то регентство обязано дать отчетъ о своей дѣятельности и отвѣчать предъ народомъ, на ординарномъ сеймѣ, за время своего управленія, личностями и имуществами своихъ членовъ.

«10. Королевскіе сыновья, которыхъ конституція предназначаетъ къ престолонаслѣдію, есть первыя дѣти отечества и потому надзоръ за ихъ хорошимъ воспитаніемъ принадлежитъ народу, впрочемъ, безъ нарушенія родительскихъ правъ. Правящій государствомъ король, вмѣстѣ со Стражею и съ назначеннымъ отъ государственныхъ чиновниковъ надзирателемъ надъ воспитаніемъ королевичей, будетъ заниматься воспитаніемъ ихъ. Во время регентства воспитаніе ихъ будетъ поручено этому регентству вмѣстѣ съ упомянутымъ надзирателемъ. Въ обоихъ случаяхъ надзиратель, назначенный отъ государственныхъ чиновъ, обязанъ доносить каждому ординарному сейму о воспитаніи и успѣхахъ королевичей. На эдукаціонной коммиссіи лежитъ обязанность составить и представить для утвержденія сейму инструкцію о воспитаніи королевскихъ сыновей, дабы въ ихъ воспитаніи твердыя правила внѣдряли въ умы будущихъ наслѣдниковъ престола заранѣе религію, любовь къ добродѣтели, отечеству, свободѣ и польской конституціи.

«11. Народъ обязанъ самъ себя защищать отъ нападеній и оберегать свою цѣлость. Всѣ обыватели суть охранители народной цѣлости и свободы. Войско есть не что иное, какъ извлеченная изъ всей общей силы народа и приведенная въ порядокъ оборонительная сила. Народъ обязанъ награждать и уважать свое войско, которое исключительно посвящаетъ себя его оборонѣ. Войско обязано охранять границы и всеобщее спокойствіе, словомъ, должно быть сильнѣйшимъ щитомъ народа. Для непогрѣшительнаго выполненія своего назначенія, войско должно оставаться въ повиновеніи у исполнительной власти, и сообразно съ содержаніемъ закона, обязано принести присягу на вѣрность народу и королю и на оборону народной конституціи. Народное войско можетъ быть употребляемо на защиту страны вообще, на охраненіе крѣпостей и границъ и на вспоможеніе закону, еслибы кто оказался ему непослушнымъ.»

По прочтеніи этого проекта, которому дано было названіе: «Уставъ Правленія», Малаховскій, въ качествѣ маршала, произнесъ пышную похвалу этому уставу, признавалъ новое правленіе превосходнѣе англійскаго и американскаго, лучше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ свѣтѣ и возсылалъ хвалы

королю, котораго изображалъ виновникомъ такого великаго подвига.

Король на это отвѣчалъ, что, присягнувши на условіяхъ принятія короны (pacta conventa), онъ проситъ уволить его отъ обязательства по вопросу о наслѣдствѣ престола, которыя мѣшаютъ ему произнести свое мнѣніе. «Пусть прежде услышу волю сейма въ этомъ вопросѣ — сказалъ онъ — и буду считать настоящій день счастливѣйшимъ въ моей жизни, если этотъ проектъ обратится въ законъ. Повторю то, что̀ уже говорилъ: король съ народомъ и народъ съ королемъ, такъ и до смерти буду повторять».

«Король съ народомъ и народъ съ королемъ! закричали прогрессисты. Згода, згода!»

Но въ тоже время раздались крики: «нѣтъ згоды».

Сухоржевскій опять протѣснился на средину залы, таща за руку шестилѣтняго сына, и разыгрывая изъ себя римскаго героя, кричалъ: «Знаю, что̀ злоумышляютъ на Рѣчь-Посполитую и на меня, перваго ея охранителя. Не боюсь ничего. На этомъ мѣстѣ, посреди сеймоваго засѣданія, убью собственное дитя. Пусть оно не доживетъ до рабства, которое приготовляетъ странѣ нашей этотъ проектъ».

Товарищи, принимая эту театральную сцену за дѣйствительное намѣреніе, вырвали испуганнаго ребенка изъ рукъ польскаго Брута.

Смятеніе въ Избѣ дошло до крайнихъ предѣловъ. Всѣ говорили, кричали и никто не слушалъ. Съ великимъ трудомъ маршалъ наконецъ упросилъ соблюдать порядокъ и говорить по одиночкѣ. Когда волненіе стихло, выступилъ подольскій посолъ Злотницкій, одинъ изъ защитниковъ шляхетчины и стараго порядка. «Все здѣсь — говорилъ онъ — противно свободѣ Рѣчи-Посполитой. Прошу прочитать Pacta Conventa. Здѣсь есть тѣ, которые помнятъ, какъ они были заключены 7 сентября 1764 года, между чинами Рѣчи-Посполитой и коммиссарами вступавшаго тогда на престолъ Станислава-Августа».

«Читать, читать Pacta Conventa», закричали его единомышленники.

Прочли Pacta Conventa. Они явно были противны представляемому проекту, но прогрессисты говорили, что нація, предложившая королю условія, могла составить и новый законъ. Злотницкій, по прочтеніи условій, сказалъ: «Будучи посломъ отъ воеводства подольскаго, я долженъ объявить, что на избраніе, при жизни короля, преемника ему, въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, подольская шляхта соглашается, но мнѣ не дано право

увольнять его величество короля отъ обязанностей, налагаемыхъ на него условіями принятія короны и я не согласенъ на проектъ, который не былъ подвергнутъ обсужденію и не получилъ приговора конституціонной депутаціи».

Онъ счелъ нужнымъ польстить мѣщанамъ и сказалъ, что готовъ десять разъ подписать законъ о мѣщанскихъ правахъ. Видно, что многочисленное стеченіе мѣщанъ въ самой Избѣ пугало противниковъ.

За нимъ говорилъ старый Ожаровскій. Онъ прежде извинился въ недостаткѣ дара краснорѣчія. Потомъ замѣтилъ, что проектъ многопредметенъ и слабому понятію трудно его охватить, не только уразумѣть. Онъ говорилъ, что установленіе престолонаслѣдія не спасетъ Польшу отъ угрожающаго ей раздѣла, а во всякомъ случаѣ можетъ привести къ деспотизму и указывалъ, что для спасенія отечества нужно болѣе всего говорить объ увеличеніи казны и войска. Наконецъ онъ припомнилъ, что самъ онъ былъ посломъ отъ краковскаго воеводства въ 1764 г. и слышалъ королевскую присягу, а потому не только не хочетъ увольнять отъ нее короля, но особенно проситъ соблюдать ее въ данныя минуты. Ожаровскому хотѣлось пріостановить дѣло и навести сеймъ на другіе вопросы, и потому онъ хотѣлъ говорить о войнѣ; но эта тактика, удачная въ прежнее время, теперь была невозможна при такомъ волненіи.

За Ожаровскимъ разомъ явилось много охотниковъ блистать геройствомъ и краснорѣчіемъ. Отъ сеймоваго маршала зависѣло соблюсти очередь, и онъ далъ первый голосъ Закржевскому, познанскому послу. Это былъ большой свободолюбецъ и ненавистникъ вельможъ. О чемъ онъ ни начиналъ говорить, почти всегда нападалъ на вельможъ и поражалъ ихъ демократическою риторикою, перебѣгая отъ банальныхъ истинъ къ кудрявымъ софизмамъ. «Бьетъ часъ — воскликнулъ онъ. Намъ приходится или поддержать любезное паче жизни отечество, или погубить его и отдать на растерзаніе и грабежъ». Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что такое свобода, доказывалъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы законы, наложеніе податей, выборы магистратуръ исходили отъ народа, но избирательное правленіе, по его мнѣнію, не отъ народа исходило. «Элекціи королей — говорилъ онъ — народъ не зналъ. Это выдумали вельможи. Не дѣлаю ни малѣйшаго намека на царствующаго нынѣ короля, который любитъ народъ больше себя. Но вообще скажу, что избранный король — губитель свободы и цѣлости отечества и готовъ отдать на растерзаніе управляемый имъ край, когда придется сохранить частицу его для своихъ интересовъ и наслѣдниковъ. Страна,

управляемая избраннымъ королемъ, никогда не можетъ быть свободною отъ вліянія и козней чужихъ державъ.» Онъ восхвалялъ достоинства наслѣдственнаго короля, который, по его мнѣнію, не станетъ нарушать конституціи изъ одной любви къ своему потомству и изъ боязни, чтобы изъ-за него не пришлось отвѣчать наслѣдникамъ. «Насъ пугаютъ — продолжалъ онъ — что подъ наслѣдственнымъ правленіемъ республиканское правленіе измѣнится въ деспотизмъ. Деспотизма не знаютъ просвѣщенные народы, а въ этомъ проектѣ я вовсе не вижу вообще и монархизма. Но если бы даже въ Польшѣ внѣдрилась монархія, все же она не такъ ужасна, какъ раздѣлъ.»

За нимъ говорилъ изъ противной партіи князь Четвертинскій — человѣкъ, въ характерѣ котораго было что-то ребяческое въ смѣси съ хитростію. Послѣ короткаго вступленія, онъ сказалъ: «этотъ проектъ, писанный на нѣсколькихъ листахъ, составленный тайною интригою....»

Слова эти прерваны были взрывомъ негодованія. Четвертинскій спохватился и потомъ продолжалъ: «Я слышалъ его одинъ только разъ. Въ немъ много хорошаго, но есть и дурное. Вотъ хоть бы это: избранному королю народъ могъ отказать въ повиновеніи, если бы онъ не соблюлъ присяги, а по этому проекту наслѣдственный король увольняется отъ отвѣтственности. Хоть бы онъ что дурное сдѣлалъ — ничего ему не говори, а только министрамъ. Вѣрно вашему величеству силою навязываютъ этотъ проектъ. А главное: его проводятъ неслыханнымъ образомъ, безъ предварительнаго обсужденія, и приказываютъ намъ принимать его съ разу. Пусть меня сочтутъ послѣднимъ глупцомъ, а я его не понимаю. Какъ можно, разъ только услышавши, его понять? Я не личный врагъ ему. Пусть Богъ уничтожитъ меня и моихъ троихъ дѣтей, если я возстаю противъ него изъ духа партикулярности. Но въ немъ гробъ вольности и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ».

Онъ дѣйствительно заплакалъ и сквозь слезы сказалъ: «буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ».

Въ отвѣтъ на его рѣчь выступилъ краковскій посолъ Линовскій, пламенный прогрессистъ. «Въ Польшѣ нѣтъ насилія — сказалъ онъ — кромѣ насилія просвѣщенія и добродѣтели, кромѣ рѣшимости спасти отечество отъ погибели. Я преклоняюсь предъ такимъ насиліемъ». Сдѣлавши нападеніе на вельможъ, онъ продолжалъ: «Слушайте, наияснѣйшіе чины, что̀ я вамъ скажу. Знаете ли въ чемъ наибольшая похвала нашей конституціи? За три дни

передъ этимъ разнеслась вѣсть по столицѣ о нашемъ предпріятіи, и уже находящіеся здѣсь иностранные министры заволновались. Я самъ ихъ встрѣчалъ въ домѣ особы, имѣющей доступъ къ королю. Я слышалъ, какъ они угрожали, пугали насъ, не скрывали отвращенія своего къ нашему дѣлу, въ надеждѣ, что все это передастся королю. Имъ не по сердцу наше правленіе: вотъ доказательство, что оно будетъ Польшѣ спасеніемъ.»

«Вы слышали—сказалъ ливскій посолъ Кицинскій—говорятъ, уже миръ заключенъ и воевавшія державы хотятъ окупить свои издержки на нашъ счетъ. Чего жъ намъ ждать? Развѣ того, чтобъ панъ Булгаковъ, а не то, для бóльшаго нашего униженія, панъ Штакельбергъ, лучше знающій всѣ варшавскія пружины, возвратившись на прежнее мѣсто съ тріумфомъ, именемъ императрицы объявилъ намъ, что мы уже не самобытный народъ, что Польша уже подчиненная ей провинція, что уже не конфедерація, не готовый сеймъ, не Стража, а онъ съ своимъ совѣтомъ будетъ управлять дѣлами страны нашей? Ждать ли намъ, чтобы войско московское разсѣяло и уничтожило наши полки и хоругви отчасти силою, отчасти хитростію и возбужденіемъ между нами недовѣрія, а затѣмъ предложило намъ свое покровительство, свою пасть, алчущую нашего хлѣба, свои руки, жадныя нашего достоянія? Ждать ли намъ, чтобы пришелъ къ намъ еще казацкій гетманъ съ донскимъ и запорожскимъ казачествомъ и указалъ намъ, въ политическомъ составѣ Европы, мѣсто ниже своихъ возлюбленныхъ казаковъ, или давно уже порабощенныхъ Москвою и привыкшихъ къ ярму татаръ и волоховъ (?)? Дожидаться ли намъ, пока онъ, или кто другой, быть можетъ какой-нибудь полякъ, продавшій себя Москвѣ, пользуясь раздвоеніемъ нашего народа, столкнетъ съ престола нашего короля и самъ сядетъ на немъ, для исполненія замысловъ тѣхъ, которымъ будетъ служить орудіемъ? Хотите ли, чтобъ насъ возили въ Сибирь и Камчатку? Хотите ли, чтобы поругались надъ костелами и алтарями, грабили наши домы, а намъ за естественное самосохраненіе рубили руки и ноги, или осуждали на гнитьё въ кандалахъ? Неужели, достопочтенные чины, плѣняясь достоинствами избирательнаго трона, вы забыли, кто намъ уже сто лѣтъ даетъ королей и свергаетъ ихъ? Августа II развѣ не навязали намъ насильно, а потомъ насиліемъ не принудили сложить съ себя достоинство? Лещинскаго развѣ не свергли съ престола? Августа III развѣ не собирались низложить? Нынѣ царствующему королю развѣ не угрожали тѣмъ же? А курляндскими герцогами, состоявшими подъ главенствомъ Рѣчи-Посполитой, московская фантазія развѣ не играла какъ мячиками, ссылая ихъ въ Сибирь

и возвращая снова? А какъ уважаема была эта Изба, мѣсто народнаго совѣщанія? Епископы, сенаторы и послы развѣ не томились многіе годы въ неволѣ? Сокровища Радзивилловъ и вообще движимое имущество обывателей развѣ не вывозились въ Москву, и недвижимыхъ развѣ не грабили и не опустошали? Неужели васъ не приводятъ въ содроганіе встрѣчаемыя до сихъ поръ безрукія и безногія жертвы звѣрства Древича? О, на что способна эта гордыня! Она не проститъ вамъ того смертельнаго грѣха, что вы осмѣлились сбросить съ себя ея цѣпи и, въ продолженіи трехъ лѣтъ, считали себя независимымъ народомъ? Пусть только состоится миръ и застанетъ насъ безъ твердаго правительства, безъ конституціи, безъ порядка; тогда тѣ государства, что, опасаясь гигантскаго возрастанія Россіи, побуждали насъ противъ нея вооружаться, скажутъ той же Россіи: «Распоряжайся себѣ Польшею, только на насъ не гнѣвайся». Вотъ тогда-то слуцкій архимандритъ и все схизматическое духовенство начнутъ вѣрнѣе и усерднѣе служить Москвѣ. Тогда-то успѣшнѣе пружиною фанатизма начнутъ подвигать и подстрекать къ бунту хлопство. Воротится къ намъ россійское войско и опять къ офицерамъ невысокихъ чиновъ пріѣдутъ сенаторы и сановники съ просьбою освободить отъ постоя ихъ имѣнія, и будутъ по нѣсколько часовъ передъ дверьми ожидать аудіенціи, пока имъ не окажутъ милости и не сложатъ съ нихъ тягостей, чтобы за то отяготить другихъ соотечественниковъ. Россійскій посланникъ, по продажѣ своего палаца, помѣстится поближе къ королю, чтобъ наблюдать съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, кого жалуетъ. Министерскія мѣста, сенаторскія кресла будутъ раздаваться особамъ, которыя станутъ ихъ покупать подлымъ угодничествомъ прихотямъ посланника и его любимцевъ и слугъ. Сенаторы, судьи, правители! Выбирайте, что вамъ лучше: потерять ли какія-нибудь преимущества, которыя вы сами считаете вредными и жить заурядъ съ другими народами, счастливо, безопасно, подъ плодотворнымъ покровительствомъ правительства, въ странѣ свободной, благоустроенной; или оставаясь такими, какъ теперь, получать, посредствомъ подлостей и интригъ, мѣста, которыя надлежало бы занимать людямъ добродѣтельнымъ, способнымъ и заслуженнымъ, держаться на нихъ раболѣпствомъ, безъ уваженія къ самимъ себѣ, безъ пользы для общества, чувствовать муки совѣсти всю вашу жизнь и слышать внутри своей страны противъ себя проклятія цѣлаго народа, а внѣ ея—презрѣніе къ себѣ отъ чужеземцевъ? Наияснѣйшій государь! Больно, очень больно вспоминать протекшіе дни. Былъ ли мѣсяцъ—что я говорю, мѣсяцъ—была ли одна недѣля, одинъ день такой, чтобы ваше величество не терпѣли огор-

ченій? По обязанности моей службы я очень часто приносилъ вашему величеству такія свѣдѣнія, отъ которыхъ разрывалось ваше сердце, отъ природы чувствительное къ утѣсненію ближняго. Съ каждою почтою вы получали жалобы несчастныхъ; вы все дѣлали что могли, но съ горестію, при безсиліи правительства, не видѣли дѣйствительныхъ средствъ спасти ихъ. У всѣхъ у насъ кипѣло сердце, да нужно было сдерживаться, чтобъ не потерять по крайней мѣрѣ надежды на возстаніе когда-либо. Теперь намъ все равно — погибать ли отъ непріятелей, или отъ соотечественниковъ, если изъ послѣднихъ найдутся такіе, что будутъ силиться возвратить Рѣчь-Посполитую къ давнему положенію. Панъ сеймовый маршалъ! Скорѣе установимъ правленіе; сегодня же—не иначе. Сегодня или упрочимъ счастіе и безопасность отечества, или, жертвуя жизнію, подпишемъ безнадежность нашу о ея жребіи.»

Ни одна рѣчь не подѣйствовала на собраніе такъ сильно, какъ эта, дѣйствительно выходившая изъ ряда другихъ. — «Скорѣе, скорѣе! Принимайте проектъ, спасайте погибающее отечество!» кричали прогрессисты. Имъ вторили арбитры въ залѣ и на галлереяхъ.

Толпа противниковъ сбилась въ кружокъ. Виленскій посолъ Корсакъ попросилъ дозволенія вести рѣчь.

«Наше воеводство—сказалъ онъ—какъ и другіе, соглашалось на избраніе саксонскаго князя-избирателя, памятуя доброе время блаженной памяти королей нашихъ изъ саксонскаго дома. А что касается до наслѣдственности престола, учрежденія совѣта подъ именемъ Стражи, нарушенія законовъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, на то воли народа нѣтъ! Народная воля есть признакъ высшей воли! Отъ нея исходятъ священнѣйшіе законы! Но народная воля почіетъ не въ послахъ, не въ сеймѣ, а въ цѣломъ составѣ обывателей, имѣющихъ право выбора представителей. Послѣдніе должны сообразоваться съ данными имъ предписаніями отъ избирателей. Такихъ инструкцій, которыя бы дозволяли вводить наслѣдственное правленіе и ниспровергать преимущества шляхетской вольности,—нѣтъ у насъ; напротивъ, намъ вмѣнили въ особенную обязанность не допускать наслѣдственнаго правленія и охранять шляхетскую вольность. Такихъ инструкцій большинство. Въ нихъ видна воля народная! Я не властенъ отрѣшиться отъ нея и не смѣю приложить своего согласія къ этому проекту. Я обязанъ держаться инструкцій и воли моего воеводства. Наияснѣйшій король! Въ вашихъ универсалахъ, посланныхъ на сеймики, народъ спрашивался не о томъ, желаетъ ли онъ ввести наслѣдственное правленіе и уволить націю отъ условій принятія короны (pacta

conventa), а о томъ: дозволяетъ ли онъ при жизни царствующаго короля избрать на польскій престолъ преемника въ особѣ саксонскаго князя-избирателя. Народъ и далъ свое рѣшеніе на то, о чемъ его спрашивали. Нельзя предлагать намъ обратить въ законъ то, на что народъ не изъявилъ согласія. Къ вамъ я обращаю рѣчь, господинъ сеймовый маршалъ! Ваши добродѣтельныя качества не дѣлаютъ васъ похожимъ на Адама Понинскаго...»

Крики неудовольствія прервали его рѣчь. Они, однако, скоро перестали. Ораторъ поспѣшилъ затереть невольно вырвавшійся намекъ на Понинскаго похвалами достоинствамъ Малаховскаго. «Подъ вашимъ управленіемъ—говорилъ онъ—на сеймѣ постановлено, чтобы каждый проектъ по прочтеніи въ Избѣ былъ отсылаемъ въ депутацію къ обсужденію (на делиберацію) и посламъ давался бы трех-дневный срокъ вникнуть въ него, а для этого проектъ долженъ раздаваться имъ въ печатныхъ экземплярахъ. Я прошу, чтобы и настоящій проектъ отправленъ былъ къ обсужденію: онъ касается такого важнаго предмета, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье народа.»

Нельзя было не видѣть явной законности такого требованія. За Корсакомъ стали говорить тоже другіе, которые прежде, заглушаемые криками прогрессистовъ, не могли открыть рта.

Станиславъ Потоцкій, одинъ изъ составителей проекта, отвѣчалъ Корсаку: «Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ чрезвычайныхъ средствъ; я со стыдомъ долженъ сознаться передъ всѣми, что и мнѣ мое воеводство приказало поддерживать избирательное правленіе; но что же дѣлать, когда, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ, слышанный вами, проектъ есть средство нашего спасенія, именно потому, что онъ учреждаетъ наслѣдственное правленіе. Безъ него, хотя бы я видѣлъ у Рѣчи-Посполитой огромное войско и неистощимыя сокровища, и тогда не сказалъ бы, что она внѣ опасности. Я поклонюсь моимъ собратіямъ и скажу имъ смѣло: я былъ за наслѣдственное правленіе потому, что мои убѣжденія не позволили раздѣлять мнѣнія, приносящія явную гибель моему отечеству. Пусть кто хочетъ носитъ трауръ, я не очень уважаю наружные знаки; но если этотъ проектъ не пройдетъ, я до смерти буду носить тоску въ сердцѣ.»

Станиславъ Потоцкій владѣлъ отлично реторикою, обращался къ королю, расхваливалъ его до небесъ, называлъ не только наилучшимъ королемъ въ свѣтѣ, отцомъ подданныхъ, но образомъ божества на землѣ; обращался и къ посламъ, умолялъ ихъ возрастить колосъ славы на нивѣ народнаго благополучія, бросить вѣнецъ хвалы и величія къ ногамъ короля. Потомъ онъ сталъ

на колѣни передъ божествами народнаго счастія, какъ онъ называлъ членовъ сейма, и умолялъ принять проектъ.

Его поддерживалъ добржинскій посолъ Збоинскій, который для бо́льшаго подкрѣпленія своего краснорѣчія привелъ примѣры изъ римской исторіи, помянулъ Брута, Регула, изъявлялъ желаніе, подобно послѣднему, пострадать за отечество.

Эти намеки на Римъ оживили поляковъ, которымъ Римъ, въ его лучезарномъ сіяніи, представлялся подобіемъ ихъ прежней Рѣчи-Посполитой, а герои римской республики, въ ихъ воображеніи, походили на ихъ собственныхъ гетмановъ, канцлеровъ и воеводъ. Все это довершило впечатлѣніе рѣчи Кицинскаго, расшевелившаго у поляковъ чувство національнаго самолюбія и задушевной непріязни къ москалямъ. Настроенная въ пользу переворота, публика разражалась громомъ одобреній на каждую рѣчь прогрессиста и не давала говорить противникамъ. Крики арбитровъ увеличивались и, наконецъ, всѣ слились въ единомъ требованіи, немедленно принять проектъ новой конституціи. Голоса противниковъ были со всѣхъ сторонъ заглушаемы этими криками. Тогда подольскій посолъ Ржевускій, припомнивъ арестъ членовъ сейма, сдѣланный нѣкогда Репнинымъ, восклицалъ, что чувствуетъ жажду мщенія москалямъ и призывалъ товарищей скорѣе стереть съ отечества пятно, наложенное московскою гордынею. «Наияснѣйшій король—сказалъ онъ наконецъ—позволь пану сеймовому маршалу немедленно спросить чиновъ о согласіи».

Множество голосовъ закричало: «просимъ! просимъ!»

«Большинство очевидно согласно—сказалъ Ржевускій—если же оппозиція не допуститъ, я къ ногамъ вашего величества повергаю увѣреніе, что не выйду изъ Избы, пока не послѣдуетъ рѣшеніе этого проекта».

«И мы не выйдемъ», закричало множество голосовъ.

«И мы также не выйдемъ», кричали противники.

«Съ обѣихъ сторонъ—продолжалъ Ржевускій—заявляютъ рѣшимость не выходить. Ваше величество произнесите гражданскую присягу хранить конституцію, и каждый изъ насъ, кто только любитъ отечество, не только съ охотою послѣдуетъ вашему примѣру, но и прольетъ за конституцію свою кровь».

«Просимъ! Просимъ!» кричали со всѣхъ сторонъ. Уже былъ седьмой часъ съ открытія засѣданія. Человѣческаго терпѣнія не ставало продолжать его и многіе желали, чѣмъ бы ни кончить, лишь бы кончить.

«Милостивые государи! сказалъ король, ежели кому, то болѣе всѣхъ мнѣ прилично задуматься надъ этимъ проектомъ.

Идетъ дѣло о любви народа ко мнѣ, а это для меня единственное и драгоцѣннѣйшее сокровище, которое я съ собою хочу унести въ могилу. Я прохожу уже шестидесятый годъ моей жизни, впереди для меня остается мало лѣтъ, а потому нечего мнѣ угождать страстямъ, которыя обыкновенно приписываются государямъ. Вы сами видѣли, въ теченіи этого сейма, что я не проводилъ никакихъ плановъ, ни для себя, ни для своихъ родныхъ; напротивъ, какъ только узналъ, что народъ склоняется удалить тѣ опасности, которыя неразлучны со всякимъ безкоролевіемъ, я не только согласился съ этимъ, но и тѣмъ, которые по доброжелательству ко мнѣ совѣтовали мнѣ имѣть въ виду свои личные интересы и приводили извѣстную пословицу, что передъ восходящимъ солнцемъ должно уступать заходящее, я отвѣчалъ такъ: «мою личность я считаю второстепеннымъ дѣломъ, а главнымъ — благосостояніе страны.» Поэтому, такъ какъ я не стараюсь ни о себѣ, ни о своихъ кровныхъ, то и надѣюсь, что меня выслушаютъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ того короля, который за полтора столѣтія передъ нами носилъ истинно терновый вѣнецъ. Я говорю о добромъ, благоразумномъ, мужественномъ, но несчастномъ Янѣ Казимирѣ. Для пользы страны, для безопасности свободы и существованія Польши, онъ совѣтовалъ заранѣе установить наслѣдственность, какъ единственное средство охранить Польшу отъ бѣдствія безкоролевія. Его не слушали; мало этого — его преслѣдовали за это; и онъ, оскорбленный, покинулъ престолъ, на которомъ не могъ съ пользою служить отечеству. Его предвѣщанія оправдались: они послужили намъ урокомъ; теперь, какъ я слышу, большинство народа, большинство членовъ сейма, желаютъ прочнымъ правительствомъ и крѣпостью престола навсегда утвердить спокойствіе и счастіе нашего края. Знаю, что готовлю себѣ непріятности, но считаю долгомъ раздѣлять это желаніе. Прибавлю, еще въ послѣдніе дни, между иностранными министрами было говорено такъ: «будемъ стараться разными вымыслами отстранять умы сеймовыхъ членовъ отъ этого шага; пускай Польша всегда нуждается въ подпорѣ, пусть будетъ въ постоянной боязни безъ крѣпкаго правленія, пусть унижается передъ чужими и кланяется имъ, чтобъ ей не было худо». Одинъ изъ нихъ, который болѣе всѣхъ отсовѣтывалъ дѣлать перемѣны, сказалъ такъ: «затѣи поляковъ противны интересамъ нашихъ дворовъ и мы должны ихъ отводить отъ спасительныхъ мѣръ; но если они сдѣлаютъ то, что̀ замышляютъ, то покажутъ, что умнѣе насъ, и мы будемъ уважать ихъ болѣе чѣмъ прежде». Такъ дошло до моихъ ушей. Скажу еще, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мнѣ сообщенъ этотъ проектъ, я

колебался, я боялся вреда лично для себя. Теперь, когда я услышалъ эти слова иностранныхъ министровъ, я увидѣлъ въ нихъ послѣднее рѣшеніе судьбы: теперь я рѣшительно пристаю къ проекту вмѣстѣ съ другими, не заботясь о томъ, что́ со мною быть можетъ. Кто любитъ отечество, тотъ долженъ желать, чтобы этотъ проектъ обратился въ законъ. Поэтому, не угодно ли вамъ, господинъ сеймовый маршалъ, сообразно вашему достоинству, дать мнѣ и цѣлому обществу возможность узнать, могу ли я считать этотъ день счастливѣйшимъ? Или мнѣ придется заплакать объ отечествѣ! Узнаемъ, кто съ нами; услышимъ настоящую волю сейма».

— «Всѣ, всѣ съ маршаломъ! Да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція»! раздалось множество голосовъ.

Большинство Избы очевидно было за проектъ. Противники однако сомнѣвались въ этомъ, и думали, что крики исходятъ отъ арбитровъ, наполнявшихъ галлереи и всѣ входы. Маршалъ не рѣшался иначе приступить къ спросу, какъ напередъ польстивши противникамъ.

«Голосъ короля—сказалъ онъ — надѣюсь приведетъ къ единогласію; я уважаю мнѣніе тѣхъ товарищей, которые думаютъ иначе и хотятъ отдать проектъ на обсужденіе, но настоящій день есть день революціи. Для спасенія отечества слѣдуетъ отложить формальности въ сторону. На мой вопросъ о согласіи я попрошу тѣхъ товарищей, которые за проектъ, оставаться въ молчаніи, а тѣхъ, которые противъ проекта, заявить объ этомъ. Такимъ образомъ легче узнается, за кѣмъ большинство».

Оборотъ, данный дѣлу маршаломъ, былъ неожиданъ для противниковъ; они боялись высказаться, чтобы не остаться въ слишкомъ маломъ числѣ, и не подвергнуться оскорбленіямъ, которыя, при сильномъ раздраженіи, могли зайти далеко. Минуты четыре всѣ молчали, наконецъ выступилъ ошмянскій посолъ Хоминскій и сказалъ:

«И собственныя мои убѣжденія и данныя мнѣ инструкціи не дозволяютъ мнѣ соглашаться на наслѣдственное правленіе. Наияснѣйшіе чины, мнѣ никогда и въ мысль не приходило, чтобы проектъ объ измѣненіи правленія былъ внесенъ въ Избу въ такую недѣлю, которая, по установленному порядку дѣлопроизводства, посвящена экономическимъ предметамъ, и притомъ безъ предварительнаго обсужденія. Одинъ разъ его прочитали и хотятъ обратить въ законъ. Но въ этомъ священномъ мѣстѣ я слышу, что настоящій день есть день революціи. А если такъ, то я скажу: народъ! бойся теперь деспотизма, пусть этотъ при-

мѣръ служитъ тебѣ увѣреніемъ: въ противность большинству инструкцій, вмѣсто избирательнаго учреждается наслѣдственное правленіе, установляется правительство близкое къ деспотизму. Видишь ли, народъ, сеймъ сталъ господиномъ твоей воли; ты, народъ, уже утратилъ право давать власть своимъ представителямъ. Наияснѣйшій король, надѣюсь, что ваше королевское величество подадите свой голосъ, чтобы этотъ проектъ проходилъ формальнымъ образомъ, какъ законъ велитъ, я же съ своей стороны прочту передъ вами, наияснѣйшіе чины, данную мнѣ инструкцію. Скажу еще вамъ, наияснѣйшіе чины, что никакой человѣческой памяти не хватитъ обнять этотъ проектъ о важнѣйшемъ предметѣ, написанный на нѣсколькихъ листахъ и прочитанный только разъ. Какъ бы то ни было, Богъ и вы всѣ свидѣтели, я не соглашаюсь на проектъ».

— «Я принужденъ покориться силѣ — сказалъ князь Сангушко — но протестую противъ безправія. Если этотъ проектъ долженъ пройти путемъ революціи, пусть дозволятъ по крайней мѣрѣ исправить въ немъ то, что̀ окажется вреднымъ тогда, когда члены сейма возвратятся къ естественному и законному ходу своихъ занятій».

За нимъ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. До сихъ поръ онъ зналъ себѣ цѣну и молчалъ, чтобы потомить ждавшихъ его слова и потомъ произвести бо̀льшій эффектъ. Въ отборныхъ, но избитыхъ фразахъ онъ распространился о томъ, что избирательное и наслѣдственное правленіе имѣютъ свои выгоды и невыгоды; всего болѣе однако болталъ о самомъ себѣ; наконецъ, потребовалъ еще разъ прочитать проектъ.

«Не надобно! не позволяемъ! не позволяемъ читать»! раздались голоса.

«Можно позволить читать его въ другой разъ — сказалъ варшавскій посолъ Шаноцкій — но только съ тѣмъ, чтобъ не дѣлать приложеній и поправокъ, а если нельзя ихъ допускать, то не зачѣмъ и время терять на чтеніе».

Поднялась разноголосица. Противники въ маломъ числѣ кричали: «читать проектъ!» Большинство кричало: «не читать!» — Сухоржевскій закричалъ: «и читать не надо, и принимать не надо!» — Ободренные его примѣромъ, нѣкоторые повторили то же.

— «И читать его, и разсуждать о немъ нѣтъ нужды! — сказалъ инфлянтскій посолъ Забѣлло — я самъ былъ всегда противъ излишней власти королей, и находилъ этотъ недостатокъ въ проектѣ; но въ немъ теперь сдѣланы надлежащія измѣненія, и я за проектъ! Заклинаю васъ именемъ любви къ отечеству, при-

мите новую конституцію, прошу тебя, наияснѣйшій король, произнеси первый гражданскую присягу, а мы всѣ за тобой!»

Раздалось множество голосовъ: «Згода! згода! згода»!

Сенаторы окружили короля. Въ это время въ Избу нахлынули новые арбитры и кричали: «Виватъ конституція!» Такія же восклицанія раздались за дверьми и на улицѣ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ цѣлый народъ требовалъ совершенія дѣла, хотя изъ кричавшихъ почти никто не зналъ въ чемъ состоитъ эта конституція.

Въ это время къ трону протѣснилась толстогубая съ выдавшимся подбородкомъ фигура Сухоржевскаго. Онъ упалъ на землю, распростеръ руки крестомъ и кричалъ: «по трупу моему пройдете къ присягѣ, убивающей старопольскую свободу». Окружавшіе послы подняли его и отвели прочь. Голоса въ пользу проекта продолжали раздаваться, голосовъ противниковъ уже никто не слыхалъ.

Тогда король сказалъ:

«Вижу явную и твердую волю всего сейма и приглашаю васъ, превелебный отецъ краковскій епископъ, прочитать форму присяги, которую я произнесу за вами».

Краковскій епископъ Турскій приблизился къ трону съ евангеліемъ въ рукѣ. Все замолчало. Король, положа пальцы на евангеліе, повторялъ слова прочитанной епископомъ присяги.

«Juravi Domino, non me poenitebit» (поклялся Господу и не раскаюсь), произнесъ послѣ того король: «Друзья отечества, за мной въ костёлъ; принесемъ Богу общую присягу и возблагодаримъ его за то, что онъ дозволилъ намъ совершить торжественное и спасительное дѣло».

Король пошелъ къ дверямъ; за нимъ толпа съ неумолкаемыми криками: «Виватъ король! Виватъ конституція!» Вся Изба отправилась за королемъ въ костёлъ св. Яна. На пути король прошелъ черезъ рядъ польскихъ женщинъ, которыя изъявляли радость о спасеніи отечества и величали его виновникомъ народнаго благополучія. Это увеличило восторгъ Станислава-Августа, всегдашняго любителя прекраснаго пола. Въ костёлѣ развѣвалось уже множество знаменъ и значковъ городскихъ варшавскихъ цеховъ и братствъ. Обоихъ маршаловъ съ честью внесли на рукахъ въ костёлъ.

Передъ принесеніемъ присяги, Казимиръ-Несторъ Сапѣга произнесъ длинную рѣчь: сперва восхвалилъ свои добродѣтели, увѣрялъ, что никогда не руководился ни чужой волею, ни чужеземнымъ принужденіемъ, а всегда слѣдовалъ голосу собственнаго убѣжде-

нія; припомнилъ также, какъ всегда ругалъ Москву.—Несмотря на мѣсто, которое я занимаю, говорилъ онъ, я до нынѣшняго засѣданія не имѣлъ понятія объ этомъ проектѣ; сегодня въ первый разъ услышалъ его и потому просилъ читать другой разъ. Этого не сдѣлалось. Я, сколько могъ его обнять, нашелъ въ немъ вещи, съ которыми несогласенъ. Главное—наслѣдство престола. Но такъ какъ бо̀льшая часть членовъ признаетъ его закономъ, а король утвердилъ его присягою, то я не хочу отступать отъ общей воли и производить раздоры, которыми бы воспользовались иностранныя государства. Несогласія и внутреннія ссоры всегда были причиною бѣдствій Польши. Народное всевластіе, просвѣщенное опытомъ, можетъ исправить ошибки въ правительственныхъ уставахъ; но послѣдствія войнъ, опустошенія нашей земли иноземными войсками, которыя будутъ входить подъ предлогомъ мирить насъ, наконецъ, но̀вый раздѣлъ Польши — все это бѣдствія, которыхъ ничто не вознаградитъ. Я не такъ самолюбивъ, чтобы считать свое мнѣніе о благѣ отечества лучше мнѣнія короля, почтеннаго маршала коронной конфедераціи и такого множества уважаемыхъ членовъ сейма. Подъ щитомъ ихъ доблестей и я приступаю къ присягѣ, которую король произнесъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ Избы».

Многочисленные друзья Казимира-Нестора Сапѣги, которыхъ онъ пріобрѣлъ своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ, окружили его, подняли на руки, восхваляли его геройство и стойкость характера, примѣрную готовность пожертвовать собственными убѣжденіями общему благу. А между тѣмъ, не задолго до этого онъ сносился съ Булгаковымъ и казался человѣкомъ, преданнымъ Россіи, врагомъ нововведеній и далъ русскому посланнику слово дѣйствовать противъ нихъ.

Послѣ апотеоза добродѣтелей Сапѣги, краковскій епископъ читалъ присягу. Всѣ члены сейма, а за ними народъ, наполнявшій костёлъ св. Яна, подняли руки вверхъ и повторяли слова присяги. По окончаніи присяги, заигралъ органъ и запѣли «Te Deum laudamus», а со стѣнъ за̀мка ударили изъ пушекъ. Солнце уже было на закатѣ.

Изъ костёла король просилъ всѣхъ снова въ сеймовую залу подписывать законъ. Въ то время, какъ въ костёлѣ совершался обрядъ присяги, въ сеймовой залѣ оставались противники, распаляемые Сухоржевскимъ; онъ убѣждалъ товарищей записать въ актахъ протестацію противъ принятой конституціи. Прогрессисты впослѣдствіи хотѣли увѣрить, будто противниковъ было только человѣкъ двадцать; маршалъ Малаховскій писалъ къ племяннику, что ихъ было только девятнадцать, но безпристрастные совре-

менники говорятъ не то; по извѣстію саксонскаго министра Эссена изъ 157 человѣкъ, бывшихъ тогда на лицо, 69 (50 пословъ и 19 сенаторовъ) объявили себя противъ конституціи. Также русскій посланникъ говоритъ, что по уходѣ короля въ костёлъ въ сеймовой залѣ оставалось болѣе 50-ти человѣкъ; нѣкоторые изъ противниковъ отправились въ городъ записать въ судѣ протестацію, но всѣ канцеляріи были заперты; другіе тотчасъ уѣхали изъ Варшавы записывать свои протестаціи въ другихъ городахъ.

По возвращеніи короля и членовъ Избы въ залу, туда опять набилось множество арбитровъ съ криками: «Виватъ король! виватъ конституція»! Маршалы первые подписали новый уставъ и получили порученіе привести къ присягѣ коммиссіи, управлявшія государствомъ. За маршалами подписывали сенаторы и послы. Злѣйшій, но тайный противникъ конституціи, гетманъ Браницкій, не только подписалъ ее, но даже расхваливалъ. Другіе противники, если не подписывали, то не смѣли болѣе кричать. Въ заключеніе объявлено, что отселѣ всякій, кто будетъ противиться конституціи, и по этому поводу покушаться возбуждать раздоръ, объявляется врагомъ отечества и подлежитъ сеймовому суду. Въ память совершенія великаго событія постановили построить храмъ подъ названіемъ храма Провидѣнія и праздновать ежегодно день 3-го мая [1]). Тѣмъ и кончилось это шумное, памятное въ польской исторіи и пагубное по своимъ послѣдствіямъ засѣданіе; слѣдующее за тѣмъ было назначено въ четвергъ, 5-го мая.

Народъ ликовалъ цѣлый вечеръ, городъ былъ иллюминованъ. «Вотъ каковы мы, поляки! — кричали тогда самохвалы — мы выше французовъ, даромъ, что они гордятся превосходствомъ своей образованности; у насъ, въ день революціи, не было ни патрулей, ни карауловъ, не предпринято никакихъ усиленныхъ полицейскихъ мѣръ, а все сошло спокойно».

Войсковая и скарбовая коммиссіи въ тотъ же день были приведены къ присягѣ, но когда было приказано сдѣлать тоже конституціонной депутаціи, то президентъ ея на то время, епископъ Коссаковскій, началъ прибѣгать къ уловкамъ. Онъ, какъ эгоистъ, болѣе всего думалъ о себѣ, и какъ человѣкъ разсудительный, понялъ, что дѣло конституціи не состоится; однако видя, что все склоняется къ ней, не сталъ противиться, даже расхва-

[1]) Вліятельнѣйшіе изъ оппозиціи, въ то время, кромѣ Сухоржевскаго, были послы: познанскій Мѣлжинскій, лэнчицкій Кретковскій, люблинскій Длускій, холмскій Кицкій, подольскіе: Злотницкій и Мѣрзеевскій, волынскіе: Пининскій, Загурскій, Гулевичъ и Кршуцкій; чернѣговскій, Радзиминскій, сендомирскій Скорковскій, закрочимскій Зѣлинскій, сенаторъ князь Четвертинскій и др.

ливалъ новую конституцію, только заявилъ, что она рѣшена на сеймѣ неправильно, и потому депутація не можетъ ее подписывать. «Не было—говорилъ онъ—единогласія, но и явнаго большинства мы не знаемъ, потому что не было баллотировки.» Онъ предлагалъ новый проектъ на баллотировку. Этимъ думалъ онъ возбудить раздоръ въ депутаціи и тормозить дѣло. Члены депутаціи согласились на предложеніе, надѣясь, что большинство будетъ за конституцію.

На другой день послѣ 3 мая, въ среду, отворили канцеляріи и дозволили записывать протестаціи, но только противъ одного пункта конституціи, именно наслѣдственнаго правленія, не касаясь другихъ.

На слѣдующее засѣданіе, въ четвергъ, 5-го мая, вслѣдъ за послами нахлынуло въ залу множество арбитровъ всякаго званія съ оглушающими криками: «виватъ король! виватъ конституція! король съ народомъ, и народъ съ королемъ»! Коссаковскій говорилъ рѣчь, стараясь и поддѣлаться къ большинству, и въ то же время устроить для него западню. «Я отнюдь не думалъ—сказалъ онъ—что̀-нибудь говорить противъ этого закона, или подвергать осужденію способъ его провозглашенія, но въ той же самой конституціи нахожу достойное похвалы условіе, дозволяющее дѣлать поясненія въ подробности статей, которыя бы иначе могли, по своей связи, возбуждать ошибочныя мнѣнія и превратныя толкованія. Я не противлюсь волѣ чиновъ, тѣмъ болѣе, что нахожу въ челѣ ихъ благонамѣреннаго короля. Суетная непріязнь приписывала мнѣ иной способъ мышленія, но я имѣлъ счастіе слышать отъ самого короля, что его величество этому не вѣритъ. Мнѣ остается, наияснѣйшіе чины, успокоить совѣсть, связанную присягою, относительно подписи конституціи.»

«Ничто—сказалъ Линовскій—не можетъ уволить конституціонной депутаціи отъ подписи. Она обязана подписывать народную волю на сеймѣ. Я самъ видѣлъ, и весь народъ со мною также, какъ достойный сенаторъ и епископъ панъ Коссаковскій, въ костёлѣ, вмѣстѣ съ прочими, стоялъ съ поднятою вверхъ рукою въ знакъ торжественнаго обѣта. По этому нѣтъ необходимости требовать отъ насъ признанія относительно подписи того, въ чемъ уже присягнули передъ Богомъ».

«Згода, згода! кричало множество голосовъ. Просимъ пановъ депутатовъ подписать конституцію».

«Я уже говорилъ и теперь говорю—сказалъ Казиміръ-Несторъ Сапѣга—что мои убѣжденія при мнѣ, а я тамъ, гдѣ король и честные сограждане. Я слѣдую ихъ примѣру. Если конституція принесетъ народу счастье, виновниками его будутъ они; если же

нѣтъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что шелъ по слѣдамъ просвѣщенныхъ и честныхъ согражданъ.» За тѣмъ Сапѣга не утерпѣлъ, чтобы, по своему обычаю, не распространиться о собственныхъ достоинствахъ, о своей чистой совѣсти, честномъ поведеніи и геройскомъ подвигѣ третьяго мая.

«Згода, згода! Пусть паны депутаты подписываютъ конституцію», раздалось снова.

Членамъ депутаціи не оставалось ничего болѣе, какъ подходить къ столу и подписывать. Увидя, что дѣло конституціи беретъ верхъ, противники стали переходить на ея сторону. Корсакъ, такъ выразительно говорившій противъ нея третьяго мая, теперь сказалъ: «Чувство, побуждавшее меня и другихъ не соглашаться на конституцію, было тоже, которое одушевляло и тѣхъ, что́ за нее стояли. И у нихъ и у насъ были на то поводы въ инструкціяхъ. Оказывалось, что у нихъ народъ за наслѣдственное правленіе, у насъ за избирательное. Король склонился на сторону желающихъ наслѣдственнаго; теперь и намъ слѣдуетъ сдѣлать тоже, чтобы раздвоеніе не принесло горькихъ плодовъ для отечества.» Онъ просилъ позволенія поцѣловать руку короля въ знакъ благодарности.

Его допустили къ рукѣ. Онъ произнесъ присягу и подписалъ конституцію. То, что́ приводилъ Корсакъ въ свое оправданіе, была только юридическая уловка. Инструкцій въ пользу наслѣдственнаго правленія было очень мало въ сравненіи съ инструкціями противнаго содержанія.

Подобно ему поступили Глищинскій, Шидловскій, Шанецкій и, послѣ длинной рѣчи, Матушевичъ, членъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ; онъ хотя и составлялъ реляцію о депешахъ, побуждавшихъ къ скорѣйшему принятію конституціи, но не зналъ, какъ увѣрялъ, о замыслѣ ввести конституцію, былъ пораженъ ея неожиданностію и потому 3-го мая былъ въ числѣ ея противниковъ. «Теперь, говорилъ онъ, я познакомился съ нею и убѣдился въ ея спасительности.» За нимъ присягнули послы, которые не были въ засѣданіи третьяго мая. Изъ нихъ были Вавржецкій, Косцялковскій, Забѣлло, Зѣнковичъ, Тышкевичъ, и др. Они объяснились такъ: «мы были связаны инструкціями, данными намъ на сеймикахъ; но теперь дѣло окончено: наша боязнь прошла; мы убѣдились, что новая конституція не расширяетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, королевской власти, не хотимъ отставать отъ другихъ и готовы содѣйствовать общему дѣлу». Но волынскіе послы: Пининскій и Загурскій, сендомирскій Скорковскій и закрочимскій Зелинскій, не смѣя нападать на законъ, уже состоявшійся, затрогивали его только по частямъ и глав-

ное упирали на то, что дѣло совершилось безъ легальной формальности. На это патріоты имъ возражали, что настоящее дѣло есть революціонное, необходимое для спасенія отечества, и потому несоблюденіе легальныхъ формальностей было неизбѣжно. При этомъ патріоты разсыпались въ чрезвычайныхъ похвалахъ своему произведенію, увѣряли, что послѣ провозглашенія этого акта Польша стала страшною для сосѣдей и внутри ея водворились порядокъ и безопасность. «Это, говорили они, такое великое дѣло, котораго цѣлые вѣка дожидались и не видали». Среди восторговъ выступилъ брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій, находившійся въ коммиссіи для повѣрки войсковой коммиссіи и объявилъ, что въ арсеналѣ совсѣмъ нѣтъ запаснаго оружія. Онъ подалъ проектъ о предписаніи войсковой коммиссіи отнестись въ скарбовую коммиссію для пріисканія средствъ къ скорѣйшему вооруженію войска. Проектъ былъ принятъ единогласно, но, въ сущности, онъ ничего не могъ пособить дѣлу; скарбовая коммиссія не въ силахъ была пріискать бо̀льшія средства, какихъ было нужно и открытый недостатокъ въ оружіи ясно указывалъ малую надежду на прочность конституціи, которая приводила патріотовъ въ такое упоеніе. Но патріотамъ не хотѣлось видѣть никакихъ черныхъ сторонъ; они тѣшились только свѣтлыми, а коварный Коссаковскій предложилъ устроить въ честь провозглашенія конституціи празднество и избрать для этого день 8-го мая, день св. Станислава, день имянинъ короля, котораго онъ называлъ виновникомъ спасенія отечества.

Въ эти дни и слѣдующіе за ними, въ Варшавѣ всѣ надѣли на себя кожаную лакированую перевязь съ овальною бляхою, на которой была надпись: «Король съ народомъ! Народъ съ королемъ»! Первый, кто подалъ этому примѣръ, по извѣстію Охоцкаго, былъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера только и дѣлали, что эти бляхи, а сѣдельники перевязи. Тѣ, которые носили польскую одежду, вѣшали эти перевязи на кунтуши или на жупаны, когда кунтушъ, или ферезія или чамара надѣвалась на опашь; тѣ, которые сохраняли французскій нарядъ, вѣшали ихъ на жилетъ: впрочемъ, тогда, въ жару патріотизма, большинство поляковъ спѣшило надѣвать національную одежду. Сперва эти перевязи съ бляхами были очень дороги, продавались по четыре червонца, а потомъ, когда уже громада публики запаслась ими, цѣна на нихъ стала спадать и дошла до двухъ талеровъ. Дамы также выдумали себѣ знакъ: то были небеснаго цвѣта ленты у шляпокъ и такія же опояски съ надписью, сдѣланной чернымъ цвѣтомъ: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ»! Первая явилась

съ этими знаками пани Тышкевичъ (племянница короля) и за нею бросились всѣ покупать подобные, и охотницъ было такъ много, что локоть такой ленты стоилъ до червонца; впослѣдствіи цѣна упала на 3 злотыхъ. Въ эти дни и слѣдующіе за ними увлеченіе новизной доходило до террора; толпа, казалось, была готова растерзать всякаго, кто осмѣлится сказать недоброе о конституціи. Даже люди, которые признали и подписали ее, подвергались угрозамъ за то, что прежде противъ нея говорили. Гетманъ Браницкій не противился, всячески хвалилъ конституцію, а задорные патріоты кричали, что его надобно убить, какъ человѣка московской партіи. Самъ Казиміръ-Несторъ Сапѣга подвергался порицаніямъ, несмотря на то, что задорно кричалъ противъ Москвы, несмотря на то, что его друзья и сторонники превозносили его великіе подвиги, несмотря даже на то, что онъ первый ввелъ въ употребленіе перевязь съ бляхою. И ему не всѣ прощали то, какъ онъ осмѣлился заявить, что новая конституція не согласна съ его убѣжденіями. Никто, впрочемъ, не зналъ и не предполагалъ, какъ этотъ человѣкъ передъ тѣмъ давалъ Булгакову честное слово противодѣйствовать перевороту. Епископъ Коссаковскій, какъ говорится, лѣзъ изъ кожи за новую конституцію, спорилъ за нее, даже съ ея защитниками, если они находили какія-нибудь частности несовершенными и удобно отмѣнимыми впослѣдствіи. Коссаковскій твердилъ, что подобнаго чуда еще не было на свѣтѣ и Польшѣ предстоитъ сдѣлаться самою счастливою страною въ мірѣ. Несогласныхъ съ конституціею пословъ было на дѣлѣ несравненно болѣе, чѣмъ согласныхъ, но многіе изъ нихъ, видя, что имъ ничего не остается дѣлать на сеймѣ, уѣзжали въ свои имѣнія, но не смѣли однако объявить, зачѣмъ они это дѣлаютъ: они отговаривались кто болѣзнью, кто старостью. Сеймовой судъ грозилъ процессомъ всякому, кто станетъ противиться конституціи.

8-го мая, въ назначенный для торжества день, въ одиннадцать часовъ утра, король принималъ поздравленія отъ сената, министровъ, пословъ и частныхъ лицъ, выслушавъ привѣтственную рѣчь маршала Малаховскаго, истощившаго ему самыя изысканныя похвалы, потомъ отправился, окруженный придворными, въ костёлъ св. Креста, гдѣ, послѣ обѣдни, ксёндзъ Витишевскій произнесъ слово, а потомъ, не выходя изъ костёла, король раздавалъ многимъ знаки ордена св. Станислава. По возвращеніи въ зàмокъ онъ принималъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ. Вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ: домъ

маршала Малаховскаго и городская ратуша особенно блистали потѣшными огнями.

Наканунѣ этого праздника былъ составленъ и разосланъ универсалъ, которымъ сеймъ оповѣщалъ народъ о совершившейся конституціи. «Извѣщаемъ народъ—было въ немъ сказано—о томъ, чтò милосердый Богъ съ нами сотворилъ. Отечество наше спасено, свобода наша обезпечена, теперь мы стали народъ сильный и независимый; на насъ нѣтъ болѣе цѣпей рабства и неурядицы; всемогущая десница Божія ихъ разорвала; громы и бури, приготовленные на погибель отечества нашего, обращены къ его спасенію. Знайте, почтенные обыватели, и пусть грядущіе вѣка знаютъ и никогда не забываютъ, какъ рука Божія повела насъ къ давножеланной цѣли неисповѣдимыми путями: внезапно спала повязка съ глазъ нашихъ; чины сейма уразумѣли, что только въ насъ самихъ, а не гдѣ-нибудь, слѣдуетъ искать средствъ спасенія отечества и всеобщей свободы; что только благородная и мужественная рѣшимость можетъ удержать насъ на краю пропасти отъ опасныхъ сѣтей для насъ разставленныхъ». Далѣе, въ универсалѣ объяснялось, какъ бдительные министры Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ представили вѣрный образъ несчастій и бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ, и какъ ихъ извѣстія побудили членовъ сейма, вмѣстѣ съ королемъ, совершить дѣло, которое слѣдуетъ считать дѣломъ цѣлаго народа. Народъ призывали довѣриться сейму и доброму королю и не слѣдовать тому правилу, которое часто повторялось для обольщенія народа, будто монархическое правленіе ведетъ къ рабству; напротивъ, анархія приводитъ къ рабству и погибели. Собственно о наслѣдственномъ правленіи говорить избѣгали. Этотъ универсалъ, въ печатныхъ экземплярахъ, разосланъ былъ по всѣмъ канцеляріямъ, съ приказаніемъ прибить его къ дверямъ, и, чрезъ епархіальныя начальства, по всѣмъ костёламъ и церквамъ, гдѣ священники должны были читать его троекратно съ амвона.

10-го мая, сендомирскій посолъ Скорковскій хотѣлъ показать свою неустрашимость и заявить на сеймѣ гласно протестъ противъ новой конституціи. Зная, что при томъ увлеченіи, какое тогда господствовало, можно было заплатить жизнью за такую смѣлость, Скорковскій предварительно исповѣдался и причастился, готовясь, какъ онъ говорилъ, принести себя въ жертву за правду. Онъ написалъ грозную рѣчь и хвалился произнести ее на сеймѣ. Но король, услыхавъ объ этомъ заранѣе, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ты затѣваешь говорить рѣчь;—ни я, ни кто другой не боимся твоей рѣчи: она ни въ комъ не возбудитъ желанія измѣнить общаго намѣренія, но я прошу тебя

не говорить ради тебя самого. Ты человѣкъ молодой, даровитый и хочешь болтать по пустому». Скорковскій послушался. Черезъ сутки, 12-го іюня, на сеймѣ предложено было просить канцлера Малаховскаго, оставившаго свою должность, принять ее снова. Недовольный конституціею, сторонникъ старины и благопріятель Россіи, канцлеръ не смѣлъ явно вооружаться противъ конституціи и выѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ нездоровья, а когда получилъ просьбу, воротился и занялъ свое мѣсто въ новоучрежденной Стражѣ.

IV.

Поведеніе иностранныхъ посланниковъ.—Намѣренія Екатерины II.—Отношенія къ Пруссіи.—Черты варшавскаго общества.—Протестація Щенснаго Потоцкаго.

Вѣсть о конституціи произвела сначала хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: спустя недѣли двѣ, сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ получены были адресы отъ трехъ воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго и Гнѣзненскаго; отъ гражданско-военныхъ коммиссій, повѣтовъ: Сендомирскаго и Висницкаго, отъ земли Каменецкой, отъ обывателей воеводства Брацлавскаго. 23-го мая, такія же заявленія пришли отъ главнаго короннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ коммиссій воеводства Ленчицкаго и земли Волынской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога и пѣли «Te Deum» въ костелахъ; женщины наперерывъ передъ мужчинами заявляли свой патріотизмъ.

Поляки съ напряженіемъ ожидали, какое вліяніе произведетъ ихъ дѣло на сосѣдей. Поведеніе иностранныхъ министровъ въ Варшавѣ ободряло ихъ. Тотъ, чьего государя болѣе всего касался новый переворотъ, саксонскій министръ Эссенъ держалъ себя сдержанно и хладнокровно, относился, хотя благопріятно къ перемѣнѣ, но не показывалъ вида, что ожидаетъ отъ нея какихъ-нибудь продолжительныхъ плодовъ. Англійскій министръ Гэльсъ выѣхалъ тогда временно изъ Варшавы: поляки говорили, что онъ поѣхалъ въ Берлинъ располагать прусскій кабинетъ къ дружелюбнымъ отношеніямъ къ польскому перевороту; но въ сущности онъ ѣздилъ на короткое время по своимъ дѣламъ. Этотъ дипломатъ прежде не одобрялъ затѣи произвести перемѣну правленія, но потомъ, когда дѣло было сдѣлано,

онъ началъ хвалить конституцію. Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое, хотя холодное одобреніе; только шведскій, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества. Русскій посланникъ Булгаковъ такъ отозвался объ этомъ происшествіи въ донесеніяхъ своему правительству: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни согласія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нее ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что̀ имъ далѣе дѣлать и ка̀къ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное, промотавшееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ увидитъ, что данныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а сбираемыя съ ихъ имѣній подати не доставятъ содержаніе войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля». Но русскій посланникъ въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это не касалось Россіи вовсе. Онъ слѣдовалъ благоразумному внушенію императрицы ждать и не объявлять гласно ни неудовольствія, ни сочувствія. Также поступалъ и австрійскій министръ Дэкаше; онъ даже объявлялъ, что въ конституціи ничего нѣтъ такого, что̀ бы могло безпокоить его императора.

«Мы не думаемъ враждовать съ поляками—писала императрица Потемкину, по совершеніи переворота—хотя имѣемъ на то право и поводы послѣ такого предосудительнаго съ ихъ стороны нарушенія дружества съ нами и ниспроверженія разныхъ постановленій, состоявшихся за нашимъ ручательствомъ, а равно по поводу разныхъ оскорбленій съ ихъ стороны. Мы намѣрены избѣгать всего, что̀ бы имѣло видъ начинанія, и полагаемъ, что теперь вступленіе войскъ нашихъ въ Польшѣ было бы преждевременнымъ, пока сами поляки не позволятъ себѣ непріятельскихъ дѣйствій или король прусскій не введетъ войскъ своихъ въ польскія провинціи. Въ 1789 году, приказано было нашимъ военноначальникамъ не вводить войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, пока она не

дозволитъ войскамъ чужихъ государствъ вступать въ свои границы, а потому, какъ только прусскія войска вступятъ въ ихъ края, направляясь къ нашимъ границамъ, такъ собственная наша безопасность побудитъ насъ ввести свои войска въ Польшу». Объ этомъ императрица поручала ему написать Булгакову для сообщенія польскому правительству, а за тѣмъ приказывала Потемкину, расположивъ русскія войска по границѣ, сообразжаться съ ея повелѣніями и быть на-готовѣ тотчасъ вводить войска въ Польшу, какъ только туда войдутъ иныя чужеземныя. Занятая войною съ Турціею, русская императрица не считала удобнымъ впутываться въ польскія дѣла и, напротивъ, опасалась, чтобы Пруссія, рѣшившись дѣйствовать непріязненно противъ Россіи, не сдѣлала Польши своимъ авангардомъ. «Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи—писала государыня тому же Потемкину—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія (объ этомъ надлежитъ ожидать подробныхъ свѣдѣній, равно и о томъ, ка̀къ она принята въ Берлинѣ); трудно ждать, чтобъ можно было склонить короля особыми видами, надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, пользуясь отношеніями вашими къ тамошнимъ особамъ, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедераціи привести въ смущеніе враговъ нашихъ». Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго Потоцкаго, Пулавскаго, Коссаковскихъ, какъ на людей способныхъ на это дѣло и достаточно извѣстныхъ русской государынѣ по своей къ ней привязанности. «Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ—писала Екатерина — надобно отнести и планъ до воеводствъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощью освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій, подаетъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится

съ нами, и возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ казацкихъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣло, которое должно тамъ начаться». Эти слова показываютъ, что императрица соображала, что голосъ освобожденія, возбуждающій чувство народной самобытности, для русскаго народа, обитающаго въ польскихъ владѣніяхъ, долженъ былъ произнести дорогое ему имя казачества. Булгакову императрица писала, что поляки скоро обратятся къ ней сами, когда имъ надоѣстъ играть въ конституціи, а между тѣмъ приказывала исподоволь набирать партіи «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ», какъ выражалась императрица. Нужно было дѣйствовать по провинціямъ, «но сіе надлежитъ производить—писала Екатерина—подъ рукою черезъ посредство друзей, для чего и назначено вамъ для расходовъ въ подобномъ случаѣ въ распоряженіе ваше 50,000 червонцевъ.» Булгаковъ, впрочемъ, былъ остороженъ и на первый случай роздалъ только 10,660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству.

Прусская политика въ то время уже нѣсколько двоилась, дворъ отнесся къ новому перевороту двусмысленно. Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ, что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемѣнѣ, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ. Такіе комплименты, переданные въ Варшаву, произвели тамъ большую радость въ кружкахъ прогрессистовъ, гдѣ уже довѣріе къ Пруссіи передъ тѣмъ значительно колебалось. Въ Варшавѣ прогрессисты окружили Гольца и допрашивались у него формальнаго изъявленія мнѣнія Пруссіи о переворотѣ 3 мая. Гольцъ, человѣкъ осторожный, зналъ, что Пруссія не одобритъ этой конституціи, но до поры до времени долженъ былъ хранить истину въ тайнѣ. Въ этихъ видахъ Гольцъ, въ своихъ бесѣдахъ съ поляками, поступалъ такъ, чтобы и поляковъ оставлять въ довольствѣ, и самому не сказать чего-

нибудь такого, что бы впослѣдствіи оказалось мнимымъ. На свое донесеніе онъ получилъ отъ своего министерства, которымъ управлялъ Герцбергъ, инструкцію, предписывавшую ему отговаривать поляковъ всѣми возможными мѣрами, если дѣло еще не крѣпко установилось; въ противномъ случаѣ, оставаться спокойнымъ и не заявлять никакихъ возраженій и порицаній, чтобъ напрасно не раздражать расположенной къ Пруссіи партіи. Въ той же инструкціи ему сообщали для свѣдѣнія такое сужденіе: «Трудно предположить, чтобъ достаточное большинство избрало въ наслѣдственные короли прусскаго принца, да еслибъ это было возможно, императорскіе дворы будутъ сопротивляться войной и поддерживать противную партію въ странѣ; во всякомъ другомъ случаѣ, Польша, сдѣлавшись наслѣдственною монархіею, по самому своему географическому положенію, будетъ опасна и даже гибельна для прусскаго государства. Нѣтъ возможности воспрепятствовать на будущее время, чтобъ наслѣдственная корона не перешла либо въ австрійскій, либо въ русскій царствующій домъ, да если бы она досталась дому саксонскому, гессенскому или какому-нибудь другому изъ второстепенныхъ, и тогда это будетъ опасно для Пруссіи, потому что эти фамиліи могутъ держаться императорскихъ дворовъ. Пруссія тогда только можетъ быть безопасна, когда Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ и не будетъ имѣть прочной конституціи». Но Фридрихъ-Вильгельмъ, который тогда уже расходился съ Герцбергомъ, написалъ Гольцу, отъ 9 мая, одобреніе польскому дѣлу. Еще Пруссія была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и къ Австріи; еще Польша могла пригодиться въ случаѣ разрыва съ императорскими дворами, особенно съ Россіею, а въ случаѣ мира еще Пруссія не была увѣрена, что съ помощію Россіи можетъ получить съ лихвою то, чего не успѣла получить отъ поляковъ прямо. Берлинскій кабинетъ приказалъ Гольцу уклоняться отъ всякихъ письменныхъ изъявленій и объясненій по предмету наслѣдства въ Польшѣ. Поляки, вслѣдствіе словесныхъ бесѣдъ съ Гольцемъ и сообразно депешѣ, присланной Яблоновскимъ изъ Берлина, заключили, что Пруссія рѣшительно одобряетъ конституцію 3 мая. Станиславъ-Августъ писалъ объ этомъ разнымъ лицамъ, а 17 мая, Хребтовичъ, въ засѣданіи сейма, сказалъ: «Его величество король прусскій похваляетъ смѣлый и мудрый поступокъ Рѣчи-Посполитой, считаетъ его способнымъ къ утвержденію крѣпости и благополучія государства и средствомъ достичь уваженія въ Европѣ; ему тѣмъ пріятнѣе узнать это, что онъ находится въ дружественныхъ связяхъ съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, котораго качества и личный характеръ онъ ува-

жаетъ.» Хребтовичъ заключилъ, что депутація иностранныхъ дѣлъ уже изъявила благодарность прусскому послу и просилъ, чтобы съ своей стороны сеймъ уполномочилъ ее сообщить о томъ же князю Яблоновскому въ Берлинѣ. Послы закричали: «згода!» Депутація иностранныхъ дѣлъ, при введеніи новаго порядка, оканчивала свое существованіе, передавая свои занятія учреждаемой Стражѣ; начались толки объ изъявленіи благодарности депутаціи, но тутъ поднялся съ мѣста неугомонный Скорковскій, забывшій недавніе мудрые совѣты короля. Онъ назвалъ дѣло 3 мая злодѣяніемъ; объявлялъ, что не за что изъявлять благодарности прусскому королю; что этотъ король, подъ предлогомъ избавлять поляковъ отъ чуждой власти, помогаетъ имъ только для того, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами; онъ увѣрялъ, что король прусскій зналъ еще до совершенія дѣла о томъ, что станется, получивъ предварительныя извѣстія отъ депутаціи; онъ требовалъ, чтобы депутація иностранныхъ дѣлъ была предана слѣдствію и суду. Члены депутаціи Северинъ Потоцкій и Забѣлло увѣряли, что депутація никогда не сообщала объ этомъ прусскому королю. Тогда король сказалъ: «у насъ есть письма Гольца, гдѣ онъ жалуется, что мы ничего не объявляли имъ предварительно. Это можетъ служить доказательствомъ, что иноземныя власти не имѣли вліянія на наши дѣла; что касается до Скорковскаго, то еслибъ я не былъ увѣренъ, судя по прежнему его поведенію, что намѣренія его чисты, то я бы сказалъ, что онъ говоритъ это съ цѣлью возбудить несогласія между членами сейма; но мягкость и снисходительность, съ какою мы приняли за правило дѣйствовать, не ослабляетъ моей рѣшимости стараться удерживать въ неизмѣнности то, что сталось 3 мая и утверждено 5 мая окончательно. Конечно, Рѣчь-Посполитая не дозволитъ никому посягать на свою волю». Говорятъ, что король смѣлому послу подарилъ 40 червонцевъ съ тою цѣлью, чтобы онъ не повторялъ на сеймѣ своихъ заявленій.

Та же партія, которая думала возбудить всеобщее довѣріе къ дѣлу надеждами на одобреніе со стороны прусскаго короля, побаивалась Россіи и думала обморочить русскаго посланника, прикидываясь недовольною Пруссіею. Патріоты, въ однихъ домахъ превозносившіе до небесъ прусскаго короля, въ другихъ, гдѣ собирались лица, которыхъ считали расположенными къ Россіи, говорили, что Пруссія ищетъ распространенія своихъ предѣловъ насчетъ Польши, что ей непріятно видѣть возрожденіе и укрѣпленіе Польши; что напротивъ, Россія пріобрѣтетъ себѣ много выгодъ отъ новой перемѣны. Дѣлали соображенія, что именно теперь Польша можетъ заключить союзъ

съ Россіею и Австріею противъ Пруссіи, и прусское королевство, недавно усилившееся, обратится въ прежнее Брандербургское курфиршество, бывшее нѣкогда въ зависимости отъ Польши. Король, видѣвшись съ Булгаковымъ, разсыпался передъ нимъ въ чувствахъ преданности къ Россіи, увѣрялъ, что Польша ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ дружественномъ союзѣ съ Россіею, превозносилъ мудрость и великодушіе государыни и силу ея войскъ. Чтобъ понравиться государынѣ, король помѣстилъ въ новоучрежденную Стражу лицъ, извѣстныхъ всегдашнимъ расположеніемъ къ Россіи: гетмана Браницкаго и канцлера Малаховскаго; къ нимъ причисляли тогда и Хребтовича, который, впрочемъ, не придерживался чужеземныхъ партій, и въ санѣ литовскаго подканцлера завѣдывалъ иностранными дѣлами. Эти люди сидѣли рядомъ съ такими противниками Россіи, какъ Игнатій Потоцкій, маршалъ Малаховскій и Коллонтай, сдѣланный теперь коронымъ подскарбіемъ. Вмѣстѣ съ Малаховскимъ допущенъ былъ въ Стражу, какъ маршалъ литовской конфедераціи, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, готовый пристать туда и сюда: поэтому и Булгаковъ и прусская партія на него разсчитывали потому, что однихъ и другихъ онъ увѣрялъ въ своемъ расположеніи.

Допущеніе такихъ лицъ испугало прусскаго министра Гольца; онъ объяснялся объ этомъ съ королемъ, а тотъ отвѣчалъ ему, что назначеніемъ людей, расположенныхъ къ Россіи, онъ думаетъ не допустить ихъ дѣлать зло и заставить дѣлать добро отечеству. Король, по своему двуличному характеру, увлекшись внушеніями прогрессистовъ и, въ то же время, боясь Екатерины, думалъ совершить великій актъ политической мудрости: надѣлавъ много противнаго Россіи, онъ думалъ угодить ей и поставить себя въ возможность оправдываться передъ нею, когда придетъ необходимость.

Задорные сторонники конституціи, увлекаясь надеждами на Пруссію, начали усматривать въ своей конституціи даже грозу и опасность для Россіи. «Россія—говорили они—не посмѣетъ открыть противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій. Россія будетъ только о томъ стараться, какъ бы Польша не увеличила число ея враговъ». Надѣясь на союзъ съ Портою, патріоты предполагали, что теперь-то составится четверной союзъ противъ Россіи, гдѣ приметъ участіе обновленная конституціею Польша. «Европа—говорили—не можетъ и не должна допускать усиливаться Россійской имперіи; Европа нападетъ на нее и выкинетъ изъ системы европейскихъ государствъ». Игнатій Потоцкій въ кругу своихъ пріятелей говорилъ: «Вотъ теперь-то Пруссія для своего спасенія

должна воспользоваться союзомъ съ Польшею; теперь-то пришла пора остановить возрастающее могущество Россіи. Если Пруссія пропуститъ этотъ удобный случай, то будетъ раскаяваться». Смѣлость противъ Россіи дошла до того, что въ засѣданіи 3-го іюня, краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ потребовать отъ Россіи вывода ея войскъ изъ Курляндіи и король, не возбуждая дальнѣйшихъ споровъ, обѣщалъ стараться дать ходъ этому патріотическому завленію. Поляки воображали, что написанная на бумагѣ конституція сдѣлала Польшу могущественною державою. «Законъ 3-го мая—говорилъ на одномъ засѣданіи сейма мозырскій посолъ Зеленскій—увѣковѣчилъ силу Польши, сдѣлалъ ее государствомъ почтеннымъ и могучимъ, возбуждающимъ зависть въ чужихъ. Пресѣчены пути всякому иностранному вліянію, отнята у честолюбивыхъ нашихъ сосѣдей всякая возможность къ интригамъ». Поляковъ чрезвычайно подстрекало и одобряло то, что ихъ конституція заслуживала одобренія въ Европѣ. Кто-то изъ поляковъ, жившихъ въ Парижѣ, писалъ своимъ соотечественникамъ, что во всѣхъ образованныхъ кружкахъ французской столицы поляковъ считаютъ образцомъ народовъ, указываютъ въ нихъ примѣръ зрѣлости восемнадцатаго вѣка. Писали, что аббатъ Сіэсъ приходилъ въ восторгъ отъ конституціи 3-го мая, что во французскомъ національномъ собраніи готовится проектъ послать поздравленіе полякамъ. Вѣсти эти, передаваемыя изъ устъ въ уста въ Варшавѣ, чрезвычайно поддерживали національное самолюбіе и располагали сердца къ новой конституціи. Увѣренность въ твердости и будущемъ величіи Польши была такъ велика, что начались создаваться политическія партіи насчётъ будущаго наслѣдства и при этомъ разыгрывалось фамильное и личное честолюбіе. Игнатій Потоцкій говорилъ о выгодѣ отдать инфанту за прусскаго принца и соединить Польшу съ Пруссію. Другіе полагали, что будущей наслѣдницѣ польскаго престола слѣдуетъ дать жениха изъ австрійскаго дома: за это императоръ, по своему великодушію, возвратитъ Польшѣ Галицію. Третьи думали сблизиться съ Россіею, заявляли мысль, что всего лучше отдать инфанту за одного изъ великихъ князей россійскихъ. Къ этой мысли склонялся даже маршалъ Малаховскій и находилъ, что было бы всего полезнѣе, когда бы наслѣдница польскаго престола отдала свою руку великому князю Константину. Въ письмахъ своихъ къ племяннику, находившемуся въ Дрезденѣ, этотъ государственный мужъ наивно восхищался глубокою мудростью польской политики, которая высказалась въ назначеніи наслѣдницы польскаго престола, дочери саксонскаго князя-избирателя. По его мнѣнію, это значило, что Польша успѣла разомъ всѣмъ угодить, подать

многимъ равныя надежды: «и Москаль, и Пруссъ, и Австріякъ, всѣ будутъ желать устроить бракъ своихъ принцевъ съ польскою наслѣдницею; всѣ поэтому будутъ заискивать расположенія Польши, всѣ будутъ поддерживать насъ, каждый въ видахъ самому воспользоваться на нашъ счетъ; а между тѣмъ Польша успѣетъ оправиться, окрѣпнуть и сдѣлаться сильнымъ государствомъ». Нѣкоторые помышляли, напротивъ, отдать дочь саксонскаго князя-избирателя за англійскаго принца. Чарторыскіе подумывали найти ей жениха изъ своей фамиліи. Толковали даже, что шестидесятилѣтній маршалъ Малаховскій, недавно овдовѣвшій, непрочь сдѣлаться ея женихомъ. Друзья говорили ему, что такъ бы и слѣдовало за его великія услуги отечеству и доблести. Малаховскій клялся, что ни за что̀ не возьметъ на себя бремени короны, какъ бы ему усиленно ее ни предлагали.

Тогда въ Варшавѣ явился въ высшихъ кругахъ общества французъ, по прозванію Дестадъ: разсказывали, что онъ служилъ прежде при русскомъ дворѣ. Явившись въ Польшѣ, онъ подбился въ милость къ королю; Станиславъ Августъ часто проводилъ съ нимъ время за ужиномъ въ Лазенкахъ; французъ болталъ ему всякій вздоръ, увѣрялъ, будто онъ былъ домашнимъ секретаремъ Екатерины, и всѣми средствами возбуждалъ его противъ Россіи. Но этотъ французъ недолго пользовался дружбою Станислава Августа; его постарался удалить аббатъ Пьятоли, боявшійся потерять вліяніе на короля. Тогда сборище противниковъ Россіи происходило у одной французской авантюристки mademoiselle Touteville. Ее привезъ староста Урженговскій, братъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ. Этотъ господинъ прокутился въ Парижѣ до того, что его посадили въ долговую тюрьму. Француженка, бывшая съ нимъ въ дружбѣ, выкупила его. Деньги, которыя она заплатила, были ей возвращены; фамилія Потоцкихъ назначила ей сверхъ того пансіонъ и пригласила въ Варшаву. У ней-то открылись вечера, гдѣ постоянно присутствовали братья Потоцкіе: на этихъ-то вечерахъ составлялись самые свирѣпые планы противъ Россіи. Здѣсь отличался краснорѣчіемъ женевецъ Жигантедъ, другъ свободы и правъ человѣчества, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду, бывшій на содержаніи у одной богатой еврейки во Франкфуртѣ и потомъ служившій въ русской службѣ волонтеромъ; въ Польшѣ онъ подбился въ дружбу къ Потоцкимъ. Вмѣстѣ съ политическими толками, шла жестокая карточная игра и сама радушная хозяйка выиграла у Игнатія 3000 червонцевъ. Въ этомъ кружкѣ, исключительно съ французскимъ языкомъ, проповѣдывалась необходимость освободить польскихъ крестьянъ; но съ такою проповѣдью надобно было

остерегаться, потому что польское дворянство ничего такъ не боялось, какъ подобной на себя невзгоды, и если конституція третьяго мая возбуждала противъ себя недовѣріе, то наиболѣе потому, что дворянство страшилось, какъ бы за дарованіемъ правъ мѣщанамъ не послѣдовало того же для крестьянъ. Самое наслѣдственное правленіе сторонниковъ прежняго избирательнаго пугало преимущественно тѣмъ, что король, усиливъ свою власть, можетъ покуситься отнять у дворянства власть надъ крестьянами.

Иностранцы вообще удивлялись, что, послѣ конституціи 3-го мая, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; но такъ слѣдовало по духу польскихъ нравовъ: обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ—одинъ другого великолѣпнѣе. Игнатій Потоцкій, котораго домъ, какъ вдовца, до сихъ поръ не былъ однимъ изъ открытыхъ и слишкомъ гостепріимныхъ, теперь, считая себя главнымъ совершителемъ дѣла, на радостяхъ до того предался забавамъ, что аббатъ Пьятоли журилъ его за это. Даже и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея. 5-го іюня, городъ Варшава далъ обѣдъ шляхетскому сословію; туда были приглашены сенаторы, министры и разные знатные паны. Самъ король посѣтилъ этотъ обѣдъ, хотя и не оставался на немъ, а только проговорилъ рѣчь о единодушіи, которое возрастаетъ между гражданами. За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками: то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности.

Патріоты не боялись Австріи, напротивъ, утѣшались разсказами, что Кауницъ, въ разговорѣ съ посломъ Рѣчи-Посполитой Войною, хвалилъ конституцію 3-го мая. Между тѣмъ въ Вѣнѣ слагался центръ могучаго панскаго противодѣйствія. Тамъ жила тогда богатѣйшая польская женщина, княгиня Любомирская, сестра Адама Чарторыскаго. Кромѣ двухъ дочерей за братьями Потоцкими, третья дочь ея была за Ржевускимъ, польнымъ гетманомъ. Несмотря на то, что ея братъ и два зятя Потоцкихъ были главными дѣятелями проведенія новой конституціи, она сама была отъявленная противница нововведеній. Съ нею за одно былъ третій зять ея Ржевускій; онъ удалился къ тещѣ; туда же къ нимъ отправился и Щенсный Потоцкій; тамъ начали они составлять свои планы и угрожающія вѣсти стали доходить оттуда до короля и виновниковъ конституціи. Король, зная важное значеніе Щенснаго Потоцкаго, черезъ десять дней, послѣ

третьяго мая, самъ извѣстилъ его письменно о совершившемся переворотѣ и доказывалъ его полезность. Потоцкій отвѣчалъ ему письмомъ, полнымъ глубокаго огорченія, припоминалъ присягу, данную королемъ при вступленіи на престолъ, не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія; указывалъ, что конституція — дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, еслибы даже весь сеймъ на это согласился и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ, безъ согласія всей націи. «Опасность замысловъ раздѣла—писалъ онъ — не можетъ служить извиненіемъ: въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи-Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою страною нашею, либо частями ея: онъ и по своей природѣ, и по своему положенію такимъ долженъ быть. Наконецъ Щенсный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго одна только дочь, поляки заранѣе приготовляютъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому, что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ соискательствъ и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны». Онъ умолялъ короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи-Посполитой прежнюю вольность, которой лишилъ ее роковой день третьяго мая. Разомъ съ королемъ обращались къ Щенсному маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Первому Щенсный въ отвѣтѣ доказывалъ, что въ новой конституціи видитъ не болѣе, какъ королевскій деспотизмъ и между прочимъ коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ—писалъ онъ— у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать нельзя: правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность: Варшава ее погубила»! Въ письмѣ къ Игнатію онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики, мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ, а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея погибели».

Прогрессисты мало соображали, какіе удары готовились ихъ дѣлу тамъ, откуда приходили подобныя заявленія.

V.

Дѣятельность сейма 1791 года. — Лимита сейма. — Разгулъ въ Польшѣ. — Осторожность Булгакова.

Въ іюнѣ, въ ходѣ сеймовыхъ работъ начала проявляться бо̀льшая дѣятельность. 16-го іюня прошелъ проектъ объ устройствѣ полиціи на все государство: дѣло было очень важное для Польши, издавна страдавшей слабостію и даже отсутствіемъ этого учрежденія.

По поводу этого предмета возникъ споръ о томъ, быть ли одной коммиссіи полиціи надъ всею Рѣчью-Посполитою, или допустить своеобразное управленіе по тремъ провинціямъ. Дѣло здѣсь шло преимущественно о Литвѣ. Троцкій посолъ Сивицкій поддерживалъ ту мысль, что въ силу привилегій, которыми по акту уніи пользуется Литва, слѣдуетъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ быть особой коммиссіи. За нимъ говорили другіе послы и маршалъ литовской конфедераціи Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Король замѣчалъ, что если на основаніи уніи можно требовать учрежденія особой коммиссіи полиціи, то на основаніи того же акта можно требовать и единой. Послѣ многихъ споровъ партія единенія одержала верхъ и ея проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 100 противъ 11. (Такое малое число членовъ Избы посѣщало засѣданіе, когда по комплекту было ихъ болѣе 600). При разсмотрѣніи подробностей объ устройствѣ полиціи, князь Четвертинскій вооружался противъ дарованія королю права назначать коммиссаровъ въ полицію. Онъ опирался при этомъ на новую конституцію, по которой всѣ чиновники должны быть выборными. Странно было услышать это изъ устъ человѣка, который уже заявилъ себя отъявленнымъ врагомъ конституціи. По поводу его рѣчи, краковскій посолъ Линовскій сказалъ: «благодарю почтеннаго князя каштеляна Перемышльскаго за то, что такъ стоитъ за конституцію третьяго мая. Радуюсь, что конституція пріобрѣла такого доблестнаго охранителя и самъ присоединяюсь къ его мнѣнію». Король объявилъ, что самъ отказывается отъ права назначать коммиссаровъ. Въ такомъ видѣ состоялось учрежденіе коммиссіи полиціи, которая, по избраніи членовъ, начала засѣдать въ такъ-называемомъ дворцѣ Красинскихъ, принадлежащемъ Рѣчи-Посполитой.

Едва успѣла конституція сдѣлаться извѣстною во всѣхъ углахъ Польши, какъ уже на сеймѣ послѣдовали нѣкоторыя отмѣны въ

ней: право короля непосредственно назначать сенаторовъ замѣнено представленіемъ выборныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ король могъ назначить въ сенаторы. Ограничено право помилованія преступниковъ (jus agratiandi) изъятіемъ осужденныхъ сеймовымъ и военнымъ судами вообще и осужденныхъ на смерть какими бы то ни было судами за убійства, казенную покражу и наѣзды. Эти измѣненія внушали иностранцамъ не высокое уваженіе къ польскому постоянству. Они заключали изъ этого, что такимъ образомъ и вся новая конституція можетъ улетучиться. Обращались къ финансовымъ вопросамъ. Открылась непріятная истина: дохода въ казнѣ было 27.031,131 злотый, а расхода 32.109,762 злот., а въ томъ числѣ на войско 24.814,668 зл. Открытіе дефицита повлекло къ изысканію средствъ увеличить доходы. Познанскіе депутаты предложили продажу староствъ, но противъ нихъ поднялись голоса и самъ король, относительно отобранія староствъ, совѣтовалъ взглянуть на примѣръ Франціи, которая, какъ онъ говорилъ, черезчуръ увлеклась идеями равенства. Такимъ образомъ, это важное дѣло осталось только намѣченнымъ; а такъ какъ открытіе дефицита всѣхъ озаботило, то, по давней привычкѣ, послы успокоили себя тѣмъ, что назначили особую депутацію для разсмотрѣнія финансовъ и изысканія средствъ ихъ поправить. Лэнчицкій посолъ Липскій жаловался на холодность къ религіи, наступившую въ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ не стало іезуитовъ. «Уничтоженіе ордена—говорилъ онъ— есть корень зла. Я имѣю порученіе отъ своего воеводства ходатайствовать о возстановленіи іезуитовъ въ Польшѣ». На это король отвѣчалъ: «никто болѣе меня не сожалѣетъ объ іезуитахъ. Утрата ихъ ордена принесла скорбь всему католическому христіанству и наипаче Польшѣ, но просить объ этомъ святого отца теперь неудобно». Онъ указывалъ на примѣръ Испаніи, которая ходатайствовала уже объ этомъ, но святой отецъ нашелъ затруднительнымъ исполнить эту просьбу. «Пусть—сказалъ король— оставшаяся у насъ слава іезуитовъ будетъ побужденіемъ для другихъ орденовъ; тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ просилъ участія въ эдукаціонной коммиссіи».

Были получены и сообщены депеши отъ министровъ при иностранныхъ дворахъ; они побуждали представителей Рѣчи-Посполитой не терять времени и упрочить конституцію и независимость Польши. «Все приводится въ движеніе—говорили они—чтобы сдѣлать напрасными всѣ усилія патріотовъ; не щадятъ средствъ для подкупа и съ этой цѣлію посланы значительныя суммы въ Варшаву». Сеймъ единогласно положилъ, не щадить ни усилій, ни издержекъ, чтобы открыть интриги, обличить гнусныя орудія из-

мѣны и наказать дурныхъ гражданъ. «Польша никого не трогаетъ—говорили тогда на сеймѣ—ея политика самая мирная. Она произвела свои реформы въ охранительныхъ видахъ. Дворы укоряли насъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ порядка. Стало быть они должны теперь радоваться, когда у насъ устроился порядокъ. Говорятъ, что Польша была гнѣздомъ смутъ и безпокойства и тѣмъ тревожила сосѣдей. Что жъ? Теперь она уже не должна ихъ тревожить». По угрожающимъ донесеніямъ, 22 іюня, на сеймѣ порѣшили, чтобъ всѣ военные, находящіеся за-границею, воротились и присягнули новой конституціи. «Это насиліе надъ недовольными конституціею—сказалъ Четвертинскій—а такихъ много не только за-границею, но и внутри края». Слова его вызвали громъ негодованія. Выдержавъ его, Четвертинскій продолжалъ: «я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло мои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанною насильно, не боюсь ничего. Если вамъ нужна жертва—дѣлайте что хотите»? Несмотря на эти заявленія проектъ былъ принятъ. Четвертинскій говорилъ правду. Патріотамъ казалось, что вся нація съ ними заодно, потому что въ Варшавѣ мало было смѣльчаковъ, подобныхъ Четвертинскому; всѣ послы, недовольные перемѣною, за исключеніемъ немногихъ, разъѣхались; большинство Избы состояло изъ сторонниковъ переворота. Адресы гражданско-военныхъ коммиссій, писанные по внушеніямъ агентовъ правительства, гласили о всеобщемъ довольствѣ конституціею; все было шито-крыто. Поэтому прогрессисты могли сколько угодно увѣрять себя въ прочности своего дѣла.

Въ концѣ іюня была назначена депутація для составленія новаго кодекса законовъ для Короны и Литвы. Для умиротворенія православныхъ положено назначить конгрегацію въ Пинскѣ. Будущіе сеймики отложены на дальній срокъ, до февраля 1792 г. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобъ пріучить націю къ новой формѣ правленія и избѣжать смутъ, которыя могли произойти между шляхтою, настроенною врагами конституціи. 28-го іюня сеймъ былъ закрытъ до 15-го сентября. На этомъ послѣднемъ засѣданіи задорный сторонникъ конституціи Линовскій поссорился съ такимъ же задорнымъ противникомъ ея — Скорковскимъ. На другой день они вышли на поединокъ, и Линовскій ранилъ Скорковскаго.

Вездѣ по провинціямъ патріотическое веселіе охватывало польское общество; обыватели съѣзжались по призыву какого-нибудь вліятельнаго мѣстнаго пана въ одно мѣсто и устроивали празднество; такъ одиннадцатаго іюня въ Хойны, имѣніе пана Прозора, съѣхались обыватели повѣтовъ: мозырскаго, рѣчицкаго и овруц-

каго. Богатый владѣлецъ распоряжался празднествомъ. 12-го іюня, на разсвѣтѣ выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ двухцвѣтныхъ лентъ (зеленаго съ бѣлымъ), а дамамъ бѣлыя; на нихъ была надпись: «король, законъ и отечество». Въ 11 часовъ мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, всѣ въ одинаковыхъ платьяхъ, шли въ костелъ къ обѣднѣ. Ксендзъ Глинскій говорилъ имъ рѣчь, потомъ пѣли «Te Deum» при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ литургіи хозяинъ угощалъ гостей обѣдомъ, обставленнымъ пышными декораціями. Посреди стола на скалѣ стояло изображеніе храма славы на четырехъ гербахъ: Короны съ Литвою, короля, сеймоваго маршала и маршала литовской конфедераціи; посрединѣ храма былъ алтарь, на которомъ находилась окруженная вѣнкомъ надпись: «Станиславу Августу, королю польскому, отцу и спасителю отечества». По обѣимъ сторонамъ этого храма славы были колонны со знаками и вензелями короля. Въ концѣ обѣда, при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ, пили заздравныя чаши съ восклицаніями: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ»! Послѣ обѣда танцовали до самаго утра слѣдующаго дня и безпрестанно раздавались крики: «король съ народомъ, и народъ съ королемъ! да здравствуютъ доблестные виновники спасенія отечества»!

Но нигдѣ не было такого шумнаго патріотическаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыскаго. Самъ князь былъ тогда въ раздумьи, сбиваемый съ толку своею сестрою Любомирскою, непріятельницею конституціи. За то жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойно дѣло спасенія отечества. Пулавскій палацъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Княгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и молодыхъ и пожилыхъ. Когда сеймъ былъ отсроченъ на время (залимитованъ), многіе послы прогрессисты отправились въ Пулавы поблистать своими гражданскими подвигами: ихъ принимали съ изысканными знаками уваженія; прекрасныя уста произносили имъ самыя лестныя похвалы. Тутъ случился смотръ войскъ дивизіи князя Виртембергскаго, зятя Чарторыской, подъ Голомбомъ. Княгиня повезла туда всѣхъ своихъ пулавскихъ гостей. Особы прекраснаго пола были изящно одѣты аркадскими пастушками, держали въ рукахъ корзинки съ цвѣтами, овощами и вѣнками и пѣли нарочно сочиненную пѣсню (Ej rycerze, serce nasze radość bierze), а княгиня брала у нихъ изъ корзинъ цвѣты и плоды, украшала и угощала польскихъ витязей. Послѣдніе въ свою очередь распѣвали пѣсню, сочиненную

однимъ изъ нихъ, гдѣ изъявлялось желаніе уподобиться старопольскимъ героямъ, которые приводили въ оковахъ (московскихъ) царей (w okowach prowadzili carów) и заслужить лавровый вѣнокъ, свитый прелестными руками возлюбленныхъ. Какъ много правды было во всемъ этомъ—показало послѣдующее время, когда предводитель этого геройскаго воинства, зять княгини, покинулъ польскія знамена въ часъ битвы, а мужественные сарматы разбѣгались при появленіи тѣхъ москалей, которыхъ царей предки ихъ водили въ оковахъ. Послѣ военнаго смотра снова отправились въ Пулавы и тамъ нѣсколько дней пировали, танцовали, кричали: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя явленія происходили повсюду. Богатый панъ, имѣвшій вліяніе въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устроивалъ патріотическій праздникъ; сообразно польскимъ нравамъ, гости и резиденты, всегда привыкшіе угождать своему амфитріону, восхваляли то, что̀ угодно было ему восхвалять, и кричали противъ того, чего не любилъ ихъ патронъ; и оттого на такихъ празднествахъ все носило видъ согласія и единодушія. Но также точно панъ противныхъ убѣжденій могъ собрать у себя толпу гостей и устроить сходбище въ другомъ духѣ, и у него накормленные и напоенные гости стали бы кричать противъ конституціи. Уже въ то время, когда у пановъ прогрессистовъ обыватели пили венгерское за отечество и танцовали за конституцію, враги ея, уѣхавшіе изъ Варшавы въ свои имѣнія, дѣлали тамъ пиры и балы, для того, чтобы пояснять своимъ гостямъ, что конституція произошла совсѣмъ не такъ, какъ утверждаютъ ея сторонники; что большинство членовъ сейма вовсе не знало о замыслѣ ввести ее; что заговорщики склонили на свою сторону короля приманкою деспотизма, окружили войскомъ Избу, напоили чернь и научили не давать возможности благоразумнымъ людямъ открыть рта, грозили ихъ убить и носить на шестахъ ихъ головы; что вся эта конституція, это прославленное дѣло обновленія Польши, есть произведеніе братьевъ Потоцкихъ, которые въ свою очередь слушали захожаго итальянскаго интригана, аббата Пьятоли. Въ то время, какъ въ Пулавахъ поляки, по волѣ княгини Чарторыской, восхваляли дѣло третьяго мая, у княгини Любомирской въ Ополѣ происходили такія же шумныя сборища, гдѣ вопіяли противъ насилія, противъ прусской интриги, доказывали, что Польша безразсудно раздражаетъ Россію, сама не будучи приготовлена къ отпору. Игнатій Потоцкій въ своемъ Куровѣ собиралъ обывателей Люблинскаго воеводства и настроивалъ ихъ стоять за конституцію, а сосѣдъ его Длусскій дѣлалъ

у себя собранія, настроивалъ собратій противъ переворота и разсказывалъ, что его самого чуть не убили на сеймѣ за то, что онъ отстаивалъ старосвѣтскую свободу Рѣчи-Посполитой.

Булгаковъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ къ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Боскампъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какой вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безъименная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, за Турцію составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, реентъ брестъ-литовскаго гродского суда, Захаркевичъ, за русскія деньги, составилъ безъименную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи. Друзья Россіи тайно совѣщались съ Булгаковымъ: это были Ожаровскій, Коссаковскій, Рачинскій, любители русскихъ червонцевъ, неизмѣнный благопріятель Россіи канцлеръ Малаховскій. Браницкій, притворяясь передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, работалъ чрезъ своихъ агентовъ по указанію Булгакова; также на услугахъ русскаго посланника состояла жена Браницкаго: Булгаковъ заявлялъ государынѣ, что она въ это время была даже полезнѣе своего супруга. Мать героя третьяго мая, Казимира-Нестора Сапѣги, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно волновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма, на которомъ такъ отличился ея возлюбленный сынъ. Булгаковъ сносился съ противниками конституціи и подбиралъ себѣ партію такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большого общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ тоже время, при свиданіи съ сторонниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно наказу своей государыни. «Надѣюсь — писала къ нему Екатерина въ іюнѣ — что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самимъ дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность

и подкрѣпленіе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не однѣми словами къ тому подвизаться, а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе.»

И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ Россія переставала прогрессистамъ казаться опасною. «Цезарь, писалъ маршалъ Малаховскій, уже склоняется на нашу сторону и Москва также скоро склонится навѣрное, хотя и медлитъ, но она всегда привыкла медлить». Распространилась вѣсть, будто Потемкинъ начинаетъ падать при петербургскомъ дворѣ: изъ этого тотчасъ заключали, что Потемкинъ обратится къ Польшѣ. «Кто знаетъ — писалъ тотъ же Малаховскій — можетъ быть мы ему будемъ благодарны! Онъ-то и ослабитъ Московское государство.»

VI.

Волненія въ Польшѣ [1]).

Между тѣмъ, новая конституція, какъ и слѣдовало ожидать, начинала уже производить неизбѣжныя смятенія. Въ самой Варшавѣ, по распущеніи сейма, сдѣлалась тревога. Каштелянша Коссаковская, большая интригантка, бывшая съ королемъ въ ссорѣ и помирившись въ послѣднее время, выдумала и черезъ своихъ друзей распустила слухъ, будто партія Браницкаго хочетъ схватить короля, убить или вывезть. Это было распущено для того, чтобы волновать народъ противъ тѣхъ, которые внутренно были нерасположены къ конституціи; хотя Браницкій на словахъ и распинался за нее, но ему не вѣрили. Король испугался: онъ былъ наученъ опытомъ временъ Барской конфедераціи. Удвоили караулъ въ Лазенкахъ. Страхъ продолжался цѣлый мѣсяцъ; стали ходить вредныя для конституціи слухи о неповиновеніи хлоповъ. Генералъ Бышевскій доносилъ о бунтѣ крестьянъ: въ иновраціавскомъ воеводствѣ, въ селѣ Вилково-Нѣмецкое, имѣніи Мыцельскаго, взбунтовались крестьяне, прибили эконома. Владѣлецъ далъ знать гражданско-военной коммиссіи и потребовалъ войска. Произошла схватка между жолнерами и крестьянами; было нѣсколько раненыхъ. Крестьяне, послѣ этого, толпою бѣжали за границу. 25 іюня, гражданско-военная ком-

[1]) См. источн. №№ 18, 28, 30, 55, 71. Дѣла Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

миссія изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрійскую границу; замѣчательно, что уходили не только бурлаки, но и зажиточные люди съ семьями, съ лошадьми и со скотомъ. Изъ Украины писали, что въ тамошнемъ народѣ распространяется мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступитъ въ польскіе предѣлы; и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, потому что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ. Въ мѣстечкѣ Дзвиногродѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основаніи мѣщанскаго устава, но владѣлица, старостина, не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подданныхъ новыми повинностями. Въ Каневѣ хлопъ, Макаръ Литвиненко, пилъ съ жолнеромъ Яблоновскимъ и сказалъ, что у него есть секретъ такой, что стоитъ дороже тысячи рублей. Онъ говорилъ намеками, изъ которыхъ жолнеръ заключилъ, что хлопы собираются бунтовать, но Макаръ не сказалъ ничего положительнаго, а только замѣтилъ: «не дайте мині пропáсти; якъ скажете, то и піпъ и громада пропаде». Жолнеръ разсказалъ объ этомъ; хлопъ ушелъ, но его поймали и онъ объявилъ, что есть еще хлопы, которые рѣзали ляховъ въ прошедшую «Коліивщину» (1768 года), а теперь живутъ спокойно и скрываютъ свои богатства въ погребахъ. Это навело паническій страхъ между военными и шляхтою. Гражданско-военныя коммиссіи и военные командиры сообщали въ Варшаву угрожающія вѣсти. Въ Литвѣ происходило страшное волненіе въ волостяхъ (загацкой, мотырынской, новлицкой и иванской) по-іезуитскихъ имѣній, доставшихся въ поссессію Кавецкому. Этого рода имѣнія отдавались въ поссессію съ извѣстными правилами относительно крестьянскихъ повинностей. Но поссессоръ Кавецкій не хотѣлъ знать этихъ правилъ; вмѣсто положенныхъ съ волоки въ недѣлю мужескихъ и женскихъ по два рабочихъ дня онъ бралъ двадцать два дня, назначалъ сверхъ того двѣнадцать годовыхъ такъ-называемыхъ гвалтовъ, бралъ оброку, вмѣсто десяти злотыхъ — сорокъ, бралъ подрозчизну въ Ригу (т. е. посылалъ туда крестьянъ для продажи произведеній) вмѣсто одного раза — четыре, привязывался къ богатымъ мужикамъ, обиралъ у нихъ имущество, деньги, а за сопротивленіе жестоко истязалъ. Уже прежде два брата Цѣлковичи отправились въ Варшаву жаловаться, но онъ поймалъ ихъ на дорогѣ, держалъ въ тюрьмѣ и два раза въ недѣлю велѣлъ сѣчь розгами и поливать водкой. Случай однако помогъ Цѣлковичамъ уйти изъ тюрьмы и они, вмѣстѣ съ другими товарищами, добрались до Варшавы, но ничего не могли подѣлать; Кавецкій представилъ фальшивыя квитанціи, будто бы отъ крестьянъ, показывающія, что онъ бралъ съ нихъ только поло-

женное. Это было еще въ 1790 году. Послѣ того Кавецкій дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Волость потеряла терпѣніе; толпа въ 160 человѣкъ выборныхъ отправилась въ городъ Ушачъ, гдѣ была гражданско-военная коммиссія. Но въ этой коммиссіи сидѣли родной братъ Кавецкаго и мужъ сестры его. Вмѣсто того, чтобъ оказать правосудіе крестьянамъ, коммиссія обвинила ихъ въ бунтѣ, на томъ основаніи, что крестьяне должны выходить изъ села не иначе какъ съ паспортами отъ владѣльца. Для усмиренія ихъ поставили въ волости военную команду, которая дѣлала все, что̀ угодно Кавецкому. Крестьяне бѣгали, команда ловила ихъ и по желанію поссессора подвергала истязаніямъ. Многіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ Россію, остальные теперь подали новую просьбу на сеймъ: «Насъ обдираютъ, — писали они — мучатъ выше всякой мѣры; мы такъ обнищали, что еслибъ теперь былъ и другой панъ, то намъ нечѣмъ было бы платить ни его двору, ни скарбу, развѣ душою и недомученнымъ тѣломъ. Помилуйте насъ, ясноосвѣщенные, ясновельможные паны добродѣи, выслушайте стоны наши, всмотритесь, какъ насъ мучатъ; поссессоръ какъ будто хочетъ, чтобъ его преемникамъ ничего не досталось, кромѣ пустопорожней земли и голыхъ тѣлъ нашихъ». Въ Мазовецкомъ воеводствѣ поднялось староство гарвалинское: жители требовали свободы на основаніи мѣщанскаго устава, потому что Гарвалинъ былъ городъ; но просьба ихъ не только не была удовлетворена старостою, а еще поссессоры, которымъ было роздано по частямъ староство, начали ихъ сильнѣе обременять. Сдѣлался бунтъ, поколотили поссессорскаго сына. Гражданско-военная коммиссія отправила для укрощенія ихъ войско; зачинщики были наказаны сорока ударами на рынкѣ и выстояли во время богослуженія съ надписью: «за непослушаніе». Оказывалось однако, что еще въ 1789 году, подданные этого староства жаловались на неправильные поборы; люстраторы тогда же препроводили ихъ просьбу въ скарбовую коммиссію, но по этой просьбѣ до 1791 года ничего не было сдѣлано. Принуждая мѣщанъ, заурядъ съ хлопами, къ повиновенію старостѣ, правительство тѣмъ самымъ уничтожало силу установленнаго мѣщанскаго устава.

Вслѣдствіе такихъ-то безпокойствъ, 11-го августа изданъ былъ королевскій универсалъ. Воздавая хвалу трудолюбію и порядку вообще, тамъ говорилось: «къ немалой скорби нашего отеческаго сердца узнали мы, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Рѣчи-Посполитой появляются враги общественнаго блага, которые отваживаются лукавымъ подущеніемъ и обманчивыми подговорами то открытыми, то явными путями и различными предлогами отклонять народъ отъ послушанія панамъ своимъ, отъ исполненія повин-

ностей и платежа податей. Мы считаемъ нашею обязанностію, предостеречь настоящимъ нашимъ универсаломъ всю юрисдикцію воеводствъ, земель и повѣтовъ, въ особенности гражданско-военныя коммиссіи порядка, чтобы, внимательно наблюдая за такими случаями, сперва употребляли кроткія и вразумительныя мѣры, а потомъ, когда такія мѣры окажутся недѣйствительными, каждая юрисдикція можетъ употреблять принудительную власть, закономъ дозволенную; въ случаѣ же продолжительнаго упорства прибѣгать и къ военной силѣ для удержанія подданныхъ въ зависимости и послушаніи у своихъ пановъ. Но такъ какъ темный народъ обыкновенно приходитъ къ такимъ поступкамъ не по собственной склонности, а по невѣжеству и подущенію другихъ, то мы поручаемъ тѣмъ же юрисдикціямъ бдительно слѣдить за такими лицами, которыя бы соблазняли народъ превратнымъ толкованіемъ законовъ, заохочивали хлоповъ къ непослушанію панамъ и давали совѣты, противные долгу зависимости; и гдѣ таковые соберутся—ихъ слѣдуетъ хватать и предписаннымъ въ законахъ путемъ предавать надлежащему суду и справедливому наказанію.

Страхъ крестьянскихъ бунтовъ, болѣе чѣмъ что́-нибудь другое отталкивало обывателей отъ конституціи. Только немногіе передовые люди заявляли желаніе освободить крестьянъ: къ этому ихъ располагали модныя французскія идеи равенства. Мостовскій, Забѣлло, Нѣмцевичъ, Вейссенгофъ, Зайончекъ собирались въ домѣ французскаго посланника Декорша, гдѣ только и рѣчи было о дарованіи правъ порабощенному сельскому народу. Заправляя тогдашнею «Народовою газетою», эти господа помѣстили въ ней письмо литовскаго дворянина, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ присланное, но скорѣе всего поддѣланное въ Варшавѣ, въ качествѣ назидательнаго и руководящаго сочиненія [1]), гдѣ говорилось такъ: «Въ вашей конституціи я не вижу залога обезпечивающаго свободу и имущество бѣднаго поселянина отъ губительной жадности. Зачѣмъ законъ не назначилъ по провинціямъ и воеводствамъ удѣльныхъ коммиссій, для опредѣленія повинностей въ работахъ и платежахъ? Зачѣмъ законъ не обезпечилъ за хлопомъ владѣемой имъ собственности? Зачѣмъ въ округѣ одного и того же повѣта доброму пану хлопъ работаетъ два дни въ недѣлю за поземельный надѣлъ, а злому цѣлую недѣлю, да еще подъ палками? Можетъ-ли человѣкъ быть до того

[1]) Мы такъ полагаемъ потому, что въ тогдашнихъ дѣлахъ Стражи, почти вполнѣ сохранившихся въ Литовской Метрикѣ, объ этомъ фактѣ нѣтъ ничего. Сверхъ того и въ самой газетѣ не означено имя этого дворянина.

жестокосердъ, чтобъ запретить своему ближнему жаловаться и плакать, когда ему тяжело. Добрый человѣкъ суда не боится. Судъ страшенъ только для тирановъ, а развѣ тиранъ надъ крестьянами можетъ быть добрый гражданинъ? Историки приписываютъ упадокъ Спартанской республики утѣсненіямъ илотовъ; можемъ-ли мы, поляки, при 10,000,000 илотовъ, хвастаться вольностью? Пусть чужестранецъ посѣтитъ наши корчмы, исполненныя крайней неопрятности и лукавства. Онъ тамъ увидитъ, какъ жидъ, подлый субалтернъ владѣльческой жадности, разрушаетъ дорого продаваемою отравою здоровье и состояніе нищаго крестьянина и потомъ дѣлится своимъ грабежемъ съ паномъ, соперничествующимъ съ нимъ въ алчности. Я размѣрилъ и размежевалъ поля свои, отдалъ крестьянамъ ихъ угодья, заключилъ съ ними договоръ о размѣрѣ чинша (оброка) или работъ и отдалъ на утвержденіе повѣтоваго суда и референдарія. Этимъ способомъ я надѣюсь улучшить свое состояніе, возбудить въ хлопахъ склонность къ промысламъ и умножить народонаселеніе. Если же я и понесу утраты, то и тогда назову себя счастливымъ, лишь бы черезъ мою потерю выиграло человѣчество и не малое количество живущихъ на моей землѣ людей сдѣлалось по моей волѣ счастливымъ и свободнымъ.»

Такія заявленія, не принося никакого облегченія крестьянамъ, только пугали дворянъ. Примѣры, въ родѣ поступка неизвѣстнаго литовскаго обывателя, вовсе были не по сердцу большинству. Универсалъ 11-го августа скорѣе долженъ былъ увеличить неустройство и произволъ, чѣмъ уменьшить ихъ. Вѣсти о неповиновеніи подданныхъ панамъ, о бѣгствѣ народа изъ Польши приходили все чаще и чаще. Князь Сангушко, скоро послѣ 3-го мая, освободилъ отъ зависимости своихъ подданныхъ, мѣщанъ города Черкасъ и мѣстечекъ Бѣлозера и Ломовате. Городъ Черкасы обязался вносить ему подать по люстраціи 1709 года. Поступокъ его былъ прославленъ, какъ подвигъ человѣколюбія и безкорыстія. Но послѣ универсала 11-го августа и послѣ рѣшенія гарвалинскаго дѣла въ пользу владѣльца, Сангушко разсудилъ нарушить свой договоръ и послалъ въ Черкасы управляющаго (губернатора) Піотровскаго, который, собравъ жителей, прочиталъ имъ универсалъ и объяснилъ, что законъ о свободѣ городовъ уже уничтоженъ. Мѣщане по прежнему будутъ работать и слушаться не магистрата, а губернатора. Тѣ же, которые начнутъ сопротивляться, будутъ повѣшены. Нѣкоторые пытались-было ѣхать въ Варшаву жаловаться, но ихъ заключили въ кандалы и тирански били нагайками. Тогда 50 семей, оставивши свои имущества, дворы, посѣянный хлѣбъ, бѣжали въ Россію. Объ

этомъ дошло до свѣдѣнія Стражи, но не видно, чтобъ были приняты дѣйствительныя мѣры къ облегченію крестьянъ. Вообще въ южнорусскихъ областяхъ владѣльцы и поссессоры стали такъ отягощать своихъ подданныхъ, что они сотнями убѣгали за границу и правительство приказало разставить военныя команды, чтобъ не пропускать бѣглецовъ, а между тѣмъ король приказывалъ брацлавской гражданско-военной коммиссіи внушать обывателямъ, чтобы они человѣколюбивѣе обращались съ своими крестьянами.

Военными командами въ Украинѣ начальствовалъ генералъ Костюшко и безпрестанно писалъ въ войсковую коммиссію, что нѣтъ возможности удержать крестьянъ отъ бѣгства. Эмиграція овладѣла всѣмъ народомъ; въ декабрѣ онъ жаловался на чернецовъ, которые пробирались изъ русской Малороссіи въ польскій край и волновали народъ. На прусской и австрійской границахъ происходила такая же эмиграція. Надобно замѣтить, что въ самой конституціи 3-го мая была статья, способствовавшая такой эмиграціи. Всякій, приходящій, или даже возвращающійся въ Польшу дѣлался свободнымъ. Отъ этого многіе убѣгали за границу, а черезъ нѣсколько дней воротившись, требовали по закону вольности. Это была яркая черта политической мудрости поляковъ и прочности конституціи. Впрочемъ крестьяне ничего черезъ это не выигрывали: по возвращеніи въ отечество ихъ сѣкли и обращали въ прежнее рабство. Отъ этого въ послѣдующее время бѣглецы уже не возвращались домой.

На Волыни, хотя было спокойнѣе, но осенью гражданско-военная коммиссія умоляла не выводить оттуда войскъ, потому что крестьяне, хотя теперь и смирны, но тотчасъ сбунтуются, какъ только некому будетъ ихъ укрощать. Тамъ были факты, подобные черкаскимъ; такъ, напр., панъ Гардлинскій далъ своему имѣнію свободу отъ панщины на два года, но въ декабрѣ нарушилъ этотъ договоръ несмотря на то, что онъ былъ записанъ въ Луцкомъ гродскомъ судѣ. Въ сентябрѣ закрочимская гражданско-военная коммиссія доносила, что крестьяне повсемѣстно неповинуются и бѣгутъ. Она требовала военной силы для усмиренія ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ изъ земли Луковской получено извѣстіе, что взбунтовалось мѣстечко Сырокомля, противъ своей владѣлицы пани Водзицкой, за то, что она не хотѣла дать имъ пользоваться мѣщанскимъ правомъ по силѣ устава о городахъ. И туда послали для усмиренія военную команду. То же произошло въ городѣ Лѣшно, имѣвшемъ древнія привилегіи. Владѣлецъ, князь Сулковскій, заключилъ съ нимъ договоръ, отказался отъ своихъ правъ, а мѣщане обязались вносить ему извѣстную сумму и должны были пользоваться свободою, предоставленною мѣщан-

скому сословію; но потомъ, послѣ универсала 11-го августа, осенью онъ отнялъ всѣ права и подчинилъ ихъ прежнему подданству. Мѣщане жаловались, а владѣлецъ объяснялъ, что поспольство, подущаемое злонамѣренными людьми, бунтуетъ, не хочетъ исполнять своихъ обязанностей и клевещетъ на него. Кончилось тѣмъ, что послали военную экзекуцію для приведенія мѣщанъ къ повиновенію. Въ декабрѣ такая же исторія произошла съ городомъ Веховою, который напрасно жаловался, что староста, освободивши его отъ подданства, началъ утѣснять снова. Такимъ образомъ правительство, надававши свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять тѣхъ, которые домогались того, что̀ было установлено закономъ.

Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе нравы мало способны были воспринимать возрожденіе отечества. Наѣзды другъ на друга, нападенія на суды вооруженной силой, насилія могучихъ надъ слабыми продолжались по прежнему. Замѣчательно, ка̀къ поляки, даже тѣ, которые были призваны творить законы, понимали законную свободу. Одного пана Окнинскаго посадили подъ арестъ: явно было, что онъ лишился разсудка, грозилъ убить короля и перебить всѣхъ пословъ; жена его жаловалась, что онъ дома дерется и буянитъ. Тогда познанскій посолъ Мелжинскій подалъ въ Стражу протестъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и доказывалъ, что этимъ нарушается законъ: «neminem captivabimus». «Если—писалъ онъ—сажать людей подъ арестъ, безъ суда, въ предупрежденіе преступленій, то вамъ придется всѣ погреба наполнить людьми.» Такимъ образомъ выходило, что шляхтичъ, если и сойдетъ съ ума, все-таки долженъ быть огражденъ закономъ neminem captivabimus. Свобода вѣроисповѣданій также плохо соблюдалась. Въ городѣ Равѣ какой-то офицеръ вошелъ къ мѣщанкѣ, вдовѣ аптекаря, лютеранкѣ и будучи за что-то недоволенъ ею, донесъ, что ея дѣти играли въ куклы и повѣсили на куклу медальонъ съ изображеніемъ Божьей Матери. Мѣщанку взяли въ гражданско-военную коммиссію, посадили въ тюрьму и отдали подъ судъ. Къ ея счастію, пасторъ евангелическаго вѣроисповѣданія написалъ къ королю письмо, гдѣ доказывалъ, что она, какъ диссидентка, не подлежитъ коммиссіи по духовному дѣлу. «Еще не обсохли чернила—писалъ онъ—которыми написана конституція, дарующая намъ права, а уже ихъ попираютъ». Король и Стража приказали освободить ее, но все-таки она просидѣла нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, пока ея дѣло не сдѣлалось извѣстнымъ высшему правительству.

Для умиротворенія православныхъ сеймъ назначилъ коммиссію, которая должна была съѣхаться въ Пинскѣ съ выборными

православными духовными и тамъ вмѣстѣ установить правила, которыя бы на будущее время успокоили послѣдователей восточной вѣры, не хотѣвшихъ принять уніи. Но давняя закоренѣлая ненависть къ православію не допускала искренности въ этомъ дѣлѣ. Тѣ самые депутаты, которые приняли на себя должность миротворцевъ, въ своихъ донесеніяхъ отзывались съ презрѣніемъ о православной вѣрѣ, считали дарованіе правъ православнымъ только временной уступкой для того, чтобы ихъ удобнѣе привлечь къ уніи. Православную вѣру поляки считали зломъ уже потому, что ее исповѣдывала Россія. Пріѣхавши въ Слуцкъ, депутаты нашли тамъ раздоры въ самомъ православномъ духовенствѣ. Священникъ Савва Пальмовскій собралъ въ церковь духовныхъ для совѣщанія, какъ имъ вести себя и чего требовать отъ пріѣхавшей депутаціи. Тогда намѣстникъ монастыря, остававшійся тамъ главнымъ лицомъ послѣ арестованнаго архіерея Садковскаго, очернилъ ихъ передъ депутаціей, выпросилъ у депутата Бернадскаго позволеніе арестовать ихъ. Пальмовскаго съ товарищами засадили въ монастырѣ въ тѣснотѣ и кормили хлѣбомъ съ водою. Бернадскій, въ своемъ донесеніи въ Стражу, хвалилъ намѣстника, припоминалъ, что онъ не ладилъ съ Садковскимъ, доносилъ на него и былъ противъ введенія въ церковь «россійскихъ обычаевъ». Но Стража приказала освободить заключенныхъ. Тогда въ свою очередь Пальмовскій оговаривалъ своего врага, намѣстника Бржезницкаго, доносилъ, что онъ былъ прежде уніатскимъ монахомъ въ Почаевѣ, носилъ фамилію Бржезникевича, ушелъ въ Кіевъ, тамъ принялъ православіе и воротился Бржезницкимъ. Съ такими людьми предстояло дѣлать великое дѣло. Между тѣмъ архіерей Викторъ Садковскій, тотъ, который по всѣмъ правамъ долженъ былъ при этомъ занимать первую роль, продолжалъ сидѣть въ Варшавѣ въ заключеніи, совершенно невинный.

VII.

Возобновленіе дѣятельности сейма.—Соединеніе казначействъ.—Дѣло о староствахъ.—Преобразованіе судовъ [1]).

Собранный съ 15-го сентября сеймъ имѣлъ на лицо не болѣе 140 или 150 членовъ. Нѣкоторые послы, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ же разъѣхались по своимъ имѣніямъ: была осень—пора охоты за медвѣдями и волками. Это занятіе было пріятнѣе головоломныхъ работъ въ сеймовой Избѣ. Сами рья-

[1]) См. Источн. №№ 18, 25, 28.

ные прогрессисты порывались къ этой любезной забавѣ и маршалъ Малаховскій, открывая каждый день утомительныя засѣданія, ждалъ возможности избавиться отъ нихъ, и посылалъ къ своимъ коммиссарамъ провѣдывать, гдѣ появились звѣри. Значительную часть времени на сеймѣ проводили во фразахъ, величали польскія добродѣтели, прославляли достоинство конституціи 3-го мая. Противники, при случаѣ, задирали прогрессистовъ. Такъ, 29-го сентября, посолъ Мечельскій напалъ на маршала Малаховскаго и обвинялъ его въ томъ, что онъ отправилъ нарочнаго посла въ Дрезденъ безъ открытаго предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ. Король заступался за Малаховскаго и выразился, что всѣ подобныя нападки дѣлаются врагами конституціи съ тою цѣлью, чтобы ей какъ-нибудь повредить. «Но я—говорилъ онъ—въ согласіи со всѣми друзьями отечества буду защищать ее до послѣдней капли крови». Въ противность Мечельскому король предложилъ отъ сейма выразить Малаховскому благодарность. 3-го октября, краковскій посолъ Солтыкъ предложилъ сейму засвидѣтельствовать сочувствіе французской революціи. Это событіе съ каждымъ днемъ находило себѣ въ Польшѣ поклонниковъ и они-то стали заявлять о продажѣ староствъ, подражая въ этомъ случаѣ Франціи, и видя въ этой продажѣ единственное средство покрыть дефицитъ. 11-го октября появился въ Избѣ проектъ объ отобраніи и продажѣ въ наслѣдственное владѣніе староствъ и всѣхъ вообще королевщинъ. По ходатайству короля разсужденіе объ этомъ предметѣ было отложено, а въ Избѣ началось разсужденіе о соединеніи казначействъ Короны и Литвы. Проектъ о соединеніи подали волынскіе послы; литовскіе стояли за раздѣльность. Теперь, когда въ такой модѣ были французскія идеи централизаціи, ломавшей провинціальныя автономіи, у поляковъ съ ними соединилось завѣтное и всегдашнее стремленіе ополячить Литву и Русь. Казимиръ-Несторъ Сапѣга былъ на челѣ оппозиціи. «Привилегіи народа — говорилъ онъ — не собственность народныхъ представителей и даже не цѣлаго живущаго поколѣнія. Мы не имѣемъ права добровольно отъ нихъ отрекаться и, получивъ отъ предковъ, должны передать въ цѣлости потомкамъ.» Но эти кудрявыя фразы были засыпаны другими, въ противномъ смыслѣ: отличался въ этомъ краснорѣчіи Станиславъ Потоцкій. Порѣшили, чтобы скарбъ былъ соединенъ и существовала одна скарбовая коммиссія. Въ честь этого событія, уничтожавшаго послѣдніе слѣды различія между Польшею и Литвою, король приказалъ выбить медаль съ надписью: «При Станиславѣ Августѣ закончена тѣснѣйшая унія, совершенная вначалѣ Сигизмундомъ Августомъ».

Въ концѣ октября сеймъ издалъ конституцію объ устройствѣ городскихъ судовъ; по поводу этого событія, жена одного посла, Звончковскаго, въ полномъ засѣданіи ударила по щекѣ секретаря Сярчинскаго и послѣ созналась, что была научена мужемъ.

Въ ноябрѣ наконецъ принялись послѣдовательно за вопросъ о староствахъ. Кромѣ потребности покрыть дефицитъ, предстояла еще и нравственная потребность. Система отдачи панамъ государственныхъ имѣній была однимъ изъ способовъ деморализаціи панства и средствомъ для иностранныхъ властей руководить дѣлами Польши. Въ каждое безкоролевіе партія, хотѣвшая выбрать того или другого въ короли, разсчитывала получить отъ него для себя выгоды, главнымъ образомъ заключавшіяся въ пріобрѣтеніи староствъ, которыя раздавались королями. Возрожденіе Польши необходимо требовало уничтожить такой порядокъ. Уже прежде были сдѣланы по этому предмету перемѣны. Въ 1775 году у короля было отнято право раздавать королевщины. Онѣ были предоставлены въ пользованіе до смерти владѣльцамъ, а о дальнѣйшей судьбѣ ихъ рѣшить оставлялось будущему времени. Въ 1788 году, староства обложены были платежомъ въ казну половины доходовъ; но ни прежде, ни послѣ старосты не платили въ казну столько, сколько съ нихъ слѣдовало. Встарину, когда они обязаны были давать четвертую часть (кварту), то на самомъ дѣлѣ давали десятую и даже двадцатую. Тоже было и послѣ назначенія брать съ нихъ половину.

Въ засѣданіи 8-го ноября Коллонтай доказывалъ, что свободный народъ не долженъ имѣть никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ происходящихъ изъ общественной складки, и никакихъ земель, принадлежащихъ не лицамъ, а цѣлому государству. По его мнѣнію, слѣдовало всѣ королевщины продать съ публичнаго торга въ частную потомственную собственность, но такъ, чтобы люди небогатые могли быть участниками покупки, поэтому раздѣлить староства на мелкіе участки. По проекту Основскаго, слѣдовало удовлетворить прежнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ половиною доходовъ и выплатить имъ то, что они истратили на улучшеніе имѣній. Враждебные проекту члены думали запутать дѣло и склонить на свою сторону короля; съ этой цѣлью Четвертинскій потребовалъ, чтобы были пущены въ продажу и королевскія экономіи; но тутъ король блеснулъ своимъ безкорыстіемъ, объявилъ, что онъ отъ нихъ отказывается, но замѣтилъ, что слѣдуетъ ихъ сохранить для будущаго короля. Скаршевскій, епископъ холмскій, совѣтовалъ оставить староства въ пожизненномъ пользованіи у настоящихъ владѣльцевъ, а по смерти ихъ продать на пятьдесятъ лѣтъ въ пользованіе. «Староства — достояніе цѣлой націи, надобно

спросить объ этомъ цѣлый народъ», сказалъ люблинскій посолъ Грипсвецкій. «Продажа староствъ — сказалъ волынскій посолъ Свѣнтославскій, — потребуетъ много времени для описи и для измѣренія. Нужно по крайней мѣрѣ лѣтъ пять, нужны сверхъ того большія издержки, а это увеличитъ дефицитъ казны. Будемъ искать другихъ средствъ поправить финансы». Вопросъ о староствахъ былъ остановленъ. Десять дней послѣ того толковали о другихъ средствахъ поправить финансы и ни до чего не додумались.

18-го октября принялись снова за староства. Епископъ Коссаковскій гремѣлъ противъ проекта и называлъ продажу дѣломъ вреднымъ и противнымъ человѣколюбію. Краковскій посолъ Дембинскій защищалъ продажу и сказалъ: «Нѣкогда Демосѳенъ говорилъ аѳинянамъ: «я думалъ что казна истощена въ Аѳинахъ; нѣтъ, истощился жаръ, деньги пошли на зрѣлища и забавы, а не на спасеніе отечества», и съ нами тоже будетъ, теперь грозятъ намъ Филиппы, а скоро явятся Александры. Отъ вѣка вѣковъ судьба униженныхъ государствъ одинакова, но мы не пользуемся чужими примѣрами». Послѣ многихъ толковъ, Игнатій Потоцкій просилъ короля заявить свое мнѣніе, но Станиславъ Августъ, распространившись о своемъ доброжелательствѣ отечеству, уклонялся отъ рѣшительнаго голоса и только назначилъ отъ себя уполномоченныхъ въ конституціонную депутацію для занятій этимъ предметомъ.

24-го ноября, кіевскій воевода Протъ Потоцкій доказывалъ, что большая часть инструкцій, данныхъ на сеймикахъ, выражаетъ народное желаніе продажи старостствъ, а для удобнѣйшаго хода операціи предлагалъ открыть банкъ, вызываясь на это со своими услугами. У него уже былъ основанъ свой банкъ. Потомъ предлагались разные способы не допустить до злоупотребленій чиновниковъ, которымъ поручится размежеваніе и опись королевщинъ. Желая какъ-нибудь оттянуть вопросъ, противники стали-было толковать о разграниченіи имѣній вообще, но пинскій посолъ Бутримовичъ сказалъ: «Всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстно неудовлетворительное состояніе казны и мы не можемъ обращаться къ другимъ предметамъ. Конституціонная депутація не успѣла еще составить проекта; пусть она кончаетъ свой трудъ, а мы не станемъ входить въ постороннія разсужденія, прерывая вопросъ о королевщинахъ».

5-го декабря маршалъ объявилъ, что проектъ готовъ и секретарь его прочелъ; тогда примасъ, королевскій братъ, сказалъ: «если мы допустимъ теперь продажу королевщинъ, находящихся въ частномъ владѣніи, кто поручится, что впослѣдствіи намъ не скажутъ: нужда заставляетъ продавать и ваши наслѣдственныя

имѣнія? Этотъ проектъ я считаю просто махинаціею для возбужденія безпорядка».—«Законъ долженъ обезпечивать собственность владѣнія—сказалъ троцкій посолъ Сивицкій—пусть мнѣ представятъ побужденія, которыя приводятъ къ отнятію владѣній у привилегированныхъ особъ; я, можетъ быть, похвалю побужденія, а слѣдствіе все-таки назову насиліемъ. Представьте себѣ судьбу несчастныхъ обывателей, у которыхъ единое прибѣжище въ королевщинахъ, куда они дѣнутся съ рухлядью, скотомъ, имуществомъ? Нельзя рѣшить продажи имуществъ Рѣчи-Посполитой безъ воли народа; говорятъ, большинство инструкцій за продажу: желаю знать, какъ велико это большинство. Но если и такъ, все-таки нельзя продавать королевщинъ иначе, какъ по прекращеніи пожизненныхъ правъ настоящихъ владѣльцевъ». Такія рѣчи заставили отложить вопросъ на нѣсколько дней. Его возобновили 9-го декабря.

Въ этотъ день епископъ Скаршевскій, бывшій въ числѣ уполномоченныхъ отъ короля въ конституціонную депутацію, объявилъ, что король чрезъ него ходатайствуетъ о томъ, чтобъ настоящимъ владѣтелямъ староствъ было сохранено ихъ пожизненное пользованеі и, сверхъ того, чтобы для обезпеченія крестьянъ предоставлено было королю право покровительства надъ ними. Это значило, что король высказывался противъ продажи. Начались рѣчи. Вдругъ подольскій посолъ Мержеевскій началъ кричать вообще противъ событія 3 мая. Это сдѣлало всеобщую суматоху въ Избѣ. Дѣло о староствахъ пріостановилось, чего Мержеевскому и другимъ было нужно. Хотѣли возобновить пренія, тогда противники начали подавать разные проекты, совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу, и засѣданіе прошло по пустому.

12 декабря вопросъ выступилъ снова на сцену. Тогда защитники status quo прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ сбить Избу съ прямой дороги къ цѣли. «Я соглашаюсь на продажу—сказалъ князь Яблоновскій—но прежде нужно сдѣлать предварительныя работы размежеванія, чтобъ Рѣчь-Посполитая не потеряла ни одного морга земли, чтобъ королевщины были разбиты на участки, пригодные къ хозяйству; а безъ этихъ условій несогласенъ и пристаю къ примасу». Другіе пустились въ толки о недостаткѣ денегъ для покупки, о мѣрахъ для облегченія взноса и пр. Всѣ такія замѣчанія слѣдовало конституціонной депутаціи принять къ разсмотрѣнію. Дѣло опять затянулось.

15 декабря, въ засѣданіи король говорилъ длинную рѣчь съ увѣреніями въ своемъ безкорыстіи и безпристрастіи. Онъ увѣрялъ, что желаетъ, наравнѣ съ другими, чтобы самое названіе староствъ исчезло, но хочетъ, чтобъ это совершилось безъ возбужденія

вражды между согражданами; онъ припомнилъ кровавую одежду Іосифа прекраснаго, себя самого сравнилъ съ Іаковомъ и пришелъ къ тому, что лучше всего приступить къ продажѣ староствъ по кончинѣ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, а если уже непремѣнно хотятъ продавать староства при ихъ жизни, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти имѣнія будутъ оцѣнены сколько возможно дороже. «Распространяютъ обо мнѣ ложные слухи — сказалъ король — будто я хочу освободить хлоповъ въ старостяхъ. Я считаю освобожденіе хлоповъ вообще дѣломъ вреднымъ и доказалъ это универсаломъ, повтореннымъ два раза въ настоящемъ году. Я держусь правила: suum cuique; пусть хлопъ работаетъ и платитъ, что слѣдуетъ, а панъ пусть не требуетъ отъ него больше того, сколько нужно.»

За королевскою рѣчью разомъ подано было нѣсколько проектовъ; всѣ они клонились, хотя подъ разными предлогами, къ тому, чтобы не допустить немедленной продажи королевщины. «Я вижу — сказалъ Игнатій Потоцкій — что на сеймѣ господствуютъ два мнѣнія: одно — продать королевщины немедленно; другое — продать ихъ послѣ смерти настоящихъ владѣльцевъ; пусть изготовятъ два проекта въ томъ и другомъ смыслѣ.» На это послѣдовало отъ нѣкоторыхъ пословъ возраженіе; другіе ухватились за проектъ Потоцкаго и пытались его провести. Засѣданіе въ этотъ день ничѣмъ не кончилось.

19-го декабря, засѣданіе длилось до половины четвертаго утра другого дня. Послѣ многихъ споровъ согласились на предложеніе маршала Малаховскаго, согласно предложенію Игнатія Потоцкаго, подать къ баллотировкѣ два проекта: одинъ, составленный краковскимъ посломъ Солтыкомъ, другой составленный Яссинскимъ и Сокольницкимъ; 105 голосовъ было за первый, 93 противныхъ. Путешественникъ, знающій закулисныя тайны тогдашней варшавской жизни [1]), объясняетъ, какимъ образомъ было пріобрѣтено это большинство. Одинъ магнатъ, который не высказалъ никакого мнѣнія объ этомъ вопросѣ, пригласилъ на Волю многочисленныхъ гостей завтракать (на устрицы). Въ числѣ приглашенныхъ было человѣкъ 20 пословъ, самыхъ задорныхъ противниковъ продажи староствъ. Показали видъ, что въ этотъ день въ Избѣ не будутъ касаться вопроса о старостахъ. Пиръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Тѣмъ временемъ маршалъ Малаховскій въ засѣданіи объявилъ, что проектъ о другомъ предметѣ, о которомъ слѣдовало разсуждать, въ этотъ день не готовъ и предложилъ разсуждать о староствахъ. Такимъ образомъ,

[1]) Voyage d'un Livonien, 281 стр.

за отсутствіемъ коноводовъ противной партіи, составилось большинство въ пользу продажи.

Такимъ образомъ рѣшено продать староства и всѣ королевщины съ публичнаго торга, въ потомственное владѣніе, съ обезпеченіемъ пожизненникамъ половины доходовъ, а владѣвшимъ подъ другими условіями меньшаго количества (экспектантамъ полторы четверти, а эмфитеутамъ осьмой части доходовъ). Для приведенія королевщинъ въ порядокъ къ продажѣ, назначались люстраторы, изъ которыхъ часть будетъ выбрана сеймомъ, а другая назначена скарбовою коммиссіею. Тѣ королевщины, которыя опишутся люстраторами, будутъ немедленно подвергнуты продажѣ, за ними другія и т. д., въ теченіи пятидесяти лѣтъ, наблюдая однако, чтобы слишкомъ большое число предназначенныхъ разомъ къ публичной продажѣ имѣній не уменьшило цѣнности земли, сохранялись права тѣхъ, которые давали деньги подъ залогъ королевщинъ. Чтобы не отягощать залогами наслѣдственныхъ имѣній для пріобрѣтенія капиталовъ, дозволялось покупщикамъ королевщинъ съ публичнаго торга вносить пятую часть стоимости, и это будетъ ручательствомъ постояннаго платежа ими вѣчнаго процента въ казну. Половина суммы, составленной изъ пятой части стоимости проданныхъ королевщинъ, выдается прежнимъ пожизненнымъ поссессорамъ по ихъ желанію подъ вѣрный залогъ, но по смерти ихъ она должна быть возвращена въ казну. Послѣдніе, сверхъ того, получаютъ изъ вѣчнаго процента, платимаго покупщиками королевщинъ, опредѣленную часть; полученіе это происходитъ въ той гражданско-военной коммиссіи, въ вѣдомости которой по мѣстоположенію находится королевщина. Въ случаѣ, если прежній владѣлецъ не можетъ представить достаточнаго залога для полученія взаймы пятой части стоимости купленной королевщины, или не захочетъ принимать ее, то ему предоставляется вмѣсто того пожизненно получать изъ казны пять процентовъ ежегодно. Внесенную пятую часть стоимости купленной королевщины покупщикъ терялъ безвозвратно, если бы не заплатилъ въ казну слѣдуемаго съ него вѣчнаго процента, хотя бы въ одинъ только изъ четырехъ сроковъ въ годъ; причемъ онъ непремѣнно обязанъ былъ вносить этотъ вѣчный процентъ не иначе, какъ наличною монетою, по ходячему въ краѣ курсу.

Такъ совершилось это дѣло, которое повело бы къ важнымъ перемѣнамъ въ общественной жизни Польши, если бы удержалось.

Въ январѣ 1792 года, рѣшенъ былъ законъ объ устройствѣ земянскихъ судовъ, заступавшихъ мѣсто бывшихъ земскихъ и гродскихъ. Постановленъ законъ объ избираемости всѣхъ судей,

До сихъ поръ, только члены трибунала выбирались на время; въ земскихъ и гродскихъ судахъ званіе судей было пожизненное и почти вездѣ достигалось по ковнямъ и по протекціи сильныхъ пановъ; теперь, судьи въ земянскихъ судахъ выбирались на четыре года. Послѣ организаціи земскихъ судовъ Изба занялась устроеніемъ трибуналовъ. По этому поводу возникъ споръ о томъ, быть ли одному трибуналу или двумъ. Тогда случилось оригинальное явленіе: когда подавались голоса громко, то утвердительныхъ было 62, отрицательныхъ 28, а въ секретной подачѣ оказалось утвердительныхъ 43, отрицательныхъ 45. Малое число членовъ на сеймѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое должно было находиться, побудило непріятеля реформъ, князя Четвертинскаго, замѣтить: «Уставъ судебный касается цѣлаго народа; онъ требуетъ особаго вниманія, а я, вмѣсто пятидесяти пословъ изъ русскихъ воеводствъ, не вижу здѣсь и десятка; кто же осмѣлится для этихъ воеводствъ установлять законы». Проектъ о трибуналахъ прошелъ однако 19-го января единогласно. Оставлено по прежнему два трибунала: коронный и литовскій; первый отправлялъ свои занятія попеременно для Великой Польши въ Піотрковѣ, а для Малой въ Люблинѣ. Трибуналы состояли изъ депутатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ ежегодно на сеймикахъ; духовные были отъ капитуловъ, свѣтскіе отъ воеводствъ по два члена. Трибуналъ по гражданскимъ дѣламъ раздѣлялся на двѣ Избы: правную (гдѣ разбиралось приложеніе законовъ) и учинковую (гдѣ разбирались поступки подлежащіе гражданскому суду). Для дѣлъ уголовныхъ обѣ Избы сходились въ одну. Предсѣдательствовалъ въ трибуналѣ президентъ, избранный изъ среды депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ или большинствомъ трехъ четвертей. Въ случаѣ равенства, рѣшалъ жребій—его вынималъ пяти-лѣтній ребенокъ. Установлены были строгія правила въ предупрежденіе лѣности депутатовъ. За каждый часъ, пропущенный депутатомъ на службѣ, безъ законныхъ причинъ, дѣлался вычетъ изъ жалованья. (Свѣтскіе получали 10,000 злотыхъ въ годъ, духовные служили безплатно).

VIII.

Дѣло о Щенсномъ Потоцкомъ и Ржевускомъ. — Ихъ осужденіе. — Отъѣздъ Браницкаго.

Послѣдніе дни января были посвящены обсужденію поступковъ Щенснаго Потоцкаго и Северина Ржевускаго, которые за границей заявляли свои протестаціи противъ конституціи.

Долго патріоты почти не придавали этому значенія. Малахов-

скій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ либо; мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придушить мятежниковъ; есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла.»

Такъ себя утѣшали и ободряли поляки. Дѣйствительно, Ржевускаго, Сухоржевскаго и даже Щенснаго Потоцкаго поляки могли не бояться. Но эти лица и всѣ имъ подобныя были давно уже орудіями политики, заранѣе рѣшившей судьбу Польши. Въ іюлѣ 1791 года, Екатерина писала Потемкину: «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни мало нѣтъ сомнѣнія и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабденнаго». Екатерина указывала на причины, которыя заставляли ее враждебно относиться къ польскимъ преобразованіямъ. «Рѣшаясь на крайнія мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство торжественными договорами утвержденное на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ, когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія въ войнѣ нашей съ турками, когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго и когда самъ ихъ король, рукою нашею возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство сей толико вредной перемѣны». О сношеніяхъ поляковъ съ Пруссіею, имѣвшихъ враждебныя цѣли по отношенію къ Россіи, императрица не распространяется, замѣчая, что «благоразуміе конечно востребуетъ уважать дворъ Берлинскій и колико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ».

Уже въ то время, когда писала Екатерина, Щенсный Потоцкій подалъ Потемкину записку о планѣ составить конфедерацію противъ конституціи 3 мая и просилъ покровительства и помощи русской императрицы. Насчетъ этого Екатерина выразилась: «установленіе конференціи вольныхъ, которая уже представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все, что въ

Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходимо». Но Екатерина совѣтовала дѣлать это прежде, чѣмъ войска русскія могутъ войти въ Польшу. «Это — выражалась она — было бы приличнѣе, и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ ручательствомъ нашимъ обнадеженной и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи...... Надобно, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей и прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ вольной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи». Но Екатерина не показывала желанія стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи. Въ томъ же письмѣ къ Потемкину она говоритъ: «Что касается до образа правленія ихъ республики, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ: федеративное ли правительство учредить или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ постановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами». Ясно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но не желала собственно уничтоженія Польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что̀ неминуемо должно было случиться: «Трудно — писала она — угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ: тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніи ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что какое бы ни было ея дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ [1])».

[1]) Русскій Архивъ 1865 года, № 1, стр. 78 — 86.

Самъ Потемкинъ лично, хотя и не расположенъ былъ къ перемѣнѣ 3 мая, но имѣлъ нѣкоторые свои затаенные планы. Потемкинъ былъ еще болѣе врагъ раздѣла Польши, чѣмъ новой конституціи. Потемкину Польша была нужна: не даромъ онъ себѣ подбиралъ тамъ пріязненную партію, не даромъ накупилъ себѣ тамъ имѣній. Онъ зналъ, что если Екатеринѣ суждено умереть прежде него, то ему нельзя будетъ оставаться въ Россіи при Павлѣ, и тутъ-то пригодилась бы ему Польша. Пока еще этого не случилось, онъ подавалъ дружескую руку врагамъ конституціи, и въ глаза друзьямъ ея смѣялся надъ усиліями прогрессистовъ, зная напередъ, что, такъ или иначе, изъ ихъ предпріятій ничего не выйдетъ. Огинскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что лѣтомъ 1791 года онъ встрѣтился съ Потемкинымъ въ Могилевѣ и представился ему. Вообще удаляясь отъ разговоровъ о совершившихся въ Польшѣ событіяхъ, Потемкинъ не утерпѣлъ, чтобы не подсмѣяться надъ польскими надеждами. Вспомнивъ о польскомъ художникѣ Смуглевичѣ, получившемъ въ Римѣ премію за свои произведенія, онъ сказалъ: «вотъ прекрасный сюжетъ для Смуглевича: написать картину, изображающую учрежденіе конституціи 3-го мая; только пусть по всей картинѣ разрисуетъ цвѣты, которые по-нѣмецки называются Vergiess mein nicht... Вы меня понимаете?» прибавилъ онъ съ улыбкою.

Въ октябрѣ Потемкинъ скончался. Польскіе патріоты въ ту пору считали его главнымъ врагомъ своимъ, потому что онъ давалъ пріютъ и надежды врагамъ конституціи, они радовались, что теперь имъ будетъ свободнѣе; самъ король надѣялся, что планы Щенснаго Потоцкаго и Ржевускаго будутъ лишены сильной подпоры; но смерть Потемкина не остановила помощи полякамъ-противникамъ конституціи, которую покойный обѣщалъ; она выдвинула въ Россіи людей, гораздо болѣе самого Потемкина непріязненныхъ конституціи 3-го мая и готовыхъ стереть съ лица земли Рѣчь-Посполитую. Впрочемъ, все зависѣло отъ Екатерины и какіе бы то ни были у ней любимцы и государственные люди— всѣ они вели бы, хотя и съ различными пріемами, польское дѣло къ одной цѣли, предназначенной Екатериною.

Для Польши оставалось выбрать что̀-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или лишиться своего государственнаго существованія и подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 года польскіе политики воображали, что они избавились перваго, и перестали бояться другого. Ихъ самолюбіе вознесено было оттого, что знаменитый въ то время англійскій ораторъ Бёркъ съ похвалою отозвался о конституціи 3-го мая. Англичанинъ говорилъ правду,

потому что зналъ ее только на бумагѣ, а польскаго общества, для котораго она написана, не зналъ. Среди упоенія, произведеннаго отзывомъ такой знаменитости, польскіе патріоты заранѣе предвидѣли неудачу своихъ противниковъ.

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный Щенсному Потоцкому и Ржевускому для явки и произнесенія присяги на вѣрность конституціи, прошелъ и въ засѣданіи 27-го января король объявилъ, что Щенсный Потоцкій и Ржевускій не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты. Письма ихъ были прочитаны. Потоцкій отвѣчалъ такъ: «Посолъ имѣлъ до сихъ поръ священный характеръ и никогда исполнительная власть не могла его принудить къ присягѣ, но, по ниспроверженіи свободы, видно, можно уже его принуждать и навязывать присягу, хотя бы противную достоинству законодателя. Не вижу, такимъ образомъ, никакого средства защищаться и долженъ сознаться, что не могу присягнуть святотатственно и обѣщать Богу то, на что́ мое сердце не соглашается. Могу сказать, что не нарушалъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ не считаю конституціи 3-го мая. Богъ видитъ, что, по приказанію коммиссіи, я всегда готовъ былъ проливать кровь свою за привилегіи предковъ, но я теперь не хочу отречься отъ свободы, въ которой рожденъ и которую поклялся охранять кровью и жизнью, не хочу поддерживать той конституціи, которая отнимаетъ у отечества вольность и устанавливаетъ самовластіе. Если въ этомъ мое преступленіе, то я не перестану быть преступникомъ и моя первая вѣрность Рѣчи-Посполитой не можетъ быть уничтожена никакимъ насиліемъ: ей посвящаю и мой санъ, и имѣніе, и жизнь. Судите такого соотечественника, если сердце ваше дозволяетъ судить его; карайте, лишите военнаго чина, я снесу даже личное оскорбленіе, все ради отечества, которое было прежде республикою и могло оставаться ею благополучно».

Отвѣтъ Ржевускаго былъ длиненъ и рѣзокъ; польный гетманъ доказывалъ, что онъ совсѣмъ не нуженъ въ Варшавѣ: время предсѣдательства его въ военной коммиссіи прошло; быть на сеймѣ въ качествѣ военнаго министра онъ не считаетъ умѣстнымъ: во-первыхъ, потому, что послѣ происшествія 3-го мая министръ уже ничего не значитъ; совѣта отъ него ожидать нечего, потому что его совѣта не послушаютъ; а присяги на вѣрность конституціи нельзя требовать потому, что свободный обыватель не обязанъ признавать добрымъ законъ, который, по его убѣжденію, не хорошъ. «Что это за конституція?—писалъ онъ—ее насильно дали Польшѣ уланы, коронная гвардія и варшавское мѣщанство, собранное въ Избу, заглушавшее свободный голосъ пословъ, угро-

жавшее смертью тому, кто осмѣлится говорить противъ нея. Эта конституція установлена десятою частью народа мимо девяти частей. Впрочемъ, зачѣмъ требовать присяги: если конституція полезна, то и присяга ей не нужна; народъ, зная свое благополучіе, приметъ ее и станетъ соблюдать, а если она вредна, то гражданинъ, или воинъ присягнетъ только изъ страха или по обману: и то и другое не составляетъ значенія присяги. Ваше величество изволили же присягать при вступленіи на престолъ, что не будете думать о наслѣдственномъ правленіи; если бы вы тогда не присягали въ этомъ смыслѣ, то не получили бы короны. Установленіе наслѣдственнаго и самодержавнаго правленія повлечетъ за собою раздѣлъ Польши. Сосѣднія державы не потерпятъ возникающаго у своихъ границъ государства съ такимъ правленіемъ и какъ только не найдутъ средства отвратить переворота, то приступятъ къ раздѣлу. Наслѣдственность есть гробъ Польши».

Открылось засѣданіе одно изъ бурныхъ. Нѣмцевичъ говорилъ:

«Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій находятся въ Яссахъ въ московскомъ станѣ. Первый — потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству; второй—сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкѣвичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ прибѣжищемъ. Вы къ нимъ посылали курьеровъ, вы говорили съ ними не такъ, какъ съ подчиненными лицами, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула ли ихъ ваша кротость, наияснѣйшіе чины? Нѣтъ, отвѣтъ Ржевускаго наглъ и лживъ. Они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы: это была ихъ свобода, а не наша, свобода вельможъ, а не цѣлаго народа. Имъ жаль безкоролевія, потому что безъ него уже нельзя будетъ, путемъ разоренія страны, достигать почестей и богатствъ; имъ не нравится устроеніе сеймиковъ, потому что нельзя туда вести тысячами чиншовую шляхту, чтобъ не дать ходу добродѣтельнымъ, заслуженнымъ, но слабѣйшимъ гражданамъ; имъ досадно, что нельзя уже окружать надворнымъ войскомъ и пушками трибуны, срывать сеймы, подбирать партіи и установлять законы, возмущать страну иностранными интригами; занявши должности съ огромнымъ жалованьемъ, не исполнять своихъ обязанностей, шататься по странѣ и драться между собою, не слушая ни закона, ни власти. Вотъ какой старопольскій порядокъ они хотятъ возвратить; но мы до этого не допустимъ: кто захочетъ

ниспровергнуть нашу конституцію, тотъ пройдетъ прежде по трупамъ нашимъ; древняя безладица мила надменнымъ людямъ, но всѣмъ стала ненавистна; въ настоящемъ порядкѣ всѣ классы видятъ свое счастье и безопасность... Эти паны смѣютъ ругаться надъ законными дѣйствіями сейма! Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары: преступленіе явно; защищать преступниковъ невозможно. Этого требуетъ правосудіе, ваше достоинство и благо страны. Иначе, поступокъ Потоцкаго и Ржевускаго дастъ смѣлость другимъ; если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ, или маіоръ, на приказаніе военной коммиссіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ въ два листа диссертацію о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончитъ ее заявленіями, что наше правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши, чѣмъ такая конституція и т. п. Тогда порвутся всѣ связи общества, всѣ станутъ повелѣвать и никто не станетъ повиноваться. Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго. Что̀ васъ удерживаетъ? Неужели то, что у преступниковъ есть милліоны. До какихъ же поръ будутъ существовать въ Польшѣ эти привилегированные роды, которымъ все позволено дѣлать безнаказанно. Пора низвергнуть этихъ истукановъ и на ихъ мѣсто поставить божество равенства и свободы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подалъ проектъ закона о лишеніи Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должностей и о назначеніи новыхъ сановниковъ, вмѣсто низложенныхъ.

Примасъ, братъ короля, сознавая справедливость побужденій, руководившихъ Нѣмцевичемъ, доказывалъ, что королю приличнѣе въ этомъ случаѣ дѣйствовать милосердіемъ.

«Я буду защищать ихъ—сказалъ князь Четвертинскій.—Потоцкій и Ржевускій не мятежники и не измѣнники, они только просятъ, чтобы ихъ не принуждали къ присягѣ, которую не могутъ произнести по совѣсти. Оба, какъ служащіе въ войскѣ, ни къ чему не обязаны: войны теперь нѣтъ, притомъ зимнее время — нѣтъ надобности имъ быть при войскѣ. Они сенаторы, но вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ сенаторовъ быть непремѣнно въ сенатѣ. Потоцкій не послушался предписанія войсковой коммиссіи, но вѣдь онъ прежде всего посолъ, а посолъ можетъ не явиться присягать конституціи, которую не признаетъ; право свободнаго мышленія послу обезпечиваетъ законъ. Говорятъ, что онъ сторонникъ Москвы. Что же? Москва не объявляла себя нашимъ непріятелемъ».

Другой противникъ 3-го мая, волынскій посолъ Загурскій говорилъ: «Ржевускій уѣхалъ для поправленія здоровья съ поз-

воленія войсковой коммиссіи. Что̀-жъ тутъ дурного? Онъ писалъ протестацію за-границей: а что же, развѣ министръ или посолъ, выѣхавши за-границу, не имѣетъ права заявлять свое мнѣніе о благѣ отечества? Имъ обоимъ ставятъ въ вину, что они уѣхали въ Яссы. Что же? Потоцкій—для разговора съ покойнымъ княземъ Потемкинымъ о покупкѣ имѣнія, а Ржевускій такъ, съ нимъ—для компаніи».

Ливскій посолъ Кицинскій, сторонникъ проекта Нѣмцевича, представлялъ на видъ неравенство, по отношенію къ простымъ дворянамъ и знатнымъ родамъ. «За что — говорилъ онъ — гетманъ Ржевускій получилъ въ наслѣдственное владѣніе ковельское староство. За то, что пять лѣтъ сидѣлъ въ неволѣ? А развѣ тысячи поляковъ не были въ неволѣ? Сто другихъ погніютъ въ кандалахъ, а имъ не дадутъ ковельскато староства. А за то, пусть шляхтичъ сдѣлаетъ преступленіе: съ него голову снимутъ, или въ тюрьмѣ пропадетъ; имѣніе у него все конфискуютъ; а пану будетъ ли тоже что̀ шляхтичу? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Церемонились ли бы вы такъ съ генераломъ Костюшкою, или съ Орловскимъ, если бы эти добродѣтельные и достойные люди оказали непослушаніе начальству? Можетъ ли убогій шляхтичъ ожидать правосудія въ судѣ съ нашими магнатами, когда верховная власть, за нанесенное ей оскорбленіе, не въ силахъ имъ ничего сдѣлать?»

Казимиръ-Несторъ Сапѣга, самъ важный панъ, не смѣлъ рѣзко ополчаться противъ могучихъ пановъ; онъ говорилъ длинную рѣчь, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ и, по обыкновенію, не сказалъ ничего положительнаго и яснаго, а распространялся только надъ тѣмъ, что Бёркъ хвалилъ польскую конституцію, особенно за то, что при ея обнародованіи не было ни грабежей, ни конфискацій, ни арестовъ.

Говорилъ рѣчи король, склоняя сеймъ выбрать не слишкомъ строгій путь.

Краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ—назначить еще мѣсяцъ сроку эмигрантамъ для возвращенія въ отечество.

При явномъ собираніи голосовъ, за проектомъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектомъ Солтыка 59; при секретной же подачѣ оказалось за Нѣмцевичемъ 51, за Солтыкомъ 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенсный Потоцкій и Ржевускій объявлены лишенными своихъ должностей.

Послѣ этого засѣданія сеймъ закрылся до 15 марта. Отдыхъ былъ необходимъ, потому что послы до того утомились, что въ иное засѣданіе приходило не болѣе 60 человѣкъ.

Гетманъ Браницкій долго притворялся ревностнымъ сторонникомъ 3-го мая, тайно толкуя съ Булгаковымъ о способахъ ниспро-

вергнуть конституцію. Когда, по его соображеніямъ, дѣло значительно созрѣло, онъ сталъ проситься въ Россію. Смерть Потемкина послужила ему предлогомъ: онъ говорилъ, что ему нужно получить тамъ наслѣдство. Его не пускали; но Булгаковъ представлялъ примасу и Хребтовичу, что императрица будетъ считать это для себя оскорбленіемъ, а у ней 200,000 готоваго войска. Браницкій, во время преній о Потоцкомъ и Ржевускомъ, порицалъ ихъ, величалъ конституцію и съ жаромъ говорилъ о своей преданности отечеству. По закрытіи сейма онъ, при покровительствѣ Булгакова, былъ отпущенъ въ Петербургъ на три мѣсяца. Письмо къ королю объ отпускѣ достойно замѣчанія; оно вѣрно обрисовываетъ личность писавшаго:

«Милостивый король! Между рѣдкими качествами, которыми надѣлило васъ Провидѣніе, столько, сколько человѣкъ вмѣстить можетъ, первое мѣсто занимаетъ сердечная доброта и великодушіе. Желая видѣть страну счастливою, вашему величеству конечно пріятно даровать счастіе и каждому обывателю. Недозволеніе ѣхать въ Россію я могу только приписать недовѣрію и, будучи невиненъ, не могу себѣ этого объяснить. Ваше величество имѣли много доказательствъ моей вѣрности въ продолженіи моей жизни, а по отношенію къ конституціи—самое бо́льшее доказательство есть то, что я присяжный министръ въ Стражѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что мое путешествіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пользы моихъ дѣтей и я возвращусь въ отечество съ незапятнанной вѣрностью».

Съ него взяли подписку въ вѣрности конституціи 3-го мая. Въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ губить эту конституцію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою, по польскимъ дѣламъ [1]).

Прошло восемь мѣсяцевъ со времени провозглашенія новой конституціи. Дипломатическій горизонтъ для Польши принималъ все болѣе и болѣе неблагопріятный видъ. Поляки долго не хотѣли объясняться съ русскимъ посланникомъ о конституціи; Игнатій Потоцкій находилъ, что не надобно самимъ полякамъ начинать съ нимъ никакихъ разговоровъ объ ней; русскій посланникъ также молчалъ. Поляки никакъ не могли отгадать, что̀ думаетъ Россія, и тѣмъ страшнѣе она казалась для мнитель-

[1]) См. источники №№ 37, 38, 35, 8, 18, 81, 103.

ныхъ. Правда, молчаніе Россіи толкуемо было многими въ хорошую сторону; князь Адамъ Чарторыскій утѣшалъ своихъ пріятелей, увѣряя ихъ, что если въ Польшѣ состоится реконфедерація, то Россія не станетъ ей помогать. Но какъ только начинали вдумываться поляки въ прежнія свои отношенія къ Россіи, то видѣли въ этомъ молчаніи болѣе зловѣщаго, чѣмъ успокоительнаго. Напрасно употребляли они разныя попытки заставить Булгакова какъ-нибудь высказаться. Наконецъ разнесся слухъ, что миръ съ Турціей готовъ заключиться; не отвлекаемая Турціею, Россія становилась страшнѣе, они рѣшились заговорить съ Булгаковымъ сами. Замѣчательно, когда Хребтовичъ читалъ извѣщеніе, приготовленное для подачи Булгакову, противъ этого стали вооружаться враги конституціи, склонявшіеся къ Россіи, Скорковскій, Загурскій, Шимановскій, Четвертинскій. «Вотъ—говорили они—прежде все жаловались на вліяніе чужихъ *потенцій*, а теперь сами ихъ запрашиваемъ; посылаемъ имъ свои уставы для просмотра». Ихъ тайная цѣль при этомъ была вести дѣло такъ, чтобы какъ можно болѣе раздражить Россію, навлечь на Польшу русское вмѣшательство и вооружить императрицу, въ надеждѣ, что съ ея помощью можно будетъ ниспровергнуть ненавистную конституцію.

14 января 1792 года, Хребтовичъ прислалъ русскому послу извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ 3-го мая, съ извиненіями о поздней доставкѣ. Русскій посолъ оффиціально сказалъ, что не имѣетъ порученія отвѣчать теперь на поданную ноту, а сообщитъ ее на высочайшее усмотрѣніе. Но когда Хребтовичъ сошелся съ Булгаковымъ, послѣдній, какъ его пріятель, и притомъ считавшій его расположеннымъ къ Россіи, сказалъ ему: «государыня всегда желала добра республикѣ, но поведеніе поляковъ не показывало благодарности за благодѣянія ея величества; напротивъ, поляки старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ, нарушили трактаты, и самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3 мая доказываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ: если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основательныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ.»

«Это—отвѣчалъ Хребтовичъ—все отъ разстройства распаленныхъ головъ и невозможности сообразить разнообразные способы. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее».

Въ знакъ довѣренности Хребтовичъ открылъ Булгакову, что сообщеніе о конституціи въ Берлинъ послано въ самый день утвержденія ея, а въ Вѣну позже нѣсколькими мѣсяцами.

Булгаковъ спросилъ его, какъ приняли въ Вѣнѣ?—«Дружелюбно,—отвѣчалъ Хребтовичъ,—но формальный отвѣтъ тянутъ, Кауницъ говоритъ, что Австрія, прежде отвѣта, снесется съ Россіею».

Люккезини, такъ долго поддерживавшій жаръ поляковъ къ перемѣнамъ, и возбуждавшій непріязнь къ Россіи, въ концѣ 1791 года сталъ измѣняться, его комплименты польскимъ добродѣтелямъ истощались и если онъ и не проговаривался еще въ въ духѣ противномъ прежнему, то говорилъ двусмысленно и неясно. По прибытіи его въ Варшаву въ концѣ ноября, король разговаривалъ съ нимъ и отзывался съ похвалами о конституціи, вызывая его сказать, какъ на нее смотритъ прусскій король. «Мой государь—сказалъ Люккезини—ничѣмъ не можетъ доказать своего благорасположенія и искренняго дружелюбія къ польской республикѣ, какъ принявъ живѣйшее участіе во всемъ, что̀ касается счастія и благоденствія этой страны; а такъ какъ ваше величество и наияснѣйшіе чины находите, что это средство ведетъ къ такой цѣли, то слѣдовательно и мой дворъ не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ съ надеждою, что успѣхъ будетъ соотвѣтствовать желаніямъ вашего величества и наияснѣйшихъ чиновъ». Но когда потомъ король сталъ жаловаться на саксонскаго князя-избирателя за то, что онъ медлитъ и не даетъ рѣшительнаго согласія на принятіе наслѣдства, Люккезини сказалъ: «препятствія заключаются въ томъ, что русская императрица еще не объяснилась на счетъ этого предмета. Ея молчаніе наводитъ сомнѣніе относительно ея намѣреній; въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить поведенія князя-избирателя, что онъ не поторопится своимъ рѣшеніемъ; это показываетъ, что ему близки къ сердцу интересы польской націи». Прежде Люккезини показывалъ надежды на возрожденіе Польши, теперь, когда его спрашивали, ожидаетъ ли онъ счастливыхъ послѣдствій отъ совершеннаго уже дѣла, онъ отвѣчалъ: «очень мало; единственное счастье, какого должна ожидать для себя Польша, все того же, что и прежде съ нею было, она будетъ слабѣть все болѣе и болѣе и находиться въ зависимости у другихъ. Въ характерѣ поляковъ нѣтъ крѣпости; они никогда не могутъ создать твердаго правительства и многочисленнаго войска». Ему напоминали о прусскомъ союзѣ, о помощи, которую онъ такъ долго обѣщалъ именемъ прусскаго короля. Люккезини на это говорилъ: «не должно надѣяться на союзы, которые могутъ скоро измѣняться. Нельзя поддерживать

обязательства въ то время, когда они окажутся въ ущербъ себѣ». Въ разговорѣ съ Эссеномъ прусскій дипломатъ говорилъ: «король мой хранитъ свои обѣщанія, а наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, по конституціи 3-го мая, не допуститъ». Но полякамъ онъ подобнаго не говорилъ. «Не слѣдуетъ—писалъ онъ къ своему министру—отталкивать отъ себя недовольныхъ въ Польшѣ, чтобъ они не бросились въ объятія Россіи». Въ Берлинѣ одобрили это замѣчаніе и сообщили ему, что не слѣдуетъ дѣйствовать ни за, ни противъ, а вести себя пассивно въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, произведенный революціею 3-го мая, самъ собою разрушится. До поры до времени прусскій дипломатъ старался болѣе всего о томъ, чтобы поддерживать въ полякахъ враждебное настроеніе къ Россіи. Поэтому, когда поляки рѣшились сообщить о конституціи русскому посланнику, Люккезини укорялъ ихъ за это и говорилъ: «прежде этого не дѣлали, а теперь дѣлаете: значитъ просите прощенія у Россіи. Но напрасно. Вы этимъ дѣла не поправите. Россія не перестанетъ гнѣваться на Польшу, потерявъ на нее вліяніе; ваше новое законодательство нанесло ей слишкомъ чувствительные удары: она ихъ скоро не забудетъ. Я убѣжденъ, что Россія не отвѣтитъ вамъ на ваше сообщеніе, а будетъ молчать до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи дѣйствовать и отвѣтитъ вамъ фактами». При случаѣ онъ продолжалъ полякамъ представлять, какъ имъ хорошо быть въ дружбѣ съ Пруссіей и вооружалъ ихъ противъ Россіи. «Польшѣ нечего бояться Россіи,—говорилъ онъ—вѣдь Россія теперь разорена и истощена. Ея молчаніе о польскихъ дѣлахъ есть слѣдствіе ея обыкновенной политики; она не посмѣетъ выступить съ тономъ власти противъ такой страны, которая употребила всѣ усилія, чтобъ возвратить себѣ независимость и избавиться отъ чужеземнаго вліянія. Пруссія и Польша по ихъ положенію самыя богатыя державы и не обременены долгами; нужно соединить ихъ тѣснымъ союзомъ.» —Да вѣдь союзъ есть!—замѣчали ему. «Да,—отвѣчалъ онъ—но нуженъ другой, болѣе неразрывный. Первый не можетъ служить основою. Россія держава разстроенная. Что она сдѣлаетъ? Въ Австріи финансы плохи, Англія вся въ долгу. Чего бы мы не могли предпринять, еслибы поляки понимали свое положеніе?» Но въ другой разъ онъ говорилъ: «дѣла польскія запутываются болѣе и болѣе; республика не преодолѣетъ всѣхъ трудностей; смятенія въ странѣ приведутъ къ междоусобной войнѣ, какъ всегда бывало въ Польшѣ. Тогда сосѣднія державы пошлютъ свои войска подъ предлогомъ утишить смуты и возстановить спокойствіе. Пруссія покажетъ свою готовность служить на пользу Польши болѣе другихъ державъ и пообѣщаетъ ей охра-

нить ея цѣлость и независимость и противодѣйствовать поступкамъ Россіи. Надобно надѣяться, что тогда поляки, чтобы не подпасть въ зависимость отъ Россіи, примкнутъ къ прусскому королю и не откажутъ отдать ему Гданскъ, зная, что иначе они будутъ оставлены на произволъ обстоятельствъ безъ всякой подпоры и пособія. Впрочемъ, если поляки не захотятъ отдать Гданска добровольно, то Пруссія возьметъ его безъ ихъ воли въ согласіи съ Россіею и предоставитъ ей за то возобновить прежнее вліяніе на Польшу, да еще кромѣ того и отомститъ ей за свой ущербъ». Трудно было поймать его на словахъ; онъ, по выраженію русскаго посла, въ одной комнатѣ пятерымъ говорилъ разное, а когда кто-нибудь поставлялъ ему на видъ его разнорѣчіе, онъ замѣчалъ тому, съ кѣмъ говорилъ, съ притворною довѣрчивостью: «нужно говорить каждому сообразно, но вамъ одному я говорю откровенно правду». Это поведеніе прусскаго посла соображалось съ колебаніями его двора: въ прусской политикѣ сдѣлалась перемѣна; виною была Англія.

Прусскій король долго надѣялся на союзъ съ Англіей противъ Россіи, думалъ воспользоваться трудностями войны, которую вела Россія съ Турціею; онъ самъ писалъ письмо къ турецкому императору Селиму III, возбуждалъ его къ упорству въ войнѣ и манилъ надеждою помощи отъ Европы. Прусскій король ожидалъ, что Англія пошлетъ въ Черное и Балтійское моря флотъ противъ Россіи, а онъ самъ тѣмъ временемъ, въ союзѣ съ Польшею, будетъ дѣйствовать противъ Россіи съ другой стороны. Унизивши Россію, онъ думалъ тогда самъ держать Польшу въ рукахъ. Таковы были планы Пруссіи. Они не удавались. Поляки не уступали добровольно Гданска и Торуня. Были со стороны Пруссіи попытки привлечь въ союзъ противъ Россіи Австрію, но и онѣ оказались неудачными. Еще въ началѣ 1791 г., посланникъ прусскій Бишофсвердеръ сообщилъ Кауницу задушевныя желанія Фридриха-Вильгельма, враждебныя Россіи, а Кауницъ сообщилъ объ этомъ Россіи. Соперничество Австріи съ Пруссіей со времени Семилѣтней войны было черезчуръ сильно, чтобы Австрія сошлась искрепно и дружески съ Пруссіей и дозволила ей дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія. Кобенцель, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, сообщалъ русскому кабинету, что Австрія отнюдь не желаетъ себѣ пріобрѣтеній на счётъ Турціи, и позволяетъ ихъ дѣлать Россіи, лишь бы Пруссія ничего не выиграла на счётъ Польши. Мало успѣха имѣли и старанія Англіи, союзницы прусской, у Австріи. Императоръ Леопольдъ провелъ англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, Эварта, такимъ образомъ: на ходатайство его удалить отъ дѣлъ лицъ, враждебныхъ Пруссіи, им-

ператоръ сказалъ, что онъ готовъ отстранить отъ министерскихъ занятій давняго врага Пруссіи, Кауница, если прусскій король удалитъ отъ занятій врага Австріи, Герцберга. По сообщеніи этого секретнаго заявленія, прусскій король поспѣшилъ удалить Герцберга, котораго давно уже не любилъ, и повѣрилъ иностранныя дѣла графу Шуленбергъ-Кеперту, но императоръ, получивъ объ этой перемѣнѣ извѣстіе, оставилъ Кауница на прежнемъ мѣстѣ. Чувствительный ударъ для прусской политики наступилъ вслѣдъ затѣмъ; въ Англіи сила Питта уступила силѣ его противника Фокса; министерство стало дѣйствовать вопреки прежней воинственности; общественное мнѣніе въ Англіи было не за войну съ Россіею, напротивъ, англичане боялись за свои торговые интересы, которые должны были пострадать въ этой войнѣ. Англія объявила, что она не намѣрена дѣйствовать непріязненно противъ Россіи и мѣшать заключенію мира съ Турціею, и вслѣдъ затѣмъ написаны были предварительныя статьи мира, впослѣдствіи, въ январѣ 1792 года, заключеннаго въ Яссахъ; въ этихъ статьяхъ предоставлялось Россіи удержать свои пріобрѣтенія по Кучукъ-Кайнарджійскому миру.

Лишившись надежды на Англію, Пруссія хотѣла добыть себѣ выгоды инымъ путемъ, — путемъ сближенія съ императорскими дворами. Лѣтомъ 1791 года посланъ былъ отъ прусскаго короля къ императору Бишофсвердеръ, любимецъ Фридриха-Вильгельма. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и толковъ, этотъ уполномоченный, 25-го іюля, въ Вѣнѣ заключилъ конвенцію о предварительныхъ условіяхъ, которыя должны были служить путеводительною нитью для будущаго союзнаго трактата Пруссіи съ Австріею. Первымъ условіемъ этого трактата было привлечь Россію къ союзу, послѣ того, какъ у ней состоится миръ съ Турціею. Затѣмъ обѣ стороны взаимно ручались за неприкосновенность своихъ предѣловъ, обѣщались не заключать одна безъ другой союзовъ, совмѣстно пригласить европейскихъ государей къ помощи въ дѣлахъ Франціи. Относительно Польши Пруссія передъ Австріею должна была скрывать свои давніе виды и показывать, какъ будто вовсе оставила ихъ. Когда Леопольдъ услышалъ въ первый разъ о конституціи 3 мая, то считалъ ее плодомъ прусской интриги, устроенной для овладѣнія со временемъ польскою территоріею. Надобно было Пруссіи разсѣять эти подозрѣнія. Положили пригласить къ участію Россію и постановить, что отселѣ никто уже не будетъ посягать на цѣлость границъ и твердость установленнаго свободнаго правленія въ Польшѣ, никто не станетъ стараться посадить на польскій престолъ кого-нибудь изъ лицъ своего дома, ни посредствомъ супружества съ инфантою, ни посредствомъ

вліянія въ случаѣ новаго выбора короля въ Польшѣ, отнюдь не побуждая республику склоняться въ пользу того или другого кандидата по своему желанію. Статья, касавшаяся Польши, была однако выражена такъ, что впослѣдствіи можно было давать ей различныя толкованія. Такимъ образомъ не сказано было въ точности о конституціи 3-го мая, а говорилось вообще о свободной конституціи; поэтому, если на основаніи договора и можно было заключить, что входившія въ договоръ державы одобрятъ польскую конституцію, то, при другихъ обстоятельствахъ, оставалась возможность объяснить силу договора такъ, что Австрія и Пруссія, гарантируя свободное правленіе Польши вообще, не имѣли въ виду исключительно конституціи 3-го мая. Притомъ же всякое ограниченіе дѣйствій со стороны союзныхъ державъ, противное свободному теченію дѣлъ въ Польшѣ, касалось только каждой державы въ ея отдѣльной дѣятельности безъ согласія съ другими, но эта конвенція не ограничивала и не стѣсняла ихъ, если бы они всѣ вмѣстѣ согласились устроить судьбу Польши иначе[1]). Прусскіе министры, Шуленбергъ и Альвенслебенъ, были противъ договора заключеннаго Бишофсвердеромъ; они надѣялись еще, что настроеніе въ Англіи измѣнится, но король находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи необходимо держаться союза съ Австріей. Къ сближенію давно соперничествующихъ державъ побуждало намѣреніе возстановить во Франціи прежній порядокъ и спокойствіе. Французская революція слишкомъ тревожила европейскіе кабинеты, они всѣ видѣли во Франціи страшный пожаръ, который оттуда разливаясь грозилъ всѣмъ державамъ, и всѣ должны были соединиться и оставить на время свои недоразумѣнія въ виду общаго для всѣхъ врага; но какъ только начинали разсуждать, что̀ будетъ тогда, если пожаръ этотъ будетъ потушенъ, — тотчасъ возникали недоразумѣнія и каждый заявлялъ естественное желаніе получить свою долю въ вознагражденіе за труды и издержки. Для Пруссіи, по ея географическому положенію, ближайшее средство вознагражденія видѣлось въ Польшѣ. Вопросъ о вмѣшательствѣ во французскія дѣла

[1]) Les intérêts et la tranquillité des puissances voisines de la Pologne rendant infiniment désirable qu'il s'établisse entre elles un concert propre à éloigner toute jalousie ou appréhension de prépondérance, les cours de Vienne et de Berlin conviendront et inviteront la cour de Russie de convenir avec elles, qu'elles n'entreprendront rien pour altérer l'intégrité et le maintien de la libre constitution de la Pologne, qu'elles ne chercheront jamais à placer un prince de leurs maisons sur le trône de la Pologne, ni par un mariage avec la princesse infante, ni dans le cas d'une nouvelle élection et n'emploieront point leur influence pour déterminer le choix de la republique dans l'un ou l'autre cas en faveur d'un autre prince hors d'un concert mutuel entre elles.

подвигался туго. Въ августѣ, по ходатайству герцога д'Артуа, хлопотавшаго у всѣхъ дворовъ о помощи противъ своего отечества, составилось свиданіе прусскаго короля съ австрійскимъ императоромъ въ Пильницѣ, на саксонской землѣ. Туда приглашенъ былъ и князь-избиратель. Свиданіе это не имѣло ближайшихъ видимыхъ результатовъ. Государи не поддавались на высокомѣрныя требованія д'Артуа, который хотѣлъ быть регентомъ Франціи, главнымъ руководителемъ дѣла, требовалъ немедленно помощи и не соглашался ни на какія уступки французамъ, не допуская ничего другого, кромѣ безусловнаго возвращенія Франціи подъ прежнюю абсолютную власть Бурбоновъ. Леопольдъ былъ мало расположенъ стоять за такое направленіе. Кауницъ, его министръ, также находилъ, что прежнее состояніе Франціи, о которомъ вздыхали эмигранты, уже невозвратимо, и возстановленіе порядка въ этой странѣ можетъ быть достигнуто только соглашеніемъ короля съ націею и значительными уступками духу времени. Леопольдъ, по внушенію своего министра и по собственному побужденію, въ сношеніяхъ съ Пруссіей рѣшительно объявилъ, что не считаетъ умѣстнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и ниспровергать тамошнюю конституцію; онъ только тогда принужденъ будетъ приступить къ такимъ дѣйствіямъ, когда французскому королю и его фамиліи будетъ угрожать опасность. Вообще, принцы-эмигранты мало располагали къ себѣ; только Екатерина черезъ Голицына заявляла, что считаетъ истинными представителями французской націи эмигрантовъ, убѣжавшихъ изъ отечества.

Но французской королевской фамиліи болѣе и болѣе начала угрожать опасность. Во французскомъ законодательномъ собраніи образовалась республиканская партія (Жиронда), недовольная конституціоннымъ монархическимъ правленіемъ, желавшая ввести во Франціи республику и съ этой цѣлью хотѣвшая также запутать Францію въ войну, какъ этого хотѣли въ своихъ видахъ ихъ крайніе противники, эмигранты. Марія-Антуанета въ письмѣ къ брату отъ 16-го декабря 1791 г. представляла, что король лишенъ свободы и умоляла императора не навлекать на себя стыда и упрека всего міра, не оставлять въ крайнемъ униженіи и несчастіи сестру, зятя и племянника. Эти обстоятельства ускорили, наконецъ, дѣло союза, давно уже начатое между Пруссіею и Австріею. Леопольдъ черезъ графа Рейса предложилъ прусскому кабинету проектъ, который и былъ принятъ Пруссіею 7-го февраля 1792 года въ смыслѣ конвенціи, заключенной Бишофсвердеромъ 25-го іюля 1791 года. Обѣ стороны обѣщались поддерживать монархическое правленіе во Франціи, возвратить французскому

королю и его фамиліи безопасность, полную свободу и все сообразное съ ихъ достоинствомъ и честію. Подобно прошлогодней конвенціи, и этотъ договоръ гарантировалъ Польшѣ ея самостоятельность въ существовавшихъ границахъ. Но по этому поводу сдѣлана была, по требованію прусскаго министерства, существенная отмѣна противъ конвенціи Бишофсвердера. Вмѣсто обязательства поддерживать свободную конституцію Польши, союзники принимали на себя охраненіе и независимости Польши. Вмѣсто словъ въ конвенціи Бишофсвердера «maintien de la libre constitution da la Pologne» въ договорѣ 7-го февраля по требованію Пруссіи написано maintien de la liberté et de l'indépendance de la Pologne, *comme indiquant avec plus de clarté, qu'il ne s'agit pas encore de la constitution présente individuellement*».

Этотъ союзъ однако могъ еще не имѣть важнаго значенія въ ближайшихъ событіяхъ, пока императоръ Леопольдъ продолжалъ питать отвращеніе отъ военныхъ предпріятій вообще.

Но императоръ Леопольдъ умеръ въ мартѣ 1792 года, а сынъ и преемникъ его, Францъ II былъ совсѣмъ съ другими наклонностями; онъ былъ расположенъ къ воинственности, столько же обращалъ вниманія на военное званіе, сколько отецъ не любилъ его, и еще будучи принцемъ, выказывалъ особенное расположеніе къ Россіи, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ княземъ Голицынымъ. Рѣшимость Австріи и Пруссіи вести войну противъ Франціи въ духѣ охранительныхъ началъ, сближала ихъ съ Россіею, и вотъ это-то было роковымъ событіемъ для Польши.

Выжидательная и осторожная политика Леопольда II дѣйствительно, при легкомъ взглядѣ на вещи, подавала поводъ заключать, что Австрія благопріятствуетъ польскимъ перемѣнамъ. Въ октябрѣ 1791 г., Кауницъ приказалъ посланнику Кобенцелю сообщить русскому двору ноту, въ которой приглашали Россію признать конституцію 3-го мая и доказывали, что это для Россіи будетъ выгодно. Но въ австрійскомъ предположеніи не было искренности, и Екатерина поняла такой образъ дѣйствія, выразившись о немъ, «что это значитъ плясать по итальянскому маккіавелизму». Австрію безпокоило молчаніе Россіи на счетъ Польши; Австрія хотѣла вывѣдать мысли и намѣренія Екатерины и потому нарочно предлагала то, о чемъ навѣрно знала, что Россія не согласится, но дѣлала это въ надеждѣ, что Россія, заявивъ свое несогласіе, до нѣкоторой степени выскажется. Что это было именно только съ такою цѣлью, показываетъ странное противорѣчіе въ той самой австрійской нотѣ, которою, повидимому, хотѣли смягчить Россію въ пользу событія 3-го мая. Въ

одномъ пунктѣ указываютъ, что безпорядки въ Польшѣ, выборы королей, неустройства въ управленіи и на сеймѣ, приносятъ пользу Пруссіи, и для Россіи лучше будетъ, если въ Польшѣ водворится порядокъ, который наступитъ съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Въ другомъ же пунктѣ склоняли Россію надеждою, что установленіе наслѣдственнаго правленія внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи, подорветъ внутреннее управленіе. Такъ какъ это было до заключенія мира съ Турціею, то Екатерину не заставили высказаться. Между тѣмъ, хлопотавшая передъ Россіею съ такими странными доводами за конституцію 3-го мая, Австрія совсѣмъ иначе отнеслась о томъ же предметѣ въ сношеніяхъ съ самою Польшею. Посланникъ Рѣчи-Посполитой Вȯйна (2 дек.) просилъ австрійскій кабинетъ ходатайствовать у русскаго двора о признаніи конституціи 3-го мая. Ему отказали на отрѣзъ. Кауницъ замѣчалъ, между прочимъ: «поляки не спрашивались у вѣнскаго двора, когда устроивали свою конституцію; пусть же и кончаютъ свои дѣла безъ насъ». Обращеніе австрійскихъ государственныхъ людей съ Вȯйною отзывалось подъчасъ зловѣщею двусмысленностью. Ему то отвѣчали на вопросъ неясно обиняками, то вовсе на нихъ не отвѣчали. Графъ Манфредини сдѣлалъ объ немъ такого рода замѣчаніе: «этотъ господинъ желаетъ много знать, а забываетъ, что можно узнать такое, чего и не пожелаешь узнать. Непріятно ему молчаніе нашего двора, а отвѣтъ можетъ быть еще непріятнѣе». Дипломаты со стороны видѣли, къ чему Австрія должна будетъ придти. Саксонскій министръ Шенфельдъ въ ноябрѣ (1791 г.) замѣчалъ, что императоръ Леопольдъ, хотя видимо и благопріятствуетъ польскому перевороту 3-го мая, но разсчетъ скоро возьметъ верхъ; Австрія склонится къ той политикѣ, какой держится Россія, потому что не захочетъ, чтобы Россія одна наложила цѣпи на польскую конституцію, безъ соучастія Австріи. Когда въ Берлинѣ заключили договоръ и Австрія требовала, чтобъ цѣлость Польши была однимъ изъ условій этого договора, англійскій министръ въ Берлинѣ, Эденъ, понималъ, что это дѣлается какъ бы для приличія; обѣ державы дружелюбно относятся къ Польшѣ, а сами ожидаютъ только намека со стороны Россіи, чтобъ измѣнить свои взгляды. Молчаніе Россіи не дозволяло ни Австріи, ни Пруссіи на чтȯ-нибудь рѣшиться по отношенію къ Польшѣ.

Екатерина разсчитывала, что Россіи слѣдуетъ молчать о Польшѣ до тѣхъ поръ, пока неизбѣжный ходъ обстоятельствъ не приведетъ къ необходимости Пруссію и Австрію заговорить объ ней съ Россіею. За то Екатерина очень громко говорила

на счетъ Франціи. Русская государыня, казалось, сердечнѣе всѣхъ заботилась о судьбѣ эмигрантовъ; ея министры въ Берлинѣ и Вѣнѣ постоянно побуждали къ союзу во имя возстановленія прежняго порядка вещей во Франціи; никто менѣе Екатерины не расположенъ былъ къ уступкамъ, которыя надавалъ покойный Леопольдъ, никто болѣе ея не охуждалъ вообще малѣйшихъ вынужденныхъ уступокъ народамъ со стороны властей. Въ октябрѣ она собственноручно писала къ прусскому королю, убѣждая его торопиться спасеніемъ французскаго короля. Шведскому королю Густаву III она изъявляла готовность взять на себя субсидіи для вооруженія 12,000 человѣкъ на высадку во Францію. Первое нападеніе предоставлялось королю шведскому, во вниманіе къ отдаленности его: тутъ избѣгалось всякое подозрѣніе въ завоевательныхъ замыслахъ; побужденія со стороны Густава III могли казаться безкорыстнѣе, тогда какъ нападенія Испаніи, Австріи и Германіи повлекли бы за собою подозрѣнія, что эти государства подъ благовиднымъ предлогомъ хотятъ захватить у Франціи часть ея территоріи. Въ Испаніи дѣйствовалъ русскій посланникъ Зиновьевъ. Съ этимъ государствомъ легче всего было сойтись; династическая связь испанскихъ бурбоновъ съ французскими располагала политику мадридскаго кабинета подчиниться русскому взгляду на французскія дѣла: не допускать никакихъ уступокъ либеральной партіи во Франціи, требовать непремѣнно возстановленія королевской власти въ первобытномъ видѣ, считать истинными представителями Франціи только однихъ эмигрантовъ. У Екатерины это однако не было плодомъ дѣйствительной боязни революціоннаго духа или какого-нибудь особеннаго расположенія къ старой Франціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя постоянно, какъ говорится, клала бревна подъ ноги Россіи въ ея предпріятіяхъ. «Я, —говорила императрица, — боюсь императора и короля прусскаго гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами». Въ откровенныхъ разговорахъ съ Храповицкимъ Екатерина насчётъ этого объяснялась такъ:—«Я ломаю себѣ голову, какъ бы завлечь во французскія дѣла берлинскій и вѣнскій кабинеты. Есть много причинъ, которыхъ нельзя высказать. Я желаю, чтобы имѣть свободными руки; много предпріятій не окончено мною; надобно ихъ занять, чтобъ они мнѣ не мѣшали». Понятно намъ, какія были это предпріятія. Первое — было подчиненіе Польши, второе — паденіе Турціи. Первое надлежало совершить, потому что безъ перваго невозможно было второе, какъ уже показалъ опытъ. Пруссія проникала въ настоящій смыслъ возбужденій, которыя дѣлала Россія повидимому такъ безкорыстно, такъ рыцарски въ пользу французскаго двора.

«У императрицы Екатерины,—писалъ король прусскій 6-го октября 1791 года своему министру въ Петербургѣ, —есть желаніе насъ съ Австріей запутать въ войну съ Франціею, а сама она тѣмъ временемъ безпрепятственно вмѣшается въ польскія дѣла. Въ 1791 году, при вѣнскомъ дворѣ также были того убѣжденія, что императрица имѣетъ виды на Польшу.

Непосредственно по заключеніи мира съ Турціею, въ началѣ 1792 года, тайна Россіи въ отношеніи къ Польшѣ начала яснѣе раскрываться для сосѣдей. Европейскіе дипломаты хотя и увѣрены были, что у Россіи есть закоренѣлое желаніе овладѣть Польшею, но обманывались въ своихъ выводахъ и предположеніяхъ на счётъ ближайшихъ видовъ Екатерины на эту страну. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ Уисвортсъ, отъ 31-го января 1792 года, писалъ: «я думалъ, императрица не рѣшится на какія-нибудь насильственныя смѣлыя предпріятія, для поддержанія своего вліянія въ Польшѣ; я считалъ ее нерасположенною запутывать дѣла въ этой странѣ, и вызывать ее на войну противъ Россіи послѣ того, какъ Россія такъ недавно едва могла безъ важныхъ выгодъ избавиться отъ войны, стоившей ей ужасающихъ суммъ и много человѣческихъ душъ. Но сознаюсь, я ошибался, какъ вообще ошибаются всѣ тѣ, которые полагаются на умѣренность этой государыни. Я освѣдомился изъ вѣрныхъ источниковъ, что русскій дворъ намѣренъ съ будущею весною въ области польской республики двинуть стотысячное войско, которое выйдетъ изъ Молдавіи. Хотятъ напасть на Польшу внезапно, не допустивши воспрепятствовать этому въ пору, а если сосѣднія державы вмѣшаются, что̀ вѣроятно будетъ, то на этотъ случай составленъ уже планъ раздѣла, по которому всѣ три получатъ свои выгоды». 3-го февраля 1792 года, прусскій министръ въ Петербургѣ Гольцъ донесъ своему правительству, что у него въ рукахъ было собственноручное письмо императрицы къ Зубову, гдѣ говорилось, что какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180,000 арміи подъ начальствомъ Рѣпнина въ польскую Украину; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши. Какимъ образомъ попалось это письмо въ руки прусскому министру, неизвѣстно; вѣроятно сама императрица распорядилась такъ, чтобы Гольцъ видѣлъ его; быть можетъ, она находила, что уже пришло время сдѣлать свои планы извѣстными Пруссіи. Черезъ нѣсколько времени Россія сдѣлала приглашеніе берлинскому и вѣнскому дворамъ приступить къ соглашенію на счетъ мѣръ, какія должны принять эти дворы въ предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ въ Польшѣ и къ уста-

новленію степени той цѣлости, какую слѣдуетъ признать за Польшею, причемъ дѣлалось замѣчаніе, что допустить Польшу навсегда соединиться съ Саксоніей было бы не безопасно для трехъ державъ. Это заявленіе сообщено графомъ Остерманомъ прусскому посланнику 28-го февраля. Государыня приказала сообщить прусскому послу изустное внушеніе (insinuation verbale) относительно опасности, какую представляли польскія перемѣны собственно для Пруссіи; Саксонія черезъ соединеніе съ Польшею сдѣлается могущественною и вліятельною державою; Пруссія не должна бы допускать этого ради своего положенія въ Германіи. Это обстоятельство достаточно было важно, чтобы повести къ соглашенію между Пруссіею и Россіею и побудить согласиться на мѣры, вызываемыя ихъ взаимными интересами. Именно, какъ бы въ предупрежденіе предложенія пристать къ союзу, которое должны были сдѣлать Россіи, императрица напередъ хотѣла дать знать сосѣдямъ, на какихъ условіяхъ можно надѣяться пригласить ее къ участію въ ихъ союзѣ; такъ какъ договоръ 7-го февраля гарантировалъ цѣлость Польши и независимость ея, то императрица заранѣе указывала, что это условіе для нея непримѣнимо и она, напротивъ, имѣетъ намѣреніе измѣнить границы и судьбу Польши. Ничего не могло быть любезнѣе для прусскаго короля такого предложенія: онъ готовился къ нему и ожидалъ его давно.

Затѣмъ послѣдовало отъ Россіи заявленіе на счетъ Польши и къ Австріи. Екатерина извѣщала, что она твердо рѣшилась поддерживать свою гарантію прежняго правленія, установленнаго въ 1775 году и намѣрена ниспровергнуть конституцію 3-го мая.

Заявленіе это пришло какъ нельзя впору къ своему назначенію. По заключеніи договора между Пруссіею и Австріею, Бишофсвердеръ отправился въ Вѣну условиться на счетъ ближайшихъ взаимныхъ дѣйствій, основанныхъ на договорѣ 7-го февраля. Польское дѣло затрудняло ихъ. Шпильманъ, австрійскій министръ, объявилъ, что Австрія точно такъ, какъ и Пруссія полагаетъ, что не слѣдуетъ допускать у себя подъ бокомъ усиленія польскаго королевства, и надобно какъ-нибудь дѣйствовать противъ этого, а иначе императрица шагнетъ дальше, и все перевернетъ вверхъ дномъ (que l'impératrice ne veuille casser les vitres). Тогда по прежней австрійской методѣ давать предложенія, съ желаніемъ получить отвѣтъ въ смыслѣ противномъ этимъ предложеніямъ, Шпильманъ составилъ проектъ и показалъ Бишофсвердеру. Въ этомъ проектѣ давалась на обсужденіе мысль: не хорошо ли было бы въ самомъ дѣлѣ признать саксонскаго князя-избирателя будущимъ наслѣдственнымъ государемъ Польши,

только такъ, чтобы помѣшать Польшѣ сдѣлаться сильнымъ государствомъ, особенно не допуская въ ней увеличенія войска и свободнаго развитія торговли? Проектъ писали въ полной надеждѣ, что Пруссія ни за что на него не согласится и предложитъ другое такое, что̀ приметъ Австрія съ соблюденіемъ своихъ выгодъ.

Но пока еще Австрія не получила желаннаго отрицательнаго отвѣта на свой проектъ отъ прусскаго двора, получена была нота Россіи. Это было уже при новомъ австрійскомъ государѣ. Тогда Шпильманъ (14 марта) представилъ прусскому посланнику Якоби замѣчаніе, что русская государыня остается непоколебима въ своихъ видахъ относительно Польши и потому составленный имъ прежде планъ оказывается неподходящимъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Якоби,—если Россію трудно согласить, то и самъ саксонскій князь-избиратель не захочетъ состоять въ санѣ польскаго короля, подъ опекою трехъ державъ.» Черезъ три дня Шпильманъ сказалъ Якоби: «я оставляю свой проектъ: съ одной стороны нельзя дозволить Польшѣ сдѣлаться сильною державою, а съ другой князь-избиратель не захочеть принимать ее въ слабомъ состояніи; остается одно средство — раздѣлъ. Австрія не намѣрена брать своей доли въ Польшѣ, а возьметъ ее въ другомъ мѣстѣ, но король венгерскій и чешскій не станетъ мѣшать прусскому королю воспользоваться обстоятельствами и округлить свои владѣнія, лишь бы только обѣ стороны взяли по ровной части.» Старый дипломатъ оправдывалъ свои планы тѣмъ, что Польша вѣчно будетъ яблокомъ раздора, пока три сосѣднія державы не согласятся дѣйствовать за одно. Такимъ образомъ слово о новомъ раздѣлѣ Польши было высказано между Австріею и Пруссіею, оставалось привлечь къ этому Россію. Но Австрія сочла нужнымъ пустить въ дѣло съ Россіею тотъ же способъ обращенія, какой недавно употребила съ Пруссіею, т. е. заговорить въ смыслѣ совершенно противномъ тому отвѣту, какой желала услышать. И вотъ еще разъ въ сношеніяхъ съ Россіею Кауницъ, 12-го апрѣля, объявилъ, что Австрія твердо стоитъ за соединеніе Польши съ Саксоніею, но это было сказано такъ, что вице-канцлеръ Остерманъ тотчасъ понялъ, что въ этихъ словахъ нужно видѣть обратный смыслъ и они говорились только съ цѣлью показать, что Австрія сама не прочь отъ участія въ видахъ Россіи, но прежде хочетъ вызвать Россію на выгодныя для себя предложенія.

Россіи предложили приступить къ союзу заключенному 7-го февраля между Пруссіею и Австріею. На это Остерманъ 15-го мая отвѣчалъ, что трактатъ 7-го февраля заключаетъ въ себѣ

статью о Польшѣ, несогласную съ видами императрицы; во всемъ остальномъ Россія приступаетъ къ трактату 7-го февраля, относительно же Польши желаетъ заключить особый договоръ съ Пруссіею, имѣя въ виду прежніе, существовавшіе между двумя державами трактаты объ этомъ предметѣ. На это замѣчаніе послѣдовала отъ 27-го іюня совмѣстная декларація отъ Австріи и Пруссіи къ Россіи; въ ней было изъявлено требованіе, чтобы обоимъ государствамъ предоставлено было надлежащее участіе въ мѣрахъ, которыя должны рѣшить судьбу Польши. Съ своей стороны Кауницъ особо объявлялъ (отъ 21-го іюня), что Австрія приступитъ къ видамъ петербургскаго двора, если петербургскій дворъ приступитъ къ союзу противъ Франціи, съ тѣмъ, что статья о Польшѣ, въ трактатѣ 7-го февраля, будетъ замѣнена обязательствомъ трехъ дворовъ дѣйствовать взаимно и согласно въ дѣлахъ польскихъ.

II.

Веселье въ Польшѣ.—Сеймики. — Самоувѣренность поляковъ.—Поведеніе Люккезини въ 1792 году. — Булгаковъ подбираетъ партію. — Зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ. — Отказъ саксонскаго князя-избирателя. — Воинственныя постановленія сейма [1]).

Весною 1792 г. уже образовалась въ дипломатіи гроза, долженствовавшая потрясти Польшу до основанія и обратить въ прахъ ея возрожденіе. Австрія и Пруссія уже высказались о необходимости новаго раздѣла. Россія хотя не произнесла такого мнѣнія, но болѣе, чѣмъ двѣ прочія державы, не расположена была оставить въ Польшѣ то, что въ ней было устроено съ 3-го мая.

Польша, между тѣмъ, пировала. По современнымъ извѣстіямъ, въ Польшѣ никогда еще такъ не веселились, какъ въ концѣ 1791 и началѣ 1792 года. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ въ назначенные дни происходили торжественныя богослуженія съ «Te Deum», съ проповѣдями, восхвалявшими новый порядокъ и виновниковъ его. Такой праздникъ отправлялся, напр., въ Бобруйскѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ считалось не болѣе 150 дворовъ. Земскій рѣчицкій судья, записавшись въ мѣщане, давалъ большой обѣдъ съ музыкою и громомъ орудій. Послѣ обѣда былъ шумный балъ. Все мѣстечко было затѣйливо иллюминовано. Простой народъ поили и кормили на улицахъ. 17-го января, день

[1]) См. ист. 21, 18, 28, 12, 33, 8, 118, 113, 115, 91, 86. Дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

рожденія Станислава-Августа сдѣлался повсюду днемъ веселаго и шумнаго празднества: богослуженія съ проповѣдями, пѣніе «Te Deum» пальба изъ пушекъ, обѣды, балы и иллюминація служили вездѣ признаками общей радости. Во многихъ мѣстахъ гражданско-военныя коммиссіи давали обѣды городскимъ магистратамъ, а за тѣмъ слѣдовали танцы вплоть до ночи и ужинъ. Дворяне и мѣщане пировали братски вмѣстѣ. Въ Вильнѣ въ этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія въ академической церкви, епископъ Масальскій давалъ обѣдъ на сто особъ слишкомъ, а въ три часа было публичное засѣданіе главной школы великаго княжества Литовскаго, на которомъ профессоръ церковной исторіи Богуславскій прославлялъ конституцію, а вечеромъ маршалъ трибунала давалъ великолѣпный балъ съ ужиномъ и пушечными выстрѣлами, раздававшимися во время питья за здоровье короля. Въ Ленчицѣ народныя школы устроили празднество отъ себя и профессоръ физики доказывалъ, что конституція 3-го мая проистекаетъ изъ естественнаго порядка. Обыватели изъ повѣтовъ Сендомирскаго и Вислицкаго съѣхались въ Шидловъ для занесенія именъ своихъ въ земянскія книги и по этому поводу братались съ мѣщанами, произносили рѣчи, а воевода далъ большой обѣдъ для пріѣхавшихъ. Въ Сендомирѣ ксендзъ Ленчовскій послѣ богослуженія устроилъ отъ себя роскошный обѣдъ, а вечеромъ бригадный командиръ Годзевичъ давалъ ужинъ и балъ. Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, и генералы давали пиры и балы для военныхъ съ цѣлію приласкать ихъ и склонить къ мысли, что войску подъ непосредственнымъ начальствомъ короля будетъ лучше, чѣмъ подъ властію войсковой коммиссіи. Въ Брацлавѣ, зимою, при главномъ обозѣ нѣсколько дней сряду шли празднества съ потѣшными огнями, среди которыхъ красовался портретъ короля, а брацлавскій подкоморій, кромѣ обѣда для гостей, угощалъ на дворѣ у себя толпу всякаго народа, и всѣ за это восхваляли конституцію.

Время вакаціи сейма было временемъ сеймиковъ: воеводства и повѣты присягали конституціи 3-го мая, производились выборы и по этому поводу повсюду были обѣды, балы, иллюминаціи и празднества. Такъ въ Литичевѣ предъ открытіемъ сеймика одинъ день давалъ обѣдъ судья Домбскій, на другой день панъ Дембовскій; на этихъ обѣдахъ участвовали всѣ прибывшіе на сеймикъ обыватели, пили за здоровье короля и благоденствіе конституціи 3-го мая, а послѣ выборовъ слѣдовала присяга на конституцію 3-го мая и по этому поводу опять празднество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время присяги, происходившей въ церкви, шляхтичи обнажали сабли и клялись защищать конституцію до послѣдней

капли крови. Всѣ прежніе сеймики, сколько могли запомнить старые поляки, сопровождались безпорядками, подкупами, драками, кровопролитіемъ; на этотъ разъ шляхта во многихъ мѣстахъ вела себя чинно и согласно, за то весело. Отъ многихъ сеймиковъ при закрытіи ихъ были посланы депутаціи съ благодарностію королю и членамъ сейма за дѣло конституціи 3-го мая. Много помогло стройному исходу сеймиковъ то, что заранѣе было разослано до 400 писемъ лицамъ, болѣе или менѣе наклоннымъ къ перемѣнѣ.

Въ этихъ письмахъ сообщалось ложно, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны, и дворы прусскій и австрійскій гарантировали прочность конституціи 3-го мая. Многіе изъ пословъ по окончаніи сеймовыхъ засѣданій разъѣхались по провинціямъ и способствовали настроенію умовъ на сеймикахъ. Каждый изъ нихъ въ своемъ углу настраивалъ толпу, готовую пристать ко всему безъ большихъ разсужденій. Тамъ, гдѣ нужно было, король располагалъ въ пользу конституціи раздачею ордена св. Станислава, на который чрезвычайно были тогда падки поляки; иные за то единственно, чтобы имѣть удовольствіе надѣть красную ленту, становились подъ знамя 3-го мая. Этихъ лентъ такъ много раздарили въ это время, что маршалъ Малаховскій говорилъ: «по совѣсти, эти ленты приносятъ стыдъ, а не украшаютъ». Другихъ склоняли обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ и денежными подарками, а иныхъ принуждали и угрозами; многіе, подавая согласіе на конституцію, въ душѣ ненавидѣли ее, но не смѣли заявить противнаго мнѣнія, потому что было объявлено запрещеніе заносить въ городскіе акты протестаціи противъ конституціи, опасно было ничего не сдѣлавши навлечь на себя наказаніе; сторонники конституціи пугали шляхту, что того, кто будетъ противиться, постигнетъ кара отъ короля и сейма, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, подобно Ржевускому и Щенсному Потоцкому. Наконецъ, въ воеводствахъ, гдѣ наиболѣе можно было ожидать противодѣйствія, разставлены были войска, готовыя усмирять силою и принуждать къ повиновенію такіе сеймики, которые бы стали сильно шумѣть противъ конституціи. Много пособило и то, что папа прислалъ поздравительную буллу, въ которой видимо оказывалъ сочувствіе къ новому дѣлу; на сеймикахъ какъ только узнали, что конституція 3-го мая благословляется св. отцомъ, начали склоняться къ ней. При этихъ выгодныхъ для дѣла конституціи условіяхъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ поступили, однако, въ Стражу донесенія о томъ, что на сеймикахъ проявлялось негодованіе противъ реформы и притомъ съ признаками тѣхъ старыхъ нравовъ, которые хотѣли исправить прогрессисты. Такъ люблинская шляхта Грушецкіе съ другими жа-

ловались, что у нихъ на сеймикѣ; въ противность новому уставу о сеймикахъ, паны навели подкупленную шляхту, собирали у себя, поили и потомъ заставляли давать голоса какіе угодно было имъ, класть шары по ихъ желанію и такимъ образомъ удержали за собою и за другими, по своему желанію, мѣста и должности или выбирали новыхъ, кого хотѣли. Въ Полоцкомъ воеводствѣ панъ Жаба привелъ на сеймикъ подпоенную шляхту и заставлялъ выбирать въ должности такихъ, какихъ ему хотѣлось, даже, чтобъ уменьшить число противниковъ, запиралъ послѣднихъ въ ихъ квартирахъ и не допускалъ до голосованія въ то время, когда его кліенты дѣлали по его приказанію постановленія какъ будто большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, хотя по распоряженію сейма рѣшено было перевести мѣсто отправленія, сеймика въ Чашники, но панъ Жаба не допустилъ до этого, и сеймикъ остался въ Ушачѣ, гдѣ былъ прежде. Въ троцкомъ воеводствѣ противники конституціи навели на сеймикъ свою подпоенную шляхту и подняли крикъ, что сеймъ нарушилъ старопольскую свободу и предалъ Рѣчь-Посполитую абсолютизму, называли сеймовые уставы кандалами и объявляли, что намѣрены повиноваться существующей власти только до времени. По ихъ вліянію выбраны депутатами въ трибуналъ ихъ подручники, не имѣвшіе на то законнаго права, потому что не владѣли землями въ томъ краѣ, гдѣ ихъ выбирали. Въ Россіенахъ партія, непріязненная конституціи, подъ предводительствомъ Гелгуда надѣлала большую смуту, не допустила предсѣдательствовать ассессору вмѣсто больного маршала, отняла книги у избраннаго противъ ея желанія актоваго писаря, и, наконецъ, не дозволила окончиться сеймику, такъ что послѣ того это дѣло встревожило Стражу и дало поводъ къ продолжительной перепискѣ. Подобное дѣлалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ Минскѣ, гдѣ панъ Лыскевичъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, съ цѣлію овладѣть дѣлами города, поилъ ремесленниковъ такъ, что, по замѣчанію послѣдовавшей на него жалобы, всѣ заказы оказались неисполненными въ срокъ. Установленіе земянскихъ судовъ сопровождалось безпорядками: прежніе судьи не отдавали новоизбраннымъ ни ключей, ни счетовъ, а въ Сѣрадзѣ гражданско-военная коммиссія заперла ратушу, гдѣ прежде собирались городскіе и земскіе суды и новоустроенному земянскому суду не было пріюта. Отмѣненіе пожизненности судей пріобрѣло конституціи много враговъ изъ тѣхъ, которые чрезъ этотъ законъ лишались возможности сидѣть цѣлую жизнь на тепломъ мѣстѣ.

Прогрессивная партія извлекала великія надежды для цѣло-

сти конституціи изъ пріема, сдѣланнаго ей по воеводствамъ. Проживавшіе за границею паны извѣщали своихъ соотечественниковъ, что и по всей Европѣ правительства, публика удивляются полякамъ и величаютъ ихъ мудрость. «Куда только насъ ни пригласятъ, писалъ одинъ полякъ изъ Флоренціи, вездѣ мы видимъ столы, украшенные бюстами короля нашего, колоннами и пирамидами въ честь его и нашей конституціи. Самъ великій герцогъ тосканскій говорилъ полякамъ такія слова: «счастливъ народъ польскій, что у него такой король; счастливъ король польскій, что управляетъ такими гражданами». Пріѣзжавшіе въ Польшу иностранцы, льстя полякамъ, говорили: «какъ же это утверждали, будто поляки народъ несогласный и легкомысленный, а мы видимъ противное: они составили такую мудрую конституцію и такъ согласно и единомысленно ее приняли». Поляки интересовались болѣе всего тѣмъ, что о каждомъ ихъ патріотическомъ шагѣ будутъ говорить въ Европѣ. Маршалъ Малаховскій по окончаніи сеймиковъ писалъ къ племяннику въ Дрезденъ: «мнѣ очень любопытно узнать, что тамъ у васъ скажутъ о единомысліи сеймиковъ. Кто религіозенъ, тотъ признаетъ въ этомъ дѣло Провидѣнія, а кто основывается на политикѣ, тотъ увидитъ въ этомъ событіи великій примѣръ, какъ весь народъ чувствуетъ привязанность къ закону». Это онъ писалъ уже въ то время, когда медленность и увертки саксонскаго князя-избирателя раздражали его. Легковѣріе и вѣтреность поляковъ не имѣли предѣловъ.

«Три дня тому назадъ (доносилъ въ мартѣ Булгаковъ), поляки большую надежду полагали на нѣмецкаго императора, но теперь уже нѣкоторые изъ пановъ перемѣнили свое мнѣніе и боятся, что какъ только состоится коалиція противъ Франціи, то императоръ обратится къ Франціи, а Россія будетъ раздѣлываться съ Польшею. Самъ король все еще полагалъ тогда надежды на Австрію и думалъ расположить къ себѣ подкупомъ государственныхъ людей австрійскаго кабинета, Манфредини и Шпильмана, посредствомъ камергера Кортигеля, который былъ нѣкогда въ Польшѣ посланникомъ отъ Австріи. Этотъ Кортигель, какъ говорятъ, бралъ съ короля деньги и внушалъ ему надежды, а король составлялъ тайные планы утвердить монархическую власть при пособіи Австріи и избавиться отъ страшной опеки Россіи. Корифей 3-го мая, Игнатій Потоцкій, былъ самонадѣянъ до смѣшного; уже въ мартѣ Декоршъ, французскій посланникъ, предостерегалъ его и говорилъ: «вы слишкомъ довѣрчивы: смотрите, берлинскій и вѣнскій дворы не даромъ кокетничаютъ съ императрицею!» Потоцкій за-глаза трунилъ надъ нимъ и говорилъ: «французъ пустую вѣжливость между дворами счи-

таетъ уже за взаимную преданность. Я думаю, что Россія не рѣшится объявить намъ войны, напротивъ сама боится, чтобы противъ нея не составила союза Австрія съ Польшею; тогда, дѣйствуя вмѣстѣ, можно было бы сдѣлать Россію азіатскою державою.»

Первыя сеймовыя засѣданія, по окончаніи лимиты, проходили въ шумныхъ восторгахъ о величіи Польши, о примѣрномъ согласіи и надеждахъ на благополучіе въ будущемъ. Вѣсти о томъ, что сеймики окончились безъ дракъ и повсюду одобрена конституція, давали посламъ поводъ видѣть въ этомъ великое ручательство возрожденія отечества. Игнатій Потоцкій говорилъ въ засѣданіи: «окидывая взорами протекшіе вѣка, во всей исторіи міра я не могу видѣть ничего величественнѣе, ничего достойнѣе человѣческой памяти, какъ согласіе польскаго народа, который отселѣ долженъ служить образцомъ для всѣхъ вольныхъ народовъ?» Волынскій посолъ Стройновскій, постоянный недоброжелатель нововведеній и представитель воеводства наиболѣе противнаго конституціи, заявлялъ, что это воеводство, состоящее изъ четырехъ повѣтовъ (Луцкій, Кременецкій, Подслучскій и Горынскій), измѣнило прежнія инструкціи посламъ и приказывало имъ соображаться съ конституціею. Другой свирѣпый противникъ конституціи, познанскій посолъ Мелжинскій говорилъ: «я не пошелъ по слѣдамъ возлюбленнаго короля оттого, что воображалъ себѣ, что народъ иначе приметъ конституцію. Я слушалъ своего внутренняго убѣжденія. Теперь я увидалъ противное тому, чего ожидалъ. Нашъ народъ такъ ославилъ себя въ цѣломъ мірѣ безпорядками, что, казалось, никогда не покажетъ себя ни въ чемъ единодушнымъ; и дѣйствительно: давно ли чужіе солдаты предписывали сеймикамъ инструкціи, и несмотря на устрашенія и на подкупы, согласія на сеймикахъ не было. Теперь же не было на сеймикахъ ни чужого, ни своего войска; гражданская добродѣтель не была искушаема дарами, и теперь первый только разъ народъ единогласно принялъ конституцію 3-го мая. Стало быть она хороша и спасительна.» Казимиръ-Несторъ Сапѣга ораторствовалъ такъ: «пятно, лежавшее на Польшѣ, изгладилось; иноземныя войска уже не покрываютъ нашей территоріи, наши національныя войска защищаютъ наши границы. Правительство стало твердымъ, конституція наша признана сильнѣйшими державами, а любовь къ отечеству ея крѣпчайшая подпора. Какъ не видать вліянія божественнаго Провидѣнія въ способѣ, какимъ нація возродилась безъ кровопролитія? Вотъ я показалъ вамъ примѣръ послушанія постановленіямъ сейма; теперь я ихъ буду еще болѣе уважать, когда все Великое княжество Литовское ихъ признаетъ, не уступая Коронѣ въ уваженіи къ королю и любви къ отечеству».

Смерть Леопольда вначалѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. «Что̀ теперь будетъ?» —говорили тогда при дворѣ Станислава-Августа. «Договоръ съ Пруссіею можетъ нарушиться, состоится напротивъ договоръ съ Россіею; запуганная Саксонія ничего не будетъ значить и Польша сдѣлается игрушкою обстоятельствъ. Вмѣсто государя, дружелюбнаго Польшѣ, какимъ былъ покойный императоръ Леопольдъ II воцарится новый, Іосифъ II: онъ уже и теперь извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ Россіи». Но Игнатій Потоцкій, у котораго послѣ обѣда былъ объ этомъ разговоръ съ гостьми, какъ великій политикъ, посмотрѣлъ на событія съ другой точки зрѣнія и произнесъ такое утѣшительное слово: «императоръ Леопольдъ достоинъ того, чтобъ поляки его оплакивали; онъ былъ другъ нашъ и особенный покровитель; но смерть его не измѣнитъ положенія дѣлъ, союзъ съ Пруссіею теперь установится скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать прежде; новый государь на все согласится, что̀ ему предложатъ. Саксонія и Польша выиграютъ. Молодой государь не пойдетъ противъ Франціи такъ горячо, какъ прежній: племянникъ за тетку не станетъ заступаться, какъ братъ за сестру. Еслибъ король прусскій и императоръ пошли вмѣстѣ на Францію, какъ предполагалось при Леопольдѣ, русскіе вошли бы въ Польшу и поляки, не получая ни откуда помощи и поддержки, сдѣлались бы добычею Россіи. Теперь же — союзъ Австріи съ Пруссіею будетъ направленъ противъ Россіи, а Польша будетъ служить имъ барьеромъ. Не совѣтуемъ Россіи затрогивать насъ, Польша можетъ надѣлать ей больше зла, чѣмъ она Польшѣ.» За Потоцкимъ маршалъ Малаховскій и другіе стали видѣть въ радужномъ цвѣтѣ для Польши союзъ Пруссіи съ Австріею. Пьятоли еще рѣшительнѣе возбуждалъ въ полякахъ смѣлость. «По моему, —говорилъ онъ, — такъ надобно вторгнуться съ войсками Рѣчи-Посполитой во владѣнія россійской императрицы и предупредить нападеніе съ ея стороны». Люккезини по прежнему не переставалъ быть непонятнымъ, то мазалъ по губамъ поляковъ, то обливалъ ихъ сразу холодною водою, ставилъ поляковъ втупикъ и кружилъ имъ головы своимъ обращеніемъ. Когда съ нимъ заговаривали о ходѣ преобразованій и по прежнему обычаю обращались къ нему за совѣтомъ, Люккезини отвѣчалъ сухо и равнодушно: «конституція 3-го мая и всѣ послѣдовавшія у васъ перемѣны для его величества, короля прусскаго, совершенно посторонніе предметы, и вовсе не занимаютъ его. Все, что республика послѣ трактата съ Пруссіей сдѣлала у себя, все это она должна считать своимъ собственнымъ твореніемъ, и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ вслѣдствіе конституціи 3-го мая,

должна сама у себя просить совѣта». Отпуская Браницкаго въ Петербургъ, Станиславъ-Августъ счелъ нужнымъ заявить объ этомъ Люккезини и сказать: «надѣюсь, что вашъ дворъ не скажетъ ничего противъ этого.» «Ваше величество,—отвѣчалъ Люккезини—можете дѣлать что вамъ угодно, и моему двору совершенно нѣтъ дѣла до этого. Удивительно только, что ваше величество отставили отъ службы польнаго гетмана (le petit général) за то только, что онъ ѣздилъ въ Яссы, а теперь сами посылаете великаго (le grand général) въ Петербургъ для особыхъ сношеній?» Послѣ такого разговора онъ самъ довелъ до свѣдѣнія Браницкаго, будто старался выхлопотать ему у короля дозволеніе ѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ, въ одномъ обществѣ онъ сказалъ: «напрасно считаютъ за королемъ моимъ какую-то готовность помогать Польшѣ; онъ вовсе не обязанъ защищать Польшу съ конституціею 3-го мая». Это дошло до Станислава-Августа. Онъ спросилъ его прямо. Люккезини отвѣчалъ: «я не обязанъ всѣмъ и каждому говорить истину; я могу говорить ее только правительству, а правительство составляютъ для меня король и канцлеръ. У васъ черезчуръ много было участниковъ въ важныхъ дѣлахъ, всѣ все хотѣли знать, оттого и происходилъ такой безпорядокъ».— Прежде онъ въ дружескихъ разговорахъ сворачивалъ на неизбѣжные Гданскъ и Торунь, теперь онъ уже не только не вспоминалъ о нихъ, но даже сказалъ: «король мой не намѣренъ болѣе возобновлять толки о соглашеніи взаимныхъ выгодъ Польши и Пруссіи на основаніи уступки Гданска и Торуня; если бы республика предлагала ихъ сама, — Пруссія уже не приняла бы ихъ». Эти слова дышали зловѣщимъ предзнаменованіемъ и открывали полякамъ опасность, что Пруссія скоро станетъ за одно съ Россіею, но Люккезини потомъ, сошедшись съ Сапѣгою, началъ опять заговаривать о Гданскѣ и Торунѣ, а когда разнеслось объ этомъ между нѣкоторыми послами, онъ сказалъ: «развѣ можно полагаться въ чемъ-нибудь на Сапѣгу? про насъ ходятъ разныя сплетни: то говорятъ, что мы хотимъ отнять Великую Польшу, то Жмудь, а мой государь ничего отъ поляковъ не желаетъ, кромѣ сохраненія своихъ правъ и трактатовъ». Поселяя въ полякахъ сомнѣніе, онъ не доводилъ ихъ до отчаянія: «не думайте, говорилъ онъ, чтобъ Пруссія перестала быть союзницей Польши; когда у васъ начнется война съ Россіею, тогда и Пруссія станетъ вооружаться и покажетъ себя. Правда, Пруссія и Австрія обращаются деликатно съ императрицею, но все-таки главная цѣль ихъ союза поставить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Россіи. На этотъ конецъ императоръ и Пруссія уже пригласили Саксонію пристать къ союзу, и она согласилась; быть

можетъ, скоро о томъ же попросятъ и Польшу.» Также точно и о пріемѣ княземъ-избирателемъ короны онъ высказывался двулично. Прогрессисты распустили на сеймикахъ слухъ, что предложеніе Польши принято и король увѣрялъ прибывшихъ въ Варшаву пословъ, что въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ и сама русская императрица, какъ видно, согласится на это. «Все это неправда!» сказалъ по этому поводу Люккезини у Сапѣги, а самому Пьятоли, который особенно отличался распространеніемъ утѣшительныхъ слуховъ, замѣтилъ: «эти уловки кончатся дурно». Но тотъ же Люккезини, говоря о заключенномъ между Австріей и Пруссіей союзѣ, выразился такъ: «я не нахожу затруднительнымъ думать, что новые союзники гарантируютъ принятіе короны саксонскимъ княземъ-избирателемъ; это для нихъ лучше, чѣмъ допустить Россію до прежняго вліянія на Польшу».

Сеймъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ и желаній, поступавшихъ отъ сеймиковъ; они касались ново-учрежденныхъ земянскихъ судовъ: отправленія ихъ обязанностей, назначенія мѣстъ для нихъ, соединенія повѣтовъ въ судебномъ отношеніи, выбора лицъ въ должности, времени открытія засѣданій. Установленъ порядокъ процедуры — такъ-называемые реестры, которыми опредѣлено, какія дѣла должны за какими слѣдовать — предметъ сбивчивый въ старопольскомъ судопроизводствѣ; опредѣлены случаи, когда судьи, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, должны подвергаться наказаніямъ, состоявшимъ въ тюремномъ заключеніи, денежномъ взысканіи и лишеніи должностей. По поводу вводимаго тѣснѣйшаго однообразія Великаго княжества Литовскаго съ Короною уничтожены прежніе отдѣльные литовскіе поборы и введено въ налогахъ однообразіе. Но дѣло реформы королевщинъ подвигалось очень плохо. Скарбовая коммиссія извѣстила сеймъ, что большая часть старостъ не подчиняется распоряженіямъ сейма о платежѣ въ казну, до времени продажи, трехъ четвертей всего получаемаго съ этихъ имѣній дохода.

Толковали о томъ, какъ бы достойно и торжественно отпраздновать годовщину 3-го мая и для этого положили собрать изъ воеводствъ нарочно особыхъ депутатовъ. Въ память великаго событія рѣшили въ этотъ день заложить храмъ Провидѣнія. Игнатій Потоцкій, убѣждаясь болѣе и болѣе въ томъ, что только монархическая власть можетъ спасти Польшу, задумалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы въ церкви св. Креста, гдѣ будетъ торжество, пріѣхавшіе депутаты заявили желаніе, какъ бы цѣлой страны, чтобы король принялъ диктаторскую власть надъ войскомъ и страною. Между тѣмъ въ ожиданіи этого великаго народнаго торжества не было недостатка въ патріотическихъ пир-

шествахъ, которыя должны были способствовать распространенію новыхъ идей. 22-го марта (2-го апрѣля), въ день имянинъ Колонтая ассессорія дала ему обѣдъ, куда приглашены были знатнѣйшіе мѣщане. Самъ король присутствовалъ на этомъ обѣдѣ и цѣловался съ мѣщанами. «Они облили ему платье виномъ», замѣтилъ при этомъ Булгаковъ въ своемъ донесеніи, дѣлая намекъ на неумѣнье мѣщанъ вести себя въ одномъ обществѣ съ важными особами. Такъ какъ этотъ обѣдъ носилъ демократическій характеръ уже и потому, что давался въ честь человѣка считаемаго отъявленнымъ демократомъ, то многіе сочли неумѣстнымъ быть на немъ; въ ихъ числѣ былъ и братъ короля, примасъ. «Какъ мнѣ ни прискорбно — сказалъ по этому поводу король своей сестрѣ — но приходится бороться не только со множествомъ поляковъ, а даже съ собственнымъ братомъ и съ своею фамиліею.» Многіе поляки, увлеченные временно модными идеями, мало-помалу одумывались и находили, что на дѣлѣ не все бываетъ такъ складно и пріятно, какъ на словахъ. Ихъ отрезвляли крайніе прогрессисты, которые то тѣмъ то другимъ способомъ угрожали посягательствомъ на дворянскія преимущества и сословныя выгоды. Въ Варшавѣ заведенъ былъ клубъ слугъ и тамъ читались переведенныя съ французскаго языка рѣчи о свободѣ. Это заведено было по мысли французскаго министра въ Польшѣ Декорша и нѣкоего Маццеи, извѣстнаго въ Варшавѣ вольнодумца. Служитель послѣдняго былъ постояннымъ ораторомъ въ этомъ клубѣ. Это явленіе возбудило въ обществѣ опасеніе, что такимъ образомъ можетъ подготовиться хлопскій бунтъ. Законъ о староствахъ разомъ отнялъ у конституціи множество приверженцевъ. Польскія дамы, прежде возбуждавшія умы и сердца въ пользу новаго строя вещей, стали кричать, что ихъ обираютъ, что имъ не на что̀ будетъ шить новыя платья для баловъ.

Когда патріоты закрывали себѣ глаза, Булгаковъ, продолжая показывать видъ, будто дѣло конституціи совершенно постороннiй предметъ для государства, котораго онъ былъ представителемъ, втихомолку удачно работалъ и подкапывалъ то, что̀ поляки спѣшили строить. Въ концѣ апрѣля онъ представилъ своему правительству списокъ надежныхъ особъ, на которыхъ Россія могла положиться; это были епископы: Коссаковскій и Гедройцъ (Жмудскій), сѣрадскій воевода Валевскій — человѣкъ предпріимчивый, съ большимъ кредитомъ въ трехъ воеводствахъ, краковскомъ, волынскомъ и сѣрадскомъ, витебскій воевода Коссаковскій, мазовецкій — Малаховскій, братъ маршала, другой братъ его канцлеръ, мстиславскій воевода Хоминскій, надворный маршалъ Рачинскій, человѣкъ оборотливый, ловкій и хитрый, троцкій кащ-

телянъ Пляттеръ, войницкій каштелянъ Ожаровскій, издавна преданный Россіи, на все готовый, имѣвшій партію въ воеводствахъ краковскомъ и сендомирскомъ, каштелянъ гнѣзненскій Мясковскій, Коссаковскій, братъ епископа, каштелянъ перемышльскій Антоній Четвертинскій, человѣкъ небогатый, но отважный и рѣчистый. Изъ пословъ были отмѣчены:—краковскіе: Ожаровскій, Валевскій, Іорданъ, Глембоцкій; познанскій Мощенскій, ошмянскій Хоминскій, вилькомирскій Коссаковскій; брацлавскіе: Мощинскій, Мокуци; сендомирскіе: Скорковскій, Немиричъ, Ясенскій, Менженскій; троцкій Савицкій; упицкій Коссаковскій; сѣрадскій Валевскій; литовско-жмудскій Забѣлло; куявскій Закревскій; иноврацлавскіе: Соколовскій, Лещинскій; волынскіе: два Гулевича, Загурскій; подольскіе: Орловскій, Злотницкій; любельскіе: Длускій, Выброновскій, Суфчинскій; оршанскій Іозефовичъ; сохачевскій Шимановскій. Къ нимъ присоединить слѣдовало находившихся тогда уже въ Петербургѣ Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, и пословъ Сухоржевскаго и Грохольскаго. Эти всѣ были совершенно пріобрѣтены Россіею. Булгаковъ считалъ готовыми пристать къ Россіи, при первомъ заявленіи со стороны послѣдней, голоса еще нѣсколькихъ лицъ, сенаторовъ, духовныхъ, епископовъ: виленскаго Масальскаго, и куявскаго Рыбинскаго, познанскаго Окенскаго, краковскаго воеводу Малаховскаго, виленскаго Радзивилла, пословъ: Мелжинскаго (познанскаго), Сулковскаго (калишскаго), Домскаго (брестъ-куявскаго), Сапгушку (волынскаго), Швейковскаго (подольскаго), Гриневецкаго (люблинскаго), Неселовскаго (новоградскаго), Сиберга (брестъ-литовскаго), Хмару (минскаго), подскарбія коронпаго Коссовскаго, каштеляна сѣрадскаго Бернадскаго, каштеляна минскаго Забѣлло, Земинскаго (бецкаго каштеляна), Шидловскаго и двадцать пословъ. Всего на сеймѣ сенаторовъ было 159, а пословъ 341; изъ нихъ всѣхъ Россія могла располагать, по разсчету Булгакова, девятидесятью особами. Каждый изъ нихъ съ кредитомъ и связями могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ.

Булгаковъ давно уже нашептывалъ своимъ пріятелямъ, что надобно имъ взяться за явное противодѣйствіе, составить реконфедерацію и ниспровергнуть конституцію, которая грозитъ Польшѣ уничтоженіемъ свободы и введеніемъ деспотизма, что великодушная государыня окажетъ имъ помощь. Но въ это время онъ пришелъ къ убѣжденію и сообщалъ своему правительству, что нѣтъ возможности начать что-нибудь въ Варшавѣ; правленіе, войско и суды находились въ рукахъ господствующей партіи; какъ только недовольные начнутъ дѣйствовать, противники тотчасъ усмирятъ ихъ силою; русскій посланникъ, находясь въ Варшавѣ, не въ силахъ былъ начинать ничего и могъ пособлять только

тому, что произойдетъ въ провинціяхъ. Но пока въ Варшавѣ партія конституціи торжествовала и упивалась своими успѣхами, а Булгаковъ ломалъ себѣ голову, какъ бы устроить дѣло, убійственное для всѣхъ затѣй прогрессистовъ, въ Петербургѣ, въ концѣ марта 1772 г., это дѣло уже слагалось. Тамъ происходило приватное свиданіе Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго съ государынею; къ нему допущенъ былъ одинъ только Зубовъ. Тамъ было порѣшено, что недовольные конституціею магнаты составятъ конфедерацію, а императрица поможетъ ей своимъ вліяніемъ и пошлетъ свои войска въ средину Польши для измѣненія тамъ правительства. Они получили полномочіе составить конфедерацію и уѣхали для этого на Подоль. Находившійся въ Петербургѣ посланникъ Рѣчи-Посполитой, Деболи, извѣщалъ, что враги конституціи что-то замышляютъ, но не зналъ, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, командующій польскимъ войскомъ въ Украинѣ, генералъ Костюшко извѣщалъ, что русскія войска тремя корпусами готовы войти во владѣнія Рѣчи-Посполитой, изъ Могилева, Кіева и Молдавіи.

Враги конституціи подсмѣивались надъ патріотами. «А что хорошаго слышно изъ Дрездена? — спросилъ на сеймовомъ засѣданіи посолъ Валевскій. — Охъ! смотрите, какъ бы изъ этихъ прекрасныхъ луковицъ вмѣсто ожидаемыхъ цвѣтовъ на весну не выросла крапива». Самъ маршалъ Малаховскій тихонько говорилъ своимъ друзьямъ: «я раскаяваюсь, что первый подалъ голосъ о призывѣ князя-избирателя къ наслѣдству; теперь мы отъ него ничего не видимъ, кромѣ проволочекъ». Обольщенія мало-помалу спадали съ поляковъ одно за другимъ, и непріязненная истина раскрывалась во всей наготѣ. 16 апрѣля было на сеймѣ засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ. Прибывшій изъ Дрездена чрезвычайный посланникъ Рѣчи-Посполитой князь Чарторыскій привезъ роковое извѣстіе: князь-избиратель, долго протягивавшій дѣло въ конференціяхъ, наконецъ далъ отъ 14-го февраля ноту, гдѣ объявлялъ свое рѣшительное несогласіе на принятіе короны на такихъ условіяхъ, на какихъ хотѣли дать ее поляки. Онъ объявлялъ: 1) что не приметъ никакого рѣшенія по этому дѣлу прежде, чѣмъ со стороны трехъ сосѣдственныхъ державъ, поручившихся за независимость Польши, Россіи, Пруссіи и Австріи, не получитъ успокоительнаго одобренія на счетъ перемѣны въ правленіи, произведенной въ Рѣчи-Посполитой, и согласія на принятіе имъ предложеннаго ему наслѣдственнаго престола. Сверхъ того, даже и при томъ одобреніи, котораго поляки никакъ не могли ожидать и надѣяться, князь-избиратель принялъ бы корону только тогда, когда бы въ самой конституціи были произ-

ведены перемѣны, именно: 1) чтобы никакой законъ, который прошелъ черезъ обыкновенный или чрезвычайный сеймъ, въ особенности по объявленію войны, не имѣлъ законной силы прежде согласія короля по его собственному независимому убѣжденію. «Моя совѣсть не дозволяетъ мнѣ — выражался князь-избиратель — подчинять собственное убѣжденіе и возможность воспрепятствовать злу, большинству голосовъ, которое можетъ зависѣть отъ случая и отъ интриги». Это заявленіе показывало, что избираемый поляками въ короли былъ уже дурного о нихъ мнѣнія и мало вѣрилъ въ ту націю, которая ему оказывала честь; отъ этого заранѣе и предполагалъ, что интрига и случай могутъ господствовать въ учредительномъ строѣ этой націи. Князь-избиратель отвергалъ также одиннадцатый параграфъ майской конституціи, по которому на войско возлагалось принести присягу націи, требовалъ, чтобы войско произнесло ее королю, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, король имѣлъ право назначать предводителя надъ войскомъ, и нація не могла бы, сообразно седьмому параграфу, отставлять этого предводителя. Наконецъ онъ не соглашался на то, чтобы сеймъ имѣлъ право выбрать жениха его дочери, и даже не обязывался въ такомъ случаѣ представлять сейму на согласіе этого вопроса, напротивъ, князь-избиратель ставилъ условіемъ, чтобы въ случаѣ, если онъ не оставитъ наслѣдниковъ мужескаго пола, польская корона должна будетъ переходить не къ принцессѣ Августѣ, его дочери, и ея потомству, а къ мужеской боковой саксонской линіи. Князь-избиратель заранѣе видѣлъ, что оставленіе наслѣдства за дочерью откроетъ путь разнообразнымъ и гибельнымъ интригамъ, поссоритъ сосѣдніе дворы между собою и вообще будетъ для Польши источникомъ смятеній. Эти условія, вполнѣ здравыя и необходимыя для возрожденія польской самостоятельности, могли оцѣнить только тѣ немногіе, которые сочиняли конституцію, большинство польскаго дворянства должно было ужаснуться и тѣмъ скорѣе отдаться внушеніямъ тѣхъ, которые въ новомъ переворотѣ указывали на уничтоженіе драгоцѣнной старинной свободы польскаго шляхетства и пугали поляковъ именемъ монархіи, а съ этимъ именемъ у нихъ издавна соединялся образъ ненавистнаго деспотизма. Нота, прочитанная 16-го апрѣля, была тѣмъ поразительнѣе, что сторонники конституціи успѣли уже, для привлеченія къ себѣ, распустить слухъ, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны; теперь они являлись передъ глазами всей націи обманщиками. Податель ноты Чарторыскій старался передъ сеймомъ представить и теперь дѣло въ розовомъ свѣтѣ. Какъ лично знакомый съ саксонскимъ княземъ-

избирателемъ и его дворомъ, Чарторыскій объяснялъ такъ: «заявленіе князя-избирателя показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы сосѣдніе дворы одобрили перемѣны, сдѣланныя поляками; это не болѣе, какъ вѣжливость въ отношеніи къ этимъ дворамъ. Онъ требуетъ для короля абсолютнаго veto, оттого, что предвидитъ, что Польшѣ придется выдержать оборонительную войну. Все это объяснится и уладится, когда пріѣдетъ сюда уполномоченный курфирста, графъ Лобенъ. Самъ его свѣтлость мнѣ говорилъ съ большимъ одобреніемъ о дѣйствіяхъ поляковъ и хвалилъ вообще конституцію, особенно одобрялъ умноженіе военныхъ силъ». Но это говорилось только для успокоенія умовъ. Сами виновники конституціи были тогда внѣ себя отъ неудачи и злились на князя-избирателя. Маршалъ Малаховскій изъявлялъ крайнее негодованіе, называлъ поступокъ князя-избирателя нечестнымъ. «Не нужно было, по крайней мѣрѣ, — писалъ онъ, — обольщать насъ надеждами; если бы мы предложили корону другому, тотъ бы съ благодарностію принялъ эту честь, и не сталъ бы съ нами тянуть канитель, да еще наконецъ онъ намъ предписываетъ условія, какъ будто завоеванной націи». Его смущало тогда то, что приглашая курфирста поляки сдѣлали неугодное Екатеринѣ и раздражили ее, а между тѣмъ князь-избиратель теперь оставляетъ ихъ въ угодность Екатеринѣ. Мостовскій, ѣздившій вмѣстѣ съ Чарторыскимъ въ Дрезденъ, говорилъ: «самъ князь-избиратель понуждалъ насъ къ перемѣнамъ и жаловался на медленность нашу. Но онъ тогда разсчитывалъ, что англичане пошлютъ флотъ свой въ Балтійское море, что Россія, занятая войною съ Турціею, будетъ охвачена со всѣхъ сторонъ. Но вышло не такъ; Россія заключила миръ съ Турціею, а сентъ-джемскій кабинетъ насмѣялся надъ всѣми кабинетами, надъ довѣріемъ всѣхъ государствъ». Пьятоли доказывалъ, что теперь одно средство, объявить Россіи войну и вторгнуться въ ея предѣлы. «Правда — говорилъ онъ — мы потеряемъ людей, но успѣхъ нашъ вѣренъ. Англія всему причина, она измѣнила намъ. Поляки должны жаловаться на одну Англію; князь-избиратель не отказался бы, если бы Англія не измѣнила».

Въ это же время (писалъ Малаховскій отъ 17-го апрѣля) поляки получили неотрадное извѣстіе изъ Берлина. Какъ только въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ затѣвается что-то недоброе, тотчасъ велѣно было послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князю Яблоновскому, объясниться съ союзникомъ Польши, королемъ прусскимъ. Прусскаго короля на тотъ случай не было въ столицѣ и Яблоновскій повѣрилъ свое порученіе министрамъ прусскимъ Финку и Шуленбургу, за что впо-

слѣдствіи въ Варшавѣ имъ были не совсѣмъ довольны. «Опасенія ваши преждевременны, — отвѣчали прусскіе министры, — нѣтъ повода бояться вамъ со стороны Россіи». Яблоновскій сказалъ: «малѣйшее посягательство на нашу конституцію будетъ для насъ оскорбительное насиліе и мы надѣемся, что король прусскій, какъ союзникъ, обязанъ защищать ее». «Нѣтъ, — отвѣчали ему министры, — король нашъ не обязанъ защищать вашей конституціи, которую вы составили мимо его свѣдѣнія, и напротивъ скрывали отъ него». Яблоновскій превознесъ справедливость прусскаго короля, доказывая, что конституція 3-го мая написана вполнѣ согласно съ видами и намѣреніями берлинскаго кабинета, а если съ польской стороны дѣлалось что̀-нибудь секретно, то это нужно было для успѣха дѣла, до времени. Прусскіе министры на это замѣтили, что если Россія недовольна, то это совершенно естественно: конституція, устроенная поляками, перешла предѣлы, назначенные польскому правительству Россіею, которая гарантировала имъ правленіе. О такой бесѣдѣ съ прусскими министрами доносилъ своему правительству Яблоновскій. Изъ его донесеній можно было уже тогда усмотрѣть, что на Пруссію мало было надежды, но патріоты-оптимисты толковали, что король прусскій естественно хочетъ избѣжать войны во что̀ бы то ни стало, но если обстоятельства къ ней приведутъ, то онъ будетъ помогать Польшѣ. На томъ же засѣданіи, гдѣ прочитаны были непріятныя извѣстія изъ Дрездена и Берлина, внесенъ былъ и прочитанъ секретаремъ проектъ о мѣрахъ обороны государства; проектъ этотъ заранѣе былъ составленъ прогрессистами на домашнихъ засѣданіяхъ у маршала Малаховскаго. Прежде всего, въ видѣ предисловія, въ немъ ставилась оговорка, что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны, но они заботятся о цѣлости принадлежащихъ Рѣчи-Посполитой странъ, о своей свободѣ, независимости и о твердости своего правленія. Сношенія дворовъ между собою вызываютъ съ ихъ стороны потребность, въ видахъ безопасности края, народной независимости и конституціи, придать своимъ сношеніямъ вѣсъ и значеніе, они поэтому находятъ необходимымъ имѣть на случай готовую оборону, и постановляютъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно цѣли.

2) Поручается королю пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, и помѣстить ихъ въ войскѣ Рѣчи-Посполитой въ званіи высшихъ ко-

мандировъ, предоставивъ, соотвѣтственно ихъ чинамъ, содержаніе, жалованье и награды; отъ выбора короля зависѣть будетъ также назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инженеровъ, получившихъ образованіе за границею и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ.

3) Поручается скарбовой коммиссіи, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцати милліоновъ, обезпечивъ ихъ фондомъ, который долженъ образоваться изъ остатка отъ продажи старостствъ, въ силу чего настоящимъ закономъ утверждается вѣрность и безопасность этого займа.

4) Дозволяется королю въ Стражѣ: изъ суммъ, находящихся въ казнѣ Рѣчи-Посполитой и поступающихъ въ казну посредствомъ вышеозначеннаго займа, употребить часть на текущія нужды для изготовленія средствъ народной обороны, но съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ такія выдачи будутъ повѣрены, были отвѣтственны въ томъ, что эти суммы будутъ истрачены только на приготовленіе средствъ къ народной оборонѣ, а никакъ не на какой-нибудь другой предметъ. Въ случаѣ же (отъ чего Боже сохрани) если отъ кого-нибудь противъ Рѣчи-Посполитой будетъ учинено покушеніе на войну посредствомъ ли объявленія войны или какимъ-нибудь другимъ способомъ, тогда дозволяется королю въ Стражѣ употреблять на текущія потребности и остальныя суммы, полученныя посредствомъ займа, но также неиначе какъ съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ повѣрены будутъ выдачи этихъ суммъ, были отвѣтственны въ томъ, что взятыя суммы употреблены на военныя потребности, а не на что-нибудь другое.

5) По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ доносятъ на сеймѣ чинамъ Рѣчи-Посполитой, хотя бы черезъ посредство одного изъ членовъ сейма, о наступившемъ употребленіи денегъ по вышесказаннымъ предписаніямъ, а потомъ сейму будетъ представленъ отчетъ о всѣхъ истраченныхъ деньгахъ.

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ (краковскій Отвиновскій, волынскій Кршуцкій и троцкій Савицкій) потребовали, чтобы представленный проектъ по обычаю подвергнутъ былъ разсмотрѣнію (делибераціи). Казимиръ-Несторъ Сапѣга доказывалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозитъ опасность, нельзя долго разсуждать, а нужно скорѣе принимать мѣры и дѣйствовать. Король съ своей стороны уклончиво похвалилъ тѣхъ, которые требовали делибераціи, приписывалъ ихъ требованіе чистымъ намѣреніямъ, но от-

клонялъ его и говорилъ: «мы находимся теперь въ слишкомъ важныхъ обстоятельствахъ; опоздаемъ однимъ часомъ, и черезъ то навлечемъ на отечество великій и непоправимый вредъ.» Къ нему присоединили голосъ оба брата Потоцкіе, Станиславъ и Игнатій, и Вейсенгофъ. Они также не раздражали противниковъ, напротивъ хвалили ихъ, не спорили, а просили оставить свое требованіе, и этимъ путемъ подѣйствовали на ихъ самолюбіе, проектъ обратился въ законъ единогласно. Впрочемъ главные враги конституціи хорошо понимали, что эти смѣлыя распоряженія останутся безплодными.

Въ дополненіе къ этому закону, въ слѣдующее засѣданіе, 17-го апрѣля, по проекту брацлавскаго посла Северина Потоцкаго, постановлено было назначить депутацію, которая бы вмѣстѣ съ войсковою коммиссіею изложила проектъ всеобщаго вооруженія воеводствъ или милиціи, и этотъ проектъ въ свое время долженъ быть представленъ на общемъ сеймѣ.

21-го апрѣля опять было секретное засѣданіе, безъ арбитровъ. Читали депеши, полученныя вновь отъ Деболи: онъ извѣщалъ о замыслахъ Россіи. Сто тысячъ войска уже на польской границѣ; офицерамъ, находящимся въ отпуску, велѣно собраться въ свои полки къ 15-му мая; назначены командиры: Рѣпнинъ главнокомандующимъ, полякъ Коссаковскій командуетъ дивизіей. Послѣ пятичасового засѣданія, патріоты, возбужденные горячкою опасности, составили новое постановленіе, расширяющее законъ 17-го апрѣля. Положено немедленно увеличить количество войска до ста тысячъ, посредствомъ рекрутовки (кантонистовъ) со всѣхъ имѣній и вербовки и доставить новобранцевъ въ корпуса. Вмѣнялось въ обязанность гражданско-военнымъ порядковымъ коммиссіямъ, городскимъ магистратамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и мѣстнымъ начальствамъ вообще, изъ всѣхъ имѣній, какъ бывшихъ королевскихъ, экономическихъ, духовныхъ и вотчинныхъ (дѣдичныхъ), по требованію командующихъ генераловъ, при переходахъ войскъ, доставлять фуражъ и продовольствіе на подводахъ за готовую плату по цѣнѣ, установленной гражданско-военными порядковыми коммиссіями, сообразной съ получаемымъ солдатами жалованьемъ, и исполнять требованія командировъ, относящіяся къ устройству, укрѣпленію и исправленію оборонныхъ мѣстъ или лазаретовъ, складовъ, обозовъ, провіантскихъ магазиновъ, мостовъ, плотинъ, засѣкъ и водоспусковъ, съ доставкою на указанныя мѣста нужныхъ рабочихъ, подводъ и матеріаловъ. Исполненныя предписанія командировъ должны представляться въ гражданско-военныя порядковыя коммиссіи и для надлежащей уплаты того, что̀ будетъ слѣдовать доставите-

лямъ, будетъ учреждена особая коммиссія. Королю предоставлялось, по его усмотрѣнію, помѣстить въ войскѣ двадцать офицеровъ, приглашенныхъ изъ-за границы, не смѣщая никого съ занятыхъ уже мѣстъ. Поляки тогда полагали, что, принимая воинственный видъ, имъ удобнѣе будетъ переговариваться съ *дамою Съвера.* «Русскія войска окружаютъ насъ и угрожаютъ намъ, но это только демонстраціи—писалъ Игнатій Потоцкій своему пріятелю, бывшему шведскому министру въ Польшѣ Энгерстрому — вторженіе русскихъ въ польскія владѣнія невѣроятно, и оно будетъ окончательно невозможно, какъ только Польша покажетъ себя Европѣ націею крѣпкою и готовою къ защитѣ посредствомъ тѣхъ мудрыхъ и энергическихъ мѣръ, которыя мы приготовляемъ».

Много оставалось еще работъ сейму по внутреннему устройству. Дѣло продажи староствъ долго оставалось на бумагѣ, и только раздражало тѣхъ, которыхъ грозило лишить выгодъ. Сеймъ принялся за подробности, относящіяся къ этому предмету, и видѣлъ необходимость истолковать и уяснить являвшіяся противорѣчія и недоразумѣнія. За королемъ оставалось право раздачи двухъ староствъ по силѣ закона 1775 года, которымъ ему, послѣ отнятія у него стариннаго права раздавать королевщины, предоставлялось на волю распорядиться только четырьмя старостествами; изъ нихъ два были розданы, а два еще оставались. Теперь, по проекту Игнатія Потоцкаго, король отказался отъ раздачи этихъ двухъ староствъ: они наравнѣ съ другими должны были идти въ продажу, а тѣмъ, которыхъ королю угодно будетъ наградить, постановлено дать 100,000 злотыхъ. Король выпросилъ это для своего племянника Іосифа Понятовскаго, заявивши предъ сеймомъ о его безкорыстіи, разсказавши, что этотъ патріотъ на колѣнахъ стоялъ предъ королемъ и просилъ его не упоминать его имени въ такомъ предметѣ. Но противъ этого возстала оппозиція. Солтыкъ (краковскій) припомнилъ, что въ 1777 году, вмѣстѣ съ отобраніемъ лучшихъ земель, Рѣчь-Посполитая лишилась также девяти городовъ и двухъ-сотъ девяноста двухъ деревень съ землею, пространствомъ на пятьдесятъ миль въ длину и на десять въ ширину, обращенныхъ изъ королевскихъ въ наслѣдственныя земли сторонникамъ раздѣла. «Я не хочу, — говорилъ онъ, — чтобы даръ Іосифу Понятовскому опирался на такой конституціи.» Онъ предлагалъ напротивъ, чтобы въ видахъ усиленія государственныхъ доходовъ наложено было по 50% со всѣхъ имѣній, поступившихъ тогда изъ королевщинъ въ наслѣдственныя владѣнія. Бѣлоцерковское староство (замѣчалъ онъ) оцѣнено по доходу въ 18 милліоновъ, а чрезъ продажу пошло бы въ 24

милліона; что̀ же несправедливаго, если владѣлецъ его будетъ платить половину получаемаго дохода въ казну?

Послѣ такихъ споровъ, 23-го апрѣля, на сеймѣ состоялось законное дозволеніе королю выплачивать ежегодно изъ казны 100,000 тому изъ особъ своего рода, кому онъ пожелаетъ, а король за то отказался отъ права королевскаго патронатства надъ тѣми королевщинами, которыя должны будутъ, по продажѣ, перейти въ наслѣдственныя имѣнія; этимъ хотѣли привлекать къ покупкѣ желающихъ. 24-го апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (urządzenie wieczyste królewszczyzn), заключающій правила о порядкѣ продажи староствъ, объ уравненіи проданныхъ со всѣми прочими наслѣдственными имѣніями по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, о ихъ обязанностяхъ и правахъ. Потомъ, стали заниматься устройствомъ военнаго управленія. Въ проектѣ, поданномъ прогрессистами, верховная власть надъ войскомъ предоставлялась королю; враги конституціи 3-го мая завопили, что проектъ этотъ угрожаетъ возможностію деспотизма. Троцкій посолъ Савицкій, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ крикуновъ противъ новаго порядка вещей, въ пространной рѣчи доказывалъ опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій, опровергая его доказывалъ, что истинная свобода неразлучна съ правильнымъ исполненіемъ закона, которое нуждается въ сосредоточенности верховной власти.

Среди этихъ воинственныхъ распоряженій поляки не забывали своихъ прадѣдовскихъ стремленій къ обращенію въ католичество православныхъ людей и къ истребленію восточнаго православія во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой; они порѣшили умножить костелы въ кіевскомъ воеводствѣ, населенномъ неунитами и назначили на каждый костелъ ежегоднаго содержанія изъ казначейства по 3,000 злотыхъ. Гнѣзненскій посолъ Брониковскій, самъ будучи протестантомъ, говорилъ горячо за это дѣло, и указывалъ, что если гдѣ, то именно въ этихъ краяхъ особенно полезно строить новые костелы, потому что тамъ народъ пребываетъ въ заблужденіи, что его слѣдуетъ просвѣщать и заохочивать къ благочестію, ибо только этимъ способомъ можно тамошнему народу внушить обязанность вѣрно служить наилучшему королю, и охранять цѣлость свободнаго отечества, обязанность, которой тамошній народъ совсѣмъ не знаетъ. Инфлянтскій посолъ Кублицкій подавалъ голосъ также и за унитскіе костелы, но проектъ его отосланъ былъ для разсмотрѣнія въ депутацію. Это стараніе о костелахъ въ землѣ, оставшейся

православною, показывало, что обѣщанія равенства, даваемыя православной религіи, были слова обманчивыя: никому тогда въ голову не приходило, что несправедливость и неуваженіе къ религіи, о которой, по ихъ взглядамъ, говорить много не стоило, была старинною язвою, разъѣвшею польскую націю. Самъ Пьятоли, казавшійся вольнодумцемъ и за то находившійся въ немилости у папскаго двора, сталъ теперь говорить, что отнюдь не слѣдуетъ давать слишкомъ широкой свободы дизунитамъ. Онъ, какъ говорятъ о немъ современники, разсчитывалъ возвыситься если не тѣмъ, то другимъ путемъ и теперь подумывалъ заслужить благоволеніе св. отца, который, хотя и благословилъ новую польскую конституцію, но былъ недоволенъ въ ней однимъ — именно предоставленіемъ правъ неунитамъ и диссидентамъ.

III.

Празднество годовщины 3-го мая. — Поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ. — Виды поляковъ. — Приготовленія къ оборонѣ [1]).

Предстоявшая годовщина 3-го мая отсрочила засѣданія сейма до 7-го мая. Къ празднику воспоминанія прошлогодней реформы въ Варшаву прибыла депутація изъ разныхъ провинцій отъ дворянъ и мѣщанъ, и стянуто было много войска. Это воспоминаніе должно было ознаменоваться заложеніемъ храма Провидѣнія, въ память возрожденія польской націи. Въ семь часовъ утра путь отъ замка къ костелу св. Креста, по Краковскому предмѣстью, былъ занятъ войскомъ, стоявшимъ по обоимъ бокамъ улицы. (Начиная отъ замка помѣстилась народовая кавалерія, далѣе слѣдовала коронная пѣшая гвардія, потомъ два батальона Дзялынскаго, а за ними три эскадрона полка королевскаго Козенецкаго и четыре эскадрона полка князя Виртембергскаго). Двери костела св. Креста были охраняемы восьмидесятью человѣками скарбоваго батальона: офицеры красовались своими парадными мундирами, шишаками и шарфами. Въ девять часовъ король двинулся изъ замка въ костелъ св. Креста, въ каретѣ, около которой ѣхали верхомъ кавалеры, а дальше слѣдовалъ полкъ конной коронной гвардіи. Сенаторы и депутаты были уже въ храмѣ. Въ дверяхъ храма епископъ познанскій и варшавскій встрѣчали короля и подавали ему для омоченія освященную воду; потомъ король вступилъ въ храмъ и

[1]) См. Источн. № 8, 12, 18, 28, 35, 53, 55, 71, 81. Тоже подлинныя дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

сѣлъ на приготовленный для него тронъ, окруженный воспитанниками кадетскаго корпуса, одѣтыми въ парадные мундиры и шишаки, и приведенными туда начальникомъ корпуса, княземъ Чарторыскимъ. Вслѣдъ за нимъ сѣли на свои мѣста сенаторы, послы отъ воеводствъ, уполномоченные отъ городовъ, коммиссары правительственныхъ учрежденій, гражданско-военная коммиссія, земянскій судъ, варшавскій магистратъ. Галлерея была занята многочисленными зрителями; множество дамъ были одѣты одинаково въ бѣлыя платья съ красными лентами и шарфами, которыхъ яркому цвѣту соотвѣтствовали красныя ленты многочисленныхъ кавалеровъ св. Станислава. Церемонія началась рѣчами. Маршалы сеймовый, коронный и литовскій, одинъ за другимъ изливали свое краснорѣчіе. Король отвѣчалъ имъ съ своей стороны складною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей сенаторы, министры, послы и городскіе депутаты подходили къ рукѣ короля, а за ними маршалы представляли королю депутатовъ отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, и трое изъ нихъ, по числу трехъ провинцій, составлявшихъ Рѣчь-Посполитую, излагали предъ королемъ, отъ имени своихъ провинцій, чувства преданности королевской особѣ и новой конституціи, и увѣряли, что ихъ шляхетская братія вся готова положить за нее животъ. Затѣмъ всѣ цѣловали руку короля. Имъ отвѣчалъ, по древнему обычаю, наблюдаемому въ такихъ случаяхъ, канцлеръ. Вслѣдъ затѣмъ отправлялась литургія, съ двумя стами музыкантовъ и пѣвчихъ. Когда запѣли «Te Deum», составленный знаменитымъ въ тѣ времена Паэзіэлло, раздалось сто пушечныхъ выстрѣловъ съ другой стороны Вислы. Во время своего нахожденія въ костелѣ, король долженъ былъ подавлять въ себѣ страхъ за свою жизнь, а окружавшія его приближенныя особы тревожно слѣдили за всякимъ движеніемъ въ толпѣ. Его предупреждали шестью безъименными письмами, что тайные враги хотятъ убить его въ день торжества 3-го мая. Онъ могъ ожидать этого отъ враговъ конституціи и приверженцевъ старины, но изъ Вѣны увѣдомляли его, что опасность грозитъ ему отъ якобинцевъ. Австрійскіе шпіоны провѣдали, что въ Страсбургѣ въ якобинскомъ клубѣ предложенъ былъ вопросъ: не полезно ли будетъ для французскихъ дѣлъ произвести безкоролевье въ Польшѣ, чтобы занять сосѣднія государства и отвлечь отъ Франціи? Станиславъ-Августъ передъ выѣздомъ на церемонію исповѣдался и причастился. По окончаніи богослуженія отправлялась церемонія заложенія храма Провидѣнія; при звонѣ колоколовъ слѣдовала процессія изъ костела св. Креста до Уяздовской улицы, посреди поставленныхъ по обѣ стороны войскъ; варшавскіе цехи съ своими

значками, за ними монашескіе ордена, городовой магистратъ, уполномоченные отъ другихъ городовъ, сеймовые послы и депутаты, присланные для торжества, сенатъ, министры, епископы, примасъ, наконецъ король, окруженный кадетами. Окна, балконы домовъ наполнены были ликующимъ народомъ. Мѣсто, гдѣ должно было совершиться торжество, окружено было гвардіею. Лежали приготовленные камни. Примасъ съ духовенствомъ въ облаченіяхъ подошли къ камнямъ. По правую руку примаса сталъ король. Примасъ совершилъ освященіе камней, потомъ подалъ королю золотую кирку и молотокъ. Положили подъ каменья медаль и нѣсколько монетъ, битыхъ въ королевствованіе Станислава - Августа. За королемъ поочереди епископы, министры, маршалы брали въ руки рабочія орудія и прилагали свою руку, а за ними предоставлена была честь взять въ руки орудія послу кіевскаго воеводства Хоецкому, потому что кіевское воеводство первое и единственное на сеймикахъ заявило желаніе давать пожертвованія на постройку храма въ теченіе шести лѣтъ. Въ заключеніе примасъ окропилъ святою водою все мѣсто, которое долженъ заключить закладываемый храмъ; епископъ луцкій Нарушевичъ проговорилъ проповѣдь, а потомъ запѣли торжественное «Veni Creator». Во все время церемоніи палили изъ пушекъ, а полкъ коронной пѣшей гвардіи стрѣлялъ изъ ружей. Обрядъ окончился въ половинѣ пятаго. Отсюда всѣ отправились на обѣды, устроенные въ разныхъ мѣстахъ по поводу торжества. На эти обѣды допускались по пригласительнымъ билетамъ. Самъ король уѣхалъ обѣдать въ Лазенки. Великій коронный маршалъ Мнишекъ, человѣкъ нерасположенный къ новому порядку, угощалъ министровъ, сенатъ и дипломатическій корпусъ. Земскіе коронные послы и уполномоченные отъ городовъ обѣдали у маршала Малаховскаго,—всего было тамъ 257 человѣкъ. Литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій угощалъ сенаторовъ и министровъ литовскихъ; Сапѣга, маршалъ литовской конфедераціи, взялъ на свое попеченіе земскихъ пословъ и уполномоченныхъ изъ Литвы, а президентъ города Варшавы, Закржевскій, давалъ пиръ въ Радзивилловскомъ дворцѣ для гражданъ изъ разныхъ городовъ, числомъ до двухъ сотъ человѣкъ. Вечеромъ тѣшились поляки великолѣпною иллюминаціею; домъ каштелянши каминской Коссаковской отличался предъ всѣми изысканностью потѣшныхъ огней. Въ театрѣ въ половинѣ 8-го давали тогда новую драму Нѣмцевича «Казимиръ Великій». Сюжетомъ нарочно было взято приглашеніе Лодовика Венгерскаго на престолъ. Въ одномъ мѣстѣ пьесы Казимиръ говоритъ министру: «не совѣтую тебѣ подущать чужестранныхъ государей, я старъ,

но пойду на войну и со мною честные поляки». Громъ рукоплесканій огласилъ театръ; король высунулъ голову изъ ложи: всѣ обратились на него и закричали виватъ. Въ дѣйствующихъ лицахъ драмы патріоты увидали себя: «и меня тамъ изобразили, говорилъ Малаховскій, и князя генерала (Чарторыскаго) въ особѣ высланнаго изъ Польши просить Лодовика Венгерскаго на польское наслѣдство». Цѣлую ночь затѣмъ всѣ проводили весело. Въ двухъ мѣстахъ, въ Радзивилловскомъ палацѣ и въ театрѣ былъ костюмированный балъ, на который приглашено было до нѣскольких тысячъ. Очевидцы съ удивленіемъ говорятъ, что несмотря на всеобщее веселіе всего народа, въ Варшавѣ не видно было ни одного пьянаго, не сдѣлано ни одного преступленія. Это былъ приснопамятный день, послѣдній день многолѣтняго обольщенія и несбывшихся надеждъ погибавшей націи, это было истинное пиршество Валтазара.

Праздникъ 3-го мая не былъ однодневнымъ. Онъ открылъ собою цѣлый рядъ торжествъ по всей Польшѣ. Повсюду устроивали торжественныя богослуженія съ пушечною пальбою, обѣды, балы, иллюминаціи. Въ Варшавѣ, 12-го мая, городъ далъ обѣдъ въ честь короля и сейма, съ символическою обстановкою. Вся зала пиршества была уставлена миѳологическими алтарями и изображеніями; здѣсь былъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; алтарь благодарности съ изображеніемъ журавля; алтарь постоянства съ горящею рукою Муція Сцеволы; дерево бдительности — миндальное дерево, на которомъ повѣшены были шпоры и часы, а внизу изображенъ пѣтухъ ищущій зеренъ; огромная скала любви къ отчизнѣ съ рыцарскимъ вооруженіемъ; колонна вѣрности, обвитая лавромъ, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху, колонна согласія съ гранатовымъ вѣнкомъ, и, наконецъ, посрединѣ скалы большая трехгранная колонна съ вензелями короля и маршаловъ, на двухъ сторонахъ и конституціи 3-го мая на третьей. Король, сенаторы и послы присутствовали на этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Радзивилловскомъ дворцѣ. Люккезини воспользовался этимъ происшествіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе такого рода: «вотъ это совершенно по-французски, въ демократическомъ якобинскомъ духѣ; мѣщане за однимъ столомъ съ королемъ и дворянствомъ». Король, услыхавъ объ этомъ, говорилъ: «ничего не было тутъ якобинскаго; мѣщане оказывали уваженіе къ дворянамъ». Люккезини нужно было придираться мало-по-малу и замѣчать якобинскій духъ въ Польшѣ: ему, вѣроятно, было извѣстно, что его король скоро ухватится за это обстоятельство для своихъ видовъ. Въ этихъ-то видахъ онъ объявилъ, будто слы-

халъ, что краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ союзъ Польши съ Франціею. Солтыкъ написалъ къ Люккезини письмо, гдѣ изъявлялъ удивленіе, что прусскій посолъ позволяетъ себѣ утверждать объ немъ то, чего ему никогда и на умъ не приходило. «Очень радъ — сказалъ Люккезини — что такая вѣсть несправедлива!»

3-го мая, вмѣстѣ съ панами, пировали и представители иностранныхъ державъ, но не всѣ. Булгаковъ тогда нарочно уѣзжалъ изъ Варшавы въ Сѣдлецъ. У него уже была въ рукахъ декларація императрицы отъ 19-го апрѣля, долженствовавшая нанести ударъ всѣмъ блестящимъ надеждамъ поляковъ. Государыня приказывала до назначеннаго времени, когда нужно будетъ оффиціально подать ее, не сообщать объ ней никому, а при подачѣ избѣгать всевозможныхъ объясненій, исключая случая, когда будутъ предложены какія-нибудь среднія мѣры: тогда можно будетъ русскому послу подать надежду на смягченіе строгости, но съ условіемъ, если не прикажутъ польскимъ войскамъ чинить малѣйшаго сопротивленія русскимъ войскамъ. Если король задумаетъ удалить русскаго посланника изъ государства, или самъ посланникъ найдетъ умѣстнымъ уѣхать, то онъ долженъ принять мѣры къ скорому выѣзду, забравъ самонужнѣйшія бумаги съ собою, а прочее поручить датскому посланнику со всѣмъ архивомъ русскаго посольства въ Польшѣ. Если же король не станетъ его удалять—онъ долженъ оставаться въ польской столицѣ и наблюдать надъ ходомъ дѣлъ и расположеніемъ умовъ. Экземпляры печатной декларацiи, которую слѣдовало подать королю, Булгаковъ долженъ былъ сообщить всѣмъ приверженцамъ Россіи, причемъ прилагались особыя письма къ канцлеру Малаховскому, къ Рачинскому и къ примасу. «Надѣемся — писала Булгакову государыня — что вѣнскій и берлинскій дворы намъ мѣшать не станутъ, ибо мы получили отъ нихъ отвѣтъ удовлетворительный, а потому сообщите посланникамъ прусскому и австрійскому по экземпляру декларацiи».

Булгаковъ, исполняя приказаніе государыни, не открывалъ никому о томъ, что намѣренъ былъ показать всѣмъ въ свое время, но мало-по-малу подготовлялъ поляковъ къ этому удару. Такъ на одномъ обѣдѣ (по извѣстію короля въ одномъ изъ частныхъ его писемъ), въ концѣ апрѣля, Булгаковъ сказалъ Казиміру-Нестору Сапѣгѣ: «я жалуюсь, что у вас на почтѣ пересматриваютъ письма». Сапѣга замѣтилъ: «сеймъ запретилъ открывать письма. Самъ король подтвердилъ тоже; притомъ это было бы напрасно; извѣстно, что дипломатическія письма пишутся шифромъ, слѣдовательно и вскрытіе писемъ было бы безполезно. А если бы въ самомъ дѣлѣ дѣлалось подобное, то это дѣлалось

бы по примѣру другихъ дворовъ, и между прочимъ петербургскаго». Булгаковъ замѣтилъ съ ироніей: «вѣдь это дѣлается въ краяхъ издавна деспотическихъ, а въ вашей сторонѣ деспотизмъ утвердился только съ 16-го апрѣля».—Большая разница, сказалъ Сапѣга, между деспотизмомъ и сеймовымъ принятіемъ мѣръ на случай обороны края. — «Этимъ поступкомъ, сказалъ Булгаковъ, поляки какъ бы объявили войну всей Европѣ, а Россіи въ особенности». — Если бы вы, сказалъ Сапѣга, не знали такъ хорошо по-французски, я бы позволилъ себѣ думать, что вы не поняли смысла нашего постановленія. Оно имѣетъ только оборонительный смыслъ. — «Но вы, господа, нарушили трактаты 1762 и 1775 годовъ». — Сапѣга сказалъ: трактатъ 1762 года ручался намъ въ цѣлости нашихъ областей, — а потомъ у насъ отняли провинціи. — «Ваши послы, сказалъ Булгаковъ, не имѣли права сдѣлать то, что сдѣлали 3-го мая». — Цѣлый народъ совершилъ это дѣло, сказалъ Сапѣга. Народъ нашъ ни на кого не хочетъ нападать, а хочетъ только охранить свои границы, свободу и независимость. Мы правы. Мы надѣемся на покровительство Божіе». — Булгаковъ разгорячившись сказалъ: «Призывайте же покровительство Божіе какъ вамъ угодно, а если тѣмъ временемъ войска наши войдутъ въ ваши владѣнія *и займутъ половину земель вашихъ?»* Слова эти произвели непріятное впечатлѣніе. Самъ Булгаковъ, говоритъ король въ своемъ письмѣ, спохватился и увидѣлъ, что зашелъ уже далеко, но на другой день одинъ изъ чужеземныхъ министровъ успокоивалъ мнительныхъ, говоря имъ: «Коли министръ такъ высокомѣрно говоритъ, значитъ только стращаетъ, а дворъ его въ самомъ дѣлѣ такъ не думаетъ». Этимъ поляки успокоились и говорили: «ну, пусть себѣ онъ болтаетъ, а мы будемъ продолжать наши приготовленія къ оборонѣ». Во дворцѣ, въ интимныхъ бесѣдахъ, разсуждали какъ вести войну, если бы до нея дошло. Пьятоли былъ тогда задорнѣе всѣхъ, совѣтовалъ немедленно собрать посполитое рушенье, съ вооруженными силами войти въ предѣлы Россіи и идти прямо на Москву. Многіе раздѣляли его храбрость, и съ презрѣніемъ отзывались о силахъ Россіи; они были увѣрены, что поляки всегда могутъ отразить и побить москалей, но боялись собственной испорченности. «Нашихъ можно легко купить; —говорили они—враговъ у конституціи много, когда они увидятъ, что Россія идетъ противъ конституціи, станутъ сейчасъ кричать: вотъ вамъ ваша конституція войну принесла». «Наша надежда — говорили ярые прогрессисты,—собрать посполитое рушенье, объявить вольность крестьянамъ, вооружить весь простой народъ. Мы возстановимъ противъ москалей русиновъ;

возмутится вся Бѣлая Русь и Украина, возстанутъ казаки». Съ этой цѣлью маршалъ Потоцкій приказалъ перевести по-русски конституцію 3-го мая, и въ Вильнѣ приготовлялись брошюры нъ русскомъ языкѣ, съ цѣлью поднимать русскій народъ. Но тота же Потоцкій въ минуты разсудительности говорилъ: «двѣсти штыковъ вынудятъ двѣ тысячи подписей, впереди которыхъ будутъ стоять имена Ржевускаго и Потоцкаго, и Россіи представится прекрасный случай поработить насъ подъ предлогомъ водворенія порядка между нами. У Щенснаго Потоцкаго тридцать тысячъ казаковъ. Религія для императрицы — отличное средство поднять украинскихъ хлоповъ и напустить на насъ. Прибавьте страхъ и подкупъ. Этимъ можно много съ нами сдѣлать». Чтобъ отклонить отъ Польши гнѣвъ Екатерины, Игнатій подумывалъ и о томъ, какъ сойтись съ нею и разсчитывалъ, что въ крайнемъ случаѣ Польшѣ можно будетъ предложить наслѣдственный польскій престолъ ея второму внуку Константину. Въ Константинополѣ между тѣмъ поляки продолжали напрасно настроивать Турцію, побуждая ее объявить войну Россіи. Но отъ горячности, они легко переходили къ обычной безпечности и соображали, что, быть можетъ, войны не будетъ, что Россія не осмѣлится напасть на Польшу, что она только пугаетъ поляковъ. Иные же, успокоиваемые приверженцами Россіи, были такъ далеки отъ всякихъ опасеній на счетъ Россіи, что всю тогдашнюю тревогу приписывали хитрости правительственной партіи, которая нарочно распускаетъ слухи, будто Россія грозитъ Польшѣ войною, для того, чтобы имѣть возможность создать вооруженную силу.

Австрійскій посолъ хранилъ двусмысленное молчаніе, или отвѣчалъ такъ, что поляки могли думать и такъ и иначе, и надѣяться и бояться. Онъ уже имѣлъ отъ своего правительства отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать оффиціально въ такомъ случаѣ, когда поляки, получивъ отъ Булгакова декларацію, обратятся къ нему, а теперь Декаше, вообще человѣкъ суровый, молчаливый, ограничивался фразами въ родѣ слѣдующей: «я увѣренъ, что мой дворъ будетъ заниматься дѣлами Польши». По отношенію боязни со стороны Россіи, онъ говорилъ: «я не вижу никакихъ явныхъ признаковъ опасности нападенія». Люккезини по прежнему то поджигалъ поляковъ на Россію, то приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Онъ извѣщалъ, что Австрія и Пруссія заключаютъ между собою союзъ, и побуждалъ поляковъ стараться какъ-нибудь ввести и Польшу въ этотъ союзъ. «Мы думаемъ, — писалъ король 2-го мая, — какъ бы сдѣлать, чтобы Вѣна и Берлинъ попросили насъ пристать къ сво-

ему союзу; надобно стараться черезъ курфирста: онъ самъ долженъ желать, чтобы народъ, который избралъ его королемъ, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ». Но 4-го мая Люккезини жестоко облилъ короля и патріотовъ холодною водою. Ему сообщили о мѣрахъ, которыя принимаетъ Польша къ защитѣ. Онъ отвѣчалъ: «его величество, король прусскій, не входитъ въ разсужденія о сеймовыхъ постановленіяхъ, которыхъ предметы до него вовсе не касаются». Когда Игнатій и Северинъ Потоцкіе хотѣли, каждый особо, вызвать его на объясненія и ссылались на союзные трактаты, то услышали отъ него еще болѣе зловѣщія рѣчи: «его величество, король прусскій, не принималъ участія въ томъ, что́ замышляли король и сеймъ, а потому онъ и не обязанъ давать помощи, такъ какъ объ этомъ не было сказано въ союзномъ трактатѣ». 8-го мая онъ говорилъ имъ же: «вы всѣмъ обязаны королю прусскому, не сомнѣвайтесь въ его честности и искренности, но помните, что вы установили наслѣдственное правленіе безъ его вѣдома. Если бы Пруссія согласилась на это, Россія ни за что не захочетъ. Самъ князь-избиратель объявлялъ уже, что не приметъ короны безъ согласія трехъ державъ. Лучше было бы, если бы поляки не затѣвали этого, а устроивали у себя то, что́ можетъ имъ принести существенную пользу, чѣмъ рисковать все потерять изъ-за своего упрямства». Потоцкіе просили его объясниться вполнѣ и сказать откровенно, что король прямо противится наслѣдственному правленію въ Польшѣ. «Я никогда этого не говорилъ,— сказалъ Люккезини,—и если бы такъ сказалъ, то черезъ двѣ недѣли меня бы отозвали отсюда». Ему представляли: «если Москва насъ до конца завоюетъ, это не можетъ быть пріятно его величеству королю прусскому; тогда и для него будетъ не безопасно отъ близости московской силы! Если даже, не завоевавши насъ, Москва опять возьметъ насъ въ прежнія путы и возстановитъ въ Польшѣ избирательное правленіе, то отъ этого польза будетъ Москвѣ, а не Пруссіи. Лѣтъ черезъ двадцать въ Польшѣ періодически будутъ возобновляться непріятныя для сосѣдей безпорядки, а изъ нихъ пользу извлекать будетъ для себя одна Москва». Люккезини отвѣчалъ: «Россія не возобновитъ своего прежняго вліянія на Польшу даже и тогда, когда бы Польша сама отдалась ей безотпорно. Пруссія и Австрія не допустятъ до этого. Иное дѣло, когда васъ хотятъ заставить отмѣнить наслѣдственное правленіе, а иное дѣло — завоевать провинціи. Помните, что король никогда не гарантировалъ вамъ наслѣдственности. Договоръ съ Пруссіею обезпечивалъ для Польши только цѣлость и независимость, а не конституцію, выдуманную

послѣ договора. Мой дворъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, а я вамъ скажу: вотъ скоро придется мнѣ начать свою настоящую роль. Россія васъ стращаетъ, будто хочетъ идти на васъ войною; Россія не пойдетъ. Это выдумка. Безъ согласія Пруссіи она не отважится на такое дѣло».

Изъ Петербурга поляки получали тайныя извѣстія, что прусскій посланникъ въ Россіи работаетъ въ русской столицѣ, чтобы императрица сама взяла энергическое рѣшеніе относительно польскихъ дѣлъ, для того, какъ объясняли поляки, чтобы сбросить на одну Россію всю черноту противодѣйствія, которое обстоятельства не позволяютъ сдѣлать прямо. Нѣкоторые въ минуты проницательности говорили: «въ случаѣ нападенія отъ Россіи, опасно намъ адресоваться оффиціальнымъ путемъ къ берлинскому двору; послѣ того, что намъ объявили, надобно ожидать, что Пруссія насъ оставитъ». Но потомъ, поляки, при малѣйшей возможности готовые все видѣть въ розовомъ свѣтѣ, приходили еще на счетъ Пруссіи къ утѣшительнымъ заключеніямъ, и многіе находили, что для нихъ въ этомъ нѣтъ еще важной и явной опасности. «Пруссія — говорили они — хочетъ насъ настращать, какъ будто бы насъ совсѣмъ оставляетъ, чтобы мы испугались и полѣзли къ Москвѣ на колѣняхъ, въ надеждѣ, что Москва заставитъ насъ отказаться отъ наслѣдственнаго правленія, а прочее все въ конституціи оставитъ. Пруссія оттого намъ не хочетъ помогать, что французы объявили уже войну венгерскому и чешскому королю, и Пруссія поневолѣ теперь должна вступить въ войну съ французами, а потому ей неудобно завязаться въ войну съ Москвою, и она хочетъ увѣрить насъ, что войны не будетъ, чтобы мы не зацѣпляли и не раздражали Москвы; но если Москва насъ начнетъ одолѣвать, прусскій король необходимо намъ поможетъ; онъ не можетъ этого не сдѣлать, пусть только Москва начнетъ непріятельскія дѣйствія, мы по всѣмъ правамъ нашимъ обратимся за помощью къ Пруссіи».

Шагъ, сдѣланный поляками къ тому, чтобъ князь-избиратель постарался ввести Польшу въ союзъ между Пруссіей и Австріей, былъ неудаченъ. Саксонскій министръ Эссенъ отвѣчалъ въ началѣ мая, что полякамъ всего удобнѣе обратиться за этимъ прямо къ прусскому королю, какъ къ своему союзнику. Вслѣдствіе такого отвѣта король лично сказалъ прибывшему въ Варшаву другому министру саксонскому, Лобену: «какъ же намъ обращаться къ Пруссіи, когда Люккезини даетъ намъ понять, что его король оставляетъ насъ совершенно на зарѣзъ Москвѣ, и притомъ насъ укоряютъ за то, что мы стоимъ упорно за наслѣдственное правленіе, когда самъ князь-избиратель будто бы

рѣшительно не хочетъ короны. Все это противно тому, что было прежде; прусскій король соизволялъ не только на введеніе наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, но даже на перемѣну наслѣдника князю-избирателю, когда, вмѣсто инфанты, предполагалось дѣлать преемникомъ ему брата его. Намъ объ этомъ доносилъ князь-генералъ Чарторыскій, когда онъ еще былъ въ Дрезденѣ».

«Сомнѣваюсь, чтобы существовало подобное заявленіе», сказалъ Лобенъ къ удивленію короля. Двусмысленное и черезчуръ холодное поведеніе благоразумнаго князя-избирателя чрезвычайно раздражало поляковъ. Они хотѣли бы запутать его въ свои дѣла и сдѣлать отвѣтственнымъ за свои ошибки. «Вѣдь выборъ его — говорили они — единственная и главнѣйшая причина угрожающей намъ войны!» Они убѣждали Лобена и Эссена побудить князя-избирателя сдѣлать оффиціальное заявленіе, которое бы, какъ они выражались, могло дать противовѣсіе интригамъ и кознямъ берлинскимъ и петербургскимъ.

«Пусть — говорили они саксонскимъ министрамъ, — князь-избиратель приметъ на себя посредничество предъ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, чтобы они не допускали Россію нападать на польскую территорію. Пусть представитъ прусскому королю, что его собственные интересы требуютъ этого. Одно несогласіе Россіи на то, чтобы князь-избиратель былъ польскимъ королемъ, развѣ не есть достаточная причина соединиться съ Польшею и дѣйствовать съ нею за-едино?» Даже нерѣшимость курфирста приступить къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ пользу Польши, называли главною причиною, ободрявшею враговъ Польши. Была мысль поправить разстроенное дѣло съ Саксоніею, надѣялись войти въ новые переговоры съ Лобеномъ, сдѣлать уступки саксонскому князю-избирателю и склонить его защищать Польшу. «Ни мнѣ, ни моему товарищу — говорилъ по этому поводу Эссенъ, — нечего толковать съ поляками; если они наговорятъ ему комплиментовъ въ благодарность за тѣ, которые онъ имъ привезъ, это иное дѣло; онъ будетъ ихъ слушать».

Сеймовыя засѣданія, открытыя 7-го мая, посвящены были предметамъ, относящимся къ оборонѣ края. Рѣшено было учредить два казацкихъ, два татарскихъ полка, четыре батальона вольныхъ охотниковъ, выдать генераламъ отдѣльныхъ корпусовъ на издержки по 2000 червонцевъ; затѣмъ занимались просмотромъ проекта устройства войсковой коммиссіи. Посолъ кіевскій Хоецкій предложилъ проектъ, чтобы въ случаѣ наступательной войны всякій полякъ былъ объявленъ врагомъ отечества, если соединится съ непріятелемъ; половина его имѣнія

подвергается секвестру, другая же остается наслѣдникамъ, которые могутъ быть честными гражданами, потому не слѣдуетъ имъ терпѣть за преступныхъ родныхъ. Другіе стали оспаривать это. Радзишевскій, посолъ стародубскій, говорилъ: «я убѣжденъ, что Польша не увидитъ у себя такого гражданина, который былъ бы до того злобенъ, чтобы осмѣлиться вести непріятеля на отечество, но если бы нашлось такое чудовище, для чего щадить племя его? Напротивъ, любовь къ дѣтямъ удержитъ его скорѣе отъ измѣны, если онъ будетъ знать, что все потомство его будетъ отвѣчать за него». Онъ предлагалъ проектъ отбирать все имущество у тѣхъ, кто будетъ приводить непріятельскія войска или соединится съ непріятелемъ, предоставляя четвертую часть тому, кто такого измѣнника приведетъ живымъ или принесетъ его голову. Другіе доказывали, что невинныя дѣти, по законамъ справедливости, не могутъ отвѣчать за отцовъ. Король говорилъ также въ умѣренномъ духѣ, и наконецъ порѣшили и постановили, что имѣнія измѣнниковъ, оказавшихся виновными по сеймовому суду, имѣвшему право судить государственныя преступленія, остаются въ секвестрѣ до смерти виновнаго, а потомъ передаются наслѣдникамъ всецѣло. По проекту жмудскаго посла Олендскаго постановлено, чтобы вредъ, нанесенный въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и селъ, или посредствомъ совершеннаго разогнанія жителей, былъ вознаграждаемъ впослѣдствіи раскладкою на всю націю.

14 мая, депутація, нарочно назначенная для составленія закона о средствахъ къ оборонѣ, подала свой проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ двадцати пунктовъ:

«Всѣ надворныя команды, гдѣ бы то ни было, и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вооруженныя, должны перейти подъ начало командующихъ регулярными войсками, по предписаніямъ, даннымъ исполнительною властью. Въ случаѣ нежеланія владѣльцевъ добровольно отдать свои надворныя команды для общаго дѣла, войсковые командиры должны у такихъ командъ забрать оружіе и боевые припасы и заплатить за нихъ владѣльцу, если не произойдетъ обоюднаго согласія, по цѣнамъ, назначеннымъ порядковыми гражданско-военными коммиссіями; предоставлялось, впрочемъ, владѣльцамъ, если пожелаютъ, получить оружіе обратно, по минованіи войны, съ правомъ требовать уплаты по цѣнѣ, указанной командирами въ случаѣ пропажи взятыхъ у нихъ вещей. Такому обезоруженію нигдѣ не подвергаются, однако, граждане, имѣющіе оружіе у себя для домашняго употребленія.

Въ мѣстахъ, особенно подверженныхъ опасностямъ, командиры, однако, могутъ оставлять у владѣльцевъ не болѣе сорока человѣкъ для защиты. Если бы гдѣ-нибудь владѣльцы стали открыто противиться этому распоряженію, тогда командиры войскъ прибѣгнутъ къ силѣ; такимъ, у которыхъ подданные обязаны за поземельные участки нести военную повинность въ надворной милиціи, исполнительная власть будетъ, по обоюдному согласію съ владѣльцами, выплачивать за употребленную на государственное дѣло милицію, а въ случаѣ несогласія владѣльца, послѣдній долженъ отдать все оружіе и боевые припасы по установленной цѣнѣ, и обязаться подпискою, что никогда не употребитъ своей милиціи противъ отечества и правительства.

Исполнительная власть разошлетъ черезъ гражданско-военныя порядковыя коммиссіи зазывные универсалы, которые будутъ читаться священниками съ амвоновъ по приходамъ, приглашать охотниковъ идти на защиту отечества, а прочихъ прихожанъ возбуждать къ посильному пожертвованію. Желающіе на собственный счетъ записываться въ охотники или сами, или съ своими людьми, въ теченіи мѣсяца отъ опубликованія универсала въ порядковыхъ коммиссіяхъ своего повѣта, обязывались стать къ дѣлу черезъ двѣ недѣли по призывѣ отъ коммиссіи, ничего не требуя отъ правительства или на всю войну, или на опредѣленное время, по договору, но не иначе, какъ обязавшись служить, по крайней мѣрѣ, на одну кампанію. Одинъ классъ охотниковъ составятъ тѣ, которые обяжутся служить или доставить людей въ службу вполнѣ на своемъ иждивеніи; другіе, которые, хотя и явятся съ своими лошадьми, вооруженные, но потребуютъ казеннаго жалованья, составятъ второй классъ; тѣ же, которые доставятъ людей въ вооруженіи и съ лошадьми, но на казенномъ иждивеніи, — составятъ третій классъ. Немогущіе служить лично и доставлять людей къ службѣ, могутъ участвовать въ дѣлѣ защиты отечества посредствомъ посильныхъ пожертвованій, вносимыхъ въ какую угодно порядковую коммиссію. Всякій можетъ записать въ такой коммиссіи свое мѣсто жительства и обязаться въ теченіе двухъ недѣль доставить деньги, оружіе, порохъ, фуражъ, провіантъ или вещи, служащія въ награду отличившимся. Такіе составятъ пятый классъ. Каждый такимъ образомъ жертвующій, при неисполненіи обѣщаннаго отъ себя, можетъ подвергнуться военной экзекуціи отъ той команды, которая будетъ состоять при каждой порядковой коммиссіи. Списки жертвователей будутъ присылаться въ войсковую коммиссію, которая будетъ доставлять ихъ королю въ Стражѣ, а король и Стража будутъ по этому дѣлать свои соображенія. Всѣхъ охотниковъ порядковыя гражданско-военныя коммиссіи

должны привесть къ присягѣ по формѣ, въ которой вступающій на службу обязывается быть вѣрнымъ королю и Рѣчи-Посполитой, не покидать службы, состоять въ повиновеніи у командировъ, идти куда приказаніе послѣдуетъ, и не дѣлать насилія никому изъ соотечественниковъ. По произнесеніи присяги, порядковая гражданско-военная коммиссія передаетъ охотниковъ, равно какъ и всякія пожертвованія, офицеру, присланному отъ командира, за квитанціею. Состоя въ повиновеніи у присланнаго за ними офицера до самаго прибытія на мѣсто своего назначенія, гдѣ охотники дадутъ вторичную присягу, они по окончаніи своей службы возвращаются въ сопровожденіи офицера и отряда въ порядковыя коммиссіи своей мѣстности.

Тотчасъ послѣ этого проекта добржанскій посолъ Збонискій пожертвовалъ 40,000 злотыхъ, которыя просилъ записать на своемъ имѣніи, предоставивъ 5% съ этой суммы для наградъ отличившимся, а цѣлый капиталъ обратилъ впослѣдствіи на госпиталь. Князь Іосифъ Любомирскій пожертвовалъ 4 шести-фунтовыя пушки, а банкиръ Бланкъ изъявилъ готовность дать Рѣчи-Посполитой сто тысячъ червонныхъ злотыхъ взаймы, безъ процентовъ, на 5 мѣсяцевъ. Тогда поляки, по обычаю, восхищаясь, какъ великимъ историческимъ подвигомъ, этимъ постановленіемъ, заранѣе воспѣвали свои будущія побѣды надъ москалями: — «что полякъ, то богатырь, и съ такимъ воинствомъ, съ тобою, король, на челѣ, мы достигнемъ нашихъ цѣлей», говорили сочиненныя тогда вирши [1]).

Хотя Булгаковъ и не подавалъ еще оффиціально декларацiи, но она уже была извѣстна по тѣмъ спискамъ, которые были прежде сообщены приверженцамъ Россіи. Уже всѣ видѣли, что война виситъ надъ Польшею; уже не только дѣлались распоряженія, но и двигалось войско. 9 мая прошла черезъ Варшаву въ Литву на границу Россіи бригада народовой кавалеріи Яна Потоцкаго, авангардный полкъ князя виртембергскаго, на другой день два батальона полка Дзялынскихъ съ артиллеріей. Народъ провожалъ ихъ съ восторгомъ. Предводителемъ войскъ въ Украинѣ назначили Іосифа Понятовскаго, племянника короля, а въ Литвѣ князя виртембергскаго. Этотъ послѣдній, хотя родственникъ Чарторыскимъ, былъ въ то же время родной братъ русской великой княгини Маріи Θедоровны. Булгаковъ уже заранѣе доносилъ государынѣ, что виртембергскій не будетъ драться противъ Россіи и постарается уѣхать въ деревню.

[1]) Co polak to bohatyr, a z takim żołnierzem
Ciebie maiąc na czele doydziem gdzie zamierzem.

Въ это критическое время Изба обратилась и къ тому вопросу, о которомъ поляки старались какъ можно меньше думать — къ православной религіи. Давно уже назначена была и составилась конгрегація въ Пинскѣ. Теперь, когда Польшѣ угрожала православная держава, было кстати подумать, наконецъ, объ этомъ предметѣ. Брацлавскій посолъ Леженскій 12 мая проговорилъ рѣчь, въ которой выражался такъ: «Мы, представители украинскихъ областей, не столько боимся чужихъ враговъ, сколько желаемъ быть увѣренными въ вѣрности народонаселенія, среди котораго живемъ. Необходимо, чтобъ тѣ, которые соединены съ врагами одною вѣрою, не подвергались отъ послѣднихъ искушеніямъ. Кіевъ — столица духовнаго неунитскаго начальства, съ своими пещерами соблазняетъ ихъ. Народъ ходитъ туда на поклоненіе и тамъ напивается яда непріязни къ Польшѣ. Невинныя души совращаются духовнымъ орудіемъ. Надобно пресѣчь это зло. Надобно учредить въ нашемъ краѣ іерархію неунитскаго обряда. Неунитское духовенство уже расположено къ той конгрегаціи, которую такъ благоразумно и примѣрно устроилъ панъ сендомирскій посолъ Кохановскій. Пусть неуниты не отыскиваютъ себѣ за границею духовенства». Товарищъ его, другой брацлавскій посолъ, Ярошинскій, говорилъ: «Въ нашемъ краѣ у дизунитовъ нѣтъ иныхъ пастырей, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ имъ сосѣднее государство. Вышедшіе изъ-за границы духовные, безъ воспитанія, безъ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ званія, въ своемъ невѣжествѣ и сами думаютъ и другихъ учатъ, что всѣ, которые не одной съ ними вѣры, имъ враги. Гнѣздо мое въ Брацлавщинѣ. Я собственнымъ опытомъ и преданіемъ, перешедшимъ отъ моихъ предковъ, убѣдился, что сколько тамъ ни было безпорядковъ, междоусобій, кровопролитій — всѣ они совершались во имя этой униженной религіи. Я видалъ въ Межигорскомъ монастырѣ и въ Кіевопечерскомъ портреты Хмельницкаго, Дорошенка, Гонты, Зализняка въ рыцарскомъ видѣ, съ искусительными надписями. Это у нихъ святые воители, погибшіе отъ рукъ поляковъ. Установленіемъ отдѣльной іерархіи и расширеніемъ нравственнаго воспитанія духовенства мы сотремъ съ нашего народа это пятно. Каждый нравственный соотечественникъ пусть покажетъ на дѣлѣ то убѣжденіе, что господствующая вѣра въ государствѣ не должна имѣть цѣлію преслѣдованіе другихъ исповѣданій».

Поляки говорили, будучи на краю погибели такъ, какъ бы имъ слѣдовало говорить за сто пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но и на этотъ разъ они ограничились словами. Никакого окончательнаго рѣшенія по этому вопросу не послѣдовало въ то засѣданіе, когда говорились эти рѣчи.

III.

Объявленіе деклараціи Екатерины. — Впечатлѣніе ея на поляковъ. — Послѣднія распоряженія и закрытіе сейма. — Воззваніе къ народу. — Отвѣтъ на декларацію [1]).

Наступило 18 мая, день, памятный и печальный въ польской исторіи. Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хребтовичу декларацію императрицы Екатерины на русскомъ языкѣ, съ французскимъ переводомъ. Содержаніе ея было таково: «Польская нація во зло употребила оказанныя императрицею благодѣянія; ея благія намѣренія относительно Польши были представляемы въ ложномъ свѣтѣ, и въ особенности ея гарантія твердости законовъ и правленія республики, тогда какъ другія государства, и въ особенности германскія сами желали и просили такой гарантіи, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей. Захватившая въ свои руки въ настоящее время господство факція, вопреки принятой Россіею на себя гарантіи стариннаго устройства республики, самовольно вымыслила новое монархическое устройство, уничтожающее свободу и благосостояніе польской націи. Но мало того, что эта овладѣвшая правленіемъ партія вызывала опасности внутри государства, она хотѣла поссорить Польшу съ сосѣдними государствами, преимущественно же съ Россіею, державою издавна дружелюбною Польшѣ, и наносила ей оскорбленія, а именно: 1) во время турецко-шведской войны наглымъ образомъ требовала очистки польской территоріи отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, прямо позволяла себѣ всякія ругательства и брань на Россію, дѣлала оскорбленія и стѣсненія русскимъ подданнымъ, спокойно и мирно исполнявшимъ свои занятія въ польскихъ областяхъ, какъ-то: подвергала ихъ пыткамъ, а по вынужденнымъ пытками показаніямъ и жестокимъ казнямъ, преслѣдовала епископа переяславскаго и архимандрита слуцкаго, не оказала законнаго удовлетворенія надъ виновными солдатами, которые вторглись въ русскую посольскую церковь и извлекли оттуда духовное лицо, заключила его въ темницу, и поставила передъ судомъ, которому онъ, какъ русскій подданный, не подлежалъ; — заключила съ Турціею союзъ и возбуждала ее противъ Россіи, и наконецъ дозволяла себѣ на самомъ сеймѣ неуважительные отзывы о государынѣ. Главы пар-

[1]) См. Ист. № 18, 8, 12, 28.

тіи не только не останавливали, но еще и одобряли это. Причины менѣе важныя, чѣмъ эти, были бы достаточны для того, чтобы требовать за нихъ удовлетворенія, но императрица различаетъ факцію отъ націи. Забывая неумѣстные поступки въ отношеніи себя, императрица не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патріотическою доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества. Составляя съ этой цѣлью конфедерацію, они обратились съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ императрицѣ, и государыня обѣщала имъ помощь, а потому повелѣла части своихъ войскъ вступить въ Польшу для возстановленія древнихъ польскихъ правъ и вольностей. Ея Величество ласкаетъ себя надеждой, что всѣ добрые и истинно любящіе свое отечество поляки увидятъ, что пользѣ ихъ собственнаго дѣла будетъ способствовать то, если они отъ всего сердца и отъ всей души вмѣстѣ со всѣми истинными патріотами станутъ содѣйствовать великодушнымъ стараніямъ императрицы, возвратить Рѣчи-Посполитой ея свободу и законность, похищенныя мнимою конституціею 3-го мая 1791 года. Если есть нѣкоторые, которые стѣсняются присягою, данною ими по ошибкѣ или по принужденію, по насилію и обольщенію, они должны убѣдиться, что единственная истинная и правдивая присяга для нихъ есть только та, по которой они обѣщались сохранять и защищать свое прирожденное свободное республиканское правленіе, и что воспринятіе этой прежней клятвы есть единственное средство загладить ихъ клятвопреступленіе, совершенное новою присягою. Если же найдутся люди, которые по упрямству или по неправильному настроенію мыслей, которыми они увлеклись, станутъ сопротивляться благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы и патріотическимъ желаніямъ своихъ согражданъ, то такіе пусть припишутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе, тѣмъ болѣе заслуженное, что отъ нихъ зависѣло избѣжать его скорѣйшимъ и искреннымъ отреченіемъ отъ своихъ заблужденій.» Всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь.

Булгаковъ вручилъ декларацію Хребтовичу. Послѣдній сказалъ: «я не стану читать этого, а передамъ непосредственно королю. Но я угадываю содержаніе, и было бы желательно, если бы все это окончилось дружелюбно».—«Это отъ васъ зависитъ—отвѣчалъ посолъ императрицы—вы можете поправить дѣло легко. Вступленіе войскъ ея величества не война, а дру-

жеская помощь, по сосѣдству, для возвращенія вольности и законнаго правленія. Мѣры строгости тотчасъ будутъ смягчены, если войска наши не встрѣтятъ препятствій и сопротивленія». Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ примасу и вручилъ ему высочайшее письмо. Примасъ, какъ и Хребтовичъ, сказалъ: «все это можно бы уладить и безъ мѣръ строгости; сейчасъ поѣду къ королю». И онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ изъ Варшавы въ свои имѣнія. Булгаковъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ его.

Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ Люккезини и къ Декаше и сообщилъ имъ, по приказанію императрицы, копіи съ декларація. «Мнѣ извѣстно—сказалъ ему Люккезини—отъ моего короля, что его величество предложилъ ея величеству, для избѣжанія строгихъ мѣръ, подать отъ трехъ дворовъ совмѣстную декларацію для достиженія цѣли». Въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ изъявлялъ полное сочувствіе дѣйствіямъ императрицы. Декаше сказалъ Булгакову уклончиво: «я не имѣю отъ своего двора еще никакихъ инструкцій по этому предмету». Но австрійскій посолъ лично раздѣлялъ взгляды русскаго посла.

Грозная декларація была прочитана на сеймѣ въ собраніи 21-го мая, главнымъ изъ виновниковъ конституціи Коллонтаемъ. Члены сейма встрѣтили этотъ ударъ молчаніемъ. Король сталъ говорить рѣчь.

«Вы видите, сказалъ онъ, какъ относится это писаніе къ нашей конституціи 3-го мая, и ко всѣмъ вашимъ поступкамъ, предшествовавшимъ этому дѣлу. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе отечества! Видите стремленіе унизить настоящій сеймъ, слышите и угрозы нашей независимости. Есть два средства защиты и спасенія отечества. Первое составляетъ все, на что можетъ рѣшаться отвага и мужество. Я заранѣе соглашаюсь на все, что вы, почтенные члены, установите, и обѣщаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другое средство—сношенія. Обратимся къ союзнику нашему королю прусскому. Вы помните, какъ почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля — освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего края русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе, и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, обѣщая намъ ходатайства и—помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Вы

слышали въ деклараціи, поданной намъ, что намъ ставятъ въ вину тѣ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единомышленіи съ прусскимъ королемъ. Обратимся также къ его величеству, венгерскому королю: онъ намъ сосѣдъ, и его собственный интересъ требуетъ, чтобы Польша не была возмущена, завоевана, и не попала въ зависимость отъ такого государства, которое нѣсколько вѣковъ отдѣлялось Польшею отъ его владѣній. Всего естественнѣе обратиться намъ къ саксонскому князю-избирателю; мы ему оказали столько расположенія, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящія непріятности. Если бы нашлись и другіе пути сношеній, не слѣдуетъ пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленіями, какія могутъ быть сдѣланы со многихъ сторонъ для отклоненія несчастій, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствія, тяжелыя для человѣколюбія, безъ сомнѣнія, противны нѣжному сердцу этой государыни; пусть только ей будетъ объяснено, что донесенія нашихъ собственныхъ соотечественниковъ несообразны съ истиной, что въ день 3-го мая 1791 года совсѣмъ не происходило насилій, о которыхъ говорится въ деклараціи, и наше новое правительственное уложеніе не ниспровергаетъ ни свободы, ни республиканскаго строя. Невѣроятно, чтобы ея величество императрица, получивъ вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, пожелала домогаться исполненія выраженныхъ въ деклараціи желаній, когда истина, справедливость и миролюбіе заговорятъ въ ней». Далѣе въ своей рѣчи король призывалъ сеймъ думать и изыскивать всѣ средства къ оборонѣ отечества, и приглашалъ поговорить объ этомъ на частномъ засѣданіи въ домѣ маршала Малаховскаго. Король не забылъ напомнить, что теперь слѣдуетъ всѣми силами охранять русскаго посла отъ всякихъ, могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ, непріятностей.

Въ это роковое засѣданіе поляки рѣшили дѣло о дизунитахъ и утвердили всѣ постановленія конгрегаціи, бывшей еще въ іюнѣ 1791 года въ Пинскѣ; по вопросу объ умиротвореніи восточной церкви, теперь только сеймъ, наконецъ, призналъ существованіе особой іерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи-Посполитой [1]). Чтобъ не

[1]) Сущность предполагавшагося устройства православной церкви была такова: Должна установиться правильная іерархія изъ архіепископа и трехъ епископовъ съ національнымъ синодомъ, которые уже никакъ не станутъ обращаться къ Россіи, а будутъ зависѣть отъ государственной власти въ Польшѣ, находиться подъ благословеніемъ и посвященіемъ константинопольскаго патріарха и относиться къ нему по

показать свѣту своего промаха и несправедливости къ православному духовенству, признали виновнымъ въ нарушеніи спокойствія страны архіерея Садковскаго и съ нимъ его секретаря Алексѣя Чернявскаго, священника Рубиновича, Си-

аппелляціямъ. Епархіи дѣлятся на протопопіи; въ каждой изъ послѣднихъ управляетъ протопопъ извѣстнымъ округомъ приходовъ съ двумя священниками и ассесорами изъ свѣтскихъ особъ, выбранными на четыре года. Черезъ каждые четыре года пятаго числа мая въ протопопіи собирается конгрегація изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ и депутатовъ свѣтскаго званія, повѣрять управленіе протопопіи, выбирать ассесоровъ и дѣлать постановленія на будущіе четыре года. Съ такой конгрегаціей протопопъ и старшій братъ изъ братства свѣтскаго званія по выбору ѣдутъ къ 15-му мая на епархіальную конгрегацію, куда и монастыри присылаютъ своихъ настоятелей или выборныхъ, для повѣрки управленія епархіею, для разныхъ соображеній и постановленій на будущее время, выбора ассессора въ епархіальную консисторію и восьми депутатовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ на половину въ генеральную конгрегацію, которая собирается въ тотъ же годъ 15 іюня подъ предсѣдательствомъ архіепископа и состоитъ изъ епископовъ, архимандритовъ, ассессоровъ генеральной консисторіи и депутатовъ, присланныхъ отъ епархіальныхъ конгрегацій. Генеральная конгрегація будетъ избирать владыкъ и архимандритовъ, повѣрять управленіе церковью и рѣшать разныя дѣла: тѣ, которые относятся къ догматамъ и обрядамъ подлежатъ обсужденію однихъ членовъ духовнаго званія, а въ дѣлахъ административныхъ и экономическихъ принимаютъ участіе и члены свѣтскаго званія. Главное мѣсто церковнаго управленія есть генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа или его намѣстника, состоящая изъ шести ассессоровъ духовнаго и шести свѣтскаго званія, выбранныхъ на генеральной конгрегаціи срокомъ на четыре года. Кромѣ ассессоровъ къ ея составу принадлежали, безъ права рѣшающаго голоса, писарь и инстигаторъ. Слѣдовало быть, кромѣ архіепископа, тремъ епископамъ по числу провинцій Рѣчи-Посполитой, но это отлагалось до дальнѣйшаго усмотрѣнія, а на первый разъ имѣли въ виду установленіе одной епархіи и одной епархіальной консисторіи, въ Богуславѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа, которому предполагали дать титулъ житомирскаго и брацлавскаго. Составъ епархіальной консисторіи былъ такой же, какъ и генеральной. При консисторіи долженъ быть судъ — при генеральной изъ пяти, а при епархіальной изъ трехъ особъ. Церковное имущество находится въ распоряженіи приходскихъ священниковъ, при участіи старшихъ братьевъ братства въ городѣ, мѣстечкѣ или селѣ. При каждой церкви должна быть школа, гдѣ, подъ надзоромъ священника и старшихъ братьевъ свѣтскаго званія, могутъ учить порусски и попольски дьяки или особые учители. При каждой церкви долженъ быть госпиталь для калѣкъ и убогихъ. Имѣнія монастырскія находятся въ распоряженіи генеральной консисторіи, такъ что она можетъ по своему усмотрѣнію, отдѣливъ необходимое на монастыри, прочее обратить на фондъ для содержанія церквей, школъ и госпиталей. Эти правила составлены были 15-го іюня 1791 г. въ пинской церкви Богоявленія, при коммисарѣ Рѣчи-Посполитой сендомирскомъ послѣ Кохановскомъ съ тремя послами (Чарторыскимъ, Зеленскимъ и Бутримовичемъ), собраніемъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ въ числѣ 92, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Троцкаго и игумена Матронинскаго монастыря Иринарха Балановскаго, а 29-го іюня того же года составилась первая генеральная конгрегація и ея директоромъ избранъ тотъ же Балановскій. Но сеймъ цѣлый годъ затѣмъ не утверждалъ этихъ постановленій въ пользу православія и утвердилъ ихъ только тогда, когда грозная православная держава шла на Польшу.

моновича и Андрея Бондаря. Ихъ отправили подъ стражею въ Ченстоховъ на строгое заключеніе; медвѣдовскаго игумена выслали въ Россію, другихъ рѣшили препроводить въ неунитскую консисторію въ качествѣ состоящихъ въ подозрѣніи, а трехъ освободили и оправдали. При окончаніи этого памятнаго засѣданія была прочитана нота французскаго посла Декорша, извѣщающая отъ имени короля и Франціи, что королю венгерскому и чешскому объявлена война за посягательства на свободу, миръ и самостоятельность французскаго народа. Посланникъ изъяснялъ, что ему особенно пріятно выразить чувства Франціи такому народу, у котораго любовь къ отечеству, уваженіе къ человѣчеству и привязанность къ законности каждый день проявляются способомъ, достохвальнымъ и утѣшительнымъ для тѣхъ, которые показали собою первый примѣръ такихъ дѣйствій.

На другой день, 22-го мая, послѣ вечерняго частнаго засѣданія въ домѣ сеймоваго маршала, было постановлено отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ полнымъ и неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи, размѣнъ плѣнныхъ и всякіе договоры, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, предоставленнаго исключительно сейму. Ясно было, что прогрессисты, руководившіе до сихъ поръ дѣлами, взваливали на слабаго короля всю отвѣтственность, слагая ее съ самихъ себя. 24-го мая утвержденъ былъ и генеральный поборъ: кромѣ установленнаго прежде пожертвованія десятаго гроша на земскія и двадцатаго на духовныя имѣнія, наложено еще 10%, а города и тѣ земскія имѣнія, которыя не платили пожертвованія, ограничиваясь взносомъ подымнаго, должны были заплатить двойное подымное, евреи же—двойное поголовное.

По установленіи этого закона жмудскій посолъ Олендскій домогался, чтобъ были открыты имена тѣхъ поляковъ, которые, по извѣстіямъ Деболи, находились въ Петербургѣ. Король изложилъ самое содержаніе депешъ посланника Рѣчи-Посполитой въ Петербургѣ, Деболи; изъ нихъ было видно, что Деболи зналъ дѣло только въ общихъ чертахъ и извѣщалъ о томъ, что пріѣхавшіе въ Петербургъ поляки составляли что-то опасное, и выѣхали изъ Петербурга распустивши слухъ, что ѣдутъ въ Бѣлоруссію. Король объявилъ: «въ донесеніяхъ Деболи сказано, что есть среди насъ, въ Варшавѣ, особы, носящія званіе сенаторовъ, министровъ и пословъ, которыя находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ.» Если—сказалъ подольскій посолъ Ржевускій—есть такіе выродки между сенаторами, министрами и

послами, что покушаются терзать внутренности своего отечества, то пусть его величество потрудится намъ назвать ихъ, или потребовать отъ Деболи, чтобы онъ провѣдалъ, кто они такіе.» «Просимъ этого, просимъ!» закричали голоса. Тогда король прочиталъ рапортъ генералъ-маіора Орловскаго отъ 19-го мая, о томъ, какъ Злотницкій, подольскій посолъ, подговаривалъ товарища народовой кавалеріи Милинскаго, чтобы онъ склонялъ товарищество на русскую сторону, далъ ему на то 30 червонцевъ, обѣщалъ еще штабъ-офицерство и 500 червонцевъ награды. «Что же касается до тѣхъ сенаторовъ, министровъ и пословъ, о которыхъ говорилось въ депешахъ Деболи, сказалъ король, я долженъ оговориться, что тамъ дѣло шло не о тѣхъ, которые находятся здѣсь, а о тѣхъ, которые были впослѣдствіи въ Петербургѣ, а прежде того сносились тайно съ петербургскимъ дворомъ.» Такимъ образомъ король увильнулся отъ щекотливаго предмета, хотя дѣйствительно около него были люди, тайно благопріятствовавшіе Россіи.

Сеймовый маршалъ сказалъ: «мнѣ кажется, не слѣдуетъ вступать въ формальныя подробности и именовать особъ, бывшихъ въ Петербургѣ и составлявшихъ конфедерацію, а постановить вообще: если онѣ въ опредѣленное время не явятся и не отрекутся отъ конфедераціи, то будутъ признаны врагами отечества и позваны къ суду, и по осужденію подвергнуты казни......»

Тогда стародубскій посолъ Ельскій сказалъ: «по крайней мѣрѣ слѣдуетъ поименовать Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Мощенскаго, Сухоржевскаго, Четвертинскаго и Загорскаго, и назначить имъ пятимѣсячный срокъ явки къ сеймовому суду, а Злотницкаго, уже уличеннаго показаніемъ Милинскаго, отдать подъ судъ немедленно.» На это не послѣдовало согласія. Король говорилъ, что онъ вѣритъ донесенію Милинскаго, но остерегается, чтобы сеймъ не обвинили въ торопливости сужденій; могутъ быть случаи, когда подобные доносы дѣлаются для личныхъ цѣлей, въ надеждѣ повышенія. Король совѣтовалъ не произносить пока рѣшенія, не именовать лицъ, а ограничиться общею угрозою призыва къ суду тѣхъ, которые ѣздятъ за границу и подговариваютъ непріятеля на отечество. Это мнѣніе было принято и постановленъ законъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ: то было вѣжливое приглашеніе всѣхъ поляковъ, находящихся въ непріятельской службѣ, воротиться въ отечество въ назначенный девяти - недѣльный срокъ, подъ страхомъ казни, постигающей по закону измѣнниковъ, для тѣхъ, которые не возвратятся и будутъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; тѣмъ

же, которые только участвовали въ конфѣдераціи, давалось шесть недѣль срока на отреченіе лично передъ гражданско-военными порядковыми коммиссіями или прямо письмами, адресованными къ королю или къ сеймовымъ маршаламъ; неисполнившимъ этого грозили казнію. Тѣмъ, которые оказались бы главными виновниками конфедераціи и осмѣливались идти съ войскомъ россійскимъ на отечество или подговаривать войско Рѣчи-Посполитой къ измѣнѣ, не давалось сроку. Они уже признавались непріятелями отечества и осуждались на смертную казнь. Установлялся сеймовый судъ для этой цѣли. Велѣно было всѣмъ судамъ Рѣчи-Посполитой и первой и второй инстанцій быть въ дѣйствіи, не прекращая, какъ бывало прежде въ обычаѣ, своей дѣятельности по окончаніи каденцій.

Милинскому объявлена награда и повышеніе за вѣрность. 25-го мая учрежденъ былъ фондъ въ 1,500,000 для награжденія отличнымъ воинамъ и для пособій семействамъ убитыхъ въ бою, съ оговоркою, что если войны не будетъ, то сумма эта останется въ казнѣ.

29-го мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма. Тогда постановили дать королю право, въ случаѣ надобности, призвать къ вооруженію обывателей тѣхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, которые подвержены будутъ опасностямъ войны, и выбрать по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ региментарей или полковниковъ надъ ополченіемъ шляхты. Постановлено, что король поѣдетъ самъ лично въ обозъ, и на предметъ королевскаго подъема ассигновано два милліона злотыхъ. Составили отвѣтъ русскому послу и воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи толковался смыслъ декляраціи. «Нашъ сеймъ,— говорилось въ воззваніи — которому подобнаго не было, по согласію и уваженію къ закону, названъ оскорбительно и несправедливо факціей и объявленъ не дѣйствительнымъ; чудовищной и беззаконной шайкѣ подается военная помощь; разсѣяваютъ по провинціямъ писанія, и побуждаютъ гражданъ вооружаться противъ властей, возбуждаютъ огонь междоусобной войны, выдумываютъ ложныя событія и расточаютъ суровыя угрозы тѣмъ, которые не захотятъ пристать къ русскимъ. Исторія не представляетъ примѣра такого оскорбительнаго обращенія одного правительства съ другимъ. Съ поляками не говорятъ какъ съ народомъ самостоятельнымъ, а какъ съ покореннымъ. Нѣтъ ни одного польскаго гражданина, который не раздѣлялъ бы чувствъ возбужденныхъ въ королѣ и въ собранныхъ чинахъ этою деклараціею.»

Главную вину всей предстоявшей суматохи сеймъ приписывалъ петербургскимъ эмигрантамъ. «Они,—говорилось въ воззва-

ніи,—недовольны сеймомъ за то, что его дѣйствія не соглашаются съ ихъ корыстными видами, и напротивъ, ихъ беззаконныя намѣренія согласуются съ намѣреніями Россіи. Эта держава досадуетъ на Польшу за то, что она, сознавъ свои пороки, которые ввергли ее въ презрѣніе у всѣхъ народовъ и ведутъ къ неизбѣжной гибели, создала у себя превосходный образъ правленія, усилила свое войско, заслужила всеобщее уваженіе сосѣдей.» Призывая націю защищать отечество, универсалъ утѣшительно повѣствуетъ о возрожденіи и могуществѣ Польши. «У насъ есть хорошо снаряженное войско, одушевленное тѣмъ героизмомъ и мужествомъ, которыми во всѣ времена отличались поляки. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы свѣдѣнія, что граждане всѣхъ сословій приходятъ вписываться въ ряды защитниковъ свободы; любовь къ отечеству отворяетъ крѣпкіе сундуки для общественныхъ нуждъ; нѣтъ ни одного сословія, которое бы, въ своемъ достохвальномъ соревнованіи въ дѣлѣ спасенія Рѣчи-Посполитой, не дѣлало патріотическихъ жертвъ. У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ, и что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая страшная, если только всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!» Но въ этомъ же универсалѣ, при такихъ блестящихъ надеждахъ, замѣчалось: «никто не можетъ насъ обезпечить противъ послѣдствій внутреннихъ раздоровъ и несогласій.» Поляки предостерегались не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ разсѣяваемыхъ повсюду писаній, гдѣ стараются очернить настоящее правительство, отвлечь отъ конституціи и склонить на сторону Россіи. — «Вы знаете по опыту — говорилось далѣе — что̀ значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное передъ глазами короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненія городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете ли вы надѣяться, что это государство будетъ съ вами лучше обращаться, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи-Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которыхъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастіе всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ скотъ изъ плодоносныхъ полей своихъ въ безплодныя пустыни, наконецъ, окончательный раздѣлъ польской тер-

риторіи и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ.»

Послѣ обѣда въ тотъ же день, въ 5-ть часовъ, собрались снова, уже въ послѣдній разъ, и постановили учредить по городамъ и селамъ кружки для вкладовъ на оборону отечества; завѣдываніе этими кружками предоставлено скарбовой коммиссіи, и наконецъ постановлено, по поводу вторженія непріятельскихъ войскъ въ предѣлы государства, закрыть сеймъ до освобожденія отечества; всѣ сеймики, которые должны были собраться къ 18-му сентября, отлагались до возстановленія спокойствія. Постановлено, чтобы всѣ суды отправляли свои обязанности непрерывно; но въ тѣхъ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ, куда войдетъ непріятельское войско, они должны были прекращать свои дѣйствія, и если бы по принужденію они продолжали работать, то всѣ ихъ приговоры на будущее время объявлялись недѣйствительными.

Отвѣтъ на декларацію поданъ былъ Хребтовичемъ Булгакову 22-го мая (1-го іюня н. ст.) и, по замѣчанію русскаго посла, составленъ былъ напыщенно и софистично. Поляки отзывались о личности Екатерины не только уважительно, но даже подобострастно. Въ началѣ излагалась мысль, что поводъ къ поданной деклараціи, несообразной съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы, есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внушеній ловкаго и корыстолюбиваго обмана, умѣвшаго надѣть на себя маску гражданской доблести и пріобрѣсть довѣріе монархини, съ разсчетомъ на ея душу, чувствительную къ голосу патріотизма. Затѣмъ предъявляются доказательства, что изложенныя въ деклараціи обвиненія представляютъ дѣло не въ настоящемъ видѣ. Слѣдуетъ широкій панегирикъ единомыслію, здравомыслію, братскому духу, господствовавшему на сеймѣ, въ особенности послѣ удвоенія числа пословъ. Конституція 3-го мая въ общихъ чертахъ изображается дѣломъ единомышленія. Поздравленія, присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись доказательствами, что нація приняла вполнѣ и одобрила дѣло 3-го мая. Относительно гарантіи, поляки объясняли, что цѣлый польскій народъ понимаетъ гарантію сообразно началамъ общественнаго права, обычнаго во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, то-есть, что гарантія дѣйствительна только между двумя сторонами противъ третьей стороны, которая бы хотѣла посягнуть въ извѣстномъ государствѣ на то, что̀ послѣднему гарантировало другое дружественное государство. «Если бы актъ гарантіи, касающейся Рѣчи-Посполитой, — говорится въ отвѣтѣ, — могъ быть обращенъ противъ самого этого же государства, то онъ представлялъ бы въ своемъ зна-

ченіи и слѣдствіяхъ очевидное противорѣчіе; гарантирующее государство могло оказывать дѣятельность только по приглашенію легальной власти Рѣчи-Посполитой, иначе, если часть обывателей, недовольныхъ правительствомъ въ своей странѣ, можетъ свое возмущеніе противъ правительства опирать на вмѣшательствѣ посторонняго государства, если недовольный голосъ нѣсколькихъ личностей можетъ себѣ присвоивать характеръ народнаго призыва, — такое употребленіе гарантіи будетъ орудіемъ, разрушающимъ всякій порядокъ и ниспровергающимъ народное спокойствіе.» Относительно посольства въ Турцію объясняли, что посланникъ въ Турцію посланъ заурядъ съ посланниками къ другимъ европейскимъ дворамъ извѣстить о поводахъ и мирныхъ видахъ внутреннихъ преобразованій, предпринятыхъ сеймомъ. Турція, ведя войну съ Россіей, дѣйствительно искала союза съ Польшею и дѣлала Польшѣ самыя лестныя предложенія. Чины Рѣчи-Посполитой хотѣли только воспользоваться обстоятельствами, чтобы вытребовать отъ Порты торговыя льготы, полезныя для Польши. Инструкція, посланная польскому послу въ Константинополь, заключала условія къ заключенію договора, выгоднаго для Польши, безъ вреда интересамъ сосѣдей. Такимъ образомъ выходило, что Рѣчь-Посполитая заслуживала еще благодарность Россіи. Булгаковъ здѣсь видѣлъ ложь, потому что хорошо зналъ, что въ статьяхъ договора было взаимное содѣйствіе противъ Россіи. Точно тоже знала и Екатерина. Требованіе очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ и магазиновъ объяснялось, какъ и прежде, тѣмъ, что россійскіе подданные, особенно фанатическіе монахи неунитскаго обряда и извощики возбуждали къ бунту всегда готовое къ возстанію хлопство греческаго вѣроисповѣданія, а частые переходы русскихъ войскъ подавали хлопамъ обольстительныя надежды; тѣ же мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ были причиною слѣдствій, суда и казней нѣкоторыхъ, оказавшихся по суду виновными; увѣряли, что не было предписанія употреблять пытки, что это противно издавна обычному ходу судопроизводства въ Польшѣ, отличавшагося всегда человѣколюбіемъ. Учрежденіе индагаціонной (слѣдственной) депутаціи было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить и истребить въ народѣ заговоръ и тѣмъ самымъ предотвратить необходимость суровыхъ мѣръ. Точно та же необходимость принудила приступить къ арестованію слуцкаго архимандрита; нападеніе же на «неунитскую каплицу» было дѣломъ ошибки подхорунжаго и нѣсколькихъ солдатъ, полагавшихъ, что идутъ въ частный домъ, за что̀ они и были наказаны. Въ заключеніе заявлялась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго на-

рода найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, какая признана за ними всею Европою. «Но если бы, — такъ кончался отвѣтъ, — наши намѣренія, дышущія любовью, миромъ и справедливостію, не имѣющія другой цѣли кромѣ безопасности и счастія польской страны, могли еще быть перетолкованы въ дурную сторону; если бы отзывы нѣсколькихъ недовольныхъ особъ нашли у императрицы болѣе вѣса, чѣмъ очевидное свидѣтельство народной воли; если бы Рѣчь-Посполитая увидала посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то польскій народъ, заботясь о добромъ мнѣніи о себѣ цѣлой Европы и самой государыни, умѣющей цѣнить благородныя чувствованія, не поколеблется въ выборѣ между спокойствіемъ подлой покорности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Хребтовичъ, вручивши этотъ отвѣтъ русскому послу, вошелъ съ нимъ въ дружескій разговоръ и сказалъ: «мы видимъ, что Пруссія насъ обманула, она насъ натравила на все и теперь видимо измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись лучше съ Россіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили войти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами. Я старался, сколько могъ. По моимъ внушеніямъ король и теперь хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію россійской государыни, и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россіею; и теперь велѣно Іосифу Понятовскому избѣгать сраженія. Можно ли надѣяться, что вы войдете съ нами въ переговоры?» Булгаковъ отвѣчалъ ему: «я не могу иначе входить съ вами въ переговоры, какъ на основаніи поданной декларація. Приму всякое ваше разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ.»

Послѣ интимнаго разговора съ Хребтовичемъ, Булгаковъ доносилъ своему правительству: «они будутъ избѣгать дракъ; чѣмъ глубже наши войдутъ въ ихъ земли, тѣмъ труднѣе у нихъ будетъ сборъ податей, остановится наборъ людей, и новая конфедерація возьметъ верхъ».

IV.

Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ.—Посольство Потоцкаго.—Собственныя средства обороны у поляковъ [1]).

Булгаковъ, со дня подачи объявленія, поступалъ искренно и прямо говорилъ полякамъ, что они не должны надѣяться на

[1]) См. Ист. №№ 18, 8, 35, 37, 38, 12, 14, 23, 28, 52, 25, 53, 47. Дѣла сейма и Стражи, хранящ. въ Литов. Метрикѣ.

Пруссію, что прусскій король за одно съ Россіею, что помощи имъ нѣтъ ни откуда, и что ихъ упрямство можетъ надѣлать имъ бѣдъ; онъ дѣлалъ намеки, изъ которыхъ поляки могли понять, что, въ случаѣ сопротивленія, ихъ ожидаетъ новый раздѣлъ. Поляки не хотѣли ему довѣриться; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ нимъ отъ саксонскаго министра Гудшмита, они ласкали себя надеждою, что трактатъ между Австріей и Пруссіей, гдѣ гарантирована цѣлость польскаго государства, достаточно силенъ, чтобы избавить отъ растерзанія ихъ отечество. Они все еще воображали, что прусскій король только стращаетъ ихъ, что онъ поневолѣ долженъ будетъ помочь Польшѣ въ ея бѣдѣ.

Послѣ подачи Булгаковымъ декларации, Хребтовичъ обращался къ Люккезини. Прусскій дипломатъ продолжалъ свою непонятную для простоты поляковъ двусмысленность. Сначала онъ показалъ удивленіе, прикинулся, будто декларація со стороны Россіи для него предметъ не только незнакомый, но никакъ и неожиданный. Когда ему было изъявлено объ этомъ сомнѣніе, онъ сказалъ: «вы знаете нашего государя? Можно ли сомнѣваться въ его искренности? Разумѣется, онъ ничего этого не зналъ и не знаетъ». Но потомъ онъ по прежнему доказывалъ, что Пруссія никакъ не обязана въ настоящемъ дѣлѣ помогать Польшѣ противъ Россіи. Обратился къ нему Игнатій Потоцкій. «Вы не въ состояніи совладать съ Россіею—сказалъ ему Люккезини— которая уже выставила противъ васъ восемьдесятъ тысячъ войска; мнѣ кажется, лучше избрать путь переговоровъ».—«Мы далеко зашли—сказалъ Потоцкій—отступать поздно. Если наши войска разобьютъ, мы объявимъ свободу хлопамъ нашимъ и изъ нихъ составимъ другое войско. Если это войско разобьютъ—шляхта поставитъ третье. Если Россія завоюетъ Польшу, то развѣ въ видѣ пустыни. У насъ есть въ резервѣ средства: мы съумѣемъ произвести пожаръ.»—«Есть пожарныя трубы для погашенія пожаровъ», сказалъ на это Люккезини. Но, по свидѣтельству англійскаго посла (Herrm., Erg. B. 273), Люккезини не прямо, а намеками и черезъ посредство другихъ лицъ, возбуждалъ противъ Россіи поляковъ, такъ, что недосказанное имъ они дополняли собственною изобрѣтательностію и не покидали надежды на Пруссію. Это было въ разсчетѣ у Люккезини. Онъ не былъ еще увѣренъ въ крѣпкой сердечной связи между Пруссіею и Россіей относительно польскихъ дѣлъ; онъ имѣлъ въ виду опасеніе, что, лишивъ поляковъ всѣхъ надеждъ, можно побудить ихъ черезчуръ смириться передъ Россіею, и Россія можетъ стать въ Польшѣ до того твердою ногою, что не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи, а это для Пруссіи представляло невыгоды. Благоразумно было подстрекать по-

ляковъ на сопротивленіе Россіи. Если Россія сойдется съ Пруссіею, послѣдняя въ такомъ случаѣ заодно съ Россіею за нихъ примется; а еслибы случилось наоборотъ, тогда Пруссія, не раздраживъ противъ себя до конца поляковъ, можетъ явиться опять ихъ союзницею и спасительницею: и такъ и иначе, Пруссія все-таки останется въ выигрышѣ на счетъ Польши. Россія и для себя и для Пруссіи будетъ доводить Польшу до крайности, а Пруссія только воспользуется этимъ.

Близко знакомый съ ходомъ тогдашнихъ дѣлъ и участникъ въ нихъ, Гэльсъ замѣчаетъ, что если бы поляки въ то время не получали отъ прусскаго двора нѣкоторыхъ обѣщаній помощи (some promise of assistance), то польскій король, по окончаніи сейма, тотчасъ обратился бы къ петербургскому двору и въ угоду императрицѣ отказался бы отъ конституціи 3 мая. Прежде поляки ни зачто не хотѣли уступать даже одного Гданска; теперь готовы были отдать часть Польши, если бы прусскій король, по выраженію Булгакова, хотя видъ показалъ, что хочетъ дать имъ помощь. Надежда на Пруссію для поляковъ была въ то время все еще соломенкою, за которую, какъ говорятъ, хватается утопающій.

Съ этою-то надеждою отправленъ былъ маршалъ Игнатій Потоцкій въ Берлинъ. Самъ Станиславъ-Августъ написалъ къ прусскому королю письмо такого содержанія: «Письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, я пишу въ такое время, когда обстоятельства налагаютъ на меня обязанность защищать независимость польской Рѣчи-Посполитой; ей угрожаютъ притязанія ея императорскаго величества императрицы россійской, изложенныя въ декларація 18 мая, и послѣдовавшее за тѣмъ вторженіе ея войскъ въ наши предѣлы. Если договоръ, существующій между вашимъ королевскимъ величествомъ и Польшею, даетъ право просить помощи, то мнѣ необходимо знать, какимъ способомъ можетъ быть исполненъ этотъ договоръ. Мнѣ необходимо знать чувствованія вашего королевскаго величества, дабы я могъ, сообразно имъ, соразмѣрять мои поступки. Несомнѣнно, край Рѣчи-Посполитой, гарантированный вашимъ величествомъ, терпитъ нападеніе, нарушается ея независимость, и притомъ такимъ страннымъ способомъ, что даже прибѣгая къ тончайшимъ толкованіямъ невозможно отыскать повода къ этому иначе, какъ только въ одной новой конституціи. Въ такихъ обстоятельствахъ уваженіе къ вашему величеству, до сихъ поръ союзнику Рѣчи-Посполитой, такъ тѣсно связанное съ независимостью и честію польскаго народа, побуждаетъ меня надѣяться, что ваше величество поже-

лаете сообщить мнѣ ваши чувствованія. Моя увѣренность относительно вашего величества будетъ имѣть только тѣ предѣлы, какіе вашему величеству угодно будетъ назначить, и чѣмъ точнѣе и скорѣе укажется вспоможеніе, какое вашему величеству угодно будетъ подать Польшѣ, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и драгоцѣннѣе. Въ моемъ безпокойствѣ и затрудненіяхъ меня утѣшаетъ то, что, въ глазахъ современниковъ и потомковъ, не было правѣе дѣла, которому мы просимъ помощи отъ уважаемаго союзника. Все, что вашему величеству угодно будетъ передать маршалу Потоцкому, подателю настоящаго письма, можете повѣрить безопасно и удобно, ибо и я и весь народъ со мною довѣряемъ ему вполнѣ».

Булгаковъ имѣлъ свѣдѣніе, что Потоцкій ѣздилъ въ Берлинъ съ деньгами, въ надеждѣ подкупить нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей. Это очень возможно: дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ наполненъ лицами, спорившими между собою за вліяніе надъ слабохарактернымъ королемъ, который проводилъ жизнь среди любовницъ и любимцевъ и всегда поддавался окружавшей его средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ письмахъ маршала Малаховскаго свѣдѣнія, что было намѣреніе задобрить Бишофсвердера, имѣвшаго на короля издавна сильное вліяніе, и съ этою цѣлью составляли планъ выдать его дочерей за богатыхъ пановъ и въ добавокъ снабдить ихъ приданымъ въ 400,000 злотыхъ. При этомъ Игн. Потоцкій долженъ былъ попытаться выпросить у добрѣйшаго союзника и покровителя Польши 20,000 ружей, опытныхъ генераловъ и офицеровъ. Это была уже вторичная попытка въ своемъ родѣ. Еще 8-го мая войсковая коммиссія доносила Стражѣ, что ея старанія получить оружіе изъ прусскаго завода Шпильбергера остались тщетными, потому что прусскій король не дозволяетъ этого по какимъ-то политическимъ причинамъ, и тогда сдѣлано распоряженіе отправить директора оружейнаго завода Ковнацкаго пріобрѣсть оружіе въ другихъ странахъ Европы.

Въ то же время Польша дѣлала попытку склонить на свою сторону Австрію. Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Вѣну Чарторыскій. Петръ Потоцкій въ Константинополѣ долженъ былъ еще разъ попытаться вооружить противъ Россіи Турцію.

Что касается до князя-избирателя, то какъ ни безсиленъ онъ былъ въ ряду государей, заинтересованныхъ судьбами Польши, но поляки все еще не покидали на него надежды, и считали его обязаннымъ заступиться за Польшу, хотя бы пришлось отважиться на войну за нее; выбравши его въ короли безъ его вѣдома и желанія, поляки полагали, что, въ благодарность за эту честь, онъ долженъ поставить на карту и самого себя, и свой

домъ и свое наслѣдственное владѣніе. Князь-избиратель, когда ему доложили о россійской деклараціи, изъявилъ скорбь и сожалѣніе о судьбѣ Польши и поляки приняли такія изъявленія чувствъ (какъ показываютъ письма Малаховскаго въ концѣ мая) за формальное увѣреніе въ намѣреніи оказывать помощь Польшѣ (les assurances formelles qu'il avait donné de venir au secours de la Pologne); но князь-избиратель вслѣдъ затѣмъ показалъ, какъ онъ самъ относится къ тѣмъ видамъ, которые за нимъ признавали его непрошенные подданные; онъ даже запретилъ своимъ офицерамъ вступать въ службу Рѣчи-Посполитой. Напрасно маршалъ Малаховскій старался подвести его хоть бы на какое-нибудь маленькое плутовство въ пользу Польши. «Электоръ — писалъ маршалъ своему племяннику, находившемуся въ Саксоніи—можетъ помочь намъ, не компрометируя себя передъ союзниками; онъ можетъ дать отставку своимъ офицерамъ и инженерамъ, и они, уже не связанные съ Саксоніей обязанностями службы, пріѣдутъ къ намъ на службу какъ люди вольные. Онъ можетъ также дозволить продавать намъ ружья, не участвуя въ покупкѣ самъ; наконецъ, онъ можетъ за умѣренные проценты занять намъ денегъ; обѣщаемъ соблюдать глубочайшій секретъ. Электоръ можетъ, сверхъ того, заступиться за насъ своимъ кредитомъ у императорскихъ дворовъ, снабдить насъ своими добрыми совѣтами и дать нашему правительству крѣпость и почву». Все это было напрасно. Князь-избиратель былъ слишкомъ уменъ, чтобы ввязываться въ дѣло, которое онъ считалъ потеряннымъ. Онъ понималъ, что если сильные сосѣди уже выбрали Польшу цѣлью своихъ видовъ, то слабый въ сравненіи съ ними сосѣдъ своимъ вмѣшательствомъ, въ какомъ бы видѣ оно ни выказалось, не сдѣлавши Польшѣ ни малѣйшей пользы, навлечетъ только вредъ на самого себя.

Полякамъ приходилось раздѣлываться собственными силами. Начали собираться пожертвованія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ — изъ мазовецкаго княжества, брестъ-литовскаго воеводства, отъ гражданско-военныхъ коммиссій присылались въ Варшаву для всеобщаго свѣдѣнія, черезъ газеты, утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ вѣрные дѣти отечества не жалѣютъ своего достоянія: кто даетъ для спасенія Рѣчи-Посполитой сто злотыхъ, кто двѣ серебряныя ложечки, кто гонитъ двѣ или три скотины, кто кладетъ пару пистолетовъ; которые побогаче и познатнѣе, давали и по дюжинѣ карабиновъ. Князь Матѳей Радзивиллъ, опекунъ малолѣтняго Доминика, представилъ (хотя не имѣлъ на то права, какъ на чужую собственность, но во вниманіе къ тому, что Радзивиллы всегда отличались любовью къ

отечеству) въ распоряженіе Рѣчи-Посполитой орудія и аммуницію въ зáмкахъ, принадлежащихъ Радзивилламъ, и самые зáмки; панъ Хоецкій (въ Украинѣ), заохочивая къ военной службѣ, объявилъ, что своихъ подданныхъ крестьянъ и живущую на земляхъ его шляхту освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ платежей и повинностей и обязывается платить за нихъ то, чтò слѣдовало казнѣ; льготы удвоялись въ такомъ случаѣ, если изъ одного дыма пойдетъ двое, вмѣсто одного, а если бы и того болѣе, тотъ домъ, съ принадлежащимъ ему грунтомъ, получалъ вѣчную свободу отъ пана. Въ Сохачевской землѣ панъ Казимиръ Валицкій въ волости своей, называемой Лазы, и во всѣхъ деревняхъ ея, уволилъ отъ подданства потомственно, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пойдутъ въ военную службу, съ платою имъ ста злотыхъ во время службы, и съ предоставленіемъ пожизненно полволоки земли, безъ всякихъ повинностей, если захотятъ, послѣ войны, поселиться въ его имѣніяхъ, чтò распространялось и на шляхту — чиншовниковъ, жившихъ на его земляхъ. Панъ маршалъ сейма, Малаховскій, пожертвовалъ на спасеніе отечества на нѣсколько тысячъ червонныхъ хлѣбнаго зерна, которое на судахъ пришло въ Варшаву, слѣдуя въ Данцигъ. Въ Плоцкѣ профессора школъ предложили свое жалованье въ пользу отечества, а антрепренеръ варшавскаго театра жертвовалъ сборъ одного представленія въ мѣсяцъ на спасеніе погибающей Рѣчи-Посполитой. Наиболѣе яркаго патріотизма проявлялось въ Варшавѣ. Бранили москалей на чемъ свѣтъ стоитъ, и выдумывали разныя небылицы и пр., распускали слухъ, что москали хотятъ подкупить злодѣевъ на убійство короля. Къ этому подалъ поводъ какой-то Забѣлло, который доносилъ, что его дядя, полковникъ россійской службы, Шульцъ, давалъ ему четыре тысячи червонныхъ за то, чтобъ совершить убійство Станислава-Августа. Въ саксонскомъ саду чуть-было не растерзали познанскаго посла Мелжинскаго, за то, что онъ дозволилъ себѣ сказать, что русскіе побьютъ поляковъ. Въ городѣ прибивали къ стѣнамъ и распускали объявленія какого-то неназваннаго общества (чтò давало думать, что мимо оффиціальной, явной власти, образовалась еще тайная) о томъ, что можно и должно убивать всякаго, не признающаго конституціи 3-го мая, и за убійство враговъ отечества совершившій его получаетъ благодарность и вознагражденіе, а простолюдинъ шляхетское званіе. Полиція велѣла, однако, сорвать эти объявленія.

Все это были безплодныя искры. Попытки возрожденія были важны только по наружности. Какъ мало принимались въ Польшѣ сѣмена новой жизни, достаточно показывала несостоятельность мѣщанскаго дѣла. Несмотря на то, что всѣ города объявлены

свободными, паны, владѣвшіе ими то въ качествѣ старость, то въ качествѣ дѣдичныхъ владѣтелей или ихъ поссессоровъ, не хотѣли знать этой свободы, не довольствовались вознагражденіемъ, какое имъ слѣдовало по люстраціи, принуждали мѣщанъ къ работамъ, а въ случаѣ сопротивленія усмиряли войсками; при этомъ происходили побои, насилія, истязанія. Само правительство подавало поводъ къ такимъ явленіямъ своей двуличностью. Сперва города объявлены свободными, а потомъ, до дальнѣйшихъ распоряженій, временно оставлены въ условной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ. Но паны-владѣльцы и поссессоры, издавна непривыкшіе ни къ какимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, не хотѣли связывать себя условіями, а мѣщане, опираясь на то, что имъ провозгласили свободу, находили требуемые съ нихъ поборы и повинности неправильными и не слушали приказаній. Гражданско-военныя коммиссіи, состоявшія изъ лицъ шляхетскаго званія, всегда почти принимали сторону пановъ и при этомъ указывали правительству на опасность возстанія простого народа, могущую произойти отъ поблажки подданнымъ въ ущербъ панамъ. Такъ по дѣлу, возникшему между мѣстечкомъ Пильвишками и старостою, владѣвшимъ этимъ мѣстечкомъ, пренская гражданско-военная коммиссія доносила правительству, что мѣщане не хотятъ ходить на панскія работы, платить положенныхъ поборовъ и съ безчестіемъ прогоняютъ отъ себя довѣренныхъ отъ пана лицъ, ссылаясь на то, что они получили городское право; къ мѣщанамъ пристаютъ уже и старостинскіе крестьяне, а это, по замѣчанію коммиссіи, грозило распространеніемъ наклонности къ бунту между сельскимъ населеніемъ вообще. Къ городамъ принадлежали населенныя земли въ городскомъ округѣ, такъ-называемыя городскія юрисдикціи; на этихъ земляхъ жили шляхтичи и крестьяне: послѣдніе стали домогаться свободы отъ пановъ и принадлежности къ городу по сословнымъ правамъ. Непокорные города смирялись поневолѣ, когда къ нимъ вводили войска на экзекуцію, но тогда паны налегали на нихъ, какъ хотѣли и, вдобавокъ, предавали ихъ своевольству жолнѣровъ. Военные всегда были помощниками пановъ, а гражданско-военныя коммиссіи болѣе или менѣе держали сторону военныхъ, когда у послѣднихъ происходила ссора съ мѣщанами. Вообще вездѣ люди шляхетскаго происхожденія съ трудомъ привыкали къ тому, чтобы признавать за мѣщаниномъ право «neminem captivabimus», недозволявшее произвольно задерживать мѣщанина, а тѣмъ менѣе наносить ему побои. Люблинскій магистратъ извѣщалъ Стражу о поступкѣ, показывавшемъ, какъ свято соблюдали данныя мѣщанамъ права дворяне и военные. Въ Люблинѣ, во время засѣданій трибу-

нала, нѣкто панъ Домановскій, разсердившись на виноторговца Новаковскаго, сговорился съ офицерами расположеннаго въ городѣ отряда, съ вѣдома самого командира, черезъ посредство одного еврея, зазвалъ хитрымъ образомъ Новаковскаго въ домъ, принадлежавшій госпиталю св. Духа, и тамъ собственноручно избилъ ему кулаками лицо, а потомъ приказалъ жолнѣрамъ разложить его, всыпать нѣсколько сотъ нагаекъ и въ заключеніе, полуживого, выбросить вонъ изъ дому. Онъ не только не скрывалъ своего поступка, но еще хвастался имъ и говорилъ: «Я ничего не боюсь; эка важность; ну, придется посидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ!» Когда мѣщане пожаловались на него въ гражданско-военную коммиссію, онъ расхохотался, зная, что она всегда признаетъ его правымъ. Магистратъ послалъ къ командиру депутатовъ, нарочно возложивши это порученіе на шляхтичей, записавшихся въ мѣщанское званіе, чтобъ оградить ихъ отъ оскорбленій. Они замѣтили ему противозаконность поступка Домановскаго и жаловались на военныхъ, бывшихъ съ нимъ въ соумышленіи. «Панъ Домановскій прекрасно сдѣлалъ, что проучилъ этого шельму мѣщанинишку», сказалъ командиръ, по фамиліи Левицкій. Депутаты отъ мѣщанъ сказали: «Военные расположены въ нашемъ городѣ для того, чтобы охранять безопасность жителей, а не помогать насилію». Левицкій разсердился и грозилъ ихъ посадить до кошу (т. е. подъ арестъ, собственно *до кошу* значитъ упрятать въ коробокъ), и вѣрно исполнилъ бы угрозу, если бы депутаты не были шляхтичи; онъ все-таки выгналъ ихъ съ безчестіемъ. Въ городѣ Гомбинѣ случилось такое характерное событіе: военные, разставленные тамъ ради приведенія жителей къ послушанію, прибили жидовку. Мѣщане заступились за нее. Какой-то отважный мѣщанинъ Плуцинскій, уже прежде отличавшійся тѣмъ, что поджигалъ мѣщанъ стоять за себя, былъ и на этотъ разъ ихъ коноводомъ. Къ мѣщанамъ пристало нѣсколько бывшихъ въ городѣ крестьянъ, подъ руководствомъ нѣкоего Кострецкаго. Схватили жолнѣровъ и отколотили ихъ, а самого капрала высѣкли на рынкѣ. Гражданско-военная коммиссія присвоила себѣ право суда по этому дѣлу, военнымъ назначила легкій арестъ, которому они на дѣлѣ не подверглись, а на мѣщанъ наложила большую пеню, крестьянъ же приговорила къ тѣлесному наказанію. Кострецкаго она присудила сѣчь батогами каждую пятницу по сту ударовъ, въ теченіи четырехъ недѣль. Плуцинскій заступился за крестьянъ и подалъ жалобу въ коммиссію полиціи, а эта послѣдняя приказала выпустить арестованныхъ и запрещала гражданско-военной коммиссіи брать на себя право суда надъ городами, которые,

по закону, въ судныхъ дѣлахъ подчинялись ассессорскому суду. Но гражданско-военная коммиссія не хотѣла повиноваться коммиссіи полиціи и представляла, что она, состоя изъ шляхетства, выбраннаго въ своемъ краѣ, имѣетъ равное значеніе съ коммиссіею полиціи. Это было прямо противъ устава, по которому гражданско-военныя коммиссіи зависѣли отъ правительственныхъ коммиссій въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ. Выходилъ такимъ образомъ двоякій административный безпорядокъ. Второстепенныя инстанціи вмѣшивались въ неподлежащія ихъ вѣдомству дѣла и въ тоже время не хотѣли подчиняться высшимъ властямъ. Городъ Сѣрадзь жаловался на велюнскаго старосту Мэнцинскаго, который, расположась съ отрядомъ войска въ городѣ, допускалъ своихъ жолнѣровъ до всякаго рода своевольствъ. «Жолнѣры — писали мѣщане — насильно распоряжаются въ нашихъ домахъ, берутъ насъ и сажаютъ подъ нары (pod pryczę pakują), даютъ пощечины, выбиваютъ зубы, бьютъ тростью (trciną). Одну женщину-торговку, напримѣръ, избили и засадили подъ нары за то, что не хотѣла продать жолнѣру табаку на прусскія деньги. Могутъ ли при такомъ состояніи подняться города и люди, приходящіе изъ-за границы для поселенія въ польскихъ городахъ, могутъ ли сносить такое обращеніе и нарушеніе законовъ?» Желаніе правительства, какъ можно болѣе привлечь новыхъ поселенцевъ изъ-за границы, осуществлялось, но дурно. Въ Польшу приходили изъ сосѣднихъ странъ разные бродяги, люди дурного поведенія и дезертиры. Отсюда происходили недоразумѣнія. Люкезини нѣсколько разъ жаловался, что въ Польшу убѣгаютъ прусскіе военные дезертиры и преступники и требовалъ ихъ выдачи. Такія же заявленія поступали со стороны Австріи и Россіи. Польское правительство должно было исполнять эти требованія, но въ тоже время невольно подрывало довѣріе къ своимъ уставамъ, обезпечивавшимъ свободу пришельцамъ вообще. Впрочемъ, эти пришельцы, приходя въ города, приносили имъ вредъ, а не пользу. Правительство, думая поощрить приходъ иноземцевъ, назначило ежегодный фондъ для пособія вновь поселявшимся: пришельцы брали деньги, проматывали ихъ, а потомъ оставались безъ средствъ. Правительство принуждено было давать предписанія принимать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой желающихъ поселиться не иначе, какъ съ большою осторожностью. Не такъ скоро, по этому поводу, могъ разсѣяться фанатизмъ католиковъ и предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ. Это показалось особенно по отношенію къ іудеямъ. Коллонтай сильно старался уравнять іудеевъ въ мѣщанскихъ правахъ съ христіанами, тѣмъ болѣе, что іудеи предлагали за то пожертвованія въ пользу отечества. Самъ король былъ

съ нимъ согласенъ. Но мѣщане въ городахъ боялись расширенія правъ іудеевъ. Изъ города Хенцинъ прислана была въ Стражу замѣчательная просьба, какъ видно, писанная какимъ-то ксендзомъ. Мѣщане умоляли не допускать до равенства правъ съ ними этотъ неопрятный, мошенническій, неимѣющій никакихъ добрыхъ качествъ народъ («tego żydowskiego niechlujnego szacherskiego bez najmniejszej cnoty będącego narodu»). «У нихъ напитки скверные, вѣсы невѣрные, товары негодные, залежалые, съ христіанами они не сходятся, въ браки съ ними не вступаютъ; деньги, которыя они получаютъ, расходятся только между ними; они много пріобрѣтаютъ и мало потребляютъ; ничего у католиковъ не покупаютъ; не заботятся объ украшеніи домовъ; въ приданое за дочерьми даютъ только деньги, а не вещи; они привели города въ упадокъ, споили съ кругу и развратили христіанъ, принимаютъ краденыя вещи, возятъ контрабанду, дѣлаютъ фальшивую монету. Пусть прежде попробуетъ сеймъ перемѣнить ихъ дурные нравы, а потомъ уже старается уравнять ихъ въ правахъ съ христіанами. Трудъ будетъ напрасенъ, если Спаситель не могъ ихъ исправить и внѣдрилъ во всѣхъ народахъ непримиримую вражду къ нимъ, то сеймовые чины, съ меньшею силою, чѣмъ Богъ, ничего съ ними не сдѣлаютъ». Эта записка доказывала, что если евреямъ даровать права, то это отвратитъ населеніе отъ конституціи 3 мая, вмѣсто того, чтобъ привязать къ ней. Убогая шляхта могла бы селиться въ городахъ и заниматься промыслами, но это будетъ невозможно: какъ только жиды получатъ права, они всѣхъ подорвутъ; изъ городовъ будутъ бѣгать жители; торговля не поднимется, а упадетъ; городское населеніе не обогатится, а обнищаетъ.

Въ 1792 году поступило въ ассессорскій судъ отъ городовъ пятьсотъ четыре жалобы по поводу утѣсненій и своеволія владѣльцевъ и поссессоровъ, о чемъ Коллонтай уже въ началѣ іюня представилъ въ Стражу записку. Наиболѣе дѣлъ этого рода происходило въ южно-русскихъ земляхъ, въ воеводствахъ: брацлавскомъ, волынскомъ, кіевскомъ и подольскомъ. Къ обычному своевольству тамъ присоединялась ненависть къ православію и къ русскому народу. Жители города Кальниболота жаловались, что проходившій черезъ ихъ городъ намѣстникъ полка польной булавы послалъ четырехъ жолнѣровъ за членами магистрата, но члены, увидѣвши войско, разбѣжались; остался только одинъ, по имени Малиновскій. Намѣстникъ полка приказалъ отлупить его нагайками, приговаривая: «вы бунтовщики, рѣзуны, вотъ мы будемъ васъ бить и вѣшать». Городъ Смотричъ жаловался на старосту Потоцкаго, что онъ, въ противность закону, требуетъ отъ нихъ

поборовъ, посылаетъ казаковъ ихъ тиранить и бить; въ особенности жаловались на его эконома Вилинскаго, который привелъ къ нимъ на экзекуцію казаковъ и сверхъ того набралъ шляхту изъ имѣній Потоцкаго; эта шляхта безчинствовала въ городѣ, кричала, гонялась за мѣщанами, а самъ Вилинскій, стоя на рынкѣ съ обнаженною саблею, заохочивалъ шляхту къ безчинству и неистово ругался. Рѣшенія ассессорскаго суда не исполнялись. На представленія объ этомъ Коллонтая послѣдовало рѣшеніе Стражи, чтобъ владѣльцы и поссессоры никакъ не смѣли требовать отъ мѣщанъ болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ по люстраціи. Въ этихъ видахъ положили, чтобъ ассессорскій судъ продолжалъ свою дѣятельность и на то время, когда ему по закону давалась вакація. Но такія мѣры только усилили число враговъ конституціи: тѣ владѣльцы и поссессоры, которымъ угрожало наказаніями правительство новаго порядка, увидали прекрасное средство избавиться отъ такихъ угрозъ, приставъ къ той силѣ, которая заступилась за старое.

Смотрѣвшіе со стороны безпристрастно на поляковъ не признавали никакого ручательства не только на выдержку, но даже и на долговременность борьбы съ Россіею. Заемъ, предполагавшійся въ Голландіи, не удавался; голландцы, предостереженные Пруссіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ видѣли, что дѣло свое она проиграетъ. Вмѣсто желаемыхъ 30.000,000 злотыхъ, кредитъ Рѣчи-Посполитой могъ дойти до 797,000 злотыхъ, изъ которыхъ 500,000 обѣщалъ доставить, черезъ голландскаго банкира Гана, Протъ Потоцкій.

Польское войско доходило всего-на-все до 37,394 въ королевствѣ и до 16,245 въ Литвѣ, съ оставленіемъ гарнизоновъ въ городахъ (Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познани и пр.), 15,000 оставлено было королю [1]).

[1]) По комплекту 22 мая 1792 г., всего войска слѣдовало быть 98,551, а въ наличности 67,868, кавалеріи 21,304 и пѣхоты 46,523. Устройство его было такое: кавалеріи—16 полковъ народовой кавалеріи, каждый полкъ изъ 2 хоругвей въ 83 ч. каждая, получающія плату, кромѣ ротмистровъ, служащихъ безплатно и кантонистовъ, *сыновъ господарскихъ*, находившихся въ десятилѣтнемъ отпуску, 20 человѣкъ, всего въ хоругви 103, а въ полку 849; всего народ. кавалеріи 13,584. Одинъ полкъ коронной гвардіи изъ 8 хоругвей въ 65 ч., получающихъ плату и 20 отпускныхъ, всего въ хоругви 85, а въ полку 706; одинъ полкъ литовской гвардіи изъ 8 хоругв. въ 85, всего въ полку 705; девять полковъ легкой конницы изъ 8 хоругвей полкъ, въ каждой хоругви 82, получающихъ плату, и отпускныхъ 20, всего 102, а въ полку 841; всего легкой конницы 7,569; два татарскихъ конныхъ полка въ 4 хоругви, каждая въ 122 ч., въ полку всего 500 ч.; два казацкихъ изъ 8 сотенъ, въ 123 ч. каждая, въ полку 1,000 ч. Въ пѣхотѣ три полка артиллеріи въ 212 ч., роты въ 105 ч., на службѣ и въ отпуску 34, всего въ ротѣ 139; корпусъ инженеровъ изъ 6 бригадъ, всѣхъ 308; три

Коронное войско сосредоточивалось въ Украинѣ, подъ главнымъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго, племянника королевскаго. Числомъ войска у него были до 22,000. Другой корпусъ, подъ начальствомъ князя Любомирскаго, имѣлъ до 10,000. Кромѣ регулярнаго войска, въ украинскомъ обозѣ были два полка казацкіе, составленные изъ тамошнихъ русиновъ; это было красивое войско, одѣтое въ кармазиновые жупаны, въ черныя шаровары и въ черные кунтуши, всѣ отличались природною красотою, статностію и чрезвычайно скорою понятливостью. Поляки, побаиваясь украинцевъ и казацкаго духа, старались задобривать ихъ и манили возстановленіемъ казачества. Кромѣ казаковъ, опредѣлено было составить два полка изъ татаръ и два батальона охочихъ. Понятовскій приказалъ сдѣлать наѣздъ на волости Браницкаго и другихъ пановъ, признавшихъ конфедерацію, и забрать въ нихъ пушки, оружіе и привести въ армію ихъ надворныя команды насильно.

Начальство надъ литовскимъ войскомъ было поручено князю Александру Виртембергскому.

По замѣчанію иноземныхъ министровъ, наблюдавшихъ въ Польшѣ за ходомъ дѣлъ, войско польское было плохо обучено; полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два батальона, было по одному, въ кавалеріи были у многихъ плохія лошади, такъ, напр., по извѣстію генерала Сульковскаго, лично находившагося въ Литвѣ, изъ 6,400 лошадей 1,500 были негодны. Былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Въ литовскомъ войскѣ было всего у каждаго солдата по 60 патроновъ, и тѣмъ ограничивались боевые запасы; въ украинскомъ войскѣ было въ этомъ отношеніи также до того плохо, что впослѣдствіи, отступая передъ русскими, польскіе генералы должны были посылать въ Варшаву просить присылки снарядовъ по почтѣ. Въ литовскомъ войскѣ, которое при своей малочисленности должно было охранять длинную границу, было

роты понтоньеровъ въ 66, а съ отпускными 96; два полка пѣшей гвардіи изъ 4 ротъ, каждый первый батальонъ гренадерскій, восемь ротъ фузильерскихъ, составляющихъ второй и третій батальоны, въ каждой ротѣ 122 состоящихъ на службѣ и 56 отпускныхъ, всего 178, а въ полку 2,169. Двадцать пять пѣшихъ полевыхъ полковъ, каждый въ три батальона, въ 12 ротъ каждый, рота въ 122 ч., а съ отпускными 178, въ полку 2,169 ч.; три батальона стрѣлковъ изъ 4 ротъ, каждая рота въ 131 ч. и десять батальоновъ легкой пѣхоты, которая должна будетъ формироваться во время войны. На содержаніе этаго войска разсчитано 46.638,127. Доведеніе войска до такого числа должно было совершиться рекрутовкою и вербовкою. Каждый наборъ, по разсчисленію, долженъ былъ дать 17,308 ч. (Изъ Малой Польши 9,036, изъ Великой 2,524, изъ Литовскаго в. кн. 5,860, изъ мазовецкаго 888).

мало пушекъ, — всего было десять полевыхъ, съ тремя стами зарядовъ для каждой. Вообще артиллерія была въ дурномъ состояніи. 14-го мая, когда уже надобно было дѣйствовать противъ русскихъ, генералъ артиллеріи Казимиръ-Несторъ Сапѣга доносилъ правительству, что виленскій арсеналъ совсѣмъ развалился; нѣтъ мѣста для ученія и самое ученіе не производится; нѣтъ также мѣста для склада пороха и дровъ. Онъ просилъ обратить на это вниманіе. Уже по объявленіи Булгаковымъ деклараціи сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литейнаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англіи. Это оправдывало какъ нельзя болѣе пословицу: когда на охоту ѣхать, тогда и собакъ кормить. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были магазины, построенные на скорую руку, но далеко другъ отъ друга. Для продовольствія войска изъ каждой гражданско-военной коммиссіи взяты были по два коммисара, какъ люди спеціально знакомые съ дѣломъ и мѣстными условіями, но оказывалось, что они ничего не знали и не могли быть полезными. Не было ни подробныхъ картъ, ни описей народонаселенія, ни статистическихъ свѣдѣній; не назначено было тарифа по справочнымъ цѣнамъ. Управляющіе панскихъ имѣній, обыватели и поссесоры не слишкомъ поддавались увѣщаніямъ правительства изъ любви къ отчизнѣ доставлять въ польское войско запасы и все необходимое по установленнымъ сходнымъ цѣнамъ, притомъ безъ денегъ, по квитанціямъ въ счетъ будущей уплаты, тогда какъ они могли продавать тоже самое евреямъ дороже и за чистыя деньги. Въ то время поднялась чрезмѣрно цѣна на лошадей къ ущербу для польской кавалеріи, отъ того, что евреи скупали ихъ и продавали за границу — т. е. русскимъ. Обыватели говорили, что они охотнѣе принесутъ за отечество жизнь, чѣмъ достояніе (życie wszystkich jest gotowe, a majątek nie). Такъ прямо отвѣчала одна гражданско-военная коммиссія Понятовскому словами обывателей своего вѣдомства. Впрочемъ, Понятовскій давалъ необдуманныя, а потому неудобоисполнимыя требованія. Такъ, напримѣръ, въ концѣ мая онъ потребовалъ съ кременецкаго и надслуцкаго повѣтовъ для отправки въ Полонное, гдѣ закладывалъ главный магазинъ, такое огромное количество мяса, хлѣба, крупъ, сѣна, соломы, дровъ, что кременецкая гражданско-военная коммиссія поставила ему на видъ то обстоятельство, что для отправки всего этого нужно было 158,738 подводъ, а въ двухъ повѣтахъ всѣхъ дымовъ, съ которыхъ только можно было взять подводы, считалось 42,855, не говоря уже о томъ, что самый сборъ запасовъ требо-

валъ времени. Другая коммиссія, сендомирская, на требованія военныхъ начальствъ о доставкѣ провіанта и фуража для войска отвѣчала, что обыватели не слушаются ея предписанія и не хотятъ давать войску ничего даже за чистыя деньги. У гражданско-военныхъ коммиссій не было средствъ принудить къ послушанію владѣльцевъ, и поэтому ихъ предписанія исполнялъ только тотъ, кто хотѣлъ. При этой безалаберщинѣ, однако, обозъ Понятовскаго вначалѣ не терпѣлъ недостатка, край, гдѣ онъ стоялъ, былъ изобиленъ, но ничего не было прочнаго, сегодня могло быть черезчуръ много, такъ что дѣвать некуда, завтра — недостатокъ.

Войско пополнялось охотниками, которые кичились своимъ патріотизмомъ, но къ дѣлу эти охотники не годились; иные изъ нихъ вовсе не умѣли взяться за оружіе и большая часть приходила въ такомъ видѣ, что имъ надо было давать не только оружіе, но даже обувь. Притомъ, они только назывались охотниками, а многіе изъ нихъ забраны были насильно. При неустройствѣ полиціи, рекрутовка подавала поводъ къ безпорядкамъ и своевольствамъ. Лица, занимавшіяся вербункою, нагло вламывались въ домы обывателей, и вербовали даже прислугу; по замѣчанію англійскаго посланника, даже помѣщенія иностранныхъ пословъ не были отъ этого обезпечены.

Народъ совсѣмъ не стремился въ ряды защитниковъ отечества, какъ писали патріотическіе риторы, а напротивъ разбѣгался и прятался, какъ только заслышалъ зловѣщій бубенъ вербовщиковъ. За то, для поощренія храбрости, выдумали особый орденъ: — на голубой эмали въ срединѣ вѣнца изображеніе золотого креста съ бѣлымъ орломъ посрединѣ и съ надписью: virtuti militari; его слѣдовало носить на голубой лентѣ съ чернымъ краемъ. Четыреста такихъ крестовъ прислано было въ украинскій обозъ съ самаго начала. Офицеры и генералы, какъ по замѣчанію иноземцевъ, такъ и по сознанію самыхъ участниковъ, были мало способны и неопытны, кромѣ одного Костюшки, пріобрѣвшаго опытность и искусство въ американской войнѣ.

Но всего болѣе лишала Польшу надеждъ деморализація ея передовыхъ людей, начиная съ короля и кончая патріотически увлекавшеюся шляхтою. Король прежде всего думалъ о себѣ. Изнѣженный, женолюбивый и ослабѣвшій отъ лѣтъ, онъ подчинялся кружку патріотовъ только до тѣхъ поръ, пока они дѣйствовали на него: онъ держался конституціи болѣе по узкимъ эгоистичнымъ цѣлямъ, надѣясь, что нація заплатитъ его долги, обезпечитъ старость, дастъ средства устроить родныхъ и близкихъ. Если онъ съ перваго раза не измѣнилъ конституціи, то потому, что, не-

смотря на жесткое обращеніе Пруссіи, онъ воображалъ и надѣялся, что, быть можетъ, все-таки Пруссія, увидя перевѣсъ Россіи въ Польшѣ, заступится за послѣднюю ради собственной безопасности, но уже при самомъ началѣ войны, восхищая патріотовъ своею готовностью воевать противъ москалей, Станиславъ-Августъ подумывалъ, какъ бы открыть себѣ дорогу къ примиренію съ Екатериной, въ случаѣ неудачи, которая была очевидна для всякаго, кто взвѣшивалъ обстоятельства холоднымъ разсудкомъ. Въ Стражѣ были благопріятели Россіи и заискивали у Булгакова расположенія. Въ войсковой коммиссіи были также тайные доброжелатели Россіи.

Около короля составился военный совѣтъ, завѣдывавшій дѣлами войны и снаряженіемъ арміи. Главою въ немъ былъ Станиславъ Потоцкій, получившій, послѣ осужденія Щенснаго Потоцкаго, чинъ генерала артиллеріи. Кромѣ его, туда входили четыре маршала: два сеймовыхъ, два маршала конфедераціи и нѣсколько извѣстныхъ военныхъ особъ; но засѣданія этого военнаго совѣта дозволялось посѣщать всѣмъ членамъ бывшаго сейма. Отъ этого все, что тамъ дѣлалось, не могло сохраниться въ тайнѣ, и все, что задумывало польское правительство въ ходѣ военнаго дѣла, дѣлалось извѣстно русскимъ. Въ государствѣ тайныхъ недоброжелателей конституціи и приверженцевъ стараго анархическаго порядка было черезчуръ много; всѣ, пока, принуждены были молчать, когда ихъ за противодѣйствіе могли усмирять польскимъ войскомъ, но они готовы были тотчасъ поднять высоко головы и заговорить, увидя, что за нихъ явилась вооруженная сила. Они не воображали, что конецъ шляхетскаго государства приближается; они думали, напротивъ, что оно зацвѣтетъ и разцвѣтетъ съ возвращеніемъ того, къ чему уже, въ продолженіи многихъ поколѣній, оно привыкло. Наконецъ, какъ всегда и вездѣ бываетъ, здѣсь много было такихъ, которые мало интересовались судьбою государства: будетъ ли въ Польшѣ конституція 3-го мая, или какая другая, они готовы были признать и то, и другое, и третье, что посильнѣе. Громада простого сельскаго народа и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою страною, гдѣ чувствовалась равнымъ образомъ только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями, — какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому, кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то

онъ радовался, чувствуя, что исполняется его давнее желаніе поступить подъ власть единовѣрной Россіи, и надѣялся, что судьба его облегчится. 20-го мая, изъ кіевскаго воеводства земянскій судья Головинскій доносилъ, что обыватели не въ силахъ доставить изъ своихъ имѣній рекрутъ, потому что *духи россійскіе* привлекли на свою сторону крестьянъ надеждою свободы и они примутъ москалей не какъ враговъ, а какъ друзей, будучи съ ними одной вѣры. 30-го мая изъ Украины доносили, что обыватели въ страхѣ бѣгутъ съ своими семьями и имуществами въ Австрію, опасаясь не столько москалей, сколько собственныхъ хлоповъ (nie tak moskalów jak własnych chłopów obawiając się). Въ такомъ положеніи Польша, предоставленная собственнымъ силамъ, выходила на роковую борьбу съ Россіею.

V.

Вступленіе русскаго войска. — Тарговицкая конфедерація [1]).

День, въ который, по составленному заранѣе разсчету, Булгаковъ вручилъ декларацію своей государыни, былъ тотъ самый день, когда войска императрицы вошли въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Русскія силы двинулись изъ Бессарабіи въ польскую Украину въ числѣ 64,000 подъ начальствомъ генералъ-аншефа Каховскаго, четырьмя отдѣлами. Первый отдѣлъ (23,600), подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, перешелъ границу черезъ Днѣстръ у Могилева; второй (17,400), подъ командою Дунина, черезъ ту же рѣку у Сороки; третій, составлявшій центръ арміи, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена (11,200), перешелъ въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвіополя; четвертый (11,600), генерала Леванидова, двинулся въ польскую Украину изъ Василькова. Число конницы въ сравненіи съ числомъ пѣхоты составляло немного болѣе третьей части всего войска [2]). Планъ, избранный русскими (по предначертанію генерала Пистора), состоялъ въ томъ, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ польскую армію, что было удобно именно потому, что польская армія была малочисленнѣе русской. Польское войско раздѣлилось на отряды. Отрядъ подъ начальствомъ Вьельгорскаго былъ у Чечельника, другой, Грохольскаго, сторожилъ рус-

[1]) См. ист. № 86.

[2]) Въ первомъ корпусѣ 1,600, во второмъ 4,300, въ третьемъ, наиболѣе богатомъ конницею, 4,600, а въ послѣднемъ 3,500.

скихъ у Могилева, третій отрядъ подъ начальствомъ Костюшки, поставленъ былъ на границѣ со стороны Кіева. Понятовскій расположилъ центръ своего войска по квартирамъ около Таврова, Немирова, и Браславля.

Русскіе знали очень хорошо, что происходило въ польскомъ лагерѣ, имѣли у себя точное расположеніе польскаго войска и заранѣе разсчитывали на успѣхъ. Кутузовъ шелъ на Винницу, Дунинъ на Немировъ; Леванидовъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Костюшки, побѣдивъ его, пройти черезъ Бердичевъ и Махновку къ Винницѣ, и тамъ соединиться съ Кутузовымъ; они такимъ образомъ обошли бы непріятельское войско, а Дерфельденъ шелъ прямо на непріятеля и велъ съ собою реконфедерацію, которой роль состояла въ томъ, чтобы подъ прикрытіемъ русскаго войска устроить на Украйнѣ старую республиканскую Польшу, въ противность новой, конституціонной, образовавшейся въ Варшавѣ, и сдѣлаться ядромъ, къ которому должны приставать недовольные новизною. Другое русское войско, подъ главнымъ предводительствомъ генерала Кречетникова, вторгнулось въ Литву. Оно было раздѣлено на четыре отдѣла. Два первые, князя Долгорукова (9,000) и Симона Коссаковскаго (8,300), должны были слѣдовать прямо на Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, третій, подъ начальствомъ графа Меллина (6,400), шелъ на Минскъ, четвертый, барона Ферзена и Кнорринга (8,300), на Несвижъ и на Гродно. Противъ нихъ въ защиту поляки поставили 15,000 войска, но въ самомъ дѣлѣ подъ ружьемъ у нихъ столько не было, такъ что можно было считать отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ. Начальство надъ ними поручено было принцу Виртембергскому, но вскорѣ перехватили письмо его прусскому королю, гдѣ онъ, какъ братъ жены русскаго наслѣдника престола, изъявлялъ неохоту драться противъ Россіи за Польшу. Принцъ долженъ былъ поспѣшно оставить свой постъ и уйти изъ Польши. Вмѣсто него король далъ главную команду генералу Юдицкому, человѣку неспособному.

На челѣ конфедератовъ были Щенсный Потоцкій и Северинъ Ржевускій. Северинъ Ржевускій въ молодости, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ Вацлавомъ, арестованный въ ночь съ 13-го на 14-го октября 1767 года, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ и по возвращеніи въ отечество отличался ненавистью и злобою къ Россіи. Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимою идеею было поднять Польшу, за возвращеніе отнятыхъ земель, произвесть всеобщую войну. Онъ заводилъ тайные клубы, съ цѣлью образовать заговоръ. Удалившись въ Галицію, онъ успѣлъ составить большой кружокъ недовольныхъ и затѣвалъ

возстаніе, думая воспользоваться тѣмъ случаемъ, что австрійское правительство занято было укрощеніемъ возстанія въ своихъ бельгійскихъ провинціяхъ. Но вѣнскій дворъ узналъ объ этомъ во̀ время. Ржевускій долженъ былъ бѣжать. Въ Польшѣ онъ вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи. Когда еще въ провинціяхъ Рѣчи-Посполитой находилось русское войско, Ржевускій кричалъ, что полякамъ слѣдуетъ собраться и перерѣзать его. Гордый, необузданный въ страстяхъ, самолюбивый и впечатлительный, пылкій и неразсудительный, — это былъ человѣкъ всегда готовый увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ вообще у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своекорыстіе. Сперва онъ началъ бороться перомъ противъ распространившейся мысли о спасительности наслѣдственнаго правленія для Польши, и издалъ извѣстное сочиненіе о *сукцессіи*. Конституція 3-го мая задѣла его за живое. Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе собственнаго униженія, которое постигало носимый имъ санъ польнаго гетмана послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго, врагъ Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ теперь для этого же дѣла опирался и на ея помощь. Изъ всѣхъ пановъ конфедераціи никто менѣе его не былъ способенъ видѣть дальнѣйшихъ послѣдствій того, на что онъ рѣшался; у него болѣе, чѣмъ у другого, бурная страсть заглушала разсудокъ. Подъ коноводствомъ такихъ лицъ недовольные, шедшіе съ русскими войсками, остановились въ Тарговицѣ и здѣсь заложили станъ своей конфедераціи 18 мая.

Конфедераціи въ Польшѣ издавна были обычнымъ явленіемъ; это была одна изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу. Понятно, что какъ скоро установилось понятіе, что конфедерація есть не бунтъ, а легальное, справедливое явленіе политической жизни, такъ исчезло различіе между законною властью и мятежническимъ скопищемъ. Конфедерація, появляясь въ Рѣчи-Посполитой, считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ. Настоящая конфедерація устроена была по общему образцу, существовавшему въ давнія времена. Избранъ былъ начальникъ или маршалъ конфедераціи. Имъ былъ Щенсный Потоцкій. Около него были совѣтники (consiliarze): ими были въ Тарговицѣ изъ первыхъ великій гетманъ Францискъ-Ксаверій

Браницкій, польный гетманъ Северинъ Ржевускій, перемышльскій каштелянъ князь Антоній Четвертинскій, червоноградскій хорунжій Юрій Віельгорскій, брацлавскій хорунжій Адамъ Мощенскій, владимирскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польной булавы Михаилъ Кобылецкій, воеводичъ подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишекъ Гулевичъ. Браницкому и Ржевускому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они должны были привести все польское войско къ присягѣ конфедераціи. Объявлены непріятелями отечества всѣ тѣ, которые, находясь въ военной службѣ, не покорятся приговору конфедераціи; для того, чтобы приступившіе къ конфедераціи не были отвлекаемы позывами въ судъ, приказывалось трибуналамъ, коммиссіямъ и всякаго рода судебнымъ учрежденіямъ прекратить свое судопроизводство до водворенія спокойствія въ Рѣчи-Посполитой. Вмѣсто нихъ должны были учредиться суды конфедераціи для осужденія государственныхъ преступленій, которыми на языкѣ конфедераціи называлось несогласіе приступить къ конфедераціи. Способъ распространенія конфедераціи состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за главною генеральною конфедераціею должны были образовываться провинціальныя конфедераціи по воеводствамъ, съ воеводскими маршалами и совѣтниками, пока такимъ образомъ всѣ части Рѣчи-Посполитой не приступятъ къ главной конфедераціи. Сеймъ, создавшій конституцію 3-го мая, объявленъ насильственнымъ и самый актъ составленія конституціи названъ заговоромъ; конфедерація объявляла всѣ постановленія этого сейма беззаконными и недѣйствительными; всѣмъ сенаторамъ, министрамъ и сеймовымъ посламъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ гродскомъ или земскомъ судѣ учинить отреченіе (рецессъ) отъ конституціи и всѣхъ постановленій сейма, и пристать къ конфедераціи; если же кто не поступитъ такимъ образомъ, тотъ будетъ судимъ судомъ генеральной конфедераціи и лишенъ чести и имущества, какъ непріятель отечества, покушавшійся ввергнуть его въ рабство. Маршалъ и совѣтники составили форму присяги и произнесли ее первые сами. Устроена была для дѣлопроизводства канцелярія. Первымъ дѣломъ учрежденной конфедераціи было составленіе и опубликованіе универсала къ народу. Въ немъ коротко излагалась исторія бывшаго четырехлѣтняго сейма и дѣятельность его представлялась въ самомъ черномъ видѣ. Универсалъ этотъ, восходя къ 1787 году, находитъ, что въ то время все склонялось къ тому, чтобы обезпечить свободу, крѣпость и счастіе Рѣчи-Посполитой. Если

бы въ тѣ времена все дѣлалось по желанію цѣлаго народа, которое выразилось на сеймикахъ, предварявшихъ сеймъ 1788 года, въ Рѣчи-Посполитой царствовала бы законная свобода; но, къ несчастію, люди властолюбивые и коварные, у которыхъ свобода была только на устахъ, а не въ сердцѣ, допущены были къ руководству надъ учредительными работами. Они ввели въ подозрѣніе у доброжелательныхъ гражданъ людей, которые бы могли предостеречь отъ зла, внушили народу желаніе перемѣнъ, распустили въ народѣ фальшивый страхъ объ опасности извнѣ; и когда кончилось время ихъ послованія, они, боясь, чтобы народъ не выбралъ другихъ представителей, беззаконно присвоили себѣ продолженіе своей должности, только для вида допустивъ съ собою сидѣть новымъ посламъ; сдѣлали народу запросъ о назначеніи преемника живому королю, и когда девять частей народа въ инструкціяхъ своихъ выразительно объявили желаніе вольнаго избирательства, они, видя, что шляхетство препятствуетъ ихъ замысламъ, отстранили отъ преимуществъ шляхетскаго званія шляхту, не владѣвшую недвижимыми имуществами, а противъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ возбуждали ненависть, называя ихъ аристократами, и все-таки не въ силахъ будучи обмануть шляхетство, употребили мѣщанъ и посполъство орудіями для наложенія оковъ на цѣлый народъ, выставили несчастный примѣръ Парижа образцомъ для польскихъ городовъ; позаводили, по парижскому образцу, модные клубы, и чтобы не дать пройти обольщенію, выбравъ время, когда послѣ вакантнаго времени многіе послы, разъѣхавшіеся по провинціямъ, хотѣли возвратиться не иначе, какъ по прошествіи первой недѣли послѣ вакаціи, посвященной экономическимъ предметамъ, совершили злодѣйскій замыслъ 3-го мая, подъ страхомъ орудій, вывезенныхъ безъ вѣдома войсковой коммиссіи, наполнили зàмокъ и его окрестности посполъствомъ, однихъ возбуждали защищать друзей-мѣщанъ, которыхъ будто бы хотѣли противники убить; другихъ напугали фальшивыми или же нарочно сочиненными депешами, будто бы присланными отъ министровъ иностранныхъ дворовъ; третьихъ подстрекали жаждою пріобрѣтеній. «Почтенная законодательная Изба—выражается универсалъ—наполнилась наведенною толпою, обитель польскихъ королей, гдѣ нѣкогда была глава и твердыня Рѣчи-Посполитой, осаждена была сволочью; проектъ перешелъ въ законъ безъ обсужденія, безъ повѣрки большинства мнѣній балотировкою, былъ выкрикнутъ толпою, а не признанъ законнымъ порядкомъ членами сейма, которыхъ было мало; король въ костелѣ присягнулъ конституціи 3-го мая, нарушилъ святость присяги данной на соблюденіе условій, съ которыми онъ

былъ избранъ на престолъ; затѣмъ принудили присягнуть на гибель отечества магистратуры и войско, подъ страхомъ потери должностей и чиновъ, постановили преслѣдовать судомъ и войскомъ тѣхъ, которые не хотѣли присягать новой конституціи и такимъ образомъ шестьдесятъ тысячъ войска, приготовленнаго на защиту отечества, стали орудіемъ деспотизма, а сеймъ, избранный по закону только на шесть недѣль, присвоилъ себѣ постоянное управленіе страною, продолжая беззаконно свои занятія уже три съ половиною года. Ставили сейму въ вину, что онъ запретилъ конфедерацію, какъ единственное средство освободить отъ него край, хотя самъ имѣлъ форму конфедераціи, и въ добавокъ хотѣлъ впутать Польшу во вредную войну съ Россіею.

Противъ этихъ-то исчисленныхъ несправедливостей протестовала новообразованная конфедерація, и гласила въ своемъ универсалѣ, что она составилась по порученію шляхетства, оставшагося въ домахъ своихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявляла намѣреніе остаться при прежнемъ республиканскомъ правленіи, избирательствѣ королей, при томъ строѣ, который былъ нарушенъ распоряженіями сейма. «Но какъ Рѣчь-Посполитая—сказано было въ концѣ универсала—находясь въ рукахъ утѣснителей, не можетъ освободиться отъ нихъ собственною силою, то намъ ничего иного не оставалось, какъ обратиться съ довѣріемъ къ великой Екатеринѣ, которая съ такою славою царствуетъ надъ народомъ, намъ дружелюбнымъ и союзнымъ, надѣясь равно на великодушіе этой великой монархини, какъ и на договоръ, обязывающій ее въ отношеніи Рѣчи-Посполитой. Желаемъ, чтобы Рѣчь-Посполитая всегда была самостоятельна, независима, цѣла въ своихъ границахъ, какъ отъ вѣковъ она была ни отъ кого независима и не была ничьею собственностью, ничьимъ наслѣдіемъ; желаемъ такой свободы, какая свойственна народу нашему; и предки наши отъ вѣковъ жили въ свободѣ, и мы свободными родились, свободными хотимъ и умереть; желаемъ утвердить у себя республиканское правленіе, потому что къ иному не можемъ привыкнуть и всякое другое принесло бы намъ разореніе; желаемъ внутренняго спокойствія и непреложнаго мира съ сосѣдями; ищемъ благосостоянія и безопасности нашихъ имуществъ, а не волненій и войнъ. Вотъ наши намѣренія, для ихъ-то исполненія мы обратились къ помощи великой государыни, которая, будучи украшеніемъ и славою нашего вѣка, столь же гнушается подлымъ коварствомъ и хитрыми кознями, сколько умѣетъ цѣнить счастіе народовъ и готова подавать имъ руку помощи».

Было много правды въ томъ, что говорилось въ этомъ универсалѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ, и о способахъ проведенія

конституціи. Трудно было бы рѣшать, какая изъ конфедерацій была законнѣе, тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ. Тарговицкая была консервативна, не думала производить насильственныхъ переворотовъ въ организаціи края, довольствовалась издавна существовавшимъ, а это оправдывало ее въ ту эпоху, когда вообще смѣлыя и рѣшительныя реформы наводили страхъ подобіемъ съ французскою революціею. Впослѣдствіи, исторія заклеймила ее позоромъ и проклятіемъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но правду сказать, она не виновнѣе въ этомъ прежней конфедераціи, создавшей конституцію 3-го мая. Печальный исходъ событій этой эпохи не можетъ падать исключительно на нее одну; если она призвала Россію къ роковому вмѣшательству въ дѣла своего отечества, то въ этомъ виновата равнымъ образомъ и противная сторона, которая, легкомысленно раздраживъ Россію, дала поводъ къ такому призванію. Все равно — призывала бы Россію какая-нибудь конфедерація на помощь или не призывала, — русская императрица нашла бы поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла: она не простила бы полякамъ ихъ договора съ Турціею, ихъ дружбы съ Пруссіею въ надеждѣ европейской войны противъ Россіи, рѣзкихъ и оскорбительныхъ выходокъ, какія позволяли себѣ на сеймѣ послы противъ русской государыни и ея державы, гоненія православной вѣры, казни невинныхъ офеней — подданныхъ россійской императрицы, арестованія русскаго архіерея, клеветы на него и на русское духовенство и преобразованія правленія безъ согласія съ Россіею. Русская императрица, въ видахъ безопасности своего государства, никогда бы не допустила зависѣвшую отъ нея Польшу сдѣлаться независимою и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебною для Россіи державою. Тарговичане конечно не предвидѣли, что непосредственнымъ слѣдствіемъ появленія ихъ конфедераціи будетъ дѣлежъ отечества, также, какъ и противники ихъ не предвидѣли, что всѣ ихъ блестящіе планы пишутся на пескѣ и уничтожатся отъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра. Близорукость у обѣихъ сторонъ была одинакова. Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ тоже дѣлали, во время своихъ государственныхъ работъ находясь на привязи у Пруссіи; они и теперь умоляли ввести въ польскія владѣнія прусскія войска; — только разница была та, что имъ не дали чужихъ войскъ, а тарговичанамъ ихъ дали. Тарговичанамъ ставили въ упрекъ то, что они стояли за старую анархію, приведшую Польшу на край гибели. Но она имъ не казалась такою. Прежній строй былъ имъ милъ и дорогъ, какъ наслѣдіе предковъ,

какъ атмосфера, въ которой они родились и воспитались. Ничто притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымышляли ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ. Ихъ полулиберальныя мѣры, приправленныя громкими фразами, въ силу непреложныхъ законовъ движенія обществъ, должны были открыть дорогу къ кровавымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Разсказы, которые распускали сторонники конституціи о всеобщемъ сердечномъ принятіи народомъ новаго строя вещей, были преувеличены; восторгъ о возрожденіи отечества выражался только заздравными попойками, потѣшными выстрѣлами и огнями; большая часть польской публики казалась на сторонѣ переворота единственно потому, что это возрожденіе давало поводъ къ житейскому разнообразію и пріятнымъ ощущеніямъ; увлеченіе новизною было возможно только до тѣхъ поръ, пока эта новизна не успѣла стать слишкомъ чувствительною для выгодъ и привычекъ шляхетства; при ближайшемъ сопоставленіи съ дѣйствительностію оппозиція должна была проявиться неизбѣжно, и если бы тарговицкая конфедерація не получила помощи отъ Россіи, оппозиція, возрастая, явилась бы болѣе или менѣе въ увеличенномъ размѣрѣ, искала бы себѣ иныхъ путей, привлекала бы къ себѣ доброжелателей и употребляла бы всевозможныя усилія не допустить новую конституцію стать на общественной почвѣ; да если бы эта конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою, упорная защита своихъ правъ со стороны шляхты и, слѣдовательно, внутреннее междоусобіе. Этого явленія невозможно было никакъ предотвратить; пришлось бы кончать тѣмъ, чѣмъ не начали и съ чего слѣдовало начинать. Но тогда уже было бы поздно; внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы. Да и безъ того, брошенное въ свѣтъ и нерѣшенное дѣло о наслѣдствѣ, неминуемо навлекло бы на Польшу иноземное вмѣшательство и стало бы причиною раздоровъ и разорительныхъ войнъ. Партія 3-го мая, несмотря на свои наружные подвиги, отнюдь не упрочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой; она не отклоняла отъ Польши печальной возможности быть игрушкою сосѣдей, съ тою разницею, что прежде пагубное вмѣшательство сосѣдей и возбужденіе междоусобій вращались около вопроса объ избраніи королей, а теперь средоточіемъ ихъ дѣлался вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ наслѣдственное правленіе въ Польшѣ; а какъ наслѣдство важнѣе и заманчивѣе избранія по жизнь, и притомъ

еще не существовало никакого неоспоримаго права наслѣдства еще ни для кого, то естественно, сосѣди, руководствуясь каждый исключительно своими видами, старались бы или не допустить чужихъ принцевъ до польскаго наслѣдственнаго престола, или пособить своимъ сѣсть на немъ. Въ самой Польшѣ, конечно, тогда образовались бы стороны, придерживающіяся, ради своихъ выгодъ и видовъ, того, другого или третьяго изъ претендентовъ; вопросъ усложнился бы и запутался бы до того, что въ концѣ концовъ все-таки сосѣди порѣшили бы сдѣлать то, что они сдѣлали — уничтожить самостоятельность Польши и раздѣлить ее между собою. Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предпринято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ давленія другой. Въ обществѣ человѣческомъ, какъ въ природѣ, пустоты не терпится; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнья поддержать и сохранить у себя государственную связь, такой народъ непремѣнно долженъ войти въ составъ другихъ государствъ. Разлагающееся государство, въ такомъ случаѣ, дѣлается обыкновенно добычею другихъ не сразу; сперва сильные, не покоряя слабыхъ оружіемъ окончательно и не лишая ихъ формъ государственной самобытности, оказываютъ надъ слабыми вліяніе, пріобрѣтаютъ отъ этого вліянія для себя выгоды, привыкаютъ къ такимъ отношеніямъ и считаютъ ихъ своимъ достояніемъ по праву, готовы защищать это право и не выпускать его изъ рукъ. Въ такомъ случаѣ стремленіе слабаго государства къ возрожденію и къ самоусиленію невольно бываетъ въ ущербъ сильному и возбуждаетъ его противодѣйствіе; а какъ слабый съ сильнымъ не сладитъ, то попытки перваго къ пріобрѣтенію независимости ведутъ его обратно къ большей зависимости отъ другого, и наконецъ доводятъ до покоренія и уничтоженія. Слабый можетъ въ такомъ случаѣ спасти себя только заступничествомъ другихъ сильныхъ, но какъ ничего на свѣтѣ не дѣлается безъ вознагражденія, то естественно, что спасители въ свою очередь пожелаютъ выгоднаго для себя покровительства надъ слабымъ, а такое покровительство можетъ, въ свою очередь, возрасти, смотря по обстоятельствамъ, до полнаго подчиненія и покоренія. Польша по своей слабости уже подпала въ извѣстной степени подъ зависимость отъ Россіи и уже утратила часть земель своихъ. Чтобы ей возродиться, нужно было осво-

бодиться отъ Россіи, а для этого нужна была чужая сила. Поляки хотѣли опираться на Пруссію, но Пруссія требовала уже себѣ выгодъ въ ущербъ Польши, и совершенно справедливо, ибо не могла защитить ее иначе, какъ выдержавъ борьбу съ Россіею; должна же была Пруссія вознаградить себя за это, а вознаградить себя она не могла иначе, какъ только на счетъ Польши. Да и всякая другая держава, рѣшившись помочь Польшѣ, не могла бы этого сдѣлать иначе, какъ имѣя въ виду вознагражденіе за свои траты и усилія, и этого вознагражденія скорѣе всего искать пришлось бы ей на счетъ той же Польши. Разныя гарантіи независимости Польши, въ родѣ бишофсвердеровскихъ договоровъ и пильницкихъ свиданій, были только временныя мѣры. Легко было написать на бумагѣ взаимное условіе, чтобы Польша была независима, но на дѣлѣ трудно было выполнить это, потому что Польша собственною слабостію побудила бы сосѣдей вмѣшиваться въ ея дѣла и имѣть на нее вліяніе, которое было бы для сосѣдей выгодно и заманчиво. Государство уважается только тогда, когда оно само не обращается къ чужимъ съ заявленіемъ своего безсилія и не нуждается въ чужихъ болѣе того, сколько само имъ дать можетъ.

Польша въ своемъ положеніи могла быть безопасна отъ сосѣдей и возрождаться независимо отъ нихъ развѣ тогда только, когда бы не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась бы отъ другихъ государствъ горами и степями, или же, еслибъ она по какимъ либо инымъ причинамъ была никому неподручна, такъ что обладаніе ею не возбуждало бы въ сосѣдяхъ зависти и надеждъ на выгоды.

Такимъ образомъ несправедливо будетъ считать за тарговичанами исключительно вину, препятствовавшую Польшѣ возродиться. Конституція 3-го мая во всякомъ случаѣ не могла ее возродить. Оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничившись нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и приготовляя въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровавую рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали къ возрожденію ея. Пока польскій крестьянинъ оставался въ привычномъ отъ вѣковъ состояніи панскаго *быдла*, а мѣщанъ только подразнили свободою, написавши имъ такой уставъ, который не исполнялся, Польша оставалась все тою же Польшею, какою была, и только подвергалась опасности, къ обычнымъ безпорядкамъ своимъ прибавить еще два— междоусобія по поводу наслѣдства и крестьянскій бунтъ, подобный тому, какой уже она испытала въ XVII вѣкѣ въ русскихъ провинціяхъ, а быть можетъ и хуже. Съ пресловутою кон-

ституціею 3-го мая Польша была далеко какъ нельзя больше отъ истинной свободы; ей все-таки суждено было вращаться въ прежнемъ омутѣ анархіи. Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые бы съумѣли опереться на массу чернаго народа, Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись тарговичане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патріоты.

Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая мы не видимъ никакихъ благопріятныхъ условій къ обновленію, напротивъ слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію. Административныя и судебныя преобразованія, послѣдовавшія за провозглашеніемъ конституціи, касались болѣе формъ: извѣстно, что если деморализованному обществу дать хорошія формы, то деморализація общества скорѣе успѣетъ исказить эти формы, чѣмъ послѣднія поправятъ испорченное общество. Важнѣйшія реформы, какъ, напр., дарованіе правъ городамъ или законъ о королевщинѣ, не будучи еще приведены въ исполненіе, успѣли только уже увеличить число враговъ конституціи. Оказывалось, что все, клонившееся къ усиленію государства, къ увеличенію средствъ его, къ водворенію порядка, къ благосостоянію нешляхетскаго народа, подрывало матеріальныя выгоды дворянъ и противорѣчило понятіямъ о сословной чести, предразсудкамъ и привычкамъ дворянскаго класса въ Польшѣ. Тарговицкая конфедерація, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни новымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ новыхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на многія поколѣнія; и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о погибели Рѣчи-Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что если бы ее не задушили въ самомъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное разсмотрѣніе обстоятельствъ и условій той эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда. Безъ тѣхъ событій, которыя непосредственно послѣдовали за конституціею 3-го мая, эта конституція никакъ не сдѣлалась бы святынею для Польши такъ скоро и такъ легко, и если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ она все равно довела бы Польшу до подобныхъ послѣдствій; такъ или иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чахломъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота, и са-

мая конституція была, при ея неисцѣлимой болѣзни, черезчуръ героическимъ средствомъ, ускорившимъ ея смерть. Тарговичане, справедливо опасаясь гибельныхъ слѣдствій этого героическаго средства, хотѣли по крайней мѣрѣ сохранить свое отечество въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ оно могло бы еще прозябать. Тарговичанъ обвиняютъ совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники ихъ большею частью не были также чужды этого; если прусская партія упрекала русскую въ томъ, что она получала пенсіоны и имѣнія отъ Россіи, то русская обвиняла противниковъ въ томъ, что они получали деньги отъ Пруссіи. Несомнѣнно то, что большая часть рьяныхъ патріотовъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоянія и значенія, и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ. Всѣ иностранные послы, поощрявшіе польскія выходки противъ Россіи, согласно говорили, что многіе прославляли конституцію 3-го мая за красную ленту Станислава.

Опираясь на Россію, тарговичане по своей недальновидности и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они совершенно были правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи. Безспорно, большинство шляхты чувствовало и мыслило какъ они. Въ то время даже и тѣ, которые, не раскусивши хорошенько въ чемъ суть 3-е мая, участвовали въ пиршествахъ и праздникахъ въ честь переворота, искренно переходили къ ихъ убѣжденіямъ. Если бы Екатерина, возстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлежа и безъ присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ, и имена Щенснаго и Ржевускаго величались бы какъ имена спасителей золотой шляхетской вольности, а конституція 3-го мая надолго могла быть забытою и осуждаемою. Шляхетскій идеалъ былъ именно тотъ, который былъ у тарговичанъ.

Нѣкоторые, желая показать свое усердіе къ Россіи, думали защищать ее въ нравственномъ значеніи и утверждали, что въ то время императрица не думала о присоединеніи къ Россіи провинцій польскаго государства. Но могла ли Екатерина не имѣть намѣренія осуществить того, къ чему стремилось ея государство цѣлые вѣка, и не воспользоваться самымъ удобнымъ случаемъ къ разрѣшенію вѣковой тяжбы Россіи съ Польшею? Если бы тарговичане обладали сколько-нибудь основательнымъ, осмысленнымъ знаніемъ своего прошедшаго, если бы у нихъ было здравое пониманіе политическихъ дѣлъ вообще, они бы ничего не могли

ожидать отъ русской государыни, кромѣ того, что̀ она съ ними сдѣлала.

30-го мая, конфедерація издала другой универсалъ, гдѣ оповѣщала обывателей о вступленіи въ предѣлы Рѣчи-Посполитой союзныхъ русскихъ войскъ, убѣждала не бояться союзниковъ, ибо они идутъ только противъ тѣхъ, которые поддерживаютъ варшавскій заговоръ, увѣряла, что воинство императрицы не станетъ дѣлать насилія и вреда владѣльцамъ и ихъ подданнымъ, а напротивъ будетъ охранять ихъ отъ бродягъ и своевольниковъ. Въ особенности этомъ универсалъ заботился о повиновеніи крестьянъ владѣльцамъ и ихъ управляющимъ. Крестьяне не только не должны допускать своеволія, но увѣдомлять команды о собраніяхъ своевольныхъ шаекъ и задерживать тѣхъ, кто вздумаетъ подговаривать къ бунту панскихъ подданныхъ, а если бы кто, по своей собственной волѣ или по чужому наущенію, оказался виновнымъ въ мятежническихъ замыслахъ и укрывательствѣ подстрекателей къ бунту, тѣмъ грозили суровымъ наказаніемъ. Видно было, что паны сильно боялись, чтобы противники ихъ, подъ вліяніемъ французскаго духа, не стали объявлять крестьянамъ свободу. Впрочемъ, въ томъ же универсалѣ было заявлено, что паны не ждутъ отъ крестьянъ черной неблагодарности за свои къ нимъ благодѣянія.

Другой универсалъ обращенъ былъ къ духовенству; предписывалось во всѣхъ епархіяхъ, деканатахъ, приходахъ, возсылать горячія молитвы объ успѣхѣ конфедераціи и о спасеніи отечества отъ пропасти, въ которую хотѣла его ввергнуть конституція 3-го мая. Духовные всякаго чина обоего обряда должны были каждую недѣлю съ амвоновъ оглашать народу о спасительныхъ намѣреніяхъ конфедераціи, а главное, именемъ религіи внушать крестьянамъ повиновеніе владѣльцамъ. Въ тотъ же день изданъ третій универсалъ—ко всѣмъ кредиторамъ Рѣчи-Посполитой: объявлялось, что если кто, по требованію сейма, будетъ давать на имя Рѣчи-Посполитой суммы, въ чистой монетѣ, или въ товарахъ, или въ какихъ-нибудь произведеніяхъ, такія суммы или товары должны считаться пропавшими, — нація за нихъ не отвѣчаетъ. Ко всѣмъ наслѣдственнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ, заставникамъ и всякаго рода поссессорамъ, старостамъ и вообще къ управляющимъ имѣніями подъ какимъ бы то ни было видомъ, посланъ былъ универсалъ, а также и въ города, о томъ, чтобы всѣ подати, какія только идутъ въ скарбовую коммиссію подъ разными наименованіями черезъ посредство сборщиковъ, называемыхъ экзакторами, суперинтендентами, кассирами и ревизорами, были платимы не туда, а въ казну генеральной корон-

ной конфедераціи, съ полученіемъ квитанцій. Всѣмъ чиновникамъ, зависящимъ отъ скарбовой коммиссіи, запрещалось слушаться ея предписаній и предписывалось привозить собираемыя деньги въ казну конфедераціи. Наконецъ, въ тотъ же день посланъ былъ универсалъ ко всѣмъ оберъ-секретарямъ почтамтовъ съ приказаніемъ, въ теченіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность конфедераціи, не дозволять себѣ дѣлать чего-нибудь въ ущербъ письменной корреспонденціи конфедераціи и доносить о всякомъ вредѣ, могущемъ для нея произойти.

3-го іюня конфедерація была переведена въ Умань, а 9-го іюня въ Тульчинъ, слѣдуя такимъ образомъ за успѣхами русскаго войска. Здѣсь конфедерація издала универсалъ, обязывавшій всѣ типографіи, какія существуютъ въ Польшѣ, не печатать ничего оскорбительнаго для конфедераціи. Было оповѣщено также, что если кто изъ посполъства или мѣщанъ осмѣлится сказать хотя одно слово въ противность конфедераціи, тотъ отъ мѣстнаго начальства долженъ быть схваченъ и доставленъ въ судъ конфедераціи; учрежденъ былъ, на подобіе польскихъ судовъ, судъ съ двумя инстигаторами и реентомъ (письмоводителемъ). Конфедерація возстановляла всѣ уничтоженные бывшимъ сеймомъ акты, и одновременно объявляла прекращеніе платежей, наложенныхъ прежнимъ сеймомъ, какъ-то: пожертвованія десятаго гроша, двойного подымнаго, поголовнаго, и объявила, что не имѣетъ намѣренія продавать королевщины и признаетъ справедливыми только тѣ подати съ нихъ, какія платились до 3-го мая, каковыя и должны съ настоящаго времени доставляться въ казну конфедераціи. Сбавка податей, оставленіе королевщинъ за владѣвшими на прежнихъ основаніяхъ, освобожденіе пристающихъ къ конфедераціи отъ судебныхъ позывовъ,—все это были подстрекательные способы, привлекавшіе къ конфедераціи сообщниковъ, а присутствіе войскъ императрицы давало надежду на успѣхъ предпринятаго дѣла. Вслѣдъ за генеральною, открывались подчиненныя ей конфедераціи по воеводствамъ: сначала въ тѣхъ воеводствахъ, которыя заняты были русскимъ войскомъ. Избраны маршалки и коммиссары. Члены конфедераціи, Мощенскій, Гулевичъ, Злотницкій, Четвертинскій, разъѣзжали по южнымъ воеводствамъ и привлекали шляхту къ конфедераціи. Гдѣ дѣйствовали убѣжденіемъ, а гдѣ и страхомъ; противники ихъ говорили, что они разсыпали въ одномъ мѣстѣ рубли, въ другомъ батоги.

Нѣсколько человѣкъ шляхты, не хотѣвшіе пристать къ конфедераціи, убѣжали въ Кременецъ и тамъ занесли въ судъ жалобу, что ихъ брали казаки, сѣкли нагайками, принуждали при-

сягать къ конфедераціи. «Если бы,—говорили они,—у Щенснаго и его товарищей были добрыя намѣренія, то не нужно было бы иноземнаго войска, не нужно было бы не только принуждать, но и просить; всякаго убѣждали бы собственные глаза.» Такъ какъ всѣ суды, установленные сеймомъ, объявлялись закрытыми и тѣ, которые пойдутъ въ нихъ судиться, провозглашались врагами отечества, отъ этого распространилось безправіе и своевольство, и потому въ половинѣ іюня послѣдовало учрежденіе временныхъ конфедераціонныхъ судовъ по воеводствамъ: они подчинялись суду генеральной конфедераціи. Такимъ образомъ маршалы были вмѣстѣ правителями и судьями. Не менѣе важною была ихъ обязанность доставлять въ русское войско провіантъ.

Несмотря на требованіе приносить подати въ конфедерацію вмѣсто скарбовой коммиссіи, сборщики очень лѣниво и неисправно приносили ихъ; запрещеніе вносить въ скарбовую коммиссію принималось и исполнялось охотнѣе, чѣмъ предписаніе приносить деньги въ конфедерацію. 21-го мая конфедерація должна была поставить на видъ суперинтендентамъ и зависѣвшимъ отъ нихъ экзакторамъ ихъ неисправность.

Конфедерація занималась формированіемъ войскъ; такимъ образомъ въ концѣ іюня устроено было два полка и назначенъ начальникомъ конфедераціоннаго войска Рудницкій.

При конфедераціи былъ уполномоченный отъ императрицы, генералъ баронъ Бюлеръ. «Такъ какъ конфедерація составлена по моему внушенію и подъ моимъ спеціальнымъ покровительствомъ— писала ему Екатерина, то я избираю васъ быть истолкователемъ моихъ намѣреній, спасительныхъ для Рѣчи-Посполитой». Въ іюлѣ конфедерація была въ Литинѣ, а потомъ въ Дубнѣ. Оттуда 25-го числа этого мѣсяца отправленъ былъ въ Петербургъ одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи графъ Віельгорскій съ благодарственнымъ письмомъ къ императрицѣ. Маршалъ отъ имени конфедераціи писалъ: «Польша была свободна и утѣшалась тѣмъ, что спокойно могла быть забыта всѣми и жить счастливо. Не первый разъ честолюбцы хитростью захватывали власть и во зло употребляли мнѣніе о своихъ доблестяхъ. Не первый разъ народъ прибѣгаетъ къ благородной помощи иностранцевъ. Безъ Екатерины Польша была бы въ оковахъ и можетъ быть окончила бы свое существованіе. Уже имя Екатерины оглашается въ двухъ третяхъ Рѣчи-Посполитой: въ воеводствахъ Браславскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ, Бельзскомъ, Холмской землѣ и во всей Литвѣ».

VI.

Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году[1].

Рядомъ съ успѣхомъ конфедераціи двигалось впередъ съ побѣдою и русское войско. Вступленіе его въ предѣлы Рѣчи-Посполитой застало войска Іосифа Понятовскаго разсѣянно расположенными на квартирахъ около Браславля, Тульчина и Винницы. Польскій военачальникъ поспѣшилъ ихъ и быстро двинулся на Волынь къ мѣстечку Полонному, гдѣ у нихъ была крѣпость и складъ запасовъ. Очевидецъ Охоцкій говоритъ, что паническій страхъ одолѣлъ обывателей, какъ только они услышали о приближеніи русскихъ. Польскій военачальникъ, не обладая выходящими изъ ряда военными способностями, хотѣлъ быть строгимъ дисциплинаторомъ въ службѣ, и дѣлался даже деспотомъ. Онъ запретилъ подъ смертною казнію въ своемъ обозѣ вести разговоръ о непріятелѣ, и когда ему осмѣливались доносить, что непріятель близко, онъ говорилъ: «я знаю самъ, что́ дѣлать». Это не мѣшало ему, однако, внѣ службы быть очень привѣтливымъ въ обращеніи и веселымъ хлѣбосоломъ, какъ прилично было поляку. Каждый день, по окончаніи военныхъ экзерцицій, за завтракомъ, часовъ въ десять, было у него человѣкъ сто, а за обѣдомъ въ три часа человѣкъ по пятидесяти гостей офицеровъ, и тамъ щедрою рукою наливались кубки венгерскимъ, курился изобильно турецкій табакъ, нарочно привезенный изъ Молдавіи нѣсколькими фурами и проводилось время въ разговорахъ соблазнительнаго содержанія, которые очень любилъ предводитель. Одинъ Костюшко не бывалъ въ такихъ компаніяхъ; за то его хотя уважали, но не любили и насмѣхались надъ его манерами, которыя казались нелюбезными и странными. Въ обозъ безпрестанно приходили охотники, кто приводилъ съ собою пять, кто шесть, а кто и десять человѣкъ верховыхъ. По старопольскому обычаю въ ожиданіи непріятеля всѣ пировали, играли въ карты и кости, пѣли пѣсни. Около обоза толпились іудеи съ товарами, искушавшими военныхъ людей, но не смѣли входить въ обозъ; только надежда на большіе барыши заставляла ихъ иногда отваживаться на не совсѣмъ безопасное дѣло. При малѣйшемъ подозрѣніи на кого-нибудь изъ нихъ въ способности переносить вѣсти въ русскій лагерь, ихъ грозили вѣшать на первомъ деревѣ, и нѣкоторые испытали эту непріят-

[1]) См. источники №№ 86, 98, 19, 59, 12, 101, 52, 28, 47, 120, 115.

ность, попавшись съ воззваніями конфедераціи и съ нѣсколькими червонцами въ карманѣ, данными за распространеніе этихъ воззваній.

Нѣсколько отрядовъ, посланныхъ Понятовскимъ для собиранія вѣстей, человѣкъ въ 300 и 400, были по одиночкѣ истреблены русскими. Генералъ Кутузовъ и Дунинъ гнались за ними съ своими отрядами такъ сказать по пятамъ. Съ другой стороны отъ Кіева Леванидовъ гналъ отрядъ Костюшки, спѣшившаго присоединиться къ главному войску. Поляки, утомленные отступленіемъ, принуждены были остановиться у Любара на Случи. По дорогѣ къ Любару и въ самомъ Любарѣ они видѣли, одни за другими, брики и кареты пановъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ имѣній за границу, въ Галицію, убѣгавшихъ отъ москалей, отъ которыхъ ожидали разоренія.

Здѣсь, неподалеку отъ тѣхъ роковыхъ мѣстъ, гдѣ за 132 года передъ тѣмъ подъ Чудновымъ произошло страшное пораженіе русскихъ войскъ, пораженіе, послѣ котораго поляки возвратили себѣ уже отпавшую отъ нихъ южную Русь, здѣсь же, повидимому, суждено было теперь русскимъ поправить ошибку своихъ предковъ, снять съ нихъ пятно и снова добыть оружіемъ утраченныя въ оное время южно-русскія земли. По составленному заранѣе плану, русскіе съ двухъ сторонъ должны были перейти за Случь, захватить Полонное, отрѣзать путь полякамъ въ Польшу и истребить ихъ, притиснувъ къ западному берегу Случи. 14-го іюня, Кутузовъ и Дунинъ перешли Случь у Острополя и готовились напасть на поляковъ съ тыла, а Леванидовъ стоялъ у Мирополья, версты за 23 отъ поляковъ и долженъ былъ скорѣе захватить Полонное, отстоявшее отъ него верстъ за 15, прежде, чѣмъ поляки успѣютъ дойти туда. Но Костюшко искуснымъ движеніемъ къ Чарторіи, отстоявшей отъ Мирополья верстъ за 10, заставилъ Леванидова пріостановиться. Русскій генералъ боялся, чтобы на него не ударилъ съ тыла Костюшко, когда онъ самъ двинется къ Полонному, а тѣмъ временемъ Понятовскій со всѣмъ войскомъ 4 (15) іюня поспѣшилъ прямымъ путемъ къ Полонному, отстоявшему за 30 верстъ, прежде чѣмъ Кутузовъ и Дунинъ могли зайти ему въ тылъ. По слѣдамъ за ними гнались отряды бригадира Орлова и генерала Тормасова (2 полка казаковъ, 20 эскадроновъ легкой кавалеріи и два батальона егерей екатеринославскаго полка), напали на шедшій позади обозъ и отбили нѣсколько рядовъ возовъ съ запасами. Остальные въ страхѣ и безпорядкѣ бросились бѣжать, и привели въ безпорядокъ шедшую впереди ихъ колонну подъ начальствомъ графа Вьельгорскаго. Русскіе генералы, увидя это, послали своимъ въ под-

крѣпленіе три батальона, подъ начальствомъ Лобанова. Поляки Вьельгорскаго отступили черезъ лѣсъ по худой дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Пришлось имъ, по выходѣ изъ лѣса, проходить черезъ лѣсную плотину, называемую Борушковскою. Плотина была дурная, мостъ черезъ прудъ еще хуже, — обвалился подъ поляками мостъ; много ихъ потонуло. Русскіе ударили на нихъ сзади и съ боковъ. Поляки бросили въ болотѣ семь орудій, пустились въ бродъ черезъ прудъ, вязли въ болотѣ; разбитые остатки колонны Вьельгорскаго едва спаслись бѣгствомъ. До 600 человѣкъ погибло, 375 человѣкъ достались плѣнными и должны были присягнуть конфедераціи. Русскіе взяли у поляковъ орудія и войсковую казну.

Это пораженіе отнимало у поляковъ духъ и возбудило въ ихъ войскѣ всеобщую неурядицу. Достигли они Полоннаго. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ генералъ Сѣраковскій строилъ тамъ укрѣпленія, а Понятовскій приказалъ свезти туда арсеналъ, муку и всякіе запасы изъ имѣній Щенснаго Потоцкаго. Прибывши въ Полонное, Понятовскій нашелъ укрѣпленія, сдѣланныя Сѣраковскимъ, недостаточными. Въ польскомъ войскѣ не стало дисциплины. Утомленные переходомъ жолнѣры, безъ соблюденія порядка бросились въ городъ отдыхать, роптали, кричали; такъ прошла ночь, а русскіе между тѣмъ спѣшили къ Полонному. Услышавъ, что врагъ приближается, поляки всполошились и стали разбѣгаться, и въ такой суматохѣ загорѣлось мѣстечко. Съ большимъ трудомъ Костюшко угасилъ пожаръ, а Понятовскій приказалъ скорѣе всему войску собраться къ отступленію.

6 (17) іюня оставили поляки Полонное. Нельзя было забрать съ собою всѣхъ запасовъ, туда свезенныхъ: они принуждены были сжечь ихъ. Но русскіе, вошедши въ Полонное тотчасъ по уходѣ поляковъ, еще успѣли спасти изъ пламени до шести тысячъ кулей съ мукою. Сорокъ пять орудій досталось побѣдителямъ, не истратившимъ у Полоннаго ни капли крови.

Понятовскій съ своимъ войскомъ отправился къ Заславлю, гдѣ стоялъ Любомирскій съ своимъ отрядомъ. Коховскій послалъ за нимъ въ погоню генерала Маркова съ восемью тысячами. Марковъ догналъ поляковъ подъ деревнею Зеленцами, подлѣ Шепетовки. Понятовскій успѣлъ уже поставить свое войско въ боевой порядокъ, усиливъ его отрядомъ Любомирскаго и генераловъ Троцкина и Заіончека. Марковъ ударилъ прямо на средину польскаго войска, обратилъ въ бѣгство баталіонъ Любомирскаго, а этотъ батальонъ опрокинулъ стоявшій за нимъ другой батальонъ Потоцкаго. Послѣ того Марковъ послалъ кавалерію (два полка гусаровъ и одинъ казаковъ) на лѣвое крыло польскаго

войска; русскіе сломили первый рядъ польской конницы, но наткнулись на другой рядъ: предводитель его, генералъ Мокроновскій, отбилъ приступъ и русская конница отступила съ урономъ. Вслѣдъ затѣмъ Понятовскій поспѣшно отступилъ по направленію къ Заславлю. Уронъ, понесенный въ этой битвѣ русскими, далъ полякамъ право огласить битву подъ Зеленцами блистательною побѣдою надъ москалями. Въ литовскомъ войскѣ, въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, по этому поводу пѣли «Te Deum», стрѣляли на радостяхъ изъ пушекъ. Вѣсти о побѣдѣ, переходя изъ устъ въ уста, принимали чудовищные размѣры. Въ Варшавѣ говорили, что польскія войска уже завоевали Кіевъ, а нѣкоторые въ порывахъ патріотической фантазіи ожидали даже, что скоро побѣдоносное польское войско возьметъ Петербургъ. Въ «Народовой газетѣ», органѣ партіи 3-го мая, потери русскихъ возвысились до 4,000 человѣкъ; по донесенію генерала Маркова онъ потерялъ не болѣе 730 человѣкъ. Въ то время, когда вдалекѣ отъ театра войны восхищались успѣхами польскаго войска, въ самомъ этомъ войскѣ отвага падала, распространялось уныніе. Съ самаго начала кампаніи каждый день обманывали войско, твердили, что не сегодня-завтра прибудетъ въ войско самъ король; но дни проходили; курьеры каждый день, иногда по два раза въ день, бѣгали изъ лагеря въ Варшаву, изъ Варшавы въ лагерь, содержаніе депешъ составляло тайну, но всѣмъ стало ясно, что короля не дождаться, и съ каждымъ днемъ увеличивалось число такихъ, которые убѣждались, что кровь льется напрасно, что Польша не сладитъ съ Россіею и чѣмъ поляки будутъ упорнѣе, тѣмъ для нихъ дѣло кончится хуже.

Понятовскій выступилъ изъ Заславля въ Острогъ. Любомирскій, не ладившій съ Понятовскимъ, шелъ съ своимъ отрядомъ особою дорогою на Куневъ. 9 (20) іюня Коховскій занялъ Заславль. Пріѣхавшій съ нимъ гетманъ Браницкій устроилъ тамъ великолѣпный балъ, въ знакъ радости объ успѣхахъ въ дѣлѣ возвращенія старинной польской свободы. Но русскіе офицеры, которымъ втайнѣ претило въ конфедератахъ то, что они призывали на свое отечество и на своего короля чужія силы, подсмѣивались надъ нимъ и говорили: «пану Браницкому танцовать хочется. Если бы я былъ паномъ Браницкимъ, я бы отрекся и отъ баловъ и отъ танцовъ, ѣсть-пить бы омерзѣло.»

Изъ Острога Понятовскій послалъ къ Коховскому курьера съ письмомъ, и просилъ четырехнедѣльнаго перемирія. Это онъ сдѣлалъ по предписанію короля, который въ это время хотѣлъ объясниться съ Екатериною. Коховскій отвѣчалъ ему та-

кимъ письмомъ: «Никто болѣе меня не желаетъ окончанія войны, но я не уполномоченъ пріостановить ее, и буду продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ находиться какое бы то ни было войско, и какая бы то ни была партія, не желающая добровольно принять великодушныя мѣры ея величества моей государыни, соединившейся со всѣми истинными польскими патріотами съ цѣлью возвратить польской Рѣчи-Посполитой спокойствіе, нарушенное беззаконною конституціею 3-го мая. Отъ вашей княжеской свѣтлости и отъ состоящихъ подъ вашею командою зависитъ принять этотъ здравый совѣтъ, я же несказанно былъ бы радъ, если бы вашу княжескую свѣтлость могъ считать въ числѣ умѣющихъ уважать благодѣтельные замыслы моей государыни: или приступить къ конфедераціи, или положить оружіе—другихъ средствъ къ прекращенію кровопролитія нѣтъ. Я бы желалъ удержаться отъ дальнѣйшихъ маршей, но теперь предупреждаю вашу княжескую свѣтлость, что войска ея императорскаго величества будутъ слѣдовать далѣе тремя колоннами».

Вслѣдъ затѣмъ, исполняя данное слово, Коховскій двинулся къ Острогу 14 (25) іюня, и прибылъ туда вечеромъ въ тотъ же день. Русскій военачальникъ намѣревался занять поляковъ канонадою, а тѣмъ временемъ приказалъ генералу Дунину и Леванидову перейти рѣку Горынь и безпокоить ихъ съ другой стороны. Канонада прекратилась съ наступленіемъ ночи и возобновилась на другой день. Поляки сначала думали здѣсь защищаться, мѣсто было для нихъ хорошее: они заняли возвышенности, а внизу были болота; но рѣшившись на это, генералы не сообразили, что у нихъ мало пороха, оставалось не болѣе 18 зарядовъ на каждое орудіе, притомъ съ ихъ четырьмя двѣнадцати-фунтовыми и двадцатью восемью шести-фунтовыми пушками неудобно было мѣряться съ русской артиллеріей, гдѣ было, какъ говорятъ, до 120 орудій большого калибра. По извѣстію генерала Заіончека, у поляковъ могло быть пятьдесятъ двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, но предводитель не взялъ ихъ съ собою, по высокимъ соображеніямъ, не доступнымъ для простого смысла. Вдобавокъ ихъ страшило появленіе непріятельскихъ отрядовъ въ тылу. Итакъ, Понятовскій поспѣшно снялся и удалился.

Уже ропотъ польскаго войска доходилъ до высшей степени. Генералы успокоивали жолнѣрство и говорили: «вотъ дойдемъ до Дубно, тамъ найдемъ хорошее помѣщеніе, вкусную пищу, свѣжее войско, и самъ король придетъ къ намъ». Но ничего подобнаго не нашли поляки въ Дубно. Первая злость ихъ изливалась на Любомирскаго, владѣльца Дубно, который не пригото-

вилъ никакихъ удобствъ для войска. Около самого Понятовскаго поднялись такіе толки: «за что мы воюемъ? Это война Потоцкихъ. На одной сторонѣ Щенсный Потоцкій, а на другой Игнатій Потоцкій, и мы за Игнатія терпимъ и умираемъ. Сопротивляться такой силѣ величайшая глупость, надобно покориться. Екатерина одолѣваетъ; уступимъ лучше ей, пусть будетъ такъ, какъ ей угодно». Понятовскій не въ силахъ былъ удержать негодованія. Теперь уже безсильны и невозможны были строгія мѣры, и неумѣстенъ оказался деспотическій тонъ по службѣ, какой принималъ на себя въ началѣ предводитель. Самъ онъ получалъ отъ короля тревожныя письма. Король, какъ сообщаетъ знавшій дѣло Булгаковъ, тайно приказывалъ Понятовскому избѣгать сраженій и не раздражать черезчуръ русскихъ. Приказаніе за приказаніемъ шло, чтобы онъ отступилъ во внутрь Польши. Понятовскій колебался и поступалъ такъ, что никому не угодилъ; недовольны имъ были рьяные патріоты за то, что онъ уходилъ, недовольны были русскіе и конфедераты, зачѣмъ онъ не приступаетъ къ конфедераціи и защищаетъ конституцію.

Въ краѣ, гдѣ происходила война, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на освободителей. Іосифъ Понятовскій доносилъ королю, какъ видно изъ писемъ самого короля, что украинскіе хлопы доставляли москалямъ свѣжіе припасы и очевидно показывали расположеніе къ Москвѣ [1])! Костюшко жаловался, что въ этихъ русскихъ земляхъ нельзя было найти лазутчиковъ, чтобы вывѣдать о состояніи непріятельскаго войска, шедшаго посреди громады народа, принадлежавшаго польскому государству; напротивъ, непріятель могъ повсюду имѣть вѣрныхъ агентовъ. Костюшко въ этомъ случаѣ буквально повторилъ то, что говорили во время Хмельницкаго Николай Потоцкій и Адамъ Кисель. Бѣльзская гражданско-военная коммиссія отъ 16-го іюня доносила правительству, что хлопы готовы подняться, схизма грозитъ овладѣть краемъ, и просила не выводить изъ подвѣдомаго ей края войскъ, иначе русское поспольство въ одинъ день перерѣжетъ всѣхъ католиковъ. «Если,—писала она,—войско нужно въ битвѣ, то оно еще нужнѣе для внутренней безопасности и охраненія жизни и имуществъ шляхетства». Заіончекъ въ своихъ запискахъ жалѣетъ, что поляки тогда не опустошили русскаго края, подобно тому, какъ поступали когда-то ихъ предки.

Войсковая коммиссія составлена была, какъ говорили, изъ

[1]) Cała Ukraina żywi, tuczy moskalów i przez żywność świżą y przez oczywistą przychylność chłopów tamecznych do Moskwy.

людей мало опытныхъ. Обмундированіе войска лежало на попеченіи главнаго коммиссаріата, подъ вѣдѣніемъ котораго находились полевые коммиссаріаты при трехъ корпусахъ. Недостатокъ одежды и обуви былъ чрезвычайный. Поляки шли всѣ оборванные, и самъ Костюшко принялъ какъ дорогой подарокъ отъ пана Лубенскаго пару сапоговъ. Свезенные въ разные пункты запасы доставались непріятелю. За порохомъ послали курьера въ Варшаву, прося прислать эту необходимость по почтѣ. Въ ожиданіи пороха по почтѣ поляки вышли изъ Дубно по направленію къ Владиміру. Любомирскій шелъ отдѣльно на Вербу. Соперники не хотѣли идти вмѣстѣ и подвергались черезъ это усиленію опасностей, особенно Любомирскій, котораго отрядъ былъ слабѣе. Эта черта, столь обычная въ польской исторіи, много разъ повторявшаяся къ ущербу націи, показывала, какъ крѣпко поляки держались обычаевъ отцовъ своихъ. Тогда одинъ изъ генераловъ, Рудницкій, оставилъ армію, перешелъ къ русскимъ, призналъ тарговицкую конфедерацію и назначенъ былъ генераломъ формировавшихся польскихъ войскъ конфедераціи. Его имя было повѣшено на висѣлицѣ, за невозможностью повѣсить его особу. Достойно замѣчанія извѣстіе «Народовой газеты», что Понятовскій хотѣлъ-было скрыть этотъ преступный поступокъ и публиковать, что Рудницкій погибъ въ битвѣ, какъ честный воинъ, но его преступленіе разнеслось уже достаточно. Изъ этого наивнаго извѣстія можно сдѣлать заключеніе, какъ мало слѣдуетъ вѣрить подлиннымъ извѣстіямъ поляковъ вообще о своихъ дѣлахъ, когда они даже не запирались, что считали позволительнымъ публиковать невѣрныя извѣстія.

Коховскій опять послѣдовалъ за поляками, и $\frac{\text{26 іюня}}{\text{7 іюля}}$ дошелъ до Владиміра. Поляки уходили за Бугъ, но Понятовскій ушелъ впередъ, а Любомирскій слѣдовалъ позади его своею дорогою. Говорятъ, что Понятовскій, ссорясь съ Любомирскимъ, не далъ ему знать о приближеніи русскихъ. Русскіе нагнали послѣдняго и онъ насилу убѣжалъ въ лѣсъ, потерявъ до двухъ-сотъ человѣкъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля свою воинскую кассу (до 40,000 р.). Этимъ дѣломъ Любомирскій окончилъ свое поприще и уѣхалъ въ Варшаву.

Поляки перешли за Бугъ и намѣревались защищать линію этой рѣки, оставивъ такимъ образомъ за русскими всю южно-русскую землю, и ограничиваясь своею собственною польскою землею. Коховскій на этотъ разъ не спѣшилъ за ними и остановился во Владимірѣ, чтобы дать укрѣпиться провинціальной волынской конфедераціи, которая основалась въ Луцкѣ: ея маршаломъ былъ Пулавскій, братъ того, который во время барской

конфедераціи такъ отличался непріязнію къ Россіи. Не ранѣе, какъ 3 (14) іюля н. ст. вышелъ Коховскій изъ Владимира, и 6 (17) іюля послѣ обѣда достигъ Буга, у Кладнева. Отряды подъ начальствомъ Тормасова и Леванидова отправлены были правѣе, одинъ къ Турчанамъ, другой къ Любомлю, чтобы перейти Бугъ въ разныхъ мѣстахъ и охватить польскую армію. Поляки стояли станомъ у Дубенки; чтобы воспрепятствовать русскимъ переходить Бугъ, они сожгли паромы и набросали въ воду острозубчатыхъ боронъ, для порчи лошадямъ ногъ. Потомъ они расположились по теченію Буга отъ австрійской границы при деревнѣ Волѣ до Влодавы: на протяженіи отъ Воли до Дубенки стоялъ Костюшко, отъ Дубенки до Свѣржова — Понятовскій, отъ Свѣржова до Влодавы — Вьельгорскій.

Русскіе нашли два парома, неуспѣвшіе сгорѣть, потому что были зажжены неудачно, и на нихъ переправили часть своего войска. Перешедшіе на другой берегъ подъ польскими выстрѣлами, построили понтоны и по нимъ все войско благополучно перебралось на лѣвый берегъ Буга.

Позиція Костюшки между деревнями Волею и Уханкою, примыкала правою стороною къ Волѣ, за которою была австрійская граница, а лѣвою къ утесистому берегу Буга. Впереди сдѣланы были баттареи. За его станомъ былъ лѣсъ. По сказаніямъ поляковъ, у него было всего 5,000, по извѣстію русскихъ — 10,000. Послѣднее извѣстіе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ, потому что вообще польскія донесенія того времени не отличаются вѣрностію, въ чемъ, какъ мы видѣли, поляки сами сознавались.

У Коховскаго было въ дѣлѣ 19,000. Расположивъ свое войско тремя частями, такъ, что они охватывали всю переднюю линію непріятельскаго войска, военачальникъ вывелъ впереди баттареи, открылъ сильный огонь и въ то же время отрядилъ разомъ на правое и на лѣвое крыло польской арміи отряды. На первомъ изъ нихъ отличился храбростію полковникъ Елисаветградскаго конно-егерскаго полка Пальмбахъ, на другой полковникъ Фанагорійскаго — Золотухинъ, и оба пали въ битвѣ. Потерявши своего полкового командира конные егеря смѣшались, потерпѣли потери и это впослѣдствіи подало поводъ полякамъ считать эту битву для себя побѣдою. Но минутная неудача русскихъ была скоро заглажена. Русскіе побрали на всѣхъ пунктахъ непріятельскія баттареи и, послѣ пяти-часовой битвы, разстроенное польское войско бѣжало въ лѣсъ въ безпорядкѣ. Костюшко, опомнившись верстъ за двадцать, увидалъ около себя изъ всей своей арміи только два батальона и одинъ егер-

скій полкъ, и думалъ, что остальные всѣ перебиты; но скоро они сошлись. По извѣстіямъ самого Костюшки, русскихъ убито до 4,000, а поляковъ до 900. Заіончекъ уменьшилъ число убитыхъ москалей до 2,000, а поляковъ до 98 солдатъ и 10 офицеровъ. Само собою разумѣется, если бы извѣстія поляковъ имѣли бы хотя тѣнь справедливости, сраженіе не окончилось бы ихъ бѣгствомъ въ лѣсъ.

Это было послѣднее сраженіе Коховскаго съ польскою арміею. Послѣдняя отступила къ Люблину. Коховскій слѣдовалъ за нею уже безъ битвъ и вступилъ въ Люблинъ 14 (25) іюля, а Леванидова послалъ къ Бресту, для соединенія съ русскою арміею, дѣйствовавшею въ Литвѣ.

Въ Литвѣ успѣхи русскихъ были еще быстрѣе, чѣмъ въ Украинѣ. Генералы Долгорукій, Коссаковскій и Денисовъ достигли $\frac{31\ мая}{11\ іюня}$ безотпорно до Вильны. Въ городѣ былъ отрядъ охотниковъ, недавно поступившихъ; они не защищали города. Приверженцы конституціи 3-го мая бѣжали или въ Варшаву, или въ Пруссію. Было объявлено заранѣе дозволеніе тѣмъ, кто не хотѣлъ отрекаться отъ конституціи 3-го мая, оставить городъ. Двѣсти восемьдесятъ дворянъ, жившихъ въ Польшѣ, поспѣшили заявить о своей преданности и готовности покориться конфедераціи, которую началъ составлять Коссаковскій. Самъ Коссаковскій, будучи русскимъ генераломъ, былъ нареченъ польнымъ литовскимъ гетманомъ. Маршаломъ конфедераціи былъ назначенъ старый князь Александръ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, а помощникомъ его ловчій велик. кн. Литовскаго Іосифъ Забѣлло; назначены совѣтники по воеводствамъ и повѣтамъ [1]). Не всѣ были на лицо и потому опредѣлено было

[1]) Значатся совѣтниками: изъ виленскаго воеводства Іосифъ Коссаковскій и князь Гедройцъ; изъ повѣта Ошмянскаго Іосифъ Важинскій подкоморій, и Игнатій Хоминскій, судья ошмянскій; изъ лидскаго: Игнатій Тизенгаузъ, полоцкій староста, и Ѳеодоръ Нарбутъ, хорунжій лидскій; изъ повѣта вилькомирскаго: Бенедиктъ Морикови, писарь велик. кн. Литовскаго, и подкоморій Игнатій Косцялковскій; изъ браславскаго: Янъ Рудницкій и графъ Станиславъ Мануцци; изъ воеводства троцкаго: Антоній Ромеръ, подвоевода, и Игнатій Сивицкій, бывшій посолъ; изъ воеводства гродненскаго: князь Радзивиллъ, воеводичъ, и Март. Данкевичъ, скарбникъ; изъ повѣта ковенскаго: Михаилъ Коссаковскій, подкоморій, и Іосифъ Милошъ; изъ упитскаго: Михаилъ Страшевичъ, маршалъ упитскаго повѣта, и Іосифъ Коссаковскій; изъ княжества жмудскаго: Іосифъ Забѣлло (онъ же помощникъ) и Мих. Гелгудъ, писарь польный литовскій, Лауданскій, Феликсъ Ренни, Билевичъ, Бялозоръ; изъ воеводства смоленскаго: Ант. Храповицкій и Іосифъ Швыйковскій; изъ повѣта стародубскаго; Биттингъ и Канутъ Романовичъ; изъ слонимскаго: Маковецкій, маршалъ слонимскій и князь Сапѣга (сынъ канцлера); изъ повѣта волковискаго: Зыневъ и Забѣлло: изъ воеводства минскаго: Ванковичъ и Павликовскій, бывшіе послы; изъ повѣта оршан-

замѣстить другими тѣхъ изъ нихъ, которые бы не могли явиться. Это обстоятельство даетъ вѣроятіе извѣстію, сообщаемому сторонниками конституціи 3-го мая, что сообщники Коссаковскихъ, кружокъ, составленный большею частію изъ ихъ родственниковъ и кліентовъ, написали въ своемъ актѣ имена такихъ особъ, какихъ не было тогда не только въ Вильнѣ, но даже и въ Литвѣ. Такъ и самъ король въ своихъ письмахъ извѣщалъ, что нѣкоторые, записанные въ литовскую конфедерацію, находились тогда около него въ Варшавѣ и не подавали никакого желанія быть тамъ помѣщенными. Впрочемъ, по извѣстіямъ Кречетникова, до тысячи собравшихся изъ повѣтовъ дворянъ подписали свои имена.

14 (25) іюня прибылъ самъ Кречетниковъ и отправлено торжественное объявленіе новой конфедераціи. Епископъ Коссаковскій, братъ новонареченнаго гетмана, служилъ обѣдню у св. Яна; народъ сошелся туда большою толпою; кто и не хотѣлъ— все-таки долженъ былъ идти: боялись русскихъ солдатъ и казаковъ. Впрочемъ, большинству, составленному изъ людей убогихъ и незнатныхъ, было все равно, что̀ бы ни происходило въ ихъ отечествѣ, до тѣхъ поръ, пока они не ощущали непріятностей на собственной шкурѣ. Такимъ образомъ, городскіе цехи съ хоругвями и бубнами шли торжественной процессіей; монахи всѣхъ орденовъ, академики въ своихъ тогахъ собрались въ костелъ такимъ же порядкомъ, какъ и прежде сбирались на торжества въ память 3-го мая. Послѣ обѣдни епископъ прочиталъ актъ конфедераціи. Онъ былъ написанъ гораздо короче, чѣмъ актъ коронной конфедераціи въ Тарговицѣ. Богослуженіе окончилось торжественнымъ «Te Deum», при громѣ русскихъ орудій. Народу устроили обѣдъ, гдѣ было изобиліе жареной говядины и пива. На третій день послѣ этого, назначенный маршаломъ провинціальной виленской конфедераціи, Игнатій Швыковскій выдалъ замѣчательный манифестъ, гдѣ въ рѣзкихъ чертахъ порицались дѣйствія противной партіи. «Паны сторонники этой партіи» (было тамъ сказано) «разобрали себѣ публичныя должности; изъ городскихъ казначействъ назначили себѣ пенсіи, торговали мѣстами, захватили сенаторскія и министерскія должности, произвели себя въ военные чины, сочинили новые, чтобы доста-

скаго: Іозефовичъ и Штейнъ; изъ мозырскаго: Еленскій и Оскерко, стражникъ литовскій; изъ новогродскаго воеводства: Ант. Радзивиллъ и Рейтанъ, бывшій посолъ; изъ воеводства Полоцкаго: Шпинка и Спарскій; изъ княжества инфлантскаго: Буржинскій, староста браславскій, Кипр. Загорскій, Іеронимъ Швыковскій, Ант. Домейко, Родзевичъ и подстоличъ Коссаковскій.

вать по нимъ пенсіи, оскорбляли короля своими выходками, что́ видно изъ сеймовыхъ дневниковъ, разсѣявали печатные пасквили, допускали въ псевдо-народныхъ газетахъ оскорбленія религіи, свободы и обычаевъ: столица разливала по всей странѣ ядъ, чтобъ все извратить, разложить, уничтожить. Священнику этой партіи велѣно было не знать надъ собою духовнаго начальства, вмѣшиваться въ политическія смятенія; съ того мѣста, откуда излагалось ученіе евангелія въ духѣ кротости, проповѣдывались убійства и жестокости, выставлялись языческіе философы образцами подражанія и искоренялось у правовѣрныхъ уваженіе къ религіи и пастырямъ церкви. Нашъ пастырь, епископъ Масальскій, испыталъ въ самой своей резиденціи оскорбленія и угрозы, а разъѣзжая по своей епархіи, въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію отъ муниципальной сволочи. Въ школахъ велѣно было внушать юношеству мнѣнія и убѣжденія, противныя закону; велѣно было полиціи въ городахъ и мѣстечкахъ для шпіонства вторгаться въ шляхетскіе дома, вскрывать письма, раздавать знаки, съ надписью: *шея или конституція.* У старосты опецкаго, графа Мануцци, въ Вильнѣ, ограбили лошадей, бумаги, серебро, отобрали прислугу безъ всякаго слѣдствія; вольно было на публичныхъ обѣдахъ составлять заговоры, назначать людей для совершенія тайныхъ убійствъ и собирать «офяры» (пожертвованія) на награду убійцамъ. «Конфедерація объявляла, что она желаетъ умноженія военной силы, порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія республиканскаго правленія». Насъ обвиняютъ, говорится въ этомъ актѣ, что мы призываемъ чужую помощь, допускаемъ чуждой монархіи писать намъ законы, и черезъ то попадемъ въ зависимость, потеряемъ свободу. О! если бы уста, такъ говорящія, никогда не противорѣчили себѣ, — не навлекли бы мы на себя этого несчастія, не нуждались бы въ помощи, подобно французскому дворянству, котораго устрашаютъ преслѣдованія и убійства, тогда бы мы лучше съумѣли уважать свою независимость и свободу».

Генералъ Хрущовъ занялъ Ковно и тамъ открылъ конфедерацію. Мѣщанство этого города отличилось тѣмъ, что добровольно учинило присягу на подданство императрицѣ. Двѣсти мѣщанъ подписались на присяжномъ листѣ, но главнокомандующій отправилъ къ ковенскому магистрату свѣдѣніе, что государыня не принимаетъ себѣ присяги отъ польскихъ городовъ, а великодушно и безкорыстно покровительствуя республикѣ, хочетъ только возвратить ей права.

Въ то время, когда Коссаковскій, Денисовъ и Кречетниковъ

заняли Вильну, а Хрущовъ Ковно, командиръ другого русскаго корпуса, графъ Меллинъ, безъ боя достигъ до Минска, занялъ городъ, и потребовалъ отъ города и отъ всего воеводства покорности Россіи. Предводитель польскаго войска, Юдицкій, думалъ защищать переправу черезъ Нѣманъ и сталъ сначала у Свѣржова, но черезъ нѣсколько дней нашелъ свою позицію неудобною, и перешелъ къ Миру. Высланный изъ обоза, находившійся въ войскѣ Станиславъ Потоцкій (бывшій люблинскій посолъ), взявши отрядъ, отправился для узнанія о непріятелѣ и послалъ къ военачальнику курьера, побуждая его напасть на русскихъ какъ можно скорѣе, и увѣрялъ, что у русскихъ въ войскѣ безпорядокъ. Но прежде, чѣмъ Юдицкій сдвинулся съ мѣста, русскіе прогнали Станислава Потоцкаго, и вслѣдъ за нимъ явились передъ польскимъ войскомъ. 11-го іюня Юдицкій, какъ сказано, человѣкъ неспособный и неопытный, растянулъ свое войско въ одну линію, не обезпечивъ боковъ и тыла. Генералъ Меллинъ открылъ канонаду. По свидѣтельству очевидца (польскаго генерала Сулковскаго), послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла вся польская кавалерія обратилась въ бѣгство, а какъ вслѣдъ затѣмъ русскіе заняли возвышенность, которую Юдицкій безразсудно оставилъ впереди своего войска, и ударили изъ 80-ти орудій — все польское войско пошло въ разсыпную. «Такого страшнаго огня мы отродясь не видывали», говорили поляки.

Тѣмъ не менѣе въ Польшѣ и это дѣло въ «Народовой газетѣ» оглашено побѣдою поляковъ надъ москалями. Разбитое войско отступило къ Гродно и генералъ Юдицкій окончилъ свое военное поприще. Его смѣнили. Вмѣсто него назначили главнокомандующимъ литовскаго войска Михаила Забѣлло.

Генералъ Меллинъ послѣ побѣды подъ Миромъ прибылъ въ Новогродекъ, занялъ этотъ городъ 20-го іюня (2 іюля н. ст.) и разослалъ приказъ ко всѣмъ обывателямъ новогродскаго воеводства, назначая имъ двухъ-недѣльный срокъ, въ который они должны были явиться въ Новогродекъ и заявить покорность волѣ всемилостивѣйшей россійской императрицы, которая, какъ сказано было въ приказѣ, изъ состраданія къ упадающему польскому народу послала свои войска не для разоренія края, а для спасенія погибающей свободы и оказанія помощи тѣмъ, кто прибѣгнетъ къ ея высокому покровительству. «Я совѣтую и прошу, писалъ графъ Меллинъ, всѣхъ обывателей, желающихъ сохранить жизнь, имущество и свободу, пожаловать въ Новогродекъ къ назначенному сроку, не подвергаясь поступленію съ собою, какъ съ врагами отечества». Этотъ приказъ,

подъ страхомъ жестокаго наказанія, велѣно было ксендзамъ и русскимъ священникамъ читать въ храмахъ съ амвона.

Назадъ тому двѣнадцать дней, 8-го іюня, въ томъ же Новогродкѣ съѣзжались дворяне новогродскаго воеводства, и составили актъ, подписанный сто семидесятью особами, гдѣ обѣщали стоять за конституцію 3-го мая. «А если бы насиліе чужого оружія — сказано было въ этомъ актѣ — или внутренней измѣны, подкрѣпленной чужими, вынудило у какого-нибудь обывателя какое-нибудь отреченіе или поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи 3-го мая 1791 года, все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ глазахъ отечества и свѣта». Теперь литовскіе дворяне спѣшили, кто въ Вильну, кто въ Новогродекъ, ради спасенія своихъ имѣній заявлять покорность русской государынѣ, а между тѣмъ въ Гродно, гдѣ была тогда главная квартира литовской арміи, подъ ея прикрытіемъ собрались друзья конституціи 3-го мая, и 19-го іюня составили актъ, написанный вычурнымъ слогомъ, гдѣ жаловались на русское войско, которое приневоливало обывателей подписывать конфедерацію; они протестовали предъ Богомъ, мстителемъ несправедливости, передъ народами, государствами и правителями, чтобы всѣ знали, какъ имъ больно разставаться съ конституціею 3-го мая. Въ этомъ актѣ, какъ и въ новогродскомъ, сказано было: «А если бы когда-нибудь, отъ кого-нибудь насиліемъ чужого оружія или внутренней измѣны, подкрѣпляемой чужими, вынудили какое-нибудь отреченіе, или какой-нибудь поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи, то все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ очахъ отечества и свѣта». Такъ поляки приготовляли себѣ лазейки на будущія времена; можно было, склоняясь передъ насиліемъ, давать обѣщанія и присяги, а потомъ говорить, что это дѣлалось по принужденію и оправдывать нарушеніе присяги. Упрямыхъ хватали и привозили насильно; впрочемъ, враждебныя Россіи тогдашнія извѣстія единогласно говорятъ, что русскіе обращались кротко, вѣжливо и справедливо. За то свои поляки, пристаршіе къ конфедераціи, позволяли себѣ грубости и даже безчеловѣчныя варварства. Такимъ показалъ себя нѣкто Пршисецкій; два года назадъ онъ судился въ люблинскомъ трибуналѣ и едва ушелъ отъ казни; теперь, назвавшись маршаломъ конфедераціи, онъ наѣзжалъ на дворы обывателей, которые показывали себя приверженцами конституціи, и производилъ грабежи. Графъ Мануцци, надъ которымъ за недоброжелательство къ конституціи издѣвались виленскіе мѣщане, выпекалъ глаза мѣщанамъ принадлежавшаго ему мѣстечка за то, что тѣ, опираясь

на права, предоставленныя мѣщанскому званію конституціею 3-го мая, подали на него жалобу за причиняемыя отъ него утѣсненія. Въ памятникахъ того времени осталось очень характерное письмо какого-то Якутовича изъ Клосова къ Северину Ржевускому. Укоряя его за произведенную въ государствѣ смуту, онъ такъ описываетъ свое положеніе: «сожгли мой домикъ, мои амбары, забрали во дворѣ и въ деревнѣ птицу и скотъ, потравили луга и нивы, а меня самого казаки связали, привезли въ Вильну и тамъ меня розгами принудили подписывать реконфедерацію и отреченіе отъ конституціи 3-го мая, которой я присягнулъ добровольно. Моя невѣстка со страха выкинула и умерла, а сынъ мой, ея мужъ, убитъ на службѣ въ литовскомъ войскѣ. Уже вотъ три раза терпитъ мой фольваркъ; первый разъ при Лещинскомъ, другой во время конфедераціи при нынѣшнемъ королѣ, а теперь въ третій разъ, я потерялъ болѣе, чѣмъ на 30,000 злотыхъ. Бѣда намъ, убогой шляхтѣ, но бѣда и вамъ, великіе паны! Кровь наша и слезы наши предстанутъ предъ лицомъ Божіимъ и мщеніе небесное падетъ на головы ваши и дѣтей вашихъ. Не стану входить съ вами въ разсужденія: сами знаете, что дурно дѣлаете. *Польша нѣкогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россіею, выгодное обоимъ народамъ*, и тогда вы будете презираемы, а намъ воздадутъ честь за доблесть нашу».

Когда Коссаковскій занялъ Вильну, а Меллинъ Новогродекъ, Ферзенъ подступилъ къ Несвижу. За̀мокъ несвижскій расположенъ на удобномъ къ защитѣ мѣстѣ; съ двухъ сторонъ его окружалъ большой прудъ, съ третьей болото; отъ мѣстечка отдѣлялся онъ рвомъ, окруженнымъ палисадомъ, имѣлъ хорошій запасъ оружія, сорокъ девять пушекъ, гарнизонъ изъ восьмисотъ человѣкъ и много пороху. Комендантомъ былъ нѣкто Дедерко. Ферзенъ подошелъ къ Несвижу вечеромъ 17-го іюня, на другой день хотѣлъ-было спустить воду изъ пруда, но это оказалось неудобно. 19-го іюня онъ устроилъ баттарею у несвижскаго костела, находящагося въ мѣстечкѣ противъ воротъ за̀мка, и за первыми выстрѣлами Дедерко выкинулъ бѣлое знамя. Русскіе вошли въ за̀мокъ, въ обширныхъ залахъ радзивилловскаго дворца обезоружили всѣхъ, составлявшихъ гарнизонъ, и отпустили на всѣ четыре стороны, взявъ съ нихъ обязательство не воевать противъ русскихъ. Поляки, давши слово, поспѣшили въ полки, въ надеждѣ бить москалей. Дедерко прибылъ въ Гродно. Забѣлло хотѣлъ-было судить его, но получилъ изъ Варшавы приказаніе оставить всякое преслѣдованіе.

Изъ Несвижа Ферзенъ двинулся на Слонимъ и занялъ этотъ

городъ 14 (24) іюня безъ сопротивленія, и нѣсколько дней русскіе веселились; балы, праздники, обѣды давались друзьями конфедераціи.

Между тѣмъ Долгорукій двинулся къ Гродно; Кречетниковъ далъ приказаніе обоимъ отрядамъ, Ферзена и Меллина, соединившись, тѣснить литовцевъ за Бугъ.

Новый предводитель литовской арміи, Забѣлло, раздѣлилъ свою армію на три части: оставилъ часть въ Гродно, другую послалъ къ Новотрудку, а третью самъ повелъ противъ Ферзена. Планъ этотъ, самъ по себѣ неумѣстный при слабыхъ силахъ литовскаго военачальника, совершенно ему не удался. Поляки сознаются, что имъ здѣсь, какъ и въ украинскихъ провинціяхъ, трудно было имѣть шпіоновъ и добывать вѣрныя вѣсти о движеніяхъ непріятельской арміи, тогда какъ, по выраженію одного изъ ихъ историковъ, Сулковскаго, вся окрестность была наполнена московскими шпіонами изъ русиновъ, служившими шпіонами русскимъ, и вообще въ народонаселеніи этого края было очень мало желанія защищать Польшу. Это приписывали сильному вліянію Щенснаго Потоцкаго; у него были тамъ имѣнія, и какъ сильный магнатъ, онъ имѣлъ громадное вліяніе на весь прилежащій край; такъ какъ въ Польшѣ шляхта издавна привыкла идти за тѣми знатными панами, которые были къ ней ближе, держали ее въ рукахъ своей силой и богатствами. Поссессоры и чиншовники Потоцкаго, когда ихъ призывали къ конфедераціи, были безъ дальнихъ разсужденій за то, за что̀ былъ ихъ патронъ.

Командовавшій передовымъ отрядомъ литовской арміи маіоръ Ведельштедтъ хотѣлъ-было беречь переправу черезъ рѣку Зельву, но былъ опрокинутъ и примкнулъ къ Забѣлло, стоявшему подъ мѣстечкомъ Изабелинымъ. 25-го іюня (6-го іюля), Забѣлло уходилъ черезъ лѣсъ, Ферзенъ и Меллинъ его преслѣдовали, а между тѣмъ Долгорукій занялъ Гродно и, не останавливаясь въ немъ, выступилъ къ Крынкамъ по направленію къ югу, чтобъ перерѣзать путь литовскому войску. «Ужъ видно свыше такъ было опредѣлено, чтобы на насъ сыпались несчастія, говоритъ описывающій эти событія Сулковскій. Двѣ недѣли сряду была непогода, а тутъ наступила гроза съ проливнымъ дождемъ. Глинистые косогоры стали недоступными для артиллеріи. Войско шло по колѣни въ грязи, узкая дорога была завалена дохлыми лошадьми и опрокинутыми возами, отголоски выстрѣловъ изъ непріятельскихъ карабиновъ соединялись съ шумомъ ночной грозы; въ дополненіе безпорядка, наша артиллерія была въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и жолнѣры, будучи не

въ состояніи идти по дорогѣ, пустились черезъ лѣсъ безъ команды. Счастье наше, что москали, по своему обычаю, пропустили лучшее время уничтожить, по крайней-мѣрѣ, половину нашей арміи». Поляки приписывали это, между прочимъ, несогласіямъ, которыя были между предводителями русской арміи, Ферзеномъ и Меллинымъ.

Забѣлло послалъ отрядъ на Мстибову, чтобы занять Долгорукаго, а самъ усиленнымъ маршемъ спѣшилъ далѣе на западъ; потерпѣвши отъ грязи и непогоды, его войско стало терпѣть отъ зноя и жажды до того, что многіе приставали, а иные даже умирали. Польское военное начальство не подумало сдѣлать запаса воды на сутки. 2-го (13) іюля поляки дошли до города Бѣльска. Здѣсь предводитель раздѣлилъ свое войско: одну часть, подъ предводительствомъ своего родственника Шимона Забѣлло, отправилъ къ Бресту-Литовскому, а самъ съ другою 7-го (19-го) іюня сталъ на Бугѣ, у села Гранно.

Въ тоже время и въ русской арміи было сдѣлано раздѣленіе силъ. Ферзенъ получилъ приказъ идти къ Бресту и прикрывать генеральную конфедерацію, которая туда переходила, а Долгорукій и Меллинъ пошли на главныя литовскія силы. Забѣлло принялъ возможныя мѣры не пускать русскихъ черезъ Бугъ.

13-го (24-го) іюля русскіе открыли битву. Поляки разсказываютъ, что здѣсь они показали чудеса храбрости. Разсказы эти и преувеличены и подозрительны, — во всякомъ случаѣ храбрость ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Князь Долгорукій, перейдя черезъ Бугъ съ четырьмя тысячами, сталъ обходить ихъ правое крыло, а Забѣлло, сообразивъ, что цѣль сраженія—оборона переправы—не достигается, ушелъ поскорѣе къ Венгрову. Тутъ пришло къ нему извѣстіе изъ Варшавы о перемиріи; онъ отправилъ къ русскому военачальнику письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему не мѣшаютъ идти къ Варшавѣ, а въ противномъ случаѣ будутъ дѣйствовать оружіемъ. Черезъ нѣсколько времени къ нему прислано было предложеніе отъ гетмана Коссаковскаго вступить съ нимъ въ разговоръ. Вечеромъ произошло свиданіе враговъ. Коссаковскій показалъ ему письмо короля, гдѣ онъ просилъ Забѣлло, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, спѣшить къ Варшавѣ, и прибыть туда не позже 1-го августа.

VII.

Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ. — Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея.—Король приступаетъ къ конфедераціи. — Бѣгство патріотовъ. — Впечатлѣніе событій [1]).

Въ то время, какъ польскія войска такъ неблистательно защищали падающее бытіе Рѣчи-Посполитой, король, получивъ отъ сейма диктаторскую власть, колебался то въ ту, то въ другую сторону. Денегъ не доставало. Попытка займа въ Голландіи окончательно не удалась. Надежды на него не было никакой; тѣ средства, которыя присылались жертвователями, были крайне малозначительны. Во всемъ мазовецкомъ княжествѣ, напримѣръ, собрано было по іюль мѣсяцъ всего 34,379 злотыхъ кромѣ необходимыхъ приношеній оружіемъ. Скарбовая коммиссія объявила заемъ внутренній, предложивъ, чтобы приносили къ ней не менѣе 500 злотыхъ и на эти взносы она будетъ выдавать знаки, приносящіе проценты 7%; военная коммиссія приходила безпрестанно въ недоумѣнія съ скарбовою; еще 6-го мая скарбовая коммиссія доносила Стражѣ, что за выдачами для военнаго дѣла она не въ силахъ будетъ выдавать на жалованье войску. Такое же замѣчаніе отъ той же коммиссіи послѣдовало 21-го мая, между тѣмъ требованія болѣе и болѣе увеличивались, а средства полученія доходовъ умалялись.

Тарговицкая конфедерація успѣла парализовать экономическія силы противной стороны. Изъ тѣхъ воеводствъ, которыми овладѣла конфедерація, скарбовая коммиссія не получала ни гроша: все уже шло въ казну конфедераціи; въ тѣхъ же краяхъ, которые еще оставались за правительствомъ, припрятывали деньги, уклонялись отъ платежей, разсчитывали, что если конфедерація возьметъ верхъ, то придется платить ей и слѣдовательно поплатиться вдвойнѣ. Угрожающій универсалъ конфедераціи, гдѣ вмѣнялся въ преступленіе платежъ податей правительству, удерживалъ многихъ отъ такого платежа; къ тому же, многіе сборщики податей, почуявъ въ рукахъ у себя деньги, заблагоразсудили воспользоваться положеніемъ дѣлъ и перешли въ конфедерацію, обративъ собранныя деньги въ свою частную собственность. Наконецъ, нѣкоторые патріоты попользовались казною, собранною для военнаго дѣла. Аббатъ Пьятоли какъ увидалъ, что въ Польшѣ дѣло не клеится,

[1]) См. источ. 18, 81, 28, 49, 80, 115, 25; дѣла сейма и Стражи, хран. въ Литовской Метрикѣ.

подобралъ къ рукамъ своимъ значительную сумму и уѣхалъ изъ Польши вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, развѣдавши тамъ о состояніи дѣлъ, ѣхать въ Берлинъ обращать своимъ дипломатическимъ искусствомъ берлинскій кабинетъ въ пользу Польши. Въ самомъ же дѣлѣ Пьятоли, какъ разсчетливый авантюристъ, хотѣлъ заранѣе уйти подальше не хлебавши той каши, которую варилъ вмѣстѣ съ другими. Тѣ, которые мѣряли умъ искусствомъ пользоваться обстоятельствами не разбирая средствъ, говорили: «онъ теперь составилъ себѣ состояніе тысячъ на сорокъ червонныхъ злотыхъ и разумѣется не воротится къ намъ, если не сдѣлается глупцомъ». Въ первыя недѣли послѣ закрытія сейма, король то готовился ѣхать въ обозъ подъ Козеницами, то оставался въ своихъ Лазенкахъ и занимался тамъ своими прудами, картинами и статуями. Въ его жизни произошла теперь перемѣна. Послѣ многихъ сердечныхъ переворотовъ, король въ послѣднее время былъ подъ вліяніемъ пани Грабовской (урожденной Шидловской). Сдѣлавшись его женою (не королевой), она, не мѣшаясь въ интриги, не придерживаясь партій, постоянно, однако, внушала ему любовь къ отечеству, и ей-то, между прочимъ, онъ былъ обязанъ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ до сихъ поръ предавался дѣлу реформъ.

Но въ послѣднее время пріѣхала въ Варшаву французская эмигрантка дѣвица Люлли съ своею теткою. Это была восьмнадцатилѣтняя особа необычайной красоты, несмотря на свою молодость, владѣвшая въ высокой степени женскимъ умѣньемъ завлекать и привязывать. Король плѣнился ею; родные, особенно братья напрасно хотѣли остановить его. Не жаль ему было Грабовской, m-lle Люлли овладѣла старымъ женолюбцемъ, сосала изъ него подарки, въ противоположность пани Грабовской, которая сама много отдавала на пользу отечества; француженка потребовала пышныхъ экипажей, арабскихъ лошадей, брилліантовыхъ серегъ, браслетовъ. Король, который былъ уже и безъ того, какъ говорится, въ долгу, какъ въ шелку, удовлетворялъ прихоти своей возлюбленной, похищая общественныя деньги, врученныя въ его распоряженіе. Чуждая Польшѣ, она останавливала его отъ порывовъ отчизнолюбія и направляла къ эгоистичнымъ цѣлямъ. Она была одною изъ причинъ, почему король не имѣлъ духа выѣхать изъ Варшавы и колебался, не зная, за что взяться, куда прильнуть. Кружокъ, раздѣлявшій съ нимъ совѣты о государственныхъ дѣлахъ, дѣлился на двѣ партіи и тянулъ слабаго короля въ разныя стороны. Малаховскій, Коллонтай, Потоцкіе, Сапѣга убѣждали его отважиться и ѣхать въ армію; Тышкевичъ, Анк-

вичъ, канцлеръ Малаховскій, Дзѣконскій, Хребтовичъ представляли ему, что надобно постараться во что бы то ни стало помириться съ Екатериною. Король былъ утромъ въ одномъ, вечеромъ въ иномъ расположеніи духа, то возбуждалъ народъ къ отпору русскому войску, то посылалъ Понятовскому приказы отступать и не раздражать русскихъ. Первыя непріятныя извѣстія о неудачѣ, о взятіи Вильны, о дурныхъ оборотахъ литовскаго войска, испугали короля и пановъ: когда 7-го (19-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта, курьеръ, прибывшій съ поля битвы, краснорѣчиво разсказывалъ о неутѣшительномъ состояніи польской арміи и о силѣ русскихъ, на всѣхъ нашелъ ужасъ, говоритъ генералъ Комаржевскій. Сверхъ того, изъ Петербурга, отъ Деболи, присланы были новыя угрожающія вѣсти; онъ писалъ, что любимецъ императрицы Зубовъ, и съ нимъ по-русски мыслящая партія побуждаютъ Екатерину присвоить Украину. «Надобно опасаться, писалъ Деболи, чтобы императрица не схватилась за эти совѣты, и хотя въ послѣдней декларацiи она увѣряетъ, будто не хочетъ овладѣвать землею нашею, но сомнительно, чтобы Москва не покусилась теперь пріобрѣсть Украину; а тогда и королю прусскому уступятъ Гданскъ и Великую Польшу, да и венгерскому королю что-нибудь посулятъ за нанесеніе вреда Франціи».

Пока Игнатій Потоцкій былъ въ Берлинѣ, надежда на помощь Пруссіи, хотя и при сомнѣніяхъ, не покидала поляковъ. Прибывши въ прусскую столицу, Игнатій не засталъ тамъ Фридриха-Вильгельма, совершавшаго путешествіе въ Померанію. Министръ Шуленбургъ съ перваго же раза обдалъ Потоцкаго холодомъ и замѣтилъ, что поляки не могутъ получить отъ Пруссіи рѣшительнаго отвѣта: послѣдней нужно напередъ снестись съ Австріею. Потоцкій однако дождался возвращенія короля, добился у него аудіенціи. Его приняли любезно, если вѣрить ему самому. Фридрихъ-Вильгельмъ замѣтилъ, что носятся слухи, будто польскій король началъ сношенія съ Россіею, но онъ этому не вѣритъ. Поговоривъ нѣсколько съ Потоцкимъ и не сказавъ ничего опредѣлительнаго, прусскій король назначилъ ему конференцію съ Шуленбургомъ. Потоцкому дали такой отвѣтъ: «прусскій король не считаетъ себя обязаннымъ къ исполненію союзнаго договора, заключеннаго къ 1790 году, потому что онъ договаривался съ республикою, а послѣ того Польша превратилась въ монархическое государство». При этомъ было Потоцкому поставлено на видъ, что въ Польшѣ распространились французскія демократическія идеи въ такомъ размѣрѣ, который не позволяетъ сосѣднимъ государствамъ оставаться равнодушными. Указывали на допущеніе мѣщанскаго сословія къ равнымъ правамъ

съ дворянскимъ. Люккезини впослѣдствіи говорилъ въ Варшавѣ, что прусскій король сказалъ или приказалъ тогда сказать Потоцкому: «вы напрасно трудились ѣздить въ Берлинъ; есть прусскій посланникъ въ Варшавѣ, облеченный королевскимъ довѣріемъ». Потоцкій былъ отпущенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленъ былъ чрезъ Люккезини польскому королю отвѣтъ отъ прусскаго такого содержанія:

«Съ великимъ сожалѣніемъ изъ письма вашего величества, поданнаго маршаломъ Потоцкимъ, узнали мы о печальномъ состояніи, въ какое поставлена Польша возникшею войною; но это надобно было предвидѣть со времени перемѣнъ произведенныхъ въ Польшѣ назадъ тому уже годъ. Потрудитесь ваше величество припомнить, что, по многимъ поводамъ, маркизъ Люккезини имѣлъ отъ меня порученіе сообщить вамъ мои предостереженія на счетъ новаго порядка. Съ того времени, какъ водвореніе мира въ Европѣ дало мнѣ возможность ясно понять, что россійская императрица оказывала постоянное недоброжелательство къ постановленіямъ 3-го мая, образъ мыслей моихъ и моихъ министровъ никогда не измѣнялся и вникая въ новую конституцію, которую Рѣчь-Посполитая измыслила безъ моего вѣдома, безъ моего вліянія, я никогда не думалъ ее поддерживать и защищать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія выходки и приготовленія къ войнѣ, къ чему не разъ приступала Рѣчь-Посполитая, безспорно, навлекутъ неудовольствіе россійской императрицы и повергнутъ Рѣчь-Посполитую въ тѣ несчастія, которыхъ она хотѣла избѣжать. Послѣдствія оправдали эти вѣрные взгляды, и въ настоящихъ обстоятельствахъ нельзя не сознаться, что если бы не новый образъ правленія и не новыя заявленія о готовности его поддерживать, петербургскій дворъ никогда бы не прибѣгнулъ къ тѣмъ мѣрамъ, какія предпринялъ теперь. Хотя расположеніе вашего королевскаго величества меня сильно обязываетъ и хотя я принимаю участіе во всемъ, что только касается благосостоянія Польши, но ваше королевское величество сами убѣдитесь, что учрежденія, установленныя съ того времени, какъ я вступилъ въ союзъ съ Польшею, и настоящія обстоятельства, вызванныя конституціею 3-го мая, возникли позже договора, заключеннаго со мною, и самая эта конституція не согласна съ этимъ договоромъ; а поэтому удовлетвореніе ожиданій вашего королевскаго величества не составляетъ моей обязанности, преимущественно же въ такомъ случаѣ, если желанія патріотической партіи неизмѣнны и если она будетъ упорно добиваться во что бы то ни стало отстоять свое дѣло. Но если, возвращаясь къ прежнему порядку, патріоты примутъ во вниманіе, что для

нихъ со всѣхъ сторонъ возникаютъ затрудненія, я готовъ обратиться къ россійской императрицѣ и въ то же время войти въ объясненія съ вѣнскимъ дворомъ, съ цѣлію уладить взаимные интересы и согласиться въ пріисканіи средствъ, могущихъ дать Польшѣ прочное спокойствіе».

Прусскій король отказалъ на отрѣзъ въ просьбѣ объ оружіи и не допустилъ генераламъ Калькрейту и Гайнану служить въ польскомъ войскѣ, какъ того домогались поляки. На это имъ отвѣчали, что генералы эти имѣютъ особыя назначенія. Изъ королевскихъ писемъ того времени видно, что при дворѣ прусскомъ всѣ министры и вліятельные люди оказались тогда недоброжелателями Польши и даже самъ Бишофсвердеръ.

Не болѣе успѣха получили поляки и въ сношеніяхъ съ Австріею. Еще прежде Кобенцель выговаривалъ Вȍйнѣ, что поляки болѣе довѣряли Пруссіи, чѣмъ Австріи и замѣтилъ, что у нихъ существовали замыслы отнять у Австріи Галицію. Вȍйна увѣрялъ, что этого не было. «Мы сохраняли, говорилъ онъ, добрыя отношенія къ Пруссіи, слушаясь совѣтовъ вѣнскаго двора». Но этимъ онъ не расположилъ австрійскій кабинетъ къ Польшѣ. Кауницъ отпускалъ насмѣшки надъ приготовленіями поляковъ къ войнѣ и называлъ польское войско ксерксовымъ ополченіемъ. Чарторыскій, несмотря на свое давнее знакомство съ Вѣною, не возбудилъ своимъ посольствомъ бȍльшаго вниманія къ Польшѣ. Напрасно онъ дѣлалъ намеки, что поляки готовы избрать себѣ въ короли кого-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ. Австрійскіе дипломаты слишкомъ хорошо понимали положеніе поляковъ, не вѣрили польскимъ сеймамъ, не цѣнили польской короны и не прельщались никакими видами. Австрія нуждалась въ Россіи, потому что послѣдняя была ея союзницею въ коалиціи противъ Франціи и Австрія должна была дозволить Россіи и Пруссіи распространять свои предѣлы на счетъ Польши, ради того, чтобы ее самую допустили овладѣть сѣверными французскими провинціями и присоединить ихъ къ своимъ бельгійскимъ владѣніямъ или же провести свои виды на Баварію, которую думала промѣнять на Бельгію. Между дворами шли тогда переговоры о томъ, чтȍ кому слѣдуетъ отдать. Это называлось на дипломатическомъ языкѣ вознагражденіемъ (indemnité, Entschädigung) за издержки на войну противъ Франціи. Австрія хотя и побаивалась Россіи, чтобы послѣдняя, вмѣшиваясь въ дѣла Польши, не утвердилась до того, что потомъ не будетъ нуждаться въ содѣйствіи сосѣдей; но такъ какъ у Австріи шло дѣло объ увеличеніи своей территоріи посредствомъ вмѣшательства во французскія дѣла, поэтому она и не могла заявлять ничего противнаго Рос-

сіи, союзъ который былъ для нея важенъ. Выходило, что и для Австріи, какъ для Пруссіи Польша была въ будущемъ матеріаломъ вознагражденія за издержки, понесенныя коалиціею противъ Франціи.

Изъ Константинополя Петръ Потоцкій извѣщалъ, что всѣ его попытки подѣйствовать на Турцію оказываются безуспѣшными, и, 13-го іюля, Станиславъ-Августъ писалъ къ своимъ ближнимъ, что на Турцію нѣтъ ни малѣйшей надежды и надобно отозвать польское посольство изъ Константинополя: оно обходилось очень дорого.

Маршалъ Потоцкій прибылъ въ Варшаву изъ своей берлинской миссіи въ совершенномъ отчаяніи относительно Пруссіи. Патріоты, собравшись у короля, сожалѣли о своей довѣрчивости къ прусскому королю, называли его измѣнникомъ. Между тѣмъ королю донесли, что прусскія войска приближаются къ польской границѣ. Станиславъ-Августъ послалъ къ Люккезини Дзѣдушицкаго спросить его: правда ли это? — «Я объ этомъ не знаю — сказалъ Люккезини — но вотъ австрійскій посланникъ Декаше показывалъ мнѣ свою депешу, которую въ свое время долженъ сообщить и вамъ. Въ ней говорится, что если Польша приступитъ къ вооруженію крестьянъ и вообще прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь сильнымъ мѣрамъ въ такомъ родѣ — вѣнскій дворъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и долженъ будетъ принять съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы воспрепятствовать распространенію безпорядковъ. Скажу вамъ: если у васъ будутъ составляться реконфедераціи, то, вѣроятно, и я получу отъ своего двора депешу, подобную той, какую получилъ г. Декаше отъ своего».

Маршалъ Потоцкій, бывшій до сихъ поръ такимъ свирѣпымъ врагомъ русской государыни, первый тогда подалъ совѣтъ обратиться къ Россіи. Коллонтай былъ того же мнѣнія. Тѣ, которые и прежде были за примиреніе съ Россіею, побуждали короля поскорѣе начать переговоры съ нею. Изливаясь въ проклятіяхъ на прусскаго короля, они даже стали надѣяться, что съ помощью Россіи можно будетъ отомстить коварному сосѣду, такъ что онъ дорого поплатится за свое предательство. Маршалъ Потоцкій, находя что теперь необходимо просить у Россіи пощады, хотѣлъ однако, чтобы при этомъ сохранено было достоинство независимой Рѣчи-Посполитой и въ то же время оставлялъ лазейку и для Пруссіи: его и сообщниковъ его утѣшало еще то, что послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ не дали отпуска, когда онъ просилъ его, и замѣтили, что онъ не долженъ показывать этимъ, какъ будто бы Польша находится въ разладѣ съ Пруссіею. Изъ этого заключили, что

прусскій король, побаиваясь Екатерины, соображалъ, что быть можетъ еще встрѣтятся обстоятельства, когда ему придется прикрѣпиться къ тому союзу съ Польшею, на который Польша постоянно ссылалась. Послѣ споровъ и толковъ, рѣшились послать Хребтовича къ Булгакову.

Литовскій подканцлеръ явился къ русскому послу 7-го (19-го) іюня ночью, и просилъ перемирія.

«Я не имѣю на то полномочія отъ государыни, отвѣчалъ Булгаковъ.—Нужно прежде раскаяться всѣмъ и принять за основаніе декларацію, мною поданную».

— Король, сказалъ Хребтовичъ, желаетъ прекратить кровопролитіе. Имѣютъ ли русскіе генералы полномочіе заключить перемиріе?

«Мнѣ неизвѣстны ихъ инструкціи, сказалъ Булгаковъ, но я думаю, они сходны съ моими. Отъ васъ все зависитъ,—войска русскія вошли къ вамъ дружески».

— Дайте намъ совѣтъ, что намъ дѣлать? спросилъ Хребтовичъ.

«Одинъ совѣтъ могу дать, сказалъ русскій посолъ; — не теряя времени прибѣгните къ великодушію императрицы, которое всему свѣту извѣстно. Нужно только съ вашей стороны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая воля».

Хребтовичъ сказалъ:—Уже не только король,—самъ Малаховскій и Коллонтай и другіе зачинщики склонны прибѣгнуть и отдаться на волю ея величества.

«Если въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ Булгаковъ, я готовъ вамъ служить».

— Мы сами видимъ, сказалъ Хребтовичъ, что нѣтъ намъ иного спасенія. Я такъ и прежде думалъ, и за то подвергался злобѣ. Король и всѣ истинно любящіе отечество хотятъ предложить польскій тронъ великому князю Константину Павловичу и просятъ императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если же это встрѣтитъ какое-нибудь политическое препятствіе, или просто не будетъ угодно императрицѣ, то мы просимъ выбрать намъ въ государи, при нынѣшнемъ королѣ, кого угодно. Если государыня и на это не согласится, то пусть заключится союзъ съ Россіею вѣчный или временный на какихъ угодно основаніяхъ, съ обязанностью взаимной помощи другъ другу, съ правомъ прохода русскимъ войскамъ черезъ владѣнія Рѣчи-Посполитой, какъ бывало прежде, и съ выгоднымъ торговымъ трактатомъ. Иначе: если и того не угодно,—пусть Россія перемѣнитъ намъ правленіе и выброситъ изъ него что угодно; если же наконецъ и это

не понравится, мы предаемся неограниченной волѣ государыни, ея великой мудрости и неизреченнымъ щедротамъ.

На все это Булгаковъ сказалъ: «Я не знаю высочайшей воли и остаюсь пока въ почтительномъ молчаніи, а изъ того что вы сказали, послѣднее лучше всего. Союзный трактатъ существуетъ между нами, несмотря на дерзкій поступокъ настоящаго сейма; но если окажется потребность расширенія его, государыня не будетъ противиться. Независимость и вольность ваша тѣмъ и утверждается, что всякій сеймъ собирается изъ новой партіи и отмѣняетъ прежнее только единогласіемъ; однако нынѣшній сеймъ не годится; нужно составить новый съ помощію генеральной конфедераціи».

— Этого мы и боимся,—сказалъ Хребтовичъ,—кто будутъ въ новомъ сеймѣ? Все такіе же поляки, та же злоба, тѣ же легкомысленныя личности, собственный интересъ. Они могутъ сочинить конституцію еще похуже, а мы желаемъ, пусть ея величество поправитъ намъ форму правленія или дастъ готовую.

«Основательна ваша боязнь, — сказалъ Булгаковъ, — но теперь вамъ нечего бояться конфедераціи; она составилась подъ покровительствомъ государыни и не выступитъ изъ тѣхъ предѣловъ, какіе сама себѣ предписала и изъ декларація, которая должна служить всему основаніемъ. Россійскій министръ будетъ имѣть за нею смотрѣніе и не допуститъ, чтобы сеймъ будущій былъ подобенъ нынѣшнему, на которомъ, при отсутствіи благомыслящихъ, часто двадцать человѣкъ сеймующихъ постановляли законы. Чрезвычайно полезно было бы, если бы король препроводилъ государынѣ предложенія, исполненныя не краснословія, но искренности».

Прошло два дня послѣ того; король получилъ новыя непріятныя извѣстія изъ Украины о пораженіи на Борушковской плотинѣ, и объ оставленіи Полоннаго. Это сдѣлало короля и его окружающую среду еще уступчивѣе. 10-го числа, вечеромъ Хребтовичъ представилъ Булгакову проектъ письма къ государынѣ и записку съ предложеніями. Посолъ нашелъ письмо короля темнымъ и не сходнымъ съ тѣмъ, что говорилъ Хребтовичъ; онъ понялъ, что поляки хотятъ хитрить, и сказалъ:

«Эти пьесы не походятъ на то, что было условлено между нами, и не произведутъ дѣйствія на ея величество. Все это перепутано маршаломъ Потоцкимъ; онъ хоть и согласенъ съ королемъ на поступокъ, но совѣтуетъ не забывать республики и равенства съ прочими державами».

— Король, — сказалъ Хребтовичъ,—велѣлъ сказать, что онъ перемѣнитъ все, когда вы найдете нужнымъ.

«Да, сказалъ Булгаковъ. Если король признаетъ мое мнѣніе для себя нужнымъ, пусть держится того, что мы вчера съ вами говорили; пусть король прежнее подпишетъ или включитъ въ свое письмо».

Хребтовичъ вышелъ и воротившись черезъ нѣсколько часовъ, привезъ Булгакову черновое письмо. Булгаковъ самъ сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній и отдалъ Хребтовичу.

Послѣ того, ему доставили пакетъ для доставленія государынѣ и просили съ своей стороны ходатайствовать и свидѣтельствовать о чистосердечіи намѣреній польскаго короля.

Хребтовичъ коснулся Пруссіи, увѣрялъ, что теперь всѣ начинаютъ злиться на Пруссію, всѣ жалѣютъ, зачѣмъ слушали внушеній противъ Россіи со стороны Пруссіи, и намекалъ на желаніе поляковъ, чтобы Россія отомстила Пруссіи за ея козни.

«Я прошу васъ не заблуждаться, — сказалъ Булгаковъ — и не думать, чтобы Россія, для извиненія передъ свѣтомъ сумасбродствъ нынѣшняго сейма, захотѣла когда-нибудь помочь вамъ въ мщеніи прусскому королю вооруженною рукою».

Въ письмѣ, посланномъ государынѣ, послѣ перваго вступленія, Станиславъ-Августъ припоминалъ прежде всего русской государынѣ то писаніе, которое онъ подалъ ей на галерѣ въ Каневѣ, и замѣтилъ, что если его усилія не осуществили этотъ планъ, то вина была не его. «Вамъ, государыня,—говорилъ онъ затѣмъ—нужно имѣть вліяніе на Польшу и безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска, всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціею или Европою, а намъ нужно избавиться отъ безпрестанныхъ потрясеній, которыя неизбѣжно у насъ происходятъ въ каждое безкоролевье, оттого, что мы приглашаемъ вмѣшиваться въ наши дѣла сосѣдей и сами вооружаемся другъ противъ друга. Намъ нужно правленіе, устроенное внутри лучше, чѣмъ-то, которое было у насъ до сихъ поръ. Дайте намъ въ наслѣдники мнѣ вашего внука, князя Константина, пусть вѣчный союзъ соединитъ двѣ страны, и къ этому присоединится взаимно-полезный торговый договоръ; нѣтъ нужды говорить, что обстоятельства дѣлаютъ исполненіе этого плана легкимъ. Не мнѣ давать совѣты или указывать виды вашему величеству. Я обращаю къ вамъ теплыя мольбы: удостойте выслушать меня и войти въ мое положеніе. Сеймъ поручилъ мнѣ власть заключить, безъ его участія, перемиріе, а не окончательный миръ. Я начинаю съ просьбы даровать намъ перемиріе, а за остальное отвѣчаю я, лишь бы вы мнѣ дали время и средства. Въ настоящее время происходитъ великая перемѣна въ умахъ и вы можете быть увѣрены, что энтузіазмъ къ тому, что я предложилъ вамъ,

будетъ еще больше, чѣмъ къ тому, что до сихъ поръ совершено сеймомъ. Но не скрою отъ васъ: если вы станете требовать строго того, что изложено въ декларацiи, тогда не въ моей власти будетъ исполнить то, что я желалъ бы сдѣлать.

«Я знаю, вы можете думать, что силы, которыя у васъ въ рукахъ, достаточны для того, что требуетъ декларацiя, безъ всякихъ уступокъ. Но на это мнѣ остается отвѣчать надеждою, что ваше сердце, которое, какъ я льщу себя, мнѣ извѣстно, не предпочтетъ путей крайней строгости путямъ кроткимъ, сообразнымъ съ вашею славою и нашими желанiями. Еще разъ повторяю, не отриньте, заклинаю васъ, моей усердной мольбы, дайте намъ перемирiе какъ можно скорѣе; смѣю повторить, все, что я вамъ предложилъ, будетъ принято и исполнено нацiей, лишь бы вы снисходительно удостоили принять средства, нами представленныя».

«Польша у ногъ вашего величества, — писалъ Булгаковъ Екатеринѣ,—я не думалъ, чтобы такъ рано это сдѣлалось.»

Письмо короля къ Екатеринѣ было подписано 11-го (22-го) iюня. Нѣсколько дней потомъ поляки утѣшали себя инымъ. Въ тотъ самый день, какъ написано было письмо по исправленной Булгаковымъ редакцiи, король получилъ донесенiе отъ Iосифа Понятовскаго о дѣлѣ подъ Зеленцами, единственномъ, сколько-нибудь удачномъ дѣлѣ поляковъ въ этой войнѣ. Оно представлено было, какъ водится, въ преувеличенномъ видѣ и поляки воображали, что москали, потерявъ, какъ имъ было донесено, до 4,000 въ стычкѣ, стоившей полякамъ не болѣе 800 человѣкъ, согласятся на перемирiе, размысливъ, что не легко воевать съ такими храбрецами.

Люккезини и послѣ королевскаго письма не переставалъ все-таки нѣкоторое время кружить полякамъ головы. Перехваченное письмо виртембергскаго принца къ прусскому королю отдано было Люккезини по его требованiю, и прусскiй посолъ при свиданiи съ королемъ, замѣтивъ слегка о неудовольствiи своего короля за то, что вскрываютъ письма, адресованныя къ къ нему, сказалъ: «Я, однако, получилъ отъ короля своего письмо, гдѣ онъ положительно отрекается отъ всего, что бы могли приписывать ему въ поступкахъ принца виртембергскаго, котораго онъ, независимо отъ интереса къ нему, какъ къ родственному лицу и брату великой княгини россiйской, не хотѣлъ ни къ чему ни побуждать, ни останавливать въ его дѣйствiяхъ по отношенiю къ его мудрой тещѣ?» Когда Станиславъ-Августъ навелъ разговоръ на письмо прусскаго короля, Люккезини сказалъ: «я самъ не знаю хорошо смысла конца письма его величества, короля моего, и если ваше величество уѣдете въ обозъ, нужно, чтобы

здѣсь оставалось отъ васъ довѣренное лицо, съ которымъ бы я могъ говорить, когда будетъ необходимо.» Король указалъ на Хребтовича.

Эти ласковыя отношенія къ прусскому послу стали было оживлять легковѣрныхъ слабою надеждою, но 17-го (28-го) іюня, когда въ военномъ совѣтѣ хотѣли дѣлать распоряженія по поводу изъявленной дворянствомъ Великой Польши готовности вооружиться на защиту конституціи 3-го мая, Пруссія объявила черезъ своего посла, что прусскія войска войдутъ въ Польшу, если поляки не прекратятъ войны съ Россіею. Тогда король сообщилъ Люккезини о томъ, что онъ отправилъ къ императрицѣ просьбу о перемиріи и просилъ прусскаго посла, чтобы берлинскій кабинетъ ходатайствовалъ у нея объ амнистіи (o uproszeniu amnistyi). Съ своей стороны Декаше подтвердилъ то, что говорилъ о немъ Люккезини и показалъ Хребтовичу депешу, гдѣ было предписано ему, на случай если въ Польшѣ возникнутъ ложныя надежды и химерическіе планы, сообщить варшавскому двору, что его величество венгерскій и чешскій король, въ отношеніи польскихъ дѣлъ вообще и въ особенности по вопросу о престолонаслѣдіи, не имѣетъ другихъ взглядовъ кромѣ тѣхъ, которые показываютъ дворы петербургскій и берлинскій. Но въ тоже время поляки получили изъ Вѣны ободрявшія ихъ слухи, будто Кейтъ говорилъ: если поляки продержатся противъ русскихъ недѣли двѣ, то найдутъ себѣ пріятелей.

Переходъ къ самоуниженію отъ задорнаго тона становился рѣзче по мѣрѣ того, какъ извѣстія изъ арміи приходили все хуже. Пораженіе Юдицкаго, занятіе литовскихъ воеводствъ, одного за другимъ, наводило ужасъ, а съ западной границы приходили извѣстія, что прусскія войска подвигаются къ польскимъ предѣламъ. Средства истощались; они важны казались только на бумагѣ, но не удовлетворяли разнообразныхъ потребностей, возникавшихъ въ то время. Вслѣдъ за отправкою письма къ Екатеринѣ, король писалъ: «у насъ такъ мало денегъ, что мнѣ не съ чѣмъ подняться, чтобы ѣхать до Козеницъ, и потому мы перемѣняемъ мѣсто стана — заложимъ его въ Прагѣ, близъ самой Варшавы». Кавалерія, которая собиралась въ Козеницахъ, перешла въ Прагу, и къ ней присоединена была пѣхота, находившаяся въ Варшавѣ. Но этотъ обозишко (станъ), какъ называлъ его самъ король, въ десять дней едва могъ устроиться. Всего войска, по извѣстію короля, набралось въ немъ не болѣе пяти тысячъ. Хотя патріотическія газеты того времени и восхваляли всеобщую готовность поляковъ идти въ службу и проливать кровь за отечество, но, по свидѣтельству современника, близко знавшаго дѣла, Комаржевскаго, воззванія короля къ обывателямъ,

порученія бывшимъ посламъ, разъѣхавшимся по воеводствамъ, о наборѣ охотниковъ и о снаряженіи изъ нихъ войска, мало принесли пользы: иные напрямикъ отказывались стоять за конституцію 3-го мая и перешли на сторону конфедераціи, другіе, и такихъ больше всего было, не отвѣчали на воззваніе ничѣмъ, выжидая, чья возьметъ; меньшая же часть показала свой патріотизмъ и дѣйствительно заявляла охоту служить отечеству, но просила у правительства денегъ и оружія, а правительство не могло дать ни того, ни другого.

23-го іюня, король издалъ универсалъ къ гражданско-военнымъ коммиссіямъ и вообще къ начальствующимъ надъ воеводствами, землями и повѣтами, предписывая собирать охотниковъ и препровождать, какъ можно скорѣе, въ обозъ въ Прагу, снарядивъ ихъ сколько возможно на счетъ получаемыхъ пожертвованій; потомъ разосланы были правила назначеннымъ надъ охотниками начальникамъ или региментарамъ, получавшимъ отъ короля патентъ на эту должность. Но съ каждымъ днемъ надежды умалялись. 11-го іюля король писалъ, что уже вся Литва и Украина потеряны и не могутъ доставлять ни гроша, а половина Польши безъ того уже совсѣмъ не платитъ поборовъ и не доставляетъ войска. Тарговицкая сторона повсюду начала брать верхъ, по мѣрѣ того, какъ узнавали навѣрное, что русскія войска берутъ верхъ надъ польскими.

Каждый день нетерпѣливо ожидали письма отъ императрицы и удивлялись, что долго оно не присылалось. Самъ Булгаковъ этому дивился. Король и окружавшая его партія 3-го мая боялись, болѣе всего, чтобы императрица не отдала ихъ произволу конфедератовъ. Король ожидалъ отъ нихъ для своей особы всевозможнѣйшихъ униженій, а его сторонники опасались даже за жизнь.

Въ Варшавѣ уже не стало прежней горячности къ защитѣ отечества. Большинство роптало на короля и на патріотовъ, зачѣмъ раздражали Россію, зачѣмъ довѣряли Пруссіи. Только самые завзятые патріоты, подстрекаемые Малаховскимъ и Коллонтаемъ, для поддержки народнаго духа распускали ложные слухи, что Порта опять объявила Россіи войну, что французы побили союзниковъ и будутъ защищать Польшу, а Игнатій Потоцкій, бывъ у каштелянши Каминской, говорилъ: «вольно меня повѣсить, а я утверждаю, что мы выйдемъ счастливо изъ войны съ Россіею. Русскіе, если не будутъ побѣждены, то будутъ вырѣзаны всѣ вдругъ, тогда, когда имъ на мысль это не придетъ». Такія выходки повторяли другіе въ иныхъ домахъ, и Булгаковъ узналъ объ нихъ: на то у него были повсюду шпіоны, даже между прислугою Игнатія. Такимъ образомъ, мысль рас-

правиться съ русскими, коварнымъ образомъ мирясь съ ними, уже тогда была брошена между поляками; съ тѣхъ поръ она возрастала, и какъ увидимъ, была приведена въ исполненіе въ свое время.

Наконецъ отвѣтъ императрицы былъ полученъ 12-го (23-го) іюля. Онъ былъ написанъ изъ Царскаго Села отъ 2-го іюля, и состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получила письмо, которое вашему величеству угодно было писать ко мнѣ 22-го іюня н. с. Сообразно съ вашимъ желаніемъ уклоняюсь отъ всякихъ прямыхъ разсужденій о томъ, что произвело настоящій кризисъ въ дѣлахъ, но желаю въ свою очередь, чтобы средства соглашенія, предложенныя вашимъ величествомъ, были сообразны съ моими чистыми и прямыми намѣреніями, объявленными въ декларація, опубликованной мною въ послѣднее время въ Польшѣ. Слѣдуетъ возвратить Рѣчи-Посполитой ея древнюю свободу и ея форму правленія, гарантированную моимъ договоромъ съ нею и насильственно ниспроверженную революціею 3-го мая, съ попраніемъ самыхъ священныхъ законовъ и преимуществъ Pacta Conventa, къ точному соблюденію которыхъ обязываютъ васъ и права вашего величества и повиновеніе вашихъ подданныхъ. Только слѣдуя этимъ священнымъ и спасительнымъ видамъ, ваше величество можете убѣдить меня въ искренности расположенія, которое вы мнѣ свидѣтельствуете, и въ желаніи содѣйствовать дѣйствительному благу польской націи. Самая здоровая часть ея образовала конфедерацію для возстановленія правъ, неправедно похищенныхъ. Я обѣщала ей мою помощь и буду оказывать ее со всею силою, насколько позволятъ мои средства. Льщу себя надеждою, что ваше величество не захотите ожидать послѣдней крайности для того, чтобы признать эти мѣры, и немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, поставите меня въ состояніе, согласно съ моимъ искреннимъ желаніемъ, быть вашего величества доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Письмо русской государыни пришло въ критическія минуты. Передъ тѣмъ только скарбовая коммиссія донесла Стражѣ, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ фондовъ, она не можетъ отпускать на военныя потребности требуемыхъ суммъ и не въ состояніи выдавать войскамъ денегъ на обыкновенные раціоны и порціоны. Естественно, письмо Екатерины навело ужасъ. Сбылось то, чего король и виновники 3-го мая такъ боялись. Императрица предавала ихъ въ руки ненавистной для нихъ конфедераціи. О предложеніи возвести на польскій престолъ внука Екатерина не говорила ни слова. Поддѣть ее на эту удочку было невозможно.

Политика Екатерины не дозволяла ей допустить себя одурачить неловко скрытою хитростію, клонившеюся только къ тому, чтобы поссорить сосѣдей. Поляки на этотъ разъ хотѣли провести русскихъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ они въ XVII вѣкѣ провели ихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, обѣщавши сдѣлать его преемникомъ Яну Казимиру, но извѣстно, что два раза позволяютъ обманывать себя одной и той же сторонѣ только глупцы. Для Россіи уроки исторіи не проходили даромъ, особенно когда на ея престолѣ сидѣли умныя личности. Принять Россіи предложеніе поляковъ въ это время значило ни болѣе ни менѣе какъ завязать неминуемую войну съ Пруссіею и вѣроятно съ Австріею, и притомъ въ такое время, когда вообще въ Европѣ монархическимъ правленіямъ угрожала опасность, когда по нравственнымъ понятіямъ, проповѣдуемымъ тогдашними государями, въ томъ числѣ и Екатериною, на нихъ лежала обязанность передъ Богомъ и совѣстію защищать старые порядки, и поэтому, удаляясь отъ причинъ, могущихъ возбудить между ними несогласія, всѣмъ становиться подъ одно общее знамя. Сверхъ того, и безъ этого послѣдняго обстоятельства, если бы Россія и отважилась принять тогдашнее предложеніе поляковъ и чрезъ то нажила бы себѣ враговъ, то не было сомнѣнія, что въ числѣ этихъ враговъ стали бы также поляки.

Вице-канцлеръ Остерманъ тогда же писалъ къ Булгакову, что предложеніе короля не что иное какъ «ловушка, разставляемая намъ коварными его совѣтниками. Предлагать ея императорскому величеству избрать наслѣдникомъ польскаго престола ея внука, великаго князя Константина, въ то время, когда она уже объявила, что главнѣйшая цѣль ея вооруженія есть возвратить старинные законы и порядокъ въ Рѣчи-Посполитой и въ томъ числѣ избирательное правленіе, не значитъ ли бросать подозрѣніе на ея безкорыстіе, воображать, что она думаетъ только объ обезпеченіи своей фамиліи (къ чему у нея средства есть и безъ того) и стараться подорвать доброе согласіе петербургскаго двора съ вѣнскимъ и берлинскимъ по польскимъ дѣламъ? Что же касается до перемирія, предлагаемаго королемъ, то между Россіей и Польшей нѣтъ войны вовсе. Россія находится въ полнѣйшемъ согласіи и дружественныхъ отношеніяхъ съ истинной Рѣчью-Посполитою и помогаетъ ей противъ внутреннихъ враговъ. Въ глазахъ ея величества одна конфедерація составляетъ Рѣчь-Посполитую, а потому отговорка короля, что ему дали право только заключить перемиріе, а не вѣчный миръ, не имѣетъ смысла». Остерманъ замѣчалъ при этомъ, что не слѣдуетъ терять времени; пусть король, приступя къ конфедераціи, скорѣе прекратитъ кровопролитіе, иначе своей медленностію онъ уменьшитъ къ

себѣ великодушное вниманіе императрицы, которая до сихъ поръ удерживаетъ его на тронѣ, тогда какъ можетъ всегда столкнуть съ него.

Получивъ роковое письмо императрицы и объясненія на него отъ Булгакова, король собралъ маршаловъ сейма и маршаловъ конфедераціи, своего брата, примаса и министровъ, всего двѣнадцать человѣкъ. Король просилъ у нихъ совѣта, что̀ теперь дѣлать.

«Ничего не остается, какъ пожертвовать конституціею 3-го мая, для спасенія отечества», сказалъ примасъ.

«Ни одной минуты нельзя медлить, — приступить къ тарговицкой конфедераціи, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія», сказалъ канцлеръ Малаховскій.

«Я знаю одну законную конфедерацію, — сказалъ Игнатій Потоцкій, — всякая другая, хоть бы за нее было пять монарховъ, незаконна».

«Я давно былъ несогласенъ съ новою формою правленія; не надобно терять драгоцѣннаго времени», сказалъ Мнишекъ.

«И я всегда былъ противъ конституціи 3-го мая», сказалъ Тышкевичъ.

«Надобно во всемъ покориться волѣ государыни, — какъ она требуетъ, такъ и поступить», сказалъ Хребтовичъ.

Маршалъ Малаховскій спросилъ подскарбія: сколько въ скарбѣ денегъ въ наличности?

«301,000 злотыхъ», отвѣчалъ подскарбій.

«Этого мало», сказали всѣ.

«Если къ этому присоединить, сказалъ король, все что можно собрать, и тогда четырехъ недѣль нельзя содержать войска».

Коллонтай, такой горячій противникъ Россіи, теперь также совѣтовалъ королю поддаться волѣ превозмогающей силы.

Но маршалъ Малаховскій и теперь явился задорнымъ патріотомъ. Онъ во всю свою жизнь смотрѣлъ легкомысленно на окружавшую его среду, и теперь ему казалось, что далеко не все проиграно. «Наияснѣйшій панъ, говорилъ онъ, непріятель приближается къ намъ, но войско наше еще не совсѣмъ разбито, напротивъ, оно много одержало побѣдъ. Силы наши теперь соединены, а непріятель отдаляется отъ своихъ границъ и съ трудомъ можетъ получать продовольствіе. Притомъ, въ тылу у него Каменецъ-Подольскій, крѣпость, находящаяся въ нашихъ рукахъ; она можетъ служить-мѣстомъ соединенія обывателей для охраненія отечества. Мы отъ нихъ можемъ надѣяться всего добраго, лишь бы они имѣли время выйти изъ перваго и минутнаго одуренія. Войско наше, стоя надъ Вислою, можетъ еще

долгое время удерживать непріятеля въ значительномъ отдаленіи отъ столицы, лишь бы только обыватели Подоліи и Волыни одушевились и стали дѣятельными; непріятель, лишась средствъ получать оттуда продовольствіе, потерпитъ голодъ. Да, наконецъ, если бы и всѣ наши надежды были напрасны, если мы не въ состояніи побѣдить, развѣ не должно намъ погибать со славою? Входить съ Москвою въ переговоры—значитъ показать себя подлыми и добровольно положить ярмо на Польшу. Это путь вѣчнаго безчестья. Заклинаю ваше величество, поѣзжайте немедленно въ обозъ; не хочу, чтобы вы тамъ долго оставались: покажитесь только войску, наияснѣйшій панъ, напомните каждому о строгомъ выполненіи обязанностей, а потомъ поѣзжайте въ Варшаву заниматься тамъ дѣлами управленія.»

— Все это такъ, любезный Малаховскій,—сказалъ король,—я согласенъ съ тобою, но гдѣ же деньги, чѣмъ подняться? Чѣмъ я самъ жить буду? На что̀ я поѣду?

«Наияснѣйшій панъ, — сказалъ Малаховскій, — войско имѣетъ на три мѣсяца запасовъ, а на нужду вашего величества я дамъ 10,000 червонцевъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ позволено было передать ихъ въ руки тогда, когда будете садиться въ экипажъ, чтобы ѣхать къ обозу».

— А Пруссія, вѣдь ея войска готовы войти? Булгаковъ, передавая письмо императрицы, сказалъ: до сихъ поръ только Россія препятствовала Пруссіи послать войско въ предѣлы Рѣчи-Посполитой; при дальнѣйшемъ упрямствѣ съ нашей стороны ее удерживать не станутъ, а вошедши въ Польшу, она уже не выйдетъ отсюда безъ пріобрѣтеній. У насъ войска 35,000 и содержать его нѣтъ денегъ, у императрицы 100,000, да еще прусскія войска войдутъ. Мы, какъ надобно ожидать, потерпимъ пораженіе. Куда король уйдетъ? спрашивали противники патріотовъ.

«При неудачѣ надобно королю бѣжать въ Венгрію или въ Галицію, какъ сдѣлалъ Янъ Казимиръ; онъ возвратилъ свою корону», сказалъ кто-то изъ патріотовъ.

— Но Янъ Казимиръ—возразили ему,—былъ въ свое время союзникомъ австрійскаго дома, и все-таки, хотя и возвратилъ корону, но принужденъ былъ подписать тяжелыя для Рѣчи-Посполитой условія; притомъ же, когда рѣшено было предложить императрицѣ перемиріе, тогда никто не думалъ, что король убѣжитъ изъ Варшавы, и навлечетъ подозрѣніе на свои сношенія.

Игнатій Потоцкій замѣтилъ: «мы должны подождать; почему знать, намъ можетъ придти неожиданная помощь къ спасенію».

— Такъ и было, сказалъ Солтыкъ, съ Голландіей, когда она

воевала съ королемъ испанскимъ. Не надобно отчаяваться въ храбрости нашей.

Восемь голосовъ совѣтовало приступить къ конфедераціи, упорствовало пять: маршалъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій, краковскій посолъ Солтыкъ, Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Островскій. Впослѣдствіи Коллонтай считалъ себя также принадлежащимъ къ числу послѣднихъ, но въ то время онъ стоялъ на противной сторонѣ. Объ этомъ говорятъ и нашъ посланникъ Булгаковъ и англійскій, находившійся тогда въ Варшавѣ. Король присталъ къ большинству.

На другой день онъ подписалъ свой приступъ (акцессъ) къ конфедераціи. «Соглашаюсь,— сказалъ Станиславъ - Августъ въ роковую минуту подписанія, — сдѣлать это только въ той надеждѣ, что предложеніе императрицы возвратитъ спокойствіе странѣ».

Акцессъ короля былъ отосланъ къ Щенсному Потоцкому. Въ то же время отправленъ былъ курьеръ въ оба войска, Украинское и Литовское, съ приказаніемъ прекратить всякія непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ и признать конфедерацію. Тогда же написанъ и разосланъ универсалъ къ народу вообще. «Сеймъ—писалъ король—возложилъ на меня защиту отечества оружіемъ. Я все сдѣлалъ, что могъ. Но казна наша истощилась; скоро невозможно будетъ давать обычнаго жалованья военнымъ чинамъ, не останется ничего для ежедневныхъ безконечныхъ потребностей войска, какъ-то: на ремонтъ, на рекрутовъ, на одежду, обувь, запасы, оружіе и продовольствіе. Голландскій заемъ не удался вовсе. Сосѣди намъ не только не помогаютъ, но показываютъ сочувствіе Россіи и готовы соединиться съ нею. Пусть всѣ посудятъ и размыслятъ, достоинъ ли я за это упрековъ и не удостоюсь ли заслужить скорѣе благодарность отечества за прекращеніе кровопролитія и вражды; если стало невозможно удержать всѣхъ узаконеній нашего сейма, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться сохранить нѣкоторыя изъ нихъ».

Какъ только въ этотъ же день разнеслось по Варшавѣ, что король призналъ конфедерацію, крайняя партія патріотовъ разразилась страшнымъ негодованіемъ. Толпа человѣкъ въ триста въ саксонскомъ саду кричала: надобно убить короля измѣнника. Случилось въ это время проходить черезъ садъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ. Его подняли на руки и понесли; толпа затѣмъ направилась къ маршалу Малаховскому, чтобы и ему оказать честь. Маршала не застали дома: онъ былъ въ гостяхъ. Толпа отправилась туда, гдѣ онъ былъ, и тамъ сначала перепугала женщинъ, не понявшихъ въ чемъ дѣло; взяли маршала и также понесли его

на рукахъ, слѣдуя къ его дому. Потомъ отправились къ Игнатію Потоцкому, вызвали его, благодарили за труды, желали благополучія. Всѣ эти господа собирались уѣзжать, народъ прощался съ ними. Для выраженія своего нерасположенія къ тарговицкой конфедераціи, толпа разбила окна у канцлера Малаховскаго. Король приказалъ усилить у себя караулъ на нѣсколько дней и сидѣлъ во дворцѣ, никуда не показываясь; иначе ему пришлось бы натерпѣться оскорбленій.

27-го іюля уѣхали изъ Варшавы патріоты, не подписавшіе акцесса. Передъ отъѣздомъ они записали въ земскихъ варшавскихъ книгахъ свои протестаціи. Малаховскій писалъ, что такъ какъ сеймъ, при своемъ закрытіи, далъ королю право собрать его въ случаѣ нужды, король же, не собравъ сейма, безъ рѣшенія его, приступилъ къ конфедераціи, то онъ, маршалъ сейма, для очищенія совѣсти считаетъ долгомъ заявить, что, по его убѣжденію, дѣло тарговицкой конфедераціи есть дѣло противное волѣ Рѣчи-Посполитой, и послѣдствіемъ его будутъ огонь, мечъ, анархія и погибель отечества. «Народъ!—восклицалъ Малаховскій въ концѣ своей протестаціи; — ничего у меня не осталось для тебя, кромѣ вѣрности и слезъ; только это и посвящаю тебѣ, ибо всѣ другія средства изъ рукъ моихъ отняты»! Вмѣстѣ съ тѣмъ Малаховскій взялъ съ собой изъ скарбовой коммиссіи пожертвованныя имъ суммы, въ количествѣ 18,000 черв. и 150,000 злотыхъ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга въ своей протестаціи расхвалилъ свою особу, припоминалъ, какъ онъ несъ на жертву отчизнѣ свое имѣніе и здоровье, сослался на сеймовой дневникъ, гдѣ записаны были его подвиги въ день 3-го мая, и объявилъ, что въ настоящую минуту, когда полякамъ уже ничего не остается кромѣ слезъ и жалобъ, онъ заявляетъ, что считаетъ сеймъ, начатый въ 1788 г., неоконченнымъ, а только отсроченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не снимаетъ съ себя своей должности. Послѣднее расходилось съ протестаціею Малаховскаго, который въ квитанціи, данной за взятыя суммы изъ скарбовой коммиссіи, объявилъ, что снимаетъ съ себя свой санъ.

Эмигранты избрали мѣстомъ пребыванія Дрезденъ. Игнатій Потоцкій, прощаясь съ королемъ, сказалъ: «ваше величество, уѣдемте съ нами! по крайней мѣрѣ избавитесь отъ униженія». Но король махнулъ на все рукою и остался. Защитники репутаціи Коллонтая говорятъ, что и онъ уѣхалъ. Но изъ донесеній Булгакова видно, что онъ прежде попытался заискать расположенія Россіи. «Его всякій купить можетъ, — не даромъ онъ съ курляндскаго герцога взялъ 2,000 червонцевъ за выигрышъ его дѣла». Такъ писалъ Булгаковъ 11-го августа. Только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ

Коллонтая дѣйствительно не было въ Варшавѣ. Поэтому правдоподобно извѣстіе Линовскаго, который говоритъ, что Коллонтай оставилъ акцессъ въ двухъ мѣстахъ, въ канцеляріи Булгакова и у Хребтовича. Когда Коллонтая стали упрекать за это Малаховскій и Потоцкій, онъ сказалъ: «хорошо вамъ, богатымъ панамъ, уходить изъ отечества, а я, *худой пахолекъ*, добившись до мѣста, не могу такъ легко выпускать изъ рукъ моей судьбы.» Самому Линовскому онъ говорилъ: «для васъ лучше будетъ, если я войду въ конфедерацію, я васъ буду защищать отъ преслѣдованій». Но ему не посчастливилось. Конфедерація не хотѣла съ нимъ сходиться, потому что не довѣряла ему, какъ одному изъ главныхъ виновниковъ конституціи, а русскій посолъ давно презиралъ его. Этотъ человѣкъ, безспорно-талантливый, послѣ паденія своей партіи, видя, что съ измѣнившимся порядкомъ вещей онъ уже не поправитъ своей карьеры, ударился опять на прежнюю роль патріота, и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы затѣвать заговоръ за границею.

Король запирался и удалялся отъ людей. Онъ часто плакалъ, въ рѣчахъ его была несвязность; онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству; онъ чувствовалъ свою ничтожность, говорилъ, что хочетъ отречься отъ престола, но не отрекался: чувство униженія пересиливалось желаніемъ устроить своихъ ближнихъ, обезпечить свою старость. Каштелянша Каминская пріѣхала узнать о его здоровьѣ:—«можетъ ли быть хорошо мое здоровье, отвѣчалъ король, когда мнѣ остается въ удѣлъ только стыдъ и безчестіе!» Люккезини опять заговорилъ другимъ языкомъ; недавно равнодушный къ судьбѣ поляковъ, теперь опять показывалъ къ нимъ сочувствіе, и досадовалъ, что поляки окончили войну. Онъ какъ будто забылъ, что за нѣсколько дней грозилъ вступленіемъ прусскаго войска въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, если поляки не помирятся съ императрицею. «Король — говорилъ онъ — всегда былъ русской партіи, онъ только притворялся патріотомъ. Честь Польши потеряна, ничто не можетъ смыть этого пятна. Польша должна была искать посредничества сильныхъ державъ. Вотъ видите: не хотѣли составлять конституціи съ вѣдома прусскаго короля, тогда бы вамъ помогли, и Россія никогда бы не посмѣла напасть. Вы не хотѣли знать Пруссіи, когда составляли конституцію, оттого и Пруссія не захотѣла знать васъ. Теперь, однако, еще можно сколько-нибудь пособить дѣлу: обратитесь къ Пруссіи, отдайтесь во всемъ на ея волю. Независимость ваша конечно уже потеряна, — по крайней мѣрѣ на васъ наложатъ не такія тяжелыя цѣпи». Онъ отзывался съ презрѣніемъ и злобою противъ Россіи, распалялъ поляковъ ненавистью противъ рус-

скихъ, и въ то же время вооружалъ знатныхъ лицъ одного противъ другого, — все это съ тою цѣлью, чтобы усилить безпорядокъ. Это была послѣдняя лебединая пѣсня о Польшѣ знаменитаго дипломата. 7-го августа онъ уѣхалъ оттуда навсегда, сдѣлавъ свое дѣло блистательно.

Въ войскѣ вѣсть о признаніи королемъ конфедераціи была принята съ негодованіемъ и досадою. Тѣ, которые можетъ быть внутренно были и довольны, для очищенія себя считали за благо все-таки заявить досаду. Понятовскій послалъ къ королю генерала Вьельгорскаго, и совѣтовалъ королю, сдѣлавши угодное императрицѣ, дозволить назначенному для этой цѣли отряду войска поймать себя и увезти въ обозъ, а потомъ можно будетъ продолжать войну. Король плакалъ, падалъ на колѣни, заклиналъ и умолялъ не думать объ этомъ, и самъ не соглашался участвовать въ уловкѣ добровольно. Зайончекъ, описывая это происшествіе, порицаетъ короля за несогласіе, упрекаетъ Іосифа Понятовскаго, зачѣмъ онъ, вмѣсто того, чтобы просить короля, не исполнилъ своего намѣренія безъ его согласія. Такой замыселъ былъ во всякомъ случаѣ безплоденъ. Если можно упрекать короля въ недостаткѣ мужества и благородства, то никакъ не за то, что онъ не захотѣлъ безразсудно склониться на продолженіе войны, а за то, что, видя невозможность сохранить въ Рѣчи-Посполитой порядокъ, за который стоялъ нѣсколько лѣтъ, не отрекся отъ престола.

VIII.

Господство конфедераціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленія конфедераціи.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская нота.—Тревога конфедераціи [1]).

Войску приказано было приступить къ конфедераціи, послѣ чего слѣдовало распустить его. Нѣкоторые изъ генераловъ и офицеровъ подали въ отставку; въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ: Понятовскій, Костюшко, Вьельгорскій, Забѣлло, Зайончекъ и Макрановскій; кромѣ того два полковника: Понятовскій и Стршалковскій; майоры: Гавронскій, Хоментовскій, Іосифъ Вьельгорскій и Щутовскій. Другіе, скрѣпя сердце, для спасенія семей своихъ и средствъ къ жизни, признали конфедерацію. Войско стало расходиться. Но конфедерація, узнавъ

[1]) См. источн. №№ 86, 38, 98, 100, 18, 3, 30, 47, 72.

объ этомъ, отношеніемъ отъ 22-го іюля (1-го августа), обратилась къ агенту императрицы при конфедераціи Билеру и просила принять мѣры. Она боялась нарушенія спокойствія. «Если польскіе жолнѣры—было сказано въ нотѣ конфедераціи — станутъ возмущать неопытныхъ гражданъ, то мы просимъ средствъ принудить ихъ силою произнести присягу конфедераціи». Приказано было отъ конфедераціи генераламъ, давшимъ свой акцессъ, снестись съ генералами русскаго войска, чтобы занять приличныя квартиры сообразно безопасности. Видно, конфедерація еще побаивалась польскаго войска.

Коронное войско поступало подъ власть прежнихъ начальниковъ, Браницкаго и Ржевускаго; литовское подъ власть нареченнаго литовскаго гетмана Коссаковскаго. Оружіе слѣдовало отобрать и отправить въ варшавскій арсеналъ.

Всѣмъ провинціальнымъ конфедераціямъ вмѣнено было въ обязанность приглашать, въ случаѣ нужды, для поддержки порядка, русское войско. Такимъ образомъ, конфедерація, составленная подъ русскимъ покровительствомъ, показывала, что не можетъ существовать безъ русскаго войска. Но въ тоже время конфедерація жаловалась Билеру и на своихъ союзниковъ, на безчинства и насилія, причиняемыя будто бы солдатами императрицы. «Война уже окончилась — писали конфедераты — но обыватели, показавшіе привязанность къ императрицѣ, должны терпѣть наравнѣ съ тѣми, которые въ своемъ ослѣпленіи сопротивлялись ея благодѣтельнымъ намѣреніямъ. Мы просимъ, чтобы всеобщая радость освобожденія не возмущалась такими поступками». Коховскій на это представленіе объяснилъ, черезъ Билера, что безчинства, дѣйствительно произведенныя на границѣ, произошли не отъ служащихъ солдатъ, а отъ дезертировъ и молдавскихъ волонтеровъ, которые въ Молдавіи составили разбойничьи шайки и вторгались въ Украину и что двадцать изъ нихъ уже казнено. Но какъ вслѣдъ затѣмъ снова приносились жалобы на безчинства и насилія отъ русскихъ войскъ, то конфедерація опубликовала, чтобы напередъ приносили ей только такія жалобы въ подобномъ родѣ, гдѣ бы указывались поименно и точно лица, на которыхъ жаловались, а не въ общихъ словахъ.

9-го августа, конфедерація, находясь въ Дубно, отправила въ Варшаву делегацію; въ ней были: Петръ Ожаровскій, Войцѣхъ Свентославскій, Доминикъ Каменецкій, Рафаилъ Холоневскій. Они имѣли порученіе привести къ присягѣ: гвардію, скарбовый батальонъ, маршалковскую хоругвь, всѣхъ особъ, числящихся въ военной службѣ, по формулѣ: «буду вѣренъ королю,

а послушенъ только одной конфедераціи», скарбовую коммиссію въ томъ, что она не будетъ выдавать денегъ безъ ассигнацій конфедераціи, почту — въ томъ, что не отважится распечатывать писемъ, комендантовъ и офицеровъ корпуса кадетовъ и эдукаціонную коммиссію—въ томъ, чтобы обѣщали не внушать кадетамъ и всѣмъ воспитанникамъ монархическихъ, а также и противныхъ римско-католической вѣрѣ правилъ; духовенство — въ томъ, что оно будетъ поучать народъ покорности генеральной конфедераціи; магистратъ старой и новой Варшавы, цехи и конфратерніи — по формѣ: не сноситься съ противниками конфедераціи и доносить о замѣчаемомъ вредѣ для нея. Для послѣднихъ они должны были учинить при себѣ выборъ новыхъ президентовъ, лавниковъ, радныхъ, писарей, не протягивая этого дѣла болѣе трехъ дней, отворить суды въ Варшавѣ для обычнаго теченія дѣлъ, по порядку, существовавшему до конституціи 3-го мая, возвратить полицію въ вѣдомство коронныхъ маршаловъ, запретить печатать всякія писанія противъ конфедераціи и непремѣнно закрыть «Газету Народовую», за то, что она постоянно держалась конституціи 3-го мая, объявить угрозу—отдать подъ судъ конфедераціи тѣхъ, которые бы осмѣлились дѣлать противъ нея какія бы то ни было заявленія; слѣдовало у всѣхъ варшавянъ отобрать оружіе и боевые запасы и сложить въ арсеналъ съ увѣреніемъ, что за все это заплатится или все это по желанію владѣльцевъ возвратится въ свое время, отобрать рецессы (отказъ) отъ конституціи и акцессы къ конфедераціи отъ канцлера Малаховскаго и подканцлера Хребтовича, и объявить иностраннымъ министрамъ, что въ важныхъ дѣлахъ они должны относиться къ генеральной конфедераціи. О королѣ не говорилось, какъ будто его не было. Наконецъ, приказано было сдѣлать распоряженіе объ облегченіи ареста переяславскаго епископа, если нужно будетъ. Такимъ образомъ, генеральная конфедерація уже не была только протестомъ противъ нововведеній,—она сама сдѣлалась верховной властью, захватила исключительно весь механизмъ управленія. Подъ предлогомъ возстановленія свободы, подъ криками противъ монархическаго деспотизма, она правила всею страною съ такимъ деспотизмомъ, который былъ произвольнѣе и беззаконнѣе всякаго другого. Ея правители и совѣтники, которыхъ было тогда 89, постановили для себя неподсудность; во время исправленія должности ни въ какомъ судѣ не слѣдовало принимать жалобъ на нихъ. Не только совѣтники, но и вообще всѣ, считавшіе себя вѣрными конфедераціи, спасителями республиканской свободы, поднимали голову, снимали всякую узду съ своего произвола, доносили на тѣхъ, на кого были злы, тянули

ихъ къ суду конфедераціи; сказать что-нибудь не въ похвалу конфедераціи почиталось преступленіемъ. Обязанность доносить, налагаемая въ присягѣ, произносимой на вѣрность конфедераціи, до того грозила размноженіемъ ябедъ и нарушеніемъ спокойствія, что самъ Булгаковъ не одобрялъ этого.

Власти королю не давали никакой. Каждый конфедератъ имѣлъ болѣе возможности заставить себя слушать чѣмъ онъ. Генеральная конфедерація въ распоряженіяхъ, данныхъ своимъ делегатамъ, поручила засвидѣтельствовать ему почтеніе, но это казалось скорѣе поруганіемъ при той обстановкѣ безвластія, въ которую его поставили. На письмо короля къ Щенсному послѣдній отвѣчалъ тономъ до крайности надменнымъ и оскорбительнымъ. Онъ припоминалъ королю словно учитель школьнику, какъ онъ, Щенсный, нѣкогда предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ. «Голосъ мой, писалъ онъ, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, я припоминалъ вамъ обязанности избраннаго короля, а васъ подлецы называли государемъ. Я говорилъ, что не годится нарушать присягу, данную народу, для выгодныхъ проектовъ, и не слѣдуетъ начинать того, что не можетъ удержаться. Ваше величество отвратили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ, а послушались льстецовъ, которые чуть было не довели Рѣчь-Посполитую до погибели. Теперь, милостивый король, слѣдуетъ вашему величеству вознаградить за это республиканскій народъ, если не хотите быть вѣроломнымъ, ибо за то, что онъ васъ посадилъ на первомъ мѣстѣ, вы хотѣли его поработить и сдѣлать своею собственностію. Вы не должны были защищать и поддерживать такихъ поступковъ, а скорѣе отречься отъ нихъ навсегда. Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не перестали лить кровь республиканцевъ, ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь. Вы пишете, что надѣетесь удержать хотя часть вашей конституціи. О, видно вамъ очень дорога эта рабская конституція, когда вы хотите хотя бы часть ея спасти; а я вамъ искренно скажу: забудьте объ установленіи новыхъ законовъ, предсѣдательствуйте надъ вольнымъ народомъ; пусть народъ самъ себѣ законы составляетъ, — и вамъ будетъ спокойнѣе, и намъ свободнѣе. Вы выражаетесь, что не можете противостоять непріятелю. А кто же

непріятель? Не тотъ ли, кто вамъ способствовалъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ; не тотъ ли, кого вы много разъ просили о вспомоществованіи; не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь-Посполитую, желая видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною? Не за то ли великая монархиня считается теперь непріятелемъ Польши, что снимаетъ съ нея кандалы, надѣтые измѣною? Будьте лучше теперь благодарны ей за то, что все сдѣлалось по ея желанію; вольный и независимый народъ можетъ простить вамъ, какъ обольщенному, но если бы удалось по вашему, онъ бы проклиналъ васъ, какъ похитителя власти и виновника несчастій, которыя, быть можетъ, погубили бы и самое имя Польши».

Не менѣе тяжка была формула, предложенная королю для акцесса. Король долженъ былъ чернить людей, съ которыми вмѣстѣ работалъ, а себя выставлять ограниченнымъ. «Я всегда (было сказано въ формулѣ акцесса отъ лица короля) желалъ добра отчизнѣ и стремился къ тому, чтобы учинить ее счастливою и безопасною; но этимъ намѣреніямъ не всегда содѣйствовали мои сотрудники. Увлеченіе новизною и новыя, не безопасныя для спокойствія народовъ ученія покушались сокрушить вѣковѣчныя права Рѣчи-Посполитой и преобразить Польшу изъ республики въ монархію. Но теперь, когда полякъ чувствуетъ и узнаетъ заблужденія тѣхъ, которые такъ увлекались въ своихъ трудахъ, я, какъ король, обязанный быть главою благородной Рѣчи-Посполитой, и какъ полякъ, признаю, что крѣпость Рѣчи-Посполитой почіетъ на республиканскомъ правленіи, издавна свойственномъ ей, и всякій разъ, когда народъ предпринимаетъ не исправлять, а измѣнять вѣковое свое правленіе и установлять новое, всегда потрясеніе политическаго тѣла должно принести народу громаду несчастій. Искренно сознавая передъ республиканскимъ народомъ эту истину, отступаю отъ конфедераціи революціоннаго варшавскаго сейма, продолжавшагося, вопреки обычаямъ и закону, четыре года подъ маршальствомъ Станислава Малаховскаго, и отрекаюсь отъ всѣхъ уставовъ этой конфедераціи и сейма, и отъ всего сердца приступаю къ конфедераціи, составленной 14 мая 1792 г. подъ маршальствомъ Щенснаго Потоцкаго; признаю и принимаю вполнѣ всѣ акты этой конфедераціи, тѣмъ охотнѣе, что убѣжденъ въ благодѣтельности этого дѣла, ибо великодушное и безкорыстное покровительство ея величества императрицы всероссійской обѣщаетъ Рѣчи-Посполитой счастливыя послѣдствія и постоянную безопасность».

Все терпѣлъ и все сносилъ Станиславъ-Августъ, и только

когда уже не ставало у него силъ нести этотъ тяжелый крестъ, разливался горькими слезами. Примасъ, обращаясь къ Булгакову, указывалъ, что въ формулахъ присяги разнымъ вѣдомствамъ, привезенныхъ делегатами отъ конфедераціи въ Варшаву, даже и имени короля не упоминается. Самъ Булгаковъ въ донесеніяхъ своихъ императрицѣ замѣчалъ, что конфедераты захватили излишнюю власть и обращаются съ королемъ непочтительно. Но это не помогло королю: отъ самой государыни Станиславъ-Августъ чрезъ Булгакова получилъ выговоръ, за то, что наградилъ генеральскимъ чиномъ Костюшку, Вьельгорскаго и Карвицкаго. Король объяснялъ, что они вышли въ отставку, и вліянія на дѣла не имѣютъ. «Воздержитесь,—сказалъ Булгаковъ,— покровительствовать подобнымъ людямъ, и не пользуйтесь правомъ раздаванія мѣстъ, иначе у васъ еще болѣе стѣснятъ власть. Екатерина не довѣряла ему, презирала его, какъ и вообще не довѣряла никому изъ поляковъ и презирала ихъ. Въ своемъ рескриптѣ отъ 3 августа, Булгакову она поручаетъ остерегаться, чтобы покорность короля и всѣхъ прочихъ не была суетное обольщеніе. На похвалы Булгакова о Хребтовичѣ государыня замѣтила, что напрасно Булгаковъ такъ довѣряется и хвалитъ этого человѣка, который ничѣмъ еще не заявилъ своей искренней преданности. Король покорялся, и чтобы болѣе заявить свое послушаніе и совершенное незлобіе къ врагамъ, съ дружескимъ участіемъ замѣтилъ Булгакову: «конфедерація избираетъ себѣ резиденцію въ Брестѣ-Литовскомъ; къ сожалѣнію, это мѣсто нездоровое».

Не менѣе унизительно и тяжело королю было, когда 9 августа прибылъ въ Варшаву Коссаковскій въ качествѣ генерала императрицы и Булгаковъ представилъ его королю. Станиславъ-Августъ долженъ былъ ласкать и привѣтствовать этого человѣка, котораго ненавидѣлъ. 12-го, въ воскресенье, Коссаковскій давалъ праздникъ и пиръ, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ особъ изъ варшавскаго панства; и все варшавское поспольство приглашали тогда ликовать объ освобожденіи отечества отъ тиранніи той конституціи, которую успѣли вывести на свѣтъ только подъ защитою варшавскаго поспольства. Надобно было притворяться, иначе сновавшіе въ народѣ шпіоны, угодники конфедераціи, тотчасъ донесутъ и потянутъ въ судъ конфедераціи, а тутъ еще въ Варшаву долженъ былъ прибыть Коховскій съ русскимъ войскомъ.

Занятіе столицы иностраннымъ войскомъ на этотъ разъ, послѣ печальнаго исхода войны, казалось конечнымъ завоеваніемъ страны. Коховскаго ждали съ тревогою каждый день. Онъ наконецъ прибылъ 19 августа и, въ сопровожденіи генераловъ и

офицеровъ, пріѣхалъ прямо въ замокъ, гдѣ въ пріемной залѣ Булгаковъ представлялъ его королю. Коховскій препоручилъ вниманію короля русскихъ генераловъ и офицеровъ; многіе изъ нихъ украшены были только-что полученными орденами за храбрость и усердіе въ послѣдней службѣ въ дѣлѣ ниспроверженія той конституціи, которую клялся защищать польскій король.

Между тѣмъ конфедерація укрѣплялась. Грозный универсалъ ея назначилъ срокъ до 15 августа для отреченія отъ конституціи и акцесса къ конфедераціи. Чтобы сохранить свое имущество и оградить свои особы, дворяне варшавскаго воеводства, 2 августа, составили провинціальную конфедерацію варшавской земли подъ маршальствомъ коронн аго конюшаго Онуфрія Кицкаго. Но ея актъ былъ написанъ хитро и неискренно; такъ, напр., говоря объ отреченіи отъ конституціи 3 мая, не изливали обычныхъ у конфедератовъ ругательствъ надъ нею и надъ всѣмъ строемъ, установленнымъ четырехъ-лѣтнимъ сеймомъ, а ставили цѣлью своей конфедераціи только общія потребности о благосостояніи, которыя также могли подходить къ конфедераціи Щенснаго, какъ и къ ниспроверженной конституціи. Такъ они, по выраженію ихъ акта, заключили конфедерацію съ тѣмъ, чтобы, «хранить достоинство трона Станислава-Августа, шляхетскихъ правъ и вольностей, независимость Рѣчи-Посполитой, искать средствъ облегченія тягостей налоговъ, уменьшенія роскоши, прекращенія ненужныхъ и лишнихъ расходовъ, обезпечить правосудіе, безопасность лицъ, имуществъ и чести жителей, ввести дисциплину и порядокъ въ войскѣ, порядокъ въ уплатѣ жалованья, уменьшить число должностныхъ лицъ, ради сокращенія отяготительныхъ для общественныхъ суммъ расходовъ, и вообще стараться о всемъ томъ, что только можетъ осчастливить народъ». Такого рода конфедерація не понравилась генеральной конфедераціи, и 13 августа она послала Кицкому замѣчаніе, что актъ варшавской конфедераціи не соотвѣтствуетъ акту генеральной конфедераціи и впредь она признаетъ только такія конфедераціи своими, которыхъ акты составлены одинаково съ актомъ генеральной конфедераціи и съ одинаковою формулою присяги. Такъ точно не понравился генеральной конфедераціи актъ конфедераціи Закрочимской земли, и 20 августа Щенсный Потоцкій послалъ и туда выговоръ и требованіе, чтобы актъ былъ передѣланъ. Угрожаемые русскими войсками дворяне этихъ земель должны были исполнить волю овладѣвшихъ Польшею. Воеводство Бѣльзское составленіемъ конфедераціи удостоилось заслужить расположеніе и благодарность генеральной. Тоже случилось въ Люблинѣ, гдѣ составилъ конфедерацію Казимиръ Міончинскій, по

извѣстію знавшаго его лично Козьмяна—шулеръ, человѣкъ продажный, безстыдный, лживый и хвастливый.

29 августа составлена конфедерація въ Познани подъ маршальствомъ Бнинскаго, нареченнаго маршаломъ конфедераціи воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго, Гнѣзненскаго и земли Веховской. Этотъ край передъ тѣмъ только отличался особенною ревностью къ конституціи 3-го мая; собирались пожертвованія, составили 24 іюня актъ, отправленный для свѣдѣнія въ войсковую коммиссію, гдѣ обыватели воеводствъ заявляли въ своей мѣстности гражданско-военнымъ коммиссіямъ готовность охранять конституцію 3 мая, въ надеждѣ, что каждый, носящій имя поляка, не станетъ выродкомъ своего отечества и не отступитъ отъ единомыслія съ ними. Теперь там же составили актъ, гдѣ обыватели обѣщались всѣми силами истреблять конституцію 3 мая, какъ гробъ свободы, не допускать наслѣдственности престола, выдавать генеральной конфедераціи всѣхъ тѣхъ, которые бы стали строить козни для расширенія королевской власти, а также обѣщались не дозволять ни малѣйшаго отторженія земель отъ Рѣчи-Посполитой. Посланникъ великопольской конфедераціи, Францишекъ Мощинскій, передъ генеральною конфедераціею въ рѣчи, преисполненной напыщенной реторики, восхвалялъ доблести Щенснаго Потоцкаго, называлъ конституцію 3 мая гибельною отравою, которую обыватели въ заблужденіи называли лекарствомъ и увѣрялъ въ преданности всей Великой Польши спасительному дѣлу сверженія рабскаго ярма и возстановленія республиканской свободы. Около того же времени составились провинціальныя конфедераціи въ воеводствѣ Сѣрадскомъ, въ земляхъ Нурской, Сохачевской, Добрженской, Мѣльницкой, Велюнской, Черской, Равской, Дрогицкой. Въ Краковѣ составилась конфедерація, 13 августа, подъ маршальствомъ Валевскаго, который тамъ подобралъ себѣ партію. Вездѣ актъ составленія конфедераціи праздновался съ обычными признаками торжества, обѣднею, пѣніемъ «Te Deum», пальбою изъ пушекъ, иллюминаціями и пирами, и на пирахъ происходила выпивка за благоденствіе конфедераціи точно также, какъ прошлый годъ ѣли и пили за конституцію 3 мая.

Генеральная конфедерація избрала своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Брестъ-Литовскій и тамъ, 11-го сентября, отпраздновала соединеніе свое съ литовскою: «да здравствуетъ свобода и независимость!» кричали пировавшіе конфедераты. Съ этихъ поръ она называлась генеральною конфедераціею обоихъ народовъ. Маршалы конфедерацій—отъ короны Щенсный Потоцкій, а отъ Литвы Александръ Сапѣга—пользовались чрезмѣрнымъ значеніемъ; при въѣздѣ въ Гродно они встрѣчены были пушечною

пальбою, мѣщане отъ магистрата, жиды отъ своего кагала передъ городскими воротами говорили имъ поздравительныя рѣчи. Сенаторы, паны, избранные въ число коммиссаровъ генеральной конфедераціи, и знатнѣйшіе обыватели изъ окрестностей ждали ихъ съ подобострастіемъ. Оба маршала угощали гостей великолѣпно и безпрестанно. Отсюда-то управляли они Рѣчью-Посполитою, предписывали распоряженія провинціальнымъ конфедераціямъ и получали отъ послѣднихъ рапорты. Тогда по всей Литвѣ и Польшѣ подняли голову искатели карьеры, люди, въ прежнее время забытые и загнанные за свою неспособность или за убѣжденія, теперь, пользуясь случаемъ, они спѣшили показать свое усердіе къ конфедераціи и получить отъ нея либо мѣсто, либо имѣніе на счетъ другихъ. Тогда вышли въ люди разные отставленные подъячіе, выгнанные за плутовство реенты, вице-реенты, а также экономы, служившіе у пановъ, составлявшихъ конфедерацію. Многимъ удавалось выскакивать посредствомъ доносовъ; свидѣтельствовали на того, на другого, что вотъ такой-то или другой говорилъ дурно о конфедераціи, что онъ приверженецъ 3-го мая, или же, что онъ якобинецъ, въ Бога не вѣруетъ, и за это получали награды.

«Трудно было—говоритъ Козьмянъ, — честному человѣку на свѣтъ показаться, чтобы надъ нимъ не издѣвались или не оказывали ему покровительственнаго состраданія. Каждый, входившій въ люди, заламывалъ шапку на бекрень, точно на лбу носилъ надпись: пришелъ и намъ чередъ! Впрочемъ, по замѣчанію того же писателя-современника, въ Польшѣ это случалось всегда при каждомъ переворотѣ. Теперь если какой-нибудь помѣщикъ оказывалъ себя нерасположеннымъ къ конфедераціи, къ нему посылали экзекуцію и его имѣніе подвергалось разоренію.

Правительственныя коммиссіи, приведенныя къ присягѣ на вѣрность конфедераціи посредствомъ ея делегатовъ, получали отъ нея предписанія и давали ей отчеты. Всѣ доходы, собранные прежде, и всѣ пожертвованія, какія собраны были для войны, теперь должны были отсылаться въ конфедерацію. Многіе, собравши эти приношенія, не представляли ихъ никуда и взяли себѣ; теперь иные для того, чтобы ихъ не искали, удалились за границу. Войско было умалено; всѣмъ, которые въ послѣднее время были завербованы, приказано возвратиться къ занятіямъ своего званія. Министрамъ Рѣчи - Посполитой при иностранныхъ дворахъ велѣно возвратиться въ отечество и подать отчетъ конфедераціи. Французскому послу приказано выѣхать изъ Польши вовсе, и всѣхъ вообще французовъ обязали оставить владѣнія Рѣчи-Посполитой, въ виду совершившагося пере-

ворота 10-го августа, измѣнившаго Францію изъ монархіи въ якобинскую республику.

Несмотря на свою силу конфедерація чувствовала, что противная партія только притихла, не умерла, и можетъ воскреснуть снова; отъ этого конфедерація не довольствовалась обвиненіемъ своихъ враговъ въ коварныхъ намѣреніяхъ ввести въ Польшѣ монархическій деспотизмъ, она хотѣла очернить послѣдователей 3-го мая и новомодными французскими идеями, которыя тогда наводили такой паническій страхъ на всѣхъ сильныхъ міра сего.

Въ октябрѣ конфедерація учинила мировую съ королемъ и отправила къ нему делегованными двухъ своихъ совѣтниковъ, Залускаго и Корвина Коссаковскаго; изъ нихъ послѣдній, въ рѣчи своей при представленіи королю Станиславу-Августу, говорилъ: «Новомодные принципы предали посмѣянію религію и законъ, потрясли алтари, троны и обычныя вольности нѣкоторыхъ народовъ. Это обольстительное ученіе и къ намъ прокралось и устроило подкопъ подъ республиканскимъ правленіемъ шляхетской Рѣчи-Посполитой, ниспровергая извѣчныя права предковъ, распространяя неуваженіе къ старшинству, не оставляя ничего святого, что только не было его твореніемъ». Злосчастный король, не имѣвшій настолько благородства, чтобы хотя теперь отказаться отъ короны, долженъ былъ, сидя на опозоренномъ тронѣ, выслушивать такія рѣчи, а канцлеръ Малаховскій, въ отвѣтѣ делегатамъ, выражалъ надежду, что почтенные члены конфедераціи, особенно ея руководители, своими дѣйствіями заслужатъ славу въ потомствѣ, и король считаетъ для себя самыми пріятными часами въ жизни, когда будетъ въ состояніи доказать свое расположеніе къ конфедераціи.

Въ ноябрѣ, конфедерація приказала вывести изъ Варшавы два полка польскаго войска, полкъ гвардіи литовской и пѣшій полкъ Дзялынскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы у противной партіи, которая, какъ думали, главнымъ образомъ сосредоточивалась въ Варшавѣ, отнять, какъ выражалась конфедерація, на будущее время способы, употребленные противъ Рѣчи-Посполитой въ постыдный день 3-го мая. Защита сторонниковъ конфедераціи передавалась такимъ образомъ русскому войску. Королю, какъ будто въ насмѣшку, писали по этому поводу: «Вашему величеству это должно быть пріятно; черезъ то мѣщане избавляются отъ лишнихъ тягостей», и при этомъ прибавлялось: «ваше величество, родившись вольнымъ польскимъ шляхтичемъ, не будете роптать на мѣры для безопасности истинной свободы; только такое честолюбіе и дозволительно королю, который долженъ быть

главою, а не господиномъ». Поведеніе конфедераціи производило быструю перемѣну въ настроеніи умовъ. Многіе изъ тѣхъ, которые недавно радовались и даже сами способствовали паденію конституціи, стали вздыхать по ней. Квартированіе русскихъ войскъ, твердый властительный тонъ русскихъ генераловъ и безпрестанныя недоразумѣнія съ русскими войсками задѣвали національное шляхетское самолюбіе. Близость къ русскимъ и столкновенія съ ними пробуждали уснувшую на короткое время вѣковую вражду, которую носилъ каждый шляхетный полякъ въ своемъ сердцѣ къ русскому народу, а тутъ еще выѣхавшіе за границу сторонники 3-го мая составляли планы для измѣненія дѣлъ въ отечествѣ, и вліяли на оставшихся въ немъ своими письмами и сношеніями.

Въ ноябрѣ конфедерація издала универсалъ, въ которомъ жаловалась, что виновники несчастія Рѣчи - Посполитой раздуваютъ духъ несогласія; вмѣняла въ обязанность воеводскимъ конфедераціямъ и всѣмъ полицейскимъ властямъ закрывать и уничтожать всякія сходбища, особенно клубы, и предавать суду возмутителей спокойствія. Въ то же время генеральная конфедерація при такой строгости сдѣлала уступку, продолживъ срокъ для отреченія отъ конституціи 3-го мая и для акцесовъ къ конфедераціи еще на два мѣсяца, и тѣмъ давала знать, что предпринятое ею дѣло не такъ-то принимается въ Польшѣ, какъ она думала, что возстановленіе прежняго порядка вещей встрѣчаетъ почти такое же затрудненіе, какъ и устроеніе новаго.

Обвиненіе прежней патріотической партіи въ разрушительныхъ идеяхъ, угрожавшихъ старымъ порядкамъ въ Европѣ, были какъ нельзя болѣе на руку правительствамъ, замышлявшимъ уничтоженіе польскаго государства; они давали имъ поводъ въ свое время придраться именно къ этой сторонѣ дѣла. Генеральная конфедерація, увлекаясь злобою къ противникамъ, не видала и не соображала, что пускаетъ въ оборотъ такое мнѣніе, противъ котораго ей скоро придется самой ополчиться. Между тѣмъ желанію очернить противниковъ тѣнью новомодныхъ принциповъ, помогло и то, что папскій нунцій, 25-го ноября, прислалъ конфедераціи отъ св. отца поздравленіе, одобреніе и удовольствіе, что поляки возвратились къ старинѣ, какъ и слѣдовало народу, который всегда отличался преданностью къ римско-католической вѣрѣ. Такимъ образомъ составлялось мнѣніе, что переворотъ третьяго мая былъ плодомъ тѣхъ же ученій, которыя доводили Францію до 10-го августа, и слѣдовательно коалиція, составленная противъ того, что угрожало Европѣ, изъ Франціи могла также имѣть дѣло съ Польшею.

Въ противность новомодному либерализму, въ которомъ обвинялись противники, генеральная конфедерація хотѣла показать себя въ строгомъ духѣ соблюденія старинныхъ обычаевъ и уваженія къ религіозной внѣшности. По ея распоряженію отъ 28 ноября, коронные маршалки, по поводу наступившаго рождественскаго поста (адвента) запретили въ постные дни содержателямъ кофеенъ, шинковъ, ресторацій и редутовъ (собраній) музыку и танцы, подъ карою 500 гривенъ въ пользу убогихъ и больницъ. 17-го декабря конфедерація издала вновь универсалъ, гдѣ говорила, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на богохульства, прикрытыя плащемъ философіи, которыя допускаютъ нѣкоторые выродки отечества; «безбожіе современныхъ умниковъ дошло до того, что о Польшѣ оправдывается нѣкогда сказанное о ней однимъ иностраннымъ писателемъ: свобода совѣсти и богохульства наполнили Польшу такою заразою, какой никакая религія въ мірѣ не можетъ выносить. Конфедерація не хочетъ приневоливать никого къ исповѣданію господствующей религіи, но не можетъ дозволить рожденному въ нѣдрѣ христіанства обывателю не знать никакой религіи, хулить Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, издѣваться надъ святою религіею и тѣмъ самымъ заражать сердца невинныхъ, соблазнять простыхъ, обманывать слабыхъ, разсѣявать развратъ и молодыхъ сыновъ отечества, будущую его подпору и надежду, превращать въ дѣтей Веліала».

Главныя занятія конфедераціи, по отношенію къ союзнымъ русскимъ войскамъ, состояли въ доставленіи фуража войскамъ, и тутъ конфедерація обыкновенно наваливала доставку фуража и квартированія войскъ на тѣхъ помѣщиковъ, на кого была зла, а имѣнія своихъ совѣтниковъ увольняла отъ такихъ тягостей. По сношеніямъ съ русскимъ военнымъ начальствомъ конфедерація установила цѣны на фуражъ и сдѣлала распоряженіе, чтобы мѣстныя конфедераціи выдавали русскимъ командамъ *палеты*, гдѣ значилось, что слѣдуетъ брать столько-то и въ такихъ-то имѣніяхъ; тоже давалось равно и на подводы и на всякія потребы; если же гдѣ случалась отъ русскихъ обида, тамъ жители должны были подавать жалобы въ мѣстную конфедерацію, которая уже сносилась объ этомъ съ генеральною. Получать деньги за взятый провіантъ слѣдовало по квитанціямъ въ Варшавѣ, или тамъ, гдѣ находилась конфедерація. Такой порядокъ не способствовалъ тому, чтобы требованія обывателей удовлетворялись скоро. Недоразумѣнія между жителями и квартировавшими русскими войсками черезъ то не уменьшались, напротивъ усиливались. То и дѣло что отъ разныхъ мѣстныхъ конфедерацій поступали въ генеральную жалобы на утѣсненія отъ русскихъ войскъ;

русскіе (жаловались обыватели) вымогали фуражъ и провіантъболѣе положеннаго, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положено брать ихъ; не платили за то, что въ волостяхъ забирали, брали лишнія подводы, солдаты дѣлали жителямъ насилія, а военное начальство не оказывало правосудія, когда обиженные обращались къ нему. Генеральная конфедерація черезъ повѣреннаго императрицы, барона Билера, списывалась объ этомъ съ Коховскимъ, но результата никакого не было до самаго новаго года. «Надобно потерпѣть, писала генеральная конфедерація брестъ-куявской. За то намъ возвращается республиканская свобода; сердце трепещетъ какъ вспомнимъ, чтò намъ готовилось. Еще и теперь не отступаютъ отъ обольщенія наши враги новаторы, нарушаютъ права вольности, производятъ убійства, разбои, грабежи подъ именемъ защиты правъ человѣчества, забывая, что право собственности есть первое человѣческое право въ обществѣ».

Жалобы на русскихъ увеличивались зимою. Генеральная конфедерація, по полученнымъ жалобамъ, обращалась неоднократно къ Билеру о томъ, что за доставленный фуражъ и провіантъ не платятъ денегъ. Но русскіе офицеры съ своей стороны роптали, что поляки не доставляютъ провіанта въ магазины, при которыхъ они были приставлены. Конфедерація возражала, что жалобы со стороны русскихъ были несправедливы, и это доказывается квитанціями въ доставкѣ опредѣленнаго количества провіанта; при этомъ она замѣчала, что изъ доставленнаго провіанта не идетъ на солдатъ ничего, потому что солдатъ кормятъ хозяева, у которыхъ они были помѣщены; поэтому конфедерація просила установить коммиссію пополамъ изъ русскихъ офицеровъ и коммиссаровъ отъ конфедераціи, для разсмотрѣнія этого дѣла. Конфедерація недовольна была главнокомандующимъ россійскими войсками генералъ-аншефомъ Коховскимъ за то, что онъ распредѣлилъ равную раскладку на дымы, тогда какъ дымы, во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой, не представляли чего-нибудь однообразнаго; были дымы грунтовые, при которыхъ находилась земля, и были дымы огородные, мѣйскіе (городскіе) и халупные (бобыльскіе), не имѣющіе земли. Брать провіантъ слѣдовало только съ грунтовыхъ, а Коховскій включилъ въ число подлежащихъ повинностямъ и остальные. Послана была делегація къ Коховскому, просить расплатиться за забранный провіантъ, а впередъ провіантъ и фуражъ брать только за наличныя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось, что давно уже поданы были жалобы на разныя утѣсненія и оскорбленія, причиненныя русскими военными людьми, но удовлетворенія на нихъ не послѣдовало.

Эта делегація воротилась отъ Коховскаго безъ отвѣта, и кон-

федерація обращалась еще разъ къ Билеру съ объясненіемъ, что такой поступокъ генералъ-аншефа оскорбляетъ достоинство конфедераціи, которая, по волѣ народа, образуетъ теперь верховное правительство края. Заявленіе это ни къ чему не послужило, и генеральная конфедерація, не получивъ ни удовлетворенія по жалобамъ, ни расплаты за провіантъ, 21-го декабря писала къ барону Билеру, что она посылаетъ во всѣ воеводства приказаніе о сборѣ и доставкѣ россійскимъ войскамъ провіанта и фуража, съ замѣчаніемъ, что это дѣлается въ угодность барону, тогда какъ генеральная конфедерація знаетъ, что россійскіе солдаты кормятся на квартирахъ, и надѣется, что будетъ учреждена делегація, которая установитъ выгодныя для обѣихъ сторонъ средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ во всѣ воеводства черезъ мѣстныя конфедераціи универсалъ, о собраніи вновь провіанта и фуража для русскихъ войскъ. Генеральной конфедераціи опять пришлось утѣшать мѣстныя конфедераціи тѣмъ, что если русскія войска и надѣлали достаточно безчинствъ, то все-таки это дѣлалось противъ воли императрицы.

Впрочемъ, независимо отъ столкновеній и недоразумѣній, которыя были неизбѣжны при стеченіи въ краѣ многочисленнаго иноземнаго войска, въ войскѣ русскомъ было болѣе дисциплины и порядка, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ случаямъ, когда возникали жалобы на тягости отъ войска. Очевидцы, сколько-нибудь безпристрастные, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Укажемъ, напр., на Козьмяна. По его замѣчанію, многіе русскіе не только не относились съ высокомѣріемъ и надменностію къ полякамъ, какъ къ побѣжденнымъ, но чувствуя, что они, русскіе, ниже поляковъ по цивилизаціи, смотрѣли на послѣднихъ съ уваженіемъ и прилаживались къ ихъ обычаямъ, да и поляки часто принимали ихъ съ тѣмъ радушіемъ и добродушіемъ, которымъ всегда отличалось ихъ племя. Если кто изъ военныхъ гостей въ Польшѣ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя справедливыя жалобы, то это были казаки, которыхъ, при недостаткѣ строевой дисциплины, не всегда можно было удержать отъ произвола и безчинствъ, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшивалась традиціонная ненависть къ панамъ-ляхамъ, перешедшая отъ малоруссовъ и къ казакамъ великорусскаго происхожденія.

Сама конфедерація не представляла, однако, чего-нибудь стройнаго, согласнаго, напротивъ, обычная полякамъ безладица господствовала въ этомъ сборищѣ. Въ Литвѣ всемогущими были Коссаковскіе. Епископъ, носившій неважный титулъ инфлянтскаго (in partibus), поддѣлался къ Зубову и выпросилъ для себя въ администрацію краковское епископство, а вмѣстѣ съ нимъ до

[library stamp]

семи сотъ тысячъ годового дохода съ этого епископства. Эту сумму, послѣ смерти епископа Солтыка, четырехъ-лѣтній сеймъ отчислилъ отъ доходовъ епископства и обратилъ-было въ собственность скарба. Теперь, въ силу уничтоженія всѣхъ распоряженій сейма, признаннаго революціоннымъ и беззаконнымъ, эта сумма возвращена была администратору епископства, которымъ назначенъ Коссаковскій за услуги отечеству. Тѣмъ не менѣе, такое чрезмѣрное присвоеніе доходовъ, уже составлявшихъ государственное достояніе, возбудило неудовольствіе всей малопольской провинціи, и въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, подана была противъ этого распоряженія протестація за подписомъ всѣхъ совѣтниковъ въ означенной провинціи. Около братьевъ Коссаковскихъ роились многочисленные кліенты. Литовскіе дворяне, ради своихъ дѣлъ и видовъ, старались пріобрѣсть благосклонность этихъ сильныхъ міра въ Литвѣ, управлявшихъ безконтрольно Литвою по милости Россіи. Старикъ Сапѣга, выбранный маршаломъ литовской конфедераціи, былъ собственно орудіемъ въ рукахъ партіи Коссаковскихъ и пользовался только почетомъ, который окружалъ тогда его званіе. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій были врагами Коссаковскихъ, но между собою находились также въ непріязни. Браницкій былъ врагомъ Щенснаго и Ржевускаго, Ржевускій—врагомъ Потоцкаго и Браницкаго вмѣстѣ. У каждаго изъ нихъ были свои партіи, готовыя хоть сейчасъ на междоусобную брань, и если бы, въ такомъ положеніи, Россія оставила Польшу на произволъ судьбы, то несогласія между конфедератами разразились бы кровавыми смутами. По всеобщему отзыву современниковъ, въ томъ числѣ русскихъ, тогда господствовало ужасающее безправіе, насилія, безстыдное обирательство и грабежи, въ конфедераціонныхъ судахъ было крайнее кривосудіе. Конфедераты овладѣвали чужими имѣніями и были оправдываемы, когда на нихъ искали судомъ. По инымъ дѣламъ назначались особыя коммиссіи, которыя рѣшали дѣла неправильно и пристрастно. Прикрываясь силою конфедераціи, можно было совершать всякія самоуправства. «Конфедерація—замѣчаетъ Сиверсъ, бывшій русскимъ посломъ послѣ Булгакова—хотя вначалѣ и оказала намъ услуги, но потомъ надѣлала намъ же несравненно болѣе зла своимъ неправосудіемъ, насильствами, грабежами, именно тѣмъ, что все это производилось подъ охраною русскаго оружія, и подъ покровительствомъ Россіи дозволено было ей имѣть неограниченное вліяніе на занятіе должностей, и особенно на судебные приговоры, чрезъ что она заслужила великую ненависть».

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗУБАКИНЪ

III.

Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши. — Делегація въ Петербургѣ. — Тревога конфедераціи.

Самостоятельность Польши болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлалась невозможною. Россія не могла уже ее оставить, потому что никогда еще не была такъ сильна надъ нею. Прусскій король, не выманивъ у поляковъ Гданска и Торуня прежде, теперь увидѣлъ предъ собою самое удобное время пріобрѣсти инымъ путемъ отъ Польши болѣе того, сколько онъ просилъ поляковъ уступить ему добровольно. Велась война съ Франціею. Прусскій король участвовалъ въ ней какъ союзникъ Австріи и домогался за труды и издержки вознагражденія насчетъ Польши. Австрія могла согласиться на это съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ и ей также слѣдовало вознагражденіе. Въ іюнѣ, посланникъ русской императрицы въ Вѣнѣ, Разумовскій, говорилъ, что Австріи всего бы сподручнѣе вознаградить себя обмѣномъ Баваріи на Бельгію, — проектъ этотъ имѣла Австрія давно; исполненію его помѣшалъ когда-то Фридрихъ Великій. Когда Разумовскому замѣтили, что въ такомъ случаѣ прусскій король захочетъ также равной части, то Разумовскій отвѣчалъ, что теперешній прусскій король не сталъ бы мѣшать, какъ прежній.

Австрія принялась за эту мысль. Францъ уѣхалъ въ Франкфуртъ, гдѣ 14-го іюля принялъ императорскую корону, а 19-го имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Майнцѣ, и здѣсь въ первый разъ произошла конференція, гдѣ присутствовали австрійскіе и прусскіе дипломаты и обѣ стороны высказали прямо и ясно свои желанія. Пруссія объявила, что за участіе въ войнѣ противъ Франціи она желаетъ вознагражденія въ Польшѣ; Австрія объявила, что желаетъ промѣна Бельгіи на Баварію, но при этомъ Австрія находила, что вознагражденіе будетъ неравномѣрно, Пруссія получитъ больше, Австрія останется въ убыткѣ на два милліона, а потому будетъ справедливо, если Австрія вознаградится еще, сверхъ вымѣна Баваріи, хотя бы принадлежащими Пруссіи, недавно уступленными ей отъ маркграфа княжествами Аншпахомъ и Байрейтомъ. Но Пруссія сразу на это не согласилась. Дѣла не кончили.

Сношенія продолжались потомъ между прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Гаугвицемъ, и вѣнскимъ министромъ Шпильманомъ.

Самъ король прусскій отправился въ походъ на Францію. Сначала союзники думали, что имъ ничего не будетъ стоить раз-

считаться съ Франціею. Эмигранты увѣряли, что къ нимъ присоединится сильное войско изъ недовольныхъ, что вся Франція приметъ союзниковъ какъ освободителей, что громада народа недовольна переворотомъ, и что она въ душѣ осталась вѣрна прежнему порядку, готова умирать за своихъ королей и за свое дворянство, а съ противной стороны между французскими либералами раздоры и несогласія, слѣдовательно успѣхъ коалиціи не подлежитъ сомнѣнію. Сама Екатерина такъ думала и считала Францію чѣмъ-то въ родѣ своей сосѣдки Польши.

25-го іюля публикованъ былъ грозный манифестъ къ французамъ, съ подписью предводителя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго: предлагались французамъ милости австрійскаго императора и прусскаго короля, если они будутъ покорными подданными своего государя; въ случаѣ же, если французы окажутъ малѣйшее оскорбленіе или стѣсненіе своему королю, его фамиліи и тюльерійскому двору, то грозили произвести надъ Парижемъ такую примѣрную экзекуцію и такъ перевернуть въ немъ все вверхъ дномъ, что французы это навсегда будутъ помнить. Такой манифестъ, вмѣсто того, чтобы испугать французовъ, побудилъ ихъ только поскорѣе покончить съ монархіею, висѣвшею на волоскѣ. 10-го августа низвели короля, объявили республику; 2-го сентября перерѣзали въ тюрьмахъ друзей стараго порядка, а 20-го того же мѣсяца показали пруссакамъ обратную дорогу изъ Франціи. Послѣ безполезной канонады при Вальми, прусскія войска отступили назадъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ, страдая равнымъ образомъ отъ проливныхъ дождей и грязи, какъ и отъ смертельнаго поноса, распространившагося между нѣмецкими солдатами. Послѣ этого союзными державами устроено было въ Люксембургѣ совѣщаніе о томъ, что̀ дѣлать далѣе. Со стороны Пруссіи были находившійся въ Вѣнѣ посланникомъ Гаугвицъ и Луккезини, со стороны Австріи баронъ Шпильманъ и князь Рейссъ. Россію изображалъ посланникъ при прусскомъ дворѣ, Алопеусъ, а баронъ Бретейль представлялъ лицо Людовика XVI, тогда уже сидѣвшаго въ заключеніи въ Тамплѣ. Квартира прусскаго короля находилась недалеко отъ Люксембурга, въ селеніи Мерль. Послѣ совѣщаній, подана была прусскими уполномоченными подписанная королемъ нота, гдѣ было заявлено, что такъ какъ предпринятый походъ стоилъ издержекъ и траты людей, и оказывается, что дальнѣйшее продолженіе войны потребуетъ еще бо̀льшихъ утратъ, то его прусское величество не иначе будетъ принимать въ ней участіе на будущее время, какъ пожелавши вознагражденія въ виду будущихъ своихъ издержекъ и усилій. Это вознагражденіе должно

состоять въ присоединенiи къ Пруссiи извѣстной полосы Польши. Ихъ величества императоръ и русская императрица пусть признаютъ за нимъ это право, и онъ вступитъ въ дѣйствительное владѣнiе этими польскими землями.

Подавши такую ноту, прусскiе уполномоченные подали и карту Польши, на которой проведена была линiя, показывавшая, чего желаетъ его прусское величество. Предлагалась при этомъ двоякая сдѣлка отъ его прусскаго величества. Если отъ него будутъ требовать большихъ услугъ, то слѣдуетъ заплатить его прусскому величеству пощедрѣе Польшею, а если услугъ потребуется меньше, то и польской земли прусское величество получитъ менѣе. Такимъ образомъ, если согласятся отдать прусскому королю то, что онъ намѣтилъ на картѣ, онъ обѣщался дѣятельно вести войну и самъ идти въ походъ во Францiю, а если не согласятся на означенную имъ пропорцiю, то обѣщалъ только двадцать тысячъ вспомогательнаго войска и все же за это требовалъ части Польши по сопредѣльности съ границами его государства.

Это требованiе не могло быть рѣшено тотчасъ на мѣстѣ. Уполномоченные должны были представить его на обсужденiе своимъ дворамъ, и потому, вслѣдъ за тѣмъ, началась переписка съ австрiйскимъ и русскимъ дворомъ, и продолжалась всю осень. Императрица держалась системы водить прусскаго короля во-первыхъ для того, чтобы возбудить въ немъ расположенiе уступить Россiи то, чего послѣдняя пожелаетъ для себя; во-вторыхъ, она для своихъ плановъ хотѣла, чтобы Австрiя не только дала свое согласiе, но сама бы ходатайствовала за прусскаго короля; въ-третьихъ, ей хотѣлось такимъ образомъ свалить съ себя починъ въ этомъ дѣлѣ, которое, разумѣется, должно было имѣть очень важныя послѣдствiя на грядущiя времена. Графъ Остерманъ писалъ прусскому двору такiя депеши, изъ которыхъ прусскiй дворъ не могъ получить яснаго отвѣта на свои представленiя.

Не добившись толку отъ Россiи прямо, Пруссiя обращалась къ посредничеству Австрiи, чтобы Австрiя съ своей стороны склонила Россiю. Австрiя стала недовольна, однако, промѣномъ Баварiи на Бельгiю, и имѣла причину быть недовольною, тѣмъ болѣе, что возможность этого факта подвергалась сомнѣнiю, потому что, послѣ изгнанiя союзниковъ изъ Францiи, французы заняли Бельгiю. Нельзя было поручиться, что пфальцскiй князь-избиратель, наслѣдникъ Баварiи, хотя соглашавшiйся на промѣнъ, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, согласится на тоже. Австрiя, чтобы удержать за собою право обмѣна, заявляла еще желанiе получить часть Польши, хотя временно, съ обязанностью возвратить ее, если только Австрiя можетъ быть

вознаграждена инымъ образомъ. Это желаніе не встрѣтило согласія со стороны Россіи, а Пруссія, ссылаясь на послѣднюю, тоже старалась отклонить Австрію отъ ея требованій. Екатерина побуждала прусскаго короля продолжать войну съ Франціею, признавала за нимъ вполнѣ право вознагражденія, но уклонялась отъ прямого согласія на занятіе Польши, а прусскій король упирался, ни за что не хотѣлъ продолжать войны, прежде чѣмъ союзныя государства не дадутъ ему согласія вступить въ Польшу, и притомъ такъ, чтобы занятіе польскихъ провинцій не зависѣло отъ удовлетворенія Австріи. Австріи когда-то удастся получить въ Баваріи или въ Польшѣ, а прусскій король хотѣлъ немедленно ввести войска въ Великую Польшу и присоединить ее къ своему государству.

Какъ ни упиралась съ своей стороны Австрія, но планъ ея пріобрѣсти Баварію и попользоваться насчетъ Франціи могъ удаться только при успѣхѣ войны, успѣхъ же войны зависѣлъ отъ участія прусскаго короля; а какъ прусскій король не хотѣлъ продолжать войны, не занявши Польши, то Австрія должна была сдѣлать угодное прусскому королю. Министру ея при петербургскомъ дворѣ дано порученіе просить императрицу о согласіи на то, чтобы его величество прусскій король немедленно вступилъ во владѣніе польскими землями, которыя онъ желаетъ пріобрѣсть въ качествѣ вознагражденія, независимо отъ осуществленія видовъ императора на Баварію или на соотвѣтственныя польскія провинціи. Императрица приказала, наконецъ, 5-го декабря 1792 г., вице-канцлеру Остерману дать рѣшительный отвѣтъ графу Гольцу, прусскому посланнику, содержащій согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Гольцъ подалъ карту, гдѣ его король обозначилъ демаркаціонную линію отъ Ченстохова у силезской границы, черезъ Раву до Сольдау, на сѣверной границѣ Польши съ восточной Пруссіею, такъ что города Гданскъ, Торунь, Лэнчица, Сѣрадзь, Піотрковъ, Калишъ, Гнѣзно и Познань отходили къ Пруссіи. Это, на вѣжливомъ дипломатическомъ языкѣ, называлось округленіемъ (arrondissement) границъ.

Съ своей стороны россійская императрица назначила линію, означавшую пространство, какое было ей угодно присоединить отъ Польши для округленія послѣдней. Сообщая объ этомъ своему королю, прусскій посланникъ въ Петербургѣ не оставилъ назвать такого рода заявленіе императрицы чрезмѣрными притязаніями (die enormen Ansprüche). Мнѣніе Екатерины препровождено было прусскому королю 5-го (16-го) декабря, а окончательный

договоръ былъ подписанъ уже 12-го (23-го) января 1793 года, въ Петербургѣ.

Несмотря на то, что эти переговоры велись въ строгомъ секретѣ, гамбургскія газеты еще въ ноябрѣ напечатали, въ видѣ частныхъ писемъ, о собирающейся надъ Польшею грозѣ, и вслѣдъ затѣмъ конфедерація получила конфиденціальныя извѣстія отъ командира польскаго войска въ Великой Польшѣ, Ожаровскаго, что въ Пруссіи пошли слухи о готовности ввести прусскія войска во владѣнія Рѣчи-Посполитой въ скоромъ времени. Маршалы генеральной конфедераціи въ испугѣ обратились конфиденціально къ барону Билеру отъ 22-го ноября. «Генеральная конфедерація — сказано было въ письмахъ маршаловъ — считаетъ эти слухи ложными, выдуманными и распространенными съ цѣлью отравить довѣріе гражданъ и волновать умы, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ нужнымъ объяснить націи какъ можно скорѣе всю лживость подобной клеветы и упрочить внутреннее спокойствіе, а потому конфедерація вмѣняетъ себѣ въ обязанность объясниться съ прусскимъ посланникомъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 5-го декабря, конфедерація отнеслась къ Бухгольцу, замѣнившему Люккезини. Въ нотѣ конфедераціи было сказано: «Польская Рѣчь-Посполитая вѣритъ неизмѣнному доброму расположенію и союзу наияснѣйшаго прусскаго короля и подобные слухи признаетъ ложью, преднамѣренно разсѣеваемою тѣми, которые хотятъ внушить націи недовѣріе къ сосѣдской дружбѣ прусскаго короля, возбудить въ умахъ тревогу и возмутить спокойствіе, но, для утишенія всего этого, категорическій отвѣтъ Бухгольца былъ бы вѣрнѣйшимъ и приличнѣйшимъ средствомъ. Конфедерація не можетъ сомнѣваться, что Бухгольцъ не замедлитъ дать ей утѣшительный отвѣтъ».

Желаннаго отвѣта пришлось конфедераціи ждать болѣе мѣсяца. Изъ Петербурга между тѣмъ вѣяли успокоительныя вѣсти. Посланникомъ при императорскомъ дворѣ, вмѣсто отставленнаго Деболи, оказавшагося сторонникомъ майской конституціи, назначенъ былъ Вьельгорскій. Еще въ сентябрѣ отправлена была депутація къ императрицѣ; на челѣ ея былъ гетманъ Браницкій. Съ нимъ отъ Короны были гетманъ польскій Ржевускій, Грановскій, Миръ и Вьельгорскій а изъ Литвы гетманъ польскій Коссаковскій, другой Коссаковскій (воеводичъ витебскій), князь Радзивиллъ (сынъ виленскаго воеводы), Сапѣга (сынъ канцлера) и троцкій каштелянъ Пляттеръ.

14-го ноября эта депутація представлялась Екатеринѣ и приносила благодарность за возстановленіе старопольской свободы. «Уже — говорилъ Браницкій — полякъ, подавляемый грознымъ бре-

менемъ, началъ преклонять колѣна предъ божествомъ, невѣдомымъ ему отъ вѣковъ и съ отчаяніемъ взиралъ на вѣковые кандалы, которые должны были связывать его правнуковъ. Но Богъ и Екатерина воззрѣли на него. Обольстительный истуканъ палъ; его творцы и почитатели разбѣжались, полякъ возсталъ, подобно своимъ предкамъ свободный, и простеръ руки къ небу, а полные чувствительности очи къ своей избавительницѣ! О, если бы возвращенная свобода сдѣлалась вѣчно неизмѣняемымъ счастіемъ для польскаго народа! Полякъ жаждетъ этого и видитъ свое счастіе только въ вѣчномъ союзѣ съ краями, которые Провидѣніе вручило вѣчно памятному твоему скипетру».

Отъ имени императрицы отвѣтилъ делегаціи вице-канцлеръ въ такихъ выраженіяхъ: «въ чувствахъ сосѣдняго вольнаго и дружелюбнаго народа императрица видитъ себѣ награду за стараніе, оказанное ею для возстановленія древней свободы и независимости Польши». Онъ передалъ удовольствіе императрицы за предложеніе союза между двумя государствами. «Я имѣю приказаніе — сказалъ онъ въ концѣ — сообщить почтенной делегаціи взаимное желаніе ея величества такого естественнаго союза и увѣрить всѣхъ членовъ ея въ высокомъ вниманіи къ ней ея императорскаго величества».

Затѣмъ нѣсколько времени оставались поляки въ Петербургѣ. Ихъ забавляли празднествами и увеселеніями. Кромѣ делегатовъ въ Петербургѣ то и дѣло пріѣзжали поляки по собственнымъ дѣламъ: кто просить староства, кто получить орденскую ленточку. Жившій въ то время въ Ливоніи графъ Сиверсъ, будущій рѣшитель судьбы Рѣчи-Посполитой, видя какъ они сновали мимо его имѣнія черезъ Вольмаръ, замѣчалъ: «этакъ они цѣлый Петербургъ запрудятъ! Вотъ что значитъ насмѣхаться надъ свободою; французы такъ не смѣялись надъ своею, когда раздѣлались съ герцогомъ брауншвейгскимъ».

Императрица всѣхъ обворожила своею благосклонностію. Въ числѣ пріѣзжавшихъ былъ Михаилъ Огинскій, бывшій сторонникъ конституціи 3-го мая, племянникъ бывшаго гетмана литовскаго; онъ пріѣзжалъ просить о снятіи секвестра съ своихъ имѣній. Получивъ желаемое, онъ, какъ разсказываетъ самъ въ своихъ запискахъ, представляясь любимцу императрицы графу Зубову, изъявилъ желаніе оставить навсегда свое отечество, предвидя, что Польша быть можетъ опять подвергнется раздѣлу.

«Выкиньте это изъ головы, сказалъ Зубовъ. Эти сказки сочиняютъ враги Россіи. Императрица принимала къ сердцу судьбу польскаго народа, съ сожалѣніемъ видѣла сѣти, которыя разставляетъ Польшѣ прусскій король, и бездну, куда хотѣли

ее ввергнуть французскіе революціонеры. Но поляки были глухи ко всѣмъ благоразумнымъ совѣтамъ, которые имъ давались посредствомъ русскаго посланника въ Варшавѣ, и потому императрица склонилась къ мольбамъ знатнѣйшихъ членовъ сейма, думавшихъ разсудительнѣе, чѣмъ другіе, послала войска свои затѣмъ только, чтобы спасти Польшу. Вы думаете, императрицѣ нужны новыя пріобрѣтенія? Да развѣ бы она не могла, если бы хотѣла, овладѣть Турціею и посадить на престолъ въ Константинополѣ своего внука? Польша для нея болѣе полезна въ дружескомъ союзѣ, какъ оплотъ противъ остальной Европы. Пусть себѣ кричитъ въ вашихъ провинціяхъ это мелкое шляхетство, не знающее само, чего ему хочется, — ваши якобинцы санкюлоты, которымъ терять нечего, да ваши старые барскіе конфедераты. Люди умные, которыхъ въ вашей землѣ много, могутъ ли допустить, чтобы русская императрица согласилась на раздѣлъ Польши? Увѣряю васъ, что не таковы ея намѣренія, и если вы узнаете величіе ея души и благородство ея чувствъ, то первый станете уничтожать въ вашей землѣ ложные слухи, возникшіе по этому поводу». Такъ относилась Россія къ тревогѣ, возникшей въ Польшѣ по поводу гамбургскихъ газетъ.

Намѣренія императрицы и сношенія съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши хотѣли сохранить въ непроницаемой тайнѣ до тѣхъ поръ, когда придетъ время нанести роковой ударъ. Англійскій посолъ Уисвортсъ, наканунѣ послѣдняго формальнаго договора съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши, говорилъ съ Марковымъ объ этомъ предметѣ. Тогда Англія уже пристала къ коалиціи противъ Франціи. Англійскій посолъ изъяснялъ, что его государству было бы очень прискорбно, если бы въ тотъ самый моментъ, когда лондонскій дворъ готовится дѣйствовать за одно въ честномъ и справедливомъ дѣлѣ, приводился въ исполненіе планъ, который могъ только увеличить безпорядокъ въ Европѣ и которому противодѣйствовать всѣ обязаны. «Я надѣюсь,—говорилъ онъ,—что ея величество никогда не можетъ быть участницею такого дѣла, но естественнымъ образомъ на ея величество будетъ падать отчасти негодованіе, возбуждаемое такимъ несправедливымъ поступкомъ, если онъ предпринятъ будетъ въ ту минуту, когда оба двора показываютъ сильнѣйшіе знаки дружбы и довѣрія, и объявляютъ Европѣ возстановленіе полнѣйшей гармоніи, которая къ несчастію была нарушена». Марковъ уклонился отъ объясненія того, что желалъ объяснить англичанинъ и отвѣчалъ только въ общихъ выраженіяхъ, распространялся о томъ, что императрица возложила на себя большія заботы и потерпѣла много убытковъ для возстановленія порядка въ Польшѣ.

«До сихъ поръ — сказалъ онъ, — все, что было сдѣлано, оказало противныя послѣдствія, а для сосѣдственныхъ республикѣ странъ необходимо освободиться отъ препятствій въ этомъ отношеніи, чтобы имѣть возможность направить свои силы въ иную сторону. Я не думаю, чтобы опасенія поляковъ были основательны; мѣры, предпринятыя прусскимъ королемъ, равно и тѣ мѣры, какія избирала или будетъ избирать Россія, скорѣе мѣры предосторожности, чѣмъ планы присвоенія какой бы то ни было части польской территоріи».

Когда трактатъ о раздѣлѣ былъ уже окончательно подписанъ, а прусскій король ввелъ свои войска въ Польшу, англійскій посолъ, узнавъ объ этомъ 29-го января, опять обратился къ Маркову съ просьбою, удѣлить ему, какъ представителю союзной державы, свѣдѣнія: какія мѣры принимаются по отношенію къ Польшѣ и вмѣстѣ сообщилъ ему свои основанія на счетъ слуховъ о предстоящемъ раздѣлѣ. «Подобный поступокъ въ такую минуту — говорилъ Уисвортсъ — до крайности опасенъ и вѣроятно обратитъ въ противную сторону общественное мнѣніе въ Англіи, которое теперь благопріятно защищаемому нами дѣлу; такимъ образомъ онъ помѣшаетъ согласію, столь желаемому и полезному. Кромѣ того, такое сильное средство напугаетъ и другія страны, которыя уже готовы участвовать въ войнѣ противъ Франціи. Поступокъ этотъ навлечетъ въ высшей степени непопулярность предпріятію противъ Франціи и поможетъ французамъ сильнѣе, чѣмъ сколько они сами надѣются». — «Поступокъ, котораго вы боитесь, — сказалъ Марковъ — не будетъ исполненъ; въ этомъ можете увѣрить вашъ дворъ. Я не беру на себя предсказывать то, что будетъ позже, но въ настоящее время дѣло стоитъ на основаніи объявленія его величества прусскаго короля, и не принимается дальнѣйшихъ шаговъ, которые могли бы обезпокоить Польшу».

Конфедерація, между тѣмъ, удвоила ревность въ занятіи внутренними дѣлами. 8-го декабря назначили коммиссію для пересмотра литовскаго статута. Желая расположить къ себѣ сколько-нибудь и мѣщанское сословіе, которое имѣло поводъ сожалѣть о конституціи 3-го мая, она предписала отъ пяти значительнѣйшихъ городовъ изъ каждой провинціи (въ Великой Польшѣ отъ Познани, Калиша, Варшавы, Піотркова, Всхова, и въ Малой Польшѣ отъ Кракова, Люблина, Сендомира, Каменца, Житомира, въ литовскомъ великомъ княжествѣ отъ Вильны, Гродно, Ковно, Минска и Бреста) прислать по два депутата, выбравъ ихъ изъ числа давнихъ мѣщанскихъ жителей — непремѣнно изъ такихъ лицъ, которые до 1790 года были въ мѣщанскомъ зва-

нія, для представленія по 15-е февраля 1793 г. просьбъ и желаній своихъ въ Гродно. Другимъ городамъ дозволили, по желанію ихъ, доставлять въ генеральную конфедерацію свои заявленія и мнѣнія. Съ другой стороны, всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ объявлено, что отселѣ они возводятся въ сенаторское званіе и являются въ конфедераціи наравнѣ съ каштелянами. Объявлено, чтобы къ 15-му февраля всѣ, кто пожелаетъ, представляли проекты устройства правленія и общественнаго порядка на будущее время, а для разсмотрѣнія проектовъ выбрана была изъ членовъ конфедераціи депутація, которая должна была изъ прежнихъ законоположеній извлечь кардинальные или основные законы для Польши, сдѣлавъ это такъ, чтобы вольность каждаго обывателя была ограждена отъ интригъ, устроить администрацію такъ, чтобы исполнительная власть не могла нарушать общественной и личной свободы, и управленіе дѣлами въ воеводствахъ не могло быть поглощено высшею наблюдательною властью, указать мѣры, чтобы войско могло быть только полезно, а не страшно отечеству, и наконецъ, чтобы былъ обезпеченъ вѣчный и неизмѣнный миръ съ сосѣдями.

Къ 15-му февраля должны съѣхаться всѣ депутаты, а потомъ будетъ созванъ сеймъ, долженствующій утвердить форму правленія въ республиканскомъ духѣ. На вѣчную память грядущимъ поколѣніямъ установлена была медаль въ память освобожденія Польши; она была установлена еще 5-го декабря, но къ раздачѣ поступила 5-го января [1]).

Среди такихъ постановленій 16-го января 1793 года появилась зловѣщая нота прусскаго посла Бухгольца. Въ ней было сказано, что въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма и правила ужасной секты: якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы;— въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ, и сокрываетъ въ себѣ большое число поклонниковъ фальшиваго патріотизма; ихъ связи съ французскими клубами внушаютъ прусскому королю опасеніе за безопасность собственныхъ владѣній и принуждаютъ его прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ. Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ австрійскимъ и россійскимъ дворами, и оба союзные двора признали, что здравая

[1]) Посреди вѣнца слова: Civibus quorum pietas conjuratione die tertia mai 1791 obrutam et deletam libertatem polonam tueri conabatur Respublica resurgens; около надпись: gratitudo concivibus exemplum posteritati. На другой сторонѣ по срединѣ: Decreto Reipublicae nexu confederationis junctae quinta decembris 1792. Regnante Stanislawo-Augusto. На рубчикѣ вѣсъ серебра: ex marca pura colon. $10^7/_{16}$.

политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ, и такимъ образомъ имѣть въ тылу у себя непріятеля, котораго зловредныя попытки могутъ сдѣлаться источникомъ новыхъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе, что пограничные края прусскаго государства уже испытали всякаго рода нарушенія территоріи со стороны поляковъ. По этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска подъ командою генерала Мёллендорфа для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія. На жителяхъ лежитъ обязанность принять эти войска и снабжать ихъ продовольствіемъ, а генералъ Мёллендорфъ обязанъ платить за доставленное и удерживать подначальныя ему войска въ надлежащей дисциплинѣ.

Генеральная конфедерація на эту ноту поручила канцлеру Малаховскому дать отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Дѣло конституціи 3-го мая, со всѣми его вредными послѣдствіями для спокойствія отечества, уже уничтожено при помощи императрицы и генеральная конфедерація отъ 28-го ноября 1792 года уже запретила всякіе клубы, угрожая суровымъ наказаніемъ ихъ составителямъ; затѣмъ туземное польское правительство имѣетъ достаточно силы для удержанія спокойствія, особенно при сильной и великодушной помощи императрицы, почему проситъ прусскаго короля удалить изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой свои войска, и въ надеждѣ, что прусскій король исполнитъ ея просьбу, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій относительно содержанія прускихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу. Что же касается до нарушенія прусской территоріи, то конфедерація желаетъ знать подробно, въ чемъ оно состоитъ, и кто виноватъ въ этомъ, дабы предать виновныхъ достойному наказанію».

Сообразно съ наказомъ, даннымъ конфедераціею отъ 20-го января, канцлеръ Малаховскій, 23-го января, подалъ Бухгольцу отвѣтъ на его ноту и между прочимъ выразился такъ: «Положеніе дѣлъ въ Польшѣ удаляетъ всякую возможность какого бы то ни было безпорядка, угрожающаго спокойствію прусскихъ владѣній и могущаго служить его величеству прусскому королю поводомъ ко введенію своихъ войскъ въ Польшу, а потому наияснѣйшая конфедерація остается въ полномъ убѣжденіи, что этотъ справедливый и великодушный монархъ отмѣнитъ выданные приказы и пожелаетъ черезъ то даровать новое доказательство своего благорасположенія къ Рѣчи-Посполитой и умножить то взаимное довѣріе, которое должно соединять два сосѣдственныя дружественныя государства».

Въ одинъ и тотъ же день, когда конфедерація послала Малаховскому инструкцію объ отвѣтѣ на прусскую ноту, она отпра-

вила письмо къ Екатеринѣ, жаловалась на поступокъ прусскаго короля, замѣчала, что онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на умы, просила о содѣйствіи императрицы къ тому, чтобы убѣдить прусскаго короля отмѣнить свой приказъ, и выражалась такъ: «мы не боимся за наши лучшія провинціи, колыбель польскаго государства, но Рѣчь-Посполитая, возстановленная вашимъ величествомъ, желаетъ не имѣть другого счастія, какъ пользоваться спокойствіемъ и цѣлостью, достигнутыми собственными возможными усиліями и благодѣяніями вашего величества».

Въ тоже время генеральная конфедерація показывала видъ, что поступокъ короля прусскаго для нея еще не очень страшенъ; она, по поводу введенія прусскимъ королемъ своихъ войскъ въ польскія владѣнія, приказывала всѣмъ офицерамъ, взявшимъ отпускъ, возвратиться къ своимъ корпусамъ на службу, а командирамъ пѣшихъ полковъ немедленно, изъ вакантныхъ кассъ, находящихся при корпусахъ, покупать лошадей подъ батальонныя орудія и аммуниціонные возы; впрочемъ, всѣмъ войскамъ приказывалось сохранять строгое спокойствіе и отнюдь не начинать непріязненныхъ дѣйствій съ пруссаками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I *).

Отозваніе Булгакова.—Назначеніе Сиверса.—Игельстромъ.—Прибытіе Сиверса.—Обращеніе Сиверса съ королемъ. — Его выѣздъ въ Гродно [1])

Въ Варшавѣ совершилась великая перемѣна лицъ, грозившая приближеніемъ грозъ. Послѣ торжества конфедераціи и прибытія русскихъ войскъ, столица на время какъ будто забыла потрясеніе края, паденіе конституціи, въ честь которой такъ недавно и такъ шумно пировала; все въ ней пахло праздникомъ: балъ за баломъ, обѣдъ за обѣдомъ; поляки какъ будто радовались гостямъ—братъ любимца императрицы, Валеріанъ Зубовъ, казалось, хотѣлъ превзойти пышностію своего гостепріимства поляковъ; польскія дамы плѣняли сердца русскихъ генераловъ; самъ Зубовъ былъ у ногъ Потоцкой, первой красавицы въ Польшѣ, жены самаго безобразнѣйшаго по наружности и одного изъ умнѣйшихъ людей въ Польшѣ, предпріимчиваго Прота Потоцкаго. Слѣдуя примѣру Зубова и другіе русскіе были безъ

[1]) См. источники №№ 3, 1, 18, 23, 30, 34, 38, 47, 71, 80, 84, 87, 88, 91, 111, 112, 115.

ума отъ очаровательныхъ полекъ. Но веселость Варшавы была только наружная; за этою веселостью чувствовались грусть, смущеніе и ожиданіе чего-то ужаснаго. Это замѣтилъ русскій посолъ. Всѣхъ грустнѣе былъ самъ король, часто удалялся отъ большого общества и проводилъ время въ кругу своихъ племянницъ, Мнишковой и Тышкевичъ.

Въ это время императрица, готовясь къ великому шагу, перемѣнила нѣкоторыхъ своихъ дѣятелей въ Польшѣ. Вмѣсто Коховскаго назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ баронъ Игельстромъ; надъ войскомъ, стоявшимъ въ Литвѣ и въ Украинѣ, главнокомандующимъ былъ генералъ-аншефъ Кречетниковъ. Неугоденъ императрицѣ сталъ и Булгаковъ; говорятъ, что ему повредилъ рагузинецъ Альтести, котораго онъ вывезъ изъ Константинополя, облагодѣтельствовалъ, въ люди вывелъ, рекомендовалъ Зубову: теперь онъ въ благодарность рылъ подъ нимъ яму при дворѣ. Впрочемъ, отозваніе Булгакова произошло и потому, что императрица разсчитывала предстоявшее дѣло возложить на личность, болѣе чѣмъ всякая другая, способную къ такому дѣлу; личность эта былъ Яковъ Евфимовичъ Сиверсъ, бывшій нѣкогда новгородскимъ губернаторомъ, и не ладившій съ Потемкинымъ, вслѣдствіе чего онъ нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Теперь императрица вспомнила о немъ и призвала его снова къ дѣятельности.

Трудно быто найти человѣка, болѣе подходящаго къ дѣлу, какъ графъ Сиверсъ. Несмотря на старость, это былъ человѣкъ въ высокой степени дѣятельный и проницательный, легко схватывавшій положеніе, въ которомъ находился, узнающій насквозь и оцѣнивающій людей, не пылкій, не заносчивый, но ни на минуту не терявшій своего достоинства, хладнокровно разсматривающій вещи въ ихъ надлежащемъ видѣ, не злой и не упрямый, не дѣлавшій ничего по своенравію, безмѣрно терпѣливый, мягкій къ человѣческому несчастію, но твердый какъ камень въ исполненіи избраннаго средства, неподатливый впечатлѣніямъ и потому неспособный ни выйти изъ себя, ни дать провести себя. Для него въ дѣлѣ было одно дѣло; онъ видѣлъ ясно цѣль свою, умѣлъ находить прямыя дороги и простѣйшія средства, ведущія къ этой цѣли, не отступалъ съ нихъ ни шагу, не бросался въ сторону, не размѣнивался на мелочи; добродушный съ виду и съ постоянною простодушною улыбкою, вѣжливый въ обращеніи, онъ не вдавался въ реторику, умѣлъ помолчать тамъ, гдѣ нужно было молчаніемъ сказать болѣе, чѣмъ языкомъ, говорилъ мало и дѣльно, и даромъ не отступалъ отъ своего слова. Это былъ человѣкъ, какого именно въ Польшѣ въ

то время было нужно, который бы полякамъ былъ и страшенъ, и въ тоже время пріятенъ.

Такого старика избрала Екатерина. Вызванный изъ своего имѣнія въ Петербургъ, онъ получилъ отъ 22 декабря рескриптъ отъ императрицы такого содержанія. Государыня вспомнила, какъ она, со вступленія своего на престолъ, заботилась о сохраненіи вольности и независимости Польши, и удерживала алчность и жадность другихъ дворовъ, но обстоятельства вынудили ее согласиться на раздѣлъ Польши въ 1773, навлеченный междоусобіями поляковъ. «Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ — выражалась она—что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависитъ отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самыми бѣдствіями». Указавъ, что вины поляковъ противъ Россіи побудили императрицу пригласить къ своему двору недовольныхъ произведенными въ Польшѣ перемѣнами и составить конфедерацію, Екатерина высказывала очень нелестное мнѣніе о составителяхъ конфедераціи, замѣчала, что всѣ они, исключая Щенснаго Потоцкаго, помышляли не о благѣ отечества, а о своихъ личныхъ и корыстолюбивыхъ видахъ и при соглашеніи ихъ съ русскимъ министерствомъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія «примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщавшихъ ни единодушія, ни прочности въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось.» Она считала признаніе конфедераціи со стороны Станислава-Августа поступкомъ неискреннимъ и упрекала его въ томъ, что онъ, какъ ей, по ея словамъ, было достовѣрно извѣстно, продолжаетъ возбуждать питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ Россіи и ея войскамъ. Но болѣе всего безпокоило императрицу то, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе якобинскихъ и французское ученіе могло оттуда распространиться по всей Польшѣ и коснуться границъ ея сосѣдей. «Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости—говорила Екатерина въ своемъ рескриптѣ—каковыхъ бы опасеніе столь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въ ономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно, во-1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непо-

стоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовству французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во-2) что неподатливостью нашею на предложеніе короля прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе, и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи; и въ-3) что король прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единную вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенный начальникомъ войскъ баронъ Игельстромъ получилъ подобный рескриптъ отъ государыни въ такихъ словахъ:

«Нѣтъ нужды излагать причины, побудившія насъ присоединить къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени какъ и русскіе, и притомъ наши единовѣрцы. Все сіе узнаете изъ манифеста, долженствующаго быть обнародованнымъ въ свое время. Теперь же вы должны узнать о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять, чтобы на все быть готовымъ.

«Прусскій дворъ, вошедшій, какъ и вѣнскій, съ нами въ союзъ, и съ послѣднимъ ведущій общее дѣло противъ мятежныхъ французовъ, по причинѣ неудачи послѣдняго похода, увидѣли себя въ невозможности продолжать войну, не получивъ соразмѣрнаго вознагражденія за понесенныя потери. Прусскій король требуетъ этого вознагражденія въ особенности для того, чтобы съ обновленными силами предпринять общую всѣмъ монархамъ и всѣмъ благоустроеннымъ правительствамъ войну, поставить въ границы

послушанія необузданный народъ и не допустить дальнѣйшаго распространенія по Европѣ духа безначалія. По этимъ причинамъ прусскій король и императоръ предложили намъ раздѣлъ Польши, какъ единственное средство достиженія вышеупомянутаго, какъ сообразнаго съ ихъ ожиданіями, вознагражденія. На этотъ конецъ король прусскій далъ уполномочіе своему довѣренному министру, съ которымъ мы, вошедши въ переговоры, заключили слѣдующія прелиминарныя статьи:

«Берлинскій дворъ получитъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, за исключеніемъ Мазовецкаго воеводства, проводя границу отъ Ченстохова на Раву и Солдомъ. Вѣнскій дворъ долженъ быть вознагражденъ Баваріею. Намъ предстоитъ расширить нашу грань слѣдующимъ образомъ: отъ конца Семигаліи на Поставы и Велико на Виліи, оттуда вдоль границы Виленскаго воеводства до Столпецъ, отъ Столпецъ перейдя черезъ Нѣманъ на Несвижъ, далѣе Припетью на Пинскъ и Куновъ, оттуда посредствомъ прямой линіи на Вышегородъ на галиційской границѣ, а оттуда къ Днѣстру, гдѣ эта новая граница совпадетъ съ существующею границею между Польшею и Австріею, а далѣе вдоль Днѣстра образуетъ границу съ Молдавіей. Всѣ въ этой чертѣ заключающіяся земли останутся на вѣки въ нашемъ владѣніи и должны быть намъ уступлены сеймомъ польской республики и обезпечены взаимными гарантіями союзныхъ съ нами государствъ.

«Въ ожиданіи ратификаціи со стороны прусскаго короля, которая не замедлитъ быть сюда доставленною, вы должны для удобнаго исполненія всего вышеупомянутаго приготовить и найти мѣры, какія окажутся необходимыми, какъ въ отношеніи расположенія войскъ, такъ и ихъ содержанія. Вы не должны никому открывать причинъ этихъ мѣръ, но подавать видъ, что это дѣлается для удобнаго содержанія войска ради демонстраціи со стороны турокъ, и это во-первыхъ для того, чтобы въ занимаемыхъ нами земляхъ не произошло возмущенія, во-вторыхъ, чтобы никто не могъ сказать, что мы самовольно начали этотъ раздѣлъ, такъ какъ мы принуждены были къ этому прусскимъ королемъ. Послѣдній уже рѣшилъ ввести свои войска въ Великую Польшу, и занять вышеупомянутую линію подъ предлогомъ удерживать тамъ спокойствіе, не прежде присоединяя эти земли къ своему государству, какъ послѣ точнаго опредѣленія границъ между нами.

«Такое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу поставляетъ насъ въ необходимость прибѣгнуть къ соотвѣтствующимъ средствамъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что того требуетъ какъ

положеніе всей Европы, такъ и состояніе Польши. Господствующія между поляками несогласія, отчасти внушеніями якобинцевъ, отчасти приверженцами конституціи 3-го мая, и недовольными тарговицкою конфедераціею, грозятъ ниспровергнуть все сдѣланное нами для водворенія порядка въ Польшѣ».

Съ перваго взгляда бросается разница въ инструкціяхъ Сиверсу и Игельстрому. Послѣднему говорится яснѣе о конечной цѣли, чѣмъ первому, хотя и въ инструкціи Сиверсу эта цѣль не скрывается. Инструкція Игельстрому писана позднѣе (6-го января), тогда уже, когда, какъ видно, дѣло съ Пруссіею представлялось опредѣленнѣе. Вѣроятно императрица сообщила своему посланнику изустно то, что не хотѣла еще сообщать бумагѣ, не зная, какимъ образомъ должно совершиться предначертанное намѣреніе.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 20-го (31-го) января, и прибытіе его, какъ водится, было предлогомъ къ празднествамъ и веселостямъ. Ему оказывали чрезвычайныя почести. Щенсный устроилъ для него великолѣпный обѣдъ, затѣмъ послѣдовали другіе обѣды и балы. Конфедераты, между собою несогласные, одинаково заискивали милостей и расположенія посла Екатерины. Сиверсъ помѣстился у состоявшаго при конфедераціи отъ русской императрицы барона Билера.—«Спасибо нашей государынѣ,— говорилъ Сиверсу Билеръ—Польша была бы демократическою страною, если бы не спасла ее отъ этого государыня: теперь въ ней установится прочное республиканское правленіе, и весь свѣтъ будетъ имъ доволенъ». — Онъ не понималъ, что Польша никогда не была демократическою страною, и никакого твердаго республиканскаго правленія для нея не предстояло.

Черезъ десять дней послѣ пріѣзда своего въ Гродно, Сиверсъ прибылъ въ Варшаву, получивъ отъ Булгакова вѣсть о казни Людовика XVI; это казалось чѣмъ-то пророческимъ для него, въѣзжавшаго въ столицу государства, также осужденнаго на казнь, которой исполненіе возлагалось на него. Онъ остановился въ наемномъ домѣ русскаго посольства, который предоставилъ ему Булгаковъ со всѣми удобствами — прислугою, кухнею, экипажами, мебелью, со всѣмъ, кромѣ (какъ говорилъ прежній посолъ къ новому) библіотеки, которая у него оставлена на старость, какъ лекарство отъ скуки. Новый посланникъ, пообѣдавши на первый разъ съ Игельстромомъ и русскими генералами, далъ знать о своемъ пріѣздѣ иностраннымъ посламъ и надворному маршалу. Начались визиты. Чужіе послы первые являлись къ представителю Россіи. 3-го (14-го) февраля, въ 12 часовъ дня Сиверсъ отправился представляться королю въ щегольскомъ экипажѣ, за-

пряженномъ прекрасными лошадьми, съ блестящею прислугою. Народъ толпился на улицѣ и по окнамъ домовъ. У всѣхъ было тревожное желаніе взглянуть на лицо этого новаго гостя: ни одинъ еще русскій посланникъ не возбуждалъ такого любопытства, вниманія, надеждъ, страха, ни одинъ еще не являлся въ польскую столицу въ такую знаменательную эпоху крайняго безсилія Польши и крайняго могущества надъ нею Россіи. Всѣ дамы были въ глубокомъ траурѣ. Польша надѣла его по Людовикѣ XVI, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно надѣла его и по себѣ. Изобильныя синія ленты Бѣлаго Орла и красныя Станислава нарушали однообразіе черныхъ одеждъ.

Въ тронной залѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ на тронѣ въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, и увидя посла, сдѣлалъ къ нему два или три шага. Сиверсъ отвѣсилъ два поклона. Король указалъ послу на кресло. Сиверсъ подалъ ему довѣрительную грамоту и сказалъ комплиментъ; король отвѣтилъ комплиментомъ, а посланникъ всталъ, отвѣсилъ три поклона и удалился. Этимъ кончилось первое свиданіе. Между тѣмъ они были старые знакомые; сорокъ лѣтъ тому назадъ, Сиверсъ и Понятовскій проводили вмѣстѣ весело время въ Лондонѣ, и теперь въ первый разъ послѣ того встрѣтились стариками.

На другой день, въ одиннадцать часовъ, назначено было черезъ посредство маршала Мнишка, у котораго въ тотъ день обѣдалъ посолъ, свиданіе съ королемъ, въ его кабинетѣ.

«Я долженъ — сказалъ сидя съ нимъ посланникъ — объявить вашему величеству, что если неудовольствіе ея императорскаго величества, которое ваше величество навлекли на себя принятымъ поведеніемъ во время послѣдняго сейма и особенно въ день 3-го мая, причинило вамъ нѣкоторыя непріятности въ настоящемъ положеніи вашемъ, вы должны ихъ приписать себѣ самому; тѣмъ не менѣе ея императорское величество склоняется къ тому, чтобы васъ вывести изъ этого положенія, и я получилъ соотвѣтствующее повелѣніе пригласить ваше величество въ Гродно на конфедерацію; тамъ, независимо отъ вліянія варшавскихъ козней и хитростей, дѣла республики постепенно пойдутъ своимъ законнымъ путемъ и придутъ скорѣе къ концу; тамъ легче принять сообразные способы къ выбору пословъ на сеймъ. Наконецъ, исполнить желаніе ея величества будетъ для вашего величества единственнымъ средствомъ возвратить себѣ ея благосклонность. Сношенія вашего величества съ польскими выходцами привели дѣла къ худшему состоянію, нежели какъ они были послѣ 3-го мая».

Король клялся, что не имѣлъ сношеній съ эмигрантами со

времени приступленія къ конфедераціи, но только старался побудить ихъ къ возвращенію въ отечество. Король началъ длинную рѣчь, продолжавшуюся до трехъ четвертей часа, разводя сущность дѣла водою реторики. Смыслъ этой рѣчи былъ таковъ:

«Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не нарушалъ привязанности и долга благодарности къ моей благодѣтельницѣ, императрицѣ всероссійской, но мнѣ приписывали, совершенно напрасно, деспотическія и въ то же время демократическія наклонности. Моя преданность государынѣ вѣдома ей издавна; будучи въ Каневѣ, я подавалъ ея величеству записку съ проектомъ преобразованія польскаго королевства въ провинцію россійской имперіи, но я получилъ на это уклончивый отвѣтъ. Составленіе сейма совершилось при условіяхъ, самыхъ согласныхъ съ видами Россіи, и мое собственное поведеніе было заранѣе охуждено вмѣстѣ съ поведеніемъ гр. Штакельберга. Несчастный поворотъ дѣлъ на сеймѣ слѣдуетъ приписать тѣмъ узамъ, которыя на меня были наложены въ средствахъ дѣйствовать на выборы сеймовыхъ пословъ покойнымъ княземъ Потемкинымъ и гетманомъ Браницкимъ; черезъ ихъ посредство рекомендованы были послы, которые сдѣлались буйными и задорными подстрекателями къ тому, что̀ случилось; многіе изъ нихъ теперь ушли изъ отечества. Я присталъ къ генеральной конфедераціи и съ тѣхъ поръ терплю невыносимыя оскорбленія отъ графа Щенснаго Потоцкаго; въ этомъ королевскомъ за̀мкѣ я нахожусь въ качествѣ плѣнника; мнѣ не позволяютъ даже раздавать паролей караульнымъ. Моя поѣздка къ генеральной конфедераціи не принесетъ никакой пользы дѣлу, а мнѣ она очень тяжела; мое нездоровье препятствуетъ предпринимать это путешествіе въ такое время года; я не имѣю средствъ на это, и главное, поѣздка эта была бы для меня безмѣрно унизительна. Я умоляю ея величество и надѣюсь, что государыня не будетъ настаивать на этомъ. Я прошу васъ, господинъ посланникъ, представить ея величеству о моемъ ужасномъ положеніи».

— Всѣ эти жалобы сами собой уничтожатся, — сказалъ посланникъ,— какъ только ваше величество соединитесь съ конфедераціею. Если вы туда пріѣдете, права ваши будутъ возстановлены, а чтобы васъ никто не оскорбилъ, надъ этимъ буду наблюдать я.

Король продолжалъ просить, чтобы его не неволили ѣхать въ Гродно.

Сиверсъ сказалъ: «Я не думаю, чтобы ея величество согласилась на отмѣну своей воли. Лучше будетъ, если ваше величество рѣшитесь ѣхать. Могу вамъ дать время обдумать эту

поѣздку, но если ея императорское величество будетъ настаивать на своемъ, то, вѣроятно, и тогда вы все-таки сдѣлаете такъ, какъ ей угодно, только тогда вамъ не будетъ у нея заслуги; теперь, по крайней мѣрѣ, начните дѣлать приготовленія къ отъѣзду».

Король сталъ распространяться о своемъ униженіи, о бѣдствіяхъ, которыя угрожаютъ и ему и Польшѣ. Сиверсъ сказалъ: «я вамъ совѣтую, не какъ посланникъ, а какъ человѣкъ, искренно желающій вамъ добра, рѣшиться на поѣздку».

— Позвольте нѣсколько подумать, — сказалъ король.

Сиверсъ согласился и удалился отъ него.

Какъ только возвратился посланникъ въ свое помѣщеніе, къ нему явился разорившійся Тепперъ и принесъ записку о своихъ долгахъ: оказалось, что ему король долженъ 1.566,000 червонцевъ, что составляло болѣе тридцати милліоновъ польскихъ злотыхъ ходячею монетою. Не говоря уже о многихъ другихъ панскихъ долгахъ, Тепперъ считалъ королевскій долгъ одною изъ главныхъ причинъ своего разоренія и просилъ посредничества Россіи въ этомъ дѣлѣ. «Прежде, чѣмъ король не поѣдетъ въ Гродно,— сказалъ Сиверсъ,— я не могу для васъ ничего сдѣлать». Сиверсъ разсчитывалъ, что если кредиторы атакуютъ сильно короля, то ему представится надежда на уплату своихъ долговъ отъ Россіи, и онъ можетъ быть поѣдетъ въ Гродно.

Король прислалъ послу черновое письмо къ императрицѣ. Сиверсъ сказалъ, что отошлетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно сочинено.

Нѣсколько дней послѣ того пошли угощенія и пиры; Сиверсу не давали покоя,—сегодня обѣдъ у примаса, въ его нарядномъ домѣ, завтра у короля, на семнадцать близкихъ особъ въ укромномъ отдѣленіи дворца, гдѣ одна дверь изъ столовой вела въ кабинетъ, другая въ спальню короля; послѣ завтра у королевской сестры, Браницкой—(madame de Cracovie), потомъ обѣдъ у самого Сиверса, данный дипломатическому корпусу и русскимъ генераламъ, всего на двадцать шесть персонъ.

Между тѣмъ прусскія войска, вступивши въ Польшу, съ успѣхомъ разбили и разсѣяли польскія войска, не хотѣвшія уступить, и заняли Торунь. Пруссаки обезоруживали польскіе гарнизоны, забирали польскую казну въ таможняхъ. По приказанію генеральной конфедераціи, канцлеръ Малаховскій снова подалъ ноту прусскому послу Бухгольцу, гдѣ заявлялъ, что вѣроятно такіе поступки дѣлаются безъ воли прусскаго короля, что вѣроятно и нота, которая была подана въ отвѣтъ на прусскую ноту отъ 15-го января, не дошла до его прусскаго величества.

«Мы думаемъ,—сказано было въ нотѣ,—что самое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу предварило время, въ которое представленія, сдѣланныя по распоряженію генеральной конфедераціи, могли дойти до прусскаго короля, и событія, послѣдовавшія затѣмъ, вѣроятно навлекутъ порицанія его величества прусскаго короля». Черезъ три дня послѣ того, генеральная конфедерація послала ноту Сиверсу, гдѣ жаловалась на вторженіе прусскихъ войскъ, и просила увѣреній со стороны императрицы, покровительницы Польши, которыя бы могли успокоить напуганныхъ обывателей. Въ протестаціи, опубликованной вмѣстѣ съ тѣмъ, конфедерація разсыпалась въ чрезвычайныхъ похвалахъ русской императрицѣ и возлагала единственную надежду на ея великодушіе.

Игельстромъ, чрезъ Сиверса, по поводу размѣщенія войскъ и прохожденія ихъ въ южныхъ провинціяхъ какъ будто для демонстраціи противъ турокъ, требовалъ отъ конфедераціи распоряженія о выдачѣ фуража и провіанта. Конфедерація исполнила его требованіе безропотно и назначила коммиссаровъ для этого дѣла, но замѣтила въ своемъ универсалѣ такъ: «что касается до уплаты, слѣдуемой за взятый фуражъ, для войскъ ея императорскаго величества, генеральная конфедерація не имѣетъ никакого свѣдѣнія, чтобы кому-нибудь была учинена такая уплата», и въ этихъ видахъ ссылаясь на цѣну, которая была подана черезъ делегованныхъ отъ обоихъ народовъ, «снова обращается къ великодушію той монархини, которой повѣрена не только цѣлость отечества, но и судьба всего существованія нашего».

Но дальнѣйшія дѣйствія Пруссіи показывали, что на протестаціи изъ Гродно не обращается ни малѣйшаго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разносились уже вѣсти, что русскія войска не съ добрыми видами размѣщаются по Украинѣ и будто бы хотятъ отдалить отъ Днѣстра и Каменца дивизію войскъ Рѣчи-Посполитой и обезоружить ее. Тогда конфедерація отъ 11-го февраля издала универсалъ о посполитомъ рушеньѣ. По поводу вторженія пруссаковъ, всякій, исключая слабыхъ и больныхъ, долженъ быть готовъ къ посполитому рушенью, забывъ всякіе споры, духъ партій. Мѣстныя конфедераціи должны были выбрать региментарей и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ; приказывалось сохранять согласіе съ русскими и ждать въ вооруженіи, когда послѣдуютъ третьи вици, какъ издавна велось въ случаяхъ подобныхъ опасностей, и тогда выходить всѣмъ разомъ. Универсалъ обращается и къ королю и ко всѣмъ тѣмъ согражданамъ, которые прежде иначе думали; ихъ просили забыть все противное, и вмѣстѣ съ народомъ защищать отечество. Къ королю по-

слано было письмо, гдѣ, какъ всегда и прежде бывало въ Польшѣ, поручали ему принять начальство надъ посполитымъ рушеньемъ. Къ Сиверсу послѣдовала нота отъ 19-го февраля, гдѣ извѣщалось о слухахъ, ходившихъ о замыслахъ русскаго войска, и говорилось, что конфедерація уповаетъ на честныя и великодушныя намѣренія государыни, и для нея довольно будетъ одного успокоительнаго и увѣрительнаго слова посланника ея величества; вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація напоминала, во имя долга и справедливости, заплатить за взятый войскомъ фуражъ и провіантъ. На все это отъ Сиверса послѣдовала такого рода нота:

«Удивляюсь, что генеральная конфедерація сочла умѣстнымъ отъ 11-го февраля предписать націи приготовленіе къ посполитому рушенью, не входя о такомъ крайнемъ поступкѣ въ сужденія со мною, министромъ дружественнаго сосѣдняго двора, отъ котораго конфедерація должна единственно ожидать счастія и спокойствія Польшѣ. Одно размышленіе объ этомъ долженствовало бы угасить огонь, воспламенившій генеральную конфедерацію, когда она рѣшалась на вызовъ мятежей и неизбѣжныхъ волненій, которыя естественно были бы послѣдствіями ея патетическаго воззванія. Предписывается выборъ полковниковъ и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ съ обѣщаніями будущихъ наградъ! Какъ же это можетъ произойти безъ многочисленныхъ и шумныхъ собраній, часто безчинныхъ, какъ опытъ показывалъ? Полковники будутъ сбирать полки, ротмистры станутъ производить вербунки; начнутся военныя упражненія и эволюціи, въ ожиданіи сбора всѣхъ войскъ, и необходимое для блага страны спокойствіе сдѣлается призрачнымъ. Нижеподписавшійся не можетъ не высказать своего безпокойства и о томъ, что наияснѣйшая конфедерація тайно обѣщаетъ амнистію тѣмъ, которые, по ея собственному сознанію, старались возмутить республику и причинить ей всякое зло: этимъ эмигрантамъ, которые своими интригами и безразсудными заявленіями предъ національною конвенціею въ Парижѣ, осмѣлились признать ужасный принципъ, унизившій французскую націю въ глазахъ всей вселенной; этимъ эмигрантамъ, которые дерзнули увѣрять, будто громада польской націи думаетъ также какъ они, — какъ могутъ они опять войти въ нѣдра націи, не внося новыхъ элементовъ огня и раздора? Нижеподписавшійся, не ожидая новыхъ приказаній императрицы, считаетъ обязанностью, сообразно данной ему инструкціи, заботиться, вмѣстѣ съ конфедератами, въ согласіи съ генералами россійской арміи, о спокойствіи Рѣчи-Посполитой, и удалять все, что можетъ его нарушить, а потому проситъ наияснѣйшую конфедерацію повсюду, гдѣ только обнародованъ преж-

ній универсалъ о посполитомъ рушеньѣ, обнародовать новый универсалъ о томъ, что наияснѣйшая конфедерація не желаетъ какихъ бы то ни было собраній, чтобы избѣжать всякой смуты и волненія, чтобы всякій добрый гражданинъ соблюдалъ спокойствіе до будущаго призыва націи, смотря по обстоятельствамъ. Нижеподписавшійся не можетъ умолчать, что, въ видахъ совершеннаго спокойствія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой, командиры арміи ея величества, стоящей на зимнихъ квартирахъ, имѣютъ положительное приказаніе препятствовать сходбищамъ».

Получивъ это нравоученіе, конфедерація поспѣшила тотчасъ (отъ 22-го февраля) опубликовать другой универсалъ, и въ немъ объясняла, что въ первомъ ея универсалѣ говорилось о посполитомъ рушеньѣ въ видѣ предположенія, на случай опасности, а затѣмъ объявляла націи такъ: «если для нашей Рѣчи-Посполитой есть еще на что-нибудь надежда, то единственно на великодушіе великой Екатерины; отвергнуть ея совѣты, значило бы губить отечество преждевременно. Заклинаемъ соотечественниковъ и обязываемъ ихъ любовью къ отечеству, ранними движеніями не приблизить конца Рѣчи-Посполитой.» Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація отослала объяснительный отвѣтъ Сиверсу, доказывая въ немъ, что назначеніе начальниковъ предполагаемаго посполитаго рушенья не могло произвести волненій, и присовокупляла: «генеральная конфедерація могла бы поручиться за внутреннее спокойствіе и хорошія отношенія къ русскому войску, если бы довѣріе къ великодушію императрицы возбуждало равную взаимность, и если бы не препятствовали конфедерованному правительству Рѣчи-Посполитой употреблять средства и собственныя силы для сохраненія спокойствія и цѣлости Рѣчи-Посполитой; теперь же, когда польскому войску запрещаютъ передвигаться, а провинціальнымъ конфедераціямъ собираться для совѣщаній, одинъ человѣкъ, ловкій въ интригахъ, можетъ надѣлать смутъ». На счетъ упрековъ за амнистію, конфедерація въ этомъ же письмѣ увѣряла Сиверса, что, не видя себѣ никакого сопротивленія, конфедерація не имѣла повода оглашать амнистію и призывать къ возвращенію эмигрантовъ, ибо никто не былъ изгнанъ. Наконецъ, замѣчалось, что если кто-то въ Парижѣ говорилъ подобныя рѣчи, то эта личность не имѣетъ ничего общаго съ Польшею и обывателями ея. Письмо это кончалось такъ: «Г. посолъ увѣряетъ, что монархиня, которую мы умоляемъ о спасеніи и цѣлости Рѣчи-Посполитой, поручила ему наблюдать надъ спокойствіемъ нашего края. Эти слова утѣшили бы народъ, если бы г. посолъ имѣлъ также порученіе увѣрить Рѣчь-Посполитую въ цѣлости ея владѣній. Одно слово великой Екатерины, какъ ру-

чательницы существованія и цѣлости Рѣчи-Посполитой, было бы сильнѣйшею порукою, чѣмъ всѣ наши усилія».

На это не было утѣшительнаго отвѣта. Сиверсъ въ Варшавѣ распоряжался такъ, что верховное правительство изображали не король, не конфедерація, а онъ, посолъ императрицы. Онъ приказалъ удалить изъ Варшавы французовъ, на которыхъ тогда въ глазахъ всего стараго порядка лежала печать отверженія, арестовалъ одного изъ нихъ, Бонно́, не обращая вниманія на его республиканскія угрозы, и отослалъ въ Петербургъ; запретилъ канцлерамъ сообщать иностраннымъ посланникамъ универсалы конфедераціи; не позволялъ воротиться въ отечество Іосифу Понятовскому, за то, что послѣдній въ пылу полемической переписки съ Щенснымъ Потоцкимъ, вызывалъ Потоцкаго на поединокъ; не дозволилъ кредиторамъ обанкрутившагося банкира Теппера пересмотрѣть его книги, потому что тамъ записаны были пенсіоны, которые платила Россія разнымъ должностнымъ лицамъ; чтобы не навлечь на нихъ пятна, Сиверсъ приложилъ къ этимъ книгамъ печать, и по его приказанію конфедерація назначила коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ Теппера, а члены выбраны были угодные Сиверсу, и въ томъ числѣ былъ надворный маршалъ Рачинскій, издавна получавшій отъ Россіи пенсіонъ и дѣлавшій все по приказанію русскихъ пословъ. Сиверсъ раздавалъ пенсіоны: назначилъ Коссаковскому въ мѣсяцъ тысячу червонцевъ, генералу Ожаровскому, начальнику польскихъ войскъ въ Варшавѣ, 500 черв. въ мѣсяцъ. Ожаровскій передъ тѣмъ стоялъ съ своими войсками въ Великой Польшѣ, и, при вступленіи пруссаковъ, спрашивалъ у конфедераціи, слѣдуетъ ли ему давать отпоръ? Конфедерація нашла страннымъ такой вопросъ въ устахъ воина, котораго беретъ сомнѣніе: долженъ ли онъ защищаться, когда на него нападаютъ. Теперь его перевели въ Варшаву, тамъ онъ долженъ былъ наблюдать за общимъ спокойствіемъ, и, получая отъ Сиверса хорошій пенсіонъ, повиноваться ему во всемъ. Сиверсъ размѣщалъ государственныхъ дѣятелей, а Игельстромъ войска. Послѣ приведенія войскъ на мѣста сообразно плану, ожидали оглашенія деклараціи о новомъ раздѣлѣ. Войска русскія были расположены такъ, что окружали столицу; фуражъ и провіантъ собирались съ понужденіемъ. Выдавая квитанціи, о платежѣ не думали. Не только за то, что забиралось въ настоящее время, но и за то, что было забрано еще во время главной команды Коховскаго, не было выплачено.

Сиверсъ ни однимъ словомъ не проговорился предъ поляками о томъ, что̀ будетъ съ ихъ отечествомъ, напротивъ, когда литовскій подскарбій Огинскій выразилъ ему опасеніе о раздѣлѣ,

Сиверсъ сказалъ: «это все выдумки пустоголовыхъ и безпокойныхъ повѣсъ, которые ищутъ средствъ навлечь неблаговоленіе государыни, презирая ея благодѣяніями. Васъ пугаетъ то, что большая часть Польши занята иностранными войсками. Да что же дѣлать съ вами, безпокойными и безалаберными, когда вы возмущаетесь какъ морскія волны въ бурю? Императрица хочетъ созвать въ Гродно сеймъ, чтобы испытать, умнѣе ли на этотъ разъ будутъ представители Польши, чѣмъ прежде были? Она бы сама была рада вывести отъ васъ свои войска, которыя введены сюда только для того, чтобы вамъ открыть глаза. Неужели вы думаете, что императрицѣ очень пріятно видѣть, какъ ея сосѣдъ, прусскій король, усилится на счетъ Польши? Все зависитъ отъ мудрости тѣхъ, которые будутъ руководить сеймомъ и отъ того, какъ они поведутъ себя съ Россіею. По крайней мѣрѣ у меня нѣтъ инструкцій, гибельныхъ для польской націи, а что дальше будетъ, и что мнѣ прикажется, того я не знаю. Несомнѣнно могу васъ увѣрить, что если вы поведете себя такъ, что заслужите довѣріе и покровительство государыни, то вамъ еще останется политическое существованіе въ Европѣ, подъ покровительствомъ собственнаго вашего мудро устроеннаго правленія.»

Сиверсъ продолжалъ тянуть короля въ Гродно. Станиславъ-Августъ упирался изо всѣхъ силъ. 18-го февраля (1-го марта) Сиверсъ обѣдалъ у него въ Уяздовѣ; король подалъ ему записку о своихъ долгахъ, которую Сиверсъ снабдилъ своими примѣчаніями и измѣненіями. Тогда король сказалъ:

«Сознаюсь вамъ, г. посолъ, меня давитъ страхъ, при мысли, что меня принудятъ къ чему-нибудь насиліемъ. Я уже теперь краснѣю отъ стыда, какъ только подумаю, что меня заставятъ подписать новый раздѣлъ Польши».

Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Никакого насилія не сдѣлаютъ ни надъ вами, ни надъ кѣмъ; это слишкомъ несообразно съ образомъ мыслей моей государыни. Главная цѣль вашего присутствія — та, чтобы удалить васъ отъ гнѣзда интригъ въ Варшавѣ, учинить нѣкоторыя распоряженія о срокѣ сеймиковъ и сейма, на которомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на улучшенія въ конституціи 1775 года, и усовершенствовать ее сколько возможно. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы приблизите то время, когда ея императорское величество найдетъ благоумѣстнымъ объявить свои конечныя намѣренія. Примиреніе ваше съ ея императорскимъ величествомъ послѣдуетъ тогда, когда поступки ваши будутъ показывать полную преданность ея волѣ».

Король дѣлалъ ему еще вопросы, а Сиверсъ увертывался. Король, наконецъ, сказалъ ему, что онъ его успокоилъ.

Возвратившись домой, Сиверсъ засталъ курьера съ письмомъ государыни къ королю. На другой день онъ вручилъ его по принадлежности. Письмо было ласковое; король, прочитавъ его, разсыпался въ благодарности, потомъ сказалъ:

«Ея императорское величество ничего не пишетъ о поѣздкѣ въ Гродно».

— Во вниманіе къ важности тѣхъ причинъ, которыя для вашего величества содѣлаютъ это путешествіе желательнымъ, я имѣю приказаніе уговорить васъ ѣхать въ Гродно. Я самъ твердо рѣшился ѣхать черезъ восемь дней.

«Нѣтъ, я надѣюсь, — сказалъ король — ея императорское величество обратитъ вниманіе на тѣ причины, которыя я приведу. У меня нѣтъ ни денегъ, ни кредита; банкрутство Теппера совершенно подорвало меня, да и другіе банкиры на волоскѣ висятъ. Кромѣ этого я подвергаюсь личнымъ опасностямъ. Если сдѣлается попытка на новый раздѣлъ Польши, конфедерація поднимется, сдѣлаетъ смѣлое заявленіе противъ раздѣла: что мнѣ дѣлать? если я ей покорюсь — мой поступокъ совсѣмъ подорветъ меня въ глазахъ ея величества, а не покорюсь — стыдно будетъ передъ націей».

— Но вѣдь и въ Варшавѣ — сказалъ Сиверсъ, — въ этомъ случаѣ остается для васъ одинаковое сомнѣніе, только вы не будете имѣть такой поддержки, какъ въ Гродно. Я не стану отлагать моей поѣздки и совѣтую вашему величеству ускорить вашу.

Король опять свернулъ на недостатокъ средствъ. Сиверсъ долженъ былъ согласиться, что это была отговорка справедливая; не только король, но и его министры нуждались въ деньгахъ. Сиверсъ писалъ Зубову: «Думаю, что главныхъ лицъ, Малаховскаго, Хребтовича, Рачинскаго, слѣдуетъ тайно расположить, давши имъ на дорогу тысячи по двѣ или по три червонцевъ.» Что касается до короля, то Сиверсъ счелъ за нужное побудить его къ отъѣзду, объяснивъ ему, что вопросъ о его долгахъ будетъ разсматриваться на предстоящемъ сеймѣ, какъ предметъ государственный и экономическій.

Несмотря на то, что государыня, отправляя Сиверса въ Польшу, назначила ему 100,000 руб., да сверхъ того экстраординарной суммы 200,000 руб., Сиверсъ имѣлъ затрудненіе и жаловался на задержки въ присылкѣ денегъ. Къ концу февраля онъ получилъ только 10,000 руб., черезъ генералъ-прокурора, а 2,000 червонцевъ привезъ ему полковникъ Дивовъ; сверхъ того онъ имѣлъ отъ 12 до 13 т. червонцевъ у Теппера, оставленныхъ Булгаковымъ, и долженъ былъ занять у банкировъ 12,000 чер-

вонцевъ, но занимать было трудно, такъ какъ банкиры одинъ за другимъ лопались. Это было причиною, что Сиверсъ долженъ былъ болѣе обѣщать, чѣмъ давать. Впрочемъ, было что обѣщать — на то въ Польшѣ были королевщины, на которыя можно было имѣть виды въ награду за услуги, оказанныя Россіи.

Дня черезъ три, Сиверсъ съ курьеромъ опять получилъ письмо Екатерины къ королю и передалъ его. Императрица требовала, чтобы король ѣхалъ въ Гродно, гдѣ долженъ открыться сеймъ. «Боже мой! воскликнулъ со слезами Станиславъ-Августъ; меня будутъ принуждать къ подписи новаго раздѣла Польши, къ моему стыду. Да лучше пусть меня засадятъ въ тюрьму, пусть лучше въ Сибирь сошлютъ: я не подпишу.»

— Ваше величество, — сказалъ Сиверсъ — вы себѣ воображаете нелѣпость: никогда объ этомъ рѣчи не будетъ, чтобы васъ принуждать. Вы останетесь королемъ; письмо императрицы ручается за это, и я увѣряю васъ ея именемъ, чего же вамъ болѣе?

«Да для чего мнѣ ѣхать — говорилъ король — я никакой пользы тамъ не принесу. Нѣтъ, я еще напишу къ ея императорскому величеству и подожду, пока курьеръ воротится съ ея отвѣтомъ.»

— Это безполезно — сказалъ Сиверсъ — это даже оскорбитъ государыню; вѣдь она уже въ трехъ письмахъ писала вамъ, что вы должны исполнять ея волю.

— Да у меня денегъ нѣтъ, сказалъ ему король, — вѣдь на это нужно покрайней мѣрѣ тысячь двадцать червонцевъ.

— Мы какъ-нибудь найдемъ для васъ, сказалъ Сиверсъ.

Король говорилъ опять о своемъ роковомъ положеніи и заливался слезами. «Я поѣду», сказалъ онъ наконецъ.

— Я ѣду завтра — сказалъ Сиверсъ.

— Нѣтъ, останьтесь еще нѣсколько времени, посѣтите меня.

Сиверсъ обратился къ примасу и сестрѣ короля, упрашивая ихъ дѣйствовать на брата, чтобы онъ болѣе не упрямился. Они обѣщали и съ своей стороны находили, что королю слѣдуетъ ѣхать. Послѣ этого король уже не отрекался ѣхать, но выдумывалъ разныя увертки, чтобы тянуть время — говорилъ, что погода дурная, рѣки разливаются, ледъ не прошелъ, и послѣдняя отговорка была прилична: дѣйствительно половодье задерживало нѣсколько дней самого Сиверса. Потомъ король сталъ говорить: къ чему въ Гродно собираютъ сеймъ, развѣ нельзя въ Варшавѣ? Сиверсъ повторилъ ему то, что уже говорилъ по этому поводу, что въ Варшавѣ собрать сеймъ нельзя потому, что въ Варшавѣ господствуетъ безпокойный духъ, тамъ гнѣздо революціонеровъ.

Король обѣщалъ ѣхать, но на другой день пригласилъ къ себѣ Сиверса и говорилъ:

«Приближается страстная недѣля, я всегда говѣю въ это время; ранѣе 4-го или 5-го апрѣля я не поѣду». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ: «я ни за что не подпишу смѣщенія отъ должностей, которыя были розданы прошлымъ сеймомъ.»

— Ваше величество должны знать, что все, постановленное сеймомъ и революціею, объявлено уничтоженнымъ и недѣйствительнымъ, а всѣмъ тѣмъ, которые раскаются, обѣщано прощеніе.

— Позвольте, я напишу къ ея императорскому величеству письмо, сказалъ король—увѣрю императрицу, что назначу время, когда поѣду, и представлю причины, по которымъ не могу ѣхать раньше.

Сиверсъ согласился и откланялся. Король съ чувствомъ просилъ его еще посѣтить его.

Сиверсъ, сообщая императрицѣ всѣ увертки, какія выдумывалъ съ нимъ король, замѣчалъ:

«Ваше императорское величество изволите убѣдиться, что нужно большого труда склонить его. Онъ себя выявилъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ души онъ исповѣдуетъ начала 3-го мая. Это однако ничего. По пріѣздѣ въ Гродно будетъ ему красное яичко—декларація; универсалы будутъ ему готовы къ подпису; всѣ мѣры приняты. Четыре недѣли дается на сеймики, и четыре на сеймъ, вмѣсто шести недѣль. Четыре недѣли мы выигрываемъ. Сеймъ можетъ начаться 10-го іюня.»

Дѣйствительно, изъ записокъ Огинскаго мы видимъ, что король въ это время колебался, и люди, которые подлаживались къ Сиверсу, въ одно и то же время настроивали короля къ оппозиціи. Такъ дѣйствовалъ Огинскій, подскарбій литовскій, о которомъ Сиверсъ получилъ мнѣніе какъ о сговорчивомъ, покорномъ человѣкѣ. Ему вторили Мошинскій и Тышкевичъ, маршалы коронный и литовскій, также передъ русскимъ посломъ старавшіеся показаться преданными Россіи. Они совѣтовали королю ѣхать въ Гродно, но открывая сеймъ, упереться на томъ, что ни онъ, ни члены сейма не станутъ подписывать никакихъ унизительныхъ уступокъ. Король, унывъ духомъ, возражалъ: «А что сдѣлаетъ моя выходка, которая не идетъ ни къ моимъ лѣтамъ, ни къ моимъ силамъ, истощеннымъ страданіями и безпрестанными непріятностями? Развѣ мы можемъ предотвратить раздѣлъ Польши?»—«Можемъ, государь», говорилъ ему Огинскій,—«вы увлечете всѣхъ своимъ примѣромъ, никто не посмѣетъ открыть рта, послѣ того какъ вы себя заявите такимъ образомъ и покажете

свою готовность принести себя въ жертву за отечество. Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ: между ними нѣтъ измѣнниковъ; если нѣкоторые унизились до того, что брали подачки отъ иностранныхъ дворовъ для своихъ нуждъ, то все-таки не думаю, чтобы это они дѣлали съ намѣреніемъ способствовать новому раздѣлу: я думаю, три четверти собранія окажутся уже убѣдившимися, по опыту, что конституція 3-го мая полезна для отечества. Не найдется такого негодяя, который приложилъ бы руку къ подписи о раздѣлѣ Польши, когда вы, король, смѣло откажетесь это сдѣлать. Всѣ угрозы русскаго посланника уступятъ передъ страшнымъ единодушіемъ; онъ его не ожидаетъ. Онъ долженъ будетъ писать въ Петербургъ, а между тѣмъ выиграется время, отсрочатъ или закроютъ сеймъ, можетъ быть захотятъ созвать другой; время еще протянется, а тутъ могутъ случиться событія, которыя заставятъ Россію и Пруссію пріостановить свое дѣло. Успѣхъ французской революціи возрастаетъ, и непремѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Да если бы и не такъ,—что смѣетъ сдѣлать русскій посланникъ съ королемъ и со всѣмъ собраніемъ сейма? если бы онъ и имѣлъ на счетъ этого власть поступать круто съ нѣкоторыми личностями, не можетъ же онъ отправить въ Сибирь всѣхъ членовъ сейма или изрубить ихъ саблями! Наконецъ, если все-таки приведутъ въ исполненіе раздѣлъ Польши—и тогда лучше пусть насъ возьмутъ военною силою, съ которою мы не можемъ бороться, чѣмъ принудятъ насъ самихъ оправдывать наѣздъ на страну нашу.» Такъ благородно высказывался человѣкъ, въ тоже время увивавшійся около Сиверса съ цѣлію подслужиться Россіи. Король только вздыхалъ.

Чтобы еще больше попугать короля, Сиверсъ написалъ въ коммиссію, назначенную по дѣламъ банкира Теппера, чтобы она наложила запрещеніе на часть доходовъ королевскихъ для удовлетворенія долговъ короля, и чтобы такимъ образомъ генералъ Игельстромъ находился въ состояніи покрыть средства на содержаніе войска и фуража, а когда королевскій секретарь Фризе явился къ Сиверсу и заговорилъ объ обѣщанныхъ на дорогу королю двадцати тысячахъ червонцевъ, то Сиверсъ сказалъ: «Я не знаю, будетъ ли довольна императрица шестинедѣльною проволочкою и дастъ ли, при этой проволочкѣ, тѣ же средства, какія дала бы безъ этого. Нужно имѣть вторичное приказаніе».

Когда ледъ на рѣкахъ сталъ проходить, Сиверсъ 19-го марта выѣхалъ изъ Варшавы; надзирать за королемъ остался въ Варшавѣ баронъ Игельстромъ, помѣстившійся въ палацѣ Рѣчи-Посполитой, въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Штакельбергъ. Этотъ домъ, во

время четырехъ-лѣтняго сейма, въ порывѣ нерасположенія поляковъ къ Россіи, былъ отобранъ, и Булгаковъ во время своего короткаго пребыванія въ Варшавѣ жилъ въ наемномъ домѣ, очень удобномъ. Теперь Игельстромъ занялъ прежній домъ и, при отъѣздѣ, получилъ отъ Сиверса такую оффиціальную инструкцію:

«Если бы король, несмотря на данное обѣщаніе ѣхать 23-го марта (4-го апрѣля), вопреки нашему ожиданію вздумалъ увертываться, поручаю вамъ объявить ему въ секретной аудіенціи, именемъ государыни, что онъ навлечетъ гнѣвъ императрицы и на себя и на свою фамилію, не получитъ двадцати тысячъ червонцевъ, которые ему обѣщала государыня, и не можетъ уже разсчитывать на ея помощь въ будущемъ; напротивъ, я наложу секвестръ на его доходы, не стану болѣе и думать о проектѣ уплаты долговъ его, а дѣла въ Гродно приведутся къ концу и безъ него.—Въ случаѣ, если онъ будетъ изъявлять страхъ возстанія черни, можете его увѣрить, что, кромѣ полковъ генералъ-лейтенанта (польнаго гетмана) Ожаровскаго, будетъ подъ ружьемъ до 15,000 готоваго войска, по вашему приказанію; что на всѣхъ открытыхъ площадяхъ и улицахъ поставятъ орудія, что это средство достаточно для того, чтобы никто не осмѣлился тронуться. Чтобы дать вашимъ увѣреніямъ болѣе вѣса, можете сообщить роднѣ короля, что новые полки, именно конные, уже на пути въ Варшаву. Въ случаѣ, если король начнетъ отговариваться болѣзнію, извольте, черезъ посредство Булгакова, познакомиться съ какимъ-нибудь докторомъ и посредствомъ подарка 250 дукатовъ расположить его сказать, что легкое нездоровье не помѣшаетъ поѣздкѣ короля. Если король пришлетъ къ вамъ своего тайнаго секретаря, человѣка почтеннаго, по какому-нибудь неважному дѣлу, скажите ему, что у васъ лежатъ 20,000 червонцевъ: онъ не замедлитъ сообщить объ этомъ королю. Слѣдуетъ королю угождать въ мелочахъ; онъ придаетъ большой вѣсъ мелочамъ. Прилагаю вексель на банкира Мейснера; по немъ банкиръ отпуститъ королю 10,000 червонцевъ. При случаѣ и этотъ вексель можно показать. По извѣстнымъ вамъ причинамъ, прошу васъ обращайте вниманіе, чтобы по кошелькамъ, бумагамъ, нумерамъ не узнали, откуда достались эти деньги въ ваши руки. При малѣйшемъ подозрѣніи прошу сдѣлать перемѣну.»

II.

Сиверсъ въ Гродно.—Приготовленія.—Отъѣздъ короля изъ Варшавы въ Гродно.— Декларація россійской императрицы и прусскаго короля о второмъ раздѣлѣ.— Король въ Бѣлостокѣ. — Протестаціи Ржевускаго и Валевскаго. — Ноты Сиверса. — Возобновленіе постояннаго совѣта. — Прибытіе короля въ Гродно. — Универсалъ о созваніи сейма.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 21-го марта (2-го апрѣля) при громѣ пушекъ и при огромномъ стеченіи народа. Конфедерація находилась тогда въ очень неполномъ составѣ. Щенсный Потоцкій отправился въ Петербургъ. Видя что приходятъ бѣды, этотъ магнатъ, заваривъ кашу, поспѣшилъ убраться по добру по здорову, чтобы не быть маршаломъ конфедераціи тогда, когда уже ей придется расплачиваться за свое существованіе. Его супруга, съ которою онъ собирался разводиться, прежде него отправилась въ Петербургъ и была принята съ почестями. Потоцкій собирался туда же; конфедераты долго не пускали его. Но императрица дала приказаніе Сиверсу сообщить конфедераціи ея желаніе, чтобы Потоцкій ѣхалъ въ Петербургъ, и Потоцкій былъ отпущенъ. У Щенснаго блистала еще надежда, что быть можетъ личное присутствіе его въ Петербургѣ будетъ полезно для отечества. Конфедерація дала ему инструкцію отъ 7-го марта, въ которой было сказано, что конфедерація, оставаясь при своемъ желаніи сохранить независимость и свободу Польши, надѣется счастья отечеству только отъ тѣснѣйшаго соединенія съ Россіею. Въ этихъ видахъ конфедерація и посылала къ императрицѣ своего маршала Потоцкаго, поручая ему освѣдомиться объ условіяхъ, на которыхъ можетъ совершиться соединеніе обоихъ народовъ, составить объ этомъ предметѣ прелиминарныя статьи и сообщить конфедераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось ему имѣть въ виду присягу, данную конфедераціей и цѣлымъ народомъ: охранять цѣлость границъ краевъ Рѣчи-Посполитой, обезпеченныхъ торжественными трактатами; никакое противное предложеніе, откуда бы оно ни происходило, не должно быть предметомъ договора съ польскимъ народомъ.

Вмѣсто Потоцкаго въ Гродно избранъ былъ маршаломъ Пулавскій.

Сиверсъ, прибывъ въ Гродно, помѣстился во второмъ ярусѣ трехъ-этажнаго дома Сапѣги, первый ярусъ онъ отдалъ для хозяйственныхъ принадлежностей, а третій для своихъ чиновниковъ, Помѣщеніе его было хотя, по его замѣчанію, съ невысокими потолками, но просторное; ему надо было давать обѣды и балы.

Это, впрочемъ, отлагалось до скоро наступавшихъ праздниковъ Пасхи: но̀ пока была страстная недѣля, пріемъ его не сопровождался церемоніями и пирами, какъ бы случилось въ другое время.

Одни конфедераты предвидѣли, другіе навѣрное знали, что̀ появится черезъ нѣсколько дней. Одни молчали, страшась вдумываться въ то, чего боялись, другіе спѣшили заявлять передъ посланникомъ свое расположеніе къ Россіи, припоминать свои услуги императрицѣ, увѣряли, что они на прошедшемъ сеймѣ старались говорить и дѣлать угодное императрицѣ; тѣ, которые прежде одобрительно покрикивали въ честь 3-го мая, извинялись, говоря, что это былъ невольный грѣхъ. Тѣ искали старостствъ, тѣ должностныхъ мѣстъ, и на мѣста такъ много являлось охотниковъ, что приходилось, какъ выражается Сиверсъ, на каждое мѣсто по двадцати конкуррентовъ. Сиверсъ раздавалъ имъ пенсіоны, обязывая каждаго получавшаго дѣлать то, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ Сиверсъ далъ надворному маршалу Забѣллѣ тысячу червонцевъ на мѣсяцъ, съ обѣщаніемъ удвоить, если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Со всѣми, кто только имѣлъ вліяніе въ конфедераціи, поступалъ онъ также; и прусскій министръ Бухгольцъ, пріѣхавшій въ Гродно, долженъ былъ принимать на себя половину этихъ издержекъ.

Северинъ Ржевускій неистовствовалъ противъ Россіи и возбуждалъ къ тому же другихъ конфедератовъ; онъ оказался самымъ задорнымъ изъ пановъ, и сдѣлался Сиверсу несноснѣе всѣхъ. Но посланникъ, привыкшій во всѣхъ полякахъ видѣть слабость и податливость на приманку выгодами, замѣчалъ въ письмѣ къ Зубову, что и Ржевускій поумнѣетъ, если ему дать два хорошихъ староства, о которыхъ уже онъ старается, да прибавить еще другихъ два, которые ему обѣщалъ Зубовъ прежде. «Одно слово отъ ея императорскаго величества — писалъ Сиверсъ — было бы истиннымъ бальзамомъ и произвело бы хорошее вліяніе въ здѣшней публикѣ.» Сиверсъ, какъ и вообще всѣ дипломаты того времени, считалъ, что громада польскаго дворянства не имѣетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни смѣлости, а всегда идетъ за сильными и вліятельными панами, привыкши отъ дѣдовъ и прадѣдовъ лакействовать передъ ними; всѣ готовы кричать и сопротивляться, когда есть между важными панами такіе, что̀ кричатъ и сопротивляются, а потому надобно было, какъ прежде всегда и дѣлалось, ублажить важныхъ и вліятельныхъ пановъ, склонить ихъ на свою сторону или покрайней мѣрѣ заставить молчать,—тогда и крику поубудетъ настолько, насколько велико вліяніе замолчавшихъ пановъ. Въ противномъ случаѣ, когда бы такія мѣры

оказались слабыми, Сиверсъ всегда готовъ былъ употребить болѣе энергическія мѣры, въ родѣ секвестра на имѣнія, или высылки. Государыня, услыхавъ еще прежде о сопротивленіи Ржевускаго, велѣла Сиверсу внушить ему, что русская императрица не хочетъ дѣлать непріятнаго полякамъ, но судьба государствъ не можетъ подчиняться частнымъ отношеніямъ; государыня имѣетъ въ виду благо своихъ подданныхъ и самихъ поляковъ, чтобы избавить ихъ отъ бурь, которыя ихъ волнуютъ; но если онъ желаетъ выйти и удалится отъ дѣлъ, пусть выходитъ.

Надѣясь на твердость своей политики, императрица по поводу Ржевускаго писала: «не слѣдуетъ отъ поляковъ требовать пожертвованій ихъ чувствами и политическими убѣжденіями, хотя бы и ошибочными. Не слѣдуетъ требовать отъ Ржевускаго отчета; нужно оставить ему полную свободу, въ надеждѣ, что онъ оцѣнитъ это доказательство великодушія императрицы».

День, въ который должна быть обнародована декларація генераломъ Кречетниковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданы ноты отъ русскаго и прусскаго пословъ, назначенъ былъ 27-го марта (8-го апрѣля). Намѣревались принудить конфедерацію издать универсалъ о созваніи сеймиковъ, для выбора пословъ на сеймъ; сеймики эти допускались только въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не входили въ область земель, отходившихъ отъ Польши. Чтобы въ Гродно послы были посговорчивѣе, рѣшено было двинуть поближе къ городу корпусъ войска; Игельстромъ былъ готовъ къ услугамъ по приказанію Сиверса. Онъ приказалъ заранѣе заготовить кантониръ-квартиры для корпуса, но въ самый городъ не рѣшался вводить много войска, а поставить тамъ только четыре роты егерей.

До времени слѣдовало все еще хранить молчаніе. Тайна раздѣла должна была грянуть внезапно, какъ бомба, на Польшу. Самого Сиверса бралъ невольный страхъ съ приближеніемъ дня, въ который должна была рѣшиться судьба государства. «Если бы не надежда принести пользу человѣчеству, — писалъ онъ къ своей дочери—то я бы попросилъ увольненія отъ этой должности.» Этотъ страхъ не происходилъ, однако, отъ убѣжденія, чтобы дѣло, которое ему поручено, было нехорошо или недостойно его; какъ ливонца, его немного смущало воспоминаніе о томъ, какъ Польша нѣкогда защищала его рыцарскую родину отъ Москвы, но какъ вѣрный слуга Россіи, онъ радовался увеличенію своего государства и даже смотрѣлъ впередъ на будущее обрусеніе края, который возвращался во владѣніе Россіи. «Хорошо было бы, — писалъ онъ императрицѣ, — все, относящееся къ губерніямъ, которыя пріобрѣтетъ Россія, приказать печатать

по-русски, латинскими буквами, по польскому произношенію. Ручаюсь, что въ десять лѣтъ всѣ будутъ превосходно знать по-русски, а инымъ способомъ не научатся и въ пятьдесятъ. Я говорилъ объ этомъ съ Захаромъ Григорьевичемъ (Чернышевымъ), но онъ черезчуръ московскаго духа и человѣкъ гордый — не хотѣлъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ; а мнѣ кажется, такимъ бы образомъ русскій языкъ не только въ Литвѣ, но и въ остальной Польшѣ распространился. Можетъ быть ваше императорское величество скажете, что старый новгородскій слуга заглядываетъ черезчуръ впередъ».

Въ ожиданіи королевскаго пріѣзда, Сиверсъ безпрестанно писалъ къ Станиславу-Августу и посылалъ ему одну за другой горькія, хотя позолоченныя пилюли. Такимъ образомъ, онъ потребовалъ отъ короля, чтобы онъ назначилъ начальникомъ коронной гвардіи Ожаровскаго, человѣка, ненавистнаго королю. Станиславъ-Августъ повиновался. Познанскій епископъ былъ, какъ говорили, при смерти; Сиверсъ потребовалъ, чтобы король, согласно желанію императрицы, далъ коадъюторство познанскаго епископства одному изъ родственниковъ Рачинскаго. Король прежде обѣщалъ тоже самое другому лицу, но долженъ былъ нарушить свое обѣщаніе и повиноваться послу Екатерины. Наконецъ, Сиверсъ, по приказанію государыни, наложилъ секвестръ на имѣнія князя Іосифа и не хотѣлъ снять его. Насилу король выпросилъ одно староство для его матери. Сиверсъ послалъ объ этомъ просьбу императрицѣ, и утѣшалъ короля, что, вѣроятно, императрица сдѣлаетъ для него эту милость, а между тѣмъ торопилъ ѣхать скорѣе въ Гродно. «Мои поступки напоминаютъ, писалъ онъ дочери, того римскаго консула, который начертилъ кругъ около одного азіатскаго царя и приказалъ ему дать отвѣтъ не выходя изъ круга». Король не отрекался ѣхать, но жаловался на судьбу и громко говорилъ своимъ родственникамъ, что не подпишетъ трактата о раздѣлѣ, если ему его поднесутъ; но американецъ Литтльпажъ, вмѣстѣ и любимецъ короля и шпіонъ Игельстрома, объявилъ послѣднему, что король ему съ глаза на глазъ сказалъ, что все сдѣлаетъ, что ему велятъ, разсуждая такимъ образомъ: большинство голосовъ составляетъ народъ, а что народъ приговоритъ, то не будетъ преступленіемъ подписать.

Сиверсъ, 1-го апрѣля, писалъ королю такое утѣшеніе: «Могу васъ увѣрить, по истинной правдѣ, что вашему величеству не будутъ дѣлать здѣсь личныхъ непріятностей, напротивъ, дѣло идетъ о реформѣ, которая принесетъ счастіе Рѣчи-Посполитой и королю, ея главѣ. Судьбы личностей только отчасти будутъ здѣсь касаться, и я долженъ увѣрить васъ, что ни съ характеромъ

ея императорскаго величества, ни съ моимъ, смѣю сказать, не сообразно причинять кому бы то ни было огорченіе, если только общественное благо не потребуетъ этого. Ваше величество можете смѣло выѣхать изъ Варшавы и прибыть въ Гродно безъ малѣйшаго опасенія. Я боюсь только одного, чтобы время года не подѣйствовало вредно на ваше драгоцѣнное здоровье и чтобы это не произвело неожиданнаго замедленія въ желанномъ прибытіи вашемъ въ Гродно».

Въ то же время, по донесенію Игельстрома, онъ сообщалъ государынѣ, что король сходится съ шведскимъ посломъ, и въ этомъ онъ видитъ что-то предосудительное.

Въ назначенный день, 24-го марта (4-го апрѣля), король выѣхалъ наконецъ изъ Варшавы, въ двадцать пять экипажей. Игельстромъ далъ ему въ провожатые подполковника Штакельберга (своего племянника) какъ будто для почета и для безопасности при проѣздѣ черезъ русскія войска, а въ самомъ дѣлѣ для наблюденія надъ королемъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать скоро, какъ хотѣлось послу, король каждый день ѣхалъ верстъ по двадцати или тридцати и останавливался. Такимъ образомъ, выѣхавши 4-го апрѣля, онъ доѣхалъ до Окунева, имѣнія пана Кицкаго, и тамъ остановился у владѣльца обѣдать, потомъ легъ отдыхать, а на другой день слушалъ обѣдню. Выѣхавши оттуда, онъ доѣхалъ до имѣнія другого пана, и тамъ тоже самое; и такъ далѣе. Проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ квартировали русскія войска, онъ былъ принимаемъ русскими генералами со знаками вниманія и почестями. Во многихъ мѣстахъ къ нему являлись обыватели и духовные для изъявленія чувствъ своихъ. Такимъ образомъ, 11-го апрѣля, онъ едва добрался до Бѣлостока, и тамъ зажилъ на нѣсколько дней. Мимо его проѣзжали и спѣшили въ Гродно разные паны изъ Варшавы, являлись къ нему и уѣзжали туда, куда ѣхали, а онъ медлилъ, слушалъ обѣдни, посѣщалъ школы и отдѣлывался то нездоровьемъ, то другими предлогами. Король напоминалъ собою вола, который, чуя, что его ведутъ на закланіе, упирается и ногами и рогами, отчаянно реветъ и все-таки, подгоняемый бичемъ, слѣдуетъ на мѣсто смерти.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Въ Гродно начались торжества. Въ понедѣльникъ, Сиверсъ далъ у себя балъ и ужинъ; потомъ прусскій министръ далъ обѣдъ, въ пятницу далъ обѣдъ Сиверсъ, а въ субботу епископъ Масальскій далъ роскошный обѣдъ и балъ для цѣлаго города. Посланники, пріѣхавшіе убивать Польшу, угощали поляковъ, а поляки, по своему обычаю, пили и танцовали надъ вырытою могилою своего отечества.

Курьеры во множествѣ бѣгали изъ Гродно въ Варшаву, изъ

Варшавы въ Гродно, изъ Гродно и Варшавы въ Полонное, гдѣ стоялъ Кречетниковъ, и въ Великую Польшу, гдѣ стоялъ прусскій главнокомандующій Меллендорфъ, изъ Гродно въ Петербургъ и обратно. Отовсюду шли тревожные вопросы, и отовсюду приносились отвѣты, что все пока спокойно и благополучно.

Между тѣмъ Гданскъ, столь дорогой полякамъ, который такъ упорно поляки отстаивали отъ Пруссіи, палъ въ руки пруссаковъ. Прусскій генералъ Раумеръ блокировалъ его съ 6-го марта по 15-е, и требовалъ сдачи укрѣпленій и устья Вислы. Магистратъ просилъ его не брать укрѣпленій и предлагалъ принять городъ съ округомъ въ прусское владѣніе. Послали просить прусскаго короля. Повѣренный Рѣчи-Посполитой, тамъ находившійся, напрасно протестовалъ противъ этого. Лишенные подвоза, жившіе торговлею граждане Гданска, бо́льшею частію нѣмцы, не слишкомъ душевно привязаны были къ Рѣчи-Посполитой. 25-го марта, пришелъ отвѣтъ короля. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ желаніе Гданска, но требовалъ допущенія войскъ своихъ въ городъ, и обѣщалъ покровительство и льготы. 27-го марта, объявили Раумеру, что городъ сдается. Но на другой день, когда Раумеръ сталъ занимать укрѣпленія, толпа мѣщанъ, къ которой присталъ польскій гарнизонъ, овладѣла пушками и стала стрѣлять по пруссакамъ. Бой продолжался до трехъ съ половиною часовъ, пока зачинщики не были перехватаны и гарнизонъ не обезоруженъ. Раумеръ вошелъ въ городъ и обнародовалъ манифестъ, въ которомъ грозилъ строгою казнію за составленіе всякихъ сборищъ.

Наконецъ, пришло воскресенье 27-го марта (7-го апрѣля). «Наступилъ день — писалъ Сиверсъ своей дочери — памятный и знаменитый въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи». Въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни, опубликовано было генераломъ Кречетниковымъ такое объявленіе отъ имени императрицы всероссійской [1]).

«Участіе ея императорскаго величества императрицы всероссійской, принимаемое въ дѣлахъ польскихъ, всегда основывалось на ближайшихъ коренныхъ и взаимныхъ пользахъ обоихъ государствъ. Но это благожелательство ея императорскаго величества и заботливость о сохраненіи въ сосѣдней державѣ спокойствія, согласія и свободы не только были безплодными, но сдѣлались безполезнымъ и напраснымъ бременемъ для ея императорскаго величества и нанесли ея государству неисчислимыя потери, въ чемъ

[1]) Переводъ съ польскаго текста.

очевидно убѣждаетъ тридцатилѣтній опытъ. Между многими безобразіями и насиліями, вытекавшими изъ несогласія и взаимныхъ ссоръ, и тяготившими безпрестанно польскую Рѣчь-Посполитую, ея императорское величество съ особеннымъ прискорбіемъ взирала на тѣ утѣсненія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ владѣніямъ ея императорскаго величества, нѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру. Въ наше время нѣкоторые выродки поляки, измѣнники собственнаго отечества, не устыдились поджигать правительство, составленное изъ безбожныхъ бунтовщиковъ во французскомъ королевствѣ, и искать у него опоры, чтобы съ его помощію навлечь на Польшу кровавыя бѣдствія междоусобной войны. Но ближайшею и вѣрнѣйшею опасностью какъ для святой христіанской вѣры, такъ и для благоденствія общаго для упомянутыхъ краевъ угрожаетъ ихъ наглость чрезъ распространеніе ядовитаго ученія, клонящагося къ разрыву всѣхъ связей религіи, гражданственности и политики, на которыхъ основывается и которыми держится совѣсть, безопасность и имущество каждаго. Ненавистные непріятели общественнаго спокойствія, подражая безбожной, бѣшеной, преступной и разбойнической шайкѣ французскихъ бунтовщиковъ, стараются по всей Польшѣ разсѣять и привить ихъ ученіе и тѣмъ самымъ навсегда погубить спокойствіе и собственной страны, и ея сосѣдей.

«По этимъ-то поводамъ, ея императорское величество, моя всемилостивѣйшая государыня, какъ въ вознагражденіе многихъ своихъ утратъ, такъ и заботясь о благѣ и безопасности россійской имперіи и самыхъ польскихъ провинцій, а равнымъ образомъ и для того, чтобы навсегда укротить и отнять причину всякихъ замысловъ своевольныхъ, частыхъ и враждебныхъ одна другой перемѣнъ правленія, постановила наконецъ принять подъ свою державу и на вѣчныя времена присоединить къ россійской имперіи всѣ края съ обитателями ихъ въ ниже описанныхъ границахъ, именно: начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи и проводя ее на Нарочъ и Дуброву, оттуда слѣдуя по частному рубежу виленскаго воеводства на Столпцы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя черезъ Куневъ между Вышегродомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которою соединясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, откуда идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягорлика, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею. Всѣ земли,

города и повѣты, занимаемые вышеописанною линіею новой границы между Россіею и Польшею, будутъ навсегда оставаться подъ скипетромъ россійской имперіи; обыватели этихъ провинцій и жители всякаго званія поступятъ въ число россійскихъ подданныхъ. Для этой цѣли, отъ ея императорскаго величества дано мнѣ, какъ генералъ-губернатору новоприсоединяемыхъ краевъ высочайшее повелѣніе торжественно увѣрить, священнымъ именемъ ея императорскаго величества и словомъ (что́ я этимъ оглашеніемъ для вѣдома каждому и для несомнѣннаго увѣренія и исполняю), всѣхъ новыхъ подданныхъ ея императорскаго величества, моихъ отнынѣ любезныхъ соотчичей, что всемилостивѣйшая государыня не только изволитъ подтвердить имъ полную и неограниченную свободу публичнаго отправленія обрядовъ ихъ религіи, законное владѣніе достояніями и имуществами, недвижимыми и движимыми, но приспособляя совершенно и внѣдряя въ россійскую имперію, пріобщая къ славѣ и благоденствію россійской имперіи, на образецъ вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества, обитателей бѣлорусскихъ, живущихъ въ ненарушимомъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и милостивымъ господствомъ ея, каждому дается право въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія съ этого времени пользоваться всякими пожалованными льготами и преимуществами, какими пользуются ея давніе подданные, такъ, что каждое сословіе обывателей новоприсоединяемыхъ провинцій съ этого дня начинаетъ участвовать во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, присвоенныхъ его сословію; взаимно же ея императорское величество надѣется и требуетъ признательности и преданности новыхъ своихъ подданныхъ, чтобы, такъ какъ она по благости своей допускаетъ ихъ къ равнымъ выгодамъ и къ имени русскихъ, и они съ своей стороны старались бы содѣлаться достойными этой чести истинною любовью къ своему теперь новому, а современемъ старому отечеству, и ненарушенной вѣрностью могущественной и великодушной государынѣ, и по этому всѣ и каждый въ особенности, начиная отъ знатнѣйшей шляхты и чиновниковъ, до послѣдняго, кому надлежать будетъ, обязаны въ продолженіи мѣсяца произнести торжественную присягу на вѣрность, при свидѣтеляхъ, нарочно для того назначенныхъ. Если же бы кто-нибудь изъ шляхты или изъ лицъ другого сословія, владѣющій земскимъ имуществомъ, мало заботясь о собственномъ счастіи, не хотѣлъ произнести присяги, тому дается трехъ-мѣсячный срокъ для продажи своего имѣнія и добровольнаго выѣзда изъ края, по минованіи котораго срока, все остающееся у него имущество будетъ секвестровано и взято въ казну.

«Высшее и низшее духовенство, какъ духовные пастыри, долж-

ны дать собою примѣръ, произнесши первые присягу, и каждый день въ общественномъ богослуженіи возсылать горячія молитвы о здравіи ея императорскаго величества, нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей государыни и вселюбезнѣйшаго сына ея и наслѣдника престола, цесаревича и великаго князя Павла Петровича и всего августѣйшаго императорскаго дома, по формѣ, которая для этой цѣли въ скорѣйшемъ времени предпишется. При торжественномъ обезпеченіи всѣхъ и каждаго въ свободѣ вѣроисповѣданія и въ сохраненіи собственности, само собою разумѣется, и еврейскія общества, живущія въ городахъ и селеніяхъ новоприсоединенныхъ провинцій, должны быть сохранены и содержимы въ цѣлости, со всѣми правами, служившими ихъ вѣрѣ и имуществамъ, ибо человѣколюбіе и милосердіе августѣйшей государыни не дозволяетъ ей исключать ихъ однихъ отъ всеобщей ея ко всѣмъ благости и отъ наступающаго подъ благословенною ея державою благоденствія, доколѣ они съ своей стороны будутъ пребывать въ покорности и послушаніи, занимаясь, какъ до сихъ поръ, торговлею и промыслами. Суды и расправы, оставаясь на своихъ мѣстахъ, должны отправлять свои занятія именемъ и властію ея императорскаго величества, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ порядка и правосудія. Наконецъ, исполняя волю августѣйшей государыни, признаю необходимымъ извѣстить еще и о томъ, что всѣ войска, находясь уже въ своемъ краю, будутъ соблюдать наистрожайшую дисциплину, а потому ни вступленіе ихъ въ различныя мѣста, ни самое измѣненіе правленія, не можетъ препятствовать спокойному занятію хозяйствомъ, торговлею и промыслами, напротивъ, чѣмъ болѣе возрастаніе всего этого умножитъ частныя выгоды, тѣмъ болѣе это пріятно будетъ августѣйшей государынѣ и заслужитъ ея вниманіе.

«Это объявленіе 27-го марта текущаго мѣсяца должно быть читано по всѣмъ церквамъ, записано въ судебныя книги и гдѣ слѣдуетъ публично вывѣшено для всеобщаго свѣдѣнія. А для полнаго увѣренія утверждаю его по власти, мнѣ данной, подписомъ руки моей съ приложеніемъ моей гербовой печати. Въ Полонномъ, въ главномъ лагерѣ.—Михаилъ Кречетниковъ».

Въ то же время, на противоположномъ концѣ умиравшей и раздираемой Польши, былъ опубликованъ другой манифестъ отъ имени прусскаго короля, такого содержанія:

«Всѣмъ сословіямъ, епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, воеводамъ, каштеллянамъ, старостамъ, подкоморіямъ, земскимъ судьямъ, рыцарству, вассаламъ, шляхтѣ, начальствующимъ, обывателямъ городовъ, земледѣльцамъ и инымъ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ чинамъ, обывателямъ и жителямъ воеводствъ поз-

нанскаго, гнѣзненскаго, калишскаго, сѣрадзьскаго, города и магистрата Ченстохова, земли Велюнской, воеводства ленчицкаго, повѣта куявскаго, земли добржинской, воеводствъ равскаго и плоцкаго, и проч. по пограничному пути, также городовъ Гданска и Торуня, которые находились прежде подъ владѣніемъ Польши, всѣмъ вообще и каждому объявляемъ особо нашу королевскую благосклонность.

«Каждому извѣстно, что польскій народъ не переставалъ подавать причины къ справедливому неудовольствію пограничнымъ монархамъ, особенно прусскому государству, и не довольно того, что вопреки всѣмъ правамъ добраго сосѣдства частыми наѣздами дѣлалъ вредъ прусской странѣ, безпокоилъ пограничныхъ жителей, и обращался съ ними презрительно, всегда почти отказывая имъ въ правосудіи и немедленномъ удовлетвореніи, но еще затѣвалъ зловредные замыслы, которые должны были возбудить опасеніе пограничныхъ правительствъ. Все это извѣстно каждому, кто въ послѣднее время слѣдилъ затѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ. Но преимущественно возбуждаетъ опасенія пограничныхъ монарховъ духъ несогласій и смутъ, котораго опасное вліяніе, возрастая съ каждымъ днемъ, клонится къ тому, чтобъ разорвать всѣ политическія и религіозныя связи и предать жителей всѣмъ ужасамъ анархіи. Если эти правила, разрушающія всякій общественный порядокъ, были зловредны во всякомъ государствѣ, гдѣ только допускались, то какъ не опасаться ихъ послѣдствій у народа, который всегда отличался страстію къ безпорядкамъ и горячкою, съ которою, сломя голову, кидался ко всему, что питало и распространяло безпорядки въ народѣ, который при томъ довольно силенъ, чтобъ сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей, противъ которыхъ постоянно направлялъ свои замыслы? Было бы несогласно съ предусмотрительною политикою и съ обязанностями охранять спокойствіе въ краѣ нашемъ, если бы мы оставались только спокойными зрителями и ожидали бы времени, когда эта дерзкая партія безпорядка почувствуетъ возможность возстать съ надеждою на успѣхъ, и наши пограничныя Польшѣ провинціи подвергнутся опасностямъ анархіи, противъ которой уже поздно будетъ предпринимать мѣры.

«Поэтому, вмѣстѣ съ августѣйшею россійскою императрицею, съ согласія августѣйшаго римскаго императора, мы признали, что безопасность нашихъ провинцій требуетъ провести польской Рѣчи-Посполитой такія границы, которыя болѣе бы соотвѣтствовали ея внутреннимъ силамъ и подали бы ей возможность безъ ущерба свободы учредить у себя мудрое, сильное, прочное и несложное правленіе, и, при спокойномъ пользованіи онымъ, избѣ-

гать тѣхъ безпорядковъ, которые такъ часто возмущали ея собственное спокойствіе и безопасность сосѣдей. Чтобы достигнуть этого и избавить Рѣчь-Посполитую отъ страшныхъ бѣдствій, которыя должны быть слѣдствіемъ внутреннихъ тревогъ, и такимъ образомъ спасти ее отъ уничтоженія, въ особенности же чтобы отвлечь обывателей ея отъ той зловредной науки, которою ядомъ они такъ сильно заразились, по нашему убѣжденію, раздѣляемому единомысленно и ея величествомъ императрицею всероссійскою, нѣтъ другого способа, какъ присоединить къ нашему государству пограничныя съ нами провинціи, и на этотъ конецъ взять ихъ теперь же во владѣніе, дабы такимъ образомъ предупредить всякое зло, могущее возникнуть изъ настоящихъ волненій въ Польшѣ.

«Итакъ, съ вѣдома ея императорскаго величества, государыни россійской, предприняли мы вышеупомянутыя области польскія, а также города Гданскъ и Торунь принять въ наше владѣніе и присоединить къ нашему государству. Настоящій манифестъ имѣетъ цѣлію привести въ извѣстность таковое наше твердое и неизмѣнное намѣреніе. Ожидаемъ отъ польскаго народа, что онъ какъ можно скорѣе соберется на сеймъ и помыслитъ о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ дружелюбно исполнить дѣло, отъ котораго зависитъ спокойствіе Польши и избавленіе ея жителей отъ ужасныхъ послѣдствій анархіи. Милостиво и вмѣстѣ строго предостерегаемъ жителей повѣтовъ и городовъ, отходящихъ въ наше владѣніе, не противиться принятію ихъ края въ наше владѣніе и не сопротивляться приказаніямъ генераловъ и дѣйствіямъ войскъ нашихъ, посланныхъ съ этой цѣлью, подчиниться съ охотою нашимъ законамъ, признать насъ своимъ законнымъ королемъ и господиномъ, наравнѣ съ другими нашими вѣрными подданными и устраниться отъ всякаго общенія съ Рѣчью-Посполитою. Мы же взаимно настоящимъ патентомъ торжественно обѣщаемъ обывателямъ всѣхъ классовъ и каждому въ особенности, оставить ихъ съ правами и преимуществами, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ особенности обѣщаемъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру, предоставить свободное отправленіе богослуженія, покровительствовать ихъ и вообще управлять цѣлымъ краемъ такъ правосудно и человѣколюбиво, чтобы разсудительные и благомыслящіе обыватели, будучи счастливыми и довольными, не имѣли никакой причины сожалѣть о прежней власти.

«Чтобы увѣриться въ вѣрности и преданности нашихъ новыхъ подданныхъ, мы признали за благо потребовать обычной въ такихъ обстоятельствахъ присяги; но какъ по причинѣ отдаленности не можемъ сами лично принять ее, поэтому назначаемъ

вмѣсто себя уполномоченныхъ, генерала отъ инфантеріи и орденовъ нашихъ кавалера, вице-оберъ-кригсъ-президента, губернатора столицы нашей Берлина, шефа полка инфантеріи Вейхарта-Іоакима-Гейнриха фонъ-Меллендорфа, и нашего дѣйствительнаго статсъ-и юстицъ-министра и шефа-президента всѣхъ регенцій Адольфа-Альбрехта-Генриха-Леопольда барона фонъ-Данкельмана, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто насъ именемъ нашимъ приняли вышеупомянутую присягу. Всемилостивѣйше приказываемъ всѣмъ вышеупомянутымъ обывателямъ въ теченіи двухъ дней срока послѣ назначенія отъ уполномоченныхъ коммиссаровъ мѣста для присяги присягнуть на вѣрность и подданство намъ, и наслѣдникамъ нашимъ. Епископы, аббаты, прелаты, воеводы, каштеляны, старосты, подкоморіи и земскіе судьи, должны явиться лично или черезъ своихъ довѣренныхъ, а прочія сословія присягнуть чрезъ выбранныхъ изъ своей среды депутатовъ съ надлежащимъ полномочіемъ, такъ, чтобы изъ каждаго повѣта по крайней мѣрѣ было четыре особы изъ шляхетства, четыре духовныхъ и плебановъ и шесть солтысовъ изъ селъ, а отъ городскихъ начальствъ по два бурмистра и по одному синдику. Всѣ эти уполномоченные изъ своихъ повѣтовъ и городовъ должны получить инструкціи, по которымъ они должны произнести присягу. Такая присяга будетъ имѣть силу вѣчнаго закона и потому должна быть засвидѣтельствована въ земскихъ судахъ и внесена въ акты ихъ канцелярій, съ выдачею копій нашимъ коммиссарамъ. Надѣемся, что каждый, кого это касается, окажется послушнымъ; если жъ бы, сверхъ нашихъ ожиданій, какое-нибудь сословіе или какой-нибудь обыватель вышеупомянутыхъ повѣтовъ и городовъ дерзнули не повиноваться настоящему нашему манифесту и отказались присягнуть намъ на вѣрность и признать нашу власть, или же осмѣлились неповиноваться приказаніямъ нашихъ генераловъ и сопротивляться нашему войску, такіе подвергнутся немедленно обычнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ наказаніямъ, не взирая на свои особы. Для бо́льшей вѣры, мы подписали нашъ манифестъ собственноручно и приказали, утвердивъ его нашею королевскою печатью, огласить его гдѣ надлежитъ и опубликовать посредствомъ печати. Берлинъ. 25-го марта 1793 года.— Фридрихъ-Вильгельмъ».

Черезъ два дня по появленіи этихъ декларацій на своихъ мѣстахъ, Сиверсъ подалъ конфедераціи ноту такого содержанія:

«Намѣренія, которыя ея императорское величество императрица всероссійская приказала огласить въ декларацій, поданной ея министромъ въ Варшавѣ 7-го (18-го) мая прошлаго года по поводу вступленія войскъ своихъ въ Польшу, безъ сомнѣнія

были такого рода, что долженствовали пріобрѣсть расположеніе, уваженіе и даже благодарность цѣлаго польскаго народа. Однако Европа увидала, какимъ образомъ они были встрѣчены и оцѣнены. Для открытія тарговицкой конфедераціи пути къ достиженію своихъ правъ и законной власти, надлежало прибѣгать къ оружію, и творцы конституціи 3-го мая 1791 года съ своими сторонниками сошли съ поля борьбы только послѣ пораженія ихъ россійскими войсками.

«Но явное противодѣйствіе прекратилось только для того, чтобъ уступить мѣсто скрытнымъ470 кознямъ, которыхъ тонкія пружины тѣмъ опаснѣе, что часто ускользаютъ отъ прозорливѣйшаго наблюденія и избѣгаютъ преслѣдованія законовъ. Духъ партій и смутъ пустилъ такіе глубокіе корни, что тѣ, которые взяли на себя зловредный трудъ внушать и распространять его, послѣ неудачныхъ интригъ у иностранныхъ дворовъ, съ цѣлью набросить подозрѣніе на намѣренія Россіи, обратили свои усилія къ обольщенію черни, всегда легко способной быть обманутою, и успѣли настолько, что и она стала раздѣлять ненависть и злобу, которую они возъимѣли противъ нашей имперіи, за то, что послѣдняя уничтожала ихъ преступныя надежды. Не говоря уже о многихъ поступкахъ, всѣмъ извѣстныхъ, доказывающихъ злобныя наклонности большаго числа поляковъ, достаточно сказать, что они употребили во зло правила человѣколюбія и умѣренности, съ которыми, по данному нами строгому приказанію, соображались въ своемъ поведеніи и поступкахъ генералы и офицеры войска ея императорскаго величества, начали съ ними дурно обходиться и дѣлать имъ оскорбленія, а самые дерзкіе стали даже поговаривать о сицилійскихъ вечерняхъ и угрожать имъ чѣмъ-то подобнымъ. Такую награду великодушнымъ намѣреніямъ этой монархини готовили враги спокойствія и добраго порядка. Можно поэтому судить, насколько искренно приступила большая часть поляковъ къ тарговицкой конфедераціи и насколько прочно и непоколебимо внутреннее и внѣшнее спокойствіе Рѣчи-Посполитой. Но ея императорское величество, привыкши въ продолженіи тридцати лѣтъ бороться съ непрестанными волненіями въ этой странѣ и уповая на данные ей Провидѣніемъ способы къ удержанію въ границахъ господствующихъ тамъ раздоровъ, неизмѣнна была бы въ своихъ безкорыстныхъ усиліяхъ и предала бы забвенію всѣ поводы неудовольствія, какъ равно и справедливыя притязанія, на которыя они даютъ право, если бы не оказывались безпорядки иного рода, важнѣе и опаснѣе.

«Противоестественное сумасбродство народа, нѣкогда цвѣтущаго, нынѣ же упавшаго, растерзаннаго и стоящаго на краю

готовой пожрать его пропасти, вмѣсто того, чтобы приводить въ содроганіе этихъ возмутителей, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они стараются ввести въ нѣдра Рѣчи-Посполитой адское ученіе, порожденное безбожною, святотатственною и нелѣпою сектою на несчастіе и разрушеніе всякаго общества духовнаго, гражданскаго и политическаго. Уже въ столицѣ и во многихъ польскихъ областяхъ учреждены клубы, состоящіе въ связи съ французскимъ клубомъ якобинцевъ. Они извергаютъ тайно ядъ свой и возмущаютъ умы. Появленіе такого жерла, опаснаго для всѣхъ сосѣднихъ государствъ, побудило послѣднихъ принять на себя трудъ взаимно отыскать средства къ истребленію зла въ самомъ зародышѣ и къ отвращенію заразы отъ собственныхъ своихъ предѣловъ.

«Ея императорское величество, государыня императрица всероссійская и его королевское величество, король прусскій, съ согласія его величества императора римскаго, не нашли для своей безопасности иного средства, какъ заключить Рѣчь-Посполитую въ болѣе тѣсныя границы, устроивъ для нея существованіе и пропорцію приличныя государству средняго размѣра, чтобы этимъ способомъ облегчить ей способы, не нарушая своей старинной свободы, устроить и удержать мудрое и стройное правленіе, достаточно сильное для укрощенія и предотвращенія всякихъ безпорядковъ и смутъ, такъ часто вредившихъ спокойствію и ея собственному и сосѣднихъ съ нею государствъ.

«По совершенномъ соглашеніи цѣлей и правилъ, ея императорское величество императрица всероссійская, и его королевское величество, король прусскій, глубоко убѣждены, что не могутъ иначе предотвратить совершеннаго уничтоженія Рѣчи-Посполитой, которымъ угрожаютъ ей господствующія въ ней несогласія, а въ особенности чудовищныя заблужденія, какъ присоединеніемъ къ своимъ государствамъ пограничныхъ провинцій, и немедленнымъ принятіемъ ихъ въ свое владѣніе. Вышереченные монархи, извѣщая польскій народъ о такомъ своемъ крѣпкомъ и неизмѣнномъ постановленіи, приглашаютъ его собраться на сеймъ и подружески обсудить этотъ предметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избрать спасительныя мѣры, по отношенію къ устройству невозмутимаго спокойствія и прочнаго, твердаго правительства.— 9-го апрѣля 1793 года».

Всѣ три документа, приведенные здѣсь по ихъ важности цѣликомъ, краснорѣчиво показываютъ, безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, какого рода были пріемы, употребленные политикою сильныхъ государствъ, рѣшавшихъ судьбу слабой Польши.

Въ тотъ же день Сиверсъ отослалъ копію съ деклараціи ко-

ролю въ Бѣлостокъ, и писалъ ему: «Мнѣ приказано, августѣйшій государь, сообщить вашему величеству, что опасенія ваши на счетъ судьбы Польши къ несчастію оправдались. По приказанію ея императорскаго величества я подалъ сегодня, вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ, ноту, съ приложеніемъ декларации, рѣшающей судьбу Рѣчи-Посполитой. Довѣріе, которое ваше величество мнѣ изволили оказывать, дозволяетъ мнѣ надѣяться, что ваше величество примете это сообщеніе какъ знакъ сочувствія, какое я имѣю къ вашей священной особѣ. Если бы случайно я не имѣлъ возможности повѣрить врученіе этихъ бумагъ кавалеру Литтльпажу, то рѣшился бы предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ самъ, чтобы увѣдомить обо всемъ ваше королевское величество, доказать вамъ, какъ много участія я принимаю въ этомъ событіи какъ человѣкъ частный, и склонить васъ къ единственному рѣшенію, какое вамъ можно принять въ этомъ случаѣ, то-есть, подчиниться во всемъ волѣ ея императорскаго величества. Я надѣюсь, впрочемъ, что ваше королевское величество, послѣ однодневнаго или двухдневнаго отдыха въ Бѣлостокѣ, будете въ состояніи предпринять путь въ Гродно, съ цѣлію подумать о томъ, съ чего слѣдуетъ начать, именно объ универсалахъ на сеймики; объ этомъ предметѣ существуютъ различныя мнѣнія, и многія изъ нихъ только затруднили бы положеніе дѣлъ».

Короля такъ поразило это извѣстіе, хотя уже давно предвидѣнное, что онъ не имѣлъ духа выѣхать изъ Бѣлостока и сидѣлъ въ немъ еще недѣли двѣ, проматывалъ данныя ему деньги и приказывалъ разрисовывать себѣ комнаты.

«Литтльпажъ привезъ мнѣ вѣсть о горькой судьбѣ отечества, писалъ онъ Сиверсу; я теперь ничего иного не могу выразить вамъ, кромѣ глубокаго чувства страданія. Оно поражаетъ разомъ и мой умъ, и мое здоровье?»

Тогда Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Я чувствую всю великость, всю глубину страданій вашего величества. Пріѣзжайте же, вылейте эти страданія на сочувствующую вамъ грудь расположеннаго человѣка; это можетъ быть принесетъ вамъ облегченіе». Тайная иронія виднѣлась въ этихъ выраженіяхъ. Но король показывалъ видъ, что принимаетъ ее за чистую монету и говорилъ: «этого бы не сдѣлалось, если бы все зависѣло отъ пана Сиверса». Сиверсъ понималъ, что король весь составленъ изъ фразъ, декламаціи, сантиментальности, но на самомъ дѣлѣ, если онъ дѣйствительно страдалъ, въ это время, то болѣе отъ крайняго униженія нанесеннаго его самолюбію, а не отъ бѣдствій отечества; иначе бы онъ, ради личныхъ своихъ выгодъ, не игралъ такой печально-комической роли.

Въ то же время Сиверсъ, въ письмѣ къ императрицѣ, доносилъ, что король сносится съ шведскимъ посломъ, изображалъ его притворщикомъ, интриганомъ, которому ни въ чемъ нельзя довѣрять. Приглашая Станислава-Августа изливать свои страданія на дружескую грудь, русскій посолъ въ то же время извѣщалъ его, что по изъявленному конфедераціею желанію онъ возобновляетъ «Постоянный Совѣтъ», который вмѣстѣ съ королемъ выдастъ универсалъ на сеймики для собранія сейма. Это были новыя пилюли для короля. Во-первыхъ, онъ зналъ, что этотъ совѣтъ будетъ выбранъ изъ людей враждебныхъ ему; во-вторыхъ, на него грозили возложить обязанность подписывать универсалъ, созывающій сеймъ, который долженъ узаконить гибель отечества и тѣмъ самымъ принуждали самого принимать въ этомъ участіе. Онъ писалъ къ Сиверсу:

«Сами знаете, что генеральная конфедерація соединила въ себѣ весь укладъ правленія. Она одна имѣла значеніе высочайшей власти въ краѣ, обвѣщала народу манифесты и постановляла распоряженія; всѣ обыватели, признавшіе конфедерацію, ее одну слушаютъ и почитаютъ законными ея воззванія. Поэтому и оглашеніе универсаловъ на сеймъ, по праву принадлежитъ исключительно конфедераціи».

Но Сиверсъ не могъ допустить до этого; право созывать сеймы принадлежало только королю, и сеймъ, созванный инымъ путемъ, былъ бы незаконнымъ. Король приглашалъ Сиверса къ себѣ. Сиверсъ отговаривался болѣзнію, и упрашивалъ короля поспѣшить въ Гродно. Русскій и прусскій послы объяснили увертки короля тѣмъ, что онъ во-первыхъ побесѣдовалъ съ шведскимъ посломъ, и запасся отъ него совѣтами, вовторыхъ — его пріятно пощекотали вѣсти, будто у Турціи начинаются недоразумѣнія съ Россіей, а въ-третьихъ Австрія, какъ писалъ канцлеру Малаховскому изъ Вѣны Война, недовольна была раздѣломъ, который предприняли Россія и Пруссія. Императоръ, видя, что его сосѣди обогащаются немедленно, ему же предоставляютъ дожидаться лучшихъ обстоятельствъ тогда, когда напротивъ обстоятельства для него дѣлались хуже, говорилъ Войнѣ: «Я не одобряю этого раздѣла и не беру въ немъ никакого участія, но мое положеніе не дозволяетъ мнѣ противиться. Успокойте земляковъ вашихъ; пусть не отчаяваются; найдется возможность поправить Польшу послѣ всѣхъ несчастій, которыя ее постигли.» Де-Каше въ Варшавѣ говорилъ явно, что его государь никогда бы не допустилъ до этого, еслибъ не такое положеніе.

Канцлеръ Малаховскій, до сихъ поръ, какъ извѣстно, вѣрнѣйшій слуга Россіи, спохватился; онъ не ожидалъ того, что слу-

чилось, и не хотѣлъ болѣе вести дѣла, которому такъ ревностно помогалъ. Онъ взялъ отставку.

Многіе изъ конфедератовъ, по объявленіи деклараціи, думали о томъ, какъ бы самимъ заслужить благосклонность государыни покорностью ея волѣ и готовностью быть орудіями ея замысловъ надъ Польшею. Такими были Коссаковскій, Пулавскій, Масальскій, Міончинскій, Рачинскій. Епископъ Коссаковскій, составившій центръ для всѣхъ угодниковъ Россіи, первый заявлялъ Сиверсу свое удовольствіе о томъ, что Россія воспользуется на счетъ его отечества; онъ безпокоился, однако, о судьбѣ церковныхъ имѣній въ тѣхъ земляхъ, которыя отойдутъ къ Россіи; въ качествѣ коадьютора виленскаго епископства, получая до 15,000 злотыхъ въ годъ, онъ соображалъ, что значительная часть фундушей коадьюторства заключается въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи. «Ея величество,—говорилъ Сиверсъ,—не отнимаетъ ни у кого владѣній, а вѣрныхъ еще и сверхъ того наградитъ всещедро. Католическая религія будетъ строжайшимъ образомъ обезпечена; будетъ по два и по три епископства въ губерніи.» Но не всѣ были такъ покорны какъ онъ. Между конфедератами рѣзче всѣхъ заявляли недовольство Ржевускій и Валевскій; послѣдній, воевода сѣрадскій, пріѣхалъ недавно на генеральную конфедерацію и, вмѣсто Пулавскаго, избранъ намѣстникомъ маршала; за ними выказывали себя человѣкъ шесть совѣтниковъ конфедераціи. Надобно было конфедераціи дать отвѣтъ Сиверсу на представленную декларацію. Отвѣтъ, разумѣется, по желанію посла долженъ быть исполненъ покорности. Валевскій написалъ протестацію противъ русской деклараціи и напоминалъ, что конфедерація обязана хранить цѣлость границъ Рѣчи-Посполитой. Сиверсъ сначала звалъ его къ себѣ и кротко уговаривалъ. Узнавши снова, что Валевскій продолжаетъ возбуждать ропотъ, онъ призвалъ его снова, въ сопровожденіи Анквича, Юзефовича и Забѣлла, людей покорныхъ Россіи. «Если вы не отстанете отъ вашей протестаціи,—говорилъ ему Сиверсъ,—я велю занять городъ войсками и прикажу запереть сплавъ на Нѣманѣ.» Эти угрозы не слишкомъ испугали пана Валевскаго, но онъ сталъ чувствительнѣе и не могъ удержаться отъ слезъ тогда, когда Сиверсъ сказалъ ему: «Я выслалъ курьера къ Кречетникову и написалъ, чтобы онъ вашу милость не считалъ подданнымъ ея императорскаго величества и взялъ подъ секвестръ ваши имѣнія, находящіяся въ областяхъ, отходящихъ къ Россіи, какъ слѣдуетъ поступать съ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Тоже самое сдѣлаютъ и пруссаки съ вашими имѣніями, въ краковскомъ и сендомирскомъ воеводствахъ.»—Дайте мнѣ время какихъ-нибудь два или три дня,

пока пріѣдетъ король и министры. — «Король и министры не имѣютъ ничего общаго съ вами въ этомъ», сказалъ посолъ. — Вы допустите баллотировку?—«Нѣтъ»!—«Подпишете вы отвѣтъ на декларацію, какъ маршалъ, хотя бы несогласно съ вашими мнѣніями?» спросилъ Сиверсъ.—Нѣтъ, былъ отвѣтъ.—«Я вамъ даю время подумать», сказалъ Сиверсъ.

Конфедерація, возбуждаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, медлила десять дней написать отвѣтъ на декларацію, и Сиверсъ послалъ ей ноту, изъявивъ удивленіе и прискорбіе на счетъ долгаго молчанія конфедераціи; онъ выражался: «посолъ ея императорскаго величества не требуетъ, чтобы наияснѣйшая конфедерація немедленно рѣшила важный вопросъ, но желаетъ, чтобы она прекратила возникающія препятствія, и приняла необходимыя мѣры для созванія сейма. Не справедливо и противозаконно мнѣнію одного имѣть значеніе закона и останавливать мнѣнія цѣлаго состава генеральной конфедераціи, которая будетъ отвѣчать за всѣ послѣдствія своей медленности.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ приказалъ заградить путь сплаву по Нѣману и Вислѣ. Тогда къ нему явились четверо членовъ конфедераціи (изъ нихъ два епископа), умолять о снисходительности. Сиверсъ встрѣтилъ ихъ упреками. «Вы всѣ — говорилъ онъ,—привыкли къ интригамъ и ковнямъ, но все это напрасно. Какъ ни увертывайтесь, я все-таки достигну цѣли; видно съ вами другихъ средствъ нѣтъ, кромѣ суровыхъ. Да, я вамъ покажусь безчеловѣчнымъ.»

Протестовавшіе, и послѣ этого внушенія, не поддавались. Между тѣмъ Игельстромъ донесъ Сиверсу, что Ржевускій въ качествѣ гетмана возбуждаетъ войско, стоявшее въ Варшавѣ, приказываетъ въ арсеналѣ производить работы и распаляетъ жолнѣровъ надеждою войны съ пруссаками. Ржевускій въ это время написалъ отъ себя протестацію еще болѣе рѣзкую, чѣмъ Валевскій. «Связанный узами свободной конфедераціи подъ дѣйствительнымъ покровительствомъ ея императорскаго величества, я чувствовалъ благодарность къ этой великой государынѣ, благословлялъ ея имя и думалъ, что молясь за нее, молюсь вмѣстѣ съ тѣмъ за мое отечество. Такъ думалъ я, и всѣ поляки также думали. Но день 9-го апрѣля, когда появилась декларація петербургскаго и берлинскаго дворовъ, угрожающая съ двухъ сторонъ несправедливымъ отторженіемъ польскихъ областей, отравилъ нашу радость о возвращеніи свободы. Новый роковой ударъ отечеству тѣмъ болѣе доводитъ насъ до отчаянія, что онъ постигъ насъ во время существованія конфедераціи, которая возникла съ самыми чистыми намѣреніями спасенія отчизны, а теперь должна окон-

читься ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, которому помочь нельзя. Съ моей стороны, призываю высочайшаго Бога судію, вѣдующаго помышленія мои, и свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и отечествомъ и предъ самою императрицею, что не зналъ ничего о раздѣлѣ Польши, напротивъ того, имѣя предъ глазами ея свободу и цѣлость, самъ написалъ статью присяги для конфедераціи, которую каждый членъ обязывался не дозволять ни малѣйшаго умаленія Рѣчи-Посполитой. Омочая въ слезахъ перо мое, хочу оставить память несчастія отечества и моего собственнаго, протестую противъ всякаго ущерба польскихъ границъ, свидѣтельствую, что никогда не положу моей подписи на подобномъ актѣ, и никогда не дозволю чего-нибудь противнаго присягѣ, которую произнесъ передъ Богомъ и отечествомъ. Мой протестъ не отвратитъ всеобщаго несчастія, но я долженъ его заявить, сообразно моей присягѣ. Не стану избѣгать личнаго моего несчастія. Какова бы ни была моя судьба, которую мнѣ приготовило Провидѣніе, я перенесу ее со смиреніемъ, и если буду несчастливъ, то никогда не буду достойнымъ наказанія. Подписывая этотъ протестъ, прилагаю его къ актамъ конфедераціи, предоставляя себѣ право возобновить его со всѣмъ народомъ.»

Этотъ протестъ приказано напечатать.

Этимъ протестомъ Ржевускій вполнѣ выявилъ всего себя. Въ немъ дышала досада оскорбленнаго пана, который вдругъ увидѣлъ себя въ дуракахъ, который считалъ себя важнымъ двигателемъ дѣлъ и вдругъ оказался нулемъ, воображая себя великимъ политикомъ, думалъ, что онъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу чужеземныхъ государствъ, и вдругъ почувствовалъ, что онъ, по своей недальновидности, только предложилъ себя орудіемъ для такой цѣли, о которой и не подозрѣвалъ. Его безпокоило болѣе всего то, что объ немъ могутъ подумать, что онъ заранѣе зналъ о гибели отечества—отъ этого только онъ и хотѣлъ очиститься. Положеніе его было не только жалкое, но и комическое; это почувствовалъ Ржевускій, и оттого горячился, выходилъ изъ себя и выходками безсильной злобы и досады становился еще комичнѣе, чѣмъ прежде.

Сиверсъ, послѣ этой протестаціи, послалъ еще одну ноту такого содержанія: «Я, нижеподписавшійся, съ прискорбіемъ узналъ о второй протестаціи, которую представилъ Ржевускій для включенія въ акты конфедераціи. Хотя авторъ задалъ себѣ трудъ прикрыть непріязненныя свои чувствованія покровомъ восторженнаго патріотизма, но декларація эта одного смысла съ тою, которую заявилъ г. Валевскій, назадъ тому десять дней прибывшій къ генеральной конфедераціи играть въ оппозицію. Ниже-

подписавшійся презиралъ эти выходки, считая ихъ маловажнымъ пустословіемъ. Курьеръ отъ генерала Игельстрома привезъ извѣстіе, что въ варшавскомъ арсеналѣ, по секретному распоряженію гетмана Ржевускаго, происходятъ тайныя приготовленія къ войнѣ; поэтому нижеподписавшійся полагаетъ своимъ долгомъ предупредить генеральную конфедерацію, что онъ выдастъ приказаніе секвестровать посредствомъ войска е. и. в. имѣнія тѣхъ пановъ, которые такъ явно выказываютъ свои непріязненныя намѣренія, печатая и разсылая свои протестаціи, а за тѣмъ, такой же секвестръ постигнетъ имѣнія всѣхъ тѣхъ гг. членовъ генеральной конфедераціи, которые осмѣлятся выступить съ протестомъ противъ деклараціи союзныхъ государствъ. Нижеподписавшійся считаетъ себя въ-правѣ требовать отъ конфедераціи, чтобы, за непріязненныя чувствованія г. Валевскаго, который до сихъ поръ не имѣлъ вліянія на дѣла генеральной конфедераціи и Рѣчи-Посполитой, и не держалъ маршальскаго жезла иначе, какъ будучи первымъ по ряду, а не по выбору въ эту должность, немедленно отнятъ былъ у него маршальскій жезлъ и отданъ тому, кто держалъ его передъ тѣмъ. Это самое незначительное удовлетвореніе, о которомъ проситъ нижеподписавшійся, за подобные поступки, такъ явно клонящіеся ко введенію въ заблужденіе слабыхъ умовъ, къ возбужденію смутъ и къ произведенію новыхъ несчастій для страны, для которой приближается время возрожденія и новой конституціи, ожидаемой отъ мудрыхъ трудовъ какъ генеральной конфедераціи, такъ и наступающаго сейма.»

Нота эта подана была 20-го апрѣля вмѣстѣ съ другою нотою, гдѣ требовалось отъ конфедераціи секвестрованіе имѣній, принадлежащихъ тѣмъ, которые, будучи виновниками конституціи 3-го мая, до сихъ поръ упорствуютъ въ своемъ революціонномъ духѣ, и находясь въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, не перестаютъ, посредствомъ интригъ и козней, возбуждать вредный демократическій духъ.

Въ засѣданіи конфедераціи 20-го апрѣля господствовалъ большой раздоръ. Литовская половина, руководимая Коссаковскими, готова была оказать всяческую покорность волѣ россійскаго посла и потому согласилась на возстановленіе упраздненнаго въ 1789 году «Постояннаго Совѣта.» Коронная половина, разжигаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, не допускала этого. «Польша, говорилъ Валевскій, должна склониться подъ гнетомъ страшной силы, но мы, связанные присягой, не должны быть святотатцами. Пока у меня не отнято право вздыхать и заявлять о чистотѣ намѣреній моихъ, свидѣтельствуюсь передъ Богомъ, передъ вами, обыватели, и передъ цѣлымъ свѣтомъ, не дозволю никакого про-

екта, имѣющаго цѣлью возвращеніе Постояннаго Совѣта и всѣхъ учрежденій 1772 года, истиннаго источника нашихъ бѣдствій.» Тогда была прислана приведенная выше нота Сиверса. Рѣшительный тонъ, показывавшій, что этотъ господинъ не желаетъ тянуть дѣлъ, заставилъ многихъ членовъ энергически воспротивиться протестующимъ. Буря поднялась большая, но кончилась, однако, тѣмъ, что Валевскаго стали покорно просить, и Валевскій оставилъ маршальскій жезлъ намѣстничества и передалъ его Антонію Пулавскому.

На другой день по возобновленіи Постояннаго Совѣта было рѣшено; прежніе члены вступили въ прежнія обязанности, а на мѣсто тѣхъ, которые выбыли по какому-либо поводу, назначены новые [1]).

Между тѣмъ Сиверсъ каждый день призывалъ короля изъ Бѣлостока. Онъ такъ силился убѣдить его, что написалъ ему письмо на девяти страницахъ, соглашался даже, чтобы король сидѣлъ въ Бѣлостокѣ и дожидался сейма, но пріѣхалъ бы на нѣсколько дней въ Гродно присутствовать на одномъ только засѣданіи Постояннаго Совѣта и подписать универсалы объ открытіи сеймиковъ и собраніи сейма. Станиславъ-Августъ все еще увертывался подъ ничтожными предлогами; сперва къ нему въ Бѣлостокъ пріѣзжала депутація отъ конфедераціи, а потомъ король послалъ въ Гродно своего конюшаго Кицкаго, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы приготовить себѣ покои въ Гродно, наконецъ съ крайнимъ нежеланіемъ и стѣсненнымъ сердцемъ онъ прибылъ въ Гродно 22-го апрѣля.

Послѣ энергическихъ заявленій Сиверса, конфедерація не выступала болѣе съ протестаціями. 27-го апрѣля данъ отвѣтъ на ноту 9-го апрѣля. Въ началѣ этого отвѣта изъявлена была при-

[1]) Виленскій воевода Михаилъ Радзивиллъ, коронный подскарбій Рохъ Коссовскій, королевскій секретарь Грановскій, паны: Свѣнтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, Забѣлло, Юндзило, Юзефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Ксаверій Валевскій; на третій день, 25-го апрѣля, прибавлены были слѣдующіе члены: Ѳеофилъ Залускій, Валицкій, Влодекъ, секретарь и шефъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ Тенгоборскій. Залускій и Тенгоборскій были помѣщены по рекомендаціи Игельстрома, и первый изъ нихъ вслѣдствіе любовной связи съ графинею Залуской, на которой Игельстромъ послѣ женился. Затѣмъ, за вакансіею маршала, Мнишекъ, маршалъ коронный, обязанъ былъ созвать прежнихъ членовъ Постояннаго Совѣта: плоцкаго епископа Шембека, жмудскаго Гедройца, троцкаго каштеляна Платтера, брестскаго воеводу Зиберга, сѣрадзьскаго каштеляна Бернадскаго, ленчицкаго каштеляна Липскаго, зарновскаго каштеляна Шидловскаго, сендомирскаго каштеляна Попеля, варшавскаго каштеляна Соболевскаго, и пановъ старостъ: Осмяловскаго, Шидловскаго, Курженецкаго, Янковскаго, Дзержбицкаго, полковника Конарскаго, ленчицкаго подкоморія Стаховскаго, генералъ-маіора Валевскаго и польнаго литовскаго писаря Гелгуда.

чина, почему конфедерація замедлила отвѣтомъ: она не надѣялась никогда услышать декларацію объ отторженіи провинцій Рѣчи-Посполитой, и потому находилась въ трудномъ положеніи соединить чувство страданія, возбужденное декларацією, съ долгомъ въ отношеніи союзныхъ дворовъ. Далѣе говорилось: «Генеральная конфедерація полагала, что предметъ отторженія отъ Рѣчи-Посполитой богатѣйшихъ областей не можетъ быть предметомъ сношеній и взаимныхъ объясненій, и декларація написана только для свѣдѣнія о томъ, что̀ угодно было государствамъ присоединить подъ свою власть. Конфедераціи казалось, что никакая власть, и даже самихъ сеймовъ не можетъ имѣть достаточной силы для отвращенія несчастій, упавшихъ на Рѣчь-Посполитую, поэтому конфедерація, присягнувъ разъ передъ Богомъ соблюдать цѣлость страны своей до наименьшихъ его частей, не можетъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ, ибо въ противномъ случаѣ на нее падало бы обвиненіе въ вѣроломствѣ.» Но какъ въ нотѣ г. посла отъ 18-го апрѣля, сказано, что всѣ квитанціи, данныя войску ея императорскаго величества не иначе будутъ ликвидованы, какъ послѣ выдачи универсаловъ на чрезвычайномъ сеймѣ, то генеральная конфедерація поручила нижеподписавшимся (намѣстнику маршалковъ Антонію Пулавскому и Іосифу Забѣллѣ) именемъ ея заявить, что генеральная конфедерація свидѣтельствуетъ передъ Богомъ, сострадательными сосѣдними и союзными государствами, и предъ своимъ справедливымъ и безпристрастнымъ народомъ, что она не принимала участія въ раздѣлѣ Польши и чувствуетъ себя совершенно правою по отношенію къ средствамъ, которыя она принимала по силѣ законовъ, гарантированныхъ тѣми же государствами, именно: призывая вновь Постоянный Совѣтъ, не отдавшій еще отчета въ своей прошлой администраціи, назначая новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или выбывшихъ на законномъ основаніи для пополненія комплекта, установленнаго въ 1775 году, сообщая этому учрежденію достодолжную дѣятельность для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей Рѣчи-Посполитой и представительства ея правленія.»

Этотъ отвѣтъ не понравился Сиверсу: онъ желалъ другого, болѣе покорнаго, безъ всякихъ жалобъ, но императрица не велѣла ему сердиться и дозволяла полякамъ излить естественную въ ихъ положеніи скорбь объ ударѣ, постигшемъ ихъ отечество. Она требовала покорности, а не насилія чувствъ. Вслѣдъ за тѣмъ, оба упрямца, Валевскій и Ржевускій, смирились, удовольствовавшись тѣмъ, что показали передъ всѣми свое мужество и патріотизмъ. Валевскій произнесъ присягу на вѣр-

ность императрицѣ, а Сиверсъ, все-таки не совсѣмъ довѣряя ему, обѣщалъ снять секвестръ съ его имѣній не ранѣе какъ только тогда, когда окончатся сеймики. Ржевускій сложилъ съ себя званіе польнаго гетмана, объявилъ, что не будетъ участвовать ни на сеймикахъ, ни на сеймѣ, и удалится за границу. Сиверсъ не только приказалъ тотчасъ снять секвестръ съ его имѣній, но даже предлагалъ ему мѣсто канцлера. Ржевускій сказалъ, что не приметъ никакой должности и не станетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла вообще.

Надобно было подписать универсалъ о созваніи сейма. Это была самая тяжелая минута для короля, этой минуты онъ такъ давно боялся; по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, онъ изнемогалъ духомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, грустный и задумчивый, онъ пригласилъ къ себѣ Сиверса. Они обѣдали за маленькимъ столомъ, въ кругу королевской родни и самыхъ близкихъ особъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ русскаго посланника въ свой кабинетъ и сталъ говорить о своихъ долгахъ, потомъ перешелъ къ своему положенію, къ своему стыду въ глазахъ всей современной Европы и потомъ сказалъ: «Ахъ, если бы мнѣ дозволили сложить корону! Долги меня безпокоятъ; я не столько забочусь о томъ, чѣмъ мнѣ жить, но долги—вотъ моя тягость; если бы только заплатили мои долги, и дали немного на содержаніе — я былъ бы доволенъ. Много найдется охотниковъ принять послѣ меня эту корону изъ рукъ ея императорскаго величества. Напишите объ этомъ императрицѣ, или позвольте написать мнѣ самому.» Рѣчь его была длинна; нѣсколько разъ король прерывалъ ее и принимался за нее снова.

Сиверсъ сказалъ королю:

«Ея императорское величество совсѣмъ не желаетъ вашего отреченія; она уже сообщала объ этомъ въ первомъ своемъ милостивомъ письмѣ, и мнѣ о томъ писала тоже нѣсколько разъ».

«Я знаю цѣну этого, сказалъ король, и продолжалъ свое. Если не приметъ короны великій князь Константинъ, другихъ много найдется, которые примутъ этотъ подарокъ.» Съ злобою и презрѣніемъ онъ упомянулъ о Щенсномъ Потоцкомъ въ числѣ кандидатовъ на престолъ.

«Я увѣренъ, — сказалъ Сиверсъ, — что онъ не будетъ королемъ.»

«Принцъ Виртембергскій, — продолжалъ король, только не тотъ, котораго мы въ Польшѣ видѣли, или графъ д'Артуа? говорятъ, они старались оба о коронѣ; но они оба не сдѣлаютъ Польшу счастливою.»

«А саксонскій электоръ, сказалъ Сиверсъ, очевидно испытывая его — онъ не принялъ бы ее?

«Нѣтъ, онъ бы принялъ, сказалъ король, у него нѣтъ сыновей, но есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ богата.»

Сиверсъ показалъ суровый видъ и сказалъ: «этотъ князь не заслужилъ благоволенія государыни.»

Король смутился, помолчалъ и сказалъ: «мнѣ не остается ничего—только отречься, лишь бы мои долги уплатили.» Сиверсъ сказалъ: «уплата можетъ уладиться, разумѣется съ пожертвованіями съ вашей стороны».

«Вы возьмете у меня экономіи?» сказалъ король.

«Да, ваше величество, сказалъ Сиверсъ; но они приносятъ вашему величеству только половину доходовъ».

«А что же вы мнѣ оставите?» спросилъ король.

«Пять или шесть мильоновъ; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Думаю дадутъ шесть мильоновъ. Если вы отречетесь отъ престола, вашему преемнику нечѣмъ будетъ жить, или уплата долговъ встрѣтитъ затрудненіе. Могли ли бы ваше величество жить въ уединеніи на полтора мильона?»

Король вдругъ повеселѣлъ. «Это 80 тысячъ червонцевъ! О, столько даже не нужно въ Римѣ или въ Неаполѣ.» Онъ протянулъ дружески Сиверсу руку. «Ахъ, если бы вы могли это для меня сдѣлать, любезный посолъ», сказалъ онъ по-нѣмецки. «Поѣдемте въ Италію, тамъ будемъ счастливы!»

Но Сиверсъ какъ будто холодною водою облилъ его своимъ сухимъ дѣловымъ тономъ. Король просилъ его писать къ императрицѣ объ отреченіи. «Хорошо, сказалъ холодно посолъ, я напишу, но знаю, что это напрасно».

Изъ этого разговора съ королемъ Сиверсъ тотчасъ вывелъ заключеніе, и донесъ императрицѣ, что, вѣроятно, король сносится съ эмигрантами, находящимися въ Дрезденѣ, и ему обѣщаютъ какую-нибудь пожизненную пенсію, если онъ отречется въ пользу саксонскаго электора.

Изготовленный универсалъ о созваніи сеймиковъ поданъ былъ королю 3-го мая. Нарочно ли выбрали этотъ день, или такъ неумышленно случилось, какъ увѣряетъ Сиверсъ, только для короля это обстоятельство увеличило скорбь. Въ тотъ самый день, который такъ недавно думали праздновать на вѣчныя времена, какъ день независимости и обновленія Польши, въ этотъ самый день король первый невольно долженъ былъ подымать топоръ на свое отечество. Станиславъ-Августъ обливался слезами, когда подписывалъ. Приступъ въ этомъ универсалѣ былъ таковъ:

«Нѣтъ надобности и причины распространяться о настоящемъ положеніи нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, не хотимъ умножить скорби собственнаго сердца и вашей, почтенные обыватели, мы обращаемся къ нашимъ соотечественникамъ, для которыхъ опубликованное въ печати не составляетъ тайны.»

Извѣщалось, что возобновленный конфедераціею Постоянный Совѣтъ призналъ за благо поручить королю собрать сеймъ въ Гродно, и потому шляхетство призывалось на сеймики 27-го мая, а сеймъ въ Гродно назначался 17-го іюня.

Страданія короля усилились послѣ этого шага, и онъ написалъ императрицѣ письмо въ такихъ выраженіяхъ:

«Тридцать лѣтъ труда, въ которыя я, желая всегда дѣлать добро, долженъ былъ бороться съ несчастіями всякаго рода, привели меня, наконецъ, къ безнадежности служить отечеству съ пользою, и исполнять мою обязанность съ честью. Настоящія обстоятельства таковы, что мой долгъ возбраняетъ мнѣ всякое личное участіе въ мѣрахъ, ведущихъ къ разрушенію Польши. Я желаю оставить должность, которую мнѣ невозможно исполнить съ достоинствомъ, предоставляя болѣе счастливому тотъ тронъ, который и безъ того черезъ нѣсколько лѣтъ мои годы и болѣзни сдѣлаютъ вакантнымъ».

III.

Мѣры Сиверса къ устройству сейма. — Открытіе гродненскаго сейма.

До открытія сеймиковъ, Сиверсъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выборъ палъ на такихъ пословъ, которые бы могли подписать все, что имъ прикажутъ. Два сильнѣйшихъ двигателя приведены были въ дѣйствіе для этой цѣли: подкупъ и страхъ. Около Сиверса были паны, получавшіе отъ Россіи жалованье за свои услуги и деньги для подкупа пословъ. Этимъ панамъ поручалось вести выборы. Эта обязанность въ Литвѣ была повѣрена Коссаковскимъ. Епископъ получилъ на выборы 4,000 червонцевъ. Онъ просилъ восемь, но Сиверсъ напомнилъ ему, что онъ уже и безъ того получаетъ черезчуръ много, именно 50,000 руб. годоваго дохода съ краковскаго епископства. Трехъ братьевъ Коссаковскихъ глубоко презиралъ Сиверсъ и не довѣрялъ имъ. Онъ боялся, что они могутъ, при случаѣ, измѣнить ему изподтишка. Другой агентъ въ Литвѣ былъ исправлявшій должность литовскаго маршала въ конфедераціи, Забѣлло, человѣкъ глубоко безнравственный, эгоистъ, грабитель казеннаго и частнаго

достоянія, творецъ разныхъ мерзостей, коварный и безстыдный; пользуясь своимъ значеніемъ, онъ съ корыстными цѣлями уничтожалъ приговоры судовъ, назначалъ по разнымъ дѣламъ коммиссіи, производившія большія несправедливости. Онъ ограбилъ собственнаго брата и даже мать свою, которая, по этому поводу, подала на него жалобу. Самъ Сиверсъ, чтобы прекратить такого рода насилія, дозволяемыя себѣ вліятельными членами конфедераціи, запретилъ конфедераціи безъ своего позволенія устроивать сходки и назначать коммиссіи. Этого-то человѣка съ самою дурною репутаціею Сиверсъ употребилъ для выборовъ и давалъ ему, кромѣ того, по 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, но не довѣряя ему, объявилъ, что будетъ не додавать ему жалованье, какъ только онъ позволитъ себѣ какія-нибудь уловки, незаслуживающія одобренія посланника. Пулавскій, назначенный маршаломъ конфедераціи, получилъ отъ Сиверса 1000 червонцевъ платы въ мѣсяцъ и кромѣ того, взялъ двѣ тысячи для выборовъ на Волыни, пятьсотъ на выборы въ Холмѣ, да сверхъ того тысячу восемьсотъ червонцевъ на десять пословъ, и тысячу червонцевъ на издержки своего путешествія. Міончинскій и Анквичъ, маршалъ Постояннаго Совѣта, поѣхали въ краковское и сендомирское воеводства; имъ Сиверсъ далъ 1,500 червонцевъ, а 3,000 червонцевъ они получили отъ Игельстрома для той же цѣли. Анквичъ былъ выбранъ люблинскимъ посломъ, и за это, какъ и за направленіе сеймика, получилъ особенно тысячу пятьсотъ червонцевъ. Оба, кромѣ того, получали по 1500 червонцевъ въ мѣсяцъ. Изъ получавшихъ тогда жалованье и руководившихъ выборами, большую роль игралъ Ожаровскій; онъ получалъ между 500 и 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, и сверхъ того ему дали на выборы 1000 червонцевъ. Этотъ человѣкъ былъ очень облагодѣтельствованъ отъ Россіи, получалъ жалованье издавна, еще при Штакельбергѣ и Булгаковѣ, а теперь ему дали званіе коменданта Варшавы, приносившее ему 24,000 злот. годового дохода. По сложеніи гетманства Ржевускимъ, его назначили гетманомъ. Несмотря на свои огромныя средства онъ жилъ такъ роскошно, что былъ весь въ долгахъ, сумма которыхъ доходила до 30,000 червонцевъ.

Маршаломъ предстоявшаго сейма предназначался Билинскій, человѣкъ развратный, игрокъ и плутъ. Сиверсъ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, на все готовое, и давалъ ему 1000 черв. въ мѣсяцъ, и сверхъ того 2,500 на открытіе сейма. Кромѣ этихъ, работали надъ сеймиками Оссолинскій въ Подляськѣ, получавшій 500 черв., Залускій, Понинскій и другіе, менѣе значительные. Прусскій посолъ обязанъ былъ давать за Пруссію,

какъ Сиверсъ за Россію. Съ своей стороны Игельстромъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10,000 черв., сумму, употреблявшуюся для той же цѣли. Его обязанностью было разослать отряды русскихъ войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ будутъ отправляться сеймики. Порядокъ въ этомъ случаѣ былъ таковъ: прежде раздавали деньги шляхтѣ, которая должна была съѣзжаться на сеймики, суммы на это выходили небольшія: кому десять, кому двадцать червонцевъ. Имъ приказывалось заранѣе выбрать маршаломъ сеймика такого-то, и послѣднему давали 500 червонцевъ. На этихъ сеймикахъ не дозволяли читать ничего такого, что бы могло волновать, и не допускали разсужденій. Получившая чужія деньги шляхта, угрожаемая русскими штыками, которые видѣла во-очію, избирала такихъ пословъ, какихъ указывалъ посланный агентъ-полякъ, и избранному послу давали жалованье: размѣръ его былъ различенъ, смотря по достоинству того, кому давали; были послы, что получали по 500 черв. въ мѣсяцъ, другіе менѣе, даже по сту, но всего выходило со стороны Россіи среднимъ числомъ червонцевъ по 200 на каждаго посла въ мѣсяцъ. Въ Литвѣ подъ ферулою Коссаковскаго и Забѣлла на каждаго посла приходилось также по 200 черв. Кромѣ того Сиверсъ обѣщался нѣкоторыхъ содержать на русскій счетъ во время пребыванія на сеймѣ. Въ такомъ способѣ не было ничего новаго или необычнаго въ Польшѣ. Игельстромъ употреблялъ ту же систему двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, да и безъ вліянія иностраннаго дѣлалось такъ изстари предъ каждымъ сеймомъ, только тогда вліятельные паны дѣлали тоже самое, что теперь дѣлали Россія и Пруссія. Для большей безопасности, по приказанію Сиверса, генеральная конфедерація издала 11-го мая санциту (распоряженіе), чтобы не допускать на сеймикахъ къ участію не только тѣхъ, которые не отступились отъ конституціи 3-го мая, но даже и такихъ, которые прежде заявляли какъ-нибудь похвалы этой конституціи, или впослѣдствіи осуждали дѣянія генеральной конфедераціи.

Около Сиверса составился кружокъ сотрудниковъ. То были маршалъ Рачинскій, человѣкъ издавна получавшій отъ Россіи жалованье еще во времена Штакельберга, продажный и безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, но умный и работящій. Другой его товарищъ въ дѣлахъ былъ Мошинскій, внукъ короля Августа. Никто не могъ укорять его, чтобы онъ бралъ когда-нибудь жалованье отъ иностранныхъ дворовъ, или кривилъ душою для выгоды. Онъ служилъ прежде въ скарбовой коммиссіи и считался, а еще болѣе самъ себя считалъ великимъ финансистомъ. Во время конституціи 3-го мая, онъ призналъ ее и произносилъ ей похвалы; при появленіи тарговицкой конфе-

дераціи, уѣхалъ въ Дрезденъ съ Малаховскимъ и Коллонтаемъ, но тамъ пожалѣлъ объ имѣніяхъ, которыя конфедерація хотѣла секвестровать, воротился въ отечество, присталъ къ конфедераціи и поддѣлался къ Сиверсу. У него въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи, было двадцать пять тысячъ душъ крестьянъ, и расположеніе къ Россіи этого Аристида, какимъ онъ самъ себя выставлялъ, вполнѣ понятно. Русскій посланникъ любилъ его. Вдвоемъ съ Рачинскимъ, они состряпали конституцію для Польши и толковали о разныхъ улучшеніяхъ, въ томъ числѣ о каналахъ и путяхъ сообщеній, а это былъ, такъ сказать, любимый конекъ Сиверса. Составляя съ ними проекты, онъ посылалъ ихъ Екатеринѣ, но государыня не отвѣчала на нихъ вовсе, и когда наконецъ, какъ видно, они ей надоѣли, приказала отложить занятія конституціей на будущее время. Прозорливая Екатерина уже не считала возможнымъ существованіе самостоятельной Польши, на дальнѣйшее время. Дни ея были сочтены въ умѣ государыни; поэтому-то она и не обращала вниманія на то, что охотникъ до преобразованій и учрежденій, бывшій новгородскій губернаторъ съ такою наивною довѣрчивостью и добродушною болтовнею присылалъ ей. Въ числѣ лицъ, на которыхъ разсчитывалъ Сиверсъ, были тогда люди, занимавшіе правительственныя мѣста. Мѣсто канцлера, по выходѣ Малаховскаго, Сиверсъ далъ князю Антонію Сулковскому, котораго имѣнія лежали въ областяхъ земель, отходившихъ къ Пруссіи, и который съ молодыхъ лѣтъ уже служилъ тайно Россіи и привыкъ къ этому такъ, что Сиверсъ увѣренъ былъ, что онъ способенъ всегда измѣнить Пруссіи для Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало довѣрялъ ему. Епископъ Масальскій издавна извѣстенъ былъ какъ вѣрный и постоянный слуга Россіи. Любитель веселаго житья, хорошаго вина, женщинъ и игры, славный издавна своими пирами, Масальскій въ Гродно долженъ былъ служить Россіи тѣмъ, чтобы кормить, поить и забавлять въ своемъ домѣ пословъ и настроивать ихъ въ такомъ духѣ, какой нуженъ былъ Сиверсу и Бухгольцу.

Изъ другихъ пановъ, окружавшихъ Сиверса, два подскарбія, Дзѣконьскій и Огинскій были въ распоряженіи русскаго посланника; первый, приверженецъ короля, человѣкъ уклончивый, обращавшійся на сторону Россіи потому, что это была сила болѣе всякой другой внушавшая страха; второй — сторонникъ конституціи 3-го мая, ради своихъ имѣній, отходившихъ къ Россіи, приставшій притворно къ конфедераціи, ѣздившій для спасенія этихъ имѣній въ Петербургъ, поклонами Зубову выхлопотавшій себѣ должность по указу Екатерины, и постоянно показывавшій себя въ двухъ лицахъ: между патріотами онъ говорилъ, что дѣйствуетъ

по неволѣ, передъ Сиверсомъ и русскими разыгрывалъ полезнаго для Россіи человѣка. Къ этому разряду пановъ, увивавшихся около русскаго посла, слѣдуетъ отнести и богатаго Людовика Тышкевича, котораго прочили въ литовскіе маршалы для будущаго сейма. За нимъ слѣдуютъ члены Постояннаго Совѣта: Юзефовичъ, Мечковскій, Модзелевскій, Швейковскій, Гелгудъ, Платтеръ, Тенгоборскій, Лопота, Высоцкій, Валицкій и пр., — всѣ до поры до времени ради своихъ имѣній готовы были поклоняться тому божеству, отъ котораго зависѣли ихъ маетности. Надобно замѣтить, что тогда не только полученіе жалованья отъ русскаго посланника и надежды на личныя выгоды отъ императрицы наклоняли многихъ къ Россіи; были люди, которымъ надоѣли безпрестанныя неустройства и безвыходныя смуты польской Рѣчи-Посполитой, люди, которые перестали надѣяться на что-нибудь въ будущемъ для нея и приходили къ убѣжденію, что при соединеніи съ Россіею будетъ болѣе спокойствія. Изъ двухъ золъ предпочитали меньшее. Всѣ тогда готовы были идти лучше подъ власть Россіи, чѣмъ Пруссіи. Отъ этого холмская земля добровольно обратилась къ Екатеринѣ и просила принять ее подъ свою власть.

«Если намъ — писано въ ея прошеніи — суждено неизбѣжно отпасть отъ тѣла Рѣчи-Посполитой, то мы хотимъ подъ кроткимъ господствомъ вашего императорскаго величества пользоваться свободою наравнѣ съ другими новозанятыми краями». Императрица приказала Сиверсу (отъ 15-го іюня) благодарить шляхту холмской земли за такое желаніе и призвавши холмскихъ пословъ объявить имъ, что, оставляя ихъ землю въ составѣ Рѣчи-Посполитой, она будетъ ихъ охранять отъ дурныхъ событій, которыхъ они боятся, и стараться о благоденствіи Рѣчи-Посполитой, которой они всегда будутъ принадлежать».

Въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣлившія польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ. Давняя ненависть южно-русскаго народа на Волыни и на Украинѣ постоянно готова была вспыхнуть, какъ бывало въ прежнія времена: только русскія войска удерживали народъ отъ бунтовъ, и не только въ этой заповѣдной странѣ ненависти къ ляхамъ, даже въ коренной Польшѣ прорывалась долго сдерживамая злоба простого народа къ дворянству. Въ странѣ, занятой пруссаками, началось волненіе между крестьянами; подданные не хотѣли слушаться пановъ своихъ, не шли на работы, требовали вольности, подавали на имя прусскаго короля жалобы на утѣсненія своихъ пановъ, такъ что паны прибѣгли съ просьбой къ Меллендорфу, принудить не-

покорныхъ къ работѣ войскомъ. Меллендорфъ отвѣтилъ крестьянамъ, чтобы они оставались въ послушаніи панамъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новое устройство области и королевскій судъ не разберетъ ихъ жалобъ, а обывателямъ вмѣнялъ въ обязанность не раздражать крестьянъ и не облагать ихъ повинностями болѣе того, сколько они отбывали прежде.

Казалось бы, съ такою обстановкой и въ такихъ условіяхъ, дѣло Сиверса должно было пойти какъ по маслу, и дѣйствительно, все давало поводъ надѣяться, какъ и надѣялся Сиверсъ, окончить свою работу присоединенія областей какихъ-нибудь недѣли въ двѣ. Послы съѣхались въ Гродно; Сиверсъ давалъ на шестьдесятъ пословъ одинъ за другимъ обѣды, нанималъ для нихъ черезъ своего агента Боскампа квартиры и экипажи. Къ 17-му іюня большая часть ихъ заручена была полученнымъ жалованьемъ. Но тутъ оказалось, что довѣренные Сиверса, и особенно Коссаковскіе, провели его. Во-первыхъ, несмотря на всѣ предосторожности, прорвались въ число пословъ люди противныхъ убѣжденій, и даже участники бывшаго сейма; во-вторыхъ, изъ получившихъ русскія и прусскія деньги, нашлось не мало такихъ, которые, поживляясь на счетъ дѣлившихъ Польшу державъ, въ тоже время сочли удобнымъ поиграть въ патріотизмъ, поступая такъ, чтобы, какъ говорится, и козы были цѣлы, и волки сыты. Отъ этого суть дѣла хотя не испортилась, хотя предотвратить грозящей бѣды для Рѣчи-Посполитой ея представители не были въ состояніи, но они могли тянуть время, строить козни, интриговать, лукавить, выдумывать недоумѣнія и вообще ставить посланникамъ подъ ноги бревна, и черезъ то самое затруднять ихъ и приводить въ досаду. Въ этомъ и состоитъ исторія этого сейма, послѣдняго сейма Рѣчи-Посполитой.

На первомъ же засѣданіи, при открытіи сейма, началась буря. Сеймы въ Польшѣ открывались маршаломъ прошедшаго сейма, но таковаго тогда не было, и этотъ сеймъ открылъ маршалъ Постояннаго Совѣта Анквичъ, бывшій въ то же время краковскимъ посломъ, а это званіе давало ему старшинство между прочими послами. Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма Билинскій и литовскимъ Тышкевичъ. Тутъ возникъ вопросъ. Еще не бывало въ Польшѣ, чтобы собирался сеймъ при нераспущенной конфедераціи. Какъ надобно было присягать? Анквичъ обратился съ этими вопросами къ конфедераціи, и конфедерація прислала формулу присяги, въ которой внушали сейму обязанность зависѣть отъ конфедераціи и слушаться ея, засѣданія открывать при закрытыхъ дверяхъ, безъ арбитровъ или свидѣтелей, и не прибѣгать при рѣшеніи дѣлъ къ баллоти-

ровкѣ. Противъ этого поднялись голоса. «Что это, — кричали многіе послы — конфедерація предписываетъ намъ законы; вѣдь сеймъ выше всѣхъ конфедерацій». Первое засѣданіе не кончилось ничѣмъ.

Собрались на другой день — опять шумъ, крики. Когда маршалъ Билинскій подошелъ цѣловать крестъ и хотѣлъ произносить присягу, толпа недовольныхъ членовъ вырвала у него распятіе. Въ залу впустили постороннихъ; они шумѣли противъ конфедераціи. Одни послы кричали, чтобы посторонніе ушли; другіе требовали, чтобы посторонніе оставались въ залѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ кричали, никто никого не слушалъ. На третій день — та же сцена. Между тѣмъ по польскимъ обычаямъ, было такъ, что если двѣ Избы, сенаторская и посольская, не сойдутся вмѣстѣ на третій день сейма, до заката солнца, то сеймъ считается прерваннымъ. Сиверсъ, которому обо всемъ доносили, подозрѣвалъ, что здѣсь можетъ быть такъ дѣлается съ хитростью, затѣмъ, чтобы прекратить сеймъ, заставить собирать другой, и тѣмъ самымъ тянуть время, и послалъ русскаго генерала Раутенфельда арестовать тѣхъ членовъ, которые кричали и не давали маршалу присягать. То были Шидловскій, князь Адамъ Понинскій, Выгановскій, Блешинскій, Раковскій, Служевскій, Микорскій и Карскій. Послѣдній убѣжалъ къ королю въ его переднюю; генералъ выманивалъ его оттуда, подъ предлогомъ приглашенія обѣдать, но онъ упрямился и не выходилъ. Когда не стало въ залѣ всѣхъ этихъ крикуновъ, велѣно было удалить всѣхъ постороннихъ, и тогда маршалъ сейма произнесъ присягу по формѣ, присланной конфедераціей, но съ тою разницею, что присягалъ слушать не конфедерацію, а собранныхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой. Затѣмъ обѣ Избы соединились, и всѣ были поражены бѣдностью числа лицъ въ сенаторской Избѣ; кромѣ министровъ Тышкевича, Дзѣконьскаго, Огинскаго, Мнишка, гетмана Коссаковскаго, Сулковскаго, Платтера, было только три сенатора, именно Коссаковскій, его братъ виленскій воевода и Суходольскій. Отъ этого нельзя было даже соблюсти обычной при этомъ формы, по которой король долженъ былъ назначить нѣсколько сенаторовъ для приглашенія посольской Избы къ соединенію съ сенаторскою. По соединеніи Избъ, новоизбранный маршалъ произнесъ рѣчь, въ которой постарался елико возможно обругать предшествовавшій сеймъ и назвалъ его виновникомъ бездны золъ, въ которую упала Рѣчь-Посполитая.

На слѣдующемъ послѣ того засѣданіи — опять новое недоумѣніе. Въ залу нашли посторонніе. Нѣкоторые послы, опираясь на то, что конфедерація приказывала держать засѣданія безъ

арбитровъ, требовали ихъ выхода; другіе хотѣли, чтобы они оставались, потому что по прежнимъ обычаямъ всегда допускались арбитры, исключая тѣхъ засѣданій, когда разсматривались особой важности политическіе предметы. Маршалъ литовскій Тышкевичъ поддерживалъ право присутствовать арбитрамъ, ради большей пышности и блеску. Билинскій настаивалъ, чтобы они вышли, такъ какъ наступаютъ разсужденія такого рода, которыя и по прежнимъ обычаямъ обходились безъ свидѣтелей. Посторонніе должны были уйти. Тышкевичъ, послѣ того, получилъ отъ Сиверса строгое внушеніе.

По уходѣ постороннихъ были представлены сейму ноты обоихъ посланниковъ, Сиверса и Бухгольца, съ предложеніемъ сейму въ самомъ началѣ заняться содержаніемъ деклараціи 9-го апрѣля, «чтобы облегчить исполненіе этого неизбѣжно-необходимаго дѣла— сказано было въ нотахъ—которое должно возвратить въ возможно-скоромъ времени спокойствіе Рѣчи-Посполитой и установить въ тоже время спасительный и угодный націи образъ правленія, нижеподписавшійся проситъ собранныхъ членовъ безотлагательно назначить делегацію съ достаточнымъ полномочіемъ, съ которою онъ могъ бы войти въ совѣщанія и заключить окончательно трактатъ на основаніи означенной деклараціи, каковый окончательно будетъ ратификованъ впослѣдствіи королемъ съ сеймомъ».

Всталъ король и сказалъ: «Я приступилъ къ генеральной конфедераціи, гарантированной императрицею, только потому, что актъ ея увѣрилъ меня въ цѣлости и независимости Рѣчи-Посполитой. Я не могу никакъ освободить себя отъ обязательствъ, принятыхъ при моемъ приступленіи къ конфедераціи, и рѣшился ни подъ какимъ видомъ не подписывать какого бы то ни было трактата, который имѣетъ цѣлью лишить Рѣчь-Посполитую хотя бы самой малѣйшей части ея владѣній; надѣюсь, что и члены сейма, связанные тою же клятвою, съ удовольствіемъ послѣдуютъ моему примѣру. Дадимъ на присланныя ноты отвѣтъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и представимъ сильные и убѣдительные доводы, которые бы могли произвести возвращеніе намъ занятыхъ земель, въ надеждѣ, что мудрость и великодушіе ихъ величествъ россійской императрицы и прусскаго короля признаютъ, что наша нація не дала никакихъ поводовъ къ такому поступку».

Эта рѣчь принята была съ видимымъ восторгомъ; даже и тѣ, которые видѣли здѣсь препятствіе къ скорѣйшему успѣху дѣла, за которое имъ платили деньги, находили нужнымъ показать свой патріотизмъ.

На слѣдующій день, 21-го іюня, въ началѣ засѣданія возникъ вопросъ, слѣдуетъ или нѣтъ допускать къ засѣданіямъ

арбитровъ. Актъ — говорили нѣкоторые послы — который послужилъ поводомъ къ удаленію арбитровъ, не есть подлинный актъ генеральной конфедераціи, а только его копія и потому вопросъ еще не рѣшенъ. Анквичъ и Ожаровскій говорили за легальную силу этой копіи. Вдругъ Тышкевичъ объявилъ: «я согласился на удаленіе арбитровъ во вниманіе къ обстоятельствамъ прошлаго засѣданія, и соображаясь съ закономъ, я не вижу ничего чтобы уполномочивало насъ на ихъ удаленіе». Тотчасъ на галереяхъ, куда успѣли проникнуть посторонніе, раздались рукоплесканія. Но со стороны противной партіи, между послами, раздались крики неодобренія, негодованія: видѣли въ этомъ даже опасный якобинизмъ. Стали потомъ разсуждать объ отвѣтѣ. «Намъ, говорили нѣкоторые, слѣдуетъ просить ея императорское величество русскую императрицу и короля прусскаго отложить ихъ намѣреніе учинить новый раздѣлъ Польши; послѣ 1775 г., когда произошелъ первый раздѣлъ владѣній Польши, былъ гарантированъ договоръ съ Польшею; Польша не сдѣлала ничего такого, что бы могло считаться нарушеніемъ договора съ ея стороны. Въ декларацiи императрицы 18-го мая 1792 г. не угрожали намъ раздѣломъ; спросимъ же, по крайней мѣрѣ, императрицу, чѣмъ именно Польша навлекла на себя несчастіе». Янковскій, посолъ сендомирскій, прибавилъ къ этому, что слѣдуетъ, кромѣ того, обратиться къ нѣмецкому императору, къ Англіи, Швеціи и другимъ государствамъ, съ просьбою о ходатайствѣ съ ихъ стороны предъ россійскою императрицею и прусскимъ королемъ, а для этого послать особыхъ пословъ, но какъ оказалось, что финансовыя средства для содержанія такихъ пословъ недостаточны, то рѣшили ограничиться тѣмъ, что обратиться съ такими вопросами къ посламъ иностранныхъ государствъ, находящимся въ Польшѣ. Къ посланникамъ составили ноту уклончиваго свойства. Въ ней между прочимъ говорилось: «декларація 9-го апрѣля, гдѣ упоминается о съуженіи границъ Рѣчи-Посполитой, никакъ не была понята чинами въ смыслѣ акта, извѣщающаго о безповоротномъ отобраніи провинцій и послѣдовавшія распоряженія, вытекавшія отсюда, считались дѣломъ второстепенныхъ властей, а не выраженіемъ воли государыни, которой великодушіе и чувствованія превышаютъ ея могущество»; сеймъ извѣщалъ, что онъ не имѣетъ достаточной власти отдѣлять отъ республики какія бы то ни было ей принадлежащія земли и всякая подобнаго рода уступка не будетъ имѣть законной силы. Въ заключеніе просили посланниковъ яснѣе выразить предметъ обсужденій требуемой делегаціи. Все это только протягивало время; чтобы еще болѣе протянуть

его, новые члены требовали изложить сейму состояніе финансовъ, другіе—состояніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Но Сиверсъ не далъ долго задумываться сейму, и 13-го (24-го) іюня отправилъ снова ноту, гдѣ выразился, что онъ, сообразно своей инструкціи, неизмѣннымъ намѣреніямъ ея величества императрицы, не можетъ входить въ разсужденія о предметѣ декларации, а потому вторично требуетъ безотлагательнаго назначенія делегаціи съ полномочіемъ для заключенія договора въ смыслѣ декларации 9-го апрѣля. Почти дословно такую же ноту послалъ и Бухгольцъ.

IV.

Дѣло о назначеніи делегаціи для подписи договора съ Россіей.—Увертки сейма.—Энергическія мѣры Сиверса.—Назначеніе делегаціи.—Уступка Россіи земель.

Послѣ этого прошло три дня въ продолжительныхъ засѣданіяхъ и толкахъ о назначеніи делегаціи. Маршалъ сейма Билинскій былъ того мнѣнія, чтобы назначить делегацію по предписанію посланниковъ и исполнить ихъ волю. Поддерживая его, Ожаровскій говорилъ: «Назначеніе делегаціи есть единственное средство, которое намъ осталось, чтобы дать Польшѣ спокойствіе, а потому слѣдуетъ выбрать делегацію и теперь же дать инструкцію». За безусловное послушаніе волѣ посланниковъ говорили послы: равскій Влодекъ, краковскій Анквичъ, люблинскіе Залѣскій и Міончинскій, закрочимскій Виламовскій, но противъ нихъ поднялъ протестъ цѣлый кружокъ рьяныхъ пословъ, между которыми отличались сендомирскіе Блешинскій, Гославскій и Случевскій, черниховскій Голинскій, вышегродскій Микорскій, рожанскіе Цѣмневскій и Модзолевскій. Они кричали, что не допустятъ назначенія делегаціи и стоятъ за поданный проектъ ихъ товарища Янковскаго, состоявшій въ томъ, чтобы, не входя въ требуемыя посланниками объясненія, назначить пословъ къ императрицѣ, королю прусскому, и просить ихъ отмѣнить раздѣлъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправить и къ другимъ дворамъ просьбу о ходатайствѣ предъ императрицею, въ особенности же къ императору. Канцлеры, по прежнему приговору сейма, уже писали къ находившимся въ Варшавѣ иностраннымъ министрамъ, австрійскому, голландскому, шведскому, англійскому и къ папскому нунцію, но получили отъ нихъ короткія записки, гдѣ не было ничего, кромѣ дружескихъ чувствъ и обѣщаній сообщить своимъ дворамъ, что слѣдуетъ. Это естественно показалось Избѣ недостаточнымъ. Главное, хотѣли какъ бы то ни было протянуть

время и думали, что вмѣшательство другихъ дворовъ затянетъ вопросъ, и отдалитъ его роковое разрѣшеніе. Лидскій посолъ Александровичъ говорилъ: «Европейскіе дворы не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ Польши въ виду того чрезвычайнаго могущества, какое пріобрѣтаютъ двѣ союзныя державы, нарушая равновѣсіе». Увлекаясь порывами краснорѣчія, онъ обратился къ королю и восклицалъ: «веди насъ, наияснѣйшій государь, и мы всѣ за тобою!» Холмскій епископъ Скаржевскій объявлялъ, что на основаніи религіи, насильственная присяга, произнесенная жителями отобранныхъ провинцій, недѣйствительна. Но маршалъ сейма не допустилъ проектъ Янковскаго къ голосованію, несмотря на сильную бурю противъ себя: въ особенности отличался рѣзкимъ тономъ противъ Билинскаго Микорскій. Холмскій посолъ Куницкій, казавшійся расположеннымъ къ Россіи, допускалъ только съ нею, а никакъ не съ Пруссіею, вступать въ переговоры, и говорилъ: «надобно на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить сеймъ; можетъ быть въ это время случится какая-нибудь благопріятная для насъ перемѣна».

Епископъ Коссаковскій принялъ на себя роль примирителя обѣихъ крайностей, представлялъ, что можно соединить оба проекта воедино. «Надобно—говорилъ онъ—обратиться къ иностраннымъ дворамъ, но незачѣмъ посылать особыхъ пословъ: это ввело бы насъ въ издержки; достаточно сообщить наши просьбы посредствомъ нашихъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ. Между тѣмъ въ требованіи назначить делегацію я не вижу ни малѣйшаго шага къ требованію уступокъ, иначе я бы самъ отвергъ его; но въ немъ не упоминается ни о полномочіи делегаціи, ни объ инструкціяхъ, какія слѣдуетъ дать членамъ делегаціи. Я думаю, очень опасно отвергать всякую возможность соглашенія, предлагаемаго намъ министрами дворовъ». Король принялъ это мнѣніе, произнесенное его личнымъ врагомъ, какимъ былъ всегда епископъ. Анквичъ, зная, какъ много значили для того общества, въ которомъ онъ находился, слова и фразы, предлагалъ, вмѣсто делегаціи, назвать ее депутаціею, иначе слово делегація напоминала ту делегацію, которая оставила по себѣ возмутительную память о первомъ раздѣлѣ. Коссаковскій подхватилъ эту мысль и повторялъ ее. Многихъ это обрадовало, казалось уже одна перемѣна названія на половину спасала Польшу. Мысль объ отдѣленіи трактата съ Россіею отъ трактата съ Пруссіею, овладѣла мало-по-малу большинствомъ Избы. Ярые противники всякаго трактата должны были умолкнуть предъ ясными доводами о крайней неизбѣжности. Ожаровскій говорилъ: «Европа достаточно видитъ, что мы, назначая депутацію, сдѣлали это

по неволѣ, а не по доброй волѣ; этого отъ насъ требуютъ вооруженною рукою, стало быть нельзя не исполнить требованія; русская сила можетъ насъ сломить въ одну минуту, и безразсудно было бы намъ безплоднымъ упрямствомъ причинять разореніе нашему отечеству».

Многіе изъ членовъ, Скирмонтъ (новогродскій), Случевскій (сендомирскій), Коссаковскій (ковенскій), Нарбутъ, Шишко (лидскіе) и другіе одинъ за другимъ говорили въ пользу соединенія съ Россіею. Рѣчистѣе всѣхъ былъ Нарбутъ. «Сознаемся, говорилъ онъ, что у Россіи есть причины жаловаться на Польшу; на послѣднемъ сеймѣ къ Россіи было мало уваженія, разорванъ былъ трактатъ о гарантіи; мы предпринимали противъ нея войну. Все это заслуживало, чтобы Рѣчь-Посполитая теперь прибѣгнула къ такимъ средствамъ, которыя бы заставили Россію забыть все прошедшее и привели къ истинному примиренію съ великодушною императрицею, которой дружба можетъ еще воскресить для Польши счастливые дни. Назначимъ же депутацію для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею. Но совсѣмъ другое у насъ съ Пруссіею. Берлинскому кабинету мы одолжены всѣми настоящими несчастіями; онъ первый побудилъ Польшу разорвать гарантію Россіи и требовать очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ, и черезъ то ему удалось устроить недружелюбныя отношенія къ Россіи. Нынѣшнія притязанія прусскаго короля противны его дружественнымъ договорамъ съ Польшею, ибо онъ торжественно гарантировалъ ей цѣлость ея владѣній. Когда приписывали берлинскому двору проектъ присвоенія Гданска, его министры объявили намъ, что они удивляются, какъ люди образованные, каковы члены сейма, могутъ вѣрить такимъ выдумкамъ. Теперь его величество прусскій король ввелъ въ Польшу войска подъ тѣмъ предлогомъ, будто польскія провинціи заражены якобинствомъ; но вѣдь онъ могъ увѣриться, что никакихъ якобинцевъ нѣтъ въ Польшѣ, и потому слѣдуетъ просить его прусское величество вывести свои войска изъ Польши.» Древновскій (ломжинскій) говорилъ за переговоры и съ Пруссіею, указывая на то, что Россія дѣйствуетъ совмѣстно съ Пруссіею. Его сторону приняли послы мазовецкіе, потому что боялись Пруссіи: ихъ край прилегалъ къ захваченнымъ Пруссіею землямъ, и они могли ожидать, что, за сопротивленіе, прусскія войска войдутъ и станутъ разорять ихъ имѣнія. Послѣ многихъ споровъ наконецъ положили рѣшить дѣло голосованіемъ по вопросу: вести ли переговоры съ одной Россіей, или въ одно время и съ Пруссіей? Большинство голосовъ (107 противъ 24) рѣшило въ пользу того, чтобы ихъ вести съ одной Россіей. Изъ двадцати четырехъ противныхъ голосовъ двадцать

были даны лицами самыми преданными Россіи, и послушными ей; они не хотѣли пристать къ большинству, оттого только, что буквально слушались русскаго посланника.

Это непослушаніе, однако, могло быть, съ извѣстной стороны втайнѣ пріятно русскому послу; оно показывало, что поляки гораздо наклоннѣе къ Россіи, чѣмъ можно было предполагать; оно притомъ объяснялось бесѣдою съ Коссаковскимъ, которую велъ Сиверсъ наканунѣ этого дня.

Епископъ увѣрилъ русскаго посланника, что Литва и часть Короны готовы соединиться съ Россіею и совершенно отдаться въ подданство императрицѣ. «Лишь бы — говорилъ онъ, — наши привилегіи были ненарушимы, повѣрьте, всѣ къ этому пристанутъ».—«Я—сказалъ Сиверсъ —въ этомъ отношеніи могъ бы заранѣе вамъ поручиться, что государыня оставила бы вамъ свободу избранія судей и раскладки податей. Впрочемъ, я скажу вамъ, что въ Россіи повинности легче, чѣмъ въ Польшѣ, а что касается другихъ отношеній къ престолу, то льготы, которыя ея величество даровала своимъ подданнымъ, могутъ свидѣтельствовать о благости ея намѣреній.»

Но когда, послѣ того, въ голосованіи одержало верхъ мнѣніе, показывавшее, что поляки предпочитаютъ Россію Пруссіи, Сиверсъ нашелъ его несогласнымъ съ оффиціальнымъ требованіемъ своего правительства и написалъ грозную ноту вмѣстѣ съ Бухгольцемъ. Впрочемъ, Сиверсъ, какъ нѣмецъ по происхожденію, не могъ по чувству черезъ мѣру увлечься предпочтеніемъ, какое оказывали славяне славянамъ передъ нѣмцами, а какъ умный и проницательный человѣкъ, не могъ не видѣть хитрости за этимъ признакомъ дружелюбія. Поляки хватались за все, какъ утопающій за бритву. Они воображали, что можно будетъ затянуть въ дѣло иностранныя державы, устроить изъ польскаго вопроса обще-европейскій и передать его безконечной работѣ кабинетной дипломаціи; помышляли вмѣстѣ съ тѣмъ прельстить Россію надеждами овладѣть всею Польшею и поссорить ее съ Пруссіею. Такого рода хитрость была простодушна. Дѣло было рѣшено заранѣе, все разсчитано, и естественно, хитрость этого рода удаться не могла. Сиверсъ вмѣстѣ съ Бухгольцемъ 28-го іюня послали ноту, очень короткую, замѣчали неумѣстность видовъ отдѣлить интересы россійскаго двора отъ интересовъ прусскаго, взвѣшенные мудростью ихъ монарховъ, и объявляли, что только принятіе способа равныхъ отношеній къ обоимъ союзнымъ дворамъ можетъ привести сношенія къ счастливому окончанію и возвратить Польшѣ желанное спокойствіе.

Въ выходкахъ короля, въ особенности въ его рѣчи, въ ко-

торой онъ возбуждалъ сеймъ къ несогласію на добровольную уступку земель, Сиверсъ видѣлъ прямую измѣну и тотчасъ объявилъ наложеніе секвестра на всѣ королевскіе и казенные доходы, да вмѣстѣ съ тѣмъ наложилъ секвестрацію на имѣнія литовскаго маршала Тышкевича, въ особенности за то, что онъ допускалъ постороннихъ, которые, по соображеніямъ Сиверса, способствовали патріотическимъ выходкамъ Избы. Онъ объявилъ, что не сниметъ секвестра до тѣхъ поръ, пока не составится требуемая делегація или депутація для трактата съ Россіею и Пруссіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлось союзнымъ дворамъ.

Когда, 28-го іюня, нота была прочитана въ сеймѣ, люблинскій посолъ Міончинскій, состоявшій на жалованьи у Россіи, подалъ проектъ о назначеніи делегаціи для переговоровъ съ послами обоихъ государствъ, но противъ него поднялось множество голосовъ; требовали читать проектъ инструкціи для депутаціи, которую предназначали для переговоровъ съ однимъ только русскимъ посланникомъ. Напрасно Билинскій, маршалъ сейма, силился склонить членовъ сейма къ послушанію новой нотѣ обоихъ посланниковъ; кричали, что вести переговоры съ однимъ Сиверсомъ посредствомъ депутаціи, уже постановлено закономъ. И это мнѣніе взяло верхъ; положили вопросъ о присланной нотѣ отнести къ делибераціи (по нашему, въ длинный ящикъ), и канцлеръ Сулковскій началъ чтеніе проекта предварительно. Въ началѣ онъ замѣтилъ, что въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ Польшѣ не на кого и ни на что нельзя надѣяться. Прочитанный проектъ состоялъ изъ четырехъ пунктовъ: въ первомъ, прежде всего хитро была припомянута декларація императрицы, изданная при началѣ тарговицкой конфедераціи (какъ бы въ огражденіе обѣщанной тогда цѣлости государства), и потомъ предоставлялось депутаціи совѣщаться съ россійскимъ посломъ объ устройствѣ такого вѣчнаго союза Рѣчи-Посполитой съ Россіей, при которомъ обѣ державы считались какъ бы единымъ тѣломъ по отношенію къ безопасности и общности выгодъ жителей, такъ и по взаимности издержекъ въ каждой потребѣ и взаимной помощи. Во второмъ пунктѣ, поручалось депутаціи установить правила объ устраненіи недостатковъ польскаго правленія. Въ третьемъ, имъ поручалось установить договоръ о торговлѣ Польши съ Россіею, и о взаимномъ устройствѣ путей сообщенія. Въ четвертомъ—поручалось просить русскаго посланника посредствовать для заключенія выгоднаго торговаго трактата съ Пруссіею. Объ уступкѣ земель не говорилось, но въ концѣ было сказано: «Рѣчь-Посполитая убѣждена, что, соединяясь, сколько возможно тѣснѣе, съ россійскимъ государствомъ,

она бо̀льшую приноситъ жертву, чѣмъ если бы отдавала свои земли и имущества для вѣрности вѣчнаго союза.» Депутація въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться для разрѣшенія вопросовъ къ сейму, и сама не имѣла права рѣшать ничего.

На слѣдующій день, 1-го іюля, сеймъ былъ пораженъ наложеніемъ секвестраціи на польское казначейство и королевскія экономіи. Случевскій потребовалъ, чтобы канцлеры просили отмѣны такого насилія; король же, поблагодаря членовъ сейма за участіе къ его положенію, замѣтилъ, что лучше этотъ вопросъ отнести къ делибераціи, а теперь заняться разсмотрѣніемъ инструкціи депутаціи. Тутъ Голынскій подалъ проектъ допустить къ конференціямъ депутаціи австрійскаго посланника, и заключить вѣчный союзъ съ Россіею не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ Россія возвратила Польшѣ присвоенныя по первому раздѣлу области. Онъ боялся, чтобы предлагаемый союзъ Польши съ Россіею не сдѣлался актомъ присоединенія польской Рѣчи-Посполитой къ россійской имперіи.

Не окончивъ дѣла о проектѣ и въ этотъ день, послы занялись вопросомъ о продолженіи сейма. По польскимъ законамъ, экстраординарный сеймъ, какимъ былъ гродненскій, выбирался только на двѣ недѣли, но можно было продолжить его. Поданъ проектъ отсрочить его еще на двѣ недѣли. Тогда послы Скаржинскій (ломженскій), Млодзіановскій (цѣхановскій) и Случевскій заявили такую мысль: отвѣты на отношенія къ иностраннымъ дворамъ не могутъ придти въ двѣ недѣли, потому лучше прекратить всѣ занятія до того времени, пока эти отвѣты получатся, а Случевскій прибавилъ, что слѣдуетъ отсрочить сеймъ до 1-го сентября и потомъ начать его въ Варшавѣ. Такого рода проектъ пошелъ-было на обсужденіе. «Я не согласенъ на перенесеніе сейма въ Варшаву,—сказалъ посолъ Лобаржевскій — Варшава, какъ объявилъ прусскій король, наполнена якобинцами». Послѣ спора обратились опять къ вопросу о делегаціи и рѣшили большинствомъ 108 противъ 27 голосовъ на томъ, чтобы вести переговоры съ одною только Россіею, а не съ Россіею и Пруссіей вмѣстѣ. Карскій не забылъ при этомъ помянуть недобрыми словами Люккезини за его дипломацію.

На другой день послѣ этого засѣданія, Сиверсъ приказалъ арестовать въ ихъ помѣщеніяхъ шестнадцать пословъ, которые предлагали и поддерживали мысль о прекращеніи сеймовыхъ занятій и отличались выходками противъ видовъ союзныхъ дворовъ.

Адамъ Понинскій первый объявилъ въ сеймовомъ засѣданіи объ арестованіи пословъ и самъ вопіялъ противъ насилія. Изба

заволновалась; члены вскакивали съ мѣстъ, толпились около маршаловъ и канцлеровъ, кричали: насиліе вольному народу? На силу король успокоилъ ихъ. Стали изготовлять ноту къ Сиверсу, а между тѣмъ король отправилъ канцлеровъ и нѣкоторыхъ пановъ къ русскому посланнику съ просьбою выпустить изъ-подъ ареста пословъ, иначе сеймъ прекратится. Домогались также истребовать отъ Сиверса снятія секвестра съ королевскихъ имѣній и съ имѣній Тышкевича. Сиверсъ удовольствовался тѣмъ, что только напугалъ Избу; онъ приказалъ выпустить арестованныхъ, обязавъ ихъ впередъ быть осторожнѣе, а епископъ Коссаковскій, явившись отъ Сиверса въ Избу, объяснялъ, что это арестованіе случилось по ошибкѣ; всему виною нѣкоторые изъ своихъ, которые донесли на своихъ товарищей и оклеветали ихъ.

Это, какъ и слѣдовало ожидать, подало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Между тѣмъ нота, приготовленная къ Сиверсу, не была ему послана, такъ какъ главное, чего въ этой нотѣ просили — освобожденіе арестованныхъ членовъ, было уже исполнено Сиверсомъ. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующее засѣданіе, 3-го іюля, послы напали на маршала Билинскаго, зачѣмъ онъ не отослалъ ноты; въ ней, кромѣ просьбы объ освобожденіи арестованныхъ, что уже было сдѣлано, была также просьба о снятіи секвестраціи. Споръ дошелъ до того, что Случевскій сказалъ: «г. маршалъ, въ публикѣ говорятъ, что вы участвовали въ дѣлѣ арестованія пословъ, извольте оправдаться противъ этого». Но Міончинскій (люблинскій) заявилъ такое требованіе: «маршалъ долженъ подвергнуться смертной казни, если окажется виновнымъ, а если г. Случевскій не докажетъ его виновности, то пусть подвергается тому же наказанію самъ». Подканцлеръ Пляттеръ даромъ своего краснорѣчія кое-какъ пріостановилъ этотъ споръ.

Тогда Понинскій предлагалъ проектъ такого рода: если еще разъ окажется какое-нибудь малѣйшее посягательство на личность или собственность членовъ, то сеймъ прерываетъ свои занятія. Сохачевскій посолъ Плихта говорилъ: «если мы еще народъ свободный, то пусть намъ дадутъ обезпеченіе отъ подобныхъ насилій, а если мы уже завоеваны, то пусть лучше, вмѣсто сейма, посылаютъ намъ приказы изъ лагеря. Я совѣтую прекратить засѣданія и не начинать ихъ, пока россійскій посолъ не объявитъ, что онъ впередъ не станетъ поступать съ нами такъ насильственно».

Предложеніе Плихты было принято всѣми. Къ довершенію храбрости, холмскій посолъ Куницкій какъ бы для того, чтобы дразнить русскаго посланника, заявилъ требованіе, отсрочить

сеймъ до 15-го октября и потомъ перенести его въ Варшаву. Его проектъ не былъ принятъ, да и онъ заявлялъ это болѣе для того, чтобъ порисоваться своею храбростію. Требованіе о снятіи секвестра не было послано по настоянію короля, который совѣтовалъ прежде окончательно составить инструкцію и назначить депутацію, такимъ образомъ удовлетворить посла, а потомъ уже просить его.

Дѣло объ инструкціи для депутаціи было обсуждаемо и долго ни на чемъ не могли остановиться. Въ проектѣ, прочитанномъ канцлеромъ, однихъ пугала инкорпорація Польши съ Россіею, другіе напротивъ, стояли за это. Голынскій говорилъ: «наша инструкція должна начинаться и кончаться цѣлостію земли и независимости народа. Ничего нѣтъ вреднѣе инкорпораціи съ Россіей, которая дѣлится теперь съ другими нашимъ достояніемъ. Развѣ можетъ быть у насъ съ Россіею инкорпорація, которая бы равнымъ образомъ связывала оба народа? Кто бы не засмѣялся, если бы намъ Россія сказала: Польша, соединимся. Мы будемъ имѣть право держать войска въ соединенныхъ съ нами краяхъ на общія средства; для насъ открыты будутъ вашъ скарбъ и арсеналы; вмѣстѣ будемъ вести войны и пользоваться выгодами. На это мы бы отвѣчали: «Россія! лучше возьми у насъ все, раздѣли земли наши на свои провинціи, смотри на насъ какъ на своихъ подданныхъ, по крайней мѣрѣ ты будешь правдива». Брестскій посолъ Озѣнбловскій говорилъ: «делегація должна заключить союзъ съ Россіею, не иначе, какъ съ соблюденіемъ цѣлости нашихъ границъ и съ возвращеніемъ отобранныхъ прежде отъ насъ областей». «Намъ, сказалъ Валентиновичъ, предлагаютъ вѣчную унію Польши съ Россіею. Хотятъ, чтобы мы однимъ народомъ сдѣлались... мы, такимъ образомъ, утратимъ имя поляка. Что же? слѣдуетъ спросить цѣлый народъ объ этомъ, какъ поступили съ проектомъ наслѣдственнаго правленія. Что же, быть можетъ, изнуренный несчастіемъ и обнищалый обыватель порадуется этому, когда ему обѣщаютъ въ будущемъ постоянный порядокъ, внутреннее спокойствіе и правосудіе.»

Порѣшили собраться на частное засѣданіе и тамъ обсудить предварительно вопросъ, а потомъ уже рѣшить его на сеймѣ. Вечеромъ 3-го іюля н. ст., сошлась толпа членовъ у епископа Коссаковскаго, сдѣлали нѣсколько перемѣнъ въ редакціи проекта, составленной канцлеромъ. Съ этими отмѣнами составлена новая редакція проекта и прочтена Анквичемъ 4-го іюля. Но тѣ члены, которые не были у Коссаковскаго на совѣщаніи, требовали, чтобы имъ также дозволили собраться на предварительное

засѣданіе и обсудить эти проекты по своему. 5-го числа, утромъ, до засѣданія въ той же сеймовой Избѣ, собрались послы и составили новую, уже третью редакцію проекта. Въ сеймовомъ засѣданіи поднялся сильный споръ о томъ, какую изъ трехъ редакцій слѣдуетъ принимать. Маршалъ счелъ нужнымъ посредствомъ хитрыхъ предложеній отстранить вовсе третью редакцію, какъ будто ея не бывало: она была черезчуръ въ духѣ неугодномъ Сиверсу. Маршалъ представилъ вопросъ: какая изъ двухъ редакцій должна быть принята? Тѣ, которые принимали участіе въ составленіи третьей редакціи, подняли крикъ и не соглашались, чтобы такое предложеніе пошло на голосованіе. Тогда маршалъ принялъ другую увертку, и сдѣлалъ именныя приглашенія ко всѣмъ посламъ, отвѣчать на вопросъ: должно ли послѣдовать голосованіе о двухъ проектахъ? Вопросъ былъ такъ поставленъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые брались защищать третью редакцію, не видѣли здѣсь еще исключенія этой третьей. Утвердительныхъ голосовъ оказалось только пятнадцатью болѣе отрицательныхъ. Изъ двухъ редакцій, подвергнутыхъ голосованію, одержала верхъ вторая, почти единогласно, только трое пословъ не хотѣли участвовать въ голосованіи вовсе. Многіе изъ тѣхъ, которые составили третью редакцію проекта, болѣе патріотическую, при голосованіи о двухъ проектахъ одобрили составленный у Коссаковскаго; они надѣялись, что послѣ разсужденія о двухъ редакціяхъ, можетъ быть еще пачнется разсужденіе и о третьей, и такимъ образомъ, сказавши, что редакція, составленная у Коссаковскаго, лучше представленной канцлерами, можно будетъ потомъ сказать, что третья еще лучше второй. Но они горько обманулись: чуть не единогласное утвержденіе второй редакціи само собою исключало уже разсужденія о третьей.

Въ этой редакціи проекта инструкціи было очень важно то, что вмѣсто выраженій, которыя имѣли для Польши смыслъ совершеннаго соединенія съ Россіею, вставлены были такія, въ которыхъ говорилось только о союзѣ ихъ какъ отдѣльнаго государства съ другимъ [1]) Здѣсь-то показалось все коварство Кос-

[1]) Напр., въ первой редакціи сказано: «дабы съ этихъ поръ оба государства считались однимъ и нераздѣльнымъ тѣломъ навсегда» (aby odtąd oba państwa uważały się być iakoby iednym y nerozdzielnym na zawsze ciałem); во второй редакціи сказано: «къ оборонѣ цѣлости отдѣльно каждаго государства (do obrony całości każdego oddzielnie państwa)». Въ статьѣ о торговлѣ выпущено объ употребленіи взаимныхъ таможень между Россіей и Польшей, а въ концѣ слово złączenie (сложеніе, соединеніе) замѣнено словомъ związek (союзъ); въ первой редакціи сказано было: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ наитѣснѣйшаго соединенія съ россійскимъ государствомъ,

саковскаго. Наканунѣ подачи первой редакціи, Коссаковскій разговаривалъ съ Сиверсомъ и съ участіемъ говорилъ о готовности Литвы соединиться съ Россіею; теперь же, у него въ домѣ, и, конечно, подъ его вліяніемъ, составилась вторая, противоположная редакція. Сиверсъ за это былъ очень озлобленъ противъ него.

По утвержденіи инструкціи, 6-го іюля, маршалъ сейма напомнилъ сейму, что пора уже дать отвѣтъ посланникамъ россійскому и прусскому на присланную ноту, которую отложили тогда къ делибераціи. Канцлеръ вслѣдствіе этого представилъ проектъ отвѣта, въ такомъ смыслѣ: Изба раздѣлила предметы сношеній съ двумя посланниками и дала преимущество русскому на основаніи различія въ предметахъ, составляющихъ сущность сношеній съ Россіею и Пруссіею; но это не значило, чтобъ сеймъ вовсе не хотѣлъ вести сношеній съ Пруссіею, онъ приступитъ къ нимъ въ свое время. Только что былъ прочитанъ такой проектъ, какъ Ожаровскій, въ качествѣ главнаго начальника польскаго войска, извѣстилъ, что, по донесенію подначальныхъ ему генераловъ, пруссаки вступаютъ въ краковское и сендомирское воеводства и требуютъ тамъ фуража. Изба пришла въ смятеніе. Гетманъ Коссаковскій задорнѣе всѣхъ кричалъ противъ Пруссіи: «не надобно водить съ нею никакихъ переговоровъ; силу противопоставимъ силѣ; будемъ защищаться оружіемъ противъ новаго насилія надъ польскою территоріею». Его хитрый братъ, епископъ, прибѣгнулъ сейчасъ къ такой уловкѣ: «не надобно — говорилъ онъ — показывать теперь съ нашей стороны досады больше, чѣмъ прежде, а то подумаютъ, что мы уже успокоились послѣ перваго занятія польскихъ провинцій; напротивъ, слѣдуетъ намъ отвѣчать съ умѣренностію на ноту посланниковъ; присовокупимъ только замѣчаніе, что вступленіе войскъ его величества короля прусскаго въ глубину Польши, противорѣчитъ ходу сношеній». Но братъ его горячился, доказывалъ, что слѣ-

она покажетъ желаніе принести собою угоднѣйшую жертву, чѣмъ если бы она имѣла возможность и способность отдать свои имущества и даже области (Rzecz Pospolita iest w zupełnym u siebię przeswiadczeniu że przez złączenie się iako nayścislicysze z państwem Rossyjskim dogodnieyszą z siebię czynić chce ofiarę iak żeby była w sposobności i możności skarby swoie i nawet kraie etc.)»; во второй это мѣсто измѣнено такъ: «Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ этого торжественнаго дружественнаго союза съ россійскимъ государствомъ, сообразнаго съ достоинствомъ свободнаго народа, она даетъ доказательство сильнѣйшаго желанія быть въ союзѣ и довѣрія къ ея императорскому величеству (Rzecz Pospolita iest w zupełnem przeświadczeniu że przez związek przyiacielski iak nayuroczystszy y z godnością narodu wolnego stosowny z państwem Rossyjskim daie dowód naymocnieyszey chęci sprzymierzenia się i ufności w Nayjas. Imperatorowey etc.)».

дуетъ употреблять военную силу противъ силы. За него поднялось-было много голосовъ; но мало-по-малу патріотическая кровь начинала успокоиваться, и король произнесъ такое слово: «Если бы не было очень многихъ обстоятельствъ, намъ неблагопріятствующихъ, то одно печальное состояніе нашихъ финансовъ достаточно, чтобы доказать намъ невозможность отважиться въ настоящее время на войну съ Пруссіею. Мое мнѣніе—уклониться отъ всякаго рѣшенія по этому предмету и обратиться къ россійскому посланнику».

Мнѣніе короля было принято. Канцлеры, по назначенію сейма, отправились лично объясняться по этому поводу съ Сиверсомъ.

Русскій посланникъ сказалъ имъ такъ: «намѣреніе прусскихъ войскъ вступить далѣе въ польскія области и идти къ столицѣ, вѣроятно есть послѣдствія, во-первыхъ, того, что сеймъ до сихъ поръ не постановилъ никакого рѣшенія о сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ, а во-вторыхъ, того, что нѣкоторые члены въ своихъ рѣчахъ позволяли себѣ не совсѣмъ умѣренныя выраженія объ особѣ его величества прусскаго короля. Я полагаю, Бухгольцъ уже отправилъ приказаніе прекратить дальнѣйшее движеніе этихъ войскъ, но совѣтую сейму не навлекать новыхъ несчастій на Польшу и поскорѣе назначить депутацію съ достаточнымъ полномочіемъ вести переговоры съ обоими дворами, которыхъ интересы между собою одинаковы, какъ это показываютъ вамъ достаточно ихъ поступки и ноты».

8-го іюля, послѣ того, когда канцлеры сообщили сейму отвѣтъ Сиверса, отправлена отвѣтная нота на его ноту отъ 28-го іюня. Демонстрація прусскихъ войскъ и объясненіе русскаго посланника подвинули назначеніе депутаціи, которое умышленно тянули до сихъ поръ. Состоявшій на русскомъ жалованьи инфлянтскій посолъ Юзефовичъ подалъ проектъ дать депутаціи самое широкое полномочіе, такое, чтобы король и сеймовые чины обязывались утверждать все, что только депутація постановитъ въ сношеніяхъ своихъ съ посланниками, «иначе, говорилъ онъ, посланникъ русскій, имѣющій полномочіе отъ своей государыни, не приметъ такой депутаціи, которая не будетъ имѣть равнаго полномочія. Русскій посланникъ только въ такомъ случаѣ можетъ довѣрять депутаціи, когда будетъ знать, что слова ея имѣютъ окончательную силу. Русскій посланникъ не станетъ говорить съ нашими депутатами, если у нихъ не будетъ такого же полномочія, какое онъ получилъ отъ своей государыни.

Сначала это возбудило оппозицію и раздѣленіе. Послы, предварительно подрядившіеся дѣлать угодное Россіи, поддерживали Юзефовича. Противники указывали на составленную уже инструк-

цію для депутаціи; она буквально противорѣчила требуемому теперь полномочію. «Покрайней мѣрѣ, говорили они, если давать полномочіе, то все-таки обязавъ депутатовъ держаться данной прежде инструкціи». На это говорили: «иное дѣло полномочіе, иное дѣло инструкція. Русскій посланникъ имѣетъ отъ государыни полномочіе и вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть и инструкціи, которыя ограничиваютъ его полномочіе; такъ точно и наши депутаты будутъ имѣть полномочіе, которое должны предъявить посланнику, и инструкцію, которую они должны получить отъ сейма. За ея несоблюденіе они будутъ отвѣчать не передъ посланникомъ, а передъ сеймомъ. Посланнику же необходимо видѣть только ихъ полномочіе; своей инструкціи они не обязаны ему предъявлять».

Послѣ многихъ споровъ и измѣненій въ редакціи, наконецъ, 9-го іюля, полномочіе было принято единогласно. Депутатамъ предоставлялось составлять, установлять, заключать и подписывать все, что ими признано будетъ полезнымъ и согласнымъ съ интересами Рѣчи-Посполитой. «Все, сказано было въ этомъ полномочіи, что означенные депутаты наши по сему учинятъ, заключатъ, постановятъ и подпишутъ, все это нами, королемъ, съ предварительнаго согласія чиновъ и съ сознаніемъ справедливости дѣла, сходнаго съ условіями, предписанными депутаціи, будетъ принято и ратификовано!»

На слѣдующемъ засѣданіи, 10-го числа, начали толковать о выборѣ въ депутаты. Патріоты [1]) заявляли желаніе, чтобы выборъ состоялся секретными голосами. Маршалъ сейма не допустилъ до этого подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ въ данной имъ присягѣ обязался, не допускать секретной подачи голосовъ. Послѣ долгаго спора, король предложилъ такой способъ: опредѣливъ число депутатовъ, пусть раздадутъ всѣмъ посламъ списокъ членовъ сейма и каждый изъ нихъ означитъ тѣхъ, которыхъ желаетъ избрать въ депутаты, назвавъ каждаго громко по имени, а потомъ пусть составится счетъ голосовъ, и тѣ, которые получатъ наиболѣе голосовъ, будутъ черезъ то самое признаны депутатами. Это было принято большинствомъ 100 голосовъ противъ 26.

Положено допустить трехъ епископовъ, всѣхъ министровъ, трехъ сенаторовъ, и по восьми пословъ изъ каждой изъ трехъ провинцій Рѣчи-Посполитой. Тогда нѣкоторые патріоты стали требовать, чтобъ депутаты произнесли присягу въ томъ, что они ничего не брали и брать не будутъ ко вреду Рѣчи-Посполитой.

[1]) Блешинскій, Скаржинскій, Микорскій и др.

Противъ этого проекта возстало много противниковъ и прежде, чѣмъ подвергать его голосованію, предложенъ былъ вопросъ: можетъ ли этотъ проектъ быть пущенъ на голоса. Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ (75 голосовъ).

Сиверсъ узналъ объ этомъ въ тотъ же день отъ маршала и вѣрныхъ пословъ. Онъ былъ очень недоволенъ. Ему нужно было такихъ депутатовъ, которые бы согласились на все, чего онъ потребуетъ, и потому-то онъ заранѣе далъ именной списокъ тѣхъ, кого желаетъ онъ назначить депутатами. Способъ избранія на сеймѣ не соотвѣтствовалъ его цѣлямъ. Такимъ образомъ могли попасть въ число депутатовъ люди, съ которыми произойдутъ затрудненія. Требованіе присяги отъ депутатовъ въ томъ, что они ничего не брали и не будутъ брать, прямо направлялось противъ дѣйствій русскаго посланника и поражало тѣхъ пословъ, которые были у него на жалованьи, а онъ изъ числа такихъ-то и желалъ видѣть депутацію. Поэтому утромъ русскій посланникъ отправилъ на сеймъ грозную ноту; онъ замѣчалъ, что въ сеймѣ постоянно господствуетъ безпорядокъ и неприличіе. Онъ указывалъ, что сеймъ 1771 года долженъ служить настоящему сейму образцомъ относительно выбора членовъ делегаціи; тогда не выбирали делегатовъ: они были назначены изъ сената королемъ, изъ рыцарскаго сословія сеймовымъ маршаломъ; по этому примѣру требовалось назначить депутатовъ и теперь. Вчерашнее засѣданіе, замѣчалъ Сиверсъ, отзывается якобинствомъ революціоннаго сейма 3-го мая. Ему не нравилось, что въ полномочіи хотѣли упомянуть имя тарговицкой конфедераціи, очевидно потому, что этой конфедераціи обѣщана была цѣлость Рѣчи-Посполитой. Но болѣе всего Сиверсъ гнѣвался за мысль обязать депутатовъ присягою въ томъ, что они не брали и брать не будутъ. «Этотъ шагъ — говорилось въ его нотѣ — нижеподписавшійся долженъ почитать особеннымъ оскорбленіемъ какъ себѣ лично, такъ и своему званію. Подобная присяга была бы безчестіемъ самому почтеннѣйшему собранію, если бы въ нѣдрѣ его не было особъ, не подлежащихъ подозрѣнію въ подкупѣ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ удержится отъ наложенія на себя самого подобнаго пятна. Нижеподписавшійся желаетъ, чтобы непремѣнно была установлена делегація 1-го (12-го) іюля и безъ потери времени вступитъ въ конференціи, въ противномъ случаѣ онъ увидитъ себя въ печальной необходимости сдѣлать то, о чемъ говорилъ въ своей нотѣ отъ 23-го іюня (3-го іюля), именно удалить подстрекателей и возмутителей спокойствія и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества, какъ единое препятствіе правильному ходу дѣлъ на сей-

мѣ, который потерялъ уже болѣе четырехъ недѣль дорогого времени на то, что могъ бы окончить въ четыре дня, увеличивъ черезъ то несчастіе народа, вмѣсто того, чтобъ даровать ему спокойствіе и прочное благоденствіе, сообразно спасительнымъ намѣреніямъ высокихъ дворовъ, изложеннымъ въ деклараціи отъ 9-го апрѣля».

Когда 2-го (13-го) іюля прочитали въ Избѣ эту ноту, сохачевскій посолъ Плихта объявилъ, что секвестрація имѣній Тышкевича приводится въ исполненіе. «Я требую — сказалъ онъ — исполнить законъ, постановленный нами,— не приступать ни къ какому рѣшенію о предметахъ, означенныхъ въ нотѣ посланника, прежде, чѣмъ секвестръ не будетъ снятъ». «Неблагоразумно, возразилъ состоявшій у Россіи на жалованьѣ Лобаржевскій, держаться за формальности, когда отечество подвергается угрожающей опасности, видимой изъ самой этой ноты. Если Россія теперь намъ дѣлаетъ насилія, то, конечно, она рѣшится прибѣгнуть еще къ дальнѣйшимъ крайностямъ, какъ скоро мы станемъ упрямиться и не подчиняться ея видамъ. Позвольте просить чтенія составленной мною записки о мѣрахъ къ положенію конца этимъ несчастіямъ.» «Нѣтъ, нѣтъ, не позволяемъ», кричали противники, знавшіе напередъ, что̀ долженъ былъ написать и читать Лобаржевскій. «Нельзя разсуждать ни о какихъ предметахъ, Изба въ бездѣйствіи; пусть прежде снимется секвестръ съ имѣнія пана Тышкевича». «Этимъ—сказалъ король,—мы перервемъ всякія сношенія съ Россіею и навлечемъ на себя новыя несчастія; я предлагаю отправить къ г. посланнику канцлеровъ и маршаловъ сейма представить ему побужденія, которыя руководили собраніемъ». «Мнѣ идти вмѣстѣ съ гг. канцлерамъ нельзя, сказалъ маршалъ сейма,—сеймъ долженъ оставаться въ засѣданіи до ихъ возвращенія, и я, какъ маршалъ сейма, по закону не долженъ оставлять Избы; притомъ же обязанность сношеній съ иностранными посланниками лежитъ на гг. канцлерахъ, а не на мнѣ.»

«Нѣтъ, нѣтъ, панъ маршалъ долженъ идти съ гг. канцлерами», кричали послы.

Сами канцлеры просили, чтобы съ ними шелъ маршалъ и былъ свидѣтелемъ того, что произойдетъ. «Мы знаемъ, говорили они, что ничего не выйдетъ изъ сношеній съ упрямымъ посланникомъ».

«Видя, что чины Рѣчи-Посполитой прекращаютъ свои занятія изъ-за обстоятельства, касающагося меня, — сказалъ Тышкевичъ, — я прошу забыть все, что мнѣ сдѣлала секвестрація моихъ имѣній; все это—слѣдствіе неблагопріятныхъ извѣщеній, сдѣланныхъ г. посланнику нашими собственными согражданами.

Оставьте мое дѣло; займитесь другими болѣе важными. Если я буду и совершенно разоренъ этимъ секвестромъ, то для меня будетъ болѣе чести при окончаніи этого сейма сдѣлаться бѣднѣе того, чѣмъ я былъ при началѣ его».

Вознесены были похвалы такому благородному патріотическому заявленію. Канцлеры отправились къ Сиверсу.

Сиверсъ имъ сказалъ такъ: «Даю вамъ слово, что секвестръ съ имѣній пана Тышкевича снимется немедленно, какъ только назначутся депутаты. Я предоставляю сейму, кромѣ того, свободу поручить назначеніе всѣхъ депутатовъ самому королю».

Сиверсъ надѣялся, что король, имѣя въ рукахъ списокъ лицъ, какихъ Сиверсу хотѣлось, не рѣшится пойти противъ его воли.

Канцлеры сообщили объ этомъ сейму. Тогда задорнѣйшіе патріоты говорили: «Нельзя перемѣнять, ради произвола россійскаго посла, уже состоявшееся вчера рѣшеніе сейма о способѣ избранія членовъ. Мы готовы подвергнуться гнѣву посланника: и безъ того мы рано или поздно станемъ его жертвами; но мы не хотимъ получать приказы отъ иностранцевъ посреди нашихъ совѣщаній».

Другіе представляли безплодность такой отваги и говорили: «Если уже приходится измѣнять состоявшійся законъ, то по крайней мѣрѣ измѣнимъ его такъ, чтобы назначеніе депутатовъ предоставлялось одному королю».

«Почтенные паны,—сказалъ король,—въ продолженіи моего двадцатидевяти-лѣтняго царствованія я еще никогда не былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ сегодня. Чувствую, господа, вопіющую несправедливость; требуютъ, чтобы вы перемѣнили законъ, составленный единогласнымъ мнѣніемъ; но кто же изъ васъ не видитъ, что наша свобода существуетъ только на словахъ? Мы окружены иностранными войсками; онѣ расположились у воротъ этого города; мы должны быть свидѣтелями безпрестанныхъ насилій, совершаемыхъ надъ личностію и собственностію членовъ этого сейма; мы даже не имѣемъ полнаго права выходить изъ этого города безъ билетовъ отъ россійскихъ генераловъ. Россійскій посланникъ каждую минуту угрожаетъ намъ новыми несчастіями. Къ чему же послужитъ наше сопротивленіе? Дѣлайте, что угодно: ваша воля всегда будетъ и моей волею; но въ званіи отца и короля, которое я ношу, я всегда желалъ, по крайней мѣрѣ, предупредить бо̀льшее бѣдствіе; г. подканцлеръ Плятеръ видѣлъ у г. посланника изготовленное приказаніе арестовать двадцать пословъ и наложить секвестръ на имѣнія еще бо̀льшаго числа членовъ сейма, если депутація не будетъ назначена сегодня. Я думаю, вы убѣждены, господа, что я мало до-

могаюсь, чтобы право назначенія депутатовъ предоставлено было мнѣ, но если таково ваше доброе желаніе, то я смѣю льстить себя надеждою, что мой выборъ будетъ отвѣчать вашему довѣрію.»

«Пусть будетъ извѣстно,— произнесли нѣкоторые, желая все еще прихвастнуть своею отвагою, — что не страхъ угрозъ заставитъ насъ измѣнить вчерашнее рѣшеніе, а единственно увѣренность, что королевскій выборъ будетъ еще лучше выбора, зависящаго непосредственно отъ членовъ сейма».

Король наименовалъ членами депутаціи изъ министровъ: литовскаго маршала Тышкевича, литовскаго польнаго гетмана Коссаковскаго, канцлера короннаго Сулковскаго, литовскаго подканцлера Пляттера, литовскаго подскарбія Огинскаго, литовскаго надворнаго подскарбія Дзѣконскаго, короннаго польнаго гетмана Забѣлло; люблинскаго и холмскаго епископа Скаржевскаго, войницкаго каштеляна Ожаровскаго; пословъ: краковскихъ Анквича и Коссаковскаго, сендомирскихъ Залускаго и Янковскаго, холмскаго Куницкаго, волынскаго Валевскаго; изъ провинціи великопольской: инфлянтскаго епископа Коссаковскаго; плоцкаго Рокитницкаго, черскихъ Станишевскаго и Остророга, варшавскихъ Бѣлинскаго и Клицкаго, нурскаго Замбржицкаго; изъ великаго княжества литовскаго сенаторовъ: виленскаго епископа князя Масальскаго, виленскаго воеводу Радзивилла, и пословъ: лидскаго Шишку, троцкаго Клечковскаго, гродненскаго Зынева, жмудскаго Гелгуда и новогродскаго Лопату.

Но Сиверсъ не былъ доволенъ, увидавъ, что въ спискѣ нареченныхъ депутатовъ не было тѣхъ, которыхъ онъ прежде требовалъ у короля. Онъ заявилъ требованіе о прибавкѣ къ назначеннымъ въ депутацію еще семерыхъ членовъ. Въ засѣданіи 12-го іюля, король объявилъ объ этомъ, и назвалъ имена пословъ угодныхъ Сиверсу; то были: волынскій Пулавскій, любельскій Міончинскій, ломжинскій Древновскій, закрочимскій Александръ Понинскій, равскій Скарбекъ, и инфлянтскіе Юзефовичъ и Снарскій.

Взрывъ негодованія потрясъ Избу. «Это невозможно, кричали, вчера законъ состоялся, сегодня перемѣна: стало быть король не свободенъ». Гославскій требовалъ, чтобы пошло на голоса предложеніе: назначилъ ли вчера король депутаціи или нѣтъ? Маршалъ Билинскій не допустилъ такого вопроса къ голосованію и выразилъ свой отказъ рѣшительнымъ и настойчивымъ тономъ; Гославскій за это потребовалъ маршала къ суду; за Гославскимъ началъ кричать противъ маршала Карскій, а король, всегда при-

мирающій, пытался охолодить горячившихся пословъ. Король сдѣлалъ угодное Сиверсу.

На слѣдующемъ засѣданіи сеймъ былъ отсроченъ еще до 30-го іюля.

Депутація начала конференціи съ русскимъ посланникомъ. Сиверсъ подалъ имъ готовый трактатъ: уступка провинцій была его главнымъ предметомъ. Виленскій епископъ, начальникъ депутаціи, обратился съ просьбой къ Сиверсу дать сроку на двѣ недѣли, чтобы отправить прошеніе къ императрицѣ, съ цѣлью упросить ее пощадить Польшу.

«Это ловушка, говорилъ Сиверсъ, хотятъ выиграть время. Напрасная уловка — не проведутъ меня?» Онъ рѣзко отвергъ просьбу Масальскаго.

Депутаты начали отговариваться, что у нихъ нѣтъ полномочія для подписанія трактата. Сиверсъ немедленно требовалъ полной довѣренности депутаціи подписать трактатъ. «Мои предыдущія ноты, писалъ онъ, которыя я долженъ былъ подавать сейму въ продолженіе четырехъ недѣль времени, потраченнаго въ пустыхъ толкахъ, достаточно показали сейму, что дальнѣйшія увертки могутъ только увеличить тягость судьбы народа, который, послѣ такихъ смятеній, имѣетъ право ожидать, что сеймъ искренно займется тѣмъ, что ему единственно осталось, дабы даровать народу спокойствіе и благосостояніе.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ утѣшалъ поляковъ, что будетъ заключенъ выгодный для Польши торговый трактатъ съ Россіею.

Эта нота была прочитана на сеймѣ въ засѣданіи 4-го (15-го) іюля, но въ тотъ же день на нее не отвѣчали. Изба занялась чтеніемъ неутѣшительныхъ депешъ, присланныхъ польскими министрами при иностранныхъ дворахъ. Послы изъ нихъ видѣли, что отечество ихъ теперь гибнетъ ради вознагражденія трудовъ и издержекъ тѣхъ, которые воюютъ съ французами. Одно только лелѣяло ихъ надеждою: имъ казалось, что Австрія не потерпитъ у себя подъ бокомъ усиленія Пруссіи и Россіи на счетъ Польши.

Сиверсъ, узнавши, что на этомъ засѣданіи не обратили на посланную имъ ноту скораго вниманія, написалъ другую, такого содержанія:

«Нижеподписавшійся, извѣстившись, что наияснѣйшіе чины конфедераціоннаго сейма въ засѣданіи прошлаго 4-го (15-го) іюля, въ которомъ читаны были рапорты делегаціи и нота нижеподписавшагося, не сочли умѣстнымъ объясниться объ этомъ предметѣ, и даже не указали дня, когда они желаютъ разсуждать объ немъ, усматриваетъ, что заключеніе трактата еще оттягивается на дальнѣйшее время, и чины конфедераціоннаго сейма,

закрывая себѣ глаза предъ плачевною судьбою отечества, забываютъ, чѣмъ они обязаны своимъ избирателямъ; и потому онъ видитъ себя принужденнымъ объявить, что дальнѣйшія увертки и отказы снабдить делегацію надлежащимъ полномочіемъ будутъ считаться не только за нежеланіе вести переговоры и окончить по-дружески дѣло съ нижеподписавшимся, но даже за явное объявленіе войны Россіи. Печальныя послѣдствія, вытекающія изъ такихъ поступковъ сейма, которому народъ довѣрилъ устроеніе своего настоящаго и будущаго благоденствія, должны быть ужасны для народа, особливо же для несчастныхъ и невинныхъ поселянъ. Нижеподписавшійся, въ случаѣ отказа, явно означающаго объявленіе войны, будетъ принужденъ съ крайнимъ сожалѣніемъ послать войска ея императорскаго величества на военную экзекуцію въ имѣнія и мѣста жительства тѣхъ членовъ сейма, которые будутъ противиться всеобщему желанію добродѣтельныхъ людей и народа, страдающаго подъ бременемъ анархіи. Такая военная экзекуція, въ случаѣ, если король будетъ склоняться на сторону оппозиціи, распространится на всѣ королевскія экономіи, а равно и на имѣнія всѣхъ тѣхъ особъ, которыя въ какомъ бы то ни было отношеніи принадлежатъ вѣдомству его величества; наконецъ, слѣдствіемъ такого поступка сейма будетъ конфискація всѣхъ государственныхъ доходовъ и задержка платежа за взятый провіантъ и фуражъ для войска, которое тогда будетъ содержаться на счетъ несчастныхъ поселянъ. Поэтому нижеподписавшійся надѣется, что мѣры, принятыя сообразно съ данною ему инструкціею, произведутъ на сеймѣ достаточное дѣйствіе, и что слѣдующаго же дня 6-го (17-го) іюля дано будетъ депутатамъ надлежащее полномочіе для заключенія трактата. Наконецъ, нижеподписавшійся не можетъ скрыть передъ сеймомъ, что всѣ такія мѣры противны тѣмъ правиламъ, которыми онъ думалъ руководствоваться въ порученномъ ему посольствѣ; мѣры эти угрожаютъ сейму, вмѣсто тѣснаго, выгоднаго союза и торговаго трактата съ Россіею, потерею этихъ выгодъ и лишеніемъ благожелательства и пріязни ея императорскаго величества, безъ которыхъ Польша не можетъ существовать и ожидать въ будущемъ успѣха отъ выгодъ, утверждаемыхъ предполагаемымъ трактатомъ. Въ Гродно, 5-го (16-го) іюля».

Утромъ, передъ тѣмъ какъ эта нота должна быть прочитана на сеймѣ, Сиверсъ созвалъ къ себѣ депутацію и началъ внушать ей строгое нравоученіе, и особенно припугнулъ епископа Коссаковскаго, котораго онъ считалъ большимъ плутомъ.

«Вы, вы въ особенности причина всѣхъ этихъ увертокъ, — говорилъ Сиверсъ епископу, — вы хвастали, что у васъ шесть-

десятъ голосовъ въ Литвѣ, а теперь дозволяете на сеймѣ проходить безъ оппозиціи конституціямъ, оскорбительнымъ для моего двора и для моей личности. Вы съ вашею партіею спокойно слушаете, что говорятъ фанатики! Я уже вамъ дѣлалъ внушенія, но вы не исправились. Слушайте же: если вы и вашъ братъ гетманъ сегодня не сдѣлаете такъ, какъ я требую, то знайте, что вы первые будете жертвами несчастія, которое постигнетъ отечество ваше. Сегодня же вечеромъ пошлю курьера съ приказаніемъ ввести войско на экзекуцію въ имѣнія краковскаго епископства. Знаете ли, что я могу у васъ также легко отнять все, что вамъ дано? Если у меня завтра не будетъ полномочія, и если вы не станете впередъ вести себя такъ, какъ я имѣю право ожидать отъ васъ, то вамъ будетъ худо».

16-го іюля, происходило засѣданіе, одно изъ важнѣйшихъ въ исторіи гродненскаго сейма. Маршалъ открылъ его рѣчью: «Вы знаете состояніе Европы и можете заключить, что для Польши не видится надежды на спасительное посредничество государствъ въ ея пользу; она предоставлена своей собственной судьбѣ; ей осталось облегченіе въ настоящемъ положеніи — предотвратить благоразумною рѣшимостью новыя бѣдствія, которыя ей угрожаютъ. Пусть наияснѣйшіе чины обратятъ надлежащее вниманіе на новую ноту, полученную нами отъ господина россійскаго посланника, указывающую на рѣшительно враждебныя отношенія, въ случаѣ, если депутаціи не будетъ выдано 17-го іюля безграничное полномочіе заключить трактатъ съ нимъ».

Противъ этого поднялись голоса патріотовъ. Рѣшительный тонъ послѣдней ноты Сиверса возбудилъ досаду и оскорбленіе даже и въ тѣхъ, которые должны были по обязанности держаться стороны уступокъ. На челѣ оппозиціи явился плоцкій посолъ Шидловскій.

«Поляки! — восклицалъ онъ: — народъ ли мы или нѣтъ? Пусть всѣ народы знаютъ, что поляки могутъ быть несчастными, но никогда не будутъ подлецами. Посмотрите, — у насъ хотятъ отбирать земли, а не говорятъ даже о религіи, о правахъ народа, о привилегіяхъ шляхты въ отбираемыхъ краяхъ. Въ XVIII столѣтіи человѣкъ уже не скотъ: великая государыня любитъ своихъ подданныхъ — зачѣмъ же считаетъ шляхту подлою? Въ случаѣ неподписанія трактатовъ намъ угрожаютъ неволею и Сибирью. Я все готовъ принять изъ любви къ отечеству, но хотя бы меня принуждали мученіями, я, даже изъ любви къ собратіямъ, не перестану носить имя поляка, вольнаго и честнаго гражданина. Я—потомокъ главныхъ защитниковъ свободы и вольностей. Иначе—я понесъ бы пятно безчестія и жизнь сдѣла-

лась бы для меня постоянною пыткою. Будемъ стоять твердо: ручаюсь, что мы побѣдимъ силу нашею твердостію. Екатерина будетъ насъ уважать. Убѣдившись въ нашемъ мужествѣ, она велитъ своему посланнику поступать съ нами какъ прилично съ народомъ, умѣющимъ понимать взаимныя пользы международныя. Не позволяю измѣнить полномочія».

— Мы безоружны, — говорилъ краковскій посолъ Бобровницкій — легко насъ устрашить, но мучить беззащитныхъ — это дѣло тигровъ, а не людей. Когда нѣтъ способовъ не допустить отнятія у насъ земель, будемъ молчать и сносить насиліе, но одобрять такой поступокъ — значитъ идти противъ собственнаго убѣжденія.

«Чего хотятъ отъ насъ дворы петербургскій и берлинскій — говорилъ ломжинскій посолъ Скаржинскій, — получить согласіе наше на раздѣленіе Польши, чтобы оправдать себя въ глазахъ остальной Европы? показать, какъ будто Польша сама уступила имъ добровольно свои области? Нашъ прямой интересъ — не поддаваться и не узаконять подобной уступки; иначе мы отнимемъ у самихъ себя надежду возвратить такія обширныя провинціи».

За нимъ говорилъ Блешинскій, Верещака (брестскій) и другіе.

«О, если бы въ эту минуту пришелъ сюда самъ россійскій посланникъ — воскликнулъ Стоинскій, люблинскій посолъ, весьма искусный въ риторикѣ. Какъ бы онъ удивился мужеству поляковъ! Пусть онъ не воображаетъ, что его ноты 15-го и 16-го іюля устрашили Избу нашу; пусть смѣло окружаетъ ее войсками своими: они найдутъ здѣсь мужей, готовыхъ скорѣе со славою умереть, чѣмъ согласиться на мельчайшее измѣненіе въ полномочіи для депутаціи; пусть потомство скажетъ: были поляки такіе, что губили свое отечество, но были и такіе, что спасали его, сколько могли, и за то остались разоренными и погибли, не одобряя раздѣла своего края.»

Предложеніе Шидловскаго встрѣтили одобреніями. Не говоря противъ него, маршалъ сейма, по своей обязанности въ подобномъ случаѣ, спрашивалъ: есть ли всеобщее согласіе на предложеніе Шидловскаго? Два раза онъ спрашивалъ. Два раза ему отвѣчали одобрительными криками; изъ купленныхъ Россіею одни, забывая взятые червонцы, переходятъ въ противный лагерь, другіе не смѣютъ разинуть рта въ минуту всеобщаго патріотическаго порыва. Оставалось маршалу сдѣлать въ третій разъ тотъ же вопросъ, и упорство противъ требованія русскаго посланника стало бы въ этотъ день закономъ не по большинству, а единогласно. Но епископъ Коссаковскій, помня вчерашнюю головомойку, полученную отъ Сиверса, рѣшается остановить увлеченіе. «Неизбѣжная необходимость — говоритъ онъ — обязываетъ

меня. Я прошу делибераціи. По закону достаточно голоса одного члена, чтобы проектъ былъ отложенъ и пущенъ въ делиберацію.»

Это охладило горячность членовъ. Начали разсуждать спокойнѣе. Блешинскій, кричавшій за Шидловскаго, говорилъ: «Я предлагаю объявить всей Европѣ: такъ какъ въ трактатѣ, который намъ представляетъ посланникъ, есть пункты, которые превышаютъ власть самаго сейма, то мы рѣшились сообщить копіи съ этого трактата и ноты русскаго посланника иностраннымъ министрамъ; пусть всѣ державы знаютъ, чего требуютъ отъ государственныхъ чиновъ, пусть будетъ имъ извѣстно и какіе способы предпринимаются для того, чтобы насъ принудить».

Модзелевскій дѣлаетъ другое предложеніе. «Пусть—говоритъ онъ—нота, которую подастъ депутація посланнику, будетъ подписана всѣми членами сейма и отправлена нашему министру въ Петербургъ для представленія императрицѣ».

Оба предложенія слѣдовали къ делибераціи. Но тогда поднялъ голосъ вѣрный Сиверсу Лобаржевскій. Онъ началъ съ того, что восхвалялъ всѣмъ блистаніемъ риторики геройство патріотовъ, стоявшихъ въ оппозиціи, а потомъ поворотилъ такъ: «все это безполезно. Система насилія, принятая надъ нами двумя дворами, все-таки достигнетъ своего. Два государства, отнимая у насъ провинціи въ глазахъ Европы, не думаютъ шутить. Чувствую, какъ унизительно склоняться и уступать области послѣ недавняго еще политическаго значенія. Но что же намъ дѣлать? Нашъ край безъ казны, безъ войска, безъ чужеземной помощи—можно ли подвергать собратій разграбленію, всякимъ несчастіямъ и можетъ быть скорой, затѣмъ потерѣ имени поляковъ.... Человѣколюбіе беретъ верхъ въ моемъ сердцѣ. Послѣ такихъ злоключеній, какія на насъ навлекли давнія наши ошибки, намъ, безсильнымъ, лучше склониться передъ насиліемъ, оставить Европѣ рѣшеніе дѣлъ нашихъ, а себѣ—спокойствіе и порядокъ, склоняя народъ къ той надеждѣ, которую онъ давно уже имѣетъ въ великой Екатеринѣ. Несчастный король! твоя корона, какъ выразился епископъ Коссаковскій, украшена терніемъ; всѣ эпохи твоего царствованія доказываютъ, что честолюбіе пановъ причиною гибели отечества. Жаль, что ты вѣрилъ прежде этимъ божкамъ! Насъ принуждаютъ въ двадцать четыре часа дать рѣшеніе. Я представляю проектъ; онъ внушенъ человѣколюбіемъ. Я прошу читать его».

И проектъ прочитали. Онъ гласилъ такъ:

«Члены настоящаго сейма, собранные съ намѣреніемъ при-

нять мѣры къ предотвращенію раздѣла Польши, сообщаютъ, по этому поводу, всей Европѣ голосъ угнетеннаго народа; нѣтъ ни одного согражданина, который не былъ бы убѣжденъ, что означенные члены сейма готовы принести себя самихъ въ жертву, если бы только они могли спасти этимъ свое отечество. Но получивъ ноты русскаго посланника, отъ 15-го и 16-го іюля, угрожающія всей странѣ всеобщимъ разореніемъ и истребленіемъ самаго имени польскаго, они были бы виновны передъ собственнымъ народомъ, если бы рѣшились объявить войну, которую невозможно вести. Государство безъ войска, безъ денегъ, ни откуда не имѣетъ надеждъ на помощь; поэтому, принимая цѣлый міръ во свидѣтельство несчастнаго положенія, въ какомъ находится Рѣчь-Посполитая, настоящій сеймъ не видитъ другого спасенія для Польши, какъ отдать свою судьбу въ руки великой государыни, которая, видя безпредѣльное довѣріе, оказываемое ей польскою націею, безъ сомнѣнія, не захочетъ ея конечной погибели. По этимъ соображеніямъ, чины государства, узнавъ, что россійскій посланникъ не дозволяетъ никакой перемѣны въ проектѣ трактата, поданномъ имъ же, соглашаются, чтобы депутація, назначенная для переговоровъ съ означеннымъ посланникомъ, подписала этотъ проектъ».

«Прежде, чѣмъ рѣшиться на это — сказалъ Суходольскій — не подождать ли отвѣта отъ дворовъ, у которыхъ мы просили ходатайства?». Говорившій это ораторъ не замѣчалъ крайняго легкомыслія своихъ рѣчей и несбыточности своего предложенія при той обстановкѣ, когда Сиверсъ требовалъ отвѣта черезъ ночь. Это ему замѣтилъ бельзскій посолъ Дронговскій, а пинскій посолъ Орда предлагалъ отправить посольство къ Екатеринѣ и пріостановить работы сейма до полученія отъ нея отвѣта. Это многимъ понравилось, и самому королю въ томъ числѣ; но никто не смѣлъ быть увѣреннымъ, чтобы упрямый Сиверсъ поддался на такую ловушку.

Засѣданіе не окончилось ничѣмъ рѣшительнымъ. Слѣдующій день, 17-го числа, былъ роковой день, назначенный русскимъ посломъ какъ послѣдній срокъ. Продажный маршалъ обратился, какъ всегда водилось, со вступительною рѣчью, восхвалялъ твердость, мужество, геройство поляковъ, доблесть, достойную древнихъ римлянъ, и спустившись съ высоты риторики на низменность дѣйствительности, совѣтовалъ изслѣдовать: не будетъ ли проектъ, поданный вчера Лобаржевскимъ, самымъ удобнѣйшимъ средствомъ спасти, по крайней мѣрѣ, остатокъ отечества?

Тутъ возвысилъ голосъ король: «Наше отечество на краю ги-

бели. Судьба Польши въ отчаянномъ положеніи. Если есть еще для нея какое-нибудь спасеніе, то развѣ въ великодушіи императрицы; къ ней единой слѣдуетъ прибѣгнуть, испытать послѣднія средства, если не отвратить навсегда, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить ужасную минуту раздѣла нашего отечества. Пошлемъ къ русскому посланнику канцлеровъ просить его дать хотя короткій срокъ сейму, пока посланный нами курьеръ воротится отъ императрицы».

Согласились на это. Канцлеры отправились къ Сиверсу. Между тѣмъ патріоты опять начали показывать свое геройство.

«Спасти остатокъ отечества!—говорилъ Гославскій, повторяя послѣднія слова маршала — мы не спасемъ его. Послѣ перваго раздѣла, трактаты 1773 и 1775 г. гарантировали намъ цѣлость остатка отечества, а теперь мы видимъ, какъ можно надѣяться на трактаты. Нѣтъ, лучше погибнуть со славою, сохранивъ уваженіе къ себѣ всѣхъ народовъ, чѣмъ, покрывшись стыдомъ, съ обманчивой надеждой спасать остатокъ отечества. Наияснѣйшій король! Наступила великая минута; она рѣшитъ приговоръ, какой сдѣлаетъ объ васъ потомство. Если вы первый подпишите раздѣлъ, вы сдѣлаетесь виновникомъ стоновъ безчисленнаго множества вашихъ согражданъ, которые теперь васъ уважаютъ. Они будутъ гнушаться вашею памятью, за то, что въ ваше царствованіе свободные граждане подчинились тиранніи деспотовъ. Угрозы разорить столовыя королевскія имѣнія, которыми хочетъ устрашить васъ посланникъ, не извинятъ васъ въ глазахъ Европы; напротивъ, ваша слава будетъ блистательнѣе, когда вы пріобрѣтете ее потерею вашихъ доходовъ».

«Иду въ неволю — восклицалъ Микорскій (вышегродскій) — не жалѣйте обо мнѣ. Я добровольно буду терпѣть».

«Прежде эта святыня заплыветъ кровью, чѣмъ мы подпишемъ трактатъ, — говорилъ другъ тарговицкой конфедераціи и врагъ 3-го мая, Карскій,—пусть Европа смотритъ, что дѣлается съ вольнымъ народомъ. Невозможно, чтобы, видя такой примѣръ, Европа не приняла мѣръ для безопасности другихъ государствъ и насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не воздвигнула изъ упадка. Намъ посланникъ грозитъ непріятельскимъ обращеніемъ? Да лучше умереть, чѣмъ продать въ оковы своихъ братьевъ и сдѣлаться посмѣшищемъ другихъ народовъ».

Люблинскій посолъ Галензовскій говорилъ: «Объявимъ Сиверсу, что народъ польскій хладнокровно ожидаетъ слѣдствій страшныхъ его замысловъ, подобно тому, какъ нѣкогда римляне въ сенатѣ ожидали галловъ, и враги сочли ихъ статуями, а не людьми».

Но вотъ возвратились канцлеры. Сиверсъ объявилъ имъ такъ: «Я получилъ недавно еще приказаніе ея императорскаго величества не измѣнять ни одного слова въ проектѣ. Поэтому, господа, толки ни къ чему не поведутъ. Если сегодня же не будетъ дано депутаціи полномочія подписать трактатъ, я буду поступать съ Польшею какъ съ непріятельскою землею».

Услышавши о безуспѣшности посольства канцлеровъ, патріоты разразились взрывомъ негодованія. Карскій выразился тогда: «Если въ этой Избѣ есть кто-нибудь, кто подпишетъ этотъ трактатъ, я первый подамъ примѣръ, какъ поступать съ измѣнниками». Но умѣренные мало-по-малу одинъ за другимъ подавали свои голоса. Лидскій посолъ Нарбутъ говорилъ: «Мы были бы измѣнники, если бы поступали добровольно. Но развѣ мы свободны? Развѣ мы не невольники? Вотъ уже пять недѣль сеймъ въ неволѣ; однихъ пословъ арестуютъ, у другихъ имѣнія секвеструютъ; безъ билетовъ нельзя выѣзжать изъ города; кругомъ Гродно чужеземное войско; всего этого мало — грозятъ лишить бѣдныхъ поселянъ куска хлѣба, разорить край—за что бѣдные жители будутъ страдать за насъ? Мы завоеваны. Я плѣнникъ. А плѣнникъ развѣ можетъ распоряжаться своимъ достояніемъ? Развѣ, будучи въ неволѣ, не согласится дѣлать все, что прикажутъ?» — «Дѣло нашего сейма — говорилъ епископъ Коссаковскій — беззаконно; но вѣдь мы уступаемъ насилію, и притомъ послѣ опыта борьбы. Развѣ можетъ кто-нибудь намъ это поставить въ укоръ и сказать, что трактатъ подписывается по добровольному согласію; подписанный же поневолѣ, онъ не имѣетъ и силы до окончательной ратификаціи. Я совѣтую лучше не противиться посланнику; это единственное средство спасти остатокъ отечества; быть можетъ наши просьбы у императрицы въ промежутокъ времени до утвержденія трактата могутъ еще смягчить ее!» Тогда взоры многихъ обратились на короля; его просили заявить свое окончательное мнѣніе.

«Не думайте, — сказалъ король — чтобы я мало цѣнилъ героическое мужество гражданъ, пренебрегающихъ опасностію, неподатливыхъ никакому устрашенію. Но что похвально въ нихъ, то принимаетъ совсѣмъ иное значеніе въ томъ санѣ, какой я ношу. Ихъ похвальная твердость сдѣлаетъ имя ихъ знаменитымъ, но можетъ также и способствовать исключенію нашей Польши изъ ряда государствъ. Я же не только какъ король, но и какъ отецъ, долженъ не гоняться за минутными рукоплесканіями, а говорить языкомъ истины. При открытіи сейма, я сказалъ, что не отступлю никогда отъ большинства, выражающаго

волю Избы; я сказалъ также, что не подпишу первый трактата о раздѣлѣ. Я полагалъ, что съ нами будутъ обращаться какъ съ народомъ свободнымъ и предоставятъ дѣлать то, чего требуетъ долгъ; отъ того я такъ и сказалъ; я не предвидѣлъ, чтобы дошло до такихъ крайностей, какими угрожаетъ намъ нота, полученная вчера. Я обманулся, господа, также, какъ обманулся, приступивъ къ тарговицкой конфедераціи. Тогда я думалъ этимъ поступкомъ предотвратить раздѣлъ Польши: мнѣ говорили, что онъ непремѣнно послѣдуетъ, если я не приступлю къ конфедераціи. Теперь же у насъ нѣтъ ни войска, ни денегъ, ни союзниковъ; сто тысячъ иностраннаго войска готовится внести въ нашу страну ужасы разоренія, угрожая каждому семейству.... Есть ли для насъ какая-нибудь свобода избирать то, что̀ намъ кажется лучшимъ? Если вы станете упорствовать, то будете отвѣчать предъ вашими довѣрителями; они послали васъ спасать согражданъ отъ иностраннаго владычества. Вы же не только не успѣете сдѣлать того, что вамъ поручено, но еще и на тѣхъ, которые васъ послали, навлечете разрушительную войну и подвергнете ихъ въ конецъ тому же игу, отъ котораго хотѣли избавить другихъ согражданъ; напротивъ, уступая силѣ, мы, по крайней мѣрѣ, спасемъ остатокъ отечества отъ бо́льшихъ еще несчастій; и, кто знаетъ, быть можетъ великая государыня проникнется нашимъ смиреніемъ до того, что окажетъ великодушіе къ несчастной націи!»

Тонъ короля утишилъ многихъ. Но Шидловскій выступилъ опять съ своимъ проектомъ; его поддерживала небольшая уже кучка патріотовъ. Маршалъ сталъ читать проектъ Лобаржевскаго. Патріоты шумѣли при каждомъ словѣ, хотѣли, чтобъ никто не слыхалъ читаемаго. Проектъ, однако, былъ прочитанъ до конца и пущенъ на голоса. Оказалось 64 голоса за него, а противныхъ было только двадцать. Чтеніе другихъ проектовъ объ этомъ предметѣ оказалось само собою неумѣстнымъ.

Депутація получила полномочіе. Послѣ похвалъ мужеству и безстрашію сеймовыхъ пословъ и горькихъ жалобъ на насиліе, оно кончалось такъ:

«Дошедши до крайнихъ предѣловъ бѣдствій, намъ ничего не остается, какъ призвавши во свидѣтельство Бога, судію сердецъ человѣческихъ и цѣлый свѣтъ, взирающій на насъ, отдать судьбу нашего отечества волѣ той великой государыни, которая, вѣроятно, будетъ побѣждена довѣріемъ къ себѣ польскаго народа, подастъ ему благодѣтельную руку и не пожелаетъ его погибели. А потому мы, король, съ согласія чиновъ сейма, поручаемъ депу-

таціи, назначенной для переговоровъ съ г. россійскимъ посломъ, заявивъ о силѣ довѣрія нашего къ справедливости и великодушію ея императорскаго величества, подписать, не допуская никакой отмѣны, трактатъ съ Россіею въ тѣхъ статьяхъ, какія даны г. посланникомъ въ его нотѣ, и какія признаны умѣстными тою государынею, которая такъ часто держала въ рукахъ своихъ судьбу народовъ, и которую несчастный народъ избираетъ судьею своей участи, не противопоставляя ея волѣ ничего, кромѣ избытка собственнаго несчастія и величія ея чувствованій».

Такъ окончилъ гродненскій сеймъ половину своей работы. Страннымъ быть можетъ покажется, какъ это, послѣ столькихъ заявленій горячаго патріотизма, все ограничилось одними фразами; но надобно принять во вниманіе, что многіе изъ пословъ, получивъ отъ Сиверса, что̀ слѣдуетъ въ мѣсяцъ, разыгрывали комедію своими рѣчами въ духѣ Тита Ливія. Они считали умѣстнымъ и приличнымъ, не устоявъ противъ искусительнаго блеска червонцевъ, въ то же время покрасоваться и благородствомъ, мужествомъ и твердостью, чтобы показать себя чистыми въ глазахъ Европы и скрыть свои грѣхи. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не пробуждалось и дѣйствительное чувство и сожалѣніе потерять столько областей и унизить свое отечество; оно боролось съ любовью къ выгодамъ и еще болѣе со страхомъ и съ размышленіемъ о безплодности оппозиціи. Крутыя мѣры, какими угрожалъ Сиверсъ, были болѣе плодомъ его соображеній, чѣмъ прямыхъ предписаній Екатерины. Въ своемъ рескриптѣ отъ 13-го іюля, государыня изъявляла такого рода взглядъ на удобнѣйшее веденіе дѣла: «лучше по назначеніи делегаціи тотчасъ лимитовать сеймъ. Я ненавижу принудительныя средства и я не вижу даже, послѣ вашего отвѣта, чтобы строгія мѣры, предварительно вами предпринятыя, были полезны. Если же они неизбѣжны, лучше употреблять ихъ надъ всею націею вообще и надъ королемъ. Тутъ они по крайней мѣрѣ полезны, а въ другихъ случаяхъ они только раздражаютъ умы и бросаютъ тѣнь на самые поступки. Прежде, чѣмъ прибѣгать къ фактическимъ мѣрамъ и насилію, сдѣлайте опытъ кроткихъ мѣръ съ начальниками оппозиціи: обѣщайте имъ награды, мѣста, повышенія, староства. Этимъ лучше всего теперь утишить волненіе умовъ. Повѣрьте: изъ тѣхъ, кто рѣшился явиться въ качествѣ пословъ на сеймъ, нѣтъ ни одного, кто бы не пришелъ съ цѣлью устроить свою приватную пользу. Поэтому и слѣдуетъ взять ихъ на эту удочку, какъ обстоятельства покажутъ. Большая часть ихъ думаетъ о староствахъ. Объявить имъ на-

передъ, что не допустится раздача земель, значитъ отнять у нихъ надежды, какія могутъ сдѣлать ихъ покорными. Продажу чиновъ тоже слѣдуетъ допустить. Это велось издавна въ Польшѣ. Прусскія войска вошли въ краковское и сендомирское воеводства. Вы всегда можете пригрозить ими непокорному сейму, когда онъ заупрямится, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Вы можете устрашить лицемѣрную совѣсть короля и другихъ, напомнивъ имъ, какъ сами они принуждали насильно къ принятію конституціи 3-го мая нехотѣвшихъ раздѣлять ихъ мнѣнія. Да, примѣровъ насильства довольно въ царствованіе этого короля».

Депутація подписала трактатъ 22-го іюля, въ день рожденія великой княжны Ольги Павловны. Этотъ день выбралъ Сиверсъ, чтобы соединить торжество національное русское съ семейнымъ торжествомъ царствующаго дома. Въ этотъ день Сиверсъ устроилъ великолѣпный обѣдъ, пригласилъ къ нему иностранныхъ министровъ, иныхъ знатныхъ особъ и депутацію, покончившую съ нимъ дѣло. Пушечные выстрѣлы при заздравныхъ тостахъ возвѣстили радость Россіи о присоединеніи своего древняго достоянія и позоръ Рѣчи-Посполитой, такъ постыдно уступившей его послѣ долгаго владѣнія. Приглашенные къ столу поляки должны были раздѣлять это печальное для нихъ торжество.

Одинъ изъ ярыхъ патріотовъ, Краснодембскій, послѣ подписанія полномочія, говорилъ такъ: «можно уважать и тѣхъ, которые намъ не милы. Таковъ россійскій посланникъ. Я вижу въ немъ великую доблесть; тяжело намъ его могущество, но добродѣтель его и твердость достойны подражанія. Онъ сдѣлалъ все, что былъ обязанъ сдѣлать по долгу къ своему отечеству и къ своей монархинѣ. Онъ насъ и ласкалъ, и угрожалъ намъ, и поставилъ на своемъ. Вотъ если бы мы имѣли такое мужество, такую твердость въ предпріятіяхъ и ревность по отношенію своихъ обязанностей, и были также вѣрны своей отчизнѣ. Поблагодаримъ его за обѣщанное покровительство и помощь; но я бы ни за что не хотѣлъ пользоваться щедротами Россіи. Пусть бы она жаловала насъ изъ своего, а то вѣдь она готова намъ благодѣтельствовать изъ ограбленнаго у насъ же. Принимать у нея что-либо, значитъ сознать, что русскія притязанія правильны, значитъ признавать легальность отнятія у насъ края. Я всегда былъ и теперь остаюсь противъ этого; и не хочу, чтобы мы обязывались какою-нибудь благодарностію къ Россіи; пусть она или возвратитъ намъ все отня-

тое, или возьметъ все, а назначенныя намъ границы носятъ видимое пятно насилія.»

Содержаніе трактата заключалось въ десяти статьяхъ. Первая установляла вѣчный миръ между русскою императрицею, ея потомками и наслѣдниками и всѣмъ государствомъ съ одной стороны, и между польскимъ королемъ и его преемниками на престолѣ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, съ другой. Было сказано: «Для прочнѣйшаго утвержденія взаимной дружбы, высоко-договаривающіяся стороны обязываются и обѣщаютъ не только предать прошедшее совершенному забвенію, но и прилагать крайнее тщаніе о прекращеніи въ самомъ началѣ всякаго повода къ разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между ними дружбу и взаимныя сношенія между народами.» Во второй означались отобранныя земли, въ порядкѣ, означенномъ въ декларации Кречетникова. Земли эти отбирались отъ Польши для того, «чтобъ установить сію счастливую систему мира на прочнѣйшемъ основаніи.» Было сказано: «Его величество король и чины королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго самымъ формальнымъ, торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ уступаютъ ея величеству императрицѣ всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея все, что, вслѣдствіе того къ имперіи россійской принадлежать долженствуетъ, а именно всѣ земли и уѣзды, отдѣленные вышереченною чертою отъ настоящихъ польскихъ владѣній, со всею собственностію, самодержавіемъ и независимостію, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, селами, деревнями, рѣками и водами, со всѣми подданными и жителями, освобождая сихъ послѣднихъ отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими его величеству и коронѣ польской, со всѣми правами какъ по политической и гражданской, такъ и по духовной части, и вообще со всѣмъ принадлежащимъ къ самодержавію сихъ земель, и реченныя его величество король и Рѣчь-Посполитая, польскіе, обѣщаютъ точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не дѣлать никогда ни явно, ни скрытно и ни подъ какими предлогами никакого притязанія на сіи земли и области, настоящимъ трактатомъ уступленныя.» Въ третьей — король за себя и за своихъ преемниковъ и генеральные чины отказались на вѣчныя времена отъ всякихъ притязаній на эти уступленныя земли. Въ четвертой было сказано, что императрица «отрицается на вѣчныя времена, какъ за себя такъ и за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякаго права и притязанія, какія бы она нынѣ или впредь учинить могла посредственно или непосредственно, и подъ какими бы видами, наименованіемъ, предлогомъ или условіемъ и при какихъ бы то ни было

обстоятельствахъ или происшествіяхъ, на какую-либо область или малѣйшую часть владѣнія, заключающагося теперь въ Польшѣ.» Въ пятой, императрица обязывалась, «не сопротивляться никакой перемѣнѣ въ образѣ правленія, какую въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ польскихъ его величество король и Рѣчь-Посполитая признаютъ за лучшее учинить въ древней конституціи согласно съ желаніемъ народа, которое добровольно изъявлено будетъ его уполномоченными, законнымъ образомъ на настоящемъ сеймѣ созванными.» Въ шестой предполагалось установить правила относительно взаимной торговли народовъ польскаго и русскаго, а въ седьмой назначить коммисаровъ для опредѣленія границъ между государствами. Въ восьмой, россійская императрица обѣщала свободное отправленіе богослуженія и церковнаго порядка римско-католической религіи, объявляя за себя и преемниковъ своихъ, что «никогда не соизволитъ употреблять права самодержавія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ.» Въ девятой сказано, что послѣ этого трактата будутъ составлены другія обоюдныя постановленія, а десятая обязывала обѣ стороны ратификовать трактатъ въ теченіи шести недѣль.

V.

Дѣло съ Пруссіею.—Споры о назначеніи депутаціи для совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ.—Упрямство и увертки сеймовыхъ пословъ.—Твердость Сиверса.—Назначеніе депутаціи.

Дѣло съ Россіей покончилось. Началось дѣло съ Пруссіей. Оно было труднѣе прежняго, и посланникамъ пришлось помучиться съ упрямствомъ и уловками сейма еще цѣлыхъ два мѣсяца.

Еще до подписанія трактата съ Сиверсомъ, Бухгольцъ прислалъ 9-го (20-го) іюля ноту, гдѣ просилъ назначить делегацію съ надлежащимъ полномочіемъ, для окончанія переговоровъ съ е. в. прусскимъ королемъ.

Въ продолженіи трехъ дней толковали о несправедливости притязаній Пруссіи. «Намъ объявляли, что прусскій король ввелъ войска въ Польшу для преслѣдованія якобинцевъ. Ну, что же? теперь они истребили якобинцевъ, которыхъ тамъ и не было, такъ мы можемъ назначить делегацію, которая бы вела переговоры единственно о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польской территоріи». Такъ говорили послы.

Ихъ ободрила депеша Войны изъ Вѣны, которая гласила, что

хотя русскій и прусскій министры при вѣнскомъ дворѣ сильно стараются у императора о признаніи законнымъ раздѣла Польши, но императоръ боится увеличенія территоріи союзныхъ государствъ. Это и располагало поляковъ какъ можно болѣе тянуть время въ ожиданіи благопріятныхъ поворотовъ въ политикѣ. Предлагали обратиться къ императору съ просьбой о посредничествѣ, а между тѣмъ пріостановить занятія сейма. Другіе совѣтовали просить защиты противъ прусскихъ притязаній у императрицы. «Мы уступили Россіи области, какъ бы понеся справедливое наказаніе за то, что нарушили гарантіи Россіи, объявили вражду этой монархіи, по наущенію Пруссіи — говорилъ Карскій—но за что же мы будемъ давать области прусскому королю? Скорѣе онъ, какъ главный возбудитель противъ Россіи, долженъ бы былъ теперь поплатиться за насъ.»

«Москва и Пруссія — говорилъ Краснодембскій — не одно и тоже. Москва происходитъ отъ одного съ нами племени, и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и нравамъ; въ соединеніи съ Москвою, можетъ быть, мы увидимъ обоюдное счастіе обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: Пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ — полякъ не будетъ братомъ нѣмцу».

«Что дѣлать? — говорилъ литовскій подскарбій Огинскій — судьба многихъ государствъ въ мірѣ была такова, что они падали съ вершины своей славы, и потомъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, опять поднимались. Польша не должна приходить въ отчаяніе отъ того, что ей предписываетъ законы тотъ, кто былъ нѣкогда ея вассаломъ. Будущность, быть можетъ, еще и поправитъ насъ».

Наконецъ, 26-го іюля, обратились къ королю съ просьбой дать совѣтъ.

«Если бы мои совѣты — сказалъ король — были принимаемы на прошедшемъ сеймѣ, можетъ быть Польша не была бы въ такомъ печальномъ положеніи. Я всегда поддерживалъ ту мысль, что тѣснѣйшій союзъ съ Россіею, за исключеніемъ всякихъ другихъ, былъ бы выгоднѣе всего для Рѣчи-Посполитой. Теперь я убѣжденъ, что никакія личныя пожертвованія не отвратятъ отъ Польши несчастія; испытаемъ косвенныя средства. Обратимся къ императрицѣ, укажемъ на несправедливость прусскихъ притязаній, на то, что трактаты 1773 и 1790 годовъ, заключенныхъ съ пруссаками, гарантируютъ намъ не только цѣлость нашихъ областей, но обязываютъ прусскаго короля защищать насъ; что Польша не подала ни малѣйшаго повода къ нарушенію этого трактата, что дѣло 3-го мая не можетъ давать права прусскому

королю на захватъ областей, ибо это дѣло было одобрено прусскимъ королемъ, наконецъ,—что по всѣмъ изысканіямъ у насъ вовсе не существовало никакихъ якобинцевъ».

Въ такомъ смыслѣ король подалъ проектъ ноты, которую должно представить русскому посланнику. Ему возразили, что подобная нота, вмѣсто того, чтобы отдалить сношенія съ Пруссіей, только дастъ русскому министру печальную необходимость требовать скорѣйшаго начатія этихъ сношеній. Проектъ короля былъ, однако, принятъ большинствомъ, нота послана Сиверсу, и на другой день, 27-го іюля, былъ отъ него полученъ и въ засѣданіи прочтенъ отвѣтъ. Посланникъ Екатерины объявлялъ, что инструкціи, данныя ему, не дозволяютъ обѣщать ходатайства объ отсрочкѣ сношеній съ Пруссіею, напротивъ, обязываютъ его содѣйствовать скорѣйшему начатію переговоровъ съ прусскимъ посломъ.

«Если г. русскому посланнику — сказалъ ломжинскій посолъ Скаржинскій — инструкція не представляетъ возможности принять на себя содѣйствіе, то намъ остается обратиться прямо къ великой государынѣ, посредствомъ особаго посольства, представить ей критическое положеніе Польши, и просить ея милостивой помощи».

Эта мысль очень понравилась многимъ, такъ какъ она все-таки подавала предлогъ къ затяжкѣ дѣла. Другіе, развивая ее, прибавляли, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ пріостановить дѣятельность сейма. Но противъ этого, Лобаржевскій подалъ проектъ продолжать сеймъ до 15-го августа. Цѣль его была привести сеймъ къ необходимости угодить посланникамъ, но онъ не выставлялъ ее наружу, а указывалъ на необходимость заниматься дѣлами внутренняго устройства, тѣмъ болѣе, что тарговицкая конфедерація, своими злоупотребленіями, запутала доходы и расходы, и вообще привела край въ состояніе крайняго безпорядка во всѣхъ отношеніяхъ. Указывалось и на то, что польская армія, хотя значительно убавленная тѣмъ, что Россія уже завербовала часть ея въ отобранныхъ провинціяхъ, состоя изъ 25,000 человѣкъ, въ земляхъ, оставшихся за Польшею, не получаетъ жалованья и предается своевольствамъ. Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ и оставленъ на слѣдующее засѣданіе 18-го (29-го) іюля. При началѣ этого засѣданія, члены сейма замѣтили, что многихъ пословъ не было на лицо, и боялись, не арестованы ли они снова. Шидловскій, не зная еще въ чемъ дѣло, кричалъ, что, по этому поводу, слѣдуетъ прекратить совѣщанія. Товарищи, о которыхъ безпокоились, однако, явились, и одинъ изъ нихъ, Скаржинскій, объяснилъ, что вчера ихъ пугали разореніемъ земель, если

они подадутъ такіе голоса, которые будутъ задерживать продолженіе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и его товарищи объявляли, что несмотря на такія угрозы, они все-таки будутъ поступать такъ, какъ указываютъ имъ истинныя нужды отечества. Передъ тѣмъ Сиверсъ намылилъ голову Скаржинскому и его брату, у которыхъ были имѣнія въ Украинѣ. «Если—говорилъ онъ—вы будете дозволять себѣ выраженія, противныя волѣ ея императорскаго величества, я наложу военную экзекуцію на ваши имѣнія».

Патріоты домогались закрытія сейма. Краснодембскій кричалъ болѣе всѣхъ. Другіе представляли, что въ городѣ, по случаю многолюдства, произошла такая дороговизна, что имъ невозможно содержать себя. «Распущеніе сейма — возражали Коссаковскій и Рачинскій — было бы теперь для страны хуже самаго раздѣла. Оно подвергло бы Польшу крайнему разстройству и военному своеволію. Мы бы окончательно раздражили императрицу, а въ ея рукахъ судьба наша».

Послѣ долгихъ споровъ приступили къ голосованію, и большинство восьмидесяти голосовъ передъ двадцатью семью рѣшило продолжить сеймъ до 15-го августа.

На слѣдующее засѣданіе, 19-го (30-го) іюля, благопріятель Пруссіи, Древновскій, выступилъ съ проектомъ дать инструкцію депутаціи, назначенной для переговоровъ съ Пруссіею.

Но посолъ противной партіи, Микорскій, началъ домогаться разсмотрѣнія своего проекта, гдѣ предлагалось, прежде сношеній съ прусскимъ посломъ, спросить его, г. Бухгольца: считаетъ ли Пруссія существующими прежніе договоры съ Рѣчью-Посполитою 1773 и 1790 годовъ, и если они нарушены, то пусть объяснитъ, по какимъ побужденіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польскихъ областей. Едва начались пренія по поводу этихъ двухъ проектовъ, какъ явилась нота Сиверса. Посолъ императрицы дѣлалъ сейму замѣчаніе, что съ 9-го (20-го) іюля, когда была подана нота Бухгольца, сеймъ дѣлаетъ ежедневно остановки и занимается предметами, не имѣющими никакой связи съ прусскимъ дѣломъ. «Нижеподписавшійся—выражался Сиверсъ,—опасаясь, чтобы и настоящее засѣданіе, какъ и другія, послѣдующія за нимъ, не окончились ничѣмъ, находитъ себя вынужденнымъ объявить наияснѣйшимъ чинамъ, собраннымъ на конфедераціонный сеймъ, что онъ имѣетъ повелѣніе требовать скорѣйшаго начинанія сношеній съ прусскимъ министромъ, и немедленнаго постановленія о надлежащихъ инструкціяхъ и о полномочіи по этому вопросу».

По прочтеніи этой ноты, секретарь сейма сталъ-было читать проектъ Древновскаго, но Карскій, плоцкій посолъ, закричалъ:

«Если вы осмѣлитесь читать, то станете сами первою жертвою вашей снисходительности къ извѣстной партіи». Секретарь испугался и остановился. Одни поддерживали Карскаго, другіе были противъ него. Поднялся такой шумъ, что дѣло готово было дойти до драки. Тогда смущенный маршалъ сейма обратился къ королю и просилъ его, какъ главу, рѣшить своей мудростію вопросъ, раздирающій собраніе. Король объявилъ, что прежде, чѣмъ произнесетъ свое сужденіе, онъ хочетъ узнать мнѣніе сейма. Начали отбирать голоса. Явилось раздвоеніе. Половина была за Древновскаго, другая за Микорскаго. Король предложилъ пустить на голоса такой вопросъ: «чей проектъ долженъ быть прежде читанъ?» Начали отбирать голоса; оказалось равенство голосовъ и на той, и на другой сторонѣ. По закону приходилось рѣшать королю. Станиславъ-Августъ, чтобы угодить обѣимъ партіямъ, предложилъ читать проектъ Древновскаго, но въ тоже время послать къ Бухгольцу ноту, и потребовать объясненій, сообразно желанію Микорскаго. Нота была написана отъ имени канцлера и послана Бухгольцу въ такихъ выраженіяхъ:

«Его величество король, со всѣми чинами конфедераціоннаго сейма, разсматривая ноту г. Бухгольца, экстраординарнаго и уполномоченнаго министра его королевскаго величества прусскаго короля, отъ 20-го іюля, гдѣ говорится о постановленіи новаго договора между Рѣчью-Посполитой и его величествомъ королемъ прусскимъ, и принимая во вниманіе, что оба государства соединены уже, кромѣ трактата 1773 г., еще и новымъ союзомъ 1790 г., которыхъ статей Рѣчь-Посполитая ни въ чемъ не нарушала, поручила намъ, нижеподписавшимся, освѣдомиться у г. посла прусскаго: считаетъ ли его величество король прусскій себя обязаннымъ означенными трактатами или нѣтъ?

«Высокое мнѣніе объ искренности характера этого государя, съ каковымъ пріятно оставаться собраннымъ на сеймѣ посламъ, не дозволяетъ имъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія о его чистосердечномъ желаніи соблюденія торжественно принятыхъ обязанностей, которыя упрочили пріязнь и доброе согласіе между этимъ государемъ и Рѣчью-Посполитою. Поэтому члены, собранные на сеймъ, дали нижеподписавшимся приказаніе сообщить г. послу, что пребываніе прусскихъ войскъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой, будучи для нея отяготительнымъ, противно существу продолжающихся между Рѣчью-Посполитою и прусскимъ королемъ взаимныхъ обязанностей. Итакъ, нижеподписавшіеся, исполняя порученіе, просятъ г. посла съ своей стороны склонить дворъ свой къ изданію приказаній своему войску очистить польскія области,

нынѣ ими занимаемыя, и надѣются сообразнаго въ этой мѣрѣ отвѣта».

Бухгольцъ отвѣчалъ на это въ тотъ же день такою нотою: «Нижеподписавшійся, съ удивленіемъ прочитавъ содержаніе ноты чиновъ конфедераціоннаго сейма Рѣчи-Посполитой, подписанной настоящимъ числомъ, спѣшитъ отвѣчать въ ту же минуту, что предметъ ея не прямо относится къ деклараціи, поданной обоими высокими дворами, берлинскимъ и петербургскимъ, и къ нотамъ, въ началѣ сейма посланнымъ какъ отъ нижеподписавшагося, такъ и отъ чрезвычайнаго и полномочнаго россійскаго посла, а потому нижеподписавшійся оставляетъ подробное объясненіе объ этомъ предметѣ до того времени, какъ начнутся конференціи депутаціи съ нижеподписавшимся о тѣхъ предметахъ, о которыхъ означенная депутація уже вела переговоры съ посломъ россійскимъ».

Прочитавъ такой отвѣтъ, на сеймѣ стали читать проектъ Древновскаго. Суходольскій потребовалъ сдѣлать тамъ прибавку, чтобы депутаты не принимали никакихъ предложеній объ уступкѣ провинцій, не снесясь съ сеймомъ. Въ такомъ видѣ проектъ о депутаціи рѣшенъ былъ большинствомъ 63 противъ 39 голосовъ. Епископъ Коссаковскій предложилъ прибавить еще въ инструкціи депутатамъ, что депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ министромъ, приступаетъ къ этому только вслѣдствіе иноземнаго насилія. Въ свое утѣшеніе, по предложенію Янковскаго, сеймъ положилъ сообщить разнымъ иностраннымъ министрамъ оба акта: ноту сейма къ прусскому министру и отвѣтъ послѣдняго, и записать ихъ въ книги сейма, чтобы вся Европа и будущія поколѣнія знали, какъ можно полагаться на твердость договоровъ, заключенныхъ съ Пруссіею, а посолъ Буховецкій разсказалъ передъ собраніемъ исторію бранденбургскаго дома отъ тѣхъ временъ, когда этотъ домъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, до настоящей минуты, и старался показать все коварство прусской политики. Вечеромъ, въ тотъ же день, Сиверсъ задалъ Коссаковскому головомойку за предложенный имъ въ Избѣ намекъ о насиліи.

Съ этихъ поръ, до 26-го іюля (7-го августа), сеймъ занимался вопросомъ о войскѣ и о финансахъ. Всѣ хотѣли елико возможно тянуть время, потому что обольщались разными надеждами. Польскіе министры при европейскихъ дворахъ писали въ отечество, что въ политикѣ произойдутъ измѣненія. Въ Польшѣ шведскій посланникъ оказывалъ радость, что Пруссія встрѣчаетъ затрудненіе, а австрійскій изподтишка поджигалъ поляковъ къ упрямству и подавалъ имъ надежды, что Австрія не потерпитъ

расширенія и усиленія давно уже соперничествующей съ нею Пруссіи. «Удивляюсь глупости поляковъ; — писалъ тогда Сиверсъ — они дали инструкцію своей депутаціи толковать только о торговыхъ дѣлахъ, думая, что дѣло объ уступкѣ земель не состоится».

Депутація, назначенная для переговоровъ съ Бухгольцемъ, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ особъ, которые совѣщались съ Сиверсомъ, приступила къ конференціямъ съ прусскимъ посломъ, но эта конференція прервалась тотчасъ же. Слѣдовало, по принятому дипломатическому обычаю, прежде всего сдѣлать обмѣнъ полномочій. Полномочіе одной стороны должно было соотвѣтствовать полномочію другой. Но такого соотвѣтствія не было. У Бухгольца въ полномочіи было сказано объ уступкѣ Польшею Пруссіи земель, какъ о главномъ предметѣ, а въ полномочіи польской депутаціи не было объ этомъ ни слова; въ инструкціи же, данной имъ объ этомъ предметѣ, даже не велѣно было толковать безъ сношенія съ сеймомъ. Поэтому, депутація обратилась къ сейму съ рапортомъ, а Бухгольцъ съ нотою. Прусскій посланникъ требовалъ, чтобы сеймъ предписалъ депутаціи вступить съ нимъ въ совѣщанія и продолжать ихъ безъ малѣйшаго перерыва. Уже Фридрихъ-Вильгельмъ заявилъ Бухгольцу свое неудовольствіе за медленность и замѣчалъ, что напрасно переговоры съ Пруссіею не производятся въ одно и тоже время, какъ и съ Россіею.

Такъ какъ нота Бухгольца не сопровождалась такими угрозами, какими обыкновенно приправлялъ свои ноты русскій посланникъ, то поляки не очень испугались ее и не сдѣлали ее особымъ предметомъ совѣщаній, а продолжали нѣсколько дней толковать о прочихъ дѣлахъ и только между прочимъ касались дѣла о сношеніяхъ съ прусскимъ посломъ, ограничиваясь пустою казуистикою.

Посреди такой казуистики, 10-го августа, сеймъ получилъ отъ россійскаго посла ноту, гдѣ было сказано:

«Ясныя и возобновленныя приказанія ея императорскаго величества, данныя нижеподписавшемуся, обязываютъ его напомнить наияснѣйшимъ государственнымъ чинамъ конфедераціоннаго сейма, чтобы они поручили депутаціи обмѣняться полномочіями и начать переговоры съ прусскимъ посланникомъ такъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ наступило скорое и полное окончаніе дѣла. Ужасныя слѣдствія, которыя неизбѣжно повлекутъ за собою дальнѣйшія проволочки, слишкомъ извѣстны. Нижеподписавшійся не хочетъ распространяться подробнымъ изложеніемъ оныхъ. Несчастные и невинные поселяне потерпѣли бы отъ этого болѣе всѣхъ, и Рѣчь-Посполитая подверглась бы чрезъ то новымъ опас-

ностямъ, вмѣсто возвращенія себѣ, посредствомъ спокойной дѣятельности сейма, спокойствія и счастія, похищенныхъ предшествовавшимъ революціоннымъ сеймомъ. 30-го іюля (10-го августа)».

Бухгольцъ, приславшій одновременно свою ноту, выразился такъ:

«Нижеподписавшійся принужденъ вторично требовать отъ чиновъ конфедераціоннаго сейма немедленнаго предписанія депутаціи объ обмѣнѣ полномочій, и затѣмъ о скорѣйшемъ веденіи переговоровъ, долженствующихъ положить предѣлъ всѣмъ потрясающимъ націю несчастіямъ, которыхъ тягость будетъ увеличиваться, если поляки постоянно будутъ поступать неразсудительно».

Послѣ этихъ нотъ, вопросъ объ обмѣнѣ полномочій былъ пущенъ на голоса и рѣшенъ большинствомъ 63 противъ 26. Однако поляки сдѣлали еще уловку: предписали депутаціи сдѣлать обмѣнъ полномочій и вступить въ переговоры съ Бухгольцемъ, но обязывали ее вести эти переговоры только о торговыхъ дѣлахъ, а по вопросу о присвоеніи Пруссіею областей не входить въ совѣщанія безъ воли сейма. Тогда, съ досады, безъ прямого отношенія къ текущимъ дѣламъ, напали на короля, взваливали на него всю силу несчастій Польши, припоминали все старое съ самаго начала его царствованія. Особенно отличился рѣзкими выраженіями противъ его особы Цемневскій. Это вызвало со стороны короля длинную рѣчь: онъ изложилъ исторію своего царствованія съ самаго вступленія на престолъ. Станиславъ-Августъ оправдывался тѣмъ, что всегда поступалъ по волѣ народа, и особенно распространился о своемъ акцессѣ къ тарговицкой конфедераціи, извиняя себя въ этомъ поступкѣ во-первыхъ тѣмъ, что въ Польшѣ не было никакихъ средствъ вести войну, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія, Польшѣ грозили раздѣломъ, и онъ уступкою думалъ сохранить цѣлость земель Рѣчи-Посполитой.

Рѣчь его тронула многихъ. Дзѣконскій и Анквичъ стали защищать короля. Анквичъ доказывалъ, что все зло для Польши возникло не во времена Станислава-Августа, а въ прежнія времена до него. Дзѣконскій говорилъ, что это зло наиболѣе увеличивалось въ Польшѣ оттого именно, что король мало имѣлъ власти. Краснодембскій, сторонникъ 3-го мая, замѣтилъ: «я помню, какъ король говорилъ: и зачѣмъ вы такъ льнете къ этой Пруссіи? И я былъ тогда въ Избѣ противъ Пруссіи. Король говорилъ, что онъ терпѣлъ тогда; и мы не меньше его терпѣли съ нимъ».

Передъ этимъ сеймъ обращался къ обоимъ посланникамъ съ просьбою о возвращеніи принадлежащихъ скарбу Рѣчи-Поспо-

литой суммъ, находящихся въ краяхъ, занятыхъ русскими и пруссаками. Сеймъ получилъ отъ обоихъ отвѣтъ: Бухгольцъ, именемъ своего короля, обѣщалъ возвратить требуемыя суммы, но не ранѣе, какъ по окончаніи переговоровъ, а Сиверсъ просто объявилъ согласіе на требованіе и потомъ, августа 2-го (13-го), увѣдомилъ, что состоявшійся между Россіею и Рѣчью-Посполитою трактатъ ратификованъ императрицею; въ свою очередь онъ приглашалъ ратификовать его и со стороны сейма. Теперь, по существу дѣла, оказывались неумѣстными и безполезными всякіе толки о трактатѣ, уже подписанномъ императрицею, но ратификація его на сеймѣ однако послужила еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней предлогомъ ломанья, выказыванья храбрости и польскаго мужества, упрямства и риторическихъ способностей сеймовыхъ пословъ. 6-го (17-го) августа, по этому поводу произошло чрезвычайно бурное засѣданіе. Едва только секретарь, по приказанію сеймоваго маршала, сталъ читать проектъ ратификаціи, составленный Анквичемъ, какъ Микорскій, Краснодембскій и Карскій вскочили съ своихъ мѣстъ, схватили секретаря за руку и тащили прочь, не давая ему читать, но подбѣжалъ Подгорскій и иные, схватили секретаря за другую руку и принуждали читать. Секретарь—ни взадъ, ни впередъ. Въ это время король далъ знать, что хочетъ говорить. «Я удивляюсь—сказалъ онъ—и не понимаю, что за причина такого безпорядка?» Слова короля возстановили спокойствіе. Секретаря выпустили изъ рукъ. Маршалъ приказалъ ему возобновить чтеніе. Но едва секретарь произнесъ нѣсколько словъ изъ проекта, какъ патріоты закричали: «этотъ проектъ можетъ быть только произведеніемъ измѣнника, и тотъ, кто способенъ читать его, также измѣнникъ!» Оскорбленный Анквичъ потребовалъ сеймоваго суда и сталъ подлѣ маршала, какъ дѣлали всегда тѣ, которые требовали суда. «И насъ пусть судятъ!» кричали патріоты. Но потомъ объяснили, что слова, оскорбившія Анквича, сказаны были насчетъ иноземнаго насилія и принужденія, какое позволялъ себѣ сеймовый маршалъ. Пользуясь этимъ объясненіемъ, канцлеры поспѣшили отвести Анквича отъ маршала, а секретарь, по приказанію послѣдняго, опять принялся читать проектъ. Его безпрестанно прерывали, кричали, шумѣли нарочно, чтобъ нельзя было услышать проекта. По прочтеніи его, разомъ нѣсколько человѣкъ потребовали у маршала голоса. Сеймовый маршалъ не дозволялъ. «Каждый посолъ—сказалъ онъ—имѣетъ право заявить свое мнѣніе, принимая или отвергая предложеніе». Патріоты обратились къ коронному маршалу Мошинскому. «Вотъ несчастіе, сказалъ послѣдній, изъ четырехъ маршаловъ на меня одного выпадаетъ жребій объясняться съ

Избою въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ». Онъ совѣтовалъ успокоиться и поступать хладнокровно и разсудительно. «Приходится—сказалъ онъ—взвѣсить силу необходимости съ несчастіемъ, согласиться на потерю значительной части нашей земли и на разлуку съ ближними и согражданами». Онъ не утишилъ волненія. Мосальскій, Коссаковскій, епископы, свѣтскіе сенаторы пытались уговорить кружокъ задорныхъ крикуновъ, все было напрасно: они кричали, говорили рѣчи, прерывали другъ друга, и такъ продолжалось до ночи, пока наконецъ всѣ устали и произошла баллотировка. Оказалось большинство шестидесяти шести за ратификацію; двадцать одинъ голосъ былъ противъ; одинъ посолъ отказался подавать голосъ. Такимъ образомъ выходило, что все это смятеніе цѣлый день производили двадцать два человѣка изъ восьмидесяти восьми.

Послѣ этого важнаго засѣданія, король пожелалъ видѣть Сиверса. «Ну, довольны ли вы — сказалъ онъ посланнику, — я уже едва держусь на ногахъ и поддерживаю свою бодрость спиртуозными вещами. Довольна ли будетъ теперь государыня?» «Я надѣюсь, — отвѣчалъ Сиверсъ — что она будетъ довольна, если ваше величество будете поступать такъ, какъ она отъ васъ желаетъ».—«Я выношу ужасныя вещи, сказалъ король. Ахъ, что я претерпѣлъ въ субботу... на меня нападали послы, обвиняли меня во всемъ; что же будетъ послѣ трактата съ Пруссіею? Вы меня заставляете его подписывать, а я удовольствовался бы жалованьемъ русскаго солдата, еслибы мнѣ спасти эту часть Польши и не отдать ее Пруссіи.»

Потомъ король расходился передъ Сиверсомъ въ разныхъ предположеніяхъ относительно будущаго устройства правленія Рѣчи-Посполитой, говорилъ объ арміи, о финансахъ, о конституціи, объ эдукаціонной коммиссіи. Сиверсъ отвѣчалъ ему холодными фразами. По этому поводу король сказалъ: «если бы можно было перенести сеймъ въ Варшаву». «Этого не будетъ» — сказалъ Сиверсъ. «По крайней мѣрѣ, сказалъ король—дадите вы мнѣ хоть цѣлую четверть доходовъ до новаго года». Это обѣщалъ Сиверсъ.

«Въ этомъ несчастномъ краѣ—писалъ тогда Сиверсъ своей дочери—нѣтъ вовсе чести; можетъ быть, она скрывается гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ хатахъ, но я того мнѣнія, что она очень далека отъ королевскаго дворца, сейма и всего панскаго общества. Всѣ обманщики, а король—истинная язва этой несчастной Польши, несмотря на всѣ его достоинства».

По поводу предстоявшихъ конференцій съ прусскимъ министромъ, сеймъ обратился къ Сиверсу и просилъ его быть въ ка-

чествѣ свидѣтеля и посредника. Сиверсъ хотя и неохотно, но долженъ былъ принять эти предложенія и потому, что и Бухгольцъ желалъ того же. Дѣйствительно, только посредничеству Сиверса обязанъ былъ прусскій министръ тѣмъ, что конференціи съ депутатами начались. Сообразуясь съ своими инструкціями, депутаты требовали, чтобы конференціи шли о торговыхъ дѣлахъ. Бухгольцъ ни о чемъ иномъ не хотѣлъ говорить, кромѣ уступки Пруссіи занятыхъ прусскимъ войскомъ провинцій. Сиверсъ убѣдилъ депутатовъ войти объ этомъ предметѣ въ совѣщанія не въ качествѣ уполномоченныхъ рѣшать дѣло, а, по крайней мѣрѣ, выслушать проектъ прусскаго посла и представить его сейму. Сиверсъ держалъ сторону поляковъ въ вопросѣ о торговыхъ дѣлахъ; когда дѣло дошло до проведенія границъ, при возникавшихъ недоумѣніяхъ, Сиверсъ склонялся на сторону поляковъ и удерживалъ прусскаго посла, когда онъ черезчуръ хотѣлъ все толковать въ исключительную пользу Пруссіи. «Бухгольцъ—замѣчалъ Сиверсъ въ своихъ донесеніяхъ—человѣкъ честный, но онъ связанъ своими инструкціями и принципами своего двора, привыкшаго нападать и пользоваться всѣмъ на счетъ своего сосѣда». Сиверсъ потребовалъ, чтобы основано было епископство въ Варшавѣ, которая до сихъ поръ находилась подъ властью Познани въ церковной администраціи. Сиверсъ находилъ неудобнымъ, если Пруссіи будетъ возможность вмѣшиваться въ церковныя дѣла Рѣчи-Посполитой.

Предметъ торговли представлялъ чрезвычайно много спорныхъ сторонъ. Поляки жаловались на ужасныя стѣсненія со стороны Пруссіи. Сиверсъ требовалъ всевозможнѣйшихъ облегченій, наконецъ, поляки говорили, что они не согласятся ни за что на какой бы то ни было трактатъ съ Пруссіею, если онъ не будетъ гарантированъ Россіею. Они всѣми способами кололи глаза Бухгольцу Россіей, оказывали явное предпочтеніе и уваженіе къ Россіи передъ Пруссіею.

Признаетъ ли прусскій король трактатъ 1790 года? спрашивали депутаты. — «Король признавалъ и соблюдалъ этотъ договоръ, отвѣчалъ Бухгольцъ, до тѣхъ поръ, пока конституція 3-го мая не уничтожила его». Послы представляли доказательства, какъ прусскій король черезъ министра своего Гольца отзывался одобрительно объ этой конституціи. «Это одобреніе,—сказалъ Бухгольцъ—было временное, вслѣдствіе ложнаго свѣта, въ какомъ представляли его величеству это дѣло, но, изслѣдовавши сущность вашей конституціи, мой дворъ не замедлилъ объясниться по этому поводу совсѣмъ инымъ образомъ. Что же касается до вашего требованія о выводѣ войскъ изъ Польши, это не можетъ

имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока наши переговоры не окончатся. Объ этомъ можно говорить только послѣ всего».

Бухгольцу нужно было одно—принудить поляковъ къ уступкѣ отобранныхъ земель. Депутаты же хотѣли за эту горькую уступку какихъ-нибудь выгодъ для остального отечества поляковъ. Сиверсъ ихъ въ этомъ поддерживалъ. Разсердившись на упрямство депутатовъ, Бухгольцъ спросилъ Сиверса: если Меллендорфъ начнетъ непріязненныя дѣйствія противъ Польши, будутъ ли помогать войска ея величества? Сиверсъ отвѣчалъ ему: «вотъ прекрасно было бы: приказать дѣйствовать войскамъ нашимъ за то, что должно радовать ея величество, за то, что польская нація полагаетъ на Россію надежды»!

И въ самомъ дѣлѣ, прусскій генералъ Меллендорфъ уже готовъ былъ начинать непріятельскія дѣйствія, но 12-го (23-го) августа Сиверсъ убѣдилъ его своимъ письмомъ подождать. «Ахъ, какъ мое сердце часто обливается кровью съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посредникомъ между сильнымъ и слабымъ.... есть ли что хуже этого?» писалъ Сиверсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сиверсъ находился самъ въ печальномъ положеніи дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій и чувствъ. Онъ соболѣзновалъ о судьбѣ несчастной Польши; онъ соображалъ что поляки скорѣе могли примириться съ своею судьбою, если бы Рѣчь - Посполитая была вся нераздѣльно присоединена къ Россіи. Многіе и заявляли такое желаніе передъ Сиверсомъ, конечно, не столько изъ дѣйствительнаго расположенія, сколько изъ хитрости: авось-либо удастся поссорить Россію съ Пруссіею. Сиверсъ склонялся къ этому желанію въ особенности тогда, когда до него дошли слухи изъ Австріи, что австрійскій кабинетъ недоволенъ успѣхами Россіи и Пруссіи, желаетъ съ своей стороны имѣть часть въ Польшѣ, и считаетъ за собой право на овладѣніе соотвѣтствующею частію государства, снабжающаго своими областями другихъ сосѣдей, послѣ того, какъ ей не удавалось получать пріобрѣтенія на западѣ, вслѣдствіе совсѣмъ не тѣхъ оборотовъ французской революціи, какихъ прежде ожидали.

Приговаривали, что какъ бы то ни было, а Польша не уйдетъ еще и отъ третьяго раздѣла. Соображая положеніе дѣлъ Европы, Сиверсъ писалъ своей государынѣ: «Ничего бы не оставалось лучше, ваше императорское величество, какъ подумать о возсоединеніи вновь всей Польши. Съ одной стороны отчаяніе, съ другой покорность легко бы къ этому привели».

Въ самомъ дѣлѣ, императрица не терпѣла Пруссіи и только по необходимости должна была уступать алчности прусскаго ко-

роля, какъ она выражалась. Она уже имѣла въ виду, присоединивъ къ имперіи русскія земли, принадлежавшія Польшѣ, остальную Польшу посредствомъ договоровъ и дружественныхъ союзовъ подчинить Россіи. «Надобно — писала она Сиверсу — привести умы къ тому, чтобы поляки сами просили трактата съ Россіею, какъ благодѣянія съ моей стороны, и смотрѣли на него, какъ на палладіумъ своего политическаго существованія. Дать всѣми способами такой торжественный видъ принятію этого трактата, чтобы казалось, будто это сдѣлалось свободно и единодушно, безъ всякаго насилія. Но прежде надобно покончить съ Пруссіею. (Надѣюсь, вы уже покончили, иначе трактатъ съ нами, принятый съ энтузіазмомъ, будетъ мѣшать подписанію трактата съ Пруссіею). Тогда, не показывая никому проекта, вы сдѣлаете такъ, чтобы делегаты сами предложили вамъ постановленныя статьи, потомъ, сообразно съ нашими предположеніями, составьте свой проектъ, однако все-таки такъ, чтобы делегація покорно просила вашего согласія. На другой день послѣ такой конференціи проектъ долженъ быть представленъ сейму; нужно, чтобы сеймъ принялъ его par acclamation, съ такимъ восторгомъ, который бы выражалъ очевидную полезность для Польши договора съ нами. Вамъ не трудно будетъ возбудить этотъ восторгъ. Есть большое вѣроятіе, что большинство будетъ удовлетворено, но можетъ однако быть оппозиція. Попробуйте всѣ мѣры, кромѣ одного насилія, или убѣдить такихъ, которые станутъ противиться, или удалить ихъ. Договоръ, по которому одна нація соединяется съ другою, не походитъ на обыкновенные трактаты. Если онъ будетъ заключенъ единодушно, то содѣлается священною связью на многія времена; но только единодушіе можетъ зажать ротъ иностраннымъ государствамъ, которыхъ это событіе потревожитъ. Потомъ—дастся полномочіе делегатамъ заключить и подписать договоръ, и постановится, что торжественная делегація отъ сейма поѣдетъ въ Петербургъ. Въ тотъ же день и вы подпишите. О королѣ я знаю, что онъ такъ непостояненъ, что нельзя поручиться за то, что онъ сдѣлаетъ завтра. Припомните ему, что незадолго до печальнаго сейма 1788 года онъ самъ предлагалъ союзъ: покажите ему копію его проекта. Скажите ему, что я забываю личныя оскорбленія и не стану думать о нихъ, когда вся польская нація соединится съ моими подданными такъ тѣсно; я не буду помнить и объ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ, которыя уже сдѣлались жертвою самихъ себя».

Въ надеждѣ такого соединенія, императрица въ вознагражденіе отобранныхъ земель обѣщала не противорѣчить какимъ угодно перемѣнамъ въ правленіи, заранѣе признавая все, что

постановится съ согласія сейма, но съ тѣмъ, чтобы сеймъ обѣщалъ не дѣлать никакихъ измѣненій безъ воли императрицы, и не входить ни въ какія сношенія съ иностранными государствами, предосудительныя союзу съ Россіей, а императрица будетъ имѣть право вводить свои войска въ польскія земли и охранять Польшу отъ всякихъ покушеній и притѣсненій со стороны иностранныхъ дворовъ.

Депутація получила отъ прусскаго министра составленный имъ проектъ трактата, и, не взирая на всѣ его доказательства, уперлась на томъ, что не имѣетъ полномочія подписать его и представила объ этомъ сейму $^{15}/_{26}$ августа.

На другой день, $^{16}/_{27}$ августа, передъ засѣданіемъ, плоцкій посолъ Шидловскій обратился къ сеймовому маршалу и просилъ ему первому дать голосъ. Маршалъ обѣщалъ, но зналъ, что Шидловскій хочетъ подать такой проектъ, который долженъ остановить рѣшеніе прусскаго дѣла. За Шидловскимъ другой посолъ волынскій, по имени Адамъ Подгорскій, проигравшійся шулеръ, состоявшій на прусскомъ жалованьи, попросилъ голоса съ противною цѣлію: онъ составилъ проектъ о дарованіи депутаціи права окончить договоръ съ Пруссіею; Бухгольцъ тайно поручилъ ему это дѣло. Маршалъ далъ позволеніе первому ему. Но намѣреніе его было уже извѣстно многимъ посламъ и чуть только Подгорскій открылъ ротъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики и ругательства: «наемникъ! прусскій слуга, измѣнникъ»! Подгорскій долженъ былъ отступить. Вмѣсто него выступилъ Шидловскій.

«Вижу, почтенные чины — говорилъ онъ — куда идетъ дѣло. Кто-то изъ членовъ сейма хочетъ, заявивши свое сожалѣніе о судьбѣ отечества и свалившi всю вину на прошлый революціонный сеймъ, подать проектъ закона, предписывающаго депутаціи подписать съ Пруссіею такой трактатъ, какой продиктовалъ, заплативши ему, прусскій министръ. Для предупрежденія этого, я протестую противъ каждаго изъ пословъ, который осмѣлится подать подобный проектъ, и буду просить его съ собою *подъ жезлъ*, на судъ; я обвиняю его въ нарушеніи присяги тарговицкой конфедераціи; либо моя голова пусть падетъ, либо голова того, кто изъ васъ отважится на погибель отечества». И онъ подалъ свой проектъ, въ такомъ смыслѣ: «Прусскій министръ не хочетъ ничего знать о прежнихъ трактатахъ съ Пруссіею въ 1773 и 1790 годахъ, слѣдовательно нельзя надѣяться ничего добраго отъ какихъ-либо трактатовъ съ Пруссіею: они сохраняться не будутъ, поэтому король и конфедерованные чины сейма предписываютъ депутаціи, назначенной для переговоровъ

съ прусскимъ министромъ, прекратить всякія съ нимъ конференціи».

Шидловскій произвелъ энтузіазмъ противъ Пруссіи; въ залѣ находились посторонніе слушатели. Они закричали: «згода! згода! Спрашивайте, панъ маршалъ, о згодѣ собранія!» Нѣкоторые изъ умѣренныхъ пословъ, служившихъ вѣрнѣе другихъ иностраннымъ посланникамъ, какъ-то Міончинскій, Залѣскій и другіе, пытались-было потребовать отсрочки, но ихъ встрѣтили такими же ругательствами, какъ и Подгорскаго. Патріоты доходили до бѣшенства. Товарищъ Шидловскаго, плоцкій посолъ Карскій, обратился къ королю и сказалъ: «помнишь ли государь, какъ ты говорилъ: если бы у меня оставалось столько земли, сколько можетъ занять моя шляпа, и тогда не перестану быть королемъ. Покажи же теперь, что ты король и глава народа». Онъ началъ припоминать еще и другія какія-то слова, будто бы сказанныя когда-то королемъ, а король заявлялъ всей Избѣ, что онъ такихъ словъ никогда не говорилъ. Тогда всѣ прониклись чувствомъ уваженія къ королю, остановили Карскаго, осыпали его укорами, бранью, объявили, что онъ виновенъ въ оскорбленіи величества и долженъ лишиться головы. Но король въ свою очередь обратился ко всѣмъ членамъ и просилъ простить Карскаго, извиняя его горячность похвальнымъ патріотическимъ побужденіемъ. Сеймъ потребовалъ, чтобы Карскій просилъ прощенія, и когда Карскій подошелъ къ королю и извинялся за свою горячность, тогда всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, окружили короля и просили прощенія за своего товарища. Засѣданіе это кончилось тѣмъ, что ливскій посолъ Краснодембскій, такъ горячо защищавшій проектъ Шидловскаго, подалъ проектъ о сбавкѣ налога на мясниковъ, доказавъ отяготительность его для этого промысла, и проектъ его былъ принятъ единогласно. Прошли и другіе проекты, касавшіеся внутренняго распорядка. Прусское дѣло осталось нерѣшеннымъ.

Смятенія, происходившія на сеймѣ $^{16}/_{27}$ августа, сдѣлались тотчасъ извѣстны посланникамъ, и утромъ, когда члены сейма собрались къ своимъ занятіямъ, Бухгольцъ прислалъ такого рода ноту:

«Нижеподписавшійся съ удивленіемъ узналъ о неприличномъ и буйномъ пріемѣ, сдѣланномъ на вчерашнемъ засѣданіи рапортамъ о переговорахъ съ его дворомъ. Считая это неуваженіе доказательствомъ того духа необузданности, который возбудилъ вниманіе сосѣднихъ дворовъ; видя, притомъ, что яростныя сцены вчерашняго засѣданія клонятся не только къ воспрепятствованію окончанія сношеній съ прусскимъ дворомъ, но даже и къ совершенному прекращенію оныхъ, нижеподписавшійся требуетъ, чтобы

члены сейма, удержавшись впредь отъ дерзкихъ поступковъ, немедленно отвергнули предложеніе, вчера сдѣланное на сеймѣ въ такомъ духѣ, и тотчасъ же снабдили депутацію надлежащимъ полномочіемъ для окончанія переговоровъ и подписанія трактата, предварительно составленнаго и бывшаго предметомъ конференцій. Въ противномъ случаѣ его величество король прусскій увидитъ себя въ крайности приказать генералу Меллендорфу приступить къ непріятельскимъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой и предпринять такія мѣры, которыя навлекутъ ужаснѣйшія бѣдствія на судьбу тѣхъ, которымъ угодно, посредствомъ безсмысленной оппозиціи, умножать бѣдствія своего отечества».

Вмѣстѣ съ этою нотою на сеймъ была прислана и нота Сиверса. Русскій посланникъ замѣчалъ съ своей стороны неприличіе выходокъ, происходившихъ въ Избѣ, извѣщая, что, только по его настоянію, прусскій генералъ Меллендорфъ пріостановилъ вступленіе войскъ въ краковское и сендомирское воеводства, и убѣждалъ чиновъ Рѣчи-Посполитой немедленно снабдить депутацію полномочіемъ для подписанія трактата съ Пруссіею въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ при его посредничествѣ.

Въ засѣданіи $^{17}/_{28}$ августа было допущено еще больше постороннихъ зрителей, чѣмъ ихъ прежде было: тутъ было много членовъ тарговицкой конфедераціи, въ этомъ званіи они считали за собой право и обязанность принимать живѣйшее участіе въ сеймовыхъ дѣлахъ.

Маршалъ объявилъ о полученныхъ нотахъ; онѣ были прочитаны. Рѣзкій тонъ ноты Бухгольца произвелъ взрывъ негодованія; опять, какъ вчера, начались крики, угрозы, проклятія на Пруссію, восхваленія польскаго мужества, пышныя фразы о готовности умереть за отечество; все это слилось въ неясномъ говорѣ. Только и можно было понять, что желаютъ обращенія въ законъ проекта Шидловскаго, внесеннаго въ прошломъ засѣданіи. Посреди этого волненія является безстрашный Подгорскій, любитель фридрихсдоровъ; онъ и теперь посланъ былъ Бухгольцемъ. Онъ подошелъ къ маршалу и просилъ голоса. Маршалъ объявляетъ всей Избѣ, что Подгорскій хочетъ говорить. Крики кругомъ усиливаются. Подгорскій обладалъ крѣпкимъ горломъ и вздумалъ-было попытаться перекричать всѣхъ, но напрасно. Къ нему стали подходить съ намѣреніемъ заставить его молчать уже не только посредствомъ криковъ, но и побоевъ. Подгорскій вынулъ изъ кармана проектъ, отдалъ его маршалу, а самъ отошелъ.

Краснодембскій, Стоинскій, Кимбаръ, Гославскій, Скаржинскій, Карскій и другіе кричали ему: «измѣнникъ, предатель,

продавецъ отечества пруссакамъ, вѣроломный клятвопреступникъ, подъ судъ, подъ судъ его!»

Шидловскій просилъ товарищей дать ему голосъ. Буря стихла постепенно. Шидловскій громко проговорилъ:

«Ваше величество, милостивый король, и почтенные чины! Я вчера не для того отдавалъ мою голову, чтобы мои слова пошли на вѣтеръ. Я прошу о назначеніи сеймоваго суда. Иду къ жезлу и обвиняю пана Подгорскаго въ измѣнѣ отечеству; не отступлю до тѣхъ поръ, пока не дождусь утѣшенія видѣть кровь измѣнника, пролитую на землю нашу».

И онъ подошелъ къ жезлу.

«Пана Подгорскаго къ жезлу!» кричали члены, но панъ Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ:

«Обвиненіе противъ меня голословно и несвоевременно: мой проектъ еще не былъ читанъ. Изба еще не знаетъ, что̀ въ немъ написано».

Горячія головы должны были согласиться и увидѣть, что они черезчуръ воспламенились, и призывая къ суду человѣка, забыли азбуку правосудія. Нѣкоторые подбѣжали къ столу и поглядывали на лежащій проектъ, не имѣя ни времени, ни спокойствія духа, чтобы пробѣжать его съ толкомъ, а другіе, не обращая вниманія на слишкомъ здравое замѣчаніе обвиняемаго, продолжали грозить Подгорскому и кричать: «измѣнникъ, злодѣй! Зачѣмъ нейдешь къ суду, стало быть виноватъ!» Все стало неясно и слилось въ яростныхъ крикахъ.

Когда буря стала нѣсколько утихать отъ естественнаго утомленія кричавшихъ, Міончинскій воспользовался этимъ и началъ говорить:

«Ни по какимъ законамъ невозможно судить человѣка, не зная, въ чемъ онъ виноватъ. Пока проектъ неизвѣстенъ, онъ не можетъ служить обвинительнымъ актомъ. Надобно прочитать его».

Но патріоты тотчасъ смекнули, что тутъ хитрость. Міончинскій нарочно вызывалъ на чтеніе проекта, чтобы потомъ, при помощи маршала, можно было пустить его на голоса; они боялись, что, несмотря на страшный крикъ въ залѣ, все-таки найдется большинство, которое его приметъ. Собственно коноводовъ всей этой сумятицы было немного; ихъ поддерживала толпа арбитровъ, такая толпа, которая всегда временно поддается всякой силѣ, сообразно съ настроеніемъ нервовъ, производимымъ на нее такимъ или другимъ вліятельнымъ явленіемъ. Наибольшая часть членовъ сеймовой Избы состояла изъ купленныхъ личностей, заранѣе обязанныхъ поступать такъ, какъ подрядили ихъ послан-

ники. Но теперь многіе и *изъ нихъ* издавали патріотическіе крики. Они находились подъ вліяніемъ ораторскихъ движеній, возвышеній и пониженій голоса, сопровождавшихъ цвѣтистыя фразы патріотовъ. Десятокъ послѣднихъ не давалъ имъ опомниться и тащилъ ихъ за собою, привязавши своими фразами и междометіями. Они тотчасъ вошли бы въ свою колею, какъ только пришлось бы имъ подавать голоса.

«Изба — говорилъ Плихта, не можетъ заниматься дѣлами, коль скоро проектъ подъ запрещеніемъ, а вносившему его объявлено публичное обвиненіе въ измѣнѣ и клятвопреступленіи. Прежде пусть Подгорскій выходитъ для отвѣта на сдѣланное противъ него обвиненіе».

— Такъ не лучше ли отложить дѣло это къ делибераціи въ иное время, а теперь заняться другими сеймовыми дѣлами, — попытался сказать Юзефовичъ.

«Развѣ у васъ, панъ Юзефовичъ, въ инструкціи сказано, чтобы предметы, касающіеся измѣны отечеству, отлагать къ делибераціи?» сказалъ люблинскій посолъ Стоинскій. «Не позволю заниматься никакими сеймовыми дѣлами».

Тутъ Гославскій сказалъ съ насмѣшкой: «панъ Подгорскій испугался суда. Мое расположеніе къ нему подаетъ мнѣ мысль доставить ему способъ уволиться отъ суда. Пусть онъ лучше сознается предъ всѣми въ своемъ грѣхѣ и возьметъ назадъ проектъ, ибо признаніе будетъ ему наказаніемъ».

Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; никакіе крики и разсужденія не выводили его изъ себя. Непріятели его, чѣмъ больше неистовствовали, тѣмъ больше чувствовали, что ихъ бѣшеная запальчивость разбивается о непоколебимое равнодушіе волынскаго посла.

«Что же, — сказалъ наконецъ Годашевскій, — онъ не выходитъ; такъ будемъ судить его, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ».

Но тутъ король всталъ и сказалъ:

«Явленія на нынѣшней сессіи могутъ зайти такъ далеко, что уже и воротиться будетъ невозможно, и такъ какъ я, король, обязанъ отвращать несчастія, то я не вижу иного способа, какъ отложить засѣданіе до завтрашняго дня».

Сиверсъ, узнавши о всемъ происходившемъ, написалъ на сеймъ нравоученіе въ слѣдующей нотѣ:

«Нижеподписавшійся съ величайшимъ сожалѣніемъ узналъ, что, не обращая вниманія на вчерашнюю ноту, съ цѣлью склоненія членовъ конфедераціоннаго сейма къ спокойному и зрѣлому обсужденію такого важнаго и многознаменательнаго пред-

мета, какъ прусскій трактатъ, нѣкоторые члены сейма дозволили себѣ предосудительныя излишества, доказывающія, что въ этомъ несчастномъ краѣ вовсе нѣтъ законовъ, или ихъ не исполняютъ. Нарушеніе должнаго уваженія къ священной особѣ короля, къ двумъ маршаламъ, обязаннымъ соблюдать порядокъ, наконецъ ко всему, чѣмъ каждый членъ обязанъ, находясь въ почтенномъ законодательномъ собраніи своего отечества, принуждаетъ нижеподписавшагося вторично припомнить этому собранію вообще, и каждому особо, объ опасности, угрожающей несчастному ихъ отечеству; слѣдуетъ прекратить безпорядокъ и заняться единственно обсужденіемъ и рѣшеніемъ дѣла о трактатѣ съ Пруссіею, и дать немедленно полномочіе для подписанія этого трактата въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ при посредничествѣ нижеподписавшагося, который прилагаетъ всевозможнѣйшее стараніе о будущемъ благоденствіи Польши. Г. фельдмаршалъ Меллендорфъ вторично увѣдомилъ меня о вновь полученныхъ имъ повелѣніяхъ поступить по-непріятельски, вступивъ въ воеводства краковское и сендомирское, въ случаѣ если съ возвращеніемъ курьера онъ не получитъ извѣстія о подписаніи трактата или о назначеніи дня для этого дѣла. Нижеподписавшійся видитъ себя въ необходимости назначить срокомъ $^{20}/_{31}$ число текущаго мѣсяца для окончательной резолюціи государственныхъ чиновъ по предмету снабженія депутаціи полномочіемъ на подписаніе трактата съ Пруссіею, а будущій вторникъ, 3-го сентября, для подписанія самаго трактата. Неисчислимыя бѣдствія будутъ послѣдствіемъ безсмысленнаго упрямства и непослушанія спасительному совѣту, который предлагается единственно въ видахъ отклонить новыя пораженія, угрожающія Рѣчи-Посполитой. Мнимые патріоты должны будутъ отвѣчать передъ цѣлымъ свѣтомъ за свои поступки, за страшныя послѣдствія своего упрямства, за удаленіе отъ единственнаго способа, который остается имъ къ утвержденію будущаго существованія ихъ отечества. $^{18}/_{29}$ августа. — Яковъ Сиверсъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, посланникъ Екатерины написалъ частное письмо къ Тышкевичу. Онъ считалъ его виновникомъ допущенія арбитровъ, и писалъ ему угрожающимъ тономъ, что если въ слѣдующемъ засѣданіи онъ не удалитъ изъ Избы всѣхъ постороннихъ, то Сиверсъ не только наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія, но и отправитъ въ его имѣнія русскихъ солдатъ на экзекуцію. Сиверсъ понялъ, что арбитры чрезвычайно способствовали остановкѣ дѣла: посолъ-патріотъ имѣлъ предъ собою случай показаться и порисоваться, выходя съ фразистою рѣчью, поглядывалъ на публику, видѣлъ и слышалъ одобреніе; это под-

жигало его. Иной, погарцовавши языкомъ, можетъ быть уступилъ бы тотчасъ, да видъ публики его удерживалъ: самолюбію его черезчуръ было невыносимо, когда онъ увидитъ вмѣсто прежнихъ одобрительныхъ — презрительныя лица, и услышитъ брань и, еще хуже, насмѣшки надъ своимъ прежнимъ патріотизмомъ. Тышкевичъ былъ человѣкъ суетный, до страсти любившій рядиться, становиться на подмостки, чваниться и производить шумиху. Ему было особенно пріятно пустить арбитровъ. Теперь, послѣ письма Сиверса, и онъ расхаживалъ по сеймовой залѣ и просилъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ посольскому кругу, уходить. Послы съ недоумѣніемъ смотрѣли, что̀ дѣлаетъ литовскій маршалъ, не сказавшій никому о полученіи письма отъ Сиверса. Наконецъ Гославскій отозвался.

«Господинъ великій литовскій маршалъ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ вашу честность и гражданскія чувства, чтобы это нарушеніе закона и маршальской присяги, дозволяющей совѣтникамъ конфедераціи и высшимъ судьямъ присутствіе въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, не приписать сильной рукѣ, которая васъ къ этому поступку принуждаетъ. Покажите эту руку, или же мы всѣ выйдемъ изъ Избы, если въ Избу не будутъ допущены совѣтники конфедераціи».

«Я буду имѣть честь оправдаться, — сказалъ Тышкевичъ, — передъ цѣлымъ сеймомъ, и представлю причины всему, а теперь прошу гг. арбитровъ выйти изъ засѣданія».

Онъ далъ знакъ маршалу сейма, чтобы тотъ открывалъ засѣданіе, и маршалъ Билинскій уже хотѣлъ выступить со вновь полученною нотою Сиверса, какъ вдругъ входитъ въ Избу Подгорскій. При одномъ видѣ его закипѣло негодованіе такихъ патріотовъ, какъ Шидловскій, Гославскій, Краснодембскій, Карскій и братія ихъ. Начались ругательства. Подгорскій не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и шелъ твердыми шагами къ своему мѣсту. Это пренебреженіе криками, бранью, напоминало патріотамъ безсиліе и пустоту ихъ патріотическихъ выходокъ. Они бросились къ нему толпою, не допускали до мѣста; загородили дорогу, кричали: «прочь! вонъ, измѣнникъ, негодяй, подлецъ», и онъ долженъ былъ невольно попятиться, а они тотчасъ заняли мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Подгорскій попятился еще — патріоты къ нему впередъ не только съ криками, но и съ кулаками. Подгорскій еще попятился назадъ — патріоты опять къ нему и опять заняли его мѣсто, и такимъ образомъ Подгорскій очутился за дверями, въ корридорѣ; двери залы захлопнулись. Подгорскій увидѣлъ себя посреди гайдуковъ, которые смотрѣли на него на-

смѣшливыми глазами. Онъ отправился къ Сиверсу, а тотъ требовалъ, чтобы онъ снова отважился идти въ залу.

Выпроводивши Подгорскаго, всѣ усѣлись на мѣста. Маршалъ прочиталъ ноту Сиверса, а Тышкевичъ письмо, полученное имъ отъ того же Сиверса. Взрывъ негодованія встрѣтилъ эти чтенія. Шидловскій торжественно сказалъ:

«Стою за вчерашнее мое предложеніе и протестую противъ Подгорскаго».

Гославскій, восхищенный подвигомъ Шидловскаго, говорилъ:

«Когда Римъ клонился къ упадку, то подлый римлянинъ предпочиталъ звукъ золота отечеству. Тогда явились Катилины. Но въ эти печальныя минуты среди испорченныхъ римлянъ показался доблестный Цицеронъ и, поражая измѣны и заговоры, указалъ согражданамъ, что извергъ Катилина злоумышляетъ на погибель отечества. И въ нашемъ отечествѣ нашлись своего рода Катилины, но нѣтъ недостатка и въ Цицеронахъ».

Онъ указалъ на Шидловскаго, какъ на перваго изъ польскихъ Цицероновъ. «Но онъ не одинъ», продолжалъ онъ. «Если его голова падетъ подъ мечемъ мстительнаго насильника, — я буду его преемникомъ, и положу голову за то, чтобы уменьшить въ нашемъ отечествѣ число Катилинъ. Есть у меня отецъ, покрытый сѣдинами; онъ живетъ въ небольшомъ имѣніи за три мили отъ владѣній насильника; это имѣніе должно быть моимъ достояніемъ, — я имъ жертвую, только бы никто изъ собратій не могъ сказать, что я содѣйствовалъ ихъ неволѣ».

Его круглосложенныя фразы еще больше разгорячили собраніе. Но всталъ король и далъ знакъ, что хочетъ говорить. Все умолкло.

Сдѣлавши небольшое риторическое вступленіе, король говорилъ:

«Я увѣренъ, что панъ Шидловскій, при подачѣ своего проекта, руководствовался патріотическими чувствами, также точно какъ и тѣ, которые его поддерживали. Но скажите, какое слѣдствіе вышло бы, если бы этотъ проектъ прошелъ? Мы бы только угодили алчному и сильному сосѣду. Король прусскій только того и хочетъ, чтобы мы прервали съ нимъ переговоры, чтобы тогда и россійскій посолъ не имѣлъ болѣе предлога удерживать движеніе прусскаго войска. До сихъ поръ мы хорошо дѣлали, что упорствовали; мы соображали, что, быть можетъ, время дастъ намъ какой-нибудь неожиданный, благопріятный поворотъ; мы надѣялись на помощь отъ императрицы, которой мы уступили значительную часть земель нашихъ. Но теперь присланъ курьеръ; съ возвращеніемъ его, войско прусское войдетъ въ глубину на-

шихъ земель; тамъ наберутъ они десятки тысячъ рекрутъ, возьмутъ милліонами контрибуціи, разорятъ край въ конецъ и потомъ отъ насъ король прусскій потребуетъ себѣ еще болѣе Польши во владѣніе. Европа намъ не поможетъ; вы знаете настоящее положеніе дѣлъ. Императрица ясно требуетъ кончать дѣло съ Пруссіею. Почтенный панъ Гославскій приноситъ въ жертву отечеству своего отца, покрытаго сѣдинами, вмѣстѣ съ имѣніемъ. Это очень похвально. Каждый можетъ такимъ образомъ отвѣчать за себя и за своихъ родныхъ, но я, король и отецъ народа, долженъ снять патріотическую поволоку съ глазъ господъ членовъ сейма и отсовѣтовать принятіе проекта пана Шидловскаго, котораго знаю и уважаю, но мнѣніе его не одобряю. Лучше прибѣгнемъ къ такимъ средствамъ, которыя бы намъ возвратили опору со стороны россійскаго посла, чтобы, по крайней мѣрѣ, трактатъ прусскій былъ для насъ менѣе вреденъ. Героизмъ похваленъ только тогда, когда онъ можетъ приносить прямо счастіе своему краю, а теперь не такое время, и потому я прошу не стоять за такой проектъ, который въ настоящее время пагубенъ».

Кто знаетъ, можетъ быть рѣчь короля лучше подѣйствовала бы на собраніе, если бы въ ту минуту, когда она оканчивалась, не вошелъ въ залу Подгорскій. Какъ только увидали его, такъ со всѣхъ сторонъ раздалось опять: «измѣнникъ, предатель, негодяй, злодѣй, къ суду его! къ суду его!» Шидловскій тотчасъ всталъ съ своего мѣста и кричалъ: «do laski! do laski» (къ жезлу)! Ступай туда!» «Do laski!» повторяли другіе послы. Подгорскій выстоялъ эту бурю, съ прежнимъ непоколебимымъ и неизмѣннымъ лицомъ, потомъ молча отправился къ Шидловскому, и сталъ возлѣ него, предавая себя, такимъ образомъ, суду.

«Надобно же окончить это, — сказалъ Гославскій, — ваше королевское величество, — извольте назначить судъ!».

Тутъ выступилъ Міончинскій и домогался прежде всего пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть судимъ Подгорскій или нѣтъ?

«Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, кричали послы; подъ судъ его, подъ судъ его!»

Обвиняемый стоялъ, ожидая суда. Но тутъ возникъ вопросъ: какъ его судить? Всѣ стали втупикъ. Случай былъ новый. Обратились къ епископу Коссаковскому, который считался большимъ и лучшимъ знатокомъ старинныхъ законовъ и обычаевъ.

«Почтенные члены!» сказалъ онъ. «Правда, я занимался актами и дневниками сеймовъ самыхъ старыхъ, но признаюсь: польское законодательство рѣшительно не даетъ мнѣ никакой возможности

сказать, какъ слѣдуетъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Не было примѣра, чтобы судили когда-нибудь посла въ соединенной Избѣ. Правда, былъ давно подобный случай, но тогда Изба посольская отдѣлилась отъ сенаторской и стала судить обвиняемаго посла. При настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, подобный шагъ имѣлъ бы роковыя послѣдствія. Ваше величество, призываю васъ сказать въ этомъ случаѣ свое мнѣніе

Король произнесъ рѣчь.

«Видите ли, господа,—говорилъ онъ—никто не найдетъ руководства, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Но если бы и нашли надлежащія формальности, что бы вышло изъ этого? Наказанія существуютъ не столько для того, чтобы карать виновныхъ, сколько для того, чтобы другихъ удерживать отъ преступленій. Но теперь, если бы обвиняемый потерялъ голову, поправила ли бы кровь его наши несчастія, измѣнилась ли бы судьба наша? Нѣтъ, намъ было бы хуже. Чужеземная сила нашла бы новый предлогъ называть насъ безчеловѣчными якобинцами,—вотъ и все; а отторженіе областей останется попрежнему. Впрочемъ и судъ нашъ былъ бы напрасенъ: насъ не допустили бы исполнить приговоръ его. Я считаю это достоинствомъ нашего народа, что у насъ не легко находится такой, кто бы рѣшился подавать подобный проектъ; но если уже такой нашелся, который на это себя опредѣлилъ, то что же такое? Изъ нотъ, присылаемыхъ къ намъ безпрестанно, можете ясно видѣть, что рано или поздно, все-таки мы должны будемъ исполнить то, что два двора постановили съ нами сдѣлать. Я говорю къ просвѣщенному собранію: разсудите сами, не лучше ли оставить этотъ судъ, чтобы избѣжать бо́льшихъ несчастій и бѣдствій, и приняться за дѣло, указываемое благоразуміемъ и настоятельною потребностію».

Умѣренные хотѣли-было помогать королю, но патріоты закричали, вскакивали съ мѣстъ, за ними и другіе, увлекаемые руководителями. Король, видя, что смятеніе увеличивается, подозвалъ къ себѣ сенаторовъ и сталъ съ ними совѣтоваться, что дѣлать? Тогда съ одной стороны Карскій, съ другой Краснодембскій подхватили подъ обѣ руки сеймоваго маршала, и хотѣли тащить его насильно въ особую комнату, чтобы, отдѣливъ посольскую Избу отъ сенаторской, предать суду Подгорскаго. Король, увидя это, послалъ сенатора къ Подгорскому, позвалъ его къ себѣ и сказалъ: «уйдите изъ Избы». Подгорскій ушелъ.

«Панъ Подгорскій ушелъ! ушелъ!» кричалъ вслѣдъ ему Скаржинскій. «Улизнулъ отъ суда,—значитъ показалъ, что виноватъ. До тѣхъ поръ не перестану требовать суда, пока панъ маршалъ

не поручится, что Подгорскій не воротится и проектъ его не будетъ читанъ».

«Посланникъ требуетъ его чтенія и угрожаетъ намъ, сказалъ маршалъ. Секретарь, прочитайте проектъ».

«Нѣтъ, нѣтъ!» кричали Скаржинскій, Краснодембскій, Шидловскій, Гославскій. Не позволяемъ чтенія.» — «Нѣтъ», — повторяли за ними другіе голоса.

«По крайней мѣрѣ — повторилъ Міончинскій то, что уже говорилъ прежде, — надобно прочитать проектъ для того, чтобы убѣдиться изъ него, что Подгорскій долженъ быть судимъ».

«Нѣтъ, нѣтъ! Не позволяемъ!» кричали патріоты.

«Почтенные чины! сказалъ, выступивши, холмскій епископъ Скаршевскій. Поневолѣ народъ долженъ уступать то, что́ удержать не въ его силѣ. Если мы не станемъ вести переговоры съ прусскимъ посломъ, то черезъ это не возвратимъ себѣ ни пяди земли, а ведя переговоры, можемъ надѣяться, что и братьямъ нашимъ, идущимъ подъ чужое владычество, окажемъ помощь и сами избавимся отъ бо́льшихъ несчастій. Если намъ противно уступить области, то по крайней мѣрѣ постараемся, чтобы былъ заключенъ выгодный торговый трактатъ, и непремѣнно за поручительствомъ Россіи».

Рѣчь Скаршевскаго дала смѣлость другимъ, получавшимъ жалованье отъ иностранныхъ пословъ: Юзефовичъ, Виламовскій, Влодекъ, Міончинскій, Залѣскій спѣшили сказать свое слово за Скаршевскимъ, доказывать необходимость уступки и требовать чтенія проекта.

Выступилъ Краснодембскій, не далъ имъ долго ораторствовать, и сказалъ: «Для меня долгъ выше угрозъ, честь выше пользы, слава дороже жизни. Никакія рѣчи, никакія ноты, никакіе Меллендорфы съ ихъ войскомъ не заставятъ меня согласиться на переговоры съ прусскимъ министромъ. Пошлемъ въ Петербургъ министровъ просить о помощи противъ прусскаго насилія; попросимъ г. россійскаго посланника, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, если не можетъ намъ помогать, не препятствовалъ намъ обороняться. Пусть исполнится рѣшимость гетмана Коссаковскаго двинуть наше войско, хотя бы и въ маломъ числѣ, противъ пруссаковъ. Пусть гг. гетманъ и региментарь дадутъ немедленно приказъ выступить войскамъ нашимъ противъ грознаго Меллендорфа. Требую, чтобы выданы были вици на посполитое рушеніе. Самъ я первый спѣшу на встрѣчу грознаго Меллендорфа. Лучше благородная смерть, чѣмъ позорная жизнь, недостойная имени вольнаго народа. Вотъ мое мнѣніе. Не отступлю отъ него ни

шагу, докажу, что свободный полякъ не долженъ показать себя трусомъ».

Это былъ самый рѣшительный и прямой голосъ изъ всѣхъ, раздававшихся въ Избѣ, но онъ былъ черезчуръ крайнимъ, чтобы имѣть вліяніе; напротивъ, онъ скорѣе способствовалъ охлажденію собранія. Какъ могли ордонансы къ войску и вици на посполитое рушеніе пробраться черезъ русскія и прусскія войска и производить свое дѣйствіе? Толпа членовъ, увлекаемая до сихъ поръ фразами, тотчасъ опомнилась, остановилась, какъ только стала лицомъ къ лицу съ дѣломъ.

Краснодембскій не былъ изъ числа патріотовъ тарговицкихъ. Открытый сторонникъ 3 мая, другъ Костюшки, это былъ одинъ изъ очень немногихъ.

Шидловскій продолжалъ стоять, требуя суда. Маршалъ и умѣренная партія принуждали секретаря читать проектъ. Патріоты не допускали чтенія. Тогда сеймовый маршалъ сказалъ:

«Вотъ уже три дня споримъ мы и ни къ чему не приходимъ. Панъ плоцкій посолъ требуетъ суда и не хочетъ возвратиться на свое мѣсто. Проектъ волынскаго посла остается безъ подписи. Когда авторъ не подпишетъ, проектъ не можетъ имѣть силы. Приглашаю почтенныхъ членовъ сейма отложить частные споры и недоразумѣнія, и приступить къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли принять окончаніе переговоровъ съ прусскимъ министромъ, или нѣтъ».

«Пусть лучше,—заговорилъ вышегродскій посолъ Микорскій,—чужой солдатъ нагрянетъ къ намъ въ залу и принудитъ насъ къ принятію неволи. По крайней мѣрѣ полякъ, принужденный насиліемъ, не утратитъ славы безчестнымъ дѣломъ, и будетъ имѣть право на сочувствіе другихъ народовъ».

Секретарь все это время стоялъ съ проектомъ въ рукахъ, дожидаясь, когда дозволятъ его читать. Вдругъ подскочилъ къ нему Карскій, вырвалъ у него проектъ и удалился съ нимъ въ глубину залы.

Маршалъ обратился къ нему съ строгимъ выраженіемъ и требовалъ отдать проектъ.

«Я взялъ не проектъ, отвѣчалъ Карскій—а какую-то бумагу безъ подписи. Если есть авторъ этого писанія, пусть покажутъ его, и кому онъ поданъ, я отдамъ его тотчасъ».

Маршалъ обратился къ королю.

«Вырываніе проекта — сказалъ сурово король — есть непристойность, которая подаетъ дурной примѣръ безпорядка. Если такимъ образомъ будетъ дозволено вырывать проекты, то это мо-

жетъ случиться и съ самымъ полезнѣйшимъ патріотическимъ проектомъ».

«Я возвращу бумагу, сказалъ Карскій, она не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на ней нѣтъ подписи автора».

Онъ бросилъ его на столъ подлѣ маршала и отошелъ. Секретарь взялъ его въ руки. «Читайте», сказалъ маршалъ, но едва секретарь прочелъ нѣсколько словъ, опять поднялся крикъ, сдѣлалось смятеніе, патріоты покидали свои мѣста, бросились на средину Избы. Противники ихъ тоже.... обѣ стороны разсвирѣпѣли, кидались другъ на друга съ проклятіями. Маршалъ, видя, что доходитъ дѣло до драки, бросился между ними, махая своимъ жезломъ и раздѣлилъ имъ пословъ, готовыхъ уже вцѣпиться другъ другу въ лицо. Испуганные министры столпились вокругъ короля, думая защитить его особу. Шидловскій покинулъ свое мѣсто и подошелъ къ королю.

«Васъ-то мнѣ и надобно, сказалъ ему король; подойдите ближе. Я отдаю честь вашей гражданской доблести, славѣ, какую вы пріобрѣли, любви, которою вы достойно пользуетесь отъ вашихъ товарищей. Я не умѣю выразить, какъ я люблю васъ, уважаю и цѣню. Скажите мнѣ, прошу васъ, какой будетъ изъ всего этого конецъ и чего вы хотите».

«Ваше величество—отвѣчалъ Шидловскій,—я знаю, что, желая добра народу и отечеству, вы не можете не сочувствовать той рѣшимости, какую я оказываю; видите, что въ средѣ подлостей и насилія находятся еще честные поляки. Милостивый панъ! мой поступокъ послужитъ нѣкогда свидѣтельствомъ, что въ тѣ времена, когда вы царствовали, доблесть еще не угасла въ полякахъ. Я не думаю, ваше величество, чтобы вы не пожалѣли моей крови; я обвинилъ его въ измѣнѣ; боюсь, интрига будетъ злоумышлять на мою погибель, боюсь, чтобы этотъ подлецъ не отрекался послѣ, что такой проектъ подавалъ онъ. Пусть онъ подпишетъ свидѣтельство бѣдствій отечества и своихъ злодѣяній и удалится отсюда навсегда, какъ недостойный пребыванія въ этой святынѣ».

Король велѣлъ позвать Подгорскаго, находившагося въ другихъ покояхъ. «Подпишите проектъ вашъ», сказалъ онъ. Подгорскій пошелъ къ столику подписывать проектъ, но патріотическая партія снова окружила его съ ругательствами, вырывала у него перо и чернила. Король передалъ ему карандашъ. Этимъ карандашемъ Подгорскій смѣло и твердо подписалъ свой проектъ. Когда онъ отошелъ отъ стола, толпа бросилась на него и не довольствуясь ругательствами, снабжала его пинками. «Панъ маршалъ литовскій,—закричалъ Подгорскій, вы не исполняете ва-

шихъ обязанностей; вы напустили сюда лицъ, не принадлежащихъ къ сейму. Извольте унять драчуновъ».

«Вы здѣсь не должны находиться, кричалъ на него Тышкевичъ—ступайте прочь!»

Потомъ Тышкевичъ съ волненіемъ обратился къ королю. «Милостивый панъ, сказалъ онъ, съ начала сейма я терплю разныя непріятности; не доставало только, чтобы панъ Подгорскій осмѣлился меня оскорблять. Онъ обвиняетъ меня въ несоблюденіи порядка, въ допущеніи арбитровъ. Онъ донесетъ на меня россійскому посланнику. Я оставлю свой жезлъ: пусть россійскій посланникъ отдастъ его, кому хочетъ».

«Ахъ ты негодный измѣнникъ, мерзавецъ, подлецъ», кричали со всѣхъ сторонъ на Подгорскаго, и гнали и толкали его въ шею. «Прочь, вонъ отсюда, и чтобы слѣду твоего не оставалось»!

Подгорскій протѣснился къ королю и просилъ его защиты. «Прочь отъ меня, выйдите отсюда вовсе», сказалъ король. И Подгорскій, толкаемый въ спину и провожаемый ругательствами, очутился за дверями залы.

«Теперь можно читать проектъ», сказалъ маршалъ.

«Читать, читать», кричали Виламовскій, Міончинскій, Залѣскій, а за ними и другіе умѣренные и жалованные.

«Не читать, не читать»! вопили патріоты.

«Коль скоро автора вытолкали изъ Избы, какъ можетъ быть принято дѣло, за которое онъ подвергся изгнанію? значитъ— или мы будетъ участниками его преступленія, или мы несправедливо съ нимъ поступимъ», сказалъ Скаржинскій.

«Я предлагаю пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть читанъ проектъ Подгорскаго или нѣтъ?» говорилъ маршалъ Билинскій.

«Законъ запрещаетъ допускать голосованіе послѣ восьми часовъ. Теперь уже десятый. Да и кто осмѣлится голосовать на проектъ, котораго автора вытолкали изъ Избы?» сказалъ инфлянтскій посолъ Мануци, тотъ, о которомъ говорили, что онъ выкалывалъ глаза сторонникамъ 3 мая въ Литвѣ.

«Читать, читать»! кричали, осмѣлившись, умѣренные.

Маршалъ, надѣясь, что его поддержатъ, опять сдѣлалъ вопросъ, и опять тѣ же ругательства, проклятія и угрозы. Давъ время утишиться, маршалъ опять попытался сдѣлать тотъ же вопросъ, и опять то же явленіе. Тогда король сказалъ:

«Вотъ какъ уважается у насъ свобода; сеймовый маршалъ спрашиваетъ, можно ли читать проектъ: объ этомъ нельзя узнать иначе, какъ только посредствомъ голосованія».

И опять маршалъ пытается повторить прежнее, и опять шумъ, крикъ, брань.

Такимъ образомъ, дотянули до десяти часовъ вечера. Изба не переставала волноваться. Измученный король, выбившись изъ силъ, объявилъ, что засѣданіе отлагается до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день $^{19}/_{30}$ августа, едва только собрались члены въ залу, какъ тамъ уже готово было для нихъ, словно для провинившихся школьниковъ, новое отеческое внушеніе Сиверса, въ такихъ выраженіяхъ:

«Нижеподписавшійся узналъ съ величайшимъ сожалѣніемъ о маломъ вліяніи вчерашней своей ноты на умы чиновъ конфедерованнаго сейма. Онъ не скрылъ предъ чинами того ужаснаго поворота обстоятельствъ, какой ожидаетъ ихъ съ оставшеюся у нихъ частью Рѣчи-Посполитой, и теперь не можетъ скрыть справедливаго опасенія, внушаемаго по поводу замедленія въ теченіи дѣла, котораго послѣднее рѣшеніе упомянутою нотою указано на завтрашній день. Будучи формально приглашенъ наияснѣйшими чинами вступить въ переговоры съ министромъ его величества прусскаго короля, нижеподписавшійся тѣмъ самымъ уже почитаетъ своею обязанностію, въ видахъ отклоненія непреодолимыхъ препятствій, которыя были причиною живыхъ споровъ на четырехъ послѣднихъ засѣданіяхъ, вмѣстѣ съ этою нотою, подать проектъ, котораго не хотѣли слушать, въ такомъ исправленномъ видѣ, что онъ уже не можетъ быть не принятъ при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ, наконецъ, согласится единомышленно на это средство, единственно могущее отвратить грозу, висящую надъ Рѣчью-Посполитою, особенно надъ двумя превосходнѣйшими ея воеводствами, которыя опустошены были бы несомнѣнно, что̀ повлекло бы опасность утратить покровительство и благосклонность ея императорскаго величества, которой чувства достаточно выражены, какъ въ деклараціи и въ многократно подаваемыхъ на сеймъ нотахъ, такъ равно и въ трактатѣ, недавно заключенномъ, наконецъ въ увѣреніяхъ расположенія и благосклонности, которыя нижеподписавшійся имѣлъ повелѣніе объявлять со времени эпохи, столь благодѣтельной для Рѣчи-Посполитой. Одушевляясь примирительными побужденіями, нижеподписавшійся не можетъ безъ соболѣзнованія взирать на ужасную будущность, которая ожидаетъ Рѣчь-Посполитую въ такомъ случаѣ, если гг. чины конфедераціоннаго сейма своимъ упорствомъ, неизвинительнымъ въ очахъ страдающаго народа, отвергнутъ единственный способъ, ведущій къ спокойствію, столько необходимому послѣ потрясеній, терзавшихъ Польшу до настоящаго времени».

Прочитана была нота. Потомъ принялись читать присланный проектъ; но едва только секретарь произнесъ слова: «Мы, король, съ согласія» — вдругъ поднялись, какъ и вчера, крики и ругательства. «Не читать», кричали патріоты. «Это безчестно для славы свободнаго народа».—Читать,—кричали умѣренные. Члены выскакиваютъ съ мѣстъ, бѣгутъ на середину залы съ ругательствами, опять доходятъ до того, что уже дѣло близко до драки. Въ то время кто-то крикнулъ:

«Не читать какъ проектъ, но прочитать какъ добавленіе къ присланной нотѣ россійскаго посланника».

Этотъ оборотъ такъ понравился, что Изба замолчала и секретарь началъ читать.

Въ немъ было сказано, что король со всѣми чинами отдаются всецѣло великодушію Екатерины и даютъ право депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ условленъ и составленъ при посредничествѣ великаго россійскаго посла, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ трактатъ былъ гарантированъ императрицею.

Послѣ прочтенія поднялся ужасный шумъ и безпорядокъ; бросились къ маршалу, оскорбляли его словами, начали даже толкать. Король поспѣшилъ закрыть собраніе.

Страшныя проклятія раздавались между патріотами. Грозили убить маршала вмѣстѣ съ секретаремъ, который осмѣлился читать проектъ. Другіе угрожали самому королю. Это дошло до Сиверса. Друзья его поляки совѣтовали приступить къ рѣшительнымъ и суровымъ мѣрамъ и немедленно удалить человѣкъ двѣнадцать патріотовъ, производящихъ буйство на сеймѣ. Сиверсъ сказалъ, что еще рано; достаточно окружить залу войскомъ и не выпускать никого, пока не рѣшится дѣло полномочія.

Въ то же время Сиверсъ продолжалъ имѣть недоразумѣнія съ Бухгольцемъ, и защищалъ передъ нимъ поляковъ. Прусскій посланникъ домогался, чтобы Пруссія, захвативъ у Польши значительное пространство земель, ничего не сдѣлала для остальной Польши. Сиверсу хотѣлось, чтобы, по крайней мѣрѣ, поляки, уступивши Пруссіи часть лучшихъ земель своихъ, не были впередъ стѣсняемы такими мѣрами, которыя до сихъ поръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Пруссіею обращали все въ пользу одной Пруссіи и во вредъ Польши. Свободное плаваніе по рѣкамъ было однимъ изъ главныхъ требованій. Бухгольцъ показывалъ полученный недавно рескриптъ отъ своего короля, который предписывалъ ему отдѣлить предметъ объ уступкѣ земель отъ торговаго трактата. «Это невозможно, сказалъ Сиверсъ; поляки ни за что не примутъ такого трактата. Единственное средство убѣ-

дить ихъ — указать на вознагражденіе посредствомъ торговыхъ выгодъ». «Если поляки еще будутъ упрямиться, говорилъ Бухгольцъ, Меллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія. Игельстромъ долженъ, какъ союзникъ, дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ».— «Новыя повелѣнія императрицы, отвѣчалъ Сиверсъ, гарантируютъ Пруссіи уступленныя владѣнія строго по условію, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Польшѣ были даны торговыя выгоды. Я не стану употреблять понудительныхъ мѣръ, если вы не подпишите трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ подъ моимъ посредничествомъ».

Бухгольцъ находилъ неумѣстнымъ и то, что поляки требуютъ, чтобы договоръ съ Пруссіею былъ подъ гарантіею императрицы. Это оскорбляло честь Пруссіи, которая, въ этомъ отношеніи, была какъ бы подъ наблюденіемъ Россіи.

«Я не могу — сказалъ Сиверсъ — выбрасывать изъ договора тѣхъ статей, которыя дѣлаютъ честь императрицѣ. Я употребляю силу для вынужденія у поляковъ уступки земель, но не могу запретить имъ требовать выгодныхъ для себя торговыхъ условій за это».

«Меллендорфъ долженъ дѣйствовать; ему приказано выступить 20 августа» говорилъ Бухгольцъ.

«Это безполезно,—сказалъ рѣшительно Сиверсъ, — вѣроятно сеймъ въ такомъ случаѣ попроситъ васъ удалиться изъ Гродно, и тогда неизбѣжна война».

Кончилось тѣмъ, что Бухгольцъ, отговариваясь неимѣніемъ самому права рѣшить этотъ вопросъ, хотѣлъ отсрочки до полученія новой инструкціи, а между тѣмъ просилъ поторопить сеймъ. Сиверсъ обѣщалъ приступить къ энергическимъ мѣрамъ для истребованія отъ сейма полномочія депутаціи для заключенія договора въ томъ смыслѣ, въ какомъ проектъ былъ составленъ при посредничествѣ Сиверса.

Сеймовое засѣданіе послѣ пятницы, 30 августа, должно было происходить въ понедѣльникъ, 22 августа (2 сентября), въ 4 часа пополудни. Сиверсъ послалъ къ Тышкевичу предварительно такое письмо:

«Извѣстія, которыя доходятъ ко мнѣ о заговорѣ, составляемомъ противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и почтенныхъ особъ изъ сената, министерства, посольскаго круга, принуждаютъ меня принять для ихъ безопасности мѣры осторожности. Въ два часа пополудни два батальона гренадеръ будутъ поставлены на террасѣ и на дворѣ зàмка. Генералъ Раутенфельдъ разставитъ пикеты, такъ, чтобы никто изъ арбитровъ и ни одна особа, не имѣющая обязанности находиться въ зàмкѣ,

не могла войти въ Избу. Поставятся также караулы у оконъ зàмка, чтобы и черезъ нихъ никто не прошелъ. Для входа останется свободною одна только дверь подъ карауломъ офицеровъ, для осмотра подозрительныхъ лицъ. Если у кого-нибудь изъ пословъ найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и преданъ уголовному процессу за намѣреніе совершить убійство. Слѣдуетъ осмотрѣть оружіе литовской гвардіи и караула, состоящаго подъ вашимъ начальствомъ и арестовать тѣхъ, у кого найдется порохъ или пули. Само собою разумѣется, что гвардія останется на своемъ мѣстѣ. Если кто-нибудь изъ арбитровъ и особъ, не имѣющихъ никакой должности, спрячется въ Избѣ или гдѣ-нибудь, тотъ будетъ также арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Въ передней комнатѣ будетъ поставленъ пикетъ изъ двѣнадцати офицеровъ, которые могутъ войти въ Избу и сидѣть на посольскихъ лавкахъ. Генералъ Раутенфельдъ сядетъ на кресло близъ короля, на лѣвой сторонѣ, и будетъ наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь насилія, въ особенности надъ особами его величества, сеймоваго маршала и вашею, ясновельможный панъ. Извольте огласить, чтобы никто изъ членовъ сейма не двигался съ своего мѣста, исключая случаевъ, когда будетъ позванъ къ королю, а затѣмъ остается членамъ сейма совершенная свобода говоренія. Я не могу дозволить единственно безпорядковъ и буйствъ; и тѣ, которые окажутся въ этомъ виновными, подвергнутся строгости законовъ. Извольте сообщить это письмо въ оригиналѣ или переводѣ его величеству, королю, и всѣмъ членамъ сейма, если пожелаютъ.»

Сиверсъ приказалъ часть войска, стоявшаго около Гродно, вдвинуть въ городъ и занять главныя улицы и площади. Никому не приказано было выходить изъ домовъ иначе, какъ съ билетомъ; иностраннымъ посланникамъ и служащимъ при нихъ лицамъ выдавались особыя карточки; это сдѣлали послѣ того, какъ одинъ изъ свиты папскаго нунція, вышедши на улицу, былъ задержанъ. Два батальона введены въ самый зàмокъ. Всѣ входы были заняты караулами, поставлены батареи и при нихъ артиллеристы съ готовыми фитилями, для внушенія страха. Самъ Сиверсъ около полудня ходилъ въ залу, осмотрѣлъ ее, указалъ мѣста, гдѣ сидѣть Раутенфельду, офицерамъ и гдѣ въ коридорахъ, при дверяхъ и нѣкоторыхъ окнахъ, помѣщаться карауламъ. «Вы — сказалъ онъ Раутенфельду — будете дѣйствовать для соблюденія порядка, вмѣстѣ съ маршаломъ Тышкевичемъ». Король пожелалъ видѣть русскаго посланника. Онъ пріѣхалъ къ королю. Станиславъ-Августъ благодарилъ его за вниманіе и заботливость о его безопасности, но горько жаловался на свою участь. Си-

версъ утѣшалъ его будущею милостію императрицы, и обѣщалъ, что прусскій трактатъ не иначе будетъ допущенъ, какъ только съ самыми выгодными для Польши торговыми условіями.

Въ четыре часа пополудни стали съѣзжаться послы. Пріѣхалъ король. Прошедши мимо карауловъ свободно, послы въ самой залѣ застали уже русскаго блюстителя порядка и русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые поляки съ негодованіемъ хотѣли уйти назадъ, но гренадеры, стоявшіе въ дверяхъ, скрестили ружья, не пустили ихъ, и даже угрожали прикладами, когда тѣ думали прорваться назадъ силою.

«Г. маршалъ литовскій, кричалъ Скаржинскій, вы умѣли спровадить арбитровъ, нашихъ соотечественниковъ, извольте же, сообразно вашей обязанности, удалить чужеземныхъ офицеровъ, иначе мы не позволяемъ сейму приступать къ занятіямъ».

«Такъ, такъ»! повторили голоса. «Не позволяемъ открывать засѣданія при чужомъ войскѣ, подъ насиліемъ».

Шидловскій, за нимъ Гославскій, обращались къ королю, хвалили его, увѣряли, что онъ безопасенъ, и требовали удаленія войска.

«Я ничего не боюсь, сказалъ король. Посреди моего народа мнѣ не нужно чужеземной стражи. Я говорилъ это не разъ и теперь повторяю. Я не участникъ въ этомъ; меня окружаетъ чужеземное войско, а я его не приглашалъ».

Это было произнесено такимъ жалобнымъ голосомъ, что послы были очень тронуты и обратились къ Тышкевичу. «Г. маршалъ,— говорили они,—извольте просить московское войско отсюда выйти». — «Вотъ письмо г. посланника россійскаго—сказалъ Тышкевичъ— оно вамъ будетъ служить доказательствомъ, что я не участвовалъ въ событіяхъ настоящаго дня, но также какъ и вы нахожусь подъ принужденіемъ».

«Откройте засѣданіе, г. маршалъ, и прочитайте это письмо», сказалъ Міончинскій, которому, какъ и его партіи, хотѣлось скорѣе открыть засѣданіе для того, чтобы приступить къ прусскому дѣлу.

«Нѣтъ, нѣтъ»! кричалъ Годашевскій (троцкій). «Сеймъ уже постановилъ прежде, что, въ случаѣ насилія, сеймъ не можетъ открывать засѣданій».

Множество голосовъ повторили тоже.

«Такъ позвольте мнѣ — сказалъ Тышкевичъ — для своего оправданія прочитать письмо россійскаго посланника до засѣданія».

Ему дозволили. Письмо было прочитано.

«Требуемъ, — сказалъ Микорскій, чтобы намъ было объяв-

лено имя того измѣнника, который выдумалъ, будто противъ короля составляется заговоръ».

«Я пошлю спросить объ этомъ къ посланнику», сказалъ панъ Плихта.

«Нельзя быть сейму тамъ, гдѣ мѣстомъ, назначеннымъ для представителей вольнаго народа, овладѣлъ чужеземный солдатъ», сказалъ Шидловскій.

За нимъ повторяли въ томъ же смыслѣ много голосовъ.

«Покажи, наияснѣйшій король, сказалъ Янковскій, что ты довѣряешь своему народу и не требуешь чужихъ солдатъ».

И за нимъ тоже повторило много голосовъ.

«Сообразно съ собственнымъ желаніемъ и волею сейма — сказалъ король, я поручаю коронному канцлеру съ двумя епископами немедленно отправиться къ г. россійскому посланнику и просить отъ моего имени удаленія россійскихъ войскъ, которыя препятствуютъ теченію сеймовыхъ занятій».

Онъ просилъ идти съ канцлеромъ Коссаковскаго и Масальскаго, но тѣ отказывались, подъ предлогомъ, что подобныя делегаціи всегда поручались свѣтскимъ особамъ. Король отъ сената назначилъ Огинскаго и Суходольскаго, а отъ пословъ маршала Билинскаго и Анквича.

Прежде, чѣмъ отправили этихъ лицъ, Коссаковскій расхвалилъ короля и разбранилъ Подгорскаго, котораго дѣла былъ соучастникомъ, а въ знакъ преданности и вѣрности королю просилъ, чтобы король дозволилъ цѣловать свою руку цѣлому сейму. Тотчасъ съ тою же просьбою обратился къ королю Анквичъ отъ имени посольскаго круга.

Маршалъ сейма хотѣлъ было вызывать по порядку воеводствъ пословъ для цѣлованія королевской руки, но послы закричали, что если читать списокъ пословъ, то это будетъ означать, что засѣданіе открыто, а они не позволятъ открывать его прежде удаленія русскаго войска, и рѣшили, чтобы безъ вызова по списку, сперва сенаторы, потомъ послы по воеводствамъ подходили сами собою къ королевской рукѣ.

Такъ и сдѣлалось. Всѣ подходили къ королю и цѣловали руку. По окончаніи этой церемоніи делегація отправилась къ Сиверсу.

Послы сѣли на свои мѣста въ молчаніи. Русскіе офицеры сидѣли на своихъ лавкахъ недвижно, какъ статуи.

Сиверсъ, выслушавши длинную просьбу делегатовъ, отвѣчалъ имъ: «Стóитъ только прочитать бюллетени пяти засѣданій прошлой недѣли. Буйства, которыя позволяли себѣ члены противъ короля и маршала, угрозы и невниманіе къ моимъ трем

нотамъ вынудили меня напомнить вамъ долгъ порядка. Король тутъ не причастенъ. Я сдѣлаю угодное королю, велю выйти русскимъ офицерамъ изъ залы; останется одинъ Раутенфельдъ, но войску прикажу оставить зâмокъ не прежде, чѣмъ принятъ будетъ проектъ Подгорскаго. До тѣхъ поръ никто изъ членовъ сейма не выйдетъ изъ зâмка».

Делегація просила Сиверса сказать, кто ему донесъ о существованіи заговора противъ короля.

«Я узналъ это, сказалъ Сиверсъ — уже пять дней тому назадъ; ходятъ слухи, что готовится смятеніе, угрожающее его величеству и нѣкоторымъ членамъ сейма: моею обязанностію было для ихъ безопасности принять средства».

Делегація воротилась и все разсказала сейму. Суходольскій прибавилъ, что, высказавши россійскому послу о своемъ сопротивленіи прусскому дѣлу, онъ получилъ отъ него молчаливое одобреніе чувствъ своихъ. Это побудило его тотчасъ заявить, что онъ будетъ противъ прусскаго трактата.

Было уже половина девятаго. Маршалъ открылъ засѣданіе и началъ его чтеніемъ новой ноты, присланной Сиверсомъ. Въ ней, изложивъ вкратцѣ событія предшествовавшихъ бурныхъ засѣданій, посолъ говорилъ:

«Нижеподписавшійся видитъ себя окончательно принужденнымъ объявить чинамъ сейма, что невоздержные поступки очевидно показываютъ тѣ сѣмена якобинства, о которыхъ онъ упоминалъ въ предшествовавшихъ своихъ нотахъ, и потому онъ не можетъ не приступить къ искорененію этой пагубной во всѣхъ отношеніяхъ заразы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно требуетъ, чтобы просмотрѣнный, поправленный и къ нотѣ отъ $^{19}/_{30}$ августа присоединенный проектъ г. Подгорскаго былъ немедленно прочтенъ, и, безъ малѣйшаго замедленія, принятъ и рѣшенъ. Вслѣдствіе сего, наияснѣйшіе чины благоволятъ тотчасъ же, не закрывая засѣданія, дать почтенной депутаціи полную власть и точное приказаніе подписать трактатъ, составленный при высочайшемъ посредствѣ августѣйшей государыни съ г. прусскимъ посломъ, а равно и будущія статьи, какія составятся по силѣ выраженій протокола конференцій, на которыхъ находился нижеподписавшійся, дабы онъ чрезъ то самое былъ уволенъ отъ принятія такихъ мѣръ, которыя ему предписаны, и отъ которыхъ онъ не можетъ отступить. Нижеподписавшійся долженъ также объявить наияснѣйшимъ чинамъ, что, въ видахъ предотвращенія неурядицы, онъ находится въ неизбѣжной необходимости командировать два батальона гренадеровъ съ четырьмя пушками, и окружить зâмокъ. Г. генералъ Раутенфельдъ будетъ

имѣть команду надъ этими батальонами и предприметъ, вмѣстѣ съ г. Тышкевичемъ, великимъ литовскимъ маршаломъ, мѣры, необходимыя къ огражденію сеймоваго спокойствія. Нижеподписавшійся ожидаетъ, что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано рѣшеніе о подписаніи трактата».

Начались пренія. Скаржинскій произнесъ длинную рѣчь, длившуюся цѣлый часъ, преисполненную риторики; онъ стоялъ за проектъ Шидловскаго, но допускалъ въ немъ дѣлать такія поправки, по которымъ бы возобновились сношенія съ берлинскимъ дворомъ и измѣнилась рѣшимость не уступать отбираемые края.

За нимъ говорилъ Шидловскій. Его рѣчь была также длинна, но онъ соглашался допустить поправки въ своемъ проектѣ.

Это значило, что жаръ патріотовъ прохлаждался отъ вліянія ноты Сиверса и отъ близости русскихъ гренадеровъ. Шло дѣло къ тому, чтобы сдаться; хотѣли только, чтобы казалось на видъ, будто не отъ страха сдаются.

Видя, что патріоты стали подаваться и спѣшатъ предлагать поправки, черскій посолъ Станишевскій подалъ маршалу проектъ добавокъ къ проекту Шидловскаго, состоящихъ въ слѣдующемъ:

Возвратить взятый пруссаками образъ Ченстоховской Богородицы съ инвентаремъ сокровищъ и казны, принадлежащихъ ему. Опредѣлить наслѣдство въ случаѣ угашенія фамиліи Радзивилловъ и гарантировать доходы примаса въ забранномъ пруссаками краѣ; также дозволить свободно примасу проживать въ польскомъ краѣ.

Добавки къ проекту Шидловскаго никакъ не клеились съ самымъ проектомъ. Добавка относительно примаса допускала, сама собою, возможность уступки областей Пруссіи, тогда какъ проектъ выразительно отвергалъ ее. Эту добавку приставляли къ проекту съ хитрымъ намѣреніемъ подорвать и уничтожить самый проектъ, съ которымъ она находилась въ прямомъ противорѣчіи, и тѣмъ поворотить его къ смыслу проекта Подгорскаго. Скаржинскій закричалъ, что эта добавка не можетъ быть принята и присоединена къ проекту Шидловскаго, потому что она допускаетъ то, что проектъ отвергаетъ.

Тогда сеймовый маршалъ сдѣлалъ вопросъ: одинъ ли проектъ навязываемый силою долженъ быть принятъ, или же и проектъ Шидловскаго?

«Что это такое? закричалъ Скаржинскій. Какъ могутъ быть приняты два разнородные проекта»?

За нимъ принялись кричать другіе и напустились на маршала. Билинскій, послѣ неудавшейся хитрости, сообразивъ, что надобно подъѣзжать къ цѣли окольнымъ путемъ, и потихоньку,

начиная съ общихъ мѣстъ, задалъ такой вопросъ: можетъ ли быть принятымъ поданное предложеніе? Патріоты противились пущенію на голоса такого вопроса, но умѣренные перекричали ихъ. Рѣшили голосовать такъ, чтобы сначала подавали голоса сенаторы, потомъ послы. Оказалось изъ сенаторскихъ утвердительныхъ 10, а отрицательныхъ 3, и въ посольскомъ кругѣ утвердительныхъ 50, и противныхъ 25.

Вслѣдъ за этимъ маршалъ предложилъ другой вопросъ, уже яснѣе, но тоже не раздражая патріотовъ, и даже какъ будто угождая имъ: можетъ ли быть представленъ къ рѣшенію проектъ, присланный съ нотою россійскаго посланника, поддерживаемый насиліемъ и присутствіемъ чужеземнаго войска, или только проектъ Шидловскаго?

Отчаянные патріоты кричали и противъ этого, но составилось голосованіе и принятъ къ рѣшенію проектъ Подгорскаго. Оказалось большинство 59 голосовъ противъ 26 (сенаторскихъ 10 противъ 3, посольскихъ 49 противъ 23).

Тогда умѣренные стали подавать разныя поправки и добавки.

Между тѣмъ курьеры, одинъ за другимъ, являлись отъ Сиверса, и приглашали къ нему то тѣхъ, то другихъ особъ изъ сейма. Сиверсъ напоминалъ имъ долгъ ихъ, дѣлалъ угрозы, и побуждалъ торопиться.

Маршалъ отдалъ всѣ поправки конституціонной депутаціи, занимавшейся совокупленіемъ замѣчаній и редакцій проекта. Когда, по этимъ замѣчаніямъ, конституціонная депутація изготовила цѣлый проектъ и принесла его въ собраніе, маршалъ предложилъ на голосованіе вопросъ: обращается ли въ законъ проектъ, допущенный къ рѣшенію и поправленный конституціонною депутаціею?

Наступила рѣшительная роковая минута. Патріоты собирали всѣ силы, чтобы не допустить проектъ, но присутствіе русскаго генерала въ самой залѣ, сосѣдство гренадеровъ въ корридорахъ и невозможность выйти изъ залы не принявши этого проекта, лишали патріотовъ поддержки той толпы, которая прежде, поджигаемая ихъ огненными рѣчами, одобряла ихъ и производила суматоху во всей Избѣ; послы, по ихъ примѣру, уже не соскакивали съ мѣстъ, не выбѣгали на средину, а сидѣли по мѣстамъ тихо и покорно. Началось голосованіе. Оказалось за проектомъ большинство 61 голоса противъ 23 (сенаторскихъ 9 противъ 2, посольскихъ 52 противъ 21). Нѣкоторые не подавали голоса вовсе; другихъ не было въ залѣ.

Гетманъ Коссаковскій, Пляттеръ и Ледоховскій не хотѣли-было идти въ собраніе, но Сиверсъ послалъ къ нимъ русскаго

маіора приказать имъ, именемъ своей государыни, чтобы они шли немедленно. Они повиновались, и Пляттеръ заслужилъ милостивое вниманіе русскаго посланника за то, что въ Избѣ сказалъ мудрую рѣчь о покорности ея императорскому величеству.

Такимъ образомъ, всѣ крики въ продолженіе многихъ дней, всѣ возгласы, вся рѣшимость показать свѣту достойную римлянъ твердость, вся пышная патріотическая риторика съ величественными тѣлопоставленіями и пламенными тѣлодвиженіями,— все было напрасно. Даже и жалкій Подгорскій выпилъ напрасно чашу оскорбленій. Одно только, въ чемъ видно было вліяніе патріотическихъ выходокъ—это тонъ, какимъ написано было полномочіе депутаціи, заявлявшій о сознаніи насилія. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы, король, въ согласіи съ чинами Рѣчи-Посполитой, выслушали донесеніе депутаціи, назначенной для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, и показанный намъ проектъ трактата, и узнали, что, несмотря на усильное посредничество г. россійскаго посланника, дворъ берлинскій не отступаетъ отъ намѣреній, пагубныхъ для Рѣчи-Посполитой, допустивъ смягченіе только нѣкоторыхъ статей трактата. Находясь въ крайней степени несчастія, но будучи далекими отъ признанія законности причинъ, которыми берлинскій дворъ хочетъ оправдать свое насиліе надъ нами, и напротивъ, не отступая отъ нашей декларации, помѣщенной въ первой отвѣтной нотѣ на ноту двухъ союзныхъ дворовъ, свидѣтельствуемъ передъ цѣлою Европою, къ которой много разъ обращались, что, опираясь на силу предшествовавшихъ трактатовъ, съ нашей стороны всегда сохраняемыхъ, а въ особенности на силу трактата, недавно заключеннаго въ 1790 году, по желанію самого прусскаго короля, которымъ обезпечивалась независимость и цѣлость областей Рѣчи-Посполитой, мы даемъ настоящій актъ не по доброй волѣ, а по поводу цѣлаго ряда насильственныхъ мѣръ, неоднократныхъ угрозъ ввести прусскія войска въ богатѣйшія области, оставшіяся во владѣніи Рѣчи-Посполитой для ихъ окончательнаго разоренія, наконецъ, послѣ того, какъ въ глазахъ нашихъ, святилище нашего законодательства въ день, назначенный для обсужденія проекта, было окружено и запружено иноземными солдатами. Даемъ вынужденное отъ насъ порученіе вышеупомянутой депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ за посредничествомъ г. россійскаго посланника, съ тѣмъ 1) что онъ будетъ гарантированъ августѣйшею государынею со всѣми особыми, сообразными съ этимъ трактатомъ, статьями, какъ по отношенію къ торговлѣ, такъ и по отношенію къ инымъ предметамъ, касаю-

щимся духовенства, къ успокоенію Рѣчи-Посполитой и ея обывателей, какъ отходящихъ вполнѣ подъ чужое владычество, такъ и имѣющихъ въ обоихъ государствахъ свои имѣнія; 2) чтобы превелебнѣйшій отецъ нынѣшній примасъ могъ безпрепятственно, для отправленія своихъ обязанностей, жить въ Польшѣ и собирать свои доходы; 3) чтобы, въ случаѣ прекращенія фамиліи князей Радзивилловъ, бранденбургскій домъ не предъявлялъ никакихъ притязаній на наслѣдство, которое будетъ по закону принадлежать Рѣчи-Посполитой; 3) съ тою перемѣною послѣдней статьи трактата, что мы, король не прежде будемъ ратификовать именемъ нашимъ и чиновъ Рѣчи-Посполитой трактатъ объ уступкѣ земель, какъ тогда, когда торговый трактатъ и всѣ взаимно признанныя отдѣльныя статьи будутъ признаны и подписаны обѣими договаривающимися сторонами при посредничествѣ и гарантіи россійскаго двора, и 4) чтобы подлинный образъ Ченстоховской Богоматери немедленно, по подписаніи трактата, со всѣмъ инвентаремъ драгоцѣнностей, серебра и всякой утвари, принадлежащихъ казнѣ этого образа, былъ намъ возвращенъ».

Когда унылые послы расходились изъ засѣданія, на старой башнѣ за̀мка пробило четыре часа пополуночи.

«Ахъ, наше собачье житье! Ахъ, какая мука»! восклицалъ Сиверсъ въ задушевномъ письмѣ къ дочери, разсказывая объ этомъ событіи. «Что̀ я перечувствовалъ, когда держалъ короля съ сеймомъ двѣнадцать часовъ взаперти, пока не прикажетъ подписать своего бѣдствія»!

VI.

Недоразумѣнія съ Бухгольцемъ. — Арестованіе четырехъ пословъ. — Сиверсъ окружаетъ Избу войскомъ. — Нѣмое засѣданіе. — Трактатъ съ Пруссіею.

Окончивъ съ поляками, Сиверсъ сталъ обращаться съ ними ласково, далъ великолѣпный балъ и ужинъ въ день рожденія императрицы. Зубовъ далъ такой же балъ въ день Александра. Концерты, спектакли, вечера каждый день располагали веселиться поляковъ. Самъ король далъ обѣдъ для русскихъ.

Приходилось выдержать еще борьбу съ Бухгольцемъ. Прусскій министръ, во время послѣдняго рѣшительнаго засѣданія сейма, былъ въ сильной тревогѣ; онъ боялся, что поляки, несмотря на всѣ принудительныя мѣры, упрутся, и никакія старанія Сиверса не заставятъ ихъ податься. Онъ не видѣлъ и не ожидалъ, со стороны Россіи, готовности, въ такомъ случаѣ, помогать Пруссіи своимъ оружіемъ. Дѣйствительно, можетъ быть, если бы

члены сейма не уступили ни за что, просидѣли бы не только вечеръ и ночь, но нѣсколько дней подъ стражею русскаго войска, показали бы готовность скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлать угодное Пруссіи, и въ то же время отдавались бы съ покорностью императрицѣ, — въ концѣ концовъ пришлось бы оставить ихъ на произволъ судьбы раздѣлываться съ Пруссіею. На счастье Пруссіи сеймъ оказался храбрѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но Бухгольцъ и на другой день послѣ этого засѣданія не былъ доволенъ. Пруссіи совсѣмъ не по мысли былъ торговый трактатъ и льготы Польшѣ. Бухгольцъ видѣлъ со стороны Сиверса тоже расположеніе, какъ и прежде, и жаловался, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Меллендорфу, что Сиверсъ мирволитъ полякамъ. «Поляки насъ ненавидятъ до крайности, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Они признаются, что оскорбляли Россію и вели съ нею войну, а главное, мы имъ противны оттого, что мы нѣмцы». Послѣ назначенія депутаціи, Бухгольцъ былъ недоволенъ и не хотѣлъ принимать добавокъ, а болѣе всего не хотѣлъ, чтобы торговый трактатъ былъ условіемъ уступки земель. Но Сиверсъ рѣшительно отвѣчалъ ему: «изъ статей, требуемыхъ поляками, нѣтъ ни одной, которая бы могла потрясти согласіе двухъ дворовъ. Вы подпишите послѣ завтра трактатъ и все кончится».

«Нѣтъ, возразилъ Бухгольцъ, я подписать не могу съ приложеніями и съ условіями о торговомъ трактатѣ. Напротивъ, слѣдуетъ Меллендорфу прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ въ двухъ воеводствахъ».

«Этого я на чистоту не допущу» — сказалъ Сиверсъ. — «Это значитъ, получивъ уступку, начать войну за чужіе капризы. По справедливости, король вашъ не долженъ отказать въ признаніи тѣхъ выгодъ, какія поляки имѣютъ основаніе требовать въ своемъ печальномъ положеніи, находясь въ полномъ распоряженіи прусскаго короля. Притомъ видите, какъ они тверды и упорны: не доводите ихъ до отчаянія. Уступкою, сдѣланною вамъ, вы обязаны единственно волѣ императрицы и тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, которыя я употреблялъ. Если Меллендорфъ войдетъ съ войсками, вы должны будете отсюда тотчасъ же уѣхать. Тогда трудно будетъ удержать ихъ отъ крайностей. Если вы несогласны пріостановить дѣло, то пошлемъ курьера къ своимъ дворамъ, а если вы хотите окончить дружелюбно, надобно подписать трактатъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ такъ. Послѣдствія очень важны».

Бухгольцъ нѣсколько разъ обращался съ прежней просьбой

допустить Мелендорфа войти въ воеводства, но Сиверсъ былъ непоколебимъ.

«Я говорю вамъ, сказалъ онъ, что вся негоціація разстроится, если вы на это рѣшитесь».

Мелендорфъ, узнавъ о разноголосицѣ, прислалъ къ Сиверсу своего адъютанта, но и адъютантъ не упросилъ Сиверса. Бухгольцъ отправилъ курьера къ своему королю въ лагерь.

Императрица сначала одобряла поведеніе своего министра съ Пруссіею.

Въ августѣ, когда ей донесли объ упорствѣ поляковъ по отношенію къ Пруссіи, она секретно приказывала поддерживать поляковъ въ ихъ справедливыхъ претензіяхъ противъ прусскихъ угрозъ и увѣрить ихъ въ добромъ расположеніи своемъ и вѣнскаго двора.

Отъ 14-го сентября, она писала къ Сиверсу: «во всемъ, что вы до сихъ поръ сдѣлали для пользы поляковъ, вы исполнили мои намѣренія, и хотя избранная дорога могла казаться противна интересамъ прусскаго двора, онъ не можетъ не признать основаній справедливости и человѣколюбія, какія вами руководили». Но все измѣнилось черезъ нѣсколько дней. Бухгольцъ получилъ отъ своего двора требованія, чтобы трактатъ объ уступкѣ земель былъ оконченъ прежде торговаго трактата. Прусскій король, узнавши, что дѣла его въ Польшѣ встрѣчаютъ препятствія, хотѣлъ оставить войну съ Франціею и обратиться на Польшу.

Вѣроятно, государыня разсчитывала, что если прусскій король оставитъ Францію и обратится на Польшу, то съ одной стороны страшное революціонное движеніе будетъ лишено противодѣйствія, съ другой Россія будетъ поставлена въ необходимость защищать Польшу и вступить въ войну съ Пруссіею. Въ то же время Австрія, терявшая надежду на успѣхъ вознагражденія на счетъ Франціи, показывала сильное желаніе вознаградить себя на счетъ Польши, и съ этою цѣлію соединилась бы съ Пруссіею. Россіи пришлось бы вмѣстѣ съ поляками воевать противъ двухъ сосѣднихъ державъ. Такимъ образомъ, европейскій союзъ противъ Франціи разрушился бы самъ собою, между тѣмъ поляки могли измѣнить Россіи и перейти на сторону ея враговъ. Екатерина приказывала Сиверсу поспѣшить окончаніемъ прусскаго дѣла, въ угоду прусскому двору.

Между тѣмъ, послѣ рѣшенія дѣла о подписи депутатовъ, сеймъ сталъ заниматься дѣлами внутренними. У Сиверса была готова конституція, написанная подъ его надзоромъ Мошинскимъ съ товарищами; она была представлена на сеймъ для обсужде-

нія. Но главнѣйшее дѣло этихъ дней было уничтоженіе тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ считалъ ее величайшимъ зломъ, разъѣдающимъ Польшу. Онъ представлялъ объ уничтоженіи ея еще въ началѣ сейма, но государыня нашла это неумѣстнымъ до поры до времени; раздѣляя взглядъ своего посланника на всѣ дурныя стороны этого учрежденія, она находила, что нужно держать ее до тѣхъ поръ, пока окончательно не совершится уступка польскихъ провинцій Россіи, но держать ее въ ослабленномъ видѣ. Такимъ образомъ, у конфедераціи отнято было все управленіе, запрещены собранія, прекращено образованіе новыхъ мѣстныхъ конфедерацій. Но суды, созданные ею, оставались по прежнему. Теперь, когда трактатъ съ Россіею былъ подписанъ, государыня приказала, сообразно давнишнему желанію Сиверса, совершенно уничтожить ее и составить новую, сеймовую, подъ начальствомъ короля. Составленіе новой конфедераціи сочтено нужнымъ единственно потому что боялись, чтобы друзья тарговицкой не могли упорно защищать ее на сеймѣ, потому и рѣшились вести дѣло такъ, чтобы, съ образованіемъ новой конфедераціи старая уничтожилась бы сама собою. Главою новой конфедераціи долженъ быть король, маршаломъ—сеймовый маршалъ, а совѣтниками—только члены настоящаго сейма.

Актъ уничтоженія прежней конфедераціи и составленія новой написанъ былъ Мошинскимъ и прочитанъ королю, къ большому его утѣшенію. Коссаковскій и Забѣлло, видя въ этомъ свое паденіе, пытались у Сиверса какъ-нибудь удержать свое издѣліе, но напрасно. 15-го сентября, Міончинскій подалъ на сеймъ проектъ о распущеніи конфедераціи. По этому проекту возобновлялись всѣ суды, какіе были до 1792 года, и должны были оставаться въ такомъ видѣ до реформы, долженствовавшей явиться съ новою формою правленія. Всѣ санциты конфедераціи, хотя не теряли сами по себѣ законной силы, но могли быть уничтожены сеймовымъ постановленіемъ. Они должны быть въ теченіи недѣли доставлены на сеймъ, для обслѣдованія ихъ, въ руки канцлеровъ.

Установлена была депутація для разбора жалобъ, которыя могли и должны были возникнуть на дѣйствія конфедераціи. Сторонники конфедераціи на сеймѣ не имѣли легальнаго повода сильно упорствовать, на томъ основаніи, что конфедерація все-таки существовала, только другая, и будучи членами сейма, они были членами этой новой конфедераціи. Поэтому актъ уничтоженія тарговицкой конфедераціи прошелъ единогласно, несмотря на то, что много было скорбѣвшихъ о ней и боявшихся,

чтобы, при обслѣдованіи дѣлъ конфедераціи, не объявились ихъ преступленія.

Новая конфедерація, подъ названіемъ Гродненской, заключалась съ цѣлью поддерживать преимущества престола и неприкосновенность имуществъ всѣхъ гражданъ. Патріоты, подписавшіе этотъ актъ, прибавили при своей подписи нѣкоторыя оговорки, касавшіяся того, что они вступаютъ въ новую конфедерацію въ видахъ охраненія цѣлости границъ Рѣчи-Посполитой и политической свободы. Сиверсъ нахмурился, увидя эти прибавки, и сказалъ: «можно будетъ заставить исключить это, если произойдутъ смятеніе и толки». Въ то же время и сеймъ продолжилъ свое существованіе до октября.

Послѣ этого засѣданія, бывшаго 5-го (16-го) сентября, на слѣдующемъ, 7-го (18-го) сентября, Краснодембскій произнесъ длинную рѣчь, гдѣ громилъ бывшую конфедерацію и указывалъ на нѣкоторыя ея санциты, явно обличавшія ея пагубныя для отечества дѣйствія. Такъ онъ напалъ на произвольное ея обращеніе съ казною. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о томъ, какъ Коссаковскій присвоилъ себѣ интригами администрацію краковскаго епископства, указалъ на то, что многими санцитами конфедераціи добродѣтельные граждане, въ угоду сильныхъ членовъ конфедераціи, лишены были всего имущества, показалъ растрату суммъ военнаго вѣдомства, злоупотребленіе въ управленіи войска, назначеніе людей, несвѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вмѣсто опытныхъ офицеровъ. Онъ обращался къ новосоставленной депутаціи, убѣждая ее отыскать и указать средства поправить вообще все, что конфедерація надѣлала вреднаго, какъ для страны вообще, такъ и для гражданъ въ частности. Краснодембскій указалъ, въ числѣ черныхъ дѣлъ конфедераціи, призваніе чужеземнаго войска, и при этомъ замѣтилъ, что она была создана Россіей съ вредными для Рѣчи-Посполитой намѣреніями и потомъ уничтожена Россіею же, когда это орудіе найдено болѣе ненужнымъ.

За нимъ Шидловскій началъ тоже произносить хулу на конфедерацію. «Тарговицкая революція, говорилъ онъ, ниспровергла великія учрежденія, основанныя на старыхъ законахъ, и замѣнила ихъ неслыханнымъ произволомъ. Черезъ нее честные граждане лишились имущества, которымъ владѣли роды ихъ въ продолженіе вѣковъ; они оподлили народъ, и каждаго изъ насъ ввергли въ бездну взаимной ненависти и смятенія; у тебя самого, король, отняты твои преимущества; принудили тебя обманомъ пристать къ конфедераціи».

Королю щекотливо стало слушать это обращеніе къ себѣ. Кра-

сподембскій, послѣ своихъ выходокъ противъ конфедераціи, изъявлялъ благодарность королю, и предложилъ цѣлованіе королевской руки, но король отклонилъ это, сказавши, что это будетъ умѣстно тогда, когда окончатся сеймовыя работы и слѣдовательно будетъ причина благодарить его за труды. «Лучше—сказалъ онъ—положимъ конецъ упрекамъ и обвиненіямъ конфедераціи; это только возбуждаетъ умы и поселяетъ вражду, когда для насъ теперь необходимо согласіе. Все, въ чемъ надобно будетъ обвинить бывшую конфедерацію, можетъ представиться въ учреждаемую на этотъ конецъ депутацію, а на сеймѣ слѣдуетъ лучше заниматься другими предметами, тѣмъ болѣе, что ихъ много».

Несмотря на эти успокоительныя убѣжденія короля, на другой день, 8 (19) сентября, Шидловскій началъ опять кричать противъ конфедераціи, но увлекся до того, что коснулся и новой, изъявилъ опасеніе, что и новая будетъ такая же, какою была старая, и назвалъ ее толпою (zgraja). «Какая надежда можетъ быть, сказалъ онъ, на исправленіе вреда, который принесла бывшая конфедерація, когда многіе члены новой находились въ прежней, получали отъ ея существованія выгоды, и теперь, разумѣется, будутъ защищать всѣ ея несправедливыя постановленія?»

Эти возраженія возмутили всю Избу. Требовали предать суду Шидловскаго за оскорбленіе достоинства членовъ сейма. Король, сообразно всегдашней своей наклонности мирить и улаживать, требовалъ у Шидловскаго, чтобы онъ просилъ прощенія. Онъ исполнилъ требованіе, но вслѣдъ за тѣмъ подалъ протестацію противъ дѣйствій сейма и акта конфедераціи, который, какъ онъ толковалъ, утверждалъ раздѣленіе Польши, выражая желаніе устроить форму правленія, благодѣтельную, по крайней мѣрѣ, для той части Рѣчи-Посполитой, которая еще оставалась независимою.

Эти выходки не могли ускользнуть отъ вниманія Сиверса; русскій посланникъ видѣлъ въ нихъ прямое противодѣйствіе Россіи и привязанность къ принципамъ 3-го мая, осужденнымъ союзными державами. Онъ написалъ грозную ноту и въ то же время приказалъ арестовать пословъ, кричавшихъ на сеймѣ. Но король послалъ къ нему двухъ министровъ просить его отмѣнить строгое рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что виновные уже получили прощеніе отъ оскорбленныхъ товарищей. Сиверсъ согласился на этотъ разъ оставить ихъ безъ преслѣдованія, но подтвердилъ, что если они осмѣлятся еще заявить что-нибудь въ подобномъ духѣ, то онъ принужденъ будетъ поступить съ ними сурово.

Сеймъ, между прочимъ, продолжалъ работы по внутреннимъ дѣламъ. Устроены были депутаціи для обревизованія управленій и учреждена коммиссія для разсмотрѣнія банкротства польскихъ банкировъ Прота Потоцкаго, Петра Теппера, Фредерика Кабрилля, Карла Шульца и Яна Давида Гейзлера. Коммиссія эта должна была состоять изъ двадцати двухъ членовъ (10 изъ дворянъ, съ голосомъ рѣшающимъ, 3 изъ мѣщанъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, назначенныхъ королемъ, и 9 назначенныхъ дворами петербургскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ). Они должны были наложить секвестрацію на всѣ имѣнія этихъ банкировъ и ихъ довѣренныхъ, пригласить всѣхъ кредиторовъ и должниковъ подъ страхомъ, въ случаѣ неявки, лишиться своихъ претензій; имущества должныхъ банкирамъ должны быть, въ случаѣ неуплаты ихъ долговъ, проданы съ публичныхъ торговъ и на вырученныя деньги слѣдовало удовлетворить кредиторовъ.

Въ субботу, 21-го сентября, Бухгольцъ послалъ въ Избу ноту, гдѣ говорилось:

«Его величество прусскій король не можетъ долѣе сносить преткновеній и затрудненій, вымышляемыхъ нарочно съ цѣлію не допустить до окончанія переговоры, начатые депутаціею, и потому прислалъ нижеподписавшемуся строгое приказаніе не входить ни въ какіе переговоры о торговомъ трактатѣ прежде, чѣмъ не будетъ оконченъ обмѣнъ ратификацій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бухгольцъ обѣщалъ, что совѣщанія о торговомъ трактатѣ и объ устройствѣ тарифа наступятъ тотчасъ послѣ означеннаго обмѣна ратификацій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сиверсъ, въ своей новой нотѣ, извѣщалъ, что онъ «какъ посланникъ посредствующаго и дружественнаго двора, долженъ представить наияснѣйшимъ чинамъ о неминуемой потребности подписать трактатъ о границахъ съ прусскимъ дворомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ, безъ всякихъ прибавленій, если чины не желаютъ навлечь на Рѣчь-Посполитую ужаснѣйшихъ послѣдствій». Что̀ касается до торговаго договора съ прусскимъ дворомъ, то Сиверсъ объявлялъ, что онъ будетъ содѣйствовать всѣми силами скорѣйшему начатію и окончанію дѣла, желаннаго и полезнаго для обоихъ государствъ.

Сиверсъ лично отправился къ королю, ловко объяснялъ ему, что надобно уступить, хоть ему самому это не по сердцу, иначе будетъ очень дурно, далъ слово стараться сдѣлать все возможное для торговаго трактата, и обнадеживалъ впередъ дружбою Россіи. Король, сначала взволнованный, мало-по-малу успокоился, соглашался, что дѣлать нечего, и просилъ только Сиверса

позволитъ отправить къ нему съ засѣданія канцлера просить о посредничествѣ въ дѣлѣ торговаго трактата. Сиверсъ согласился.

Открылось засѣданіе. Маршалъ Билинскій объявилъ, что онъ только-что получилъ двѣ ноты отъ посланниковъ обоихъ дворовъ и чтеніемъ ихъ долженъ начать засѣданіе.

«Предчувствую содержаніе и послѣдствія этихъ нотъ, сказалъ Кимбаръ. Повторится ужасный день 2-го сентября; но все напрасно. Пусть заморятъ насъ голодомъ въ Избѣ, мы не положимъ позора на себя и на весь народъ. Не надѣюсь, чтобы сегодня кто-нибудь осмѣлился думать иначе».

Ноты прочитали. Краснодембскій произнесъ рѣчь огненную, задорную. Послѣ него, въ томъ же духѣ, говорилъ Шидловскій. Рѣчи ихъ возбудили энтузіазмъ; начали кричать: «не соглашаемся!» сыпали проклятія, вопіяли противъ насилія, взывали къ Богу, къ Европѣ, къ потомству. По слѣдамъ Краснодембскаго и Шидловскаго заговорили смѣло и горячо Скаржинскій и Микорскій. За ними выступилъ съ рѣчью хитрый и уклончивый Анквичъ; и онъ теперь разыгривалъ патріота: «я, говорилъ онъ, во все продолженіе этого сейма наружно покорялся необходимости въ видахъ спасенія остатковъ нашей земли, но отчаяніе переполняетъ мое сердце, когда я вижу, что къ несправедливости, намъ оказанной, присоединяется презрѣніе къ намъ, и если все это слѣдствіе нашего смиренія, да будетъ проклята та минута, когда я думалъ, что смиреніе намъ необходимо».

Онъ обратился къ королю и совѣтовалъ послать депутацію къ Сиверсу, котораго величалъ добродѣтельнымъ посланникомъ великой государыни, и просить его о заступленіи.

Король на это сказалъ:

«Убѣжденный г. краковскимъ посломъ, совѣтую послать канцлеровъ къ россійскому посланнику представить ему несправедливость требованій объ измѣненіи того, что̀ было уже составлено при его посредствѣ; этого вымогаютъ отъ насъ насильственно».

Всѣ согласились съ королемъ; тутъ не заключалось ничего, кромѣ попытки протянуть время, что̀ всѣмъ было по душѣ.

Король поручилъ составленіе ноты конституціонной депутаціи. Она въ особомъ покоѣ составила ноту и потомъ представила въ Избу. Въ нотѣ было заявленіе отъ цѣлаго сейма, что онъ готовъ скорѣе вовсе прекратить съ Пруссіею переговоры, чѣмъ допустить измѣненіе хотя малѣйшей части во вредъ націи, и обращается съ просьбою къ Сиверсу, на основаніи принятаго имъ посредничества, съ просьбою убѣдить прусскаго ми-

нистра отказаться отъ своего требованія. Вмѣстѣ съ канцлерами король послалъ Анквича.

По уходѣ депутатовъ къ Сиверсу, въ собраніи опять произносились патріотическія горячія рѣчи. Король, боясь, чтобы патріоты, въ увлеченіи, не наговорили очень много, закрылъ засѣданіе.

Сиверсъ, получивъ отъ канцлеровъ ноту, отвѣчалъ имъ, не изустно, а письменно и просилъ немедленно подписать проектъ трактата съ прусскимъ королемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ и прочитанъ въ сеймѣ. «Всякая проволочка, писалъ онъ, всякая прибавка только отяготятъ судьбу Рѣчи-Посполитой, и потому нижеподписавшійся настоятельно проситъ уволить его отъ необходимости привести въ исполненіе предписанныя ему мѣры, возобновляя при этомъ случаѣ увѣренія, что скорость, съ какою они исполнятъ желаніе союзныхъ дворовъ, дастъ ему новое побужденіе къ участію, насколько возможно, во всемъ томъ, что можетъ послужить къ благоденствію Рѣчи-Посполитой, въ особенности же относительно торговаго трактата съ Пруссіею.»

Нѣкоторые послы сообразили, что въ понедѣльникъ должно происходить рѣшительное засѣданіе, и вздумали убѣжать изъ города въ воскресенье. Узнавъ это, Сиверсъ сталъ опасаться, чтобы такимъ образомъ и весь сеймъ не разбѣжался, и далъ приказаніе никого не выпускать изъ города. Ему донесли обо всемъ, что говорили рьяные послы, а чтобы не повторялось подобное на слѣдующій разъ, Сиверсъ далъ приказаніе Раутенфельду въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ арестовать Краснодембскаго, Шидловскаго, Скаржинскаго и Микорскаго. Такъ какъ они сами не хотѣли добровольно оставить сейма, то Сиверсъ опредѣлилъ отправить ихъ въ ихъ имѣнія.

Въ понедѣльникъ, 12 (23) сентября, два батальона окружили замокъ. Въ воротахъ поставили четыре пушки, подлѣ нихъ стали артиллеристы съ готовыми фитилями. Пикетъ въ пятьдесятъ человѣкъ сталъ на дворѣ. Солдаты заняли караулы въ коридорахъ и по всѣмъ входамъ. Въ Избу вошелъ генералъ Раутенфельдъ въ парадной формѣ, съ орденами; съ нимъ были его адъютанты. Сиверсъ велѣлъ, чтобы онъ черезъ этихъ адъютантовъ каждую четверть часа сообщалъ о томъ, что̀ происходитъ въ сеймовой Избѣ. Все это устроено было въ пять часовъ пополудни. Посланникъ увѣдомилъ сеймъ объ арестованіи пословъ нотою, которая должна быть представлена сейму при самомъ началѣ засѣданія.

«Частыя напоминовенія, которыя нижеподписавшійся долженъ

былъ дѣлать сейму по поводу необузданныхъ рѣчей, допускаемыхъ нѣкоторыми послами, такъ-называемыми зелантами, почти въ каждомъ засѣданіи, не достигали своей полезной цѣли приведенія ихъ къ приличію и порядку; напротивъ, нижеподписавшійся замѣтилъ противное, что они свое заблужденіе простираютъ до крайности. Доказательствомъ того служатъ двѣ послѣднія рѣчи ливскаго посла Краснодембскаго 16-го сентября, и плоцкаго Шидловскаго 19-го того же мѣсяца: изъ нихъ первый, открыто восхваляя якобинскія правила революціоннаго сейма и конституціи 3-го мая, дерзнулъ изобразить чернѣйшими красками тарговицкую генеральную конфедерацію, составленную съ цѣлію спасенія отечества и покровительствуемую ея императорскимъ величествомъ; другой дошелъ еще до большей необузданности, дерзнувши назвать настоящій сеймъ, соединенный новою связью конфедераціи, къ которой и самъ приступилъ, толпою, которая будто бы обманомъ склонила короля приступить къ подписанію акта, по его словамъ преступнаго. Вся Изба была разгнѣвана и готова была осудить виновнаго, за необузданныя правила якобинства, такъ нагло проповѣдуемыя. Однако просьба объ извиненіи была достаточна, чтобы такой поступокъ прошелъ безнаказанно, несмотря на то, что оскорбленіе касалось двухъ сосѣдственныхъ державъ и самого народа, обидою для собранія, которое шестнадцать мѣсяцевъ несло въ рукахъ своихъ верховную власть надъ Рѣчью-Посполитою. Нижеподписавшійся, будучи вынуждаемъ критическими обстоятельствами, и при томъ намѣреваясь предупредить ужасныя слѣдствія напраснаго сопротивленія, которое чрезъ то самое становится преступнымъ противъ самого отечества, думалъ, что дѣлаетъ ему услугу, приказывая арестовать и удалить изъ Гродно двухъ вышеименованныхъ пословъ, а также и двухъ другихъ, не менѣе преступныхъ по своимъ рѣчамъ и поступкамъ, вышегродскаго Микорскаго и ломжинскаго Скаржинскаго, и препроводить ихъ въ города и повѣты, откуда они были выбраны. Нижеподписавшійся никогда не думалъ стѣснять свободу говоренія и голосованія. Рѣчи, произнесенныя во все продолженіе этого сейма, вписывались въ акты, печатались въ туземныхъ и заграничныхъ газетахъ, и несмотря на ихъ ѣдкость и оскорбительныя выраженія, они не могли привести его до того, чтобы употребить противъ нихъ тѣ средства, какія находятся у него въ рукахъ къ пресѣченію такого безправія. Но въ такое время, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи новыхъ несчастій для Польши, когда сеймъ долженъ приняться прилежно за устроеніе своего будущаго благоденствія, нижеподписавшійся увидѣлъ себя принужденнымъ

приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя безъ сомнѣнія одобритъ благомыслящая часть сейма, какъ и весь народъ.»

Члены съѣхались въ залу около восьми часовъ вечера и ужаснулись, увидя, что съ ними намѣрены поступать рѣшительно. Они проходили на свои мѣста въ глубокомъ молчаніи. Когда явился король, и сеймовый маршалъ съ своего мѣста долженъ былъ открыть засѣданіе, поднялся Гославскій и сказалъ:

«Засѣданіе не можетъ быть открыто. Если бы я даже хотѣлъ, то не могъ бы этого дозволить, не преступая закона. Мы постановили, чтобы при первомъ насиліи, сдѣланномъ членамъ нашего сейма, чины должны прекратить свои дѣйствія; въ эту ночь учинено неслыханное насиліе, арестованы четверо нашихъ товарищей. Я всѣми силами буду противиться открытію засѣданія, до тѣхъ поръ, пока означенные послы не будутъ возвращены сеймовой Избѣ. Пусть я паду жертвою; пусть чужеземный солдатъ, окружающій Избу, лишитъ меня жизни, и голова моя падетъ къ ногамъ его, я объявилъ, что на основаніи закона, охраняющаго посла, не дозволю открывать сеймоваго засѣданія до тѣхъ поръ, пока не увижу между нами арестованныхъ пословъ и пока не удалится отъ сеймовой Избы россійское войско съ пушками».

Товарищъ Гославскаго, Янковскій, заявилъ, что надобно послать къ россійскому посланнику канцлера и маршаловъ просить немедленно выпуска изъ-подъ ареста членовъ. То же совѣтовалъ Міончинскій. За нимъ множество голосовъ требовали того же.

«Хотя Изба находится въ страдательномъ положеніи, сказалъ король, но исполняя желаніе многихъ членовъ, я прошу гг. канцлеровъ ѣхать къ г. посланнику и объявить ему, что по поводу насилія, учиненнаго надъ особами, принадлежащими къ составу Избы, всѣ единогласно рѣшили, не приступать ни къ какимъ работамъ до возвращенія пословъ въ Избу».

Канцлеръ Сулковскій, подканцлеръ Пляттеръ и сеймовый маршалъ отправились къ русскому посланнику.

«Нѣкоторые господа, — сказалъ Гродзицкій, краковскій посолъ, — и въ томъ числѣ сенаторъ, коронный маршалъ Мошинскій, притворяются больными и не приходятъ въ засѣданія, какъ только здѣсь приходится разсуждать о какихъ-нибудь непріятныхъ дѣлахъ, а другіе обязаны приходить сюда всегда и подвергаться многому, что̀ тяготитъ ихъ совѣсть».

На эти замѣчанія увѣряли, что Мошинскій нездоровъ.

Послѣ того на цѣлый часъ воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое шагами русскихъ адъютантовъ, которые черезъ каж-

дую четверть часа входили въ залу и получали тихія приказанія отъ Раутенфельда.

Посланные отъ сейма къ Сиверсу застали у него Бухгольца и адъютанта Меллендорфа. Онъ въ это время просилъ пруссаковъ удержаться отъ военныхъ дѣйствій.

Канцлеръ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

«Я не стану съ вами говорить, сказалъ сурово Сиверсъ, — отъ кого вы пришли? Не отъ сейма, когда засѣданія нѣтъ, а отъ вашего неправильнаго сборища. У васъ есть двѣ мои ноты. Съ нихъ надобно начинать засѣданіе. Онѣ получены и не прочтены. На нихъ не обращено вниманія. Это обида мнѣ. Я беру на себя трудъ написать вамъ отвѣтъ на бумагѣ, и вотъ онъ.»

Сиверсъ сѣлъ и написалъ слѣдующую ноту:

«На требованіе гг. канцлеровъ и сеймоваго маршалка, присланныхъ отъ членовъ сейма съ цѣлію просьбы объ освобожденіи четырехъ особъ, арестованныхъ пословъ, нижеподписавшійся не колеблется отвѣчать этимъ господамъ: пусть они донесутъ чинамъ, что такой новый образъ поведенія есть новое оскорбленіе союзнымъ дворамъ,—не позволять открытія засѣданія, когда на очереди должны читаться двѣ ноты, присланныя отъ нижеподписавшагося, одна въ отвѣтъ на ноту, поданную гг. канцлерами, другая объясняющая побужденія, которыя принудили нижеподписавшагося арестовать четырехъ пословъ какъ четырехъ подстрекателей, и удалить ихъ изъ Гродно, откуда они уже и поѣхали въ свои повѣты. Законы, на которые ссылаются, очень извѣстны нижеподписавшемуся; онъ уже состарѣлся, уважая законъ, и другимъ приказывая уважать его. Онъ не хочетъ ставить на видъ Польшѣ, какъ мало въ ней уважались законы, но ему приходится напомнить первый законъ—уваженія къ властямъ, законъ, непризнаваемый якобинскими правилами 3-го мая. Затѣмъ, нижеподписавшійся рекомендуетъ наияснѣйшимъ чинамъ прочитать вышеупомянутыя двѣ ноты, съ полнѣйшимъ увѣреніемъ въ томъ, что никакой перемѣны не можетъ произойти въ томъ, что въ нихъ содержится».

Въ присутствіи делегаціи Сиверсъ подписалъ паспорты четыремъ арестованнымъ посламъ и назначилъ деньги на издержки для слѣдованія ихъ на мѣста жительства.

Эта нота была прочитана. Раздались крики негодованія между патріотами. Маршалъ спросилъ: «слѣдуетъ ли читать ноты, присланныя посланникомъ, которыя онъ теперь требуетъ прочитать?»

«Сейма нѣтъ! Засѣданіе невозможно подъ оружіемъ!» кричали патріоты.

Выступилъ Гославскій. Онъ держалъ надъ головою листъ, на которомъ былъ написанъ законъ 6-го іюля, запрещающій сеймовыя засѣданія, въ случаѣ насилія надъ послами.

«Сеймовать нельзя болѣе, восклицалъ онъ. Послы арестованы; Изба окружена москалями. Законъ, нами самими написанный, не дозволяетъ вести совѣщанія въ такихъ обстоятельствахъ. Выйдемъ лучше изъ Избы, если мы должны въ ней причинять несчастія отечеству; покажемъ передъ цѣлою Европою, что можемъ быть угнетены, но не будемъ подлецами. Будьте послушны закону, окажите эту честь отечеству».

Это было черезъ-чуръ рѣшительно. Собраніе молчало. Гославскій ушелъ изъ Избы. Никто не послѣдовалъ его примѣру. Раутенфельдъ велѣлъ пропустить его. Для русскаго посланника его выходъ былъ очень полезнымъ дѣломъ.

Тогда Раутенфельдъ обратился къ королю и просилъ открыть засѣданіе.

«Я не могу заставить ихъ говорить», сказалъ король.

Началъ говорить Міончинскій, и чтобы его не прервали въ началѣ, началъ превозносить мужество патріотовъ, а потомъ съѣхалъ на невозможность противиться силѣ, и совѣтовалъ прочесть ноты, присланныя Сиверсомъ. «По крайней мѣрѣ сдѣлаемъ это для того только, чтобы посланникъ не имѣлъ повода жаловаться на непочтеніе къ нему», — говорилъ онъ.

«Нѣтъ нужды, сказалъ Залусскій, коронный надворный подскарбій, соблюдать формальности открытія засѣданія. Ноты могутъ быть прочитаны и не въ засѣданіи, какъ и та, которая у насъ была сейчасъ прочтена».

«Пусть — говорилъ новогродскій посолъ Войниловичъ — эти ноты будутъ прочитаны не секретаремъ, а кѣмъ-нибудь инымъ, чтобы не походило, что у насъ открыто засѣданіе.

Много голосовъ разомъ одобряло это. Маршалъ приказалъ прочесть первую ноту, но черезъ секретаря. Чтеніе прошло спокойно, но при нотѣ приложенъ былъ проектъ трактата. Едва-было секретарь хотѣлъ читать и эту бумагу и уже началъ-было: «Мы, король», — поднялась страшная буря.

«Это невозможно, говорилъ Кимборъ; какъ можно читать проектъ, который навязываетъ намъ чужого государства посланникъ».

«Нѣтъ засѣданія», кричали другіе. «Нельзя читать никакого проекта».

«Проектъ, говорили третьи, не можетъ быть поданъ лицомъ,

непринадлежащимъ къ посольскому кругу, тѣмъ болѣе чужестраннымъ посланникомъ».

«Такъ, мы не можемъ открыть засѣданія, — сказалъ Анквичъ,—законъ намъ этого не позволяетъ, пока не будутъ возвращены арестованные послы; но надобно прочитать другую ноту, въ которой посланникъ объясняетъ поводы, побудившіе его къ этому шагу, а чтобы не дать права обвинять насъ со стороны посланника, слѣдуетъ прочесть и другую его ноту».

Другая нота была прочитана.

Нѣкоторые, начиная съ Кимбора, стали разсуждать о несправедливости ареста.

«Я предлагаю, сказалъ король, еще разъ послать гг. канцлеровъ къ посланнику. Извольте, господа, назначить изъ своей среды такихъ, которые бы съ ними отправились и представили посланнику, что по прочтеніи нотъ чины должны исполнить законъ, недозволяющій имъ держать засѣданія, пока не будутъ возвращены арестованные ихъ товарищи».

«Только никакъ не приступать ни къ чему до ихъ возвращенія», подтвердилъ Олдаковскій.

«Да, да» повторили многіе голоса.

«Задержка пословъ касается всѣхъ насъ, сказалъ Гродзицкій (краковскій); прошу ваше величество, чтобы посылаемая делегація представила г. посланнику, пусть онъ или уволитъ ихъ, или всѣхъ насъ прикажетъ засадить»!

Выбрали Гродзицкаго, вышегродскаго посла Богуцкаго и упитскаго Кимбора. Нѣкоторые при этомъ стали просить, чтобы высланъ былъ еще и отъ сената Суходольскій. Онъ отговаривался тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ заслугъ у посланника, и просилъ назначить кого-нибудь иного, но многіе послы убѣждали его, и Суходольскій согласился.

Сиверсъ этой депутаціи отвѣчалъ: «если бы въ эту минуту пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ отъ ея императорскаго величества, и привезъ повелѣніе выпустить этихъ пословъ, я принужденъ бы былъ не исполнить высочайшее повелѣніе, а представить прежде государынѣ о большомъ вредѣ, какой произойдетъ, если эти послы будутъ здѣсь оставаться. Я сейчасъ велю ихъ отправить. Еще разъ объявляю вамъ, что войска не удалятся до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ проектъ, присланный при моей нотѣ сейму, и не обратится въ законъ».

«А въ случаѣ, сказали делегаты, если большинство голосовъ отвергнетъ его»?

«Я далъ уже приказаніе на этотъ случай г. Раутенфельду, и онъ поступитъ указаннымъ ему способомъ».

По уходѣ делегаціи къ Сиверсу, въ сеймовой Избѣ соблюдалось гробовое молчаніе. Въ 12 часовъ воротились делегаты и объявили отвѣтъ Сиверса. На всѣхъ пословъ нашелъ нѣкотораго рода столбнякъ. Съ четверть часа никто не открылъ рта. Наконецъ Міончинскій прервалъ молчаніе и пожаловавшись, какъ водится, на судьбу, окончилъ предложеніемъ открыть засѣданіе и читать проектъ, присланный Сиверсомъ. За нимъ тоже повторило множество пословъ, и секретарь держалъ уже въ рукахъ проектъ. Вдругъ очнулись изъ своего оцѣпенѣнія патріоты Кимборъ, Янковскій, Цемневскій, Олдаковскій, Шидловскій, братъ арестованнаго. Опять посыпались патріотическія похвалки, порывы мужества, проклятія насильникамъ и измѣнникамъ. Но крики ихъ уже не дѣйствовали на громаду пословъ. Раутенфельдъ, который самъ съѣздилъ къ Сиверсу, возвратившись, объявилъ громко, что всѣ члены сейма будутъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится дѣло, иначе онъ имѣетъ предписаніе употребить тотчасъ суровыя мѣры. «И самъ его величество король, сказалъ онъ маршалу, не можетъ двинуться съ своего трона, и гг. сенаторы будутъ спать въ этой Избѣ, на соломѣ, если имъ угодно, но не выйдутъ отсюда, пока не удовлетворятъ требованій посланника». Испуганная такими угрозами представителя императрицы Екатерины и звукомъ оружія, посольская громада была уже готова ко всему; оставался небольшой кружокъ патріотовъ. Анквичъ громко спрашивалъ: «г. сеймовый маршалъ, открыто ли у насъ засѣданіе или нѣтъ?»

«Открыто, открыто!» раздается множество голосовъ. «Читайте проектъ, г. секретарь».

Но едва секретарь проговорилъ: «мы, король»,—какъ усиливаются крики и проклятія. «Засѣданіе не открыто! Засѣданіе не можетъ быть открыто!» провозглашаютъ патріоты.

«Не открывать засѣданія — сказалъ Міончинскій—и не читать проекта напрасно; это не можетъ принести ничего хорошаго. Посланникъ исполнитъ свою угрозу. Пусть бывшіе у него повторятъ, какъ онъ выразился, и чего можно опасаться отъ него».

Богуцкій, человѣкъ уклончиваго свойства, выразился неясно. «Я ничего не могу прибавить къ тому, что сеймъ уже слышалъ. Угрозы посланника есть дѣло его силы, а то, что я здѣсь исполняю, есть голосъ права и убѣжденія».

Видно было, что Богуцкій хотѣлъ угодить и тѣмъ и другимъ. Но Кимборъ былъ прямодушнѣе его.

«Пусть—сказалъ онъ—меня держатъ въ этой Избѣ подъ замкомъ сколько угодно, я не нарушу закона. Склониться на предложенное желаніе можетъ только тотъ, для кого собственныя выгоды

выше отечества. Засѣданіе не открыто, и не можетъ быть открыто. Я не позволяю».

«Это упорство можетъ повести къ несказанной бѣдѣ», говоритъ Залусскій, и за нимъ то же повторяетъ Міончинскій и другіе.

«Г. маршалъ—раздались голоса—извольте громко объявить, что засѣданіе открыто, и читайте проектъ!»

«Вотъ что надобно читать», говорилъ Цемневскій, и началъ громогласно читать законъ 6-го іюля, недозволяющій открывать засѣданія въ случаѣ насилія. «Г. маршалъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Билинскому, я васъ позову къ суду, если вы осмѣлитесь объявить, что засѣданіе открыто».

«Засѣданіе не открыто, а проектъ пусть прочтется», говорили нѣкоторые.

«Читайте проектъ»! сказалъ секретарю маршалъ.

Секретарь опять взялся за проектъ, и только успѣлъ проговорить: «мы, король»,—какъ опять крики, угрозы, проклятія не дозволили ему читать.

«Въ такомъ трудномъ положеніи—пусть сенатъ дастъ намъ совѣтъ и рѣшеніе», сказалъ Міончинскій, надѣясь, что еслибы такъ сдѣлалось, то ему удалось бы провести проектъ.

«Къ чему отдаваться на волю сената,—сказалъ Шидловскій (цѣхановскій), законъ ясенъ. Не позволю отдаваться на совѣтъ сенатскій».

Нѣсколько разъ маршалъ приказывалъ секретарю прочитать проектъ, но патріоты не допускали. Раутенфельдъ нѣсколько разъ подходилъ къ маршалу и говорилъ, что если еще будутъ испытывать его терпѣніе, то онъ прибѣгнетъ къ тѣмъ суровымъ мѣрамъ, которыя ему предписаны. Но въ чемъ состоятъ эти мѣры, онъ не говорилъ, и самъ, быть можетъ, ясно не сознавалъ ихъ.

Наконецъ, сендомирскій посолъ Блешинскій, тоже патріотъ, но характера мягкаго, сказалъ:

«Я съ своими товарищами держался до сихъ поръ того мнѣнія, что засѣданіе не можетъ быть открыто, но теперь уже такъ поздно; не вижу никакихъ средствъ кончить споръ, а между тѣмъ надобно обратить вниманіе и на здоровье его величества. Я бы согласился на открытіе засѣданія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ же рѣшили: можемъ ли мы продолжать сеймовую дѣятельность, пока не возвратятся арестованные послы? Надѣюсь, что законъ, существующій для такихъ обстоятельствъ, возьметъ верхъ, а я всегда за него».

«Изба въ страдательномъ положеніи,—сказалъ сендомирскій

посолъ Рачинскій, — «на кого ни обращу взоры, на сенатъ, на короля, на все собраніе пословъ,—вижу невольниковъ. Дѣятельное лицо здѣсь одинъ г. Раутенфельдъ, россійскій генералъ. Я припоминаю славный примѣръ Августа II, когда, принужденный оружіемъ Карла XI, онъ долженъ былъ подписать договоръ, который поправило время. И мы, щадя здоровье его величества, изрекши, что ничего не можемъ дѣлать и по закону Изба остается въ страдательномъ положеніи, приблизимъ дѣло къ концу такимъ образомъ: запишемъ торжественно въ книгахъ свидѣтельство утѣсненія нашего, составимъ декларацію о насиліи надъ нами, и не приступимъ ни къ какой формальности, ни къ баллотировкѣ, ни къ единогласію, но по прочтеніи его вашему королевскому величеству примемъ его глухимъ молчаніемъ».

«Я долго молчалъ, сказалъ Анквичъ, и думалъ, что твердость пословъ отвратитъ несчастіе отъ отечества; за проектъ говорить не чувствовалъ себя способнымъ; теперь же вижу ясно, что ничто насъ не освободитъ отъ принятія проекта. Проектъ декларации отъ сейма можетъ быть принятъ, какъ надѣюсь, единогласно, а на проектъ раздѣла—пусть всѣ отвѣчаютъ полнѣйшимъ и всеобщимъ молчаніемъ».

Эта хитрая выдумка понравилась очень многимъ. Послѣ Анквича сталъ говорить Коссаковскій и утѣшалъ сеймъ тѣмъ, что добавки относительно торговаго трактата въ сущности не принесутъ большихъ выгодъ жителямъ. «У насъ въ Литвѣ еще и не было постановлено никакихъ таможенныхъ пошлинъ со стороны Пруссіи, а всѣ жители нашей провинціи, торгующіе съ Кролевцемъ, терпятъ тамъ отъ пошлинъ большое разореніе. Такъ что же значитъ, когда на бумагѣ напишется что-нибудь хорошее, если его на дѣлѣ не будетъ? Напротивъ, если мы будемъ упрямиться и стоять за эти добавки, то черезъ то скорѣе можемъ навлечь стѣсненія на народъ».

Анквичъ прочиталъ свой проектъ, выразившій то, что онъ прежде изустно изложилъ.

«Согласна ли Изба», спрашивалъ маршалъ.

«Пусть лучше, сказалъ кто-то, конституціонная депутація составитъ декларацію и подпишетъ какъ декларацію, такъ и проектъ, присланный посланникомъ, безъ спросовъ и согласія».

«Это невозможно, сказалъ Анквичъ. Особы, принадлежащія къ депутаціи, и я въ томъ числѣ, не смѣютъ подписывать того, что не прошло на сеймѣ и не принято единогласіемъ или большинствомъ голосовъ; а какъ же узнать это безъ вопроса отъ маршалка о согласіи? Я не стану отвѣчать на вопросы, а какъ посолъ, подпишу, не будучи виновенъ; это дѣло насилія, по-

тому что я, по своей присягѣ, долженъ подписать то, на что не слыхалъ оппозиціи».

«Это единственный способъ выйти изъ затруднительнаго положенія», сказали нѣкоторые, и вскорѣ мысль эта стала господствующею.

«Мы считаемъ, что, по причинѣ окружающаго насъ войска, сеймъ не открывается и голосованія быть не можетъ; молчаніе самый лучшій исходъ, когда не позволяютъ высказывать своихъ убѣжденій».

И вся Изба замолчала. Раутенфельдъ глядѣлъ, вставалъ, прохаживался, опять садился и, наконецъ, подошелъ къ трону и сказалъ:

«Ваше величество, прикажите читать проектъ».

Король исполнилъ его желаніе. Но едва секретарь взялъ проектъ, нетерпѣливые патріоты опять стали кричать.

Раутенфельдъ громко объявилъ, что если не замолчатъ и не дадутъ прочесть проекта, то онъ приметъ предписанныя ему мѣры.

Все замолчало, доказавъ, что если прежде не прекращались крики, то не отъ того, чтобы трудно было найти средство ихъ прекратить.

Секретарь прочиталъ проектъ, присланный съ нотою русскимъ посланникомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ концѣ августа, безъ послѣдовавшихъ потомъ добавокъ. Потомъ секретарь началъ читать декларацію, составленную Анквичемъ.

«2-го числа текущаго мѣсяца мы были окружены чужеземными войсками и угрожаемы вступленіемъ прусскихъ войскъ въ глубину земель Рѣчи-Посполитой, съ цѣлію разорить ихъ въ конецъ. Подъ гнетомъ насилія, мы, члены сейма, дали вынужденное позволеніе депутаціи подписать навязанный намъ трактатъ, допустивши въ этомъ актѣ съ нашей стороны выраженія такихъ желаній, на которыя насилующая насъ власть сама изъ сострадакія къ намъ, казалось, соизволяла; но къ удивленію теперь мы узнали, что берлинскій дворъ видимо недоволенъ этимъ, что новое насиліе вводитъ въ Избу новый проектъ, и для его проведенія не только окружаетъ мѣсто нашихъ совѣщаній чужеземнымъ войскомъ, не только угрожаетъ посредствомъ нотъ, но беретъ изъ между насъ и увозитъ пословъ и нигдѣ не употребительнымъ образомъ держитъ въ неволѣ нашего короля, угнетеннаго лѣтами и ослабѣвшаго отъ многихъ скорбей, въ позднюю ночную пору, и всѣхъ насъ, членовъ сейма. Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ, что не въ силахъ будучи даже

съ опасностію жизни избѣжать послѣдствій напряженнаго насилія, поручаемъ потомству, которое, можетъ быть, будетъ счастливѣе насъ, тѣ средства спасенія отечества, какихъ теперь нѣтъ у насъ, и принимаемъ, по принужденію, присланный посланникомъ россійскимъ въ Избу проектъ, противный нашимъ желаніямъ и нашимъ правамъ».

На это всѣ согласились. Тогда секретарь прочиталъ порученіе депутаціи, прежде назначенной для переговоровъ съ прусскимъ министромъ.

«Мы, король, вмѣстѣ съ чинами Рѣчи-Посполитой, собранными на конфедераціонный сеймъ, принимая во вниманіе положеніе нашей отчизны и желая избѣгнуть бѣдствій, которыми угрожаютъ намъ ноты, получаемыя отъ г. россійскаго посланника Сиверса и отъ г. прусскаго посланника Бухгольца, поручаемъ депутаціи, назначенной для переговоровъ съ послѣднимъ, немедленно подписать трактатъ съ его величествомъ королемъ прусскимъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ и условленъ за посредничествомъ великаго посла ея императорскаго величества императрицы всероссійской, и читанъ на сеймѣ, обязываясь ратификовать его именемъ нашимъ и всего собраннаго сейма черезъ шесть недѣль послѣ подписанія, или скорѣе, если это можно будетъ».

Ни одинъ голосъ не раздался по прочтеніи этихъ бумагъ. Члены сидѣли бездвижно какъ статуи. Время проходило. Былъ четвертый часъ на исходѣ.

Раутенфельдъ потерялъ терпѣніе. Онъ подошелъ къ трону и сказалъ королю:

«Ваше величество, прикажите начать разсмотрѣніе прочитанныхъ проектовъ».

«У меня, сказалъ король, нѣтъ власти заставить членовъ говорить, когда они молчатъ».

«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Раутенфельдъ, мнѣ остается только прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, какія мнѣ предписаны. Я долженъ ввести сюда гренадеровъ».

И онъ пошелъ къ дверямъ.

Увидя это, сеймовый маршалъ сказалъ:

«Соизволяетъ ли Изба на подписаніе трактата объ уступкѣ земель Пруссіи?»

— Нѣтъ! проговорило немного голосовъ съ тономъ отчаянія, какъ бы собирая послѣднія силы.

«Въ такомъ случаѣ я долженъ отдать дѣло на голоса».

Анквичъ вскочилъ съ своего кресла и сказалъ:

«Если вы, панъ маршалъ, отдадите проектъ на голосованіе, я возьму назадъ свою декларацію».

Участвовавшій въ депутаціи по проекту, этотъ господинъ долженъ былъ бы дать отрицательный голосъ, сообразно высказанному убѣжденію, но тогда трудно было ему выпутаться отъ гнѣва той стороны, отъ которой получалъ жалованье. И другимъ тоже хотѣлось угодить сильнымъ и похвастаться гражданскою честностію.

Маршалъ сказалъ:

«Если теперь я услышу оппозицію, то долженъ буду отдать дѣло голосованію».

Онъ перемѣнилъ форму вопроса и поставилъ его такъ:

«Согласна ли сеймовая Изба на то, чтобы депутація подписала прусскій трактатъ, присланный на сеймъ русскимъ посланникомъ?»

Все молчало.

Маршалъ повторилъ тотъ же вопросъ.

Изба молчала.

Маршалъ въ третій разъ спросилъ тѣми же словами.

Никто не отвѣчалъ.

«Молчаніе—знакъ согласія», сказалъ маршалъ. «Проектъ принятъ единогласно».

Всѣ встали молча, и выходили изъ залы, отирая слезы. На башнѣ ударило четыре часа; въ монастыряхъ раздавался звонъ, зовущій благочестивыхъ къ утренѣ, и напоминавшій о суетѣ всего мірского, и вмѣстѣ съ тѣмъ о суетѣ пропадавшей такъ безславно Рѣчи-Посполитой.

Сиверсъ, прочитавъ декларацію и сообщая ее своему правительству, замѣтилъ, что она рѣзка, но что онъ не могъ ее преслѣдовать. «Надобно же, выразился онъ, позволить несчастнымъ поплакать».

Прусскій трактатъ былъ подписанъ депутаціею и окончательно ратификованъ 10-го октября.

Статьи его были таковы:

1. Съ этихъ поръ будетъ искренняя и постоянная дружба между его величествомъ королемъ прусскимъ, его наслѣдниками и преемниками и всѣмъ его государствомъ съ одной стороны, и его королевскимъ величествомъ польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ и его преемниками и королевствомъ польскимъ и великимъ княжествомъ литовскимъ съ другой, съ тѣмъ, что обѣ договаривающіяся стороны будутъ оказывать бдительность къ поддержанію между собою добраго согласія и взаимныхъ сношеній, избѣгая всего того, что могло бы нарушить спокойствіе и благоденствіе обоихъ государствъ.

2. Для прочнаго утвержденія счастливой системы единенія и дружбы на болѣе твердыхъ основахъ, признано умѣстнымъ и потребнымъ означить и устано-

вить границы, которыя впредь на вѣчныя времена будутъ отдѣлять земли его королевскаго величества прусскаго короля и польскаго королевства. Почему его величество польскій король, за себя и за своихъ преемниковъ, а равно и чины польскаго королевства и великаго княжества литовскаго, уступаютъ настоящимъ трактатомъ на вѣчныя времена, безъ востребованія, безъ возврата, безъ всякаго какого-либо исключенія его величеству прусскому королю, его наслѣдникамъ и потомкамъ обоего пола, воеводства, города и повѣты, занятые его величествомъ прусскимъ королемъ въ свое владѣніе послѣ своего патента отъ 25-го марта текущаго года, означаемые настоящимъ трактатомъ, посредствомъ проведенной черты, начиная отъ Силезской границы за милю ниже Ченстохова и слѣдуя вправо до Пилицы, немного выше Конецполя, сообразно тому, какъ было занято, до впаденія рѣки Бялой, текущей отъ Лелова, идя далѣе вдоль Пилицы до Гротовицъ, а оттуда прямою линіею на Сохачевъ, оставляя влѣво Раву, на нѣмецкую полумилю и слѣдуя на милю за городъ Раву, а оттуда прямымъ угломъ до малой рѣки Скерневки, иначе называемой Ежовка, до того мѣста, гдѣ эта рѣчка соединяется съ Бзурой, потомъ по теченію этой рѣки къ Вислѣ, противъ Вышегрода, а отъ этого послѣдняго города прямою линіею до Дзялдова, такъ, чтобъ правый берегъ рѣкъ Пилицы, Скерневки (иначе Ежовки) и Бзуры оставался за Польшею, а лѣвый за прусскимъ государствомъ, съ оставленіемъ свободнаго плаванія подданнымъ обоихъ государствъ, и съ возбраненіемъ обѣимъ сторонамъ предпринимать такого рода работы, которыя бы могли измѣнить теченіе означенныхъ рѣкъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ демаркаціонная коммиссія найдетъ граничные знаки поставленные не въ томъ порядкѣ, она прикажетъ перенести ихъ сообразно означеннымъ границамъ. Кромѣ того, его величество польскій король и Рѣчь-Посполитая уступаютъ прусскому королю города Гданскъ и Торнъ съ ихъ территоріями. Его величество король польскій и чины короны польской и великаго княжества литовскаго уступаютъ его величеству прусскому королю и его наслѣдникамъ и преемникамъ всѣ вышеименованныя земли съ правомъ собственности, верховной власти и независимости, со всѣми городами, крѣпостями мѣстечками, деревнями, берегами, гаванями, рѣками, со всѣми подданными и обитателями, увольняя ихъ отъ долга вѣрности и присяги, данной польскому королю и польской коронѣ, со всѣми правами, касающимися политическихъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ верховной власти, и обязываются точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не составлять ни прямымъ, ни косвеннымъ, ни подъ какимъ предлогомъ, никакихъ притязаній на края и повѣты, уступленные настоящимъ трактатомъ. Обѣ договаривающіяся стороны обязываются назначить немедленно коммиссаровъ съ той и другой стороны для составленія демаркаціи нынѣшнихъ границъ между Пруссіею и Польшею съ возможною точностью, а равно для полюбовнаго разрѣшенія споровъ, ссоръ и тяжбъ, могущихъ возникнуть по этому поводу между подданными того и другого государства. Подобные коммиссары будутъ назначаться и на будущее время, каждый разъ, какъ возникнутъ какіе-нибудь споры какъ относительно самыхъ границъ, такъ и по поводу законовъ о границахъ.

3. Взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою по настоящему трактату, его величество прусскій король отрекается положительно за себя и за своихъ преемниковъ обоего пола отъ всякихъ претензій, какія могли бы возникнуть прямо или косвенно и подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, предлогомъ и условіемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или случаяхъ, на какую бы то ни было провинцію или на малѣйшую часть той земли, которою владѣетъ король польскій. Его величество прусскій король отрекается равнымъ образомъ отъ правъ своихъ на вла-

дѣніе Сереею и Таурогеномъ съ ихъ принадлежностями, лежащими въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Сверхъ того онъ обязывается поддерживать Польшу въ состояніи ея настоящихъ владѣній и гарантируетъ настоящею статьею, точнѣйшимъ и обязательнѣйшимъ способомъ, цѣлость и верховную власть надъ вышеозначенными существующими владѣніями, со всѣми вытекающими изъ того правами.

4. Равнымъ образомъ его величество польскій король за себя и за своихъ преемниковъ и чины королевства польскаго и великаго княжества литовскаго отрекаются на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ правъ и притязаній какого бы то ни было рода и наименованія, вытекающихъ подъ какими бы то ни было предлогами и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ на провинціи, земли и повѣты съ ихъ принадлежностями, уступленные 2-ю статьею нынѣшняго договора, а равно его величество король и польская Рѣчь-Посполитая гарантируютъ его величеству прусскому королю и его потомкамъ не только провинціи, уступленныя нынѣшнимъ договоромъ, но и тѣ, которыя прежде уступлены Пруссіи, по варшавскому трактату 18-го сентября 1775 года.

5. Послѣдователи римско-католической вѣры наравнѣ съ тѣми ихъ единовѣрцами, которые прежде поступили подъ прусское владычество, будутъ пользоваться во всѣхъ краяхъ, уступленныхъ настоящимъ трактатомъ, всякими своими правами и имуществами въ гражданскомъ отношеніи, а въ церковномъ будетъ предоставляться имъ свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ и церковной дисциплины, съ сохраненіемъ всѣхъ постановленій и церковныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ они владѣли до этого времени. Его королевское величество обѣщаетъ за себя и за всѣхъ преемниковъ, что никогда не захочетъ употреблять монархическихъ правъ къ ущербу настоящаго состоянія римско-католической религіи, въ краѣ, поступившемъ въ его владѣніе. Что касается до костеловъ и благочестивыхъ учрежденій, которые, будучи помѣщены въ одномъ государствѣ, имѣли бы часть фондовъ въ другомъ, то высокія договаривающіяся стороны уступаютъ ихъ взаимно со всѣми правами, какъ духовными, такъ и свѣтскими, съ сохраненіемъ для себя свободнаго распоряженія ими, такъ однако, чтобы вышеименованные фонды не измѣняли своего существа и не могли быть употреблены ни на что, кромѣ на взаимную поправку тѣхъ костеловъ и братствъ, которые бы подверглись ущербу при настоящемъ устройствѣ дѣлъ, съ обязанностію назначить особою статьею срокъ, до котораго пользованіе доходами оныхъ костеловъ и братствъ въ обоихъ государствахъ можетъ продолжаться по силѣ настоящаго положенія, безъ ущерба праву пожизненнаго владѣнія нынѣшнихъ поссесоровъ и ихъ коадъюторовъ, исключая однако фондовъ познанскаго епископства, оставшихся и въ Польшѣ, которые тотчасъ переходятъ въ управленіе Рѣчи-Посполитой, для установленія изъ ихъ доходовъ содержанія для новаго варшавскаго епископства.

6. Его величество прусскій король, желая содѣйствовать спокойствію Рѣчи-Посполитой, сколько отъ него можетъ зависѣть, согласенъ, если народъ пригласитъ его участвовать въ гарантированіи тѣхъ учрежденій, которыя будутъ установлены чрезвычайнымъ гродненскимъ сеймомъ.

7. Всѣ особыя конвенціи, какія впослѣдствіи могутъ быть заключены, какъ по отношенію къ торговлѣ обоихъ народовъ, такъ и по другимъ какимъ-либо отдѣльнымъ предметамъ, будутъ имѣть равную силу и вѣсъ, какъ онѣ были вписаны слово въ слово въ нынѣшній трактатъ; установляя новыя торговыя правила, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются принимать за основаніе взаимную уплату по 2% съ привоза, вывоза и транзита, а равно ру-

ководствоваться началами умѣренности при составленіи тарифа посредствомъ коммиссіи, долженствующей быть установленной съ обѣихъ сторонъ немедленно. Его величество прусскій король и Рѣчь-Посполитая сохраняютъ за собой свободу пригласить къ посредничеству ея императорское величество императрицу всероссійскую во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя бы въ продолженіе переговоровъ о торговомъ трактатѣ могли возникнуть.

8. Обѣ высокія договаривающіяся стороны согласились еще на возобновленіе и подтвержденіе въ точнѣйшей формѣ трактата, заключеннаго между ними въ Варшавѣ, 18-го сентября 1773 года, во всемъ томъ, что не противорѣчитъ содержанію и постановленіямъ настоящаго трактата, дабы содержаніе особыхъ статей трактата 1773 года не произвело ни въ чемъ препятствій условіямъ, заключающимся въ особыхъ статьяхъ настоящаго.

9. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ его величествомъ прусскимъ королемъ съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою съ другой, въ продолженіи шести недѣль, начиная отъ дня подписанія, или того скорѣе, если возможно, и текстъ будетъ внесенъ въ конституцію настоящаго сейма. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются просить у ея императорскаго величества россійской императрицы гарантіи настоящаго трактата.

Пруссія пріобрѣла пространство въ 1.000 кв. миль съ народонаселеніемъ около милліона душъ.

VII.

Послѣднія работы сейма.—Союзный трактатъ съ Россіею.—Неудовольствіе Екатерины II. — Возвращеніе короля въ Варшаву, и новый характеръ его власти.

Со времени знаменитой ночи съ 23-го на 24-е сентября, сеймъ, продолжавшійся до 9-го октября, уже не представлялъ настолько важности, чтобы стоило слѣдить за ходомъ его въ подробности. Работы его были обращены на внутреннія дѣла. Опредѣлено регулярное жалованье королю въ мѣсяцъ изъ Короны 156,250 зл. и изъ Литвы 93,750. До этого времени король получалъ 150,000 въ мѣсяцъ, что было для него недостаточно. Учреждена была коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, коммиссія для приведенія въ порядокъ долговъ короля и королевскихъ экономій, служившихъ гарантіею въ уплатѣ долговъ; коммиссія для изданія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; коммиссія для разграниченія съ Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе новаго раздѣла; предписано было всѣмъ французамъ, живущимъ въ Польшѣ, принести присягу на вѣрность сыну казненнаго короля своего, Людовику XVII. Установленъ заемъ въ 10.000.000 зл. и сверхъ того 2.000.000 на уплату процентовъ. Долгъ Рѣчи-Посполитой оказался простиравшимся до 34 милліоновъ. Императрица взяла на себя уплату 300,000 червонцевъ. Составленъ

бюджетъ на будущее время; по немъ указано всего дохода, въ Коронѣ 11.080.681 въ Литвѣ 6.490.458, а расхода въ Коронѣ 5.471.162, а въ Литвѣ 2.961.968, изъ чего оказывалось, что оставалось еще въ казнѣ въ Коронѣ 5.609.519, а въ Литвѣ 3.528.489 зл.

Дѣломъ первой важности была реформа войска; такъ какъ границы Рѣчи-Посполитой съузились, то очевидно, что и число войска должно было сократиться: этого требовалъ и недостатокъ финансовъ, а болѣе всего къ этому побуждала Россія: она не позволила бы Польшѣ имѣть слишкомъ большое войско. Посолъ Добаржевскій 2-го октября подалъ проектъ о *редукціи* войска, предложивъ, чтобы оно простиралось не болѣе 15,000, и не менѣе 12,000 человѣкъ. Споръ шелъ нѣсколько дней о способахъ редукціи. Наконецъ, 7-го октября, проектъ Добаржевскаго былъ принятъ большинствомъ 46 противъ 19 голосовъ; въ немъ было сказано, что военные чины, остающіеся за штатомъ, будутъ награждены, сообразно заслугамъ.

Установлено и сокращено производство жалованья должностнымъ лицамъ, которые во многихъ случаяхъ не получали ничего со времени безпорядковъ, произведенныхъ въ государствѣ торговицкою конфедераціею. Были отмѣнены несправедливыя санциты тарговицкой конфедераціи. Возстановленію правосудія мѣшало то, что нѣкоторыя санциты касались членовъ сейма; такимъ образомъ, Міончинскій, по претензіи на обанкротившагося банкира Шульца, получилъ санциту на мѣстечко Радзивилловъ, но депутація, назначенная для пересмотра санцитъ, нашла это противозаконнымъ, и сеймъ приказалъ передать Радзивилловъ вмѣстѣ съ другими имѣніями Шульца въ конкурсъ, для удовлетворенія всѣхъ вообще заимодавцевъ, потерпѣвшихъ отъ банкротства Шульца. Замѣчательно, что Игельстромъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ панею Залускою (на которой послѣ и женился), упрашивалъ униженнымъ образомъ Сиверса спасти санциту въ пользу Залуской, указывая на возможность удовлетворить претензіи съ имѣній ея мужа. Не видно, чтобы Игельстромъ получилъ отъ Сиверса удовлетвореніе въ покровительствѣ неправому дѣлу. Сиверсъ особенно настаивалъ на открытіи злоупотребленій, произведенныхъ конфедераціею и на возвращеніи въ государственный скарбъ захваченныхъ казенныхъ имуществъ, и между прочимъ понудилъ епископа Коссаковскаго уступить часть доходовъ управляемаго имъ краковскаго епископства на общественныя потребности.

7-го октября, принятъ былъ законъ объ уничтоженіи всѣхъ санцитъ, ограничивающихъ преимущества королевскаго досто-

инства. Во всемъ, что касалось конфедераціи, Сиверсъ показывался обличителемъ и этимъ раздражилъ противъ себя Коссаковскихъ и ихъ партію, ненавидѣвшихъ его сильно. Сама государыня не совсѣмъ была довольна преслѣдованіемъ конфедераціи. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, въ ноябрѣ, она говоритъ, что отнюдь не слѣдуетъ предавать противной партіи на преслѣдованіе вѣрныхъ императрицѣ людей, какими показали себя конфедераты. Она дозволяла уничтожить только тѣ санциты, которыя заключаютъ въ себѣ явныя несправедливости, оказанныя частнымъ лицамъ, но вообще приказывала покровительствовать актамъ конфедераціи и защищать тѣ выгоды, которыя пріобрѣли ея члены. Императрица понимала, что дѣло еще не кончено; за обладаніе Польшею придется еще побороться, и потому она считала нужнымъ не оставлять примѣра, чтобъ тѣ, которые служили императрицѣ, могли впослѣдствіи жаловаться и жалѣть объ этомъ.

Важнѣйшее дѣло сейма въ это время былъ союзъ съ Россіей. Онъ былъ предложенъ Анквичемъ, 28-го сентября, въ рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, что нынѣшній союзъ съ Россіею— единственное спасеніе, и только на покровительство сильной сосѣдней державы можетъ опереться въ будущемъ Рѣчь-Посполитая.

Прусскій министръ поглядѣлъ на это съ завистью, и началъ разсѣевать между членами деньги, подъ предлогомъ, будто это благодарность за трактатъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы набрать голосовъ не допускать союзъ съ Россіею. Онъ былъ очень скупъ до того времени, когда дѣло шло о насильственномъ присоединеніи польскихъ земель къ Пруссіи, то надѣялся, что угрозы русскаго оружія замѣнятъ для него трату денегъ; теперь же, чтобы помѣшать успѣхамъ Россіи, кошелекъ его открылся. Тѣ самые поляки, которые прежде поднимали голову высоко и кричали противъ Пруссіи, надѣясь на Сиверса, теперь унижались передъ Бухгольцемъ до низости. «Всегда была и теперь остается все та же презрѣнная нація»! замѣчалъ по этому поводу прусскій посланникъ.

Но старанія его остались напрасны. Ему осталось въ утѣшеніе только то, что было нѣсколько голосовъ, говорившихъ противъ трактата; 16-го октября проектъ трактата былъ принятъ единогласно. Маршалъ показывалъ видъ, будто не слышитъ противниковъ, и партизаны Россіи такъ усердно кричали, что противникамъ нельзя было дать себя замѣтить. Сиверсъ, видѣвшій это, стоялъ на галлереѣ въ числѣ арбитровъ, вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ. Только на слѣдующемъ засѣданіи Цемнев-

скій заявилъ, что сеймовый маршалъ нарушалъ законъ, объявивъ единогласіе, когда его на дѣлѣ не было, и не пустивъ на голоса проекта, а Кимборъ говорилъ: «Польша сдѣлалась теперь провинціею Россіи. Гораздо лучше было бы намъ прежде присоединиться къ Россіи совсѣмъ; мы были бы тогда цѣлѣе и счастливѣе». Маршалъ увѣрялъ, что онъ не слыхалъ оппозиціонныхъ голосовъ; самъ Анквичъ увѣрялъ въ томъ же. Тогда король сказалъ: «Уже союзный трактатъ подписанъ и толковать объ немъ теперь напрасно, иначе Россія будетъ недовольна. Лучше заняться важнымъ дѣломъ реформы правительства». Только глухимъ ропотомъ и окончилась оппозиція. Вдругъ воцарилась видимая дружба между посланниками и поляками. Казалось, забыто было все прошлое. Король обнималъ Сиверса и говорилъ: «Слава Богу, мы теперь друзья. Теперь только мы просимъ ея величество уменьшить число ея войска, которое тяготѣетъ надъ Литвою, гдѣ уже начинается голодъ». — «Я напишу Игельстрому, — сказалъ Сиверсъ — и приказаніе не замедлитъ». Поляки безпрестанно жаловались, что за фуражъ и провіантъ русскому войску ничего не заплачено. Русскіе увѣряли, что за все было правильно уплачиваемо, а осталось недоплаченнымъ только то, на что не представлены счеты.

Эти жалобы на отягощеніе крестьянъ не мѣшали, однако, полякамъ веселиться въ Гроднѣ, по поводу союзнаго трактата. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ. Король, старый женолюбецъ, несмотря на свою скорбь о погибающей Рѣчи-Посполитой, предавался любви съ маркизою Люлли, находившеюся тогда въ Гродно, и въ угоду ей разсыпалъ послѣднія свои крохи на удовольствія. Во всемъ обществѣ, окружавшемъ эту высокую чету, господствовали утѣхи сладострастія и бѣшеная страсть къ забавамъ.

Сиверсъ, Зубовъ, давали обѣды и балы, Раутенфельдъ угощалъ въ клубѣ роскошнымъ обѣдомъ всѣхъ пословъ, которыхъ такъ недавно подчивалъ соломою на ночлегъ въ сеймовой залѣ. «Я танцовалъ на моемъ балѣ пять полонезовъ, — писалъ Сиверсъ дочери,—балъ для поляковъ первая необходимость. Я начинаю любить этотъ народъ, и онъ меня любить начинаетъ». Но любя поляковъ и короля, онъ, однако, все-таки не мирволилъ имъ, и когда король, обнимая и цѣлуя Сиверса, хотѣлъ испросить администрацію новоучрежденнаго варшавскаго епископства своему брату примасу, Сиверсъ отказалъ ему. Сиверсъ обѣщалъ уже это мѣсто холмскому епископу Скаржевскому.

Смыслъ союзнаго трактата съ Россіею былъ таковъ, что Польша дѣлалась уже вассальною страною Россіи, хотя и остав-

ляла за собою видимую самостоятельность. Обѣ державы заключили условіе помогать всѣми силами другъ другу въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы начальство надъ войскомъ было у той страны, которая имѣетъ болѣе войска, слѣдовательно всегда оставалось за Россіею. Подобное постановленіе состоялось подъ тѣмъ предлогомъ, что на Россію, какъ на страну сильнѣйшую, падаетъ вся тягость въ случаѣ войны; но въ сущности это вело къ тому, что въ Польшѣ совсѣмъ не было самостоятельнаго войска, и оно все перешло бы подъ главную русскую команду. Россіи оставлялось преимущественное право заключать военные и политическіе договоры. Россіи предоставлялось право вводить въ Польшу свои войска и держать ихъ тамъ по надобности, ограничивъ самую Польшу опредѣленнымъ числомъ войска. Россія выговаривала себѣ право, въ случаѣ войны, требовать увеличенія войска, слѣдовательно, право по усмотрѣнію устроивать изъ поляковъ для себя военную силу. Польша лишалась права входить съ иностранными государствами въ какіе-либо союзы и сношенія безъ воли и согласія Россіи, и обязывалась не позволять себѣ ни малѣйшаго шага по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, который бы могъ повести къ безпокойствамъ. Польскіе министры при иностранныхъ дворахъ должны сноситься съ русскими послами, и открывать имъ все, и хотя для вида тож обѣщалось и со стороны русскихъ пословъ въ отношеніи къ польскимъ министрамъ, но такъ какъ преимущество силы было за Россіею, то само собою разумѣлось, что со стороны Польши дѣлалось это обязанностію, нарушеніе которой могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія, тогда какъ въ подобномъ случаѣ нарушенія со стороны Россіи, Польша не имѣла возможности ничѣмъ подкрѣпить своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что русскіе посланники при другихъ иностранныхъ дворахъ должны были тамъ, гдѣ не было посланниковъ Рѣчи-Посполитой, замѣнять ихъ; а такъ какъ сношенія съ иностранными державами могли производиться только съ позволенія Россіи, то Россія всегда могла не дозволить въ томъ или другомъ мѣстѣ имѣть особыхъ посланниковъ, и могла замѣнить ихъ русскими. Императрица гарантировала кардинальныя права Польши, но эта гарантія не исключала возможности измѣненій, которыя окажутся необходимыми съ позволенія и желанія Россіи, безъ которой не позволялось приступать ни къ какимъ перемѣнамъ, такъ что, поэтому, Россія имѣла прямое и непосредственное вліяніе на сеймъ и все законодательство и управленіе Польши [1]).

[1]) Трактатъ союзный.

При заключеніи этого трактата, депутація, которой поручено было это дѣло, просила Сиверса о трехъ предметахъ: чтобы учреждено было въ Польшѣ православное епископство, дабы православные, которые тамъ остаются, не относились бы въ тотъ край, который отошелъ къ Россіи. Другая просьба состояла въ томъ, чтобы полякамъ позволено было получать товары черезъ Ригу, съ пониженіемъ пошлинъ. Третья просьба была о свободномъ выѣздѣ за границу владѣльцевъ, отошедшихъ къ Россіи. Екатерина отказала полякамъ во всѣхъ трехъ просьбахъ. О первой она выразилась, что православные въ Польшѣ издавна подчинялись кіевскому митрополиту, и только революціонный сеймъ хотѣлъ ихъ подчинить константинопольскому патріарху, съ цѣлью оторвать отъ непосредственной духовной связи съ Россіею. «Вмѣсто того, чтобы ослаблять мое вліяніе — писала Екатерина — нужно, чтобы оно расширялось и утверждалось. Относительно свободнаго выѣзда за границу владѣльцевъ (т. е. въ Польшу, ибо такова была цѣль этой просьбы), слѣдуетъ укрѣплять ихъ въ моихъ владѣніяхъ, чтобы они тратили свои деньги внутри края».

Вообще государыня не была довольна самимъ трактатомъ, когда онъ былъ ей присланъ, за перемѣну нѣкоторыхъ фразъ, такъ какъ трактатъ былъ первоначально сочиненъ ею. По прочтеніи его, она съ неудовольствіемъ писала Сиверсу: «Нѣкоторые благоразумные поляки послѣ раздѣла Польши, ожидая, что за этимъ современемъ послѣдуетъ новый раздѣлъ и совершенное уничтоженіе польскаго имени, нашли, что лучше всего имъ отдаться подъ какое-нибудь сильное государство и желали присоединиться къ Россіи. Я съ радостію приняла бы это предложеніе, но не могу этого сдѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы не раздражить сосѣднихъ государствъ, которыя возстали бы противъ увеличенія предѣловъ Россіи, и чтобы ихъ удовлетворить, я выдумала систему союзнаго трактата, чтобы соединивши подъ этой формой остатокъ Польши, не только съ частію, которую я отдѣлила къ своему государству, но и съ моимъ цѣлымъ государствомъ, я могу быть предохраненною отъ жадности берлинскаго и вѣнскаго дворовъ, и поставить полезную и дѣйствительную преграду противъ покушеній того и другого. Съ этой цѣлью я начертала проектъ договора». Императрица изъявляла неудовольствіе за слѣдующее измѣненіе, какое поляки сдѣлали въ договорѣ: было сказано, что императрица оставляетъ за собою «необходимое вліяніе на Польшу». Поляки передѣлали слово «необходимое» въ «полезное». «Но слово «необходимое» —

объясняла Екатерина — не подвержено толкованію и заключаетъ въ себѣ само собою и «полезное»; они предполагаютъ, что мое вліяніе можетъ быть неполезнымъ, и такимъ образомъ они являются судьями того, что̀ полезно и что̀ неполезно. Далѣе, въ выраженіи «степень необходимаго вліянія въ военныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію», они прибавили: «по предварительному согласію съ польскимъ правительствомъ». Эта несвязница идей и выраженій показываетъ тайное намѣреніе избѣгнуть духа и мысли настоящаго трактата. Я иначе понимала. Я хочу, чтобы мнѣ предоставлено было право давать совѣты республикѣ, ка̀къ ей поступить и вести себя, и она должна испрашивать моихъ совѣтовъ и сообразоваться съ ними». Въ пунктѣ о правѣ ввода войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой государыня была недовольна измѣненіемъ словъ «во всякое время»—на слова: «въ случаѣ надобности и съ согласія Рѣчи-Посполитой». Императрица выражалась объ этомъ въ своемъ рескриптѣ такъ: «Мое намѣреніе было отклонить соображенія другихъ государствъ въ отношеніи вступленія моихъ войскъ, чтобы пріучить ихъ къ этому нечувствительно и во всякихъ случаяхъ. Польское правительство было бы избавлено отъ необходимыхъ объясненій, если бы у него спросили, на какомъ основаніи вошли наши войска; оно могло бы сказать: какъ въ договорѣ, и болѣе ничего. Само собою разумѣется, я бы не обременила себя тягостію защищать и поддерживать слабое государство, лишенное собственныхъ средствъ, отъ котораго я могу надѣяться только пассивной пользы, если бы не разсчитывала, что съ его стороны будетъ полная покорность моимъ совѣтамъ, планамъ и видамъ. У кого я буду спрашивать согласія на вводъ моего войска? У короля? Но у него нѣтъ власти. У Постояннаго Совѣта или сейма? Но тогда слѣдовало бы каждый разъ излагать имъ причины, посвящать ихъ въ тайны моихъ намѣреній и рисковать, что они меня предадутъ, разгласятъ по причинѣ злобы, подкупа, или по неблагоразумію тѣхъ, которые составляютъ эти собранія».

Давая вообще Сиверсу наставленія, какъ ему вести дѣла и поступать на будущее время, Екатерина въ томъ же рескриптѣ говорила:

«Старайтесь, чтобы король не присвоивалъ себѣ излишней власти, противной нашимъ интересамъ, ибо онъ всегда злоупотреблялъ ею. Избѣгайте методы вашихъ предмѣстниковъ дѣйствовать на націю черезъ короля. Составьте, напротивъ, партію, независимую отъ него, и держите ихъ на уздѣ одного черезъ другого. Не дозволяйте его величеству дѣлаться адвокатомъ за мни-

мые интересы націи съ излишнимъ и лживымъ жаромъ. Этой тактикѣ онъ всегда слѣдовалъ, когда хотѣлъ сдѣлать мое вліяніе ненавистнымъ. Съ этою цѣлью онъ и поднялъ такія іереміады объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ народу моими войсками. Не отвѣчайте ему объ этомъ предметѣ, но совѣтуйтесь съ моими генералами; старайтесь не допускать и исправлять недостатки человѣколюбивѣйшимъ образомъ. Вы знаете, что для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ предупреждать всякій поводъ къ жалобамъ на мои войска. Старайтесь, чтобы мѣста въ правленіи были заняты не подозрительными людьми, и притомъ не имѣющими владѣній въ Пруссіи и въ австрійскихъ предѣлахъ. Поэтому замѣните Сулковскаго въ великомъ канцлерствѣ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ нужны въ сношеніяхъ вѣрные и скромные слуги. Такими не могутъ быть зависящіе отъ другихъ дворовъ. Не допускайте короля назначать должностныхъ важныхъ лицъ безъ вашего согласія и вашей рекомендаціи, и чтобы не было между ними такихъ, которые не доказали испытанной преданности къ настоящему союзу съ нами». Между прочимъ императрица выговаривала Сиверсу за то, что онъ дозволилъ выбрать въ депутацію для разсмотрѣнія дѣлъ о банкахъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ императрица считала приверженцами 3-го мая. Она требовала, чтобы они немедленно были замѣнены другими. «На будущее время—продолжаетъ императрица, король долженъ вести себя въ этомъ отношеніи сообразнѣе съ обязательствами, на него возложенными договоромъ; онъ долженъ расширять мое вліяніе до права назначать на мѣста и должности общественнаго управленія людей, которые въ послѣднее время оказали намъ услуги и должны разсчитывать преимущественно на выгоды, происходящія отъ этихъ должностей». Научая его, какъ онъ долженъ все знать, что дѣлается въ государствѣ, какъ главный начальникъ въ краѣ, императрица говорила: «вы должны получать свѣдѣнія не однимъ оффиціальнымъ путемъ, а найти тайные каналы, и какъ только узнаете, что король и его кабинетъ преступаютъ границы, не замедлите увѣдомить меня, и вы получите приказаніе привести ихъ на надлежащій путь представленіями, болѣе или менѣе энергическими». О самомъ королѣ императрица послѣ заключенія трактата отзывалась такъ: «Скажите ему, что недостаточно заключать трактаты: нужно еще ихъ и исполнять. Всѣ его несчастія происходятъ отъ желанія бо̀льшей власти и независимости. Пусть теперь совершенно мнѣ предастся, пусть заслужитъ, чтобы я измѣнила мнѣніе о немъ. Но я на него мало надѣюсь и не довѣряю ему».

Трактатъ, заключенный ею съ польскою націею, имѣлъ зна-

ченіе ступени къ совершенному овладѣнію Польшею и къ полному прекращенію ея независимости. Этотъ трактатъ неизбѣжно долженъ былъ скоро нарушиться со стороны поляковъ, и Россія, въ наказаніе за это, лишила бы Польшу того, что даровалось ей трактатомъ. Такъ бывало всегда въ исторіи, когда сильное государство покоряло слабое или ослабѣвшее. Всегда, прежде окончательнаго покоренія, слабое ставится въ тяжелое положеніе зависимости отъ сильнаго, при видимой, кажущейся самостоятельности, и это вызываетъ взрывъ. Сильное государство называетъ такой взрывъ мятежемъ, нарушеніемъ правъ своихъ, усмиряетъ возстаніе, и въ необходимости предупредить его повтореніе стѣсняетъ или вовсе уничтожаетъ остававшіеся признаки независимости слабаго. Въ русской исторіи довольно примѣровъ подобныхъ переходныхъ положеній. Россія, въ этомъ отношеніи, съ Польшей шла по слѣдамъ прежнихъ вѣковъ. Россію влекли къ этому обстоятельства.

Сиверсъ оправдывался передъ Екатериною и доказывалъ въ своемъ оправдательномъ рапортѣ, что измѣненія, сдѣланныя въ трактатѣ, не вредятъ дѣлу; что Россія, будучи поставлена твердою ногою по силѣ этого трактата, достаточно сильна, чтобы уничтожить какія-либо столкновенія, которыя могли бы возникнуть изъ этихъ выраженій. «Будущій король, писалъ Сиверсъ, будетъ избранъ ея императорскимъ величествомъ и получитъ себѣ палатнаго мэра (majordomus), подъ именемъ русскаго посла, съ безконечно большею властью, чѣмъ власть какого-нибудь вице-короля сицилійскаго, или же генералъ-губернаторство тверскаго намѣстника вашего императорскаго величества, который отъ вашего императорскаго величества имѣетъ только власть смотрѣть за исполненіемъ законовъ».

Незадолго передъ закрытіемъ, сеймъ утвердилъ конституцію, написанную Мошинскимъ съ товарищами, подъ надзоромъ Сиверса. Эта конституція долженствовала дать счастіе и благоденствіе Польшѣ. Мы не станемъ излагать ее, потому что она не была приведена въ дѣйствіе, по причинѣ возникшей въ скорости революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіемъ 23-го октября были уничтожены всѣ законы бывшаго сейма въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дабы не оставлять потомству слѣдовъ ординарнаго сейма, открытаго въ 1788 г. и прекращеннаго въ революціонный сеймъ 3-го мая 1791 года, мы объявляемъ какъ бы никогда не существовавшими всѣ его постановленія, законы и декреты, какъ причины бѣдствій всякаго рода и потери огромныхъ провинцій,

уничтожаемъ ихъ и объявляемъ неимѣющими никакой силы, и желаемъ, чтобы они не были вписаны въ кодексъ нашихъ законовъ», и пр.

На послѣднемъ засѣданіи сейма Коссаковскій удружилъ Сиверсу. Когда перебирали такія санциты, которыя слѣдовали къ уничтоженію, чрезъ посредство другихъ, онъ подставилъ санциту, уничтожающую орденъ, установленный въ честь 3-го мая. Такимъ образомъ, этотъ орденъ, по закону, остался существующимъ. Король пропустилъ это. Сиверсъ извѣщалъ объ этомъ императрицу, какъ бы со смѣхомъ, считая это пустымъ дѣломъ, не стоющимъ вниманія.

Сеймъ назначилъ послѣ того посольство къ Екатеринѣ, съ цѣлію благодарить ее. Посольство это поручено было Тышкевичу. Патріоты замѣчали, что благодарить совсѣмъ неумѣстно за тѣ благодѣянія, которыя, по ихъ мнѣнію, не принесли пользы Польшѣ; въ особенности, не считали они умѣстнымъ благодарить императрицу всероссійскую за содѣйствіе Пруссіи къ отобранію земель отъ Рѣчи-Посполитой.

Сеймъ разошелся. Король уѣхалъ.

Вѣрные Россіи поляки получили награды, или ордена, или вещи на память. Награждены были знаками вниманія: Мошинскій, Тышкевичъ, Сулковскій, Огинскій, Забѣлло, Залускій, Дзѣконскій, Ожаровскій и др. Получили награды: маршалъ Билинскій и Пулавскій по 100,000 злот., за то, что хорошо выполняли приказанія Сиверса.

Сиверсъ приказалъ удалить войско изъ Гродно и уѣхалъ въ Варшаву за королемъ; de facto онъ былъ истинный глава и правитель Польши. Всѣ мѣста зависѣли отъ него. Еще предъ концомъ сейма онъ велѣлъ выбрать гетманомъ короннымъ Островскаго, польнымъ Пулавскаго, подканцлеромъ хелмскаго епископа Скаржевскаго, котораго онъ полюбилъ и покровительствовалъ ему. Онъ давалъ мѣста тѣмъ, которые продавали себя за мѣста. Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ онъ сообщалъ свѣдѣнія, которыхъ не рѣшался повѣрять депешамъ, о пенсіяхъ для членовъ Постояннаго Совѣта и нѣкоторыхъ коммиссій. «Я, писалъ онъ, выбралъ изъ числа бывшихъ сеймовыхъ пословъ почтенныхъ людей для пополненія Постояннаго Совѣта и высшихъ властей края, при чемъ руководствовался двумя основаніями: первое, чтобы они были намъ вѣрны; второе, чтобы нуждались въ службѣ. Половина изъ нихъ бѣдна, другая не очень богата, и такъ какъ сеймъ обрѣзалъ имъ жалованье на четверть для сокращенія расходовъ,

то небольшое повышеніе пенсіоновъ отъ Россіи для нихъ было бы очень желательно».

Открывая свои засѣданія, Постоянный Совѣтъ былъ подъ контролемъ Сиверса, и всѣ его постановленія должны были показываться русскому министру. Онъ распоряжался произвольно личностію поляковъ и всѣхъ живущихъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, онъ приказалъ арестовать Мостовскаго, прибывшаго недавно изъ Парижа, и пересмотрѣть его бумаги. Сиверсъ видѣлъ несомнѣнные слѣды его сношеній съ французскими революціонерами. Мостовскому приписывали статьи въ «Монитерѣ» о Польшѣ, написанныя въ духѣ крайне нерасположенномъ къ Россіи. Сиверсъ затруднялся, что дѣлать съ этимъ паномъ—судить ли его въ Варшавѣ, или сослать въ Россію. Письма на почтѣ вскрывались и пересматривались; изъ нихъ узнавалось: кто какого духа, и кто какъ мыслитъ. Расположеніе къ конституціи 3-го мая и даже сожалѣніе о ней считалось преступленіемъ. Кто выявлялъ себя сторонникомъ 3-го мая, на томъ уже лежала печать якобинства. Явился въ Варшавѣ генералъ Заіончекъ. Сиверсъ сейчасъ же учредилъ за нимъ надзоръ. Самъ король находился подъ строгимъ надзоромъ и не могъ ничего дѣлать безъ воли Сиверса. Каждый шагъ Станислава - Августа слѣдили и обо всемъ доносили русскому посланнику. Слуга-французъ передавалъ Сиверсу свѣдѣнія о домашней жизни польскаго короля. Сиверсъ обращался съ королемъ хотя очень вѣжливо, но какъ будто съ подданнымъ императрицы. «Я надѣюсь, говорилъ король, на великодушіе императрицы». — «Надѣяться можете, ваше величество, если будете поступать законно и не будете придерживаться партій».

Среди такого величія, тяжело откликнулось Сиверсу послѣднее засѣданіе сейма, когда выключена была санцита, уничтожавшая орденъ, установленный прежнимъ сеймомъ въ честь 3-го мая. Екатерина совсѣмъ не со смѣхомъ приняла эту выходку поляковъ, какъ хотѣлъ ее принять посланникъ императрицы, и 2-го декабря ст. ст. написала ему рескриптъ, гдѣ изъявляла сильное негодованіе, видѣла въ этомъ поступкѣ не менѣе, какъ свидѣтельство духа своеволія и мести. «Вы должны были не допускать—писала она—по силѣ вновь постановленнаго трактата, по которому польское правительство обязывалось не предпринимать какихъ бы то ни было измѣненій безъ нашего вѣдома и не спросясь объ этомъ насъ». «Теперь»,—выражалась она далѣе,—плоды трудовъ вашихъ подвергнуты непріятному окончанію». Екатерина находила, что трактатъ, недавно заключенный, уже нарушенъ, что Сиверсъ не

умѣлъ вести своего дѣла въ одной изъ главныхъ задачъ, не умѣлъ наполнить Постоянный Совѣтъ людьми вѣрными и преданными Россіи; это видѣла она изъ того, что не нашлось такихъ, которые могли предостеречь посланника. «И для того,—говорила императрица,—повелѣваемъ вамъ прекратить настоящее ваше служеніе, оставить Варшаву и возвратиться ко двору нашему, объявивъ королю, министрамъ, президентамъ и главнымъ членамъ Постояннаго Совѣта прямыя причины вашего удаленія, прибавя, что мы нашли несходнымъ съ достоинствомъ нашимъ продолжать призваніе ваше въ настоящемъ званіи послѣ оказаннаго неуваженія, которое, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ, выраженіяхъ и отношеніяхъ, сущимъ и самымъ непристойнымъ посмѣяніемъ по справедливости назвать можно; но по сродному намъ великодушію различая виновниковъ сего поступка отъ цѣлости націи, которую мы недавно столь щедро и благотворительно подъ сѣнь нашей защиты и наше покровительство приняли, не хотимъ ни мало ослабить или разорвать составившуюся связь, а напротивъ, для безпрерывнаго наблюденія и вящшаго оной укрѣпленія, мы покамѣстъ, не избирая вамъ преемника въ равномъ вамъ качествѣ, назначили съ именемъ полномочнаго министра, которому и препоручаемъ наше сильнѣйшее домогательство о надлежащемъ удовлетвореніи за оказанное намъ оскорбленіе. Сего послѣдняго избрали мы въ лицѣ генералъ-анщефа барона Игельстрома». Затѣмъ императрица потребовала отъ Сиверса счетъ истраченныхъ имъ денегъ, при чемъ ему замѣчено, что онъ не присылалъ, подобно своимъ предшественникамъ, какъ слѣдовало, счетовъ, и кромѣ растраченныхъ суммъ, данныхъ ему, еще бралъ большіе векселя на казну, не объясняя, для какой цѣли. Сиверсъ дѣйствительно не представлялъ счетовъ, объявивъ канцлеру, что онъ сообщитъ ихъ не иначе, какъ самой императрицѣ, и потому въ тогдашнихъ документахъ нѣтъ подробныхъ счетовъ издержкамъ во время гродненскаго сейма.

Сиверсъ отправился къ королю и объявилъ ему обо всемъ. «Клянусь Богомъ, сказалъ король со слезами, я ничего не зналъ о возстановленіи ордена; многихъ членовъ не было тогда въ залѣ; за то много было арбитровъ: всѣ кричали, шумѣли, ничего не было слышно. Это не моя вина; это вина сеймоваго маршала, тутъ видна интрига, чтобы насъ погубить! Я все сдѣлаю, что мнѣ прикажутъ. Я крайне несчастливъ. Я долженъ во всемъ повиноваться». Сложивъ руки на груди, король просилъ увѣрить государыню въ его преданности и покорности. Сиверсъ обѣщалъ. Король обнималъ его, цѣловалъ и говорилъ: «Ахъ, какъ жаль,

что вы покидаете Польшу. Прежде она васъ боялась, теперь начинаетъ уважать и любить». Онъ далъ ему, кромѣ Бѣлаго Орла, прощальный подарокъ, картину и свой портретъ.

Такъ окончила свое существованіе польско-литовская Рѣчь-Посполитая — шляхетская республика съ избирательнымъ королемъ. За потерею земель, отошедшихъ къ россійской имперіи и прусскому королевству, остальная часть Польши была фактически теперь достояніемъ Россіи, только съ извѣстными признаками провинціальной автономіи. Оставалось лицо, носившее имя короля, но безъ дѣйствительной власти, или съ властью, которая была, по выраженію Сиверса, ниже власти тверского генералъ-губернатора.

Событія, непосредственно слѣдовавшія за тѣмъ, представляютъ совершенно особый характеръ; это была первая революція, сдѣланная съ цѣлью возвратить самостоятельность Польшѣ, и приведшая къ уничтоженію королевскаго достоинства. Главнымъ героемъ и руководителемъ этой революціи былъ Тадеушъ Костюшко.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I [1]).

Молодость Костюшки.—Очеркъ его предшествовавшей дѣятельности.—Зачатки возстанія.

Тадеушъ Костюшко былъ сынъ дворянина изъ новогродскаго повѣта. Въ 1764 г., при вступленіи на престолъ Станислава-Августа, онъ имѣлъ около 12 лѣтъ и поступилъ въ только-что заведенную школу кадетъ. Школа эта, подъ дирекціею Чарторыскаго, содержалась на счетъ отпускаемой изъ казны суммы, 400.000 злотыхъ; сверхъ того 200,000 злот. давалъ на нее король. Она была мѣстомъ воспитанія всѣхъ почти знаменитыхъ людей того времени, разсадникъ новой Польши. Костюшко былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Разсказываютъ, что во время ученія онъ такъ былъ прилеженъ, что вставалъ утромъ въ 3 часа, и чтобы не проспать долѣе

[1]) Источники: №№ 5, 13, 14, 17, 18, 19, 24, 26, 27, 29, 31, 32, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 50, 54, 57, 61, 65, 75, 79, 82, 97, 100, 105, 114, 115, 120, 121, 122, 123. Кромѣ того, авторъ имѣлъ подъ рукою дѣла Высочайшаго Совѣта и Индигаціонной Коммиссіи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ, и собственноручныя бумаги Суворова, за которые приноситъ глубокую благодарность князю Александру Аркадіевичу Суворову-Рымникскому.

опредѣленнаго времени, привязывалъ къ себѣ шнурокъ, который былъ проведенъ къ сторожу, и послѣдній получалъ приказаніе дергать за шнурокъ и будить примѣрнаго ученика; иногда же онъ не спалъ по нѣскольку ночей, и чтобы сохранить присутствіе умственныхъ способностей, обливался холодною водою. По окончаніи курса, въ его жизни случилось обстоятельство, которое потрясло его и оставило сильное вліяніе на строй его понятій. Его отецъ былъ человѣкъ жестокій съ крестьянами. Когда зашевелилась Украина и на всемъ пространствѣ, гдѣ были русскіе хлопы, вспыхнула непріязнь русскаго народа къ панамъляхамъ, отца Костюшки убили крестьяне. Молодой Тадеушъ видѣлъ ужасную казнь хлоповъ, которые расплатились за смерть своего владѣльца. Талантливый юноша постигъ тогда тайну, которой не знали и знать не хотѣли цѣлыя поколѣнія: Польша была въ упадкѣ преимущественно отъ того, что громада народа, ей подвластнаго, живя въ государствѣ, которое называлось республикою, не имѣла ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ; и прежде чѣмъ народу не отданы будутъ эти права, напрасны будутъ всякія усилія къ возрожденію націи,— такъ рѣшилъ въ своемъ умѣ молодой Тадеушъ. Онъ былъ отправленъ на казенныя деньги оканчивать воспитаніе во Франціи, оставался тамъ нѣсколько лѣтъ и учился инженерному искусству. То были времена всеобщаго либерализма, подготовлявшаго близкую революцію, эпоха высшаго поклоненія Вольтеру и Руссо, когда слова о правахъ человѣка, о равенствѣ, о свободѣ совѣсти и науки были въ ходу. Костюшко проникался ими.

По возвращеніи въ Польшу, Костюшко испыталъ, что его знанія и дарованія мало могли быть нужны отечеству. Въ Польшѣ подобный человѣкъ, незнатнаго происхожденія, небогатый, при самыхъ блестящихъ способностяхъ и съ образованіемъ, могъ не найти себѣ пріюта; ему оставалось увлечься общимъ потокомъ нравовъ и по обычаю бо̀льшей части своихъ собратій жить при дворѣ какого-нибудь пана резидентомъ и цѣловать полы его одежды, или же сидѣть въ своемъ имѣньицѣ и одичать въ захолустьи, прерывая скуку однообразной обывательской жизни поѣздками на сеймики, гдѣ все-таки надобно было служить не отечеству, а какому-нибудь пану. Судьбы, одолѣвшей весь край, не могъ избѣгнуть и Костюшко. И онъ поселился у пана Сосновскаго, литовскаго польнаго писаря, который прежде покровительствовалъ его отцу и всему его роду. Костюшко сталъ учить его дочерей и влюбился въ одну изъ нихъ, Людвику. И дѣвица полюбила его. Тогда «Новая Элоиза» была любимымъ чте-

ніемъ молодежи и многимъ кружила головы; легко возникало желаніе осуществить въ собственной жизни то, что съ такою жадностію читалось въ книгахъ. Но бракъ былъ немыслимъ между бѣднымъ сыномъ новогродскаго обывателя и дочерью ясневельможнаго пана. Костюшко обратился къ покровительству князя Чарторыскаго, который зналъ его и любилъ еще въ школѣ. Князь, охотникъ до романическихъ приключеній, выслушалъ его съ участіемъ, но не взялся хлопотать за него передъ Сосновскимъ. Дѣло было черезчуръ неподходящее къ принятымъ издавна обычаямъ польскаго общества. Онъ совѣтовалъ ему искать въ этомъ дѣлѣ покровительства короля, и Костюшко обратился къ Станиславу-Августу. Король посовѣтовалъ ему выкинуть несбыточную мысль изъ головы. Но Костюшко, сговорившись съ молодыми друзьями и бывшими товарищами, затѣялъ увезти свою возлюбленную. Король какъ-то узналъ или можетъ быть подозрѣвалъ, что такъ будетъ, предостерегъ обо всемъ Сосновскаго, который былъ тогда въ Варшавѣ, и Сосновскій написалъ женѣ, чтобы она выѣзжала съ дочерьми изъ имѣнія. Костюшко прибылъ туда поздно. Онъ видѣлъ только старую Сосновскую и не видѣлъ дочери. Онъ принужденъ былъ разстаться съ нею навсегда. Она забыла его скоро и вышла замужъ за князя Іосифа Любомирскаго; богатый и знатный, онъ былъ не чета Костюшкѣ.

Это событіе еще болѣе увеличило ту пропасть, которая уже образовалась въ душѣ Костюшки между его убѣжденіями и старою Польшею. Костюшкѣ нечего было дѣлать въ отечествѣ. Душа его жаждала дѣла. Онъ уѣхалъ въ Америку безъ надежды когда-нибудь возвратиться на родину, гдѣ въ жизни не представлялось ему ничего утѣшительнаго. Костюшко отправился въ далекій край, не запасясь никакою рекомендаціею, съ пятью другими поляками, едва спасся отъ кораблекрушенія, прибылъ въ Филадельфію, и прямо отправился къ Франклину; своею откровенностію и прямотою онъ понравился ему, несмотря на то, что вначалѣ былъ принятъ сухо. Франклинъ самъ проэкзаменовалъ его, нашелъ въ немъ основательныя знанія, рекомендовалъ конгрессу, и Костюшко вступилъ въ американскую службу прямо съ чиномъ полковника.

Въ борьбѣ съ Англіею, которой послѣдствіемъ было существованіе федераціи Сѣверо-американскихъ штатовъ, Костюшко былъ не послѣднимъ человѣкомъ, и особенно отличился въ роковомъ дѣлѣ подъ Саратогою, гдѣ сдался англійскій генералъ Бургоинъ. По окончаніи войны, въ 1783 году, онъ наравнѣ съ другими, приходившими изъ разныхъ странъ свѣта сражаться за

свободу человѣка въ Новомъ Свѣтѣ, получилъ орденъ Цинцинната.

Надежда на возрожденіе Польши побудила Костюшку воротиться въ отечество. Наступившая война 1792 года доставила ему поле дѣйствія. Война окончилась безславно для Польши, но Костюшко былъ тогда единственный даровитый польскій предводитель, и эта война возвысила его въ глазахъ шляхетской націи. Когда пришлось склониться подъ гнетомъ необходимости, Костюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, потомъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ, какъ говорили, пани Коссаковская хотѣла дать ему имѣніе, но онъ не принялъ этого дара. Онъ уѣхалъ въ Саксонію, гдѣ его встрѣтили убѣжавшіе туда заранѣе творцы конституціи 3 мая. Тамъ съ Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ, Нѣмцевичемъ и Вейсенгофомъ, Костюшко совѣщался о спасеніи отечества. Соображая, что Польша, тѣснимая Пруссіею и Россіею, должна возбуждать сочувствіе Франціи, они отправили туда Костюшку. Въ Парижѣ Костюшко видѣлся съ министромъ Лебренемъ, выслушалъ отъ него много любезностей, но ничего не услыхалъ положительнаго, и воротился назадъ. Предъ началомъ гродненскаго сейма, патріоты прочитали грозные манифесты Россіи и Пруссіи. Костюшко, какъ показываютъ записки Гонсяновскаго, переодѣвшись, подъ чужимъ именемъ прибылъ въ августѣ въ Гродно, побывавъ предварительно въ Пулавахъ у Чарторыскаго, прожилъ нѣсколько времени въ Гродно у Краснодембскаго, былъ у княгини Огинской и предложилъ планъ спасенія отечества. Совѣщаніе объ этомъ происходило ночью, въ послѣднихъ числахъ августа. На немъ былъ генералъ Бышевскій, Гроховскій и еще другіе польскіе генералы и военные чины. Планъ Костюшки былъ таковъ: разослать расторопныхъ и опытныхъ офицеровъ по разнымъ краямъ Рѣчи-Посполитой. Каждый долженъ будетъ взять письмо за подписью какого-нибудь изъ важныхъ пановъ, извѣстныхъ своимъ патріотическимъ направленіемъ. Письмо это, сочиненное Костюшкою, для всѣхъ имѣло аллегорическій смыслъ, и составлено было въ такихъ выраженіяхъ: «Любезные земляки, такой-то, служащій въ войскѣ, отправляется въ отпускъ туда-то, по важному семейному дѣлу, именно, чтобы возвратить и возстановить разоренное свое имѣніе, захваченное у него въ значительной части врагами. Онъ просилъ моего ходатайства передъ вами; такъ какъ онъ безъ вашей помощи не можетъ никакъ привести въ исполненіе своего дѣла, я обращаюсь къ вамъ, почтенные земляки, и прошу васъ, поддержите его вашими совѣ-

тами, хотя бы даже и съ пожертвованіемъ части вашего собственнаго имѣнія, для удаленія интригъ, которыя могутъ внѣдриться въ судебныя инстанціи вопреки правосудію. Если, возлюбленные братья, эта почтенная фамилія будетъ поднята изъ своего упадка, то не только внуки и правнуки мои будутъ вамъ благодарны, но и въ народѣ слава о вашемъ человѣколюбивомъ поступкѣ никогда не умретъ». Были бланки за подписью Чарторыскаго, Огинскаго, Сапѣги, и еще вѣроятно другихъ. Сдѣлавши свое дѣло, Костюшко уѣхалъ въ Пулавы, и оттуда за границу, какъ бы его и не было въ Польшѣ. Впослѣдствіи, когда вѣсть о его путешествіи распространилась, и русскіе, взявши его въ плѣнъ, допрашивали его о такомъ путешествіи въ Польшѣ, онъ запирался; это было естественно и дѣлалось для того, чтобы не компрометтировать другихъ, которыхъ имѣнія достались Россіи.

Агенты отправлялись въ разныя мѣста дѣлать свое дѣло. Мы имѣемъ разсказъ одного изъ нихъ, Гонсяновскаго и по немъ вообще можемъ представить себѣ, какъ это дѣлалось. Агентъ, получивъ деньги отъ пановъ, разъѣзжалъ по тѣмъ воеводствамъ, которыя каждому выпадали на долю при разсылкѣ. Онъ ѣздилъ отъ обывателя къ обывателю, выпытывалъ и узнавалъ ихъ образъ мыслей, и тамъ, гдѣ находилъ себѣ сочувствіе, открывалъ тайну. Было принято, для узнанія образа мыслей того, на кого нужно было дѣйствовать, не только не открываться ему съ перваго раза, и не говорить правды, а прикидываться человѣкомъ противнаго образа мыслей, завлекать въ споръ, доводить спорящаго до того, что тотъ, не узнавъ еще, что его хотятъ вербовать въ заговоръ, самъ высказывалъ необходимость заговора и охоту вступить въ него. Впрочемъ, пути были разнообразны, смотря по характеру и воспитанію тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло. Иного нужно было разжигать риторикою, съ другимъ вести разговоръ объ экономическихъ предметахъ и заманивать въ заговоръ надеждою на выгоды, третьяго надобно было подпоить, четвертаго обыграть въ карты, съ тѣмъ шутить, съ другимъ хандрить; однихъ вербовать по одиночкѣ, другихъ цѣлою компаніей; однимъ достаточно сказать, что такъ думаетъ такой-то важный панъ, другихъ увлекать примѣромъ, что вотъ въ такомъ-то повѣтѣ обыватели уже подписали. Болѣе всего помогали тогда дѣлу духовные. У нихъ уже зарождалось опасеніе, что православная Россія будетъ стѣснять католичество и начнетъ уничтожать унію; въ южныхъ провинціяхъ отъ этого, уніатскіе монахи были ревностными пособниками дѣла. Пріѣдетъ въ какой-нибудь мона-

стырь къ пробощу или канонику агентъ; духовный сановникъ знаетъ въ своемъ околоткѣ обывателей, кто какого нрава и какихъ мыслей, собираетъ къ себѣ на обѣдъ такихъ, какихъ нужно; здѣсь, выпивши венгерскаго, агентъ воспламеняетъ собесѣдниковъ, говоритъ рѣчь о горькой судьбѣ отечества, о несправедливостяхъ сосѣднихъ дворовъ, задаетъ руготню москалю и нѣмцу, плачетъ надъ гибелью шляхетской свободы, указываетъ на опасность церкви, и наконецъ, когда нужно, объявляетъ о тайнѣ. Обыватели иногда тутъ же даютъ подписки, иногда назначаютъ день, и въ этотъ день собирается еще больше обывателей. Духовный сановникъ служитъ обѣдню, призываетъ св. Духа, говоритъ проповѣдь о наступающей необходимости католикамъ защищать истинную вѣру противъ угрожающей проклятой фотіевской схизмы и въ такой же степени проклятаго нѣмецкаго лютеранства; потомъ слѣдуетъ обѣдъ, попойка и цѣлый потокъ рѣчей, гдѣ обывателямъ предстоитъ свободное поле отличиться краснорѣчіемъ. Религія возбуждала ихъ сильнѣе отечества: если дѣло отечества требовало размышленія, то опасность для вѣры, для будущаго спасенія души, не допускала долго размышлять. Дѣйствовать во всякомъ случаѣ, казалось, хорошо; еслибы и успѣха не было, все равно хорошо умирать за истинную вѣру.

Этимъ дѣло не оканчивалось. Гостепріимные обыватели устроивали у себя обѣды; и тамъ также лилось венгерское вино и польское краснорѣчіе, и дѣло отечества скрѣплялось. Чтобы заручить на свою сторону мелкую шляхту, духовные сановники дѣлали такіе же обѣды для вліятельныхъ изъ шляхты. Они выбирали изъ среды ея такихъ, о которыхъ знали, что ихъ пять или шесть двинутъ за собою тысячу; агентъ склонялъ ихъ на свою сторону именемъ знатнаго пана, отъ котораго имѣлъ уполномочіе; отъ его имени агентъ давалъ имъ по нѣскольку червонцевъ: панъ съ простою шляхтою не долженъ былъ говорить иначе, какъ показавши свои панскія щедроты. Эта отборная шляхта, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и благоговѣнія къ пану, подписывала не только за себя, но и за своихъ товарищей, принимая званіе ихъ уполномоченныхъ. Вообще, какъ зажиточные обыватели, такъ и простые шляхтичи проникались чувствомъ подобострастія и благоговѣнія къ высокимъ именамъ, и обращеніе къ нимъ какого-нибудь Радзивилла (бердичевскаго), Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, внушало имъ надежду на успѣхъ, и обязывало ихъ содѣйствовать. Оттого возстаніе удобнѣе принималось въ тѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ, гдѣ паны, давшіе уполномочіе агентамъ, издавна имѣли вѣсъ и значеніе. Много помогали дѣлу женщины. Въ повѣтахъ почти вездѣ были красивыя

умныя дамы, въ той порѣ жизни, когда онѣ вертѣли головы всему околотку. Къ такой дамѣ обращался агентъ; дѣло шло какъ по маслу, если агентъ былъ ловокъ, красивъ, и обладалъ способностію и навыкомъ обращаться съ женщинами, но въ особенности тогда, когда у молодой госпожи былъ мужъ гораздо старѣе ея лѣтами. Тутъ женское кокетство переплеталось съ патріотизмомъ. Агентъ то говорилъ госпожѣ о ея красотѣ, о своихъ вздохахъ, то воспламенялъ ее героическимъ жаромъ любви къ погибающему отечеству; то бросался къ ея ногамъ, то цѣловалъ ея руки, то бралъ у нея деньги въ видѣ пожертвованія на общую пользу. Такова была, по извѣстію Гонсяновскаго, пани Прушинская въ овручскомъ повѣтѣ, молодая жена очень стараго мужа, великая патріотка, и смѣлая, остроумная, ловкая, понятливая, съ даромъ краснорѣчія, подобнымъ Цицерону, но съ оттѣнкомъ романизма[1]). Гонсяновскій сознается, что онъ разомъ и ухаживалъ за нею и дѣлалъ ее орудіемъ патріотической пропаганды между обывателями повѣта, въ которомъ она имѣла вѣсъ и силу. Женщины особенно помогали тѣмъ, что устроивали складчины (коллекты) для поддержки дѣла спасенія отечества, и такимъ образомъ собирали капиталы, которые передавались вліятельнѣйшему обывателю; и такъ составлялась казна для будущаго возстанія. Заговоръ распространился по всей Польшѣ и счастливо избѣжалъ вниманія русскихъ и прусаковъ. Для того, чтобы ускользнуть отъ ихъ вниманія, употреблялись тогда затѣйливыя выходки. Такъ Гонсяновскій разсказываетъ, что для этой цѣли, его, маіора арміи, посвятили въ ксендзы, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ ксендзовскомъ званіи и одѣяніи, и когда это оказалось болѣе не нужнымъ, снова надѣлъ военный мундиръ.

Въ Варшавѣ пропагандою занимались Дзялынскій и банкиръ Капостасъ. Около нихъ собирались молодые люди. Изъ нихъ на виду предъ всѣми стояли Ельскій, Гореславскій, Ясинскій, Павликовскій. Ясинскій отправленъ въ Вильну. Общество варшавскихъ заговорщиковъ имѣло сношенія съ обществами Великой Польши и Малой Польши и Литвы. Въ Великой Польшѣ все было готово къ возстанію, и этотъ край, подпадавшій Пруссіи, болѣе другихъ порывался сбросить чужеземное иго. Они вели сношенія и съ эмигрантами въ Саксоніи. Костюшко между тѣмъ ѣздилъ по Европѣ и испытывалъ положеніе умовъ, отыскивалъ союзниковъ и пособниковъ готовящемуся возстанію. Между тѣмъ

[1]) patryotce wielkiej żony dużo podeszłego męża, rozsądnej, śmiałej, każdą rzecz obejmującej, wymową oratorską, etc. (Pam. Gąsianowsk.).

въ Варшавѣ собирались ночныя сходки, куда пріѣзжали изъ полковъ офицеры; тамъ избрали начальникомъ возстанія Костюшку и послали къ нему Ельскаго. Костюшко отправилъ Заіончека въ Варшаву провѣдать, что̀ тамъ дѣлается. Заіончекъ прибылъ туда въ декабрѣ 1793 года и самъ являлся къ лицамъ русской партіи; надъ нимъ устроенъ былъ надзоръ, но несмотря на это онъ выпытывалъ о состояніи края, сносился съ заговорщиками и доносилъ Костюшкѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ Костюшкѣ, средства, какими обладала страна, не были еще достаточны для начала возстанія, а главное, нельзя было положиться на народъ. Костюшко, съ своимъ демократическимъ духомъ, пріобрѣтеннымъ въ Сѣверной Америкѣ, полагалъ всю надежду на громаду народа, поэтому приказывалъ черезъ Заіончека разсылать по повѣтамъ патріотовъ возбуждать болѣе всего простой народъ. Чрезъ разговоры съ шляхтичами и присмотрѣвшись лично, Заіончекъ пришелъ относительно этого къ такому убѣжденію, что народъ въ Польшѣ ничего не выказывалъ, кромѣ тупого, ничѣмъ не оживленнаго терпѣнія, необходимаго слѣдствія закоснѣлой неволи, вѣчнаго гнета шляхты надъ многими поколѣніями. «Вся надежда на народъ,—говорилъ онъ сначала агентамъ,—выбирайте расторопныхъ солдатъ, разсылайте ихъ по краю; пусть подвигнутъ поселянъ къ свободѣ.» Но то была китайская грамота для большей части поляковъ; воззвать простой народъ къ возстанію было также трудно для шляхты, какъ возстать народу. Народъ въ Рѣчи-Посполитой могъ возставать только противъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ современниковъ и участниковъ этихъ событій, Войда, замѣчаетъ, что въ эту эпоху выражался тотъ же характеръ, какъ и въ прежнія времена. Шляхта твердила о свободѣ и вольности, но думала, что свобода состоитъ въ правѣ установлять законы и безнаказанно ихъ нарушать, и не платить опредѣленныхъ закономъ налоговъ. Шляхтичъ полагалъ, что платить должны мѣщане и хлопы, самъ онъ, человѣкъ съ правами, могъ освобождать себя отъ этой непріятности. Третье мая не нравилось польской шляхтѣ, потому что конституція хотѣла обуздать ее; она ошиблась и въ тарговицкой конфедераціи: вмѣсто возлюбленной шляхетской свободы, двѣ части страны поступили подъ власть Россіи и Пруссіи, а эти государства, конечно, не могли допустить въ своихъ владѣніяхъ такой свободы; третья, оставаясь по наружности независимою, на дѣлѣ уже поступала въ полную зависимость отъ Россіи. Многіе охотно отдавались Россіи, они надѣялись отъ новой власти выгодъ, а главное ихъ успокоивало то, что подъ властію Россіи у нихъ не отнимутъ власти надъ крестьянами. За то также многіе изъ тѣхъ, кото-

рые желали чего-нибудь поболѣе неограниченной власти надъ хлопами и прежде боялись конституціи 3-го мая, теперь стали къ ней склоняться, видя въ ней средство удержать цѣлость и независимость отечества. Когда ихъ воспламеняли патріотическими рѣчами и воззваніями, они дѣлались сторонниками революціи, но когда нужны были пожертвованія, то они налагали новые поборы на своихъ хлоповъ, и послѣдніе должны были усилить свой трудъ для спасенія шляхетской свободы. Искренними сторонниками революціи были мѣщане, которые въ конституціи 3-го мая видѣли залогъ своей равноправности со шляхетствомъ и надѣялись, что имъ будетъ выгоднѣе жить. Были такіе обыватели, которыхъ обольщалъ въ революціи личный выигрышъ; они соображали, что если революція удастся, то они будутъ послѣ того играть первую роль и значеніе въ Рѣчи-Посполитой, какъ ея спасители и избавители. Но наибольшая часть пристававшихъ къ революціи обывателей была такого рода, что въ сущности имъ было все равно, кто бы ни побѣдилъ: они приставали къ ней потому, что имъ ловко натолковали и представили, что за предпріятіемъ есть сила. Имъ говорили: «Австрія на нашей сторонѣ, потому что Австрія не хочетъ допустить усиливаться Пруссію и Россію; Швеція и Англія за насъ; Турція скоро объявитъ, если уже не объявила, Россіи войну; Франція естественно намъ благопріятствуетъ, потому что Россія и Пруссія во враждѣ съ ней; наконецъ, сами Россія и Пруссія уже не ладятъ между собою и скоро поссорятся. Всѣ обстоятельства сложились какъ нельзя превосходнѣе для Польши.» Все это казалось правдоподобнымъ, особенно, когда въ этомъ увѣряли поляковъ именемъ какого-нибудь Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, Огинскаго и т. п. Изъ подобнаго класса соучастниковъ революціи были и такіе, что приставали къ революціи только изъ трусости, чтобы впослѣдствіи имъ не было худо, когда возстаніе удастся. Но были люди, совершенно противоположные послѣднимъ: это молодыя и горячія головы. Эти люди мало разсуждали о томъ: возможенъ или невозможенъ успѣхъ; имъ лишь бы скорѣе начинать, и всякую хладнокровную и разсудительную осторожность они сейчасъ же клеймили подозрѣніемъ въ измѣнѣ. Эти люди желали и надѣялись черезчуръ многого. Такихъ приходилось не возбуждать, а сдерживать, охлаждать, приводить на путь разсудка. Уже въ началѣ 1794 г., молодежь варшавская горячилась и готова была начинать: Капостасу и Дзялынскому стоило большого труда удерживать ихъ. Капостасъ показывалъ впослѣдствіи, что 23-го февраля назначена была конференція у одного изъ заговорщиковъ, Венгерскаго, гдѣ было до семидесяти человѣкъ. Заговорщики такъ разгорячи-

лись, что начали даже своихъ вожаковъ обвинять въ измѣнѣ, за ихъ благоразумную медленность. Артиллеристъ Миллеръ замахнулся даже на Капостаса шпагою, и говорилъ: «ты измѣнникъ, ты присталъ къ намъ, чтобы намъ мѣшать и отдать въ руки враговъ средства къ возстанію. Черезъ пять или шесть дней отнимутъ у насъ оружіе. Враги наши притворяются, будто не знаютъ о томъ, что̀ мы затѣваемъ; они дожидаются только уменьшенія войска, чтобы насъ перехватать.» — «Что же, — отвѣчалъ Капостасъ, — лучше умереть отъ безумнаго человѣка, чѣмъ погибнуть вслѣдствіе несвоевременнаго предпріятія.»

Это совѣщаніе сдѣлалось извѣстнымъ. Игельстромъ приказалъ арестовать Венгерскаго. На снятомъ съ него допросѣ послѣдній объявилъ, что дѣйствительно существуетъ заговоръ произвести возстаніе; главными агитаторами были Чарторыскій, Казиміръ Сапѣга, маршалъ Малаховскій. На что̀ они надѣются? — спросили его. — Венгерскій объявилъ, что говорятъ, будто Вѣна за Польшу и обѣщаетъ тридцать тысячъ войска, Англія даетъ на этотъ предметъ значительныя суммы; думаютъ также, что Пруссія скоро разсорится съ Россіею. Чтобы поддѣлаться къ русскимъ и облегчить судьбу свою, Венгерскій говорилъ, что онъ имѣлъ сношенія съ революціонерами только по денежнымъ дѣламъ, а самъ считаетъ невозможнымъ успѣхъ возстанія въ Польшѣ, что онъ только сдѣлался жертвою собственныхъ ошибокъ и неосновательности національнаго характера. По слѣдствію надъ нимъ, однако, Игельстромъ не открылъ собственно ничего. Всѣмъ было извѣстно, что эмигранты, живущіе за границею, помышляютъ о возстаніи, но эмигрантовъ достать было невозможно; важно было перехватить тѣхъ изъ ихъ соучастниковъ, которые находились въ краѣ. Игельстромъ бросилъ подозрѣніе прежде всего на Заіончека. Но Заіончекъ, предувѣдомленный заранѣе, предупредилъ русскаго военачальника, и не дожидаясь, пока за нимъ придутъ, отправился къ нему самъ. Игельстромъ оборвалъ его самымъ солдатскимъ образомъ, но Заіончекъ хладнокровіемъ и притворствомъ поставилъ его втупикъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что Игельстромъ приказалъ Заіончеку выѣхать изъ Польши. Заіончеку и безъ того уже нужно было выѣзжать и донести посылавшимъ его эмигрантамъ о состояніи Польши, о томъ, что̀ онъ, присмотрѣвшись, могъ въ ней замѣтить. Дзялынскій былъ арестованъ и посланъ въ Кіевъ. Но заговора не открыли.

II.

Игельстромъ. — Мѣры въ Варшавѣ. — Возстаніе Мадалинскаго. — Прибытіе Костюшки въ Краковъ.—Актъ повстанья.—Декларація Игельстрома. —Битва подъ Рацлавицами.—Успѣхъ Костюшки.—Волненіе въ Варшавѣ.—Мѣры русскихъ къ оборонѣ.

Постановивъ законъ объ уменьшеніи польскаго войска, гродненскій сеймъ еще прежде обращался къ Сиверсу съ просьбою о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи ихъ числа въ государствѣ польскомъ. Сиверсъ сообщилъ о томъ Игельстрому, но генералъ-квартирмейстеръ Писторъ представилъ военачальнику, что выводъ русскаго войска преждевременснъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уменьшено польское войско. Игельстромъ пріостановился съ этимъ и разставилъ русское войско около Варшавы, до тѣхъ поръ, пока польское войско не будетъ уменьшено. Тогда началось это уменьшеніе польскаго войска постепенно, и шло всю зиму чрезвычайно лѣниво. Офицеры, оставшіеся внѣ службы, расходились по домамъ, иныхъ изъ нихъ принимали обыватели къ себѣ въ дома̀, и эти отпущенные были самыми рьяными возмутителями. Ихъ положеніе казалось для нихъ тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ нихъ заплатили деньги за свои чины и потратили какое-нибудь скудное имѣніе, чтобы имѣть возможность получать постоянное жалованье, которое теперь у нихъ отнимали.

Въ Варшавѣ русскіе замѣчали, что Польша уже готовится къ чему-то важному, и особенно боялись отпущенныхъ военныхъ, чтобы они не вошли въ столицу, а потому и разставили русское войско тремя концентрическими линіями, такъ что Варшава была трижды окружена русскимъ войскомъ.

Заговорщики очень много разсчитывали на уменьшеніе польскаго войска; съ одной стороны для нихъ подручно было то, что, такимъ образомъ, многіе военные, оставаясь безъ хлѣба, были настроены къ возстанію по крайней необходимости, съ другой, надобно было имъ спѣшить, чтобы предупредить дальнѣйшее уменьшеніе войска. Многихъ польскихъ военныхъ уже завербовали въ русскія и прусскія войска, но они готовы были измѣнить при первомъ случаѣ и пристать къ своимъ, и это послѣднее обстоятельство, производя безпорядокъ въ томъ войскѣ, которое должно будетъ усмирять возстаніе, должно было помогать самому возстанію.

Если Сиверсъ былъ человѣкъ, какъ будто созданный для управленія поляками, то Игельстромъ, его преемникъ, составлялъ съ нимъ въ этомъ отношеніи разительную противоположность.

Сиверсъ, ласковый, любезный въ обращеніи, строгій и рѣшительный въ дѣлѣ, заставлялъ ихъ и бояться себя, и уважать, и даже любить. Отъ этого, когда его смѣнили, многіе поляки приходили къ нему прощаться съ истиннымъ чувствомъ. Сиверсъ гнулъ ихъ, давилъ, но чрезвычайно любезно. Игельстромъ, напротивъ, былъ изъ такихъ господъ, у которыхъ даже самая любезность кажется грубостію. Храбрый и смѣлый, но мало образованный, мало проницательный, онъ началъ вести себя въ Польшѣ такъ, какъ могъ бы, съ бо̀льшимъ правомъ и благоразуміемъ, вести себя въ Азіи. Ему ни почемъ было оборвать пана, наговорить ему дерзостей и не извиниться; вмѣсто того, чтобы въ пору удерживать подозрѣніе и догадку, онъ высказывалъ ее преждевременно, вооружалъ противъ себя, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникамъ поводъ дѣйствовать осторожнѣе; вмѣсто того, чтобы щадить самолюбіе націи, въ высшей степени щекотливой къ собственнымъ истиннымъ и мнимымъ достоинствамъ, Игельстромъ напротивъ при всякомъ случаѣ любилъ показать, что русскіе здѣсь побѣдители, а поляки побѣжденные. Польскіе магнаты и должностныя лица были для него словно русскіе, подначальные ему, офицеры. Съ министрами и съ самимъ королемъ онъ обращался свысока, приказывалъ и предписывалъ, вмѣсто того, чтобы вѣжливо просить, напоминалъ о своемъ полновластіи въ Польшѣ и о ихъ зависимости отъ себя. Мало обнадеживая поляковъ, что подъ властію Россіи имъ будетъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ лучше, онъ только угрожалъ имъ, пугалъ ихъ, и тѣмъ располагалъ къ возстанію. Но въ то же время никто менѣе его не имѣлъ выдержки, энергіи и осторожности, необходимыхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Оскорбляя и раздражая поляковъ своимъ солдатскимъ обращеніемъ, онъ готовъ былъ тѣмъ же полякамъ позволить водить себя за носъ, если они успѣвали къ нему поддѣлаться. Шведъ Бауръ былъ его любимцемъ — человѣкъ слабый, находившійся подъ польскимъ вліяніемъ; Игельстромъ во многомъ, касавшемся управленія, особенно военнаго, смотрѣлъ его глазами. Но болѣе всего надъ нимъ имѣла вліянія графиня Залуская, а черезъ нее и другіе поляки. По отношенію къ военной дисциплинѣ Игельстромъ былъ очень неудовлетворителенъ. Онъ умѣлъ кричать, горячиться, ругаться, выказывать свою власть, но распорядительности у него было мало. Его мало уважали, мало любили и мало боялись. Въ войскѣ у него между офицерами вкрались безпорядки. Современникъ Войда положительно говоритъ, что если бы Сиверсъ не былъ отозванъ, революція не могла бы произойти въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ такъ скоро; одинъ изъ ближайшихъ поводовъ къ ней подалъ именно самъ

Игельстромъ своимъ высокомѣрнымъ поведеніемъ и запальчивымъ характеромъ.

Возстаніе ускорило именно то, что въ половинѣ марта назначенъ былъ послѣдній срокъ уменьшенія польскаго войска. Русская императрица хотѣла затянуть распущенное войско въ свою службу, и потому каждому вступавшему обѣщаны были 90 зл. по выслугѣ 12 лѣтъ, земли и усадьбу. Нехотѣвшимъ вступить въ русскую службу предоставлялась свобода избрать родъ жизни. Современникъ Зёймэ замѣчаетъ, что это необходимое сокращеніе могло быть удобнѣе достигнуто, еслибы только давали отставки и отпуски желающимъ, а не принимали бы вновь никого въ военную службу. Тогда, при содѣйствіи обыкновенной смертности, войска сами собою, въ короткое время, дошли бы до требуемаго количества.

Въ числѣ бригадъ, которыя предназначались къ редукціи, (уменьшенію) была бригада Мадалинскаго, стоявшая въ Остроленкѣ, между Бугомъ и Наревою. Мадалинскій объявилъ, что не хочетъ подчиняться редукціи и написалъ объ этомъ рапортъ въ военную коммиссію. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана, огласила измѣнниками его и ротмистра Зборовскаго. Игельстромъ отправилъ противъ Мадалинскаго генерала Багрѣева, стоявшаго въ Граннѣ, а вслѣдъ за тѣмъ выслалъ изъ Варшавы батальонъ кіевскаго полка, подъ командою Нечаева, и два эскадрона ахтырскаго полка на перерѣзъ Мадалинскому. Узнавъ, что на него идутъ русскіе, Мадалинскій перешелъ Нареву, вошелъ въ ту часть Польши, которая присоединяема была къ владѣніямъ Пруссіи, вступилъ въ Солдау, ограбилъ прусскую военную казну, оттуда бросился къ Вышегроду, перешелъ тамъ Вислу, вторгся въ сендомирское воеводство, и пошелъ къ Кракову, зная, что въ это время тамъ явится Костюшко. Русскіе не могли ни догнать его, ни перерѣзать ему пути. Его шествіе было сигналомъ возмущенія прочихъ войскъ; стоявшія въ сендомирскомъ воеводствѣ войска взбунтовались, пристали къ Мадалинскому и готовились отражать силу силою.

Костюшко успѣлъ недавно съѣздить въ Италію, возвратился въ Дрезденъ и узналъ, что въ Варшавѣ русскіе открываютъ заговоръ, что польскія войска долѣе терпѣть не могутъ и, въ виду уменьшенія ихъ комплекта, поднимаютъ оружіе. Обстоятельства указывали время начинать. Костюшко не считалъ, какъ и его единомышленники, чтобы возстаніе созрѣло, и отваживался на авось. Онъ отправился въ Краковъ. Городъ этотъ давно уже настроенъ былъ въ духѣ революціи. Агентомъ, дѣйствовавшимъ тамъ по распоряженію Костюшки, былъ Ружниц-

кій, поручикъ въ бригадѣ, которою командовалъ вице-бригадиръ Мангатъ. Военные вошли въ заговоръ. Еще 19 ноября 1793 г., они намѣревались-было начать возстаніе, хотѣли обезоружить русскій гарнизонъ, стоявшій въ городѣ подъ начальствомъ подполковника Лыкошина, состоявшій изъ батальона пѣхоты, одного эскадрона (славянскаго полка) и двухъсотъ казаковъ. Но этотъ планъ не удался, потому ли, что не согласились на способы, или потому, что разсудили, что такое преждевременное возстаніе принесло бы только вредъ дѣлу.

Городъ заволновался, услыша, что ѣдетъ Костюшко. Подполковникъ Лыкошинъ, съ своимъ отрядомъ, вышелъ изъ Кракова. Костюшко прибылъ туда въ бричкѣ и остановился у генерала Водзицкаго. Онъ тотчасъ нареченъ былъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа.

Капостасъ прибылъ въ Краковъ изъ Варшавы и купилъ на свой счетъ пять тысячъ косъ для вооруженія крестьянъ. Костюшко отправился съ патріотами въ близкій костелъ Капуциновъ, и тамъ монахи освящали ихъ сабли.

Составленъ актъ повстанья. Кромѣ раздѣла Польши, совершеннаго двумя державами, поводомъ возстанія объявлялось состояніе Польши послѣ Гродненскаго сейма. Оно изображалось такъ: «Царица обрекла Польшу въ жертву своей варварской и ненасытной мести, она попираетъ священнѣйшія права свободы, безопасность собственности, личности, обывательскихъ имѣній; мысли и чувства честнаго поляка не найдутъ убѣжища отъ ея подозрительныхъ преслѣдованій; слово въ оковахъ; только одни измѣнники покровительствуются и совершаютъ безнаказанно всякія преступленія; они разграбили имущества и общественные доходы, отняли у обывателей собственность, раздѣлили между собою должности, какъ добычу послѣ покоренія отечества, и святотатственно, присвоивая себѣ имя народныхъ правителей, служатъ чуждому тиранству. Постоянный Совѣтъ, уничтоженный народною волею, и вновь возобновленный измѣнниками по волѣ московскаго посла, преступаетъ даже тѣ границы, какія онъ съ раболѣпствомъ принялъ отъ того же посла; правленіе, свобода, собственность — все въ рукахъ невольниковъ царицы, подъ защитою введеннаго въ нашъ край иноземнаго войска. Краковскіе обыватели единодушно объявили, что рѣшились или погибнуть подъ развалинами отечества, или освободить родную землю отъ хищническаго насилія и позорнаго ярма, не щадя никакихъ средствъ и пожертвованій». Цѣль возстанія была — освободить Польшу отъ чужого войска и утвердить народную свободу и независимость Рѣчи-Посполитой. Избранному начальнику Ко-

стюшкѣ повѣрялся выборъ и организація высочайшаго народнаго совѣта, устроеніе вооруженной силы, назначеніе лицъ въ военныя должности, право судить и казнить преступниковъ. Высочайшій народный совѣтъ будетъ заботиться о покрытіи всѣхъ военныхъ издержекъ, о рекрутовкѣ войска, о снабженіи его всѣмъ потребнымъ, будетъ назначать сборы, управлять народными имуществами, употреблять ихъ, дѣлать займы, наблюдать за порядкомъ, благочиніемъ и правосудіемъ въ краѣ, отстранять противныя повстанью намѣренія, стараться о снисканіи помощи отъ иностранныхъ народовъ. Этотъ совѣтъ долженъ дѣйствовать посредствомъ воеводскихъ порядковыхъ коммиссій, и краковское воеводство первое возобновляло таковую у себя. По открытіи высочайшаго совѣта, положено устроить верховный уголовный судъ, гдѣ будутъ судимы поступки, совершенные съ цѣлію вредить и препятствовать успѣху повстанья. Всѣ установленныя на время повстанья правительственныя учрежденія не будутъ имѣть права постановлять законовъ. Таково было въ главномъ содержаніе этого акта. Онъ весь покрытъ былъ множествомъ подписей; недоставало бумаги, и многіе подписывали на отдѣльныхъ листахъ, которые потомъ приклеивались и подшивались, такъ что, по замѣчанію очевидца, ихъ можно было легко приставить къ какому-нибудь другому листу.

Этотъ-то актъ, составленный въ Краковѣ, послужилъ руководящею канвою для всего наступившаго потомъ повстанья въ Польшѣ. Вслѣдъ за тѣмъ явился рядъ воззваній къ народу. «Помогайте мнѣ, соотечественники,—писалъ Костюшко,—помогайте всѣми силами, спѣшите съ оружіемъ подъ знамя отчизны! единая ревность къ единому дѣлу должна овладѣть всѣми сердцами, посвятите отечеству часть вашего имущества, которое уже сдѣлалось добычею деспотовъ, не жалѣйте для войскъ нашихъ припасовъ, муки, сухарей, зерна, доставляйте лошадей, рубахи, обувь, простое сукно и полотно на шатры. Благодарность цѣлаго народа будетъ вамъ заплатою». Краковское воеводство положило денежный поборъ, ротные командиры должны были выдавать квитанціи, которыя будутъ приняты при отдачѣ податей. Образована въ Краковѣ порядковая касса, и вслѣдъ за тѣмъ начались признаки революціоннаго террора. У подозрительныхъ дѣлали обыски, перечитывали ихъ бумаги; если подозрѣваемый не оказывался виновнымъ, то давали ему патентъ на очищеніе отъ подозрѣнія. Тогда можно было видѣть и молодыхъ и старыхъ, и умныхъ и глупыхъ, и честныхъ людей и плутовъ, равнымъ образомъ доходившихъ до ярости. То и дѣло

что кричали: «тотъ измѣнникъ, того слѣдуетъ посадить въ тюрьму, заковать въ кандалы, бить и мучить»!

Начались пожертвованія. Кто несъ пистолеты, сабли и ружья, олово на алтарь отечества, кто полотно, рубахи, кто какой-нибудь подсвѣчникъ или чайникъ, кто бубенъ, кто деньги. Замѣчали, что небогатые больше давали сравнительно съ тѣмъ, что жертвовали зажиточные; послѣдніе обыкновенно давали по принужденію, со вздохомъ, а не могли не давать, потому что иначе имъ грозили сдѣлать у нихъ обыскъ и взять насильно. Лихоцкій, типъ спокойнаго мѣщанина, крѣпко жалуется на то, что онъ давалъ, давалъ, а съ него требовали все больше да больше, и говорили: мало даешь, ты бездѣтенъ, и ты президентъ; на тебя глядя, будутъ другіе мало давать! Бѣдному президенту было очень чувствительно давать и давать. «Я было-спряталъ себѣ кое-что на прожитокъ отъ непріятеля, и это хотѣли ограбить и взять у меня земляки и почтенные патріоты въ противность Божіей заповѣди: не пожелай чужого,—все подъ предлогомъ пожертвованія для пользы отечества, а сами они ни одного шеляга не дали».

Въ отвѣтъ на прокламацію Костюшки, Игельстромъ написалъ декларацію (отъ 20 (31) марта); онъ называлъ ее чудовищнымъ соединеніемъ лживыхъ изъявленій патріотизма съ наглымъ покушеніемъ на права собственности, указывалъ, что мятежники осмѣливаются налагать произвольныя контрибуціи и подвергать цвѣтущіе города Рѣчи-Посполитой и ихъ окрестности разбойническому грабежу. «Эти преступленія, выражался онъ, не могутъ оставаться безнаказанными. Войска ея императорскаго величества, которой дорого спокойствіе Рѣчи-Посполитой, получили приказаніе разсѣять мятежниковъ и уже начали свое дѣло съ успѣхомъ. Они перенесутъ свою дѣятельность въ центръ возмущенія и накажутъ злодѣянія дерзкихъ, возставшихъ противъ законной власти. Дай Богъ, чтобы ихъ удары поражали только виновныхъ и ихъ присутствіе оказало покровительство угнетенной невинности; великіе преступники, зачинщики стольких несчастій, должны быть наказаны, съ лицемѣровъ должна быть снята маска, интрига уничтожена; власть правительства должна выказаться ужасною, явить великій примѣръ правосудія и устрашить тѣхъ, которые дерзнутъ соблазнять и увлекать другихъ».

Игельстромъ требовалъ отъ короля и отъ Совѣта, чтобы немедленно созванъ былъ сеймъ и открыты трибуналы, которымъ принадлежитъ судъ надъ такими преступниками, чтобы передъ эти трибуналы были позваны мятежники, которые не убоялись

поставить свои имена на зажигательной и оскорбительной прокламаціи, чтобы не только авторы, но и разнощики этой прокламаціи и всѣхъ вообще подобныхъ листковъ получили наказаніе, равно какъ и тѣ, которые посредственно или непосредственно способствовали ихъ распространенію, а на будущее время со всею бдительностію открывать писателей и разсѣявателей такихъ воззваній и предавать ихъ строжайшему наказанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игельстромъ хотѣлъ показать, что онъ не боится и вѣритъ въ свою силу. Онъ въ концѣ своей декларацiи выразился такъ: «Мятежники, которыхъ безумное бѣшенство требуетъ мщенія, внушаютъ только презрѣніе, если у нихъ отняты средства поддерживать мятежъ, и потому они не могутъ безпокоить насъ. При настоящихъ требованіяхъ нижеподписавшійся имѣетъ единственную цѣль — утвердить въ Польшѣ спокойствіе, въ которомъ она нуждается».

Вмѣстѣ съ Игельстромомъ написалъ декларацію Бухгольцъ, и тоже презрительно отозвался о манифестѣ Костюшки, называлъ «хвастовство его смѣшнымъ», но заявлялъ, что нужно пресѣчь намѣренія преступныхъ начальниковъ возстанія; извѣщалъ, что прусскія войска вмѣстѣ съ русскими войдутъ въ земли Рѣчи-Посполитой для положенія конца духу демагогическаго якобинства, разрушающаго Польшу, и просилъ короля и Постоянный Совѣтъ приказать встрѣтить прусскія войска дружески и давать имъ все необходимое, чтобы они имѣли возможность, вмѣстѣ съ русскими войсками, поскорѣе укротить дерзость преступниковъ и изгнать адскій духъ безначалія и безпорядка, угрожающій сосѣднимъ провинціямъ.

Въ тотъ же день подалъ декларацію и австрійскій посланникъ Декаше. Онъ не ругалъ мятежниковъ, но объявлялъ, что слухъ, распространенный въ Польшѣ, будто вѣнскій дворъ благопріятствуетъ мятежникамъ, ложенъ; вѣнскій дворъ не можетъ поддерживать предпріятія, затѣяннаго въ подражаніе принципамъ, господствующимъ во Франціи.

Второго апрѣля, Станиславъ-Августъ издалъ универсалъ противъ прокламаціи Костюшки. Король убѣждалъ поляковъ не слушаться «обманчивыхъ мечтательныхъ обѣщаній, которыя легко могутъ взволновать сердца, сильно пораженныя свѣжими несчастіями». «Васъ стараются возбудить видимыми надеждами улучшить ваше положеніе и возвратить отобранныя провинціи, но какое время для этого выбрали? Отъ васъ хотятъ, чтобы вы пожертвовали остатками вашего состоянія и малымъ количествомъ звонкой монеты, которая уже становится рѣдкостію въ краѣ. Развѣ вы будете слѣпы настолько, чтобы, въ неразсудительной

ревности, безъ связей, безъ помощи, безъ достаточныхъ средствъ, дать новый предлогъ тѣмъ, которые желаютъ вашей гибели и даже истребленія польскаго имени»?

Въ этихъ строкахъ русскіе увидѣли до нѣкоторой степени сочувствіе дѣлу революціи. Король выставлялъ на видъ какъ бы только несвоевременность начинанія, а не порицалъ самой сути дѣла. Онъ называлъ это дѣло незаконнымъ, но только потому, что оно начинается безъ инціативы со стороны законныхъ властей, слѣдовательно беззаконность дѣла состояла только въ отсутствіи необходимыхъ формъ. Въ заключеніе онъ предписывалъ всѣмъ магистратурамъ, юрисдикціямъ и канцеляріямъ содѣйствовать, чтобы всякое писаніе, противное религіи, достоинству престола, правительству, добронравію, чести гражданъ, священнымъ правамъ собственности и преимуществамъ шляхетскаго сословія, было доставляемо къ свѣдѣнію Постояннаго Совѣта и короля, дабы авторы такихъ зажигательныхъ сочиненій были наказаны.

Игельстромъ отправилъ противъ взбунтовавшагося Мадалинскаго и приставшихъ къ нему войскъ—генерала Денисова, который остановился въ Скальмержѣ и послалъ на непріятеля отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тормасова. Разсчитывая, что у непріятеля силъ еще немного, Денисовъ далъ Тормасову небольшой отрядъ, всего два батальона и двѣ роты пѣхоты, шесть эскадроновъ конницы и казацкій полкъ. Костюшко узналъ, что Мадалинскому угрожаетъ опасность, вышелъ изъ Кракова и соединился съ Мадалинскимъ прежде, чѣмъ достигъ до него Тормасовъ. Съ Костюшкою были бригады Мангета и Валевскаго, Заіончекъ съ народовой конницею и 16 пушекъ. По русскимъ извѣстіямъ, съ нимъ было 7 батальоновъ, 26 эскадроновъ и 11 пушекъ, да до двухъ тысячъ мужиковъ съ пиками и косами. Кромѣ войска, къ Костюшкѣ пришли и приведены были отряды шляхты изъ воеводствъ равскаго, сѣрадзькаго и ленчицкаго — молодые безземельные шляхтичи, которымъ терять было почти нечего.

Враждебныя войска встрѣтились при деревнѣ Рацлавицы. Глубокая долина раздѣляла оба войска. Тормасовъ сдѣлалъ нападеніе. Сначала дѣло шло для русскихъ успѣшно. Народовая конница не выдержала атаки и бѣжала. Но Костюшко, сосредоточивъ свои силы, ударилъ на русскихъ; впередъ бросились косиньеры—хлопы, вооруженные косами; русскаго войска оказалось меньше и оно зашло въ долину, гдѣ неудобно было поворачиваться. Тормасовъ приказалъ пробиваться въ штыки. Но поляки наперли на нихъ такъ сильно, что русскіе не выдержали.

Первый побѣжалъ гренадерскій батальонъ графа Томатиса, побросавъ ружья. Тормасовъ двинулъ въ сѣчу роту полка углицкаго, но эта рота послѣдовала примѣру товарищей и, побросавъ ружья, бѣжала. Держался болѣе другихъ третій батальонъ, но и тотъ наконецъ былъ смѣшанъ и побѣжалъ въ лѣсъ. Полковникъ Муромцевъ съ четырьмя эскадронами бросился на непріятельскую конницу, но былъ убитъ. Русскія пушки достались побѣдителямъ. Русскіе насчитывали убитыми: двухъ штабъ-офицеровъ, десять оберъ-офицеровъ, и рядовыхъ 425. Въ числѣ убитыхъ, кромѣ Муромцева, былъ другой штабъ-офицеръ, подполковникъ Пустоваловъ, отличавшійся прежде своею храбростію. Костюшко двухъ хлоповъ произвелъ въ офицеры за храбрость, оказанную при взятіи русскихъ пушекъ.

Денисовъ между тѣмъ спѣшилъ къ Тормасову на помощь, но было поздно. Костюшко, побѣдивъ русскихъ, отступилъ и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Промника, недалеко отъ Кракова. Туда каждый часъ приходили къ нему новыя силы.

Этотъ первый успѣхъ имѣлъ чрезвычайно важное нравственное вліяніе на поддержку возстанія. Сначала въ Краковъ прибѣжала испуганная и разстроенная народовая конница и въ страхѣ наговорила, что все потеряно, что самъ Костюшко въ плѣну или убитъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Краковъ узналъ противное разглашаемому, а именно, что выигрышъ принадлежалъ хлопамъ, не бывавшимъ въ сраженіи. Народовая конница, какъ извѣстно, составлена была исключительно изъ дворянъ; ротмистры въ ней были лица высокихъ родовъ. Это избранное войско осрамилось теперь въ дѣлѣ. Хлопы, презрѣнные хлопы, считавшіеся неспособными и недостойным ичести служить въ военной службѣ, показали, что они способнѣе спасать отечество, чѣмъ богатыри родовитые. Это приходилось по душѣ Костюшкѣ, съ его американскими понятіями. Радость и надежда наполнили поляковъ. Вѣсть о томъ, что на первой же стычкѣ «москали» разбиты, разнеслась по всей Польшѣ. Если москали разбиты хлопами, то что̀, казалось, будетъ съ этими врагами Рѣчи-Посполитой, когда примутся за нихъ потомки великихъ воителей, какъ только постараются пробудить въ благородной крови жаръ любви къ отечеству? Тѣ, которые до сихъ поръ не вѣрили въ возможность успѣха, теперь стали вѣрить. Но въ то же время усилился въ Краковѣ, главномъ центрѣ революціи, и терроръ. Прибылъ туда Коллонтай. «Этотъ почтенный прелатъ, говоритъ Лихоцкій, пожелалъ управлять казною и поддерживать равенство лицъ и имуществъ страхомъ. Около него столпились горячія головы. Онъ проповѣдовалъ равенство на основахъ французской революціи; мяс-

ники, сапожники, кожевники и всякіе ремесленники находили въ немъ своего идола; негодяямъ, плутамъ, пьяницамъ, также очень нравился такой порядокъ вещей, съ своей точки зрѣнія. Установленъ въ Краковѣ уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ Стадницкаго, изъ семи особъ. Этотъ судъ долженъ былъ, по представленію порядковыхъ коммиссій, судить преступленія противъ революціи».

Игельстромъ передъ началомъ возстанія не ожидалъ его и не принималъ мѣръ къ оборонѣ столицы. Когда Костюшко былъ въ Краковѣ, Игельстромъ, по донесеніямъ своихъ шпіоновъ, воображалъ, что Костюшко въ Римѣ. Правда, Игельстромъ сдѣлалъ нѣсколько арестовъ [1]), но это только раздражало поляковъ, а не помогало русскимъ. Изъ найденныхъ у арестованныхъ лицъ бумагъ видно было, что существующій заговоръ распространился въ Малой Польшѣ, но не отыскано было нитей, за которыя бы можно было схватиться. Одинъ изъ арестованныхъ открылъ, что Капостасъ привозилъ въ Варшаву отъ эмигрантовъ 15,000 черв. для произведенія мятежа, но Капостаса не успѣли схватить: онъ убѣжалъ. Въ Варшавѣ до возстанія Мадалинскаго было русскаго войска всего одинъ батальонъ, да еще двѣ роты стояли за рѣкою въ Прагѣ, тогда какъ столица была наполнена польскимъ войскомъ. Въ сравненіи съ малочисленностію русскаго войска поляки имѣли два батальона коронной гвардіи, два батальона полка Дзялынскаго, пять канонирскихъ ротъ, 6 ротъ разныхъ наименованій, и восемь эскадроновъ конной гвардіи, народовой конницы, королевскихъ улановъ. Варшавскій магистратъ безпрестанно просилъ Игельстрома освободить столицу отъ военныхъ тягостей, а его возлюбленная, графиня Залуская, заставляла его дѣлать все, что только было выгодно для ея единоземцевъ, хотя, быть можетъ, и безъ задней цѣли. Послѣ возстанія Мадалинскаго, Игельстромъ приказалъ усилить варшавскій гарнизонъ; въ городъ введены были изъ окрестностей и изъ-подъ Бреста

[1]) Арестованными русскимъ посланникомъ, по документамъ того времени, значатся: литовскій маршалъ Станиславъ Солтыкъ, Михаилъ Радзишевскій, Мих. Бржостовскій, ксендзъ Францъ-Ксаверій Богушъ, Игнат. Грабовскій, Игнат. Дзялынскій, Ад. Вержейскій, Мих. Дзеконскій, Кириллъ Моравскій, секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Маріонъ Филиберъ, учитель фехтовальнаго искусства въ кадетскомъ корпусѣ Дешампъ, учитель франц. языка Левъ Костъ, маіоръ литовской артиллеріи Спенсбергеръ, наконецъ Бонно, арестованный еще Сиверсомъ. Такой списокъ указанъ впослѣдствіи, когда поляки оправдывали себя въ задержаніи русскаго посольства тѣмъ, что это сдѣлано было въ вознагражденіе за арестованіе поляковъ. Господина, который показывалъ о привозѣ Капостасомъ 15,000 черв., Бухгольцъ въ своемъ письмѣ называетъ Потоцкимъ.

десять гренадерскихъ батальоновъ (днѣпровскаго, сибирскаго и кіевскаго полковъ), шесть эскадроновъ конныхъ егерей, два легкоконныхъ полка (харьковскій и ахтырскій) и полкъ казаковъ подъ начальствомъ маіора Денисова, да еще два казацкихъ эскадрона и отрядъ конвойныхъ казаковъ. Съ этими войсками привезены были двадцать полевыхъ орудій. Прибылъ въ столицу также отрядъ Багрова, преслѣдовавшій Мадалинскаго и состоявшій изъ двухъ батальоновъ и карабинернаго полка. Но для спокойствія города ихъ помѣстили не въ самомъ городѣ, а поближе въ окрестностяхъ, въ Прагѣ, Волѣ и въ подгородныхъ деревняхъ. Только одинъ батальонъ ввели въ самый городъ. Варшава казалась спокойною, а между тѣмъ ненависть къ русскимъ и пруссакамъ достигала крайняго предѣла. Демократическіе клубы сходились тайно по ночамъ, вели сношенія съ провинціями; кипѣла дѣятельная работа. Игельстромъ ничего не могъ открыть. Поляки не только избѣгали всякаго сближенія съ русскими, но даже не хотѣли имъ отвѣчать, когда къ нимъ обращались. Молодежь толпами уходила изъ столицы въ войско Костюшки, въ провинціи, въ чаяніи начать тамъ-и-сямъ возстаніе и подготовлять къ нему жителей. Но когда въ Варшавѣ узнали о пораженіи Тормасова, народъ явно сталъ показывать приближеніе грозы. Игельстромъ приказалъ изъ расположенныхъ въ подгородныхъ поселеніяхъ войскъ вдвинуть въ городъ, но часть ихъ еще оставалась въ Прагѣ. Всего въ городѣ было, по польскимъ извѣстіямъ, 7,948 человѣкъ.

Тѣ поляки, которые доказали свою преданность Россіи, участвовали въ раздѣлѣ Польши и слѣдовательно получили право на довѣріе къ себѣ со стороны русскихъ, увѣряли Игельстрома, что благомыслящіе граждане всѣ противъ мятежа, а сочувствуютъ ему какіе-нибудь пьяницы, мошенники, игроки, которые ради своихъ личныхъ выгодъ желаютъ безпорядка. Игельстромъ такъ довѣрялъ этимъ представленіямъ, что призвалъ къ себѣ президента варшавскаго муниципальнаго совѣта и приказалъ сообщить совѣтникамъ, чтобы они наблюдали за духомъ горожанъ и доносили по начальству обо всемъ. Заносчивый въ обращеніи, безпрестанно и безтактно оскорблявшій каждаго своимъ тономъ, Игельстромъ былъ слабъ на дѣлѣ и довѣрчивъ. Онъ напоминалъ полякамъ, что можетъ съ ними сдѣлать и то, и другое, а когда нѣкоторые совѣтовали ему взять подъ свое управленіе польскій арсеналъ, онъ не рѣшился этого сдѣлать, потому что Рѣчь-Посполитая все еще государство самостоятельное и имѣетъ свое войско, которымъ, притомъ, начальствуютъ люди преданные Россіи. Такимъ дѣйствительно и былъ главноначальствующій, по-

жалованный недавно титуломъ великаго гетмана, Ожаровскій. Но этотъ восьмидесятилѣтній старикъ смотрѣлъ глазами варшавскаго коменданта Циховскаго, и во всемъ довѣрялъ ему, а Циховскій тайно мирволилъ возстанію. Игельстромъ, на предложеніе генералъ-квартирмейстера Пистора о взятіи отъ поляковъ арсенала, сказалъ: «У насъ есть договоръ съ Рѣчью-Посполитою; я не смѣю поступать вопреки договору. Рѣчь-Посполитая съ нами не во враждѣ. Мятежъ затѣваютъ негодяи, противъ которыхъ мы будемъ дѣйствовать съ польскими войсками вмѣстѣ. Взять у нихъ арсеналъ, значитъ раздражить поляковъ и побудить ихъ къ мятежу, когда безъ того они не рѣшились бы на это».

«Такимъ образомъ — говоритъ Пистор — никого изъ насъ не допускали до арсенала; всѣ мы хорошо знали, что тамъ днемъ и ночью льютъ пули и приготовляютъ все, что̀ нужно для орудій».

Поэтому и положено было повѣрить защиту столицы польскимъ войскамъ, вмѣстѣ съ русскими. Генералъ Апраксинъ съ русской стороны, и генералъ Циховскій съ польской, завѣдывали размѣщеніемъ войскъ въ столицѣ. Циховскій постарался взять на долю поляковъ важнѣйшіе по̀сты. Арсеналъ отданъ былъ подъ стражу батальону полка коронной гвардіи и четыремъ артиллерійскимъ ротамъ. Къ пороховымъ магазинамъ поставили другой батальонъ коронной гвардіи, полкъ королевскихъ улановъ и двѣ роты канонировъ. Въ за̀мкѣ поставили королевскую стражу, отрядъ полка коронной гвардіи, четыре эскадрона конной гвардіи и отрядъ канонировъ съ восемью орудіями, да кромѣ того двѣ пушки у гауптвахты. Оставался полкъ Дзялынскаго, простиравшійся, за редукціею, до 600 человѣкъ. Циховскій хотѣлъ-было и его помѣстить у арсенала, но Ожаровскій не согласился: этотъ полкъ уже прежде заклейменъ былъ подозрѣніемъ въ революціонныхъ наклонностяхъ; тарговицкая конфедерація не терпѣла его, помнила, какъ онъ стоялъ вооруженный въ день 3-го мая, и первый присягнулъ новой конституціи. Ожаровскій приказалъ оставить его въ казармахъ, опасаясь, чтобы въ случаѣ возстанія онъ не присталъ къ повстанцамъ. Кромѣ того, часть коронной гвардіи и часть канонировъ оставлены въ своихъ казармахъ. Вообще польскаго войска въ городѣ было не болѣе четырехъ тысячъ.

Русскіе распредѣлились такъ:

Отъ за̀мка, находящагося на берегу Вислы, сначала параллельно Вислѣ, потомъ, уклоняясь отъ нея вправо, идетъ большая улица, носящая названіе Краковскаго предмѣстья до пере-

сѣкающей ее улицы, которой одна половина называется Ординадскою, а другая Варецкою. За этимъ пересѣченіемъ Краковское предмѣстье называется уже Новымъ Свѣтомъ. Между зàмкомъ и пересѣкающею улицею вправо отъ Краковскаго предмѣстья есть обширная площадь, называемая Саксонскою, а далѣе въ глубинѣ ея находится Саксонскій садъ. Эту площадь съ садомъ можно считать пунктомъ раздвоенія города. Прямо за садомъ по направленію къ Вольскимъ рогаткамъ находились казармы конной гвардіи. Сѣверная половина Варшавы была самая населенная часть города. Близъ зàмка находился тѣсно построенный старый городъ, а за нимъ къ западу, почти параллельно одна другой, шли улицы Сенаторская и Долгая (Długa); послѣдняя доходила до площади, называемою Тлумацкою; близъ нея былъ арсеналъ; отъ него правѣе, на пути къ Повонзковской рогаткѣ, были казармы артиллеріи, а на противоположномъ концѣ Долгой улицы упиралась въ нее Закрочимская, и вела по Новому городу къ казармамъ коронной гвардіи до Маримонтскихъ рогатокъ. Между Сенаторскою улицею и Долгою шла, соединяя ихъ поперекъ, Медовая улица съ монастыремъ капуциновъ, и на этой улицѣ жилъ Игельстромъ. Въ этой части города были сосредоточены русскія войска. Кіевскій полкъ занималъ своими ротами площади Маривильскую, Тлумацкую, улицы Медовую, Долгую, Сенаторскую, Бонифратскую, и часть берега Вислы противъ Праги. Тѣсно населенная часть города, называемая Старымъ городомъ, оставалась незанятою. Предполагалось въ случаѣ мятежа зажечь ее. На другой половинѣ отъ Саксонскаго сада расположенъ былъ сибирскій полкъ; первый батальонъ его занималъ, подъ начальствомъ полковника Гагарина, Краковское предмѣстье, сосредоточиваясь у костела св. Креста и начала Свято-крестовой (Swiętokrzyżska) улицы; второй стоялъ за Саксонскимъ садомъ, на Грибовѣ, и на улицѣ Твердой; третій у рогатокъ Вольской и Іерусалимской. Эти два батальона, съ прикомандированными къ нимъ двумя эскадронами харьковскаго полка, составляли бригаду подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухтелена. Конница преимущественно располагалась на Новомъ Свѣтѣ. Побаивались болѣе всего полка Дзялынскаго, котораго казармы находились направо отъ Новаго Свѣта, и на случай измѣны при появленіи повстанцевъ онъ могъ первый начать непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ; поэтому сдѣлали распоряженіе о сообщеніи между собою войскъ и назначили подполковнику Клюгену съ батальономъ екатеринославскихъ егерей и подполковнику Игельстрому съ двумя эскадронами стоять на двухъ мѣстахъ, по которымъ полкъ Дзялынскаго долженъ

былъ проходить изъ своихъ казармъ, чтобы преградить ему путь въ случаѣ нужды.

Костюшко, усилившись взятыми у русскихъ орудіями и новымъ наборомъ рекрутовъ, угрожалъ Варшавѣ. Ему представлялось два пути: онъ могъ напасть на прусскія войска, или идти на столицу. По замѣчанію Пистора, близко знакомаго съ дѣломъ, еслибы Костюшко выбралъ первое, то для него было бы лучше. Командовавшій прускими войсками графъ Шверинъ распоряжался очень неблагоразумно: онъ распустилъ своихъ военныхъ въ отпускъ, не заботился ни о продовольствіи, ни о снарядахъ, ни о палаткахъ, не устроилъ полевой пекарни; онъ считалъ польское возстаніе ничтожнымъ дѣломъ. Костюшко конечно разбилъ бы его на голову и чрезъ то придалъ бы возстанію нравственную силу, поднялъ бы на ноги всю западную Польшу. Но Костюшко предпочелъ прежде овладѣть Варшавою. Услышавъ о его намѣреніи, Игельстромъ собралъ военный совѣтъ. Было два мнѣнія: одни говорили, что слѣдуетъ покинуть Варшаву и идти въ Сендомирское воеводство и уничтожить Костюшку; другіе представляли, что оставить Варшаву, центръ патріотическаго движенія, значитъ усилить возстаніе и оставить позади себя врага, и сознаться передъ поляками, что ихъ боятся; рѣшили отправить противъ Костюшки отрядъ генерала Хрущова, состоявшій изъ трехъ батальоновъ, десяти эскадроновъ, казацкаго полка, съ четырьмя пушками. Онъ долженъ былъ охранять переправу на рѣкѣ Пилицѣ, а изъ Варшавы тѣми силами предполагалось заходить уже тогда, когда Костюшко будетъ недалеко.

Игельстромъ, поддаваясь полякамъ, увѣрявшимъ его, что громада жителей столицы не пристанетъ къ Костюшкѣ, чувствовалъ, однако, слабость своихъ силъ, еслибы случилось иначе, а ему доносили, что уже въ Холмѣ, Люблинѣ, Владимірѣ, Луцкѣ завелись клубы и готовится открытое возстаніе, что и Литва готова идти за Короною, что повсюду успѣхи Костюшки возбуждаютъ поляковъ къ возстанію. Въ Коронѣ русскихъ войскъ всего было 18,000, кромѣ стоявшихъ въ Варшавѣ. Въ письмахъ своихъ въ Петербургъ, Игельстромъ умолялъ о присылкѣ свѣжихъ силъ, замѣчалъ, что на прусскія войска надежда плоха. «Богъ знаетъ, гдѣ дѣлась эта сила, которая прежде такъ заявляла себя. Они только хитрятъ и всего боятся. Батальоны у нихъ состоятъ человѣкъ изъ 200, а эскадроны изъ 250. Меня страшатъ тайные враги и шпіоны. Не знаю, что̀ буду дѣлать безъ помощи союзниковъ и безъ свѣжихъ войскъ моей государыни, тѣмъ болѣе, что нужно отдалить отъ нашихъ границъ опасное возстаніе мужиковъ».

III.

Янъ Килинскій.—Приготовленія къ варшавской революціи.

Тотчасъ по составленіи краковскаго повстанья, Костюшко отправилъ къ варшавскому магистрату актъ краковскаго воеводства и просилъ пристать къ дѣлу возстанія; это воззваніе прочитано было въ магистратѣ радными. Всѣ только смотрѣли другъ на друга, всѣ другъ друга боялись, чтобы одинъ другого не выдалъ. Осмѣлился высказаться одинъ изъ радныхъ, Янъ Килинскій, башмачникъ: «не постараться ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, оказать Костюшкѣ помощь въ его предпріятіи?» Но президентъ съ другими товарищами были противъ этого; Килинскій самъ спохватился, и убоявшись, чтобы объ немъ не донесли русскому военачальнику и чтобы не пришлось за патріотизмъ посидѣть въ тюрьмѣ, извинялся въ сказанномъ. Но самъ Килинскій тайно работалъ въ пользу возстанія.

Игельстромъ употребилъ полицейскія мѣры, чтобы до варшавянъ не доходили слухи о пораженіи русскихъ, но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти мѣры приводили только къ тому, что вѣсти о событіи, столь отрадномъ для польскаго сердца, принимали баснословные, преувеличенные размѣры. Уже у многихъ варшавянъ возстаніе было на умѣ и на словахъ, не доставало еще опредѣленной мысли, твердой рѣшимости, ни обдуманныхъ средствъ; нуженъ былъ руководитель, который бы могъ собрать около себя патріотическія побужденія и направить къ дѣлу. Килинскій задумалъ быть этимъ руководителемъ. А между тѣмъ дѣлалось все, чтобы раздражить и взволновать умы. Такимъ образомъ, давали на театрѣ пьесу Богуславскаго: «Кракусы», смѣшеніе драмы, оперы и балета въ народномъ духѣ. Мошинскій, тогдашній маршалъ, не нашелъ ее предосудительною, ибо въ ней не было ничего политическаго, а только свое, народное, и позволилъ играть. Она казалась до того невинною, что даже русскіе военные музыканты наигрывали изъ нея мотивы. Всѣ понимали, что одно названіе «кракусы» указывало на Костюшку и на зачинавшееся въ Краковѣ возстаніе. «Мы были на представленіи, говоритъ бывшій въ Варшавѣ нѣмецъ, и сами почувствовали глубокое, поразительное впечатлѣніе. Пѣвецъ на сценѣ вставлялъ прибавки и дѣлалъ перемѣны въ пьесѣ, примѣнимыя къ текущимъ событіямъ». Игельстромъ приказалъ запретить, но уже тогда, когда она, между прочимъ, сдѣлала свое дѣло. Килинскій, одинъ изъ виновниковъ возстанія, составилъ объ этомъ

дѣлѣ подробный разсказъ, но къ сожалѣнію онъ весь проникнутъ такимъ безмѣрнымъ хвастовствомъ и явными выдумками, что пользоваться имъ можно только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, не носитъ явныхъ слѣдовъ очевиднаго вымысла. По этому разсказу, Килинскій вмѣстѣ съ ксендзомъ Мейеромъ отправился въ кофейную поіезуитскаго коллегіума, и тамъ нашелъ толпу офицеровъ, которые объявляли о себѣ, что они патріоты и сторонники возстанія, и хотѣли узнать мнѣніе Килинскаго.

«У меня одна душа, сказалъ Килинскій, и ту отдамъ на защиту отечества».

—А скажите откровенно, какъ вы думаете о революціи? спросили его.

«Я—сказалъ Килинскій—спрошу у васъ, много ли особъ въ заговорѣ?»

Они сказали, что не знаютъ этого.

«А есть у васъ изъ посольства такой, чтобы могъ стать на челѣ народа?»

—Будемъ просить пана Закржевскаго,—сказали офицеры—онъ популяренъ въ городѣ.

«А мое мнѣніе такое, сказалъ Килинскій: есть у меня дядя въ Прагѣ, панъ Кіянскій, онъ коммиссаромъ при мостѣ. Я сдѣлаю то, что онъ прикажетъ свезти всѣ перевозы на середину Вислы, чтобы москали изъ Праги не могли подать помощи тѣмъ изъ своихъ, которые находятся въ Варшавѣ, и обратно, чтобы изъ столицы никто изъ москалей не могъ уйти на другой берегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно посполитству стеречь всѣ рогатки, чтобъ москаль не убѣжалъ, а я самъ буду стараться, сколько моихъ силъ, поднять горожанъ. Вы же назначьте день и начинайте революцію. Нужно только, чтобы обыватели были заранѣе увѣдомлены объ этомъ дѣлѣ, чтобы каждый былъ готовъ».

За эти слова всѣ расцѣловали Килинскаго, а онъ ихъ просилъ къ себѣ, сказавши имъ, что живетъ на улицѣ Дунай, подъ № 145.

Вслѣдъ за тѣмъ разговоръ перемѣнился; начали болтать о женщинахъ, хвастались подвигами волокитства. Килинскому это чрезвычайно не понравилось. «Это временные патріоты», подумалъ Килинскій, и сталъ жалѣть, что былъ съ ними слишкомъ откровененъ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, явился къ Килинскому офицеръ и просилъ идти съ нимъ къ Игельстрому. «Ну, теперь придется посидѣть какой-нибудь мѣсяцъ въ тюрьмѣ», подумалъ Килинскій, и сталъ собираться, но офицеръ замѣтилъ ему, чтобы онъ поторопился, иначе онъ его поведетъ публично по улицѣ.

Тогда Килинскій понялъ, что его зовутъ не за добромъ, схватилъ ножъ и воткнулъ его себѣ за голенище. «Если бы, говорилъ онъ, Игельстромъ велѣлъ меня посадить, я бы и его и себя убилъ». Однако онъ сознаетъ очень наивно, что когда они подходили къ помѣщенію Игельстрома, то икры у него дрожали отъ страха. Его ввели къ Игельстрому. Русскій генералъ спросилъ: «Ты Килинскій?» и получилъ утвердительный отвѣтъ. «Ты башмачникъ?» спросилъ русскій генералъ. — Да, отвѣчалъ башмачникъ. Игельстромъ по своему обыкновенію выпустилъ на него словарь ругательствъ—бестія, бунтовщикъ, измѣнникъ, шельма, мерзавецъ, каналья, и прочее и прочее, съ разными приправами. Килинскій спрашивалъ: «чѣмъ я виноватъ, какой я бунтовщикъ?» а Игельстромъ прервалъ его словомъ «молчать!» и снова угостилъ его разными ругательствами и заключилъ такими словами: «я велю тебя, каналья, повѣсить передъ капуцинами на новой висѣлицѣ.»

Наругавшись вдоволь, Игельстромъ сталъ охладѣвать и болѣе спокойно сказалъ: «Ну что̀, дуракъ, думаешь?» — Позвольте мнѣ объясниться, просилъ Килинскій. Игельстромъ сказалъ: «говори.» — Позвольте спросить, за что вы на меня гнѣваетесь, до сихъ поръ я не вижу, въ чемъ мое преступленіе? Игельстромъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ оттуда бумагу. «Слушай», сказалъ онъ Килинскому, и началъ читать.

Это было донесеніе лазутчиковъ Игельстрома: описано было съ чрезвычайною точностію и правдивостію все, что̀ говорилъ Килинскій офицерамъ въ поіезуитской кофейнѣ. «Видишь, бестія, каналья, мерзавецъ? что̀ ты дѣлалъ. Вотъ велю поставить висѣлицу и повѣсить тебя.»

«Ясно было — говоритъ Килинскій — кто-то меня предалъ, и еслибы я узналъ, кто это такой, то послѣ успѣха революціи наградилъ бы его первой висѣлицей».

Давши еще время Игельстрому побраниться, Килинскій сказалъ такъ: «Ясневельможный панъ добродѣй! Хоть я и кажусь передъ тобою виновнымъ, но кто же къ этому далъ поводъ, какъ не вы сами? А вотъ какимъ образомъ: третьяго дня былъ у васъ президентъ; вы поручили ему просить насъ всѣхъ, радныхъ, отъ вашего имени, чтобы мы ходили по кофейнямъ, распивочнымъ и бильярднымъ и слушали, что̀ говорятъ шулеры и прочіе о бунтѣ, а объ немъ говорятъ уже громко, и люди затѣваютъ бунтъ — если кто изъ насъ о чемъ-нибудь узнаетъ, тотъ долженъ донести президенту, а президентъ тотчасъ доложитъ вамъ или прикажетъ самъ арестовать говорящихъ. Президентъ, воротившись отъ васъ къ намъ въ ратушу, отъ вашего имени просилъ всѣхъ радныхъ

угодить желанію вашему, и я, узнавъ о такомъ желаніи вашемъ, старался отыскать говорящихъ о бунтѣ, и затѣмъ вчера вечеромъ отправился въ такое мѣсто, гдѣ собирались подобные люди толковавшіе о бунтѣ, и какъ я къ нимъ вошелъ, они меня подговаривали. Я долженъ былъ прикинуться передъ ними и отвѣчать, что хочу съ ними принадлежать къ бунту, иначе я не узналъ бы отъ нихъ ничего. Я говорилъ точь-въ-точь тѣ самыя слова, за которыя обвиняюсь, но еслибы я имъ отвѣчалъ, что не хочу принадлежать къ нимъ, такъ они бы меня вытолкали, а можетъ быть гдѣ-нибудь въ уголку и убили изъ боязни, чтобы я не донесъ объ нихъ вамъ. Наблюдатель, который нарочно назначенъ для вывѣдыванія, долженъ необходимо прикинуться великимъ патріотомъ, если хочетъ что-нибудь узнать; такъ и я долженъ былъ поступить, и потому говорилъ всѣ эти слова для того, чтобы узнать отъ нихъ, что̀ они замышляютъ. Еслибы вашъ агентъ не донесъ объ нихъ, я уже самъ началъ-было писать объявленіе и хотѣлъ подать президенту списокъ именъ и прозваній этихъ людей, чтобы онъ сообщилъ вамъ для арестованія ихъ, потому что мы не смѣемъ арестовать офицеровъ, и я ихъ зазывалъ къ себѣ для того, чтобы тогда, какъ они придутъ, послать за городскимъ карауломъ и велѣть посадить ихъ въ ратушѣ, какъ бунтовщиковъ, и донести президенту; еслибы они ко мнѣ пришли, я бы непремѣнно такъ съ ними поступилъ, только вы уже знаете объ нихъ, такъ мнѣ уже нечего дѣлать вамъ донесенія. Теперь разсудите, ясневельможный панъ, кто изъ насъ виноватъ: еслибы вы не просили объ этомъ, я бы конечно между ними не былъ. Если вы мнѣ не вѣрите, пошлите за президентомъ, пусть онъ самъ скажетъ, что онъ насъ всѣхъ, радныхъ, просилъ отъ вашего имени; а затѣмъ вы будете слышать и о другихъ, которые будутъ по всей Варшавѣ искать толкующихъ о бунтѣ, а ваши шпіоны, не зная этого, на насъ станутъ вамъ доносить».

Игельстромъ вынесъ изъ кабинета другое донесеніе; то былъ доносъ на другихъ членовъ магистрата (то были Тыкель, Лалевичъ и Балферсъ). «Что же? и ихъ также просилъ президентъ?» сказалъ онъ. — Такъ точно, просилъ, отвѣчалъ Килинскій. — Игельстромъ началъ успокоиваться, и Килинскій сказалъ: «Если вы, ясневельможный панъ добродѣй, не примете во вниманіе моего извиненія, то я буду съ своими товарищами искать судомъ на президентѣ; значитъ, онъ насъ подвелъ своими словами; значитъ, вы его не просили, а онъ, чтобы вамъ прислужиться, самъ выдумалъ и насъ просилъ, чтобы насъ подвести». — «Да, я точно просилъ президента, сказалъ Игельстромъ, чтобы онъ старался

удерживать спокойствіе. Извините меня, г. Килинскій, что я погорячился и оскорбилъ васъ». Онъ велѣлъ принести ликеру и угощалъ Килинскаго.

«Если будете узнавать и вѣрно доносить о намѣреніяхъ бунтовщиковъ, сказалъ онъ, то получите награду. А много ли у васъ пріятелей, которыхъ вы обѣщались доставить бунтовщикамъ?» — «Еслибы, отвѣчалъ Килинскій, вы изволили огласить, что я подъ арестомъ, то увидѣли бы изъ окна, сколько у меня пріятелей. Позвольте только, я въ одинъ часъ поставлю вамъ тридцать тысячъ изъ ремесленниковъ, все тѣхъ, которые меня выбрали въ должность раднаго въ магистратѣ».

«О, какой вы опасный человѣкъ, сказалъ, засмѣявшись, Игельстромъ. Ступайте домой, а то они еще сюда за вами придутъ».

И Килинскій спокойно ушелъ домой.

«Я такъ былъ доволенъ, замѣчаетъ Килинскій, какъ будто бы въ другой разъ на свѣтъ родился. Богъ спасъ и его и меня отъ смерти; еслибы не такъ, то я и его и себя убилъ бы ножомъ».

Съ тѣхъ поръ Килинскій, находясь подъ покровительствомъ и благосклонностію главнаго русскаго начальника, могъ свободно и успѣшно работать для распространенія заговора.

Патріотизмъ однако на словахъ былъ сильнѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Въ Варшавѣ было особенно много такихъ, какимъ былъ Лихоцкій въ Краковѣ, то-есть предпочитавшихъ всему на свѣтѣ собственную безопасность и выгоду; много было такихъ, которые способны были воспламеняться, кричать противъ насилія, восхвалять Костюшку, величать свободу и независимость, но когда все это, прекрасное и привлекательное въ отдаленіи, приближалось и становилось лицомъ къ лицу съ тяжелою необходимостью жертвовать жизнію и имуществомъ, то жаръ къ возстанію у нихъ охладѣвалъ. Надобно было, чтобы Варшаву возбудило что-нибудь явно опасное, черезчуръ страшное, что-нибудь такое, что̀ требовало бы безотлагательныхъ мѣръ къ спасенію.

Игельстромъ успѣлъ въ послѣдніе дни раздражить поляковъ еще болѣе. По сношенію съ прусскимъ военачальникомъ Шверином, условились, что генералъ Хрущовъ вмѣстѣ съ пруссаками будетъ дѣйствовать наступательнымъ образомъ противъ Костюшки, а въ Варшаву на помощь русскимъ Шверинъ пришлетъ отрядъ прусскихъ войскъ. По этому соглашенію и явился подъ Варшаву прусскій генералъ Вольки съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ батальона пѣхотнаго полка и шести эскадроновъ драгунъ съ двумя орудіями. Съ появленіемъ пруссаковъ, вообще, въ то время болѣе ненавистныхъ для поляковъ, чѣмъ русскіе, начался ропотъ. Думали, что пруссаки

займутъ городъ, и магистратъ обратился къ Игельстрому съ просьбою, не допускать этого. Игельстромъ отвѣчалъ, что не пуститъ прусаковъ въ городъ только съ такимъ условіемъ, если городъ будетъ спокоенъ. И дѣйствительно, городъ послѣ того сталъ какъ будто спокойнѣе, перестали появляться плакарды, но патріоты толковали, что появленіе пруссаковъ у воротъ Варшавы есть предвѣстіе чего-то рокового для Польщи, волновали умы опасеніями, побуждали къ мысли о необходимости предупредить бѣду общимъ возстаніемъ. Но еще болѣе послужило для волненія Варшавы другое обстоятельство. Килинскій вмѣстѣ съ соумышленникомъ своимъ ксендзомъ Мейеромъ продолжали работать неутомимо. Килинскій старался ввести въ заговоръ ремесленниковъ, а Мейеръ обывателей и офицеровъ. Килинскій собралъ у себя сходку и объявилъ, будто у Игельстрома есть такое злодѣйское намѣреніе: въ вечеръ великой субботы, когда народъ уйдетъ на резурекцію, москали отнимутъ у поляковъ арсеналъ, запрутъ народъ въ костелахъ, поставивъ на караулахъ своихъ солдатъ, одѣтыхъ для обмана въ польскіе мундиры, и начнутъ избіеніе патріотовъ. «Мнѣ, говорилъ онъ, секретъ объ этомъ сообщилъ одинъ офицеръ-москаль изъ канцеляріи Игельстрома; онъ пришелъ ко мнѣ покупать башмаки своей любовницѣ, и сказалъ: забери жену и дѣтей и уходи изъ Варшавы недѣли на двѣ. Я спрашивалъ, что̀ это значитъ, и онъ открылъ мнѣ, что въ великую субботу въ Варшавѣ будутъ васъ рѣзать. Москали хотятъ взять у васъ арсеналъ обезоружить все ваше войско и перебить тѣхъ, которые будутъ защищать арсеналъ, а если имъ не удастся взять арсенала, то Игельстромъ далъ приказаніе зажечь Варшаву и все что̀ можно, ограбить въ ней и вывезти изъ нея. Для доказательства онъ указалъ мнѣ на московскія орудія, поставленныя по близости костеловъ. Онъ открылъ мнѣ, что этотъ совѣтъ подали Игельстрому два измѣнника наши, гетманъ Ожаровскій и епископъ Коссаковскій. Коссаковскій съ этою цѣлью издалъ приказаніе, чтобы во всѣхъ костелахъ резуррекція началась непремѣнно въ одинъ часъ, именно въ восемь часовъ, а Ожаровскій приказалъ польскимъ командирамъ дѣйствовать противъ польскаго народа вмѣстѣ съ москалями, когда нужно будетъ. Кромѣ того, тотъ же офицеръ открылъ мнѣ по секрету, что въ Прагѣ у москалей приготовлено шесть сундуковъ острыхъ ножей; этими ножами москали будутъ рѣзать поляковъ, а чтобы не пропали при этомъ и такіе, которые продали себя Москвѣ, такъ Игельстромъ приказалъ надѣлать маленькихъ деревянныхъ табакерокъ съ печатью изъ сургуча и раздать ихъ всѣмъ тѣмъ, которые не подпадали подъ роковой приговоръ.»

Послѣ такого страшнаго донесенія, восемь офицеровъ отправились сейчасъ же повѣрить, точно ли поставлены московскія орудія вблизи костеловъ, и нашли, что дѣйствительно орудія поставлены такъ точно, какъ говорилъ Килинскій. Это входило въ планъ распоряженій объ охраненіи города, сдѣланныхъ Циховскимъ. Вдобавокъ, Килинскій указалъ даже на сосѣда своего, портного, который будто бы получилъ заказъ нашить для москалей польскіе мундиры; нетрудно было расположить портного подтвердить эту сказку. Килинскій прибѣгнулъ къ этимъ выдумкамъ для того, что иначе не видѣлъ возможности подвинуть народъ къ возстанію: только явная, близкая опасность и необходимость защищать жизнь могли соединить поляковъ и направить къ желанному дѣлу. Ему помогали ксендзы, и они-то болѣе всего содѣйствовали тому, что взрывъ совершился скоро. Однимъ Мейеромъ не ограничивалась его дружба съ духовными. Другіе ксендзы говорили на исповѣдяхъ, что москали хотятъ перебить варшавянъ, возбуждали горожанъ именемъ короля и вѣры и заранѣе сулили отпущеніе грѣховъ.

Вѣсть Килинскаго разошлась съ быстротою молніи по всей Варшавѣ, и на возстаніе были готовы сейчасъ же десятки тысячъ горожанъ: шло дѣло о спасеніи собственной ихъ жизни. Выдумки Килинскаго казались правдоподобными еще и оттого, что между русскими и поляками и безъ того происходили уличныя ссоры, и при этомъ русскіе отпускали полякамъ ругательства и угрозы, которыя легко было согласить съ извѣстіями Килинскаго; такъ, напр., поляки хвастали передъ русскими тѣмъ, что Костюшко одержалъ побѣду надъ москалями, а русскіе говорили: «А вотъ забунтуйте только, такъ мы Варшаву сожжемъ. Смотрите, чтобъ съ васъ не было ветчины на пасху.»

Насколько въ этой баснѣ было зачатковъ правды, опредѣлить трудно, но кажется, что Ожаровскій и Коссаковскій дѣйствительно пришли къ тому убѣжденію, что арсеналъ оставлять въ рукахъ поляковъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ опасно, и нужно, чтобы онъ быстро перешелъ въ руки русскихъ. Было очень сподручно воспользоваться для этой цѣли тѣмъ временемъ, когда народъ придетъ на резуррекцію. Служившій тогда въ русской службѣ нѣмецъ Зейме говоритъ также, что Игельстромъ хотѣлъ захватить арсеналъ именно потому, что надѣялся выступить противъ Костюшки, о которомъ безпрестанно доносились вѣсти, что онъ приближается къ Варшавѣ, хотя Зейме и прибавляетъ, что онъ навѣрное не знаетъ. Обстоятельства вынуждали эту мѣру, какъ крайне необходимую, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что Игельстромъ хотѣлъ это сдѣлать. Рѣдкій пре-

минулъ бы пойти въ храмъ на резуррекцію. Въ то время русское войско могло овладѣть арсеналомъ, пороховыми складами и казармами. Что Игельстромъ былъ тогда въ большой тревогѣ, видно и потому, что въ апрѣлѣ онъ обратился къ Постоянному Совѣту и требовалъ отъ него арестованія двадцати шести подозрительныхъ лицъ. Постоянный Совѣтъ, въ 11 часовъ утра, отправилъ къ Игельстрому канцлера Сулковскаго съ представленіемъ. Игельстромъ отказалъ ему. «Едва возвратился Сулковскій въ засѣданіе Постояннаго Совѣта, какъ съ нимъ сдѣлался смертельный апоплексическій ударъ, и это избавило его отъ висѣлицы, которая иначе суждена была бы ему наравнѣ съ другими», говоритъ современникъ Война.

Килинскій между тѣмъ обращался къ нѣкоторымъ военнымъ и получилъ отъ многихъ уклончивые отвѣты. Такимъ образомъ, обратился онъ къ ротмистру Панговскому, записавшемуся въ число мѣщанъ, и тотъ отказался. Легко приставали къ договору только низшіе офицеры. 15 апрѣля, на страстной недѣлѣ во вторникъ вечеромъ было большое засѣданіе заговорщиковъ, въ казармахъ, куда были приглашены, кромѣ офицеровъ, цеховые мастера. Чтобы не подать на себя подозрѣнія, они шли на мѣсто сходки разными улицами. Сборище было въ квартирѣ поручика Кубицкаго. Тамъ положено, за неимѣніемъ начальниковъ изъ знатныхъ чиновъ, выбрать вождя въ своемъ полку изъ тѣхъ офицеровъ, которые были въ заговорѣ. Изъ офицеровъ артиллеристы дѣйствовали дружнѣе всѣхъ. Эта часть войска, вмѣстѣ съ полкомъ Дзялынскаго, давно уже рвалась къ революціи. Но дзялынцы не довѣряли своему полковнику Гауману.

Днемъ возстанія назначенъ четвергъ, въ три часа пополудни. Распредѣлено, гдѣ кому стоять, куда идти и какъ начинать.

По полкамъ штабъ-офицеры были люди противные революціи, дорожившіе своимъ положеніемъ или привязанные ко двору. Даже и тѣ немногіе въ артиллеріи, которые, будучи немолодыми, раздѣляли патріотическія побужденія, были черезчуръ осторожны; они желали революціи, но считали, что еще время къ ней не доспѣло. Молодежь не рѣшалась повѣрить имъ своей тайны. Планъ былъ составленъ такой: отрядъ изъ мѣщанъ, подъ начальствомъ Килинскаго, постарается схватить Игельстрома въ его помѣщеніи, все же польское войско нападетъ на русскіе отряды въ разныхъ мѣстахъ и будетъ помогать мѣщанамъ. Если послѣдніе встрѣтятъ сопротивленіе въ Медовой улицѣ, то предполагали захватить порохъ, чтобы его не сожгли русскіе. Въ среду Килинскій молился въ церкви за успѣхъ своего дѣла, исповѣдывался и очистилъ совѣсть ксендзовскимъ разрѣшеніемъ, а

потомъ цѣлый день ѣздилъ въ каретѣ отъ одного къ другому, посѣщалъ старшихъ цеховыхъ и далъ имъ инструкцію, гдѣ кому стоять съ своими ремесленниками. Килинскій назначилъ тремъ стамъ ремесленникамъ быть у уяздовскихъ казармъ готовыми на помощь полку Дзялынскаго, по сту человѣкъ у каждой заставы на караулъ; толпу распущенныхъ изъ службы солдатъ до четырехсотъ человѣкъ послалъ къ казармамъ коронной гвардіи. Главную силу возстанія онъ думалъ направить на домъ русскаго посольства, чтобы внезапно схватить Игельстрома. Его безпокоило поведеніе полковника полка Дзялынскаго, Гаумана. Въ пять часовъ вечера ему далъ знать изъ этого полка маіоръ Зайдлицъ, что Гауманъ не расположенъ приставать къ возстанію. Килинскій, увѣренный въ томъ, что офицеры этого полка съ нимъ заодно, отправился туда, сговорился съ ними и пошелъ къ полковнику съ тремя обывателями, у дверей стали офицеры? «Полковникъ! сказалъ онъ Гауману — къ вамъ пришли обыватели отъ народа; не извольте отвергать ихъ просьбы; народъ полагаетъ на васъ надежду и проситъ васъ нашими устами: будьте на челѣ вашего полка и всѣхъ насъ. Времени осталось мало до начала революціи; дайте намъ благосклонный отвѣтъ?»

Гауманъ былъ озадаченъ этою внезапностію, смѣшался, не зналъ что̀ отвѣчать. Килинскій продолжалъ: «теперь не время обдумывать; кто не за насъ, тотъ противъ насъ!»

«Вы всѣ пропадете — сказалъ Гауманъ — вы сейчасъ же будете арестованы!»

Тогда Килинскій, если вѣрить разсказу его самого, вынулъ изъ-за голенища большой ножъ и сказалъ:

«Панъ полковникъ! знайте, что вы пропадете сейчасъ, если намъ откажете; полковыя знамена взяты, и вы у насъ подъ арестомъ; либо произносите присягу на вѣрность, и мы поставимъ васъ въ ряду достойныхъ славы, либо вы окончите жизнь вашу позорно».

Съ этими словами онъ положилъ передъ нимъ присяжный листъ и, растворивъ дверь, сказалъ стоявшимъ тамъ офицерамъ: «почтенные офицеры! Вашъ полковникъ за насъ, а не противъ насъ!»

Полковникъ преклонилъ колѣно, произнесъ присягу, поцѣловался съ Килинскимъ и его товарищами, приказалъ принести бутылку вина, роспилъ ее съ гостями и офицерами и розыгрывалъ изъ себя пламеннаго патріота. Килинскій, уходя, замѣтилъ офицерамъ, что полковнику не надобно слишкомъ довѣрять и слѣдуетъ смотрѣть за нимъ.

Въ арсеналѣ сидѣли офицеры подъ арестомъ за проявленіе

патріотизма, а караульные офицеры, наблюдавшіе надъ ними, были въ заговорѣ. Килинскій, узнавъ объ этомъ отъ другихъ офицеровъ, поѣхалъ туда и просилъ зарядовъ. Солдаты, по приказанію офицеровъ, наклали ему въ платокъ шесть тысячъ пистоновъ и Килинскій отвезъ ихъ въ каретѣ домой, потомъ поѣхалъ въ другой разъ и набралъ еще узелъ патроновъ. Возвращаясь уже ночью, Килинскій у костела св. Троицы встрѣтилъ отрядъ королевскихъ улановъ, дѣлавшихъ ночной обходъ. Эти уланы три дня тому назадъ прибыли въ Варшаву. Обратившись къ начальнику улановъ Зелинскому, онъ объявилъ ему, что у него есть важное дѣло, которое онъ намѣренъ ему открыть, и просилъ его зайти въ кофейню выпить съ нимъ вина. Сначала офицеръ отговаривался должностію, но потомъ извинилъ себя тѣмъ, что обходъ уже кончался, отпустилъ своихъ солдатъ и отправился съ Килинскимъ къ купцу Брайниху въ кофейню. Наливая ему вина, Килинскій сталъ говорить: «Мосци добродѣй! я знаю, что вы охранитель нашей отчизны, вы польскій воинъ, скажите, прошу васъ, извѣстно ли вамъ, что завтрашній день москали хотятъ взять у насъ арсеналъ, обезоружить нашихъ солдатъ или же перебить ихъ и даже самую Варшаву сжечь вмѣстѣ съ нами? Я доложу вамъ, что мы, посполъство, рѣшились не допустить москалей овладѣть нашимъ арсеналомъ, будемъ всѣми силами защищать жолнеровъ нашихъ. Извѣстно ли вамъ это или нѣтъ? Мы уже пришли въ соглашеніе со всѣмъ гарнизономъ, только васъ не достаетъ намъ, а такъ какъ вы присягнули королю, то мы боимся, чтобъ вы не пристали къ москалямъ и не били поляковъ. Завтрашній день москали положили напасть на насъ, такъ я, именемъ обывателей, прошу васъ помогать намъ отбивать непріятелей нашихъ, чтобы намъ не навлечь такого безчестія предъ всей Европой, когда мы отдадимъ нашъ арсеналъ, такое сокровище».

— А кто вы такой? сказалъ офицеръ. Съ кѣмъ я говорю и гдѣ вы живете?

«Я — сказалъ Килинскій — мѣщанинъ, имя мое Игнатій Заблоцкій, живу я на Рынкѣ.»

Эту басню придумалъ Килинскій потому, что боялся, чтобы офицеръ не донесъ на него.

— Вотъ вамъ рука моя, сказалъ офицеръ; я сейчасъ ѣду къ своему войску и скажу всѣмъ офицерамъ, чтобы они были готовы. Дѣло это какъ ваше, такъ и наше. Благодарю васъ, что увѣдомили меня; мы ничего не знали и попали бы въ руки непріятеля. Обыватель, будьте увѣрены, мы хоть и присягали королю на вѣрность, но теперь видимъ, что король призвалъ насъ сюда затѣмъ, чтобы мы положили оружіе передъ непріятелемъ.

Этого мы не сдѣлаемъ. Лучше отважимся на смерть, чѣмъ позволимъ себя публично въ столицѣ обезоружить. Научите насъ, любезный обыватель, что̀ намъ дѣлать, когда начнется революція?

«Держите, сказалъ Килинскій, вашихъ лошадей въ готовности и начинайте разомъ съ мировскими жолнерами (полки Мира); отъ васъ они не далеко».

По одному извѣстію Килинскаго, онъ все еще не довѣрялъ ему, не сказалъ ему условленнаго часа и отклонилъ его намѣреніе пріѣхать къ нему. По другому извѣстію, напротивъ, онъ все открылъ ему, назначилъ временемъ возстанія три часа пополуночи въ четвергъ, объявилъ, что выстрѣлъ изъ тридцати орудій будетъ сигналомъ революціи.

Варшава спала. Многіе изъ тѣхъ, которымъ пришлось дѣйствовать, не знали, что̀ произойдетъ утромъ въ страстной четвергъ. Посвященныхъ въ тайну заговора было незначительное число въ сравненіи съ тѣми, которые, не будучи подготовлены къ дѣлу, должны были увлечься самымъ потокомъ дѣла. Килинскій, пріѣхавъ домой, нашелъ уже во дворѣ человѣкъ до двухсотъ ремесленниковъ-заговорщиковъ, — онъ роздалъ заряды, потомъ написалъ завѣщаніе, а передъ свѣтомъ отправился къ ратушѣ и выдалъ заряды для раздачи городской стражѣ вахмистру Климанкевичу. «Вотъ тебѣ пилюльки — сказалъ онъ — позови ко мнѣ трубача». Потомъ онъ сказалъ одному изъ служителей: «какъ услышите хоть одинъ выстрѣлъ — трубачъ пусть трубитъ тревогу, а если не захочетъ, такъ ты запусти въ него вотъ этотъ ножъ!» Онъ подалъ ему большой ножъ. «Прикажи, вахмистръ — продолжалъ онъ — запереть всѣ ворота ратуши и поставь солдатъ съ заряженными ружьями, какъ станутъ москали выходить на рынокъ — бить ихъ! Если все сдѣлаешь, какъ я тебѣ велѣлъ — будешь офицеромъ».

Оттуда Килинскій отправился на главную гауптвахту маршалковской стражи; караульные офицеры ушли; Килинскій призвалъ двухъ унтеръ-офицеровъ и сказалъ:

«Черезъ полчаса начнется революція. Есть у васъ заряды?»

«Мы совсѣмъ не готовы — сказали унтеръ-офицеры — гдѣ теперь искать офицеровъ».

«Если будете меня слушать — сказалъ Килинскій — я васъ обоихъ произведу въ офицеры, только раздайте эти патроны вашимъ солдатамъ и будьте съ ними готовы къ бою, а какъ услышите сигналъ — сейчасъ бросайтесь и бейте москалей; не давайте имъ пройти на Подвале, чтобъ они не пробились во дворъ къ Игельстрому. Офицеровъ своихъ не будите. Вашъ маршалъ противъ насъ, но онъ намъ ничего не сдѣлаетъ, какъ начнется революція.»

Они съ благодарностію приняли заряды и обѣщали дѣйствовать вмѣстѣ съ другими.

Воротившись домой, Килинскій послалъ своихъ слугъ на колокольни костеловъ доминиканскаго, св. Яна, бернардиновъ, павлиновъ, св. Креста, по два человѣка и приказалъ звонить въ набатъ, а самъ отправился вновь въ ратушу приказать вахмистру, какъ только ударятъ въ набатъ, захватить русскую канцелярію, которая находилась на рынкѣ. Но тамъ онъ узналъ, что вахмистръ отправился къ президенту доносить на него.

Килинскій пришелъ въ ужасъ. Его планы были разрушены. Игельстромъ, предувѣдомленный во-время, приметъ свои мѣры. Килинскій собралъ своихъ приверженцевъ и разсказалъ имъ въ отчаяніи, что оказалось предательство. Это было передъ его домомъ на улицѣ. Въ это время какой-то русскій офицеръ подходилъ къ толпѣ, вѣроятно желая узнать, что за шумъ. Килинскій схватилъ у стоявшаго возлѣ него ксендза Мейера кортикъ и убилъ офицера. «Товарищи, закричалъ онъ, пора, послѣдуйте моему примѣру, бейте москалей». Всѣ бросились, и по всѣмъ костеламъ ударили въ набатъ, революція открылась.

IV.

Дни 17-го и 18-го апрѣля. — Изгнаніе русскихъ изъ Варшавы. — Возстаніе въ Вильнѣ. — Казнь Коссаковскаго.

Разбуженные набатомъ и криками, русскіе выскакивали изъ домовъ. Какой-то капитанъ, квартировавшій подлѣ Килинскаго, съ изумленіемъ выскочилъ изъ своей квартиры. Килинскій положилъ его на мѣстѣ. «Не будешь водить свои роты противъ насъ», сказалъ онъ. За нимъ выскочилъ казакъ — Килинскій положилъ и его. «Не будешь колоть своею пикою мужчинъ и женщинъ нашихъ», сказалъ онъ.

Въ это время выскочила изъ дома беременная жена Килинскаго, испугалась крови, проливаемой ея мужемъ, умоляла его пожалѣть семью, тащила въ домъ; Килинскій вошелъ съ нею въ свой домъ, заперъ ее съ дѣтьми на ключъ и пустился въ городъ, бить русскихъ.

Въ то же время и польское войско вступило въ дѣло. Первый сигналъ показалъ командиръ какого-то патруля польскихъ королевскихъ улановъ; онъ застрѣлилъ русскаго офицера, бѣжавшаго во свю прыть, вѣрно всполошеннаго тревогою и хотѣвшаго дать знать высшему начальству. Вслѣдъ затѣмъ изъ казармъ конной гвардіи

выскочилъ отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ, подъ командою Космовскаго, и напалъ на русскій пикетъ, стоявшій близъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, опрокинулъ пикетъ, подрубилъ у пушекъ колеса, заклепалъ пушки и воротился въ казармы. Полковникъ ничего не зналъ о заговорѣ въ этотъ день, и когда ему сказали, что революція уже началась, онъ тотчасъ присталъ къ ней. Солдаты, не знавшіе ничего, услышали набатъ и крики и съ недоумѣніемъ спрашивали: что̀ это? Офицеры имъ объясняли: «это москаль хочетъ забрать у насъ порохъ и арсеналъ;—не дадимъ, не дадимъ, у насъ есть руки, умремъ какъ слѣдуетъ честнымъ воинамъ, побьемъ непріятеля». Человѣкъ триста гвардіи и два эскадрона бросились на арсеналъ. Начальство, предувѣдомленное о намѣреніи взять арсеналъ, заперло ворота. Но польскіе солдаты вошли въ боковые входы, вытащили маленькую пушку, разбили ворота, ворвались въ арсеналъ и овладѣли имъ. Изъ арсенала дали нѣсколько выстрѣловъ: это былъ сигналъ, что оружіе въ рукахъ заговорщиковъ, и толпа бросилась туда за ними. Разбирали оружіе, какое кому было нужно.

Между тѣмъ ремесленники и мѣщане, пущенные Килинскимъ, врывались въ квартиры, гдѣ помѣщены были русскіе, и били послѣднихъ; не было спуска ни офицерамъ, ни солдатамъ, ни прислугѣ. Впрочемъ, захваченныхъ во снѣ было немного; русскіе успѣли выскочить, стали собираться, и ихъ били на улицахъ выстрѣлами, направленными изъ домовъ.

По Варшавѣ возрасталъ ужасный шумъ; набатный звонъ гудѣлъ во всѣхъ костелахъ, выстрѣлы, свистъ пуль, неистовый крикъ убивающихъ: «до брани! бей москаля! кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля!» вопли умиравшихъ, лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали не однихъ русскихъ. Довольно было указать въ толпѣ на кого угодно и закричать, что онъ московскаго духа, что онъ продавалъ себя москалямъ; толпа расправлялась съ нимъ, какъ и съ русскимъ.

Килинскій бросился на улицу Подвале, думая оттуда напасть на домъ русскаго посольства, выходившій главнымъ фасадомъ на Медовую, но Игельстромъ былъ уже предувѣдомленъ. Генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, помѣщавшійся недалеко отъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, узналъ о первомъ нападеніи конной гвардіи на русскій пикетъ и прискакалъ къ Игельстрому, прежде чѣмъ заговорщики успѣли начать свое дѣло. Игельстромъ, узнавъ о возстаніи, далъ знать генераламъ Апраксину и Зубову, чтобы собрать около себя стоявшее близко войско. Уже самъ онъ былъ на лошади и русскіе заняли всю Медовую улицу, до двора Красинскихъ, когда мѣщане сдѣлали нападеніе съ улицы Подвале.

Пisторъ совѣтовалъ поскорѣе пригласить пруссаковъ войти въ городъ, но Игельстромъ отвѣчалъ ему: «пруссаки-то и причина этой тревоги, потому что ихъ патрули доходятъ до рогатокъ. Отъ этого и произошли волненія въ Варшавѣ». Игельстромъ не думалъ, чтобы произошло что-нибудь важное, и полагалъ, что все ограничится какими-нибудь криками и нѣсколькими выстрѣлами.

Уже былъ седьмой часъ. Русскіе успѣли занять улицы, прилегавшія къ Медовой, Сенаторскую и Долгую. Мѣщане не нападали. Мимо проходили польскія войска и приставали къ повстанью. Такъ, полкъ коронной гвардіи оставилъ своего полковника, который не приставалъ къ возстанію, прошелъ черезъ Новый городъ и отправился къ пороховымъ складамъ. Изъ Праги прибыли понтоньеры, эскадроны народовой кавалеріи и скарбовой милиціи и небольшими отрядами прошли къ арсеналу и къ пороховымъ складамъ. Игельстромъ не велѣлъ задѣвать ихъ. «Русскіе — говорилъ Килинскій — словно оглупѣли, не зная, что̀ имъ дѣлать, бить насъ или нѣтъ». Самъ Килинскій, стѣсненный русскимъ войскомъ, въ небольшой улицѣ близъ Долгой, сталъ съ толпою мѣщанъ, и взлѣзъ на заборъ. «Одинъ офицеръ— говорилъ онъ — велѣлъ насъ колоть, а другой не приказывалъ, видя, что мы стоимъ спокойно». Килинскій, какъ онъ говорилъ, убилъ изъ ружья одного казака съ забора и вмѣстѣ съ своими мѣщанами безопасно прорвался черезъ Долгую улицу.

Только тѣ части русскаго войска, которыя были недалеко отъ квартиры главноначальствующаго, успѣли собраться подъ ружье. Тѣ, которыя стояли далеко, не могли получить приказанія Игельстрома, посылавшаго адъютанта за адъютантомъ съ приказаніями, а повстанцы били этихъ адъютантовъ на дорогѣ. Отъ этого въ отдаленныхъ отъ главной квартиры городскихъ частяхъ русскіе солдаты, не зная въ чемъ дѣло, и видя приближающіяся польскія войска, по привычкѣ отдавали имъ честь.

Съ семи часовъ начались одни за другими нападенія горожанъ на квартиру главнаго начальника. Сначала толпа народа покушалась напасть на Медовую улицу съ Сенаторской,—ее разогнали; потомъ другая толпа попыталась напасть на ту же улицу съ другой стороны, съ Долгой, — и ту разогнали. Нападающіе выходили преимущественно съ Стараго Мѣста: тамъ около ратуши были главные предводители возстанія ремесленниковъ и чернорабочихъ: мясникъ Сѣраковскій, Килинскій. По ихъ настроенію, рабочіе бросились въ оружейныя лавки и хватали оружіе, какое кому попадалось подъ руку.

Поляки вредили русскимъ тѣмъ, что забрались въ домы и

дворы и стрѣляли по нимъ; но скоро русскіе должны были оставить Сенаторскую улицу. Послѣ этого явился къ Игельстрому генералъ Бышевскій, и отъ имени короля просилъ оставить городъ съ войскомъ.

Въ пять часовъ, король былъ разбуженъ набатнымъ звономъ и суматохою. Анквичъ, Мошинскій, Ожаровскій пріѣхали къ нему одинъ за другимъ. Король послалъ приказаніе коронной и конной гвардіи явиться во дворецъ, но ихъ уже не было, они пристали къ возстанію; король вышелъ на дворъ и увидалъ, что отдѣлъ гвардіи, который тогда стоялъ на очередномъ караулѣ, хочетъ уходить. Король бросился за нимъ, заклиналъ, умолялъ не оставлять его и не приставать къ повстанью. «Ваше величество, сказалъ ему начальникъ отряда капитанъ Стршалковскій, вамъ нечего бояться, отечеству же грозитъ великая бѣда. Сперва я исполню свой первѣйшій долгъ, а потомъ уже возвращусь къ вамъ». На глазахъ короля они ушли биться съ русскими. Король послалъ тогда своего офицера къ Игельстрому просить, чтобы онъ вышелъ изъ города съ войсками. Неизвѣстно, что̀ ему отвѣчалъ Игельстромъ, но потомъ, когда король узналъ, что повстанье разгорается, онъ послалъ къ нему въ другой разъ генерала Бышевскаго, который былъ однимъ изъ первыхъ зачинщиковъ заговора, вмѣстѣ съ Костюшкою, но не участвовалъ въ распоряженіяхъ настоящаго повстанья, какъ и многіе другіе генералы и штабъ-офицеры.

Игельстромъ отправилъ съ Бышевскимъ обратно къ королю для личныхъ объясненій своего племянника, маіора Игельстрома. Къ Бышевскому присоединился генералъ Макрановскій; оба ѣхали вмѣстѣ съ русскимъ маіоромъ. Когда они подъѣзжали къ за̀мку, толпа кинулась на маіора Игельстрома и растерзала его въ глазахъ польскихъ генераловъ. Бышевскій пытался-было оборонить его, но его ранили въ голову, несмотря на его патріотизмъ. Король вышелъ на балконъ къ народу и просилъ дать Игельстрому уйти изъ Варшавы. Поляки кричали: пусть онъ положитъ оружіе! Тогда послали къ генералу Игельстрому польскаго офицера и опять приглашали русскаго военачальника отъ имени короля оставить городъ, но прибавляли, что не иначе, какъ безъ оружія. Само собою разумѣется, что Игельстромъ не могъ согласиться на это, не бывши еще въ безнадежномъ положеніи.

Вслѣдъ затѣмъ были, одно за другимъ, два покушенія завладѣть Медовой улицой, одно чрезъ сосѣдственный домъ банкира Теппера, другое съ Свято-Юрьевской улицы, чрезъ дворъ и садъ костела и Долгую улицу. Оба не удались. Такъ продолжалось до полудня.

Между тѣмъ, на другой половинѣ города, отъ Саксонскаго сада, сибирскій и харьковскій полки тягались съ полкомъ Дзялынскаго съ самаго разсвѣта. Какъ только ударили въ набатъ, генералъ Циховскій первый сталъ на сторону повстанья, скакалъ по городу съ обнаженною саблею, кричалъ: do broni, do broni! Онъ послалъ приказаніе полку Дзялынскаго идти въ дѣло. Полковникъ Гауманъ въ пять часовъ вывелъ цѣлый полкъ (до 600 ч.). На пути поставлены были два русскихъ отряда, которые должны были не пропускать его: на Братской улицѣ, при ея соединеніи съ Госпитальною, стояла третья рота 1-го батальона сибирскаго полка, на Новомъ Свѣтѣ подполковникъ Игельстромъ, съ двумя эскадронами харьковскаго полка, а на мѣстѣ, называемомъ Три Креста, батальонъ екатеринославскихъ егерей съ семью пушками, обращенными къ сторонѣ казармъ Дзялынскаго. У Святокрестовой рогатки былъ поставленъ 1 батальонъ сибирскаго полка съ генераломъ Милашевичемъ и подполковникомъ Гомзинымъ.

Полкъ Дзялынскаго выступилъ и преспокойно прошелъ мимо екатеринославскихъ егерей. Клюгенъ пропустилъ его потому, что не имѣлъ приказаній, а приказанія не доходили оттого, что тѣхъ, кого посылали съ приказаніями, убивали на дорогѣ. Полкъ Дзялынскаго дошелъ до костела св. Креста и доминиканскаго монастыря, гдѣ расположился съ своимъ отрядомъ Милашевичъ. При переходѣ изъ Новаго Свѣта на Краковское предмѣстье, стояли русскія пушки. Милашевичъ послалъ сказать Гауману, что полку далѣе нѣтъ ходу, и если онъ не остановится, то съ нимъ станутъ поступать какъ съ непріятелемъ.

Отъ Гаумана явился къ Милашевичу офицеръ и сказалъ:

«Мы далеки отъ непріятельскихъ замысловъ, мы, напротивъ, идемъ по приказанію короля къ зàмку, для того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ вами противъ мятежниковъ».

Милашевичъ понялъ, что это обманъ и отвѣчалъ: — «я не пропущу васъ безъ разрѣшенія главнокомандующаго.»

Онъ немедленно отправилъ маіора Милашевича къ Игельстрому съ донесеніемъ о просьбѣ поляковъ и просилъ приказанія, что̀ дѣлать ему съ полкомъ Дзялынскаго.

Маіоръ Милашевичъ не воротился. Толпа поспольства окружила его на возвратномъ пути. «Это московскій шпіонъ!» кричала она. Одинъ дубиною повалилъ его съ коня, другіе изрубили его саблями. Въ карманѣ у него нашли приказаніе Игельстрома не пропускать полка Дзялынскаго.

Это случилось на Козьей улицѣ, недалеко отъ почты. Гауманъ еще послалъ къ русскому генералу просить пропуска. Генералъ Милашевичъ снова отвѣчалъ ему, что не пуститъ, не

получивъ разрѣшенія главнокомандующаго. Онъ рѣшился послать еще разъ къ Игельстрому, и спросить, что̀ ему дѣлать; вмѣстѣ съ русскимъ офицеромъ отправился польскій.

Между тѣмъ, Милашевичъ черезъ адъютанта пригласилъ къ себѣ съ Сенаторской улицы роту князя Гагарина, и поставилъ передъ кадетскимъ корпусомъ. Другого адъютанта Милашевичъ послалъ къ Клюгену съ приказаніемъ приблизиться къ полку Дзялынскаго въ тылъ и атаковать его, какъ только поляки начнутъ непріятельскія дѣйствія. Этотъ адъютантъ не доѣхалъ до Клюгена. Польскій офицеръ, сопровождавшій другого адъютанта, посланнаго къ Игельстрому, на возвратномъ пути покинулъ русскаго, видно, нарочно, чтобы тотъ безъ его обороны достался въ жертву народной злобѣ. Но русскій адъютантъ отдѣлался только ранами и привезъ приказаніе Милашевичу никакъ не пропускать полкъ Дзялынскаго.

Вслѣдъ затѣмъ съ противоположной стороны прислали къ Милашевичу Макрановскаго.

«Именемъ его величества короля я присланъ, говорилъ Макрановскій, просить, чтобы полкъ Дзялынскаго былъ пропущенъ. Онъ дѣйствительно идетъ къ за̀мку для укрощенія мятежа».

Милашевичъ показалъ ему приказаніе Игельстрома и сказалъ: «перемѣна этого приказанія зависитъ отъ одного главнокомандующаго».

«Такъ я поѣду самъ въ полкъ», сказалъ Макрановскій.

Ему сказали, что его не пропустятъ. Макрановскій попытался не послушаться, пришпорилъ лошадь и поскакалъ-было на Новый Свѣтъ, но гренадеры штыками преградили ему дорогу.

Макрановскій разгнѣвался, поворотилъ коня и уѣхалъ назадъ къ за̀мку.

Милашевичъ еще разъ послалъ къ Клюгену офицера другимъ уже путемъ, черезъ Александровскую улицу, но и этотъ офицеръ былъ задержанъ и взятъ въ плѣнъ.

Было восемь часовъ. По всему городу раздавался неумолкаемый набатный звонъ и сильные выстрѣлы въ той сторонѣ, гдѣ была Медовая улица и арсеналъ. Гауманъ еще разъ послалъ къ Милашевичу просьбу пропустить его, съ маіоромъ Грефеномъ.

Милашевичъ арестовалъ маіора Грефена въ отместку за своихъ арестованныхъ и убитыхъ посланцевъ. Тогда Гауманъ приказалъ палить по русскимъ картечью. Русскіе отвѣчали тѣмъ же. Открылась съ обѣихъ сторонъ канонада. Милашевичъ оставилъ свои орудія тамъ, гдѣ они были, т.-е. при соединеніи улицы Новаго Свѣта съ Краковскимъ предмѣстьемъ, и располо-

жилъ свое войско такъ, что оно стояло подъ защитою стѣнъ доминиканскаго монастыря. Толпа вооруженнаго посполъства пыталась заходить на русскихъ изъ сосѣднихъ улицъ, изъ Бернадской и Александровской; ее отбили. Клюгенъ и третья рота стояли въ тылу непріятеля и не двигались, потому что не получали приказовъ. А между тѣмъ у поляковъ прибывало силы: предводители охотниковъ, выбывшіе изъ службы офицеры Уминскій, Кроликевичъ и другіе раздѣлывались съ русскими на улицѣ Лешно; къ нимъ присталъ и Килинскій съ толпою мѣщанъ и чернорабочихъ. Солдаты третьяго батальона кіевскаго полка въ этотъ день причащались; они собрались гдѣ-то въ устроенной въ палацѣ церкви. Было ихъ человѣкъ пятьсотъ. По извѣстіямъ Пистора, всѣхъ, находившихся въ церкви, перерѣзали безоружныхъ. Другая часть батальона, составлявшая не болѣе двухъ ротъ, лишившись своего маіора, была принята подъ начальство генерала Тищова, и окруженная разъяренною толпою и конною гвардіею не могла долго биться. Поляки кричали солдатамъ: «кладите оружіе и отступите отъ него»; но офицеры говорили: «лучше умереть, чѣмъ сдаваться вамъ». Однако, выстрѣлявши всѣ заряды до послѣдняго, солдаты, тѣснимые превозмогающей силой, стали класть оружіе. Поляки забрали его, солдатъ отвели въ цейхгаузъ, а офицеры, рѣшившіеся умереть съ оружіемъ, были избиты [1]).

По совершеніи дѣла на Лешнѣ, поляки, тамъ работавшіе, бросились на Милашевича отъ Саксонской площади. Въ то же время съ другой улицы также нападали на него мѣщане. Ихъ было тутъ болѣе трехъ тысячъ, русскихъ же не болѣе восьмисотъ человѣкъ. Оказалось, что русскіе много потеряли оттого, что, въ эту критическую минуту, Саксонская площадь осталась незанятою, и поляки могли, захвативъ ее, дѣйствовать съ одной стороны противъ главной русской квартиры, съ другой—противъ Милашевича. Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, русскіе отбивались отчаянно; на Краковскомъ предмѣстьѣ имъ болѣе всего повредило то, что поляки успѣли занять окна близъстоявшихъ домовъ, забрались на башни и крыши костеловъ и оттуда, сверху, стрѣляли и убивали русскихъ. Такъ, на вершину башни доминиканскаго монастыря взобрались съ солдатами поручикъ Липницкій и хорунжій Урбановскій и поражали оттуда русскихъ.

[1]) Говорятъ, что за твердость поляки заперли ихъ въ погребъ, приковали одного къ другому и держали такимъ образомъ безъ пищи до перваго дня пасхи. Они только тогда ихъ вывели, будто для того, чтобы перевести въ другое мѣсто, и народъ бросился на нихъ и заколотилъ палками до смерти.

Подпоручикъ Сыпневскій поражалъ ихъ изъ дома Браницкаго· Килинскій хвалитъ двухъ своихъ молодцовъ; одинъ билъ русскихъ съ вершины костела св. Креста, другой изъ школьнаго дома, находившагося при дворцѣ Тышкевичей. Кадеты палили изъ своего дома: чуть русскій хочетъ приложить фитиль къ пушкѣ, поставленный стрѣлокъ его убиваетъ сверху; падавшій подъ польскою пулею гасилъ тѣломъ своимъ фитиль. Эти выстрѣлы сверху болѣе всего вредили русскимъ; «хорошо драться съ открытымъ непріятелемъ, говорили они, а не съ такимъ, который стрѣляетъ изъ щелей, а потомъ прячется.»

«Маневра эта была ужасна, пишетъ Писторъ, и она-то доставила полякамъ побѣду. Сами они были защищены, а мы обречены на смерть. Въ такомъ положеніи оставалось ретироваться, и русскіе рѣшились пробиваться на Саксонскую площадь, но только-что стали подвигаться, какъ пуля попала въ генерала Милашевича. Его взяли въ плѣнъ и отнесли во дворецъ Малаховскаго. Полковникъ Гагаринъ принялъ команду; не прошло нѣсколько минутъ, какъ Гагаринъ былъ раненъ. Толпа бросилась на него и какой-то кузнецъ хватилъ его въ високъ желѣзною шиною и убилъ. Лишенные начальниковъ, израненные выстрѣлами сверху, русскіе солдаты пробивались сквозь толпы повстанцевъ рукопашнымъ боемъ и поворотили съ Краковскаго предмѣстья въ Королевскую улицу, думая соединиться со вторымъ батальономъ сибирскаго полка, а этотъ батальонъ, стоявшій до сихъ поръ безъ дѣйствія на Грибовѣ, двигался на Краковское предмѣстье по той же Королевской улицѣ, и на углу Мазовецкой улицы, въ дыму, не распознавши своихъ, ударилъ по нимъ; тогда, поражаемые не только чужими, но и своими, оставшіяся безъ начальства роты поворотили въ Мазовецкую улицу.

Такимъ образомъ, отряды полковника Клюгена, Игельстрома, второй и третій батальоны сибирскаго полка, стоя на своихъ мѣстахъ, не подали въ пору помощи первому батальону сибирскаго полка. Ясно было, что еслибы они, пропустивъ полкъ Дзялынскаго, ударили на него въ тылъ, они не только спасли бы Милашевича и Гагарина, съ ихъ отрядами, но вѣроятно могли бы уничтожить полкъ Дзялынскаго и значительно поправить русское дѣло. Тупое повиновеніе начальству и неимѣніе права дѣйствовать безъ его приказанія заставляло ихъ стоять на мѣстѣ въ то время, какъ били ихъ товаришей, хотя здравый разсудокъ долженъ былъ указать имъ, что они находятся съ такомъ положеніи, когда приказанія не могутъ до нихъ доходить и что слѣдуетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Замѣчательно, что

эта именно часть города, обнимающая улицы Маршалковскую, Мазовецкую, Госпитальную, была спокойна и не принимала повидимому участія въ возстаніи, можетъ быть оттого, что отсюда трудно было пробѣжать до арсенала за оружіемъ по причинѣ собраннаго и въ разныхъ мѣстахъ поставленнаго русскаго войска. Но еще въ началѣ возстанія произошло тамъ разстройство. Бригадный генералъ фонъ-Сухтеленъ былъ взятъ въ плѣнъ около шести часовъ, выходя къ своей бригадѣ изъ квартиры главноначальствующаго, гдѣ самъ помѣщался. Подчиненные не знали о его плѣнѣ. Начальство, за неявкою его, принялъ генералъ Новицкій. Маіоръ Баго, командовавшій 2-мъ батальономъ, послалъ къ главноначальствующему спросить, что́ дѣлать, но посланный офицеръ былъ схваченъ. Тогда хирургъ Лебедевъ добровольно вызвался идти и принести отъ Игельстрома приказаніе. Ему удалось пробраться и онъ принесъ приказаніе, чтобы всѣ войска шли къ главной квартирѣ. Новицкій требовалъ письменнаго приказанія. Хирургъ отправился въ другой разъ, былъ раненъ въ ногу и уже не могъ возвратиться. Такъ проходило время. Тогда маіоръ Баго рѣшился уже помимо приказанія генерала Новицкаго двинуться съ своимъ батальономъ на Королевскую улицу, а другой маіоръ, Каменевъ, отправился приглашать Клюгена и подполковника Игельстрома. Тутъ-то случилось приключеніе на Королевской улицѣ, какъ свои не узнали своихъ. Послѣ этого приключенія всѣ, стоявшіе на разныхъ мѣстахъ — Новицкій, Баго, Клюгенъ, подполковникъ Игельстромъ и остатки разбитаго перваго батальона, разными путями бѣжали къ Іерусалимской рогаткѣ и вышли изъ города. Такимъ образомъ, одна половина Варшавы налѣво отъ Саксонскаго сада была совсѣмъ очищена отъ русскихъ (со стороны рогатокъ: Мокотовской, Шубеничной, Вольской, Іерусалимской).

Неутомимый хирургъ Лебедевъ пробрался-таки съ письменнымъ предписаніемъ Игельстрома. Генералъ Новицкій собралъ военный совѣтъ. Надобно было теперь повиноваться главноначальствующему и идти къ нему къ главной квартирѣ. Новицкій откомандировалъ туда отрядъ подъ начальствомъ Клюгена (батальонъ егерей Клюгена) третій батальонъ сибирскаго полка, два эскадрона подполковника Игельстрома и два эскадрона маіора Каменева; они пришли въ Королевскуюулицу, но встрѣтили сопротивленіе со стороны саксонскаго палаца и особенно увидя, что на нихъ идетъ полкъ Дзялынскаго, повернули назадъ. Современники, Писторъ и Билеръ, говорили, что полка Дзялынскаго жолнѣровъ было тогда какихъ-нибудь человѣкъ пятьдесятъ, или шестьдессятъ,

и поспольства вовсе небольшая толпа. Трудно принимать это извѣстіе безъ критики.

Новицкій съ своимъ отрядомъ отошелъ къ Карчеву, куда прибылъ на другой день къ вечеру. По уходѣ его изъ города волненіе стало утихать. Нападеніе на главную квартиру ослабѣвало, только по временамъ проносилась пуля-другая изъ окна. Но оно возобновилось съ двухъ часовъ по полудни. Толпа мѣщанъ и ремесленниковъ, подкрѣпляемая жолнѣрами, опять покушалась на главную квартиру съ Подвальной улицы. Свалка происходила на дворахъ. Между тѣмъ съ Сенаторской улицы продолжали палить изъ оконъ. Поляки нападали на склады, принадлежавшіе русскому войску, убивали караульныхъ, овладѣвали складами; такимъ образомъ захвачены были кассы, гауптвахта, коммиссаріатъ; поляки врывались всюду, гдѣ только подозрѣвали, что есть русскіе, хотя бы они не были военные, а посольскіе или просто частныя лица, искали и найденныхъ убивали.

Игельстромъ дожидался своихъ войскъ, удивлялся, почему ихъ нѣтъ, несмотря на его приказаніе, и сталъ догадываться, что они ушли изъ города. Русскіе взлѣзали на крыши домовъ, но ничего не видѣли. Нашли какую-то женщину, которой поручили отыскать русское войско и сообщить ему приказаніе поспѣшить. И женщина не могла пробиться. Игельстромъ, напрасно ожидая своихъ, рѣшился послать отрядъ кавалеристовъ за городъ къ генералу Вольки и пригласить пруссаковъ. Вмѣсто пруссаковъ въ восьмомъ часу прибылъ маіоръ Титовъ съ четвертымъ батальономъ кіевскаго полка. По распоряженію о размѣщеніи войска ему приходилось стоять на Бонифратской улицѣ. Утромъ на него напали жолнѣры коронной гвардіи, близко отъ него стоявшіе въ своихъ казармахъ. Они не допускали его идти къ главной квартирѣ; онъ отражалъ нападеніе, такъ что наконецъ его оставили. Но далѣе двигаться было трудно. Въ это время Вольки, слышавшій набатъ и выстрѣлы въ городѣ, послалъ къ нему спросить, что̀ все это значитъ. Въ то же время, отправивши адъютанта, прусскій военачальникъ подвинулся къ городу и прислушивался къ выстрѣламъ. Маіоръ Титовъ не могъ самъ объяснить пруссакамъ, что̀ это значило и какъ шло дѣло въ городѣ, потому что самъ ничего обстоятельно не зналъ, только и могъ сказать, что русскихъ бьютъ, и просилъ прусаковъ вступить въ городъ. Вольки, получивъ отъ него это свѣдѣніе, послалъ къ нему приглашеніе соединиться съ нимъ. Титовъ полагалъ, что соединившись съ пруссаками, онъ можетъ побудить ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, и отправился къ нимъ. Прусское войско стояло близъ города между Повонзками и Маримонтомъ,

въ числѣ двухъ батальоновъ и четырехъ эскадроновъ. Польскіе королевскіе уланы сновали около него къ пороховымъ складамъ и обратно. Генералъ Вольки отправилъ офицера къ королю, спросить, что̀ значитъ эта бѣготня улановъ: дѣлаютъ ли это по приказанію короля или противъ него. Неизвѣстно, былъ ли офицеръ у самого Станислава-Августа или Макрановскій по сношеніи съ королемъ далъ ему отвѣтъ отъ королевскаго имени, только отвѣтъ, который онъ привезъ своему генералу, былъ таковъ:

«Народъ и король — все едино есть. Нашъ непріятель — одни русскіе. Поляки уважаютъ своего короля и не станутъ нападать на пруссаковъ и надѣются, что прусскій генералъ не станетъ начинать непріятельскихъ дѣйствій и нападать на наши пороховые склады.»

Титовъ въ нерѣшимости стоялъ съ пруссаками до тѣхъ поръ, пока подъ вечеръ опять не раздались выстрѣлы около главной квартиры. Тогда онъ сказалъ, что не можетъ болѣе терпѣть, и во что бы то ни стало, хочетъ пробиться на помощь своему главному командиру. Вольки отвѣчалъ, что если Титовъ встрѣтитъ препятствія въ своемъ маршѣ, то пруссаки поспѣшатъ къ нему на помощь. Такимъ образомъ, Титовъ съ своимъ батальономъ отправился по Закрочимской или по Святоюрьевской улицѣ чрезъ площадь Красинскихъ. Онъ долженъ былъ выдержать сильный напоръ отъ повстанцевъ, потерялъ довольно много людей и, самъ раненый, прибылъ къ Игельстрому.

Къ нему обратились съ распросами, гдѣ русское войско, но онъ не могъ ничего сказать.

Стемнѣло. Нападеніе прекратилось, но выстрѣлы изъ домовъ все-таки время отъ времени раздавались. По улицамъ, среди валявшихся труповъ, слышны были вопли и стоны недобитыхъ русскихъ. Никто не подбиралъ ихъ; повстанцы тѣшились ихъ мученіями. Люди, несочувствовавшіе революціи, сидѣли тихо по домамъ, потому что боялись навлечь на себя мщеніе посполъства. Многіе изъ тѣхъ, которые отличались прежде расположеніемъ къ Россіи, или которые только подозрѣвались въ этомъ, были взяты въ своихъ помѣщеніяхъ и отведены въ за̀мокъ.

О русскомъ войскѣ не было ни слуху, ни духу. «Вѣроятно войско оставило городъ, говорили Игельстрому—не лучше ли отправиться намъ самимъ ночью, часовъ послѣ десяти, отыскивать его и вмѣстѣ съ нимъ напасть на Варшаву?» — Если войско оставило городъ — сказалъ Игельстромъ — то оно воротится снова ночью. — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Писторъ, надо отправить отрядъ къ пруссакамъ и просить, чтобы они

шли на Волю; вѣроятно наше войско тамъ, пусть они усилятъ его и идутъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ».

Откомандировали полуэскадронъ къ пруссакамъ. Ждали до полуночи. Никто не приходилъ и не подавалъ вѣсти.

Опять стали говорить Игельстрому: лучше бы оставить городъ, пока темно. Игельстромъ не согласился и не хотѣлъ думать, чтобы войска, которымъ онъ приказалъ черезъ хирурга собраться къ главной квартирѣ, вышли вонъ изъ города. Послѣ полуночи онъ призвалъ къ себѣ подполковника Фризеля и велѣлъ сжечь секретнѣйшія бумаги, чтобы онѣ не попались полякамъ, если на слѣдующее утро придется ему погибать.

Уже оставалось немного времени до разсвѣта. Выстрѣлы все не прекращались, отъ времени до времени раздавались колокола, дребезжали барабаны, слышны были и яростные крики: «да здравствуетъ революція! да здравствуетъ Костюшко», и вопли умирающихъ и мучимыхъ. «Ночь была страшно прекрасна— говоритъ очевидецъ Зейме — луна разливала ярко-лиловый свѣтъ на глупости бѣднаго человѣка».

Генералъ Писторъ упрашивалъ Игельстрома покинуть городъ. «Еще есть время, — все равно же намъ придется покидать его, такъ лучше теперь, а то какъ станетъ свѣтло,—насъ станутъ задерживать и мы потеряемъ много людей». — «Я остаюсь здѣсь, говорилъ Игельстромъ, и не оставлю своего дома».

Разсвѣло. Выстрѣлы стали чаще и опять поспольство начало подступать къ главной квартирѣ черезъ заднюю часть двора съ улицы Подвальной, а съ Сенаторской улицы и изъ оконъ разныхъ домовъ пули сыпались какъ дождь. Игельстромъ увидѣлъ, что дѣйствительно держаться трудно. У него было, съ батальономъ Титова, всего три батальона, и тѣ были сильно утомлены. Дисциплина падала. Солдаты третій день ничего не ѣли, человѣкъ сто изъ нихъ самовольно ушли съ разсвѣтомъ на грабежъ. Одна толпа прорвалась ночью на Лешно, врывалась въ дома и неистовствовала, отмщая полякамъ за то, что они дѣлали съ русскими. Польскія войска, призванныя жителями, напали на нихъ и перебили. Писторъ говоритъ, что шестьдесятъ человѣкъ забрались въ погребъ, перепились мертвецки и были всѣ замучены. Другая кучка гренадеровъ выкатила на площадь бочку съ виномъ и такъ усердно принялась за него, что не замѣтила, какъ положили ее всю на мѣстѣ польскія пули. Иные опустили руки, и не слушались командира.

Игельстромъ оставилъ около 400 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Парфентьева защищать главную квартиру, а самъ съ остальными двинулся къ площади Красинскихъ и Дол-

гой улицѣ. Онъ приказалъ тащить за собою одну пушку отъ главной квартиры, но солдаты, которымъ это было приказано, не двигались съ мѣста. «Что я буду дѣлать съ этими людьми?» говорилъ онъ. «Когда они при меньшей опасности не слушаются, пойдутъ ли они туда, гдѣ ихъ ожидаетъ большая?» — Солдаты были голодны и выбились изъ силъ, безпрестанно ожидая смерти изъ оконъ сосѣднихъ домовъ.

Когда Игельстромъ перешелъ на площадь Красинскихъ, съ окрестныхъ домовъ посыпались частые выстрѣлы. Русскіе падали. Игельстромъ послалъ бригадира Бауэра въ арсеналъ къ польскому командиру, вступить съ нимъ въ объясненіе, не ошибка ли все это или быть можетъ одно недоразумѣніе, которое легко можно уладить.

«Къ чему — говорилъ ему Писторъ — просить у поляковъ дружелюбныхъ объясненій. Вѣроятно они арестуютъ Бауэра.»

Бауэръ уѣхалъ, и вопреки всякимъ существующимъ на свѣтѣ правиламъ, взятъ военноплѣннымъ; а генералъ Макрановскій, бывшій, какъ оказалось, комендантомъ у повстанцевъ, самъ требовалъ отъ бывшихъ на Долгой улицѣ ротъ, чтобы онѣ отдались. «Уже, говорили имъ поляки, Игельстромъ проситъ пардона и отдается намъ на всю нашу волю». Но русскіе отвѣчали имъ ружейнымъ огнемъ и прогнали ихъ. Черезъ четверть часа явился отъ Бауэра офицеръ и сообщилъ, что генералъ Макрановскій велѣлъ сказать русскому главноначальствующему такъ: «единственное средство прекратить недоумѣніе—перестать стрѣлять по насъ и отдаться на произволъ поляковъ».

Это предложеніе не могло быть принято никакимъ русскимъ военачальникомъ. «Невозможно отдавать судьбу нашу измѣнникамъ, говорили тогда, — они не сдержатъ слова, еслибы и дали его.» Между тѣмъ нельзя было пробиться, когда всѣ улицы заняты повстанцами, а главное—русскія войска, какъ только двинутся, будутъ поражаемы сверху изъ оконъ и съ крышъ домовъ. Писторъ сдѣлалъ планъ пробиться черезъ заднія ворота двора Красинскихъ, потомъ выступить на улицу Святоюрьевскую, а затѣмъ поворотить вправо и слѣдовать по Закрочимской и Фаворамъ къ Маримонтской заставѣ. Игельстромъ долженъ былъ согласиться на этотъ планъ. Войско бросилось на садъ Красинскихъ; поляки встрѣтили его выстрѣлами изъ воротъ. Русскіе выставили съ своей стороны двѣ пушки противъ воротъ; чуть первая пушка высунулась въ ворота, поляки предупредили ея выстрѣлъ, выскочили изъ своихъ засадъ и перебили канонировъ и вслѣдъ за тѣмъ русскіе дали выстрѣлъ изъ другой пушки, повалили польскихъ канонировъ и потомъ выстрѣлили изъ первой. Этотъ послѣдній выстрѣлъ былъ удаченъ,

поляки потеряли нѣсколько человѣкъ и отбѣжали. Солдаты ринулись во дворъ и садъ, пробились сквозь садъ и высыпали на Святоюрьевскую улицу. Но тутъ съ обѣихъ сторонъ улицы, оконъ, поляки открыли на нихъ густую ружейную пальбу. Подъ градомъ пуль русскіе бѣжали впередъ, потерявши строй, пробѣжали Святоюрьевскую улицу и уже подходили къ Закрочимской. Тутъ стояло человѣкъ шестьдесятъ поляковъ съ ружьями, направленными на нихъ, и съ пушкою. Но русскіе ударили на нихъ въ пору, предупредивъ непріятельскій залпъ, разогнали поляковъ и вышли на Закрочимскую улицу. Сзади продолжали въ нихъ стрѣлять изъ оконъ домовъ Святоюрьевской улицы въ тылъ заднимъ рядамъ, а передніе были встрѣчаемы выстрѣлами изъ домовъ Закрочимской. Не вытерпѣвъ новой пальбы, русскіе бросились влѣво, въ Глухой переулокъ, выходящій изъ Закрочимской улицы. Отъ этого переулка вправо шла очень тѣсная улица Козла. Поляки, увидя, что русскіе двинулись въ Глухой переулокъ, кинулись черезъ дворы въ улицу Козла и заняли въ ней окна домовъ. Русскіе думали пройти чрезъ эту улицу, но улица была очень узка, въ нее нельзя было входить иначе, какъ только немногимъ заразъ, и этихъ немногихъ, одного за другимъ, могли перебить изъ оконъ. Тогда русскіе двинулись отъ улицы Козла по Глухому переулку, ворвались прямо на близълежащіе дворы, разломали заборы, отбили одинъ дворъ, вошли въ другой дворъ, а затѣмъ разломали другой заборъ, потомъ очутились въ третьемъ дворѣ и еще разломали одинъ заборъ и вошли въ четвертый, принадлежавшій каменному большому дому съ проѣздными воротами. Этими воротами русскіе стали пробиваться на Францисканскую улицу, но противъ воротъ, изъ которыхъ пришлось выходить русскимъ, на Францисканской улицѣ уже стояла пушка, готовая угостить ихъ картечью. Тогда генералъ Писторъ приказалъ нѣсколькимъ молодцамъ взлѣзть на крышу каменнаго дома и оттуда дать залпъ по польскимъ пушкарямъ. Солдаты исполнили порученіе превосходно; поляки пустились въ разсыпную отъ выстрѣловъ, для нихъ неожиданныхъ, и покинули свою пушку. Русскіе такимъ способомъ благополучно вырвались изъ проѣздныхъ воротъ во Францисканскую улицу, овладѣли брошенною непріятельскою пушкою, которая, на счастіе имъ, была оставлена заряженною. Изъ этой пушки ударили они нѣсколько разъ сряду по бѣгущимъ и по тѣмъ, которые готовились принять русскихъ въ бока. Поляки разсыпались; въ то же время и засѣвшіе въ улицѣ Козла выбѣжали оттуда, и за ними черезъ эту улицу свободно перешли тѣ солдаты, которые оставались еще въ Глухомъ переулкѣ подъ предводительствомъ маіора Батурина.

Такимъ образомъ, русскіе съ чрезвычайнымъ трудомъ и отчаяннымъ мужествомъ пробились на Францисканскую улицу. Русскіе пошли уже не по Закрочимской улицѣ, которая запружена была поляками, а двинулись по Инфлянтской, очень грязной и витой, которая вся почти состояла тогда изъ заборовъ. Улицею этою приходилось имъ пройти съ полверсты. Надобно было спѣшить, пока здѣсь не было еще непріятеля. Отъ этого, когда гренадеры успѣли убѣжать впередъ, пушки не могли поспѣть за ними, и Писторъ, какъ разсказываетъ самъ, принужденъ былъ покинуть на дорогѣ пушки съ двадцатью человѣками пушкарей, и бѣжать за войскомъ. Изъ Инфлянтской улицы русскіе поворотили по улицѣ Покорной. Поляки, потерявши-было ихъ слѣдъ, нашли его снова, пустились за ними съ выстрѣлами и убили нѣсколько заднихъ. Уже наконецъ русскіе приближались къ выходу изъ столицы. Тутъ въ послѣдній разъ встрѣтилъ ихъ отрядъ польскаго войска, караулившій пороховой складъ, и ударилъ на нихъ изъ восьми пушекъ, а при самомъ выходѣ стояли сто двадцать четыре человѣка королевскихъ улановъ, но эти не посмѣли напасть и ушли прочь, когда увидѣли, что пруссаки двигались къ русскимъ на встрѣчу отъ Повонзковскаго кладбища. У деревни Бабье русскіе благополучно соединились съ пруссаками.

Генералъ Вольки объяснилъ Игельстрому, что, по его просьбѣ, онъ дѣлалъ движеніе къ Волѣ, для отысканія пропавшаго безъ вѣсти русскаго войска, но увидалъ, что русскіе выходятъ съ двухъ сторонъ изъ города и обратился къ нимъ. Игельстромъ все-таки не могъ добиться, куда дѣлось русское войско. По извѣстіямъ Пистора, и въ этой ретирадѣ, которую исполнили русскіе такъ блистательно и мастерски, они потеряли не болѣе тридцати человѣкъ. Вѣроятно, число это нѣсколько уменьшено, тѣмъ болѣе, что честь устройства этой ретирады Писторъ приписываетъ себѣ, стараясь притомъ указать на неспособность природныхъ русскихъ начальниковъ. Ретирада русскихъ тѣмъ была труднѣе и тѣмъ доблестнѣе, что они унесли съ собою и своихъ тяжело раненыхъ.

Оставленные въ главной квартирѣ на произволъ судьбы, русскіе съ полковникомъ Парфентьевымъ защищались до послѣдней степени. Не стало у нихъ пуль; они продолжали стрѣлять, заряжая ружья маленькими монетами и пуговицами, оторванными отъ мундировъ, а когда не стало у нихъ фитилей для пушекъ, они замѣняли пушечные выстрѣлы выстрѣлами изъ карабиновъ и пистолетовъ. Наконецъ, къ вечеру они выбросили бѣлое знамя. Но когда послѣ того приблизился къ нимъ трубачъ, присланный Макрановскимъ, они дали по немъ выстрѣлъ.

Такъ говоритъ современникъ и очевидецъ. Вѣроятно условія, которыя предлагалъ имъ полякъ, были таковы, что русскіе рѣшились лучше погибнуть. Поляки разложили огонь, съ тѣмъ, чтобы допечь ихъ огнемъ и задушить дымомъ: русскіе, въ отчаяніи, хотѣли-было по слѣдамъ бросившихъ ихъ товарищей вырваться изъ дома и пробиться изъ города. Но, какъ только они стали выходить изъ дома, поляки ударили на нихъ. Другіе взлѣзали по лѣстницамъ въ окна дома, уже съ одной стороны внизу объятаго пламенемъ. Тѣхъ изъ русскихъ, которые имѣли слабость бросить оружіе и просить пардона, они съ ругательствами вели въ плѣнъ. «Сердце разрывалось—говоритъ прусскій посланникъ Бухгольцъ — смотря на то, какъ бѣдныхъ русскихъ солдатъ убивали словно скотъ на бойнѣ. Но большая часть ихъ перебита защищаясь.»

Въ квартирѣ Игельстрома захватили много денегъ, серебра, въ томъ числѣ серебряный сервизъ, подаренный Екатериною, архивъ; главнѣйшія дѣла онъ успѣлъ истребить, тѣмъ не менѣе тамъ оставались такія бумаги, которыя могли компрометтировать многихъ, продававшихъ Польшу Россіи. Килинскій говоритъ, будто поляки нашли шесть бочекъ голландскихъ талеровъ, семь бочекъ русскаго серебра и шесть боченковъ золота. «По просьбѣ народа, я приказалъ высыпать изъ одной бочки деньги на Медовую улицу, а изъ другой на Подвале, и народъ бросился на деньги съ такою жадностію, что многіе убивали другъ друга». Это сказаніе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ за собою достовѣрности. Нѣкоторые въ значительномъ числѣ бросились въ костелъ капуциновъ, но остервенѣвшіе поляки ворвались туда и всѣхъ замучили. Въ эти два мрачные дня плѣнныхъ заперли въ арсеналѣ, въ казармахъ, въ ратушѣ и другихъ мѣстахъ. Домъ русскаго посольства былъ уничтоженъ. Революція произвела пожаръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, но онъ былъ потушенъ. Изъ числа русскаго гарнизона, состоявшаго въ числѣ 7,948 человѣкъ, убито 2,265, ранено 121, взято въ плѣнъ 1,764, изъ нихъ 161 офицеръ.

Несчастіе русскихъ произошло отъ плохой распорядительности Игельстрома, который разставилъ войска въ разныхъ частяхъ города, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ поближе къ себѣ; не далъ надлежащихъ распоряженій какъ дѣйствовать въ случаѣ возстанія, не ввелъ болѣе войска въ городъ, не предупредилъ въ пору поляковъ строгими мѣрами, не забралъ у нихъ арсенала, и наконецъ не умѣлъ съ поляками обращаться, хотя нельзя отказать ему въ храбрости и неустрашимости; подъ нимъ

убиты было двѣ лошади, онъ самъ получилъ рану въ лицо, и мундиръ на немъ былъ пробитъ пулею, вѣроятно на отлетѣ.

Варшавскіе зажиточные люди мало участвовали въ революціи и мало ей сочувствовали. Произвели ее войска и такъ-называемая чернь—толпа ремесленниковъ, прислуга, дворники и чернорабочіе; евреи тоже принимали участіе. Тѣмъ не менѣе число повстанцевъ могло быть не велико и вѣроятно справедливо извѣстіе Зейме, который полагаетъ число дѣйствовавшихъ тогда поляковъ до 20,000.

Игельстромъ, вышедши изъ города, соединился съ пруссаками при Бабинцахъ, двинулся въ четыре часа къ Модлину и приказалъ поспѣшать къ себѣ отряду, стоявшему въ Прагѣ, вмѣстѣ съ лазаретомъ. Это было исполнено тѣмъ легче, что Прага совсѣмъ не волновалась во все продолженіе времени, когда Варшава расправлялась съ русскими.

На другой день по присоединеніи пражскаго отряда, Игельстромъ вышелъ изъ Модлина и двинулся къ Новому Двору, перешелъ Нареву и послѣ нѣсколькихъ переходовъ прибылъ къ Зегрину, и только здѣсь, $^9/_{20}$ апрѣля, узналъ о судьбѣ гарнизона, вышедшаго изъ Варшавы во время погрома, подъ начальствомъ генерала Новицкаго. Послѣдній съ своимъ отрядомъ находился въ Рычеволѣ близъ Вислы, недалеко отъ впаденія въ нее Пилицы. Игельстромъ собралъ отрядъ, стоявшій около Варшавы и сталъ въ Ловичѣ. Всего войска у него было до семи тысячъ.

Въ Варшавѣ, въ самый развалъ революціи, выбранъ вмѣсто президента, утвержденнаго русскими, Закржевскій, тотъ, который былъ уже президентомъ города во время конституціи 3-го мая. Макрановскій наименованъ начальникомъ мѣстной военной силы. На другой день по изгнаніи Игельстрома, $^8/_{19}$ апрѣля, составленъ актъ приступленія Мазовецкаго княжества къ акту краковскаго повстанія. Костюшко объявленъ главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа, признанъ предначертанный въ Краковѣ Высочайшій Совѣтъ, а для Варшавы и Мазовецкаго княжества установленъ провизоріальный совѣтъ, который долженъ зависѣть отъ будущаго Высочайшаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Закржевскаго. Членами его были: Ксаверій Дзялынскій, Игнатій Заіончекъ, бывшій членъ гродненскаго сейма Шидловскій, Андрей Целковскій, Іосифъ Выбицкій, Янъ Гораинъ, Станиславъ Рафаловичъ, Фр. Макаровичъ, Мих. Вульфертъ, Фр. Такель, Фр. Готье и Янъ Килинскій. Это новое правительство, по своемъ составленіи, обратилось къ королю. Чрезъ своихъ двухъ депутатовъ оно объявило, что готово оказывать королю всякое уваженіе, но будетъ послушно только одному Костюшкѣ, про-

сило его благосклонности къ ихъ предпріятію и не покидать Варшавы. «Я не думаю выѣзжать изъ Варшавы — сказалъ король — благодарю васъ за изъявленіе любви и уваженія; никто болѣе меня не желаетъ добра отечеству, но вы прежде покажите, что вы уважаете религію, права собственности, различіе сословій, престолъ, однимъ словомъ, что вы не имѣете ничего общаго съ якобинами.»

По извѣстію Зёйме, бывшаго тогда въ Варшавѣ и прятавшагося въ домѣ Борха по сосѣдству съ главною русскою квартирою, поляки окончательно раздѣлались съ этимъ послѣднимъ домомъ уже утромъ въ субботу. Тамъ находилась толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ посольству, и нѣсколько солдатъ. Всѣ они сбились въ кучку въ одномъ изъ флигелей зданія. Неистовая толпа посполъства вырывала ихъ оттуда и убивала. Сидя за бочкою, нѣмецъ слышалъ крики и стоны умиравшихъ женщинъ и дѣтей.

На день пасхи водили русскихъ плѣнныхъ по улицамъ и ругались надъ ними, плевали на нихъ, издѣвались надъ ними. Когда одинъ русскій, вышедши изъ терпѣнія, сталъ отгрызаться отъ нихъ крѣпкими словами, за это какой-то молодецъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но попалъ не въ плѣнника, а въ польскаго офицера, который начальствовалъ надъ конвоемъ, провожавшимъ плѣнныхъ. Испугавшись, онъ бросилъ у ногъ плѣнника пистолетъ и закричалъ, что въ офицера выстрѣлилъ плѣнникъ. Толпа заревѣла, что всѣхъ плѣнныхъ надобно вырѣзать. Тутъ плѣнные, которыхъ было 18 человѣкъ, стали на колѣни, просили пощады, вопили, что можно наказывать одного, а не всѣхъ. Самъ командиръ хотѣлъ спасти ихъ, но чернь растерзала ихъ всѣхъ.

Послали къ Костюшкѣ курьера, извѣщали его о революціи, а между тѣмъ оказалось, что Варшава совсѣмъ не такъ единодушно принимала участіе въ революціи, какъ можно было подумать. На другой же день по образованіи провизоріальнаго совѣта, многіе бѣжали изъ столицы подъ защиту русскихъ войскъ: имъ легче было бросить свое имущество, даже оставить навсегда отечество, чѣмъ находиться подъ властію революціоннаго правительства. Свѣжій примѣръ французскаго конвента и комитета общественнаго благосостоянія стоялъ передъ ихъ глазами ужаснымъ пугаломъ. Они боялись, что открытіемъ революціи въ Польшѣ будетъ и здѣсь то же самое, что̀ дѣлалось во Франціи. Варшавскія газеты извѣщали публику, что возстаніе было вызвано крайностію защиты; получены были депеши къ Игельстрому изъ Петербурга, съ повелѣніемъ обезоружить все войско и многихъ обывателей перебить, а другихъ заслать въ неволю,

Вслѣдъ за Варшавою возстаніе разразилось въ Вильнѣ. Несіоловскій, князь Антонъ Гедройцъ, Прозоръ и Петръ Завиша склонили тотчасъ на свою сторону стоявшаго тамъ съ бригадою Сулистровскаго и нѣкоторыхъ обывателей. Всѣ поклялись не покидать оружія, пока не очистятъ Литвы отъ москалей. Взяли въ плѣнъ каштеляна Коссаковскаго и его сына. Гедройцъ съ отрядомъ конницы (въ 800 человѣкъ, если вѣрить польскимъ извѣстіямъ) напалъ въ Шатахъ на польскій полкъ Коссаковскаго и побѣдилъ его; оттуда двинулся по дорогѣ въ Вильно; къ нему приставали обыватели и товарищи. Несіоловскій между тѣмъ вступилъ въ Вильковишки и разбилъ тамъ стоявшій отрядъ войска Коссаковскаго, и потомъ прибылъ въ Вильну.

Въ городѣ начальствовалъ русскимъ отрядомъ генералъ Арсеньевъ. Отрядъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, нарвскаго и псковскаго, одного батальона егерей, донскаго полка (Киреева) и четырехъ ротъ артиллеріи. Орудій было всего девятнадцать. Артиллеріею командовалъ маіоръ Тучковъ, только-что получившій команду вмѣсто полковника Челищева. Артиллерійскій паркъ расположенъ былъ въ полѣ, на Погулянкѣ. Польскія войска, находившіяся передъ возстаніемъ въ Вильнѣ, состояли изъ трехъ ротъ пѣхотныхъ полковъ (одна перваго и двѣ четвертаго), изъ артиллеріи, двухъ татарскихъ эскадроновъ и седьмого полка, прибывшаго уже наканунѣ возстанія въ городъ. За̀мокъ, арсеналъ, коммиссаріатъ были въ рукахъ поляковъ, какъ союзниковъ. Генералъ Арсеньевъ былъ человѣкъ безпечный и еще болѣе, чѣмъ Игельстромъ, способный поддаться вліянію поляковъ, тѣмъ болѣе, что подобно Игельстрому подпалъ подъ вліяніе польки, пани Володкевичъ. Энергичнѣе его дѣйствовалъ гетманъ Коссаковскій; по его стараніямъ были удалены нерасположенныя къ Россіи патріоты Бржостовскій, Радзишевскій, Грабовскій и ксендзъ Богушъ. Самъ онъ, какъ главный начальникъ литовскаго войска, арестовалъ нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и старался объ уменьшеніи своего войска; онъ былъ чрезвычайно ненавидимъ.

Главнымъ зачинщикомъ заговора явился тогда инженерный полковникъ Ясинскій, пламенный патріотъ, отважный фанатикъ, готовый на самыя крайнія мѣры, поклонникъ французскаго террора. Выѣхавши изъ Вильны, онъ успѣлъ склонить къ заговору трехъ полковниковъ съ ихъ полками, Мея, Несіоловскаго, князя Гедройца, и бригадира Хлевинскаго, и воротился въ Вильно.

Гетманъ Коссаковскій, подмѣтивъ, что Ясинскій затѣваетъ возстаніе, арестовалъ его. Но Ясинскій убѣжалъ, и скрываясь въ Вильнѣ у друзей, положилъ вмѣстѣ съ ними въ назначенную ночь

напасть на сонныхъ русскихъ, перебить ихъ или взять въ плѣнъ. Главные соумышленники его въ Вильнѣ были: нѣкто Хацкевичъ — извѣстный шулеръ, поручикъ Коллонтай, Бржостовскій, Поцѣй и др. Жолнѣры были подговорены снабдить обывателей оружіемъ. Подъ предлогомъ полученія жалованья они приходили на польскую гауптвахту и выносили оттуда подъ шинелью оружіе и раздавали обывателямъ. Въ ночь, когда надобно было начать рѣзню, заговорщики положили собраться въ зáмкѣ; жолнѣры должны были зарядить ружья и сверхъ того взять съ собою по заряженному пистолету. Оттуда они должны были идти кучками, по количеству русскихъ постовъ, и дожидаться сигнала. Пушечный выстрѣлъ на башнѣ зáмка долженъ былъ служить сигналомъ: всѣ, услышавши его, должны были броситься на русскихъ и бить ихъ, гдѣ и какъ попало.

Предъ взрывомъ возстанія носились слухи, что въ Вильнѣ готовится рѣзня. Факторъ-еврей, по прозвищу Гордонъ, указалъ Тучкову, что на домахъ, гдѣ квартируютъ русскіе, были буквы RZ, а надъ воротами Тучкова: № 13. Тучковъ донесъ объ этомъ Арсеньеву, но тотъ сказалъ: «это шалость какихъ-нибудь повѣсъ», и приказалъ плацъ-маіору Багоуту стереть ихъ. Тучковъ однако принялъ предосторожности, поставилъ караулъ у парка и велѣлъ держать горящіе фитили при орудіяхъ. Арсеньевъ, обманываемый поляками, даже разсердился на Тучкова за принятіе этихъ мѣръ предосторожности въ артиллерійскомъ паркѣ, и говорилъ: «не стыдно ли вамъ бояться поляковъ», и запретилъ жечь напрасно фитили, но Тучковъ велѣлъ держать ихъ горящими въ латунныхъ фонаряхъ, чтобъ начальникъ не зналъ, а все-таки не оставилъ предосторожностей.

Наступила пасха, случившаяся въ этотъ годъ въ одинъ день у православныхъ и католиковъ. Между русскими и поляками начались недоразумѣнія и драки. Люди, желавшіе себя успокоить, приписывали это пьянству, обычному обоимъ народамъ въ такой торжественный праздникъ.

Въ этотъ день прибѣжалъ въ городъ гетманъ Коссаковскій; онъ былъ недалеко отъ Вильны въ Яновѣ, у своего брата, и намѣревался тамъ пробыть до Ѳоминой недѣли. Вдругъ вечеромъ въ великую субботу напалъ на яновскую усадьбу генералъ Хлевинскій, съ цѣлію схватить гетмана. Но гетманъ успѣлъ убѣжать черезъ калитку, которая выходила въ узкую улицу деревни и, вскочивъ во дворъ къ одному крестьянину, сѣлъ на его лошадь и убѣжалъ къ пріятелю сосѣду, а у послѣдняго взялъ повозку и поѣхалъ наскоро въ Вильну. Онъ пріѣхалъ туда уже поздно на первый день пасхи. Въ понедѣльникъ, 11-го (22-го апрѣля),

гетманъ собралъ войсковую коммиссію, и говорилъ: «принимайте мѣры; войско бунтуетъ, возстаніе вспыхнетъ если не сегодня, такъ завтра, и наша кровь польется по улицамъ». Оттуда онъ отправился къ Арсеньеву, жившему въ палацѣ Паца, на Замковой улицѣ. «Надобно скорѣе русскимъ войскамъ выходить въ лагерь, сказалъ онъ. Поляки взбунтовались. Вамъ самому грозитъ опасность».

«Правила, наблюдаемыя въ россійскомъ войскѣ, сказалъ Арсеньевъ, не дозволяютъ выводить войско въ лагерь раньше 15-го мая. Я не вижу никакой опасности въ Вильнѣ.»

Когда Коссаковскій разсказалъ ему о своемъ приключеніи, Арсеньевъ смѣялся и говорилъ: «вы напрасно струсили».

Вечеромъ Ясинскій назначилъ заговорщикамъ сборище въ Зарѣчьѣ, въ саду, гдѣ часто собиралась молодежь пить пиво. Туда привезли и артиллерію. Тамъ условились, какъ овладѣть гауптвахтою, и арестовать генераловъ и офицеровъ.

Въ половинѣ перваго ночью раздался пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ затѣмъ ударили по костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны. Выстрѣлы пошли одни за другими чаще и чаще. Раздались крики: do broni, do broni! Заговорщики, одни съ ружьями, другіе съ кольями, саблями, ножами, бѣжали по разнымъ улицамъ, толпы ихъ на каждомъ шагу умножались пристававшими къ нимъ жителями; иные изъ послѣднихъ ждали условнаго знака, другіе ничего не ждали, но, внезапно пробужденные, поняли, что̀ происходитъ и тотчасъ увлеклись давно сдержаннымъ чувствомъ. Маіоръ Собецкій съ жолнѣрами седьмого полка бѣжалъ къ ратушѣ и напалъ на гауптвахту, перебилъ часть русскихъ, которые тамъ находились, другіе отдались въ плѣнъ. Поляки взяли восемь орудій (не входившихъ въ число девятнадцати, которыя были въ паркѣ на Погулянкѣ). Офицеръ Хелкевичъ съ двадцатью заговорщиками напалъ на Арсеньева, приказалъ дать залпъ по окнамъ и закричалъ: «весь батальонъ впередъ»! Арсеньевъ тотчасъ закричалъ пардонъ. По однимъ извѣстіямъ, русскій генералъ былъ схваченъ на Антоколѣ, въ домѣ госпожи, съ которою любезничалъ. По другимъ—Арсеньевъ захваченъ въ собственной квартирѣ. Ясинскій прибѣжалъ къ нему, взялъ его подъ руки и сказалъ: «господинъ генералъ! Таковъ жребій войны. Вы арестованы, но за вашу доброту и благородство вы будете въ сердцахъ нашихъ уважаемы и любимы». Подполковникъ Гурскій, которому онъ передалъ его, увелъ его въ арсеналъ для помѣщенія подъ стражею.

Схваченъ полковникъ Языковъ, комендантъ Ребокъ, взяты русскіе чиновники. Взяли гетмана Коссаковскаго, Швейковскаго

и другихъ сторонниковъ и совѣтниковъ тарговицкой конфедераціи. У гетмана на караулѣ стояло двѣнадцать карабинеровъ. Когда заговорщики приблизились къ его дому, гетманъ приказалъ стрѣлять изъ оконъ, а самъ съ пистолетомъ въ рукѣ бросился по задней лѣстницѣ и встрѣтилъ на ней своего адъютанта Михаловскаго. «Бунтъ»! закричалъ гетманъ. Но Михаловскій отвѣчалъ ему ударомъ въ лицо. Коссаковскій повернулъ назадъ вверхъ по лѣстницѣ, убѣжалъ на чердакъ и спрятался за трубу. Заговорщики искали его по всему дому, наконецъ нашли, вытащили и отправили въ арсеналъ. Другой адъютантъ его, Рудзинскій, хотѣлъ его защищать и былъ застрѣленъ. Гетмана вели на веревкѣ, при неистовыхъ крикахъ толпы, и награждали его пинками и плевками, какъ предателя отечества.

Страхъ неожиданности поразилъ русскихъ до того, что они потеряли присутствіе духа. Иные прятались въ печи, другіе надѣвали женское платье. Такимъ образомъ, взяли въ плѣнъ, кромѣ вышеозначенныхъ господъ, пять маіоровъ, четырехъ капитановъ, одиннадцать поручиковъ, восемь подпоручиковъ, одного адъютанта, двѣнадцать прапорщиковъ и 964 нижнихъ чиновъ. Всѣхъ ихъ заперли въ костелъ св. Казимира (нынѣшній соборъ Николая Чудотворца), откуда Ясинскій приказалъ вынести св. Дары.

Тучковъ, выскочивъ изъ своей квартиры, сѣлъ на лошадь и рѣшился пробиться на Погулянку, къ своему парку. У рогатки поляки остановили его и кричали: дай гасло! Тучковъ попытался сказать вразумительное слово, но поляки смекнули, что это русскій и бросились на него изъ сторожки. Тучковъ повернулъ назадъ, пришпорилъ лошадь и бросился въ глухой переулокъ вмѣстѣ съ однимъ гусаромъ. Такъ какъ изъ переулка выхода не было, то они развалили плетень, огораживавшій дворы, переводили чрезъ него лошадей за поводья, перебрались черезъ дворы и такимъ образомъ выбрались изъ города и достигли парка. Мало-по-малу сходились къ Тучкову русскія роты, которыя также, какъ Тучковъ, за невозможностію проѣхать чрезъ рогатку, пробивались сквозь заборы дворовъ. Одна изъ этихъ ротъ дралась съ поляками въ городѣ на штыкахъ и положила много поляковъ, но отъ нея самой осталось всего сорокъ человѣкъ.

Тучковъ началъ бомбардировать городъ. Въ Вильнѣ сдѣлался пожаръ. Поляки, увидя, откуда имъ угрожаетъ опасность, отправили противъ Тучкова одну за другою команды, но казаки заманивали ихъ подъ орудія, которыя угощали ихъ картечью. Между тѣмъ въ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьѣ, канониры, подмѣтивъ складъ пороха, донесли Тучкову и, по его приказанію, зажгли его.

Остатки русскихъ убѣжали изъ города къ Тучкову, и привели взятаго въ плѣнъ служившаго въ польской службѣ, родомъ прусскаго нѣмца, маіора Теттау, который имѣлъ предписаніе арестовать Тучкова. Прибывшіе съ нимъ русскіе успѣли даже захватить съ собой припасовъ и въ томъ числѣ свяченаго (пасхальныхъ освященныхъ снѣдей), котораго по обычаю много приготовили поляки у себя въ домахъ. Около полудня собралось на Погулянкѣ ускользнувшихъ отъ избіенія и плѣна въ Вильнѣ тысячъ около двухъ съ двумя стами человѣкъ, считая деньщиковъ, слугъ и всякаго званія русскихъ людей. Арсеньевъ, находясь въ плѣну, прислалъ къ Тучкову русскаго плѣннаго офицера въ сопровожденіи польскаго офицера, съ запискою такого содержанія:

«Я арестованъ. Жизнь моя въ опасности; не затѣвайте съ поляками никакого дѣла».

«Мы знаемъ, — сказалъ полякъ, — что въ Варшавѣ русское войско истреблено и уже во всей Польшѣ только и остается русскаго войска, что вашъ отрядъ». То же подтвердилъ и русскій плѣнный, приведенный полякомъ.

Тучковъ отписалъ Арсеньеву такъ:

«Я не дамъ себя арестовать полякамъ. Честь и жизнь мою буду защищать до послѣдней капли крови. Не я одинъ, а всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, которыми я имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія».

Послѣ подписи Тучкова, подписали эту записку, въ знакъ единомыслія съ нимъ, и всѣ офицеры, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и трое грамотныхъ изъ рядовыхъ.

Наперекоръ просьбѣ Арсеньева, Тучковъ усилилъ бомбардированіе Вильны. Противъ него выходили поляки изъ города, съ цѣлію захватить или прогнать русскую артиллерію, но убѣгали назадъ, поражаемые изъ орудій.

Между тѣмъ, въ продолженіе всего этого дня Тучковъ дѣлалъ приготовленія къ отступленію. Для запряжки лошадей подъ орудія употреблялись, за недостаткомъ хомутовъ, свернутые и связанные въ видѣ клещей солдатскіе плащи.

Не зная, что Тучковъ собирается уходить, жители Вильны пришли отъ непріятельской бомбардировки въ такое смятеніе, что близки были къ потерѣ духа и къ сдачѣ. Тутъ Ясинскій далъ приказаніе всѣмъ, подъ страхомъ смерти, зажечь въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи и всѣмъ собираться на рынокъ съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ, хотя бы съ дубиной или кочергою, подѣлилъ ихъ на отряды и высылалъ партіями за разныя городскія ворота, готовясь къ битвѣ. Но страхъ и заботы

его были напрасны. Тучковъ оставилъ горящіе костры на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и приказалъ, для бо̀льшаго впечатлѣнія, зажечь корчму, чтобы жители думали, что онъ остается тамъ, гдѣ былъ, и не оставляетъ намѣренія вредить городу, а между тѣмъ отступилъ на Понарскія высоты. Путь шелъ по яру. Дорога была вязка и узка; русскіе шли посреди зарослей, посреди обрывовъ. Лошади, непривычныя къ запряжкѣ подъ пушки, бились и падали. Люди должны были везти орудія на себѣ. Къ разсвѣту они достигли Понарской горы, а тамъ должны были переправляться черезъ рѣку Ваку. Здѣсь прислали къ Тучкову извѣстіе отъ князя Циціанова изъ Гродно, о томъ, что отрядъ, стоявшій въ Гродно, цѣлъ и желаетъ, чтобы Тучковъ примкнулъ къ нему поскорѣе. Тучковъ ускорилъ маршъ къ Гродно. За нимъ по слѣдамъ погнался полковникъ Гедройцъ. Они встрѣтились въ лѣсу, пушки у русскихъ были лучше, чѣмъ у поляковъ, и послѣдніе, потерявъ достаточное число людей, перестали нападать. Тучковъ благополучно добрался до Гродно.

Отрядъ князя Циціанова въ Гродно также былъ приговоренъ къ избіенію, какъ отряды, находившіеся въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, но его спасъ одинъ расторопный и храбрый казакъ, убѣжавшій изъ Варшавы. Когда тамъ началось избіеніе русскихъ, онъ ускакалъ, пробрался въ Гродно, и раньше почты извѣстилъ Циціанова. Приняты мѣры предосторожности. Вслѣдъ затѣмъ пришла почта. Ее вскрыли и нашли письма къ заговорщикамъ, гдѣ имъ предписывалось начать рѣзню надъ русскими. Заговорщиковъ переловили въ одномъ монастырѣ, сломали мостъ на Нѣманѣ и вышли изъ города въ лагерь. За казакомъ пришло въ Гродно другое извѣстіе: шелъ туда батальонъ королевской гвардіи съ тѣмъ, чтобы напасть врасплохъ на русскихъ, но увидѣлъ, что мостъ на Нѣманѣ сломанъ, и повернулъ назадъ. Циціановъ стоялъ за городомъ и дожидался Тучкова. По прибытіи его, оба отряда соединились, и Тучковъ вмѣстѣ съ Циціановымъ входилъ въ Гродно съ музыкою, ведя за собою плѣнныхъ поляковъ съ ихъ знаменемъ; русскіе офицеры слышали, какъ польскія дамы, стоя на балконахъ, громко говорили: «вотъ идутъ россійскіе недорѣзки!»

Тучковъ съ своимъ отрядомъ поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько движеній и присоединился къ другому отряду русской арміи, генералъ-поручика Кнорринга.

Въ Вильнѣ какъ только узнали, что Тучковъ ушелъ, созвано было народное собраніе на рынкѣ: оглашено революціонное устройство. Нѣкто Бялопіотровичъ, казистый мужчина, одаренный крѣпкимъ горломъ, по приказанію Ясинскаго, прочиталъ

всенародно актъ литовскаго повстанья, объявилъ, что девизомъ его будутъ слова, произнесенныя въ Краковѣ Костюшкою: «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Ясинскій, руководитель заговора, былъ наименованъ начальникомъ вооруженной народной силы въ Литвѣ. Составился литовскій высочайшій совѣтъ. Учреждался уголовный судъ, первая необходимость торжествующей революціи: всегда въ такихъ случаяхъ является охота и потребность вспрыснуть ее кровью.

Въ тотъ же день вечеромъ, увидали жители Вильны, какъ плотники навезли дерева къ гауптвахтѣ близъ ратуши, и построили изъ него висѣлицу, примкнувъ ее къ фонарю. Такъ приказано было изъ подражанія французамъ, у которыхъ тогда въ модѣ было вздергивать на фонарь лицъ (à la lanterne), объявленныхъ врагами отечества. Въ четвергъ, въ три часа пополудни, толпа народа собралась около этого мѣста. Отъ арсенала шли жолнѣры съ барабаннымъ боемъ; за ними въ каретѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, везли послѣдняго литовскаго гетмана. Онъ былъ одѣтъ въ желтомъ шлафрокѣ, опушенномъ бѣлымъ смушкомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его схватили ночью. По сторонамъ кареты ѣхали конные. Трубачи играли маршъ. Зрители наполняли не только окна, но и кровли домовъ. Когда карета приблизилась, Ясинскій выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ панами Ніосоловскимъ и Тизенгаузомъ, и обратившись къ народу, сказалъ:

«Милостивые государи! Здѣсь будетъ происходить событіе, о которомъ запрещается разсуждать. Нравится ли оно кому изъ васъ, или нѣтъ, извольте молчать, а кто подниметъ голосъ, тотъ будетъ повѣшенъ на этой висѣлицѣ».

Сказавши это, онъ поѣхалъ назадъ къ гауптвахтѣ.

Жолнѣры составили каре. Глубокое молчаніе господствовало въ народѣ, сообразно предупрежденію Ясинскаго.

Передъ каретой выѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ инстигаторъ (обвинитель) новаго уголовнаго суда, адвокатъ Эльснеръ, и развернувъ бумагу, читалъ приговоръ.

Коссаковскій обвинялся въ томъ, что оказывалъ содѣйствіе иноземнымъ интригамъ противъ Польши и варварству иноземныхъ государствъ, старался вмѣстѣ съ тарговицкою конфедераціею уничтожить народную конституцію, преслѣдовалъ нехотѣвшихъ вступить къ конфедерацію, присвоилъ себѣ званіе литовскаго гетмана и растрачивалъ казенное достояніе на пользу тарговицкой шайки и на свои собственныя потребности. За это онъ присуждался къ лишенію чести, имущества и къ повѣшенію.

Эльснеръ, прочитавши эти слова, отъѣхалъ.

Тогда бернардинскій монахъ вошелъ въ карету исповѣдовать осужденнаго. Палачъ между тѣмъ уже взлѣзъ на висѣлицу поднимать въ свое время вверхъ петлю съ повѣшеннымъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ исповѣди въ каретѣ, бернардинъ вышелъ оттуда, и стоявшіе близъ кареты гицели [1]) вывели подъ руки литовскаго гетмана. Онъ хотѣлъ сказать народу прощальное слово, но чуть открылъ ротъ, какъ раздался крикъ: «нельзя! нельзя! барабанщикъ, бей въ барабанъ!» Гицели сняли съ него его желтый халатъ, посадили на кресло, связали назадъ руки. Послѣдній литовскій гетманъ еще попытался-было блеснуть предсмертнымъ краснорѣчіемъ. Но опять закричали: «нельзя»! и забарабанили еще громче прежняго. Палачъ дурно охватилъ петлею его жирную шею. Гетманъ нѣсколько минутъ томился и бился подъ барабанный бой.

Когда не стало въ немъ признаковъ жизни, молчаніе прервалось, и кто-то осмѣлился крикнуть: виватъ! Такъ какъ Ясинскій не показалъ за это своего гнѣва, то и другіе кое-кто повторили то же, а вслѣдъ за ними множество голосовъ залпомъ крикнули: виватъ!

Тѣло гетмана безъ гроба зарыто было нарочно неглубоко, такъ что собаки откопали его и растерзали.

Черезънѣсколько дней, $^{15}/_{26}$ апрѣля изданъ былъ универсалъ ко всей Литвѣ. Въ немъ извѣщалось объ установленіи въ Вильнѣ высочайшаго совѣта для великаго княжества литовскаго, требовалось, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденія подчинялись ему исключительно и безусловно.

VI.

Воодушевленіе поляковъ и ихъ надежды. — Распоряженія объ укрѣпленіи Варшавы. — Уголовный судъ и индигаціонная коммиссія. — Распространеніе возстанія на простой народъ. — Универсалъ Костюшки объ освобожденіи народа.

Освобожденіе Варшавы и Вильны было поводомъ безпредѣльной радости патріотовъ. Ликовали и пѣли сочиненныя патріотическія пѣсни, прославляли собственное мужество, изумлялись своимъ успѣхамъ, которые, казалось, превосходили все, что помнилось изъ школьнаго ученія о грекахъ и римлянахъ. Воображали, какъ было и тотчасъ послѣ совершенія конституціи 3-го

[1]) Такъ назывались служители, исполнявшіе низкія работы, напр., били собакъ и пр., они служили помощниками палачей.

мая, что Польша, недавно находившаяся въ униженномъ положеніи, теперь воскресла и для нея наступаетъ эпоха возрожденія. Костюшко сдѣлался идоломъ революціонной партіи. Какъ всегда бываетъ, что успѣхъ притягиваетъ къ себѣ толпу, и теперь революціонная партія быстро увеличилась. И тѣ, для которыхъ было въ сущности все равно, что̀ бы ни происходило съ отечествомъ, которые въ душѣ предпочитали всему тихое и безмятежное житіе, теперь начали кричать и живописаться революціонною удалью.

Опасности для Польши были отовсюду; русскія силы должны были собраться снова въ бо̀льшемъ числѣ; Пруссія должна была идти вмѣстѣ въ Россіей защищать свою добычу. Но поляки составляли для себя разныя надежды. Бухгольцъ въ дни революціи оставался въ Варшавѣ и не мѣшался въ дѣло; поляки воображали, что быть можетъ гроза отъ Пруссіи на этотъ разъ минетъ Польшу. Съ Австріей не было явной размолвки. Декаше выражался въ мягкихъ словахъ, и поляки даже стали надѣяться, что Австрія будетъ за нихъ. Но черезъ нѣсколько дней опытъ уничтожилъ эти обманчивыя надежды. Правый берегъ Вислы былъ въ рукахъ русскихъ, и потому продовольствіе изъ самыхъ плодородныхъ частей страны не могло доставляться полякамъ; они хотѣли въ Галиціи закупать хлѣбъ, но Австрія формально запретила его вывозъ. Отъ Франціи надѣялись прямо помощи. Заіончекъ, проѣзжая черезъ Галицію, склонялъ къ революціи Линовскаго и увѣрялъ, что Франція пожертвовала восемнадцать милліоновъ на дѣло польскаго повстанья и эти деньги уже въ дорогѣ. «Трудно найти въ исторіи болѣе прекрасныхъ началъ, великихъ предпріятій, какъ первыя минуты нашего повстанья — говоритъ очевидецъ Линовскій—всеобщее воодушевленіе удаляло отъ насъ мысль объ опасностяхъ».

Въ Варшавѣ только и твердили, что о разныхъ побѣдахъ и прошедшихъ и будущихъ, и болѣе всего о небывалыхъ. Чуть только прискачетъ курьеръ изъ лагеря Костюшки, прежде чѣмъ онъ успѣетъ кому-нибудь сообщить вѣсть, по городу уже разнесется цѣлое описаніе битвы и пораженія москалей. Если же случалось, что присылали нѣсколько человѣкъ русскихъ плѣнныхъ въ Варшаву, то распространялся слухъ, что вся русская армія положила оружіе и теперь предстоитъ затрудненіе, что̀ дѣлать полякамъ съ такимъ огромнымъ числомъ плѣнниковъ. По приказанію Костюшки установлялась въ Варшавѣ военная коммиссія, и во всемъ Мазовецкомъ княжествѣ оглашено посполитое рушенье. Кромѣ рекрутовъ съ дымовъ, слѣдовавшихъ въ регулярное войско, всѣ мужчины отъ 15-ти до 50-ти лѣтъ возра-

ста должны безъ всякаго исключенія быть вооруженными, находиться подъ командою генераловъ дивизій, зависящихъ отъ главнаго командира вооруженныхъ силъ княжества Мазовецкаго, и выступать противъ непріятеля, когда непріятель явится въ краѣ. Приказано во всѣхъ городахъ и имѣніяхъ дѣлать косы и пики для вооруженія народа и ставить по дорогамъ между селеніями столбы, а на нихъ смоляныя бочки: ихъ слѣдовало зажигать, когда непріятель приблизится; но это надлежало дѣлать не иначе, какъ по приказанію мѣстнаго начальства. Горящая бочка будетъ сигналомъ, что посполитое рушенье должно собираться и брать оружіе. Самую Варшаву принялись укрѣплять. Всѣхъ ея жителей заставляли выходить на работы. Это приняло сейчасъ праздничный видъ. Знатныя дамы и дѣвицы выѣзжали въ каретахъ, съ лопатами, кинуть собственноручно нѣсколько горстей земли. «Прекрасныя ручки, которыхъ пальчики, убранные дорогими камнями, дотрогивались только до опахала изъ слоновой кости или до флакончика съ духами, теперь взяли заступъ и бѣжали весело на работу,» говоритъ очевидецъ Охоцкій. Не дозволялось носить на себѣ ни шелка, ни золота. Дамы на работѣ одѣвались въ сѣрыя полотняныя юбки съ чернымъ шерстянымъ передникомъ и въ кафтанчики. На головы надѣвали соломенныя шляпы. Каждая несла съ собою холщевой мѣшокъ для дневного припаса. Кто уклонялся отъ работы, на того налагали пеню.

Самъ король, чтобы не навлечь на себя народной злобы, долженъ былъ выѣхать за городъ и нѣсколько минутъ покопаться заступомъ въ землѣ. Во время работы гремѣла музыка, пили вино, пѣли хоромъ патріотическія пѣсни. Усерднѣе всѣхъ работали русскіе плѣнные, потому что ихъ подстегивали. Сначала ихъ содержали очень дурно; согнали въ домъ коммиссіи, и едва давали изъ жалости соломы на постели, а кроватей не давали вовсе.

Побѣда подъ Рацлавицами подѣйствовала живительно на все польское войско. Та часть его, которая стояла около Люблина, собралась у Холма, признала Костюшку главнымъ начальникомъ и за неимѣніемъ генерала выбрала главнымъ своимъ предводителемъ полковника Гроховскаго. Войска этого было до пятнадцати тысячъ. Обыватели люблинскаго и холмскаго воеводствъ собрались и составили актъ повстанья.

Вѣсть объ успѣхѣ Костюшки достигла и до Волыни, и тамъ выказалась вспышка въ небольшихъ отрядахъ. Маіоръ Вышковскій съ десятью эскадронами вышелъ изъ своихъ квартиръ подъ Старымъ Константиновымъ. Русское войско, квартировавшее въ этомъ краѣ, заступило ему путь. Онъ долженъ былъ выдержать

съ нимъ бой. Вышковскій не только счастливо ускользнулъ отъ русскихъ, но какъ писали въ польскихъ газетахъ того времени, взялъ у нихъ даже пушки. Этого послѣдняго можетъ быть и не было, тѣмъ болѣе, что поляки говорятъ, что эти пушки заклепали, и никто ихъ не видалъ. Вышковскій пробрался въ Галицію, а оттуда прибылъ къ Костюшкѣ. Другой штабъ-офицеръ польской арміи, маіоръ Копець, собралъ нѣсколько отрядовъ подъ Дубномъ и, соединившись съ повстанцами, двинулся на соединеніе съ Заіончекомъ. По ихъ примѣру поступилъ полковникъ Лозненскій, и увелъ къ Костюшкѣ девятьсотъ солдатъ. Русскіе, видя, что имя Костюшки привлекаетъ къ себѣ польское войско, принялись обезоруживать его и распредѣлили солдатъ по русскимъ полкамъ. Но поляки бѣгали изъ русскихъ полковъ и нѣкоторымъ удавалось съ трудомъ пробираться черезъ лѣса и приставать къ Костюшкѣ; другихъ за побѣги хватали и предавали военному суду. Съ ними поступали неумолимо. Особенно жестоко наказывали тѣхъ, которые оказывали сопротивленіе при поимкѣ. Такимъ образомъ, состоялся приговоръ, произнесенный кіевскимъ кригсгерихтомъ въ августѣ: двѣсти восемьдесятъ человѣкъ присуждено колесовать и на колеса тѣлеса ихъ положить. Другихъ только вѣшали. Многихъ виновныхъ наказывали тѣлесно и отправляли во внутреннія губерніи на службу.

На короля повстанцы смотрѣли подозрительно. Его акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, его прежнее расположеніе къ Россіи— все заставляло подозрѣвать въ немъ способность къ измѣнѣ. Правда, вспоминали и его горячее участіе въ дѣлѣ 3-го мая, и только это спасало его отъ народной злобы, но все-таки не снимало съ него упрековъ въ безхарактерности. Черезъ четыре дня послѣ даннаго королемъ обѣщанія оставаться въ Варшавѣ, распространился слухъ, будто онъ хочетъ бѣжать. Къ нему явился генералъ Макроновскій и Кохановскій. «Мы увѣрены—говорили они—что народное подозрѣніе напрасно, но просимъ дать намъ средство для успокоенія народа. Вчера ваше величество въ сумеркахъ прогуливались по берегу Вислы съ двумя особами; думаютъ, что эти особы помогаютъ вамъ убѣжать.» — Я—сказалъ король—назадъ тому четыре дня ходилъ смотрѣть, пришли ли плоты съ продовольствіемъ для Варшавы. Меня провожала цѣлая толпа народа, а не двое особъ. Я ужъ вамъ далъ слово, что не покину Варшавы. Чего же вамъ еще нужно? — «Мы вѣримъ вашему слову— сказали ему—но народъ недовѣрчивъ черезъ-чуръ. Онъ хочетъ, чтобы кто-нибудь изъ облеченныхъ народнымъ довѣріемъ безотлучно находился въ королевскихъ покояхъ и повсюду сопровождалъ ваше величество.» —Это было бы обидно и оскорбительно—

сказалъ король — если бы исходило отъ васъ; но вы говорите, что народъ этого хочетъ и иначе не успокоится, — я не противлюсь. — Короля просили, чтобъ онъ чаще являлся посреди народа. Король и на то согласился. Потомъ ему объявили, что народъ считаетъ подозрительными двухъ иноземцевъ, изъ которыхъ одинъ находился близъ короля тридцать, другой десять лѣтъ. Король этимъ очень оскорбился и увѣрялъ, что ручается за слугъ своихъ. Самъ король передалъ женѣ Макроновскаго, собиравшей пожертвованія въ пользу возстанія, восемнадцать тысячъ злотыхъ. Поляки, которые ознаменовали себя противнымъ духомъ, спѣшили теперь показать свою готовность содѣйствовать возстанію. Епископъ Масальскій и бывшій маршалъ Мошинскій внесли по 1,800 злотыхъ.

24-го апрѣля назначенъ былъ праздникъ въ честь освобожденія Варшавы. Торжество происходило въ костелѣ св. Креста. Тамъ проповѣдникъ обратился къ королю съ такою рѣчью: «Твое царствованіе преисполнено несчастій. Великій добродѣтельный народъ, всегда преданный своимъ королямъ, содрогается при воспоминаніяхъ о прошломъ. Актъ повстанья не твое дѣло. Гнусная измѣна была причиною великихъ бѣдствій, и ты, однако, измѣною пріостановилъ оборону края. Теперь наступила послѣдняя эпоха твоего царствованія; теперь окажется: можемъ ли мы, поляки, съ тобою утвердить свое счастіе или должны пасть жертвою жестокаго и алчнаго врага, который и насъ и наше имя хочетъ стереть съ земли. Либо участвуя въ народномъ повстаньи, ты вознесешь польскій тронъ до прежней его славы и остатокъ дней проведешь въ спокойствіи и довольствѣ; либо—паденіе отечества повлечетъ за собою и паденіе вашего величества. Приготовься къ тому и другому и затвори уши отъ внушеній, которыми тебя будетъ прельщать непріятель; онъ будетъ совѣтовать тебѣ отступить отъ народа, а можетъ быть и хуже — бойся этихъ внушеній. Я знаю твое сердце — прибавилъ въ концѣ рѣчи проповѣдникъ, чтобы позолотить пилюлю — я увѣренъ, что ты рѣшился жить и умереть съ народомъ.» — Да — сказалъ король — ты не ошибся, я всегда буду съ народомъ, хочу жить и умирать съ нимъ. — Тѣхъ, которыхъ всегда приводила въ восторгъ послѣдняя слышанная фраза, удовлетворяли слова короля, но большинство было убѣждено, что король былъ недоволенъ революціею и только притворялся. Подозрѣніе къ нему не уменьшалось. Около него оставалась еще гвардія; провизоріальный совѣтъ и ей велѣлъ выступить въ дѣло, потому что для войны нужно было регулярное войско. Служба въ зàмкѣ поручена народному ополченію. Двое особъ, облеченныхъ

народнымъ довѣріемъ, жили во дворцѣ и слѣдили за поступками и сношеніями короля.

Вообще патріоты замѣчали, что въ столицѣ и во всей странѣ много такихъ, которые не сочувствовали революціи. Оказывалось, что русскіе знали, что̀ происходитъ въ Варшавѣ: ясно было, что тамъ у нихъ оставались друзья и передавали имъ вѣсти. Провизоріальный совѣтъ, 11-го (22-го) апрѣля, учредилъ уголовный судъ, который долженъ былъ судить политическія преступленія и всякія покушенія противъ повстанья; 16-го (27-го) того же мѣсяца назначилъ на всю Варшаву и на все Мазовецкое княжество денежный поборъ, въ разномъ размѣрѣ, но вообще такой, что только одни поденьщики платили менѣе 10% съ своего дохода, а 17-го (28-го) учредилъ индигаціонную коммиссію: ея обязанностію было ревизовать бумаги, которыя со всей Польши присылались въ провизоріальный совѣтъ для открытія по нимъ измѣны, предупрежденія и уничтоженія заговоровъ, составляемыхъ на пагубу отечества. Она могла арестовать, допрашивать и отсылать, по надобности, въ уголовный судъ, не взирая ни на какія лица. Въ данной ей инструкціи велѣно ей слѣдить и наблюдать надъ людьми дурныхъ убѣжденій, стремящихся возвратить Польшу къ прежнему рабству, устроивающихъ козни противъ повстанья. Эта коммиссія держала свои засѣданія въ ратушѣ.

Главная сила, на которую Костюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ и всѣ обыватели принесутъ, для спасенія отечества, послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось. «Минуты всеобщаго увлеченія были очень коротки, общественный духъ скоро перемѣнился—говоритъ Линовскій—непостоянство и страсти исказили чистоту гражданской доблести, затмили святую цѣль, сбили насъ съ прямой дороги. Огненные универсалы начальника читались съ восторгомъ, но дурно исполнялось то, чего онъ требовалъ. Шляхта прежде всего думала о своихъ привилегіяхъ и выгодахъ.»

Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Костюшкѣ и десятой доли того, что онъ ожидалъ. Онъ требовалъ рекрутъ — ему ихъ не давали; онъ требовалъ запасовъ для вооруженія войска—ему не доставляли; наложены были поборы—ихъ не платили. Сначала Костюшко требовалъ всеобщаго ополченія, потомъ увидѣлъ, что еслибы и возможно было собрать его, то невозможно было прокормить, содержать и вооружить такую громаду — не доставало ни денегъ, ни запасовъ. Этимъ съ перваго раза предводитель

раздражалъ владѣльцевъ; они видѣли въ его распоряженіяхъ нарушеніе своей собственности и правъ. Костюшко сталъ потомъ требовать только пятой части населенія; по этому разсчету одно Краковское воеводство должно было поставить ему шестнадцать тысячъ контингента, а оно доставило едва до трехъ тысячъ. Это народное ополченіе шло совсѣмъ не съ увлеченіемъ, какъ разсказывалось, а по неволѣ, изъ-подъ палки, шло только тогда, когда паны его выгоняли. Для хлоповъ Рѣчь-Посполитая была зданіе не только совершенно чуждое, но и вредное,—если они по невѣжеству не могли объяснить и высказать этого, то хорошо чувствовали инстинктомъ. Отстоявъ своею кровію ея существованіе, они могли этимъ отстоять только свою многовѣковую неволю; всѣ настолько могли имѣть сметки, чтобъ понять хорошо, что они идутъ на смерть потому, что паны такъ велятъ, а паны поднялись оттого, что чуютъ паденіе своихъ преимуществъ. Если бы въ то время враждебныя Польшѣ державы осмѣлились только пообѣщать хлопамъ свободу, во всей Польшѣ вспыхнула бы народная революція не въ защиту Рѣчи-Посполитой, а въ пользу иностранныхъ государствъ, хотѣвшихъ уничтожить польскую національность. Въ южной Руси, поляки тогда были обязаны только русскому войску, что ихъ не стали поголовно рѣзать хлопы, у которыхъ въ душѣ не угасалъ духъ Хмельницкаго. Въ то время, когда на Волыни поднялся Вышковскій, одинъ обыватель, въ числѣ многихъ другихъ убѣжавшій въ австрійскія владѣнія, писалъ: «слава тебѣ, Господи, что я вырвался изъ неволи хуже турецкой. Мы каждый день ожидали смерти, потому что былъ замыселъ хлоповъ вырѣзать насъ; и теперь еще онъ существуетъ. Я здѣсь безопасенъ, но боюсь за свою братью обывателей; они въ большой опасности. Сами москали какъ обваренные, чрезвычайный страхъ на нихъ нападаетъ, сами въ томъ сознаются». Костюшко между тѣмъ писалъ въ русскіе края (въ подлясское воеводство) обывателямъ: «внушите смѣлость земледѣльцамъ; пусть то самое желѣзо, которымъ до сихъ поръ воздѣлывали поля свои, обратятъ они на выю непріятелей, а вы станьте на челѣ ихъ, вспомните о мужествѣ отцовъ вашихъ и превзойдите ихъ ревностію и самопожертвованіемъ для блага отечества».

Такая военная идиллія подъ перомъ главнокомандующаго очень не согласовалась съ вѣстями, которыя приносились обывателямъ о состояніи умовъ народа. Только страхъ сдѣлать то, что было въ духѣ французской революціи, только боязнь, чтобы вслѣдъ за Польшею, и въ сосѣднихъ государствахъ не явилось у мужиковъ желаніе освободиться отъ владѣльцевъ, останавливали русскихъ и пруссаковъ употребить мѣру, которая, безъ

сомнѣнія, уничтожила бы съ корнемъ всякія затѣи на возвращеніе Польшѣ независимости.

30-го апрѣля, объявлено посполитое рушенье: кромѣ рекрутъ всѣ должны быть вооружены и готовы къ бою, когда окажется нужно. Но эта была только мѣра на будущее время. Пока думали организовать войско изъ рекрутъ. Въ числѣ другихъ Костюшко поручилъ французу Бернье, служившему лакеемъ у Велепольскихъ, уже ополячившемуся отъ долгаго пребыванія въ краѣ, Ташицкому и братьямъ Иляскимъ набирать рекрутъ; но когда эти господа поѣхали по обывателямъ, то вездѣ встрѣтили нежеланіе, и не могли согнать болѣе двухъ тысячъ. Чтобы привязать къ себѣ хлоповъ, прибывавшихъ поневолѣ въ лагерь съ косами и топорами, Костюшко прикидывался самъ хлопомъ, надѣвалъ на себя краковскую сермягу, обращался съ ними за панибрата, ѣлъ съ ними, пилъ, и давалъ имъ обѣщанія, что они будутъ свободны отъ обывательскаго ига.

Въ началѣ мая, Костюшко снялъ свой станъ у Босутова и вступилъ въ сендомирское воеводство; здѣсь онъ далъ приказаніе собирать пятую часть населенія и присылать въ лагерь у Поляницъ, на Вислѣ: тамъ онъ остановился. Разосланные офицеры должны были доставлять людей вооруженныхъ пиками, карабинами, пистолетами, косами, брать на квитанціи, выданныя изъ скарба, лошадей и разные припасы отъ обывателей. Но въ Сендомирскомъ воеводствѣ еще хуже встрѣтили повстанье, чѣмъ въ Краковскомъ. Обыватели смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ, и, еще хуже, лишать ихъ вѣковыхъ правъ, составлявшихъ величайшую драгоцѣнность шляхетскаго званія. Многіе поспѣшали оставлять свои дома и бѣжали въ Галицію. Другіе поневолѣ должны были платить деньги и высылать мужиковъ, а сами вздыхали, проклинали свое время, сами не зная, на кого взваливать вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе, только поскорѣе окончилось бы такое обирательное возстаніе.

Седьмого мая, подъ Поляницами, Костюшко издалъ знаменитый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Никогда непріятельское оружіе не было бы страшно для поляковъ, еслибы они были между собою въ единеніи, знали свои собственныя силы и умѣли ихъ надлежащимъ образомъ употреблять. Сосѣднимъ государствамъ невозможно было побѣдить насъ открытою войною, но хитрость, вѣроломство — вотъ ихъ страшныя орудія, которыми они отняли у насъ средства отражать нашествіе враговъ. Продолжительная москов-

ская тираннія въ Польшѣ очевидно доказываетъ, до какой степени эта держава играла нашею судьбою. Она покупала себѣ продажныя души, обманывала слабые умы, вѣроломными обѣщаніями льстила предразсудкамъ, ласкала страсти, возбуждала ихъ одну противъ другой, чернила нашу націю передъ иностранцами, все привела въ движеніе, чтобы насъ погубить, однимъ словомъ употребляла въ дѣло все, что только могла выдумать адская злоба, соединенная съ самымъ безнравственнымъ вѣроломствомъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ, когда поляки брали оружіе противъ московитовъ, — этотъ варварскій народъ могъ ли похвастаться, что онъ одержалъ надъ нами хотя одну дѣйствительную побѣду? И однако польская храбрость получала отъ этого только ту выгоду, что на короткое время облегчала иго, которое побѣжденный врагъ налагалъ на насъ снова. Откуда же такіе страшные обороты дѣла въ Польшѣ? Отчего народъ стонетъ подъ тягостію несчастій и не найдетъ средствъ покончить ихъ? Оттого, что коварство москалей сильнѣе, чѣмъ ихъ оружіе; оно губитъ поляковъ поляками. Несчастные поляки долго были раздѣлены политическими мнѣніями, не соглашались между собою въ началахъ, на которыхъ должны быть основаны свобода и общественный строй. Хотя эта рознь мнѣній сама по себѣ невинна, но къ ней приплетались частные виды, вредный духъ несогласія, наклонность связываться съ иностранцами и, наконецъ, низкое подчиненіе ихъ воли. Страданія наши переполнились. Участь Польши рѣшается. Теперь или никогда! Довольно сомнѣній, довольно споровъ! Оставьте въ презрѣніи вѣдомыхъ измѣнниковъ, подлецовъ, которые еще и теперь глухи къ послѣднему хрипѣнію умирающей отчизны. Настоящее возстаніе клонится къ тому, чтобы возвратить Польшѣ свободу и независимость. Волѣ націи предоставляется рѣшить, въ болѣе благопріятное время, какую форму правленія угодно ей будетъ дать себѣ. Поэтому, пріостановимъ всѣ пренія о мнѣніяхъ; священная и ясная цѣль возстанія должна собрать подъ одни знамена всѣхъ и соединить между собою тѣхъ, которые по многимъ поводамъ были до сихъ поръ несогласны съ нами. Въ этотъ день, въ эту минуту, слѣдуетъ намъ показать величайшее соревнованіе. Непріятель собираетъ противъ насъ всю свою силу, грозитъ намъ оружіемъ, но это средство меньше всего намъ опасно. Важнѣе всего то, чтобы мы могли противопоставить значительную громаду свободныхъ людей ордѣ пугливыхъ невольниковъ. Не сомнѣвайтесь, побѣда будетъ за тѣмъ, кто сражается за свое собственное дѣло. Лукавыя козни, которыя насъ до сихъ поръ одолѣвали, эти змѣи, которыя насъ предательски

уязвляли, этотъ вѣроломный макіавелизмъ, который намъ без престанно вредилъ — вотъ что мы должны сдѣлать безсильнымъ. Разобьемъ эти страшныя орудія, постараемся, чтобы всѣ граждане имѣли одно чувство, чтобы грозящій мечъ правосудія достигалъ повсюду до тѣхъ, которые осмѣлятся показать двуличность и измѣну.

«Я указываю націи на вѣроломное средство, какое хотятъ употребить москали для нашей гибели. Они думаютъ возбудить противъ насъ поселянъ. Они изображаютъ въ преувеличенномъ видѣ произволъ надъ ними обывательской власти, ихъ старинную нищету, обѣщаютъ имъ улучшеніе ихъ участи подъ вліяніемъ Екатерины II, и въ то же время подстрекаютъ ихъ грабить обывательскія усадьбы. Обманутые простаки могутъ попасть въ разставленныя сѣти, какъ часто бываетъ; всѣмъ извѣстно, какъ москали надѣвали свои мундиры на легковѣрныхъ мужиковъ и обманули ихъ наравнѣ съ тѣми, которыхъ заставили идти за собою поневолѣ. Я сознаюсь, что безчеловѣчное обращеніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терпитъ сельское населеніе, даетъ москалямъ достаточный поводъ безчестить польскую націю. Я часто получалъ жалобы отъ старыхъ солдатъ и новыхъ рекрутовъ: не только, какъ они показываютъ, ихъ жены и дѣти не получаютъ никакого облегченія, но ихъ положеніе еще отягощается, какъ бы въ наказаніе за то, что ихъ мужья и отцы служатъ Рѣчи-Посполитой. Подобные поступки во многихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, совершались безъ вѣдома и желанія обывателей, но у другихъ они могли быть слѣдствіемъ недоброжелательства или иностраннаго внушенія, которое такимъ образомъ дѣйствуетъ для того, чтобы охладить патріотическій энтузіазмъ народа. Какъ бы то ни было, человѣколюбіе, правосудіе и общественная польза внушаютъ намъ средства легко и своевременно уничтожить эти злодѣйскіе замыслы. Мы объявляемъ во всеуслышаніе, что народъ долженъ пользоваться покровительствомъ правительства, не только на это время, но это покровительство ему достоитъ по силѣ старинныхъ законовъ, освященныхъ волею націи. Объявляемъ, что всякій обиженный человѣкъ можетъ прибѣгать къ покровительству порядковыхъ коммиссій, учрежденныхъ въ каждомъ воеводствѣ, а оскорбитель и утѣснитель защитниковъ отечества будетъ наказанъ, какъ врагъ отечества и измѣнникъ. Мнѣ принадлежитъ указать средства достигнуть такого состоянія. Эти средства сообразны съ справедливостію и великодушіемъ народа, дороги для чувствительныхъ душъ и сопряжены съ легкими пожертвованіями личныхъ выгодъ для общественнаго блага. Я поручаю провизоріальному

совѣту въ Варшавѣ, а равно и коммиссіямъ въ воеводствахъ и повѣтахъ оповѣстить настоящій универсалъ и наблюдать возможно-строжайшимъ образомъ надъ его исполненіемъ:

1) Народъ по силѣ закона будетъ пользоваться покровительствомъ правительства.

2) Всякій поселянинъ лично свободенъ, можетъ водворяться гдѣ ему угодно, сдѣлавши въ порядковой коммиссіи заявленіе о томъ, гдѣ онъ намѣренъ водвориться, заплативъ свои долги, если таковые окажутся, и общественныя подати.

3) Рабочіе дни, которые крестьяне будутъ посвящать своимъ владѣльцамъ, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тотъ, который долженъ былъ работать шесть дней въ недѣлю, будетъ работать только четыре; тотъ, который работалъ пять, долженъ работать три; работавшій три дня — два; а работавшій два — только одинъ день; тотъ, который работалъ только одинъ день въ недѣлю, будетъ работать одинъ день въ двѣ недѣли; кто работалъ помѣщику вдвоемъ, тому должны быть сбавлены рабочіе дни вдвойнѣ, а кто работалъ самъ-другъ, тому безъ удвоенія. Такая льгота должна наблюдаться во все время возстанія, до тѣхъ поръ, пока законодательная власть не установитъ для этого строгихъ правилъ.

4) Мѣстныя власти будутъ наблюдать, чтобы имущества тѣхъ, которые служили Рѣчи-Посполитой, не приходили въ упадокъ, и чтобы земля, источникъ богатства, не оставалась безъ разработки, чему должны въ каждой деревнѣ содѣйствовать, какъ владѣльцы, такъ и сельскія громады.

5) Призываемые въ посполитое рушенье освобождаются отъ всякой панщины во все время, въ которое они остаются подъ оружіемъ, но они обязаны возобновить ее съ того времени, когда возвратятся въ свои жилища.

6) Никакой владѣлецъ не можетъ отнять у крестьянина поле, которымъ онъ владѣетъ, пока онъ исполняетъ связанныя съ этимъ повинности, по вышеуказаннымъ правиламъ; чтобы крестьянина лишить грунта, нужно, чтобы владѣлецъ доказалъ передъ мѣстною юрисдикціею, что крестьянинъ не исполняетъ своихъ обязанностей.

7) Если какой-нибудь повѣренный, экономъ или коммиссаръ владѣльца нарушитъ настоящее распоряженіе, и начнетъ учинять какое-нибудь утѣсненіе крестьянамъ, такой долженъ быть арестованъ, приведенъ въ порядковую коммиссію и отправленъ въ уголовный судъ.

8) Если какой-нибудь владѣлецъ, что мнѣ непріятно допустить, прикажетъ или самъ начнетъ оказывать утѣсненія надъ

крестьянами, такой долженъ быть приведенъ въ судъ, какъ виновный въ намѣреніи потрясти священную цѣль національнаго повстанья.

9) Равномѣрно, сельское населеніе, пользуясь правосудіемъ и щедротами правительства, должно ревностно работать въ опредѣленные настоящимъ предписаніемъ дни, повиноваться законамъ, не пренебрегать сельскою экономіею, напротивъ стараться обработывать землю и обсѣменять ее. Такъ какъ выгоды отечества заставляютъ насъ установить это уменьшеніе обязанностей, лежащихъ на народѣ, и обыватели принимаютъ его охотно, изъ любви къ отечеству, поэтому необходимо, чтобы земли обывателей не оставались необработанными, и поселяне также не должны отказываться, если ихъ будутъ нанимать на работу за надлежащую плату.

10) Чтобы повсюду былъ соблюденъ порядокъ, и чтобы настоящее предписаніе сохранялось въ точности, порядковыя коммиссіи раздѣлятъ воеводства и повѣты на дозоры, такъ, чтобы каждый дозоръ заключалъ не менѣе тысячи и не болѣе тысячи двухъсотъ земледѣльцевъ. Этимъ дозорамъ должно дать имя села или главнаго городка и означить ихъ взаимныя границы, съ соблюденіемъ удобства сообщенія между ними.

11) Во всякомъ дозорѣ будетъ назначенъ наблюдатель, человѣкъ достойный по своимъ способностямъ и честности; кромѣ обязанностей, которыя налагаются на него порядковою коммиссіею, онъ будетъ принимать жалобы отъ народа, въ случаѣ притѣсненій, и отъ владѣльцевъ, въ случаѣ неповиновенія со стороны народа, рѣшать споры, а если спорящія стороны не подчинятся его рѣшенію, отсылать ихъ въ порядковую коммиссію.

12) Оказанное народу правосудіе, котораго послѣдствія онъ увидитъ въ облегченіи его повинностей, должно одушевлять его еще болѣе къ работамъ, къ воздѣлыванію земель и къ защитѣ отечества. Если какіе-нибудь гультаи, во зло употребляющіе правосудіе и благодѣянія правительства, будутъ отвращать народъ отъ работы, возбуждать къ бунту противъ владѣльцевъ, отговаривать отъ защиты отечества, порядковыя коммиссіи въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ должны ихъ арестовать и предавать уголовному суду. Порядковыя коммиссіи будутъ равномѣрно наблюдать надъ бродягами, которые оставятъ свои дома и будутъ скитаться, арестовать ихъ, и если, по учиненномъ обыскѣ о ихъ поведеніи, докажется, что они лѣнивцы и бродяги, употреблять ихъ на общественныя работы.

13) Духовные, какъ ближайшіе наставники, должны внушать народу его долгъ по отношенію къ отчизнѣ, его истинной ма-

тери. Они должны ему объяснить, что обработывать земли, какъ собственныя, такъ и владѣльческія, есть такая же служба отчизнѣ, какъ и сражаться и защищать отчизну отъ опустошеній и грабежа непріятельскихъ солдатъ, и что, исполняя обязанности, облегченныя настоящимъ предписаніемъ, они только вознаграждаютъ владѣльцевъ за тѣ земли, которыя отъ владѣльцевъ получаютъ.

14) Духовные обоихъ обрядовъ должны обнародовать этотъ универсалъ въ теченіи четырехъ недѣль, съ амвоновъ въ костелахъ и церквахъ. Сверхъ того, порядковыя коммиссіи выберутъ сами изъ своихъ членовъ или изъ ревностныхъ къ отечеству обывателей, лицъ, обязанныхъ отправиться во всѣ села и приходы, собирать народъ, читать ему настоящее распоряженіе, объяснять ему, что повстанье имѣетъ цѣлью его благосостояніе, и что онъ, народъ, въ благодарность за такое великое благодѣяніе долженъ заплатить благодарностію и употребить всѣ силы къ защитѣ Рѣчи-Посполитой».

Этотъ универсалъ прошелъ безслѣдно и остался важнымъ въ исторіи только какъ образчикъ, на какія мѣры рѣшались поляки въ разгарѣ политической страсти. Къ опубликованію его не прилагали большихъ стараній; даже въ газетахъ онъ явился не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, тогда какъ другіе универсалы Костюшки печатались немедленно. Обыватели были далеки отъ того, чтобы раздѣлять желаніе Костюшки облегчить повинности крестьянъ; напротивъ, отправивъ крестьянъ въ войско, они сильнѣе обременяли ихъ семьи работами, чтобы выручить потерю работниковъ; даже тѣ обыватели, которые сочувствовали вполнѣ возстанію, и не отказывались проливать собственную кровь за отечество, смотрѣли на высылку крестьянъ своихъ въ войско какъ на такое съ своей стороны добровольное лишеніе, какимъ было пожертвованіе вещей и денегъ. Хлопъ для обывателя не переставалъ быть рабочимъ скотомъ, да и нельзя было требовать отъ обывателя иныхъ взглядовъ и чувствъ, кромѣ тѣхъ, которые перешли къ нему отъ отца и дѣда и усвоены воспитаніемъ. Достаточные владѣльцы, когда на нихъ наложили пожертвованія, съ спокойною совѣстію раскладывали ихъ на своихъ крестьянъ, хотя имѣли и капиталы. Варшавскій провизоріальный совѣтъ, узнавъ о такихъ поступкахъ, запрещалъ ихъ, и даже предписывалъ въ Мазовецкомъ княжествѣ возвратить крестьянамъ то, что у нихъ для этой цѣли собрали владѣльцы. Въ своемъ универсалѣ, отъ 25 мая, онъ замѣчаетъ, что не могъ ожидать этого отъ благородныхъ обывателей, а тѣмъ болѣе отъ духовныхъ, которые, въ числѣ своихъ первыхъ обязанностей, должны считать

облегченіе судьбы угнетеннаго народа. Вообще надобно сказать, что универсалъ 7 мая принесъ возстанію болѣе вреда, чѣмъ пользы. Онъ отбивалъ обывателей отъ возстанія; обыватели боялись, что цѣль возстанія отнять у нихъ тѣ права, въ которыхъ они поставляли самое величайшее достоинство шляхетскаго званія. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то они не выходили изъ тупого терпѣнія и боязни передъ своими панами: на нихъ дѣйствовало то, что скажетъ ихъ панъ, и еслибы въ самомъ дѣлѣ смутная эпоха пробудила въ нихъ глубокое чувство желанія свободы, или даровала возможность проявиться на дѣлѣ пробужденному чувству, то, конечно, вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ возникло бы и неразлучное съ нимъ чувство вражды къ панамъ; этотъ универсалъ не могъ оживотворить ихъ. Притомъ, по самой сущности дѣла, никакой универсалъ Костюшки не могъ имѣть въ будущемъ великаго значенія. Въ самомъ актѣ повстанья было постановлено, что всѣ распоряженія временного правительства не имѣютъ силы на будущее время, что они могутъ быть уничтожены на первомъ же засѣданіи сейма, который долженъ будетъ собраться по успокоеніи страны.

По примѣру Варшавы, высочайшій совѣтъ великаго княжества Литовскаго, независѣвшій отъ польскаго, требовалъ, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденія были подвластны исключительно ему. Литва шагнула въ революціи дальше чѣмъ Корона, ея высочайшій совѣтъ прямо объявилъ о своей солидарности съ Франціею. «Слушай, народъ литовскій, говорилось въ его универсалѣ, что теперь говоритъ тебѣ не слабый король со слабѣйшаго престола, не своевольная громада, неимѣющая ничего кромѣ пустого титула народа, а спокойный союзъ благожелательныхъ твоихъ сыновъ, которые долгое время трудились надъ твоимъ освобожденіемъ въ то время, когда ты въ немъ отчаявался; мужественный французскій народъ подаетъ тебѣ дружескую руку, сочувствуетъ твоему повстанью, дастъ тебѣ, кромѣ того, помощь всякимъ способомъ. Его доброжелательство основано на взаимныхъ выгодахъ двухъ народовъ, а не на обольстительной и обманчивой политикѣ, которой жертвою мы были столько разъ». Извѣщалось объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда, который въ 24 часа долженъ судить преступленія противъ повстанья. Постановлялось, что декретъ этого суда можетъ быть только или полнымъ оправданіемъ съ наказаніемъ обвиняющаго, или смертный приговоръ. Установлена была депутація общественной безопасности. Ея обязанность была наблюдать надъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ препятствовать народному повстанью, чтобы не только ничего не дѣлалось, но даже и не говорилось противнаго

повстанью, а виновные будутъ немедленно отсылаемы къ суду. Для этой цѣли она имѣла власть задерживать кого нужно военною силою, производить слѣдствіе. Въ случаѣ, еслибы не было доносителя, процессъ о преступленіи противъ повстанья начинался публичнымъ инстигаторомъ. Кромѣ этой грозной депутаціи, Высочайшій Совѣтъ учреждалъ еще депутацію снаряженій и депутацію общественной казны. Высочайшій совѣтъ приглашалъ всѣхъ къ оружію и доставкѣ рекрутъ, побуждалъ шляхту говорить милостивымъ словомъ природы къ простому народу и призывать его къ войнѣ ради того, что онъ терпитъ отъ иноземныхъ солдатъ. Не только о какомъ бы то ни было освобожденіи, но даже объ облегченіи повинностей не говорилось ни слова. Костюшко, узнавъ объ этомъ, очень былъ недоволенъ: объявить, что принимаютъ за образецъ Францію и входить съ нею въ дружескій союзъ въ то время значило вызывать противъ Польши ту бурю, которая давно уже угрожала Франціи, и если эта буря не могла до сихъ поръ ничего сдѣлать Франціи, то тѣмъ яростнѣе должна была напасть на Польшу.

VII.

Аресты. — Волненія въ Варшавѣ. — Казнь Ожаровскаго, Коссаковскаго, Анквича и Забѣллы.—Организація военно-полицейской силы въ Варшавѣ.—Волненіе противъ диссидентовъ. — Образованіе высочайшаго совѣта.

Духъ революціоннаго террора разгорался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. 1-го мая, арестовали епископовъ Масальскаго, Скаржевскаго и подканцлера Адама Мощинскаго. Отъ нихъ отобрали вещи, которыя они получили въ подарокъ отъ Екатерины послѣ гродненскаго сейма. Масальскій находился въ дворцѣ у короля: генералъ Мокроновскій обратился къ Станиславу-Августу и просилъ отъ имени совѣта арестовать его черезъ своего адъютанта. «Мнѣ крайне прискорбно — сказалъ король — что мое жилище не можетъ служить убѣжищемъ, но всего прискорбнѣе то, что все это дѣлается послѣ того, какъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ епископъ старался всѣми силами смягчить несчастія, которыя стали поводомъ къ революціи 17-го апрѣля. Впрочемъ, я не имѣю права арестовать виленскаго епископа». Тогда Мокроновскій арестовалъ Масальскаго мимо воли короля: арестованный былъ отправленъ въ брюлевскій дворецъ. По его арестованіи, Людовикъ Тышкевичъ такъ испугался, чтобъ къ нему не придрались, что отослалъ погребецъ, который онъ получилъ отъ русской государыни, и написалъ письмо, въ которомъ

увѣрялъ, что онъ сдѣланъ былъ маршаломъ сейма по неволѣ и исполнялъ свои обязанности такъ, что не долженъ чрезъ то навлечь упреки патріотовъ.

Пронеслись вслѣдъ затѣмъ вѣсти, что русскіе жестоко поступали съ жителями; говорили, что Тучковъ, уходя изъ-подъ Вильны, жегъ жилыя мѣстности и дозволялъ солдатамъ неистовствовать надъ жителями. Тоже говорили о Циціановѣ, который, кромѣ того, наложилъ на Гродно разорительную контрибуцію; разсказывали о своевольствѣ отряда маіора Сухозанета, въ Козенцахъ, гдѣ ограбленъ былъ королевскій палацъ и москали, угрожая городу сожженіемъ, приказывали чиновникамъ городского магистрата доставлять себѣ женщинъ для распутства. Ожесточеніе противъ русскихъ вообще перешло и на русскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Варшавѣ, а еще болѣе на посаженныхъ въ тюрьму поляковъ, называемыхъ измѣнниками.

Коллонтай изъ Кракова дѣйствовалъ на народъ; его агентъ, Марушевскій, и вообще рьяные демагоги, подъ вліяніемъ примѣровъ французской революціи, побуждали народъ требовать казней: это, говорили они, наведетъ страхъ на многочисленныхъ тайныхъ недоброжелателей революціи и прекратитъ ихъ замыслы. Чернь, разжигаемая демагогами, пріобрѣтала жажду крови. Случилось событіе, ускорившее исполненіе желанія демагоговъ.

8-го мая, въ день королевскихъ именинъ, въ шесть часовъ по полудни, король отправился въ Прагу на прогулку. Въ это время разгласили по Варшавѣ, будто русскіе и пруссаки приближаются къ Прагѣ. Все заволновалось, заметалось, хваталось за оружіе, ударили по всѣмъ костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны, кричали: до брони, до брони! и по всѣмъ улицамъ засновали туда и сюда старые и малые, вооруженные какъ попало и чѣмъ попало, кто бѣжалъ съ ружьемъ безъ штыка, кто со штыкомъ безъ ружья, кто съ пистолетомъ, кто съ копьемъ.... Комедіанты, торгаши, ремесленники, чернорабочіе, евреи и такіе люди, о которыхъ по неопредѣленности ихъ занятій можно было только сказать, что они топтали варшавскія улицы, и тѣ не отставали отъ другихъ и старались показать свой польскій патріотизмъ. Торопливость была такъ велика, что не одинъ, заряжая непривычное для себя оружіе, ранилъ самъ себя или своего товарища.

Въ это время начали кричать, что русскихъ плѣнниковъ слишкомъ много, что измѣнники хотятъ освободить ихъ и они будутъ опасны для города во время приступа, — ихъ надобно всѣхъ побить вмѣстѣ съ тѣми поляками, которые посажены въ тюрьмы и принадлежатъ, какъ извѣстно, къ московской партіи.

Вдругъ узнали, что короля нѣтъ въ городѣ. Тогда разнеслось въ толпѣ, что онъ ускользнулъ изъ Варшавы и измѣнилъ патріотическому дѣлу. Кинулись догонять короля, но король, узнавъ о волненіи народа, самъ воротился, и на Краковскомъ предмѣстьѣ толпа встрѣтила его восклицаніями: «да здравствуетъ король!» А нѣкоторые прибавляли: «только пусть не убѣгаетъ!»

Много труда стоило успокоить взволнованный городъ. Едва ночью утихло смятеніе.

На другой день узнали, что подъ городомъ нѣтъ и не было ни русскихъ, ни пруссаковъ; стали разыскивать, кто распускаетъ эти вѣсти. По наущенію Килинскаго стали говорить, что это пущено было тайными сторонниками русскихъ, съ тѣмъ, чтобы произвести суматоху и въ суматохѣ освободить плѣнныхъ русскихъ и содержавшихся подъ стражею поляковъ. Указывали особенно на камердинера Анквича, будто онъ былъ здѣсь одно изъ главныхъ лицъ и цѣль его была освободить своего господина.

Громада народа бросилась къ дверямъ дома, гдѣ засѣдалъ провизоріальный совѣтъ, и кричала: «повѣсить Ожаровскаго, Забѣллу, Коссаковскаго и Анквича!» Совѣтъ хотѣлъ-было уговорить народъ отстать отъ этого требованія, но напрасно. Народъ собрался на Старомъ мѣстѣ, на рынкѣ. Стали толковать, что слѣдуетъ обличить и судить немедленно злодѣевъ отечества для примѣра другимъ. Послали требовать актовъ архива Игельстрома. Уже прежде разбирались эти бумаги; изъ нихъ было видно, что обвиняемыя лица дѣйствительно были на пенсіонѣ у Россіи. Народъ объ этомъ узналъ и хотѣлъ видѣть казнь тѣхъ, которыхъ считалъ виновниками бѣдствій отечества. Еще на разсвѣтѣ толпа поставила четыре висѣлицы, три на Старомъ мѣстѣ, четвертую передъ костеломъ бернардиновъ на Краковскомъ предмѣстьѣ. На висѣлицахъ было написано: «казнь измѣнниковъ отечества».

Провизоріальный совѣтъ боялся, чтобы въ случаѣ новаго такого волненія, какое произошло наканунѣ, толпа не ворвалась въ засѣданіе и не сдѣлала совѣту принужденія. Это дало бы черни на будущее время смѣлость дѣлать, что ей угодно, и провизоріальный совѣтъ потерялъ бы значеніе самостоятельнаго правительства; лучше было заранѣе добровольно уступить въ томъ, что вырвутъ насильно въ случаѣ упорства. Приказали вывести четырехъ пановъ и отдать ихъ народному суду. Семидесятилѣтній Ожаровскій не могъ ходить и его принесли въ креслѣ. Анквичъ и Забѣлло шли вмѣстѣ, держа въ рукахъ шляпы, и кланялись народу на всѣ стороны, какъ бы желая смягчить покорностію народное ожесточеніе противъ себя. За ними слѣдовалъ епископъ Коссаковскій, опустивъ глаза въ землю.

Привели ихъ въ ратушу, гдѣ собрался уголовный судъ; показали имъ ихъ росписки въ полученіи денегъ отъ русскихъ пословъ. Улика была на лицо. Запираться было невозможно, оправдываться тоже. Трое изъ осужденныхъ молчали. Коссаковскій говорилъ: «Если вы хотите судить за это, судите въ такомъ случаѣ и другихъ; многіе сенаторы и епископы достойны той же самой судьбы, и они такъ же, какъ и мы, брали отъ русскихъ деньги и служили Россіи».

Это собственно не было оправданіе, а только указаніе на виновность другихъ въ томъ же. Коссаковскій, какъ видно, хотѣлъ посредствомъ этой увертки избѣгнуть немедленной казни, затянуть дѣло, сдѣлать себя нужнымъ для производства суда надъ другими, а между тѣмъ обстоятельства могли измѣниться. Но разъяренная толпа не слушала ничего, кричала: «на висѣлицу измѣнниковъ»! Приговоръ былъ немедленно подписанъ. Пригласили капуциновъ; они исповѣдовали и причастили троихъ приговоренныхъ, потомъ ихъ повели на висѣлицу.

Ожаровскій, сидя въ своемъ креслѣ, отъ страха былъ чуть живъ и кажется не сознавалъ, что съ нимъ происходитъ. Онъ первый выпилъ смертную чашу съ тупымъ спокойствіемъ. Забѣлло, когда его подвели къ висѣлицѣ, началъ кланяться, просить народъ о помилованіи, и увѣрялъ, что онъ невиненъ. Ему отвѣчали криками: «измѣнникъ, измѣнникъ, молчать!» Анквичъ, одѣтый въ зеленый кунтушъ, съ твердостію окинулъ взорами народъ и началъ-было говорить рѣчь: «Народъ благородный! Неужели въ тебѣ нѣтъ состраданія?» но его прервали криками: «нѣтъ состраданія къ измѣнникамъ!» Тогда онъ, подошедши къ висѣлицѣ, понюхалъ табаку, потомъ равнодушно подарилъ золотую табакерку палачу, сказавъ: «не мучь меня долго»; самъ себѣ надѣлъ на шею петлю и повисъ.

Надъ епископомъ Коссаковскимъ, по сношенію провизоріальнаго совѣта съ нунціемъ, совершенъ былъ прежде духовными обрядъ снятія сана; а потомъ уже его повели на особую висѣлицу на Краковскомъ предмѣстьѣ. Народъ бѣжалъ за нимъ, кричалъ, плевалъ на него, рвалъ на немъ одежды, такъ что онъ остался въ рубашкѣ и въ холщевомъ исподнемъ платьѣ. Несчастный просилъ позволенія зайти въ костелъ въ послѣдній разъ помолиться, но этого ему не дозволили и повѣсили.

«Да здравствуетъ революція»! кричалъ народъ, наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ измѣнники въ смертныхъ мукахъ кружились въ воздухѣ на роковыхъ петляхъ. Застывшія тѣла ихъ висѣли до вечера. Толпы безпрестанно сновали около нихъ и кричали: «такъ слѣдуетъ поступать со всѣми подобными».

Имѣнія осужденныхъ объявлялись конфискованными, но сдѣлано было прибавленіе, что безчестіе, постигшее этихъ преступниковъ, не падаетъ на ихъ фамиліи и потомковъ, если только послѣдніе будутъ служить отечеству вѣрно.

Русскіе плѣнные ожидали себѣ кончины, но къ нимъ вошли поляки и сказали: «Москали, не бойтесь, вамъ не будетъ худо. Вы честные и храбрые люди, вы служили своему отечеству и своей государынѣ; еслибы у насъ были подобные вамъ, такъ и вы бы у насъ не были». Съ этихъ поръ положеніе русскихъ стало гораздо лучше. Ихъ содержаніемъ завѣдывала особая депутація. Положили выдавать на генерала Милашевича, какъ раненаго, 18 злот., а на другихъ генераловъ и бригадировъ по 9, на полковниковъ, подполковниковъ и маіоровъ по 6, на ротмистровъ и капитановъ по 3, на прочихъ оберъ-офицеровъ по 2; на унтеръ-офицеровъ 15 гр., а на солдата 10 грошей въ день; больнымъ же изъ солдатъ прибавляли еще по два въ день. Съ ними стали обращаться вѣжливѣе, дозволили имъ ножи и вилки и даже нѣкоторымъ бумагу. Провизоріальный совѣтъ назначилъ для нихъ даже священника, Савву Пальмовскаго, и позволилъ устроить православное богослуженіе.

Провизоріальный совѣтъ желалъ на будущее время пресѣчь народныя смятенія и устроилъ въ городѣ правильное вооруженіе жителей. Вся Варшава подѣлена была числовымъ способомъ. Пересчитаны годныя къ бою лица отъ 15 до 50-лѣтняго возраста. На десять назначенъ десятникъ, десять десятковъ составляли сотню, для которой выбирался сотникъ. У тѣхъ дворовъ, гдѣ приходилась сотня, вколачивался столбъ и назначалась караульня или гауптвахта. На тысячу (или на десять сотниковъ) назначался комендантъ и комендантская караульня, а на три тысячи генеральный комендантъ и у него караульня. Всѣ генеральные коменданты зависѣли отъ коменданта княжества Мазовецкаго, у котораго главная караульня была близъ памятника Сигизмунда III. Половина этой вооруженной силы бралась на баттареи и окопы къ работамъ, изъ остальныхъ половина (т.-е. четверть всего числа) ставилась на караульняхъ, а прочіе оставались дома. Въ случаѣ битвы, эта городская милиція должна была ставиться тремя колоннами; первая вооружена была огнестрѣльнымъ оружіемъ, вторая косами, третья копьями. Тревога должна была дѣлаться по распоряженію коменданта княжества Мазовецкаго троекратнымъ выстрѣломъ у памятника Сигизмунда III, потомъ выстрѣлами на генеральныхъ караульняхъ. Поэтому, въ каждомъ изъ шести циркуловъ, на которые была раздѣлена

столица, было поставлено по пушкѣ. Звонъ въ набатъ запрещенъ, какъ и битье въ бубны по городу.

Демагоги начали волновать народъ противъ диссидентовъ, и возбуждали противъ нихъ католическій фанатизмъ. «Диссиденты—говорили они—давніе враги свободной Рѣчи-Посполитой, угодники Россіи и Пруссіи, они всему злу починъ дали, пригласили Россію и Пруссію вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; они получили свои привилегіи и права не отъ Польши, а отъ Россіи, и теперь льнутъ къ нашимъ врагамъ; у нихъ въ церквахъ спрятано оружіе; какъ только русскіе и пруссаки подойдутъ къ городу, они достанутъ свое оружіе, освободятъ русскихъ плѣнниковъ, начнутъ помогать непріятелю и насъ всѣхъ рѣзать». Отъ словъ и угрозъ недалеко было въ такихъ обстоятельствахъ и до дѣла. Диссидентовъ стали оскорблять. Провизоріальный совѣтъ, для успокоенія умовъ, велѣлъ нарядить слѣдствіе и обыскать диссидентскіе молитвенные дома. Въ нихъ не нашли никакихъ оружейныхъ складовъ, и совѣтъ огласилъ, что кто впередъ будетъ разсѣевать подобные ложные слухи, тотъ будетъ признанъ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Но въ то же время спокойные обыватели находили болѣе и болѣе причинъ быть недовольными революціею. Военныя силы, наполнявшія Варшаву, вступали въ столкновенія съ мирными обывателями. Когда возили въ городъ припасы и продукты на торгъ, военные люди останавливали возы, выбирали изъ нихъ припасы, вербовали въ войско людей, которые ихъ везли. Жалобы на такіе поступки въ провизоріальный совѣтъ не прекращались. Многіе представляли, что они такимъ образомъ въ прахъ разоряются.

24 мая, прибыли въ Варшаву тріумфаторами Игнатій Потоцкій и Коллонтай. Толпы, встрѣчая ихъ, кричали «виватъ», махали платками и провожали къ президенту города. Они должны были занять мѣста въ высочайшемъ совѣтѣ, который долженъ былъ тотчасъ открыться. Провизоріальный совѣтъ сложилъ съ себя власть, принятую только на короткое время, по необходимости устроить какой-нибудь порядокъ въ столицѣ. Слагая власть, онъ сдѣлалъ публичное заявленіе, приглашавшее всѣхъ и каждаго, кто бы оказался недовольнымъ его дѣйствіями, выступить съ жалобою.

Высочайшій совѣтъ, по порученію Костюшки, былъ устроенъ Закржевскимъ, который остался въ качествѣ президента Варшавы. Игнатій Потоцкій, считавшійся великимъ дипломатомъ, несмотря на фіаско въ Пруссіи, увѣрилъ всѣхъ, что турки начнутъ войну съ Россіею, и Польша заключитъ съ Портою договоръ не кончать войны иначе, какъ по возвращеніи отобран-

ныхъ провинцій. Въ сущности онъ былъ только орудіе Коллонтая. Линовскій сообщаетъ, что Коллонтай, имѣвшій тогда большое вліяніе на Костюшку, присвоивъ себѣ отъ него дѣло устройства совѣта, помѣстилъ въ немъ умышленно людей незначительныхъ, чтобъ самому управлять въ совѣтѣ. Членовъ совѣта было восемь, и при нихъ 22 помощника, въ числѣ которыхъ находились: Килинскій, Вейсенгофъ, Линовскій, Капостасъ, Зайончекъ. Обязанности совѣта предписаны были актомъ краковскаго повстанья, Онъ раздѣлялся на отдѣлы, сообразно разнымъ вѣтвямъ управленія, именно: 1) полиціи или порядка (предсѣдателемъ былъ Сулистровскій); 2) безопасности (Вавржецкій); 3) правосудія (Мышковскій); 4) финансовъ (Коллонтай); 5) продовольствія (Закржевскій); 6) военныхъ дѣлъ (Веловейскій); 7) иностранныхъ дѣлъ (Игнатій Потоцкій); 8) наукъ (Яськевичъ). По распоряженіямъ отдѣла Безопасности перехватывались и пересматривались письма, подозрительныя бумаги, производились обыски въ домахъ, подвергались слѣдствію подозрительные и своевольные люди, арестовались и предавались уголовному суду; онъ наблюдалъ надъ политическими узниками и ихъ содержаніемъ, а также и надъ выдачею паспортовъ. Производство было возложено на индигаціонную коммиссію. Во все продолженіе революціи было множество спрашиваемыхъ и допрашиваемыхъ; въ концѣ мая число ихъ простиралось до 151, многіе привлекались по пустымъ подозрѣніямъ.

Помощники въ высочайшемъ совѣтѣ были прикомандированы по отдѣламъ и посылались по разнымъ дѣламъ въ воеводства и повѣты. Когда всѣ члены сходились вмѣстѣ, то президентъ выбирался на каждое засѣданіе, и потому постояннаго президента не полагалось. Пяти членовъ на лицо было достаточно для составленія засѣданія совѣта. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Голосъ президента перевѣшивалъ въ случаѣ равенства голосовъ. У совѣта были двѣ печати: одна общая, другая отдѣльная, на нихъ былъ девизъ: Свобода, Цѣлость, Независимость (wolność, całość, niepodległość).

Въ Вильнѣ также революціонный терроръ сталъ сильнѣе; въ половинѣ мая казненъ былъ бывшій маршалъ виленской конфедераціи Швейковскій, креатура Коссаковскаго. Идя на смерть онъ произнесъ: «говорилъ мнѣ Коссаковскій: гдѣ они будутъ, тамъ и я буду; такъ и случилось». Осужденъ на смерть воевода инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій съ сыномъ и свирѣпый въ оное время Мануцци съ сыномъ, но они укрывались. Всѣмъ военнымъ поручено искать ихъ. Вильна устроила у себя муниципальную гвардію, которая простиралась до трехъ тысячъ

человѣкъ. Эта гвардія была вооружена копьями, карабинами, пистолетами, топорами, бердышами. Одиннадцатаго мая былъ первый смотръ новосформированной въ Вильнѣ городской силы. Ее привѣтствовалъ и воспламенялъ къ защитѣ отечества Михаилъ Огинскій, тотъ самый, который такъ недавно, по свидѣтельству Сиверса, былъ полезенъ ему на гродненскомъ сеймѣ. «Да здравствуетъ отечество, да погибнутъ измѣнники»! кричалъ вооруженный народъ. Высочайшій литовскій совѣтъ заявлялъ, что онъ неотступно подчиняется волѣ Костюшки, что его назначеніе только временное, и что онъ не намѣренъ распространять строгости преслѣдованія на всѣхъ, кто только въ былое время далъ за себя акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, но будетъ казнить тѣхъ, которые, находясь въ этой конфедераціи, ознаменовали себя утѣсненіями надъ обывателями.

Начертавшіе въ Краковѣ составъ и способъ дѣятельности высочайшаго совѣта не дали въ немъ мѣста съ одной стороны королю, съ другой мѣщанамъ. Можно было ожидать, что пригласятъ къ предсѣдательству на засѣданіяхъ совѣта короля, но тогда заправщики дѣла мало вѣрили ему, какъ и бо̀льшая часть поляковъ. Что̀ было къ тому поводомъ и почему не допущены были мѣщане, можно толковать различно; быть можетъ, самъ Костюшко боялся этимъ допустить вліяніе уличной толпы на засѣданія, какъ то было во Франціи. Костюшко не былъ кровожаденъ; это доказывается тѣмъ, что онъ не одобрялъ казней такихъ людей, которые съ патріотической точки зрѣнія вполнѣ были достойны своего жребія. Быть можетъ, исключеніемъ мѣщанъ было намѣреніе сдѣлать угодное шляхетскому сословію, которое и теперь, какъ всегда, хотѣло, чтобы власть и законодательство оставались у него въ рукахъ исключительно. Линовскій приписываетъ это Коллонтаю; несмотря на то, что прежде онъ всегда казался демократомъ и стоялъ за права мѣщанъ, онъ теперь нашелъ допущеніе ихъ неудобнымъ для своей власти. Это недопущеніе мѣщанскаго сословія оскорбило многихъ не только мѣщанъ, но и людей крайнихъ убѣжденій о равенствѣ сословій. «Зачѣмъ, говорили, одной шляхтѣ довѣрили цѣлость отечества? Развѣ мы противились ея уставамъ, развѣ мы не платили установленныхъ податей? Кто же продалъ отечество, какъ не шляхта? Кто его дѣлилъ два раза, какъ не шляхта? Кто разорилъ нашу торговлю и ремесленность, какъ не шляхта? А кто началъ революцію? Шляхта? Нѣтъ; она, правда, составила планъ, но безъ нашей помощи ничего бы не сдѣлала.» Килинскій устроилъ клубъ и на сходкахъ въ капуцинскомъ монастырѣ волновалъ мѣщанъ и воз-

буждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе противъ шляхты. Они отправили четырехъ депутатовъ къ Костюшкѣ, но начальникъ отказалъ имъ. Коллонтай успѣлъ послать впередъ курьера къ начальнику и описать отправленныхъ депутатовъ интриганами и возмутителями порядка.

VIII.

Мѣры высочайшаго совѣта къ поддержанію революціи. — Финансовыя распоряженія. — Универсалъ къ православному духовенству. — Битва подъ Щекоцинами. — Пораженіе Заіончека подъ Холмомъ. — Взятіе русскими Люблина. — Взятіе пруссаками Кракова. — Волненія и казни въ Варшавѣ. — Вступленіе австрійцевъ. — Охлажденіе къ повстанью.

Высочайшій совѣтъ назначилъ всеобщее вооруженіе въ такой пропорціи: съ каждыхъ пяти дымовъ въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ по рекруту, съ карабиномъ и нѣсколькими лядунками, или съ копьемъ длиною въ одиннадцать футовъ, либо съ косою и топоромъ. Рекрутъ долженъ быть убранъ по-крестьянски и имѣть съ собою двѣ рубахи, сапоги, шапку и простыню изъ грубаго сукна, сухарей на шесть дней и провіанта на шесть мѣсяцевъ. Съ пятидесяти дымовъ доставляться долженъ былъ конный рекрутъ, съ конемъ, стоющимъ не менѣе 150 злот., съ сбруею, съ саблею, парою пистолетовъ и пикою, причемъ слѣдовало поставлять такихъ, которые умѣли ѣздить на лошадяхъ, напр. отдать въ рекруты курьера или охотника. Обыватели должны были доставлять рекрутъ въ порядковыя коммиссіи своихъ повѣтовъ. Для содержанія войска, каждый дымъ долженъ доставлять 24 фунта сухарей, 8 гарнцевъ овса и 24 фунта сѣна. Сверхъ того всѣ жители отъ 18 до 40 лѣтъ должны вооружаться карабинами, ружьями, саблями, пиками или косами, и каждое воскресенье всякая деревня, мѣстечко или городъ должны упражняться въ военной наукѣ. Это слѣдовало привести въ исполненіе въ теченіе трехъ недѣль. Наконецъ, командующій генералъ имѣлъ право, гдѣ то окажется нужнымъ, въ городѣ, воеводствѣ, или землѣ, или повѣтѣ, созвать посполитое рушенье. Половина изъ составляющихъ это посполитое рушенье должна будетъ идти на бой немедленно, другая оставаться на хозяйствѣ, готовая помогать тѣмъ, которые выйдутъ въ походъ. Каждый обыватель обязанъ выходить съ своими крестьянами, а если онъ слабъ здоровьемъ, старъ, или занятъ другою службою, высылать сына на челѣ своихъ крестьянъ. Обязанность вооруженія падала и на духовенство, сообразно получаемымъ дохо-

дамъ — съ двухъ тысячъ дохода должно ставить одного коннаго въ посполитое рушенье. Наконецъ, шляхта, не имѣющая другого дыма, кромѣ своего домашняго, должна идти сама лично, или высылать сыновей или братьевъ. Актомъ краковскаго повстанья, распространяемаго и на всю Польшу, возобновлялись всѣ налоги, постановленные и утвержденные бывшимъ конституціоннымъ сеймомъ (между прочимъ и пожертвованіе десятаго, двадцатаго и тридцатаго гроша съ имѣній); земскія имѣнія облагались процентомъ съ суммъ получаемаго дохода въ такой пропорціи: съ получаемаго дохода въ количествѣ отъ ста зл. до 2,000—десять процентовъ; съ доходовъ отъ 2,000 до 10,000, отъ первыхъ двухъ тысячъ—десять, а отъ остальныхъ тысячъ—двадцать; съ дохода отъ 10,000 до 30,000, съ первыхъ двухъ тысячъ—десять, съ другихъ до 8,000—двадцать, а съ остальныхъ—тридцать. Тѣ, которые получали въ годъ больше 50,000 злот. должны были платить по 40 процентовъ съ суммы дохода. За предѣлами пятидесяти тысячъ въ цѣнности слѣдовало руководствоваться тарифомъ, составленнымъ при наложеніи офяръ (пожертвованія), десятаго гроша. Королевскія столовыя и экономическія имѣнія, свободныя до сихъ поръ отъ платы офяры, теперь подвергались тому же, по цѣнности, выводимой изъ контрактовъ, по которымъ они отдавались въ поссессію. Духовныя имѣнія должны были платить по 50 проц. отъ суммы доходовъ, превышающихъ 2,000 злотыхъ. Города обязаны были заплатить половину годового съ нихъ побора, и сверхъ того всю сумму платимаго подымнаго не въ счетъ. Нѣкоторые города, какъ напр. Вильна, Краковъ, Сендомиръ, Люблинъ, Брестъ-Литовскій, Ковно, Луцкъ, Новогродокъ, сами имѣли право составить у себя поборъ. Наконецъ, съ королевщинъ, отданныхъ уже въ поссессію, бралось съ пожизненниковъ — три кварты, а съ владѣвшихъ подъ иными условіями и выше. Для облегченія позволено было платить вещами, нужными для войска, указанными порядковымъ коммиссіямъ отъ военнаго отдѣленія высочайшаго совѣта. Все это должно было собираться чрезъ экзакторовъ и доставляться въ соотвѣтственныя порядковыя коммиссіи. Сверхъ того, для бо̀льшаго доставленія денежныхъ средствъ, высочайшій совѣтъ установилъ выпускъ билетовъ казначейства (skarbowych), стоимостью на шестьдесятъ милліоновъ польскихъ злотыхъ, которымъ хотѣлъ присвоить въ государствѣ курсъ наравнѣ съ звонкою монетою. Этотъ выпускъ обезпечивался народными имуществами, то-есть королевщинами. Тарговицкая конфедерація уничтожила законы конституціоннаго сейма о королевщинахъ, а теперь они возобновлялись, и чрезъ то число недовольныхъ повстаньемъ увеличивалось тѣми, которые теряли

при этомъ законѣ. Такимъ образомъ, для погашенія долга, по выпущеннымъ билетамъ, положено было продавать каждый годъ на десять милліоновъ государственныхъ или народныхъ, какъ они теперь стали называться, имѣній, допуская къ покупкѣ не только поляковъ, но и иностранцевъ, но непремѣнно христіанской религіи. Такая оговорка была сдѣлана съ тою цѣлью, чтобы не дать перейти множеству земель въ руки евреевъ. Билеты должны были приносить по десяти процентовъ. Кто не захотѣлъ бы принимать ихъ въ обращеніи, тому заранѣе опредѣлялось наказаніе денежною пенью. Кромѣ того, такъ какъ въ наличности денегъ было мало, то доставлявшихъ продовольствіе и вообще вещи, нужныя для войска, принуждали брать вмѣсто денегъ ручательства на бумагѣ, которымъ усвоивали хожденіе наравнѣ съ звонкою монетою.

Высочайшій совѣтъ опубликовалъ манифестъ 7 мая объ освобожденіи крестьянъ, съ подтвержденіемъ, чтобы это приводилось немедленно въ исполненіе. Вмѣстѣ съ этимъ универсаломъ опубликованъ былъ другой, касавшійся православнаго духовенства, черезъ которое Костюшко думалъ привязать къ Польшѣ русскій народъ.

Универсалъ этотъ гласилъ такъ: «Священнослужители! Вы каждый день испытываете, какова судьба людей, живущихъ подъ деспотизмомъ. Вы каждый день испытываете, что притворное вниманіе, которымъ васъ обольщаетъ московское правительство, истекаетъ не изъ искренняго уваженія къ вашему сану, а изъ недостойнаго намѣренія посредствомъ васъ держать народъ въ неволѣ; вы знаете, что престолъ московскаго государства, укрѣпленный на насиліяхъ, захватахъ, преступленіяхъ и коварствахъ, огорчаетъ цѣлый свѣтъ своимъ беззаконнымъ и безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ людей и народовъ, желая всегда поддерживать свои беззаконія святынею религіи, при помощи ея служителей.

«Вы, которымъ повѣрено просвѣщеніе народа, вы, которые должны заботиться о его счастіи, откройте ему глаза, и заботясь о его благѣ, также какъ и о своемъ собственномъ, убѣдитесь, что будучи вѣрными истинному своему отечеству, постоянно удерживая связь съ Польшею, вы содѣлаетесь достойными правъ и преимуществъ, свободы и всякихъ благодѣяній того прочнаго правленія, которое теперь покупаютъ себѣ поляки кровью.

«Такъ, священнослужители! Вы теперь, со всѣмъ народомъ, московскіе невольники, а вмѣстѣ съ нами будете почтенными священнослужителями; ваши обряды, ваша собственность, ваши доходы будутъ у насъ имѣть такую же цѣну, какъ и нашихъ

собственныхъ священнослужителей. Не думайте, чтобы разница мнѣній и обрядовъ мѣшала намъ любить васъ, какъ братьевъ и соотечественниковъ; напротивъ, мы считаемъ своею главною обязанностію дать вамъ почувствовать разницу грубаго и неправосуднаго владычества, подъ которымъ вы находитесь, и владычества закона и свободы, къ которому мы васъ призываемъ. Припомните, какое большое довѣріе оказалъ вамъ варшавскій сеймъ, когда созвалъ васъ на генеральную конгрегацію въ Пинскъ, выслалъ къ вамъ изъ своей среды коммиссаровъ, позволилъ вамъ устроить вашу греко-восточную церковь, принялъ съ удовольствіемъ все, что вы сами между собою постановили. Еслибы труды этого достославнаго сейма не были прерваны внезапно, то вы уже имѣли бы теперь лучшее содержаніе, свою церковную іерархію, своихъ епископовъ, и не терпѣли бы во главѣ церкви женщины, что̀ противно св. вѣрѣ и правиламъ св. отцовъ. Но будьте увѣрены,—чего сеймъ не докончилъ, то будетъ докончено; мы думаемъ о свободѣ греко-неунитскаго обряда и о приличномъ содержаніи его священнослужителей.

«Привязывая васъ къ себѣ благодѣяніями, мы хотимъ привязать васъ, братья наши, къ общему отечеству»!

Костюшко стоялъ долго подъ Поляницами; въ войско его приходили новыя силы. Прибытіе генерала Гроховскаго изъ-подъ Люблина было важнѣйшимъ событіемъ. Кромѣ свѣжаго войска, онъ привезъ ему еще и восемьдесятъ тысячъ злотыхъ, но извѣщалъ, что на возстаніе въ Украинѣ, Подоліи, Волыни надежды нѣтъ, тѣмъ болѣе, что тамъ находятся русскія войска.

Теперь у Костюшки было до 16,000 регулярнаго войска и около десяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Корпусъ Денисова стоялъ неподалеку противъ него въ Сташовѣ. Были незначительныя стычки, оканчивавшіяся ничѣмъ. Костюшку безпокоили пожары, видимые издали: это русскіе опустошали селенія, пристававшія къ повстанью. Но какъ силы Костюшки увеличивались, то Игельстромъ боялся за Денисова и далъ приказаніе идти къ нему на помощь генераламъ Хрущову и Рахманову. Въ тоже время Игельстромъ послалъ къ прусскому генералу Фаврату, командовавшему арміею вмѣсто Шверина, просилъ его дѣйствовать противъ Костюшки вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ. Фавратъ не только изъявилъ согласіе, но въ квартиру Игельстрома въ Ловичъ прислалъ князя Нассау, который объявилъ, что прусскій король самъ приметъ начальство надъ войскомъ.

Генералъ Денисовъ снялся изъ-подъ Сташова. Костюшко слѣдилъ за нимъ. Денисовъ сталъ у Щекоцинъ. Влѣво отъ него находился корпусъ Рахманова, вправо за семь верстъ Хрущовъ

съ своимъ отрядомъ, а еще далѣе вправо, у Жарновицъ, прусское войско, куда прибылъ самъ прусскій король.

Костюшко, преслѣдуя Денисова, остановился у Ендржеіова, за 28 верстъ отъ Щекоцинъ, гдѣ былъ Денисовъ, и за 35 в. отъ пруссаковъ, ничего не зная ни о пруссакахъ, ни о ихъ королѣ. Костюшко сталъ у деревни Равки. На другой день, 5 іюня, появились противъ него непріятельскія войска. Онъ отодвинулся къ селу Прибышеву. Ночь замедлила битву. Утромъ 6 іюня, соединенныя силы русскихъ и пруссаковъ напали на поляковъ и окружили ихъ съ трехъ сторонъ. Два генерала, Водзицкій и Гроховскій пали въ битвѣ. Поляки смѣшались, отступили, потерявъ тысячу человѣкъ убитыми и восемь пушекъ. Союзники не стали ихъ преслѣдовать, потому что и въ ихъ диспозиціи также недоставало порядка.

За этою неудачею послѣдовала другая. Заіончекъ вмѣстѣ съ генераломъ Ведельстедтомъ хотѣлъ удержать движеніе русскаго генерала Дерфельдена, и сталъ подъ Холмомъ, выбравши позицію на двухъ горахъ. Но русскіе ударили на него изъ двадцати двухъ тяжелыхъ орудій, да изъ тридцати восьми полевыхъ, и послѣ пяти-часовой канонады разбили. Польскіе гренадеры и пикинеры состояли большею частію изъ непривычныхъ къ битвѣ новобранцевъ; они разбѣжались и въ паническомъ страхѣ выдумали и разгласили, что Заіончекъ измѣнникъ, взялъ отъ москалей подкупъ. Еслибы не храбрая конница полковника Вышковскаго, то у поляковъ отбили бы всѣ орудія.

Заіончекъ отретировался къ Люблину и тамъ хотѣлъ укрѣпиться, но увидѣлъ, что въ Люблинѣ не было большой охоты поддерживать возстаніе. «Въ засѣданіе порядковой коммиссіи—говоритъ очевидецъ, бывшій тогда членомъ ея—вошелъ человѣкъ высокаго роста въ байковой волошкѣ съ черною перевязью, и съ гладко причесанными волосами. «Я генералъ Заіончекъ, — сказалъ онъ. Я не былъ счастливъ противъ сильнѣйшаго непріятеля подъ Холмомъ, отступилъ,—и думаю биться подъ Люблиномъ. Приготовленъ ли городъ къ оборонѣ? Битва можетъ быть и на улицахъ».—А что же съ нашими домами станется? сказалъ Дедерко, старичекъ, владѣвшій деревяннымъ домомъ въ Люблинѣ. «А кто вы такой, сказалъ Заіончекъ, что думаете о своемъ домѣ, когда отечество требуетъ пожертвованія жизнію и имуществомъ; у васъ нѣтъ патріотическаго духа, и еще вы у другихъ его забиваете. Я васъ велю заковать въ кандалы и отослать въ Варшаву въ уголовный судъ».—Панъ-генералъ, сказалъ ему Грабовскій, не будемъ осуждать другъ друга.—«Это вы меня попрекаете, что я проигралъ битву? сказалъ Заіончекъ. Я буду

защищаться въ Люблинѣ. Есть у васъ мокрыя кожи для закрытія кровель, есть огнегасительные снаряды»?—Все найдется, закричали всѣ, только нужно предводителя. Этимъ они опять кольнули Заіончека. «Прислалъ бы предводителя, да не зачѣмъ. Въ этомъ воеводствѣ нѣтъ патріотическаго духа», сказалъ Заіончекъ и вышелъ. Еще прежде посланный въ Люблинъ и Холмъ полковникъ Хоментовскій доносилъ Костюшкѣ такими словами: «члены властей, установленныхъ въ хелмскомъ и люблинскомъ краяхъ далеки отъ революціоннаго духа, средства предпринимаются и исполняются лѣниво. Я не засталъ никакихъ приготовленій ни къ оборонѣ края, ни къ содержанію войска. Всѣ спокойно сидятъ, какъ будто ничего не происходитъ къ отечествѣ, а когда имъ говоришь о вооруженіи крестьянъ, то они кричатъ, что это беззаконіе, что тѣмъ нарушается ихъ вольность. Люблинская шляхта приступила къ повстанью только для вида, чтобы съ ней не обращались по-непріятельски.»

Дѣйствительно, люблинскіе обыватели и прежде показывали усердіе къ тарговицкой конфедераціи и поддѣлывались къ стоявшимъ у нихъ русскимъ войскамъ, даже другъ на друга доносили въ нерасположеніи къ Россіи и конфедераціи. Когда вспыхнуло возстаніе Костюшки, и русское войско оставило городъ, туда пріѣхалъ отъ Костюшки Казимиръ-Несторъ Сапѣга, наговорилъ объ успѣхахъ Костюшки, и люблинцы пристали къ повстанью. Ярые патріоты изъ тѣхъ же, которые прежде гнули шеи предъ русскими, въ знакъ патріотизма повѣсили русскаго деньщика, который, будучи пьянъ, заблудился и остался въ городѣ въ то время, какъ выходило изъ него русское войско. Направленіе жителей тотчасъ измѣнилось на прежній ладъ, какъ только почуяли, что возстаніе совсѣмъ не такъ сильно, какъ имъ наговорилъ краснорѣчивый Сапѣга. Самъ городъ Люблинъ, мѣсто трибунала, былъ запруженъ адвокатами, повѣренными, людьми, которые подъ различными видами терлись около трибунала, и содержали себя крупицами, падавшими отъ тяжбъ знатныхъ пановъ. Такой народъ естественно менѣе, чѣмъ всякій другой, способенъ былъ увлекаться любовью къ отечеству и жертвовать за него чѣмъ бы то ни было. Они готовы были служить возстанію, когда бы оно было сильнѣе, но тотчасъ же показывали расположеніе служить Россіи и кому бы то ни было, когда сила окажется на противной сторонѣ.

Теперь Заіончекъ потребовалъ отъ люблинской порядковой коммиссіи прислать ему три тысячи вооруженныхъ хлоповъ. Коммиссія исполнила требованіе, но вооруженные хлопы въ первую же ночь всѣ разбѣжались отъ Заіончека. Это неудивительно,

когда вспомнить, что всѣ они были малоруссы, и потому естественно, по своимъ стариннымъ народнымъ антипатіямъ, не расположены были подставлять лбы за преуспѣяніе польско-шляхетской вольности. Заіончекъ подозрѣваетъ даже порядковую коммиссію въ злоумышленіи, что она прислала ему такую негодную для него толпу нарочно, угождая москалямъ. Едва-ли коммиссія въ состояніи была прислать ему иныхъ. Впрочемъ, вѣрно и то, что обыватели сообразили, что повстанье не удастся съ такими предводителями, которые передъ ихъ глазами заявляютъ свое искусство проигрышами въ битвахъ съ русскими, и потому разсуждали, что для нихъ будетъ выгоднѣе, если русскіе, которые, по ихъ разсчету, должны взять верхъ, будутъ къ нимъ милостивѣе, чѣмъ повстанцы. Революція заявляла посягательство на права, которыя для нихъ были священнѣе всѣхъ правъ, —на власть надъ хлопами; Россія же не пугала ихъ ничѣмъ подобнымъ, а потому для нихъ, еслибы пришлось выбирать между властью той Польши, какую хотѣлъ устроить Костюшко, и властью Россіи, то выгоднѣе было пристать къ Россіи. Припомнить слѣдуетъ, что при первомъ распространеніи вѣсти о второмъ раздѣлѣ Польши, Холмская земля добровольно изъявила желаніе присоединиться къ Россіи. Теперь покорностью и безучастіемъ къ дѣлу возстанія, обыватели прежде всего могли спасти свои имѣнія отъ разоренія, и дѣйствительно, когда русскіе скоро опять вошли въ край, то щадили ихъ. Городъ Люблинъ былъ занятъ Дерфельденомъ; онъ обошелся съ жителями очень ласково, и хотя наложилъ на нихъ контрибуцію, но умѣренную, всего 30,000 зл., не допустилъ солдатъ до грабежа и даже не хотѣлъ принимать подарка отъ города. «Вы, говорилъ онъ, и такъ довольно несчастливы, къ чему вамъ тратиться. Я мало нуждаюсь, я все имѣю отъ моей государыни. Довольно для меня, если сохраните меня въ памяти». Русскіе разорили Пулавы, имѣніе Чарторыскихъ, и самый великолѣпный домъ его ограбили.

Заіончекъ отступилъ къ Курову. Тутъ ему прислали изъ Варшавы двадцать пушекъ. Онъ хотѣлъ снова идти противъ русскихъ, но войско его взбунтовалось; четыре полковника требовали, чтобы онъ отвелъ войско назадъ за Вислу. Проигрышъ Заіончека подъ Холмомъ, гдѣ онъ въ первый разъ командовалъ самостоятельно отрядомъ, не внушалъ увѣренности въ его высокомъ дарованіи военачальника. Заіончекъ долженъ былъ уступить и переправиться за Вислу. Куровъ былъ взятъ русскими, Дерфельденъ пощадилъ его, хотя онъ принадлежалъ самому важнѣйшему изъ сторонниковъ революціи, Игнатію Потоцкому.

Дерфельденъ зналъ его лично и уважалъ. Другіе русскіе отряды не такъ гуманно обходились съ городами и имѣніями, которые пристали къ возстанію и которыхъ надлежало усмирять. Такимъ образомъ, въ селѣ Мѣдневицѣ жители убѣжали въ костелъ, и казаки перерѣзали ихъ тамъ съ женщинами и дѣтьми.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала третья неудача для повстанья. Пруссаки подступили подъ Краковъ. Костюшко оставилъ команду надъ этимъ городомъ молодому генералъ-маіору Винявскому и далъ ему пакетъ, который велѣлъ распечатать только тогда, когда на Краковъ нападетъ сильный непріятель. Городъ укрѣпляли наскоро. Обыватели трудились надъ возведеніемъ окоповъ. Военныя польскія силы въ Краковѣ простирались до семи тысячъ и состояли изъ вооруженныхъ мѣщанъ и новонабранныхъ въ войско рекрутъ. Было у нихъ нѣсколько пушекъ, изъ нихъ шесть большихъ.

3 (14) іюня, пруссаки приблизились. Шпіоны донесли, что ихъ восемь тысячъ. На самомъ дѣлѣ ихъ было съ небольшимъ тысячи три. Винявскій, до тѣхъ поръ показывавшій большую ревность и трудолюбіе, наблюдая надъ работами и военными упражненіями неопытнаго войска, въ этотъ день распечаталъ пакетъ и узналъ, что въ случаѣ превозмогающихъ силъ непріятеля, когда городъ Краковъ надобно будетъ неминуемо сдать, онъ долженъ отдать его австрійцамъ. Винявскій отправился въ Подгурное, принадлежавшее австрійцамъ, гдѣ былъ австрійскій генералъ Гарненкуръ, а надъ городомъ команду оставилъ подполковнику Калькэ. Въ тоже время онъ отправилъ курьера къ Костюшкѣ — извѣстить, что городъ не можетъ держаться противъ пруссаковъ и сообразно волѣ главнокомандующаго отдается австрійцамъ. Но австрійскій генералъ Гарненкуръ не имѣлъ окончательнаго права принять Краковъ на такихъ условіяхъ, на какихъ предлагалъ Винявскій, и отправилъ курьера въ Вѣну. Винявскій потребовалъ однако отъ Гарненкура обѣщанія не допускать пруссаковъ до разоренія Кракова, и воротился въ городъ вмѣстѣ съ адъютантомъ австрійскаго генерала; послѣдній предложилъ порядковой коммиссіи условія, на которыхъ австрійцы могутъ заступиться за Краковъ.

Эти условія не понравились порядковой коммиссіи; она нашла ихъ оскорбительными для обывательства и невыгодными для города. Напрасно Винявскій говорилъ: «Малѣйшая проволочка повлечетъ за собою печальныя послѣдствія; можно поручиться, что непріятель хочетъ брать Краковъ штурмомъ». Чтобы отвратить отъ Кракова гибель, Винявскій самъ поѣхалъ въ прусскій лагерь и тамъ условился сдать городъ на капитуляцію пруссакамъ.

Между тѣмъ вооруженные мѣщане, хлопы и войско стояли въ окопахъ съ оружіемъ и ожидали, на что́ рѣшатся командиры. Винявскій воротился изъ прусскаго лагеря и кричалъ: «бѣгите, оставьте, нѣтъ спасенія; городъ сдается пруссакамъ»! Изъ окоповъ онъ поскакалъ по улицамъ Кракова съ тѣмъ же зловѣщимъ крикомъ, и первые набранные насильно хлопы, будучи рады, что можно не воевать, побросали свои косы и копья и разбѣжались по домамъ. За ними мѣщане бросили окопы и бѣжали къ своимъ женамъ и дѣтямъ, а между тѣмъ уже ихъ жены, услышавъ изъ оконъ своихъ домовъ крикъ Винявскаго, подняли вопль. Наконецъ и мужья и жены, ухвативъ изъ своего имущества что могли, пустились бѣжать въ Австрію, кто черезъ мостъ, а кто на лодкѣ, а кто вплавь черезъ Вислу. Войско, покинутое въ окопахъ вооруженными мѣщанами и хлопами, нѣсколько минутъ похрабрилось, а потомъ увлеклось общимъ порывомъ и также пустилось за мѣщанами черезъ Вислу, пѣхота черезъ мостъ, а конница вплавь. Австрійцы находились уже на другомъ берегу и требовали, чтобы поляки положили оружіе. Говорятъ, будто бы тогда у нихъ отобрали не только оружіе, но у многихъ взяли и деньги изъ кармановъ.

Только небольшая часть городской милиціи съ нѣсколькими мѣщанами вошла въ за́мокъ и стала отстрѣливаться, когда входилъ непріятель. Но это длилось не долго. Прусскій генералъ Эльснеръ, войдя въ городъ, объявилъ, что жители могутъ быть покойны; пруссаки не станутъ оскорблять ихъ и грабить, и далъ своимъ солдатамъ угрозу строжайшаго наказанія, въ случаѣ, если кому-нибудь изъ жителей нанесена будетъ обида. Оказалось, что всего прусскаго войска было какихъ-нибудь тысячи три.

Члены порядковой коммиссіи, Чехъ, Дембовскій и Солтыкъ, подали высочайшему совѣту, при описаніи этого событія, донесеніе, обвинявшее генерала Винявскаго въ измѣнѣ и подкупѣ. Говорили, что онъ взялъ съ пруссаковъ золота. Самъ онъ ушелъ въ Австрію. Нѣтъ никакихъ доводовъ, которыми можно бы было подтвердить это обвиненіе. Въ эпохи революцій, когда господствуетъ сильное напряженіе и терроръ, требующій, чтобы всѣ были за революціонное дѣло, всегда дѣйствуютъ сообразно объявленному тогда поляками правилу: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Тогда въ обычаѣ бываетъ обвинять въ измѣнѣ и продажности при всякой неудачѣ. Это тѣмъ естественнѣе было въ Польшѣ, когда въ этой странѣ дѣйствительно порокъ подкупа достигалъ высшей степени.

Костюшко, извѣщая націю о несчастіяхъ, постигшихъ воз-

станіе, приписывалъ Винявскому измѣну. «Непріятель — писалъ онъ — прибѣгнулъ къ прежнимъ своимъ способамъ, которые къ несчастію часто удавались ему. Краковъ сдѣлался добычею измѣны!» Утѣшая поляковъ тѣмъ, что эти утраты не должны приводить сыновъ отечества въ уныніе, Костюшко выражался: «Обыватели! помните, что первая добродѣтель свободнаго человѣка не отчаяваться о судьбѣ отечества. Этою добродѣтелью держалась и возрастала республика. Припомните себѣ древніе и новые примѣры, какъ народы, будучи на краю гибели, не потеряли мужества, и какъ близкіе къ паденію побѣждали непріятеля: орда варваровъ напала на Аѳинскую республику: аѳиняне оставили свое отечество и перешли на Саламинъ; но отвага не оставила ихъ, и они побѣдили персовъ и потомъ предписывали законы цѣлой Греціи. Аннибалъ истребилъ четыре римскія арміи; консулъ Варронъ послѣ пораженія при Каннахъ съ остатками недобитаго рыцарства воротился въ Римъ, а народъ римскій вышелъ къ нему на встрѣчу и благодарилъ за то, что онъ не отчаявался въ судьбѣ республики. Неудивительно, что такой народъ сдѣлался владыкою свѣта. И въ позднѣйшихъ вѣкахъ много подобныхъ примѣровъ. Генрихъ V, англійскій король, завоевалъ всю Францію и назвался королемъ французовъ, но французы не потеряли мужества и надежды и отбились съ отвагою. Но зачѣмъ чужіе примѣры? Вспомнимъ, въ какомъ ужасномъ положеніи была Польша во времена несчастнаго, но мужественнаго Яна-Казимира. Шведы, турки, казаки, татары и московитяне со всѣхъ сторонъ ударили на нее; не впалъ въ уныніе Чарнецкій, не пришли въ сомнѣніе храбрые и доблестные поляки, не стали вопить да сожалѣть, а взялись за оружіе, и освободили край отъ непріятельскаго наѣзда. Мы теперь въ меньшей опасности, — будемъ ли боязливѣе предковъ нашихъ?»

Непріязненныя дѣйствія пруссаковъ вызвали со стороны Костюшки и высочайшаго совѣта рѣшительныя мѣры. 12 іюня, Костюшко писалъ: «Войска короля прусскаго, соединясь съ москалями, переступаютъ черезъ тѣ границы, которыя сами узурпаторы намъ навязали насиліемъ. Поэтому, даю приказаніе всѣмъ комендантамъ регулярныхъ войскъ вступить въ прусскіе и московскіе предѣлы и провозгласить свободу и повстанье поляковъ, взывать къ народу, угнетенному и утѣсненному ярмомъ неволи, къ соединенію съ нами и къ вооруженію противъ насильниковъ, а также и всѣмъ охотникамъ и сельскому народу, если онъ можетъ отрываться отъ работъ, вступить не только въ края, отнятые отъ Рѣчи-Посполитой, но и въ края, издавна состоящіе подъ прусскимъ и московскимъ владѣніями и подавать руку по-

мощи жителямъ, если они пожелаютъ даровать свободу ихъ собственному отечеству. Поручаю всѣмъ таковымъ командирамъ обходиться по-братски, особенно съ тѣми, которые для собственнаго счастія окажутъ намъ помощь. Подъ право добычи могутъ подпадать только имущества, принадлежащія прусскому и московскому правительствамъ; именемъ народа, который опредѣлилъ казнить измѣнниковъ и награждать вѣрныхъ обывателей, каждому предводителю или командиру народной вооруженной силы и посполитаго рушенья, или ихъ наслѣдникамъ, даны будутъ народныя имущества въ награду, называемыя староствами, или же тѣ, которыя будутъ конфискованы у измѣнниковъ; поручаю поспѣшить перенести войну въ упомянутые края, а это тѣмъ удобнѣе, когда наши непріятели, вступивши въ наши края съ своимъ войскомъ, оставили собственный край безъ обороны, или съ небольшимъ войскомъ».

Высочайшій совѣтъ по этому универсалу написалъ свой, объяснилъ въ немъ несправедливость пруссаковъ и выразился такъ: «Оглашая прусскія присвоенія беззаконными, уничтожаемъ ратификаціи, вынужденныя на разбойничьемъ гродненскомъ сеймѣ, считаемъ воеводства и земли великопольской провинціи нераздѣльными частями Рѣчи-Посполитой, а ихъ жителей поляками и соотечественниками, и приказываемъ всѣмъ обывателямъ, подъ страхомъ конфискаціи имѣній, исполнять тѣ повинности, какія на нихъ возложитъ Рѣчь-Посполитая, и признаемъ измѣнниками отечества, достойными казни, тѣхъ, которые будутъ оказывать послушаніе беззаконнымъ присвоителямъ и наѣзднической власти.»

Объявлена формальная война Пруссіи, приказано Бухгольцу выѣхать изъ Варшавы. Бумаги въ посольствѣ были осмотрѣны. Бухгольцъ со всею нѣмецкою разсудительностью и хладнокровіемъ представлялъ Игнатію Потоцкому весь рискъ такой горячности, но Потоцкій былъ непоколебимъ и упрямъ. Бухгольцъ, чтобы втянуть его въ бесѣду, началъ хвалить его образованность, политическій умъ и безкорыстіе. Самолюбіе Потоцкаго было уловлено, и онъ сталъ говорить дружелюбнѣе, но оставался все съ тѣмъ же намѣреніемъ во что бы то ни стало возродить свое отечество и сдѣлать его независимымъ. «Вы слишкомъ слабы для этого, сказалъ Бухгольцъ. У васъ мало средствъ вести войну».— «Вы нашихъ средствъ не знаете, сказалъ Потоцкій. Кромѣ тѣхъ, которыя извѣстны, есть еще другія». Онъ, по замѣчанію Бухгольца, разумѣлъ здѣсь надежду на Францію и отчасти даже Австрію. «Варшаву осадятъ и возьмутъ приступомъ, сказалъ Бухгольцъ, и Польша должна будетъ покориться.

Не лучше ли теперь? Тогда хуже будетъ». — Потоцкій отвѣчалъ: «Всѣ истинные патріоты рѣшились погибнуть въ такомъ случаѣ, но тогда невозможно будетъ удержать варшавскаго народа. Тогда перерѣжутъ всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и подозрительныхъ поляковъ!» — «Такой поступокъ необузданной толпы, сказалъ Бухгольцъ, повлечетъ за собою мщеніе надъ цѣлою Польшею».—Не пугайте насъ мщеніемъ, сказалъ Потоцкій, Польшѣ нечего болѣе бояться. Хуже того, что сдѣлали, не могутъ ей сдѣлать. — «Ну, смотрите сами!» сказалъ ему Бухгольцъ.

Чтобы избавить Бухгольца отъ непріятностей со стороны раздраженнаго народа, назначили конвой, проводить его и членовъ прусскаго посольства до границы. Вслѣдъ затѣмъ высочайшій совѣтъ далъ приказаніе, въ вознагражденіе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями пруссаковъ, взять подъ секвестръ находящуюся въ Варшавѣ контору прусской компаніи, поручивъ это отдѣлу Безопасности.

Вѣсть о поступкѣ Винявскаго произвела въ Варшавѣ ужасающее впечатлѣніе. Всѣ съ увѣренностію говорили, что Винявскій измѣнникъ. За неимѣніемъ его на лицо, захотѣли излить месть на другихъ. 27 числа, нѣкто Казимиръ Конопка вошелъ въ окопы и говорилъ работающимъ варшавянамъ рѣчь, жаловался на потачку, которую правительство даетъ измѣнникамъ, указывалъ на то, что въ Варшавѣ держатъ много узниковъ, кормятъ ихъ, а не казнятъ. Слушатели пришли въ раздраженіе. Когда варшавяне разошлись, вечеромъ Конопка собралъ толпу на Старомъ Мѣстѣ передъ ратушею, и снова сталъ разжигать уличную громаду противъ сидѣвшихъ въ тюрьмахъ сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, призвавшей русскую помощь, противъ преданныхъ Россіи лицъ, бравшихъ отъ русскаго посольства деньги, и называлъ по именамъ такихъ, которыхъ слѣдовало прежде всѣхъ казнить. Распаленная его словами толпа разнесла подобныя внушенія по городу. Ночью, въ разныхъ мѣстахъ города, поставили нѣсколько висѣлицъ, между прочимъ на Старомъ Мѣстѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ Вержбовой улицѣ, у палаца Браницкихъ, на Сенаторской улицѣ: онѣ построены были стараніемъ кузнеца Себастіана Нанкевича; услыша желаніе вѣшать, онъ повелъ толпу къ плотнику Высоцкому, собралъ рабочихъ, присоединилъ своихъ, напоилъ пивомъ, и такимъ образомъ воздвиглись висѣлицы.

Утромъ, 27 іюля, толпа народа бросилась къ дому президента Закржевскаго, и кричала, чтобы имъ выдали на казнь злодѣевъ отечества. Нѣкоторые вступили къ нему въ домъ и вызывали его къ народу. Закржевскій не сталъ противорѣчить, соглашался, что

ихъ требованіе казнить измѣнниковъ справедливо, но представлялъ необходимость въ такомъ случаѣ дѣйствовать путемъ законнаго судопроизводства; обѣщалъ, что судъ приступитъ къ надлежащему разбирательству по этому предмету, и просилъ только дать нѣсколько дней для того, чтобы президентъ и народный совѣтъ имѣли возможность повести дѣло правильнымъ порядкомъ. Народъ разошелся. Но не всѣ были у президента; въ отдаленные циркулы города Варшавы не успѣли скоро дойти увѣщанія Закржевскаго. Оттуда толпы бросились на тюрьмы, отворили ихъ, и вывели семь лицъ, почитаемыхъ особенно виновными. Это были Боскампъ Ласопольскій, служившій агентомъ у русскихъ посланниковъ и получавшій жалованье отъ Россіи много лѣтъ; епископъ виленскій Масальскій, князь Антоній Четвертинскій,—оба корифеи тарговицкой конфедераціи; Рачинскій, котораго Игельстромъ назначилъ инстигаторомъ по дѣламъ о начинавшемся повстаньи; Грабовскій и Пѣнтка, считавшіеся русскими шпіонами, и Вульферсъ, бывшій членомъ провизоріальнаго совѣта и за что-то обвиняемый въ недоброжелательствѣ къ повстанью и въ сношеніяхъ съ русскими. Масальскаго вывелъ изъ тюрьмы брюлевскаго палаца Кльоновскій, пастухъ, пьяница; когда онъ тащилъ его на висѣлицу, то билъ кулаками въ спину; другіе стали подражать ему и такъ щедро надѣляли епископа виленскаго пинками, что онъ уже подлѣ висѣлицы упалъ въ обморокъ: его привели въ чувство все-таки ударами, подсадили на стулъ, а каменьщика Долгерта подсадили на верхъ висѣлицы, передали ему надѣтую на шею епископа веревку и онъ завязалъ ее около перекладины, а стоявшіе внизу выбили изъ-подъ ногъ казнимаго стулъ. Четвертинскій, вытащенный изъ тюрьмы брюлевскаго палаца, такъ оробѣлъ, что съ плачемъ и ревомъ цѣловалъ руки птичнику Дзекунскому, просилъ только дать ему хоть нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали и тащили на Краковское предмѣстье передъ домъ Браницкаго; сѣнопродавецъ Ясинскій подсадилъ его и когда снурокъ оказался коротокъ, добавилъ его привязаннымъ платкомъ. Стоявшіе кругомъ кричали и раздѣлили между собою одежду его. Повѣшеніемъ Вульферса заправлялъ каменьщикъ Буржинскій; онъ тотчасъ снялъ съ мертваго капотъ и продалъ за восемь злотыхъ.

Мимо разъяренной толпы, ликовавшей надъ смертію тѣхъ, которыхъ она признала врагами отечества, проходилъ Маевскій, служившій прежде инстигаторомъ въ маршалковской юрисдикціи. По приказанію высочайшаго совѣта онъ несъ въ судъ бумаги. Его остановили и потребовали у него эти бумаги. Онъ не давалъ ихъ. Тогда коновалъ Ставицкій, уже замѣченный въ кражѣ

и сердившійся лично на Маевскаго, началъ кричать, чтобы его повѣсили, вырвалъ у барабанщика бубенъ и началъ бить тревогу, заохочивая толпу къ крови. Другой, Петровскій, сидѣвшій верхомъ на висѣлицѣ, билъ въ ладони и кричалъ: «вѣшать, вѣшать!» Маевскаго повѣсили.

Испуганный всѣмъ этимъ, Закржевскій, побѣжалъ въ брюлевскій дворецъ, гдѣ сидѣли другіе узники и русскіе военноплѣнные. Закржевскій сталъ убѣждать толпу, собравшуюся около брюлевскаго дворца. Варшавяне очень любили и уважали его и не только оставили свое намѣреніе убивать считаемыхъ измѣнниками, но понесли на рукахъ своего президента, а другіе въ угоду ему побѣжали и тотчасъ истребили поставленныя висѣлицы, на которыхъ еще не успѣли никого повѣсить. Бывшему маршалу Мошинскому надѣли уже на шею веревку и вели на висѣлицу, когда Закржевскій подбѣжалъ къ брюлевскому дворцу и спасъ его отъ смерти, увѣривъ народъ, что онъ не избѣгнетъ наказанія въ свое время, если окажется виновнымъ. Впослѣдствіи этотъ Мошинскій ловко оправдалъ себя передъ индигаціонною коммиссіею, а по окончаніи революціи писалъ къ Сиверсу, что за ту веревку, которая у него болталась на шеѣ, стоитъ повѣсить ему голубую ленту.

На другой день послѣ казней, высочайшій совѣтъ издалъ постановленіе, не иначе совершать казни преступниковъ, какъ послѣ очевидныхъ письменныхъ доказательствъ виновности и собственнаго сознанія преступника, а постановлять приговоры предоставлялъ только уголовному суду, долженствующему оканчивать дѣла, подлежащія его обсужденію, въ три дня.

Костюшко, находясь въ Голковѣ, 18 (29) іюня узналъ о происшедшемъ въ Варшавѣ и написалъ такое воззваніе къ жителямъ Варшавы: «Случившееся въ Варшавѣ третьяго дня наполняетъ сердце мое горестію и тоскою. Желаніе казнить преступника похвально, но зачѣмъ же преступники казнены безъ судебнаго приговора? Зачѣмъ нарушено уваженіе къ закону; зачѣмъ тотъ, кто посланъ къ вамъ именемъ закона, понесъ оскорбленіе и раны? Зачѣмъ позорно умерщвленъ невинный чиновникъ? Неужели это дѣло народа, который поднялъ оружіе противъ наѣздниковъ, съ цѣлью возвратить себѣ правильную свободу, господство закона и благосостояніе? Опомнитесь, обыватели! Коварныя, злобныя души, въ соумышленіи съ непріятелями, обольстили васъ, взволновали умы; нашимъ непріятелямъ того только и нужно, чтобы у насъ не было правленія, чтобы ваше увлеченіе стало выше закона и всякаго общественнаго порядка; тогда имъ легче будетъ побѣдить силу и доблесть вашу; среди безпорядка и смутъ, каждый изъ васъ, не надѣясь на безопасность жизни, не можетъ

мыслить ни объ общественномъ дѣлѣ, ни объ общемъ спасенiи. Тогда, но уже несвоевременно, вы узнаете, что васъ обманывали, уразумѣете хитрость и обольщенiе тѣхъ лукавыхъ враговъ вашихъ, которые, будучи подкуплены непрiятелемъ, внушаютъ вамъ, что у васъ нѣтъ правительства, домогаясь, чтобы его въ самомъ дѣлѣ не было, и чтобъ вы его сами ниспровергли». Костюшко обѣщалъ скоро прибыть къ нимъ, порадовать ихъ, и выражался о себѣ такъ: «Можетъ быть образъ воина, который каждый день подвергаетъ за васъ жизнь свою опасности, будетъ вамъ милъ, но я не желаю, чтобы какая-нибудь печаль, отпечатавшись на лицѣ моемъ, отравила эту минуту; хочу, чтобы радость ваша была полная; хочу, чтобы появленiе мое напомнило вамъ, что насъ должна соединять оборона отечества и свободы». Такое высокое значенiе, какое даетъ себѣ самому Костюшко, предъ лицомъ всего народа, вызвано было почитанiемъ поляковъ, доходившимъ, какъ замѣчалъ Бухгольцъ, до идолопоклонства. Послѣ перваго успѣха Костюшку называли не иначе, какъ непобѣдимымъ.

Угождая народному ожесточенiю противъ измѣнниковъ, онъ поручалъ высочайшему совѣту понудить уголовный судъ заняться неуклонно сужденiемъ содержавшихся подъ стражею, для наказанiя виновныхъ и освобожденiя невинныхъ. Въ концѣ своего отзыва Костюшко приказывалъ обращаться къ правительству не скопомъ, не съ оружiемъ въ рукахъ, не съ непристойнымъ крикомъ, а спокойно, благоприлично, черезъ посредство своихъ цирқуловыхъ начальниковъ; наконецъ, къ такимъ лицамъ, у которыхъ кровь черезъ-чуръ кипѣла и руки чесались, и которымъ хотѣлось кого-нибудь вѣшать, онъ взывалъ такъ: «о, вы, которыхъ горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность! Для пользы отечества, обратите вашу горячность противъ непрiятелей, прибывайте ко мнѣ въ обозъ, если вы свободны отъ обязанностей, наложенныхъ правительствомъ. Оставьте наблюдать за порядкомъ правительственную власть, а измѣнники не уйдутъ отъ казни».

Въ тѣ же дни (3 iюля н. ст.), какъ бы угождая народному требованiю строгости надъ измѣнниками, военный судъ призналъ Винявскаго, за сдачу города безъ выстрѣла, виновнымъ въ нарушенiи присяги и народнаго къ себѣ довѣрiя, и приговорилъ его къ лишенiю чести и къ публичной казни чрезъ повѣшенiе, давая право каждой военной командѣ исполнить приговоръ, если виновный явится въ отечество, а до того времени осуждалъ повѣсить его портретъ на висѣлицѣ. Тому же подвергался подполковникъ Калькэ за то, что не арестовалъ возвращавшагося изъ непрiятельскаго обоза Винявскаго, а когда въ то время штабъ-

офицеры говорили ему, что лучше потерять жизнь, чѣмъ нарушить вѣрность, то сказалъ: «мнѣ милѣе жизнь». Костюшко на этомъ приговорѣ написалъ собственноручно: «Одобряю приговоръ до послѣдней буквы и поручаю напечатать его въ газетахъ». Но чтобы никто не оставался ненаказаннымъ, Костюшко вмѣстѣ съ тѣмъ понуждалъ однако высочайшій совѣтъ наблюдать, чтобъ никто, совершивъ преступленіе, не остался безъ наказанія.

Вслѣдъ затѣмъ уголовный судъ послалъ требованіе явиться въ судъ виновникамъ тарговицкой конфедераціи (Щенсному Потоцкому, Браницкому, Ржевускому и другимъ) и потомъ позвалъ къ суду виновниковъ возмущенія 27 іюля въ Варшавѣ. Что касается до первыхъ, то призывъ ихъ къ суду былъ только одною формою: само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не могъ явиться, чтобы его повѣсили.

Поляки заняли Либаву 10 (21) іюня. Городъ обязался уплатить сто тысячъ талеровъ на повстанье, дать и рекрута съ каждаго дома и сто пушекъ. Въ первыхъ числахъ іюня, поляки были обрадованы вѣстью, что курляндское дворянство и мѣщанство постановило актъ присоединенія къ краковскому повстанью, но эта радость очень скоро затмилась отъ другой неожиданной вѣсти.

Австрійцы, 30 іюня, вошли въ Польшу, и 9 іюля генералъ Гарнонкуръ занялъ Люблинъ и разослалъ полякамъ такого рода прокламацію: «Его императорское и королевское апостольское величество, во вниманіе къ возникшимъ въ Польшѣ безпорядкамъ, которые могутъ имѣть вліяніе на безопасность и спокойствіе земель его императорскаго и королевскаго величества, не можетъ болѣе оставаться равнодушнымъ, а потому приказалъ мнѣ съ войскомъ, находящимся подъ моимъ начальствомъ, вступить въ Польшу, отдаляя такимъ способомъ всякую опасность отъ галиційскихъ границъ и охраняя спокойствіе земель, принадлежащихъ его императорскому и королевскому величеству. Посему чиню вѣдомымъ настоящимъ универсаломъ, что тѣ, которые благоразумно, спокойно и дружелюбно будутъ относиться къ моему войску, найдутъ полнѣйшую протекцію и безопасность не только своихъ особъ, но и своихъ имуществъ и имѣній; въ противномъ случаѣ, тѣ, которые окажутся виновными въ какомъ-либо сопротивленіи, навлекутъ на себя строгость военныхъ правилъ».

Пока еще эта прокламація не сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, Декаше выѣхалъ изъ столицы, подъ благовиднымъ предлогомъ посѣтить карлсбадскія воды для поправленія здоровья.

Костюшко, получивъ извѣстіе объ этомъ, написалъ Гарнонкуру, что Польша уважаетъ договоры и вступленіе австрійскихъ

войскъ не можетъ быть слѣдствіемъ вины Рѣчи-Посполитой. Многіе изъ поляковъ въ то время, не подозрѣвая австрійское правительство въ намѣреніи присвоить польскія земли, думали, что австрійцы ввели свои войска, чтобы защищать Польшу отъ москалей.

Генералъ Мокроновскій, бывшій до того времени комендантомъ Варшавы, получилъ порученіе начальствовать дивизіей, а на его мѣсто назначенъ Орловскій. По мѣрѣ накоплявшихся опасностей, Костюшко дѣятельнѣе заботился о скорѣйшемъ собраніи посполитаго рушенья: нужно было врагамъ Польши внушить нравственное уваженіе къ революціи, нужно было показать имъ единодушную волю цѣлаго народа отъ мала до велика, а не одной какой-нибудь партіи. Но дѣло посполитаго рушенья шло какъ нельзя хуже; оно окончательно вооружало противъ революціи обывателей, которые болѣе имѣли склонности полиберальничать на словахъ, чѣмъ являть подвиги самоотверженія. Множество изъ нихъ, спасаясь и отъ посполитаго рушенья и отъ всѣхъ вообще несносныхъ тягостей, налагаемыхъ революціею, покидали свои имѣнія и бѣжали за границу. Высочайшій совѣтъ принужденъ былъ постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе универсаломъ, что тѣ, которые будутъ уклоняться отъ посполитаго рушенья, и самовольно, безъ вѣдома и позволенія правительства, убѣгать за границу, подвергнутся лишенію не только имуществъ, но даже и гражданскихъ правъ, а находившіеся уже за границею обязывались возвратиться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ подъ опасеніемъ того же наказанія. «Кто же будетъ сражаться за ваши права, за вашу собственность, когда вы первые ее покидаете?—писалъ высочайшій совѣтъ. Что сказать о тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы соединиться съ войскомъ, и отправлять службу, которой требуетъ отъ нихъ Рѣчь-Посполитая, уходятъ за границу и оттуда спокойно смотрятъ на свою братію, на ихъ труды и усилія для пользы отечества,—неужели они поляки? У аѳинянъ въ случаѣ раздвоенія мнѣній смертная казнь угрожала тому, кто не пристанетъ къ той или другой сторонѣ; не заслуживаютъ ли по справедливости такой кары и тѣ, которые своихъ братій оставляютъ? Кто не соединится съ тѣми, которые присягнули пролить свою кровь за отечество, тотъ или врагъ отечества, или безразличенъ къ нему, но вѣдь и это преступленіе въ гражданинѣ».

Какъ плохо устроивалось посполитое рушенье, показываютъ тогдашнія записки Яна Немиры; 13 іюля онъ пишетъ, что до 12 числа, срокъ, назначенный для набора посполитаго рушенья, въ Константиновѣ не могли собрать и десятой части того, что слѣ-

довало по росписанію; конныхъ кантонистовъ могли взять только пять, а пѣшихъ сорокъ, и то съ недостаткомъ въ принадлежностяхъ.

Чтобы подвинуть дѣло, Костюшко назначилъ особаго коммиссара для надзора надъ посполитымъ рушеньемъ, находившагося въ высочайшемъ совѣтѣ Гораина, поручилъ ему собирать посполитое рушенье въ краѣ на востокъ отъ Вислы до Гродно и въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ, и доставлять дивизіямъ Сѣраковскаго и Циховскаго, съ правомъ верховной власти надъ всѣми порядковыми коммиссіями и надъ начальствомъ, устроеннымъ для посполитаго рушенья. Гораинъ отъ себя поручилъ въ разныхъ мѣстахъ заниматься этимъ дѣломъ офицерамъ, но послѣдніе на каждомъ шагу подвергались столкновеніямъ съ обывателями. Такимъ образомъ, въ Бѣльской землѣ жаловались на ротмистра Шиповскаго съ товарищами, который насильно забиралъ людей, оружіе, лошадей, врывался въ обывательскіе дома, такъ что порядковая коммиссія арестовала его товарищей, выдумавъ предлогъ, будто они не показали ордината (предписанія), и она считала ихъ за своевольную партію, быть можетъ и противную повстанью; она находила у нѣкоторыхъ ординаты будто бы фальшивыя. Посланный въ Брестъ, Пашковскій доносилъ, что брестская порядковая коммиссія уклоняется всѣми мѣрами отъ обязанности разсылать приказанія по приходамъ для доставленія конныхъ съ пятидесяти дымовъ. Коммиссія выдумывала, будто намѣрена держаться буквально смысла предписанія высочайшаго совѣта о томъ, что устройство посполитаго рушенья возложено на одного Гораина, и она хочетъ ему одному отвѣчать. «Дурно идутъ дѣла съ коммиссіями, еще хуже съ обывателями, а народъ, устрашенный, не хочетъ и думать составлять оборонную силу. Я сижу тутъ какъ на шильяхъ». Такъ писалъ Гораинъ, отъ 21 іюля. 29-го іюля, онъ послалъ выговоръ всему Брестъ-Литовскому воеводству. Видно было, что тамъ всѣ отдѣлывались отъ посполитаго рушенья и доставленія рекрутъ.

Въ другихъ мѣстахъ происходило почти то же. Костюшко отзывался съ большою похвалою и признательностью о дѣятельности Гораина, но удивлялся, видя въ отвѣтахъ порядковыхъ коммиссій явное желаніе дѣлать всякія затрудненія, холодность къ повстанью и равнодушіе къ судьбѣ отечества. Куда офицеры ни отправлялись на фуражировки, тамъ поднимались жалобы: офицеры жаловались, что обыватели имъ ничего не хотятъ давать, а обыватели кричали, что офицеры берутъ съ нихъ слѣдуемое не въ надлежащей пропорціи и дѣлаютъ своевольства.

Въ самомъ войскѣ приказанія главнокомандующаго исполнялись дурно; ему льстили, его восхваляли, увѣряли, что готовы

во всемъ ему повиноваться, а на самомъ дѣлѣ отлынивали отъ его предписаній и перетолковывали ихъ. Онъ постоянно терпѣлъ недостатокъ въ средствахъ, потому что экзакторы, обязанные собирать налоги, повсемѣстно встрѣчали противодѣйствіе со стороны порядковыхъ коммиссій и обывателей. Чѣмъ энергичнѣе Костюшко и высочайшій совѣтъ хотѣли подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ и тѣмъ удобнѣе открывался путь русскимъ задушить повстанье.

IX.

Битва у Голкова. — Костюшко подъ Варшавою. — Осада Варшавы прусскимъ королемъ. — Печальное положеніе польскаго войска. — Недостатокъ средствъ. — Новый уголовный судъ. — Отступленіе пруссаковъ.

Силы союзныхъ державъ направлялись къ Варшавѣ. Чтобы предупредить ихъ и не допустить осады столицы, Костюшко приказалъ своимъ отдѣльнымъ дивизіямъ стянуться къ Варшавѣ и самъ пошелъ къ ней. Заіончекъ стоялъ на лѣвомъ берегу Вислы, у Голкова, съ бригадами Мадалинскаго, Вышковскаго и Пинскаго.

Здѣсь на него наступили русскіе генералы Денисовъ и Хрущовъ. Битва продолжалась восемь часовъ, съ 5 часовъ вечера до ночи, и потомъ возобновилась на другой день утромъ. Когда казаки стали заходить полякамъ въ тылъ, Заіончекъ отступилъ. Эта стычка прославлена была побѣдою. Въ то же время Мокроновскій, подъ Блонею, выдерживалъ битву съ прусскимъ генераломъ Эльснеромъ. Послѣ этихъ стычекъ Мокроновскій и Заіончекъ соединились съ Костюшкою и подошли къ Варшавѣ 11 іюля. Костюшко сталъ у Мокотова, Мокроновскій съ противоположной стороны города, у Маримонтской заставы, Заіончекъ у Чистова и Воли. Силы ихъ простирались до двадцати двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ только пять тысячъ было конныхъ. Регулярнаго войска было не болѣе девяти тысячъ, остальное все состояло изъ новобранцевъ. Сѣраковскій съ своею дивизіею, простиравшеюся до 5,000, сдѣлалъ диверсію къ Бресту-Литовскому, а генералъ Цихоцкій ко впаденію Наревы, чтобы стеречь движеніе пруссаковъ.

Поляки двумя днями предупредили своихъ непріятелей. 13 іюля, явились подъ Варшавою пруссаки и стали у Бабья противъ Мокроновскаго, а русскіе у Служева, противъ Костюшки. Раннее прибытіе польскаго войска было полезно для поляковъ тѣмъ,

что у Варшавы оставалось свободное сообщеніе съ правымъ берегомъ Вислы, откуда могли пока получать продовольствіе. Двѣ недѣли не было ничего особеннаго, кромѣ передовыхъ перестрѣлокъ между егерями. Въ главномъ обозѣ отправлялось празднество освященія знаменъ для батальона краковскихъ косиньеровъ, выдуманныхъ воеводшею брестъ-литовскою, панею Зибергъ [1]).

Въ это время уголовный судъ окончилъ слѣдствіе надъ виновниками безпорядка, произведеннаго 28 іюня, и приговорилъ Піотровскаго, Долгерта, Дзекунскаго, Бурживскаго, Кльоновскаго, Ясиньскаго, Ставицкаго къ повѣшенію. Приговоръ былъ исполненъ 15 іюля. Другіе—Романъ Нанкевичъ, Демовскій осуждены на тюремное заключеніе. Конопку приговорили навсегда удалить изъ отечества; но исполненіе этого отложили на дальнѣйшее время, а теперь заключили въ тюрьму. Конопка былъ покровительствуемъ Коллонтаемъ; въ началѣ Коллонтай на него такъ разсердился, что кричалъ въ совѣтѣ: непремѣнно Конопку повѣсить, но потомъ заступился за него и спасъ отъ смерти. Всей остальной толпѣ сдѣлано внушеніе и предостереженіе на будущее время, съ надлежащими угрозами. Для предупрежденія всякаго безпорядка, велѣно было всѣмъ обывателямъ, у которыхъ было оружіе, взятое изъ арсенала во время изгнанія русскаго гарнизона, снести его въ арсеналъ для правильной раздачи тѣмъ, которые будутъ опредѣлены на защиту города; вдобавокъ, во все продолженіе осады запретили звонить въ колокола во всемъ городѣ: правительство боялось всякой тревоги, чтобы уличная толпа не повредила дѣлу обороны столицы какою-нибудь неблагоразумною выходкою.

Съ 28 іюля начинаются постоянныя военныя дѣйствія. Они сосредоточивались преимущественно у предмѣстья Воли. Поляки имѣли дѣло почти съ одними пруссаками. Пруссаки сдѣлали нападеніе на Волю, выбили изъ нея поляковъ, овладѣли ею; защищавшій ее маіоръ Липницкій былъ взятъ въ плѣнъ. Несмотря на то, что онъ былъ изъ края, принадлежавшаго Пруссіи, съ нимъ обращались какъ съ плѣннымъ, и дали ему на честное слово свободу. Воспользовавшись этимъ, Липницкій ушелъ къ своимъ. Тогда генералъ Шверинъ написалъ Заіончеку письмо, и требовалъ, по военному обычаю, чтобы бѣжавшій плѣнникъ былъ возвращенъ, увѣряя, именемъ короля, что ему за то ничего

[1]) Знамена эти имѣли такой видъ: на пунцовомъ полѣ вышитъ былъ въ кругу изъ лавроваго вѣнка снопъ, перекрещенный съ пикою и косою, и покрытый сверху красивою шапкою, съ надписью «живутъ и охраняютъ».

не будетъ. Костюшко, которому донесли объ этомъ, немедленно приказалъ Липницкому ѣхать въ плѣнъ.

Генералъ Шверинъ написалъ къ коменданту Варшавы письмо и убѣждалъ сдать городъ. На это не было отвѣта. 2 августа, самъ король прусскій написалъ къ польскому королю такое письмо:

«Расположеніе войскъ около Варшавы и средства, употребляемыя для ея покоренія, увеличивающіяся по мѣрѣ безполезнаго сопротивленія, должны убѣдить ваше величество, что судьба жителей этого города не подлежитъ сомнѣнію. Спѣшу передать ее въ руки вашего величества; скорѣйшая сдача города и строгая дисциплина, которую я прикажу соблюдать моимъ войскамъ, назначеннымъ войти въ Варшаву, обезопасятъ жизнь и собственность всѣхъ мирныхъ жителей этой столицы. Отказъ на первое и послѣднее предложеніе нашего генералъ-лейтенанта Шверина, обращенное къ коменданту города Варшавы, непремѣнно повлечетъ за собою и оправдаетъ ужасныя крайности, ожидающія незащищенный городъ, вызывающій своимъ упрямствомъ ужасы осады и мщенія двухъ войскъ. Если въ вашемъ положеніи вамъ позволено увѣдомить жителей Варшавы о такомъ обстоятельствѣ, если имъ позволено быть судьями своего размышленія, я заранѣе предвижу, что ваше величество будете ихъ освободителемъ. Въ противномъ случаѣ, мнѣ останется пожалѣть о безполезности настоящаго моего поступка, котораго я ни въ какомъ случаѣ не повторю, при всемъ живомъ участіи къ сохраненію вашего величества и всѣхъ тѣхъ, которые узами крови и долга собраны около вашего величества».

На другой день прусскій король получилъ такой отвѣтъ:

«Польское войско, находясь подъ начальствомъ генералиссимуса Костюшки, отдѣляетъ Варшаву отъ стана вашего величества. Варшава не въ такой обстановкѣ, чтобы могла распоряжаться своею сдачею. Въ такомъ положеніи ничто не оправдаетъ крайностей, о которыхъ ваше величество меня предупреждаете, ибо этотъ городъ не находится въ возможности ни принимть, ни отвергать предложенія, сдѣланнаго генералъ-лейтенантомъ Шверином варшавскому коменданту. Мое собственное положеніе занимаетъ меня менѣе, чѣмъ положеніе столицы, но такъ какъ Провидѣнію угодно было возвысить меня на такую степень, которая позволяетъ мнѣ изъявить вашему величеству братскія чувствованія, то я обращаюсь къ нимъ, чтобы отвратить васъ отъ мысли о жестокостяхъ и мщеніи, противныхъ тому примѣру, какой короли должны оказывать народамъ, противныхъ, какъ я думаю искренно, и вашему личному характеру».

Послѣ этого отвѣта, пруссаки усилили бомбардированіе го-

рода. Почти каждый день пускали пруссаки бомбы и гранаты по Варшавѣ, но въ теченіи мѣсяца почти никакого вреда не нанесли, кромѣ того только, что пугали любившихъ болѣе всего спокойствіе мѣщанъ и отвращали ихъ еще болѣе отъ повстанья.

Осаждающіе дѣйствовали чрезвычайно плохо. Русскіе дурно помогали пруссакамъ; у короля не было хорошей артиллеріи, не было и согласія между пруссаками и русскими. Когда намѣревались начинать штурмъ, то прусскій король хотѣлъ выставить впередъ русскихъ, а Ферзенъ хотѣлъ уступить первенство пруссакамъ. Прусскій король сердился на то, что Австрія вмѣшивается въ дѣла Польши, а императрица Екатерина уже заявляла прусскому послу черезъ своихъ государственныхъ людей, что считаетъ справедливымъ, если Австрія получитъ на счетъ Польши вознагражденіе. Екатеринѣ очень не нравилось, что прусскій король оставилъ лично поле войны съ Франціею и стоитъ подъ Варшавою. Пруссія желала въ этой суматохѣ прибавить еще нѣсколько земель къ недавно пріобрѣтеннымъ польскимъ владѣніямъ. Россія не хотѣла дѣлать новыхъ уступокъ Пруссіи, на счетъ Польши.

Такимъ образомъ, стоя подъ Варшавою почти два мѣсяца, союзники ничего не сдѣлали, только напрасно потеряли съ обѣихъ сторонъ до тысячи человѣкъ. Враги по временамъ входили между собою въ дружелюбныя сношенія. Такъ русскій генералъ Хрущовъ писалъ къ Костюшкѣ и просилъ освободить его супругу и дѣтей, арестованныхъ вмѣстѣ съ прочими русскими въ день возстанія Варшавы. Костюшко исполнилъ его просьбу, но счелъ за нужное поставить на видъ великодушіе поляковъ и вообще превосходство ихъ надъ своими врагами. «Чувство человѣколюбія такъ глубоко укоренилось въ сердцѣ поляка, что принуждаетъ его на минуту забыть грабежи, опустошенія и пожоги, учиненные по приказанію тирановъ. Ваша жена съ дѣтьми осталась задержанною въ Варшавѣ потому, что таковъ удѣлъ ослѣпленныхъ людей, терпящихъ надъ собою власть несправедливыхъ владыкъ, — отвѣчать за ихъ злодѣянія и погибать за ихъ прихоти. Я возвращаю вамъ ваше семейство. Пусть наше человѣколюбіе дастъ себя почувствовать и вамъ, и вашимъ соотечественникамъ». Генеральшу Хрущову привезли изъ города въ каретѣ съ опущенными занавѣсками, а прислугѣ завязали глаза, чтобы она, при выѣздѣ изъ Варшавы, не увидала и не замѣтила укрѣпленій. Впослѣдствіи, судьба устроила такъ, что генералу Хрущову довелось везти плѣннаго Костюшку въ Петербургъ.

Поступокъ Костюшки съ Хрущовымъ далъ смѣлость и другимъ, и къ Костюшкѣ обратились русскіе съ подобною просьбою

о своихъ ближнихъ; но Костюшко не былъ къ нимъ такъ внимателенъ, какъ къ Хрущову, и уже при окончаніи осады (3 сентября) издалъ объясненіе относительно этого предмета. «Польское правительство, писалъ онъ, должно обращать вниманіе на судьбу своихъ обывателей. Пусть знаетъ вся Европа, пусть знаютъ и тѣ, которые просятъ меня объ увольненіи особъ, имъ близкихъ, что московское войско увезло изъ домовъ спокойныхъ обывателей еще предъ началомъ войны, и до сихъ поръ держитъ ихъ въ неволѣ, а жены и дѣти этихъ невинныхъ жертвъ со слезами прибѣгаютъ къ покровительству народнаго правительства и просятъ о мужьяхъ и отцахъ, не вѣдая о судьбѣ ихъ; эти несчастныя особы видятъ въ задержанныхъ здѣсь русскихъ единственные залоги безопасности тѣхъ, которые безъ причины томятся подъ московскимъ насиліемъ. Поэтому я объявляю: какъ скоро будутъ возвращены отечеству обыватели, находящіеся въ московскихъ рукахъ, тогда и я отошлю изъ Варшавы плѣнныхъ обоего пола, не принадлежащихъ, какъ и означенные выше наши соотечественники, къ разряду военноплѣнныхъ». Подъ поляками, возвращенія которыхъ домогался Костюшко, разумѣлись арестованные Игельстромомъ предъ началомъ повстанья.

Характеристична переписка Мадалинскаго съ русскимъ полковникомъ Волковымъ. Польскій полковникъ Добекъ былъ взятъ въ плѣнъ. Мадалинскій пытался какъ-нибудь устроить его освобожденіе. Мадалинскій былъ прежде коротко знакомъ съ Волковымъ, и теперь послалъ къ нему дружественное письмо, а при немъ въ подарокъ десять бутылокъ шампанскаго и арбузовъ. «Какъ мнѣ жаль, писалъ онъ, встрѣтить въ васъ врага, при увѣренности въ вашей искренней дружбѣ. Сами разсудите, кто изъ насъ виноватъ; вы ли, которые напали на нашъ край, насилуете наши права, и въ противность всякому уваженію къ человѣчеству, сожигаете и грабите села, — или мы, охраняющіе противъ наѣздниковъ свое отечество? Впрочемъ, это не касается нашей личной дружбы, съ какою я остаюсь къ вамъ». Волковъ благодарилъ польскаго генерала за его дружеское къ нему обращеніе, послалъ ему въ подарокъ турецкій карабинъ, обѣщалъ стараться о судьбѣ Добека, о которомъ извѣщалъ, что онъ не въ русскихъ рукахъ, а у пруссаковъ, присылалъ письма взятыхъ въ плѣнъ польскихъ офицеровъ, свидѣтельствовавшихъ, что съ ними обращаются хорошо, и замѣчалъ такъ: «Хотя вы и приписываете намъ грабежи и пожоги селъ, но смѣю увѣрить васъ, что я съ своей стороны всегда стараюсь о сохраненіи собственности каждаго, предоставляя остальное добровольно накликанной на себя судьбѣ». Въ концѣ онъ приписалъ: «Соображаясь съ старин-

нымъ обычаемъ, металла не слѣдуетъ дарить, а мѣнять на металлъ же, прошу прислать мнѣ за карабинъ мѣдный грошъ». Мадалинскій написалъ ему послѣ того такъ: «Очень жалѣю, что — не имѣю мѣднаго гроша. У насъ въ обозѣ только желѣзо; мы на него надѣемся, и потому посылаю вамъ саблю, которую прошу принять въ знакъ дружбы. Какая ужасная мысль! Можетъ быть, эта сабля на самого меня обратится. Но кого винить? Спрошу я у вашего высокаго ума и у добраго сердца. Мы охраняемъ нашу землю, насилуемую свободу, опустошенныя имѣнія; виновны не вы, но та, которая вами повелѣваетъ. Зачѣмъ она не довольствуется неизмѣримымъ краемъ, которымъ владѣетъ? Зачѣмъ тридцать лѣтъ проливаетъ потоками кровь вашу, насыпаетъ огромные курганы изъ труповъ вашихъ? Зачѣмъ истребляетъ племя ваше, вмѣсто того, чтобы сохранять и счастливить васъ? Зачѣмъ ожесточилась она на поляковъ, народъ единаго съ вами происхожденія? Вѣдь и вы, и мы, происходимъ отъ однихъ славянъ. Отчего эта великая и очевидная истина не предстанетъ вашему разумѣнію? Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы убивать насъ, не отдадите намъ нашего? мы вашей собственности не алчемъ. О, еслибы наконецъ пришелъ тотъ свѣтлый моментъ, когда вы почувствуете, что вашъ народъ, состоящій изъ милліоновъ человѣческихъ существъ, не сотворенъ для прихотей, гордости и алчности одной женщины, что люди созданы для того, чтобы любить людей и быть другъ другу полезными! Этотъ моментъ счастія для обоихъ народовъ, какъ былъ бы отраденъ для меня, когда я могъ бы въ уважаемомъ человѣкѣ обнять не наѣздника, а друга моего и моего отечества!»

Уже незадолго до снятія осады происходило любопытное объясненіе прусскаго генерала Манштейна съ Заіончекомъ. Генералъ-адъютантъ Манштейнъ прибылъ къ Заіончеку подъ предлогомъ повидаться съ плѣннымъ полковникомъ Вульфертомъ, но, какъ видно, былъ посланъ прусскимъ королемъ узнать о духѣ поляковъ. «Обстоятельства принуждаютъ насъ воевать, — говорилъ прусскій генералъ, — не нашелся ли бы способъ прекратить нашу вражду?» — Вы могли бы сдѣлать предложенія, сказалъ Заіончекъ, и можно было бы ихъ принять, еслибы они были справедливы. — «Съ этимъ вамъ первымъ слѣдуетъ начинать, сказалъ Манштейнъ. Вы знаете великодушіе нашего короля и можете безопасно ему довѣриться». Заіончекъ возразилъ: «Нужно, чтобы мы находились въ болѣе стѣсненномъ положеніи. Притомъ, смѣшно было бы съ нашей стороны полагаться на великодушіе государя, который уже нарушилъ договоръ, заключенный съ польскимъ народомъ. Было время, когда прусскій король внушалъ всеобщую привязан-

ность къ себѣ польскому народу. Это было въ 1788 году. Тогда онъ могъ всего надѣяться отъ насъ». — «А чего же онъ могъ надѣяться отъ Польши?» спросилъ Манштейнъ.—Она была ревностною и вѣрною его союзницею, и быть можетъ, польскій тронъ достался бы одному изъ его сыновей.—«Различіе религіи, сказалъ Манштейнъ, преградило бы путь къ вашему трону нашимъ принцамъ».—Въ XVIII вѣкѣ, сказалъ Заіончекъ, религія не можетъ служить препятствіемъ, если бы только здравая политика этого требовала.—«А множество друзей московскихъ?» замѣтилъ Манштейнъ.—Они уже пошли на висѣлицу, сказалъ Заіончекъ. Скажите лучше, что вашъ государь предпочелъ наѣздъ на насъ мирнымъ и выгоднымъ договорамъ.—«Я не мѣшаюсь въ политику, сказалъ Манштейнъ, и не могу сказать, что побудило короля нашего къ такому способу дѣйствій; но вѣдь вы, господа, первые открыли непріятельскія дѣйствія».—Какъ! сказалъ польскій генералъ,—развѣ не вашъ король напалъ на насъ подъ Щекоциномъ?—«А развѣ не первый Мадалинскій переступилъ прусскія границы?» замѣтилъ нѣмецъ. Заіончекъ отвѣчалъ:—Мадалинскій вошелъ въ край, принадлежавшій издавна Польшѣ; вашъ король не имѣлъ на него никакого права, а если онъ имѣлъ великодушіе его взять, то у насъ достанетъ смѣлости биться за него до послѣдней капли крови.—«Не всѣ офицеры такъ думаютъ, сказалъ Манштейнъ,—у насъ есть на то доказательство въ бумагахъ, найденныхъ въ карманѣ убитаго маіора Зужулинскаго». Заіончекъ отвѣчалъ:—Не знаю, что тамъ есть въ тѣхъ бумагахъ, но могу присягнуть, что всѣ такъ думаютъ, какъ я.—«Скажите,— перемѣнилъ разговоръ нѣмецъ, — какъ вы думаете, могутъ ли французы съ своими началами быть счастливыми?»—Вполнѣ въ этомъ убѣжденъ, сказалъ Заіончекъ.—«Жаль, что такія мнѣнія распространяются въ Польшѣ», сказалъ Манштейнъ.—Это мое личное убѣжденіе, сказалъ Заіончекъ. Цѣль нашего повстанья возвратить конституцію 3-го мая, которую въ 1792 года всѣ находили черезъ-чуръ монархическою, а теперь черезъ-чуръ якобинскою. А что, какъ поживаютъ покровительствуемые москали вами? спросилъ наконецъ Заіончекъ.—«Очень присмирѣли», сказалъ улыбаясь Манштейнъ.

Полякъ могъ замѣтить, что у пруссаковъ господствуетъ недовѣріе къ своимъ союзникамъ и они бы не прочь были войти въ особыя сдѣлки съ Польшею. Но поляки не могли и не умѣли извлечь для себя изъ этого никакой пользы въ данную минуту. Прямодушный и отважный Костюшко былъ вовсе не политикъ.

Въ теченіе осады Костюшко чрезъ высочайшій совѣтъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ распоряженій по управленію ходомъ

повстанья; съ проектированнымъ въ іюнѣ выпускомъ билетовъ казначейства только въ августѣ стали приступать къ исполненію; опредѣлили цвѣтъ и достоинство выпускаемыхъ билетовъ отъ 5 злот. до 1,000 злот. Назначили директоровъ для выпуска билетовъ; изъ нихъ семь было безплатныхъ, а семь получали жалованье; установили для нихъ форму присяги. Такъ какъ долгъ, выражаемый выпускаемыми новыми билетами, гарантированъ былъ королевщинами, опредѣленными къ непрерывной продажѣ, поэтому высочайшій совѣтъ въ августѣ издалъ распоряженіе о порядкѣ продажи народныхъ имуществъ. Всѣ средства эти шли очень медленно. Поборовъ не собирали и десятой части. Войско нуждалось сильно. 12-го августа, верховная рада, по приказанію Костюшки, издала воззваніе къ обывателямъ всѣхъ земель. «Обыватели! писалъ совѣтъ, братья ваши бьются за васъ уже шестой мѣсяцъ. Какія у нихъ были одежды и обуви, все поизносилось, порвалось. Приближается осень; воздухъ по ночамъ дѣлается рѣзкимъ, а братья ваши по бо̀льшей части безъ рубахъ и сапоговъ. Пусть каждый хозяинъ дастъ имъ пару рубахъ и пару сапоговъ. Смотрите, что̀ въ другихъ странахъ свободные люди дѣлаютъ для войска. Подражайте ихъ примѣру, и высочайшій совѣтъ отъ себя начинаетъ эту обывательскую складчину и приглашаетъ къ этому же обитателей Варшавы черезъ магистратъ, а обывателей земель и повѣтовъ черезъ порядковыя коммиссіи. Варшавскіе обыватели могутъ приносить свои пожертвованія въ домъ краковскаго епископа».

На другой день, 13-го августа, Костюшко написалъ такого рода универсалъ: «Осенняя пора и непогоды, наставшія раньше, чѣмъ можно было ожидать, даютъ себя чувствовать; худо войску безъ шатровъ и почти безъ одежды. Вотъ уже четыре мѣсяца, я безпрестанно пишу о плащахъ, а ихъ нѣтъ, и не знаю, когда дождусь ихъ. Забота о здоровьи воиновъ, боязнь, чтобы лишенія и бѣды не сдѣлались причиною побѣговъ, принуждаютъ меня обратиться къ высочайшему совѣту; если нельзя найти плащей хотя бы изношенныхъ, то нашли бы сколько-нибудь хлопскихъ сермягъ, попонъ, оставшихся отъ лошадей, которыхъ, думаю, много въ Варшавѣ, или простыхъ ковровъ (коцовъ), словомъ, чего бы то ни было, чѣмъ можно прикрыться. Кажется, каждому слѣдуетъ подумать о жизни воина, осужденнаго терпѣть непогоду и холодъ, ради охраненія жизни и собственности обывателей».

Это показываетъ, какъ польское обывательство помогало дѣлу возстанія. Всякія сильныя мѣры начальника казались ему невыносимою тягостью и склоняли его въ противную сторону. Ужасное

распоряженіе Костюшки 7-го мая не было приведено въ исполненіе нигдѣ; въ іюлѣ, предъ началомъ жатвы, высочайшій совѣтъ укорялъ за медленность владѣльцевъ порядковыя коммиссіи, приказывалъ исполнить распоряженіе 7-го мая и прислать свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ, исполнялись въ имѣніяхъ, вмѣсто обязательныхъ, наемныя работы гдѣ и сколько дней по условіямъ хлопъ будетъ работать, во сколько можетъ быть оцѣненъ рабочій день, и за какого рода работы; внушалось коммиссіямъ поступать такъ, чтобы ни наниматель, ни наемникъ не имѣли причины жаловаться, напротивъ, чтобы и тѣ и другіе восхваляли настоящее повстанье, которое только приводитъ въ исполненіе то, что уже много вѣковъ ожидалось. Одной гродненской порядковой коммиссіи принадлежитъ честь присылки требуемыхъ свѣдѣній; во всѣхъ другихъ воеводствахъ требованіе отстранялось.

Костюшко заохочивалъ правительство къ дѣятельному судебному преслѣдованію измѣны. Уголовный судъ началъ слѣдствіе надъ тарговичанами и участниками гродненскаго сейма. Тѣ, которые принуждали другихъ насиліемъ или подкупомъ къ тарговицкой конфедераціи, а равно и тѣ, которые на гродненскомъ сеймѣ подавали проекты о раздѣлѣ края и брали за то вознагражденіе отъ Россіи и Пруссіи, обрекались на смерть; другіе, менѣе виновные, которые изъ боязни мирволили силѣ и подавали голоса, благопріятные видамъ союзныхъ дворовъ, наказывались, смотря по мѣрѣ вины, конфискаціею имѣній, или же только устраненіемъ впредь отъ занятія должностей. Разсмотрѣли архивъ, доставшійся послѣ Игельстрома. Русскій генералъ сожигалъ свои бумаги, видно, плохо: полякамъ достались квитанціи, которыя давали русскому посольству сеймовые послы, получавшіе отъ Россіи пенсіоны, и записки расходовъ, изъ которыхъ оказывалось, куда и кому давались деньги. Все это публиковалось въ правительственной газетѣ и перепечатывалось въ «Народной вольной газетѣ». Между прочимъ, извѣстили публику и о томъ, что его величество король Станиславъ-Августъ въ 1773 году, въ годъ перваго раздѣла Польши, взялъ отъ трехъ союзныхъ дворовъ 6,000 червонцевъ, и кромѣ того, на поддержаніе большинства голосовъ на сеймѣ, 6,000. Король, отъ 26 августа, заявилъ отъ себя протестъ и просилъ напечатать его въ газетахъ. Король объяснялъ, что дѣйствительно союзные дворы желали, чтобы онъ старался о подготовкѣ сеймиковъ и выборѣ пословъ, которые бы на сеймѣ легко утвердили раздѣлъ, но король не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ сеймикахъ, которые тогда отправлялись подъ страхомъ иноземнаго оружія. Король объяснялъ, что онъ получилъ отъ дворовъ суммы за недоимки, которыя слѣдовали ему за прежніе

годы съ королевскихъ имѣній, поступившихъ во владѣніе государствъ, овладѣвшихъ польскими землями.

Коммисаръ, назначенный Костюшкою для княжества Мазовецкаго, Дунинъ, донесъ ему въ концѣ августа о чрезвычайныхъ налогахъ, утѣсненіяхъ и всевозможнѣйшихъ несправедливостяхъ, которыя чинили обыватели крестьянамъ, особенно при раскладкѣ повинностей, поборовъ и пожертвованій, наложенныхъ исключительно на дворянство. Высочайшій совѣтъ, по приказанію Костюшки, въ своемъ универсалѣ по этому поводу писалъ: «Такое несообразное обращеніе дворовъ (т.-е. обывательскихъ) съ ихъ крестьянами, препятствуетъ распространенію того духа, на которомъ народное повстанье можетъ утвердиться. Если тѣ руки, которыя должны своимъ трудомъ кормить и охранять насъ, не найдутъ въ правительствѣ защиты, напрасны будутъ всѣ наши намѣренія освободить отечество. Высочайшій совѣтъ, проникнутый сознаніемъ этой истины, не только желаетъ облегчить тягости, до сихъ поръ понесенныя крестьянами, но и убѣдить ихъ, что онъ сильно сочувствуетъ ихъ судьбѣ и желаетъ видѣть ихъ счастливыми и свободными. Сообразно полученнымъ донесеніямъ, онъ поручаетъ порядковой коммиссіи княжества Мазовецкаго, какъ можно скорѣе изслѣдовать несправедливости, нанесенныя крестьянамъ, вознаградить ихъ, донести радѣ объ упорныхъ владѣльцахъ, и послѣднихъ, по мѣрѣ ихъ преступленій, отослать въ уголовный судъ. Распоряженія начальника и совѣта черезъ-чуръ ясны, чтобы можно было на минуту сомнѣваться, какого рода обязанности наложены на владѣльцевъ, и какія на крестьянъ. На будущее время порядковая коммиссія княжества Мазовецкаго должна наблюдать, чтобы владѣльцы не раскладывали на крестьянъ того, что положено на нихъ самихъ». Это стараніе отдѣлить принадлежавшее панамъ отъ принадлежавшаго крестьянамъ, было преждевременно и идеально. Оно могло быть умѣстно только тогда, когда бы съ теченіемъ значительнаго времени установились и окрѣпли новыя отношенія между владѣльцами и ихъ крестьянами, когда и тѣ и другіе уже привыкли бы смотрѣть на себя, какъ на людей равныхъ одни другимъ передъ закономъ. Въ два мѣсяца невозможно было установить такихъ отношеній: они образоваться могли только въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Крестьянинъ съ своею работою составлялъ предметъ дохода помѣщика. Когда что-нибудь требовали съ помѣщика, то помѣщикъ естественно долженъ былъ обратиться туда, откуда онъ получалъ прежде свои доходы.

Костюшко недоволенъ былъ уголовнымъ судомъ, и 23 августа въ своемъ универсалѣ обвинялъ его такъ: «Судъ уголовный,

установленный для наказанія виновныхъ, вдаваясь въ продолжительныя юридическія формальности, не оказываетъ необходимой во времена революціи поспѣшности относительно примѣрнаго наказанія виновныхъ и увольненія невинныхъ. Невинные могутъ терпѣть отъ промедленія судопроизводства, а нерасположенные къ революціи, находя въ этомъ поблажку себѣ, могутъ питаться надеждами на возможность затѣвать новыя преступленія». Поэтому онъ уничтожалъ этотъ судъ, и вмѣсто его устроилъ военный судъ, назначивъ въ него генералъ-лейтенантовъ Заіончека и Мадалинскаго, генералъ-маіоровъ Тошицкаго и Лажневскаго, и шесть другихъ лицъ меньшихъ чиновъ. «По причинѣ непреложной необходимости спасать отечество, всѣ обыватели призваны къ посполитому рушенью,—объяснялъ Костюшко свой поступокъ,—а чрезъ это призваніе всѣ должны считать себя воинами, поэтому и подчиняться военному суду». Отдѣлу Безопасности предписывалось усилить свою дѣятельность, открывать людей, нерасположенныхъ къ повстанью, заводящихъ съ непріятелемъ сношенія, распускающихъ угрожающія фальшивыя вѣсти, противящихся распоряженіямъ начальства, и доставлять таковыхъ въ военный судъ. «Наше отечество погибало отъ продажныхъ измѣнниковъ и отъ подлецовъ, пресмыкающихся передъ непріятелемъ. Оно не можетъ иначе возстановиться, какъ посредствомъ истребленія вредныхъ членовъ народа», такъ выражался Костюшко.

Этотъ новый судъ показалъ свою дѣятельность тѣмъ, что осудилъ на смертную казнь холмскаго епископа Скаржевскаго. Ему вмѣнили въ вину то, что онъ, присягнувъ конституціи 3 мая, передался тарговичанамъ, сдѣлался совѣтникомъ конфедераціи, на гродненскомъ сеймѣ безропотно стоялъ на томъ, чтобы дѣлать угодное двумъ дворамъ, побуждалъ принять проектъ, предложенный прусскимъ королемъ, внесъ въ Избу проектъ о принесеніи Сиверсу благодарности за участіе въ дѣлахъ Пруссіи, и старался провести постыдный союзный договоръ съ Москвою. Папскій нунцій представлялъ, что св. отцу уже и такъ больно, что на польскихъ епископовъ падаетъ смертная казнь за измѣну народу, и что онъ будетъ въ этомъ видѣть преслѣдованіе религіи. Поэтому Костюшко измѣнилъ смертную казнь на вѣчное тюремное заключеніе. Эта гуманность вооружила противъ Костюшки ревностнѣйшихъ революціонеровъ въ Варшавѣ: кричали и даже собирали подписи къ протестаціи. Это очень огорчило Костюшку, а неблагопріятели Коллонтая представляли ему доводы, что все это дѣлается по интригамъ этого хитраго человѣка, который хочетъ захватить въ свои единственныя руки

верховную власть. За два дня передъ осужденіемъ Скаржевскаго, смертный приговоръ постигъ главныхъ составителей тарговицкой конфедераціи, важнѣйшихъ ея совѣтниковъ: Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Ксаверія Браницкаго, Юрія Вьельгорскаго, Антонія Злотницкаго, Адама Мощенскаго, Яна Сухоржевскаго, Яна Швейковскаго и Франца Гулевича; но такъ какъ ихъ достать было невозможно, то опредѣлили на 29 день сентября повѣсить черезъ палача ихъ портреты или подписи, если портретовъ не найдутъ. Не лишнее здѣсь замѣтить, что уваженіе къ высокимъ именамъ до того укоренилось въ полякахъ, что въ это время нашлись голоса, разсуждавшіе, что Щенсному Потоцкому, Браницкому и другимъ слишкомъ богатымъ и важнымъ панамъ слѣдуетъ оказать вниманіе, потому что они за собою имѣютъ большую партію, и простить ихъ, если они загладятъ свои прежнія преступленія сочувствіемъ къ повстанью.

Начинались дожди, приближалась осень, въ прусскомъ войскѣ появились болѣзни. Пруссаковъ побуждало оставить осаду Варшавы вспыхнувшее повстаніе въ Великой Польшѣ.

X.

Возстаніе въ Великой Польшѣ.—Взятіе русскими Вильны.—Дальнѣйшее охлажденіе къ возстанію.

Начало возстанію Великой Польши положилъ каштелянъ куявскій Мнѣвскій. Цѣль его была во что бы то ни стало заставить прусскаго короля отойти отъ Варшавы; онъ боялся, чтобы ему, какъ носились слухи, не привезли къ Варшавѣ лучшей артиллеріи. Мнѣвскій могъ сперва только восемьдесятъ человѣкъ обывателей склонить къ вступленію въ заговоръ, потомъ онъ назначилъ собраніе военныхъ, но когда на условленномъ мѣстѣ они должны были собраться, то не оказалось ихъ болѣе тридцати человѣкъ. Эта горсть, подкрѣпленная патріотами-обывателями, напала въ Брестѣ Куявскомъ на маленькій прусскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ сорока человѣкъ. Прусское правительство было увѣрено, что Великая Польша не осмѣлится поднять мятежа, и потому не считало нужнымъ держать въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ много войска. Несмотря на свою малочисленность, прусскій гарнизонъ защищался упорно и былъ побѣжденъ въ Брестѣ только тогда, когда поднялись люди, служившіе у каноников тамошняго капитула, и увеличили собою число повстанцевъ. Послѣ этого успѣха Мнѣвскій овладѣлъ прусскимъ транспортомъ съ военными запасами,

который плылъ по Вислѣ до Варшавы, для доставки въ королевскій лагерь. Затѣмъ возстаніе вспыхнуло въ другихъ городахъ Великой Польши. Въ Сѣрадзѣ, 23 августа, собралась небольшая толпа жителей въ лѣсъ и условилась напасть оттуда на прусскую команду, находившуюся въ городѣ. Пруссаки защищались одиннадцать часовъ и сдались. Поляки овладѣли магазиномъ и казною, и въ тотъ же день огласили приступленіе Сѣрадзьскаго воеводства ко краковскому повстанью, а со взятыхъ въ плѣнъ пруссаковъ потребовали присягу, что они не будутъ болѣе биться съ поляками, и отослали ихъ всѣхъ съ прусскими чиновниками на границу Силезіи. Затѣмъ возсталъ Калишъ; тамъ вооружилось двѣсти мѣщанъ: они свергли съ себя прусскую власть; но имъ не долго удавалось. Такое же возстаніе началось и въ Равскомъ воеводствѣ. Прусскій король далъ приказаніе полковнику Шекули идти на повстанцевъ съ малымъ отрядомъ кавалеріи. Этотъ полковникъ отличался большою суровостію, и водилъ подъ висѣлицу не только мужчинъ, но и женщинъ. Въ Піотрковѣ прусская власть выдала (1 сентября) манифестъ, объявлявшій, что каждый, схваченный съ оружіемъ, безъ различія званія будетъ повѣшенъ; менѣе виновные осуждены будутъ на работы, а подозрительные заключены въ тюрьму. Кто будетъ знать о замыслахъ къ повстанью и не донесетъ, того постигнетъ смертная казнь безъ слѣдствія.

Эти извѣстія о повстаньи перепугали прусскаго короля. Онъ опасался болѣе всего, чтобы повстанцы не пересѣкли ему пути сообщенія съ Берлиномъ, и это побудило его поспѣшно снять осаду.

Въ Литвѣ, между тѣмъ, патріотическому дѣлу былъ нанесенъ роковой ударъ. Послѣ удачнаго дѣла въ Вильнѣ, вся Литва кинулась въ повстанье съ горячечною поспѣшностію. Туземный механикъ Заливскій устроилъ въ Вильнѣ литейный заводъ, на которомъ дѣлали оружіе, и тамъ смастерили одиннадцать пушекъ; болѣе не могли сдѣлать, форму у нихъ разорвало. Вездѣ, гдѣ только позволяло отсутствіе русскихъ военныхъ силъ, составлялись ополченія и вступали въ стычки съ русскими. Всѣ эти стычки были неудачны, но поляки старались утѣшать себя разсказами о своемъ мужествѣ въ этихъ битвахъ и о множествѣ погибшаго непріятеля, и жаловались на звѣрство русскихъ солдатъ. Литовскій высочайшій совѣтъ написалъ прокламацію къ русскимъ солдатамъ, гдѣ обвинялъ за ихъ жестокости не ихъ самихъ, а ихъ командировъ и особенно Тучкова, которымъ особенно были недовольны. Но между польскими генералами въ Литвѣ происходило несогласіе и соперничество. Ясинскій, при-

знанный начальникомъ возстанія, былъ слишкомъ молодъ; старшіе генералы находили для себя унизительнымъ повиноваться ему. Тогда Костюшко прислалъ Вьельгорскаго, брата того, который былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ тарговицкаго союза. Этотъ генералъ не имѣлъ ни дарованій, ни умѣнья вести войну, и притомъ былъ слабаго здоровья. Онъ выступилъ изъ Вильны съ войскомъ, оставивъ въ городѣ комендантами генераловъ Павла Грабовскаго, Мейена и Гурскаго. Въ это время, 8 іюля, подступилъ къ Вильнѣ съ войскомъ русскій генералъ Кноррингъ. Недоброжелатели Вьельгорскаго распространили про него слухъ, будто онъ, выступивъ изъ Вильны, сообщилъ тайно Кноррингу, что теперь удобно взять городъ, и получилъ за то деньги.

Городъ былъ обведенъ ретраншаментами со многими баттареями, отъ оврага, который находится выше воротъ Острой Брамы до рѣки Виліи. Русскіе, послѣ кровопролитнаго штурма, ворвались за эти ретраншаменты и расположились на высотахъ, окружающихъ городъ. Входъ въ предмѣстье былъ открытъ. Кноррингъ послалъ трубачей требовать сдачи, но поляки не допустили ихъ до города, стрѣляли по нимъ и одного ранили. Послѣ этого, на другой день въ семь часовъ утра, Кноррингъ отправилъ Тучкова съ двумя пушками подъ прикрытіемъ егерскаго батальона къ Острой Брамѣ, чрезъ предмѣстья, съ порученіемъ разбить ворота, а состоявшій подъ командою Зубова полковникъ Діевъ, съ пѣхотнымъ казанскимъ полкомъ и двумя пушками, отправленъ по другой улицѣ къ Зарѣчной Брамѣ, также для отбитія тамошнихъ воротъ. Противъ Тучкова, у Острой Брамы, защищалъ городъ Мейенъ, противъ Діева — Гурскій.

Проходъ по предмѣстьямъ былъ чрезвычайно затруднителенъ; изъ домовъ, съ крышъ, съ чердаковъ стрѣляли изъ ружей и бросали каменьями въ русскихъ. Русскіе подъ градомъ пуль двигались впередъ и пошли на обѣ стороны, но скоро должны были податься назадъ. Кноррингъ послалъ имъ на помощь нарвскій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ полковника Миллера. Тогда русскіе опять пошли впередъ и съ большими усиліями достигли до воротъ, но увидѣли, что ворота окружены наскоро сдѣланнымъ каменнымъ больверкомъ. Къ ихъ счастію поляки оставили небольшое отверстіе; черезъ него прошли русскія войска, овладѣли больверкомъ и разметали его, потомъ ударили изъ пушекъ по затвореннымъ воротамъ: затворы раздробились и обрушились. Поляки сосредоточили всѣ свои силы у Острой Брамы, и русскіе, съ потерею, еще разъ подались назадъ. Храбрый полковникъ Діевъ былъ убитъ какимъ-то монахомъ съ башни у Острой Брамы. Другой полковникъ, Короваевъ, ворвался въ Зарѣчье,

но также былъ убитъ. Поляки хвастались своимъ мужествомъ въ отраженіи приступа, но по ихъ собственному сознанію онъ обошелся имъ не дешево. Бомбы повредили много домовъ; нѣкоторые разрушены до основанія; пострадалъ монастырь бернардиновъ; Зарѣчье сожжено.

Послѣ этого неудачнаго приступа русскіе оставили не только Вильну, но и тотъ ретраншаментъ, за который перешли съ такимъ усиліемъ, и стали въ пятнадцати верстахъ отъ города. Поляки тѣшили себя и другими стычками въ Литвѣ, приписывая своей сторонѣ побѣду. Къ большему ободренію національнаго духа, носились отрадные слухи, будто въ Константинополѣ народъ скопомъ приходилъ къ сераю султана, принуждалъ его заступиться за поляковъ и объявить Россіи войну.

Русское войско, стоявшее подъ Вильною, усилилось между тѣмъ отрядомъ генералъ-маіора Германа. Предпринято вторичное нападеніе на городъ. На помощь повстанцамъ, въ Вильну прибылъ, 9 августа, польскій генералъ Хлевинскій съ подкрѣпленіями. Вьельгорскаго уже тамъ не было. Артиллеріею командовалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, знаменитый ораторъ.

11 августа, въ 7 часовъ утра русскіе начали аттаку и овладѣли ложементомъ, который простирался отъ оврага, отдѣлявшаго городскую стѣну отъ ретраншамента выше Острой Брамы, и шедшаго чрезъ Богухвальскую гору до входа на равнину на Погулянкѣ. На Богухвальской горѣ устроили баттареи, и начали палить въ городъ, а генералъ-маіоръ Бенигсенъ натискомъ кавалеріи истребилъ собравшуюся на Погулянкѣ непріятельскую пѣхоту. Это произвело такой страхъ въ Вильнѣ, что польскія войска стали выступать изъ города черезъ Зеленый мостъ за Вилію. Русскіе непрестанно палили въ городъ съ высотъ. Предмѣстья облиты были пламенемъ. Уже въ самомъ городѣ повреждены были зданія и картечью убивали людей. Собравшись на совѣтъ, жители рѣшились отдать городъ побѣдителю. Для этого употребили они въ дѣло находившагося подъ арестомъ генерала Еленскаго. Генералъ этотъ, получивъ приказаніе Костюшки идти съ татарскимъ полкомъ въ Вильну, ослушался и сказалъ: «если король или военная коммиссія мнѣ велитъ идти, я пойду, а Костюшки я не знаю». Такая выходка могла произойти оттого, что Еленскій еще не зналъ назначенія и признанія Костюшки главнымъ начальникомъ возстанія. За это онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ подъ арестомъ въ Вильнѣ. Теперь ему отдали саблю и послали вмѣстѣ съ трубачемъ просить милости у русскихъ отъ имени городской ратуши. Генералъ Кноррингъ обѣщалъ городу совершенную амнистію.

Городъ сдался. Русскіе входили въ него. «Я увидалъ, пишетъ Тучковъ, по обѣ стороны дороги къ предмѣстью, двѣ толпы народа. Одна, состояла изъ людей обыкновеннаго роста, другая казалась толпою карловъ. Первая находилась на правой сторонѣ и тамъ были: грекороссійское духовенство, обыватели, исповѣдующіе нашу религію, и вообще не участвовавшіе въ мятежѣ; другая состояла изъ поляковъ: они стояли на колѣняхъ». Послѣдніе потому показались Тучкову карлами. Русскій генералъ соскочилъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему русскимъ игуменомъ, потомъ опять сѣлъ на лошадь и обратившись къ полякамъ, сказалъ: «Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте»! Всѣ закричали: виватъ! Поляки бросились за русскими генералами и офицерами и униженно цѣловали имъ стремена.

Въ монастырѣ св. Духа отправлено благодарственное молебствіе, и троекратный залпъ изъ восьмидесяти пушекъ возвѣстилъ, что Вильна покорена оружіемъ россійской имперіи.

Варшавскій высочайшій совѣтъ, узнавъ о такомъ великомъ ударѣ для возстанія, написалъ утѣшительное воззваніе къ литвинамъ, и ободрялъ ихъ патріотическій духъ. «Пусть—писалъ онъ— тиранъ, перевѣсомъ вооруженной силы занявши столицу литовской провинціи, выдаетъ свои приказанія, пусть именемъ своей владычицы обѣщаетъ прочное правленіе, а на непослушныхъ мечетъ перуны,—неужели эти обольщенія тронутъ сердце поляковъ? Неужели, много разъ испытавши обманъ, вы развѣсите уши передъ обѣщаніями ея посланниковъ? Не города̀ насъ защищаютъ отъ непріятельскихъ ударовъ, не стѣны намъ твердыня и оборона; въ насъ самихъ непреоборимое обиталище свободы и независимости. Перси—наше предстѣніе, руки—щитъ и оборона». Совѣтъ объявлялъ измѣнникомъ, достойнымъ кары, того, кто въ Литвѣ вступитъ въ какую-нибудь юрисдикцію или администрацію, учреждаемую русскими, или вообще станетъ входить съ русскими въ дружелюбныя сношенія, хотя бы его имѣнія были заняты русскими войсками.

По отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, высочайшій совѣтъ, по истинно польскому обычаю, хотѣлъ прежде всего устроить празднество, и его прославленнымъ героемъ долженъ былъ быть Костюшко. Обратились къ нему. Главнокомандующій отвѣчалъ, что онъ оставляетъ на волю высочайшаго совѣта избрать время и способъ для устройства такого празднества, но ему самому дѣло препятствуетъ принять въ немъ участіе. «Смѣю надѣяться,— писалъ онъ — Богъ, освободившій столицу, освободитъ и отечество; тогда, какъ обыватель, а не какъ должностное лицо,

я буду благодарить Бога и дѣлить со всѣми всеобщую радость». Праздникъ этотъ, какъ видно, не состоялся, вѣроятно по нежеланію Костюшки принять въ немъ участіе. За то высочайшій совѣтъ написалъ велерѣчивое и длинное посланіе великополянамъ, прославлялъ ихъ за подвиги, за смѣлость, а въ отместку прусскимъ властямъ, которыя угрожали казнить безъ слѣдствія участниковъ въ повстаньи, приказывалъ въ Великой Польшѣ хватать, арестовать и вѣшать всякихъ гражданскихъ прусскихъ чиновниковъ, отплачивая такимъ образомъ за повѣшенныхъ поляковъ. Самъ Костюшко ставилъ въ примѣръ великополянъ, и написалъ воззваніе къ волынцамъ, которые до сихъ поръ ничѣмъ не показали сочувствія къ повстанью, оставаясь какъ будто неизмѣнно вѣрными своему первому нерасположенію къ замысламъ четырехлѣтняго сейма. «У великополянъ — писалъ онъ — не было войска, а составился святой заговоръ, и въ одинъ день въ семи воеводствахъ уничтожили наѣздниковъ и уже на нѣсколько тысячъ умножили свою силу». Это была патріотическая ложь. «А вы, волыняне, — продолжалъ начальникъ — вы до сихъ поръ остаетесь въ гнусномъ спокойствіи. Что это? или вамъ отечество стало уже чужимъ, или святая вольность болѣе не привлекаетъ васъ? или духъ мужества, который жаромъ своимъ охватилъ сердца всѣхъ воеводствъ, въ вашемъ воеводствѣ совершенно погасъ?» Обывательскій польскій духъ еслибъ и тлѣлъ въ сердцахъ волынскихъ поляковъ, то все-таки ему трудно было блеснуть. Суворовъ съ двадцатью пятью тысячами готовился идти черезъ Волынь на Польшу, а туземный русскій народъ, какъ и прежде, болѣе склоненъ былъ вспомнить давно прошедшую, казацкую борьбу съ Польшею, чѣмъ подставлять лобъ за Рѣчь-Посполитую. Тогдашній губернаторъ Берхманъ, сообщая Суворову о духѣ, господствовавшемъ на Волыни и въ Украинѣ, говоритъ: «Пріобыкши жить въ непозволительныхъ оборотахъ, они хотѣли бы играть роль въ прежнемъ многовластномъ и безначальномъ правленіи, не довольствуются нынѣ въ тишинѣ подъ сѣнію милосердаго престола ея императорскаго величества пользоваться своею принадлежностію и оную законно пріумножать. Самоуправіе, происки, право сильнѣйшаго заграждены, а сіе было первое преимущество дворянства, слѣдовательно порядокъ и правильное повиновеніе законамъ въ новомъ правленіи кажется имъ угнетеніемъ или по крайней мѣрѣ отнятіемъ знатной части старой ихъ неограждениой вольности. По разнымъ моимъ развѣдываніямъ со времени пребыванія здѣсь, и по неусыпнымъ примѣчаніямъ, утвердительно могу сказать, что изъ чиновныхъ подданныхъ нѣтъ почти ни одной души, искренно намъ преданной;

мелкую же шляхту, живущую на дискреціи богатаго дворянства, пріобыкшую слѣдовать всегда, безъ дальнихъ разсужденій, всякимъ вдохновеніямъ, льстящимъ хоть мало ихъ состоянію и легкомыслію, врожденному сему народу, потерявшему съиздавна съ порядкомъ и первобытный свой нравъ, мало надѣяться можно, хотя (она) теперь довольно себя слыветъ, и кажется забываетъ мечтательное свое благополучіе, три дни только ежегодно во время сеймиковъ внушаемое. Въ противоположеніе тому предстоятъ гораздо выгоднѣйшія средства, требующія однако къ прочному ихъ утвержденію времени и преобразованій. Сіе относится до крестьянъ, которые конечно къ намъ привержены, но не безъизвѣстно, что знатная часть народа лишена вездѣ средствъ къ изъявленію настоящихъ своихъ расположеній. Они до крайности тѣснимы польскими помѣщиками своими, при всемъ недремленномъ правительства стараніи; не терпятъ ихъ душевно, и ожидаютъ только той минуты, въ которую они могутъ, оставя уніатскій обрядъ, насильно ими принятый, обратиться въ православную греко-россійскую вѣру, искони праотцами исповѣдуемую».

Несчастія въ Литвѣ казалось наверстывались надеждами на возстаніе въ Великой Польшѣ; на первыхъ порахъ отъ него ожидали много. Но на это нужны были деньги, а ихъ давали мало. Костюшко рѣшился прибѣгнуть еще къ одной крайней мѣрѣ и, десятаго сентября, приказалъ высочайшему совѣту издать повелѣніе забрать на дѣло спасенія отечества всѣ суммы, хранимыя въ серебрѣ и золотѣ въ магистратахъ и всякихъ городскихъ юрисдикціяхъ, въ воеводствахъ и повѣтахъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, хотя бы на удовлетвореніе кредиторовъ; всѣ духовныя сокровища, лежащія въ различной монетѣ или въ вещахъ въ монастыряхъ, костелахъ, капитулахъ, коллегіатахъ, суммы, хранящіяся у частныхъ лицъ, превышающія количество тысячи червонныхъ, суммы купеческія, назначенныя для удовлетворенія кредиторовъ и остающіяся невыплаченными по причинѣ перерыва торговыхъ сообщеній съ заграницею. Всѣ лица, у которыхъ на дому сложены чужія имущества, должны, подъ страхомъ отвѣтственности собственнымъ имуществомъ, донести объ этомъ порядковымъ коммиссіямъ въ теченіе семи дней. Взятыя такимъ образомъ сокровища отдаются скарбовому отдѣлу высочайшаго совѣта, который въ обмѣнъ за нихъ будетъ выдавать пятипроцентные билеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высочайшій совѣтъ объявлялъ, съ цѣлію усиленія войска, на спасеніе отечества, обывательскій заемъ съ процентами, по 6% со ста, на что давалась вкладчику облигація, которую онъ всегда, если захочетъ, можетъ вы-

мѣнять на 5% билетъ, съ причетомъ за лишній процентъ, значущійся на облигаціи.

На объявленное посполитое рушенье уже перестали полагать надежду, оно только раздражало обывателей и простой народъ. 18 сентября, начальникъ приказалъ уничтожить посполитое рушенье, и тамъ, гдѣ оно уже начало собираться, распустить его по домамъ, а вмѣсто него усилить рекрутскій наборъ и собрать еще по прежнимъ правиламъ съ десяти дымовъ одного пѣшаго, и съ пятидесяти дымовъ одного коннаго рекрута, съ тѣмъ, что снаряженіе ихъ будетъ на казенный счетъ, и порядковымъ коммиссіямъ выплатится, для передачи кому слѣдуетъ, за всѣ необходимыя при поставкѣ рекрутъ съ оружіемъ вещи, по назначенной таксѣ. Городъ Варшава, въ видахъ недавно понесенныхъ жителями большихъ трудовъ и утратъ во время осады, освобождался отъ поставки рекрутъ.

Но энтузіазмъ ослабѣвалъ. Обыватели не видѣли успѣховъ отъ повстанья, а видѣли и чувствовали только одно собственное разореніе. Если они не хотѣли находиться подъ властію иноземныхъ государей, то все-таки идеалъ ихъ былъ не иной, какъ старая шляхетская Польша, а Костюшко сулилъ имъ какую-то другую, имъ чуждую Польшу, съ основами, которыя пахли французскою революціею, которой одно имя ужасало сердца добродушныхъ католиковъ, привыкшихъ жить для святой церкви на счетъ хлопа, созданнаго для того, чтобы вѣчно ходить въ ярмѣ. Для воспитанныхъ въ польскихъ понятіяхъ, равенство было что-то богопротивное, разрушающее всякія основы порядка, и не даромъ революціонное польское правительство, перенявъ у французовъ революціонный девизъ: liberté, égalité, fraternité, замѣнило слово «равенство» (égalité) словомъ «цѣлость»; подобіе польской революціи съ французской было ясно, какъ ни старались его закрывать, и потому не мало было такихъ, которые изъ двухъ золъ для своего отечества готовы были избирать меньшее, и скорѣе покориться, лишась сеймиковъ и сеймовъ, русской императрицѣ, которая по крайней мѣрѣ оставляла за ними драгоцѣнное право власти надъ хлопомъ и возможность жить обычною католическою жизнію, чѣмъ разориться до послѣдняго, ради возсозданія такой Польши, гдѣ они должны потерять свои шляхетскія преимущества въ угоду новомоднымъ идеямъ и даже, быть можетъ, подвергнуть самую религію той опасности, какой она уже подверглась тамъ, откуда приходили въ Польшу идеи, потрясавшія вѣковыя привычки ея общественной жизни.

Въ то время, какъ Костюшко требовалъ исполненія своего универсала 7 мая, и грозилъ карою тѣмъ, которые возлагали на

крестьянъ то, чего революціонная власть требовала отъ нихъ самихъ, къ нему посылались жалобы на своеволіе пановъ отъ такихъ общинъ, которыя и по прежнимъ правамъ могли искать на панахъ управы, и которыхъ прежде всего должны были уважать паны, приспособляясь сколько-нибудь къ новому строю вещей. Такимъ образомъ, Богуфалъ, уполномоченный въ гродненскомъ повѣтѣ, сообщилъ Костюшкѣ просьбу мѣщанъ города Соколки, которые пользовались нѣкогда свободными правами, а впослѣдствіи превращены были аристократическимъ правительствомъ въ убогихъ хлоповъ королевской экономіи. Они превосходно исполняли разныя повинности, положенныя на нихъ уполномоченными повстанья, но экономическое правленіе гоняло ихъ на панщину. «Такимъ образомъ, не только крестьянъ утѣсняютъ, но и дѣлу повстанья препятствуютъ»,—говорилъ Богуфалъ. Это было не въ одномъ мѣстѣ, а почти вездѣ, по извѣстію современниковъ.

Провозгласивъ освобожденіе крестьянъ, Костюшко думалъ найти со стороны хлопской громады сильную опору революціонному движенію противъ равнодушія, эгоизма и двуличности обывателей. Но хлопы ненавидѣли повстанье не меньше, если не больше, самихъ обывателей. Объ освобожденіи народъ не зналъ и не вѣрилъ ему, даже тамъ, гдѣ и слышалъ о немъ; отъ панскаго ига онъ не видѣлъ никакого облегченія, а повстанье только увеличило его тягости; оно тащило у хлопа послѣднюю лошадь, послѣднюю корову, опустошало его ниву, сожигало или разоряло его усадьбу, тянуло сыновей или самого хозяина на бойню,—за что̀, онъ, самъ не зналъ, и понять не могъ. Отчизны у него не было, какъ ея никогда не бываетъ у невольника. Рѣчь-Посполитая не представляла ему ничего такого, за что́ стоило бы ее сохранять и защищать. Состояніе его не могло сдѣлаться хуже, когда ея не будетъ, напротивъ оно скорѣе могло улучшиться; въ повстаньи онъ видѣлъ одну свою близкую бѣду и ничего отраднаго въ будущемъ. Какъ мало Польша сочувствовала своему повстанью, показываетъ то, что силы вооруженнаго народа были далеко не тѣ въ натурѣ, какими предполагались на бумагѣ. Онѣ были не только малы,—онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они должны были сдѣлаться, еслибы въ самомъ дѣлѣ въ Польшѣ было воодушевленіе и всеобщая ясная потребность спасать Рѣчь-Посполитую. Посполитое рушенье могло поставить до четырехсотъ тысячъ защитниковъ отечества, а ихъ число едва доходило до сорока тысячъ, и тѣ, по скудости средствъ, содержались крайне плохо и безпрестанно бѣгали. Въ столицѣ, гдѣ сосредоточивалось риторическое геройство, не только не уничтожалось, но расширялось то

тайное нерасположеніе къ повстанью, которое замѣчалось въ мѣщанствѣ при самомъ началѣ революціи, когда мѣщане съ ужасомъ испытали, какъ дорого она обходится, и какъ далекъ ея конецъ. Патріоты замѣчали это и усиливали свой терроръ. Варшава совершенно потеряла свой прежній разгульный, веселый характеръ. Только и рѣчи было, что о тайной измѣнѣ, о предательствѣ; одинъ указывалъ на другого, другъ на друга возбуждали подозрѣніе, каждый день появлялись афиши, взывающія къ открытію тайныхъ недоброжелателей повстанья; бѣдные изъ зависти кричали на богатыхъ; каждый день уголовныя слѣдствія да суды, и только благоразумію и прямодушію Костюшки и его друзей Варшава обязана тѣмъ, что въ ней, какъ въ Парижѣ, не полились потоки крови. Если такое напряженное состояніе возбуждало и раззадоривало записныхъ друзей революціи, то оно естественно располагало громаду жителей къ желанію избавиться отъ тревогъ и возвратиться къ какому бы то ни было спокойствію. Явно всѣ хвалили Костюшку; одинъ передъ другимъ старался выставить свой патріотизмъ, великодушную готовность жертвовать и состояніемъ и жизнію за отечество, а въ глубинѣ сердца многіе только того и ожидали, чтобы либо русскіе, либо пруссаки скорѣе вошли въ столицу и спасли ее отъ революціоннаго обирательства и террора.

Костюшко, слыша, что ропотъ усиливается по всей Польшѣ съ каждымъ днемъ, принужденъ былъ, 13 (24) сентября, написать успокоительный универсалъ. «Знаю—писалъ онъ,—что обывательскія имѣнія очень терпятъ, но помните, что всѣ непріятности—мимоходныя, а свобода будетъ продолжительна и дастъ намъ рядъ спокойныхъ и счастливыхъ дней. Поручаю порядковымъ коммиссіямъ успокоивать обывателей и увѣрить ихъ, что временное правительство не желаетъ нарушать ничьей собственности, напротивъ, хочетъ ее уважать и защищать. За все, что обыватели доставляли, будетъ имъ немедленно заплачено; наконецъ, если теперь много такихъ тягостей, которыя чувствительны обывателямъ, то по окончаніи войны и по освобожденіи отечества собранные представители народа установятъ такое правленіе, какое только окажется удобнѣйшимъ для безопасности и благоденствія».

Вслѣдъ затѣмъ, высочайшій совѣтъ 18 (29) сентября издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что усиленные поборы соберутся съ обывателей только одинъ разъ, а болѣе повторяемы не будутъ, и обыватели обязаны будутъ вносить только то, что было прежде постановлено сеймомъ. До того же времени существовало постановленіе, чтобы обыватели платили наложенные на нихъ поборы не иначе, какъ на половину звонкою монетою; теперь дозволяли платить тѣми

билетами, которые предположили выпускать. Такимъ образомъ, видно и начальникъ и высочайшій совѣтъ пришли къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ раздражать обывателей, а напротивъ надобно пріобрѣтать ихъ расположеніе. За то они отнеслись строго къ тѣмъ, которые находились въ чужестранной службѣ. 11 (22) сентября, Костюшко объявилъ: «Съ огорченіемъ и удивленіемъ вижу, что множество поляковъ не стыдятся сражаться противъ собственнаго отечества, омывая оружіе въ крови соотечественниковъ, находясь преимущественно въ прусской службѣ. Объявляю: если, отъ настоящаго дня черезъ мѣсяцъ, полякъ, находящійся въ непріятельской службѣ, будетъ пойманъ, то подвергнется суду и казни, какъ измѣнникъ и врагъ отечества». Черезъ нѣсколько времени (4 октября) высочайшій совѣтъ принужденъ былъ громить и тѣхъ, которые вообще находятся за границею и уклоняются отъ участія въ повстаньи. Уже два раза, 6 іюня и 7 іюля, имъ было приказано возвратиться, но воззваніе высочайшаго совѣта осталось безъ послѣдствій. Этого мало; послѣ того еще множество обывателей бѣжало изъ Польши; на этотъ разъ назначили новый терминъ возврата, къ 15 января 1795 г., подъ опасеніемъ конфискаціи имуществъ. Недостатокъ финансовъ страшно препятствовалъ патріотическому дѣлу, но нельзя сказать, чтобы у поляковъ тогда совсѣмъ уже не было средствъ; именно тѣ паны, которые уѣзжали за границу, имѣли ихъ достаточно, а другіе, хотя не удалялись изъ отечества, но припрятали свои сокровища.

XI.

Суворовъ. — Обезоруженіе польскихъ войскъ въ южной Руси. — Пораженіе Сѣраковскаго подъ Брестомъ. — Битва подъ Мацѣіовицами. — Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Костюшки. — Впечатлѣніе этого событія.

Лицомъ къ лицу съ польскимъ повстаньемъ сталъ Суворовъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ XVIII вѣка, уже давшій себя знать полякамъ слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, уничтоженіемъ Барской конфедераціи. Въ то время, когда другіе русскіе генералы боролись съ Костюшкою, и борьба дошла до безславной осады Варшавы, подъ начальствомъ прусскаго короля, лучшій изъ генераловъ находился въ Украинѣ и участвовалъ въ борьбѣ Россіи съ Польшею только обезоруженіемъ польскаго войска. Такимъ образомъ, въ іюнѣ, состоявшій подъ его начальствомъ генералъ-маіоръ Исленьевъ обезоружилъ безъ сопротивленія польскую полевую артиллерію и изяславскій пѣхотный полкъ;

генералъ-маіоръ Шевичъ обезоружилъ винницкую и брацлавскую бригады; фонъ-Сталь — поднѣстровскую бригаду. Взятое оружіе отправлено къ брацлавскому губернатору Берхману. Охотниковъ вступать въ русскую службу оказалось чрезвычайно мало, да и правительство не заботилось о томъ, чтобы ихъ было много, не желая наполнять войско такими людьми, которые могли измѣнить. Поэтому, тѣхъ, которые пожелали служить въ россійской службѣ, велѣно было не оставлять въ завоеванномъ краѣ, а переводить въ другія мѣста, подалѣе въ глубь имперіи. Тогда оказалось много побѣговъ изъ русской арміи: не утерпѣли поляки, услышавъ призывъ своего военачальника. Поэтому приказано было ихъ казнить жестокою казнію, а всѣхъ подозрительныхъ, которые хотя чѣмъ-нибудь малымъ заявили себя, велѣно отправлять за побѣги изъ войска во внутреннія губерніи. Въ іюнѣ обезоруженіе было окончено, кромѣ тѣхъ, которые, какъ было уже выше показано, успѣли убѣжать къ Костюшкѣ.

Въ то же время уніаты продолжали переходить къ православной церкви. Императрица приказала для охраненія тѣхъ, которые обращаются къ вѣрѣ предковъ, подавать отъ войска нужную помощь, дабы, какъ выражалась императрица: «отвратить замыслы недоброжелательствующихъ и сократить тѣ слѣдствія, которыя уніатское духовенство, естественно будучи огорчено, паче чаянія станетъ усиливаться произвести для нарушенія общаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что и вообще помѣщикамъ сіе пріятно быть не можетъ».

Тогда въ народѣ стали рѣзче, чѣмъ прежде, поговаривать, что пришла пора вспомнить казачину, Желѣзняка, Гонту, расправиться съ панами и жидами. Іюня 30, Берхманъ доносилъ государынѣ объ опасномъ духѣ въ краѣ между крестьянами. Это побудило уменьшить ревность къ распространенію православія, потому что у южно-русскаго народа понятіе о православіи связывалось съ понятіемъ объ освобожденіи отъ пановъ, а освобожденіе отъ пановъ немедленно воскрешало страшный духъ гайдамацкой мести.

Причиной, почему Екатерина не посылала Суворова въ Польшу, было опасеніе нападенія со стороны турокъ. Это опасеніе могло разсѣяться не ранѣе лѣта.

Суворовъ получилъ повелѣніе двинуться въ Польшу не ранѣе, какъ въ августѣ. Двадцать третьяго числа этого мѣсяца онъ находился уже въ Барковичахъ на Волыни, на пути въ Польшу. Отрядъ генерала Буксгевдена былъ въ Ковлѣ, генерала Маркова въ Могилевѣ. Жидъ Шмойло донесъ, что въ Брестѣ собирается отрядъ повстанцевъ, туда идетъ Сѣраковскій, а на помощь ему

Мокрановскій, съ 1,000 чел. Суворовъ, получивъ это извѣстіе, рѣшился быстро двинуться на непріятеля. 26 августа, Суворовъ былъ уже въ Луцкѣ, гдѣ получилъ чрезъ Буксгевдена извѣстіе о снятіи осады Варшавы прусскимъ королемъ. Нужно было спѣшить, чтобы соединиться съ русскими войсками, отступавшими отъ столицы, и не дать освободившимся отъ дѣйствій противъ прусскаго короля польскимъ войскамъ подоспѣть на помощь къ тѣмъ, которые собирались у Бреста. 20 августа, Суворовъ соединился съ Буксгевденомъ. 30 августа, онъ прибылъ въ Ковель, а 4 сентября былъ подъ Кобриномъ. На другой день, 5 сентября, онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Генералъ Сѣраковскій долго странствовалъ по Литвѣ и имѣлъ съ русскими нѣсколько стычекъ, которыя по своей незначительности и неопредѣленности поляки могли называть своими побѣдами. Такова, между прочимъ, была битва подъ Слонимомъ, съ генераломъ Лассіемъ, гдѣ однако поляки, какъ и сами сознаются, попятились, но за то съ удивительнымъ, по ихъ словамъ, мужествомъ. Тогда уже вся Литва была взята русскими, только на Жмуди держались еще отряды; Курляндія, взволнованная поляками, была усмирена; поляки принуждены были вывести оттуда свои отряды.

Услышавъ о томъ, что Суворовъ двигается впередъ, Сѣраковскій послалъ извѣстіе Костюшкѣ, но главнокомандующій повстаньемъ получилъ уже ложные слухи изъ Волыни и отвѣчалъ, что ему извѣстно навѣрное, что это не знаменитый Суворовъ, а другой; знаменитый Суворовъ не пойдетъ въ Польшу; онъ бережетъ границы отъ Турціи, которая готова не сегодня завтра ополчиться противъ Россіи на защиту Рѣчи-Посполитой; тотъ же, который идетъ на Польшу, какой-то неважный казачій генералъ. Сѣраковскій, въ этой, видно, увѣренности, получивъ извѣстіе, что Суворовъ близко, поспѣшилъ къ Бресту, и не дошедши до него, расположился подъ Крупчицами, у монастыря. Онъ выбралъ превосходную позицію. Рѣка Мухавецъ извилисто течетъ къ востоку и круто дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу. За нею течетъ другой ручей, впадающій въ рѣку. Берега рѣки и ручья очень болотисты. Оставивъ впереди себя рѣку и потомъ ручей, Сѣраковскій расположилъ свое войско такъ, что лѣвый и правый бока его упирались въ болотистые лѣса; передъ мостомъ на дорогѣ, шедшей изъ Кобрина въ Брестъ, на лѣвомъ крылѣ поставилъ онъ шесть батарей. Тылъ обезпеченъ былъ также болотомъ, не такимъ большимъ какъ переднее, и въ тылу у него оставались деревня и каменный монастырь. Установившись такимъ образомъ, онъ отправилъ впередъ партію подъ начальствомъ генерала Ру-

щица, но этотъ передовой отрядъ разбитъ былъ русскимъ казачьимъ отрядомъ генерала Исаева. Взятые плѣнные показали, что у Сѣраковскаго тысячъ шестнадцать войска; это было невѣрно. Другой подъѣздъ, отправленный Сѣраковскимъ, былъ счастливѣе; онъ привелъ одного унтеръ-офицера, посланнаго самимъ Суворовымъ достать водки, съ огромною баклагою. Онъ объявилъ полякамъ, что идущій на нихъ Суворовъ дѣйствительно тотъ, который уже былъ въ Польшѣ во время Барской конфедераціи, который прославился въ обѣ турецкія войны, однимъ словомъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, а не какой-то другой.

Бѣжать было стыдно и притомъ некуда. Сѣраковскій выслалъ сто человѣкъ конницы для развѣдыванія, но этотъ отрядъ, наткнувшись на русскихъ, былъ такъ разбитъ, что едва нѣсколько человѣкъ успѣли добѣжать до своего стана.

Утромъ 6 (17) сентября, въ 7 часовъ, русскіе начали переходить черезъ рѣку Мухавецъ. Пѣхота и артиллерія двинулись по мосту. Но тутъ съ противной стороны поляки стали угощать ихъ сильною канонадою; тогда артиллерійскій капитанъ Рѣзвый, по приказанію начальства, устроилъ на высотѣ батареи, началъ палить изъ четырнадцати орудій и сбилъ непріятельскія батареи, преграждавшія путь. Пользуясь этимъ, пѣхота стала переходить. Сперва подполковникъ Талызинъ съ егерями двинулся впередъ на другую сторону, но на русскихъ нападаетъ польская конница. Нужно было выдвинуть противъ нея русскую конницу. Вотъ кинбурнскій драгунскій полкъ, подъ командою секундъ-маіора Киндякова, спѣшивается, солдаты переходятъ въ бродъ, рубятъ хворостъ, бросаютъ на протоки, дѣлаютъ гать, переводятъ по ней лошадей: за ними по этой гати переходитъ украинскій легко-конный полкъ подъ командою подполковника князя Одоевскаго. Польская конница не пускала русскую пѣхоту,—русская конница отгоняетъ ее, русская пѣхота проходитъ безпрепятственно, тѣ по мосту, тѣ въ бродъ; за Талызинымъ, гренадерскій херсонскій полкъ, за нимъ мушкатерскіе: азовскій, ряжскій; генералъ Буксгевденъ, командующій пѣхотою, командуетъ ударить въ штыки; поляки не въ силахъ держаться, сомкнулись въ густую толпу, закрылись въ тылу большимъ карре, и начали отступать. Но ряжскій полкъ поражаетъ штыками лѣвое крыло, не успѣвшее стать въ карре; храбрый генералъ-маіоръ Шевичъ съ своею летучею конницею бросается на лѣвый флангъ карре, за нимъ черниговскіе карабинеры и кинбургскіе драгуны, уже успѣвшіе сѣсть на лошадей; за ними конные полки, александровскій, маріупольскій; ихъ полковники Гижицкій и Анненковъ, оба отважные, врубились въ карре. Анненковъ съ маріупольцами пробилъ карре

насквозь; непріятельская конница хочетъ ударить ему въ тылъ, но бригадиръ Исаевъ съ казаками отгоняетъ ее казацкими длинными пиками. Въ то же время генералъ-маіоръ Исленьевъ съ переяславскимъ полкомъ, конныхъ егерей, врубился въ правый флангъ карре: оно разорвано. Поляки потеряли строй и бѣжали въ разсыпную по лѣсамъ и болотамъ. Русская кавалерія гнала ихъ до тѣхъ поръ, пока ночь и неудобная мѣстность не спасли поляковъ отъ совершеннаго пораженія. По извѣстіямъ русскихъ, около трехъ тысячъ поляковъ легло на мѣстѣ, у русскихъ убито 55 человѣкъ, ранено 237. Поляки увѣряютъ, что русскихъ убито было до трехъ тысячъ, а у нихъ только 192. Но послѣднему вѣрить нельзя, потому что и поляки все-таки сознаются, что Сѣраковскій былъ разбитъ.

Суворовъ не давалъ непріятелю большихъ отдыховъ и имѣлъ обыкновеніе преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока не поразитъ совершенно, до конца. Въ 2 часа по полуночи, русскіе пошли на поляковъ снова, отдохнувъ часовъ восемь, и по пятамъ ихъ подошли на шесть верстъ къ Бресту. Ночь была лунная. Два раза приходилось русскимъ переходить извилистый и болотистый Мухавецъ. На разсвѣтѣ они дошли до Буга. Эта рѣка въ осеннюю пору въ тѣхъ мѣстахъ переходима: пѣхота прошла черезъ нее въ бродъ и перевезла артиллерію. За Бугомъ русскіе построились въ боевой порядокъ. Правое крыло состояло изъ конницы подъ начальствомъ Шевича, лѣвое изъ пѣхоты Исленьева, въ центрѣ былъ Буксгевденъ. Поляки закрылись спереди предмѣстьемъ Бреста, называемымъ Тересполь.

Суворовъ приказалъ ударить на непріятеля со всѣхъ сторонъ. Русскіе сразу овладѣли шестью пушками, одна за другою, въ разныхъ мѣстахъ. Поляки стали быстро отступать къ деревнѣ Коршинъ, и за нею на высотѣ хотѣлъ расположиться Сѣраковскій, но генералъ Шевичъ предупредилъ его, перерѣзалъ ему путь, ударилъ въ переднюю колонну своею конницею. Бригадиръ Боровскій съ ольвіопольскими гусарами сцѣпился съ польскою конницею, черниговскій и александровскій полкъ ударили во вторую колонну, а третья бросилась влѣво, въ сторону; на нее сильно ударилъ въ штыки генералъ Исленьевъ, отрѣзалъ и совершенно истребилъ. Разстроенное войско бросилось къ деревнѣ Добрину. Надо было ему переходить черезъ гать. Исленьевъ послалъ въ обходъ къ деревнѣ (подъ начальствомъ секретаря Суворова, Мандрыкина, и поручика Тищенко) охотниковъ пять эскадроновъ, конныхъ егерей и гусаръ; когда поляки подошли къ деревнѣ, она была уже занята и зажжена русскими. Полковникъ Новицкій съ черниговскимъ полкомъ ударилъ съ правой

стороны деревни, а поручикъ артиллеріи Татариновъ началъ поражать ихъ сзади. За поляками гнались казаки съ своимъ храбрымъ и неутомимымъ Исаевымъ, а впереди заходили дорогу егеря лифляндскаго корпуса (4-й баталіонъ полковника Ржевскаго и 2-й баталіонъ Жукова), очищая лѣсъ и поражая поляковъ выстрѣлами. Тутъ поляки пустились въ разсыпную, кидали оружіе, аммуницію, знамена; однихъ изъ нихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ, конница завязла въ болотѣ, по правую сторону гати. Нѣкоторые тамъ и погибли со своими лошадьми, другіе побросали лошадей, спасались бѣгствомъ и прятались въ камышахъ. Казаки Исаева били ихъ и кололи по всѣмъ направленіямъ. Самъ Сѣраковскій ушелъ съ однимъ баталіономъ пѣшей гвардіи на Малову гору; съ нимъ ушелъ отъ бѣды эскадронъ конной гвардіи, подъ начальствомъ Космовскаго. По странному случаю, въ эскадронѣ, бѣжавшемъ съ поля битвы, не былъ никто раненъ.

Русскимъ досталось двадцать восемь пушекъ, всѣ ящики съ снарядами, и два корпусныхъ знамени, одно бѣлое, для пѣхоты, а другое свѣтлосинее для конницы, недавно присланныя Сѣраковскому въ знакъ чести отъ высочайшаго совѣта. До 500 плѣнныхъ было взято русскими. Въ этой битвѣ русскіе потеряли 95 убитыми и 228 ранеными, изъ которыхъ 141 были ранены тяжело. Русскіе увѣряли, что поляковъ было до пятнадцати тысячъ, а другіе говорили, что даже до шестнадцати тысячъ; но по вѣдомостямъ, которыя доставилъ Сѣраковскій передъ своимъ пораженіемъ правительству, у него значится въ корпусѣ 5,975 человѣкъ, но изъ нихъ больныхъ было 501. Вѣроятно, однако, что это число обнимаетъ только регулярное войско, а такъ какъ кромѣ того у него были волонтеры, набранные изъ народа, то это и умножало его корпусъ въ глазахъ его непріятелей.

Сѣраковскій убѣжалъ въ Сѣдльце. Туда стало собираться къ нему недобитое войско и примыкали другіе отряды, такъ что въ нѣсколько дней у него снова было до двухъ тысячъ. Самъ Костюшко, услышавъ о его несчастіи, поспѣшилъ изъ-подъ Варшавы въ Сѣдльце, разспрашивалъ о причинахъ пораженія и нашелъ, что никто не виноватъ, всѣ прекрасно воевали и исполняли свои обязанности, а несчастіе произошло отъ многочисленности непріятеля. Для ободренія онъ роздалъ даже нѣкоторымъ знаки отличія, и въ томъ числѣ Космовскому. Этотъ знакъ отличія только-что передъ тѣмъ выдуманъ былъ Костюшкою для наградъ. То было золотое кольцо съ надписью: «Отчизна своему защитнику». Его положилъ онъ давать военнымъ только подъ условіемъ, если коммиссія, состоящая изъ трехъ офицеровъ, признаетъ достойнымъ того, кому намѣреваются дать этотъ знакъ отличія. Имя

получающаго должно было пропечатываться въ газетахъ, съ обозначенiемъ нумера, за которымъ получена награда, съ тою цѣлью, чтобы кто-нибудь не присвоилъ себѣ такой почести безъ права на нее.

От Сѣраковскаго Костюшко поспѣшно отправился въ Гродно. Здѣсь онъ надъ остатками литовской армiи отдалъ начальство Мокрановскому; подъ его начальствомъ одну дивизiю поручилъ Ясинскому, другую Вавржецкому, вмѣстѣ съ Гедройцемъ. Онъ написалъ имъ такой приказъ: «Предостерегаю все войско; если кто будетъ его тревожить разговорами о томъ, будто противъ москалей нельзя удержаться, или во время битвы станетъ кричать, что москали у насъ въ тылу, москали насъ отрѣзываютъ, и тому подобно, тотъ по донесенiю команды будетъ тотчасъ заключенъ въ оковы, отданъ суду и, по доказательствѣ виновности, разстрѣлянъ. Приказываю генералу Мокрановскому, чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллерiею всегда стояла позади линiи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Всякiй пусть знаетъ, что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть. Если между служащими въ войскѣ есть такiе, которые убѣждены, что москалей нельзя побить, люди, равнодушные къ отечеству, свободѣ и славѣ, тѣ пусть заранѣе объявятъ объ увольненiи своемъ изъ службы. Мнѣ больно, что я принужденъ установлять такiя строгiя правила». Костюшко нашелъ нужнымъ припомнить своимъ соотчичамъ и благословенную въ ихъ памяти эпоху московскаго разоренiя. «Какiе-нибудь десятки вашихъ предковъ могли завоевать цѣлое государство Московское, привести въ оковахъ царей его, назначать москалямъ владыкъ,— а вы, потомки тѣхъ же самыхъ поляковъ, можете сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы за отечество, свободу и домы ваши, за кровныхъ и друзей, и считаете непобѣдимыми эти хищныя шайки, которыя берутъ надъ вами верхъ только при вашей трусости»

Для усиленiя Сѣраковскаго, Костюшко немедленно послалъ приказанiе отрядить изъ отряда Понятовскаго до двухъ тысячъ человѣкъ къ Сѣраковскому и приказалъ, сверхъ того, соединиться съ нимъ отряду генерала Княжевича, у котораго было до тысячи человѣкъ. Самъ Костюшко прибылъ снова въ Варшаву и стоялъ по прежнему въ Мокотовѣ, гдѣ ему отведено было помѣщенiе отъ хозяйки этого имѣнiя, княгини Любомирской. Онъ часто ѣздилъ въ Варшаву, бесѣдовалъ тамъ о дѣлахъ съ главными членами совѣта и генералами.

Русскiй генералъ Ферзенъ съ своимъ войскомъ, по отступленiи прусскаго короля отъ Варшавы, отступилъ и самъ отъ сто-

лицы, а сначала сталъ у Песочной, и оставался тамъ до 30-го августа (11-го сентября), по просьбѣ прусскаго короля. Послѣдній прислалъ-было къ нему генерала Манштейна просить, чтобы онъ остался долѣе, пока король уйдетъ въ Великую Польшу, но Ферзенъ отвѣчалъ: «Дѣло подъ Варшавой покончилось, мнѣ нечего тутъ дѣлать, я не буду ждать долѣе 30-го августа». «Пруссаки, писалъ онъ Репнину, единственно заботятся объ охраненіи своихъ новыхъ границъ, а до союзниковъ дѣла нѣтъ; цесарцы стоятъ недвижно, и мнѣ трудно теперь двигаться, не будучи ничѣмъ снабженнымъ». Цѣль его была перейти на правый берегъ Вислы и соединиться съ Суворовымъ, или же ударить на разсѣянныя части польскаго войска около Бреста или гдѣ придется. Онъ распустилъ слухъ, что хочетъ переправиться въ Пулавахъ, а самъ рѣшилъ переправиться въ Зелиховѣ. Переправа чрезъ Вислу было дѣло не легкое; оно требовало нѣсколькихъ дней работы, а поляковъ было много на другой сторонѣ; хотя это были небольшіе отряды, но при переправѣ они могли быть опасны; и дѣйствительно, Костюшко обратилъ усиленное вниманіе на то, чтобы не дать Ферзену совершить переправу. Это важное дѣло поручено было генералу Адаму Понинскому, который стоялъ на правомъ берегу Вислы и слѣдилъ за движеніями Ферзена, готовый ударить на него, когда онъ начнетъ переправу.

Выборъ былъ очень неудаченъ. Отрядъ Понинскаго состоялъ изъ четырехъ тысячъ и это все были новобранцы и охотники. Дисциплины въ войскѣ было мало. «Каждая сотня, говоритъ Зайончекъ, была подъ командою начальника, который считалъ себя независимымъ». Вооруженіе было плохое. Тѣмъ не менѣе русскій генералъ, осторожный и разсудительный нѣмецъ, примѣривался чуть не мѣсяцъ перейти черезъ рѣку. 3 (14) сентября онъ былъ въ Магнушевѣ, на противоположной сторонѣ. Поляки готовы были встрѣтить его. Онъ разставилъ свое войско по правому берегу Вислы, въ Магнушевѣ, Ричеволѣ, Козеницахъ и Гнѣвушовѣ. Переправляться было трудно еще и потому, что не было паромовъ. Онъ успѣлъ-было достать ихъ на рѣкѣ Пилицѣ, собралъ польскихъ мужиковъ и хотѣлъ переправиться, но поляки съ противоположнаго берега собрались и перестрѣляли мужиковъ. Тогда Ферзенъ велѣлъ доставлять суда на подводахъ; пока доставляли суда, онъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля, а поляки устраивали свои батареи. Наконецъ, обманувъ непріятеля, Ферзенъ началъ 22-го сентября переправу у Козеницъ и деревни Голендры. Хрущовъ сѣлъ на суда и очищалъ

берегъ отъ непріятельскихъ батарей. Переправа продолжалась нѣсколько дней. Поляки не въ силахъ были помѣшать ей.

Дали знать Костюшкѣ.

Онъ получилъ это извѣстіе 24-го сентября и тотчасъ послалъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими пушками на помощь къ дивизіи Сѣраковскаго, и послѣднему послалъ приказаніе поскорѣе идти къ Козеницамъ, противъ Ферзена, а потомъ призвалъ къ себѣ Нѣмцевича и сказалъ: «Завтра съ разсвѣтомъ мы уѣдемъ къ Сѣраковскому; только это должно оставаться въ величайшемъ секретѣ». Онъ довѣрилъ однако тайну Зайончеку и Коллонтаю и сказалъ, что рѣшается отважиться на битву съ Ферзеномъ, чтобы не дать ему соединиться съ Суворовымъ. «Лучше пусть Ферзенъ соединится съ Суворовымъ, чѣмъ мы проиграемъ сраженіе, — сказалъ Зайончекъ. Армія Ферзена сильнѣе арміи Сѣраковскаго».—«Но силы Сѣраковскаго, возразилъ Костюшко, когда соединятся съ нимъ другія, возрастутъ до четырнадцати тысячъ и будутъ въ состояніи выдержать напоръ». Представленіе Зайончека не было принято Костюшкою. Неизвѣстно, притворился ли онъ передъ нимъ, что оставляетъ свое намѣреніе, или упорно стоялъ на своемъ. Онъ пріѣхалъ въ Варшаву и провелъ вечеръ у Закржевскаго. Тамъ были всѣ близкіе друзья его, Игнатій Потоцкій, Мостовскій, Коллонтай. Костюшко не подавалъ вида, что̀ у него на умѣ. Друзья разстались въ часъ по полуночи. У Нѣмцевича былъ на пальцѣ превосходный антикъ, этрусскій перстень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ раненаго воина, опирающагося на щитъ. Игнатій Потоцкій похвалилъ его. «Возьмите его себѣ и держите, пока мы не увидимся снова», сказалъ Нѣмцевичъ. Игнатій не понялъ значенія этихъ словъ, а Нѣмцевичъ хотѣлъ въ случаѣ несчастія оставить по себѣ память человѣку, котораго очень любилъ и уважалъ.

На зарѣ, рано, Костюшко съ Нѣмцевичемъ былъ уже на ногахъ. Отъѣзжая, Костюшко довѣрилъ начальство надъ войскомъ близъ Варшавы Зайончеку и приказалъ распустить слухъ, что ѣдетъ въ Варшаву. Они поѣхали на Прагу. Проѣхавъ верстъ около двадцати, они оставили своихъ утомленныхъ лошадей и поѣхали на перемѣнныхъ мужичьихъ. Жалко было имъ смотрѣть на этихъ лошадей, только кожа да кости, а сѣдла были безъ стремянъ, и удилъ не было, а вмѣсто нихъ были веревки. Край былъ разоренъ, хлопы обѣднѣли. Въ пять часовъ путешественники достигли обоза Сѣраковскаго, гдѣ съ послѣднимъ были генералы Каминскій и Понинскій, и бригадиръ Копецъ, прибывшій изъ своего лагеря, верстъ за тридцать оттуда.

Утромъ Понинскій уѣхалъ къ своему отряду съ Сѣраков-

скимъ; Каминскій поѣхалъ съ Костюшкою. Они въ Корытницу прибыли вечеромъ; тамъ былъ отрядъ, наблюдавшій за Ферзеномъ. Костюшко остановился въ опустошенномъ казаками панскомъ домѣ, и пробылъ тамъ цѣлый день. Погода была дождливая.

Польскіе подъѣзды взяли въ плѣнъ майора русской службы, снимавшаго планъ мѣстности. Оказалось, что этотъ маіоръ былъ родомъ полякъ изъ брацлавщины, по прозванію Подчаскій. «Мы имѣли право повѣсить его какъ измѣнника, говоритъ Нѣмцевичъ, но удовольствовались тѣмъ, что вывѣдали у него о состояніи непріятеля». Чуть живой отъ страха Подчаскій объяснялъ, что нищета заставила его вступить въ русскую службу и онъ хотѣлъ увольниться, но его не пускали въ отставку. Онъ разсказалъ Костюшкѣ подробно о положеніи русской арміи и ея численности.

«Оказывается, что непріятель сильнѣе насъ вчетверо людьми и орудіями», сказали поляки. Вечеромъ дождь пересталъ. Прояснивало. Нѣмцевичъ и Каминскій, нѣкогда школьные товарищи, прогуливались по двору. Вдругъ по правую ихъ сторону пролетѣла стая вороновъ. «Припомни Тита Ливія, сказалъ Каминскій, вороны по правую сторону — дурное предзнаменованіе».—«Оно было дурнымъ для римлянъ, а не для насъ, сказалъ Нѣмцевичъ. Пусть это кажется невѣроятно, но увидишь,—мы побьемъ москалей».—«И я тоже думаю», сказалъ, ободрясь, Каминскій.

Настало ясное утро 28 сентября (9 октября). Полковникъ Крицкій привелъ изнуренные два полка изъ Варшавы. Имъ для подкрѣпленія дали водки.

Въ девять часовъ утра выступили поляки изъ Корытницы. Путь имъ лежалъ черезъ лѣсъ. Въ четыре часа по полудни вышли они изъ лѣса близъ Мацѣіовицъ и увидѣли вдоль Вислы раскинутый русскій обозъ. Русское оружіе сверкало противъ солнца. Шумъ голосовъ, крики командъ, ржаніе лошадей доходили до ушей поляковъ. Генералы устанавливали войско въ боевой порядокъ, а стрѣлки между тѣмъ уже начали драться съ передовыми казаками. Эти такъ-называемые *шармицели* не длились больше часа.

Маленькая рѣка течетъ въ Вислу черезъ мѣстечко Мацѣіовицы. На берегу ея стоялъ за́мокъ; отъ этого за́мка до села Оронна вдоль рѣчки на лѣвомъ ея берегу расположились поляки. Рѣчка, впадая въ Вислу, образуетъ уголъ; отъ этого угла вдоль Вислы, до Козеницъ, стояли русскіе. Понинскаго съ его отрядомъ не было. Костюшко послалъ къ нему вечеромъ гонца, приказывая прибыть какъ можно скорѣе.

Ночью отправились польскіе генералы въ замокъ. Онъ принадлежалъ фамиліи Замойскихъ. На стѣнахъ его висѣли портреты лицъ этой фамиліи, знаменитыхъ въ исторіи канцлеровъ, гетмановъ, епископовъ. Казаки незадолго передъ тѣмъ посѣтили замокъ и оставили слѣды свои; у однихъ изъ нарисованныхъ Замойскихъ были проколоты глаза, у другихъ разрублены саблями лица. Безсознательно русскій воинъ попиралъ древнюю славу Польши на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней спустя судьба опредѣлила разыграться одной изъ послѣднихъ сценъ ея исторической драмы.

Наступило утро рокового дня. Мѣстоположеніе, казалось, давало полякамъ болѣе выгоды и надеждъ. Они стояли на сухомъ мѣстѣ, а русскимъ надо было пробираться по болотамъ. Но русскіе не боялись дурныхъ путей, когда надобно и велѣно идти черезъ нихъ.

По составленному Ферзеномъ плану, генералъ Хрущовъ ударилъ на поляковъ прямо. Корпусъ Денисова обошелъ вправо и ударилъ на поляковъ въ лѣвый флангъ. Корпусъ Тормасова направилъ свой ударъ лѣвѣе отъ Хрущова, а еще лѣвѣе двинулся корпусъ Рахманова, перешелъ рѣчку, пошелъ вдоль ея по правой сторонѣ съ большимъ трудомъ, при упорномъ сопротивленіи поляковъ, потомъ снова перешелъ на лѣвую сторону по плотинѣ и ударилъ въ тылъ. Наконецъ резервъ, подъ начальствомъ полковника Толстого, взялъ Мацѣіовицы, перешелъ черезъ рѣку и потомъ очутился тоже въ тылу поляковъ, еще далѣе, лѣвѣе Рахманова. Сначала сыпались на поляковъ ядра и гранаты, потомъ, когда русскіе приблизились, со всѣхъ сторонъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь. Тогда русскіе ударили въ штыки. Все мѣшалось, кидало оружіе, бѣжало, но бѣжать было некуда. Русскіе окружили поляковъ. Костюшко бросился за бѣгущею и потерявшею духъ кавалеріею; онъ думалъ остановить ее и двинуть въ бой. За нимъ пустились въ догонку харьковскаго легко-коннаго полка корнетъ Лисенко, да елисаветградскаго конно-егерскаго полка корнетъ Смородскій, да два казака, Лосевъ и Топилинъ. Конь Костюшки споткнулся и упалъ. Казаки, доскакавъ, дали ему два удара пикою, а Лисенко ударилъ его саблею по головѣ. Казаки бросились обирать его — сняли съ пальца перстень, потомъ другой, потомъ стали снимать третій, съ изображеніемъ краковской шапки — девиза повстанья. Костюшко машинально сжалъ палецъ. Офицеръ присмотрѣлся и закричалъ: «Это Костюшко!» — «Я Костюшко, воды!» проговорилъ раненый начальникъ. Воины прониклись уваженіемъ къ храброму, честному и уже безсильному врагу. Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водою. Офицеры приказали надѣть на него

прежнюю одежду, перевязали ему раны. Онъ впалъ въ безпамятство. Казаки изъ пикъ устроили носилки и понесли его.

Генералы Сѣраковскій, Княжевичъ, Каминскій, Копецъ, всѣ полковники, штабъ и оберъ-офицеры, секретарь Костюшки Фишеръ, оставшіеся въ живыхъ, были взяты въ плѣнъ. Нѣмцевичъ былъ раненъ въ руку. «Первымъ моимъ движеніемъ, говоритъ онъ, была гордость при мысли, что я проливаю кровь за отечество, но это патріотическое наслажденіе прошло, когда я увидалъ, что вся наша армія уничтожена». Казаки нагнали его, схватили за поводья его лошадь и повели.

Казацкій офицеръ, взявшій въ плѣнъ Нѣмцевича, не принадлежалъ къ числу образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ, какими, къ чести ихъ, были многіе изъ героевъ екатерининской арміи, уважавшіе во врагѣ человѣка и исполнителя своего нравственнаго долга. Онъ сталъ его обирать, и увидя на раненой рукѣ бриллiантовый перстень, силился его снять, но это было трудно, — рука припухла отъ раны. Нѣмцевичъ закричалъ отъ боли, снялъ перстень и бросилъ ему въ лицо. «Этотъ офицеръ обратился въ слугу моего», говоритъ Нѣмцевичъ; онъ раздѣлъ его и надѣлъ на него мундиръ, снятый съ убитаго польскаго жолнѣра. Его повели посреди русскихъ батальоновъ. «За чѣмъ ведешь его?» кричали офицеру подобные ему товарищи. «Убей его». На пути подъѣхалъ полковникъ Миллеръ, обратился къ Нѣмцевичу вѣжливо и милостиво, и при немъ же далъ выговоръ грубому казацкому офицеру за жестокое обращеніе, и самъ взявъ подъ свое покровительство Нѣмцевича, повелъ его въ главную квартиру.—«Мы шли черезъ побоище, говоритъ Нѣмцевичъ; земля была покрыта ободранными трупами. Что̀ было величественно въ этой картинѣ, это рослые жолнѣры, лежавшіе съ пробитою штыками грудью, съ запекшеюся въ ранахъ кровью, но еще видно было въ нихъ оставшееся послѣднее напряженіе мускуловъ; грозное выраженіе застыло на ихъ лицахъ».

Всѣхъ знатныхъ плѣнныхъ приводили къ Ферзену. Побѣдитель встрѣчалъ ихъ ласково съ трубкою въ рукахъ и безъ оружія, чтобы показаться скромнѣе. Отъ него ихъ отводили въ за̀мокъ, гдѣ собрались русскіе генералы. Плѣнниковъ поставили въ рядъ. Русскіе генералы—Хрущовъ, Тормасовъ, Денисовъ и другіе утѣшали ихъ, ласкали. Костюшки не было. Всѣ думали, что онъ убитъ, какъ вдругъ казаки принесли его на пикахъ полуживого, и русскіе генералы бросились оказывать ему помощь. У Нѣмцевича въ карманѣ взяли польскую только-что написанную имъ пьесу: «Возвращеніе съ того свѣта». Русскіе, знав-

шіе по-польски, читали и хвалили пьесу, желая сдѣлать пріятное плѣнному автору.

Всѣхъ плѣнныхъ взято русскими двѣ тысячи семьдесятъ человѣкъ. Изъ нихъ восемьсотъ были тотчасъ отпущены, съ обязательствомъ не служить противъ Россіи. Русскіе взяли 21 пушку, изъ нихъ четыре двѣнадцати-фунтовыхъ и четыре шести-фунтовыхъ, а прочія трехъ-фунтовыя, два знамени и 26 пороховыхъ ящиковъ. Сами русскіе потеряли убитыми 166 чел.; раненыхъ было 1,154.

Плѣнныхъ генераловъ разобрали къ себѣ на попеченіе русскіе генералы. Каминскаго, съ позволенія Ферзена, взялъ къ себѣ генералъ Дашковъ, который былъ въ Варшавѣ друженъ съ сестрою его Гурскою. Сѣраковскаго и Княжевича взялъ Хрущовъ, и обращался съ ними привѣтливо и дружелюбно. Всѣхъ убитыхъ похоронили съ военною честью и русскіе священники отпѣвали ихъ. Угождая французскому вольномыслію, поляки ставили русскимъ въ укоръ эту заботливость о приличномъ погребеніи мертвыхъ, называли ее суевѣріемъ, и порицали ихъ за то, что они въ тоже время оказывали менѣе старанія о раненыхъ плѣнныхъ, впрочемъ замѣчали, что и о своихъ раненыхъ они заботились не болѣе того. Быть можетъ, это было единственно оттого, что въ Россіи въ то время былъ еще недостатокъ во врачахъ, особенно искусныхъ.

Такъ какъ курьеровъ приходилось для избѣжанія плѣна посылать черезъ австрійскія земли, то Ферзенъ отправилъ къ Суворову извѣстіе съ плѣннымъ полякомъ, Станиславомъ Дубовицкимъ. По донесенію этого Дубовицкаго, всѣхъ польскихъ войскъ было подъ Мацѣіовицами десять тысячъ пятьсотъ человѣкъ, тогда какъ по извѣстіямъ польскимъ ихъ было не болѣе шести съ небольшимъ. Дубовицкій показывалъ, что Костюшко отправилъ изъ Варшавы четыре полка по 1,000 человѣкъ, тогда какъ Нѣмцевичъ говоритъ, будто онъ отправилъ ихъ только два. Дубовицкій указываетъ именно въ какомъ батальонѣ сколько людей находилось, и его показанія вообще носятъ печать правдоподобія; исключивъ число взятыхъ въ плѣнъ, окажется, что поляковъ легло болѣе восьми тысячъ въ этой *рѣзанинѣ*, какъ называли русскіе ветераны это сраженіе, вспоминая объ немъ въ своихъ разсказахъ впослѣдствіи.

Въ Варшавѣ сначала, какъ водится, стали ходить неясные слухи о мацѣіовицкомъ пораженіи. Имъ не хотѣли вѣрить. Патріоты, такъ боготворившіе своего начальника, никакъ не допускали мысли, чтобы этотъ идеалъ ихъ могъ быть взятъ въ плѣнъ. Боялись передавать другъ другу эти слухи, чтобы не подпасть

обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи дурныхъ вѣстей. Потомъ разнесся даже слухъ, что Костюшко свободенъ, что его нашли въ болотѣ и везутъ въ Варшаву. Народъ толпами побѣжалъ къ мосту и стоялъ на берегу съ полудня до ночи, пока сильный осенній дождь не прогналъ его. На другой день Зайончекъ издалъ приказъ и извѣщалъ оффиціально войско и народъ о несчастіи, постигшемъ отечество. Онъ убѣждалъ не унывать, но одушевиться чувствомъ и желаніемъ мести за любимаго начальника. Тогда раздались отчаянные крики: «Нѣтъ Костюшки! Пропало отечество». Иныхъ, по словамъ современниковъ, била лихорадка; другіе впали въ горячку, нѣкоторые совсѣмъ сошли съ ума, бѣгали по улицамъ и бились головами объ стѣны; женщины метались и кричали въ истерикѣ, а иныя даже разрѣшились отъ бремени преждевременно. Даже дѣти, слышавшія прежде безпрестанно отъ родителей имя Костюшки, теперь плакали навзрыдъ и кричали: «гдѣ дорогой Костюшко?» — Немало было и такихъ, которые втайнѣ радовались этому, видя по крайней мѣрѣ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе дойдетъ до какого-нибудь конца, но и тѣ должны были притворяться. «Онъ въ плѣну — какой стыдъ! говорили такіе, желая набросить на Костюшку тѣнь. Да зачѣмъ же онъ не нашелъ славной смерти, какъ многіе другіе нашли ее подъ Мацѣіовицами? Зачѣмъ предпочелъ стыдъ пораженія и плѣнъ геройской смерти?» Крайніе демократы, которыхъ всякая неудача разъяряла, кричали, что теперь-то и надобно показать рѣшительныя мѣры и перебить плѣнныхъ москалей и измѣнниковъ поляковъ.

3 (14) октября, высочайшій совѣтъ по этому поводу принужденъ былъ издать прокламацію, гдѣ было сказано: «Высочайшій совѣтъ убѣжденъ, обыватели, что скорбь ваша и слезы нераздѣльны съ твердою рѣшимостью мстить непріятелю за утрату начальника. Но высочайшій совѣтъ, говоря о мести, отнюдь не думаетъ побуждать васъ мстить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну, или за ручательствомъ народа. Судьбу ихъ слѣдуетъ уважать и по долгу человѣчности и по вниманію къ нашимъ рыцарямъ, которые, будучи покрыты ранами, въ рукахъ непріятеля испытали бы такія же несчастія и жестокости».

Ферзенъ, по взятіи Костюшки, послалъ къ королю Станиславу-Августу курьера съ письмомъ. Костюшко собственною слабою рукою надписалъ курьеру паспортъ. «Ваше величество, — писалъ Ферзенъ, — истребленіе всего корпуса, стоявшаго у зáмка (Мацѣіовицкаго), взятіе такого множества воиновъ, высшихъ офицеровъ, командировъ и самого начальника революціи 1794 г. — вотъ

слѣдствіе дѣла 10 октября. Надѣюсь, что теперь ваше величество и Рѣчь-Посполитая возвратитесь къ своимъ прежнимъ правамъ, и потому обращаюсь къ законнымъ властямъ съ требованіемъ увольненія всѣхъ генераловъ, офицеровъ, солдатъ и состоящихъ на службѣ русскихъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ къ дипломатическому корпусу, а равно и женщинъ, задержанныхъ вопреки достодолжному уваженію къ правамъ народовъ. Я желаю, чтобы всѣ эти особы отосланы были въ корпусъ, находящійся подъ моею командою, и скорое ихъ возвращеніе увеличитъ во мнѣ желаніе сдѣлать съ своей стороны все, что̀ могу и что̀ отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, что усилія, до сихъ поръ напрасныя, возвратятъ наконецъ спасительное спокойствіе Польшѣ и что въ этомъ еще году я буду въ состояніи изъявить вашему величеству мое уваженіе».

Король, конечно, не могъ еще писать ничего другого, кромѣ того, что̀ ему прикажутъ. Отвѣтъ его Ферзену отъ 4 (15) октября былъ таковъ:

«Милостивый государь! Какъ ни прискорбно для насъ несчастіе, постигшее насъ 10 октября, преимущественно утратою глубоко уважаемаго мужа, давшаго вновь начало независимости своему отечеству, однако это несчастіе не можетъ поколебать постоянство тѣхъ, которые поклялись или погибнуть или возвратить себѣ свободу. Не удивляйтесь, что ваше предложеніе объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и заложниковъ, остающихся у насъ въ обезпеченіе судьбы поляковъ, увезенныхъ въ Москву, намъ неумѣстно принять. Еслибы вы постарались объ увольненіи вашихъ единоземцевъ посредствомъ освобожденія задержанныхъ въ вашей землѣ поляковъ, то я охотно содѣйствовалъ бы осуществленію вашего желанія».

Въ тотъ же день послано было отъ высочайшаго совѣта письмо къ Костюшкѣ (уже второе со времени его плѣна). «Высочайшій совѣтъ, писали ему, готовъ уволить за тебя всѣхъ непріятельскихъ плѣнниковъ; каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собственною свободою за твою. Это голосъ цѣлаго народа. Если россійское правительство не согласится на это, то оно покажетъ, какъ дорожитъ твоею особою и какъ мало даетъ цѣны собственнымъ подданнымъ. Насъ извѣщали, что съ тобою, начальникъ, обращаются человѣколюбиво; у насъ плѣнники, особы русскаго происхожденія, состоящія за народнымъ поручительствомъ, и прежде испытывали тоже; теперь же, узнавъ, какъ хорошо съ тобою обращаются, мы особенно обѣщаемся усладить непріятность ихъ плѣна. Высочайшій совѣтъ установилъ навсегда имѣть

твой портретъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ отправляться его засѣданія».

Президенствовать въ совѣтѣ, въ день, когда было писано это письмо, пришлось Игнатію Потоцкому. Онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго прибавилъ и отъ себя изъявленіе чувствъ уваженія, и въ концѣ рѣчи сообщилъ, что король поручилъ передать свое участіе къ судьбѣ Костюшки и неизмѣнное къ нему уваженіе.

На другой день, 5 (16) октября, Костюшко прислалъ изъ плѣна высочайшему совѣту такое значительное письмо: «Обращаюсь къ высочайшему совѣту по поводу происшествія, которое касается чести нашего народа и войска. Сто слишкомъ офицеровъ взято было въ несчастной битвѣ 10 октября въ плѣнъ; они просили, чтобы ихъ содержали на честное слово. Они получили отъ генерала Ферзена эту милость. Но нашлось изъ нихъ девять негодяевъ и подлецовъ, которые, забывъ святость даннаго слова и честь офицера, а равно и тѣ непріятныя послѣдствія, которыя они навлекали на честныхъ своихъ товарищей, оставшихся въ плѣну, убѣжали изъ россійскаго обоза. Къ столькимъ утратамъ, которыя неблагопріятная судьба дала намъ почувствовать, не станемъ присоединять величайшей изъ потерь,—потери славы и чести. Пусть начальство примѣрнымъ наказаніемъ покажетъ, и своимъ и чужимъ, какъ оно гнушается всякою подобною подлостью, какъ умѣетъ строго преслѣдовать и карать ее. Прошу высочайшій совѣтъ немедленно приказать, гдѣ нужно, задержать этихъ негодяевъ, заковать въ цѣпи и препроводить въ лагерь генерала Ферзена подъ конвоемъ, какъ можно скорѣе, а если они въ Варшавѣ не отыщутся, то приказать ихъ вездѣ искать и доставить, затѣмъ имена ихъ вычеркнуть изъ списковъ и напечатать въ газетахъ».

XII.

Вавржецкій избранъ главнокомандующимъ.—Мѣры обороны.—Укрѣпленія Праги.—Пораженіе поляковъ подъ Кобылкою.—Волненія въ Варшавѣ.

Стали думать о новомъ народномъ начальникѣ. Генералы и вліятельные люди совѣта были между собою не въ ладу; одинъ другому готовъ былъ подставить ногу. Коллонтай предложилъ въ начальники Ѳому Вавржецкаго, бывшаго тогда въ Литвѣ. Этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, со всѣми ладилъ, былъ скроменъ, невластолюбивъ; можно было надѣяться взять его въ руки. Во время четырехлѣтняго сейма онъ крас-

нó говорилъ, слылъ за пламеннаго патріота, крѣпкаго сторонника конституціи 3-го мая; то былъ человѣкъ вполнѣ честный и прямодушный, но не обладалъ ни способностями, ни опытностью въ военномъ искусствѣ и даже не отличался склонностью къ нему. Учредили военный совѣтъ, который долженъ быть постоянно при верховномъ начальникѣ и состоять изъ шести членовъ; трехъ предоставлялось избрать самому начальнику, а трехъ назначалъ высочайшій совѣтъ.

Крайняя опасность была очевидна. Пораженіе Костюшки пóслѣ первыхъ дней напряженія располагало къ уступкѣ тѣхъ, которые предавали хладнокровному обсужденію положеніе польскихъ дѣлъ. Польша могла насчитать у себя еще до сорока тысячъ войска, но оно было раскидано: Домбровскій и Мадалинскій съ пятью тысячами и Понятовскій съ шестью находились въ Великой Польшѣ и должны были удерживать пруссаковъ. Мокрановскій и Гедройцъ стояли въ Литвѣ; у нихъ было тысячъ до десяти или до двѣнадцати; сверхъ того было три тысячи у Грабовскаго, четыре тысячи у Понинскаго, а въ Варшавѣ пять тысячъ съ половиною подъ начальствомъ Зайончека, которому самъ Костюшко поручилъ тамъ предводительство. Всего этого войска было недостаточно, если противная сторона захотѣла бы умножить свои силы. Нельзя было назвать его превосходнымъ; значительная часть его состояла изъ новобранныхъ, или вооруженныхъ косами. Начальники не отличались ни талантомъ, ни опытностью и были между собою постоянно несогласны. Предводители ничѣмъ не пріобрѣли любви подчиненныхъ, и еще меньше любви къ себѣ народа. Польскіе отряды для хлоповъ казались подъ-часъ хуже пруссаковъ и москалей: брали съ нихъ фуражъ, не обращая вниманія на бѣдность, не платили денегъ за взятое, брали даромъ подводы и загоняли лошадей, брали рабочій скотъ поселянъ, брали, подъ предлогомъ пожертвованій, все что ни попадалось имъ на глаза, и насильно вербовали жителей въ войско. «Одинъ Костюшко былъ отецъ, говорили поселяне, а эти генералы, и полковники, и офицеры — разбойники и грабители». Ихъ дѣйствія противъ пруссаковъ не принесли ничего плодотворнаго. 5-го октября, Домбровскій и Мадалинскій проникли до Быдгоща (Бромберга), разбили и плѣнили прусскаго генерала Секули, который тотчасъ умеръ отъ раны. Поляки овладѣли Быдгощью, забрали тамъ военные и продовольственные склады. Это, какъ водилось, надѣлало большого шуму, ославлено блестящимъ подвигомъ, подало поводъ къ еще болѣе блестящимъ надеждамъ, но въ сущности это былъ только удачный набѣгъ, который не могъ имѣть выгодныхъ прочныхъ послѣдствій. По-

ляки не могли удержать этого отдаленнаго города въ то время, когда по близости къ Варшавѣ пруссаки уже господствовали. Прусскій главный генералъ Фавратъ стоялъ въ Піотрковѣ. Города: Рава, Ловичъ, Сохачевъ, Вышегродъ, Закрочимъ, были заняты пруссаками. Радомъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Пулавы были захвачены ими же. Австрійцы не начинали непріязненныхъ дѣйствій и избѣгали всячески необходимости воевать съ поляками, но не пропускали подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Ясна была цѣль благоразумной политики австрійской. Не желая тратить людей, предоставляя русскимъ и пруссакамъ подавить, съ пролитіемъ собственной крови и съ большими издержками, польскую революцію, Австрія оставляла себѣ только трудъ взять на свою долю прилегавшую къ ея владѣніямъ лучшую часть Рѣчи-Посполитой.

Представлялось на выборъ,—или стянуть побольше войска къ Варшавѣ и сосредоточить дѣйствія на защиту столицы, или держать ихъ на разныхъ пунктахъ. Послѣднее было опасно, въ случаѣ когда бы на Варшаву напалъ Суворовъ, соединясь съ Ферзеномъ и Дерфельденомъ; тогда польскія силы для защиты столицы останутся слабы; а собрать ихъ всѣ вмѣстѣ въ одинъ пунктъ противъ Суворова значило бы обнажить Варшаву со стороны Великой Польши и тогда можно было ожидать, что прусскій король опять явится подъ столицею и будетъ ее осаждать вмѣстѣ съ пришедшимъ русскимъ войскомъ. Въ Варшавѣ чувствовался большой недостатокъ продовольствія. Край около столицы былъ опустошенъ, обѣднѣлъ и обезсилѣлъ. Съ приближеніемъ къ столицѣ русскаго войска онъ еще болѣе долженъ былъ подвергнуться опустошенію и упадку. Патріотическій духъ падалъ день ото дня. Если прежде, во время первой осады, при всей энергіи патріотовъ было много такихъ, которые втайнѣ были не прочь отдать Варшаву хоть пруссакамъ, хоть русскимъ, ради спокойствія, то теперь ихъ становилось еще гораздо больше. Многіе изъ такихъ, что̀ прежде искренно горячились за революцію, теперь измѣнили свои убѣжденія, когда, испытавши уже много неудачъ, и впереди ничего не чаяли кромѣ неудачъ. Мысль о невозможности устоять противъ русскихъ вела къ желанію прекратить возстаніе. Патріоты, выражавшіеся языкомъ французской революціи, называли своихъ противниковъ роялистами, и приписывали все хитрости короля и его такъ-называемой дворской партіи. Зайончекъ, лично не терпѣвшій короля, разжигалъ противъ него умы. Въ самомъ же дѣлѣ король отнюдь не былъ виноватъ. Повстанье съ самаго начала не имѣло твердаго корня въ побужденіяхъ, руководившихъ большинствомъ.

По совѣту Зайончека рѣшили стянуть къ Варшавѣ отдѣльныя войска; они должны были служить оплотомъ противъ русскихъ, покушавшихся на столицу. Главнымъ центромъ обороны хотѣли дѣлать Прагу.

Новый начальникъ, Вавржецкій, прибылъ въ Варшаву на девятый день послѣ своего назначенія, 12 (23) октября. Онъ откровенно сознавалъ свою неприготовленность, свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, но высочайшій совѣтъ настоялъ, чтобы онъ принялъ на себя званіе начальника. «Онъ, —говоритъ Зайончекъ, — былъ похожъ на жертву, которую тянутъ на закланіе къ алтарю».

Вавржецкій заявилъ мнѣніе противное тому, какое было принято. Онъ совѣтовалъ не только оставить начатыя уже укрѣпленія Праги, но думалъ совсѣмъ сжечь ее, ограничившись защитою берега Вислы, и укрѣпить Варшаву орудіями большого калибра. Высочайшій совѣтъ былъ противъ этого, особенно Коллонтай, котораго многіе слушались. Невозможно оставить Прагу, говорилъ онъ и за нимъ другіе, она обороняетъ Варшаву; если Прагу возьмутъ, городское строеніе въ столицѣ будетъ тотчасъ разметано. Нельзя покинуть и погубить пороховой и оружейный заводы. Защищать Прагу есть кому; кромѣ войска найдется двадцать тысячъ жителей Варшавы, одушевленныхъ патріотическимъ отчаяніемъ, хорошо вооруженныхъ; они будутъ стоять за нее храбро и стойко». Мнѣніе Вавржецкаго было отвергнуто. Рѣшено непремѣнно укрѣплять Прагу.

Разсчитывали такъ: если Суворовъ явится къ Варшавѣ, то принужденъ будетъ осаждать Прагу; осада задержитъ его по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а въ это время начнутся дожди, непогода; русскіе не могутъ оставаться на зиму; имъ нужно будетъ получать продовольствіе, а они его имѣть не будутъ въ этомъ краѣ; они будутъ принуждены отступить къ Бугу; между тѣмъ политическія обстоятельства Европы могутъ измѣниться къ лучшему для Польши. Уже посланы были къ Мокрановскому, Грабовскому и Гедройцу приказанія, чтобы они съ своими отрядами спѣшили къ Варшавѣ.

Написано было воззваніе отъ высочайшаго совѣта къ великополянамъ, заохочивали ихъ продолжать возстаніе противъ пруссаковъ. Уполномоченный совѣта, Линовскій, взывалъ къ сендомирскому воеводству, которое въ послѣднее время оказывало большую холодность, требовалъ собирать жолнеровъ съ пятаго дома (что было приказано давно, но не исполнялось) и доставлять къ Варшавѣ продовольствіе. Вавржецкій писалъ одно за другимъ воззванія къ польскому народу, вспоминалъ древнихъ

римлянъ и грековъ, доказывалъ, что воинъ свободный можетъ лучше биться, чѣмъ воинъ служащій деспотамъ, и т. под. Высочайшій совѣтъ раздѣлилъ Варшаву на отдѣлы для защиты города, установилъ депутацію, которая съ народнаго согласія должна была назначать начальниковъ надъ командами городского ополченія, ассигновалъ милліонъ злотыхъ для награды тѣмъ, которые отличатся при защитѣ города и, 16 (27) октября, издалъ пламенное воззваніе къ жителямъ Варшавы. «Не такъ страшна непріятельская сила,—писано было тамъ,—какъ представляютъ ее трусы и люди нерасположенные къ повстанью. Будьте только крѣпки и отважны, и вражескіе замыслы обратятся ни во что. Думайте о защитѣ отечества и не безпокойтесь о продовольствіи, котораго недостаткомъ стращаютъ васъ враги народа. Будьте увѣрены, что правительство употребитъ всѣ средства для продовольствія столицы. Сражайтесь каждый за собственное существованіе. Развѣ не чувствуете, какою злобою дышетъ непріятель на эту столицу за то, что она осмѣлилась сбросить наложенное имъ ярмо, истребить тирановъ, безнаказанно глумившихся надъ невиннымъ народомъ; на ихъ трупахъ провозгласить свободу и независимость. Да, обыватели, вамъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ своего собственнаго мужества. Правительство смѣло увѣряетъ васъ, что если вы теперь будете крѣпки и предпріимчивы, то скоро наступятъ обстоятельства, которыя изгонятъ непріятелей и дадутъ вамъ сладостный отдыхъ по трудахъ вашихъ».

Домбровскій и Мадалинскій подступили ближе къ Варшавѣ и расположились у Пилицы и Гостынина. Понятовскій стоялъ еще ближе къ столицѣ и заслонялъ ее съ лѣвой стороны Вислы.

Вавржецкій нашелъ необходимымъ для наблюденія за австрійцами отправить отрядъ въ три тысячи человѣкъ подъ командою бригадировъ Вышковскаго и Язвинскаго къ Пулавамъ, а маіора Либерацкаго съ семью стами кавалеріи въ сендомирское и радомское воеводства, для доставленія провіанта къ Варшавѣ. Приказано было разогнать австрійцевъ, расположившихся по деревнямъ и не допускавшихъ подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Австрійцы, разсѣянные малыми отрядами, избѣгали стычекъ съ поляками, уходили къ Пулавамъ, и такимъ образомъ въ Варшаву успѣли привезти значительное количество хлѣба и пригнать скота. Наконецъ, Вавржецкій нашелъ нужнымъ выслать изъ Праги и генерала Гедройца, у котораго было около пяти тысячъ, на подкрѣпленіе Домбровскаго и Мадалинскаго: онъ боялся, чтобы пруссаки не сдѣлали на Варшаву нападенія; итакъ,

для защиты Праги оставалось не болѣе десяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ настоящаго войска было только четыре тысячи, остальное все состояло изъ новобранцевъ.

Вавржецкій впослѣдствіи сознавался, что сдѣлалъ ошибку, разсѣвая такимъ образомъ войско, и тѣмъ лишилъ Варшаву и Прагу силъ для обороны. Его ввели въ обманъ увѣренія Коллонтая и другихъ патріотовъ, будто жители Варшавы примутся дружно за оборону Праги и такимъ образомъ рукъ достанетъ, а содержать много войска въ одномъ мѣстѣ затруднительно.

Суворовъ послѣ побѣды подъ Брестомъ стоялъ около мѣсяца въ Брестѣ и выходилъ изъ себя за то, что ему не присылали на помощь Дерфельдена.—«Не будучи въ довольныхъ силахъ», писалъ онъ къ Румянцову, «не могу я съ своимъ войскомъ отважиться на очищеніе праваго берега Вислы. Время упущено. Приближаются винтеръ-квартиры и я могу сказать то, что говорилъ Магербалъ Аннибалу: ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою».

Суворовъ разсчитывалъ, что у него войска недостаточно, чтобы идти съ нимъ въ глубину Польши. Онъ кажется считалъ польское возстаніе болѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Это неудивительно, когда вѣсти получались очень не легко, и для того, чтобы имѣть сообщеніе съ Ферзеномъ, нужно было посылать курьеровъ черезъ австрійскія владѣнія. Получивъ отъ Репнина, подъ командою котораго находился Дерфельденъ, увѣдомленіе, что этому послѣднему наконецъ велѣно присоединиться къ Суворову, онъ составилъ такой планъ: оставить въ Брестѣ отрядъ войска (3 эскадрона херсонскаго полка, пѣхотный сѣвскій полкъ, кавалерію и 250 казаковъ) подъ начальствомъ бригадира Дивова, для охраненія вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ, взять съ собою продовольствія до 1 ноября и идти на Яновъ, Венгровъ и Станиславовъ, соединиться въ послѣднемъ мѣстѣ съ Ферзеномъ, потомъ съ Дерфельденомъ и идти прямо на Варшаву, а между тѣмъ просить австрійскаго генерала Гарнонкура, протянуть цѣпь до Лукова для соединенія съ русскими и прусскими кордонами за Вислою, и прусскаго генерала Латорфа, находящагося въ Опатовѣ, просить о содѣйствіи русскимъ войскамъ въ покушеніи на Варшаву. Прежде всего слѣдуетъ овладѣть Прагою, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, отнять на Вислѣ мостъ и, оставя въ Прагѣ Дерфельдена, перейти рѣку у Виллано́ва и добывать столицу; или же, если почему-нибудь не прибудетъ Дерфельденъ, или пруссаки не станутъ содѣйствовать, то расположиться съ войскомъ на правомъ берегу Вислы, продовольствовать его изъ окольнаго края и держать со-

общеніе съ Брестомъ, чтобы въ случаѣ, если сосѣдній край не можетъ доставлять во время осады провіанта, то получать его изъ Бреста; или же, наконецъ, смотря по надобности, отойти къ Бугу. «Остерегаться малѣйшаго раздробленія, писалъ Суворовъ къ Репнину, чтобы Варшава не получила прокормленія съ праваго берега Вислы».

Дерфельденъ долженъ былъ догнать Мокрановскаго, который, по приказанію высочайшаго совѣта, долженъ былъ пробираться въ Польшу для защиты Варшавы. Но онъ не догналъ его. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, пустился за Мокрановскимъ самъ, и какъ слѣдовало по его плану, соединился съ Ферзеномъ у Станиславова. Отрядъ Мокрановскаго былъ раздвоенъ; самъ онъ съ половиною его уходилъ къ Прагѣ, другая, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, тянулась еще сзади. Послѣдняго нагналъ Суворовъ, 14 (25) октября, въ 8 часовъ вечера у мѣстечка Кобылки. Поляки ускорили свой ходъ, и въ ту же ночь Мокрановскій прислалъ имъ изъ Праги подкрѣпленіе въ двѣ тысячи, такъ что у Бышевскаго было по однимъ извѣстіямъ четыре тысячи восемьсотъ человѣкъ, по другимъ 5080 чел. Когда онъ подходилъ къ Кобылкѣ въ $5\frac{1}{2}$ часовъ по полуночи, напала на него русская конница, и ударила на оба крыла польской арміи разомъ; на лѣвое крыло напалъ генералъ Исленьевъ, на правое Шевичъ. Польская конница смѣшалась. Пѣхота стала отступать по дорогѣ черезъ лѣсъ. Суворовъ, по указаніямъ генералъ-поручика Потемкина, замѣтившаго небольшую дорогу, отправилъ Шевича опередить непріятеля и захватить двѣ дороги, ведущія въ Варшаву. За Шевичемъ пошелъ скорымъ маршемъ, въ обходъ непріятеля, Потемкинъ. Между тѣмъ Исленьевъ отрѣзалъ одну польскую колонну, загналъ ее въ густой лѣсъ и здѣсь такъ прижалъ ее, что большая часть ея жолнеровъ легла на мѣстѣ, а остальная сдалась въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ двумя полковниками. Другая, бóльшая часть войска, прошедшая лѣсъ, но преслѣдуемая по пятамъ казаками, наткнулась впереди на русскую кавалерію и на устроенныя уже противъ нея на пути русскія батареи; поражаемая сзади и спереди, она бросилась въ лѣсъ, но русская кавалерія спѣшилась и погналась за поляками, и начала рубить ихъ саблями. Кровопролитіе было большое. Поляки погибали сотнями, почти не успѣвая защищаться. Бышевскій, тяжело раненый, отдался въ плѣнъ и съ нимъ сдались 27 офицеровъ. Изъ всего отряда взято въ плѣнъ тысяча семьдесятъ три человѣка. Остальные, за исключеніемъ можетъ быть немногихъ, успѣвшихъ спрятаться въ глубинѣ лѣса, всѣ полегли на мѣстѣ. Въ то же время Дерфельденъ подъ Остроленкою разбилъ

двухъ-тысячный отрядъ Грабовскаго, шедшій также къ Прагѣ. До двухъ-сотъ человѣкъ убито, а 116 взято въ плѣнъ. Послѣ того Дерфельденъ присоединился къ Суворову.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 числа октября, Суворовъ съ своимъ войскомъ появился передъ Прагою.

Работы по укрѣпленію Праги дѣлались скоро, но неосновательно. Окружавшій мѣстечко ретраншаментъ проведенъ былъ такъ широко, что надобно было тысячъ тридцать войска, защищать его, тогда какъ, съ того времени, какъ прибылъ Суворовъ, для обороны его у поляковъ набралось для этого не болѣе двѣнадцати тысячъ. Они надѣялись на прибытіе отдѣльныхъ корпусовъ, но изъ нихъ одни были уже истреблены, или ослаблены, другіе не успѣли придти. Тогда внутри ретраншамента стали возводить другіе окопы; болѣе всего старались укрѣпить лѣвую сторону, гдѣ мѣсто представлялось суше и удобнѣе. Тамъ были впереди пригорки. Зайончекъ приказалъ занять ихъ стрѣлками и поставилъ впереди ретраншамента батареи. Сожгли деревушки напротивъ Праги для того, чтобы непріятель, пришедши, не нашелъ себѣ пріюта. Генералы, распоряжавшіеся этимъ дѣломъ, Вавржецкій и Зайончекъ, не показали великихъ дарованій и опытности. Зайончекъ былъ болѣе ученъ, чѣмъ опытенъ, болѣе запальчивъ, чѣмъ отваженъ, болѣе самолюбивъ, чѣмъ разсудителенъ. Вавржецкій былъ только хорошій риторъ. Онъ грозилъ висѣлицею всѣмъ, кто только осмѣлится заикнуться о мирѣ съ Москвою, и держалъ этимъ въ страхѣ умѣренныхъ, но никто еще не былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Онъ себѣ разъѣзжалъ по Варшавѣ въ королевской каретѣ, давалъ балы и обѣды; двадцать четыре музыканта играли за столомъ верховнаго полководца, по обычаю предковъ и отцовъ, въ то время, когда судьба Польши висѣла на волоскѣ.

Генералъ Ясинскій, человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій и самаго необузданнаго характера, горячился, порывался, спѣшилъ, и этимъ только болѣе портилъ дѣло, чѣмъ способствовалъ его успѣху. Въ городѣ день ото дня усиливалось смятеніе по мѣрѣ приближенія роковой минуты. Видно было, что возстаніе доходило до своей агоніи. Большинство гражданъ готово было сдаваться, но не могло рѣшить, кому и ка́къ сдаваться. Зажиточные купцы и мѣщане предпочитали заранѣе, не допуская русскихъ къ городу, послать къ прусскому королю и сдать ему Варшаву. Причина этого предпочтенія крылась тогда, во-первыхъ, въ томъ, что въ городскомъ классѣ въ Варшавѣ было много нѣмцевъ, которые естественно склонялись къ своимъ единоплеменникамъ, когда имъ предстоялъ выборъ; во-вторыхъ, они

боялись русскаго войска, представляли его себѣ дикимъ, необузданнымъ, въ особенности потому, что въ этомъ войскѣ были казаки, татары и разные восточные инородцы, о которыхъ ходили слухи, что они кровожадны, не щадятъ побѣжденныхъ, даже и покорившихся добровольно, и способны совершать варварства, хотя и противъ воли своихъ начальниковъ. Конечно, гостей, о которыхъ составили такое понятіе, не желательно было принимать въ городъ.

Король теперь, какъ нѣкогда, склонялся къ Россіи. Игнатій Потоцкій сталъ склоняться туда же. Думали попытаться примириться съ Екатериною, предложить ей—на польскій престолъ посадить кого-нибудь изъ внуковъ ея, хотя бы и будущаго наслѣдника россійскаго престола, великаго князя Александра, и, такимъ образомъ, соединить Польшу съ Россіею. Разсчитывали, что изъ многихъ золъ, какія могли угрожать Польшѣ, это было самое меньшее. До нихъ доходили слухи, что императрица болѣе другихъ внуковъ любитъ Александра, и слѣдовательно была надежда, что она изъ любви къ нему согласится. Такимъ образомъ достигалась бы цѣль самой Екатерины, Польша добровольно соединилась бы съ ея имперіею. Въ будущемъ могло все измѣниться къ выгодѣ поляковъ, по смерти императрицы наслѣдники ея могли держаться другихъ принциповъ и другой политики, и въ Европѣ положеніе дѣлъ могло быть иное. Преемники Екатерины могли вовсе не имѣть повода мѣшать водворенію въ Польшѣ свободныхъ и прочныхъ началъ конституціи 3-го мая, тѣмъ болѣе, что Екатерина, какъ чувствовали поляки, въ угоду прусскому королю согласилась на предлогъ обвинять польскую конституцію въ якобинствѣ только потому, что Польша черезъ эту конституцію хотѣла возвратить себѣ прочность и могущество, не въ союзѣ съ Россіею, а во враждѣ съ нею и къ явному ущербу ея политической силы на сѣверѣ и востокѣ Европы. Овладѣвши Польшею, императрица менѣе могла бояться ея благосостоянія. Такъ стали тогда размышлять поляки. Но эта мысль о сближеніи съ Россіею не могла взять перевѣса въ тѣ минуты, потому что задорные патріоты не дозволяли высказывать ее открыто и подробно. Коллонтай, наибольшій врагъ Россіи, стоялъ за крайнія мѣры и проповѣдовалъ, что съ москалями, какъ и съ пруссаками, не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, что полякамъ надобно или освободить отечество, или всѣмъ погибнуть. Онъ былъ уже во враждѣ съ цѣлымъ высочайшимъ совѣтомъ, и самъ Игнатій Потоцкій сталъ ему врагомъ. Коллонтай возбуждалъ противъ высочайшаго совѣта общественное мнѣніе и затѣвалъ устроить при высочайшемъ совѣтѣ три департамента, которые хотѣлъ напол-

нить людьми крайней партіи, чтобы чрезъ ихъ посредство ниспровергнуть весь совѣтъ. Вавржецкій не допустилъ исполниться этому плану. Коллонтай прежде стоялъ за Вавржецкаго, думая, что имъ можно будетъ вертѣть, но обманулся; новый начальникъ былъ противъ него. За Коллонтая были генералы Зайончекъ, Ясинскій, банкиръ Капостасъ: они волновали толпу и разжигали ее противъ короля и пановъ чрезъ посредство клуба якобинцевъ, носившаго названіе сборища для поддержанія революціи и краковскаго акта. Въ его засѣданіяхъ предлагались кровавыя мѣры, въ подражаніе французскому царству ужаса. Ясинскій былъ ярымъ посѣтителемъ этого клуба. «Однажды, — говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ, — незадолго до окончанія повстанья, пришелъ Ясинскій ко мнѣ и сталъ говорить: вступите поскорѣе въ якобинскій клубъ, иначе вы подвергаетесь опасности быть повѣшеннымъ». Огинскій, какъ представитель одного изъ аристократическихъ родовъ, не могъ быть въ этомъ клубѣ, хотя и сражался за возстаніе. «Ради спасенія Польши, сказалъ Ясинскій, надобно покончить съ дворянствомъ; иного средства нѣтъ».— «Да вѣдь и вы принадлежите къ дворянству, сказалъ Огинскій, какъ и я; слѣдовательно и васъ, какъ меня, щадить не нужно». 17 (28) октября пришелъ опять Ясинскій къ нему и сказалъ: «Я брошу Польшу, я пойду пѣшкомъ въ Парижъ; въ Польшѣ нечего мнѣ дѣлать, въ Польшѣ одни измѣнники, слабодушные и трусы. Пойдемте вмѣстѣ». — «Зачѣмъ ходить такъ далеко, сказалъ Огинскій, и притомъ это такъ затруднительно. Лучше здѣсь погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ оставить отечество и думать о собственной безопасности».—Совѣтъ понравился Ясинскому; онъ остался.

Прошелъ день, другой, какъ вдругъ задорные якобинцы стали волновать народъ и по ихъ наущенію распространились зловѣщіе крики: «схватить короля, овладѣть имъ, запереть и перерѣзать всѣхъ, кто не съ нами, кто совѣтуетъ мириться». Паны ужасно перепугались и внушали королю, что ему грозитъ опасность. Огинскій, надававшій Ясинскому героическихъ совѣтовъ, бѣжалъ изъ Польши подъ вымышленнымъ именемъ.

Эти яростные крики, сопровождаемые угрозами, заставили умѣренныхъ перестать говорить о сдачѣ Варшавы. Одни только пріумолкли, другіе начали притворяться и вторить патріотамъ. Королю и панамъ угрожала ежеминутная опасность. Легкомысленная удобоволнуемая варшавская толпа могла безъ разсужденія прибѣгнуть къ кровавому дѣлу; нужно было только одному или двумъ смѣльчакамъ отважиться на убійство; отвѣдавши крови, толпа тотчасъ охмѣлѣла бы, и началась бы во всякомъ случаѣ безпо-

лезная бойня, въ которой не уцѣлѣли бы многіе. Такимъ образомъ, несмотря на то, что значительное большинство въ Варшавѣ было теперь болѣе чѣмъ прежде противъ революціи и готово было сдать городъ безъ боя, никто не смѣлъ рѣшиться заявить объ этомъ, потому что прежде, чѣмъ составится кружокъ достаточно сильный, смѣлые патріоты перерѣзали бы зачинщиковъ, и увлекли бы за собою ту многочисленную толпу, которая всегда и вездѣ безъ твердаго направленія примыкаетъ туда, гдѣ въ данную минуту чувствуетъ нравственное и матеріальное вліяніе. Поэтому ограничивались только ропотомъ на судьбу, вздохами, намеками на невозможность устоять въ борьбѣ, двусмысленными подозрѣніями въ измѣнѣ. Умѣренные стали платить ревностнымъ тою же монетою: ревностные ихъ укоряли, взваливали измѣну и продажность на всѣхъ умѣренныхъ и разсудительныхъ, а послѣдніе точно также стали бросать подозрѣніе въ измѣнѣ и неспособности на ревностныхъ. Послѣднихъ поддерживало то, что многіе ксендзы были если не во всемъ на ихъ сторонѣ, то по крайней мѣрѣ раздѣляли съ ними ненависть противъ москалей. Церкви день и ночь были отворены; народъ толпился въ нихъ, лежалъ крыжемъ, пѣлъ сочиненныя нарочно религіозныя патріотическія пѣсни, а ксендзы разжигали его къ смѣлости обѣщаніями будущихъ благъ послѣ геройской смерти. Всѣ эти обстоятельства держали умѣренныхъ въ страхѣ и принудили столицу принять оборонительное и враждебное положеніе противъ Суворова. Но въ кажущемся одушевленіи не было правды, и когда доходило до дѣла, слабость и упадокъ духа сейчасъ давали о себѣ знать. Мѣщане не слушались и не ходили на работу въ Прагу; не смѣя отказаться вовсе, они всячески уклонялись отъ работъ. Самое войско, стоявшее въ Прагѣ, не имѣло и того духа, который нѣсколько оживлялъ его въ предыдущихъ битвахъ, когда съ нимъ былъ Костюшко. Близость Варшавы содѣйствовала деморализаціи войска. Ожидая непріятеля, офицеры безпрестанно ѣздили въ Варшаву, простыхъ жолнеровъ также отпускали по немногу, тѣмъ болѣе, что постоянное пребываніе въ Прагѣ было тягостно; у войска не было ни шатровъ, ни соломы, да и въ хлѣбѣ былъ недостатокъ. Нельзя было не дозволить войску ходить въ Варшаву за необходимыми потребностями, а тамъ они заходили въ шинки и встрѣчали жителей, которые въ разговорахъ съ ними вздыхали о горькой судьбѣ, ожидающей Польшу, и ослабляли въ нихъ самоувѣренность. Всѣ начальники, исключая Зайончека и Ясинскаго, колебались и если ободряли подчиненныхъ, то такъ, что послѣдніе въ ихъ тонѣ и голосѣ

слышали недовѣріе къ этому ободренію. Несчастіе отечества и въ эти минуты не соединило ихъ крѣпко, все-таки личное самолюбіе брало верхъ, они ссорились между собою, перечили другъ другу, какъ всегда съ покон вѣка дѣлалось въ польскомъ войскѣ. Одно только было имъ утѣшеніемъ—разсчетъ на такую пору года, когда осенніе дожди и холода не дозволятъ русскимъ долго пребывать въ полѣ, когда осада ея можетъ быть продолжительна, «москали» принуждены будутъ отойти, говорили тогда, а на штурмъ идти они не рѣшатся: это дѣло невозможное и смѣшно думать объ этомъ. Всѣ, и храбрые и нехрабрые, были увѣрены, что русскіе, если придутъ, расположатся на долгое время вокругъ ретраншамента, начнутъ дѣйствовать канонадою.

XIII.

Суворовъ подъ Прагою.—Штурмъ Праги.—Капитуляція Варшавы.

По всему видно, Суворовъ имѣлъ надлежащія свѣдѣнія объ устройствѣ пражскихъ укрѣпленій и о расположеніи умовъ въ Прагѣ и Варшавѣ. Подошедши къ Прагѣ, онъ приказалъ приготовить плетни, фашины и лѣстницы. 21-го октября (2-го ноября), русское войско вступило на приготовленныя лагерныя мѣста, при сильномъ барабанномъ боѣ и веселой шумной музыкѣ. Это дѣлалось какъ для ободренія своихъ, такъ и для того, чтобы озадачить и ввести въ думу непріятеля. У поляковъ лѣвая сторона окоповъ была далеко не кончена; нѣкоторыя изъ намѣченныхъ баттарей еще не были уставлены, вторая линія рва не проведена. Ваврժецкій потребовалъ отъ городского президента десять тысячъ рабочихъ; но ихъ едва могли согнать тысячи двѣ. Такъ суетны оказались похвальбы ревностныхъ, увѣрявшихъ, что Варшава выставитъ двадцать тысячъ защитниковъ.

Въ слѣдующую ночь, на правой сторонѣ отъ польскихъ окоповъ, поставлены были русскія баттареи. Поляки изумились быстротѣ работы, увидѣвъ ихъ поутру. Съ нихъ, 23-го октября, гремѣло цѣлый день сорокъ восемь орудій. Это было сдѣлано для отвлеченія поляковъ; прежде они ожидали канонады, и теперь должны были увѣриться, что Суворовъ намѣренъ ихъ томить продолжительною осадою и канонадами. На лѣвой сторонѣ непріятеля не трогали, а между тѣмъ на слѣдующую ночь къ разсвѣту положено было начать штурмомъ съ этой именно стороны.

Русское войско было расположено около Праги такимъ об-

разомъ. На лѣвой сторонѣ поставлены были четыре колонны, связанныя между собою. Первая, поближе къ Вислѣ, колонна генералъ-маіора Лассія [1]); вторая—полковника князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго [2]); эти двѣ колонны составляли корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена; третья колонна генералъ-маіора Исленьева [3]); четвертая генералъ-маіора Буксгевдена [4]); обѣ состояли подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На правой сторонѣ польскаго укрѣпленія, т.-е. на лѣвомъ боку русскаго стана, помѣщены три колонны, которыя находились между собою и отъ четвертой въ довольно далекомъ разстояніи, и состояли подъ главнымъ начальствомъ Ферзена. Пятая (по общему счету), генералъ-маіора Тормасова [5]). Шестая генералъ-маіора Рахманова [6]) (эти двѣ стояли близко одна возлѣ другой), и седьмая генералъ-маіора Денисова [7]), стоявшаго далеко отъ двухъ послѣднихъ у берега Вислы, за рѣчкою, текущею въ Вислу у самой Праги. Кромѣ прикомандированныхъ къ резервамъ колоннъ, остальная конница находилась подъ командой генералъ-маіора Шевича и разставлена была между колоннами [8]). Планъ Суворова, начертанный генералъ-квартир-

[1]) Три батальона егерей лифляндскаго корпуса и три батальона фанагорійскаго гренадерскаго полка (издавна славнаго своей храбростью); въ резервѣ тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона конноегерскаго кіевскаго полка.

[2]) Два батальона егерей бѣлозерскаго корпуса, два батальона апшеронскаго и одинъ батальонъ низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ у нихъ второй батальонъ низовскаго полка и три эскадрона кинбурнскаго драгунскаго полка.

[3]) Второй батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, четыре батальона херсонскихъ гренадеръ; въ резервѣ одинъ батальонъ смоленскаго мушкетерскаго полка и пять эскадроновъ смоленскаго драгунскаго полка; послѣдніе спѣшены.

[4]) Третій батальонъ егерей бѣлорусскаго корпуса, четвертый батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, и два батальона азовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ ряжскій мушкетерскій полкъ.

[5]) Первый батальонъ егерей екатеринославскаго корпуса, два батальона курскаго полка, и одинъ батальонъ гренадеръ, сформированныхъ изъ ротъ. Въ резервѣ батальонъ тѣхъ же гренадеръ, батальонъ новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона екатеринославскихъ пѣшихъ егерей.

[6]) Баталіонъ егерей екатеринославскаго корпуса, три батальона сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ два батальона днѣпровскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона воронежскихъ гусаръ.

[7]) Двѣсти человѣкъ черногорцевъ, третій и четвертый батальоны екатеринославскаго корпуса, два батальона козловскаго мушкетерскаго полка, въ резервѣ два батальона угличскаго мушкетерскаго полка, три эскадрона елисаветградскихъ конныхъ егерей.

[8]) Для прикрытія артиллеріи на оконечности праваго крыла подъ командой бригадира Поливанова 12 эскадр. (2 эск. конно-егерскаго кіевскаго, 2 эскадр. сѣверскаго и 2 софійскаго карабинерныхъ полковъ, и состоящій изъ 6 эскадроновъ легкоконный маріупольскій полкъ). Промежъ четвертой и пятой колоннъ, по необходи-

мейстеромъ Глуховымъ, состоялъ въ томъ, чтобы первымъ четыремъ колоннамъ напасть сразу, стремительно, на лѣвый бокъ непріятеля, овладѣть укрѣпленіемъ и ворваться въ городъ; двумъ — пятой и шестой, послѣдовать за ними, когда послѣднія уже успѣютъ прорваться въ укрѣпленіе. Седьмая колонна имѣла назначеніе дѣйствовать противъ укрѣпленія, сдѣланнаго поляками на прилежащемъ островѣ Вислы. Первая и седьмая, стоявшія на двухъ противоположныхъ концахъ загибающейся рѣки, имѣли назначеніе обѣ, идя каждая по берегу Вислы съ своей стороны, отрѣзать поляковъ отъ моста и перервать ихъ сообщеніе съ Варшавою.

Въ три часа ночи, 24-го октября (4-го ноября), двинулись всѣ колонны въ пункты, назначенные имъ для того, чтобы съ нихъ начать приступъ. Въ пять часовъ пущена сигнальная ракета. Стремительно, разомъ бросились четыре колонны на ретраншаментъ. Первое, что̀ они должны были встрѣтить — были стрѣлки, разставленные на пригоркахъ; не ожидавъ нападенія, они бѣжали. Первая колонна проходила подъ огнемъ баттарей, стоявшихъ на берегу Вислы. Всѣ достигли до волчьихъ ямъ, вырытыхъ поляками передъ ретраншаментомъ, закидали ихъ, перешли, спустились въ ровъ, потомъ по лѣстницамъ взобрались на валы, сбили непріятельскія батареи, перешли въ другой ровъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ былъ уже вырытъ, и оттуда взобрались на другой валъ, овладѣли имъ и ворвались въ улицы Праги. Поляки, пораженные неожиданностью, противъ первой и второй колонны защищались слабо; Зайончекъ бросился впередъ къ окопамъ, хотѣлъ заворотить бѣгущихъ стрѣлковъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами. Онъ думалъ сначала, что это свои; оказалось, что̀ это были русскіе. Зайончекъ постыдно убѣжалъ за мостъ. «Настоящій зайчикъ», говорили объ немъ послѣ поляки, намекая на его фамилію; одни говорили, что онъ неучъ, другіе, что трусъ, а третьи, что онъ подкупленъ москалями.

мости замѣстить большое пространство между ними и для прикрытія артиллеріи средняго корпуса, подъ личной командой Шевича 11 эскадроновъ (7 переяславскаго конно-егерскаго полка и 5 эскадр. александрійскаго), да ближе къ пятой колоннѣ въ правомъ флангѣ ея 13 эскадроновъ (10 черниговскаго и глуховскаго карабинерныхъ полковъ, и 3 эскадр. ольвіопольскихъ гусаръ). Съ лѣвой стороны между 6 и 7 колоннами, подъ командою Сабурова 13 эскадроновъ (4 елисаветградскаго конно-егерскаго, легко-конный ахтырскій и 3 эск. воронежскихъ гусаръ). Казаки на разныхъ пунктахъ: на правомъ крылѣ на самомъ берегу Вислы подполковника Родіонова 350 челов., влѣво отъ 4-й колонны подполковника Грекова 630 чел., между нимъ и пятою колонною подполковника Бузина 750 челов.; на лѣвомъ крылѣ у 6 колонны подполковника Адріана Денисова 500 челов., да на берегу Вислы Василія Денисова 425 человѣкъ.

Третья и четвертая колонны, преодолѣвъ много затрудненій, овладѣли баттареями. Нигдѣ, по выраженію Суворова, не дали непріятелю образумиться, поражая его и преслѣдуя убійственнымъ натискомъ штыковъ. Самая жесточайшая свалка была у Звѣринца, гдѣ столпились со всѣхъ сторонъ поляки, и стали изъ засѣкъ отражать нападеніе русскихъ. Но подоспѣли заднія части колонны, и поляки, стѣсненные и окруженные съ двухъ сторонъ, погибли. Генералы Ясинскій и Грабовскій были убиты. Къ довершенію бѣды и замѣшательства, вдругъ взорвало пороховой погребъ съ ядрами и бомбами.

Овладѣвши валомъ, одни бросились въ Прагу и гнали поляковъ штыками, а другіе разрывали валъ и прочищали путь для конницы. Затѣмъ, когда четыре колонны были уже за ретраншаментомъ, пятая и шестая ударили на укрѣпленія каждая съ своего пункта, овладѣли баттареями и ворвались въ Прагу, поражая поляковъ штыками. Пятая по прямому направленію овладѣла укрѣпленіями, прямо добѣжала до самаго моста, ведущаго изъ Праги въ Варшаву. Между тѣмъ Денисовъ расправился съ тѣми, которые засѣли на острову, и принудилъ ихъ штыками къ сдачѣ. Капитанъ артиллеріи Рѣзвый провезъ артиллерію къ рѣкѣ и у моста дошелъ до берега Вислы.

Вавржецкій, напрасно пытавшись заворотить бѣгущіе полки, самъ ушелъ черезъ мостъ съ однимъ офицеромъ и двумя жителями Праги. Уже русскіе егеря вступали на мостъ, и стрѣляли. На Вавржецкаго, какъ видно изъ его собственнаго сознанія, нашелъ какъ будто столбнякъ, такъ что офицеръ и два солдата ссадили его съ лошади, привели въ разсудокъ и указали на пушку, которая стояла на другомъ берегу у моста. Но канониры, которые находились при этой пушкѣ, попрятались въ дома, и Вавржецкій самолично вытащилъ одного канонера, приволокъ его къ пушкѣ и велѣлъ палить изъ нея. Въ то же время другіе въ попыхахъ привезли еще двѣ пушки, но изъ нихъ нельзя было стрѣлять: при пушкахъ не было зажигательныхъ трубокъ, такая была исправность. Уже русскіе готовы были ворваться въ Варшаву; на противоположномъ берегу успѣли однако собраться караульные солдаты съ топорами, а къ нимъ примкнула толпа жителей. Вавржецкій приказывалъ скорѣе рубить мостъ и жечь его. Солдаты бросились къ мосту съ топорами, рубили канаты. Убито двое работавшихъ; подъ двумя адъютантами Вавржецкаго были убиты лошади. Наконецъ, и жолнеры и жители не выдержали русскихъ выстрѣловъ, и бѣжали. Вавржецкій пустился за ними и уговаривалъ идти съ топорами снова. Собрались наконецъ артиллеристы и открыли канонаду изъ большихъ орудій,

Между тѣмъ разсвѣло. Вавржецкій скакалъ верхомъ по Варшавѣ, созывалъ варшавянъ, приказывалъ идти на берегъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать непріятелю, что столица готова мужественно обороняться: варшавяне сидѣли, запершись въ домахъ, а другіе толпились въ костелахъ и просили божіей помощи. Начальникъ, самъ лично не показавшій въ этотъ день ни храбрости, ни распорядительности, едва успѣлъ согнать до трехъ тысячъ отважныхъ. Но за Рѣзвымъ придвинулось къ берегу еще больше русской артиллеріи. Пальба усилилась. Русскія гранаты и ядра разогнали толпу защитниковъ столицы. Мостъ былъ истребленъ не только самими поляками, но и русскими ядрами. По донесенію Суворова, одна бомба попала въ залу засѣданія высочайшаго совѣта и убила черепками секретаря [1]).

Солнце взошло. День былъ ясный. «Вся Прага, — говоритъ въ своемъ донесеніи Суворовъ,—была устлана мертвыми тѣлами, кровь текла потоками. Унылый звонъ набата на башняхъ варшавскихъ костеловъ сливался съ воплями и криками раненыхъ и бѣжавшихъ, со свистомъ пуль, съ трескомъ лопавшихся бомбъ». Остатки войскъ, не успѣвшіе спастись по мосту, бросились къ Вислѣ, за рѣчку, отдѣлявшую Прагу, и тамъ на мысѣ, образуемомъ устьемъ этой рѣчки съ Вислою, совершено было самое страшное и послѣднее истребленіе польскаго войска, въ виду всей безсильной Варшавы, смотрѣвшей на это зрѣлище. Разъяренные русскіе воины не внимали уже голосамъ, просившимъ помилованія; напрасно поляки бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ—ихъ кололи штыками. Русскіе солдаты припоминали своихъ безоружныхъ товарищей, истребленныхъ въ Варшавѣ въ день революціи, и теперь мстили за ихъ кровь польскою кровью. Тѣ баталъоны, которые въ апрѣлѣ были въ Варшавѣ и въ день революціи потеряли своихъ товарищей, особенно отличались жестокостью. Зейме разсказываетъ, что ему говорилъ полковникъ Ливенъ, какъ онъ, уже при концѣ битвы, наткнулся на гренадера, который въ ожесточеніи кололъ штыкомъ безоружныхъ поляковъ и даже раненыхъ; былъ у него еще топоръ; какъ бы для того, чтобы разнообразить свои упражненія, онъ имъ разрубливалъ полякамъ головы. Полковникъ сталъ бранить его за звѣрство, а гренадеръ отвѣчалъ: «Это все собаки; они противъ насъ дрались, такъ пусть всѣ погибаютъ». Одинъ казакъ для потѣхи воткнулъ на пику маленькаго ребенка; другой, вырвавъ дитя изъ объятій заколотой матери, разбивалъ его о стѣну. Но были примѣры и

[1]) Этого факта нѣтъ нигдѣ въ современныхъ извѣстіяхъ, поэтому, быть можетъ, Суворову сообщили невѣрно.

гуманности. По разсказамъ, слышаннымъ Зейме отъ того же Ливена, когда загорѣлся мостъ, онъ увидѣлъ, какъ гренадеръ несъ на рукахъ мальчика и говорилъ: «Посмотрите, ваше высокоблагородіе, казакъ хотѣлъ этого мальчика бросить въ огонь; я его спасъ». — Браво, камрадъ, сказалъ полковникъ, что же ты хочешь дѣлать съ нимъ? — «Не знаю, ваше высокоблагородіе; только посмотрите, какой хорошенькій мальчикъ, какъ же было его не спасти?» И онъ поцѣловалъ ребенка, который рученками держался ему за шею. Польскіе разсказы, а за ними и европейскія повѣствованія объ этой войнѣ говорятъ, будто русскіе варварски истребили всѣхъ обитателей Праги, не исключая женщинъ и дѣтей, и вся Прага представляла кучу развалинъ. Извѣстіе это не выдерживаетъ критики. Что Прага не вся была истреблена, доказывается уже тѣмъ, что, впослѣдствіи, при размѣщеніи войска по квартирамъ, часть русскаго войска помѣщена была на квартирахъ въ Прагѣ, а это было бы невозможно, еслибы въ ней всѣ дома были сожжены и жители истреблены. Нельзя предположить, чтобъ жители Праги оставались въ предмѣстьѣ, когда существовало два моста въ Варшаву; особенно женщины съ дѣтьми, по естественному чувству самосохраненія, должны были бѣжать, если не прежде прибытія Суворова, то по крайней мѣрѣ, когда уже начата была русскими канонада. Само польское военное начальство должно было содѣйствовать тому, чтобы удалить женщинъ и дѣтей, дабы ихъ вопли и крики не производили на солдатъ ослабляющаго вліянія, и не деморализовали мужества войска. Такимъ образомъ, если происходили варварства надъ жителями, почему-нибудь не успѣвшими выбраться изъ Праги, то вѣроятно въ небольшомъ числѣ, тѣмъ болѣе, что, по сказаніямъ самихъ поляковъ, какъ только русскіе овладѣли Прагою, Суворовъ послалъ офицеровъ оповѣстить жителей, какіе оставались въ Прагѣ, чтобы они скорѣе выходили съ правой стороны Праги, и бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ они могутъ быть безопасны, и всѣ дѣйствительно, которые по этому призыву ушли туда, остались цѣлы, хотя нѣкоторыхъ ограбили. Такъ спаслись монахини бернардинки, девятнадцать монаховъ бернардиновъ; тѣ же, которые не успѣли бѣжать изъ монастырей, были побиты, а дѣвицы, находившіяся въ монастырѣ на ученьи, не успѣвшія убѣжать въ русскій лагерь, изнасилованы и потомъ побиты. Варварства были очень возможны въ тотъ вѣкъ, особенно въ такомъ войскѣ, куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили Донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости. Во всякомъ случаѣ, нѣ-

сколько совершенныхъ варварствъ въ Прагѣ въ этотъ день, не могутъ падать на память великаго полководца, который въ самый развалъ битвы имѣлъ настолько великодушія и благородства, что помышлялъ о спасеніи беззащитныхъ враговъ.

Въ восемь часовъ утра все было кончено. Пожаръ въ Прагѣ успѣлъ истребить только три улицы. Суворовъ остановилъ безполезную ярость солдатъ своихъ и не приказалъ жечь и истреблять Праги.

Русскія извѣстія того времени говорятъ, что поляковъ погибло до 12,000. Многіе изъ этого числа, спасаясь отъ русскихъ штыковъ, потонули въ Вислѣ. Въ плѣнъ взято только 1,000 чел., да 250 офицеровъ. Изъ русскихъ оказалось убитыхъ 349, раненыхъ 1,602 чел. и изъ нихъ тяжело 929. Офицеровъ убито 8, а ранено 42.

Это неожиданное пораженіе поляковъ распространило ужасъ въ Варшавѣ; патріоты уже не въ силахъ были ничего сдѣлать. Народъ вопилъ и кричалъ, что надобно скорѣе просить пощады, пока русскіе въ Варшавѣ не сдѣлали того же, чтó въ Прагѣ. Игнатій Потоцкій вмѣстѣ съ Закржевскимъ въ совѣтѣ былъ того же мнѣнія. Рьяный поджигатель на крайнія мѣры, Коллонтай, старался всѣми силами подвинуть къ упорству народъ—напрасно. Коллонтай, разсчитывая, что если народъ выдастъ его Суворову, то ему, какъ заклятѣйшему врагу Россіи, не можетъ быть хорошо, бѣжалъ изъ Варшавы, забравши съ собой порядочную сумму: говорили, что она простиралась до 15,000 червонцевъ. Вавржецкій говорилъ, что Коллонтай забралъ съ собой драгоцѣнныя вещи, которыя въ разное время обыватели жертвовали Костюшкѣ на руки, для спасенія погибающаго отечества.

Высочайшій совѣтъ послалъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго. Но Суворовъ принялъ его дурно. «Я, — сказалъ онъ, — не хочу имѣть никакого дѣла съ начальниками революціи. Моя государыня не ведетъ войны ни съ королемъ, ни съ народомъ польскимъ, а только съ мятежниками. Пусть пришлютъ ко мнѣ депутатовъ отъ законнаго правительства». — «Такъ казните меня, сказалъ Потоцкій, но пощадите невинный народъ, который мы обольстили». Эта рѣчь понравилась Суворову, но все-таки, твердый начальнымъ принципамъ, онъ не сталъ вступать въ переговоры съ Потоцкимъ, какъ съ членомъ революціи, пришедшимъ къ нему отъ революціоннаго правительства.

Высочайшій совѣтъ, по возвращеніи Потоцкаго, разсудилъ, что теперь ему, совѣту, нéчего и дѣлать, и отнесся съ такимъ письмомъ къ варшавскому магистрату, какъ къ мѣсту, учрежденному издавна и существовавшему до революціи:

«Высочайшій совѣтъ полагаетъ, что для сохраненія города Варшавы президентъ города немедленно отъ имени города долженъ послать нѣсколько особъ съ трубачемъ къ россійскому генералу, чтобы выпросить отъ него увѣреніе въ безопасности жизни и имущества, заявивъ ему, что, въ противномъ случаѣ, мы всѣ до единаго будемъ защищаться до послѣдней капли крови».

По этому заявленію совѣта, магистратъ обратился къ королю [1]). Король созвалъ къ себѣ членовъ совѣта, Вавржецкаго и генераловъ. Начались взаимные споры, упреки, обвиненія. Генералъ Мокрановскій высказалъ совѣту много горькаго и первый объявилъ, что со ввѣреннымъ ему войскомъ знать не хочетъ никакого высочайшаго совѣта, а повинуется одному королю и начальнику. Извѣстивъ всѣхъ о положеніи дѣлъ, король обратился къ Вавржецкому и генераламъ и сказалъ: «Суворовъ не согласится ни на какую капитуляцію, иначе какъ съ условіемъ, если войско положитъ оружіе». Король приглашалъ генераловъ сдѣлать это.— «У насъ еще двадцать тысячъ, сказалъ Вавржецкій, у насъ наберется до ста пушекъ. Постыдно съ такими силами класть оружіе; если мы не въ силахъ болѣе удержать революцію и спасти отечество, по крайней мѣрѣ, подержавшись, мы можемъ вытребовать какое-нибудь общее обезпеченіе для обывателей, поверженныхъ въ несчастіе революціею, а если и этого нельзя, то погибнемъ со славою».— «Столица, представлялъ король, не хочетъ болѣе защищаться».— «Пусть столица отдается графу Суворову, сказалъ Вавржецкій, а войско уйдетъ въ Великую Польшу, занятую пруссаками. Русскіе за нимъ не послѣдуютъ, потому что они не имѣютъ на это повелѣній. Пока прусскій король снесется съ императрицею и попроситъ помощи, настанетъ зима. Пруссаки намъ не страшны; мы одолѣемъ ихъ, а между тѣмъ ваше величество напишете императрицѣ представленіе, что обыватели потерпѣли ужаснѣйшія звѣрства отъ казаковъ, опишете, какъ они жгли и мучили людей; объясните, что краю, разоренному войскомъ, грозитъ голодъ, страна пустѣетъ; правдивое изображеніе нашихъ бѣдствій должно тронуть

[1]) У поляковъ объ ихъ послѣднемъ королѣ сохранилось, между прочимъ, такое фантастическое преданіе. Въ роковое утро пражскаго штурма Станиславъ-Августъ, изнуренный тревогою, упалъ въ кресло и вздремнулъ. Русское ядро, ударившее въ стѣну королевскаго замка, пробудило его. Онъ увидѣлъ въ углубленіи большого окна высокаго роста женщину въ бѣломъ одѣяніи: она смотрѣла на него чрезвычайно грустно. Испуганный король вскрикнулъ: прибѣжали бывшіе въ другой комнатѣ. Привидѣніе исчезло. Эта самая женщина, какъ онъ говорилъ, являлась къ отцу его наканунѣ дня полтавской битвы, когда послѣдній былъ на сторонѣ Карла XII и въ его войскѣ.

душу великой монархини; пусть она выпуститъ взятыхъ въ неволю обывателей, возвратитъ имъ собственность и объявитъ, чего она хочетъ отъ несчастной Польши». — Начальникъ совѣтовалъ самому королю ѣхать съ войскомъ. Послѣ всѣхъ такихъ толковъ король уже ночью прислалъ Суворову такое письмо:

«Магистратъ города Варшавы, желая моего ходатайства предъ вами, хочетъ знать ваши дальнѣйшія намѣренія относительно столицы. Я же долженъ вамъ сообщить, что всѣ граждане рѣшились защищаться до послѣдняго, если вы не поручитесь за цѣлость ихъ имуществъ и особъ».

Суворовъ тотчасъ отвѣчалъ:

«Именемъ ея императорскаго величества, моей августѣйшей государыни, обѣщаю сохраненіе имуществъ и особъ всѣхъ гражданъ, а равно и забвеніе всего прошедшаго. Войска ея величества, вошедшія въ Варшаву, не будутъ дѣлать никакихъ безчинствъ».

Утромъ въ квартиру Суворова, находившуюся въ селѣ Вьонзовнѣ, явились депутаты отъ городского магистрата, Францъ Макаровичъ, Доминикъ Борковскій и Станиславъ Стршалкевичъ (послѣдній отъ обывателей). Суворовъ сидѣлъ тогда на обрубкѣ дерева и, увидѣвъ ихъ, бросилъ отъ себя саблю и, поцѣловавшись съ ними, сказалъ: «миръ и согласіе!» Принесенное письмо къ Суворову было въ современномъ переводѣ таково:

«Попеченіе и опека магистрата о городѣ требуютъ, во всѣхъ случаяхъ, угрожающихъ опасностію, предвидѣть и ограждать обывателей; въ настоящемъ положеніи видя городъ и обывателей, по причинѣ приблизившихся войскъ ея императорскаго величества, всероссійской монархини, магистратъ не можетъ не рѣшиться приступить къ главнокомандующему генералу войскъ россійскихъ, да обрѣтетъ его благосклонное воззрѣніе на обывателей города и пощаду жизни и имуществъ тѣхъ, которые кладутъ оружіе».

Суворовъ далъ имъ на бумагѣ пункты:

1) Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.

2) Всю артиллерію съ ея снарядами вывезти къ тому же мѣсту.

3) Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ; войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ самый городъ и его обывателей подъ свое покровительство.

4) Всевысочайшимъ именемъ ея величества торжественно обѣщается войскамъ польскимъ, по сложеніи оружія, увольненіе

тотчасъ въ ихъ домы съ полною безпечностію, не касаясь ни до чего, каждому принадлежащаго.

5) Его королевскому величеству всеподобающая честь.

6) Ея императорскаго величества всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели, въ ихъ особахъ и имѣніяхъ, ничѣмъ повреждены не будутъ и оскорблены, останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.

7) Ея императорскаго величества войско вступитъ въ городъ сего числа по полудни, по сдѣланіи моста или завтра.

«Вы просили только цѣлости жизни и имуществъ, сказалъ Суворовъ, я вамъ даю больше: пусть все будетъ забыто на вѣки и установится между нами дружественная пріязнь».

На другой день, 26 числа, тѣ же самые депутаты пріѣхали къ Суворову и привезли отвѣтъ отъ города такого содержанія въ современномъ переводѣ:

«Получивъ отъ своихъ уполномоченныхъ пункты отъ его сіятельства графа Суворова-Рымникскаго, за оказанную благосклонность обывателямъ магистратъ города Варшавы приноситъ чувствительнѣйшую благодарность, а на полученные пункты имѣетъ честь отвѣчать:

1) Городъ Варшава сложитъ свое оружіе тамъ, гдѣ по-дружески условятся.

2) Артиллеріи и аммуниціи у города Варшавы нѣтъ.

3) Мостъ городъ Варшава исправитъ какъ можно наискорѣе и войска россійскія вступятъ въ городъ и возьмутъ его и обывателей подъ свое покровительство.

4) Городъ Варшава не имѣетъ въ своей власти войскъ Рѣчи-Посполитой, и не можетъ выполнить четвертаго пункта, а сколько возможно будетъ, городъ будетъ склонять начальниковъ войсковыхъ до выполненія этого пункта.

5) Городъ Варшава имѣетъ всегда къ своему королю высокопочитаніе, и отъ сего пріятнаго для него правила никогда не станетъ отступаться.

6) На обѣщаніе обезпеченія особъ, равно и имѣнія обывателей и жителей города Варшавы, полагается на основаніи всѣхъ настоящихъ пунктовъ, въ надеждѣ, что все, по сіе время случившееся, со стороны Россіи забыто будетъ.

7) Объявленіе вашего сіятельства, что войска ея императорскаго величества вступятъ въ городъ по окончаніи моста завтрашняго числа по утру, не можетъ быть въ разсужденіи времени, ибо для починки моста необходимо нужно дней нѣсколько, и къ тому же и войскамъ Рѣчи-Посполитой для выхода изъ Варшавы требуется восьми дней».

«Я замѣчаю, — сказалъ Суворовъ, — что желаютъ продлить время. Ступайте обратно и скажите, чтобы рѣшались немедленно».

Побѣдитель къ прежнимъ пунктамъ прибавилъ еще одинъ, въ такой формѣ: «Дружеское увѣдомленіе съ удостовѣреніемъ общаго согласія утѣшительно получилъ. Когда войска моей всемилостивѣйшей государыни проходить будутъ черезъ Варшаву, прошу о благоразумномъ положеніи и соблюденіи тишины и порядка въ семъ городѣ отъ полевыхъ внутреннихъ войскъ, ежели будутъ. Торжественно симъ увѣдомляю, что обыватели, мѣщане и посторонніе защитою ихъ особъ и имѣній пользоваться и забвенію все предано будетъ, какъ въ 6-мъ пунктѣ моихъ прежнихъ постановленій утверждаю».

Такъ какъ поляки отговаривались, будто починка моста требуетъ много времени, Суворовъ возложилъ эту починку на русскихъ, и поручилъ надзоръ генералъ-майору Буксгевдену.

Дѣла начинали-было склоняться къ такому повороту, что Суворовъ могъ опасаться, не придется ли ему опять дѣйствовать оружіемъ. Онъ далъ приказаніе Ферзену послать генералъ-майора Денисова за четыре мили отъ Праги, вверхъ по теченію Вислы, и тамъ переправиться, а вслѣдъ затѣмъ предполагалось переправляться и самому Ферзену.

Въ Варшавѣ было безпокойно. Жители, желая, чтобы русскіе скорѣе вошли въ городъ и революція прекратилась, бросились къ мосту и стали наводить его со стороны Варшавы. Но Вавржецкій объявилъ, что онъ станетъ стрѣлять картечью по тѣмъ, которые будутъ поправлять мостъ. Король послалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно выходилъ изъ города, когда не хочетъ сдаваться. Вавржецкій отвѣчалъ: «Я не могу выйти ранѣе осьми дней; мнѣ нужно отослать транспорты, пушки, аммуницію, магазины, и до тѣхъ поръ, пока не отправлю транспортовъ, не позволю починять моста. Можете меня убить или выдать; а я не согласенъ на такое скорое вступленіе россійскихъ войскъ въ столицу».

Ободренные упорствомъ начальника крайніе патріоты, члены клуба, кричали: «лучше пасть всѣмъ подъ развалинами Варшавы, чѣмъ постыдно надѣть вновь сброшенное московское ярмо». Продолжали предлагать кровавыя мѣры, угрожали перерѣзать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, перевѣшать расположенныхъ къ Россіи поляковъ, поставить Варшаву въ такое положеніе, чтобы она не имѣла никакой надежды на милость и снисхожденіе русскаго военачальника и поэтому должна была вся, какъ одинъ человѣкъ защищаться. — «Пусть вся Варшава вооружится, мы сла-

димъ съ Суворовымъ; за нами вся Польша поголовно поднимется. Еще мы не въ послѣдней крайности; измѣна, подкупы, трусость, вотъ что заставляетъ насъ кланяться Москвѣ»! Такъ кричали ревностные. Умѣренные патріоты указывали, что если кого и можно укорять и подозрѣвать по поводу послѣднихъ событій, то самихъ патріотовъ и перваго Зайончека, который кричалъ громче всѣхъ о защитѣ, а когда пришло къ дѣлу, то бѣжалъ постыдно изъ Праги.

Станиславъ-Августъ боялся возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Войско изъявляло желаніе, чтобы онъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ, народъ кричалъ, что не пуститъ короля, и чтобы угодить всѣмъ, король отправилъ къ Суворову ночью въ 3 часа подполковника Гофмана съ извѣстіемъ, что въ городѣ безпокойство, и король проситъ дать восемь дней на размышленіе. Суворовъ наотрѣзъ сказалъ, что и думать объ этомъ нечего. Въ 9 часовъ утра явился снова Игнатій Потоцкій съ тою же просьбою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій сталъ дѣлать Суворову соображенія о будущемъ устройствѣ Польши и изъявлялъ преданность Екатеринѣ и Россіи. Суворовъ отвергнулъ просьбу и не сталъ вступать въ разговоры. Черезъ часъ по прибытіи Потоцкаго, прибылъ въ русскій лагерь товарищъ его Мостовскій, съ письмомъ отъ короля къ Потоцкому. Въ немъ было полномочіе трактовать о мирѣ.

Суворовъ прочелъ и сказалъ: «Господа! съ Польшею войны нѣтъ. Я не присланъ сюда министромъ; я военачальникъ и пришелъ сокрушать толпы мятежниковъ, и кромѣ посланныхъ уже вамъ статей ни о чемъ толковать не буду. Но я уважаю стѣсненное положеніе короля; съ одной стороны ваша такъ-называемая наивысшая рада докучаетъ ему повторительными просьбами объ осьмидневномъ срокѣ, а съ другой войска грозятъ увезти его съ собою. Изъ уваженія къ королевской особѣ и заботясь о его безопасности, я даю вамъ отсрочку до 1 ноября. Къ этому дню приготовьтесь; войска наши вступятъ въ столицу».

На другой день, на острастку полякамъ, Денисовъ переправился черезъ Вислу, конница вплавь, а пѣхота частью на лошадяхъ, а частью на судахъ съ артиллеріею. Польскія войска намѣревались-было препятствовать переправѣ, но отступили, какъ только увидали, что русскіе приготовляютъ рѣшительныя мѣры.

Мостъ былъ почти наведенъ. Вавржецкій торопился выводомъ войска. Уже онъ отправилъ Гедройца изъ-подъ Мокотова, куда послѣдній недавно прибылъ, въ Тарчинъ. Король дѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать съ войскомъ, и приказалъ приготовлять экипажи, но 27 октября (8 ноября) утромъ, нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ собралось у крыльца дворца; они объявили,

что не пустятъ изъ столицы короля. Вавржецкій, проѣхавъ посреди этой толпы къ королю, замѣтилъ, что есть возможность провезти его съ военнымъ конвоемъ, но Станиславъ-Августъ самъ не хочетъ ѣхать, а только показываетъ видъ, будто этого желаетъ, но не можетъ исполнить желанія. Король сталъ просить начальника положить оружіе, чтобы, такимъ образомъ, не было раздвоенія народа. «Ваше величество,—сказалъ Вавржецкій,—лучше ходатайствуйте у графа Суворова, чтобы онъ на насъ не шелъ съ оружіемъ, а пропустилъ бы насъ въ Пруссію. Варшава сдается императрицѣ; мы оставляемъ со столицею весь край ея величеству, а сами идемъ въ прусскія владѣнія. Это отнюдь не будетъ въ ущербъ ея государству. Безчестно класть оружіе, и если нужна жертва для спасенія чести войска, я отдамъ себя и готовъ претерпѣть жесточайшія мученія и смерть».— «Когда же вы уѣзжаете?» спросилъ король.—«Непремѣнно сегодня же, сейчасъ», отвѣчалъ Вавржецкій. — «А со мною что́ будетъ?» сказалъ король. — «Вы всегда можете оправдаться, что васъ не выпускаетъ народъ; впрочемъ въ вашей волѣ ѣхать и не ѣхать».

Король не поѣхалъ; передъ патріотами онъ показывалъ видъ, что его не выпускаетъ народъ, а передъ народомъ и передъ Суворовымъ, — что его хотѣли насильно увезти. Въ слѣдующую ночь Вавржецкій уѣхалъ съ президентомъ города Варшавы Закржевскимъ, и взялъ съ собою на 157,000 зл. золота и серебра изъ монетнаго двора. Зайончекъ прежде нихъ уѣхалъ въ Галицію подъ предлогомъ леченія отъ раны, взявши 1,000 червонцевъ. Генералы: Понятовскій, Вьельгорскій, Грабовскій, Мокрановскій, Цихоцкій, Піотровскій остались въ Варшавѣ, принесли покорность королю и положили оружіе. Также поступило множество офицеровъ, не поѣхавъ съ Вавржецкимъ и оставшись въ столицѣ. Члены высочайшаго совѣта сложили свое званіе и передали королю верховную власть.

Рано утромъ, 28 окт. (9 нояб.), къ Суворову опять явились депутаты отъ варшавскаго магистрата съ двумя письмами. Въ первомъ было написано:

«Магистратъ города Варшавы въ дополненіе поданныхъ генералъ-аншефу Суворову обывателями города Варшавы имѣетъ честь донести:

1) Огнестрѣльное оружіе, какъ-то: карабины, пистолеты, равномѣрно сабли и пики, обыватели города Варшавы сегодня во всѣхъ кварталахъ сложили, которое магистратъ барками къ берегу представитъ. Другого же рода оружіе, дорожное, находящееся въ лавкахъ въ продажѣ, и у обывателей употребляемое

для охоты, для лучшей безопасности будетъ взято въ ратушу и запечатано магистратомъ.

2) Порохъ и прочая аммуниція, у обывателей находящаяся, также собрана и сложена будетъ тамъ, гдѣ вашимъ сіятельствомъ приказано будетъ, равномѣрно и та аммуниція, которая бы войсками оставлена была, отдана будетъ.

3) Въ разсужденіи войска, находящагося въ Варшавѣ, выполненіе сего пункта его величество король изволитъ принять на себя благосклонно.

4) Касательно моста магистратъ ручается, что онъ въ назначенное время со стороны Варшавы будетъ оконченъ.

5) Въ разсужденіи увольненія россійскихъ плѣнныхъ, его королевское величество изволитъ принять на себя благосклонно.

6) О сложеніи оружія войсками, о выходѣ тѣхъ же войскъ изъ Варшавы, магистратъ не замедлитъ просить его королевское величество, кромѣ конной и пѣшей гвардіи, числомъ до тысячи человѣкъ, для карауловъ во дворцѣ и для конвоя его величеству; равно для полицейскихъ надобностей останется триста человѣкъ.

7) Когда войска россійскія будутъ входить въ городъ, то магистратъ надлежащимъ порядкомъ встрѣтить ихъ имѣетъ».

Второе письмо въ сдѣланномъ тогда переводѣ гласитъ такъ:

«Магистратъ города Варшавы повторительное обезпеченіе обывателямъ и жителямъ города Варшавы въ разсужденіи безопасности особъ, домовъ, имѣній, получивши, долгомъ себѣ поставляетъ за причиненіе въ городѣ общей радости, которая всѣхъ коснулась, главнокомандующему войсками россійскими графу Суворову-Рымникскому принести наичувствительнѣйшую благодарность. Для выполненія пунктовъ капитуляціи, предписанныхъ обывателямъ города чрезъ его сіятельство графа Суворова-Рымникскаго, все, что отъ города и магистрата зависитъ, будетъ выполнено неукоснительно. Мостъ уже починяется и въ настоящее время оконченъ будетъ; обыватели оружіе складываютъ, и для спокойствія народа магистратъ выдалъ свои публикаціи, о чемъ имѣетъ честь донести».

«Городъ—сказали депутаты—желаетъ, чтобы войска ея величества вступили скорѣе въ городъ, потому что мятежная партія думаетъ производить безпорядки и самой королевской особѣ можетъ быть опасность отъ мятежниковъ».

Суворову было это пріятно и онъ сказалъ, что, по желанію Варшавы, поспѣшитъ вступленіемъ въ городъ.

Въ тотъ же день король прислалъ Суворову такое письмо:

«Вашъ прямой и честный образъ дѣйствій съ нами въ особенности возбуждаетъ во мнѣ признательность. Не могу вамъ

лучше засвидѣтельствовать ее, какъ отпустивъ на свободу русскихъ военныхъ, здѣсь находившихся, и передать ихъ генералу, достойному надъ ними начальствовать. Молю Бога, да сохранитъ онъ васъ въ здоровьѣ и въ своемъ покровительствѣ».

Суворовъ послалъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго въ Варшаву извѣстить короля и городъ, что русскія войска вступятъ въ столицу на другой день, 29 числа. Въ письмахъ къ Станиславу-Августу русскій военачальникъ такъ выражался:

«Приношу нижайшую благодарность вашему величеству за любезное письмо отъ 27 окт. (8 ноября), которымъ ваше величество изволили почтить меня. Если я тороплюсь введеніемъ войскъ моей августѣйшей государыни, то это единственно потому, что искры революціи еще не погасли, и есть еще отъявленные злоумышленники, какъ ваше величество увидите изъ донесенія, которое будетъ имѣть честь представить вашему величеству полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій».

На другой день рано утромъ представили Суворову ключи отъ города Варшавы; онъ отправилъ ихъ съ курьеромъ къ Румянцову при такомъ донесеніи:

«Ея императорскаго величества къ священнымъ стопамъ Варшава повергаетъ свои ключи; оные вашему сіятельству имѣю счастіе поднести, и вручителя ихъ генералъ-майора Исленьева въ высокое покровительство поручить».

Въ этотъ же день началось вступленіе войскъ въ Варшаву; сперва проходилъ корпусъ Потемкина, потомъ Дерфельдена и т. д. Ферзену приказано было оставить свой постъ выше по теченію Вислы и присоединиться къ остальнымъ корпусамъ. Войско проходило съ распущенными знаменами, съ музыкою и съ барабаннымъ боемъ. Народъ толпился по улицамъ и въ окнахъ домовъ и кричалъ: «виватъ Екатерина!» Магистратъ съ толпою мѣщанства встрѣчалъ Суворова на берегу; поднесли ему хлѣбъ и соль. «И вотъ — говорилъ Суворовъ — эти поляки, которые были недавно такъ звѣроподобны и чаяли себя непобѣдимыми, теперь стали кротки, яко агнцы».

Современники-поляки сообщаютъ, будто Суворовъ далъ приказаніе, чтобы поляки не выглядывали изъ оконъ нижнихъ этажей: это сдѣлано для того, чтобы задорные не вздумали отпустить какой-нибудь штуки, а казаки въ досадѣ не ударили бы на нихъ въ окна пиками.

Все русское войско расположилось около Варшавы. Самъ главнокомандующій имѣлъ свою квартиру въ Мокотовѣ, но въ столицѣ у него была другая—во дворцѣ примаса, недавно опустѣвшемъ. Примасъ, братъ короля, скончался въ іюлѣ, во время осады

Варшавы прусскимъ королемъ и русскимъ генераломъ Ферзеномъ. Впослѣдствіи, Суворовъ, по своему обыкновенію чудачить, говорилъ, что въ этомъ дворцѣ ему не спится: являются къ нему души усопшихъ примасовъ и безпокоятъ его.

Магистратъ представилъ Суворову всѣхъ плѣнныхъ, находившихся въ Варшавѣ; тутъ были генералы Арсеньевъ, Милашевичъ, Сухтеленъ, бароны Ашъ и Билеръ [1]), совѣтникъ Дивовъ и всѣ захваченные въ посольствѣ, штабъ и оберъ-офицеры и тысяча триста семьдесятъ шесть человѣкъ солдатъ. «Свиданіе ихъ съ своими,—писалъ Суворовъ,—было не только слезное и чувствительное, но важное и нѣчто священное.»

Главнокомандующій послалъ генералъ-поручика Потемкина къ королю, успокоить и извѣстить о своемъ желаніи представиться его величеству. Когда Суворовъ въѣзжалъ въ за́мокъ, народъ окружилъ его съ восклицаніями и съ веселыми криками. Потемкинъ привезъ отъ короля просьбу, чтобы на два дня замолкло побѣдоносное оружіе ея императорскаго величества, и онъ будетъ стараться окончить дѣло безъ кровопролитія и побудитъ войско положить оружіе. Суворовъ отправилъ къ королю барона Аша, бывшаго резидентомъ и находившагося во все время революціи въ плѣну, со слѣдующими статьями:

«Симъ торжественно объявляю:

1) Войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускать съ билетами отъ ихъ же начальства въ свои домы по желанію, а оружіе, какъ и пушки и прочую военную аммуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ Варшаву въ арсеналъ.

2) Вся ихъ собственность при нихъ.

3) Начальники, штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, останутся при ихъ оружіи.

Варшава, окт. 31, 1794 г.»

Начальникъ польскаго возстанія послалъ впередъ пятьдесятъ пушекъ и самъ отправился въ Тарчинъ, гдѣ назначено сборное мѣсто, и куда впередъ отправлено было войско изъ Варшавы. Изъ пяти тысячъ, которыя Вавржецкій тамъ долженъ былъ застать, едва нашелъ онъ около восьмисотъ человѣкъ, которыхъ кое-какъ удержалъ Гедройцъ. Остальные всѣ, съ офицерами, убѣжали обратно въ Варшаву, — слагать оружіе. Чрезъ нѣсколько часовъ ночью прискакалъ туда курьеръ отъ генерала Каменецкаго: этотъ генералъ взялъ въ команду корпусъ пред-

[1]) Приношу искреннюю благодарность потомку его барону Билеру за обязательное дозволеніе пользоваться важными фамильными бумагами его предка.

водимый прежде Понятовскимъ и оставленный имъ; теперь онъ извѣщалъ по командѣ своего военачальника, что подначальные его взбунтовались, не хотятъ болѣе продолжать войны, думаютъ послѣдовать примѣру своего начальника, котораго любили, и признаютъ надъ собою власть одного короля; уже многіе ушли въ Варшаву положить оружіе передъ Суворовымъ. Вавржецкій отнялъ команду у Каменецкаго и послалъ на мѣсто его генерала Ніосоловскаго; онъ приказывалъ привести къ себѣ тѣхъ, которые остались еще вѣрны. Ніосоловскій не былъ счастливѣе своего предшественника. Офицеры волновали солдатъ. «Насъ ведутъ на убой! кричали они: начальникъ не хочетъ принимать отъ Суворова условій, а они намъ выгодны». Цѣлый полкъ въ глазахъ Ніосоловскаго бросилъ оружіе и ушелъ. Ніосоловскій хотѣлъ употребить строгость, приказалъ арестовать офицеровъ, но отъ этого еще сильнѣе разгорѣлось волненіе; его не слушали, одна толпа жолнеровъ уходила за другою; наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, войско какъ будто успокоилось и пошло-было за генераломъ, но когда оно дошло до того мѣста, гдѣ дороги раздвоивались, и одна вѣтвь вела въ Тарчинъ, другая въ Варшаву, тутъ всѣ поворотили въ Варшаву и оставили Ніосоловскаго съ пушками, но безъ людей.

Вавржецкій, потерявъ почти весь свой отрядъ, соединился съ Домбровскимъ, Мадалинскимъ и другими генералами; но и въ ихъ отрядахъ было уже волненіе. Генералы думали-было устроить войско и направить по краковской дорогѣ, на Конске. Но когда пришли они въ Древевицы, здѣсь между самими генералами произошли ссоры и несогласія. Домбровскій, человѣкъ значительно обнѣмечившійся, хотѣлъ отдаваться прусскому королю. Вавржецкій не соглашался и предпочиталъ въ случаѣ крайности лучше сдаться Суворову. Въ это время прибылъ отъ Суворова подполковникъ Каменевъ съ предложеніемъ отъ 31-го октября, которое приведено выше.

Условія, предложенныя Суворовымъ, не показались польскимъ генераламъ удовлетворительными. Въ нихъ не было сказано о совершенной амнистіи участникамъ возстанія. Суворовъ уже объявилъ ее прежде, но Вавржецкій и его подначальные генералы не знали объ этомъ. Вавржецкій отправилъ вмѣстѣ съ Каменевымъ къ Суворову генерала Горенскаго, а самъ рѣшился дожидаться отвѣта.

Въ войскѣ его между тѣмъ смятеніе усилилось. Поляки изъ Великой Польши, отошедшей къ Пруссіи, настаивали, чтобы войско поддалось не русскимъ, а прусскому королю. Прусскій генералъ Клейцъ письменно приглашалъ Домбровскаго сдаться

Пруссіи. Великополяне говорили: «Этимъ вы спасете всѣхъ насъ; за ваше предпочтеніе прусскаго короля и за довѣріе къ нему, онъ дастъ намъ амнистію.»—«Я не могу вступать въ переговоры съ прусскимъ королемъ, сказалъ Вавржецкій; словамъ прусскаго короля и его собственноручнымъ подписямъ вѣрить нельзя; онъ уже поступилъ съ нашимъ отечествомъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Я лучше повѣрю подписи и ручательству Суворова, чѣмъ прусскихъ военачальниковъ, русской императрицѣ, чѣмъ прусскому королю». Когда противники настаивали на своемъ, Вавржецкій сказалъ: «Съ моего вѣдома и позволенія ни одинъ батальонъ не перейдетъ къ прусскому королю; прежде меня убейте, потомъ выходите. Я послалъ къ Суворову; если генералъ Горенскій не привезетъ торжественнаго увѣренія въ амнистіи, всѣ будемъ драться и падемъ со славою».

Волненіе не переставало. Простоявъ дня два въ Древевицахъ, Вавржецкій двинулся на Конске и когда дошелъ до Опочни, тутъ какой-то прусскій майоръ взволновалъ жолнеровъ, настроивая ихъ предпочесть прусскаго короля русской императрицѣ. Вавржецкій, испытавъ напрасно средства убѣжденія, приказалъ стрѣлять въ непокорныхъ, а тѣ въ свою очередь пускали пули въ товарищей; другіе же толпами, изъ кавалеріи и пѣхоты, не участвуя въ свалкѣ, уходили. Успокоивши мятежъ съ пролитіемъ крови, Вавржецкій пошелъ далѣе, и 5-го (16-го) ноября достигъ до Радошина. Тутъ пріѣхалъ Горенскій и привезъ желанную амнистію. Тогда Вавржецкій собралъ свое войско, прочиталъ увѣреніе Суворова въ амнистіи, и объявилъ, что онъ сдается Суворову и вѣритъ русской императрицѣ скорѣе, чѣмъ прусскому королю. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать счетъ войсковой казнѣ и раздѣлилъ ее между офицерами и солдатами. Толпы жолнеровъ приходили къ нему просить паспортовъ. Вавржецкій всѣмъ подписывалъ и каждый уходилъ съ паспортомъ домой или куда хотѣлъ. На другой день прибылъ въ польскій лагерь генералъ Денисовъ и объявилъ, что Суворовъ приглашаетъ Вавржецкаго и генераловъ къ себѣ.

«Я не читалъ этой обязанности въ обѣщаніи генералъ-аншефа Суворова,—сказалъ Вавржецкій,—напротивъ онъ всѣмъ обѣщалъ паспорты и безопасный проѣздъ, куда кто пожелаетъ. Не думаю, чтобы я былъ исключенъ изъ этого правила, или кто-нибудь изъ генераловъ».

«Я ни васъ и никого изъ генераловъ не думалъ арестовать и отбирать у васъ оружіе; я исполняю только данное мнѣ приказаніе просить васъ пріѣхать въ Варшаву», сказалъ Денисовъ.

Нельзя было противиться. Вавржецкій поѣхалъ; съ нимъ

Гелгудъ, Домбровскій, Ніосоловскій, Гедройцъ, Закржевскій и другіе. Провожавшій ихъ отрядъ назывался почетнымъ конвоемъ. Пушки были отобраны русскими.

Суворовъ извѣстилъ тогда Румянцева такою реляціею:

«Виватъ, великая Екатерина! все кончено! Польша обезоружена!»

Въ день самаго пріѣзда Суворова въ Варшаву, Игнатій Потоцкій явился къ нему и подалъ такого рода записку:

«Есть два способа успокоить Польшу, это—или раздѣлить ее, или дать ей хорошую конституцію. Нѣтъ поляка, который бы не предпочелъ печальной судьбы отечества состоянію узаконенной анархіи, въ какомъ находился народъ во время вспыхнувшаго возстанія. Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Что значитъ такое правленіе, гдѣ все, что́ его составляетъ — король, республика, миръ — не болѣе какъ игра пустыхъ словъ? Но тутъ возникаетъ великій вопросъ, который развязать слѣдуетъ въ настоящее время. Неужели, успокоивая Польшу раздѣломъ, думали приготовить для сѣвера и для всей Европы умиротвореніе? Конечно, разрѣшить эту задачу не въ силахъ приватное лицо, и только хорошо знающій дѣла и вліятельный кабинетъ въ состояніи дать по этому предмету вѣрныя указанія.

«Другой способъ успокоенія Польши—дать ей хорошую конституцію; но въ интересахъ ли Россіи дать ее Польшѣ? Думаю, такъ. Осмѣливаюсь утверждать это въ противность мнѣнію свѣтлыхъ умовъ Россіи, и считаю долгомъ объясниться.

«Извѣстно, что безпорядки Рѣчи-Посполитой были однимъ изъ принциповъ системы Петра Великаго. Въ тѣ времена, Россія со стороны нѣмцевъ ограждалась одною Польшею, и такой принципъ былъ сообразенъ интересамъ русскаго правительства и государства. Теперь ея границы измѣнились; Россія непосредственно соприкасается границами съ странами, подчиненными абсолютному правленію, и мудрые принципы Петра Великаго не могутъ прилагаться къ настоящей системѣ. Теперь, когда лживая метафизика, введенная въ жизнь во Франціи, произвела безпорядокъ въ законахъ, правилахъ, обязанностяхъ общества, я полагаю, что желаніе монархическаго умѣреннаго правленія не можетъ быть подозрительнымъ для великой монархини и ея кабинета. Что касается поляковъ, то подобная конституція — ихъ единственное разумное желаніе. Еслибы россійская имперія склонилась къ ней, нашъ народъ избралъ бы на польскій престолъ тотъ родъ, какой пожелаетъ императрица; въ особенности желательно, чтобы выборъ этотъ палъ на того изъ царевичей, который наиболѣе будетъ почтенъ ея располо-

женіемъ и благодѣяніями. Эти мысли существуютъ издавна; я могу доказать это, и думаю, что ихъ раздѣляютъ всѣ мои соотечественники.

«Если эти соображенія относительно второго способа успокоенія Польши заслуживаютъ ближайшаго вниманія, то сознаюсь, что насильственныя принудительныя средства, которыми укрощали настоящее возстаніе, не облегчаютъ дѣла. Побѣждать кротостію, благодѣяніями, и геніемъ болѣе достойно императрицы Екатерины въ глазахъ Европы».

Поляки говорятъ, что Суворову понравился тонъ этой записки, и онъ удивлялся уму польскаго великаго политика. Но изъ тогдашнихъ собственноручныхъ писемъ Суворова оказывается не то: «Графъ Игнацъ вралъ»—выразился онъ объ немъ. Тѣмъ не менѣе записка была послана къ государынѣ.

Чрезъ десять дней Суворовъ получилъ отъ короля для доставленія императрицѣ письмо такого содержанія:

«Сестра государыня! Судьба Польши въ вашихъ рукахъ. Ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее. Кого бы вы ни назначили моимъ преемникомъ, но, пока я могу говорить, я считаю для себя непозволительнымъ пренебречь моими обязанностями по отношенію къ моей націи и не призвать на нее великодушія вашего императорскаго величества. Польская армія уничтожена. Существуетъ еще нація; и она перестанетъ существовать, если ваши повелѣнія и величіе души вашей не подадутъ ей помощи. Въ наибольшей части страны военныя безпокойства воспрепятствовали жатвѣ. Обработка земли стала невозможною вездѣ, гдѣ похищенъ скотъ. Житницы поселянъ пусты, хаты ихъ сожжены, или разорены; сами они бѣгаютъ тысячами за границу. Многіе богатые землевладѣльцы сдѣлали тоже. Польша начинаетъ походить на пустыню. Голодъ почти неизбѣженъ на слѣдующій годъ, особенно если другіе сосѣди не перестанутъ уводить у насъ жителей, скотъ и занимать наши владѣнія. Кажется, той, чье оружіе единственно все покорило, надлежитъ предписать границы другимъ и произнести, какое послѣдствіе угодно ей дать своимъ побѣдамъ. Не смѣю предугадывать, но думаю, что вы предпочтете такое, которое можетъ сдѣлать три милліона народа наименѣе несчастными».

Суворовъ, препровождая на благоусмотрѣніе императрицы письмо короля, осмѣлился съ своей стороны чрезъ графа Зубова сдѣлать представленія въ пользу Польши. Екатерина была имъ недовольна за это; уважая въ немъ великаго полководца, она считала его неспособнымъ къ политическимъ соображеніямъ. Придворная партія не любила его. Великія заслуги этого человѣка,

замѣчаетъ тогдашній англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, не спасли его отъ осмѣянія за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Зубову съ письмомъ, въ которомъ хотѣлъ возбудить участіе къ королю, и вообще самъ оказывалъ состраданіе къ несчастной участи Польши.

Екатерина отвѣчала польскому королю письмомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Судьба Польши, которую ваше величество изобразили мнѣ въ письмѣ отъ 21 ноября н. ст., есть слѣдствіе принциповъ, разрушительныхъ для всякаго порядка и всякаго общества, почерпнутыхъ въ образцѣ народа, сдѣлавшагося добычею всякаго рода крайностей и заблужденій. Я не могла предвидѣть всѣхъ гибельныхъ слѣдствій и засыпать подъ ногами польскаго народа бездну, которую вырыли его развратители. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Между всѣми бѣдствіями, постигшими его въ настоящее время, предвидимый голодъ безъ сомнѣнія самое ужасное. Я дала приказаніе предупреждать его, насколько это человѣчески возможно. Но это соображеніе, соединенное съ знаніемъ опасностей, которымъ вы подвергаетесь посреди необузданнаго варшавскаго народа, побуждаетъ меня желать, чтобы ваше величество какъ можно скорѣе оставили этотъ преступный городъ и переѣхали въ Гродно. Фельдмаршалъ графъ Суворовъ имѣетъ порученіе сдѣлать это предложеніе и принять необходимыя мѣры—препроводить васъ туда бережно и прилично. Ваше величество должны знать мой характеръ: я неспособна употреблять во зло успѣхи, данные благостію Провидѣнія и правотою моего дѣла. Вы можете спокойно ожидать, пока государственная мудрость и всеобщая необходимость мира не рѣшатъ дальнѣйшей судьбы Польши. Съ такимъ расположеніемъ остаюсь доброю сестрою вашего величества».

Въ тоже время императрица прислала къ Суворову письмо, въ которомъ предписывала ему отправить короля въ Гродно. «Присутствіе его въ Варшавѣ,—писала она,—только что можетъ отягощать сей несчастный городъ, лишенный многихъ способовъ къ продовольствію, гдѣ и особа его не въ безопасности, особливо когда крайность принудитъ васъ или передать его прусскимъ войскамъ, или же предать собственному его жребію. Я не ожидаю, чтобъ по симъ, столь убѣдительнымъ, доводамъ могли вы встрѣтить на сіе предложеніе со стороны короля затрудненія, но если бы паче чаянія сіе и воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ имѣете вы ему объявить необиновенно, что на то есть моя воля непремѣнная и что право оружія и завоеванія налагаетъ на него за-

конъ повиноваться безпредѣльно требованіямъ и предположеніямъ моимъ, а за симъ не пріемля уже никакихъ отговорокъ и въ самомъ кратчайшемъ времени приступите вы къ исполненію вамъ предписаннаго. На нужныя же для таковаго перемѣщенія издержки, равно какъ и на удовлетвореніе какихъ-либо другихъ надобностей его величества, велѣли мы къ вамъ отпустить 8,000 червонныхъ голландскихъ, которые въ наличности вамъ съ симъ же курьеромъ и будутъ доставлены. Оную сумму вы, по усмотрѣнію вашему, всю ли сполна или употребивъ часть оной на тѣ же путевыя издержки, а затѣмъ остающуюся можете отдать въ распоряженіе того изъ генералъ-майоровъ нашихъ, кого изберете вы подъ видомъ почести для препровожденія его величества до Гродны, повелѣвъ ему оказывать королю всевозможнѣйшія уваженія, при томъ увѣдомивъ его величество, что попеченіе о его приличномъ содержаніи на все время пребыванія его въ Гроднѣ возлагается на нашего генерала князя Репнина».

Императрица приказала генералъ-губернатору Литвы, Репнину, сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для принятія и помѣщенія польскаго короля въ Гродно. Письмо ея къ Репнину очень замѣчательно тѣмъ, что оно высказываетъ вполнѣ ея взглядъ на короля, на Польшу.

«Для пребыванія въ Гроднѣ короля польскаго,—пишетъ Екатерина,—прикажите немедленно приготовить въ зáмкѣ приличные покои, гдѣ бы его величество могъ спокойно помѣститься; по прибытіи же его въ сей городъ, опредѣлить къ дому его для почета надлежащій караулъ, и притомъ наше желаніе есть, чтобы и всѣ приставленные отъ васъ къ сему государю оказывали ему всевозможнѣйшее уваженіе; а поелику управленіе дѣлъ въ Гродно происходитъ именемъ и властію нашею, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ, и въ отправленіи дѣлъ никакого участія имѣть не долженъ, а вы всемѣрно стараться будете до оныхъ его отнюдь не допускать. Многіе опыты насъ удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ, ибо ни единое не совершилось событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою или соучастникомъ и соревнователемъ. Извѣстность таковая, да и давнее познаніе ваше свойствъ и качествъ его, долженствуетъ поставить васъ противъ него въ крайнюю осторожность. Посему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе съ такими токмо людьми, кои не могутъ быть подвержены подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причины отдалять отъ него не слѣдуетъ».

8-го января 1795 года, короля препроводили въ Гродно.

Здѣсь кончается наша исторія. Политическое существованіе Рѣчи-Посполитой прекратилось. Не стало ни верховной власти, ни министровъ, ни войска. Покоренная русскимъ оружіемъ польская территорія, за исключеніемъ провинцій уступленныхъ Пруссіи, сдѣлалась собственностью Россіи по праву завоевателя. Такъ-называемый третій раздѣлъ былъ собственно уступкою Пруссіи и Австріи, со стороны Россіи, части территоріи пріобрѣтенной.

Такъ пало государство, существовавшее около 1,000 лѣтъ, пало по непреложному нравственному историческому закону, по которому всякая нелогичность, всякая несовмѣстимость противныхъ началъ въ общественномъ строѣ производитъ внутреннюю болѣзнь, а послѣдняя, если не будутъ приняты противъ нея мѣры въ-пору, при развивающихъ ее обстоятельствахъ, скоро или поздно доводитъ весь общественный механизмъ до разрушенія. Въ нашемъ введеніи мы высказали, что коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать не въ явленіяхъ политической и общественной жизни по одиночкѣ, а въ томъ складѣ племенного характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ, мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія. Оттуда истекало и то замѣчательное отсутствіе политическаго благоразумія и то крайнее противорѣчіе, чѣмъ отличались поляки въ дѣлѣ устройства своего государства [1]).

[1]) Такъ въ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстіяхъ византійцевъ о предкахъ поляковъ, славянахъ VI вѣка, мы уже замѣчаемъ тѣ черты, какими отличались поляки XVII и XVIII вѣковъ. Какъ славяне VI вѣка, по описанію Прокопія и Маврикія, не хотѣли сложиться во что-нибудь похожее на государство, не терпѣли надъ собою единовластія, дорожа болѣе всего личною свободою, жили въ разбивку, черезъ что̀ и пріобрѣли отъ грековъ кличку—*споры* (отъ *σποράδην*—врознь), не ладили и безпрестанно ссорились между собою, такъ и потомки ихъ, польскіе паны и шляхтичи, хотя и доросли уже до потребности государства, но вѣрные правамъ прародителей, постоянно и болѣе всего заботились о томъ, чтобъ это государство какъ можно меньше напоминало имъ о своемъ бытіи; имѣли короля, но лишили его почти всякой власти, и ревниво ограждая свою частную свободу, безпрестанно боялись, чтобъ онъ какъ-нибудь не нашелъ путей къ усиленію, жили себѣ въ разбивку въ своихъ маетностяхъ и дворахъ, не любили городовъ, въ которыхъ скучиваться предоставляли жидамъ и нѣмцамъ, и ссорились между собою, подвигая цѣлыя околицы одна на другую, а когда сходились на свои сеймы, то вели совѣщанія также безтолково и нестройно, какъ ихъ прародители при Маврикіѣ на вѣчахъ. Тоже добродушіе, тоже гостепріимство и хлѣбосольство, что̀ такъ поражало въ славянахъ византійцевъ, является выпуклыми признаками характера и быта поляковъ XVIII вѣка. Какъ славяне VI вѣка, по извѣстіямъ византійцевъ, иногда поднимались, воодушевлялись, и предпринимали великіе подвиги, но никогда не доводили своего дѣла до конца, остывали и растрачивали свои силы на внутреннія безладицы, такъ и поляки въ XVIII вѣкѣ на своемъ четырехлѣтнемъ сеймѣ показали, что они способны вдругъ воодушевиться, зашумѣть,

Польша сложилась въ республику, поставила свободу знаменемъ своего политическаго бытія въ ряду европейскихъ державъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала и ревниво сохраняла у себя крайнее рабство, безпредѣльное униженіе человѣческаго достоинства. Отъ этого выходило, что поляки хотѣли быть свободными гражданами, а были только деспотами. Возможность деспотствовать— самая ужаснѣйшая нравственная отрава человѣка. Если въ частности и бывали такіе крѣпкіе Митридаты, что могли устоять противъ ея губительной силы, то цѣлое общество, вездѣ состоящее изъ большинства натуръ малосильныхъ, не можетъ ее выдержать. Она пріучаетъ человѣка къ праздности, умственной лѣни, къ неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, къ необузданнности страстей, къ жестокости, къ эгоизму, къ предпочтенію собственныхъ узкихъ интересовъ потребностямъ общаго блага. Униженія и страданія порабощенныхъ отомщаются деморализаціею поработителей. Но существованіе рабства въ государствѣ само по себѣ еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ-бы ни деморализовались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ,—уже черезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по неволѣ должны дѣйствовать за одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ, при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть еще достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ. Притомъ, самая верховная деспотическая власть, по своей натурѣ склонная поддерживать коснѣніе и невѣжество, иногда принуждена бываетъ измѣнять себѣ, когда въ сосѣднихъ краяхъ

накричать цѣлому свѣту о своихъ великихъ приготовленіяхъ и ничего не довести до конца, раздраживъ только тѣхъ, которыхъ опасались. Императоръ Маврикій совѣтовалъ своимъ дѣтямъ и государственнымъ мужамъ Византіи не бояться славянскихъ затѣй и пользуясь тѣмъ, что у славянъ всегда много головъ и всѣ между собою не ладятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ приласкать и подкупить и, такимъ образомъ, не допускать ихъ сойтись между собою и установить надъ собою единую верховную власть. Сосѣди Польши, въ XVIII вѣкѣ, конечно, не руководствовались этимъ наставленіемъ византійскаго государя, жившаго въ концѣ VI вѣка, а между тѣмъ буквально исполнили его надъ поляками своего времени. Во времена этого Маврикія, какъ разсказываютъ, явился къ грекамъ изъ аварскаго войска славянинъ, родомъ изъ прибалтійской славянщины. «У насъ въ землѣ, говорилъ онъ, нѣтъ оружія, мы не воюемъ, а все только поемъ и веселимся!» Какъ эти ляхи VI-го вѣка похожи были на своихъ потомковъ, тѣхъ шляхтичей, которые не терпѣли у себя въ странѣ собственной военной силы и, не ломая головы надъ политическими вопросами, пили свою неподражаемую старую водку и танцовали свою несравненную мазурку!

превосходство умственныхъ силъ надъ матеріальными покажетъ ей несостоятельность однихъ только матеріальныхъ въ случаѣ борьбы съ такими соперниками, которые обладаютъ еще силами и перваго рода. Тогда, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ самосохраненія, опасаясь столкновеній съ болѣе просвѣщенными и болѣе свободными странами, сами деспоты вводятъ у себя признаки иноземнаго устроенія, которые при дальнѣйшихъ благопріятствующихъ имъ условіяхъ, могутъ привести къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ въ общественномъ строѣ и въ умственномъ развитіи народа. Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, нé откуда было начаться благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Толпа правящихъ своею страною гражданъ не могла согласиться на счетъ средствъ возрожденія отечества, еще менѣе могла исполнить то, чтó нужно было для общаго блага, какъ скоро при этомъ должны были терпѣть частные интересы. Передовые люди, понимавшіе сущность обстоятельствъ лучше большинства, не имѣли для своихъ идей и дѣйствій точки опоры. Имъ приходилось бороться съ закоренѣлыми предразсудками и эгоистическими привычками этого большинства; понятно, что ихъ увѣщанія оставались голосомъ вопіющаго въ пустыни. Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но невозможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикою. Такимъ образомъ выходитъ, что Польшѣ вредило республиканское правленіе.

Но мы были бы крайне несправедливы, еслибы видѣли зло въ республикѣ самой по себѣ. Республиканскій строй общества, имѣющій идеаломъ свободу, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упадали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Въ Польшѣ оказывается тоже. Формы польской республики, какъ мы уже замѣчали, не были безусловно дурны, а во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно-бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улуч-

шеніемъ общества, и, главнымъ образомъ, питаемой существованіемъ у нихъ рабства. Республика, какъ лучшій образъ общественнаго устроенія, требуетъ для своего поддержанія того, что въ человѣческомъ существѣ есть наилучшаго — добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохраняя наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться.

Такимъ образомъ, не республиканскій строй Рѣчи-Посполитой съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой—привели это государство къ паденію; нелогичное чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стихій оказало на нее губительное дѣйствіе.

Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и изцѣлиться отъ своего развращенія. Видя явную опасность, угрожавшую государственной самостоятельности, поляки съ лихорадочнымъ движеніемъ схватились за дѣло преобразованія, но, протолковавши два съ половиною года, ничего не сдѣлали, хотя въ то время имъ никто не мѣшалъ. Современники, знавшіе общество того времени, сознавали, что еслибы они двадцатьпять лѣтъ разсуждали на сеймѣ, оставаясь съ прежними нравами, то изъ ихъ разсужденій все равно ничего бы не вышло. Кружокъ людей, старавшихся о томъ, чтобы отечество возродилось какъ можно скорѣе, придумали переворотъ 3 мая, который можно скорѣе назвать фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразованія. Несостоятельность этой, прославленной въ свое время, конституціи, кромѣ способа ея провозглашенія, высказалась и въ самой сущности ея содержанія. Она не устранила того губительнаго противорѣчія, которое разъѣдало Польшу. Съ одной стороны, значеніе короля хотя и было усилено, но не до такой степени, чтобы уничтожить республиканскую стихію и дать верховной власти возможность водворить въ странѣ подчиненіе единой волѣ. Конституція 3-го мая не установляла самодержавія, абсолютизма, какъ кричали ея противники; съ другой стороны, она не уничтожала и не искореняла изъ Польши рабства, а только напугала рабовладѣльцевъ опасеніями за будущее время. Пытались залечить видимыя раны общества, но корень болѣзни оставался почти нетронутымъ. Польша все-таки оставлена была во власти дворянства, деспотически господствующаго надъ громадою народа. Творцы конституціи не могли поступить иначе по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ находились, да отчасти и по собственнымъ привычкамъ. Поэтому-то

мы имѣемъ причину предполагать, что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ, по ходу вещей, обстоятельствъ, которыя обратили въ прахъ и майскую конституцію и вслѣдъ затѣмъ самую Рѣчь-Посполитую, Польша съ помощію этой конституціи не могла достигнуть возрожденія и разъѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію.

Гродненскій сеймъ, новое отпаденіе отъ Польши провинцій, еще большее, чѣмъ прежде, подчиненіе Россіи той части государства, которой оставили тѣнь самостоятельности, наконецъ презрительное обращеніе съ націею державъ, въ рукахъ которыхъ былъ ея жребій — все это пробудило остатокъ нравственно человѣческихъ чувствъ въ деморализованномъ обществѣ. Вспыхнуло возстаніе. На челѣ его явилась личность безукоризненно честная, благородная. Послѣдователь идей Франклина и Вашингтона, одинъ изъ сѣятелей новой свободы на дѣвственной почвѣ Америки, Костюшко былъ республиканецъ до костей; онъ не любилъ монархизма по принципу; онъ не выставилъ короля хотя бы даже значкомъ для своего возстанія, да притомъ и тогдашній король былъ такого рода, что не годился ему ни на что́. Ближайшая цѣль его была освободить отечество отъ иноземнаго нападенія; что́ съ отечествомъ должно быть въ случаѣ успѣха — Костюшко, повидимому, не задавался на счетъ этого никакими планами, а предоставлялъ все будущей волѣ освобожденнаго народа. Единственно, что́ онъ намѣтилъ впередъ для будущихъ реформъ, это—освобожденіе хлоповъ, выраженное въ универсалѣ 7-го мая. Этимъ какъ будто устранялась старая историческая нелогичность: Польша оставалась республикою, но уже безъ рабства. Мы высказали наше мнѣніе о несостоятельности этого распоряженія: оно не могло имѣть смысла окончательнаго закона, прежде, чѣмъ не было утверждено волею сейма; но сеймъ, составленный изъ рабовладѣльцевъ, по миновании опасности, безъ всякаго сомнѣнія, постарался бы поставить все на прежнюю ногу. Притомъ же въ универсалѣ самого Костюшки видна недоконченность; крестьяне, хотя и освобождались отъ рабства, хотя, кромѣ того, надѣлялись грунтами, однако не избавлялись совершенно отъ рабочихъ обязанностей къ бывшимъ владѣльцамъ, а это одно могло свести вопросъ съ фактической почвы на почву либеральной риторики. Было ли это въ Костюшкѣ слѣдствіемъ осторожности, или въ немъ, при его американскомъ перевоспитаніи, все еще высказывался полякъ и шляхтичъ, мы не беремся рѣшать, тѣмъ болѣе, что его универ-

салъ, во всякомъ случаѣ, относительно самый либеральный и самый человѣчный актъ польской исторіи, остался безслѣднымъ. Возстаніе, которое такъ энергически двигалъ полякъ-американецъ, не имѣло успѣха, не только отъ того, что не выдержало борьбы съ русскимъ оружіемъ, находившимся въ рукахъ геніальнаго Суворова, но и отъ того, что оно разбивалось о прежнюю заматерѣлую польскую деморализацію. Какъ ни возбудителенъ былъ для поляковъ постигшій ихъ ударъ, но въ одинъ годъ не могло общество сбросить съ себя вѣковыхъ пороковъ. Мы видѣли, какъ обычное мелочное предпочтеніе своихъ личныхъ выгодъ общей идеѣ безпрестанно высказывалось въ исторіи 1794 года, какъ много лжи и фальши было въ польскомъ патріотизмѣ, когда, при всеобщемъ воодушевленіи на словахъ, воины Костюшки были и наги и голодны, а масса простого народа, несмотря на всѣ воззванія военачальника, отнюдь не имѣла ни желанія, ни повода защищать бытіе Рѣчи-Посполитой. Даже съ болѣе правдивымъ патріотизмомъ у шляхты, и съ болѣе счастливыми обстоятельствами дѣло возстанія едва ли могло дойти до чего-нибудь прочнаго. Полякъ того времени, въ крайнемъ случаѣ, могъ возстановить только форму своего бывшаго государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма, безъ здороваго содержанія, при первомъ натискѣ противнаго вѣтра, опять подверглась бы распаденію.

Было бы неумѣстно вдаваться въ вопросъ о справедливости способа дѣйствій державъ, рѣшившихъ судьбу Польши въ концѣ XVIII-го вѣка. По причинѣ своего внутренняго разстройства, лишившись нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ самозащищенію отъ внѣшнихъ ударовъ, Польша стала жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соображаться съ законностью, изобрѣтенною только для подданныхъ и необязательною для властей. Въ политикѣ понятіе о справедливости чаще всего служило только для взаимнаго обмана и для приличія. Достаточнымъ считалось найти благовидный предлогъ для совершенія такихъ дѣлъ, которыя, безъ этого предлога, не рѣшались во всеуслышаніе назвать справедливыми. Коварство и насиліе были подпорою государственной безопасности. Одни другихъ упрекали въ коварствѣ, въ несправедливости, въ насиліи, а между тѣмъ не ставили въ вину себѣ того, въ чемъ обвиняли другихъ. Власти не заботились объ общественномъ благомнѣніи на счетъ своихъ поступковъ, а подчиненному имъ обществу не дозволяли думать иначе, какъ приказывали имъ сами. Массы народовъ переходили изъ-подъ одной

державы подъ другую, обязанныя питать чувства любви и преданности къ тѣмъ, кого прежде приказывали имъ считать врагами; министры рѣшали ихъ судьбу въ тайныхъ совѣщаніяхъ, не спрашивая ихъ согласія; возникали войны за принадлежность областей: разореніе постигало ничѣмъ невиновныхъ жителей спорныхъ земель, а сами эти жители не смѣли ни защищаться, ни возвышать за себя голоса; сила оружія передавала ихъ новымъ властямъ; ихъ подчиняли чуждымъ для нихъ законамъ и порядкамъ, жестоко угнетали и карали, когда они не въ силахъ были свыкнуться съ этими законами и порядками. Сокровища, собранныя кровавымъ потомъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, тратились, по прихоти властей, на опустошительныя войны, съ восхваляемою цѣлью расширенія и округленія границъ государства или возстановленія правъ, софистически вытянутыхъ изъ архивовъ дипломатіи и генеалогіи; сотни тысячъ здоровыхъ людей отрывались отъ семействъ и мирныхъ занятій, посылались на убой, и благодаря невѣжеству, въ которомъ власти старались держать народъ, не смѣли роптать, воображая себѣ, что въ самомъ дѣлѣ идутъ на смерть за правое и богоугодное дѣло; тайна покрывала замыслы и истинныя дѣянія власти, а толпѣ, въ утѣшеніе, бросали благообразную ложь; голосъ правды жестоко наказывался, какъ дерзкое нарушеніе общественнаго спокойствія, а куренія риторовъ, воспѣвавшихъ побѣды, пріобрѣтенія, мудрость и великодушіе властей, назначались служить катихизисомъ, утверждавшимъ въ умахъ и сердцахъ слѣпоту и обольщеніе. При господствѣ такой политики, слабымъ государствамъ не было другой гарантіи отъ алчности и властолюбія сильныхъ, кромѣ взаимной ихъ зависти другъ къ другу. Пока сильные не могли сойтись на счетъ слабыхъ или, будучи заняты другимъ, не имѣли на нихъ поползновенія, слабые были безопасны; но какъ только сильные между собою поладятъ, слабые могли безнаказанно подвергнуться такимъ перемѣнамъ, какихъ не желали. Переходъ мелкихъ государствъ и областей изъ рукъ въ руки и передѣлы ихъ были обычнымъ явленіемъ при договорахъ, заканчивавшихъ войны, въ которыя втягивались иногда всѣ европейскія государства. Польша, слабое и беззащитное государство (хотя имѣвшее всѣ условія для того, чтобъ быть могучею державою) долго спасалась отъ гибели только потому, что сосѣди не могли скоро подѣлиться ею. Но обстоятельства, наконецъ, поставили ихъ въ необходимость согласить свои стремленія, и Польша попала подъ колесо неумолимой политики, не знавшей другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ коварства и насилія.

Можно ли обвинять за то державы, слѣдовавшія такой поли-

тикѣ? Конечно, нѣтъ. Когда государства сформировались и возросли при помощи коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червонную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ великое княжество Литовское? Развѣ поляки спрашивали объ этомъ желанія у массы русскаго народа, когда считали его своимъ достояніемъ на томъ основаніи, что когда-то насильно владѣвшій русскимъ народомъ литовскій князь женился на польской королевѣ, а впослѣдствіи его потомки выбирались въ польскіе короли, и наконецъ, при одномъ изъ нихъ, поляки успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ аристократовъ, другихъ обмануть, третьихъ напугать и, такимъ образомъ, написать на пергаменѣ договоръ литовскаго и русскаго народовъ съ польскимъ, тогда какъ эти народы и не знали и не думали объ этомъ пергаменѣ? Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковою святынею? Народъ этотъ бунтовалъ, а его сажали на колья и жгли. Все это развѣ не коварство, не насиліе? Овладѣніе Москвою посредствомъ плутовъ, называвшихся чужими именами, развѣ не коварство, не насиліе? Не чужда была сама Польша тѣхъ способовъ, которые въ свое время стерли ее съ карты Европы. И ни одно государство не было чуждо ихъ; и какъ бы ни умягчались политическія формы—коварство и насиліе всегда останутся необходимыми въ государственныхъ отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока люди не додумаются устроить свои политическія общества на иныхъ началахъ.

Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патріотическаго самообольщенія, скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, пріобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ относительно. Екатерина возвращала своему государству то, что принадлежало ему на основаніи не однихъ династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а—вѣковой, живой народной связи. Что масса русскаго народа, находившагося подъ властью Польши, униженнаго, порабощеннаго и состоявшаго въ послѣднее время изъ одного низшаго класса, желала соединенія съ Россіею—это не подлежитъ сомнѣнію. Вѣка проходили, а желаніе это не остывало. Въ XVII-мъ вѣкѣ, южная Русь отдалась добровольно русскому государству, народъ ея проливалъ потоки собственной крови, ненавидя Польшу, не желая быть съ нею въ соединеніи, и между тѣмъ сама Россія насильно возвращала его Польшѣ. При

Екатеринѣ, едва только вновь блеснула надежда на соединеніе съ Россіею, народъ заявлялъ это желаніе самымъ очевиднымъ образомъ: современные поляки хоромъ твердили объ этомъ. Такимъ образомъ, Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало. Вотъ здѣсь-то и правота Россіи. Между тѣмъ Россія не поставила этой правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ настолько, насколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; сбылись завѣтныя желанія многихъ поколѣній, и какъ страшно былъ обманутъ, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія; и долго, долго суждено было ему терпѣть прежнюю долю. А какова была эта доля—пусть онъ самъ скажетъ намъ свою исторію. Вотъ народная пѣсня, записанная нами на Волыни [1]):

«Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни отецъ за сына! Живутъ люди, живутъ люди, живутъ слободою; идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ доч-

[1]) Наступила чорна хмара—настала щей сива:
Була Польща, була Польща, та стала Россія;
Синъ за батька не одбуде, а батько за сина!
Живуть люде, живуть люде, живуть слободою;
Иде мати на ланъ жати разомъ изъ дочкою.
Прийшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже
И святая неділонька, велика госпоже!
Сіли жъ вони обідати — гіркій нашъ обіде!
Оглянуться назадъ себе, ажъ окомонъ иде.
Пріхавъ вінъ до ланочка, нагай распускае:
— Ой чомъ же васъ, вражихъ людей, по-трое не мае!!!
Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти та бити:
— Ой чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, снопівъ не носити?
А въ нашого окомона червоная шапка;
Якъ приде до панщини — скаче якъ та жабка.
А въ нашого окомона шовкові онучи;
Плачуть плачуть бідні люде изъ панщини йдучи.
Пооблазили воламъ шиі біднимъ людямъ руки...
Ой ярини по півтори, а зимени копу.
Треба стати поправитись, хочъ якому хлопу,
Змолотити и звіяти и въ шпихліръ собрати,
А въ вечері по вечері та на варту стати.

кой; пришли онѣ на нивушку: помогай намъ, Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ,—экономъ идетъ. Пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: Отъ чего же васъ, вражьихъ людей, не трое?! И началъ экономъ ругаться, да драться: Зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не носите?! А у нашего эконома красная шапка; а пріѣдетъ онъ на барщину, такъ скачетъ, какъ жаба. А у нашего эконома шелковая обувь; плачутъ, плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери-молъ ярового хлѣба полторы копы, а озимаго — копу! Хоть какому мужику впору — все вымолотить, вывѣять и въ анбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавъ, въ караулъ ступай! Пошли они въ шинокъ — дай, шинкарка, кварту; выпьемъ съ горя по стакану, а потомъ и въ караулъ! Ходитъ попъ по церкви, да книжку читаетъ: Отъ чего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?! Какъ же намъ, батюшка, въ церковь-то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить»!

Вотъ гдѣ настоящая исторія, правдивая исторія народной жизни, которая катилась незамѣтно для профессоровъ, академиковъ, членовъ историческихъ обществъ, исторія, совсѣмъ несогласная съ тѣмъ, чтó мы слыхивали отъ нашихъ піитъ, риторовъ, педагоговъ. Намъ воспѣвали торжество вѣрнаго росса надъ кичливымъ ляхомъ, а русскій народъ пѣлъ о томъ, какъ кичливый ляхъ-экономъ билъ вѣрнаго росса-хлопа нагайками; намъ восхваляли мудрость, человѣколюбіе и попечительность нашихъ властей въ такое-то и такое время, а народъ пѣлъ, что отъ тяжкой, чужой невольной работы, при горькомъ обѣдѣ, у него облѣзла на рукахъ кожа, а у его воловъ стерлась шерсть на шеѣ отъ неснимаемаго ярма; въ насъ возбуждали патріотическое умиленіе при мысли о томъ, что русскій народъ, долго находившійся подъ гнетомъ Польши, возсоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ къ великой его радости, а этотъ русскій народъ говорилъ, что для него все равно—Россія ли или Польша, словно двѣ тучи: «одна черная, другая сизая», солнце же для него еще не показывалось; насъ въ школахъ заставляли содрогаться при описаніяхъ гоненій и поруганій, какія чинили поляки надъ

Прийшли вони до шинкарки — дай, шинкарко, кварту;
Випьемъ зъ жалю по стакану, тай станемъ на варту!
Ходить попокъ по церковці, у книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добрихъ людей, у церкві не мае?
— Ой якъ же намъ, добродію, у церкву ходити,
Одъ неділі до неділі кажуть молотити!

православною вѣрою, а народъ, въ своихъ пѣсняхъ, никому, кромѣ его, невѣдомыхъ и непонятныхъ, заявлялъ о томъ, что и теперь православныя церкви стоятъ пустыми, потому что паныляхи гонятъ его на работу въ воскресные дни. Такъ дѣлалось почти семьдесятъ лѣтъ въ имперіи, которая считалась русскою, православною и гордилась своею силою. Рѣчь-Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытаясь поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо сгнившаго, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многовѣковой споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь-Посполитая.

Великое призваніе лежитъ на Россіи по отношенію къ этому народу. Избавившись, наконецъ, отъ постыднаго *ляхскаго* ярма, онъ долженъ теперь получить просвѣщеніе, и тогда русскій историкъ вполнѣ будетъ имѣть право сказать, что паденіе Рѣчи-Посполитой отозвалось, хотя не въ близкомъ поколѣніи, благодѣтельными послѣдствіями для русскаго народа.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Источники . 1

ВВЕДЕНІЕ.

I. Русь и Польша.—Историческая борьба изъ-за владѣнія 13
II. Народный характеръ польскій.— Польша древнихъ временъ.—Золотой вѣкъ.—Введеніе іезуитовъ. 25
III. Періодъ упадка. — Монашеское воспитаніе. — Жизнь въ Польшѣ. — Дворская служба — Палестра. — Войско. — Сеймики — Пьянство и кутежи . 46
IV. Избраніе Станислава Понятовскаго.—Диссидентское дѣло.—Барская конфедерація.—Покушеніе на короля.—Первый раздѣлъ Польши. . 76
V. Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи. — Ходъ воспитанія. — Неудачный проектъ Андрея Замойскаго 120
VI. Оппозиція противъ короля.—Процессъ Угромовой. - Сеймъ 1786 г. . 136

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Путешествіе Екатерины на югъ — Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ.—Проектъ союза Польши съ Россіею . . 146
II. Положеніе и виды Пруссіи.—Партіи въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.— Приготовленія къ сейму.—Избраніе маршала. 162
III. Открытіе сейма.—Прусскія внушенія.—Увеличеніе войска.—Уничтоженіе военнаго департамента.—Учрежденіе военной коммиссіи. . . 172
IV. Архіерей Викторъ Садковскій. — Усиленіе православія — Страхъ крестьянскихъ бунтовъ. — Казни и преслѣдованія. — Арестованіе Садковскаго.—Нота Штакельберга 198
V. Виды Россіи.—Процессъ Понинскаго.—Его побѣгъ.—Конституціонная депутація.—Исканіе финансовыхъ средствъ.—Просьба городовъ. 222
VI. Маркизъ Люккезини.—Первыя основы будущей конституціи. . . . 233

Стр.

VII. Сеймъ въ 1790 году. Финансовыя затрудненія. — Политическій договоръ съ Пруссіею. — Толки объ уступкѣ Гданска и Торуня. — Недоразумѣнія Пруссіи съ Австріею. — Письмо прусскаго короля къ польскому.—Рейхенбахская конференція.—Новые толки объ уступкѣ Гданска и Торуня. — Законъ о запрещеніи предлагать уступки. — Судьба Понинскаго.— Отозваніе Штакельберга. — Булгаковъ. — Виды Россіи. — Вопросъ о наслѣдственности. — Обращеніе къ народу. — Временное закрытіе сейма 238

VIII. Варшавское общество и нравы во время сейма 266

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Сеймики 1790-го года. — Открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ. — Пьеса Нѣмцевича. — Возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ . 286

II. Устройство сеймовъ.—Мѣщанское дѣло.—Городской уставъ 302

III. Приготовленія къ перевороту.—День 3-го мая.—Провозглашеніе конституціи.—Торжество въ Варшавѣ 311

IV. Поведеніе иностранныхъ посланниковъ.—Намѣренія Екатерины II.— Отношенія къ Пруссіи. — Черты варшавскаго общества. — Протестація Щенснаго Потоцкаго 351

V. Дѣятельность сейма 1791 года.—Лимита сейма.—Разгулъ въ Польшѣ — Осторожность Булгакова 362

VI. Волненія въ Польшѣ 368

VII. Возобновленіе дѣятельности сейма. — Соединеніе казначействъ. — Дѣло о староствахъ.—Преобразованіе судовъ 375

VIII. Дѣло о Щенскомъ Потоцкомъ и Ржевускомъ. — Ихъ осужденіе. — Отъѣздъ Браницкаго 382

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою, по польскимъ дѣламъ . 390

II. Веселье въ Польшѣ.—Сеймики.—Самоувѣренность поляковъ.—Поведеніе Люккезини въ 1792 году.—Булгаковъ подбираетъ партію.—Зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ. — Отказъ саксонскаго князя-избирателя.—Воинственныя постановленія сейма 404

III. Празднество годовщины 3-го мая. — Поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ. — Виды поляковъ. — Приготовленія къ оборонѣ . 423

IV. Объявленіе деклараціи Екатерины. — Впечатлѣніе ея на поляковъ.— Послѣднія распоряженія и закрытіе сейма.—Воззваніе къ народу.— Отвѣтъ на декларацію 437

V. Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ. — Посольство Потоцкаго.—Собственныя средства обороны у поляковъ 448

VI. Вступленіе русскаго войска.—Тарговицкая конфедерація 463

VII. Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году 478

Стр.

VIII. Финансовыя затрудненія.—Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ.—Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея.—Король приступаетъ къ конфедераціи.—Бѣгство патріотовъ.—Впечатлѣніе событій . 494

IX. Господство конфедераціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленія конфедераціи.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская нота.—Тревога конфедераціи 513

X. Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши. — Делегація въ Петербургѣ.—Тревога конфедераціи 528

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Отозваніе Булгакова.—Назначеніе Сиверса.—Игельстромъ.—Прибытіе Сиверса. — Обращеніе Сиверса съ королемъ. — Его выѣздъ въ Гродно . 538

II. Сиверсъ въ Гродно.—Приготовленія.—Отъѣздъ короля изъ Варшавы въ Гродно.—Декларація россійской императрицы и прусскаго короля о второмъ раздѣлѣ. — Король въ Бѣлостокѣ. — Протестаціи Ржевускаго и Валевскаго.—Ноты Сиверса.—Возобновленіе постояннаго совѣта.—Прибытіе короля въ Гродно.—Универсалъ о созваніи сейма.

III. Мѣры Сиверса къ устройству сейма.—Открытіе гродненскаго сейма 581

IV. Дѣло о назначеніи для подписи договора съ Россіей.—Увертки сейма.—Энергическія мѣры Сиверса.—Назначеніе делегаціи.—Уступка Россіи земель . 590

V. Дѣло съ Пруссіею. — Споры о назначеніи депутаціи для совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ. — Упрямство и увертки сеймовыхъ пословъ.—Твердость Сиверса.—Назначеніе депутаціи 620

VI. Недоразумѣнія съ Бухгольцемъ. — Арестованіе четырехъ пословъ.—Сиверсъ окружаетъ Избу войскомъ.—Нѣмое засѣданіе.—Трактатъ съ Пруссіею. 657

VII. Послѣднія работы сейма.— Союзный трактатъ съ Россіею. — Неудовольствіе Екатерины II.—Возвращеніе короля въ Варшаву, и новый характеръ его власти . 679

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. Молодость Костюшки. — Очеркъ его предшествовавшей дѣятельности. — Зачатки возстанія 691

II. Игельстромъ.—Мѣры въ Варшавѣ.—Возстаніе Мадалинскаго.—Прибытіе Костюшки въ Краковъ.—Актъ повстанья.—Декларація Игельстрома.—Битва подъ Рацвалицами.—Успѣхъ Костюшки.—Волненіе въ Варшавѣ.—Мѣры русскихъ къ оборонѣ 701

III. Янъ Калинскій.—Приготовленія къ варшавской революціи 715

IV. Дни 17-го и 18-го апрѣля.—Изгнаніе русскихъ изъ Варшавы.—Возстаніе въ Вильнѣ.—Казнь Коссаковскаго 726

Стр.

V. Воодушевленіе поляковъ и ихъ надежды.—Распоряженія объ укрѣпленіи Варшавы. — Уголовный судъ и индигаціонная коммиссія. — Распространеніе возстанія на простой народъ. — Универсалъ Костюшки объ освобожденіи народа 751

VI. Аресты.—Волненія въ Варшавѣ.—Казнь Ожаровскаго, Коссаковскаго, Анквича и Забѣллы.—Организація военно-полицейской силы въ Варшавѣ.—Волненіе противъ диссидентовъ.—Образованіе высочайшаго совѣта . 765

VII. Мѣры высочайшаго совѣта къ поддержанію революціи.—Финансовыя распоряженія.—Универсалъ къ православному духовенству.—Битва подъ Щекоцинами.—Пораженіе Заіончека подъ Холмомъ.—Взятіе русскими Люблина.—Взятіе пруссаками Кракова.—Волненія и казни въ Варшавѣ.—Вступленіе австрійцевъ.—Охлажденіе къ повстанью . 773

VIII. Битва у Голкова. — Костюшко подъ Варшавою. — Осада Варшавы прусскимъ королемъ. — Печальное положеніе польскаго войска. — Недостатокъ средствъ.—Новый уголовный судъ.—Отступленіе пруссаковъ . 791

IX. Возстаніе въ Великой Польшѣ. — Взятіе русскими Вильны. — Дальнѣйшее охлажденіе къ возстанію 802

X. Суворовъ.—Обезоруженіе польскихъ войскъ въ южной Руси.—Пораженіе Сѣраковскаго подъ Брестомъ. — Битва подъ Мацѣіовицами.—Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Костюшки — Впечатлѣніе этого событія . 812

XI. Вавржецкій избранъ главнокомандующимъ. — Мѣры обороны. — Укрѣпленіе Праги. — Пораженіе поляковъ подъ Кобылкою.—Волненія въ Варшавѣ. 827

XII. Суворовъ подъ Прагою.—Штурмъ Праги.—Капитуляція Варшавы . 838

Библиотека им. Л. Н. Толстого

По изданію „Вѣстника Европы“, 1869, 1870 гг.

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Poslědnye gody Rěči-Pospolitoj Istoričeskaja monografija

S.-Peterburg 1870

Polon. 127 e

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10779067-9